
БОЛЬШИЕ ФФ КНИГИ
Генри Каттнер
ВРЕМЯ, НАЗАД!
и другие невероятные рассказы
АЗБУКА

«Время, назад!» и другие невероятные рассказы

Генри Каттнер, Кэтрин Л. Мур

Аннотация
Генри Каттнер. «Время, назад!» и другие невероятные рассказы
Генри Каттнер
Бог по имени Кру
1. Боги тоже смертны
2. Чудо Кру
3. Японские обычаи
4. Лучше не рисковать
5. Предоставим это Кру
6. Кру применяет силу
7. Нерешительные японцы
8. Покровительство Кру
9. Лживый жрец
10. Награда воина
Исцеление
Тарабарщина
Забери меня домой
Спасайся кто может!
Сплошная иллюзия
Допуск на ошибку

Увольнение в детство
1. Джерри перекинулся
2. Младенцу надо выпить
3. Шаловливые ручонки
4. Грубая сила
Мы вернемся
1
2
3
4
5
Проект
Кристаллическая Цирцея
Пролог
1. Звездный камень
2. Соблазн Кристалла
3. Поющие кристаллы
4. Бессмертная Цирцея
5. Кристаллический народ
Эпилог
Читатель, я тебя ненавижу!
Секрет, которого нет
Все решает этика
Труба в никуда
Мы убиваем людей
Путь богов

1. Новые миры
2. Свои
3. Грядет опасность
4. Злонравная Гора
5. Погоня
6. Предательство
7. Схватка
Время, назад!
1. Часы с голубой эмалью
2. Опять двадцать пять
3. Грабеж!
4. Время потерпеть…
5. …И терпение повременить
6. Подчистка прошлого
7. Поднять якоря!
8. Управляемый снаряд
Детский час
Пробуждение
Сценарий для сна
Слуга
1. Глаз
2. Новая опасность
3. Живое озеро
4. Голос озера
Одиссея Иггара Трольга
1

2
3
4
Здесь мир умолк в покое...
Кэтрин Мур
По улице Райской
Земля обетованная
Шифр
Прямой наследник
Прекрасней женщины
Плод познания
Даэмон

Аннотация

Генри Каттнер, публиковавшийся не только под своей настоящей фамилией, но и под доброй дюжиной псевдонимов, считается одним из четырех или пяти ведущих американских фантастов 1940-х. Легендарные жанровые журналы, такие как «Future», «Thrilling Wonder», «Planet Stories» и «Weird Tales», более чем охотно принимали произведения, написанные им самостоятельно или в соавторстве с женой, известным мастером фантастики и фэнтези Кэтрин Люсиль Мур; бывало, что целый выпуск журнала отводился для творчества Каттнера. Почти все, созданное этим автором, имеет оттенок гениальности, но особенно удавалась ему «малая литературная форма»: рассказы о мутантах Хогбенах, о чудаковатом изобретателе Гэллегере и многие другие, сдобренные неподражаемым юмором, нескольким поколениям читателей привили стойкую любовь к фантастике.

Почти все произведения, вошедшие в этот сборник, публикуются на русском языке

впервые или в новом переводе. Повести «Бог по имени Кру» и «Детский час» удостоены премии «Хьюго».

Генри Каттнер
«Время, назад!» и другие невероятные рассказы

Henry Kuttner and C. L. Moore
A GOD NAMED KROO © Henry Kuttner, 1944
THE CURE © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1946
NOTHING BUT GINGERBREAD LEFT © Henry Kuttner, 1943
CARRY ME HOME © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1950
THE SKY IS FALLING © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1950
ALL IS ILLUSION © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1940
MARGIN FOR ERROR © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1947
BABY FACE © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1945
WE SHALL COME BACK © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1951
PROJECT © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1947
THE CRYSTAL CIRCE © Henry Kuttner, 1942
READER, I HATE YOU! © Henry Kuttner, 1943
OPEN SECRET © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1943
PROBLEM IN ETHICS © Henry Kuttner, 1943
TUBE TO NOWHERE © Henry Kuttner, 1941
WE KILL PEOPLE © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1946
WAY OF THE GODS © Henry Kuttner, 1947

AS YOU WERE © Henry Kuttner, 1950
THE CHILDREN'S HOUR © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1944
DREAM'S END © Henry Kuttner, 1947
DESIGN FOR DREAMING © Henry Kuttner, 1942
ATOMIC! © Henry Kuttner, 1947
THE ODYSSEY OF YIGGAR THROLG © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1951
WHERE THE WORLD IS QUIET © Henry Kuttner, 1954
PARADISE STREET © C. L. Moore, 1950
PROMISED LAND © C. L. Moore, 1950
THE CODE © C. L. Moore, 1945
HEIR APPARENT © C. L. Moore, 1950
NO WOMAN BORN © C. L. Moore, 1944
FRUIT OF KNOWLEDGE © C. L. Moore, 1940
DAEMON © C. L. Moore, 1946
© Т. И. Алёхова, перевод, 2022
© Н. Л. Губина, перевод, 2022
© Б. М. Жужунава (наследники), перевод, 2022
© А. С. Киланова, перевод, 2022
© Е. В. Кисленкова, перевод, 2022
© Г. Л. Корчагин, перевод, 2022
© В. О. Михайлова, перевод, 2022
© Ю. Ю. Павлов, перевод, 2022
© К. П. Плешков, перевод, 2022

© А. С. Полошак, перевод, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство Азбука®
Оформление обложки Егора Саламашенко

* * *

Генри Каттнер

Бог по имени Кру

То были не храмы, но священные места, полные идолов и изваяний. Все живые существа, обитавшие там или даже забредшие туда случайно, были неприкосновенны и становились собственностью бога…

Соломон Рейнак. Орфей, или Всеобщая история религий

1. Боги тоже смертны

Погруженный в тягостные размышления, Кру смотрел на яка.

За десять лет он успел не только привязаться к животному, но и по-отечески полюбить его, все равно как если б великие боги питали чувства к своим поклонникам. Но у Кру больше не было поклонников. Последние из них умерли полвека назад, а сын его стал буддистом. Кру превратился в бога без верующих — что само по себе печально.

Впрочем, в этом не было ничего необычного.

Мардук и Аллат вавилонские, Ормазд и Осирис тихо скончались, как и большинство отвергнутых богов, которые предпочли неизвестность забвению. Да, они были умнее, чем Кру — мелкое племенное божество из Гималаев, наивное и неопытное.

Будучи порождением невежественных крестьянских умов, он во всех отношениях походил на своих родителей. Когда-то ему приносили кровавые жертвы — теперь же местные жители избегали заросшего сорняками храмового двора на окраине селения. Они до сих пор слегка побаивались Кру и его зловещих способностей и потому не пытались разрушить его дом. Они просто его игнорировали, что было еще хуже. Никто не заходил туда уже многие годы. Никто, кроме яка.

Як ничего об этом не знал. Бродя однажды ночью в поисках травы, он оборвал веревку и вломился через полуразвалившуюся ограду во двор, где утром и обнаружили его пронырливые селяне. Кру до сих пор помнил их хитрые физиономии, уставившиеся на яка.

— Зови его назад, быстрее, — сказал кто-то. — Дхо-ни ничего не узнает.

При столь вероломных словах Кру затрясся от

ярости. Нечестивый наглец! Да никак он решил похитить собственность богов? Ну что ж…

Уже готовый совершить нечто ужасное, Кру замер, увидев приближающегося Дхо-ни, престарелого ламу в грубой синей мантии, высохшего словно мумия. Тот сразу же все понял.

— Назад! — проквакал он. — Як теперь принадлежит Кру.

Лама вошел в храмовый двор.

— Но он мой, — возразил мрачный худой селянин. — Мне без него никуда. Как я…

— Замолчи. Ты сам виноват, что позволил животному уйти. Теперь оно принадлежит Кру, и оно священно.

Вспомнив об этом, Кру позволил себе улыбнуться. Дхо-ни был, конечно, религиозным фанатиком, но традиции уважал. Так что як остался у Кру и теперь неуклюже бродил по двору, словно косматый стог коричневой соломы, выбирая подходящее место, где бы прилечь. Наконец он остановился и, осторожно подгибая задние ноги, со вздохом медленно опустил свою гигантскую тушу на землю. Як пережевывал жвачку. Кру усмехнулся.

Другие боги, возможно, и были смертны — слабые, безвольные божества, — но не Кру. Будучи

представителем крепкого крестьянского рода, он обладал многими достоинствами, и главным из них было упорство.

Но ему не давали покоя мысли о помпезности и роскоши дворов Вавилона и Ниппура, о величественном храме Карнака, о тысячах алтарей, где поклонялись другим богам. Настоящие алтари — а не кусок изъеденного временем камня, с которого исчезли последние следы крови. Кру чувствовал слабость и понимал, что это означает.

Он старел. Он угасал. Уже пятьдесят лет он медленно умирал от голода, лишенный необходимой пищи в виде молитв, жертв и веры. Селяне на самом деле больше в него не верили. Они просто ему не доверяли, немного боялись и предпочитали не рисковать.

Если Кру не найдет себе поклонников, и как можно скорее, — он умрет.

Он был слишком молод для того, чтобы умирать. Почти ведь и не жил по-настоящему! На мгновение он ощутил слепую зависть к богам намного более великим, чем он, творившим чудеса, которые повергали тысячи, миллионы людей в ужас. Кру тоже мог творить чудеса, но для строго ограниченного круга. Он крайне нуж-

дался в служителе. В верховном жреце. Если бы хоть кто-то из селян забрел на храмовый двор… но на подобное можно было не рассчитывать. Никаких шансов.

Кру поднял лохматую голову и прислушался. Из-за ограды доносились голоса. Группа крестьян о чем-то оживленно спорила с… с белым человеком! Божественный взгляд упал на худое, жесткое лицо с плотно сжатыми губами и холодными голубыми глазами, пылавшими гневом. Кру снова прислушался.

— Мне нужен як, — заявил белый. — Мы потеряли двух во время лавины, и остальные наши животные почти полностью обессилели.

— Почему бы не оставить часть своего добра? — последовало наивное предложение.

— Моего добра? Гм… Мне потребовалось шесть месяцев, чтобы собрать все, что я хотел, ценой немалых лишений, и я забираю его с собой, целиком. Черт побери, почему бы вам не продать мне этого яка? Или хотя бы сдать внаем. Я пришлю его назад, как только доберусь до реки.

— Дхо-ни нет. Он отправился в путешествие.

— Когда он вернется?

— Кто знает? Возможно, через много лун.

Зазвенели деньги. Селяне зашевелились, пуг-

ливо переглядываясь. В конце концов, Дхо-ни был далеко, а золото есть золото.

Но традиция восторжествовала.

— Нет, пелинг[1]. Он не продается.

Белый бросил на землю горсть монет:

— Я покупаю его. Мне нужен як. И я намерен его получить.

Он повернулся и направился в храмовый двор. Селяне не двинулись с места. А Кру, который сидел на корточках, напряженно наклонившись вперед и затаив дыхание, улыбнулся, когда доктор Гораций Дентон вошел за ограду.

На следующий день белый человек и его отряд отправились на восток, а потом на юг, в сторону Индии. Хотя Дентон никогда прежде не бывал в этих краях, он безоговорочно доверял проводнику-туземцу, успевшему высоко себя зарекомендовать.

Джиенг походил скорее на мартышку, не заслуживающую никакого доверия, но он бывал во Лхасе, Запретном городе, и много лет водил экспедиции туда и обратно. Все его имущество составляли кожаная рубаха и острый кривой кинжал-кукри в деревянных ножнах, а ноги

---

[1] Notes: 1
Местное название чужеземцев.

были покрыты густыми волосами — в отличие от лица.

Путешественники шли среди гималайских вершин, преодолевая ущелья, спускаясь по опасным тропам, проклиная яка, когда он становился чересчур упрям, и не замечая, что за ними следует небольшая черная грозовая туча.

Мысли Дентона были заняты совсем другим. Вместе с экспедицией он провел почти два года вдали от людей, но теперь мог вернуться в Америку, выполнив задание, которое дал ему музей. Будет весьма отрадно снова увидеть Нью-Йорк. И отдохнуть недельку-другую на Гавайях.

Лишенный доступа к какой-либо информации, доктор Дентон раздумывал о том, как идет война в Европе. Что ж, скоро ему представится возможность узнать новости в ближайшем селении, которое могло похвастать наличием радиоприемника. Слухи, доходившие вглубь Тибета, были редки и разрозненны. Дентона посещали неясные мысли о том, отказались ли уже японцы от надежд завоевать Китай. Он полагал, что это так, и, будучи человеком логичным, не считал разумной бессмысленную трату времени и сил. Так или иначе, это вряд ли могло как-то его коснуться, если только он случайно не окажется в

зоне военных действий. Следовало позаботиться о том, чтобы не потерять собранные образцы, ценность которых было сложно переоценить.

Ничего удивительного, что Дентона потрясло внезапное чудо с яком.

Обычный як — или, как его именуют педанты, *poephagus grunniens* — представляет собой гигантское лохматое мускулистое создание, напоминающее движущуюся гору. При виде подобного животного, вперевалку шагающего по горной тропе, уже становится не по себе. А уж при виде летающего яка…

Все случилось за несколько мгновений на извилистой тропе, опасно спускавшейся вдоль края глубокой пропасти. Отряд шел гуськом, осторожно нащупывая дорогу, когда вдруг прямо из-под носа шедшего впереди яка выпрыгнул маленький белый зверек, вероятно кролик. Як издал хриплый испуганный рев, застучал копытами и сорвался в пропасть, увлекая за собой груду камней и другого яка, которого Дентон купил в тибетском селении. Мертвую тишину высокогорья нарушил грохот небольшой лавины.

Дентон наблюдал за происходящим, инстинктивно вжавшись в скалу за спиной. Первый як продолжал падать. Падали и камни. Но второй

як рухнул лишь на сотню футов, а потом застыл неподвижно, повиснув в воздухе бесформенной темной массой. И вдруг на глазах у ошеломленного Дентона он начал подниматься.

Як поднимался до тех пор, пока не оказался на уровне тропы, чуть выше ее. Животное висело вверх копытами, печально уставившись на Дентона. Неожиданно оно перевернулось в воздухе, скользнуло в сторону и, опустившись на дюйм или два, вновь надежно приземлилось на ноги.

Негромкий всплеск сообщил о печальной судьбе второго яка, который, увы, не находился под защитой Кру.

Среди туземцев поднялся ропот. Джиенг успокоил их, взмахнув блеснувшим на солнце кинжалом, и выжидающе посмотрел на Дентона.

Доктор дал знак идти дальше. Сказать ему на самом деле было нечего. Да и что тут скажешь, когда случилось невозможное?

Однако тревога не оставляла Дентона. Когда на закате разбили лагерь, он подозвал Джиенга к маленькому костру из кизяка. Туземец присел на корточки и заговорил на своем языке, которым Дентон прекрасно владел.

— Джиенг, ты видел, что произошло с яком?

— Пранам, — последовал слегка неуместный

ответ. — Магия, конечно.

— Мы на Западе не верим в магию.

— Многие не верят, — философски заметил Джиенг. — Даже праведники, знающие множество мантр, втайне сомневаются. Я думал, господин, что этот як — изменивший внешность маг или даже бог. Но когда я стал задавать ему вопросы, он не ответил. И все же…

Дентон показал на тучу, закрывавшую несколько звезд, и спросил:

— Ты… заметил?

— Конечно. Грозовая туча, хотя и небольшая. Она следует за нами с тех пор, как мы покинули то селение. — Джиенг пожал плечами. — Я невежественный человек, пелинг, и мало в этом разбираюсь. Возможно, ты стал воплощением Будды или Гомбо-ламой.

— Чушь, — скептически фыркнул Дентон.

— Может, и чушь. Но когда умирает воплощение Будды, его душа немедленно переходит в тело новорожденного младенца.

— Ну так я же не новорожденный младенец. Кстати, Джиенг, почему сегодня ты выставил охрану?

— О нашем присутствии уже с полудня сообщают вражеские племена. Я их слышал.

Дентон знал, насколько острый у Джиенга слух.

— По-твоему, есть опасность?

— Возможно. Я вооружил своих. Но они трусы, господин, и боятся сражаться с горцами.

— И что? Нам следует свернуть лагерь и идти дальше?

— Да не допустят подобного духи! Горцы только этого и ждут, чтобы прикончить нас поодиночке.

На обезьяньей физиономии Джиенга не отражалось никаких эмоций, как будто происходящее совершенно его не волновало.

— Что ж, я поклоняюсь Кали. Если умру, Кали успокоит мою душу. Она могущественная богиня. Ай-и! Что это?

Дентон посмотрел на небо, на котором не было ни облачка, не считая маленького черного пятнышка.

— Гром. Странно.

Джиенг скорчился у костра, похожий на бесформенный кожаный сверток.

— Не стану вновь упоминать ее имя. Думаю, это еще один дар богов, и, клянусь памятью предков, я ко всему отношусь терпимо.

— Ладно. Вернемся к… к тому, что случилось

сегодня. Что об этом думают твои люди?

— Кто знает? Они лишь кланяются яку, когда он проходит мимо. О-о! Хватай оружие, быстро! Эти псы напали на нас!

В окружавшей лагерь темноте раздались крики. Лунный свет был слишком тусклым, чтобы хоть что-то разглядеть, и все же Дентон вскочил, выхватив револьвер. В предстоящей драке от него было куда больше толку, чем от ружья.

То и дело раздавались вопли, напоминавшие завывание волков. Иногда Дентон замечал промелькнувший черный силуэт, после чего в землю возле костра вонзалось копье. Джиенг что-то кричал столпившимся вокруг туземцам. Внезапно они бросили ружья и упали ниц, видимо решив, что сражаться бесполезно. Увы, это был конец. Уткнувшись носом в грязь, они повторяли: «Ом мани падме хум».

Джиенг подбежал к Дентону:

— От них никакого толку. Что будем делать?

В ответ Дентон поднял револьвер и выстрелил в едва видимую фигуру, которая тут же отскочила, судя по всему невредимая. Снова раздались крики, топот, и посыпались копья. Одно из них распороло Дентону рукав.

Черная туча над головой, на которую никто

не обращал внимания, судорожно дернулась, словно в ярости, и зловеще громыхнула. Из нее ударила молния.

Точно нацеленная молния угодила в одного из горцев, окутав его белым сиянием. Тот вскинул руки, вскрикнул и упал замертво. Еще до того, как он коснулся земли, с неба снова ударила молния.

— Повезло, — прошептал Дентон.

— Я бы не назвал это везением, — ответил Джиенг. — Ай-и! Еще одна!

Из тучи выстрелила новая молния, уничтожив третьего горца. Потом еще одна и еще. Дентон представил себе спокойно сидящего верхом на этой невероятной туче снайпера, тщательно целящегося перед очередным выстрелом. Горцы бросились наутек. Молнии устремились следом. Несчастные рассыпались во все стороны по равнине, но бежать было некуда. Дентон и Джиенг смотрели, как стихия аккуратно и шумно расправляется с их бывшими врагами.

2. Чудо Кру

Туча медленно вернулась назад и зависла прямо над Дентоном, издавая приглушенные раскаты грома. Джиенг попятился, шепча что-то о

дурном предзнаменовании. Дентон неожиданно ощутил, что поднимается в воздух.

На мгновение он ослеп, затем зрение прояснилось. Он смотрел сверху на лагерь и освещенную тусклым светом луны равнину. Внизу сгрудились в кучу простертые ниц тела носильщиков. Джиенг походил на маленькое черное пятнышко. Дентон обнаружил, что находится примерно в сорока футах над землей, сидя на краю странно твердой тучи.

У него закружилась голова. Он покачнулся, судорожно цепляясь за опору. Подобное было просто невозможно. Более того, ему грозила опасность свалиться.

— Джиенг! — заорал он.

Проводник посмотрел вверх и начал молиться. Туземцы, подняв к небу блеклые пятна лиц, последовали его примеру. Дентон сдержанно выругался.

Он сидел на туче. И одно это уже было чересчур необычно. Осторожно ощупав тучу, он понял, что она напоминает нечто среднее между резиной и губкой. Ему было вполне удобно. Впрочем, какое-то время даже сидеть на электрическом стуле может быть удобно. В довершение ко всему кто-то облизывал Дентону шею.

Осторожно повернув голову, он встретил мягкий и дружелюбный взгляд яка. Огромное животное лежало прямо позади него, и от соседства с его похожей на Минотавра физиономией доктору стало не по себе. Рога выглядели довольно внушительно, даже если и походили по своей структуре на хрупкое дерево.

Послышался чей-то рев — то ли яка, то ли тучи, Дентон не понял, чей именно.

Взглянув вниз, он крикнул Джиенгу:

— Сними меня отсюда, глупый невежда!

— Как? — логично спросил проводник, не переставая отбивать поклоны.

Мгновение спустя проблема разрешилась — Дентон, неожиданно для себя, верхом на яке мягко опустился обратно на землю. Он поспешно слез с яка и мгновенно покрылся холодным потом.

— Где выпивка? — пробормотал он, шаря в рюкзаке. — Проклятый Тибет!

Он отхлебнул виски и рявкнул Джиенгу:

— Убираемся отсюда! Немедленно.

— Подожди, — сказал Джиенг. — Носильщики хотят отблагодарить бога, который спас нас от горцев. Он наверняка тебя любит. А як, вероятно, его священное животное.

— Чушь, — проворчал Дентон, думая о Гомболамах и знатоках Тибета. — Это гипноз или еще что-нибудь. Нет, — продолжил он, неожиданно хрипло, — ты лицезрел могущество Кру. Кру Всеведущего! Кру Ужасного! Кланяйся и молись Кру!

— Я-а! Кру велик! — поспешно заметил дипломатичный Джиенг и простерся ниц вместе с остальными туземцами.

Дентон ошеломленно уставился на молящихся. Почему, черт побери, он это сказал?

Он этого не говорил. Слова вылетали у него изо рта без какого-либо его участия. Он слышал их так, словно говорил кто-то другой.

— Вставай! — раздраженно бросил он. — Не... Кру велик! Молись Кру или умрешь в страшных мучениях!

— Я-а!

Дентон заскрежетал зубами, чувствуя, что сходит с ума. Поспешно нашарив бутылку с виски, он глотнул жгучей жидкости.

И снова прогремел его голос:

— Уходите! Оставьте Кру наедине с его верховным жрецом для личной беседы!

Туземцы во главе с Джиенгом тотчас же ползком попятились назад, словно раки. Картина

была впечатляющая. Дентон сидел не шевелясь, пока последняя пресмыкающаяся фигура не скрылась во мраке.

Он отхлебнул еще виски и подумал: «Я схожу с ума. Шизофрения. Джекилл и Хайд. Два года в Тибете… тьфу!»

— Не бойся, — раздался его собственный голос, ставший более низким и хриплым. — С тобой говорит Кру. Ты очень дорог для Кру.

— Это сказал я, и вместе с тем я этого не говорил, — пробормотал Дентон. — Это мой голос, но…

— Оставь сомнения, — прервал он сам себя снова более низким голосом. — Боги могут говорить устами своих верховных жрецов. Так, по крайней мере, было в старые времена. И я знаю все языки, которые знаешь ты, а также множество других. Заруби это себе на носу, — закончил Дентон, переходя на английский.

— Я сошел с ума!

— Нет, но ты пьянеешь — то есть духи вина начали… — Дентон разразился потоком ожесточенной, крайне вульгарной брани на малопонятном тибетском диалекте. — Ладно, — наконец продолжил он. — Итак, я крестьянский бог. Проклятье! Будь я богом всех этих сверхцивилизованных

напыщенных ничтожеств, я мог бы изъясняться на их наречии. Но я не таков. Меня породили грязь и кровь. И того, чего вполне хватало моим первым поклонникам, вполне достаточно и нынешнему современному отродью безносых матерей. Вашанг-яф!

Дентон не понял последних слов, но они прозвучали как ругательство. Он прикончил бутылку и открыл другую. Происходящее казалось ему нереальным.

Он был один посреди холодной пустыни, освещенной лишь крохотным костром и далеким сиянием звезд. Туземцы исчезли. Он был один и разговаривал сам с собой.

— Джиенг! — крикнул он. — Вернитесь! Нет — назад, если вам дорога жизнь, презренные псы!

Дентон отхлебнул из второй бутылки. Это ему помогло, и даже весьма, особенно когда предметы начали терять очертания и слегка расплываться. Ему уже не казалось столь странным, что он сидит и беседует… сам с собой? Нет…

— Ты все еще сомневаешься? — спросил Дентон.

— Черт побери, да, — коротко ответил он.

— Тогда тебя следует убедить.

— Как? Это мой собственный голос…

— Я использую твою глотку и язык так же, как ты мог бы пользоваться музыкальным инструментом. Как я мог бы воспользоваться яком…

Дентон внезапно замолчал. Як подошел ближе, освещенный тусклым светом костра.

— …или любым существом, находящимся в моей власти, — проговорил як. — Звериной глоткой пользоваться сложнее, поскольку она не приспособлена для человеческой речи. И тем не менее — сам слышишь. Ты убежден? Если да, продолжим разговор.

— Это гипноз, — упрямо заявил Дентон. — Возможно, дело рук Джиенга.

— Гм…

Як замолчал. Внезапно Дентон начал подниматься в воздух. Он уронил бутылку и вскрикнул.

— Все еще не веришь? — спросил его собственный голос.

— Нет! — выдохнул Дентон. — Это галлюцина…

Он взмыл в небо, подобно ракете. Воздух стал ощутимо холоднее.

— Веришь?

— Н-н…

— Я не могу доставить тебя на луну, но ты мо-

жешь проделать полпути до нее, прежде чем моя сила иссякнет. Когда поймешь, что веришь в Кру, скажи.

Дентон судорожно сглотнул.

Земля уходила все дальше, и горные вершины с белыми ледниками напоминали теперь рельефную карту, простершуюся далеко внизу. Дентон быстро поднимался, чувствуя, что ему все труднее дышать.

— Сын грязной обезьяны! — с болью вопросил его собственный голос. — Будешь ты говорить — или умрешь?

Дентон кивнул:

— Я… верю…

— Ты одержим сомнениями еще больше, чем гностики. Но — ладно.

Он начал опускаться столь же быстро, как и поднимался, пока не обнаружил, что парит не более чем в пятистах футах над лагерем.

— Теперь, — сказал он голосом Кру, — мы можем поговорить.

— Угу, — устало согласился Дентон. — Но мне будет легче говорить, если я смогу еще выпить.

— Почему бы и нет?

В воздух пулей взмыла бутылка и легко легла в руку Дентона.

— Пей! Это доброе зелье, крепкое и дикое, словно кумыс. Я рад, что тебе не по душе безвкусные вина жарких стран. Там, где я родился, люди пили кумыс. Когда-то они жили рядом с моим храмом, где ты купил моего священного яка.

— Так, значит, это был твой храм? — осенило Дентона.

— И как ты догадался? — язвительно спросил голос. — Жалкая хижина! В селении мертвецов — глупцов и идиотов. Я умирал и был в плену. Я, чьи поклонники кричали и убивали, пока земля не обагрилась кровью — во имя меня. В моих жилах течет горячая кровь! Или текла. И она снова бурлит. Верховный жрец, мне нужен храм.

— Вот как? Что ж…

— И он у меня будет. Я снова стану великим. Все будут мне поклоняться, а ты — мой верховный жрец.

— Но я не хочу быть твоим верховным жрецом, — в отчаянии сказал Дентон. — Тебе нужен… лама или шаман. Я не знаю, что мне следует делать.

— Когда будет нужно, я буду говорить твоим языком, словно оракул.

— Подожди! Не…

— Разве Каррузерс не будет рад?

— Уж точно не якам, — безнадежно проговорил Дентон. — Послушай, нельзя ли мне как-то отсюда выбраться? Мне нужно вернуться назад в Штаты…

— Хорошо. Где эти Штаты?

Дентон быстро размышлял. Вернувшись в Нью-Йорк, он по крайней мере будет в знакомой обстановке да и не в столь затруднительном положении. Возможно, ему как-то удастся совладать с Кру. Возможно…

Во всяком случае, он снова окажется дома. И не в полном одиночестве, где на сотни миль нет ни одного белого человека. Уж определенно хуже не будет!

— На востоке, — сказал Дентон. — Прямо на восток, пока не окажемся над Сент-Огастином. Я дам знать.

— Значит, на восток.

Як Кру взмыл в воздух. Дентон удивился, что снова сидит на нем верхом. Ландшафт внизу уносился прочь.

— Эй, погоди! — неожиданно вспомнил доктор. — Я не заплатил туземцам.

— Что?! Платить тем, кто прислуживал моему верховному жрецу? — Кру разразился такими ругательствами, что Дентону стало муторно.

Полет на восток продолжался.

3. Японские обычаи

Да, они летели быстро — для Дентона. Кру не прибегал к мгновенной телепортации, поскольку ему хотелось ближе познакомиться со странным новым миром, в котором он оказался. Много веков он не покидал пределы Тибета. Современные люди — какие огромные города и храмы они могли возвести?

За час они пролетели над Бутаном. Еще до рассвета пересекли Брахмапутру и были теперь над северной оконечностью Бирмы. В окрестностях Садии, где заканчивается железная дорога и начинаются большие залежи нефрита, Кру заметил нечто интересное.

Честно говоря, он немного устал. За прошедшие годы жизненная сила его иссякла, и, хотя он не признался бы в том человеку или даже другому богу, он начинал ощущать страх. Он думал о новых божествах, которые сменили Амона, Баала и Анубиса.

Кру страдал комплексом неполноценности.

Это была не его вина. Кру не принадлежал к умудренной жизнью расе. Как он уже упоми-

нал Дентону, он был не более чем порождением грязи и крови. Короче говоря, он был крестьянином, варваром. Столетия назад он сжимался в комок под колкими насмешками занимавших более высокое положение богов, которые считали его неотесанным болваном. Даже в дни его наивысшего могущества Исида называла его выскочкой.

И это причиняло ему боль. Кру, конечно, сознавал собственную ограниченность. Он был малообразован и еще менее культурен. Да, он обладал могуществом — но им обладали все боги. Что, если он появится в современном мире, где правят новые боги, утонченные и обходительные, и объявит, что он — Кру?

Новые боги могли просто поднять брови, развести руками и отвернуться. Будучи искушенными во многих отношениях, они могли решить, что с Кру не стоит даже знаться.

Древний дикий бог сердито встряхнул могучими плечами. Он им покажет! Возможно, он и низшее божество, но…

Кру вздохнул. Он слишком хорошо осознавал собственную ничтожность. Считать иначе было бы тем же самым, что и надеяться быть допущенным в обитель богов Годсхайм после

смерти. Лишь по-настоящему великие отправлялись туда, и уж точно не слабые больные боги, умершие от недостатка веры. Что ж, хорошо. Он будет повелевать. Он сразится с каким-нибудь небольшим богом и займет его место, правя из храма изгнанника и строя новое царство. У него уже имелись верховный жрец и священный як. Дело оставалось за храмом и поклонниками.

И вот он, храм — прямо перед ним. Мьяпур, городок на севере Бирмы, наполовину состоял из туземных хижин, а наполовину — из более современных строений. Некий британский инженер творил в Мьяпуре чудеса, пока не погиб при невыясненных обстоятельствах. Самым заметным сооружением была построенная из цемента и металла электростанция, главная гордость инженера.

На рассвете Кру спустился к электростанции, послав перед собой неслышимый зов. Ответа не последовало. Видимо, местный бог спал, как и Дентон, который удобно устроился на спине яка, поддерживаемый силой Кру.

У дверей электростанции стояли несколько людей в форме. Они ошеломленно подскочили, увидев, как распахиваются створки. Кру бросил на них мимолетный взгляд. Они были невысокие

и коренастые, с желтоватой кожей, темноволосые и темноглазые. В руках держали ружья.

Кру ощутил исходящую от оружия опасность. Он мог сжечь солдат дотла, но сейчас он находился на пороге обители другого бога, и надлежало вести себя подобающе. Предусмотрительно набросив на электростанцию покров тьмы, он быстро перенес Дентона и яка через портал.

Это действительно был храм. Посреди него с мрачной торжественностью возвышались алтари, огромные генераторы, которые сейчас молчали. Электричество в Мьяпуре отключали на всю ночь из-за опасности бомбежек. Для захватчиков это был особый стратегический пункт, британцы не предполагали возможность оккупации.

Кру немного подумал. Бога здесь не было. Вероятно, отправился куда-то с визитом. Что ж, лучшая оборона — наступление. Кру решил пойти на поиски своего ничего не подозревающего врага, чтобы выяснить, насколько тот могуществен и, соответственно, опасен. Если действительно так, тогда Кру намеревался поспешно убраться. Иначе…

Оскалив желтые клыки в неприятной улыбке, Кру ушел, сняв по пути темную пелену и оста-

вив Дентона внутри электростанции, верхом на невозмутимом яке.

Кру предполагал вернуться позже. Тем временем чьи-то руки схватили Дентона и стащили его с лохматого «коня». Послышались сердитые вопросы и команды. По полу электростанции застучали гулкие шаги. Со стороны дверей бежали часовые, что-то крича насчет противогазов.

— Привет, — сказал Дентон, сонным взглядом обводя окруживших его людей в форме. — Мне снилось… нет, я до сих пор сплю.

Он встряхнулся, и руки сильнее сжались на его плечах. Як замычал.

— Кто ты такой? Как ты здесь оказался? — требовательно спросил офицер.

Дентон узнал язык. Его подозрения подтвердились, когда он понял, что находится внутри настоящей электростанции. Значит, Кру был реальным. Бог, вероятно, за ночь отклонился к северу, приземлившись в Японии, вместо того чтобы пролететь над Андаманскими островами по пути в Америку.

Дентон пробыл в Тибете два года. Ничего не подозревавший археолог широко улыбнулся, чувствуя облегчение оттого, что снова оказался среди цивилизованных людей. Японским он вла-

дел вполне неплохо.

— Меня зовут…

— Пристрели его, — предложил кто-то. — Нет, отведи его к капитану Якуни. Он четко распорядился на этот счет.

— Но он шпион.

— Значит, его нужно допросить. Капитан…

— Эй! — сказал Дентон. — Я не шпион.

— Молчать. Что делать с яком?

— Выгони его отсюда, идиот.

— Послушайте, — ничего не понимая, вмешался Дентон. — Дайте мне объяснить.

— Молчать. Иди.

— Но…

— Молчать.

Наступила тишина. Дентона вывели из электростанции, оставив яка на попечение солдат. Желтое рассветное солнце ударило в глаза. Дентон заморгал, оглядываясь по сторонам.

Электростанция скрывалась в густых зарослях магнолии чампака, перемежавшихся стволами тика и красного дерева. Справа земля резко обрывалась, уходя в глубокое ущелье, откуда доносился приглушенный гул воды.

Вдали виднелся полуразрушенный зайят — традиционный бирманский дом для отдыха

путешественников.

Бирма? Электростанция? Японцы?

Дентон в недоумении озирался, пока его вели на юг. Хорошо утоптанная тропинка сбегала по крутому лесистому склону вниз, к небольшому селению.

Пагоды подтвердили его подозрение, что это Бирма.

Он обернулся, но уже не увидел электростанцию. Лишь острый глаз бога мог различить ее с высоты.

— Сюда.

Бесспорно, это здание когда-то было храмом. Теперь же его превратили в нечто менее эзотерическое. Часовые у входа отрывисто потребовали пароль. Последовал короткий обмен репликами, а затем чей-то голос хладнокровно выругался по-гэльски.

Дентона толкнули вперед, и дверь открылась. Он оказался в небольшой комнате, умело обставленной как кабинет. За устланным бумагами столом сидел улыбающийся японец средних лет с редкой клочковатой бородкой, которая казалась изъеденной молью и нисколько не добавляла ему достоинства. Он посмотрел на Дентона и коротко кивнул.

Ругательства на гэльском не умолкали. Рядом со столом сидела темноволосая девушка, стройная и довольно симпатичная, в широких брюках-слаксах и облегающем свитере, подчеркивавшем ее фигуру. Она бросила на Дентона взгляд из-под длинных ресниц, кивнула и продолжила сотрясать воздух богомерзкими фразами.

— Прошу прощения, мисс Хэдли, — сказал японец, вставая. — Как бы мне ни было приятно ваше общество, но дела в первую очередь. Если вы позволите…

Его английский был превосходен.

— Ладно, красавчик, — проворчала мисс Хэдли. — Посижу тут. Не против?

— Как хотите, — неодобрительно махнул рукой японец. — Итак, мистер…

— Дентон.

— Мои люди рассказали мне весьма удивительную историю. Где ваш самолет? Или вы спустились на парашюте?

— Как насчет того, чтобы представиться? — вмешалась мисс Хэдли, доставая тонкую сигару и ловко откусывая кончик. — Выясните его имя, прежде чем расстреляете. Сможете упомянуть его в своем докладе для штаба.

— Прошу прощения. Мисс Дебора Хэдли, разре-

шите представить вам мистера Дентона…

— Э… доктор Гораций Дентон. Рад познакомиться, мисс Хэдли.

— Зови меня Дебби, — сказала девушка. — Я, в свою очередь, не стану звать тебя Горацием. Мне никогда не нравилось это имя. Это капитан Якуни, Ден. Нынешний диктатор Мьяпура.

Якуни церемонно поклонился:

— Садитесь, прошу вас. У меня есть несколько вопросов.

— У меня тоже, капитан. И просьба. Я бы хотел, чтобы меня доставили в Мьичину.

— Вот как? Не в Мандалай? Или в Рангун?

Дентон усмехнулся:

— Не стану настолько злоупотреблять вашим гостеприимством. Мьичины мне более чем достаточно.

— Могу я поинтересоваться вашими планами?

— Мне нужно вернуться в Соединенные Штаты. Я собрал в горах кое-какие интересные материалы и с нетерпением жду, когда смогу передать их в надлежащее место.

— Великолепно, — заметила Дебора. — Еще немного — и ты заговоришь про Перл-Харбор.

Дентон непонимающе уставился на нее:

— А при чем тут Пёрл-Харбор?

— Послушай, Ден. Сумасшедших в Мьяпуре никто не считает святыми. Их просто расстреливают.

— Одну минуту, — вмешался Якуни. — Доктор Дентон, почему вы оказались на нашей электростанции?

На этот вопрос нелегко было ответить, не упоминая Кру. Дентон поколебался.

— Я пробыл в Тибете два года, — наконец сказал он. — Я этнолог и археолог. Работаю для нью-йоркского музея. Собираю образцы и данные.

— В самом деле? И где же эти образцы?

— Э-э… я отправил их вперед. А теперь у меня есть несколько вопросов. Это Бирма, так?

— Вы правы, — кивнул Якуни.

— В таком случае что тут делают японские солдаты? Я уверен, что Англия не уступала прав на Бирму Японии.

Якуни молча пощипал бородку.

— Как вы попали в Мьяпур? — наконец спросил он.

— Прилетел.

— Из Тибета?

— Верно.

— Где ваш самолет?

— Если бы я знал, черт побери, — безнадежно

сказал Дентон. — Видите ли, капитан Якуни, я какое-то время пробыл под гипнозом. Во всяком случае, предпочитаю так думать. Если я скажу вам всю правду, как я ее видел, вы сочтете меня сумасшедшим. Я знаю, что это не так. Но я уверен, что меня загипнотизировали в Тибете, и я очнулся всего несколько минут назад, на вашей электростанции.

— Пристрелите его, — посоветовала Дебора, помахивая сигарой. — Невелика потеря. У него слишком мало мозгов для шпиона.

Дентон сглотнул слюну:

— Что еще за глупости? Капитан Якуни, я американский гражданин. Учтите это!

— Учту, — загадочно ответил Якуни, вставая. — Не хотите ли осмотреть Мьяпур, доктор? Мисс Хэдли будет вас сопровождать.

Двое солдат схватили Дентона и выволокли из кабинета. Дебора последовала за ними, подмигнув Якуни.

— Прощай, жабье отродье, — бросила она по-гэльски.

4. Лучше не рисковать

На улице Дентон беспомощно огляделся по сторонам, не зная, что делать дальше. Дебора фамильярно взяла его под руку.

— Идем, Ден, — поторопила она. — Мне хочется выпить. Не беспокойся, Якуни дал мне кучу оккупационных денег. Сюда. Рекомендую «Джин слинг».

— Вы его точно не отравите? — с долей мрачного юмора спросил Дентон.

Дебора пожала плечами:

— Якуни не дурак. Вот почему я сказала ему, что тебя надо расстрелять. Он считает, что у тебя могут быть важные сведения и ты намного ценнее для него живым. Этот япошка доверяет мне не больше, чем я доверяю ему.

Дентон бросил взгляд через плечо на двух следовавших за ними солдат.

— Вы о чем?

— Они не говорят и не понимают по-английски. Хотя жаль, что ты не знаешь гэльского.

— Знаю. Я этнолог.

— Чтоб мне провалиться! — сказала Дебора. — Я думала, этнолог — это тот, кто предсказывает

судьбу.

Дентон начал объяснять ей, кто он такой. Он еще не успел закончить, когда Дебора затащила его в полутемное прохладное здание, где под потолком покачивались опахала.

— Ладно. Значит, ты не предсказатель. Если бы я знала, возможно, и не стала бы просить за тебя. Думала, ты выступаешь на ярмарках.

— На ярмарках?

— Да. Это моя работа. Эй, Жукокот! — неожиданно крикнула она.

Из тени, шаркая ногами, появился кланяющийся туземец.

Дебора скорчила многозначительную гримасу в ответ на широкую улыбку бирманца.

— «Джин слинг». Чоп-чоп. Пронто. Раус!

— Ай-и! — кивнул Жукокот и удалился.

Дебора расслабленно уселась за столик и предложила сесть Дентону. Японские солдаты заняли места в некотором отдалении, не сводя с них глаз.

— Теперь поговорим, — вздохнула Дебора. — Расскажи мне все. Нет, давай сначала я. Так будет быстрее. Будем знакомы — Дебби Хэдли, лучшая танцовщица, певица и зазывала во всей Бирме. Раньше ездила вместе со «Странствующим шоу

чудес» Харта. Несколько месяцев назад лавочка закрылась, и мне пришлось петь в дешевом кабаке. Когда пришли япошки, я хотела сбежать на лодке, но было уже слишком поздно — меня поймали. Якуни меня не расстрелял, — вероятно, потому, что я назвала его всеми словами, какие только выучила за восемь лет работы на ярмарках. Якуни просто ухмыльнулся и сказал: «Ты свободна. Мьяпур в твоем распоряжении. Если попытаешься сбежать, тебя расстреляют». Теперь он сидит и облизывается, ожидая, когда у меня сдадут нервы. Тем временем я медленно схожу с ума и поддерживаю свой боевой дух лишь тем, что крою его ругательствами на гэльском, в котором он ни уха ни рыла. Вот и вся история. Ну?

Дентон отхлебнул коктейль.

— Погодите, мисс…

— Дебби.

— Дебби. Ладно. Ты не объяснила, что японцы делают здесь, в Бирме. Если в Токио узнают о том, чем занимается Якуни, его отдадут под трибунал.

Дебора прищурилась:

— Ты и в самом деле два года провел в Тибете? И ничего не слышал?

— Ничего. Англия воюет с Японией?

— Англия с Японией! — рассмеялась Дебора, гася сигару. — Ха! Макартур где-то возле Австралии, японские подлодки обстреливают Калифорнию, на Токио падают бомбы — и он еще меня спрашивает. Ден, братишка, садись и слушай.

Она начала рассказывать, доходчиво и убедительно, а когда закончила, Дентон покрылся холодным потом.

— Ничего себе! Так, значит, мы воюем?

— Именно так. Война.

— И все-таки я не понимаю, — сказал Дентон. — Откуда взялась современная электростанция в северной Бирме? Единственные, о которых я знаю, — в окрестностях Мандалая и Рангуна.

— Ее построили англичане — как секретный стратегический объект. Они заплатили местным царькам-савбва, наняли инженера для организации работ и взялись за дело.

— Тогда почему они ее не разбомбили, когда эту местность захватили японцы?

— Потому что они наверняка предпочтут вернуть ее обратно в целости и сохранности. Ты хоть представляешь, насколько сложно доставить оборудование вверх по Чиндуину? Генераторы и прочее? Не знаю, из чего еще состоит электростанция. Но если британцы снова захватят

Мьяпур и разбомбят ее, они не смогут достаточно быстро установить новые генераторы. Скорее всего, будут ждать. Кроме того, они не знают, имеет ли электростанция хоть какое-то военное значение.

— Вряд ли, — сказал Дентон. — Если только в окрестностях нет нефти.

— Нефти нет. Нефрит, немного рубинов — и, собственно, все. Но электростанцию стоило бы разбомбить. Мьяпур стал стратегическим пунктом для японцев. Якуни делает здесь бомбы и посылает их вниз по реке на японские аэродромы, которых полно вокруг.

— Бомбы?

— Маленькие и очень неприятные. Их секрет получили в Токио из Берлина. Сверхмощное оружие, которое сеет хаос на базах союзников.

Дентон нахмурился:

— Жидкий воздух?

— Нет. И не нервный газ. Чистая взрывчатка, с секретным составом. Я знаю только то, о чем говорит мне Якуни. Они заряжают здесь эти бомбы, и для этого им нужно электричество.

— Электролиз. Понятно.

— Так вот, союзники не знают, что Якуни использует Мьяпур в качестве базы для произ-

водства этих бомб. У него тут есть спецы, которые проделывают всякие хитроумные штуки. Естественно, я пытаюсь сделать все возможное, чтобы об этом узнали нужные люди.

Дентон бросил быстрый взгляд на японских охранников.

— Не так громко.

— Чем громче, тем лучше. Они не понимают по-английски. Ты умеешь управлять самолетом, Ден?

— Нет.

— Что ж, я умею, так что все в порядке. Посмотрим, что нам удастся сделать. Если мы как-то сумеем добраться до союзников, на Мьяпур налетят бомбардировщики и сметут генераторы Якуни в Желтое море. А других генераторов, которые могли бы помочь этому япошке в его грязных делах, поблизости нет.

Дентон сделал глоток и спросил:

— Мы можем ускользнуть вниз по реке на лодке?

— Исключено. Якуни не дурак. Ты ученый. Сделай радио. Тогда мы сможем послать сообщение.

— Я ученый в другой области, — заметил Дентон.

Она пристально посмотрела на него:

— Так кто же ты? Ты еще не поделился своей историей.

— Гм… это не так просто. Все, о чем я знаю, похоже, мне лишь привиделось. У меня есть подозрение, что меня загипнотизировали.

— И все-таки расскажи. Можешь даже поплакаться у меня на плече.

— Пожалуй, и так, — вздохнул Дентон. — Ты все равно ни единому слову не поверишь. Впрочем, я тоже. Так или иначе — слушай.

И он рассказал о Кру.

Когда он закончил, взгляд Деборы был невозмутим и серьезен.

Дентон неловко пошевелился:

— Это все. Скажи что-нибудь.

— Ладно. Давай еще выпьем.

Они молча выпили. Дебора смяла сигару и, прищурившись, посмотрела на Дентона:

— Лучше забудь о Кру. Поверь мне, он не вернется, если только у тебя не начнется белая горячка. Теперь послушай, Ден. Пока Якуни думает, что ты владеешь ценной информацией, тебя не убьют. Он мог бы попробовать пытки, но вряд ли. Пусть и дальше задается вопросом, как ты сюда попал и зачем. Он хочет знать, подозревают ли союзники, чем он занимается в Мьяпуре, а именно — делает

бомбы. Веди с этим япошкой психологическую игру. Поддерживай вежливый разговор. Он помешан на современной культуре. Однажды я привела его в ярость, когда назвала его нецивилизованной крысой. Впрочем, он не обиделся. Понимаешь? Тяни время, смотри на вещи проще, и оценим, каковы будут наши шансы.

— Сделаю все, что смогу, — кивнул Дентон.

— Прекрасно. Но помни — если мы не сможем передать сообщение, нам придется попытаться каким-то образом разрушить электростанцию самим. Да, похоже на несбыточную мечту, но эти генераторы вырабатывают энергию для бомб Якуни.

— Они преобразуют энергию, а не вырабатывают ее.

— И что? Не будет генераторов — и где японцы найдут другие здесь, в Бирме?

— Это самоубийство.

— Конечно, — сказала Дебора. — Разве нет? Ну так что?

— Можешь рассчитывать на меня, — заверил ее Дентон.

— Прекрасно. А теперь давай прогуляемся по Мьяпуру. Я проголодалась. Тут, у реки, есть прокаженный, который продает отменный шиш-

кебаб.

У Деборы было своеобразное чувство юмора.

5. Предоставим это Кру

Кру величественно парил над Бирмой. Невидимый, жестокий, хитрый и осторожный, бог обозрел новый мир, в котором оказался, и обнаружил немало пугающего. В Тихом океане грохотали выстрелы орудий броненосцев, а над ним в воздухе сражались и падали самолеты. От Иокогамы до Хобарта, от Мидуэя до Пекина, в России, Китае и Германии, в Средиземном море и Атлантике, среди замерзших вершин и в выжженных пустынях шла война.

Нигде не было места для маленького бога. Кру улетел обратно в Бирму, окончательно уверившись в своих планах. Он мог и подождать, как поступали Амон и многие другие. Нужно было обосноваться в маленьком королевстве, построить монотеистическую культуру и постепенно расширять границы своих владений. Так было всегда, со времен Древних. Во времена мамонтов народ Кру шел войной на соседей, одерживал победы, обретал новообращенных и проливал новую кровь на базальтовые алтари Кру.

Маленькое королевство — добродетельный крестьянский люд, умевший упорно трудиться и хорошо сражаться. Желтокожие коренастые люди, которых Кру видел в Мьяпуре, казалось, вполне подходили на эту роль. Они напомнили богу древних татар и калмыков, которые когда-то ему поклонялись.

Я-а! В Мьяпуре Кру начнет свое правление. Уже и храм построен! Что касается ранее обитавшего там бога — что ж, он где-то отсутствовал. Возможно, умер. Кру позаботится о том, чтобы предшественнику не было позволено вернуться. Лишь усердные молитвы могут призвать бога, и никто не произнесет таких молитв в Мьяпуре, если Кру сумеет этому помешать. А он определенно сумеет! Приплюснутый нос Кру дрогнул. Он уже чувствовал запах дыма от принесенных ему жертв.

Он устремился в сторону Мьяпура и вскоре уже парил над головами Дентона и Деборы Хэдли, шагавших через селение. Хитроумный Кру уменьшил размеры своей тучи, пока она не стала почти неразличимой, проплывая над их головами.

— Здесь нет никакого порядка, — говорил Дентон Деборе. — Так я и предполагал. Оккупация всегда нарушает заведенный ход вещей. Мы

единственные белые в Мьяпуре?

— Сейчас — да. Месяц назад… — Дебора пожала плечами. — Местное население еще не привыкло к рабству. — Она показала на окно. — Это не нормальный базар. Никаких криков, никакого шума.

Она была права. Прилавки, обычно полные еды и прочих товаров, опустели, и у бирманцев не было никакого желания торговаться. Они постоянно ощущали присутствие захватчиков, которые только и ждали любого нарушения заведенных ими правил.

Двое японских охранников посовещались, и один из них пошел купить фруктов. Он аккуратно заплатил оккупационными деньгами, которые были приняты без каких-либо эмоций.

— Порядка действительно стало больше, — поморщился Дентон. — Например, не стало мусора на улицах. Но главная их цель… Узри же могущество Кру!

— Что? — Дебора резко обернулась и уставилась на него. — В чем дело? О господи! Только подумать, на что способны три порции «Джин слинга»! Ден, очнись!

Дентон вытаращил глаза. Он медленно поднимался в воздух без какой-либо видимой поддерж-

ки, а над его головой, слегка пульсируя, висела маленькая темная тучка.

— Ден, спускайся!

— Кру творит чудо, — услышал перепуганный Дентон свой собственный рев, потонувший в хоре воплей туземцев. — Смотри! Узри же!

— Ден!

Он продолжал подниматься. На лице его застыла маска ужаса.

— Дебби, — выдохнул Дентон. — Это Кру. Меня… меня снова загипнотизировали… Псы и неверующие, отвергните своих лживых и слабых богов, прежде чем на вас не обрушился гнев Кру!

— Тебя пристрелят.

Дентон с трудом сумел повернуть голову. Японские охранники, возбужденно посовещавшись, подняли ружья и начали целиться.

— Не стреляйте! — завопил Дентон. — Я ничего не могу поделать!

— Спускайся или будешь убит! — крикнул ему солдат. — Тебе запрещено покидать Мьяпур.

Он говорил по-японски, и Дентон ответил ему на его же языке:

— Бросьте оружие, ничтожные вши, или будете испепелены! С вами говорит Кру!

— Ха! — пролаял солдат и нажал на спуск.

Дентон быстро описал в воздухе петлю Иммельмана, отчего у него перехватило дыхание. Из тучи раздался мощный раскат грома.

— Осторожнее! — выдохнул он.

Ударила молния. Солдат едва успел бросить ружье, которое превратилось в бесполезный оплавленный крендель из обожженного металла.

Одновременно над крышами, безмятежно мыча, поднялся як, и Дентон оказался на нем верхом, все еще футах в двадцати над землей. Бирманцы отбивали поклоны, словно заведенные до предела механические игрушки. Дебора смотрела вверх, закинув голову и широко раскрыв глаза.

— Кру требует жертвы, — проревел Дентон, после чего вновь на мгновение обрел власть над собственным языком. — Дебби! Хватай тушу с прилавка сзади тебя. Брось ее куда-нибудь на открытое пространство. У меня есть предчувствие…

И его устами снова заговорил Кру:

— Без промедления! Кру алчет огненной жертвы.

Японские солдаты все еще колебались. Первый что-то крикнул и быстро побежал прочь, оставив другого, который неловко сжимал в руках ружье.

— Спускайся или будешь убит, — наконец произнес солдат. — Ты должен оставаться в Мьяпуре. Это приказ.

— Я никуда не ухожу, — в отчаянии возразил Дентон. — Капитан Якуни не говорил, что я должен оставаться на земле.

— Нет, но…

— Мне нравится тут, наверху. Воздух лучше. Дебби, быстрее! Кру собирается… Смотри же! Бойся гнева Кру! Торопись!

Побледневшая Дебора схватила освежеванную тушу козленка и бросила ее в сторону Дентона. Послышался треск молнии, в небе раздался грохот — и козленок исчез, оставив после себя запах жареного мяса.

— Я доволен, — крикнул Дентон. — Ты признала величие Кру. Иди же теперь в его храм и молись. Следуй за моим жрецом.

При этих словах як с Дентоном на спине мягко опустился на землю. Туча исчезла. Дентон, с которого градом катился пот, слез с животного и почти упал в объятия Деборы.

— Он… он ушел. Я точно знаю. Дебби, я не свихнулся! Я не был под гипнозом. Ты видела?

— Д-да. Я видела, что произошло. Это ужасно. Что будем делать?

— Будьте любезны следовать за мной, — потребовал чей-то холодный голос.

Дентон посмотрел поверх коричневых спин молящихся и увидел японского офицера, а за ним — несколько солдат.

— Ладно, — слабо проговорил Дентон. — Думаю, так будет лучше, Дебби.

— Но… разве Кру не сказал тебе, что мы должны идти в его храм? Он имел в виду электростанцию?

— Наверное, да. Но как, черт побери, я могу это сделать? Видишь? — Дентон показал головой в сторону солдат.

Дебора не ответила. Слегка дрожа, все еще мертвенно-бледная, она закурила сигару и выпустила дым через ноздри.

— За мной!

Дентон подчинился приказу офицера. Вместе с идущей рядом Деборой он прошел через Мьяпур, направляясь к храму, где обитал капитан Якуни. За солдатами следовала толпа туземцев. Они оживленно переговаривались, готовые идти за жрецом Кру вопреки приказам японцев разойтись. Нет, они не расходились, но держались на уважительном и безопасном отдалении.

Якуни не стал вставать из-за своего импро-

визированного стола. Улыбка его была явно неискренней.

— Могу я попросить у вас объяснений, доктор Дентон? — сказал он. — Можете не садиться.

— Послушайте, это не его вина, — вмешалась Дебора.

— Помолчите, пожалуйста, мисс Хэдли. Итак, доктор. В нашем предыдущем разговоре вы упоминали гипноз. И вы говорите, что были в Тибете. Советую вам не пытаться произвести впечатление на бирманцев своими фокусами. У них нет оружия, и подстрекать их к мятежу бесполезно.

— Я и не собирался, — сказал Дентон. — Но я никак не мог помешать тому, что случилось.

— Тогда вас следует взять под стражу, для вашей же безопасности. Факиры в Мьяпуре нам ни к чему. Не думаю, что вас стоит расстрелять, от тюремного заключения будет больше пользы. Меня не удовлетворяет история, которую вы рассказали. Еще раз, доктор Дентон, как вы добрались до Мьяпура?

— Прилетел. Или мне так кажется. Капитан…

Якуни, прерывая его, поднял руку:

— С какой базы вы прилетели?

— Из Тибета. Возле перевала Гхора.

— Зачем вы прибыли в Мьяпур? Почему на

электростанцию?

— Не задерживай жреца Кру, — внезапно проревел Дентон.

Якуни подскочил от неожиданности. Солдаты взяли ружья на изготовку.

Дебора что-то безнадежно пробормотала и схватила Дентона за руку.

— Ден, будь осторожен, — прошептала она. — Не срывайся. На этот раз тебя точно пристрелят.

— Ха! — прорычал Дентон ошеломленному Якуни. — Кланяйся и молись Кру. Он защитит своих избранников, которые будут процветать среди всех прочих народов. Повинуйся!

— Доктор Дентон, — осторожно начал капитан, вставая. — Я бы попросил вас понизить голос. Кроме того, я вынужден потребовать извинений. Как офицер и представитель моей страны, я не могу позволить, чтобы подобное оскорбление прошло безнаказанным.

— Не трать слова впустую, — рявкнул Дентон. — Поклянись в верности Кру, и он сделает тебя могущественным.

— Не обращайте на него внимания, — тихо прошептала Дебора. — Он действительно сошел с ума. Не стреляйте в него, капитан Якуни. Он не понимает, что говорит.

Офицер медленно вытащил из кобуры пистолет.

— Я сказал, что желаю услышать извинения. Я цивилизованный человек, мисс Хэдли, но я также слуга Сына Неба.

— Лживый бог, — бестактно вмешался Дентон. — Он будет низвержен могуществом Кру. Не смей больше упоминать имя своего ничтожного бога в Мьяпуре, который отныне является священной обителью Кру! На колени, собака!

Глаза Якуни расширились.

— Умри! — потрясенно проговорил он, поднимая пистолет.

Дентон, почти беспомощный в невидимых объятиях бога, позеленел, услышав собственный голос, хриплый и громкий, изрыгнувший поток невероятно мерзких ругательств. Ругательства были на японском, но их происхождение не было связано с каким-то определенным временем или народом. Они уходили во времена дольменов, когда волосатые дикари впервые научились произносить односложные проклятия, и обрели цвет в далекие века варваров. Кру не был цивилизованным богом, и потому его ругательства были из обихода солдат и крестьян.

Дентон благодарил судьбу, что Дебора не пони-

мает по-японски.

Но Якуни и его солдаты понимали. Впервые Дентон увидел, как японский офицер теряет свое напускное хладнокровие. Деваться было некуда.

В то же самое мгновение, когда Якуни, кипя от ярости, нажал на спусковой крючок, Дентон и Дебора исчезли. Кру поступил вполне разумно.

6. Кру применяет силу

В мгновение ока Дебора Хэдли и Дентон перенеслись из бирманского храма в здание электростанции. Девушка заморгала, глядя на громадные генераторы и трансформаторы.

— Прямо как молитвенные колеса! — воскликнула она. — Как мы сюда попали?

— Кру, — пробормотал Дентон. — Это он. Видишь? Яка он тоже притащил.

Ошибиться было невозможно. Як выглядел явно неуместно на электростанции, но, с другой стороны, он выглядел бы неуместно повсюду, не считая разве что критского лабиринта. Кроме священного животного Кру и двух белых человек, на электростанции больше никого не было.

— Узри же обитель Кру, — продолжил Дентон неожиданно изменившимся голосом. — Тех, кто

мешал ему, больше нет. Отныне это место священно. Лишь жрец Кру может войти сюда.

— Кажется, я поняла намек, — обиделась Дебора.

— Дебби! Не уходи… нет! Раз уж ты здесь, ты останешься. Ты была первой, кто принес жертву Кру. В награду ты станешь его жрицей.

— Только если он не будет заставлять меня говорить подобным образом, — мрачно сказала она. — Ден, как мне понять, когда говоришь ты, а не… не… этот Кру?

— У меня другой голос, — ответил Дентон. — Когда говорит Кру, я рычу. Смотри. Вот опять… Подготовь храм и все необходимое для жертвоприношения! Кру уходит, но он вернется!

Наступила тишина. Як неспешно сделал несколько шагов, тупо уставившись в каменный пол. Снаружи донеслись приглушенные крики.

— Ну вот, он ушел, — облегченно вздохнул Дентон. — Я… я это чувствую. Уф!

— Да я только за. Черт побери, Ден, с каким дьяволом ты связался?

— Он не дьявол. Он бог. Тибетский, или вроде того. Что он собирается теперь делать — одному небу известно. Уж точно не мне.

— Тогда стоит соображать быстрее, — рас-

судительно заметила Дебора. — Если Якуни обнаружит нас здесь, нам крышка. Здесь действительно священное место, но не для Кру.

— Интересно, что случилось с людьми? — задумчиво сказал Дентон. — Кру говорил, что их… больше нет.

— Не спрашивай меня. Но, как ты заметил, я стараюсь не наступать на все эти разбросанные вокруг кучки пепла. Что это?

С верхушки одного из молчащих генераторов неуклюже свисала целая корова с перерезанным горлом.

— Надо полагать, жертва. Кру думает, это алтарь.

— Для него, возможно, и так, но для Якуни это Кааба. Ден, ты понимаешь, что здесь со вчерашнего дня работали люди, ремонтировали генератор? Что-то пошло не так, и производство бомб вынужденно приостановили, пока все не починят. Якуни угрожал расстрелять всех, если они не начнут трудиться втрое быстрее.

Дентон подошел и потрогал мертвые рубильники.

— Не работают. Но я не могу починить их, я не техник.

— У Якуни есть техники, и расстрельная коман-

да у него тоже есть.

— И что нам теперь делать? — беспомощно пожал плечами Дентон. — Уйти в джунгли?

— Я подумала — не оказал ли Кру нам услугу? Если мы сумеем сломать эти генераторы…

— Да, об этом я как раз забыл. Что нам нужно, так это бомба. Здесь найдется?

— Они не держат здесь бомбы, придурок, — поморщилась Дебора. — Генераторы для них слишком ценны. Вот кувалда, попробуй. Посмотрим, что получится.

Дентон взвесил в руке увесистый молот.

— Может быть. Если Якуни меня поймает — значит я совершил самоубийство.

Он замахнулся изо всех сил.

Вспышка сверкающего пламени вырвала из его руки кувалду, и та, отлетев в сторону, тяжело врезалась в яка, который удивленно замычал. Чувствуя боль в обожженных ладонях, Дентон сполз на пол, ловя ртом воздух и издавая бессвязные звуки, понимая, что Кру пытается воспользоваться его языком. Но из-за нехватки воздуха это было бесполезно, и потому вместо него заговорил як:

— Вероломный жрец, ты пытался разбить алтарь Кру?

— Я… э… э…

— Лживые жрец и жрица! Приготовьтесь к смерти!

Дебора поспешно шагнула вперед и, упав на колени рядом с ошеломленным Дентоном, обратилась к яку:

— Кру! Подожди. Ты ошибаешься. Это была всего лишь часть обряда. Мы не собирались ломать твой алтарь.

— Не лги, — предупредил як. — Кру знает все.

— Тогда… э… тогда Кру знает, что в этой стране алтари — из металла. Они звенят от удара, как гонг в храме. Так всегда делается.

— Это правда, — слабым голосом подтвердил Дентон. — Мы просто начали обряд.

— Что ж, хорошо. Вы согрешили из невежества, а не намеренно. Но помните на будущее, что к алтарям Кру надлежит относиться с должным почтением. Лишь мои жрец и жрица могут приближаться к ним, и их никогда не должны касаться человеческие руки.

— Мы больше не будем, — пробормотала Дебора. — Я имею в виду, мы запомним.

— Это хорошо. А если вы забудете — если мне станет известно, что вы нарушили мой закон, то вы познаете гнев Кру. Нет, вы не можете касаться

моих алтарей. Я наложу заклятие на вас обоих. Вам запрещено вершить подобное святотатство как намеренно, так и случайно. Я так сказал.

Дентон с трудом кивнул.

— Что ты хочешь от нас?

— Вы — уста Кру. Мой народ приближается к храму. Никто из них не может войти, но вам надлежит стоять у дверей и принимать их подношения. Скажите им, что Кру объявил этот день праздничным. Пусть устроят торжества в мою честь, как в древние времена. Все должны возносить хвалу Кру. Позднее я научу мой народ, как жить. Мужчины должны охотиться, а женщины — возделывать землю. Самый сильный должен стать вождем. Так лучше всего.

— Послушай, — в отчаянии воскликнул Дентон, — я рад бы выйти и сказать японцам то, что ты хочешь, но они не станут слушать. Они просто застрелят меня.

— Они станут слушать, — пообещал як. — Кру может защитить своего жреца.

— Вон они идут, — прошептала Дебора. — Как ты себя чувствуешь, Ден?

— Честно говоря, ужасно. Оставайся внутри. Спрячься за генератор, там пули до тебя не достанут.

— Я пойду с тобой.

— Ты будешь делать так, как я скажу. Марш.

Дебора поколебалась, но все же направилась к генератору. В футе от него она остановилась, повернув бледное лицо к Дентону:

— Не могу. Не могу подойти ближе.

— Мои заклятия сильны, — кивнув, заметил як.

Это и в самом деле было так. Дентон понял, что ему и Деборе запрещено прикасаться к любому генератору и Кру действительно обладает немалым могуществом.

Он поспешно махнул рукой:

— Тебе незачем к нему прикасаться. Обойди его сзади — вот так. А теперь…

Дентон подошел к дверям, всем видом выражая уверенность в себе, которую на самом деле он вовсе не ощущал. Двери распахнулись, и он увидел японских солдат. Они ждали капитана Якуни, который проталкивался через толпу.

— Расстрелять! — скомандовал Якуни, указав на Дентона.

Полсотни рук шевельнулись — и внезапно застыли. Японцы превратились в статуи, обездвиженные силой Кру. Несколько человек упали с глухим стуком.

Дентон поколебался. В десятке футов от него капитан Якуни судорожно дергался, пытаясь пошевелиться. Единственным видимым результатом его усилий была легкая дрожь, пробегавшая по телу.

— Э… я хотел кое-что сказать. Нет никакого смысла в меня стрелять… то есть…

Дентон беспомощно запнулся. Кру, начавший терять терпение, пришел ему на помощь.

Изо рта Дентона раздался грохочущий голос бога:

— Вы пришли с пустыми руками, и это меня не радует. Но вы пришли помолиться, и потому Кру всех вас прощает. Внемлите же — отрекитесь от ваших слабых богов и помните лишь о том, что Кру правит Мьяпуром, как однажды он будет править всем миром. Это храм Кру. Никто не может в него войти под страхом смерти. Внемлите же снова. Этот день — священный для Кру. Празднуйте, веселитесь и приносите жертвы. Пейте досыта, сражайтесь неистово. Запах кумыса столь же приятен, как и запах свежепролитой крови.

Помолчав, Кру продолжил:

— И не нарушайте моих законов! Я вижу все, и моя молния уничтожит любого, кто проявит недовольство моим правлением. А теперь идите

и делайте, что я сказал.

По рядам собравшихся пробежало волнение. Кто-то из стоявших с краю бирманцев пронзительно крикнул:

— Ай-и! Он — нат, демон!

— Я более велик, чем любой демон! — прогремел Кру. — Доставайте ножи и кинжалы. Пьянейте от радости.

Селяне пробирались среди стволов чампака, один за другим, влекомые любопытством и страхом. Они слышали слова Дентона, прячась в кустах.

— Построиться! — отрывисто приказал капитан Якуни. — Быстро.

Когда солдаты повиновались, он направил их в сторону Дентона, но они смогли сделать лишь несколько шагов — и их снова охватил паралич.

— Собаки! — завопил Дентон. — Только посмейте войти в священную обитель Кру! Стойте где стоите, пока я не скажу.

Рука белого человека поднялась, показывая на небольшую горстку бирманцев.

— Я вижу смех на ваших лицах. Это хорошо. Радуйтесь.

Туземцы тотчас же посерьезнели, бросая осторожные взгляды на японцев.

— Пляшите! Восхваляйте Кру! — зарычал Дентон.

Они начали танцевать, довольно неохотно, не сводя глаз с Якуни и его парализованного войска. По мере того как становилось ясно, что японцы, судя по всему, побеждены, веселье делалось все более искренним. Из леса появились другие бирманцы и охотно присоединились к пляшущим.

— Очень хорошо, — милостиво кивнул Дентон. — Но где же кумыс? Празднуйте и пейте в честь Кру.

Услышав это, развеселившийся туземец набрался смелости и крикнул:

— У нас почти нет еды и питья, савбва! Захватчики все отобрали.

— Я-а! — возмутился Дентон.

Он взмахнул рукой, и рядом с ним на земле тотчас же появилась огромная груда съестных припасов словно из рога изобилия. Там были в том числе и бутылки. Дентон, увидев печати и этикетки, понял, что Кру совершил набег на склады японского комиссариата в Мьяпуре. Один лишь взгляд на Якуни подтвердил его предположение. Офицер аж побагровел от бессильной ярости.

7. Нерешительные японцы

Изголодавшиеся бирманцы не стали долго медлить. С радостными воплями они набросились на добычу, и через минуту Кру получил все то празднество, какое только мог пожелать. Туземцы жадно набивали животы, бормоча хвалебные слова в адрес Кру. Завтра они могли умереть, но сейчас они ели, пили, и им было исключительно весело.

— А теперь, — сказал Кру устами Дентона, — внемлите и повинуйтесь.

Заклятие, наложенное на японцев, спало. Капитан Якуни нерешительно колебался, сжимая в руке пистолет. Солдаты смотрели на него, ожидая знака. Дентон почти ощущал мысли, проносившиеся в мозгу офицера.

Наконец Якуни бросил несколько слов стоявшим ближе к нему солдатам. Те выстроились в колонну и направились прямо к дверям электростанции — с очевидными намерениями.

Прежде чем Дентон успел спрятаться, над его головой появилась черная туча, из которой ударила молния. Вместе с ударом грома полдюжины японских солдат были стерты с лица земли. На

развеянный вокруг мелкий пепел упали капли расплавленного металла от их ружей.

— Пляшите! — прорычал Дентон. — Повинуйтесь — или умрете.

Губы Якуни дернулись.

— Доктор Дентон, — неожиданно сказал он, — я вынужден попросить вас прекратить эту… эту бессмыслицу.

— Молчать! Не смей обращаться к моему жрецу без должного почтения.

С неба раздался удар грома. Глаза Якуни сузились. Он отдал быструю команду, и японцы присоединились к веселящимся бирманцам. Солдаты бросали на офицера озадаченные взгляды, но инстинкт повиновения был слишком силен, чтобы сомневаться. По крайней мере, сейчас.

Бирманцы явно сторонились японцев, не выказывая особого дружелюбия. Однако языческий обряд поклонения продолжался, к удовлетворению Кру. Даже Якуни нашел бутылку и отхлебнул из нее. Он воздерживался от того, чтобы пуститься в пляс, но этот факт ускользнул от внимания Кру, слегка опьяненного количеством новообращенных поклонников.

Позади Дентона послышался голос Деборы:

— Ден, что происходит? Я могу выйти?

— Оставайся, где стоишь, — бросил он через плечо. — Когда будет можно, я скажу.

Дентон, в отличие от нецивилизованного и необразованного Кру, заметил фальшивые нотки в поведении японцев. Он прекрасно понимал, что Якуни и не думал сдаваться. Для японца подобное было просто невозможно.

И он оказался прав. Несколько японских солдат, танцевавших с крайне серьезным видом — ибо никто из них не смеялся, в отличие от бирманцев, — постепенно приблизились к порогу электростанции. Без всякого предупреждения они сомкнулись вокруг Дентона. Точность атаки была достойна восхищения. Двое схватили его за руки, третий приставил пистолет к голове. Раздался раскат грома, и этнолог взмыл вертикально вверх, так что пуля лишь зацепила его каблук. И снова ударила молния.

Трое солдат мгновенно обратились в пепел.

Кру потерял самообладание. Туча увеличилась до гигантских размеров. На японцев и туземцев обрушился проливной дождь, для пущего эффекта сопровождавшийся непрерывными ударами грома и вспышками молний. Какой-то солдат бросился в поисках укрытия к деревьям — и тут же был уничтожен. Якуни взлетел вверх, словно

подхваченный невидимым лассо. По головокружительной дуге он поплыл в сторону Дентона и завис в нескольких футах ниже американца. Гром оглушительно гремел не переставая, и попытки Кру говорить устами Дентона ни к чему не приводили.

Дентон и Якуни начали подниматься все выше и выше, пока туча под ними не превратилась в маленькое искрящееся пятнышко, похожее на каплю чернил на рельефной карте.

— Теперь, — сказал Кру, обращаясь через Дентона к капитану Якуни, — мы можем поговорить. Я недоволен тобой, желтолицый. Как я понял, ты местный савбва. Ты поступишь правильно, если станешь мне повиноваться.

Якуни не ответил. Вниз он тоже не смотрел. На лице его застыла бесстрастная маска.

— Ты станешь повиноваться. И твои люди тоже. Иначе я испепелю их всех и разорву тебя на части, медленно и не спеша. Ты понял?

Якуни молчал. Внезапно Кру закрутил офицера вокруг своей оси с такой скоростью, что Дентон видел лишь его размазанные очертания.

— Ты понял?

— Да, — столь же бесстрастно ответил Якуни. — Я согласен.

— Я-а! Тогда отправляйся вместе со своими людьми в селение и объяви о празднестве. Вознесите хвалу Кру. Устройте кровавое состязание, и пусть самый сильный станет старейшиной племени Кру.

— Да.

— Деритесь острыми камнями, как положено, дубинами, зубами и когтями. Кру не нравится это… оружие, которое убивает на расстоянии. С его помощью слабый может убить сильного. В силе правда, желтый савбва! Я, Кру, говорю это. Я не питаю любви к цивилизациям слабаков. Слабые должны служить сильным. И потому — выясните, кто в селении самый сильный. Сделайте это, сражаясь.

— Да.

В это мгновение Дентон испуганно вздрогнул.

— Кру, смотри! — крикнул он, показывая вниз.

Охваченная паникой Дебора Хэдли выбежала из электростанции, пытаясь найти убежище в одном из бирманских домов. Японский солдат, неприятно ухмыляясь, быстро нагнал ее, схватил за руку и повалил на землю. Кру озадаченно смотрел на происходящее, потирая подбородок, пока Дентон нетерпеливо не толкнул бога локтем.

— Она твоя жрица, о великий! — крикнул Ден-

тон. — Разве ты не должен ее защищать?

— О да, жрица Кру священна, — кивнул бог, принимая решение. — Смотри. Я покажу тебе, как умею управляться с молниями. Девушка не пострадает, сам увидишь. Это настоящее искусство. Смотри же.

Кру поднял волосатую руку и выпустил в солдата раскаленный белый сгусток огня. Послышался оглушительный грохот. В небо взлетели клочья дыма и земли. Когда пыль рассеялась, Дебора ошеломленно поднималась на ноги, а солдат исчез. Затем Кру мягко подхватил ее, перенес к электростанции и поставил на порог.

Кру начал опускать тучу все ниже, гоня перед ней туземцев и японцев в сторону селения. Якуни отправился за ними следом. Дентона бог перенес обратно к электростанции и оставил рядом с Деборой Хэдли и яком.

— Пойду посмотрю на празднество, — услышал он собственный голос. — Будь здесь, вместе с моей жрицей, и стереги храм Кру. Я обращусь к своему народу устами священного яка.

Як поднялся в воздух и поплыл над головой Дентона и верхушками деревьев. Наступила тишина, нарушаемая лишь журчанием ручьев, стекавших к горной реке. Издали донеслись при-

глушенные крики.

Дентон сел, чувствуя вялость во всех членах.

— Дебби, ты тут? — спросил он слабым голосом.

Она подошла ближе, ошеломленно глядя на него, и с сочувственным вздохом опустилась рядом.

— Ты ужасно выглядишь, — сказала она, обняв его за плечи.

— Отвратительно себя чувствую, — признался Дентон. — Быть верховным жрецом — это не шутка.

— Еще бы! — Дебора облизнула губы. — Я бы рада предложить тебе выпить, но не могу. Возьми сигару.

— Нет, спасибо. Тьфу!

— Радуйся, что ты не Якуни, — сказала Дебора.

— С ним все в порядке.

— Да? — Она с сомнением посмотрела на Дентона. — Я кое-что видела. Если японца вынуждают подчиниться, он сходит с ума.

— Нет, только не Якуни. Он слишком умен, хитер, никому не доверяет и умеет пользоваться мозгами. В данный момент Якуни не верит в Кру. Готов поспорить, он считает, будто я йог и использую массовый гипноз. Мое могущество для него

чересчур велико, чтобы встретиться в открытом бою, и потому он попытается прибегнуть к другим методам. Он притворится, что подыгрывает, а сам будет действовать исподтишка.

— Но японцы не смогут воспользоваться генераторами, — возразила девушка. — Кру им не позволит.

— Совершенно верно. Но неизвестно, как долго Кру будет удовлетворен существующим положением дел. Я не бог. Я не умею думать как бог, даже дикий. Если Кру решит уйти — а он вполне может, — нам несдобровать. Электростанция снова окажется в руках Якуни.

— Не говори так.

— Я бы предпочел сломать эти генераторы, просто на всякий случай. Мы не можем к ним прикасаться, но одной бомбы вполне хватит, чтобы с ними покончить.

— Конечно, — кивнула Дебора, — с генераторами и с нами тоже, после того как Кру услышит взрыв.

— Нет, если мы сделаем вид, будто ничего не знаем. Мне кажется, я могу уговорить Кру на то, что мне нужно. Или хотя бы убедить его не убивать нас. Он не всеведущ. У меня есть идея.

— Что за идея? — спросила она.

— Нужно добыть бомбу. К генератору мы приблизиться не можем, но если бомба взорвется внутри электростанции, этого будет достаточно.

— Отлично. Идем!

— Умница, — широко улыбнулся Дентон.

Когда они спускались по склону через джунгли, Дебора на мгновение остановилась:

— Ден, я только что подумала…

— О чем?

— О вполне очевидном. Не догадываешься?

— Ты имеешь в виду, что Якуни может послать за помощью? За парашютистами и бомбардировщиками? Я тоже об этом думал. Нам ничто не угрожает, Дебби. Якуни не хочет привлекать внимание к Мьяпуру. Массовые перемещения войск в этом направлении могут выдать их воздушной разведке союзников. И естественно, ему совершенно не нужно, чтобы электростанцию разбомбили. Но есть еще более важный фактор.

— Какой?

— Потеря лица. Ты можешь представить себе Якуни, который телеграфирует, что Мьяпур захвачен некими американцами-гипнотизерами — танцовщицей и этнологом? Нет, конечно. Якуни намерен разбираться с этой ситуацией сам, до тех пор пока это возможно.

Возле склада боеприпасов не было ни одного часового. Видимо, Кру обшарил весь Мьяпур в поисках уклоняющихся от ритуала. Дентон повозился с замком, но в конце концов отпер его. Оказавшись внутри здания, он занялся изучением бомбы.

— Можешь разобраться? — поинтересовалась Дебора.

— Похоже на то. Взрыватель… гм… если эти штучки действительно настолько мощные, как ты говоришь, они должны выдерживать сильные удары и тряску, не срабатывая. Так что… кажется, понял. Смотри.

— Только не сейчас, ради всего святого. Давай вернемся назад на электростанцию.

— Ладно. Нам потребуются веревки.

8. Покровительство Кру

Однако пронести бомбу через порог электростанции им не удалось. У входа их остановила некая непреодолимая сила. Они, как ни пытались, просто не могли войти внутрь с бомбой.

— Будь оно все проклято! — взорвался Дентон. — Такого я не ожидал.

Дебора побледнела.

— Кру… Кру наблюдает за нами?

— Уверен, что нет. Это условный рефлекс. Он не позволил нам совершить святотатство.

— Он говорил, что мы не можем прикасаться к генераторам.

— Часть символизирует целое. Срабатывает наше подсознание. Пока у нас есть осознанное желание разрушить алтари Кру, мы физически не способны это сделать. Вот ведь невезение! — Он нахмурился. — Если бы мы на самом деле думали, будто бомба не может причинить никакого вреда, вероятно, мы смогли бы внести ее внутрь. Но, готов биться об заклад, нам не удалось бы ее взорвать.

Дебора задумалась.

— Если бы ты смог замаскировать бомбу под что-то другое и попросить меня внести ее, возможно, и получилось бы.

— Лучше бы ты этого не говорила. Теперь мы оба будем начеку.

— Мы могли бы уговорить кого-нибудь из местных внести туда бомбу.

— Бирманец этого не сделает, поскольку ему запрещено входить на электростанцию. Японец — тоже, по разным причинам. Интересно, а если попробовать спустить ее на веревках?

Эксперимент показал, что и все прочие средства не приводят к цели. Кру был мастером постгипнотического внушения. В конце концов они спрятали бомбу в джунглях и с мрачным видом уселись на землю.

— Якуни может выиграть, если окажется достаточно терпелив, — рассуждал Дентон, почесываясь. — Похоже, у этого яка блохи… Из разговоров с Кру я понял, что Мьяпур как таковой его не устраивает. Он хочет расширить свои владения. В данный момент нам ничто не угрожает, поскольку Кру в состоянии держать Мьяпур под контролем. Но если он пойдет дальше… что ж, как я уже говорил, он не всеведущ. Он не будет контролировать все свои храмы. И Якуни может явиться сюда.

— Пока сюда не заявится Кру.

— К тому времени нас уже расстреляют. Да и Кру может оказаться достаточно капризным. Возможно, ему надоест этот храм и он снова позволит японцам забрать его себе. Кто знает? Однозначного силлогизма тут не построишь.

— Отчасти я понимаю, о чем ты говоришь, — сказала Дебора. — Но только отчасти.

Дентон продолжал размышлять:

— Самый лучший вариант — вывести из строя

генераторы. Но самим нам этого не сделать. Можно было бы рассчитывать на бомбардировщики союзников, если бы нам удалось дать о себе знать. По радио. Давай-ка заглянем в штаб-квартиру Якуни.

Но, как оказалось, капитан Якуни предусмотрительно извлек из радиостанции некоторые важные детали.

— Дай-ка подумать… — Дентон потер виски. — У меня есть одна мысль, но на это потребуется время. Психологию Кру так быстро не задействуешь.

— Психологию?

— Кру страдает комплексом неполноценности. Ему хочется быть большой шишкой. А чего хочется нам?

— Скажи.

— Нам хочется смыться от япошек. Давай вернемся на электростанцию. Мне нужно продумать план.

Несколько часов спустя в двери храма Кру снова вплыл як, украшенный цветочными гирляндами.

— Кру приветствует своих жреца и жрицу, — произнесло животное, с глухим стуком опускаясь на землю. — Вы преданно охраняли алтари. Не

так ли?

— О да! — дипломатично поклонился Дентон. — Кру велик.

— Действительно велик. Мой народ в селении воздает мне хвалу. Туземцы отвернулись от своих лживых богов.

— Бедный Якуни, — пробормотала Дебора.

— С ним наверняка все в порядке, — быстро ответил Дентон. — Он просто ждет своего шанса.

— О чем вы? — требовательно спросил як.

— Кру велик, — поспешно сказал Дентон. — Мы с твоей жрицей говорили о том, как распространяется твоя слава. Все-таки Мьяпур не такой уж большой городок.

— Мое имя будет известно по всей земле. Но не прямо сейчас, — объяснил Кру. — Жизнь всех богов следует единым законам, и мелкие боги рано или поздно становятся великими. Но всегда надо с чего-то начинать.

— У всех богов есть верные последователи, — сказал Дентон.

— Да, это так.

— Почему бы нам не стать твоими последователями? Мы могли бы отправиться в мир и рассказывать людям о тебе. Реклама всегда окупается.

Поскольку як ничего не ответил, Дентон поспешно продолжил:

— Почему бы тебе не перенести нас в какой-нибудь большой город — в Австралии или даже в Америке, — где мы могли бы нести людям слово о тебе?

— В Австралии и в Америке наверняка есть собственные боги, — резко возразил Кру. — Прежде чем распространять свою власть, мне придется подождать, пока вырастет мое могущество. Бирмы для начала вполне хватит. Если я не рассчитаю свои силы, это может навлечь на меня гибель. Другие боги завистливы. Нет, верховный жрец Кру, ты останешься здесь и будешь от моего имени править Мьяпуром.

— Вот так, значит, — сказала Дебора. — Кру, ты не против, если я воскурю благовония?

Трясущимися руками она зажгла сигару.

Дентон потер подбородок и обратился к яку:

— Кру, великий Кру, могу я говорить с тобой откровенно?

— Будь благоразумен в своих речах.

— В общем, так. Предположим, жрец Кру погибнет от смертельного оружия. Будет ли это несчастьем?

— Несчастьем для убийц, — проревел як. — Они

умрут.

— И тем не менее это навредит твоему авторитету. Я представляю тебя в человеческом облике. Так?

— Полагаю, да. Да, это так.

— Тогда, если меня убьют, это может подорвать веру во всемогущество Кру.

— Кто смеет поднять на тебя копье? Покажи мне его, и он будет уничтожен.

— Все селение, и всех тебе не уничтожить. Или ты останешься без поклонников. Ты же сам знаешь, что оказал мне особую честь. Разве не естественно, что все остальные одержимы завистью?

— Да, это свойственно людям. — На мгновение Кру забыл о своих личных очевидных пороках.

— Именно, — кивнул Дентон. — Ты говорил, что жизнь богов подчиняется одним и тем же законам. Как насчет неуязвимости?

— Ты имеешь в виду Бальдура? Но он был богом.

— Возьмем тогда Ахиллеса. Он был человеком, но стал неуязвимым благодаря чести, которую оказали ему боги, отметив его своей печатью. Ты не мог бы сделать неуязвимыми жрицу и меня, чтобы доказать свое могущество?

— Прекрасно, — сказал Кру. — Да будет так.

Дебора судорожно сглотнула:

— Вот так просто?

— Да. Но Бальдур был убит веткой омелы, а Ахиллес ранен в пятку. Закон богов не велит мне поступать иначе. В броне обязательно должна быть щель. Вам обоим ничто не может причинить вред, пока вы находитесь в храме Кру.

— Погоди, — поспешно сказал Дентон. — Ты уверен, что это именно то, что тебе нужно? Если дела позовут тебя за пределы Мьяпура, разве ты не хотел бы, чтобы мы поддерживали здесь порядок, подавляли инакомыслие и занимались прочими богоугодными делами?

— Ты говоришь истину, — кивнул як. — Я понимаю твою мысль. Вы не осмелитесь покинуть храм, и мой народ в мое отсутствие может обратиться к ложным богам. Да, это верно.

— Почему бы не сделать нас неуязвимыми постоянно?

— Сын Аполлона пострадал из-за собственной гордости, — загадочно заметил Кру. — Повелеваю: пока вы рядом с моим священным яком, ничто не причинит вам вреда. А теперь я возвращаюсь на празднество в мою честь. Я-а!

— Не забирай яка! — отчаянно крикнула Дебо-

ра, и как раз вовремя.

Животное описало в воздухе изящную дугу и вернулось в исходную точку.

— Мне не нужны тела земных существ, чтобы наблюдать за своими поклонниками, — сказал як.

Рядом с ним появилась грозовая туча и, негромко потрескивая, выплыла из дверей электростанции.

Кру исчез.

9. Лживый жрец

Полное установление власти Кру над Мьяпуром происходило под неусыпным наблюдением бога. Он казался всевидящим оком, преступать законы которого было небезопасно. Сам Кру был невидим. Туча отнюдь не всегда возвещала о его присутствии. Согрешившие подвергались суровому наказанию, обычно — смерти. И капитану Якуни вовсе не хотелось, чтобы его силы уменьшились вдесятеро.

Самообладание японского офицера не слишком пострадало, если не считать очевидных отрицательных сторон той ситуации, в которой он оказался. Ибо, как и подозревал Дентон, Якуни ни

на мгновение не верил в Кру. Напротив, он приписывал происходящее массовому гипнозу, решив, что его солдаты погибли вовсе не от божественной молнии, поскольку молниями невозможно управлять за пределами надлежащим образом оборудованных лабораторий. Скорее всего, Дентон просто застрелил или заколол пытавшихся помешать ему солдат и загипнотизировал всех, внушив им намного более впечатляющую сцену. Гипноз, конечно, для этого требовался весьма выдающийся, но Якуни предпочитал верить в данное объяснение, чем признать существование Кру. Собственно говоря, он просто не мог поверить в Кру. Подобное для него было физически невозможно.

Мьяпур погрузился в грязь и кровь. Мужчины охотились. Никому не было позволено бездельничать, и любое огнестрельное оружие было запрещено. Як особо это подчеркнул, упомянув о том, что Кру презирает трусов. Кру хотел, чтобы его народ был отважен, возможно руководствуясь какими-то своими тайными мотивами. Бирманцы, привыкшие к холодному оружию, успешно охотились на тигров, с отработанной точностью метая копья. Японцев это радовало куда меньше.

Все оружие японцев, собранное туземцами, Кру

отправил по воздуху на электростанцию. Однако несколько ружей как сквозь землю провалились, и время от времени кто-то пытался стрелять в Дентона и Дебору. Но они никогда не отходили далеко от яка и потому оставались невредимы. Кру всегда мстил несостоявшимся убийцам, если ему удавалось их найти.

Через неделю по реке должен был прийти очередной груз бомб для Якуни, которые нужно было подвергнуть электролитической обработке. И тогда все было бы кончено — японской империи стало бы известно, что американский гипнотизер захватил Мьяпур и подверг завоевателей неслыханному унижению. Якуни не собирался столь долго ждать. Да, его стрелкам не удалось уничтожить американцев. Но должны же были быть и другие способы.

Вот только Якуни так и не смог ничего придумать.

Еще до конца недели Кру удовлетворенно выдохнул. Это был его народ — а не толпа лживых, трусливых созданий, одержимых лицемерным пустословием, к какому он давно привык. Кру был доволен этим племенем, особенно бирманцами.

Ни один другой бог не был столь велик. Ни у

одного другого бога не было такого храма или столь гигантских алтарей. Во всяком случае, Кру надеялся, что не у многих.

Он позволил себе помечтать. В будущем — естественно, через много веков — Кру мог бы стать столь же великим, как Молох или рыжий Ормазд, именуемый Огненным. Возможно, он чересчур размечтался. Хотя, во имя того, кто выше всех богов, — нет! Даже Ормазд когда-то был мелким божеством. Как и Осирис, и Аллат вавилонская. Да и Мардук тоже. Теперь они обитали в Годсхайме — обители богов, куда не мог войти ни один слабый божок.

Но если Кру станет великим воином и повелителем многих народов и храмов — тогда врата Годсхайма однажды откроются перед ним. Стоило подождать. Пока что он наслаждался возможностью повелевать одним племенем, а в будущем — рассчитывал и на управление целым народом. Кру-Воин! Как зазвучали бы эти слова, если бы только воплотить их в жизнь!

Кру посмотрел с высоты на электростанцию. На одном из алтарей лежал козленок. Жрица, как обычно, курила благовония. Она возносила молитву Кру! Кру скользнул вниз, войдя в тело яка, и немного повозился, прежде чем получить

власть над неуклюжими голосовыми связками животного.

— Кру слышит. Кру принимает вашу жертву.

Дентон, вид у которого был довольно измученный, бросил взгляд на Дебору и едва заметно кивнул:

— Кру велик. Позволишь ли мне сказать?

— Ты дорог мне, жрец. Говори. Разве я не дал тебе неуязвимость?

— Типа того, — мрачно ответил Дентон, — и это оказалось чертовски полезным. Но у меня появилась вот какая мысль. Разве ты не должен следовать образу жизни других богов?

— Я не следую за другими богами. Все боги следуют одним великим законам.

— Именно это я и имел в виду, — сказал Дентон. — Мне кажется, ты кое-что упускаешь, Кру. Солнечный миф. Все великие боги умирали и воскресали из мертвых. Гор в Египте, Бальдур, Кетцалькоатль, боги ирландцев, американских индейцев, любых народов. Разве у друидов не было бога по имени Мидер, который возродился вновь? В день весеннего равноденствия.

— Да, и при каждом затмении. Жрец, ты мудр. Но я не знаю, готов ли я.

— Почему бы и нет? Сейчас самое подходящее

время.

— Истинно глаголешь, жрец. Я был неблагоразумен. Отлично, я умру и воскресну. Это продлится недолго, один лунный цикл… один месяц.

— Замечательно. И как это будет происходить?

Кру объяснил. Обряд выглядел довольно интересно. Кру согласился впасть в спячку на тридцать дней. Для его поклонников этот период должен был стать временем траура и отречения от всех удовольствий, пока бог не пробудится ото сна.

— Да, — торжественно произнес як, — Кру велик!

Дентон многозначительно посмотрел на Дебору.

— О да, велик, — сказала она. — Пойду проверю, как идут дела с плавучими храмами.

— Хорошо, — согласился доверчивый бог. — Разумная мысль.

Он пустился в обсуждение деталей обряда со жрецом, в то время как Дебора незаметно направилась в сторону селения.

Эта идея пришла в голову Дентону несколько дней назад — построить плавучие платформы, на которых можно было бы поклоняться Кру. Он легко убедил бога в их символической роли,

подчеркивающей, что Кру повелевает не только землей, но и водой. Платформы эти были почти готовы. Одну из них по распоряжению Дентона сделали особо прочной — ее поддерживали на воде запаянные баки из-под горючего, и у нее имелся работоспособный руль. Собственно говоря, она была построена для яка — без которого невозможно было обойтись, если они хотели остаться в живых. Присутствие яка обеспечивало им неуязвимость. С ним ничто не могло помешать им во время путешествия вниз по реке до ближайшей базы союзников. Учитывая, что Кру будет погружен в сон, никакая предосторожность не была лишней.

Все прошло как по маслу. План сработал на удивление успешно, однако легкое беспокойство не покидало Дентона. Кру ничего не подозревал, пока продолжалась церемония, и капитан Якуни не проявлял никаких враждебных намерений. Ритуал начался на рассвете и длился около двух часов, завершившись, как обычно, пьяной оргией.

Исход церемонии был предопределен. Висевшая над головой туча сжалась и исчезла. Дентон понял, что Кру больше нет.

Бог погрузился в сон. Вскоре он снова должен

был воскреснуть. Но за это время нужно было успеть сделать очень многое.

Они направились к реке — Дебора верхом на яке, Дентон вел животное в поводу. Туземцы веселой процессией следовали за ними. Для них все происходящее было всего лишь частью обряда. Они ничего не сообразили, даже когда яка погрузили на плавучую платформу и американцы оттолкнули ее от берега.

— Я отправляюсь принести жертву Кру в тайном месте, — объявил Дентон толпе на берегу. — Если не вернусь завтра к восходу солнца, Мьяпур для вас — запретный город. Найдите себе новые дома и селения. Таков приказ Кру. — И объяснил, повернувшись к Деборе: — Так они смогут спастись, если Мьяпур начнут бомбить с воздуха.

Плот скрылся за поворотом реки. Последним, что увидел Дентон, было лицо капитана Якуни — озадаченное, настороженное и задумчивое. Никто не пустился за ними в погоню.

Дентон проверил плот. Под брошенными на него шкурами скрывался запас еды, а также пара ружей и несколько ножей, которые он заранее там спрятал.

— А теперь бери шест и отталкивайся от берега,

если нас прибьет к нему слишком близко, — сказал он Деборе. — С этим рулем чертовски тяжело управляться. К счастью, река не слишком быстрая, иначе мы могли бы опрокинуться. Если встретятся пороги — замедли ход, мы сойдем на сушу, заберем яка и потащим плот волоком.

Дебора поежилась.

— Мне просто интересно, — пробормотала она. — Интересно, что с нами будет, когда Кру проснется.

Пока они скользили по течению, никто со стороны Якуни их не преследовал. За проплывавшим в коричневой мутной воде плотом наблюдали крокодилы, лежавшие словно бревна на илистых берегах. Горячий воздух был душным и спертым. Справа и слева возвышались молчаливые стены джунглей.

Повсюду стоял пронизывающий запах гниющих растений. Ветер не приносил прохлады даже на закате, когда небо становилось зеленым, словно бирманский нефрит. Сигары Деборы отсырели, а ей так хотелось курить. Як, привыкший к иной высоте, печально мычал, глядя на американцев большими карими глазами.

Однажды они увидели самолет, но он был слишком далеко, хотя Деборе показалось, что

это американский П-40. А в другой раз на них обрушился шквал выстрелов, когда они выплыли из-за поворота. Нападавшие прятались в джунглях, однако пули не причинили путникам никакого вреда. Дентона, Дебору и их животное-хранителя кусали кобры. На них охотились хищники. Их преследовали крокодилы. Беспредельное могущество Кру оставалось незыблемым, хотя бог спал.

Плот плыл все дальше, пока пороги не перегородили реку. Тогда беглецы пошли пешком. Кинжалы пригодились, чтобы прокладывать путь через переплетенные ветви и лианы, а як мог проделать проход в самых труднодоступных местах. Но большую часть времени Дентон шел со спутниками по хорошо утоптанной тропе. Им нечего было опасаться, кроме голода и жажды. Даже встреченный отряд японских разведчиков не представлял для них никакой угрозы.

Но путешествие затянулось. Они слепо шли на юг, вдоль реки, поскольку не знали, где искать базу союзников. Часто видели самолеты. Дважды Дентон был к этому готов и разводил сигнальный костер. В первый раз он опоздал, и самолет улетел, прежде чем пилот успел заметить дым. Во второй раз появились японские истребители,

и воздушный бой в небе ушел на запад.

Як не страдал от недостатка пищи, хотя его шерсть стала от жары спутанной и грязной. Дебора ни разу не пожаловалась, но после первой недели пути она начала худеть — как и Дентон. Впрочем, оно и к лучшему, поскольку излишний вес способствует лихорадке.

Оборванные, измученные, исхудавшие, они шли и шли. Неделю. Две. Три. И дольше. Им так и не удалось встретить базу союзников.

И вот пробудился Кру.

Зверь после спячки голоден и слаб. Но для богов подобное не верно. Когда Кру проснулся, его первым осознанным чувством было радостное ожидание. Сны ему снились очень приятные — о Мьяпуре, его народе и о великом будущем. Кру потянулся всем своим мускулистым телом и громко рассмеялся. Рассветное солнце сияло жемчужным шаром в тумане над джунглями. Настал день торжества. Теперь Мьяпур перестанет оплакивать спящего бога и возрадуется. Кру воскрес, и в Мьяпуре будет звучать смех.

Но в селении на берегу реки стояла тишина. Над хижинами не поднимался дым. Не было никаких признаков жизни.

— Я-а! — воскликнул Кру, устремляясь к зем-

ле. — Проснись! Проснись, мой народ!

В Мьяпур уже вторглись джунгли. По улицам бродили шакалы, и между камнями продиралась буйная растительность. Храм? Храм был осквернен.

Алтари Кру исчезли.

Мьяпур пал, как когда-то пал Вавилон, словно на него легло чье-то проклятие. Кру непонимающе смотрел на руины. Он стоял неподвижно, возвышаясь над Мьяпуром. В небе с пронзительным криком пролетел коршун. От реки к небу унесся приглушенный гром.

— Ай-и! Мой народ! Мои верные жрец и жрица!

Удивление исчезло с лица Кру. В свете утреннего солнца блеснули его желтые клыки. Снова раздался гром.

— Мои великие сияющие алтари! Ах-х…

Сверкнула молния. Небо внезапно затянули тучи.

Яростно рыча, Кру устремился на юг. Буря следовала за ним по пятам. Удары грома возвещали о его приближении. Джунгли пригибались перед идущим Кру.

Наконец он увидел свою добычу. Искать вслепую не было никакой нужды, поскольку нераз-

рывная духовная связь между богом и жрецом, между богом и священным животным безошибочно влекла его к цели. Кру увидел добычу — и протянул громадную руку.

10. Награда воина

Дентон проснулся от резкого порыва ветра. Он судорожно вздохнул, дернулся, пытаясь сесть, и увидел головокружительную картину уносящихся вниз джунглей. Вместе с ним в воздух поднимались Дебора и як.

— Ден! — отчаянно протянула к нему руки побледневшая девушка, и Дентон привлек ее к себе. — Ден! Это… это Кру!

— Я понял.

В полумиле над землей они остановились.

Як тряхнул косматой головой. Из его глотки раздался гневный голос:

— Это Кру! Вы предали вашего бога. Мьяпур опустел, мой храм осквернен и разграблен. Мои алтари исчезли. Мой народ разбежался. Умрите же, неверные стражи!

Дентон почувствовал, как тошнотворный комок подкатывает к горлу.

— Погоди, — выдохнул он. — Кру, послушай.

Дай нам шанс.

— Я слишком долго слушал. Вы умрете!

— Кру, — неожиданно заговорила Дебора, — мы ничего не могли поделать. Японцы ворвались в храм и изгнали нас.

— Вы могли их остановить.

— Мы пытались. Но тебя не было. Они… они…

— Почему вы сбежали? Вы неуязвимы.

— Мы пытались привести помощь, — слабо проговорила Дебора и сжалась в комок, не в силах больше сказать ни слова.

Но она дала Дентону передышку, и он продолжил:

— Она говорит правду. Нас изгнали. Бирманцы пытались нам помочь, но японцы оказались слишком сильны. Мы отправились за помощью, чтобы вернуть твои алтари.

— Мои алтари! Мои великие сияющие алтари, подобными которым не обладал никто из богов. Где они?

Дентон быстро посмотрел на Дебору.

— Якуни демонтировал электростанцию. Он понял, что мы можем добраться до союзников и тогда Мьяпур начнут бомбить. Вероятно, он установил генераторы где-то в другом месте.

— Где? — проревел як. — Найди мои алтари,

жрец, или погибнешь.

— Хорошо, я попытаюсь. — Дентон сглотнул слюну. — Ты можешь вернуть нас обратно в Мьяпур?

— О да!

На этот раз путешествие было быстрым. Кру в мгновение ока перенес пленников в бирманское селение.

— Смотри же! Взгляни на руины моего храма!

— Вини в этом японцев, — сказал Дентон, облизывая пересохшие губы.

— Найди мои алтари.

— Сделаю все, что в моих силах. Мы можем… э… полететь вдоль реки со скоростью миль шестьдесят в час?

Кру не ответил, но Дентон, Дебора и як устремились вниз по течению, паря высоко в небе.

— Эй… чуть пониже, — заявил Дентон. — Спасибо.

У Деборы дрожали губы.

— Мне бы сейчас хотелось оказаться где-нибудь совсем в другом месте, — сказала она. — Что нам делать?

Дентон сжал ее руку:

— Спокойно. У меня нет никаких приборов, но я могу предположить, куда отправился Якуни.

— Куда?

— Вниз по реке. Ему нужно как-то перевезти генераторы. Даже разобранные, они весьма тяжелые, так что без плотов ему не обойтись. И уж явно они не поплывут вверх по течению.

— Но, Ден, мы же не можем обыскать всю реку.

— А нам это и ни к чему. Генераторы преобразуют энергию. Якуни нужна энергия воды. Он поставит генераторы возле водопада. У него на это было больше месяца.

— Но… даже за месяц…

— Ты знаешь, как работают японцы. У Якуни в команде хорошо обученные инженеры из Токио. Возможно, новая электростанция еще не готова окончательно, но Якуни наверняка этим занимается. Естественно, она замаскирована. Он бы не вывез генераторы из Мьяпура, чтобы укрыться от наших бомбардировщиков, не предусмотрев возможности тщательно их спрятать. Будь внимательна.

Но в конечном счете их цель нашел сам Кру. Как и ожидал Дентон, она находилась недалеко от водопада, потайные цементные каналы обеспечивали необходимое давление.

Вся группа устремилась вниз. На мгновение по их лицам хлестнули листья. Затем они оказались

внутри импровизированной электростанции, построенной Якуни. Это была грубая работа, но над ней потрудились опытные техники, работая день и ночь под угрозами Якуни. Именно там стояли алтари Кру. Более того, они действовали. Ревели турбины, преобразуя энергию реки. Да, Якуни и впрямь работал быстро.

Едва Дентон успел бросить на них взгляд, как оказался на противоположном берегу над водопадом, рядом с Деборой и яком. Все молчали. Кру тоже.

— Он все-таки это сделал, — вздохнула Дебора. — Япошка снова клепает чертовы бомбы.

Дентон не успел ответить, как заговорил як:

— Что это, жрец? Что с моими алтарями? Что с ними случилось?

Неожиданно Дентону пришла в голову мысль. Он бросил на Дебору предупреждающий взгляд.

— Желтокожие люди — неверные, Кру. Их предводитель изгнал твоих верных бирманцев и наложил проклятие на Мьяпур. Он сказал… он сказал, что ты слабак и должен бежать прочь и спрятаться подальше, когда проснешься.

— Ден, — прошептала Дебора.

— Я говорю правду, жрица? — Дентон уставился на девушку.

— Д-да. Именно так и было.

— Мои алтари! — простонал Кру.

— Кру… — сказал Дентон, смертельно побледнев. — Изгони этого злого бога. Ты могуществен. Сразись с ним. Уничтожь его.

— Сразиться с ним?

— Он творит зло. Он несет смерть твоему народу. Ты… боишься?..

— Ждите, — сказал як. — Оставайтесь здесь. И смотрите.

— Ты… сразишься с другим богом?

— Ждите, — повторил Кру, — и смотрите.

Он взглянул на генераторы, которые пульсировали словно живые. Их рев напоминал монотонную погребальную песнь. Вокруг них суетились желтые люди, служа и поклоняясь им. Поклоняясь новому богу, который проклял Мьяпур.

— Я боюсь, — сказал сам себе Кру. — Ай-и, боюсь!

Внезапно он возненавидел нового бога.

До его ноздрей донесся запах благовоний. Дентон курил последнюю сигару Деборы, хоть и отсыревшую. И Дентон молился.

— Отомсти за свой народ, Кру. Изгони узурпатора. Вызови его на бой. Кру велик.

Всего лишь один верующий — против многих там, внизу. Всего лишь один — нет, двое, ибо Дебора тоже молилась.

Оскалив желтые клыки, Кру посмотрел с высоты на электростанцию — и начал посылать проклятия. Сначала тихо. Для человеческого уха они звучали как ветер, глухой гул надвигающейся бури. Кру проклинал нового бога, бросая ему вызов.

— Кру велик. Кру более велик, чем любой узурпатор. Ты похитил мои алтари. Станешь ли ты сражаться за них? Станешь? Выйдешь на бой с Кру? Я-а! Ибо я великий бог, и я сокрушу тебя.

С затянутого тучами неба налетел резкий порыв ветра. Якуни озадаченно посмотрел вверх. Буря?

Он бросил взгляд на генераторы. Послышалось ли ему, или звук действительно изменился? В самом ли деле они гудели в унисон с ревущим ветром — словно отвечая ему? Словно ветер бросал им вызов? И турбины ответили!

Буря усиливалась. Казалось, в ее реве слышится членораздельная речь. И генераторы…

Глаза Якуни расширились. Он метнулся к рубильникам, но не успел.

С небес спустился Кру. Невидимый, могучий,

ужасный. Кру наклонил лохматую голову и бросился в бой с богом генераторов.

Оглушительный взрыв потряс джунгли.

На другом берегу, над водопадом, Дентон с трудом поднялся на ноги, чувствуя, как кровь течет из носа и ушей, и помог подняться Деборе. Позади них с громким мычанием пытался встать як. Внезапно он упал, громадная волосатая туша застыла неподвижно.

Дебора заплакала:

— Он погиб, Ден. В смысле, Кру. Мы… мы…

— А мне, по-твоему, сейчас каково? — хрипло спросил Дентон. — Послать этого… этого чудовищного дикаря на верное самоубийство… Но это был единственный выход.

— Наверное.

— Конечно да! — сказал Дентон, потирая лоб. — Я… я, собственно, такого даже не ожидал. Я думал, либо Кру уничтожит генераторы, либо его самого уничтожат. Все получилось даже лучше. Якуни и его люди мертвы, а генераторы превратились в металлолом.

— Як тоже мертв.

— Он умер, когда умер Кру. Дебби, ты уверена насчет Кру? Что он… что его больше нет?

Она медленно кивнула:

— Уверена, Ден. Я чувствую, что его не стало. А ты?

— Да, я тоже. В душе он был сущим неандертальцем, но я ненавижу себя за то, что сыграл с ним такую злую шутку.

Он совсем сник и поежился.

Девушка посмотрела на тучи над головой и вдруг спросила:

— Что это? Самолет?

На западном небосклоне появилась точка.

— Да, — несколько секунд спустя ответил Дентон, — причем из наших. Вероятно, они видели взрыв. Неудивительно.

Он сорвал с себя рубашку и принялся неистово ею размахивать.

Самолет покачал в ответ крыльями и начал описывать круги в поисках места для посадки.

Дентон поднял брошенную сигару и снова зажег ее, посмотрев на небо. Дебора слабо улыбнулась, поняв его жест.

— Самолет приземлился, — сказал Дентон. — Идем, Дебби.

Он бросил сигару в реку, и пламя над алтарем Кру погасло навсегда.

* * *

Кру ехал верхом на яке в густом удушливом влажном тумане, заполнявшем все вокруг. Наконец мгла начала рассеиваться, распадаться на белесые космы и клочья. Сквозь разорванные облачка показались очертания четырех высоких фигур, охранявших мост. Позади них уходил в бесконечность дугообразный пролет. Великаны молча ждали.

Мускулистые и грозные, они приветствовали Кру странными жестами.

Они назвали свои имена.

Мардук и Ормазд Огненный, Осирис и Аллат вавилонская.

Ормазд покачал рыжей головой и широко улыбнулся:

— Приветствуем тебя, Кру-Воин.

Кру на мгновение лишился дара речи.

— Но это не может быть блаженная обитель Годсхайм, — с трудом выговорил он. — Я всего лишь мелкий бог…

— Это мост в Годсхайм, — заверил его Мардук. — Погибшие боги уходят туда, если смогли доказать свою силу. Там твое место.

Кру недоверчиво выставил перед собой воло-

сатые руки.

— Ормазд! Великий Осирис… Мардук и Аллат? Но я не великий — я мог им стать — лет через тысячу. Но умер, увы, слишком рано.

— Ты пал в бою, — напомнил Осирис. — Ты бросил вызов самой могущественной сущности во вселенной. Никто из нас не осмелился бы сразиться с противником, которого уничтожил ты. Хай! Ты один из нас, брат. Идем!

Мардук и Ормазд встали по обе стороны от умиленного Кру. Аллат вышла вперед. Осирис стоял позади.

И Кру-Воин ступил на мост, ведущий в извечный Годсхайм.

Исцеление

Считается, что отпуск благотворно влияет на здоровье, но Доусон, вернувшись из Флориды, чувствовал себя не лучше прежнего. Он не рассчитывал на чудесное исцеление. Он вообще ни на что не рассчитывал. Сейчас он сидел у себя в кабинете, облокотившись о стол, и угрюмо рассматривал Эмпайр-стейт-билдинг, в глубине души надеясь, что здание рухнет у него на глазах.

Каррутерс, его партнер по юридической фирме, заскочил стрельнуть сигарету и мимоходом сообщил:

— Паршиво выглядишь, Фред. Сходи выпей, что ли.

— Не буду я пить среди бела дня, — отказался Доусон. — Тем более во Флориде только и делал, что пил.

— Не перестарался?

— Нет. Честно говоря, замучило меня все это.

— Как говорится, всякий дуб был когда-то желудем, а из нервных расстройств вырастают полноценные психозы, — заявил Каррутерс с простодушной (даже чересчур простодушной)

миной на пухлом бескровном лице.

— Выходит, теперь я псих?

— Вполне может быть. Со временем узнаешь. Одного в толк не возьму: откуда у тебя эта иррациональная боязнь мозгоправов? Я, к примеру, побывал у психоаналитика.

— Ну и что узнал?

— Что женюсь на высокой брюнетке, — ответил Каррутерс. — Психиатрия — это тебе не астрология. Может, в детстве ты укусил бабушку. Дай волю этим воспоминаниям, пусть выйдут на свет, иначе будешь крутить в голове фразу «У тебя такие большие зубы» и завязнешь в болоте психоэмоциональных терзаний.

— Не вязну я ни в каком болоте, — возразил Доусон. — Просто…

— Ну да, конечно. Погоди: в колледже ты учился с парнем по фамилии Хендрикс, так?

— Было дело.

— Недавно я встретил его в лифте. Хендрикс переехал в Нью-Йорк из Чикаго. Открыл практику в этом же здании, но повыше, на двадцать пятом этаже. Говорят, он один из лучших психиатров в стране. Может, сходишь к нему?

— И что скажу? — осведомился Доусон. — Меня же не донимают зеленые человечки.

— Везунчик, — заметил Каррутерс. — А меня донимают. Днем и ночью. И выпивку мою воруют. Просто признайся Хендриксу, что тебе чудится запах дохлых мух. Может, в детстве ты отрывал крылышки малярийным комарам. Видишь, как все просто? — Он встал со стула, похлопал Доусона по плечу и шепотом добавил: — Сходи к нему, Фред. Сделай мне такое одолжение.

— Хм… Ну ладно.

— Вот и молодец, — просветлел Каррутерс и взглянул на часы. — Кстати, вчера я записал тебя к Хендриксу. Прием через пять минут. — И он сбежал, не обращая внимания на ругательства, летевшие ему в спину, а прежде чем захлопнуть дверь, крикнул: — Кабинет двадцать пять сорок!

Доусон нахмурился, нахлобучил шляпу, сказал секретарше, куда идет, и поднялся на двадцать пятый этаж, где на пороге кабинета 2540 столкнулся с херувимоподобным толстяком-коротышкой в твидовом костюме. Смерив Доусона взглядом светло-голубых глаз сквозь блестящие контактные линзы, херувим сказал:

— Здравствуй, Фред. Что, не узнаешь?

— Рауль? — не поверил Доусон.

— Вот именно, Рауль Хендрикс собственной персоной. Как видишь, за последнюю четверть

века я прибавил в весе, зато ты совсем не изменился. Кстати, я хотел сам за тобой зайти. Не успел позавтракать. Может, спустимся на первый этаж и перекусим в кафе?

— Разве Каррутерс не говорил?..

— Обсудим все за едой. — Хендрикс затащил Доусона обратно в лифт. — Столько вопросов накопилось! Ведь мы, считай, друзья детства. Прости, что не выходил на связь. Почти весь этот срок я прожил в Европе.

— Ну а я наших из вида не теряю, — сказал Доусон. — Помнишь Уилларда? Недавно его обвинили в каких-то махинациях с нефтью…

Разговор продолжился за луковым супом и вторым блюдом. Хендрикс по большей части слушал. Иногда посматривал на Доусона, но без особого значения. Они сидели за уединенным столиком, а когда принесли кофе, Хендрикс закурил и выпустил кольцо сигаретного дыма.

— Хочешь диагноз навскидку?

— Было бы неплохо.

— Тебя что-то волнует? Можешь сказать, что именно?

— Конечно, — ответил Доусон. — Что-то вроде галлюцинации. Разве Каррутерс не ввел тебя в курс дела?

— По его словам, тебе мерещится запах дохлых мух.

— И пыльное окно, — усмехнулся Доусон. — Может, это и не окно вовсе. Я его не вижу, а скорее чувствую. Чем-то вроде шестого чувства.

— Как насчет снов? Тебе не снится это окно?

— Если и снится, я не помню этих снов. Ощущение всегда мимолетное. Что хуже всего, в такие моменты я догадываюсь и даже знаю: на самом деле реален не наш мир, а это окно. Обычно такое бывает, когда я занимаюсь повседневными делами. Щелк, и становится ясно, что мое занятие — это сон, а на самом деле я нахожусь перед пыльным оконцем, от которого пахнет дохлыми мухами.

— Хочешь сказать, ты кому-то снишься? Как Червонный Король из «Алисы в Зазеркалье»?

— Нет. Наоборот, мне снится все это. — Доусон обвел глазами обеденный зал. — Вся моя жизнь.

— Что ж, нельзя исключать, что так оно и есть. — Хендрикс потушил сигарету. — Но тут начинается метафизика, а в ней я не сведущ. Не важно, что кому снится. Главное — верить в сон, пока ты его видишь. Если это не кошмар.

— Не кошмар, — помотал головой Доусон. — Пока что я вполне доволен своей жизнью.

— Итак, на чем мы остановились? Ты не знаешь, что тебя беспокоит. Видение — всего лишь символ. Стоит понять, что за ним кроется, и вся конструкция рухнет. Другими словами, невроз перестанет существовать. По крайней мере, обычно бывает именно так.

— Исчезнет, как привидение при свете дня?

— Вот именно. Но не пойми меня превратно. Невроз способен перерасти в полноценное психическое расстройство. У тебя что-то вроде обонятельной галлюцинации, но без сопутствующей делюзии. Ты знаешь, что никакого окна не существует.

— Ну да, — подтвердил Доусон, — но чувствую, что моя ладонь лежит на каком-то предмете.

— То есть галлюцинация еще и тактильная? Что это за предмет?

— Не знаю. Холодный и твердый. Если сдвинуть его с места, что-то произойдет.

— Ты пробовал его двигать?

Помолчав, Доусон еле слышно ответил:

— Нет.

— В таком случае попробуй. — Хендрикс достал блокнот с карандашом. — Предлагаю провести импровизированный словесно-ассоциативный тест.

— Это еще зачем?

— Чтобы найти причину, по которой тебе видится это окно. Поищем ментальную блокировку, поставленную внутренним цензором. Проведем генеральную уборку. Если регулярно наводить порядок в доме, сэкономишь массу времени. Углы не успеют зарасти паутиной. Но стоит захламить сознание, и запросто наживешь реальный психоз — со всеми вытекающими. Повторяю, главное — нащупать причину. Тогда ты поймешь, что галлюцинация — всего лишь соломенное чучелко, и она больше не будет тебя беспокоить.

— А что, если это не соломенное чучелко?

— В таком случае хотя бы признаешь существование галлюцинации и попробуешь от нее отделаться.

— Понятно, — сказал после паузы Доусон. — Будь я повинен в смерти человека, мог бы очистить совесть, позаботившись о его сиротах.

— Почитай Диккенса, — посоветовал Хендрикс. — У Скруджа хрестоматийная история болезни: галлюцинации, мания преследования, комплекс вины и, наконец, исцеление. — Он взглянул на часы. — Готов?

— Готов.

Когда закончили, Хендрикс просмотрел резуль-

таты и не без удивления сообщил:

— Все нормально. Даже слишком. Есть парочка особенностей, но для однозначного вывода надо провести еще несколько тестов, чтобы не переходить в эмпирическую плоскость… Хотя иногда без этого не обойтись. В следующий раз, когда начнется галлюцинация, попробуй шевельнуть предмет, на котором лежит твоя ладонь.

— Не знаю, получится ли, — сказал Доусон, но Хендрикс лишь рассмеялся:

— Что, астральный паралич разобьет? Честно говоря, Фред, ты меня успокоил. Я уж думал, у тебя и правда не все дома. Но дилетантам свойственно переоценивать психические отклонения. Пожалуй, твой друг Каррутерс напрасно за тебя переживает.

— Может быть.

— Короче, у тебя бывают галлюцинации. Не такое уж редкое явление. Стоит найти причину, и все тревоги как рукой снимет. Заходи завтра, в любое время — только позвони заранее, — и я проведу полноценный осмотр. — Он кивнул на кофейные чашки. — Еще по одной?

— Нет, — отказался Доусон.

Через какое-то время он вышел из лифта на своем этаже, а Хендрикс поехал дальше. Как

ни странно, Доусону стало спокойнее. Он не до конца разделял профессиональный оптимизм психиатра, но понимал, что Хендрикс говорил вполне разумные, логичные вещи. Нельзя, чтобы галлюцинация так действовала на нервы. Это попросту алогично.

В кабинете Доусон встал у окна и принялся рассматривать зубчатые силуэты высоток на фоне неба. В уличном каньоне у него под ногами глухо рокотали автомобильные моторы. За сорок два года Доусон выстроил уютную жизнь, стал партнером в юридической фирме, вступил в десяток клубов и обзавелся массой увлечений: впечатляющий результат для человека, чей жизненный путь начался в сиротском приюте. Когда-то он был женат, но развелся, хотя сохранил приятельские отношения с бывшей женой и теперь вольготно жил в холостяцких апартаментах неподалеку от Центрального парка. У Доусона было все, что душе угодно, но какой толк от денег, власти, престижа, если он не сумеет победить эту галлюцинацию?

Под влиянием момента он отпросился с работы и заглянул в медицинскую библиотеку, где нашел массу подтверждений словам психиатра. По всей видимости, пока Доусон не верил в существова-

ние пыльного окна, он пребывал в относительной безопасности, но как только начинал верить, в дело вступала диссоциация, перед которой пасовала логика — субъективная, а посему ложная. Человеку необходимо знать, что он действует в рациональном ключе, а поскольку многие из базовых побуждений отлично замаскированы и не подлежат расшифровке, люди приписывают своим поступкам самый произвольный смысл. Но при чем здесь пыльное оконце?..

«Ну и ну, — думал Доусон, пролистывая страницы. — Стоит поверить в эту галлюцинацию, и у меня… гм… разовьются побочные делюзии. Начну искать причину, по которой существует пыльное окно. К счастью, никакой причины нет».

Он вышел из библиотеки, увидел поток автомобилей и вдруг почувствовал, что лежит под мутным оконцем, едва не касаясь носом стекла. С каждым вдохом в ноздри забивалась пыль, а вместе с ней удушливый и гнетущий запах дохлых мух. Доусон воспринимал этот запах как некий эйдос буроватого цвета, сопровождаемый чувством предельного ужаса и бесконечного отчаяния. Он осязал ладонью что-то твердое и понимал: если не сдвинет этот предмет с места, то задохнется — прямо здесь и сейчас, под этим

засиженным мухами стеклом, — задохнется из-за физической инертности, из-за неспособности тела выполнять свои функции. И еще он знал, что нельзя возвращаться в сон, в котором его зовут Доусон, поскольку это оконце и есть реальность, а Доусон — бесплотное существо, пребывающее в блаженном неведении и живущее в вымышленном городе под названием Нью-Йорк. Он останется здесь и умрет под аккомпанемент запаха дохлых мух, но так и не поймет ничего, пока не настанет жуткий момент, когда уже слишком поздно… Слишком поздно, чтобы сдвинуть этот твердый предмет.

На него обрушился рев автомобилей. Бледный, вспотевший, потрясенный эфемерностью бытия, Доусон замер на кромке тротуара и дождался, когда ненастоящий мир вновь станет реальным, после чего стиснул зубы и остановил такси.

Успокоив нервы двумя порциями чистого виски, он все же сумел сосредоточиться на работе, на простеньком деле об ответственности производителя. Каррутерс уже отправился в суд, и в тот день Доусон больше не видел партнера. Что до галлюцинации, она тоже не повторялась.

После ужина Доусон позвонил бывшей жене и провел с ней вечер в саду на крыше небоскреба.

Пил умеренно. Пробовал мысленно вернуться к первым годам брака, когда тот был еще счастливым, пытался воскресить прежнюю реальность, но без особого успеха.

Следующим утром в кабинет вошел Каррутерс. Присел на край стола, стащил у Доусона сигарету и осведомился:

— Ну, каков вердикт? Слышишь голоса?

— Довольно часто, — ответил Доусон. — К примеру, прямо сейчас. Твой.

— Как тебе Хендрикс? Нормальный специалист?

— Думаешь, он щелкнет пальцами, и все? Проблемы как не бывало? — беспричинно рассердился Доусон. — Любое лечение требует времени.

— Ого, лечение! Ну и что сказал Хендрикс? Что с тобой не так?

— Я в норме. Более или менее. — Не желая говорить на эту тему, Доусон демонстративно уткнулся в юридический справочник.

Каррутерс бросил сигарету в корзину для бумаг и пожал плечами:

— Ну извини. Я-то думал…

— Говорю же, все нормально. Нервы слегка разболтались. Что до Хендрикса, то он отличный

психиатр.

Каррутерс успокоился, что-то сказал и удалился к себе в кабинет. Доусон перевернул страницу, но успел прочесть лишь несколько слов, прежде чем пространство сжалось, косые лучи утреннего солнца померкли и под ладонью у него оказался холодный твердый предмет, а в нос ударил застарелый запах отчаяния. Теперь Доусон не сомневался, что его забросило в истинную реальность.

Но ненадолго. Когда ощущение развеялось, он молча уставился на ненастоящий стол в фальшивом кабинете, за окнами которого гудели воображаемые автомобили, а из призрачной корзины для бумаг струился иллюзорный дымок.

— Тебе-то что об этом думать? — презрительно бросил Труляля. — Ты ведь ненастоящий![2]

На глазах у Доусона дымок сменился оранжевыми языками пламени. Загорелась штора. Он вот-вот проснется…

Кто-то закричал. Секретарша Доусона мисс Аншрутер застыла в дверях, направив указующий перст на корзину для бумаг. Потом — суматоха, истошные возгласы, струя пены из огнетушителя.

---

[2] Notes: 2

Измененная цитата из «Алисы в Зазеркалье». Перевод Н. Демуровой.

Наконец пожар усмирили и дым исчез.

— О господи! — Мисс Анштрутер вытерла перепачканный нос. — Какое же счастье, мистер Доусон, что я заглянула в кабинет! Вы так увлеклись чтением…

— Угу, — сказал Доусон. — Вообще ничего не заметил. Надо сказать мистеру Каррутерсу, чтобы не бросал окурки в корзину для бумаг.

Но вместо этого он позвонил Хендриксу. Психиатр согласился принять его через час. Доусон скоротал время за кроссвордом, а ровно в десять поднялся в кабинет бывшего однокашника и разделся до трусов. Хендрикс прослушал его стетоскопом, измерил давление и произвел какие-то манипуляции с другими полезными приборами.

— Ну?

— Ты в полном порядке.

— Другими словами, в здоровом теле чокнутый дух?

— Ну-ка, выкладывай, что случилось, — потребовал Хендрикс.

— Что-то вроде эпилептического припадка, — объяснил Доусон. — Предсказать эти приступы невозможно. Пока что они мимолетные, но после них остается чувство нереальности окружающего мира. Я прекрасно знал, что в корзине начинает-

ся пожар, но для меня он был ненастоящим.

— Бывает, галлюцинация проходит не сразу и переориентация на реальность занимает некоторое время.

— Ну да, конечно. — Доусон задумчиво погрыз ноготь. — Но что, если Каррутерс решил бы выпрыгнуть из окна? Я даже не попытался бы ему помешать. Проклятье! Я и сам шагнул бы с крыши — в полной уверенности, что мне ничего не будет! Ведь наш мир — это сон!

— Скажи, сейчас ты спишь?

— Нет, — ответил Доусон. — Сейчас я, конечно, не сплю. Но во время этих приступов и после них…

— Тот твердый предмет под ладонью… Ты его чувствовал?

— Да. И запах. И кое-что еще.

— Что именно?

— Не знаю.

— Сдвинь этот предмет с места. Проще говоря, мы имеем дело с компульсивным побуждением. И ни о чем не волнуйся.

— Даже если шагну с крыши?

— На крышу пока не забирайся, — посоветовал Хендрикс. — Узнай, что стоит за этим символом. Тогда исцелишься.

— А если нет, у меня разовьются побочные делюзии?

— Как вижу, ты заглядывал в справочники. Погоди. Допустим, ты считаешь себя богатейшим человеком на свете, но в кармане у тебя ни гроша. Как объяснить это с рациональной точки зрения?

— Не знаю, — ответил Доусон. — Может, я большой оригинал.

— Нет! — Хендрикс помотал головой столь энергично, что его пухлые щеки затряслись, будто студень. — Если посудить логически, у тебя разовьется побочная делюзия: дескать, ты стал жертвой предумышленного ограбления. Понял? Не приписывай пыльному оконцу ложный смысл, не думай, что из оконной рамы вот-вот выскочит карлик со стеклом под мышкой и заявит, что к тебе появились претензии у профсоюза стекольщиков. Просто найди в этом символе реальное значение. И напоминаю: попробуй сдвинуть предмет, на котором лежит твоя ладонь. Не стоит ждать, пока он сдвинется сам собой.

— Ну ладно, — согласился Доусон, — попробую. Если смогу.

Той ночью ему приснился относительно заурядный сон. Знакомая галлюцинация не напомнила

о себе. Вместо этого Доусон обнаружил, что стоит на эшафоте с петлей на шее, а Хендрикс бежит к нему с бумажным свитком, прихваченным голубой тесьмой.

— Тебя помиловали! — кричал психиатр. — Вот приказ за подписью губернатора! — Он сунул свиток в руку Доусона. — Развяжи ленточку!

Доусон не хотел разворачивать свиток, но Хендрикс настаивал. Пришлось сделать как было велено, и в тот же миг Доусон обнаружил, что тесьма привязана к длинному шнуру, змеей уползавшему под эшафот. Щелкнула задвижка, под ногами дрогнул люк, и Доусон понял, что падает: потянув за ленточку, он привел свой приговор в исполнение.

Проснулся весь в поту. В комнате было темно и тихо. Доусон выругался под нос, встал и принял холодный душ. Кошмары не снились ему уже много лет.

После этого он дважды беседовал с Хендриксом, и тот каждый раз копал все глубже, но лейтмотив его советов оставался прежним: распознай символ и не забудь сдвинуть с места твердый предмет.

На третий день, когда Доусон сидел в приемной у Хендрикса, на него навалилась знакомая свин-

цовая, тошнотворная инертность. В отчаянии он пробовал сфокусировать взгляд на зданиях за окном, но бороться с приливом было невозможно. Из глубин памяти выплыли слова Хендрикса, и Доусон, чувствуя под ладонью холодный, твердый предмет, шевельнул рукой, хотя это стоило ему неимоверных усилий.

Влево, подсказал внутренний голос. Влево.

Преодолев летаргию, удушье, пыль и отчаяние, Доусон собрал волю в кулак, отправил приказ онемевшим пальцам, и те послушались. Неподатливый предмет щелкнул, встал на место и… и…

Он вспомнил.

Последнее, что случилось до…

До чего?

…Жизненно важно, — говорил кто-то. — С каждым годом нас становится все меньше. Надо уберечь тебя от этой чумы.

Безволосый череп покрылся испариной, и Карестли стер ее восьмипалой ладонью, после чего продолжил:

— Судя по анализам, Доусао, тебе требуется лечение.

— Но я никогда…

— Поверь, ты ничего не заметил бы. Такие отклонения невозможно выявить без соответ-

ствующих приборов. Но факт остается фактом: без процедуры тебе не обойтись.

— Но мне некогда! — возразил Доусао. — Я только-только занялся формулами упрощения… Как долго мне лежать в этом вашем воркиле?

— Полгода, — ответил Карестли. — Ровно столько, сколько надо.

— Фарр лег в него месяц назад…

— Потому что у него не было выбора.

Доусао уставился в стену, отдал мысленную команду, и тусклая панель сперва просветлела, а затем стала прозрачной и за ней появился город.

— Ты молод, — сказал Карестли, — и еще никогда не бывал в воркиле. В этой целительной, стимулирующей, необходимой процедуре нет ничего страшного.

— Но я нормально себя чувствую!

— Приборы не лгут. Нельзя полагаться на субъективное восприятие. Не спорь со мной, Доусао. Я намного старше тебя и побывал в воркиле уже двенадцать раз.

— Да ну?! — изумился Доусао. — И где именно?

— Всякий раз в новой эпохе, наиболее подходящей для моих отклонений. В Бразилии конца девятнадцатого века, в Лондоне во время Реставрации Стюартов, во втором периоде империи

Хань, и везде было чем заняться. К примеру, в Бразилии я десять лет налаживал импорт каучука.

— Каучука?

— Это такое вещество, — улыбнулся Карестли. — В свое время оно было очень востребованным. Я трудился не покладая рук. Превосходная терапия. Давным-давно считалось, что целебные свойства присущи лишь созданию видимых и осязаемых произведений искусства — я говорю о живописи и скульптуре, — но у наших предков было весьма ограниченное сознание, поэтому сегодня мы делаем ставку на эмоциональную и трудовую терапию.

— Страшно подумать, что я окажусь в теле, ограниченном лишь пятью чувствами, — сказал Доусао.

— Благодаря искусственной мнемонике ты забудешь о своем нынешнем организме. Жизненная сила получит в распоряжение новое тело, созданное в специально выбранной для тебя эпохе — с полным комплектом поддельных воспоминаний о соответствующем периоде. По всей вероятности, процедура начнется в раннем детстве, а благодаря темпоральной компрессии ты проживешь там лет тридцать-сорок, хотя на самом деле пройдет всего полгода.

— Все равно мне это не нравится…

— Путешествие во времени, — сказал Карестли, — лучшая из известных нам терапевтических процедур. Нет ничего полезнее, чем пожить в другом мире с новым набором ценностей и отвлечься от стадного инстинкта, породившего великое множество современных проблем.

— Но… — возразил Доусао, — есть одно «но»! Да, мы с вами сохраняем ясность рассудка, но таких, как мы, осталось всего четыре тысячи на весь мир! И если не принять меры, причем немедленно…

— Видишь ли, мы тоже уязвимы. У нас нет иммунитета. Беда в том, что сотни поколений нашей расы ориентировались на ложные идеалы, противоречащие основным инстинктам. Чрезмерное усложнение наряду с упрощенчеством, и что одно, что другое не там, где надо. Мы не поспеваем за развитием интеллекта. Однажды у некоего Клеменса[3] появилась механическая пишущая машинка. Когда она работала, все было идеально, вот только эта машинка постоянно выходила из строя.

— Все с точностью до наоборот, — кивнул До-

---

[3] Notes: 3

Речь о писателе Сэмюэле Ленгхорне Клеменсе, писавшем под псевдонимом Марк Твен.

усао. — Современные механизмы невероятно сложны, и люди не успевают подстроиться под их темп.

— Мы решаем эту проблему, — сказал Карестли. — Медленно, но верно. Нас осталось четыре тысячи, но мы нашли путь к исцелению. Через полгода ты выйдешь из воркиля новым человеком. Тогда-то и поймешь, что нет ничего лучше и надежнее, чем темпоральная терапия.

— Уж надеюсь. Хотелось бы поскорее вернуться к работе.

— Вернешься, но не сейчас. Иначе не пройдет и шести месяцев, как ты спятишь, — напомнил Карестли. — Путешествие во времени сыграет роль профилактической прививки. Найдешь себе дело по душе. Мы отправим тебя в двадцатый век…

— Так далеко?

— В твоем случае показана именно эта эпоха. Там ты получишь искусственную память и, находясь в прошлом, перестанешь воспринимать реальный мир. Само собой, я говорю о нашей реальности.

— Ну-у-у… — неуверенно протянул Доусао.

— Решайся. — Карестли подплыл к транспортировочному диску. — Воркиль уже готов. Матрица настроена. Осталось лишь…

Доусао забрался в воркиль. Дверца закрылась. Бросив прощальный взгляд на дружелюбное лицо Карестли, Доусао положил ладонь на рычаг управления и сдвинул его вправо, после чего стал Фредом Доусоном, мальчишкой с полным комплектом поддельных воспоминаний, и очутился в сиротском приюте штата Иллинойс.

Теперь же он лежал в своем воркиле, едва не касаясь носом запыленного стеклоцена, от которого разило дохлыми мухами. Попробовал сделать вдох, и легкие опалило затхлым воздухом, почти непригодным для дыхания. Вокруг была серая полутьма. Едва не спятив от ужаса, он отдал мысленную команду. Где-то загорелся свет, стена обрела прозрачность, и он увидел город.

Город стал другим. Теперь он был гораздо старше. На корпусе воркиля собрался толстый слой пыли.

Громадное алое солнце омывало город кровавым светом. Никаких следов организованной деятельности. По руинам бродили разрозненные фигуры. Чем они заняты? Не рассмотреть…

Он взглянул на здание администрации, последний оплот человечества. Оно тоже изменилось. Похоже, он провел в этом воркиле очень много времени, ибо грандиозную башню затронул тлен,

а в белых нитях оплетавших ее конструкций не осталось ни намека на интеллект. Выходит, свет окончательно померк и четыре тысячи здравомыслящих сгинули в пучине безумия.

Доусао воззвал к седьмому чувству, и догадка подтвердилась. На всем белом свете не осталось ни одного нормального человека. Стадный инстинкт восторжествовал.

В воркиле было нечем дышать. Удушье, что явилось ему в недавнем кошмаре, стало реальностью. Ожившие легкие стремительно поглощали остатки кислорода в герметично запертой камере. Конечно, он мог открыть воркиль…

Но зачем?

Доусао шевельнул рукой, и рычаг управления сдвинулся вправо.

Доусон сидел в приемной психиатра. Секретарша, не обращая на него внимания, заполняла какие-то формуляры, а белое утреннее солнце чертило узоры на ковре.

Реальность…

— Прошу, мистер Доусон.

Он встал, вошел в кабинет Хендрикса, пожал ему руку, что-то пробормотал и опустился в кресло. Хендрикс сверился с записями:

— Знаешь, Фред, давай-ка проведем еще один

словесно-ассоциативный тест. Кстати, сегодня ты выглядишь лучше обычного.

— Неужели? — спросил Доусон. — Возможно, я узнал, что означает этот символ.

— Узнал? — вскинул глаза Хендрикс. — Серьезно?

— Возможно, никакой это не символ, а самая настоящая реальность.

Тут на Доусона нахлынули знакомые ужасы: клаустрофобия, удушливый воздух, пыльное оконце, буроватый запах и чувство, что еще несколько секунд — и жизнь закончится. Но он не мог ничего поделать и поэтому просто ждал. Мгновением позже все прошло, и он взглянул на Хендрикса. Тот, сидя по другую сторону стола, говорил об опасности побочных делюзий и важности рационального подхода.

— Главное — найти верный путь к исцелению, — заключил человек, которого не было.

Тарабарщина

Для пущей убедительности надо бы рассказать эту историю по-немецки, но смысла в том немного, поскольку носителям немецкого языка становится уже не до кулинарных изысков.

Выражаюсь образно, дабы не накликать беду: нельзя исключать, что Резерфорд, в равной степени интересующийся семантикой и новоорлеанским джазом, способен создать англоязычный эквивалент этой рифмовки. Боже упаси! Что до самой песенки с ее апагогией ритма и подтекста, в переводе она теряет всякий смысл. Попробуйтека переложить на немецкий стихотворение про Бармаглота. Получилось? Ну-ну.

В песенке, сочиненной Резерфордом сразу по-немецки, не упоминаются ни ефрейтор, ни семга, но поскольку оригинал нам недоступен, заменю его более или менее подходящей трактовкой; ей не хватает цепкости и того неудержимого напора, над которым месяцами корпел автор, но читатель хотя бы поймет, о чем речь.

Начнем, пожалуй, с того, как профессор семантики (то бишь пустословия) Фил Резерфорд едва не запустил тапком в своего сына, и неспроста:

тем вечером он страдал от похмелья, проверял контрольные, размышлял о плачевном состоянии своего здоровья, по которому оказался не годен к военной службе, подумывал, не проглотить ли пару таблеток витамина B_1, и ненавидел своих студентов, ибо работы ему сдали никудышные, если не сказать отвратительные. Резерфорд, питавший едва ли не чувственную любовь к словам, попросту не выносил, когда с ними обращаются столь безобразно. Как сказал Алисе Шалтай-Болтай, вопрос в том, кто здесь хозяин; в нашем случае — хозяин своему слову.

Студенты, как правило, за свои слова не отвечали, хотя Джерри О'Брайан настрочил неплохое эссе, и Резерфорд тщательно проверил его листок, вооружившись карандашом и не обращая внимания на включенное радио; ему почти не мешали эти звуки, поскольку дверь в гостиную была закрыта. Но вдруг радиоприемник умолк.

— Привет, пап, — сунулся в кабинет тринадцатилетний сын Резерфорда, нечесаный парнишка с чернильным пятном на носу. — Уроки я сделал, можно сходить в кино?

— Уже поздно, — взглянул на часы Резерфорд. — Прости, но нет. Утром тебе в школу.

— Номденплюм…[4] — ругнулся Билл.

По юности он был не в ладах с французским.

— Ступай. Я занят. Пойди послушай радио.

— Там ничего интересного… ну да ладно. — Билл ретировался, оставив дверь приоткрытой. В гостиной возобновились приглушенные звуки, а Резерфорд вернулся к работе.

Через некоторое время он понял, что Билл монотонно бубнит ритмичную фразировку, и поймал себя на том, что вслушивается в бессмысленные слова детской считалки:

— Эни-бени, рики-таки, буль-буль-буль, караки-шмаки…

До Резерфорда дошло, что он уже какое-то время выслушивает эти строки с неумолимым «бац!» в конце, мистические вирши, что застревают в голове и вызывают одно лишь раздражение.

— Эни-бени, рики-таки… — повторял нараспев Билл.

Резерфорд притворил дверь, но это не помогло: он по-прежнему слышал отзвуки этого речитатива, и сознание пульсировало с ними в такт. Эни-бени, черт бы их побрал.

Спустя некоторое время Резерфорд обнаружил,

---

[4] Notes: 4
Псевдоним (*фр.* nom d'un plume).

что непроизвольно шевелит губами, мрачно выругался и сунул контрольные в стол. Похоже, он вконец устал, а проверка студенческих работ требует внимания. Что это, звонок в дверь? Самое время.

За дверью стоял любимый студент Резерфорда Джерри О'Брайан, высокий, тощий, смуглый парень, обожавший те же эстрадные ритмы, что нравились его наставнику.

— Привет, проф, — улыбнулся он старшему товарищу. — Сегодня пришли результаты экзамена. Весьма неплохие!

— Отлично. Присядьте и расскажите.

Рассказ Джерри был не слишком содержательным, но довольно долгим. Билл, слоняясь по комнате, жадно ловил каждое слово. Наконец Резерфорд свирепо взглянул на сына:

— Кончай с этим «эни-бени», ладно?

— А? Что? Да-да. Я и не знал, что…

— Всю неделю как заведенный, — пожаловался О'Брайану Резерфорд. — Эта считалка мне уже ночами снится.

— Не обращайте внимания. Вы же специалист по семантике.

— А как проверять контрольные? Допустим, ты занят важным делом — по-настоящему важ-

ным, требующим предельной концентрации, — а считалка не идет из головы. Попробуй-ка сосредоточиться!

— Особенно в стрессовой ситуации… Да, понимаю.

— Мне эта считалка не мешает, — сказал Билл.

— Когда подрастешь, — хмыкнул Резерфорд, — и окажешься в положении, где разум должен быть острее хирургического скальпеля, сам поймешь, насколько важно не отвлекаться. Возьмем, к примеру, нацистов…

— В смысле?

— В смысле их единства, — рассеянно пояснил Резерфорд. — Их обучают предельной концентрации внимания. На создание этой махины немцы потратили не один год. Они культивируют остроту восприятия. Например, перед боевым вылетом немецкие пилоты принимают стимулирующие препараты. Фашисты безжалостно купируют все, что способно отвлечь человека от сосредоточенности на *«юбер аллес»*.

Джерри О'Брайан раскурил трубку:

— Да, противостоять им не так-то просто. Боевой дух немцев — удивительная штука; они безоглядно верят в собственное превосходство и считают, что лишены человеческих слабостей.

Неплохо бы показать нацистам, что не такие уж они супермены — с психологической точки зрения.

— Согласен. Но как? Посредством семантики?

— Как? Понятия не имею. Разве что сокрушительной войсковой операцией. И даже в этом случае бомбы не станут решающим аргументом: если человека разорвало на куски, это не повод считать его слабаком. Нет, необходимо, чтобы Ахиллес осознал, что у него имеется уязвимая пята.

— Эни-бени, рики-таки… — не унимался Билл.

— Вот-вот, — кивнул О'Брайан. — Подсуньте человеку подобный речитатив, и на концентрации внимания можно ставить крест. По себе знаю. Засядет в голове какая-нибудь «Хат-Сат-Сонг»[5], и все, пиши пропало.

— Помните тарантизм? — спросил вдруг Резерфорд. — Средневековое плясовое помешательство?

— Вы про разновидность истерии? Когда люди выстраивались в ряд и заходились в джиттербаге до полного изнеможения?

— Это, скорее, не истерия, а ритмическая

---

[5] Notes: 5

Популярная в начале сороковых годов песенка с бессмысленным текстом.

экзальтация, и ей до сих пор не нашли удовлетворительного объяснения. Жизнь основана на ритме, как и вся Вселенная, но не будем переходить на космические масштабы; останемся на приземленном уровне новоорлеанского джаза. Почему некоторые мелодии сводят людей с ума? Как вышло, что из-за «Марсельезы» вспыхнула целая революция?

— Ну и как это вышло?

— Одному Богу известно, — пожал плечами Резерфорд. — Однако некоторые фразировки, не обязательно музыкальные, но ритмичные, рифмованные или завязанные на аллитерации, пристают так, что не выкинешь из головы. И… — Тут он умолк и задумался.

— Что? — взглянул на него О'Брайан.

— Дефектная семантика, — наконец ответил Резерфорд. — Любопытно… Вот смотрите, Джерри. В итоге мы забываем песенки вроде «Хат-Сат-Сонг» — то есть от них все-таки можно отделаться. Но что, если составить последовательность фраз с семантическим изъяном, способную навсегда остаться в памяти? Такую, чтобы попытка забыть ее была обречена на неудачу из-за самой структуры текста? Хм… Допустим, вас попросили не

упоминать нос Билла Филдса[6]. Вы твердите себе: «Не упоминай нос Филдса». В итоге эти слова теряют всякий смысл, и вы, встретив Филдса, против своей воли скажете: «Добрый день, мистер Нос». Понятно?

— Ну да… как в классическом примере с белой обезьяной. Допустим, вам скажут: «Думай о чем угодно, кроме белой обезьяны». И о чем вы будете думать? Конечно же о ней!

— Вот именно, — расцвел Резерфорд. — В идеальной семантической формулировке, которую невозможно забыть, необходимы два компонента: ритм и зачаток смысла, вынуждающий думать о ее значении. Именно что зачаток, а не смысл в привычном понимании этого слова.

— Хотите составить такой текст?

— Ну да. Если объединить язык, математику и психологию, что-нибудь да получится. Нельзя исключать, что подобный речитатив ненароком сочинили в Средневековье. Отсюда и плясовое помешательство…

— Не нравится мне все это, — поморщился О'Брайан. — Слишком похоже на гипноз.

— Вернее, на самогипноз, причем бессознатель-

---

[6] Notes: 6

Уильям Клод Филдс — американский актер, страдавший от ринофимы (т. н. винного носа, или носа Филдса).

ный. В том-то и прелесть. Ну-ка, подсаживайтесь. — И Резерфорд потянулся за карандашом.

— Слушай, пап, — сказал Билл, — может, сразу по-немецки сочинить?

О'Брайан с Резерфордом озадаченно переглянулись, и в глазах у обоих зажегся дьявольский огонек.

— По-немецки? — переспросил Резерфорд. — Если мне не изменяет память, вы, Джерри, специализировались на немецком?

— Угу. Да и вы в нем дока. Действительно, можем написать по-немецки — почему бы и нет? Нацистов, наверное, уже тошнит от «Песни Хорста Весселя»[7].

— Что ж, попробуем, — сказал Резерфорд, — чисто… э-э-э… забавы ради. Сперва ритм. Цепляющий ритм, но с рассинхронизацией, дабы избежать монотонности. Пока что обойдемся без мелодии. — Он сделал несколько пометок. — М-да, задачка не из легких. И вряд ли этим текстом заинтересуются в Вашингтоне.

— Мой дядя — сенатор, — вежливо напомнил О'Брайан.

ПРАВОЙ!

---

[7] Notes: 7
Гимн Национал-социалистической немецкой рабочей партии.

ПРАВОЙ!
Ефрейтор шагает БРАВЫЙ!
БРОсил СЕМНАДЦАТЬ детей голоДАТЬ,
СЕМги на ужин нажарила МАТЬ,
А дети кричат: «ОтРАВА!»
ПРАВОЙ!

— Да, я в курсе, — сказал сенатор О'Брайан.

— Итак? — Офицер непонимающе смотрел на вскрытый конверт. — Пару недель назад вы вручили мне этот пакет и велели не распечатывать без вашей команды. И что теперь?

— Теперь вы прочитали текст.

— Да, прочитал. Вы поселили пленных нацистов в адиронакскую гостиницу, где заморочили им голову немецкой песенкой, но я в толк не возьму, о чем в ней поется.

— Естественно. Вы не знаете немецкого. И я тоже. Но она прекрасно действует на немцев.

— Судя по рапортам, пленные постоянно напевают ее. И даже пританцовывают.

— На самом деле это не танец, а бессознательная реакция на ритм. Немцы повторяют эту… как ее… семантическую формулировку.

— Перевод у вас есть?

— Конечно. Но в переводе этот текст лишен

всякого смысла, а на немецком обретает нужный ритм. Я уже объяснял…

— Знаю, сенатор, знаю. Но у Военного департамента нет времени на пустые теории…

— Я лишь прошу, чтобы эту песенку почаще давали в радиопропаганде. Дикторам придется несладко, но ничего, привыкнут. И нацисты привыкнут, но к тому времени распевка уже нанесет удар по их боевому духу. Распространите текст по радиоточкам союзных сил…

— Вы и правда в это верите?

— Честно говоря, нет. — Сенатор нервно сглотнул. — Но племянник прямо-таки загорелся. Он помогал профессору Резерфорду разрабатывать идеальную формулировку…

— То есть он убедил вас?

— Не совсем. Но постоянно бубнит что-то по-немецки. И Резерфорд тоже. Так или иначе, вреда не будет, и я всецело поддерживаю их начинание.

— Но… — Офицер вгляделся в немецкий текст. — Даже если люди станут напевать некую песенку, что это даст? Какая польза для союзных сил?

ПРАВОЙ!

ПРАВОЙ!
Ефрейтор шагает БРАВЫЙ!
БРОсил СЕМНАДЦАТЬ детей голоДАТЬ,
СЕМги на ужин нажарила МАТЬ,
А дети кричат: «ОтРАВА!»
ПРАВОЙ!

— *Абер…*[8] — сказал Гарбен.

— Никаких «но»! — отрезал вышестоящий офицер по фамилии Эггерт. — Перевернуть деревню вверх дном! По приказу верховного командования завтра там будут расквартированы войска, идущие на Восточный фронт, и надо убедиться, что нигде не спрятано оружие.

— Абер… Мы регулярно ее обыскиваем…

— Значит, обыщите снова, — приказал Эггерт. — Вы же знаете этих поляков. Стоит на минутку отвернуться, и они, черти, достанут автомат из воздуха. Нельзя, чтобы до фюрера дошли тревожные вести. А теперь ступайте. Мне надо закончить донесение, и оно должно быть максимально точным. — Он пролистал стопку бумаг. — Сколько коров и овец, каков предполагаемый урожай… Ах, ступайте же, дайте

---

[8] Notes: 8
Но (*нем.* aber).

сосредоточиться. И непременно обыщите деревню.

— Хайль, — угрюмо сказал Гарбен, развернулся и ритмично зашагал к двери, напевая какую-то песенку.

— Капитан Гарбен!

Гарбен остановился.

— Какого черта? Что вы бубните?

— У солдат новая походная песня. Дурацкая, но хорошо запоминается и под нее приятно маршировать.

— Что за песня?

— Бессмыслица. — Гарбен пренебрежительно махнул рукой. — Правой, правой, ефрейтор шагает бравый…

— Знаю, — остановил его Эггерт. — Слышал. *Унзинн*[9], бред какой-то. Хайль.

Гарбен откликнулся очередным «хайль» и удалился, шевеля губами, а Эггерт, щурясь в скверном освещении, склонился над донесением. Десяток тощих бычков, коровы, у которых не молоко, а одно название… Хм. И с зерном ситуация не лучше. Что они вообще едят, эти поляки? Наверное, одну рыбу. Например, семгу… Кстати,

---

[9] Notes: 9
Ерунда (*нем.* unzinn).

из семги можно приготовить множество питательных блюд, разве нет? С чего бы им голодать, если есть семга? Или ее недостаточно?

Но почему именно семга? Неужели она заходит в здешние реки? Быть может, другой рыбы здесь не водится? Весьма странно… Или дело в том, что семги на ужин нажарила

МАТЬ,
Бросил семнадцать детей голоДАТЬ,
Ефрейтор шагает БРАВЫЙ!
ПРАВОЙ!

Усилием воли Эггерт отбросил пустые размышления и вернулся к донесению. Итак, зерно…

Работалось ему медленнее обычного, мысли то и дело перескакивали на нелепую рифмовку. *Фердаммт!*[10] Нельзя же…

Далее, местные жители. Сколько в деревне семей — тридцать, сорок? Точно, сорок. Мужчины, женщины, дети. Преимущественно небольшие семьи. Да и вообще, мало у кого бывает семнадцать детей. С таким-то потомством фрау озолотится на материнском пособии. Семнадцать детей. Бросил голодать. Почему же они отказы-

---

[10] Notes: 10
Черт побери! *(нем.* Verdammt!)

ваются от семги? Абсурд… *Готт*[11], ну какая разница, что едят семнадцать несуществующих, исключительно гипотетических детей? Или не едят, потому что кричат

«ОтРАВА!»
ПРАВОЙ!
ПРАВОЙ!
Ефрейтор шагает БРАВЫЙ!

— Черт-те что! — взорвался Эггерт и свирепо взглянул на часы. — А ведь мог уже закончить донесение! Треклятая семга!

Он вернулся к работе, твердо вознамерившись не думать… не думать о…

Но мысли о семге сновали по закоулкам разума, точно мыши. Всякий раз, обнаружив их присутствие, Эггерт приказывал подсознанию: «Не думай об этом! Забудь!»

Но упрямое подсознание интересовалось: «Забыть? О чем?»

«О семге».

«Да ну? Говоришь, о семге забыть?» — ехидничало подсознание.

---

[11] Notes: 11
Зд.: боже мой (*нем.* Gott).

Поисковый отряд работал без особого рвения, рассеянно и неаккуратно. Гарбен выкрикивал приказы, понимая, что его слова не доходят до подчиненных. Он весь взмок, ткань мундира казалась непривычно жесткой, поляки молча смотрели на него и чего-то ждали. Хуже нет, чем быть лицом оккупационных войск. Представители покоренного народа всегда чего-то от тебя ждут. Ну что ж…

— Разбиться на пары, — велел Гарбен. — Обыскать. И будьте внимательны.

Солдаты были довольно внимательны. Маршировали по деревне под уже знакомый назойливый речитатив, шевеля губами — что, конечно же, не таило в себе никакого вреда. Единственный неприятный инцидент произошел на чердаке, который досматривали двое пехотинцев. Гарбен заглянул туда, чтобы проверить работу подчиненных, и был весьма удивлен, когда один из них открыл комод, увидел в нем заржавелый ружейный ствол и притворил дверцу. На мгновение Гарбен растерялся. А солдат как ни в чем не бывало продолжил обыск.

— Смирно! — крикнул Гарбен, а когда щелкнули каблуки, заявил: — Фогель, я все видел.

— Капитан? — искренне озадачился юный

круглощекий Фогель.

— Мы ищем оружие. Может, поляки дали взятку, чтобы ты смотрел на оружие сквозь пальцы?

— Нет, капитан, — покраснел Фогель.

Гарбен достал из комода древний мушкет, бесполезный, но все равно подлежащий конфискации. Фогель аж рот разинул от изумления.

— Ну?

— Я… не заметил его, капитан.

— Ты что, за идиота меня держишь?! — вскипел Гарбен. — Я же все видел! Ты смотрел прямо на это ружье, а теперь говоришь…

— Я не заметил его, капитан, — бесстрастно повторил Фогель после паузы.

— Что за рассеянность, Фогель? Ты неподкупный малый и надежный партиец, но не расслабляйся. Считать ворон в оккупированной деревне небезопасно. А теперь продолжить обыск!

И Гарбен ушел проверять остальных. Солдаты определенно не могли сосредоточиться. Что их гложет? Почему Фогель смотрел на ружье и не видел его? Нервы? Исключено, арийцы славятся самоконтролем. Достаточно посмотреть, как слаженно они двигаются в ритме, предполагающем идеальную военную подготовку. Дисциплина — вернейший путь к успеху. Тело и разум, по сути

дела, механизмы, коими надлежит управлять. Вон марширует по улице взвод,

ПРАВОЙ, ПРАВОЙ,

ефрейтор шагает БРАВЫЙ…

«Проклятая песня! Откуда же она взялась?» — думал Гарбен. Расползлась по армии, как расползаются кривотолки. Первыми ее разучили солдаты, расквартированные в этой деревне, но где услышали? Черт его знает. Гарбен усмехнулся. В отпуске на бульваре Унтер-ден-Линден надо бы напеть приятелям эту потешную, абсурдную, прилипчивую песенку. ПРАВОЙ!

ПРАВОЙ!

Ефрейтор шагает БРАВЫЙ!

БРОсил СЕМНАДЦАТЬ детей голоДАТЬ…

Вскоре Гарбену доложили, что никто ничего не нашел. Из-за древнего мушкета не стоило беспокоиться, хотя по инструкции о нем следовало сообщить начальству, а затем допросить владельца этой рухляди. Гарбен откомандировал своих людей в штаб, а сам направился на квартиру к Эггерту. Тот, однако, был еще занят, хотя обычно работал быстрее многих.

— Погодите, мне нельзя отвлекаться, — сердито взглянул он на Гарбена и вернулся к писанине.

Пол был усыпан скомканными листами бумаги.

Гарбен отыскал нечитаный номер «Югенда» и устроился в углу. Статья о работе с молодежью… Любопытно. Гарбен перевернул страницу, понял, что потерял нить повествования, и вернулся к самому началу. Прочел первый абзац, буркнул «Что-что?» и снова взглянул на заголовок. Все слова были на месте, и мозг, разумеется, воспринимал их значение. Гарбен сосредоточился. Нельзя, чтобы чтению мешала эта чертова походная песня, в которой дети кричат

«ОтРАВА!»
ПРАВОЙ!
ПРАВОЙ!..

Статью он так и не дочитал.

Гестаповец Виттер потягивал коньяк и посматривал на герра доктора Шнайдера. Они сидели в кафе на залитой солнцем Кёнигштрассе.

— Русские… — начал Шнайдер.

— Погодите про русских, — перебил его Виттер. — Мне не дает покоя это польское дело. В

деревне прятали пулеметы. Ее не раз обыскивали, но без толку. Ничего не понимаю. В последнее время чужих там не было, и поляки, по всей очевидности, запаслись оружием несколько недель назад.

— То есть прятали оружие без малого месяц!

— Но как? Мы тщательно обыскали каждый дом, герр доктор. Надо бы снова допросить этого Эггерта. И Гарбена. У обоих достойный послужной список, но… — Виттер нервно дернул себя за ус. — Нет. Доверять нельзя никому. Вы умный человек, герр доктор. Что скажете?

— Скажу, что деревню обыскали спустя рукава.

— Никак нет. Эггерт и Гарбен настаивают, что досмотр проводился по всем правилам, и солдаты подтверждают их слова. Глупо предполагать, что они не заметили пулеметов. Это же массивные штуковины, а не компактные автоматы, которые можно спрятать под полом. А когда к деревне двинулись войска, поляки убили сорок семь немецких солдат. Засели на крышах и расстреляли колонну.

Умолкнув, Виттер принялся выстукивать рваный ритм по столешнице: тук, тук, тук-тук-тук…

— Что-что? — спросил он вдруг. — Не расслышал.

— Я ничего не говорил. Но с этим делом надо разобраться. Полагаю, вам прекрасно известен порядок допроса, и теперь дело лишь за логическими умозаключениями — так же, как и в моей работе.

— Кстати, как продвигается ваш проект? — отклонился от темы Виттер.

— Почти закончен.

— Слышу эти слова не впервые. Вы повторяете их уже несколько недель. Какие-то трудности? Может, вам помочь?

— Ну уж нет! — вскипел Шнайдер. — Обойдусь без горе-ассистентов. Это прецизионная работа, Виттер, она требует молниеносной реакции. Для того меня и учили термодинамике, чтобы я знал, когда нажать кнопку, а когда подправить вводные параметры. Тепловое излучение разлагающихся тел… — Тут Шнайдер смущенно умолк. — Наверное, мне и впрямь надо отдохнуть. Заработался. Глаз уже не тот, что раньше. Пробую сосредоточиться и вдруг понимаю, что запорол важнейший эксперимент. Вчера надо было добавить ровно шесть капель… некой жидкости к готовому раствору, но я, сам того не заметив, впрыснул в пробирку целиком содержимое шприца — и все, раствор испорчен!

— Вас что-то беспокоит? — нахмурился Виттер. — Бередит вам душу? Такого допускать нельзя. Если ваш племянник…

— Нет-нет, за Франца я не волнуюсь. Он, наверное, развлекается в Париже. А я… Проклятье! — Шнайдер грохнул кулаком по столу. — Черт бы побрал эту идиотскую песню! — (Виттер выжидающе поднял бровь.) — Я всегда гордился своим умом, как гордятся идеально отлаженным механизмом, и все понял бы, подведи он меня по рациональной причине, из-за тревоги или даже безумия, но теперь не могу отделаться от нелепого и бессмысленного стишка, и в итоге испортил сегодня бесценный прибор, — признался Шнайдер и насупился. — Еще один эксперимент псу под хвост. Когда до меня дошло, что случилось, я смахнул оборудование со стола. Но в отпуск мне нельзя: надо как можно быстрее закончить проект.

— Не спешите, — сказал Виттер. — Важна не скорость, а результат. Предлагаю отдохнуть. В Баварских Альпах очень красиво. Сходите на охоту, посидите с удочкой, расслабьтесь и забудьте о работе. Я поехал бы с вами, но… — Он пожал плечами.

По Кёнигштрассе прошагали штурмовики,

выкрикивая фразы, от которых Шнайдер нервно вздрогнул, а Виттер вновь принялся выстукивать ритм по столешнице.

— Пожалуй, возьму отпуск, — согласился Шнайдер.

— Отлично. Я все устрою. Теперь же пора вернуться к расследованию польского инцидента, а затем побеседовать с пилотами люфтваффе…

Четырьмя часами позже герр доктор Шнайдер сидел в купе. Поезд мчал его прочь от Берлина. За окном мелькали очаровательные зеленые пейзажи, но Шнайдер, как ни странно, пребывал в расстроенных чувствах.

Он обмяк на диване, стараясь ни о чем не думать. Вот именно. Пусть острый ум отдохнет, пусть прецизионный инструмент полежит без дела. Вслушайся в убаюкивающий перестук колес, туки-тук, туки-тук, ТУК!

ТУК!

ПРАВОЙ!

Ефрейтор шагает БРАВЫЙ!

Шнайдер с чувством выругался, вскочил и дернул стоп-кран. Он вернется в Берлин, но не поездом, отныне никаких транспортных средств с колесами, готт, никаких!

Герр доктор отправился в Берлин пешком. Поначалу шагал энергично, но потом побледнел и замедлил ход. Назойливая песенка не унималась. Шнайдер ускорился, пытаясь обогнать ее ритм. Это получалось, но недолго. Шестеренки в голове начали проскальзывать, и Шнайдер обнаружил, что всякий раз, сворачивая наПРАВО…

Он перешел на бег. Герр доктор Шнайдер, обладатель выдающегося ума, с остекленевшими глазами и развевавшейся по ветру бородой, бежал в сторону Берлина, но не мог обогнать внутренний голос, а тот долдонил все быстрее:

ПРАВОЙ!

ПРАВОЙ!

Ефрейтор шагает БРАВЫЙ!

БРОсил СЕМНАДЦАТЬ детей голоДАТЬ…

— Почему вы не выполнили боевую задачу? — спросил Виттер.

Пилот люфтваффе не мог ответить на этот вопрос. Как обычно, все было спланировано заранее, с допуском на любые непредвиденные обстоятельства, и вылет попросту не мог провалиться. Из-за нерасторопности Королевских ВВС самолеты люфтваффе без помех отбомбились бы

и вскоре вернулись во Францию через Ла-Манш.

— Вы получили дозу перед взлетом?

— Да, герр Виттер.

— Ваш бортстрелок Куртман был убит?

— Да, герр Виттер.

— Вам есть что сказать в его оправдание?

Пауза.

— Нет, герр Виттер.

— Была ли у него возможность сбить атаковавший вас «харрикейн»?

— Я… Да, герр Виттер.

— Почему он этого не сделал?

— Он… он напевал песню, герр Виттер.

— Песню напевал? — откинулся в кресле гестаповец. — И так увлекся, что забыл нажать на гашетку?

— Да, герр Виттер.

— В таком случае, во имя всего… всего… почему вы не уклонились от «харрикейна»?

— Я напевал ту же песню, герр Виттер.

В ожидании налета Королевских ВВС зенитчик насвистывал сквозь зубы. Хорошо, что сегодня луна. Он поерзал на мягком сиденье и вгляделся в оптический визир орудия. Все готово. Сегодня ночью несколько англичан приземлятся раз и навсегда.

Дело было на одном из постов ПВО в оккупированной Франции, и зенитчик не был особо важной персоной, разве что умел метко стрелять. Он поднял глаза на освещенное луной облачко и вспомнил о принципе негатива: на фоне этого облачка британские самолеты будут казаться черными, покуда их не найдут лучи прожекторов, а затем…

Ну да.

ПРАВОЙ!

ПРАВОЙ!

Ефрейтор шагает БРАВЫЙ!

Эту песенку хором распевали вчера в столовой. Ну и прилипчивая, зараза. Когда зенитчик вернется в Берлин — если вернется, — надо бы не забыть слова. Как там?

БРОсил СЕМНАДЦАТЬ детей голоДАТЬ…

Сознание машинально отбивало знакомый ритм. Зенитчик о чем-то задумался. Нет, его мысли не были связаны с текстом песни. Неужто задремал? Вздрогнув, он понял, что сна ни в одном глазу: стало быть, все под контролем. Песенка не навевала сон; напротив, помогала не

уснуть — четкий ритм, от которого кровь веселее струится по жилам.

ПРАВОЙ,
ПРАВОЙ,
Ефрейтор шагает БРАВЫЙ!

Так, смотреть в оба. Когда появятся английские бомбардировщики, зенитчик сделает что должен. Ага, вот и они. Издали донесся еле слышный гул моторов, монотонная пульсация в ритме уже приевшейся песенки, бомбы для Германии оставят всю страну голоДАТЬ,

Семги на ужин нажарила МАТЬ,
А дети кричат: «ОтРАВА!»
ПРАВОЙ!
ПРАВОЙ!
Ефрейтор шагает БРАВЫЙ!

Летят самолеты, рука на гашетке, глаз у прицела…

ПРАВОЙ!
ПРАВОЙ!
Ефрейтор шагает БРАВЫЙ!

Бомбардировщик, привет от британцев, давай-

ка без спешки, подпустим поближе…

ПРАВОЙ!

ПРАВОЙ!

Ефрейтор шагает БРАВЫЙ!

Громче моторы, ярче прожектор, черные птицы, семги на ужин… нажарила мать… Где они?

Куда они делись? Пропали. Зенитчик совсем забыл, что должен сбивать вражеские самолеты.

Ушли на цель. Ни одного не осталось. Ничего не осталось, кроме

Семги на ужин нажарила МАТЬ,

А дети кричат: «ОтРАВА!»

ПРАВОЙ!

ПРАВОЙ!

Министр пропаганды смотрел на рапорт так, словно это был не рапорт, а кусачий Иосиф Сталин.

— Нет, — твердо сказал он. — Нет, Виттер. Если это ложь, пусть остается ложью. А если правда, мы не рискнем ее признать.

— Но почему? — возразил Виттер. — Я давно уже занимаюсь этой проблемой и не вижу других логичных ответов. Все дело в песне. Она как чума для немецкого народа, и эпидемию пора

остановить.

— Все дело в песне? В безобидной песенке?

— Вы же читали рапорт, — постучал по бумагам Виттер. — Солдаты входят в гипнотический транс. Вместо того чтобы держать строй, пускаются в шаманские пляски и при этом горланят безобидную, как вы сказали, песенку.

— Так запретите ее петь, — неуверенно предложил министр.

— Да, мы можем объявить, что отныне песня ферботен[12], но тогда ее станут напевать не вслух, а про себя. Так устроен человек: он не может не думать на запретные темы. Это один из основных инстинктов.

— Вот почему нельзя признавать, что от этой… песни исходит угроза, Виттер. Нельзя придавать ей важности в глазах немцев. Если песню будут считать всего лишь абсурдным набором слов, она обречена на забвение. Рано или поздно, — добавил министр.

— Но фюрер…

— Фюреру ни слова. Пусть остается в неведении. Поймите, Виттер, наш фюрер — довольно нервный человек. Надеюсь, он никогда не услы-

---

[12] Notes: 12
Запрещена (*нем.* verboten).

шит этой песни. А если услышит, не поймет ее потенциальной опасности.

— Потенциальной?

— Из-за этих строк, — со значением поднял палец министр пропаганды, — люди лишают себя жизни. Например, тот ученый, Шнайдер. Кстати говоря, тоже неврастеник, причем с маниакально-депрессивным психозом. Много думал о том, почему семга… почему эти фразы застревают в мозгу. Довел себя до депрессивной стадии психоза и отравился. И не он один. Виттер, только между нами: мы имеем дело с чрезвычайно опасным текстом. Знаете почему?

— Потому, что он — воплощение абсурда?

— Вот именно. Быть может, вы помните стихотворение «Жизнь не грезы. Жизнь есть подвиг!»[13], — и немцы верят, что это так. Мы, арийцы, — представители высшей расы. Мы покоряем другие народы благодаря логичности наших действий, но если сверхчеловек вдруг поймет, что потерял контроль над своим разумом…

— Даже не верится, что эта песня настолько коварна, — вздохнул Виттер.

— Оружием ее не победить. Признав ее опас-

---

[13] Notes: 13
Лонгфелло Г. Псалом жизни. Перевод И. Бунина.

ность, мы удвоим — а то и утроим! — риск для нации. Многим стало трудно сосредоточиться. Некоторые перестают контролировать свое тело и совершают непроизвольные ритмичные движения. А теперь представьте, что будет, если запретить людям думать об этой песне.

— Может, подключить психологию? Объяснить, насколько нелеп этот текст?

— Всем и без того ясно, что «Семга» — малосодержательный набор слов. Нельзя признавать, что он нуждается в пояснениях. Более того, до меня дошли слухи, что в этих строках находят предательский смысл — и это, конечно же, верх нонсенса.

— Что за смысл?

— Намек на угрозу голода. Пропаганда многодетности. Даже отказ от идеалов нацизма. Более того, существует нелепое мнение, что под ефрейтором подразумевается… гм… — Министр многозначительно взглянул на портрет на стене.

Виттер не поверил своим ушам. После паузы он рассмеялся:

— Кто бы мог подумать! Ну и глупости. Но я никак не пойму, почему ефрейтор бросил детей голодать, если у них семга на ужин. Может, у них аллергия на рыбу?

— Это вряд ли. Семга может быть отравлена, — допустим, этот ефрейтор попросту сбежал от семьи и ненавидит детей настолько, что… Капитан Виттер!

Повисла пауза. Через некоторое время Виттер вскочил, отсалютовал министру и направился к двери, стараясь не шагать в такт с ритмом песенки. Министр снова взглянул на портрет на стене, хлопнул ладонью по пухлому рапорту и отодвинул его в сторону, после чего взял машинописный лист с грифом «ВАЖНО». И правда важно: через полчаса фюрер выступит по радио с речью, которую ждет вся планета, и развеет некоторые сомнения насчет ситуации на Восточном фронте. Хорошая речь, отменная пропаганда, и транслировать ее будут дважды — сперва для Германии, а затем для остального мира.

Министр встал и принялся расхаживать по роскошному ковру. Губы изогнулись в презрительной ухмылке. Чтобы покорить врага, надо сперва растоптать его, встать перед ним и разорвать его в клочья. Будь у остальных немцев такой менталитет, такая уверенность в своих силах, эта бредовая песня лишилась бы своего сверхъестественного могущества.

— Ну что, — сказал министр, — как там было?

«Правой! Правой! Ефрейтор шагает бравый…» Ага! Надо мной ты не властна! Тебе нет места в моем сознании, я повторяю тебя, но лишь по собственной воле, когда сам того хочу, чтобы доказать, что эти стишата не имеют никакой силы — по крайней мере, надо мной. Понятно? «Правой! Правой! Ефрейтор шагает бравый!..»

Чеканя шаг, министр пропаганды декламировал набившие оскомину фразы. И не впервые. Он часто повторял эти строки вслух — исключительно ради аутотренинга, чтобы доказать себе, что он сильнее дурацкой песенки.

Адольф Гитлер размышлял о России и семге. Конечно, у него хватало и других забот. Непросто быть лидером нации. Как только появится достойный преемник, фюрер отойдет от дел. Игла воображаемого патефона скользнула по запиленной пластинке, и Гитлер задумался о предстоящей речи. Да, неплохая. В ней многое объясняется: почему в России все пошло наперекосяк, почему не удалось оккупировать Англию, почему британцы бомбят континент, хотя это, казалось бы, невозможно. На самом деле никакие это не проблемы… но люди могут усомниться в правильности выбранного пути и потерять веру в своего фюрера. В сегодняшней речи, однако,

имеются ответы на все спорные вопросы, включая провал «миссии Гесса». Геббельс несколько дней трудился над психологическим аспектом выступления. Всего-то и надо, чтобы оно прошло без сучка без задоринки. Гитлер спрыснул горло умягчающим спреем, хотя в том не было необходимости: сегодня фюрер на пике формы.

Однако неприятно будет, если…

Тьфу! Никаких «если». Слишком важна эта речь. Гитлер не единожды выступал перед немецким народом и всякий раз покорял аудиторию своим голосом, уникальным оружием лидера нации. Главное, конечно, Россия. Геббельс придумал блестящее оправдание провалу весенней кампании, и в нем не было ни слова лжи.

— Ни слова лжи! — громко сказал Гитлер.

Да, так и есть. Звучит вполне убедительно. Итак, сперва Россия, затем Гесс, а дальше…

Но русский вопрос крайне важен, и говорить о нем надо так, чтобы прогнулись микрофонные стойки. Гитлер приступил к репетиции. Сделать паузу, продолжить задушевным тоном: «А теперь правда о русской кампании и стратегическом триумфе немецких войск…»

Да, он все объяснит. И докажет.

Но нельзя забывать, насколько важна эта речь.

В особенности ее ключевой момент. Не забыть. Не забыть. Ни на секунду. Говорить строго по плану. Но если сегодня он потерпит неудачу…

Неудачу? В немецком языке нет места слову «неудача»!

Но все же…

Нет. Даже если он провалит выступление…

Исключено. У фюрера нет такого права. И прежде недоразумений не бывало. Назревает кризис, пусть несущественный, но у нации появляются сомнения, и народ уже не столь единодушен в поддержке своего фюрера. Ну да ладно. Если он не сможет произнести речь, ее перенесут на другой день, только и всего. Найдут какое-нибудь объяснение. Геббельс все уладит. Это не имеет значения.

Не думай об этом.

Стоп. Наоборот, думай. Повтори еще раз. Пауза. «А теперь правда…»

Пора.

Фатерлянд замер в ожидании. Адольф Гитлер встал перед микрофонами. Он уже не волновался. Воображаемый патефон заело на слове «Россия», и в нужный момент запиленная пластинка подскажет, что делать. Гитлер начал речь — безукоризненную, как и все его речи.

«Давай!» — подсказала пластинка.

Гитлер умолк, сделал глубокий вдох и надменно вздернул нос. Окинул взглядом тысячи обращенных к нему лиц. Но он думал не о слушателях. Он думал о паузе и следующей фразе.

Пауза затянулась.

Вспомни! Это важно! Не подведи!

Адольф Гитлер открыл рот и стал произносить слова — но не те, что собирался произнести.

Десятью секундами позже трансляцию сняли с национального эфира.

Через несколько часов выступление продолжилось, но теперь к миру обратился не Гитлер, а Геббельс. Прослушав речь фюрера в записи, он, как ни странно, не обнаружил в ней упоминания о России или других жизненно важных вопросах, на которые следовало дать однозначный ответ. Фюрер попросту не мог проговорить нужные слова, и дело не в сценическом зажиме: в ключевых моментах выступления Гитлер зеленел, сходил с лица, скрежетал зубами и молол какую-то чушь, не в силах преодолеть семантическую блокировку. Чем сильнее он старался, тем хуже получалось. Наконец Геббельс сообразил, что происходит, и велел прекратить этот балаган.

Общемировую трансляцию дали в кастриро-

ванном виде. Многие спрашивали себя, почему Гитлер отошел от плана выступления, почему не заговорил о России, но далеко не все находили ответ на этот вопрос.

Однако вскоре ответ получат почти все немцы, ведь слухи не остановить: с самолетов сбрасывают листовки, люди перешептываются, разучивают вздорный куплет и напевают его на каждом углу.

Быть может, этот номер журнала «Эстаундинг сайенс фикшн» доберется до Англии, и пилот Королевских ВВС сбросит его неподалеку от Берлина или хотя бы Парижа, и пойдет молва, ведь на континенте хватает людей, знающих английский.

И они заговорят.

Поначалу никто не поверит, но все призадумаются, а заодно запомнят назойливый ритм, и однажды он дойдет до Берлина или Берхтесгадена, до парня со смешными усиками и оглушительным голосом, а несколько дней спустя (или недель, но это не столь важно) Геббельс войдет в просторный кабинет и увидит, как Адольф Гитлер марширует по ковру и скандирует:

ПРАВОЙ!
ПРАВОЙ!

Ефрейтор шагает БРАВЫЙ!
БРОсил СЕМНАДЦАТЬ детей голоДАТЬ,
СЕМги на ужин нажарила МАТЬ,
А дети кричат: «ОтРАВА!»
ПРАВОЙ!

Забери меня домой

Иной раз Гору видно аж от самого Туманного Утра, если день выдался ясный. Между городом и Горой — океан загадочных джунглей. Блеклая венерианская растительность неугомонно качается на ветру. Джунгли болтливые, постоянно что-то бубнят — почти как люди, только неразборчиво.

У кваев полно баек про Гору, целая мифология: сядет квай, прикроет мечтательно третьим веком желтый глаз и загудит носом в промежутках между словами — так вот странно они разговаривают, эти кваи. Говорят, что озерцо синее; небо вечно затянуто облаками, а озерцо синее.

Говорят, там обитает чудище. Или бог. Земляне пока слабовато знают квайский. Может, у них одно слово и для бога, и для чудища. Звучит любопытно, но не настолько, чтобы заинтересовать ребят из приграничных городов, разбросанных вдоль всей Земной трассы. Земляне только-только зацепились на Венере, и трасса пока что узкая, словно радужный Биврёст между Асгардом и другими мирами. И небезопасная. Посягать на венерианские территории, ущемлять кваев в правах — рискованное дело. Раз к ним сунешься,

второй уже не захочется.

Однажды трое парней улизнули из Туманного Утра, ненадолго опередив преследователей. Все, без чего не обойтись в пути, взяли грубой и смертоносной силой. Самосуд — он и на Венере самосуд; преследователи-вигиланты загнали парней в джунгли. Достаточно далеко, чтобы те не вернулись. Поймали бы — повесили. Но гнали их до самой развилки, где две дороги — одна на юго-запад, к Фимиаму, а вторая на север, к Адаму и Еве, — и едва заметная тропинка, что вьется прямиком на запад. Тут трое парней остановились, переглянулись и не удержались от смеха. Тропинка уводила в запретные земли кваев и дальше, к самой Горе. Преследователи пожали плечами, развернулись и ушли обратно в Туманное Утро.

Потому что в джунглях д'ваньяны. У слова «д'ваньян» множество значений, но первое и главное — «несущий смерть». Кваи молодцы, стерегут свои земли как надо. По сравнению с д'ваньяном виселица — вполне себе вариант.

В пещере было довольно сухо и безопасно, хотя безопасность на территории кваев — понятие относительное. Беглецы выкопали ямку в песке, развели аккуратный костер, и светло-лиловые

языки пламени принялись лизать стену с заунывным подвыванием, типичным для любого огня на Венере.

Парень по имени Рохан лег спиной к стене, сонно прикрыл глаза и тихонько затянул:

— Спустись, светлый фаэтон, спустись, забери меня домой…[14]

На выступе над входом в пещеру непрестанно сгущались тяжелые капли конденсата и падали, аккомпанируя песне человека и подвыванию огня. Второй парень — по кличке Мармелад — опустился на корточки перед бахромой капели, положил на колени бластер, стал вглядываться в туманные джунгли. Третий — его звали Форсайт — выскреб съестное из банки, отшвырнул ее в сторону и окликнул:

— Рыжий!

— Слушаю тебя, приятель, — отозвался Рохан, не открывая глаз.

— Рыжий, с меня хватит. Пойду обратно! Понял? Тут нечего ловить. Брильщик за нами не прилетит. Что, предлагаешь и дальше сидеть в этой норе? Полицию ждать? Нас преследует д’ваньян, еще со вчерашнего утра, и мне это совсем

---

[14] Notes: 14

«Swing Low, Sweet Chariot» — песня в жанре спиричуэлс, сочиненная в XIX в. чернокожим рабом Уоллесом Уильямом.

не нравится. Пойду назад. Рискну…

Рохан усмехнулся и пропел:

— Коль прежде меня доберешься доту-уда, скажи всем друзьям, что и я скоро бу-уду…

— Это безумие, — сказал Форсайт. — Здесь становится опасно. Ладно, ты не боишься д'ваньяна, но я-то боюсь! Короче, ухожу.

Но не двинулся с места. Под негромкие жалобы огня Рохан задумался о венерианских д'ваньянах.

Они занимают в обществе кваев особое место, не имеющее земного эквивалента. Д'ваньян — это полицейский, прокурор, судья и палач в одном лице, хотя его власть не ограничивается юридической сферой; еще он — по неизвестной землянам причине — уничтожает деревья и целые леса, иногда сжигает села, разрушает плотины, отводит реки в новое русло, а временами обеспложивает пахотные земли. Его решение — закон. Взаимодействовать с наукой ему запрещено. Он пользуется оружием, которое выдают ему облаченные в синее лл'гхираи, но не понимает принципов его работы. Лл'гхираи — это ученые, жрецы науки, обладающие запретным знанием Реалий, а что такое Реалии в понимании кваев, землянам пока неизвестно.

Хотя кое-какие реалии жизни на Венере земляне уяснили довольно быстро. И не всегда безболезненно. Во-первых, д'ваньяны наделены абсолютной властью, ради которой отказались от многого — если так подумать, даже от собственного «я». Они властвуют по праву помазанников божьих. Их жизнь священна, а приговор обжалованию не подлежит.

— Ухожу, — повторил Форсайт. — Я им не доверяю.

— Кваи — занятный народец. — Рохан приоткрыл глаза и вгляделся туда же, куда смотрел часовой у входа: в плывущие над тропинкой клочья тумана. — Неисповедимы пути их и чудеса, творимые ими. Удивительное племя. Ладно, Форсайт, прощай. А мы с Мармеладом полезем на Гору.

Форсайт тяжело привстал и обернулся. На смуглом лице вспыхнул гнев, приправленный скептицизмом. Даже сидевший у входа в пещеру Мармелад глянул через плечо и уронил изрытую оспинами челюсть.

— Чего? — осведомился Форсайт.

— Ты не глухой.

— Меня в это не втягивай, — разволновался Форсайт. — Ты с ума сошел. А раньше по-другому

пел. Обещал, что Брильщик Джонс подберет нас на вырубке и мы улетим с добычей. Говорил, что мы свернули на эту тропинку только для того, чтобы отделаться от погони. Ты что затеял, Рыжий?

Рохан лениво перевернулся на другой бок, чтобы видеть спутников:

— Ты правда думал, что Брильщику будет до нас дело, если мы не сумеем взять банк? Мы оказались в весьма щекотливой ситуации, дружище мой Форсайт.

— Мне это не нравится, — тяжело задышал Форсайт. — В сейфе салуна денег не намного меньше. Но нет, надо было в банк вломиться! С сигнализацией! С выводом на полицейский пульт в Лебедином Порту! Что скажешь, Рыжий? Как скоро за нами явится полиция?

Зачерпнув горсть влажного песка, Рохан с детским любопытством смотрел, как тот сыплется сквозь пальцы. Земляне здесь совсем недавно, и до сих пор они удивляются самым элементарным вещам. Например, тому факту, что поверхность Венеры покрыта самой обычной почвой: черноземом, камнями, песком. Совсем как Земля. От утренней звезды ждешь чего-то более величественного.

— И мчит за мною ангелов отряд, — пропел Рохан, — мчит, чтоб…

— На Гору идти нельзя, — упорствовал Форсайт. — Что ты там найдешь, кроме какого-то черта в озерце? Говорю тебе, это безумие!

— Что я там найду, друзья мои? — В фиолетовых отблесках огня лицо Рохана приобрело лихорадочный оттенок. — Я найду богатство! Да, озерцо там имеется. И в нем обитает… ну, какое-то чудище. А знаете, для чего оно там? Чтобы охранять сокровища. Драгоценные камни, Форсайт. Бриллианты, Мармелад, изумруды и рубины. Тысячу лет кваи бросают в это озерцо подношения своему божественному монстру. И об этом не известно никому, кроме нас. Вот почему, Форсайт, мы полезем на Гору.

— Тебе это пригрезилось, — хмыкнул Форсайт.

— Информация из самых первых рук! — рассмеялся Рохан. — От Чокнутого Джо.

Форсайт дернул головой, собираясь выплюнуть очередную колкость, но насмешка застряла в горле.

— Вот именно, — продолжил Рохан. — Обмозгуй все как следует. Я, к примеру, уже обмозговал. Видишь ли, я его подпоил. Впервые видел Чокнутого Джо пьяным. К счастью, он собутыльничал

не с кем-то, а со мной. И разговорился…

Сквозь полуприкрытые веки Рохан смотрел на тусклый подвывающий костер. Чокнутый Джо… Интересно, насколько он чокнутый? Потягивал свое пойло и трепался, как увидел сокровище и не притронулся к нему, потому что не захотел, потому что плевать ему на сокровища. Точно, чокнутый. На такой поступок способны только чокнутые. Но еще и мудрый. Мудрый как филин. Деформированные закоулки его сознания оплетены паутиной здравого смысла. Как ни странно, кваи его уважали, прислушивались к его советам, рассказывали ему всякое, а он то и дело оборачивал их рассказы себе в пользу, даром что чокнутый. Не исключено, что он знал гораздо больше, чем рассказывал. Без помех бродил по квайской территории. Видел, что там, на вершине Горы…

— Утром я снова его поспрашивал, — сказал Рохан. — Думал, все это пьяная болтовня, но он и на трезвую голову подтвердил: чистая правда. Все мне рассказал. И я ему поверил. — Он усмехнулся. — А если бы не поверил, меня бы сейчас здесь не было. Короче, даже если он и приврал, на вершине Горы полно драгоценных камней. Половина богатств всей Венеры. И эти сокровища

ждут не дождутся троих ребят вроде нас.

Тут он сложил губы в таинственную улыбочку и задумался о второй половине рассказа Чокнутого Джо. Форсайт и Мармелад даже в сокровище не особо поверили… То ли будет, если рассказать им про д'ваньянов.

— Д'ваньянов не бойся, — говорил ему Чокнутый Джо, глубокомысленно запустив пальцы в бороду и хмуря густые выбеленные брови. — Я же не боюсь. Много про них знаю, вот и не боюсь. Выведал всякое. Там, наверху. — Он с ухмылкой бросил на Рохана проницательный взгляд. — Не такие уж они таинственные, если знать их тайну. А тайна там, наверху. Все там — и сокровище, и озерцо, и чудище… и тайна д'ваньянов.

Рохан с сомнением глядел на него. Он привык считать себя здравомыслящим человеком, но теперь чувствовал растущее волнение. Ситуация и впрямь была странная. Что страннее всего, он поверил Чокнутому Джо. Почему? Это поймут лишь те, кто знаком с бородатым малым. Никому не известно, ни как его звать на самом деле, ни откуда он родом. Временами его лицо — та часть, что между всклокоченной бородой и неровно подстриженной челкой, — пробуждало смутные воспоминания, но о ком? Этого Рохан так и не

понял. Несомненно, чокнутый Джо безумец, но безумствует он с достоинством и не замечен за враньем.

Еще он умел общаться с кваями и даже с д'ваньянами — держался на почтительном расстоянии, глядел снизу вверх в их холодные нечеловеческие лица, говорил, поглаживая бороду. С людьми д'ваньяны никогда не общались без крайней необходимости, но Чокнутого Джо слушали с уважением.

— Что ты о них знаешь? — осведомился тогда Рохан, вложив в этот вопрос всю свою нелюбовь, все свое недоверие к д'ваньянам. Нелюди, немтыри, жуткие создания, из-за которых его надежды на успех пошли прахом. — Что знаешь?

— Тайну д'ваньянов, — спокойно ответил Чокнутый Джо, — я тебе раскрыть не могу. При всем желании. О таком нельзя рассказать. Такое надо увидеть своими глазами.

— Оружие? — допытывался Рохан. — Механизм? Книга? Ну же, Чокнутый, дай наводку! О чем речь?

— О том, что на Горе, — только и сказал Джо. — Сходи да посмотри. Я там был и все видел. Теперь я их не боюсь. Они со мной разговаривают. Если тебя интересует их тайна, полезай на Гору. Да,

будет нелегко, но тут как везде: без труда не выловишь рыбку из пруда. Так что вперед. Узнаешь все сам.

Поэтому Рохан отправился на Гору.

Его снедало любопытство. Эти несущие смерть — ужасающее племя, если их вообще можно назвать племенем. Не живые и не мертвые. На людей похожи не больше, чем существа из другой галактики.

Какие силы им подвластны? Сколько земляне ни гадали, никак не получалось угадать. Несущие смерть умели убивать на расстоянии — множеством способов, вполне объяснимых по аналогии; но объяснения запросто могли оказаться неверными. К примеру, если сфокусировать ультразвуковые волны в невидимую точку, живое существо погибнет от жара и вибрации. Не таким ли способом д'ваньяны приканчивают своих жертв? Как знать.

А их причудливые одеяния? Мерцающая черная материя, расшитая блестящими нитями? Никто из землян не видел их вблизи. Не исключено, что это неизвестное на Земле оружие: как обмотка на сердечнике электромагнита задает его мощность, так и замысловатые узоры могут оказаться источником энергии, которой д'ванья-

ны пользуются с пугающей эффективностью.

Науки кваев в чем-то походят на земные, а в чем-то отличаются. Венерианцы не видели звезд, но по структуре атома воссоздали вполне правдоподобную схему Солнечной системы и соседних звезд. Известно, что они пользуются коротковолновым излучением Солнца и звезд, отфильтрованным облачной пеленой Венеры, — например, чтобы сбалансировать продовольственные ресурсы. Преобразуют крахмал в сахар с помощью поляризованного инфракрасного излучения — то есть по старинной земной технологии. А коль скоро существуют технологические преобразователи, почему бы не существовать биологическим? Если так, разумно будет предположить, что оружие д'ваньянов — это энергия, которую они черпают то ли из самих себя, то ли из окружающего мира и которой управляют с помощью мерцающих черных одеяний. Но откуда взялись д'ваньяны? Этого никто не знает. Наверное, даже кваи.

Быть может, об этом известно Чокнутому Джо. Быть может, это выяснит Рохан, если доберется до вершины Горы. Пока же он знает лишь одно: что ненавидит д'ваньянов иррациональной и неуправляемой ненавистью, скорее похожей на

инстинктивное отвращение к неземной форме жизни, нежели на неприязнь к себе подобным, какими бы мерзавцами они ни были. Д'ваньяны не руководствовались внутренними импульсами, присущими Рохану, и Рохан ненавидел их за непохожесть на людей. Они были бесстрастны, и он насмехался над их непостижимым бесстрастием. Они были бескорыстны, и он презирал их за необычайное бескорыстие. Но логика подсказывала, что по своей сути они просто живые существа. Подобно большинству людей, они следуют чьим-то приказам. Но на этот раз Рохан не позволит им расстроить его планы. Он боится д'ваньянов, но еще сильнее боится неудачи. Нет, теперь он не отступится от своей цели — ни за что на свете.

— Ну, не знаю, — ворчал Форсайт. — Не нравится мне все это. Слишком опасно. До Горы еще идти и идти.

— А здесь тебе нравится? — улыбнулся Рохан и проворно вскочил.

Высокий мужчина, импозантный, с приятной улыбкой. С первого взгляда и не поймешь, кто он такой на самом деле — и кем всегда был.

— Будешь сидеть на месте, — сказал он, — и за тобой придет д'ваньян. Вернешься — и тебя

вздернут городские, если их не опередит полиция. Пойдешь со мной — есть значительная вероятность, что тебя сожрет самое настоящее, подлинное, аутентичное чудище. Ну или божество. Зато перед смертью полюбуешься на несметные богатства. Обещаю, Форсайт, что ты умрешь с улыбкой.

Человек, сидевший у входа в пещеру, все это время наблюдал за джунглями, но держал ухо востро. Теперь же, не поворачивая головы, он сипло спросил:

— Рыжий, ты все это спланировал?

— Спланировал, Мармелад? — Приятное лицо Рохана застыло в простодушной гримасе.

— Ты не рассказал бы о сокровище — если оно там есть, это сокровище, — не будь мы тебе нужны. Так? Ты знал, что мы пойдем на риск с твоей подачи, только если у нас не будет выбора. Поэтому спрашиваю еще раз: ты это спланировал?

До Форсайта все доходило с опозданием, но вскоре даже он сообразил, о чем речь.

— Вот именно! — И с растущим жаром: — Вот именно, Рыжий! Что скажешь? Это же ты придумал ограбить банк! Не салун, а именно банк, чтобы запороть дело и поднять полицию. Ты, Рыжий, того и хотел, чтобы за нами была погоня!

Чтобы не было пути назад. Чтобы мы ушли на территорию кваев. Вот он, твой безумный план. Ну что ж, теперь мы здесь. Теперь ни вперед, ни назад! А все потому, что, когда речь заходит о деньгах, ты еще чокнутее Чокнутого Джо! Рыжий, я…

— Форсайт, умолкни, — прошептал вдруг Рохан. — Глянь вон туда. Мармелад! Там что-то… что-то черное!

В пространстве, сплюснутом каменными стенами — горными породами, из которых состояла чужая планета, — дыхание троих умолкших мужчин казалось оглушительным. Капли конденсата звонко разбивались о порог пещеры, им заунывно подпевал костер.

Мармелад поерзал, навел бластер на тропинку в джунглях и слился с ним в единое целое.

— Нет, — тихо велел Рохан. — Мармелад, не спеши. Мало ли что у них на уме, у этих кваев.

— Рыжий, а д'ваньяна можно убить? — еле слышно спросил Форсайт.

— Не знаю, но хотелось бы узнать, — процедил Рохан сквозь зубы. На его лице заиграли лихорадочные отблески фиолетового огня, глаза безжалостно блеснули. — Хотелось бы, — повторил он. — И когда-нибудь узнаю. Может, сегодня.

Может, прямо сейчас. Если я кого и ненавижу…

Туман эффектно расступился, и на обнаженной тропинке появилась высокая черная фигура с белым лицом. Д'ваньян величаво шагал к пещере. Палец Мармелада, словно сведенный судорогой, обнимал спусковой крючок. Форсайт тихо выругался. Рохан не издал ни звука. Он не сводил глаз с черной фигуры. Та приближалась.

В глубине души Рохан помнил: в своих действиях д'ваньяны, по всей видимости, руководствуются чьими-то приказами. Когда три недели тому назад один из них приблизился к процветающему руднику на окраинах Беззаботной Любви и мановением руки уничтожил все капиталовложения Рохана, в его поступке не было ничего личного.

Рохан вспомнил об этом, и в висках тяжело запульсировал гнев.

На Венере полно полезных ископаемых. Планета буквально напрашивается на разработку. Фронтир — не место для слабых, здесь не церемонятся, и Рохан прибыл сюда лишь по одной причине: наилучшее применение своим талантам он находил там, где процветало беззаконие. Он твердо знал, что у него имеются задатки великого человека, и на фундаменте этого знания выстроил всю свою жизнь, но реализовать себя

мог только на целине фронтира, и Венера казалась идеальным местом для осуществления его замыслов… пока тот д'ваньян не вышел из джунглей, чтобы единственным жестом освободить кваев от тяжкого труда.

— Они принадлежат мне! — распинался Рохан перед бесстрастной фигурой в черном. — Они мне задолжали, вот и расплачиваются как могут! Больше у них ничего нет!

Без толку. Д'ваньян его как будто не слышал. В обществе кваев нет такого понятия, как товарообмен. Короче говоря, империя рухнула, не успев расцвести, и Рохан снова остался с пустыми руками, с пустыми карманами; остался ни с чем, кроме твердой уверенности в своем потенциальном величии и едкой ненависти к д'ваньяну, вставшему между ним и богатствами, которые обещала Венера.

Существо в черном приближалось. Глядя ему в лицо, Рохан растянул губы в любезной улыбке. Конечно, это другой д'ваньян, а не тот, из Беззаботной Любви… или тот самый? Кто их разберет… О д'ваньянах всегда думаешь в единственном числе. Наверное, потому, что видишь не больше одного зараз, а различать этих существ нет никакой возможности, и тебе неизбежно начи-

нает казаться, что на всей Венере есть только один д'ваньян, всесильный и вездесущий, и он находится во многих сотнях мест сразу. Словно по волшебству. Чуждый, пустоглазый, бесстрастный, важно разгуливающий по своим делам. Само слово «д'ваньян» означает существо вне пределов жизни и смерти.

Д'ваньян стал у самого входа в пещеру. Он отстраненно смотрел на троих парней, в желтых глазах не читалось ничего, кроме безразличия. Блеклая растительность позади него зашевелилась, и на тропинку гуськом вышли кваи. Их было немного.

Кваи довольно высокие, в замысловатых водонепроницаемых нарядах, прилегающих к телу, словно вторая кожа; и эта одежда смахивает на белые бинты, отчего квай похож на мумию или привидение. У них треугольные лица, а вместо волос гладкий мех вроде тюленьего. Кваи поразительно похожи на тричуков, крохотных венерианских древолазов, которые бесшумно снуют в дрожащей листве и рассматривают тебя удивленными глазами. Если ты совсем недавно прибыл с Земли, скажешь, что квай напоминает лемура или сову, но, когда освоишься на Венере, поймешь, что перед тобой вылитый тричук.

Все четверо замерли за спиной у д'ваньяна и уставились в пещеру; на физиономиях смесь неодобрения и любопытства. Облаченный в черное д'ваньян стоял лицом к пещере и, не фокусируя равнодушного взгляда, изучал пустое место в шести футах за спиной у землян. Правой ладонью он поддерживал левое предплечье, а левую ладонь небрежно развернул к пещере. Наряд сидел на нем как влитой и сверкал так, что больно смотреть. Сослепу не поймешь, вооружен д'ваньян или нет.

Наконец прозвучал голос, лишенный любого выражения:

— Гора — запретное место. Возвращайтесь.

Рохан обворожительно улыбнулся, и четверо кваев замигали светло-желтыми глазами.

— Доброе утро, джентльмены, — льстиво заговорил он. — Похоже, мы заблудились. Надеюсь, что не нарушили ничьих границ.

Кваи оскалились и щелкнули зубами. Один произнес что-то с обертонами грегорианского хорала и добавил несколько испанских ругательств с чудовищным местным акцентом. Затем все четверо состроили мрачные, встревоженные мины, сложили ладони на гладких макушках и вопросительно уставились на Рохана.

Д’ваньян как будто ничего не слышал. Стоял без движения, молчал и ждал. Рохан почувствовал, как по спине бежит холодок, и тяжело сглотнул, сдерживая гнев.

— Гора — запретное место, — повторил д’ваньян. — Уходите. Прямо сейчас.

— Непременно. — Рохан демонстративно усмехнулся. — С радостью.

С д’ваньянами не спорят. Этот повторил свой приказ дважды. Наверное, сделал землянам большое одолжение. Рохан задумался, есть ли у этого существа… у этого создания хоть какие-то чувства. Если да, то он, скорее всего, слегка озабочен деликатной ситуацией с нарушителями, ибо отношения между землянами и кваями складываются непросто.

Землянам с их сугубо практичным мышлением древних римлян, ориентированным на извлечение прибыли, чрезвычайно трудно понять принципы организации общества в мире, не знавшем Рима. Если бы не д’ваньяны, контакт с местными был бы невозможен — в буквальном смысле.

Пожалуй, этого комментария будет достаточно, чтобы читатель понял, почему экстравагантные личности вроде Чокнутого Джо, в отличие от

нормальных землян, не испытывают при общении с кваями и д'ваньянами почти никаких затруднений. Умственно неполноценные бродяги — неизбежный атрибут любого пограничного общества. Царящий здесь произвол притягивает всевозможных отщепенцев и безжалостно перемалывает их в труху. Но лишь благодаря Чокнутым Джо между народами соседствующих миров удалось создать грубое, но работоспособное подобие гармонии. В конце концов, это двоюродные расы, дети братских планет, отпрыски рода человеческого. Но насколько по-разному они мыслят!

За спиной у Рохана тихо заговорил Форсайт:

— Лучше нам вернуться, Рыжий. Он не шутит. Сам знаешь, д'ваньяна невозможно убить. Другие уже пытались. Я не желаю в это ввязываться.

Его подошвы скрипнули по гравию. Форсайт шагнул вперед, но Рохан выставил руку и задвинул его обратно за спину.

— Мы уходим, — громко объявил он, и в голосе звенела благожелательность. — Дай мне рюкзак, Форсайт. Мы уходим.

Но мысленно повторял, сдерживая кипящий гнев: «О нет, только не снова. Однажды я сдался, но это не повторится. На сей раз любой риск

оправдан, и я готов на все. О нет, назад мы не пойдем».

Он закинул на плечи рюкзак, вышел из-за вуали капающей воды и стал у входа в пещеру. Д'ваньян издал резкий шипящий звук. Кваи вздрогнули и попятились. Казалось, они съежились под своими обмотками, сгорбились от тяжести осознания, что сейчас что-то произойдет. Рохан вдруг подумал, что эти четверо — пленники д'ваньяна, совершившие какое-то загадочное квайское преступление. Д'ваньян зашипел снова, не двинув ни единым лицевым мускулом. Кваи, склонив головы, припустили к джунглям, где нырнули в лавину тумана. Последний из четверых обернулся и бросил на землян красноречивый взгляд, полный тревоги и безысходности, мигнул третьим веком, и туман поглотил его, словно сама Смерть.

Рохана окатило жгучей волной презрения к этим существам. Бесхребетные твари, четверо против одного д'ваньяна — и сдались, даже не подумав воспротивиться его воле. Так принято на Венере, но Рохан под этими правилами не подписывался.

Пристроив рюкзак на спину, Форсайт вышел из пещеры, встал перед Роханом и пробурчал:

— Дурак ты, Рохан. Думаешь, тебе это с рук сойдет? Даже будь здесь посудина Брильщика, я бы не полез на борт. Ты, Рохан, не внушаешь мне доверия. Ты еще чокнутее Чокнутого Джо. — Он повернулся к д'ваньяну. — Отведешь нас назад? Дураки мы, что сюда сунулись. Я бы и сам давно ушел, вот только дороги не знаю.

Левой рукой с полураскрытой ладонью (наверное, это положение пальцев означало угрозу) д'ваньян указал в том же направлении, куда сбежали кваи. Форсайт, хмыкнув, ступил на тропинку. Мармелад, сжимая в руке бластер, неуклюже поплелся следом. Рохан не двинулся с места.

Ненадолго задержав на его лице спокойный, но неумолимый взгляд, д'ваньян приподнял грозную руку. Какое у него оружие? Не узнать. Но ясно, что он способен уничтожить всех троих, лишь щелкнув пальцами.

Глядя в невыразительное белое лицо, Рохан решил, что хватит сдерживать гнев. «Это поворотный момент моей жизни на Венере, — думал он. — Если сдаться, закончу как Чокнутый Джо. Если одолею д'ваньяна, выстрою на сокровищах Горы целую империю. Быть может, получу власть, которая сокрушит д'ваньянов раз и на-

всегда».

Он вдруг понял: пока существуют д'ваньяны, строить империю бессмысленно. И еще он понял, что не хочет никакой империи, никаких сокровищ, что жаждет лишь одного: разделаться с кланом д'ваньянов, с тысячами мертволицых копий того существа, что стоит сейчас перед ним; существа, которому кланяется целая планета. Рохан чувствовал, как бурлит в нем уверенность в собственных силах. Все получится. Он знал, что все получится — если он сумеет убить д'ваньяна в сегодняшнем поединке.

Он видел, как Форсайт шагает по тропинке навстречу волне тумана, в которой чуть раньше растворились послушные кваи. Мармелад нерешительно помедлил, посмотрел вслед Форсайту, оглянулся на Рохана.

Тот сделал глубокий вдох. Есть лишь один путь к победе. Интересно, кто-нибудь уже убивал д'ваньяна? Или хотя бы отважился попробовать? «Ну а почему нет? — решил он. — Что мне терять?»

Рохан уронил руку к висевшему на бедре бластеру и, не вынимая оружия из кобуры, выстрелил — мгновенно, не оставив ни себе, ни д'ваньяну времени на размышления.

Это кошмар, думал Рохан. Они бежали, бежа-

ли, бежали — все трое мчались сквозь туман, а вокруг были блеклые деревья, увитые лозами и жгутами тумана, и листья не умолкали, листья продолжали бубнить, и все джунгли содрогались от ужаса.

Рохан почти не видел бесцветной растительности. Вспышка у пещеры была столь ослепительной…

Что за вспышка?

«Ах да, — походя вспомнил он, — та вспышка, когда я убил д'ваньяна».

Тут над смятением чувств возобладал рассудок, и оказалось, что Рохан спрашивает сам себя — даже не спрашивает, а орет благим матом, беззвучно выкрикивает один и тот же недоверчивый вопрос: «Убил д'ваньяна? Я что, убил д'ваньяна?»

Он споткнулся, схватился за ствол дерева, чтобы устоять на ногах, и на долгое мгновение застыл, прижавшись щекой к влажной коре; с дрожащих листьев на затылок капала влага, и он пытался совладать с ошеломленной, но пробуждавшейся памятью.

— Я застрелил д'ваньяна, — сказал он себе, тщательно выговаривая слова. — О да, я его застрелил. Я, Рыжий Рохан, убил д'ваньяна, а сам — вот он, жив-живехонек. Значит, д'ваньяна

можно убить. У меня получилось. Но что было потом? Как я здесь оказался?

Память отказывалась нырять в прошлое. Рохан, стиснув зубы, мысленно вернулся к пещере, в тот момент, когда схватился за оружие и…

Вспышка. Вспышка ослепительная, словно солнце, бело-желтая, ярчайшая вспышка из всех, что когда-либо наблюдали на Венере. Ни один венерианец не видел солнца. Даже костры здесь горели бледно-лиловым пламенем. Даже бластеры полыхали бледно-фиолетовым. Но вспышка у пещеры была как само солнце. Ослепительная. Отключающая и зрение, и сознание.

Д'ваньян растворился в ней, а потом накатил туман, и в нем растворился цвет солнца, после чего в туманной пелене, вспомнил Рохан, сверкнули радуги — должно быть, первые радуги на Венере.

Но упал ли д'ваньян? Ни один человек не способен устоять на ногах, получив заряд бластера почти в упор, с трех футов. Но разве д'ваньян — человек? Рохан снова и снова задавал себе этот вопрос, а вокруг перешептывались болтливые листья, но в их шепоте не было ответа. Никакого ответа не было. Была только ослепительная вспышка, туман, радуги, а потом…

А потом они побежали.

— Форсайт! — позвал дрожащим голосом Рохан, перекрикивая болтовню листьев. — Форсайт! Мармелад!

Из джунглей появились темные фигуры. Спутники остановились, перевели дух.

— Рыжий? — неуверенно спросил Форсайт. — Рыжий?

— Так, хватит. — Рохан совладал с дрожью в голосе. — Успокоились. Мы целы. Все под контролем.

— Под контролем! — с горечью передразнил его Форсайт и, тяжело дыша, прислонился к дереву. — Ну конечно, все в полном порядке. Вот только я собственными глазами видел, как ты пристрелил д'ваньяна. Знаешь, какое за это положено наказание?

— А ты знаешь? — с вымученной кривой ухмылкой спросил Рохан.

— Никто не знает. Может, раньше никто не пробовал убить д'ваньяна. Может, это совершенно новое преступление и для него еще не придумали наказание. Но придумают. И тогда…

— Заткнись, — перебил его Рохан, изо всех сил стараясь взять себя в руки, и повторил почти ласково: — Заткнись, Форсайт. Что сделано, то

сделано. Теперь вам придется пойти со мной. Если доберемся до Горы, у нас не будет повода для волнений. Обещаю.

— Я не пойду. — Форсайт по-прежнему тяжело дышал. — Вернусь и буду ждать Брильщика. Ты же с ним связывался. Думаю, он все-таки прилетит. Мы просто поторопились уйти, только и всего. Он…

— Брильщик не прилетит, Форсайт, — устало объяснил Рохан. — Он уже два года как мертв.

Довольно долго все трое молчали. Когда тишина стала особенно гнетущей, Мармелад, прожигая Рохана взглядом, неторопливо и как будто машинально снял с плеча бластер.

— Не надо, — предупредил Рохан. — Без меня вам ничего не светит.

— Брильщик мертв? — тупо повторил Форсайт. — Не верю. Врешь. Ты…

— Да, я вам соврал. Пришлось. Ведь без вас мне не обойтись. — Рохан говорил мягко, но уверенно и настойчиво. — Я не связывался с Брильщиком, потому что с ним невозможно связаться. У меня нет канала связи с преисподней. Брильщик прожил долгую паскудную жизнь, а два года назад разбился в джунглях. Мне Чокнутый Джо рассказал. Я боялся, что и вы про это слышали, но

все равно рискнул. Выбора не было. Говорю же, если доберемся до Горы, вы мне спасибо скажете. Мы так разбогатеем, что плевать нам будет на правительство, станем сами себе власть, построим в этих джунглях собственную империю и подомнем под себя полмира. Три императора… Богатств хватит каждому. Перед нами целая планета — ждет, когда ее захватят люди вроде нас. Я знаю, как это провернуть, и не отступлюсь. Мне нужна ваша помощь, и я устроил так, чтобы вы мне помогли. Вернуться уже не сможете. Вся Венера настроена против нас. Остается только идти на Гору, а если дойдем, станем хозяевами этого мира! — Он оттолкнулся локтем от дерева. — Короче, я пошел. Если хотите, давайте со мной.

Остальные молча смотрели на него, давясь гневом и отчаянием. Потом Форсайт слегка набычился и попытался что-то сказать, но не смог. Глаза округлились так, что над радужкой показался белок. Форсайт уставился в ту сторону, откуда они пришли.

Рохан обернулся. В бормочущей тишине все трое отчетливо слышали легкие шаги по гальке. Рохан принялся лихорадочно вспоминать, встречалась ли им на пути галька. Опустил глаза. Ноги мокрые. Да, была широкая полоса влажной

гальки, а за ней между деревьями вился быстрый ручеек. Далеко ли? Он не помнил.

Вдали перекатывались и хрустели сокрытые за листвой камушки. Затем зажурчала вода. Так журчит ручей, омывая препятствие — например, ноги, переходящие его вброд. Снова хруст, теперь на ближнем берегу. Потом тишина.

Может, идущий находится дальше, чем кажется. Отражаясь от здешней листвы, звук меняется самым причудливым образом.

Рохан сипло выдохнул, твердой рукой поправил рюкзак, проверил, на месте ли бластер, и сказал почти так же бодро, как всегда:

— Ну, пошли. — Предчувствие опасности подействовало на него, как глоток спиртного. Прочь сомнения, долой нерешительность, отныне — только вперед. — Пошли, живо! Если оторвемся, все получится.

— Оторвемся? От кого? — прошептал Форсайт, озирая круглыми глазами затянутые туманом джунгли, из которых они только что выбрались. — Ты же сам знаешь, что это он. Я… видел за деревьями что-то черное. Он идет за нами. И он заберет нас, Рыжий. Мы убили его, и теперь он будет ходить за нами, пока не заберет. Рыжий, я…

Рохан тяжело шлепнул здоровенной ладонью

по его потной смуглой физиономии.

— Молчи и топай. Передо мной. Мармелад, ты тоже. Я вам свой тыл не доверю. Ну же, шагом марш! — Он возбужденно хохотнул. — Пойду замыкающим. Если это и правда он, то заберет меня первым.

Оба послушались. Двинули вперед, хоть и нерешительно. То и дело оступались. Рохан сделал глубокий вдох, осклабился и мелодично засвистел. Бледные дрожащие листья, что говорили с ним со всех сторон, задрожали еще сильнее, когда он с вызовом запел, обращаясь к туману и оплетенным лозой деревьям:

— Спустись, светлый фаэто-о-он, спустись, забери меня до-мо-о-ой…

Над влажной пеленой и цепкими джунглями вздымались громадные плечи Горы, исполинские плечи, местами укутанные в туманную плащаницу, но по большей части нагие — серый вулканический камень, разукрашенный огромными цветными кляксами мягкого лишайника, розовыми, янтарными, темно-синими и бледно-зелеными. Вершины не видать. Озерцо, тайна, сокровища — все они спрятались в облаках и притворились, что их не существует.

Рохан бросил теплый, полный обожания взгляд

в сторону вершины. Даже не верилось, что он у самой цели и вот-вот сбудутся все его мечты. Он рассмотрел извилистую тропинку, ведущую круто вверх, прикрыл глаза и представил, как спускается по ней, нагруженный сокровищами. Бриллиантами и рубинами. И еще он станет мудрее, чем тот Рохан, который стоит сейчас у кромки джунглей. Станет сильнее, чем д'ваньян. С Горы спустится Рохан, владеющий тайной д'ваньянов — существ, держащих в подчинении всю планету. Рохан повелевающий.

Он оглянулся. Звук шагов стал громче. За шепчущей листвой ничего не рассмотреть, но преследователь ступал размеренно, словно заведенный. А ведь он не старается догнать, понял Рохан. Ему достаточно лишь идти следом.

Рохан знал, что пора бы испугаться. Форсайт и Мармелад, примерзнув к месту, вглядывались в джунгли и тряслись от извечного суеверного ужаса. Но теперь, когда тайна совсем рядом, рукой подать, Рохану не до страха. К тому времени, как его нагонит неспешный преследователь, Рохан станет мудрее д'ваньянов, сильнее д'ваньянов, но для этого надо поторопиться.

— Ладно, — сказал он, — вперед. На Гору, парни. Обещаю, как только мы…

— Слышите? — перебил его Форсайт.

Все замерли. Джунгли продолжали бессвязно шепелявить. Над деревьями тяжело вздыхал ветер. Издалека донесся раскат грома, а после повторился зов: тонкий, замогильный, искаженный листвой.

— Ро-охан… — звал голос. — Ры-ыжий… Рыыжий Ро-охан!

На этот раз по спине Рохана прокатилась волна озноба.

— Вперед! — повторил он. — На Гору, быстро!

И снова тот же зов, теперь совсем рядом. Преследователь стремительно настигал их. Чудеса, да и только.

— Ро-хан… Ро-охан…

Рохан бросился бежать, тяжело топая и чувствуя, как по спине бьет рюкзак. Гора так близко… Если вырваться хоть немного вперед, быть может…

— Рохан? — окликнули от кромки джунглей. — Рохан, подожди меня.

Сам того не желая, Рохан обернулся. Не веря глазам, облегченно выдохнул и глупо спросил:

— Чокнутый Джо, ты?

— Ну да, я. — Старик улыбнулся сквозь косматую бороду. — А ты думал, не я? Погоди минутку.

Он уверенно ступил на мшистый ковер и двинул вперед, широко размахивая руками. Крепкий дед. Может, и не дед вовсе — никто не знает, сколько ему годов. Борода с шевелюрой выцвели то ли от возраста, то ли по более туманным причинам. О Чокнутом Джо никто ничего не знает. Известно лишь, что он приходит и уходит, когда ему заблагорассудится, не отвечает на вопросы, всегда безмятежный, лучится благодушием и творит самые странные вещи в самое неподходящее время. Короче, не зря его прозвали Чокнутым.

Чудак, но на удивление опрятный. Синие джинсы, забрызганные росой и каплями дождя, аккуратно прихвачены ремешками квайских сандалий; на джинсовой рубашке, пошитой в Лебедином Порту, стоит клеймо «казенное имущество»: такие выдают всем землянам, прибывающим на Венеру. Из-под клапана нагрудного кармана выглядывает розовый цветок, а на взъерошенных волосах — прозрачная бабочка и несколько крапчатых лепестков, но о них Чокнутый Джо, наверное, сам не знает.

— Думал вас опередить, — заговорил он, и с лица не сходила придурковатая улыбка, — но вы больно уж шустрые. — Он задрал голову и глянул на тропинку, что вилась по крутому склону го-

ры. — Ну и ну! Ни капли не изменилась. Кто из вас пойдет первым?

— Так это ты? Это ты все время за нами шел? — нервно спросил Форсайт, пропустив вопрос мимо ушей. — Больше… никого с тобой не было?

— Не понимаю, о чем ты, сынок, — прищурился Чокнутый Джо.

— А ты видел?.. Там был?.. — Форсайт не мог подобрать слов.

— Д'ваньян, — закончил за него Рохан. — Мы думали, нас преследует д'ваньян, Джо. Скажи, ты что-нибудь видел?

Чокнутый Джо обернулся, задумчиво уставился на джунгли и запустил пальцы в бороду. Прозрачная бабочка захлопала крыльями, высвободилась из его кудрей и улетела прочь с легким дуновением ветра.

— Преследует запутанным путем… — пробормотал Чокнутый Джо, — по лабиринту моего сознанья…

— Чего? — раздраженно спросил Форсайт.

Чокнутый Джо лишь покачал головой. Улыбка исчезла, и он снова сказал:

— Так кто намерен идти первым?

— Ясное дело, мы пойдем все вместе, — ответил Рохан. — Так что насчет д'ваньяна, Джо?

— Если ты ему нужен, он тебя поймает, — сказал Джо. — На твоем месте я бы не волновался. Мчал за мною ангелов отряд. — Он улыбнулся Рохану. — Часто слышу, как про них поют. Значит, первым пойдешь ты, Рохан? Тут такое дело, что всем вместе нельзя. Это против правил.

— Правила теперь устанавливаю я, — отмахнулся Рохан. — Кто мне помешает? Там же никого, так?

— О нет. Там всегда есть один квай. Он ждет.

— Чего он ждет?

— Ждет, чтобы его сожрали, — беззаботно сказал Джо. — Чтобы его слопала тварь, которая в озерце живет. Ты же знал, что она стережет сокровище. Разве не знал?

Форсайт выжидающе смотрел на Рохана. Тот отвернулся, но с другой стороны на него напряженно пялился Мармелад. Оба в один голос сказали:

— Так вот оно что!

— Нет, ребята, вы неправильно поняли, — рассмеялся Рохан. — Если боитесь, я сам буду нырять за камнями. Никто не обещал, что получится легко. Но вы мне поможете. Если на берегу постоит человек с бластером, мне гораздо…

— Нет, Рохан, — твердо возразил Чокнутый

Джо. — Сам знаешь, так нельзя. А поодиночке можно. Ты подумай, Рохан. Вспомни, что там, наверху. — Он остро глянул на Рохана из-под выцветших кустистых бровей. — Тайна, которую ты узнаешь, только если пойдешь один.

— Вы о чем вообще? — осведомился Форсайт.

— Это секрет, — по-детски объяснил Чокнутый Джо. — Рохан в курсе. — Он снова глянул на дрожащие джунгли, и его голос слился с их сонным шелестом: — И за спиной вскипел гнев Божий, и грянул гром, и валит серный снег. — Он с улыбкой посмотрел на Рохана. — И убыстряет паренек пригожий к вершине гибельной свой бег…

— Да вы оба психи, что один, что другой, — сердито бросил Форсайт, а затем отвернулся и задумался.

Похоже, у него зарождалась новая мысль, а Рохан не мог допустить, чтобы она созрела. И решение, естественно, оставалось только одно.

Рохан отступил от остальных троих, положил ладонь на рукоять бластера, угрожающе приподнял его. С такого расстояния можно стрелять, не вынимая оружия из кобуры. Рохану всегда нравился этот трюк.

— Ладно, Форсайт. — Он уже не старался говорить бодро и дружелюбно. — И ты, Мармелад.

Идите сюда, оба. Мы поднимемся вместе, но вы пойдете первыми, а ты, Чокнутый Джо…

Он прикинул варианты. Рано или поздно старика придется убить. Как ни крути, из-за него сплошной риск. Он может вывести этих двоих на Земную трассу, а ведь сейчас они подчиняются Рохану только из страха перед джунглями. С таким проводником вмиг перестанут слушаться. И еще Чокнутый Джо слишком многое знает про Гору. Однажды выболтал, выболтает снова, а Рохану конкуренты не нужны. Он коснулся спускового крючка, помедлил и решил, что еще не время.

— А ты, Чокнутый Джо, — продолжил он, — ступай обратно, и чтобы я тебя больше не видел. Отныне играем по моим правилам.

Тяжелое лицо Форсайта сморщилось в задумчивой гримасе. Рохану это не понравилось. Он грозно дернул бластером:

— Форсайт?

Тот покосился на него, приподнял верхнюю губу и язвительно засмеялся.

— Скажи-ка, Чокнутый Джо, — спросил он, глядя Рохану в глаза, — с этой Горы есть еще один спуск?

— Нет, — безмятежно ответил Чокнутый Джо. — Тропинка только с этой стороны. С осталь-

ных сплошные обрывы.

Форсайт, не сводя с Рохана прищуренных злобных глаз, осторожно попятился, нашел подходящий камень, присел, снова издал неприятный едкий смешок и злорадно сказал:

— Ну давай, стреляй. Что же ты не стреляешь?

Мармелад тоже все понял и разразился хохотом, похожим на собачий лай.

— Не будет он стрелять, — сказал он, отсмеявшись. — Что-что, а стрелять не будет.

— Почему это не буду? — осведомился Рохан, изо всех сил стараясь не дать волю гневу.

— Потому что мы тебе нужны, вот почему, — объяснил Форсайт. — А ты нам не нужен. Ты бы вообще нас не взял, но одному не под силу такое путешествие по джунглям. Когда спустишься с драгоценностями на горбу, тут-то мы тебе и пригодимся. Вот почему ты втянул нас в эту авантюру. А раз это твоя затея, не наша, давай, шагай первым, сражайся с чертовой рыбиной. Если вернешься с богатством — так уж и быть, мы разделим ношу. Не вернешься — тоже ничего страшного. Чокнутый Джо выведет нас на трассу. Поступай как знаешь, Рыжий. Ты сам напросился.

— Мы-то не убивали никаких д’ваньянов, —

подхватил Мармелад, — так что местные нас не тронут. Мы поможем тебе унести бриллианты и рубины, но сами за ними не полезем.

Рохан взглянул на Чокнутого Джо. Старик отчужденно улыбался.

— По одному зараз, Рохан, — негромко напомнил он. — Я же тебе говорил. Иначе нельзя, запрещено. Даже если застрелишь меня, ничего не изменится. Тебе придется идти на Гору в одиночку.

Крутая каменная тропинка огибала наклонный монолит. Вниз невидимым прохладным ручейком струился ветер, а еще ниже в промежутках между клочьями тумана дрожали джунгли. Багровые тучи то и дело озаряла далекая молния. Рохан пробирался вверх, топтал лишайники и оставлял на тропинке бледно-зеленые, розовые и фиолетовые пятна.

Оставшихся внизу уже не было видно, но Рохан знал, что́ они замышляют, потому что на их месте замышлял бы то же самое. Форсайт с Мармеладом не рискнули лезть на Гору, но, когда Рохан спустится с драгоценностями, они застрелят его. Ну или попробуют застрелить.

Вспомнилось, как Чокнутый Джо провожал его ласковым взглядом безумца, пока запрокинутое

лицо не растворилось в тумане. Вспомнилось, как бородатый псих бурчал под нос древний стишок: «О юноша, пришел твой час, повергни дьявола за нас».

Рохан усмехнулся. Самоуверенности ему было не занимать. Внизу перекатывались облачные континенты, словно у его ног лежала вся планета, которую он собирался покорить после того, как покорит Гору. Даже странно, насколько он уверен в существовании богатства и тайны, которая возвысит его над д'ваньянами. Ведь это лишь слова безумца, но он нисколько в них не сомневается. В груди пекло, и не только из-за крутого подъема. Рохана переполняли волнение и благоговейный трепет, он чувствовал, что Чокнутый Джо прав: в этот кульминационный момент жизни необходимо войти в одиночестве, вступить в эту битву, полагаясь только на собственные силы, и либо выиграть, либо проиграть. Но Рохан не проиграет.

Еще один крутой поворот, и он достиг вершины.

Он замер, прищурился и осмотрелся, не осознавая, что́ насвистывает сквозь зубы. «Спустись, светлый фаэтон».

Это был остров в небесах, обнесенный стеной с

широкими воротами; таких широченных ворот он в жизни не видел; и за причудливым кружевом металла виднелась вершина Горы, залитая серым сиянием, в котором предметы не отбрасывают теней; и над этим плато шептал ветер. Застывшая бесцветная картина, словно гравюра на стальном листе, если не считать потрясающе синего озерца. Чокнутый Джо не обманул: оно синее, как небо, — в мире, никогда не видавшем неба. Диаметром футов тридцать, с гладким рукотворным берегом, цвета вечности — вот оно, озерцо, прямо перед ним.

Он стал на краю широкого каменного полукруга. За ним возвышалась стена; возле нее стояла шаткая конструкция вроде тех, что возводят на средиземноморских базарах дома, на Земле: кривые опорные шесты, крыша из веток, с которых капает вода, а под крышей — хаотичное нагромождение мусора, как у галки в гнезде. Под навесом на кипе бахромчатых одеял мирно спал квай.

Ждет, чтобы его сожрали, сказал Чокнутый Джо.

Рохан окинул любопытным взглядом инвентарь, сложенный под «базарным навесом»: все эти мелочи настолько важны для квая, что он

решил взять их в последний путь. Окруженный осколками непостижимого венерианского быта, квай лежал на животе, и под нагромождением одеял виднелись розовые подошвы. Руки квай сцепил на гладком тюленьем затылке.

В стену над собой он натыкал булавок и набил гвоздей, на которых развесил разноцветные нити и плетеные ленты. На одной ленте — проволочная клетка, внутри ползает и почирикивает насекомое вроде мотылька. Рядом шар, вырезанный из темно-красного дерева; с него свисает гроздь колокольчиков. Три абсолютно сумбурные картины в рамках неправильной формы. Свисток с длинной кисточкой. На полу горшок с водой и тремя блеклыми цветками, у каждого два лепестка отогнуты книзу аккуратной рукой.

Рохан беззвучно ступил на камни, но через мгновение понял, что в тени поднятой ладони квая раскрылся круглый желтый глаз. Квай, не шевелясь, равнодушно смотрел на гостя.

Содрогнувшись, Рохан направился к воротам.

Снова крутой поворот, и он на вершине.

Стена была высокая и очень толстая, такая толстая, что проем для ворот оказался скорее сводчатым коридором двадцатифутовой длины, а сами ворота походили на паутину, заполнившую

этот коридор от края до края, сотканную пауком, умеющим свивать блестящую металлическую нить. Рохану что-то вспомнилось. Замысловатый узор… Да, похоже на нити, вплетенные в тесные одежды д'ваньянов. От ликования сердце забилось чуть быстрее: вот оно, первое подтверждение слов Чокнутого Джо.

Еще один вопрос: как пройти сквозь ворота? Он посмотрел на стену. Не перелезть, слишком высокая. Оглянулся на квая. Тот уже сидел, скрестив ноги. Вцепился руками в лодыжки и безучастно взирал на Рохана. Того слегка смутило выражение квайского лица — на нем читалось высокомерие. В прошлом этот квай обладал существенной властью, причем довольно долго. Линия губ, надменный взгляд… Странное дело. С чего он бросил свое племя и ушел на Гору? Обложился скудными пожитками, сидит и ждет, когда его призовут…

Рохан снова посмотрел на ворота. На сей раз ему показалось, будто в паутине есть углубление, что-то вроде входа в лабиринт. Он выставил перед собой руку, осторожно ощупал твердые металлические завитки, обнаружил пустоту размером с человеческое тело и шагнул в нее.

Остановился и всмотрелся вперед в поисках

следующей пустоты. Уверен был, что она существует. Но для того чтобы найти ее, необходимо сосредоточиться на извивах металлической нити. В паутине тихо пел ветер. Через пару секунд Рохан заметил следующий проем, изогнулся влево, протиснулся между вибрирующими сплетениями блестящей проволоки и остановился в новой пустоте, теперь в нескольких шагах от входа в арку.

Это определенно механизм, думал он, созданный утонченным венерианским разумом для цели, которую не понять землянам. Точно, это механизм, и он функционирует как задумано. Чтобы пробраться сквозь паутину, нужна предельная концентрация; зазеваешься, и ворота начинают выталкивать тебя к отправной точке — мягко, пружинисто, едва ощутимо.

Рохан двинулся вперед, постоял несколько долгих минут, изучая слепящую путаницу нитей. Вдруг увидел лабиринт под нужным углом, обнаружил следующий свободный проем и без помех одолел еще три фута металлических зарослей. Оглянулся и не нашел того места, где только что стоял: оно немедленно слилось с лабиринтом. Рохану стало страшно, он начал искать обратный путь, через несколько минут отыскал — и понял,

что теперь не видит дороги вперед. Стал искать ее снова и почувствовал, как паутина давит на него, как по лицу ползут блестящие витые нити. Ворота изгоняли его из коридора.

Он сосредоточился на новой проблеме, нашел путь, протолкнулся в следующую пустоту, остановился, всмотрелся в паутину. Медленно, очень медленно Рохан продвигался вперед и наконец оказался на плато за стеной, перед безмятежным озерцом.

«И это все?» — подумал он, оглядывая пустую вершину Горы.

Ответом стал шепот влажного ветра. Да, это все. За стеной ничего нет. Только поросший цветным лишайником камень и само озерцо, словно глаз без век, смотрящий в вечность.

Рохан подошел к нему, остановился на берегу, глянул вниз.

Сердце дрогнуло.

Чокнутый Джо и тут не обманул. Из небесно-голубых глубин Рохану подмигивали звезды — зеленые и красные, янтарные и синие. Целые россыпи драгоценных камней на песчаном дне озерца.

Затем в глубине шевельнулась тень — громадное тугое кольцо развернулось, свернулось, снова

застыло, — и это была часть другой, более крупной тени. Рохан наклонился, вгляделся в озерцо, но вода помутнела. Ничего не видно…

Венерианская фауна — до сих пор тайна, покрытая мраком. В своих исследованиях земляне придерживаются узких коридоров безопасности, и если в джунглях водится опасное зверье, оно старается не приближаться к городам и трассам. О созданиях, живущих на дне здешних морей, землянам известно не больше, чем о глубочайших секретах океанов родной планеты. Существо в озерце было огромное, ленивое, тускло поблескивающее там, где его шкуру озарял свет. Рохан как мог прикинул его размеры и с легкой настороженностью подумал, что тварь двигается медленно — должно быть, сыта, иначе квай не ждал бы по ту сторону ворот. По-видимому, когда он понадобится, его каким-то образом призовут. Или кваи приходят сюда по собственному расписанию? В любом случае Рохан — отличный пловец. И у него есть нож.

«Для начала, — думал он, расстегивая рубашку, — можно сделать две-три ходки. Потом подогнать сюда корабль с нормальным вооружением, расстрелять эту тварь и забрать остальное. Надо бы поаккуратнее. Может, она даже не

проснется».

Тут он подумал про д'ваньянов и снова окинул плато встревоженным взглядом. Вдруг Чокнутый Джо трижды сказал правду, а на четвертый раз солгал? Да, озерцо синее. Да, в нем драгоценные камни и какой-то монстр. Но где же самое главное сокровище, тайна д'ваньянов? В чем эта тайна? Нет, Чокнутый Джо никогда не лжет. Разве что непреднамеренно… Быть может, он нафантазировал ее, эту тайну, когда стоял здесь и пялился в гипнотическое око озерца? Нет, потому что он действительно знал секрет д'ваньянов. Джо говорил с ними как с близкими знакомыми, и его слова имели для них серьезный вес. Ну да ладно. По крайней мере, вот они, драгоценности. А потом можно будет разобраться со всем остальным.

На Рохана нахлынула странная уверенность. Тайна здесь. Доказательств он не видел, но в глубинах разума, за пределами здравого смысла, было понимание, что Чокнутый Джо не обманул его, не ввел в заблуждение, и в свое время он узрит тайну, как узрел ее безумный старик.

Оставив брюки на камнях, он нацепил на талию ремень с ножнами, встал на краю озерца и приготовился нырнуть.

Вода оказалась очень мягкой, нежной, совсем не похожей на настоящую воду. Не закрывая глаз, Рохан уверенно плыл ко дну и наслаждался фактурой окружавшей его бесконечности, любовался тем, как сгущается синева, высматривал цветные вспышки на песке, словно осенние листья, упавшие на дно колодца. Казалось, он плывет по беззвездному синему небу. Ему стало легко и хорошо. Странно даже подумать, что в одной с ним воде находится чудище, формы и природы которого он не знает. В озерце была смерть, но он не боялся смерти, ведь в озерце еще была жизнь, был свет, и он светил тому, кто отважился нырнуть в эти воды.

Драгоценные камни лежали тут и там плотными сияющими холмиками. Рохану показалось, что в центре озерца между ними пролегает широкая тропа, словно… что-то оставило на драгоценностях свой след. Но обитатель этих вод, кем бы он ни был, таился в непроглядной глубине. Возможно, спал. Или уполз в свою нору.

Рохан встряхнул легкий, но крепкий мешок, что взял с собой для камней, и ткань обернулась вокруг предплечья, словно водоросль. Чтобы остановиться, он ухватился за предмет, наполовину утонувший в песке, и обнаружил, что

держится за резную фигуру, усеянную скользкими драгоценными камнями. Она оказалась достаточно тяжелой, и Рохан завис на месте.

Сколько же здесь сокровищ, с любовью думал он, перебирая камни свободной рукой. Крупные рубины, будто капли крови; полурастворившиеся нити жемчуга; подобранные по размеру бриллианты в нерушимых золотых оправах; проржавевшие ящички, из которых ручейками высыпались разноцветные камни. Фигурки божков с огромными изумрудными глазами — из материала, похожего на слоновую кость, покрытые длинным зеленым мехом водорослей. Стальные зеркальца, покрытые ржавыми родинками тления; давным-давно в эти зеркальца смотрелись квайские красавицы, а потом сами истлели и обратились в прах. Стальные кинжалы, от которых остались лишь инкрустированные золотом рукоятки. Столько всего — богатство бьет через край, и конца ему не видно…

Счастливый Рохан принялся разгребать первый слой драгоценностей, надеясь докопаться до новых сокровищ. Быстро отобрал самые крупные и красивые камни, сунул в мешок. Огромные бледноглазые бриллианты, благородные сферы, живые, как сами звезды, россыпи всех цветов

радуги, ограненные капли концентрированного блеска. Просто чудо. Рождество, Новый год и Пасха, вместе взятые. Не счесть подарков, протяни руку да собирай.

В легких начало припекать. Он развернулся и, не выпуская из руки тяжелый мешок, поплыл к светло-голубой поверхности глотнуть воздуха. Перед тем как вынырнуть, не сдержался и ликующе захохотал, а потом какое-то время задыхался и отплевывался. Наконец вытряхнул добычу на берег и опять нырнул.

Сокровища сияли ярче прежнего. Рохан зарылся в них, снова и снова перебирая крепкими пальцами силу и славу целой планеты. Вынырнул во второй раз, опустошил туго набитый мешок, погрузился.

Теперь он докопался до ручейка малиновых капель, словно старатель, нашедший золотую жилу в хрустально-серебряной горе. Сунул обе руки в груду богатств и заморгал: глаза застил потревоженный раскопками песок. Потянулся за самыми крупными и яркими камнями — те, как водится, оказались почти рядом. Почти.

Из молочно-тусклых далей пришла долгая песчаная волна, лениво проплыла перед глазами, и Рохан почувствовал, как вода всколыхнулась. На

лодыжке сомкнулось бетонное кольцо.

Рохан извернулся. Рубины разлетелись в стороны и, медленно переворачиваясь, пошли ко дну вялой красной моросью. Рохан в приступе смертельной паники пытался вырваться из неослабевающего, тяжелого, холодного каменного захвата, но его увлекало в молочно-мутные воды.

Тут произошло невозможное: сквозь слепящие песчаные облака, взбитые его конвульсивными движениями, проступило солнце. В горячке борьбы Рохану показалось, что огонь зажегся у него в сознании, словно символ животного страха. Но щупальце тянуло его к источнику света, тот как будто увеличивался в размерах, рос, становился ближе и шире и сверкал в точности как солнце — ясное бело-золотое солнце в водах цвета земного неба. Синее небо и солнечный свет: на Венере не видали ни того ни другого. Разве что здесь, в этом озерце.

Легкие горели огнем. Ослепнув от страха, песка и воды, Рохан и думать забыл, что он человек разумный; в тот момент он вырывался из капкана, словно обезумевший зверь.

Судорожно молотил руками, пока не почувствовал, как в ладонь послушно лег болтавшийся на

ремешке кинжал. Сознание просветлело, Рохан сомкнул пальцы и из последних сил направил лезвие вниз, в молочную пелену с проблесками солнечного света, туда, где по лодыжке подбиралось к колену тяжелое щупальце.

Почувствовал, как оно содрогнулось, и ударил снова. Вода вспенилась, бетонное кольцо слегка обмякло. Скорчившись вдвое, ослепнув от света и тьмы, Рохан нанес третий удар, и лезвие кинжала погрузилось в невидимую твердую плоть. На этот раз щупальце ослабило хватку и медленно-медленно ускользнуло прочь.

Рохан пулей взмыл к поверхности вспененной воды, мутной из-за песка, но искрящейся отражениями странного солнечного света, пылавшего на дне озерца. Сделав последнее отчаянное движение, он вынырнул, ухватился за каменный обод и беспомощно завис над бурлящей бездной, спрашивая себя, как скоро щупальце снова до него доберется.

В его запястье вцепилась рука. Две руки. Не поднимая глаз, он стал кое-как выбираться на берег, но сумел только благодаря этим спасительным рукам. Наконец встал на краю озерца, закашлялся, оступился и упал, а потом целую вечность лежал на сухих камнях.

Когда вернулось дыхание, а вместе с ним сила воли, он открыл глаза и увидел две белые ноги в сандалиях и разбросанные вокруг них драгоценные камни. Силы понемногу возвращались. Он стал подниматься и наконец сел перед своим сверкающим богатством, сел и заглянул в лицо стоявшему перед ним существу, незаметно сдвинув ладонь к кинжалу, чтобы в любой момент сомкнуть пальцы на рукоятке.

Лицо квая оставалось надменным, но высокомерие предназначалось не Рохану. Квай смотрел мимо него, в глубины озерца, задумчиво прикрыв желтые глаза третьим веком. Рохан машинально проследил за этим туманным взглядом.

Нет, свет в озерце ему не померещился. Теперь он стал гораздо ярче, гораздо чище; вода взволновалась, прихлынула к поверхности, опустилась и прихлынула снова, теперь выше, оставив на камнях синие брызги; из глубин озерца взметнулся огромный пузырь, вырвался на поверхность и лопнул, и на смену ему пришел свет, сияющий на самом дне, в самом сердце планеты, — холодный, неподвижный и слепящий свет.

— Тебя призвали? — тихо спросил квай.

— Призвали? — непонимающе отозвался Рохан. Тут к нему стала возвращаться былая самоуверен-

ность, и даже перед лицом подводного кошмара он нашел в себе силы рассмеяться. — Призвали? О нет, я сам пришел!

Они оценивающе смотрели друг на друга. Даже сквозь вуаль третьего века Рохан видел в глазах квая холодное высокомерие… эхо собственной заносчивости, но разница в том, что квай пришел сюда смиренным идолопоклонником, чтобы принести себя в жертву. Рохан снова рассмеялся и встал. На плечи давило изнеможение, но отдыхать было некогда. Пока что некогда.

Что будет дальше? Он понятия не имел. Знал лишь, что справится с чем угодно.

Сброшенная одежда лежала на берегу озерца. Мелко подрагивая под легким влажным ветерком, овевающим Гору, Рохан быстро натянул рубашку и одной рукой застегнулся, а другой нашарил брюки. Ткань прилипла к мокрому телу.

Он надевал ремень с бластером, наслаждаясь его приятной тяжестью, когда лопнул следующий громадный пузырь. За ним поднялся еще один. И еще. Рохан поправил кобуру и обернулся. Квай стоял без движения. У его ног сияли россыпи драгоценных камней. Он тоже смотрел в озерцо. Вода бурлила. Свет, похожий на солнечный, поднимался все выше, выше…

Из вскипевших синих вод появилась чудовищная голова обитателя глубин, медленно поднялась, и теперь вода катилась у него по плечам, а над головой сияло холодное солнце цвета белого золота, мерцало, вздрагивало, испускало кольца света, и они расходились в стороны, тускнели, затухали, и Рохан уже не видел их, но чувствовал — чувствовал, как они нежно касаются его разума…

Как выглядело это существо? Рохан не сумел бы ответить, хотя видел его собственными глазами. Свет ослепил его. Рохан знал лишь, что перед ним исполинское чудовище; покрытое сияющей чешуей, оно выбиралось на берег, виток за витком, и ему не было конца, и от него медленно расходились сияющие кольца, едва заметные, словно первые проблески рассвета. Мысли Рохана и квая выплеснулись за пределы черепных коробок, слились с ровным белым светом, вплелись в него и устремились к центру, к источнику концентрических кругов и колыбели всеобщего разума — медленно, не спеша; но ясно было, что вот-вот грянет буря.

Рохан сосредоточился, постарался удержать мысли в границах сознания, и свет озадаченно отпрянул, но тут же нахлынул с новой силой и без

труда одолел все возведенные Роханом барьеры.

В голове у него молниями пронеслось великое множество мыслей. Первая, последняя и самая главная — о драгоценностях. Как же теперь забрать камни, когда из озерца медленно поднимается эта тварь, увенчанная короной из солнечного света? И даже если получится их забрать, как сбежать отсюда? Он был уверен: сейчас световые кольца считай что не движутся, тварь еще не вошла в полную силу, а когда войдет — неизвестно, насколько далеко за пределы Горы разойдется этот свет. Может быть, он выжжет Рохану сознание и парализует разум?

Но тварь не бессмертна. Рохан ранил ее ножом, и тварь его отпустила. Она не укладывается в рамки земной нормальности, но и сверхъестественной ее не назовешь, ведь Рохан ударил ее, и…

Из воды появилась рана — разрез в чешуйчатом боку, — и существо замедлилось, замерло, величественно повернуло залитую сиянием голову, чтобы взглянуть на источник боли. Рохан понял: вот он, его шанс…

Квай ничего не услышал. В застывшем воздухе дважды сверкнул нож: точные и безжалостные удары, чтобы ускорить жертвоприношение, ради

которого венерианец явился в обитель своего бога. Рохан знал, куда и с какой силой бить.

Если попасть в правильные места, забвение придет секунды через три. И за эти секунды квай только и успел, что бросить изумленный взгляд через плечо.

Рохан с готовностью подхватил оседающее тело, ловко принял его вес на согнутую руку, тут же распрямился и метнулся вперед.

Идеально рассчитал время. Когда чудовище вновь повернуло к нему увенчанную солнцем голову, Рохан швырнул в нее обмякшее тело квая; на мгновение оно зависло перед гигантской мордой, а потом скользнуло вниз и распласталось на камнях, в лужицах синей воды. Лужицы покраснели.

Рохан не стал смотреть, что бог сделает с поднесенной ему жертвой. Каждая секунда была на вес золота. Быстро, аккуратно, механическими движениями Рохан загребал драгоценные камни и рассовывал их по карманам. Раньше он надеялся, что спустится отсюда с рюкзаком сокровищ, но теперь твердо говорил себе: еще две горсти, еще одна… все, больше ни одной.

Он решительно сунул последние камни в карманы и пополз назад, не вставая с колен, не

обращая внимания на синяки и царапины, стараясь не смотреть на квая и чудовище.

Но, оказавшись у ворот, тяжело дыша, он все же оглянулся. Бросил назад единственный любопытный взгляд, прежде чем нырнуть в замысловатую паутину, отделявшую его от свободы. Вот почему квай должен был умереть. Не только из-за сокровищ. Даже если у Рохана было бы время наполнить рюкзак, квай умер бы, чтобы у землянина появилась возможность преодолеть паутину ворот.

Оглянувшись, он увидел, что монстр замер: половина туловища в воде, половина на берегу. Склонив голову, от которой ленивыми кругами расходился свет, он неспешно осматривал распростертого перед ним квая. И тут Рохан заметил одну ошеломляющую подробность. Она не укладывалась в голове. Все это время Рохан предполагал, что жертвоприношения кваев завершаются старым добрым способом: бог пожирает жертву.

Но теперь увидел, что у бога нет пасти.

Нити ворот мерцали, словно расшитая причудливыми узорами броня д'ваньянов. Снаружи, под крытым ветвями навесом, где квай спал последний раз в жизни, с приторной заунывностью

чирикал заключенный в клетку мотылек. Других звуков на Горе не было. Разве что монотонные вздохи ветра да побрякивание драгоценных камней в карманах Рохана.

Он быстро шагал вниз по крутой тропинке. Неизвестно, когда вновь запульсируют световые кольца, настигнут его, ласково коснутся потаенных глубин сознания… коснутся и велят идти обратно.

Подмывало вернуться, ведь он сделал лишь половину того, что собирался сделать. Или Чокнутый Джо все же солгал? Рохан рассчитывал, что будет спускаться с горы с двойной ношей — драгоценными камнями и новым знанием, — но где-то что-то пошло не так, и теперь мудрость соблазнительно стучалась к нему в душу и просила ее впустить.

Витые нити ворот, витые нити грозного одеяния д'ваньянов. Ворота, одеяния… Что-то вроде непостижимого для земного разума механизма. Одеянием управляют волны, которые испускает нечеловеческий мозг д'ваньяна, а ворота активирует Роханово желание войти. Или желание монстра выйти.

Дважды на Венере Рохан видел солнце — в сиянии монстра и раньше, когда застрелил д'ва-

ньяна. Несомненно, между Горой и д'ваньянами существует прочная связь. Но какова ее природа? Где-то Рохан не увидел того, что должен был увидеть. Что-то недосмотрел…

Но сейчас не время об этом думать. Драгоценности у него. Позже вернется во всеоружии и заберет из озерца все, что пожелает. Если там хранится секрет д'ваньянов, который делает их уязвимыми, — а этот секрет существует, и он остался там, в озерце, — Рохан завладеет и им, в любое удобное время. Теперь, с богатством в карманах, он сумеет что угодно.

Осталось лишь одно препятствие. Рохан задумчиво коснулся оружия и бросил взгляд вниз, на тропинку. Там его ждут Форсайт с Мармеладом — нет, не его, а его ношу. Для них Рохан — лишь средство транспортировки сокровищ.

Где-то внизу эти двое встретят его и потребуют свою долю. Рохан ухмылялся, думая, кого застрелит первым. То, что стрельбу начнет именно он, было самоочевидно. А если убрать Мармелада — или Форсайта, — баланс изменится и возвращение выжившего к цивилизации будет целиком и полностью зависеть от Рохана. Путь по джунглям неблизкий. Одному не пройти. Для безопасного перехода нужны по меньшей мере двое.

«Форсайт, — решил Рохан. — Если будет выбор, убью Форсайта».

По некой загадочной причине он совсем не принимал в расчет Чокнутого Джо.

Он спускался, и навстречу лениво плыл белый туман. Рохан смотрел на неизмеримые просторы тающих в дымке джунглей, и однажды ему показалось, что он видит вдали пятнышко света. Оно появилось и сразу исчезло. Туманное Утро, Фимиам, Лебединый Порт, цивилизация… Очень далеко.

Наконец туман сомкнулся вокруг Рохана, и он, полуослепший, шагал, окутанный белым облаком. На каждом повороте камни походили на ожидающие фигуры. Через какое-то время он вытащил из кобуры и снял с предохранителя бластер, понимая, что приближается к месту, где наверняка ждет засада. Теперь шел очень осторожно, изучая каждую расселину, до предела напрягая все чувства, и нисколько не удивился, когда услышал чуть впереди щелчок от соприкосновения металла с камнем, и сразу понял, что пора.

Шорох подошв по камням. Громкий предупредительный шепот. Рохан улыбнулся. «Форсайта», — подумал он, понимая, что это бравада, что

он просто выстрелит в первую движущуюся тень и будет надеяться на лучшее. Он замер, вжавшись в скалу, вглядываясь в пустой серый мир, где у подножия горы его поджидала смерть.

Позади, чуть выше, в тумане отчетливо послышались шаги.

Рохан повернул голову и еще сильнее вжался в камень. Шаги? Это невозможно.

Наверное, акустика тяжелого бледного тумана играет с ним злые шутки. Наверное, эти шаги ему только кажутся. Потому что сзади не может доноситься никаких шагов. Навстречу ему никто не поднимался. Другого пути на вершину нет. И он не оставил на Горе ни единой живой души — разве что мотылька в клетке да чудище в озерце.

Но шаги по камням звучали все ближе и отчетливее, и это было не эхо, не обман чувств. Кто-то следовал за ним по крутой тропинке. Кто-то уверенно шагал вниз. Не босой, обутый. Громко ступал по камням и тише — по лишайникам.

Туман вокруг Рохана вдруг похолодел.

Квай убит. Рохан уверен был, что квай умер, окончательно и бесповоротно. Но на Горе не было никого, кроме квая. На мгновение Рохан совсем запутался. Ему показалось, что человек, уверенно спускающийся по тропинке, — он сам, а

дрожит и вжимается в скалу не он, а безымянный незнакомец.

Рохан заставил себя высунуться, вгляделся в почти невидимую тропинку, проклиная туман и одновременно вознося ему хвалу, ведь он не был уверен, что на самом деле желает видеть лицо преследователя. Как уверенно ступает тот по камням, как быстро приближается…

Туман сгустился еще сильнее.

Теперь люди внизу тоже услышали шаги. Звякнул металл: кто-то торопливо и неуклюже вскинул бластер. Сердито зашипел чей-то голос. Под ногой скрипнул гравий. Засада ждет.

Но кого? Или чего?

Рохан схватился за набитый карман, а другой рукой нерешительно поднял оружие. В душе зарождалась паника, с которой он не мог совладать. Очень уж быстро приближался преследователь.

В последнюю секунду инстинкт подсказал уйти с тропинки, и Рохан отскочил к высокой скале, ограждавшей каменистый спуск.

Окутанный туманом, мимо прошествовал д’ваньян. Его черные одежды испускали слабое свечение. Пустой, отстраненный, бесстрастный взгляд равнодушно скользнул по Рохану. Эти глаза, в которых не было ни намека на собственное

«я», издалека оценили его и списали со счетов.

Но Рохан узнал это лицо.

Раньше на нем, как и на лице Рохана, читались гордость и высокомерие. Раньше — это когда Рохан видел его в последний раз. Но теперь квай был мертв. Рохан это знал. Квай не мог выжить после тех ударов ножом на берегу озерца, когда монстр получил свою жертву, обнюхал ее… Монстр, у которого не было пасти…

Теперь же с Горы величественно спускался д'ваньян, и на его лице лежала печать бесстрастного и бескорыстного спокойствия — такая же, как у остальных д'ваньянов.

Но откуда она взялась, эта печать?

Дрожащий Рохан обмяк у скалы. Ему было плохо, на него накатывали ледяные волны отвращения. Он наконец-то узнал тайну. Вот откуда берутся д'ваньяны. Вот чем кормится монстр. Глядя на это призрачное, стертое лицо, Рохан понимал, почему несущие смерть — существа вне пределов жизни и смерти.

Но двое в засаде этого не знали. Рохан дрожал, затаив дыхание, и был бессилен вмешаться в то, что вот-вот произойдет, хотя всем своим существом, каждой извилиной мозга понимал, что будет. Он уже это проходил.

Д’ваньян прошагал мимо и растворился в тумане. Внизу кто-то вздохнул. Это был вздох человека, прижимающего к плечу приклад бластера и кладущего палец на спусковой крючок.

Палец завершил движение, и по туману эхом прокатился гром, когда Мармелад выстрелил в еле заметный силуэт, выстрелил в существо, которое, на свою беду, принял за Рохана.

Туман расступился и запылал, словно раскаленное солнце, ослепляя глаза и разум.

Когда к Рохану вернулось зрение, на тропинке никого не было. Футах в десяти от него валялся бластер Мармелада. Солнечно-жаркая вспышка разрушительной энергии выжгла туман на добрых полмили. И еще она выжгла время, но сколько времени — Рохан не знал.

Ответом на этот вопрос послужило движение далеко внизу, в самом начале тропинки. Десять минут? Пятнадцать? Полчаса? Достаточно, чтобы удирающие Форсайт и Мармелад почти добрались до блеклой кромки говорливых джунглей у подножия Горы. Они мчались вперед, не преследуемые никем и ничем, кроме собственного слепого ужаса. Издали казалось, что это не люди, а марионетки, которых дергает за ниточки невидимый кукловод.

А еще один пигмей — новоиспеченный безоружный д'ваньян — уходил в джунгли, не преследуя беглецов, мерно шагал по своим нечеловеческим делам, ответствуя на зов, недоступный людскому слуху. Как знать, что за сигнал призывает д'ваньяна?

— Ты уже знаешь это, Рыжий, — сказали совсем рядом.

Рохан вздернулся от неожиданности. Проклятье, как же он мог проглядеть Чокнутого Джо?!

Шестью шагами ниже по тропинке стояла, прислонившись к скале, знакомая фигура — руки сложены на груди, взгляд прикован к Рохану, в кустистой бороде улыбка.

— Ты думал вслух, Рыжий, — объяснил Чокнутый Джо.

Рохан безвольно усмехнулся. Голова гудела. Он мыслил и действовал нечетко, словно во сне. Шевельнулся, и в переполненных карманах брякнули камни. Воспоминание о них в какой-то мере вернуло Рохану ясность рассудка, а вместе с ней и привычное коварство.

Камни в озерце принадлежат ему. Ради них он порядком настрадался. Он спустится с Горы, нагонит Мармелада с Форсайтом, одного прикончит, со вторым пойдет отсиживаться в безопасное

место, где у него будет время на раздумья. Но сперва надо сделать кое-что еще. Чокнутый Джо разболтал ему про Гору и сокровище, а теперь это богатство Рохана, и только Рохана. Форсайт и Мармелад знают о камнях. В итоге придется заткнуть им рот. И Чокнутому Джо тоже нужно заткнуть рот. Прямо сейчас.

Рохан потянулся за бластером, но кобура оказалась пуста. Он в панике глянул вниз. Далеко на склоне в тусклом свете поблескивала сталь. Должно быть, он выронил бластер, когда его ошеломила вспышка солнечного света.

Он вздохнул, встретился взглядом с Чокнутым Джо, подумал про нож. Да, годится. Чокнутый Джо ходит без оружия. Да, нож вполне годится.

Решать вопрос на словах не было смысла. Чокнутый Джо улыбался Рохану, и тот машинально улыбнулся в ответ. Плавным движением выхватил нож, шагнул вперед, все с той же бессмысленной улыбкой, но уже приметив место для удара: над самой ключицей, там, где жизнь пульсирует у самой кожи и одного быстрого укола достаточно, чтобы погасить ее. Несколько секунд, и все.

Будто во сне, он ударил ножом, куда целился.

Как странно, думал он, словно глядя на про-

исходящее со стороны, что Чокнутый Джо не шевельнулся, чтобы защитить себя. До чего же бесит эта спокойная улыбка.

Кончик ножа скользнул по телу Чокнутого Джо, и там, где он рассек рубашку, полыхнула зазубренная молния. Нож не впился в плоть, но именно скользнул, оставляя холодный огненный след…

Рохан тупо смотрел на прореху. И на то, что за ней оказалось. На тесные черные одежды, расшитые блестящими металлическими завитками.

— Это не я придумал, Рыжий, — спокойно сказал Чокнутый Джо откуда-то издали. — На Венере, если человека призвали, он откликается.

— Меня… призвали? — прошептал Рохан и едва услышал ответ — настолько сильно звенело в ушах.

— Я же рассказал тебе про Гору, помнишь? Это был призыв, Рыжий. На него откликаются только сильные. Только те, кто может быть полезен. Посмотри вверх, Рыжий.

Рохан посмотрел вверх. С вершины медленно опускалось кольцо света, похожего на солнечный, бело-золотое, дрожащее в тусклом воздухе. Кольцо сверкнуло у его лица и померкло, и тут же появилось еще одно — ярче, шире, — и новое

кольцо коснулось сознания.

Чокнутый Джо с мирной сочувственной улыбкой кивнул на ведущую вверх тропинку:

— Ступай, Рыжий. Закончи начатое. На Венере полно работы. Уж я-то знаю. Я тоже ее делаю, эту работу. Тебя призвали. Ступай же.

Третье кольцо света проплыло мимо Роханова лица, и мозг перевернулся в черепной коробке. Четвертое кольцо коснулось…

Рохан вскинул руки и крепко обхватил голову, но под защитной хваткой, под броней своего черепа он почувствовал движение. Нет, не движение. Свет. Сверкающий и чистый, бело-золотой, словно солнечный, а с ним — короткие настойчивые микроволны, такие же, как те, что излучаются звездами и Солнцем, и они пробиваются даже сквозь облака, даже в мир, не видавший солнечного света.

На мгновение Рохан отчетливо представил, как в ясных голубых небесах сияет теплое Солнце. В недрах памяти шевельнулась ностальгия по миру под названием Земля, по далекому миру, который почти растворился в пространстве воспоминаний. Мир, где давным-давно жил человек по имени Рохан.

Человек по имени… Как же его звали?

В поисках ориентиров в померкнувшем мире он топнул разок по тропинке и почувствовал под ногой твердый камень. Взглянул на лицо напротив и понял, что знает его, ведь оно всегда казалось странно знакомым, замаскированное бородой и кое-чем еще, кое-чем понадежнее бороды — выражением бесстрастной умиротворенности. Такая умиротворенность наступает, когда на смену сильному эго приходит… нечто другое. Например, свет, сияющее золото, белое пламя, пылавшее в мозгу у Рохана. Теперь он понял, чья стертая личность скрывается за этим бородатым лицом.

— Брильщик Джонс, — сказал он. — Ты был Брильщик Джонс.

Чокнутый Джо улыбнулся и кивнул.

— А я… я… — с болью выдавил Рохан, покрепче стиснув голову, но не договорил.

Он никто. У него нет имени.

— Ступай обратно, — донесся из бесконечных далей голос Чокнутого Джо. — Здесь для тебя ничего не осталось. Вообще ничего.

Кольцо яркого, ясного света спустилось к нему, разрослось, расширилось, и имя Рохан померкло, слово «Земля» растворилось. Он послушно повернулся к ведущей на Гору тропинке, и в карманах

шевельнулись драгоценные камни. Последней потускнела мысль о власти, величии и смысле богатства.

В опустевшем сознании он отстраненно искал слово, безвозвратно сгоревшее в пламени, что заполнило его мозг. Нет, не безвозвратно: через пару секунд вроде бы нащупал. Д… Точно, начинается с буквы «д».

Д’ваньян.

Он долго стоял, прислонившись к скале, и совершенно ничего не делал. Разок оскалился в гримасе неповиновения. Но потом неуверенно сделал шаг, другой — на пути, которому он следовал всю жизнь: выше, к вершине Горы.

Он шествовал вверх, и драгоценные камни выпадали из карманов один за другим, словно отмечая те места, где он оступался, возвращаясь на Гору, к ожидавшему его богу в озерце.

Спасайся кто может!

Джонни прикидывал, когда же корабль доберется до места. Он не знал — и никто не знал, — что это за место, но с нетерпением ждал дня посадки, настоящего дня, а не отрезка из бесконечной череды искусственных дней и ночей в кромешном космосе.

Хотя жизнь на корабле была вполне комфортной, и не без причины: в час приземления, когда придет время заняться работой, Джонни обязан выложиться на все сто. Он хотел встретить этот миг в идеальной форме, а посему научился расслаблять сознание.

Утонув в кресле, он смотрел в экраны визипортов, где крутились трехмерные изображения несуществующего мира с его голубым небом, белыми облаками, верхушками зданий, вездесущими птицами… Наконец он закрыл глаза. Может, и не стоило играть в эти прятки в космической темноте. Ему не хотелось вспоминать Землю. Земли больше не было. Ослепительная белая вспышка, далекое марево среди звезд, и все. Никакой Земли.

Существовал только Джонни, корабль, робот,

который заботился о Джонни и корабле, и ностальгические картинки на экранах визипортов. Все остальное исчезло. Сгинуло. Джонни нечасто позволял себе нырнуть в тяжелые воспоминания о прошлом — о том, как он встретил начало конца.

Джонни Дайсон с улыбкой откинулся на переборку.

— А дальше? — спросил он у клюнувшей рыбки по имени Бенджи Уайт.

Уайт осторожно поднял голову, чтобы не повредить массивный шлем с переплетением проводов, напоминавших прическу горгоны Медузы, взглянул на тусклое, деформированное отражение своего лица в стальном потолке и глубокомысленно кивнул:

— А что дальше? С ней-то я и узнал, что такое женщина. В жизни не видал такой ядреной бабы, что до нее, что после. Моська — так я ее звал — не боялась ничего, кроме…

За стальными стенами раскинулись холмы красного Марса, за стальным потолком, в темно-синем небе, освещенном низкими лунами, завис Орион, а где-то между Марсом и Орионом вращалась бомба под названием Земля, и стрелки ее часового механизма подбирались к отметке

«Взрыв».

— Для меня она была Моська, — продолжил Уайт, — а для остальных… Не скажу. Все равно не поверишь. В общем, она сперла мои бабки, подала на развод и рванула на самый верх. Теперь ей принадлежит половина…

Джонни Дайсон задумался о завтрашнем взлете. В полдень они отправятся обратно на Землю, назад в преддверие Армагеддона. «Не я построил этот мир, — лихорадочно думал он, — я в нем блуждаю чужд и сир»…[15]

Чужд, сир, испуган… У него было полное право на страх. Он знал, что произойдет. И еще он знал, что корабль должен остаться на Марсе, а для этого необходимо украсть ядерное топливо.

Как и любой идеальный план, замысел Дайсона был предельно прост. Сработает он или нет? К несчастью, это зависело от недалекого Уайта. Рыбка клюнула, это без вопросов, но еще не заглотила наживку до поводка. Уайт отвечал за передатчик, управлявший роботом, а тот был ключом к запасам топлива, необходимым для долгого прыжка между Марсом, где можно построить райскую жизнь, и Землей, где жизнь была обречена — ра-

---

[15] Notes: 15

Хаусмен А. Э. Законы Бога и людей. Перевод Ю. Таубина.

но или поздно, так или иначе.

— Ну да ладно, — говорил Уайт, — самое смешное, что на Земле выписан ордер на мой арест, а заказавшая его компания принадлежит Моське со всеми потрохами, хотя сама она знать не знает про этот ордер. — Он язвительно усмехнулся. — Думаешь, стоит надавить на нее и ордера как не бывало? Нет, сэр. Эта женщина не боится ничего, кроме грома. Приди я к ней прямо сейчас — хотя идти далековато — и скажи: «А помнишь, Моська, как при первых раскатах грома ты чуть в карман ко мне не забиралась? Давай-ка, по старой дружбе…»

Он снова усмехнулся, покачал головой (скрипнули провода, похожие на прическу Медузы) и восхищенно продолжил:

— Ну и женщина. Вот это женщина. Своими руками заковала бы меня в кандалы. Не женщина, а чугунная чушка. Красавицей никогда не была, а теперь и вовсе похожа на бегемотиху. По-моему, взбреди ей в голову завоевать весь мир, Моська его завоюет. Ну да ладно. Короче, она поднялась, а я нет.

— В чем тебя обвиняют? — спросил Дайсон, хотя ему было все равно.

— В краже. Так уж вышло, что я маленько про-

считался. — Очередная усмешка. — Хреново, скажи? Жил я так, что выгляжу старше своих лет, но мне еще и полтинника не стукнуло, и я всегда считал, что лучшие годы еще впереди. Не хотелось бы провести их в тюряге. Знаешь что, Джонни, нравится мне твоя мысль. Неплохо бы остаться на Марсе и не возвращаться туда, где тебе скажут: «гражданин, пройдемте». Я много чего хотел сделать, вот только не дали мне такого шанса на Земле. Много чего…

Вот он, нужный момент. Стараясь держать себя в руках, Дайсон с нарочитым равнодушием сказал:

— Мы сейчас в раю, Бенджи. Энергии в батареях хоть залейся, безопасной ядерной энергии, и еще у нас есть робот. Правильно говорят, что рай находится на небесах, Бенджи, ведь Марс — это настоящий рай.

— Хм… Сейчас Марс не на небесах, а у нас под ногами. Хотя чем ярче мне светит обвинение в краже, тем больше смысла в твоем предложении. Рай, говоришь? Молочные реки с кисельными берегами? Только курий не хватает. — Должно быть, Уайт имел в виду гурий.

— Ну… Не бывает так, чтобы все и сразу.

— Пожалуй, ты прав. Но по твоим словам, стоит

чего-то пожелать, и я это получу. К примеру, понадобится мне женщина… — Он хмыкнул. — Если так подумать, я мог бы заполучить Моську. Да, сэр. Может, чуть позже перепрограммируем робота на квазибиологию. Припоминаю что-то насчет суррогатной плазмы… Если заранее раздобыть нужные гены, я, может, сделал бы миниатюрную дамочку, приятную во всех отношениях, и ускорил бы ее рост. Интересно, как скоро ей исполнится двадцать биологических лет? А что, Джонни, это мысль!

— Конечно. Почему бы и нет? Падает звезда — загадывай желание. Главное — оказаться на правильной звезде. Или планете. А мы уже на ней. Можем делать что угодно, и никто не помешает.

— Кроме Мартина, — напомнил Уайт.

— Двое против одного… Знаешь что, Бенджи?

— Что?

— Можем провернуть все прямо сейчас.

Уайт вскинул брови:

— Что случилось? Неужели… — Он переменился в лице, задрал голову и уставился в тусклое отражение на потолке, за которым было ночное небо и сине-зеленое пятнышко под названием Земля.

— Нет-нет, — тут же сказал Дайсон. — Она еще не взорвалась. По крайней мере, пока.

— Может, никогда не взорвется, — пожал плечами Уайт и потянулся к лежавшим на столе сигаретам. — Может, все это домыслы.

— Взорвется, — тихо сказал Дайсон. — И без разницы, доставим мы наш груз или нет. Вообще без разницы. Еще с сороковых физики работают над безопасностью ядерной энергии, и если проблему не решают даже искусственные радиоактивные элементы, какой толк от марсианской руды? А мы ухлопали полгода на добычу этого хлама.

— Это как сказать. — Уайт выпустил клуб сигаретного дыма. — У нас нет оборудования для очистки и анализа. Наше дело — искать месторождения, добывать руду и грузить ее на корабль, а дальше пусть разбираются парни с ученой степенью по физике.

— Земля взорвется, — покачал головой Дайсон. — Это ясно еще со времен Аламогордо[16]. Какой смысл возвращаться? На Земле тебя не ждет ничего, кроме тюремной камеры. А меня… ну, не знаю… Тяжелая работа, прежние тревоги — все то же, что всегда, и ради чего? Ради неми-

---

[16] Notes: 16

Полигон, на котором было проведено первое в истории испытание ядерного оружия.

нуемой смерти? И зачем надрываться?

Сидевший на краешке койки Уайт сгорбился, положив локти на колени. Он не ответил. Сигарета у него в губах безвольно поникла.

— Можем провернуть все прямо сейчас, Бенджи, — горячо настаивал Дайсон. — Мартин переносит бортжурнал на микропленку. Он будет занят еще пару часов. У нас полно времени, чтобы спрятать топливо.

Рассеянный Уайт хотел поскрести в затылке, но пальцы его заблудились в лабиринте изолированных проводов.

— К чему такая спешка? — спросил он. — Надо все обдумать. Не собираюсь я перетаскивать топливо. Даже будь у меня свинцовая шкура, все равно сказал бы: «Нет, спасибо».

— Никто не просит тебя возиться с топливом. Просто дай мне передатчик.

Уайт бросил на него косой взгляд. Глаза его подозрительно блеснули.

— Погоди-ка… Робот должен оставаться в рабочем состоянии, а для этого нужен человеческий мозг. Если я сниму шлем…

— Я тут же его надену.

— Да, но… у меня могут быть неприятности, если…

— Говорю же, Мартин занят.

— В смысле, неприятности с роботом. Вдруг этот живчик сломается? Без него мы не сможем вернуться домой.

— Нам и не надо возвращаться. Бенджи, пойми, мы останемся на Марсе. Ну как, дошло?

— Угу. — Уайт поморщился и нерешительно кивнул.

— Вот и хорошо. То есть корабль будет обездвижен. Это тоже дошло?

— А то, — ответил Уайт, рассматривая новый клуб дыма.

— Поэтому за робота не волнуйся. Он всего лишь спрячет топливо там, где его не найдет Мартин. Понял?

Уайт затянулся сигаретой и фыркнул:

— Ясное дело, я ж не тупой. Хоть меня и назначили заштатным технарем для этой командировки, с башкой у меня пока что полный порядок, уж поверь. Вот только насчет робота есть приказы. Если Мартин застанет тебя с шлемом на голове, мало не покажется.

— Я знаю, как обращаться с передатчиком. Доводилось им пользоваться…

— …Пока шеф не узнал, что ты спихиваешь свои дела на робота, — подхватил Уайт с видом

человека, взявшего вражескую пешку.

Это случилось месяцем раньше, когда Дайсон, надев передатчик, отправил робота в глубокую расселину, чтобы взять образцы из толщи пород. Мартин рвал и метал. Хотя робот значительно сильнее и выносливее любого человека, он гораздо тяжелее, а посему более хрупкий, даже с поправкой на марсианскую силу тяжести. По всей очевидности, Мартин считал Джонни Дайсона расходным материалом, а робота — нет. Роботом он дорожил. И был совершенно прав, поскольку от сообразительности, расторопности и точности робота зависело пилотирование корабля, а значит, и жизнь команды. Дайсон, однако, не разделял его точку зрения.

— Больше я не наступлю на эти грабли, — с ухмылкой сказал он. — На этот раз Мартин меня не поймает. Давай сюда передатчик. Я знаю, что делаю.

— Ну, — задумался Уайт, — если мы хотим спрятать топливо, правильнее будет послать робота. Это само собой. Если подведет защелка или треснет кожух, не хотелось бы, чтобы на месте робота оказался я. Не хотелось бы заработать ожог костных тканей. Но что потом?

— Ты насчет Мартина? Поверь, он примет все

как есть. У него не будет выбора, ведь без топлива нам не взлететь. Он поймет, что Марс — прекрасная планета. Не только для посещения, но и для жизни.

— Интересно, поймет ли, — пробурчал Уайт.

Дайсон прищурился и набрал полную грудь воздуха. Слишком многое зависит от этого болвана, этого идиота… Выдержав приличную паузу, он сказал:

— Я-то думал, мы друг друга поняли.

— Не гоношись. Я же не отказался, верно? И не забыл, что меня обвиняют в краже. Но… — Уайт снова поморщился, делая какие-то выводы, и нерешительно коснулся контрольной кнопки на лбу.

— Ну давай, — подзуживал Дайсон. — Снимай. Теперь можешь расслабиться. Ты свободен. Делай что хочешь, только шлем отдай.

Обеими руками Уайт взялся за стальную корону, приподнял ее, глянул на Дайсона глазами жертвенного барана и вдруг сдернул шлем с головы. Белая полоса, оставленная на лбу тесным оголовьем, вмиг порозовела. Уайт протянул шлем Дайсону, встревоженно нахмурился и сказал, хотя в том не было нужды:

— Теперь осторожно. Осторожненько. Не задень

вот этот шнур. А как наденешь, сбрось мощность на минимум, а потом добавляй потихоньку. Потихоньку, Джонни, понял?

Дайсон не обращал на него внимания. То был миг его триумфа, и Бенджи Уайт перестал существовать. От контакта со шлемом по всей голове медленно разливалось тепло, и едва заметная вибрация воспринималась как отзвук далекой музыки. Музыки сфер, подумал Дайсон. С этой штуковиной на голове он мог управлять целой планетой — при условии, что Мартин даст ему еще пять минут свободы.

— Надо вывести робота наружу, — сказал он. — Есть у тебя мобильный пульт управления?

— Естественно. — Уайт повозился с настенной панелью, достал квадратную коробочку и аккуратно водрузил ее на подставку с гибкими телескопическими ножками.

— Двух миль провода должно хватить, — подсчитал Дайсон. — Я уже присмотрел место для тайника.

— Двух миль? Так-так… Две мили… Готово. Джонни, ты уверен, что за нами не пришлют спасателей?

— Абсолютно. На оборону выписывают миллионные бюджеты, но попробуй выбить пару

баксов на экспедицию вроде нашей, когда работы уже завершены. Спасатели? Ха! Для спасательного корабля нужно дорогостоящее снаряжение и человеко-часы. Ни тем ни другим не разбрасываются, Бенджи. Спроси у Комитета по распределению энергии. Просто чудо, что наш корабль не передали военным.

Дайсон говорил не задумываясь. Он ждал, пока мозг сгенерирует достаточно энергии, и слушал, как музыка в голове становится громче.

— Может, и так, — не без сомнения согласился Уайт. — Но что, если шеф отправит сигнал бедствия? С него станется. К примеру, выложит в пустыне огромные буквы «SOS».

Дайсон обмозговал такую вероятность, чувствуя, как мысли вплетаются в прекрасную вибрацию далекой музыки. Да, Мартин — это проблема, но любую проблему можно решить. Главное — подойти к ней с правильной стороны.

— Мартин смирится, — сказал он. — Не забывай, нас двое, а он один. Как только узнает о нашем плане и поймет, что на Землю уже не вернуться… Никуда он не денется. Какой дурак откажется от Эдема?

— Ну да, у нас тут будет рай для лодырей, — кивнул Уайт. — То что надо. А по камушкам

заструятся вискарные ручейки. Но все равно хотелось бы доставить груз домой.

— Зачем? Пустое дело.

— Не факт. Может, и не пустое. Я к тому, что неплохо бы дать кораблю под зад и запульнуть его в сторону Земли.

— Ну и как он вернется без робота? Рулить-то некому будет, — терпеливо объяснил Дайсон, расслабив взгляд и сосредоточившись на растущей энергии шлема. Коснулся его осторожным пальцем, склонился к зеркальной панели в стене, разглядел отражение циферблата, встроенного в переднюю часть шлема, и пробормотал: — Еще чуть-чуть… Не забывай, Бенджи, нам понадобится этот робот. Если только ты не намерен пахать как вол.

— Я всю жизнь пашу как вол, — откликнулся Уайт, — да и кормят одним сеном. Нет, Джонни, я тебе верю, но как подумаю о Моське…

— Тюрьма — самое подходящее место для таких размышлений.

— Ну наверное. Знаешь что? Может, мы найдем способ отправить груз домой. Если построим еще одного робота — дело небыстрое, но если справимся, то посадим первого на корабль и пошлем на Землю.

— Почему бы и нет? — с готовностью согласился Дайсон. — Позже разберемся. Времени будет предостаточно.

— Вот-вот. Надо же чем-то заниматься, когда на Марсе будут яблони цвести. Просто… — Он глупо улыбнулся. — Ну, не знаю. Наверное, не хочу сдаваться без боя.

— А кто сдается? — обиделся Дайсон. — Какой смысл в борьбе, если нет шансов на победу? Будь такой шанс, я бы сдался последним, Бенджи. Бился бы до самого конца. Но Землю уже не спасти, и… короче, заткнись. Хватит об этом думать.

Но он видел, он чувствовал, как громадная планета содрогается под ногами, как она прогибается над пустотой, как вздымается к небу чудовищный гриб ядерного взрыва. Кто в этом повинен? Человек? Да, человек по собственной воле взял в руки этот смертоносный клинок, но кто дал ему это оружие? Бог? Ядерная энергия — плод от древа познания, и отведать его — значит умереть. Стало быть, в том вина Бога, а не Адама.

— Ладно, начинаем, — приказал Дайсон. — Времени в обрез. Где робот?

— На складе. Джонни, ты не думал, как к нашим делам отнесутся в суде?

— Примерно так же, как к твоей краже, — от-

ветил Дайсон, вывел пульт управления за дверь и тихонько повел его по коридору, слыша, как за спиной топчется и бормочет предупреждения встревоженный Уайт.

К счастью, проходить мимо двери Мартина не пришлось. Дайсон добавил скорости, и подставка с коробочкой споро заковыляла вперед, точно пес на поводке — что-то вроде пухлого скотчтерьера с лапами грейхаунда. Дайсон зажал кнопку на конце поводка, и скотчтерьер перешел на бег.

Период полураспада его батареи из радиоактивного натрия — три года, после чего ее можно перезарядить, но лишь с помощью ядерного реактора, способного произвести нужный изотоп. На Марсе, однако, нет ядерных реакторов. Нет и не будет. На корабле уйма запасных батарей, но даже совокупной их мощности не хватит, чтобы стартовый модуль одолел марсианскую гравитацию. Нет, Марс прижал корабль к своей груди так крепко, что не вырваться, словно заботливый отец, оберегающий чадо от глупых поступков — например, рывка к планете, которую ждет неминуемая гибель. Уже скоро Марс надежно укроет топливо, и чадо навеки останется в отцовских объятиях.

Хотя батареи пригодятся, чтобы обеспечить

экипажу привычный комфорт. Этот мир, твердил себе Дайсон, непременно превратится в Эдем, идеальный рай со всеми удобствами.

Он отпустил кнопку, чтобы пульт остановился, развернул его и открыл дверь. Вот он, робот, дремлет на складе, будто в колыбели, чуть покачиваясь на упругих стропах, компенсирующих перепады равновесия в блестящем сером корпусе. Гигант, нисколько не похожий на человека, сегментированный, будто муравей, грудная клетка и живот связаны между собой универсальным сочленением, и множество специализированных конечностей. Вот он какой, робот. В живот встроены глаза-лампочки, чтобы видеть под водой, а над грудной клеткой вздымается турель с еще одной мозаикой глаз, некоторых для тьмы, а других для света.

Эти глаза, по-львиному желтые, взирали на Дайсона.

Управляя мобильным пультом, он быстро вошел на склад и вжался в стену, пытаясь спрятаться от немигающего взгляда. Разумеется, это невозможно: всегда найдутся фасетки, чьи зрительные оси пересекаются с твоим положением в достаточной мере, чтобы ты видел темный пигмент вокруг датчиков визуального сенсора.

На такой фокус способен любой паук, но Дайсон не на шутку разнервничался, чувствуя на себе пристальный взгляд фальшивых глаз.

Он потянулся к колесику на пульте управления. Оставшийся у двери Уайт взволнованно шикнул: «Осторожнее!» — и Дайсон судорожно стиснул зубы. В конце концов, он не надевал передатчик уже больше месяца, а при падении робот нашумит так, что мертвого разбудит.

Дайсон повернул колесико. Для начала совсем чуть-чуть. Музыка у него в голове обрела глубину, а робот царственно пошевелился и приподнял грудь, скользнув промасленной сталью о промасленную сталь. Блестящий великан степенно выбрался из колыбели строп и направился к двери походкой, даже отдаленно не напоминавшей человеческую.

Дайсон встретил его в центре комнаты, где стоял штурманский стол. Отправил вперед шустроногое контрольное устройство, после чего человек и робот склонились над столешницей. Грудная секция робота, увенчанная фасетчатой митрой зрительного блока, глыбой нависла над плечом Дайсона. Великан распрямился, подался ближе и всмотрелся в карты.

Дайсон вращал переключатель, пока на столе

не появился трехмерный образ искомого рельефа, вобравший в себя электрический свет и отбросивший долговязые тени на крошечные равнины — точные копии тех, что раскинулись вокруг корабля. Идеальная миниатюра, безупречный дубликат, воспроизводивший каждое плато и все склоны холмов. Дайсон прищурился. Да, действительно: здесь была и микроскопическая копия корабля, тупоконечного овального предмета, в котором они сейчас находились.

У него закружилась голова. Он почти поверил, что в этом холмике на винилитовой карте существует кукольная комнатка, где кукла по имени Джонни Дайсон стоит над кукольных размеров картой…

Над головой что-то скрипнуло. Робот добросовестно рассматривал винилитовый рельеф. Дайсон отогнал иллюзию о бесконечной веренице Джонни Дайсонов, редуцированных до отсутствующе малых размеров, и коснулся карты осторожным пальцем, прокладывая курс от корабля к склону холма и одновременно посылая в передатчик мысленные приказы. Робот смотрел и, еле слышно пощелкивая, запоминал маршрут, а Дайсона накрыла новая иллюзия: неисчислимое множество громадных Джонни Дайсонов,

один больше другого, наблюдают за ним из макрокосма, и тут в комнате отчетливо зазвенел бесплотный голос, похожий на голос самого Бога.

— Дайсон! — сказал голос. — Дайсон!

Потрясенный Уайт негромко охнул. Дайсон вскинул глаза. Сердце ушло в пятки, ведь он не слышал, как щелкнуло переговорное устройство. Никакого предупреждения не было. То есть — возможно! — все это время интерком был включен, и они с Уайтом считай что плели свой заговор прямо в кабинете у Мартина, а тот внимательно слушал.

— Дайсон, явитесь ко мне в каюту. Немедленно!

Едва не задохнувшись, Дайсон взглянул на Уайта, покачал головой и настороженно поднял палец. Если микрофон интеркома включен, осторожничать нет смысла… но, раз уж Мартину известен их план, зачем тратить время на разговоры? Капитанская каюта находится не так уж далеко, в другом конце коридора, а у Мартина проворные ноги и заряженный револьвер.

— Слушаюсь, сэр, — хрипло отозвался Дайсон.

— У меня все.

Но за словами не последовало щелчка, извещающего, что Мартин выключил интерком,

поэтому Дайсон не опускал пальца, а Уайт хотел сглотнуть, но не мог.

Если не медлить, шанс еще есть, причем неплохой. Дайсон вновь склонился над картой и прочертил маршрут для робота — быстро, аккуратно, — и его приказы, отданные с почти механической педантичностью, достигли самой сердцевины робота и впились в мозг педантичного механизма. На все про все ушло не больше тридцати секунд.

Робот отступил от стола, его громадная грудь опустилась на тихо заурчавшем сочленении, и он то ли выбежал, то ли выскользнул, то ли выкатился из комнаты. В человеческом языке нет слов, способных описать движения такого конструкта, быстрые, грациозные, беззвучные, если не считать легких щелчков, когда механизмы подстраивались под текущую задачу. Пощелкивая извилинами металлического мозга, робот удалился.

Теперь его путь лежал в топливохранилище. Разум Дайсона опережал блестящего гиганта с муравьиным телом, прокладывая тот же курс, что недавно был обозначен на карте: прочь из корабля и вперед по лику Марса, пересечь равнину, взобраться на склон, проникнуть в пещеру, обна-

руженную Дайсоном несколько недель назад и примеченную для сегодняшнего саботажа. Раз за разом, ходка за ходкой, пока на корабле не останется ни унции топлива, и никто, кроме Джонни Дайсона, не будет знать, где оно спрятано, — если, конечно, вовремя стереть роботу память.

Когда металлическая громадина исчезла в коридоре, Уайт перехватил взгляд Дайсона и провел пальцем по горлу.

Дайсон усмехнулся. Одной рукой он убавил мощность передатчика, а другой схватил планшет и написал:

«Все готово. Робот получил приказ. Не выключай передатчик. Робот даст сигнал, когда закончит. Сотри ему память». Последнее предложение он подчеркнул дважды, после чего сунул планшет Уайту под нос.

Из пустоты вновь донесся безапелляционный божий глас:

— Дайсон! Ну сколько можно?

— Да-да, сэр, уже иду.

Надо поторопиться. Он нетерпеливо — и в то же время неохотно — ждал, пока не стихнет музыка сфер, а когда ее отзвуки еще звенели в мозгу, снял шлем и надел его на голову Уайта. Оба не сказали ни слова.

Дайсон развернулся и побежал.

У закрытой двери Мартина он остановился, и его воля дала слабину. Что будет дальше — допустим, если Мартин с ходу начнет его обвинять?

Ничего страшного. Взлет запланирован на завтра. Чтобы взлететь, нужны все трое. В худшем случае Мартин наговорит Дайсону неприятных вещей. Быть может, чрезвычайно неприятных, если все это время интерком был включен.

Гораздо важнее, чтобы не подвел Уайт. Он полон сомнений, и это еще мягко сказано, а робот теперь в его власти. Уайт запросто может отозвать его, вернуть топливо на место, а события — на прежний губительный курс, ведущий к обреченной Земле, если у него сдадут нервы. Если Дайсон надолго оставит его в одиночестве. То есть от Дайсона много чего зависит. До ужаса много чего.

Пару секунд его обуревало желание сложить с себя это бремя. Если просто стоять и молчать, наверняка что-нибудь да случится…

Вот-вот. Из-за таких настроений, вдруг понял он, Земля катится по проторенной дорожке к ядерному холокосту.

Дайсон заставил себя постучать в дверь.

Мартин сидел с расстегнутым воротником.

Он снял туфли; скрещенные ноги в старательно заштопанных шерстяных носках покоились на столе. Джонни Дайсон в изумлении смотрел на капитана. До сей поры он видел шефа только в форме, придававшей Мартину собранный и молодцеватый вид. Теперь же Мартин напомнил Дайсону деактивированного робота. И он понял почему, когда увидел на столе бутылку.

Впервые он заметил, какое у Мартина вялое и обрюзгшее лицо.

Свинья свиньей, только пятачка не хватает, с торжеством думал Дайсон. Значит, проблема решена: у Мартина все же есть выключатель, и позже не придется его убивать. Теперь я справлюсь с чем угодно, а он получит столько виски, сколько пожелает. Устроим здесь винокурню, а потом надо будет лишь следить, чтобы на столе у Мартина не переводилось девяностоградусное марсианское *vin du pays*[17] домашнего изготовления, чтобы было чем залить глаза. Нет, лучше дистиллят. Хотя какая разница? Спиртное можно гнать из чего угодно. Главное — брожение, а сейчас брожений на корабле предостаточно.

Дайсон хотел плюнуть Мартину в лицо и объ-

---

[17] Notes: 17
Местное вино *(фр.).*

явить о своих намерениях, но сдержал этот безумный порыв. Не стоит напрашиваться на пулю, ведь в столе у шефа револьвер. Поэтому Дайсон стоял по стойке «смирно» и ждал, пока тупо глазевший в потолок Мартин не обратит на него внимание.

— Ах да. Вольно. Присядьте, Дайсон.

— Есть, сэр, — сказал Дайсон с уважением, которого больше не чувствовал. Трудно было не выдать ликования. Надо было раньше понять, что Мартин, как и Уайт, не семи пядей во лбу. Будь оно иначе, его не отправили бы в эту командировку. — Спасибо, сэр.

Мартин указал на стол, где рядом с бутылкой и полным стаканом стоял еще один — пустой.

— Угощайтесь, Дайсон.

Не поверив своим ушам, Дайсон шагнул вперед. С его места можно было видеть переключатель интеркома. Пока виски лилось в стакан, Дайсон подался чуть ближе и заметил, что тумблер все-таки стоит в положении «выкл.» — то есть Мартин ничего не слышал и все сложится наилучшим образом, если Уайт не напортачит.

— Мягкой посадки, сэр, — сказал он, поднимая свой стаканчик.

— Мягкой посадки, — откликнулся Мартин,

вдыхая аромат виски.

Но их слова имели разный смысл. «Мы уже приземлились, — думал Дайсон, — и будем жить долго и счастливо до скончания веков, аминь». Совсем не так, как на Земле. *«Вот как кончится мир…»* Что там дальше, в этой затасканной фразе с неприятным концом? Он не помнил. «Так пришел конец вселенной… не с громом, а… а…»[18] Ладно, черт с ней, с цитатой.

— Расслабьтесь, — сказал Мартин, — вы не на дежурстве.

— Спасибо, сэр.

— Мы славно потрудились, — удовлетворенно продолжил Мартин. — Полгода в полевых условиях, втроем, с оборудованием, которое на ладан дышит. Большая ответственность. Пойди что-то не так… — Он глотнул виски. — Что ж, руда на борту, документы отправлены на Землю полчаса назад, и все уже сделано — все до мельчайших, вроде бы пустяковых, но жизненно важных деталей. Завтра будет новый рабочий день, но наше задание выполнено.

— Несмотря на всю его бессмысленность, сэр, —

---

[18] Notes: 18

«Так пришел конец вселенной, — / Да не с громом, а со всхлипом». Заключительные строки стихотворения Т. С. Элиота «Полые люди». Перевод Н. Берберовой.

сказал Дайсон и тут же велел себе заткнуться. Опустил глаза на свой стакан и с удивлением увидел, что тот пуст. Осторожнее, Джонни, осторожнее!

— Что вы хотите сказать?

— Ну, не знаю. В конце концов, физики-ядерщики давно уже работают над этой проблемой, и безрезультатно. Не понимаю…

— У вас есть диплом физика-ядерщика?

— Я чуть было не получил эту специальность, — ответил Дайсон, и Мартин изумленно взглянул на него:

— И что же случилось?

— Как сказать… — пожал плечами Дайсон. — Наверное, я понял, насколько это безнадежно. На мой взгляд, все сложилось как нельзя лучше. Получи я ученую степень, сидел бы дома и работал над оборонными проектами, как остальные компетентные ребята, хотят они того или нет. В этой отрасли считайте что военное положение.

— Значит, так надо. — Мартин как-то странно посмотрел на него. — Нельзя же просто взять и сдаться!

Он повторил слова Уайта, и Дайсон вышел из себя. Слепцы! Хотел было выпалить гневное возражение, но толку-то? Слеп тот, кто видеть не

желает, подумал он, а вслух сказал:

— Люди не меняются, сэр. В том-то и корень зла. В массе своей люди… ну, мерзавцы. К сожалению. Толкают планету к взрыву, и никто не сумеет их остановить, как ни старайся.

— Вполне может быть, — устало согласился Мартин. — Вы пейте, не стесняйтесь.

— Спасибо, сэр. — Вновь наполняя стакан, Дайсон задумался, почему он продолжает называть Мартина «сэр». Он вдруг понял то, чего не понимал раньше. Не важно, рассердит он Мартина или нет. Главное — тянуть время, пока робот не спрячет топливо. После этого Мартин автоматически перестанет быть капитаном корабля. (Хотя револьвер по-прежнему у него в столе, так что лучше не наглеть.)

— А где Уайт? — спросил Мартин. По всей очевидности, ему скучно было выпивать с Дайсоном. Быть может, Уайт окажется более интересным собутыльником.

— Он… отдыхает, — наобум брякнул Дайсон.

— Ах да, заряжает робота перед взлетом. Ну, раз вы уже приложились к бутылке, может, смените его? Ему, наверное, тоже хочется выпить.

Дайсон понимал, что надо переключить внимание шефа на себя, сказать что-нибудь — без

разницы что; что угодно, что в голову взбредет, — чтобы Уайт без помех закончил начатое. Вдруг он преисполнился уверенности, что Уайт, как и обещал, управляет роботом. Никаких сомнений. Главное теперь, чтобы он довел работу до конца. Главное — дать ему время и предотвратить любое вмешательство.

— Сэр, — сказал Дайсон, — вы же опытный человек. Разрешите узнать ваше мнение? Если я ошибаюсь, так и скажите, но почему мне кажется, что наше поколение обманули? Что нас лишили человеческих прав?

Мартин зевнул. Протянул руку за спину, щелкнул тумблером магнитофона (из динамика полилась бесконечно слащавая «Лили Марлен») и с неприязнью спросил:

— Думаете, общество вам чем-то обязано?

— Нет, сэр. Хотя, с другой стороны, да. Общество должно обеспечить мне право на жизнь, только и всего. Я хочу остаться в живых. Неужели это слишком много? А грядущий взрыв…

— Дайсон, у вас атомофобия. Не забывайте, что на Земле перед вами откроются новые перспективы. Понимаю, эти полгода — не увеселительная прогулка, но мы выполняли задание. Теперь же…

— Были у меня перспективы, — сказал Дайсон. — С самого детства. Моего отца, сэр, звали доктор Джеральд Дайсон.

— Да вы что? — раскрыл глаза Мартин. — Значит, вот как вы попали на этот корабль. А я-то думал… Конечно, вы прошли техническую подготовку, но тем не менее…

— О да, я прошел подготовку. По настоянию отца. Как вы помните, он разрабатывал одну из первых бомб. Был в числе тех, кто сказал: «Ой, извините». Провел остаток жизни, пытаясь найти способ взять атомную энергию под контроль. Но такого способа не существует. Отец попросту поджег динамитную шашку и вручил ее мне, и я держал ее, пока не повзрослел, пока не понял, что пора послать все к черту и бороться за свои права. Родители воспитывают детей так, чтобы компенсировать свои неудачи. Но мне наконец удалось сбежать с Земли. Впервые в жизни я вырвался из-под тени… — Он опустил глаза на стакан, вздрогнул и продолжил: — Из-под тени облака, сэр. Вернее, громадной черной тучи. И она разрастается. Я вырос под этой тенью. Отец постоянно смотрел кинопленки, внимательно их изучал, а мне снилось, как ядерный гриб заполняет все небо. Отец мог бы оставить мне рай на

Земле, рай под управлением мирного атома, мог бы передать мне волшебную палочку, избавить от тяжких трудов, ведь у человека, живущего в атомную эпоху, не должно быть никаких проблем — просто по праву рождения. Неограниченный запас энергии — это ключ к всеобщему благополучию, но вместо него мы получили планету, которая вот-вот взорвется.

— Что ж вы никак не уймётесь? — разгневался вдруг Мартин. — По-вашему, Земли считай что нет, но это не так! Ничего не произошло и, возможно, не произойдет. У нас есть неплохой шанс взять ядерную энергию под контроль. Или хотя бы попытаться это сделать.

— Неужели вы не понимаете, что эти слова — лишь мотивирующая речевка для галерных рабов?

— Если ваш ненаглядный взрыв все же произойдет, — строго сказал Мартин, — то по вашей вине. Потому что вы и вам подобные… — Он умолк и пожал плечами. — Ладно, хватит. Вы тоже на стрессе. Лучше подмените Уайта… хотя нет, минутку. Совсем забыл. — Мартин бросил на Дайсона недоверчивый взгляд. Наверное, вспомнил, что случилось в прошлый раз, когда Уайт отдал ему шлем-передатчик.

Дайсон представил, как робот спускается в пещеру, как буйствует Мартин, и с трудом сдержал ухмылку. Больше всего на свете шеф, наверное, боялся, что робот выйдет из строя. На его создание ушло семь лет, и робот был такой же неотъемлемой частью корабля, как запас топлива. Горючее — это мускулы, но робот — это мозг, благодаря которому сложный организм транспортного судна способен функционировать в космическом пространстве. Поначалу Дайсон хотел испортить робота, но вскоре отбросил эту мысль. Во-первых, он не знал, как это сделать, ведь у робота имеются защитные механизмы — аналоги человеческого эго, компенсирующего ид, — а во-вторых, позже без такого ценного помощника не обойтись.

Когда будет построен рай на Марсе, робот станет идеальным исполнителем, ведь он умеет делать что угодно — ну, почти. Мартин считал, что его основная функция — управление кораблем и что робот ценнее членов экипажа, но отношение капитана к роботу было не лишено нарциссизма, подумал Дайсон. Не исключено, что всякий раз, когда Мартин смотрится в зеркало, он видит там обобщение, синтез Мартина и робота.

Позже, когда робот нарубит дров и начерпает

воды…[19] Дайсон сдержал очередную ухмылку. Мартину это не понравится. Совсем не понравится. Но в итоге он смирится с положением вещей. Мартина можно купить — так же, как Дайсон купил Бенджи Уайта. Главное — найти монету правильной чеканки.

Мартин сел ровнее, опустил ноги на пол и поелозил ступнями в поисках сброшенных туфель.

— Пожалуй, отнесу Уайту глоточек виски.

Спиртное разлилось по телу Дайсона приятным теплом, сняло напряжение в мышцах; теперь же нервы вновь натянулись струнами, и он услышал беззвучную музыку, чьи далекие аккорды вибрировали у него в голове, когда на ней был шлем-передатчик, но теперь этой музыке недоставало благозвучия. Он должен — нет, обязан — остановить Мартина.

Тот уже встал, сунул ноги в туфли, притопнул, наклонился к пряжкам. Сунул бутылку под мышку и взял два чистых стакана.

— *Сэр!*

— Да?

— Я… я сменю его, сэр. Я знаю, как обращаться с передатчиком. Сейчас пришлю к вам Уайта, и…

---

[19] Notes: 19
Иис. Нав. 9:21.

Мартин (он уже стоял на пороге) коротко мотнул головой, вышел и хлопнул дверью.

Взглянув на часы, Дайсон испуганно понял, как ничтожно мало прошло времени, и с ужасом осознал, что его план, несмотря на все усилия, висит на волоске. Дайсон всегда был уверен, что в последний момент сообразит, как перехитрить Мартина, найдет способ завершить то, что так хорошо начиналось…

Звуки удалявшихся шагов Мартина сменились тишиной. Переслащенные гармонии «Лили Марлен» клонились к финалу. Словно метроном, Дайсон качнулся к двери и обратно, лихорадочно думая, как быть. Наконец последние ноты песни растворились в свете электрической лампы, а Дайсон обнаружил, что дрожащими руками открывает стол Мартина.

Но револьвера в нем не было.

То есть Мартин перехватит Уайта, прежде чем робот закончит работать с топливом, и корабль вернется на Землю, а смелые планы Джонни Дайсона, пожелавшего создать новый мир, канут в небытие. Конечно, он может сбежать, спрятаться, и корабль, пожалуй, улетит без него — но в конечном счете Дайсон проиграет. Рано или поздно над алыми равнинами взвоют в разреженном

воздухе другие корабли, полные инспекторов, которым приказано будет отыскать Джонни Дайсона и вернуть его на Землю, дабы он не отлынивал от работы…

На пороге склада Дайсон остановился. Колыбель робота была, конечно же, пуста. Бенджи Уайт горестно заламывал руки над длинноногим пультом управления, но это ничего не меняло: Мартин уже надел шлем-передатчик и, судя по выражению лица, ознакомился с командами активации. Теперь он все знал.

Его взгляд встретился со взглядом Дайсона.

Дайсон вновь развернулся и побежал.

Кукольный Джонни Дайсон мчался по контурам кукольного рельефа, с каждым шагом удаляясь от кукольно-винилитового корабля, и боялся поднять глаза, чтобы не увидеть, как с неба на него смотрит гигантский Джонни Дайсон. Время откатилось на пятнадцать минут, и Дайсон угодил в микрокосм, где в недрах непостижимо громадного корабля раз за разом прокручивалась вся эта сцена, начиная с того момента, когда бесплотный голос Мартина сухо велел Дайсону явиться к нему в кабинет.

Невидимый палец гигантского Джонни Дайсона — того Джонни, которым Дайсон был пятна-

дцать минут назад, — заранее проложил курс, и теперешний Джонни Дайсон прекрасно знал, куда бежать — по маршруту, которым проследовал робот, — но ему неведом был фактор времени.

Быть может, топливо уже надежно спрятано в пещере. Даже если так, все пошло прахом, ведь Уайт не успел стереть память робота, и теперь Мартин проникнет в металлический разум и проследит за каждым шагом механического создания.

Вот и он, Мартин, бежит следом, а за ним Уайт, думал Дайсон, но не оглядывался. Он убегал не только от Мартина, не только от людей, он убегал от тирании самоубийственной и смертоубийственной Земли, под ногами у него гулко звенел Марс, словно подземный дворец рукотворного Эдема уже возведен и ждет, чтобы его унаследовали.

На склоне холма в лунном свете блеснул металл, и в бледно-серой ночи проступили контуры робота, бездумно тащившего к пещере свою горючую ношу.

За спиной что-то крикнули, и этот крик тонко зазвенел в холодном воздухе. Оглянувшись, Дайсон увидел, что его по-прежнему преследуют карликовые фигуры. Корабль казался кукольным.

Иллюзия прогрессировала. Все сжалось. Игрушечного Уайта обогнал марионеточный Мартин с блестящим передатчиком на голове, кукла, управлявшая еще одной куклой, длинноногим мобильным пультом, гротескно галопирующим по равнине; из-за марсианской гравитации все они — и беглец, и преследователи — двигались с неестественной легкостью и кошмарной медлительностью.

Дайсон знал, что его фора (он сразу выскочил из корабля, а остальные какое-то время искали его в коридорах) совершенно бесполезна, но не мог отказаться от призрачной надежды, что в критический момент он хоть как-то, хоть каким-то образом найдет выход из положения.

Потом была белая вспышка во тьме и щелчок револьвера за спиной. Должно быть, предупредительный выстрел, поскольку Дайсон не слышал свиста пули. Задрав голову, он встретился со взглядом двух лун, похожих на два асимметричных глаза на лице гигантского Джонни Дайсона. В небе разгорался конфликт. Орион занес дубину, Телец набычился и выставил рога, Андромеда билась в цепях, Сириус превратился в оскаленный клык, и посреди всей этой вакханалии светилась сине-зеленая непорочно-мирная планета…

По головокружительной спирали водоворотов времени и пространства зрение Дайсона устремилось вперед, к самому центру этой воронки, где находился сине-зеленый мир и Джонни Дайсон, каким он был десять, пятнадцать, двадцать лет назад, невежда Джонни Дайсон, которому ничто не грозило в те золотые времена, когда ответственность за мир лежала не на нем, а на его родителях. Ах, молодость, молодость, утраченная пора блаженного неведения…

Мартин выстрелил снова.

Здесь и сейчас Джонни Дайсон мчал вдогонку за роботом, исчезавшим в темном устье пещеры, словно то была не пещера, а муравьиный ход, и робот был не робот, а тускло поблескивавший муравей с закушенной в мандибулах песчинкой. Подобно остальным законам природы, пространственные размеры утратили всякую важность. Лишь во сне можно взмыть в воздух, оттолкнувшись от земли, и бежать от опасности столь медлительно, будто тебя погрузили в вязкий кисель.

Перед ним была груда экранированных канистр с защелкнутыми замками. Замедлившись, Дайсон изучающе взглянул на них и попытался прикинуть, сколько в них футофунтов или тонн

подъемной силы. Недостаточно, чтобы оторвать от поверхности целый корабль. Канистр было всего лишь восемь. Если робот успел спрятать остальные, то отцовские объятия навсегда удержат корабль у груди старика Марса. Если… если… Ну конечно! Если остальное уже в пещере и Дайсон доберется до нее прежде остальных, то ответ до смешного прост. «Как же я не просчитал этот вариант?» — думал он, задыхаясь от кипучего ликования.

Слыша, как выкрикивают его имя, он ускорил бег, пригибаясь при каждом прыжке, чтобы тот отправлял его вперед, а не вверх, перпендикулярно поверхности Марса и параллельно вектору его незначительной гравитации.

Он достиг устья пещеры в тот момент, когда из нее появился робот, в чьей грудной клетке сверкнули отражения обеих лун. Робот не остановился, но фасетчатые глаза обследовали Дайсона, радиоатомный мозг принял его за мобильное препятствие, и громадный рабочий муравей двинул прямо на него. Дайсон уступил дорогу, и робот величаво направился вниз по склону к остаткам горючего.

Остановившись у входа, Дайсон заглянул в пещеру. Хоть глаз выколи. Мгновение он медлил,

понимая, что во тьме кроется решение проблемы, но чувствуя странное нежелание входить в эти сумрачные пределы.

Он оглянулся. Мартин и Уайт заметно приблизились, они бежали молча, а робот двигался им навстречу, опережая сдвоенную тень муравьиного тела, и люди тоже отбрасывали не одну тень, но две: тени-близнецы, одна черная, другая серая на пурпурно-мшистом всхолмье. В космической пустоте вращались Деймос и Фобос, оставляя за спинами бегущих светло-серебристые образы, но направлял их Фобос, чье имя означает Страх.

Дайсон повернулся к ним спиной. Они были еще довольно далеко и казались настолько крошечными, что протяни руку над винилитовой картой — и выхватишь двумя пальцами из-под ног у Мартина мобильный пульт…

Но вместо этого Дайсон достал из кармана химический светильник, потряс его, чтобы тот загорелся, и шагнул в пещеру — с неприятным чувством, будто оскверняет храм. У скалистой стены выстроились ряды канистр с горючим.

Здесь был вход в Эдем. Дайсон выбрал это место для своего подземного дворца, надежного убежища на случай, если с Земли все-таки пришлют спасателей. Но в этом Дайсон сильно сомневался.

Облако детских воспоминаний разрослось до таких размеров, что Земли уже не было видно. От нее осталась лишь тень, отброшенная перед финальным взрывом.

Ловко действуя обеими руками, он стал расстегивать защелки на канистрах, а через несколько минут выскочил из пещеры и бросился вниз по склону, навстречу приближавшимся людям и эскорту дерганых теней, и в голосе его звенел триумф.

— Входи! — летел над равниной его крик. — Оно там, Мартин! Все топливо в пещере! Войди и забери!

А затем грянул гром.

Реальной опасности не было. Главное — не входить в пещеру. Топливо взрывалось не сразу, а канистра за канистрой, поскольку эти контейнеры были сконструированы со всеми мерами предосторожности, известными человечеству. Период полураспада каждой канистры составлял шестьдесят пять секунд, и Дайсон активировал их не одновременно, ведь у него было лишь две руки.

Взорвалась первая канистра. Восемью секундами позже — вторая. Сила, способная поднять корабль в воздух, превращалась в свет, звук и

радиацию — незначительную, а потому не опасную на вид. При желании человек мог войти в пещеру, приблизиться к этим контейнерам, а после выйти наружу.

Но что станет с его клетками, костным мозгом, костями и кровью? Это уже другой вопрос. Человеческий организм можно очистить от радиума, но от невидимых ядов — никогда. Проказа гамма-излучения неизлечима, и теперь она заполняла пещеру, то кромешно-темную, то озаряемую белой вспышкой.

Перед лицом этой угрозы суть конфликта между людьми переменилась.

Но не сразу. Какое-то время ушло на перестройку картины мира, когда гнев сменялся ужасом, а торжество — осознанием проигрыша.

Наконец Мартин вышел из ступора и поднял револьвер:

— Ступай обратно. Деактивируй контейнеры.

— Нет, — ответил Дайсон.

— Считаю до трех!

— Лучше уж сдохнуть.

На мгновение Мартин задумался, а затем окликнул Уайта. Тот смотрел, как вспыхивает и гаснет устье пещеры. Облизнув пересохшие губы, ответил:

— Нет, сэр.

— Сам иди, — усмехнулся Дайсон, глядя, как лицо немолодого уже Мартина озаряет очередная вспышка, а когда отгремел новый раскат грома и перестала дрожать земля, добавил: — Проще простого. Застегни защелки, только и всего. В любом случае ты проиграл. Останешься здесь — перестанешь быть нашим командиром. Войдешь в пещеру — вернешься на Землю с грузом и, быть может, получишь еще одну звезду на погоны, вот только у тебя не будет плеч.

— Заткнись! — прикрикнул Мартин.

Снова грянул гром.

Тяжело дыша, Мартин дернул за провод, и мобильный пульт подбежал к хозяину, точно пес на худосочных ножках. Мартин повернул рычаг. Металл звякнул о камень, и в поле зрения медленно вошел робот. Стало быть, Мартин задал новую программу, тем самым стерев из металлической памяти команды Дайсона — но поздно. Слишком поздно.

Робот послушно направился к пещере.

— Вот молодец! — язвительно обронил Дайсон. — Да, он спасет топливо. Но, разумеется, погибнет. И некому будет пилотировать корабль. Ну и что с того? Марс — великолепное место для

жизни!

Мартин стал осыпать его бранью.

— Заткнись уже, — отмахнулся Дайсон. — Все кончено. И для тебя, и для Земли. Когда она взорвется, мы будем здесь, в нашем ковчеге, и посмотрим на конец света с безопасного расстояния.

Раскатился гром.

Мартин допустил ошибку. Он начал спорить. Голос его был тверд, но сказал он вот что:

— Земле нужен наш груз…

Пользуясь сомнительным шансом, Дайсон ударил его. Револьвер выплыл из руки Мартина и глухо ткнулся в мох у ног Бенджи Уайта. То есть палец Мартина не лежал на спусковом крючке, а это значило… Это много чего значило.

— Наш груз? — эхом отозвался Дайсон, привстав на цыпочки и пристально глядя на Мартина, готовый пресечь любое его поползновение к револьверу. Подумал, не схватить ли оружие самому, но в этом случае конфликт перейдет в физическую плоскость, а Дайсон знал, что на моральном уровне он уже победил.

Но почему Уайт не поднял револьвер? Зачем он прибежал сюда? На чьей он стороне? Наверное, он сам того не знает. Дайсон бросил на него сви-

репый взгляд и продолжил:

— Наш груз — не панацея от взрыва, Мартин. Ее не существует. По единственной причине. Все дело в людях. В мужчинах и женщинах. Люди — это зло, Мартин, и поэтому они обречены на смерть. Все без исключения. — Он кивнул на громыхающую пещеру. — Вот каким будет конец света.

Подняв глаза, Мартин прислушался к грохоту. Он не шевелился. Ему было нечего сказать. Глядя на него, Дайсон понял, что ему плевать, поднимет ли Уайт лежащий у его ног револьвер: он одержал победу без оружия.

— Ладно, Мартин, — сказал он почти дружелюбно, — давай сюда шлем. Отныне передатчик тебе не понадобится.

Пауза. Раскат грома. Дайсон взглянул на Уайта. Тот, словно под гипнозом, смотрел в бледное око пещеры. Дайсон наклонился и подхватил револьвер.

— Джонни… — Уайт не отводил глаз от пещерного ока.

— Что?

— Слышишь?

Грянул гром.

— Слышу, — кивнул Дайсон, а Мартин не шевельнулся и не произнес ни слова.

— Конец света в миниатюре, — продолжил Уайт. — Настоящий будет гораздо, гораздо хуже. Почему же я раньше о нем не подумал? Такой шум…

— Мы его не услышим.

— Зато увидим. Я его увижу. Знаю, что увижу. — С мучительным трудом он отвел взгляд от сияющего устья пещеры и заглянул в черноту небес — туда, где светилась сине-зеленая Земля.

— Моська… — нерешительно сказал он. — Она всегда боялась грома.

У Дайсона засосало под ложечкой. Почему? Этого он пока не знал, но чувствовал приближение опасности и понимал, что инициатива уже не у него, что он больше не контролирует ситуацию; с каждым словом Уайта, с каждой мыслью, обретавшей форму в его сознании, опасность маячила все ближе.

— Я же рассказывал про Моську? — спросил Уайт. — Когда-то она была мне женой. И не боялась ничего, кроме грома. При каждом раскате прижималась ко мне…

Грянул гром.

— Бенджи, — сказал Дайсон. Во рту у него пересохло. — Бенджи…

— Выходит, я спятил, — продолжал Уайт. —

Знаешь, приятель, чужая душа — потемки. Да и своя тоже. Если Земля взорвется, я должен быть рядом с Моськой, чтобы она могла прижаться ко мне, если захочет.

Он побрел к пещере.

— Бенджи! — окликнул дрожащим голосом Дайсон. — Через полгода ты умрешь. Зачем? Наш груз бесполезен. Земля все равно взорвется.

— Как знать? — отозвался Уайт, не оборачиваясь. — Этого мы знать не можем. Наша задача — не предотвратить взрыв, а привезти домой марсианскую руду. Если взял деньги, будь добр довести работу до конца.

— Бенджи, стой! Говорю же, ты не сумеешь остановить взрыв!

— Этот? Еще как сумею. — Уайт продолжал взбираться по склону.

— Бенджи, еще один шаг, и я буду стрелять!

— Нет, Джонни, — оглянулся Уайт. — Не будешь.

Дайсон попробовал спустить курок.

И не смог.

Он сосредоточился на силуэте Уайта, на его спине, и мозг отдал команду указательному пальцу, но сообщение не достигло адресата.

Мартин оказался быстрее. Сделав длинный шаг

вперед, он ударил ребром ладони по запястью Джонни. Револьвер выстрелил, уже кувыркаясь в воздухе.

Грянул гром.

— Бенджи! — крикнул Дайсон, но крик обернулся хриплым шепотом. Он должен остановить Бенджи. Обязан. Нельзя, чтобы Бенджи вошел в пещеру. Все это неправильно, совсем неправильно, ведь если кто-то и войдет в пещеру, этим «кем-то» должен быть Джонни Дайсон. Он шагнул вперед, но Мартин преградил ему путь и поднял револьвер. Мартин, гроза бунтовщиков, готовый схватить Дайсона и уволочь его обратно на Землю, обратно к работе, дисциплине, ответственности…

Работа. Дисциплина. Ответственность…

— О нет, только не это, — шептал Джонни Дайсон. Перед его внутренним взором предстал хрупкий марсианский Эдем в сиянии двух лун, чьи роскошные дворцы и сверкающие башни растворялись в воздухе, будто мираж.

В голове у него защелкал счетчик Гейгера.

Быстрее и громче.

Оглушительно громко.

Затем он почувствовал вспышку, почувствовал ее так, словно взрывом новой звезды ему снесло

верхушку черепа, голова разошлась по швам и наполнилась черным облаком, громадным облаком уже знакомой грибовидной формы, несущим смерть всему живому. Запрокинув голову, Дайсон увидел в черном небе сине-зеленую планету под названием Земля, а потом увидел, как ее не стало.

Наверное, подумал он, взрыв у меня в голове был лишь слабым отзвуком далекого, грандиозного, всепоглощающего взрыва планеты. На мгновение полнеба заполнило белое сияние взорвавшейся Земли. Дайсон видел, как она взорвалась, видел собственными глазами.

Затем сияние сжалось и померкло. Земля вновь обрела форму, но теперь это была не сине-зеленая непорочно-мирная планета, но жуткая, дрожащая, нестабильная звезда.

Вот как кончится мир.

Не взрывом, но всхлипом.

Дайсон услышал собственный смех и вслед за Уайтом припустил вверх по склону, крича:

— Бенджи! Погоди! Все уже произошло! Разве не слышал? Глянь на небо! Все уже произошло!

Не оборачиваясь, Уайт тащился вперед. Дайсон догнал его, схватил за плечо. Уайт остановился и недоверчиво заглянул ему в глаза. Дайсону не

стоялось на месте. Не в силах сдержать хохот, он стал пританцовывать и наконец пустился в древний победный пляс, а когда к ним присоединился Мартин, Дайсон исполнил перед ним такой же первобытный танец.

— Что случилось? — крикнул ему в лицо Мартин.

— Конец света! — радостно хохотал Дайсон. — Да, сэр, конец света — он такой! Разве сам не слышал? Нет, ты не мог не слышать, как взорвалась старушка Земля! Теперь мы в безопасности! И в раю! Гляньте на небо, дурни, на небо гляньте!

Двое мужчин взглянули к небу, а третий продолжал плясать и посмеиваться. Он еще смеялся, когда Мартин и Уайт с подозрением взглянули на него.

— Дайсон, — осторожно произнес Мартин, — послушай меня. Ничего не произошло. Наверное… тебе померещилось. Посмотри на небо. Вон она, Земля.

Джонни послушался. Да, вон она, Земля, дрожащее белое марево в небесах, и он расхохотался пуще прежнего.

— Дайсон… — начал Мартин, но Уайт покачал головой и взял Джонни за руку, чтобы остановить

его пляску.

— Все хорошо, Джонни. Теперь ты в безопасности. Все нормально. Не волнуйся. Подожди немного, я скоро вернусь. — Шепнув что-то Мартину, он направился вверх, к пещере.

Джонни смотрел ему вслед.

— Бенджи!

Нет ответа.

— Бенджи, ну что с тобой такое? Зачем спасать топливо? Земли больше нет. Мы в безопасности. Не надо никуда возвращаться. Разве ты не понимаешь…

— Тише, тише, — перебил его Мартин, — все хорошо.

Уайт продолжал идти к пещере, подавшись вперед и нахохлив плечи, словно шел против ветра, хотя ветра не было; он становился все меньше и меньше, удаляясь в пределы микрокосма, а Джонни Дайсон, моргая, смотрел в белое око пещеры. Наконец Бенджи растворился в раскатах грома.

Через какое-то время они вернулись на корабль и приготовились к взлету, а после этого Мартин и Уайт вели себя так, словно в самом деле покинули Марс и отправились — куда? Ясное дело, не на Землю, ведь Земли больше не было, это и дураку понятно. В таком случае куда?

Джонни никак не мог этого понять. Когда спрашивал, ответы были столь нелогичными, что приходилось переводить их на нормальный язык, но вскоре он нашел удовлетворительное решение: произнося слово «Земля», Мартин и Уайт имели в виду некий абстрактный символ. Как видно, они собирались найти еще одну планету, пригодную для жизни, планету получше Марса, планету, где они создадут свой Эдем.

Джонни это устраивало. Подумав, он пришел к выводу, что строить рай на Марсе, даже с помощью робота, было бы весьма непросто. Это трудная работа и большая ответственность.

Пусть ее возьмет на себя человек постарше — и по возрасту, и по званию.

Понятно, взрыв Земли стал для Мартина и Уайта потрясением, с которым трудно смириться. Ничего страшного, пусть притворяются. Название не имеет значения. Они называли еще не открытую планету Землей, а когда найдут ее, может, и впрямь назовут Землей — Новой Землей в память о Старой Земле, скверной планете, сгинувшей в ядерном взрыве. Сгинувшей навсегда и забравшей с собой всех этих бесполезных паразитов, двуногих гадов, чье вымирание не вызывало у Джонни ни малейшей жалости.

Короче, его спутники слегка рехнулись. Джонни был к ним снисходителен, но странно было осознавать, что он единственный здравомыслящий человек на корабле.

Он ждал. Временами видел яркие путаные сны, в которых он снова был на Земле, но эти сны быстро заканчивались, и по большей части Джонни спал как убитый.

* * *

...Его корабль продолжал бороздить просторы Вселенной.

Иногда он думал: где же пункт назначения? Он устал от череды искусственных дней и ночей, от визипортов с их до боли яркими изображениями несуществующих предметов и пейзажей. Скрывать черноту космоса за проекциями на окнах, за анимированными образами Старой Земли, попросту бессмысленно, но еще глупее маскировать робота под человека в белых одеждах, приносящего еду и принимающего приказы.

Как-нибудь, когда будет настроение, Джонни перепрограммирует робота и вернет ему металлический облик. Но сейчас настроения нет. Джонни устал. Ему надо отдохнуть. Нельзя брать на себя лишнюю ответственность, ведь близится

тот день, когда корабль опустится на пригодную для жизни планету и придет время поработать.

Джонни сделает работу на совесть. Нет, он не сдался. Джонни Дайсон не сдается.

Хотя нельзя отрицать, что его отец бросил работу. Другими словами, сачканул. Сперва хотел передать эстафету Джонни, а когда не вышло, попросту рехнулся, ведь сумасшествие — это полный отказ от любой ответственности. Пожалуй, это самый страшный грех. Останься отец на работе, глядишь, и нащупал бы решение. В конце концов, доктор Джеральд Дайсон был блестящим ученым.

Но он сдался. Закончил карьеру в психиатрической лечебнице. Не исключено, что он был совершенно счастлив в своем уединении — даже в тот миг, когда взорвалась Земля.

Будь у меня такой шанс, как у отца, я бился бы не на жизнь, а на смерть, думал Джонни. Но теперь мне предстоит другая работа. Еще не поздно. Корабль вот-вот сядет на подходящую планету, и я тут же приступлю к делу.

Он бросил взгляд на визипорты с картинками мира, который сдался и погиб, быстро и безболезненно.

Джонни улыбнулся.

Он был так счастлив в своей каюте космического корабля, что даже не заметил, как Земля взорвалась по-настоящему.

Сплошная иллюзия

Не стоило заходить в ту подозрительную таверну. Еще с порога Бертрам Мур должен был сообразить, что там творятся странные вещи. Он ведь был ирландец. Хотя… держи он себя в руках, не влип бы в неприятности. Всего-то и требовалось, что увильнуть от спора с воинственным пышнобородым карликом.

Рослый, неповоротливый и рыжекудрый парень был наш Бертрам, а лицом походил на глубокомысленную лошадь — впрочем, не самую безобразную. Подобных Бертрамов читатель видит на улице каждый день: чуть за сорок, уже не в расцвете сил, но еще и не развалина. Приятный малый, хоть и язык без костей.

По сути дела, во всем были виноваты часы. Ничем не примечательные, самые заурядные, но они принадлежали Бертраму и стали для него чем-то вроде объекта религиозного поклонения: он педантично заводил сей механизм и сверялся с его бесстрастным циферблатом при всякой необходимости. Но в тот вечер произошло недоразумение: стрелки часов показывали половину девятого, хотя на самом деле было

семь тридцать, и в результате столь вопиющего несоответствия Мур явился на вокзал «Юнион депо» ровно за час до прибытия своей сестры Коррин; та, прожив четверть века в Нью-Йорке, оглянулась по сторонам, совладала с сильнейшим приступом тошноты и решила, что пора бы проведать брата.

Не склонный к импульсивным поступкам, Мур сверил свой хронометр с циферблатом на башне вокзала, с парочкой других часов и, наконец, дабы поставить точку во внутреннем споре, уточнил время у носильщика. Половина восьмого, ровно час до прибытия поезда. Мур обвел глазами надраенный до зеркального блеска вокзал, после чего поспешил в сторону бара — но, бросив единственный взгляд за стеклянную дверь, передумал, поскольку у стойки было не протолкнуться, а Мур, как человек цивилизованный и культурный, предпочитал совершать возлияния в относительном комфорте.

Поэтому он вышел на тротуар и осмотрелся. Напротив был участок, пустовавший уже много лет из-за драконовских налогов, людоедской арендной платы и всеобщей экономической депрессии. Теперь же, к удивлению Мура, на пустыре возвели новое здание.

В нашем неугомонном мире новинки имеют склонность возникать с головокружительной скоростью, подумал Мур, не представляя, насколько он близок к истине, и направился к высокой куполообразной конструкции, напоминавшей здание ресторана «Браун дерби» — то есть бетонную шляпу-котелок, только без полей и окон. Из-за пендельтюра валили клубы дыма и доносился оживленный шум. Мур прошествовал внутрь и сразу согнулся в приступе кашля.

Здесь было так накурено, что поначалу Мур ничего не разглядел: огромное помещение заполнял едкий серый дым ароматизированного табака. Постепенно сквозь пелену стали проступать очертания предметов.

Диванов в заведении не имелось. Расставленные в произвольном порядке столики таяли в табачной дымке. За столиками сидели люди. Ближе всех к Муру отдыхал пожилой лысый толстяк с таким изобилием сверкающих перстней, что за ними не было видно пальцев. Он курил наргиле: мерно затягивался, после чего выдыхал невообразимые, по мнению Мура, клубы дыма. Невообразимым был и его наряд: козья шкура, которая прикрывала лишь то, что негоже демонстрировать публике, и лавровый венок на

безволосой голове. По всей видимости, маскарадный костюм или атрибуты рекламы.

Пожилой толстяк громко икнул, осушил оловянную кружку, беспечно помахал Бертраму и произнес что-то на языке, которого Мур не знал, после чего выразительно ткнул пальцем в сторону соседнего столика.

Мур приблизился, сел и увидел, что почти все остальные места оккупированы разношерстной публикой. Рассмотреть что-либо сквозь дымовую завесу оказалось непросто, но Мур пришел к выводу, что все в зале одеты побогаче лысого старика и тем не менее в равной мере странно. Повсюду виднелись шляпы с высокой тульей, остроконечные колпаки, белые туники, черные халаты и другие не менее экстравагантные предметы гардероба.

Подошел официант. На вид вполне нормальный: бледный как мертвец и облаченный в строгий смокинг. Болезненное лицо было на редкость невыразительным, а глаза стеклянно смотрели в одну точку. В петлице смокинга он носил лилию, а передвигался одеревенелой походкой зомби.

— Что будете пить, сэр? — осведомился официант скрипучим басом.

— «Виски сауэр», — ответил Мур.

Официант ушел, но вскоре вернулся и поставил на столик оловянную кружку. Расплатившись, Мур пригубил напиток и пришел к однозначному выводу: это не «Виски сауэр». Но он так и не понял, что пьет: в кружке булькало нечто хмельное, крепкое, с пикантными нотками и на удивление сладким послевкусием. Пары спиртного мигом ударили в голову. Мощная штука.

Мур всегда знал меру в выпивке, к тому же люди обычно не напиваются допьяна с одной кружки, но к тому времени, когда в зал явился воинственный пышнобородый карлик, сознание Мура затуманилось самым радикальным образом.

Сперва Мур увидел одну лишь бороду, ошеломительную лавину белоснежных курчавых волос, что перемещалась по таверне, словно перекати-поле. Борода устроилась на стуле напротив. Из нее вынырнула крохотная ручонка, сложилась в кулачок, стукнула по столу, и пара блестящих глазок уставилась на Мура с некоторой долей сардонического веселья.

Официант принес две полные до краев кружки, и карлик затеял разговор.

— Гнусный скряга, — хрипло заявил он, уста-

вившись на Мура.

Тот демонстративно проигнорировал ремарку соседа, но карлик не унимался. Выудил из недр бороды длинный кинжал, проверил остроту его кончика большим пальцем и добавил:

— Не привык я к такому обхождению.

Мур оглянулся в поисках официанта, но тот исчез в клубах серого дыма. Поэтому Бертрам деликатно произнес:

— Прошу прощения, не расслышал…

— Ага, — сказал карлик, — так-то лучше. Лучше для тебя. За медяк я тебе трахею распорол бы.

Несносный коротышка или пьян, или безумен, решил Мур и посмотрел на дверь.

Карлик расхохотался, после чего влил содержимое кружки в недра бороды и грозно приказал:

— Пей до дна!

Мур подчинился.

Напиток был крепкий. Чрезвычайно крепкий. Мур почувствовал, как страх отступает и на смену ему приходит негодование. Неужели он намерен сносить угрозы этой мелкой куклы, этого таракана, которого способен сокрушить одним шлепком?

— Ну вас к черту, — с расстановкой выговорил Мур, удивляясь сам себе.

Он что, нарывается на пьяную драку? Мур вздрогнул. Человек тонких вкусов, он не питал пристрастия к потасовкам. К тому же ему вовсе не хотелось связываться с этой тошнотворной бородой, спутанной, шерстистой, полной репьев и пожухлой листвы.

— Кого к черту? Меня? — вызывающе уставился на него карлик.

Мур кивнул.

— Ты что, колдун? — с некоторым сомнением спросил карлик. — Нет? Ну тогда ладно. Просто фигура речи. Выпей со мной, дружище.

С удивительной скоростью появились новые кружки и были немедленно опрокинуты, и Мур сделал удивительное открытие: у него рассосался позвоночник, его место занял столб огненной жидкости, которая то поднималась, то опускалась, словно ртуть в термометре, но не сказать, что ощущение было неприятное. Глаза застил дым; прокашлявшись, Мур взглянул на толстяка с наргиле и вполголоса произнес:

— Странное местечко.

— А чего ты хотел в канун летнего солнцестояния? — удивился карлик.

Мур не понял, о чем речь. Должно быть, в донесшихся из глубин бороды словах был какой-то

смысл, но…

Толстяк встал и направился вглубь зала. Проходя мимо Мура, он глянул по сторонам и добродушно произнес:

— Кругом сплошная *майя*. Иллюзия.

Он икнул, величаво выпрямился, продолжил свое шествие и вскоре скрылся в дыму.

— Истинная правда, — кивнул карлик, — и ничего, кроме правды. Кругом сплошная иллюзия.

Мур возжелал полемики. Отнял от губ кружку, причмокнул и заявил:

— Вздор.

— Судя по этой реплике, — сказал карлик, — рискну предположить, что ты настроен скептически. Но с чего бы? В таких вопросах я признанный авторитет, и уверяю тебя, что все вокруг сплошная иллюзия.

— Докажите! — потребовал Мур и подбросил в топку разногласий презрительный смешок.

— Но это очевидно, разве нет? Все, что мы видим, нам лишь мерещится. Иначе откуда взяться магии?

— Вы пьяны, — заявил Мур оскорбительным тоном.

— Это я-то пьян? Батюшка Посейдон и Кронос в придачу! Сколько тыс… сколько лет я не слы-

хивал в свой адрес подобного обвинения! Сам ты пьян, а будь ты трезв…

— Докажите, — повторил Мур.

Он чуял, что за ним преимущество, и не желал его упускать.

Борода сердито задергалась. Крохотная коричневая ручонка указала на кружку Мура:

— Думаешь, это выпивка, да?

Мур засомневался, но все равно кивнул.

— Вовсе нет, — довольно просиял карлик. — Это вода. Попробуй, и убедишься.

Мур послушался. Увы, он был уже не в том состоянии, когда можно отличить спиртное от керосина. На вкус напиток и правда оказался водянистый, но Мур ни за что бы этого не признал. Просто заявил, что в кружке никакая не вода.

— А вы псих, — добавил он, вспомнив про кинжал и осерчав на себя за то, что поначалу испугался этого лилипута. — Подите прочь, пока я не раздавил вас ботинком. Сплошная иллюзия! Ага, как же! — Он неучтиво фыркнул.

— Ты что, полагаешься на свои органы чувств? — осведомилась борода. — Небось думаешь, что и луна круглая?

— О господи, — проворчал Мур и сделал еще один глоток.

— В твоих глазах она круглая, — продолжил карлик, — но выглядит ли она круглой для всех остальных? Ведь то, что ты считаешь круглым, для другого может оказаться квадратным. Откуда тебе знать, как я вижу луну?

— Если вам интересно, как выглядит луна, ступайте на улицу да посмотрите, — ответил Мур.

— Откуда тебе знать, как видят меня другие? — не унимался карлик. — И как ты сам выглядишь в моих глазах? Пять человеческих чувств не аксиоматичны, они иллюзорны, и все вокруг — сплошная иллюзия!

— Значит, так. — Мур потерял терпение, а еще у него разболелась голова. — Ваша борода — это иллюзия. Моя рука — еще одна иллюзия. А теперь смотрите. — Он энергично подергал карлика за бороду. — Что, тоже иллюзия? Попробуйте-ка отшутиться!

Началась сумятица. Карлик вопил, верещал и вырывался. Через некоторое время Мур опустился обратно на стул, сжимая в ладони прядь курчавых волос.

— Во имя Кроноса и Аида! — прошипел карлик голосом, не предвещавшим ничего хорошего. — Теперь, мой друг, тебе не поздоровится. Если думаешь… хр-р-р! — Борода грозно ощети-

нилась. — Я тебе покажу, где иллюзия, а где не иллюзия! — Карлик откопал в бороде короткую тонкую палочку полированного черного дерева, направил ее на Мура и продолжил: — Накладываю на тебя проклятие иллюзии! Чума на все твои пять чувств! Укутайся в вуаль Протея!

Мур нерешительно отмахнулся от палочки и вдруг понял, что протрезвел. Почему? Непонятно. Но теперь ему хотелось лишь одного: поскорее уйти из этого прокуренного притона для умалишенных. Не сказав больше ни слова, он встал и нетвердо направился к двери, преследуемый зловещим хохотом пышнобородого карлика. Тот стих, лишь когда Мур перешел дорогу и ступил на противоположный тротуар.

Обернувшись, он увидел, что таверна исчезла, оставив после себя голый пустырь.

На мгновение Бертран растерялся, но потом сообразил, в чем дело. Он и правда хватил лишку: должно быть, таверна находилась в нескольких кварталах от вокзала и он, сам того не заметив, прошагал внушительное расстояние. Недовольно хмыкнув, Мур взглянул на часы.

Двадцать минут девятого. В самый раз, чтобы выпить чашечку кофе до прибытия поезда. Мур вошел в здание вокзала и направился к рестора-

ну, но, осененный внезапной мыслью, свернул в аптеку, где приобрел цитрат кофеина и немедленно проглотил несколько таблеток, после чего заглянул в ресторан и взял кофе, чтобы развеять хмельное марево.

Погруженный в рефлексию, он сидел у прилавка и не сразу понял, что окружающие бросают на него удивленные и даже насмешливые взгляды. Вскоре он услышал громкое шмыганье и поднял глаза. Мужчина слева — здоровенный загорелый джентльмен, — сдерживая улыбку, поспешно уставился на собственные ботинки.

Но это было лишь начало. Вскоре Мур понял, что притягивает внимание окружающих словно магнит. Он разволновался и украдкой обследовал одежду. Все в норме. Глянул в ближайшее зеркало и остался скорее доволен, чем наоборот. Лицо, бросающееся в глаза. Не самое красивое, но с характером. Как у Гэри Купера. Заметив, что мысли отбиваются от рук, Мур взял еще кофе.

Громкоговоритель объявил о прибытии поезда. Мур заплатил за кофейные возлияния и, уклоняясь от летящих отовсюду взглядов, вышел на платформу, где стал дожидаться Коррин. Наконец увидел ее в толпе: хрупкую блондинку с пытливым взглядом и волевым подбородком.

Она почти не изменилась. Молодая, деловитая, циничная и уверенная в себе.

После коротких возгласов и неловких объятий Коррин принюхалась, отпрянула и осведомилась:

— Кто облил тебя духами?

— Духами?

— От тебя разит фиалками. — Коррин твердо взглянула на него. — Так сильно, что не продохнуть.

— Странно, — заморгал Мур, — я ничего не чувствую.

— Значит, у тебя заложен нос, — решила Коррин. — Твои фиалки я еще в поезде почуяла. Берт, надо тобой заняться. Тебе не хватает материнских наставлений. Капля одеколона? Ладно, если тебе так нравится. Только не с ароматом фиалок. Мужчине он не подходит. Ты что, искупался в этих духах?

— Ну… — растерялся Мур, — рад тебя видеть. Выпить хочешь?

— Хочу, — сказала Коррин, — и очень сильно. Но не настолько, чтобы пойти с тобой в коктейль-бар. Люди подумают, что это от меня так воняет.

Раненный в самое сердце, Мур вывел сестру на улицу, после чего занялся укладкой багажа.

Вскоре он уже катил в своем седане по бульвару Уилшир. Рядом сидела Коррин. Девушка высунула голову в окно, а Мур мрачно смотрел на дорогу. Он пришел к выводу, что Коррин изменилась к худшему.

Вдруг Коррин повернулась к Муру, коснулась его руки и спросила:

— Что с машиной, Берт?

— Хм? — Мур убрал ногу с педали газа. — Была в полном порядке. А что не так?

— Шумит.

Мур прислушался.

— Ну да, двигатель шумит.

— Я не про двигатель, а про этот свист…

— Погоди, погоди, — попросил Мур и добавил после паузы: — Нет, это у тебя в ушах свистит… наверное…

Коррин окинула брата внимательным взглядом и вдруг упала к нему на колени. Мур машинально ударил по тормозам, но тут же понял, что сестра всего лишь прижимает ухо к его груди. Наконец Коррин выпрямилась и с любопытством воззрилась на брата:

— Свист исходит от тебя. Это ты свистишь. Точь-в-точь как…

— Как что?

— Полицейский. Ну, полицейский свисток. Перестань, пожалуйста. Понимаю, ты хочешь меня развеселить, но это не смешно.

— Я не свищу, — отрезал Мур.

— То есть ты не контролируешь этот свист?

— То есть нет никакого свиста!

— Ты, наверное, что-то проглотил, — вздохнула Коррин и подумала, что жители Нью-Йорка ведут себя более предсказуемо. Ты хотя бы знаешь, чего от них ожидать. Девушку обдало запахом фиалок, и она закрыла глаза.

В этот момент их нагнал полицейский. Он махнул рукой, веля Бертрану прижаться к обочине, после чего слез с мотоцикла, поставил ногу на подножку седана и открыл было рот — но тут же сжал губы и сердито уставился на Мура. Его ноздри слегка подрагивали.

— В чем дело? — осведомился Мур. — Я не превышал.

Не ответив, полицейский заглянул в салон, рассмотрел Коррин, проверил заднее сиденье и наконец спросил:

— Кто свистит?

— Это мотор, сэр, — вмешалась Коррин, не дожидаясь, когда заговорит Мур. — Клапан верхнего сальника прохудился. Мы как раз едем в

автосервис, чтобы починить.

— К… клапан верхнего сальника?

— Да, — с железной уверенностью кивнула Коррин. — Клапан сальника. Верхнего. Ну, вы поняли.

После недолгой паузы полицейский почесал в затылке и произнес:

— На вашем месте я устранил бы эту неисправность, и как можно быстрее. Вы нарушаете общественный порядок.

— Спасибо. — Девушка мило улыбнулась. — Мы все починим. Прямо сейчас. Сами знаете, как оно бывает с этими клапанами.

— Ну да. — Полицейский проводил взглядом отъезжающий седан, не спеша оседлал мотоцикл и задумчиво пробормотал под нос: — Проклятье, а где он вообще находится, этот клапан верхнего сальника?

В пути Коррин заметно разнервничалась.

У Мура был двухэтажный дом в пригороде, окруженный газоном с двумя-тремя деревьями, и еще у него был Банджо — здоровенный пес, не осознававший своих размеров. Однажды он увидел пекинеса и укоренился в заблуждении, что сам он тоже диванная собачка. В одном из колен его покрытой мраком родословной отме-

тилась колли, а посему Банджо был чрезвычайно шерстист и в совершенстве владел уникальной способностью линять круглый год. Это монструозное создание галопом выбежало из-за дома, углядело седан и мгновенно просчитало все ходы наперед.

У Банджо имелись собственные представления насчет автомобилей. Они двигаются; *эрго,* они живые, и теперь его хозяин, очевидно, стал пленником одного из этих диковинных существ. С отвагой, достойной поистине великих целей, Банджо бросился вперед и вонзил зубы в автомобильную покрышку.

Шина отозвалась грозным шипением, и Банджо, вмиг растеряв всю храбрость, поджал хвост и ретировался под сень крыльца, где и остался лежать, свернувшись в клубок, подрагивая и поскуливая.

Негромко и монотонно ругаясь, Мур выбрался из машины, которую оставил у тротуара, после чего переместил багаж на крыльцо и препроводил Коррин к парадному входу. Дверь им открыл скелет, нашедший где-то лист пергамента и бессистемно завернувший в него свои дряхлые кости. Скелет откликался на фамилию Питерс, а его имя — если у него вообще имелось имя — за-

терялось во мгле десятилетий. В хозяйстве Мура Питерс исполнял функции дворецкого, слуги, разнорабочего и мастера на все руки, а последние сорок лет только и делал, что старился, причем самым неопрятным образом. По меньшей мере двадцать лет из этих сорока его с нетерпением ожидали на том свете, и Мур не без оснований подозревал, что по выходным Питерс прогуливается под окнами похоронных контор и корчит потешные рожи их владельцам.

— Ха, — сказал Питерс не без злорадства, — вижу, у вас колесо спустило.

Коррин с удивлением уставилась на него, но старик явно обращался не к ней.

— Да, — ответил Мур, — спустило. Чертов пес прогрыз.

— Я починю, — пообещал Питерс, а затем взглянул на девушку и внезапно сошел с ума: впалый беззубый рот затрясся, морщинистое лицо с негромким похрустыванием разъехалось в ужасающей ухмылке, и дворецкий звучно закудахтал по-куриному: — Ну и ну! Мисс Коррин! Глазам не верю, вот это сюрприз!

— Сюрприз? В смысле? — холодно осведомился Мур. — Вы же знали, что она приезжает в гости.

Но Питерс, чьи скелетные кости содрогались

от старческого веселья, проигнорировал столь грубую попытку остудить его пыл.

— Ха! — приговаривал он. — Давненько не виделись, мисс Коррин, давненько, и вы совсем не та, что раньше!

— А вы, — ответила Коррин, — ни капли не изменились.

Сокрытый в ее реплике юмор едва не добил старика. Вконец обезумевший, он эксцентрично заплясал вокруг чемоданов, то и дело присвистывая и всплескивая руками. Оставив Питерса наедине с его восьмидесятилетними причудами, Мур проводил Коррин в комнату, прилегавшую к прихожей.

Супруга Мура — миниатюрная Сьюзан, все еще красивая, но несколько склонная к полноте и истерии, — рассеянно раскладывала пасьянс. Она утверждала, что ничего не смыслит в алгоритмах, на которых зиждится мир, хотя в совершенстве овладела алгоритмом приготовления пищи; однако по-настоящему многосложные концепции — вроде пылесоса, радиоприемника или пасьянса — никогда не укладывались у нее в голове. Но сегодня, несмотря на карточную неразбериху, Сьюзан не сплоховала и поприветствовала Коррин гостеприимной улыбкой.

Когда обмен любезностями подошел к концу, Сьюзан принюхалась и радостно воскликнула:

— Ой, фиалки! Это мне?

— Хочу тебя кое о чем спросить, Сьюзан, — сказала Коррин. — Ты слышишь что-нибудь необычное?

— Необычное? Нет, — помотала головой Сьюзан, — ничего необычного. А что?

— Даже свиста не слышишь?

— А, свист, — просияла Сьюзан. — Свист я слышу. Но что в нем необычного? Самый заурядный свист.

Коррин закрыла глаза, отдышалась и наконец сумела выговорить:

— Тебе известно, откуда он исходит?

— Нет. А тебе?

Мур, недовольный таким поворотом беседы, хотел было вмешаться, но обернулся, когда за спиной у него раздались пренеприятнейшие щелчки и похрустывания. Стоя на пороге комнаты, Питерс манил хозяина рукой.

— Вы не могли бы хрустеть потише? — раздраженно спросил Мур, приблизившись к дворецкому. — Такое впечатление, что где-то неподалеку петарды взрывают.

— Да-да, именно такое впечатление, — со-

гласился Питерс, с довольным видом созерцая узловатые костяшки пальцев. — Я набрал для вас ванну.

На мгновение Мур озадачился: какую еще ванну? Но тут его осенило.

— Ах, ванну, — обтекаемо сказал он. — Но разве я просил набрать мне ванну?

— Еще и соли добавил, — соблазнял его Питерс. — Для ванн. Очень много соли.

— Господи боже, ну с какой стати я сейчас полезу в ванну? — спросил Мур.

— С такой, что от вас сильно пахнет, — ответил Питерс, окончательно разрешив спор.

Стараниями Сьюзан ужинали в приличном обществе: супругу Мура всегда беспокоил незамужний статус Коррин, поэтому она, пользуясь случаем, пригласила к столу молодого человека по имени Стив Уотсон, вполне подходящего на роль жениха. Этот выдающийся образчик американской молодежи с его раскатистым сердечным хохотом и слабостью к зеркалам никогда не вызывал у Мура особенно теплых чувств.

Кто-то впустил Банджо в дом. Спустившись вниз, вымытый и выбритый Мур столкнулся с мастодонтовой псиной; в припадке слепой любви Банджо набросился на ошалевшего хозяина и

едва не сбил его с ног.

— Лежать, черт тебя дери, — злобно пробурчал Мур. — Взял бы уже да сдох. Брысь!

Но Банджо не понял намека. В мохнатую тварь как будто вселился демон: пес гарцевал вокруг Мура на задних лапах и принюхивался изо всех сил, пока хозяин не схватил его за ошейник и не вышвырнул в ночную тьму под громкий протестующий скулеж.

После этого Мур привел в порядок свою одежду и отправился к остальным. Коррин и Стив Уотсон вели оживленную беседу, а Сьюзан с блаженным видом сидела в углу и любовалась этим зрелищем.

— Вы только гляньте, кого ветром принесло! — вскочил Стив. — Ну, здравствуйте. Как пожи…

Вдруг он умолк, и комната погрузилась в мертвую тишину.

— Какой душок своеобразный, — заметила наконец Сьюзан. — Разве у нас на ужин рыба?

Мур принюхался, но не учуял ничего подозрительного. Коррин же рассматривала брата с крайне скептическим выражением лица.

— Рыба? — переспросила она. — На ужин? Сомневаюсь, Сьюзан. Настолько дохлую рыбу вы бы подавать не стали.

Сьюзан позвала Питерса. Через некоторое время он, шаркая ногами, явился в гостиную.

— У нас что, рыба на ужин? — спросила Сьюзан.

— Нет, — твердо ответил Питерс. — Но у кого-то рыба. Хоть и не на ужин. — Обернувшись, он уставился на Мура и с укором произнес: — Как вижу, вы не стали принимать ванну.

— Откройте окна, Питерс, — велела Сьюзан, и окна были открыты, но это не помогло.

В комнате стоял явственный запах рыбы, давным-давно умершей от старости.

— Говорю же, ветром принесло, — восстановил самообладание Стив и с улыбкой шагнул навстречу хозяину дома. — Давненько не виделись, старина!

Мур с неприязнью посмотрел на протянутую ладонь и молча пожал ее. В тот же миг Стив издал пронзительный вопль, отпрыгнул и неистово затряс рукой. В горле у него забурлили проклятия, и лишь ценой нечеловеческих усилий он не дал им выплеснуться наружу.

— Боже мой, что с вами, Стив? — спросила Сьюзан.

— Ха-ха! — Стив попробовал изобразить улыбку. — Что, Берт, ни дня без шутки? Как вы это

устроили? Чуть пальцы мне не сожгли. — И он подул на пальцы.

— О чем вы? — сварливо осведомился Мур.

Ему не нравились розыгрыши, особенно бессмысленные. Но Стив, как видно, вознамерился довести шутку до победного конца. Стремительным движением он схватил Мура за руку и проинспектировал его ладонь.

— Странно, — сказал он после паузы. — У вас что, провода в рукаве?

— Зачем мне провода в рукаве? — вопросил Мур.

— Ой, да ладно. — Стив сделал обиженное лицо. — Как хотите. Но шутка была не очень смешная.

— Рад, что вы это поняли, — едко ответил Мур, поглядывая на озадаченные лица Сьюзан и Коррин.

В гостиной появилась иссохшая фигура Питерса.

— Ужин подан, — объявил дворецкий и удалился, бормоча что-то насчет соли для ванн.

Нельзя сказать, что ужин увенчался безоговорочным успехом. Возможно, чайка проглотила бы его с большим аппетитом, но не следует забывать, что чайки питают слабость к рыбе во всех

ее ипостасях. Сидевшие за столом, однако, оказались разборчивее чаек: Сьюзан и Коррин крепко прижимали к дрожащим ноздрям носовые платки, а ничем не защищенный Стив ел очень мало и все сильнее бледнел.

Вдобавок ко всему где-то рядом — буквально рукой подать — завыла сирена. Коррин бросила изумленный взгляд на живот Мура, зажмурилась, глубоко вздохнула и поняла, что вздох был неуместен. Сьюзан, к счастью, не обратила особого внимания на сирену, поскольку привыкла к тому, что время от времени отовсюду доносятся разнообразные звуки, а концепция радио выходила за пределы ее понимания.

Несчастный Стив вскоре откланялся, условившись, что назавтра проведает Мура на работе. По крайней мере, он на это надеялся. Инфернальная сирена продолжала оглушительно улюлюкать, и Стив был почти уверен, что ответственность за этот звук лежит на хозяине дома. Он пришел к выводу, что Мур то ли сходит с ума, то ли приобрел неукротимое пристрастие к розыгрышам.

Коррин и Сьюзан отправились спать пораньше. Сьюзан решила лечь в одной комнате с золовкой, и та, исполнившись сочувствия, не стала возражать. Что касается Питерса, его застукали,

когда он тайком обрызгивал спальню Мура лизолом. Мур велел ему проваливать к чертовой матери, после чего сердито разделся. У него уже начиналось похмелье, к тому же он пытался ответить на несколько загадочных вопросов. По всей видимости, кто-то рехнулся: то ли он, то ли весь остальной мир. Кроме того, Мура изводило неприятное воспоминание о бородатом карлике, который грозил ему — чем? Каким-то проклятием Протея? «Чума на все твои пять чувств»?

Мур принял таблетку аспирина и завалился спать. В доме наступила тишина, прерываемая оглушительными завываниями агонизирующей сирены.

На следующее утро Мур дал деру, пока не проснулись Сьюзан и Коррин. Провел краткую воспитательную беседу с Банджо (тот был озадачен резким жужжанием, исходившим из хозяйского живота). Чарующий аромат тухлой рыбы сменился сильным запахом персиковых цветков, не взывающим к утонченным собачьим вкусам. Банджо нерешительно обвил языком протянутую руку Мура, после чего ускакал прочь.

Заметно взбодрившись благодаря холодному душу и ресторанному кофе, Мур вошел в юридическую контору и даже улыбнулся секретарше,

опасно красивой брюнетке с непростыми глазами. Аморальные у нее глаза, иной раз думал Мур.

— Доброе утро, — оживленно поздоровалась секретарша. — Как поживаете?

— Прекрасно, мисс Брендон, — ответил Мур. — Что у меня по расписанию?

— Через полчаса встреча с мистером Уотсоном. Он звонил…

— Ах да. — Муру вспомнились прощальные слова Стива.

Опечаленный тем, что вскоре предстоит лицезреть крупную и оскорбительно пышущую здоровьем физиономию мистера Уотсона, он вошел в кабинет, плюхнулся за стол и стал разбирать почту.

Дела шли небыстро. Мур размышлял над какими-то юридическими бумагами, когда зажужжал интерком и секретарша возвестила, что явился мистер Уотсон.

— Пусть войдет, — разрешил Мур.

Дверь отворилась. Стив встал на пороге и улыбнулся — дескать, что было, то прошло. Протянулась его ладонь, готовая к сердечному рукопожатию. Он открыл рот и тотчас закрыл.

— Что ж, — сказал Мур, — входите. Присажи-

вайтесь.

Стив послушался, но не до конца. Он осторожно вошел в кабинет, а садиться не стал. Вместо этого пригнулся, налег здоровенным туловищем на стол и недоумевающе уставился на Мура.

— Ну а теперь-то в чем дело? — осведомился Мур.

Стив едва заметно вздрогнул. Обвел глазами кабинет, отступил к двери и окликнул мисс Брендон. Та появилась в дверном проеме:

— Да?

— Вы сказали, что мистер Мур у себя.

— Ну да, у себя. Я…

— Его тут нет, — решительно заявил Стив. — Тут никого нет. Только гусь.

Мур разразился чередой проклятий, в которых широко фигурировало имя Стива.

— Слышали? — спросил Стив. — Он на меня гогочет.

Распахнув глаза, мисс Брендон вошла в кабинет и посмотрела на Мура. Тот ответил ей свирепым взглядом.

— Ой, и правда гусь! — воскликнула мисс Брендон. — Наверное, в окно залетел.

— Он домашний, а домашние гуси не летают, — возразил Стив. — Где же мистер Мур?

— Должно быть, вышел на минутку, — ответила сбитая с толку мисс Брендон. — Не желаете ли его подождать?

— Вы уволены! — выкрикнул Мур. — Что касается вас, Стив, сделайте одолжение, ступайте ко всем чертям! А я отправляюсь выпить. — В гневе он вскочил, промаршировал между застывшими фигурами Стива и мисс Брендон и открыл дверь, после чего захлопнул ее у себя за спиной и отбыл из конторы.

Оставшиеся с тревогой переглянулись, и Стив провел языком по пересохшим губам.

— Дверь, — сказала мисс Брендон. — Она открылась сама собой.

— Ну да, — кивнул после паузы Стив. — Когда к ней подошел этот гусь. Здесь творится что-то очень странное. Пожалуй, я не стану ждать мистера Мура. Как бы он льва с собой не привел. Или гориллу. До свидания, мисс Брендон.

Гусь тем временем проковылял по коридору и остановился перед лифтом. Дотянуться до кнопки вызова он не мог, но та все-таки вжалась в стену под давлением невидимого пальца. Вскоре прибыла кабина, открылась дверь, и цветной парнишка удивленно завертел головой, после чего возвестил:

— Ехаем вниз!

Мур вошел в лифт и понял, что лифтер смотрит на него, выпучив глаза.

По шахте зловещим эхом прокатился саркастический гогот. Недоумевающий парнишка закрыл дверь, опустил решетку и доставил пассажира в фойе, где гусь покинул лифт и чинно направился к ближайшему бару.

По неизвестной причине Мур то и дело вспоминал бородатого карлика. Он понял, что бесчисленные прохожие вновь бросают на него любопытные взгляды. Проклятье, что же с ним не так? Еще вчера вечером он вел разумную и упорядоченную жизнь, но теперь…

В голову постепенно закрадывалось подозрение, что дело плохо.

В баре он столкнулся со значительными трудностями. Бармен не желал принимать его заказ. Более того, он полностью игнорировал Мура, несмотря на лаконичные требования, произносимые тоном, способным пробудить любого бармена от самой глубочайшей апатии. Наконец Мур в сильном раздражении отошел от стойки и уселся за столик, но не успел собраться с мыслями, как по обе стороны от него разместились двое крупных подвыпивших джентльменов.

— В зале полно свободных мест, — резко произнес Мур. — Зачем садиться сюда? Этот столик занят.

Мужчины переглянулись, и один спросил:

— Джимми, ты это слышал?

— Да, — ответил Джимми, — слышал. И надеюсь, что больше никогда не услышу.

— У тебя что, несварение? — с надеждой спросил его приятель.

— У меня — нет, — помотал головой Джимми. — И у тебя тоже нет. Такой звук, наверное, мог бы издать слон. Или… или… — Он никак не мог нащупать нужное слово.

— Дюгонь? — пришел на выручку приятель.

Джимми обдумал этот вариант.

— Джо, — сказал он наконец, — а что такое дюгонь?

— Что-то вроде тюленя, — объяснил Джо.

Джимми смерил его долгим недовольным взглядом, покачал головой и торжественно заявил:

— Нет, это был не дюгонь. Смотри, вон официант. Официант, принесите скотч. Два скотча.

Завидев официанта, Мур решил обострить ситуацию. Ему не хотелось сидеть за одним столиком с двумя пьяными. И это был его столик.

Его право на этот столик было приоритетным. Поэтому он потребовал…

Но официант не стал его слушать. Изумленно взглянув на Джимми и Джо, он в спешке удалился.

— Снова этот шум, — тихо сказал Джо, сдерживая тревогу.

— Я слышал, — ответил Джимми. — Надо сохранять спокойствие. Если есть шум, значит есть и его источник.

— Если? — переспросил Джо. — Ты же прекрасно знаешь, что этот шум не выдумка.

— Ну ладно, — миролюбиво сказал Джимми, — шум не выдумка. Он…

— Никудышные горькие пьяницы, вот вы кто, — с досадой проворчал Мур.

Словно по команде Джимми и Джо посмотрели на стул между ними. Какое-то время они хранили молчание, а потом Джо безжизненно произнес:

— Это гусь.

— Откуда тебе знать, что это гусь? — поинтересовался Джимми, на которого нашла охота поспорить. — Гуси по барам не ходят.

— Откуда мне знать, что это гусь? — иронически повторил Джо. — Сам посмотри. Если это не гусь, то кто?

— Вполне может быть гусыня, — поддался Джимми приступу вдохновения.

Мур решил, что с него хватит. Не дожидаясь своей выпивки, он вскочил со стула и пустился в бегство, а Джимми и Джо погрузились в бесплодный спор о гусях и гусынях.

Он чуть не столкнулся с Коррин и Сьюзан: те возвращались из юридической конторы Мура, не застав его на рабочем месте.

— Ой! — сказал он, затормозив перед дамами. — Здравствуйте.

И получил болезненный пинок в живот. Сьюзан пронзительно взвизгнула и глянула вниз. Под ногами у нее оказался гусь, судорожно хлопающий крыльями.

— Господи боже! — воскликнула Сьюзан. — Бедняжка! Я на него чуть не наступила.

Мур едва не задохнулся от гнева. Кое-как перевел дух и с горечью произнес:

— Сьюзан, это не смешно. Ни капли не смешно. Да что с тобой такое?

— Ему больно, — сказала Сьюзан. — Только послушай, как он разгоготался.

И тут она сотворила нечто ужасное: нагнулась, взяла ошеломленного мужа на руки и стала укачивать, как младенца. Сознание Мура хрустнуло

и надломилось; он вцепился в остатки рассудка, но тщетно. Проявив невообразимую ловкость рук, эта фокусница подняла мужчину весом сто шестьдесят фунтов и теперь укачивала его на углу Бродвея и Седьмой улицы.

Мур попробовал вырваться. Бесполезно.

— Поставь меня на место! — попросил он, едва не сорвавшись на крик. — Проклятье, Сьюзан, хватит дурачиться! Поставь меня, а не то…

— Ой, бедняжка так перепугался, — мурлыкала Сьюзан. — Может, он голодный? Коррин, чем питаются гуси?

— Не знаю, — ответила Коррин, наблюдавшая за действом со смешанными чувствами. — Если судить по виду, конкретно этот питается своими гусятами. Или человечиной. Будь осторожнее.

Но совет запоздал. Завидев в соблазнительной близи пухлую часть обнаженной руки своей супруги, Мур поступил не по-джентльменски. Проще говоря, укусил ее. Вскрикнув, Сьюзан выпустила мужа, и тот тяжело шлепнулся на тротуар.

— Пришли гуси — пощипали, — сказала Коррин. — Сильно болит?

— Нет, — ответила Сьюзан, инспектируя укушенное место. — Но должна сказать, что у тебя

странное чувство юмора.

— И у гуся тоже, — подхватила Коррин. — Ты погляди на этого негодника — ишь как припустил!

Мур мчался по улице в панической попытке отделаться от жены. «Франкенштейнов монстр, а не женщина, — лихорадочно думал он. — Что же в нее вселилось? Откуда взялись эти невероятные силы? Надо же, пятнадцать лет прожил под одной крышей с этой амазонкой!»

Мур вздрогнул и удвоил скорость.

* * *

Вдруг у него на пути возник Стив Уотсон — он возвращался в контору Мура, проглотив для храбрости порцию ржаного виски. Стив всегда быстро соображал, а посему вник в ситуацию с первого взгляда. Прямо на него несся гусь — тот самый гусь, которого он видел раньше, — а в десяти футах от него стояли Сьюзан и Коррин.

Очевидно, гусь был домашний: должно быть, из хозяйства Муров. Стив не знал, что Муры занимаются разведением птицы, но предположил, что Бертран купил эту особь в качестве сюрприза для жены. А что, некоторые так поступают. Стив и сам однажды приобрел аллигатора, которого отправил почтой другу в подарок. Увы, получатель

так и не набрался храбрости, чтобы отплатить дарителю доброй оплеухой.

Стив проворно изловил гуся и повернулся к дамам, сверкая улыбкой.

— Поймал! — торжествующе воскликнул он. — Видите, я всегда появляюсь вовремя! — Он приблизился к Сьюзан. — Это ваш гусь, верно?

В этот стратегически важный момент заклятие, наложенное бородатым карликом, временно выветрилось и к Муру вернулся облик, принадлежавший ему по праву рождения. Стив с ужасом понял, что падает под весом крупного и оказывающего энергичное сопротивление мужчины.

Мур не стал тратить время на пустые раздумья. Он сидел верхом на Стиве — тот распростерся на тротуаре и боялся шевельнуться, — и сейчас было самое время совершить убийство, и Мур сделал все, что мог: погрузил пальцы в горло и стал душить…

…Но тут Сьюзан узнала своего мужа. Да, его появление было в какой-то мере неожиданным, однако Сьюзан решила, что Бертрам выпрыгнул из ближайшего окна и налетел на Стива в припадке безумной ревности. Громко протестуя, она бросилась вперед и попыталась оттащить благоверного от задыхающейся жертвы.

— Уйди, — бросил Мур через плечо. — Через минуту я освобожусь.

Коррин предупреждающе свистнула и выкрикнула:

— Бежим! Казаки!

Сквозь растущую толпу протолкалась тучная фигура в синей форме. Мур почувствовал, как его отрывают от лежащего на асфальте Стива. Тот никак не мог отдышаться. Прибыли новые полисмены.

— Вам, — сказал первый полицейский, — необходимо пройти со мной.

Из толпы указали на Сьюзан:

— Она ему помогала!

Сьюзан и Стива тоже взяли под стражу. Коррин, чувствуя себя слегка чокнутой, попробовала вызволить пленников: дернула первого полисмена за рукав, соблазнительно улыбнулась и с чувством объяснила:

— Совсем не обязательно их арестовывать. Они мои друзья. Просто… э-э-э… дурачились.

— Ах, вот как, — сказал полисмен. — Друзья, говорите? А вы, помнится, обозвали меня казаком? Что ж, судья Стюрм будет счастлив с вами познакомиться.

Горацио Стюрм — непогрешимый судья и за-

писной щеголь, одетый с иголочки, — сидел за судейским столом и рассматривал ногти. Уже много лет он украшал своим присутствием этот зал; не счесть нарушителей закона, повидавших это добродушное лицо с тонкими чертами и обманчивой улыбкой.

Теперь Горацио Стюрм поднял голову и не слишком любезно воззрился на четверых новоприбывших:

— Доброе утро. Чем могу помочь?

— Обвиняются в нарушении общественного спокойствия, ваша честь, — объяснил полисмен, производивший задержание.

— Тише, тише. — Судья Стюрм грозно поднял палец. — Какая необходимость вести разговор на столь неприятных тонах? Давайте лучше мило побеседуем. Зачем упускать такую возможность? В конце концов, мы не скоро увидимся с этими нарушителями. Очень, очень не скоро, — повторил он с некоторым злорадством.

— Ваша честь, — сказал без обиняков Стив, — на меня напали. Я…

— На вас? — Судья Стюрм изумленно вскинул брови. — Немыслимо. Если бы эти слова исходили от присутствующих здесь очаровательных дам, я бы охотно поверил. Хотите сказать, что на

вас напала одна из этих очаровательных особ? Или сразу обе?

— Нет, ваша честь, — возразил Стив, ошарашенный предположением судьи. — Это он на меня напал. Вот этот человек.

— То есть нападающей стороной были вы? — Судья Стюрм перевел заинтересованный взгляд на Мура. — Мистер Мур, вы же адвокат, и вам известно, какими бывают последствия столь опрометчивых поступков. Не далее как на прошлой неделе вы защищали клиента, обвинявшегося в оскорблении действием.

— Мои действия были оправданны, — сказал Мур. — Он… взял меня на руки.

— Это ложь, — отрезал Стив. — Я взял на руки гуся.

Судья Стюрм прищурился, внимательно обследовал ногти, снова поднял глаза на четверку перед судейским столом и негромко произнес:

— Прошу прощения. Пожалуй, я становлюсь глуховат. Что неудивительно, ведь мне приходится выслушивать массу лживых рассказов. — Он сделал многозначительную паузу. — Хотите сказать, что вы приняли мистера Мура за гуся? Или наоборот?

— Он выпрыгнул из окна. — Сьюзан решила

внести в дело хоть немного ясности.

Судья устремил пытливый взгляд на супругу Мура.

— Ваши речи двусмысленны, — заявил он, — а показания неоднозначны. В этой загадке фигурируют трое действующих лиц: мистер Мур, вот этот джентльмен, ставший объектом нападения, и некий гусь. Вы хотите сказать, что один из них выпрыгнул из окна? И если да, то кто именно?

— Бертрам, — уточнила Сьюзан. — Мой муж. Мистер Мур.

— О каком окне идет речь? — спросил судья Стюрм после долгих раздумий.

— Не знаю. — Сьюзан озадаченно развела руками. — Я не видела. Сперва Бертрама там не было, а потом он взял и появился.

Судья глубоко вздохнул и повернулся к Коррин:

— Юная леди, вы до сих пор не произнесли ни слова. Подозреваю, что вы единственный здравомыслящий участник сего квартета. Не соблаговолите ли изложить вашу версию этих постыдных событий?

Коррин провела языком по губам. Ей нездоровилось. Она истосковалась по тишине и спокойствию Таймс-сквер и нью-йоркской подземки.

Однако, взяв себя в руки, она выпалила:

— В общем, мы с миссис Мур гуляли по Бродвею, и она наступила на гуся. Взяла его на руки, а гусь ее ущипнул. После этого появился мистер Уотсон. Он тоже подхватил гуся на руки, потому что тот удирал…

— Стоп! — перебил ее судья. — Достаточно. Более чем достаточно. Скажите, Хорган, действительно ли было необходимо задерживать этих людей?

— Я свои обязанности знаю, ваша честь, — флегматично произнес Хорган.

В этот момент Мур решил, что дело зашло слишком далеко. Он шагнул вперед и тихо обратился к судье:

— Позвольте объясниться, ваша честь. На самом деле все очень просто. Я вышел из себя. В этом не виноват никто, кроме меня, и я признаю свою вину.

— Так-то лучше, — удовлетворенно хмыкнул судья. — Похоже, вы по-прежнему в своем уме. Но почему вы вышли из себя? Все еще настаиваете, что этот человек взял вас на руки?

— На самом деле все началось раньше, — объяснил Мур. — Когда меня взяла на руки моя жена.

Судья Стюрм справился с зарождающимся

приступом кашля, схватил судейский молоток, задумчиво посмотрел на него и промолвил:

— Можете отойти от моего стола, мистер Мур. И отойдите подальше. Не хочу, чтобы вы стояли рядом. От этого может пострадать моя репутация. Вы действительно хотите сказать, что эта молодая дама… предположу, что она ваша супруга… Нет, я не желаю об этом говорить.

Настороженный взгляд судьи на мгновение задержался на Сьюзан, а потом медленно переместился влево, где и остановился. Глаза Стюрма подернулись тусклой пеленой, он вмиг осунулся и постарел.

— Хорган, — тихо спросил он, — а где мистер Мур?

— Мистер Мур, ваша честь? Так вот же он, перед вами.

— Нет, Хорган, — прошептал судья, — мистера Мура здесь больше нет. Одно из двух: или он превратился в козла, или, проявив невероятную ловкость рук, поставил на свое место упомянутое животное, а сам скрылся от правосудия. Как бы то ни было, в зале суда сейчас находится самый настоящий козел.

— Ваша честь! — возмутился Мур. — Я протестую! И отказываюсь выступать в роли объекта

розыгрышей!

— Вот, теперь он на меня блеет, — прошептал судья Стюрм тише прежнего. — Вы только послушайте.

— Козлы не блеют, ваша честь, — возразил Хорган. — Блеют овцы.

Судья долго разглядывал Хоргана, и того бросило в пот. Наконец Горацио Стюрм поднялся из-за стола и направился к двери.

— Ваша честь! — потрясенно воскликнул Хорган. — Вы что, уходите?

— Да, ухожу. А что, вас это не устраивает?

— Но как же подсудимые? — спросил Хорган с ноткой отчаяния.

— Хорган, — сказал судья вежливым и даже благожелательным тоном, — вы же слышали, как мистер Мур признал свою вину. И добавил, что все остальные невиновны. Теперь же, как мы видим, мистер Мур превратился в козла. Я назначаю ему штраф: десять долларов, включая судебные издержки. Вы, Хорган, можете взыскать с него эту сумму.

Едва заметно пошатываясь, судья Стюрм удалился к себе в кабинет, где долго и жадно пил из коричневой бутылки. В тот день он больше никого не судил — пожалуй, к лучшему для об-

виняемых.

Тем временем Мур, бормоча проклятия, приблизился к Хоргану и попытался вручить ему десять долларов, но, вместо того чтобы взять деньги, полицейский стал толкаться и восклицать:

— Уходи! Кыш!

Наконец Мур оставил напрасные попытки уплатить штраф. Сьюзан, Коррин и Стив уже удалились, Мур уныло последовал за ними. Вышел из мэрии и вдруг понял, что находится в одном квартале от вокзала «Юнион депо».

По какой-то необъяснимой причине Мура потянуло на пустырь. Прохожие держались от него на почтительном расстоянии, и им овладело непривычное одиночество. Он зорко высматривал полисменов, но, по счастью, не увидел ни одного человека в синей форме.

Добравшись до вокзала, Мур перешел дорогу и стал бродить по пустырю. Неужели тут действительно была куполообразная таверна? Конечно нет. Это невозможно.

К его ногам, подмяв траву, прибилось перекати-поле с парой блестящих злобных глазок. Мур подумал, что спутанный клубок белоснежных завитков выглядит знакомо, и утвердился в этой

догадке, когда увидел заскорузлую коричневую ручонку.

— Козел из тебя неважный, — проворчал карлик. — Я бы даже сказал, шелудивый. Что теперь скажешь про иллюзии?

Мура затошнило, голова закружилась от жаркого солнца. Наверное, все это ему мерещится.

— Ну? — спросил карлик. — Прав я был или нет?

— Да, — ответил Мур после паузы. — Вы были правы. Или же я начисто спятил.

— Успокойся, ты не спятил. Это обычная магия. Чары иллюзии, вуаль Протея. А я волшебник — ну, в каком-то смысле.

— А вы… можете снять проклятие? — сорвался вопрос у Мура с языка.

— Ясное дело. Я же не собирался всю жизнь тебе испортить. Просто захотелось проучить. На, держи. — Карлик протянул ему хрустальную бутылочку. — Просто выпьешь, и все. Нет-нет, не сейчас. Подожди, пока не примешь свой обычный вид. Это *эликсир потентис*. Проглоти, и снова будешь в норме.

— Ага. — Мур забрал у карлика склянку. — Спасибо.

— Не за что. Главное, не спеши. Если выпьешь

эликсир прямо сейчас, на всю жизнь козлом останешься. Он же не меняет тебя, а просто замораживает в нынешней форме. Прежде чем откупорить бутылочку, убедись, что другие тоже видят в тебе человека. Будь осторожен. Это тебе не игрушки, а… иллюзии.

Последнее слово превратилось в дуновение ветерка, карлик исчез, и по пустырю закувыркалось самое обычное перекати-поле.

Какое-то время Мур разглядывал бутылочку, потом сунул ее в карман и побрел прочь. Теперь надо ждать, пока он не примет свою обычную форму. Но когда же это произойдет?

Он кое-как добрался до дома. Завидев хозяина, Банджо взвыл от ужаса и пустился в бегство. Мур потихоньку вошел через заднюю дверь и оказался на кухне.

Там его приветствовал Питерс. Стариковское лицо оставалось невозмутимым, но Мур знал, что Питерс с одинаковым стоицизмом лицезрел бы хоть человека, хоть козла, хоть кашалота. Поэтому существовал только один способ во всем убедиться.

— Здравствуйте, Питерс, — осторожно сказал Мур. — Моя супруга… Она уже дома?

— О да, — ответил Питерс. — Делает себе кок-

тейль. А мисс Коррин уезжает. Возвращается в Нью-Йорк. Жаль, что она так недолго у нас погостила.

У Мура словно гора с плеч свалилась. Он схватил Питерса за руку:

— Скажите, я нормально выгляжу? То есть как обычно?

Питерс подтвердил, что Мур похож на самого себя, после чего удалился из кухни. Со вздохом глубочайшего облегчения Мур извлек из кармана виал с эликсиром и вытащил пробку.

— Бертрам! — позвала Сьюзан из глубин дома. — Это ты?

На мгновение Мур растерялся, после чего проглотил эликсир, бросил пустую склянку в мусорное ведро под раковиной и повернулся к двери.

Та распахнулась. Вошла Сьюзан. Замерла на пороге и выронила бокал, который разлетелся вдребезги.

— Не пугайся, это всего лишь я, — улыбнулся Мур.

Но Сьюзан, не слушая его, развернулась и выбежала из кухни. Ее вопли эхом прокатились по коридору и отозвались у Мура в ушах:

— Питерс! Коррин! Спасите! Вызывайте поли-

цию! У нас там лошадь!

Допуск на ошибку

У Фергюсона уже возникало это чувство, но таким сильным оно не бывало никогда. Прежде он не раз ощущал, как в сознании сквозит легкая тревога, но та исчезала быстрее, чем ее удавалось распознать. Однако раньше он не разговаривал с Бенджамином Лоусоном.

Теперь же тревога задержалась, собралась с силами, пробила броню сознания и достучалась до самой сути Фергюсона. Пора освободить ее и дать ей имя.

Имя? У подобных тревог не бывает имен.

Был когда-то в ходу афоризм: социальный кризис порождает человека, способного преодолеть этот кризис. Или не было такого афоризма? Пару секунд Фергюсон нащупывал гипотетический колышек, желая повесить на него смутные подозрения, но попытка не увенчалась успехом. Отринув замешательство, он с подозрением посмотрел в глаза Бенджамину Лоусону, и тревога послушно унялась. Ее заметили. Теперь можно подождать.

Из недолгой экскурсии в подсознание Фергюсон не вынес почти ничего полезного — разве что

рассмотрел в Лоусоне нечто неблагонадежное и укрепил веру в свою интуицию. Разум не имел здесь права голоса. Фергюсон попросту знал — по-настоящему знал, — но понятия не имел, что именно он знает.

Он сообразил, что уже много лет ждал этой встречи… с кем?

С Бенджамином Лоусоном.

Он помнил, как все началось.

В одном из кабинетов СЛП телевизор назойливо зажужжал, и экран вспыхнул ярко-красным. Мистер Грег Фергюсон, чьей квалификации с избытком хватало для должности вице-президента, машинально включил дешифратор и подмигнул посетителю. До эпохи контроля за атомной энергией Фергюсона непременно сочли бы правонарушителем, но здесь, в СЛП, он стал неотделимой и весьма полезной шестеренкой общественного механизма. Его вовсе не беспокоил тот факт, что в компании служат еще четыреста девяносто девять вице-президентов.

Что касается аббревиатуры СЛП, она расшифровывалась как Федеральное бюро страхования, лотерей и попечительства.

— Рядом с именем мистера Фергюсона стоит метка «свободен», — сообщил голос. — Требуется

рассмотреть предполагаемый акт мошенничества.

— В неведении сей глупый инструмент, — заметил Фергюсон. — Нашу контору не обманул бы сам Калиостро. Но да, попытки случаются.

На экране появился желто-голубой символ воспроизведения.

Мистер Дэниел Арчер радостно улыбнулся. По профессии он был посредником, то есть адвокатом, социологом, секретарем и рекламным агентом в одном лице. Арчер работал на политика по имени Хайрам Рив. Именно поэтому он уже полчаса сидел в кабинете у Фергюсона, выслушивая его малоубедительное бахвальство о безупречности СЛП.

— Вагнер… — начал телевизор.

— Передайте роботу, что ему пора в отпуск, — велел Фергюсон. — Не Вагнер, а Бен Лоусон. Я прав, мистер Арчер?

— Совершенно верно, — кивнул тот. — Разумеется, сигнал может оказаться ложным, но мы предпочитаем не рисковать. За всех не скажу, но лично для меня риск неприемлем.

Фергюсон задумался, а экран озадаченно порозовел, после чего замигал всеми цветами радуги в поисках записи с Беном Лоусоном.

Посредники не впервые консультировались с Фергюсоном. По своей природе все они были педантичными дознавателями — в ином случае их шефы не удержались бы у власти. Вопрос «казенной кормушки» не играл для них особой роли, поскольку услуги хорошего посредника пользовались неизбывным спросом и любой человек этой профессии был вправе переметнуться от одного патрона к другому, случись тактическим решениям шефа разойтись с принципами здравой социологии. Арчер был невысоким толстяком с циничной ухмылкой и умным взглядом.

— Дело Вагнера, — заговорил Фергюсон, пока они ждали. — Простое дело, если не сказать простейшее. Тогда я действовал по плану «Самоубийство». Вагнер все просчитал. Разве что не был уверен, что ему выдадут полис…

— Думаю, в этом сомневается любой нечистый на руку клиент.

Фергюсон решил, что Арчер валяет дурака. Ну и пусть. Сам Фергюсон любил поговорить о принципах СЛП и специфике своей работы. Ему не приходило в голову, что эта любовь произрастает из желания очистить совесть.

— Вот именно. В общем, когда заявление одобрили, Вагнер изрядно удивился. Двойная ком-

пенсация в случае самоубийства, совершенного любым способом. Предположу, что с тех самых пор он пытается перерезать себе горло. Кстати говоря, теперь Вагнер хочет купить страховку от несчастных случаев и гражданской ответственности. Похоже, боится случайной смерти — ведь от нее он не застрахован.

— И ему продадут этот полис?

— Почему бы и нет? Я же озвучил усредненную процентовку. На несчастном случае мы не проиграем, мистер Арчер. Это исключено. А вот и запись с Лоусоном. Давайте посмотрим.

Арчер подсел к телевизору. В его спокойных глазах загорелся огонек. На экране появился захолустный офис СЛП. Клерк — самое заурядное «лицо компании» — вставал из-за стола, приветствуя вошедшего клиента. Фергюсон тронул рычажок на вспомогательном мониторе и бегло просмотрел материалы дела, собранные и отсортированные служебными роботами:

«Мозговое излучение в норме… подозрительные сигналы гландулярного аппарата отсутствуют… надпочечники работают в нормальном режиме… температура тела стабильная, 37,1, что приемлемо для клиента после легкой физической нагрузки…»

— Уверен в себе, — сказал Фергюсон. — Все просчитал, замыслил идеальное преступление, но ему так только кажется. Это он?

Арчер кивнул, и оба стали рассматривать Лоусона, самого обыкновенного юношу, напоминавшего штамповку, на чьей матрице значилось бы «Идеальный образчик молодежи, здоров душой и телом», крепкого голубоглазого блондина с приятной улыбкой и, предположительно, полным отсутствием забот.

— Мистер Лоусон? — спросил клерк на экране.

— Он самый. Бен Лоусон.

— Присядьте, пожалуйста. Чем могу помочь? Как понимаю, вы не по вопросу попечительства. Или уже женаты?

— Я? Женат? — улыбнулся Лоусон. — Нет, и пока не собираюсь. Как только запланирую детей, незамедлительно поставлю вас в известность.

Клерк исполнительно посмеялся.

— Стало быть, страховка или лотерея. Могу предложить «Пимлико», квинслендский «Королевский синий», ирландский…

— Я не играю в азартные игры, — отказался Лоусон. — Мне нужна страховка с покрытием этих условий. — Он выложил на столешницу лист бумаги.

— Страховыми у нас считаются любые случаи, кроме антиобщественных, — сказал клерк. — Пожар, провал, подлог, преступление, паника, припадки, порицание, порча… — То была стандартная комическая реприза СЛП. Однако, просматривая список, клерк запнулся, а потом и вовсе умолк. Нахмурил брови, бросил взгляд на Лоусона и спросил: — Значит, в азартные игры не играете?

— Ну… Если не считать страхование азартной игрой. Что не так? В списке значится что-то антисоциальное?

— У нас гибкие правила насчет антиобщественных поступков, — нерешительно сказал клерк. — К примеру, убийство, безусловно, является таковым, но мы страхуем от убийства и от большинства других преступлений, за исключением случаев «плохого риска». Как понимаете, мы проведем всестороннее обследование…

— Насколько мне известно, я полностью здоров.

— Дело не только в здоровье, сэр. Мы проверим вашу биографию, условия жизни, круг общения…

— Как все непросто, — заметил Лоусон.

Клерк сглотнул, опустил взгляд на список и

тихо проговорил:

— Лягнуть полисмена… И это, как вижу, самый скромный из ваших запросов.

— В своде правил бюро такой поступок расценивается как антисоциальный?

— С ходу не скажу. Однако все эти… случаи… весьма маловероятны. Советую обратить внимание на другие полисы. После всестороннего изучения личности мы с радостью подберем идеальный вариант — думаю, более уместный, чем…

— Как знаете, — сказал Лоусон. — Но мне нужна именно такая страховка. Если не получу ее здесь, пойду к вашим конкурентам. Я составил целый список вариантов — на тот случай, если какие-то из пунктов не устроят СЛП, — и он далеко не исчерпан.

— Растворить фенилтиомочевину в городском водохранилище, — пробормотал клерк. — Вы хотите застраховаться от… собственноручного растворения фенилтиомочевины в городском водохранилище?

— Ага, — энергично кивнул Лоусон.

— Хм. Эта фенилтиомочевина, она токсичная?

— Не-а.

— И вы намерены растворить ее в городском

водохранилище?

— От этого я намерен застраховаться, — объяснил Лоусон, устремив на собеседника невинный взгляд голубых глаз.

— Понятно… — Клерк пришел к какому-то умозаключению. — Вы не могли бы заполнить стандартный опросник? Мы все проверим и назначим следующую встречу.

— Насчет взносов… Надеюсь, они будут достаточно низкие, чтобы я не разорился?

— Взносы будут разные.

— Денег у меня немного, — сказал Лоусон, — но что-нибудь да придумаю. — Он помолчал и улыбнулся. — Итак, опросник.

— Прошу к визору. — Клерк поколдовал над устройством. — Как закончите, будьте добры подать сигнал. Просто нажмите на эту кнопку…

Он вышел, и визор принялся делать фотографии Лоусона, количественные и качественные, стереоскопические и рентгеноскопические, после чего сказал — живенько, но по-механически грубовато и даже заносчиво:

— Представьтесь полностью, пожалуйста, начиная с фамилии.

— Лоусон, Бенджамин.

— Возраст?

— Двадцать один год.
— Дата рождения?
— Девятое апреля две тысячи…

В местной штаб-квартире бюро Фергюсон нажатием пары кнопок вывел на экран выдержку из «Британской энциклопедии», изучил ее и кивнул Арчеру. Тот спросил:

— Что за?..

— Пишут, химическое вещество, производное углерода, водорода, азота и серы. Семеро из десяти человек скажут, что оно чертовски горькое, а остальные трое сочтут его безвкусным. Восприятие зависит от наследственности — доминантного или рецессивного гена.

— Оно токсичное?

— В больших дозах любое вещество токсично. Даже аш-два-о: ведь люди то и дело тонут в воде. Но зачем растворять фенил… фенилтиомочевину в городском водохранилище? Почему не мышьяк, если Лоусон хочет кого-то убить?

— А он хочет?

— Пока не знаем. Ведется проверка. Очень странно. И слегка нелепо. Вознамерившись перехитрить СЛП, человек действует с позиций логики и тщательно скрывает истинные намерения, а этот Лоусон буквально признается во всем,

что планирует сделать. Только не спрашивайте, возьмем ли мы такого клиента. Все зависит от результатов проверки.

— Лягнуть полисмена… — мечтательно повторил Арчер, чей взгляд оставался пронзительно-острым, а лицо безмятежным. — Что еще перечислено в списке?

— Вот он, на экране. Требования весьма своеобразные. Лоусону нужно не только финансовое покрытие, но и оговорка насчет безнаказанности, исключающая любые юридические последствия.

— Как федеральное бюро, СЛП предоставляет такие гарантии, верно? Допустим, он лягнет полисмена…

— Если мы выдадим такой полис, — строго заметил Фергюсон, — у Лоусона не будет никакой возможности лягнуть полисмена. За этим я прослежу. Пусть мальчишка думает, что в его силах обмануть СЛП, но меня ему не одурачить.

— Принимаете близко к сердцу? — пристально взглянул на него Арчер.

— Естественно. Ведь я, как социально интегрированная личность, умею направлять побуждения в конструктивное, а не деструктивное русло. Я горжусь своей изобретательностью, мистер Арчер, и горжусь нашим бюро. Где еще я нашел

бы применение своим способностям? Разве что в роли посредника.

— Спасибо, — вежливо поблагодарил Арчер. — Буду рад, если развеете мои тревоги насчет этого Бена Лоусона. Пока что он видится мне парнем с причудами — что называется, блажным, — но по опыту знаю, что всякий альтруист стремится извлечь из своего альтруизма личную выгоду.

Что касается Фергюсона, тот уже считал Лоусона врагом СЛП.

— Фенилтиомочевина, значит? — сказал он. — Что ж, я вправлю ему мозги!

Принципы бюро были заложены в Чикаго, Аламогордо и Хиросиме — из необходимости, поскольку основывались на нестабильности атома. Ядерная война разразилась в самый неудачный — и в самый удачный — момент. Взорвись глобальная боеголовка в середине сороковых, все закончилось бы катастрофой и багряным пепелищем. Но этого не случилось. Начнись война после того, как атомную энергию довели до совершенства, а методы ее производства ускорили и улучшили самым радикальным образом, грядущая цивилизация, вероятно, переселилась бы на соседние планеты, а Земля стала бы вторым Солнцем. Грубо говоря, разница примерно такая

же, как между двумя пистолетами: первый с единственным патроном в патроннике, второй с полным магазином. Не успело глобальное мышление вернуться к привычному послевоенному уровню — то есть к восторженно-оптимистичной надежде, что следующий нырок на этих американских горках или чрезвычайно далек, или не состоится вовсе, — как была достигнута точка предела. На фоне обострения международной политики и спада национальных экономик буйным цветом расцвела атомная энергетика. К счастью, падение оказалось болезненным, но не смертельным. Случилась ядерная война — не умеренный катаклизм, коим она была бы в 1946 году, но и не всепоглощающая катастрофа, какой она стала бы десятилетием позже. Эта война всего лишь истребила бóльшую часть населения планеты.

Что, разумеется, было неизбежно.

Как и последующее восстановление цивилизации. Главным преимуществом глобального упадка стала невозможность узкой специализации и необходимость агрегирования. В силу очевидных причин биологи, психологи, физики и социологи были вынуждены объединить усилия. На почве физической децентрализации произрос федерализм мысли и действия. Словно по

волшебству, выжившим удалось создать вполне стабильное мировое правительство. Поначалу средоточием человечества стала небольшая область к северу от города Мак-Чанк, что в штате Пенсильвания, но затем цивилизация разрослась, чему в немалой мере способствовали сохраненные технологические знания. Реконструкции, однако, не было видно ни конца ни края.

Острее прочих встал детский вопрос. Сиюминутным решением могло бы послужить детоубийство, но при мысли о будущем человечества такой вариант не выдерживал критики. На фоне растущего бесплодия, обилия мутаций и снижения нормального воспроизводства деторождение поощрялось, но необходимо было решить жизненно важную проблему всеобщей незрелости.

Иными словами, мало кто продолжал взрослеть после того, как дал потомство. По меньшей мере один из родителей застревал в развитии, так и не достигнув полной психологической зрелости.

В отличие от горилл.

По непонятной причине Фергюсон занервничал и пустился в пространные объяснения, в то время как Арчер слушал его со всеми признаками крайнего интереса — должно быть, потому, что

теперь вице-президент стал новой переменной в не решенном пока уравнении. Как бы то ни было, Арчер слушал, а Фергюсон говорил:

— Человек инфантилен. Это докажет любой естествовед или биолог. Или социолог, если уж на то пошло. — Он благополучно забыл, что у его гостя имеется ученая степень по социологии. — Наши черепные швы не срастаются, поведенческие привычки остаются детскими, а пропорции наших тел… ну, физически мы сложены как недоразвитая горилла и ведем себя примерно так же. Мы социальный вид, нам нравится физический контакт, нравятся состязательные игры; мы обожаем шумную возню… не все, но подавляющее большинство. Признаю, что именно эта незрелость вынуждает нас шевелиться. Мы не уверены в себе и потому экспериментируем. Но взрослому самцу гориллы не нужно экспериментировать. Он идеально вписывается в окружающую среду. У него есть кормовая территория и личный гарем, а единственная опасность исходит от молодых самцов, положивших глаз на его самок. У гориллы скверный нрав и полная самодостаточность. А у нас все наоборот, это как Бог свят, иначе мы не закатывали бы столько вечеринок!

— Цель СЛП — форсировать взросление челове-

чества, — сказал Арчер.

Непонятно было, вопрос это или утверждение.

— В нашем обществе дети являются помехой, — продолжил Фергюсон. — Самец гонит подросших детенышей прочь, и они, имея все средства для выживания в джунглях, могут о себе позаботиться. Но цивилизация создала еще более смертоносные джунгли, и выжить в них мог далеко не всякий взрослый. Обеспечение детей всем необходимым ложилось на плечи индивидуума, и в результате сформировалось общество, где мужчина доминировал, а женщина занимала подчиненное положение. Конечно, я утрирую, но в доатомных городах воспитание детей считалось работой на полную ставку. Представляете, как это невыгодно?

Арчер облизнул пересохшие губы.

— Выпейте, — предложил Фергюсон. — Заодно и мне закажите скотч с содовой.

Ожидая, он повернулся к огромному окну со скругленной рамой. Взмахнул рукой, и по этому сигналу медленно пульсировавший цветовой узор собрался в складки, будто занавес, водопадом сбежал по стеклу и исчез, открывая вид на улицу. Город был малолюдным, но с учетом всех его парков занимал огромную площадь.

«Так и должно быть, — подумал Фергюсон. — Безопасность прежде всего».

Это был исцеляющийся мир, организм по существу уже здоровый, но восприимчивый к множеству метафорических болезней. Людям с восприимчивостью к раку следует избегать непрерывного раздражения тканей, ведь рак — это неконтролируемый и патологический рост клеток. С другой стороны, контролируемый рост приемлем и даже благоприятен. С атомной энергией все точно так же.

Избегай раздражения.

По сути дела, при СЛП люди жили в свое удовольствие. Понятно, нельзя получить все и сразу. От невроза не избавишься за пару дней. Но ядерная война была эквивалентом электрошоковой терапии. В общем масштабе СЛП воплощало в жизнь паллиативный план, а в индивидуальном порядке предлагало гражданам страховку.

Застраховать можно было не все, ведь утопий не бывает и даже у суперменов имеются суперпроблемы. СЛП правило железной рукой, но в бархатной перчатке, чье прикосновение так обожают кинестетики. Атомный рак обуздали бескомпромиссной хирургией, но он успел просочиться в кровоток. Поэтому, за неимением

лучших вариантов, бюро избегало раздражения и ограждало выздоравливающий мир от новых болезней, провоцирующих нежелательную ирритацию. Пробудить латентный рак могла любая социологическая инфекция, но пока люди были здоровы, они оставались в относительной безопасности.

Это касалось и Грега Фергюсона.

За него отвечало СЛП, гарантируя своей доктриной, что вице-президент бюро не станет источником вредоносного раздражения. Фергюсон играл роль пресловутого болта с нестандартной резьбой, найденного под хитрую гайку. Возможно, он был менее зрелым — вернее сказать, более незрелым, — чем другие. Возможно, он нуждался в чувстве безопасности, стабильности, уверенности в будущем и видел все это в логотипе СЛП.

На самом деле он не просто нуждался в этом чувстве. Фергюсон жить без него не мог.

В одночасье мир не перестроить. При обилии технологических знаний в мире ощущалась острая нехватка людей. Другими словами, работы непочатый край, и поэтому СЛП купировало факторы, замедлявшие взросление. Для поддержания исследовательской деятельности, не дающей мгновенных результатов, требуется достаточ-

но большая популяция, а если один человек из каждой пары занят воспитанием потомства, потенциальную рабочую силу придется делить надвое. Поэтому детей отдавали в попечительские ясли. Взяв за образец детенышей гориллы, способных выжить в дикой природе, для человеческих малышей создали безопасные джунгли, чтобы избавить родителей от груза ответственности и предоставить им условия для дальнейшего взросления.

Это стало возможным благодаря Федеральному бюро страхования, лотерей и попечительства. Финансировать ясли из налоговых сборов было нельзя: правительство стремилось не стимулировать раздражение, а избегать его. Лотереи приносили немалую пользу, но главным и окончательным решением проблемы стало страхование. Именно страховка позволяла выпустить пар, давала ответ на все тревожные вопросы и пресекала зарождавшиеся неврозы, из-за которых в основном и обращаются в страховую контору, — как известно, в старые добрые времена на то имелось множество причин. Теперь же СЛП предлагало страхование на любой вкус.

Человек покупает страховой полис либо из опасений, что случится нечто нежелательное, либо

в надежде на то, что случится нечто желанное. Зачастую это вопрос социальной или персональной патологии.

Взрослая горилла, однако, обходится без страховки.

— Вот вам пример клиента с потенциальным психозом.

Фергюсон повернул к гостю экран визора. На нем появилось лицо вполне обычного человека.

Арчер поднял брови.

— Хочет застраховаться от инфекционных заболеваний, — объяснил Фергюсон. — Как понимаете, взносы довольно высоки. Мы еще не извели всех мутировавших насекомых, хотя после биологических баталий у человечества выработался стойкий иммунитет к инфекциям. Но давайте посмотрим отчет по этому клиенту.

На экране замелькала информация. Арчер ждал.

— Итак?

— Не вижу ничего необычного, — признался посредник.

— Да ну? И не понимаете, почему впоследствии этот парень захочет купить страховку от самоубийства?

— Хм… Самоубийство? С какой стати? Он пол-

ноценный член общества. Приносит пользу, доволен жизнью…

— Что насчет необычных покупок? Загляните в аптечный список.

— Так… Калийное мыло, бактерицидные вещества, ультрафиолетовый стерилизатор для входа в помещение…

— Два стерилизатора. Один для работы, другой для дома. У этого парня развивается хрестоматийный случай молизмофобии. Нет-нет, это не боязнь моли, это страх перед загрязнением. Остальное — шаблонная задача для нашей психкоманды. Думаю, с первоначальным раздражителем клиент столкнулся, когда приезжал домой из ясель. Испачкал сестру какой-то грязью, сделал ей больно, родители, не подумав, подняли шум, и вот вам комплекс вины. Рано или поздно парень услышит за деревянной облицовкой стен голоса, обвиняющие его во всех смертных грехах. Теперь понятно?

— Ах вот как… И что, этому потенциальному молизмофобу выдадут полис? — спросил Арчер.

— Конечно. Почему бы и нет? Главный фокус мы провернем, когда клиент явится на последнее собеседование.

— О да, гипноз! Об этом хотелось бы узнать во

всех подробностях.

— Что ж, — сказал Фергюсон, — в страховании есть понятие рисков: «хорошего» и «плохого». С помощью гипноза мы превращаем «плохой» риск в «хороший», исцеляя клиента и вместе с тем направляя его неврозы в нужное русло. Если исключить случайные совпадения, СЛП останется в прибытке. Иного быть не может, ведь подсознательно этот клиент стремится к смерти. Рано или поздно он, сам того не желая, намеренно заразится какой-нибудь болезнью. Он ищет наказания. Вот вам и вся молизмофобия.

— Отчет по Бенджамину Лоусону, — объявил телевизор.

— Отлично, — сказал Фергюсон. — Выводите на экран.

Неделю назад Лоусону исполнился двадцать один год. Абсолютно нормальный парень. Даже незначительные отклонения, замеченные за ним во время учебы, укладывались в привычные рамки; отсутствие подобных мелочей выглядит подозрительно и влечет за собой отдельное расследование. Все дети подсаживают лягушек в учительский стол, а за неимением лягушек в ход идут грызуны, насекомые или пресмыкающиеся.

В свой двадцать первый день рождения Лоусон

мог выбрать одно из нескольких мест работы, соответствующее его подготовке. Сферой компетенции Лоусона была общая интеграция: он изучал все подряд, но весьма поверхностно. Однако вместо трудоустройства он взял месячный отпуск, предоставляемый по желанию выпускника. Почти весь месяц Лоусон просидел в родительском доме (его приезд вызвал у матери с отцом умеренную радость), где прочел множество новостных пленок, после чего связался с правительственным советником по имени Хайрам Рив и предложил тому вынести на рассмотрение властей законопроект о пенсии по инфантилизму. По этой причине в кабинете Фергюсона сейчас находился Арчер: как уже известно, он был посредником Хайрама Рива.

— Если подробнее, — сказал телевизор, — Лоусон предложил инвертировать пенсию по старости. Начиная с рождения дети будут получать пособие, пока не достигнут биологической зрелости. Советник Рив согласился представить такой законопроект…

— Но не сделает этого, — пробурчал Фергюсон себе под нос. — Перед выборами чего только не наобещаешь.

— Последние два года Лоусон изучал следую-

щие дисциплины: биологию, мутацию, биологическое и энтропийное время, эндокринологию, психологию, патологию, социологию и философию юмора, причем не поверхностно, а весьма интенсивно. Предполагается, что…

— Покажите записи из дома. Последние несколько дней, — потребовал Фергюсон. — Что он читает?

Он склонился к экрану, хотя в том не было нужды: изображение уже встало на паузу. Улыбчивый мистер Лоусон, лениво развалившись в релаксере, штудировал книгу «Шутки Джо Миллера».

Несколько дней спустя Лоусона вызвали на собеседование в СЛП, где он повстречался с Грегом Фергюсоном — тот прилетел часом раньше, чтобы принять у клиента «выпускной экзамен». К встрече надо было подготовиться. В прошлом клиенту могли отказать в страховке от пожара, если в его здании не имелось пожарных выходов; теперь же в контракте оговаривалось, что «пожарные выходы» будут встроены в психику каждого страхователя. Более того, их конструированием занималось само СЛП.

— Надо понимать, мистер Лоусон, — сказал Фергюсон, — что полис будет аннулирован в

случае отказа от дополнительного обследования — если мы решим, что таковое необходимо.

— Да, конечно. Меня это устраивает. Итак, я получу страховку?

— Вам нужен отдельный полис на каждый из перечисленных случаев?

— Да. Если, конечно, не разорюсь на взносах.

— Итого двадцать пять полисов, — сказал Фергюсон, — покрывающих изрядный диапазон происшествий. Естественно, по каждому будут разные взносы. Допустим, страховка от вывиха голеностопного сустава — это «плохой риск». Мы предпочли бы застраховать вас от дождя, поскольку научились управлять погодой. Что касается вашего списка, он попросту непомерный. Чего в нем только нет, от змеиного укуса до неурожая апельсинов во Флориде. Кстати говоря, неурожаев больше не бывает.

— Если речь идет о климатических условиях, — добавил Лоусон. — Помните, как несколько лет назад мутанты-долгоносики сгубили весь хлопок в Южной Каролине?

Фергюсон кивнул:

— То есть вы ставите на шанс, что подобная мутация уничтожит апельсины во Флориде?

— Вернее сказать, я ставлю против этого шанса,

и некоторые из полисов непременно окупятся.

— Вы так думаете? — спросил Фергюсон. — Не забывайте, вам придется выплатить ощутимые взносы, и азартные игры против случайной вероятности весьма опасны.

— Можно? — Лоусон взял у Фергюсона листок с расчетами, просмотрел его и присвистнул. — На пятый пункт никаких денег не хватит. Почему?

— Вы о страховке от преднамеренного заражения окружающих сенной лихорадкой? Для начала, такой факт непросто доказать. Но, что гораздо важнее, мы видим, как вирусы то и дело мутируют. Аллергия — коварная штука. Да, вас можно застраховать, но это недешево. И зачем заражать кого-то сенной лихорадкой? Откуда такое желание?

— У меня нет такого желания, и я хочу застраховаться от него, мистер Фергюсон, — любезно ответил Лоусон. — Но, как вижу, этот пункт мне не по карману. Хотя остальные… — Он быстренько подсчитал в уме. — Пожалуй, на первый взнос наскребу.

Фергюсон внимательно наблюдал за молодым человеком. К тому времени он изучил Бена Лоусона вдоль и поперек, проверил его наследственность и поведенческие шаблоны, выяснил,

как устроен клиент и почему он устроен именно так, а не иначе. В Лоусоне не было совершенно ничего подозрительного, но интуиция Арчера подсказывала обратное.

Однако мнение посредника не являлось основанием для отказа, поэтому Фергюсон сказал вот что:

— Мистер Лоусон, я обязан вас предупредить. Если заплатите только первый взнос, в итоге потеряете и деньги, и страховку. Поэтому устройтесь на работу, чтобы раздобыть деньжат.

— Разве кто-то обязан устраиваться на работу?

— Нет, если он намерен жить впроголодь. Даже тем, кто прозябает на пособие, приходится отрабатывать его человеко-часами.

— Вот как? — удивился Лоусон.

— Наша страховка безупречна. Мы обязуемся выплатить компенсацию и при необходимости выплачиваем ее, но так бывает лишь в случае, если ситуация развивается по неуправляемым законам непредвиденных обстоятельств. Если же речь идет о личностном факторе, мы никогда не проигрываем, а в вашем случае я не вижу ничего, кроме личностного фактора. Разве можно растворить фенилтиомочевину в городском водохранилище не преднамеренно, а случайно?

— А что, нельзя? Совсем никак?

— Такой шанс астрономически мал, если только вы не научились влиять на законы вероятности.

— Если бы научился, вы были бы в курсе, ведь я прошел всестороннюю проверку.

— Вы правы, — кивнул Фергюсон. — Чтобы попасть в водохранилище, требуется соответствующее решение, а вы не можете… вернее, не сможете его принять.

— Не смогу?

— Это практически исключено. Эффективность гипнотического вмешательства гораздо выше, чем кажется. Вы попросту не сумеете сделать то, от чего застрахованы.

— Что ж, меня это устраивает, — сказал Лоусон. — Кому же захочется растворять фенилтиомочевину в городском водохранилище?

Глядя на молодого человека, Фергюсон переживал необъяснимое дежавю. Это ему не понравилось. Он не шевельнулся и не сказал ни слова, но позволил потоку свободных ассоциаций — под которыми подразумевались ассоциации селективные — хлынуть в сознание и вскоре понял, что к чему, хотя для этого пришлось вернуться в годы нескладного пубертата. Нынешняя ситуация напоминала о старших яслях, когда он,

недозрелый, сидел перед полноценным взрослым человеком и чувствовал себя неуклюжим невеждой — ведь взрослый, в отличие от подростка, имел представление о правилах игры.

Фергюсон пристально смотрел на Лоусона, но не видел в нем ничего подозрительного, если не считать необъяснимого поведения, сравнимого с повадками собаки в ночную пору. Очевидно, Лоусон не замышлял мошенничества и не испытывал никакого дискомфорта. Да, гипнотическое вмешательство гарантировало результат (если пренебречь неизбежным допуском на ошибку), но левее и выше печени, в области солнечного сплетения, там, где крупный нервный узел функционирует в гармонии с управляющими механизмами мозга, Фергюсон ощутил сжатую пружину тревоги: безошибочное указание на прямую и явную угрозу. Эта тревога говорила о том, что Фергюсон стоит на краю бездны, ведь СЛП — краеугольный камень общества и единственной альтернативой принципам бюро остается бесконтрольное использование атомной энергии. То есть персональное проклятие человечества.

Но затем к Фергюсону вернулся рассудок, а с ним логическое мышление, в прошлом сыгравшее злую шутку со многими людьми, и он понял,

что одиночке — в особенности простодушному юноше — не под силу изменить положение вещей.

Самоуверенный птенец, едва вылупившийся из яслей и, разумеется, убежденный, что ему все по плечу, ведь он всегда справлялся с проблемами, не выходившими за рамки его скорлупы. Но теперь Лоусон поймет, что эта скорлупа ограждала его от реальных неприятностей.

— И еще один момент, — сказал Фергюсон. — Ваши сны.

— Что с ними не так?

— Их проверили эксперты, уделив особое внимание гипнагогическим образам. До поры до времени зафиксированные сновидения развивались по одному шаблону — с некоторыми вариациями, — но три года назад…

— Что-то изменилось?

— О да. Шаблон сохранился, но вариации исчезли.

— Разве это не означает, что я образцово нормальный человек?

— Норма — это условная величина, — насупился Фергюсон. — Неужто вы намерены шутить?

— Простите. Я недооценил вас. Знаю, теоретический образец нормальности на практике

превратится в нечто чудовищное, но это удобный семантический термин. Если и существуют образцово нормальные люди, они неминуемо утратят эту характеристику под давлением внешних обстоятельств.

— Итак, вы или солгали о снах за последние годы, или сказали правду.

— Еще никто не уличал меня во лжи.

— Разных людей интересуют разные вещи. В яслях обращали внимание на одно, мы же высматриваем другое.

— Если я нежелательный клиент, просто откажите мне, и дело с концом.

— О нет, — решительно ответил Фергюсон. — Мы редко отказываем клиентам. Существует такое понятие, как допуск на ошибку. В этом случае владелец полиса получает компенсацию. Мы занимаемся страхованием. Будь у нас возможность контролировать фактор неопределенности, всем выставляли бы одинаковый счет, а затем творили бы чудеса. В большинстве случаев платить не приходится, ведь у бюро есть собственная страховка — я говорю о гипнотическом вмешательстве, — но если система дает сбой, необходимо выявить его причину. У нас имеется закрытый статистический реестр, по

которому проверяют всех и каждого. Вас нельзя назвать асоциальным человеком. Мы не выявили у вас латентных преступных наклонностей. Для своего возраста вы вполне нормальны. — Тут Фергюсон осекся, вновь ощутив необъяснимую тревогу. Он понял, что не верит в сказанное. Как ни странно, он твердо знал, что Лоусон вовсе не нормальный человек.

Знал, но не мог доказать этого за неимением улик. Доказательством не являлась даже приснопамятная пенсия по инфантилизму, из-за которой к делу подключился Арчер. Допустим, подумал Фергюсон, я спрошу у Лоусона: «Почему вы обратились к советнику Риву с таким предложением?» — и он ответит, но ответ будет неудовлетворительным, ибо Лоусон, как юридически, физически и психически зрелый человек, не получит этой пенсии. То есть его предложение продиктовано элементарным альтруизмом и к тому же лишено всякого смысла, поскольку в рамках нынешнего общественного устройства несовершеннолетние и без того получают некое подобие пенсии.

Отстраненно слушая собственный голос, Фергюсон заметил в нем новую нотку, и то была нотка раздражения.

— Бывает, людям кажется, что СЛП можно обвести вокруг пальца, — сказал он. — Но в этом никто не преуспел.

Вбросив ключевое слово, он стал ждать. Юноша усмехнулся:

— Уж извините, но вы излишне серьезны. Я говорю не конкретно о вас, а обо всем бюро. Допустим, если я изобрету безотказный способ подстроить несчастный случай, вы и бровью не поведете. Пока жизнь не выходит за строгие границы объективной реальности, вас все устраивает. Но стоит добавить каплю юмора, и вам кажется, что из-за меня рухнет все мироустройство.

Фергюсон сжал губы, а секундой позже произнес:

— Ладно, рискнем. Какие полисы вам нужны?

— Пожалуй, об этих трех забудем. Взносы великоваты. А остальные двадцать два возьму. Договорились?

— То есть вы способны уплатить оба взноса по каждому полису — за исключением трех, от которых отказались? Может, возьмете поменьше, чтобы не просрочить выплату, пока будете искать работу?

— Допустим, я выберу два или три, — сказал

Лоусон, — и они окупятся. В таком случае остальные полисы подорожают, верно?

— Само собой. Нам придется сделать поправку…

— В таком случае возьму все — за исключением трех, которых не могу себе позволить.

— Спасибо, — поблагодарил Фергюсон, но это «спасибо» не было искренним.

* * *

— Его намерения очевидны, — сказал Фергюсон. — Он постарается получить компенсацию по одному из полисов. Деньги пойдут на уплату остальных взносов, а когда иссякнут, Лоусон обналичит следующий полис. Например, лягнет полисмена. Кстати, у него скверное чувство юмора.

Прежде чем ответить, Арчер долго молчал. Закрыв глаза, он, должно быть, визуализировал ситуацию, после чего разомкнул веки и спросил:

— Скажите, сотрудники СЛП проходят психиатрическую проверку?

— Что, теперь я сумасшедший?

— Проще усомниться в вашем здравомыслии, чем поверить в способность одного человека нарушить работу целого бюро, причем вот так

запросто. Зачем торопиться с сомнительными выводами, не рассмотрев более вероятные варианты? Насколько мне известно, СЛП уже выплачивало компенсации, и всякий раз в полном соответствии с законом средних чисел.

Сидя в кабинете у Фергюсона, они наблюдали за сеансом гипноза. Тот, если верить экрану визора, шел по расписанию. Заминок пока не было. Даже без медикаментов Лоусон довольно легко поддавался внушению и вполне нормально реагировал на проверочную каталепсию. Подобно остальным клиентам, он выстрелил холостым патроном в психиатра: это могло означать, что, во-первых, он убийца; во-вторых, подсознательно понимает, что пистолет заряжен холостыми; а в-третьих, ненавидит психиатров. Перепроверка подтвердила второй вариант. Также ему велели стащить доллар у медбрата, и это тоже ничего не значило. В социально-экономических отношениях, основанных на товарообмене, деньги символичны, и выяснить, что этот доллар означал для Лоусона, не было никакой возможности.

Своей точностью и вместе с тем неточностью психиатрия напоминает математику. Стоит осознать, что при необходимости можно создать совершенно новую математическую систему, и

вы поймете: обычная математика точна лишь при соблюдении ее правил. Но когда правилами системы номер один пользуются для решения задач, присущих системе номер два, могут возникнуть проблемы. Работавшие с Лоусоном психиатры были специалистами своего дела, но Фергюсон допускал, что в ином случае они не заметили бы своей ущербности.

К тому же единственной его точкой опоры была интуиция.

Хотя, если отбросить ложные представления, станет ясно, что интуиция — тоже точная наука. Так называемые вещие сны бывают вполне правдивы. Сон, в котором сбываются желания, определенно может оказаться вещим — как минимум с вероятностью пятьдесят на пятьдесят. Предчувствие Фергюсона зародилось в подсознании, где таились все надежды и тревоги прожитых лет. В двадцатом веке Фергюсон влачил бы жалкое существование и его шансы обрести нынешнее благополучие стремились бы к нулю. В его глазах СЛП символизировало безопасность, в которой он так отчаянно нуждался. Любой выпад в адрес бюро Фергюсон расценивал как личную угрозу и, подобно большинству людей, носил в себе глубокий кошмарный психоз:

образ финальной цепной реакции.

В каком-то смысле СЛП обеспечивало статус-кво. Вне всякого сомнения, руководство делало поправку на стресс и переутомление под влиянием изменчивых обстоятельств, ведь фактор окружающей среды оказывает немалое влияние на точность измерений — к примеру, пластичности металлов. Если поместить человечество в вакуум, статус-кво будет достижим, но при нынешнем раскладе…

— Он меня нервирует, — запоздало признался Фергюсон. — Да, предчувствие ничего не доказывает, однако…

— Нервирует? Почему? Думаете, он сверхчеловек? — иронически усмехнулся Арчер.

— Шутите? — осведомился Фергюсон, рассматривая свои ногти.

— Не сказал бы.

— Я посвятил немало времени изучению этой ситуации, — напомнил ему Фергюсон, — и, бывает, задумываюсь… Какого черта вы так интересуетесь этим Лоусоном, если уверены, что он безобиден?

— Я не привык рисковать. Хороший посредник — все равно что барометр-анероид. Мы очень чувствительны. Я прошел специальную подготовку,

обладаю весьма специфическими навыками и реагирую на любое происшествие, как барометр отзывается на изменение атмосферного давления. К тому же я люблю докапываться до причины такого происшествия. Да, зачастую это поиски ветра в поле, но… я не привык рисковать.

— Мы работаем над одной и той же проблемой не по случайному стечению обстоятельств, — сказал Фергюсон. — Вы отреагировали на результат, а я, пожалуй, заметил причину. Стрелки наших приборов указали на Лоусона, как на зарождающийся в Антарктике шторм. Что-то вроде крюйс-пеленга: вы заметили падение барометрического давления в Висконсине, а я — повышение температуры на Южном полюсе. Итак, Лоусон вызывает у меня странные ощущения, и этот же Лоусон попросил вашего шефа выдвинуть законопроект, после чего к делу подключились вы, мистер Арчер. Вряд ли Хайраму Риву впервые предлагают продавить сумасбродный законопроект.

— Альтруистичный? Впервые.

— То есть?

— В самом прямом смысле. Человек, вносящий подобные предложения, неизменно ищет какой-то личной выгоды, хотя докопаться до истины

бывает непросто. Всегда существует некая компенсация — по крайней мере, психологическая. Вам любопытно будет узнать, что бескорыстные реформаторы не так уж бескорыстны. Достаточно лишь выявить их персональные особенности. Если кто-то желает спасти планету, мистер Фергюсон, не сомневайтесь: в дивном новом мире этот человек уже присмотрел для себя трон с мягким плюшевым сиденьем. Но предложение Лоусона — образчик альтруизма, и мне надо убедиться, что за идеей о пенсии по инфантилизму стоит эгоистичный мотив. Иначе я не успокоюсь.

— То есть для вас это просто работа?

— Мне она нравится. Поэтому я и работаю на Рива, самого дееспособного из всех политиканов, но если в поле зрения появится более достойный кандидат, я переметнусь к нему. Хотя в данный момент… Скажем так: я ищу в Лоусоне признаки соответствия норме, а вас интересуют отклонения от нее.

— Он нормальный, — сказал Фергюсон. — Обратите внимание на диаграмму реакций.

Оба уставились в экран. Лоусону ставили блок, запрещавший лягать полисменов.

— Это сработает? — спросил Арчер.

— Прогнозировать невозможно. Во многом

успех зависит от внушения боязни последствий, хотя они покрываются страховкой. В смоделированной ситуации Лоусон, скорее всего, не станет лягать полисмена, подсознательно понимая, что в ином случае ему не выдадут полис. Но после страхования он получит защиту от последствий, а в подобных делах всегда существует допуск на ошибку.

Экран расчертила неровная зеленая линия, означавшая, что Лоусон не лягнул гипотетического полисмена.

Тремя днями позже он растворил фенилтиомочевину в городском водохранилище. Встал у одной из телефотолинз наблюдения, для надежности продемонстрировал ей ярлык на пузырьке, весело рассмеялся и ушел.

— Мне нужна защита от желания убить человека, — сказал Фергюсон психиатру СЛП. — Не исключаю, что у этого желания параноидальные корни. Меня допекает один клиент.

— Допекает, говорите? — осведомился психиатр. — Можно узнать, чем конкретно?

— Пока ничего особенного, — заключил Фергюсон, изложив всю историю. — По-моему, даже невроз еще не развился. Но этот парень не дает мне покоя. Он купил двадцать две страховки, и…

я опасаюсь за свое будущее.

— Значит, отождествляете себя с бюро? Думаю, мы сумеем снять это чувство — к примеру, через сублимацию или устранение причины. Как известно, никто не становится алкоголиком от одного глотка виски. А вам, Фергюсон, мы поставим стандартный гипнотический блок.

— Из головы не идут взрослые гориллы. Мне бы съездить поохотиться на самцов… Вот это была бы терапия. Ну, не знаю… Не нажить бы клаустрофобию или агорафобию — в смысле, боязнь открытых пространств, а не большого скопления людей, не то проведу остаток жизни, уподобившись предсказателям погоды: они только и делают, что мечутся то в дом, то из дома. Как насчет обитой войлоком палаты и чтобы стены сдвигались и раздвигались?

— Как насчет успокоительного? — парировал психиатр. — У офисных ребят одна и та же проблема: вы боитесь, что из любой безделицы вырастет серьезный психоз, но психика умеет справляться с такими мелочами. У нас имеются подробные медкарты всех сотрудников с результатами последних обследований, поэтому мы знаем гораздо больше, чем кажется. С вами все в порядке. Ради вашего спокойствия мы, конечно, проведем

стандартную процедуру и убедимся, что вы не оборотень, — но поверьте, не будь вы цельной личностью, не сидели бы в своем кабинете.

— Но как же Лоусон? — горестно спросил Фергюсон.

Конечно, с инцидентом разобрались. Естественно, СЛП вызвало Лоусона на повторное обследование. Тот явился весьма охотно: по-видимому, процедуры его забавляли, хотя он старательно делал серьезное лицо. В глубине души Фергюсон был убежден, что психиатры ничего не обнаружат. Все его былые тревоги упрямо напоминали, что особенности Лоусона не разглядеть под микроскопом, имеющимся в распоряжении у СЛП. Распознать его отклонения от нормы можно лишь по влиянию, оказываемому им на окружающий мир, — подобно тому, так астрономы заподозрили о существовании Плутона.

Но психологический шаблон Лоусона прекрасно укладывался в предельные рамки диапазона нормальности.

Подобно многим, он не афишировал высокую толерантность к гипнозу. Несколько доз тиопентала натрия не пробили всех его барьеров, хотя этот феномен тоже не был уникальным. Обколотый препаратом, Лоусон лежал на кушетке и

отвечал на вопросы. Что до Фергюсона, тот остался крайне неудовлетворен его ответами.

— Как вы себя чувствовали, растворив фенилтиомочевину? — спросили у Лоусона.

— Я чувствовал себя хорошо, — последовал ответ.

— Помните, мы условились, что вам нельзя растворять фенилтиомочевину в городском водохранилище?

Молчание.

Вопрос повторили.

— Нет, не помню, — ответил Лоусон.

— Вы могли бы лягнуть полисмена?

— Нет.

Почти все, что можно сделать, было уже сделано. Лоусона подвергли дополнительному гипнозу, дабы усилить прежние блокировки, но в его досье появилась пометка «Допуск на ошибку». Редкий типаж, но в пределах нормы. По крайней мере, психиатры не выявили нарушения этих границ.

Фергюсон считал, что проблема очевидна. Оставалось убедить остальных. У СЛП было не меньше доказательств, чем у него, если интуитивные догадки годятся в качестве улик. Очевидно, не годятся. Фергюсону нечем было подкрепить свои

подозрения. Его улики оставались неосязаемы. Порой он терялся в сомнениях, но в итоге опять приходил к слепому и алогичному убеждению, накрепко засевшему в голове. Быть может, дело в гиперчувствительности? Уже не первый год Фергюсон интересовался теорией сверхчеловека, а временами, косо поглядывая на очередного клиента, задавался вопросом…

Но никогда еще не был уверен на сто процентов. Это убеждение зародилось в особом отделе его мозга, узкоспециальном и безотказном, будто радар. Подобной восприимчивостью не обладал никто, кроме него. Всем своим существом он понимал, всегда понимал, что рано или поздно теория перейдет в практическую плоскость. Теперь же ему казалось, что этот переход состоялся. Но как убедить других — тех, кто лишен подобной уверенности, порожденной внутренним ощущением, обозначить которое не способен сам Фергюсон? С таким же успехом можно объявить о втором пришествии Мессии. В лучшем случае от Фергюсона отмахнутся как от психа. Общественное неверие эффективно обесценит истину — если это действительно истина. Лишь один человек в истории имел право называть себя Наполеоном Первым, и даже его могли упечь в

дурдом, не предоставь он исчерпывающих подтверждений своей личности. До Галилея, говорил себе Фергюсон, наверняка существовало множество безумцев, убежденных, помимо прочего, и в том, что Земля вращается вокруг Солнца.

Без достаточного числа людей, подпадающих под конкретную классификацию, не существовал бы допуск на ошибку. Выбрать произвольный случай? По мнению Фергюсона, такое смахивало бы на эксцентричность. У него не имелось доказательств, понятных остальным. Он был предшественником Галилея, убежденным, что Земля вращается вокруг Солнца, но у него не имелось телескопа, куда мог бы заглянуть обыкновенный человек.

Что он мог сделать?

Лишь то, что уже сделал.

Психиатры способны были помочь ему только в пределах видимости метафорических телескопов.

Фергюсон так и не рискнул озвучить свои подозрения: боялся, что его запишут в психопаты. В сущности, ему требовалось изучить собственную психику (а это, как известно, не самая простая задача), после чего обособить и проанализировать безымянное чувство, подсказывающее, кем на

самом деле является Лоусон.

Тем временем Бенджамин Лоусон тихо-мирно занимался своими делами.

В результате выходки с фенилтиомочевиной он получил довольно крупную страховую выплату, передал ее инвестиционному брокеру и снял небольшой коттедж со всеми удобствами. Казалось, он не намерен брать на себя никаких обязательств. Вся его жизнь была напитана атмосферой игры. Раз в неделю ему доставляли запас готовой горячей пищи, и оставалось только сделать выбор, нажать на кнопку и поесть. Затем он нажимал на другую кнопку, и тарелки отправлялись в автоматическую посудомойку. Поскольку дом был утилитарным, в нем не имелось предметов, собиравших пыль, а кондиционер и другие электронные устройства устраняли неизбежную грязь, имеющую свойство накапливаться везде, кроме высокого вакуума. В нескольких сотнях миль от коттеджа находился курорт для активного отдыха, и Лоусон часто летал туда, чтобы поплавать, покататься на лыжах, поиграть в теннис или хорошенько пропотеть за партией в скатч. Скупив тысячи книг (в бумажном виде и на катушках), он читал все подряд. Он обустроил несколько любительских лабораторий (в том чис-

ле химическую), где с огромным удовольствием варил мыло, и лишь благодаря хлорофилловым дезодораторам его дом не превратился в зловонную клоаку.

На работу Лоусон так и не устроился.

Годом позже, когда деньги подходили к концу, он лягнул полисмена.

Дела у Фергюсона шли вполне прилично. У него обнаружили нереализованный доселе психоз, основанный на несбыточной детской мечте; через тонкую цепочку ассоциаций, включавших в себя молодой сыр, хлеб и сливочное масло, этот психоз реализовался в образе отца — настолько типичном, что с ним справился бы самый недалекий психиатр. Фергюсон навестил отца, упрямого старикана, тратившего почти все время на расширение коллекции похабных лимериков, и не отметил никакой реакции, кроме легкой скуки, пока его престарелый родитель повторял каждый известный ему стишок по меньшей мере трижды. Уехал он с ощущением, что неплохо бы показать папашу психоаналитику, а на работу вернулся с ясной головой и осознанием собственной цельности.

И тут Лоусон лягнул полисмена.

— Но это произошло больше двух лет назад, —

сказал телевизору Арчер. — Помнится, вы места себе не находили. И тем не менее минуло два года! И Лоусон не обналичил других полисов, верно?

— Дело не в этом, — сказал Фергюсон, у которого дергался глаз. — Все, кроме меня, и думать забыли об этом Лоусоне. Он превратился в один из множества страховых случаев, и его досье затерялось в архивах. Я позвонил, чтобы узнать: неужели вы тоже потеряли интерес к Лоусону?

Арчер промычал что-то неопределенное, и Фергюсон взглянул на него сквозь множество миль.

— Готов спорить, что имя Лоусона значится в вашем календаре, дожидаясь будущей проверки.

— Ну хорошо, — ответил после паузы Арчер. — Считайте, что выиграли спор. Но это обычная верификация раз в полгода, для галочки. И я проверяю не только Лоусона, но и множество других людей, — как помните, мне не нравится рисковать. К счастью, у меня есть штат компетентных сотрудников, так что времени хватает. Но это простая формальность.

— Формальность? В остальных случаях — возможно, — сказал Фергюсон. — Но в случае Лоусона? Извините, мне не верится.

— Я в курсе, что для вас он стал причиной фобии, — улыбнулся Арчер. — Узнали что-то новое?

Фергюсон задумчиво посмотрел на Арчера, прикидывая, какие соображения можно озвучить на этот раз, и решил придерживаться фактов.

— Мое мнение вам известно. Доказательств у меня нет. Лоусон очень осторожен, не совершает подозрительных поступков и не выдает своих намерений. А затем пользуется своей… силой. И я, похоже, узнал, почему он это делает.

— Не потому ли, что он нормальный человек без каких-то сверхспособностей? — мягко осведомился Арчер.

— Нет! Я скажу вам, кто он такой. Он еще ребенок!

— В двадцать три года?

— Хотите сказать, что в любом из множества стандартных случаев вы запоминаете возраст фигуранта? — с улыбкой спросил Фергюсон.

— Что ж, продолжайте, — пожал плечами Арчер.

— Я самым тщательным образом изучил его досье. Свел информацию в таблицы и графики. Показал их специалистам. Собрал мнения и провел сравнительный анализ. Лоусон ведет себя как двенадцатилетний ребенок — с некоторыми вариациями. Его интеллектуальное развитие соответствует биологическому возрасту, но в

периоды развлечений — то есть когда поведением управляют не только мыслительные центры мозга — начинают проявляться важные особенности. Лоусон считает себя взрослым, но играет как ребенок. Вне всяких сомнений, мы имеем дело с задержкой в развитии.

— По-вашему, когда Лоусон вырастет, он превратится в супермена?

— Потому-то он и обратился к вашему шефу, как только вышел из яслей. Я про пенсию по инфантилизму. Вопреки вашему мнению, Лоусон не такой уж альтруист. Два года назад он был незрелым — по его собственным стандартам. Таким и остался. Он попросту ждет окончательного взросления.

— И что потом? Он завоюет мир?

— При желании — запросто. — Изучив лицо Арчера, Фергюсон спросил: — Ну?

— Что вы хотите услышать?

— Я жду, что вы вычеркнете имя Лоусона из своего списка. Если вас интересовал не сам этот парень, а его альтруизм, дело можно закрывать. Вы так и поступите?

Помолчав на секунду дольше нужного, Арчер ответил:

— Конечно.

— То есть ответ отрицательный. Вы чрезвычайно точный барометр и поэтому не считаете мое мнение бредом умалишенного.

— Мне нечего сказать, кроме как «продолжайте».

— У меня фобия, — признался Фергюсон, — причем довольно давняя. Мне это не нравится. Иметь фобию — все равно что жить с ампутированной ногой и без протеза. Да, привыкаешь, но окружающим от этого не легче. Я добьюсь от Лоусона доказательств, которые убедят и вас, и всех остальных, что он такой, какой есть. Мне понадобится ваша помощь. Лоусон сделал несколько выгодных инвестиций. Вот почему он не спешит обналичивать другие полисы. Мне начинает казаться, что он купил столько страховок, чтобы не внушать подозрений и оставаться в пределах допуска на ошибку, если придется нарушить пару-тройку условий. Он нарушил два. Попал под следствие. Если нарушит третье, я стану не единственным, кто задает тревожные вопросы. Поэтому я хочу, чтобы он это сделал. Пора бы и другим обратить внимание на Лоусона, и здесь в игру вступаете вы. Если с инвестициями Лоусона что-то произойдет, ему понадобится наличность. Я хочу, чтобы акции, которыми он владеет, обес-

ценились. Это уже ваш профиль, а не мой. Что скажете?

— Зачем мне это? — спросил Арчер.

— Хотя бы затем, чтобы не беспокоиться насчет напоминалки в календаре. Обещаю: если ничего не случится, я больше не потревожу вас.

Вот и все, что Фергюсон сказал вслух. А про себя добавил: «Потому что в этом не будет необходимости. Вас потревожит сам Лоусон!»

Ибо вряд ли он смирится с потерей инвестиций. Фергюсон не думал, что мальчишка захочет поквитаться (скорее всего, мелкая месть ниже его достоинства), но непременно примет меры, чтобы подобные выходки впредь не били по его карману.

Главное, чтобы он понял, что стал объектом преднамеренной атаки. И если Лоусон тот, кем его считает Фергюсон, он сделает все, чтобы сохранить свой исключительный потенциал в секрете. Если тебя взяли на мушку, сбей целящегося с толку, и дело тут не в мстительности, а в инстинкте самосохранения. Даже у незрелого супермена он должен быть не менее силен, чем у любого другого существа.

Далее случится одно из двух. Во-первых, Лоусон может обналичить еще один полис, после чего

окажется в опасной близости к границам допуска на ошибку. Зароненное Фергюсоном зерно подозрения даст всходы, и СЛП начнет задавать неудобные вопросы. Вряд ли Лоусон пойдет на откровенное нарушение гипнотических ограничений в третий раз. Альтернативой станет неприкрытое отмщение противнику; Фергюсон отчасти надеялся на такой исход, считая его надежным способом доказать свои подозрения. Без Арчера тут не обойтись, хотя Фергюсон немного сожалел, что ему пришлось затащить посредника в эту игру. Сам он без колебаний вызвался бы на роль живца, будь в этом хоть какой-то толк, но нельзя забывать, что у барана, привязанного к жертвенному столбу, нет шансов одолеть тигра без сторонней помощи. Люди, обладающие правом голоса в СЛП, уже видят в Фергюсоне психопата, и, если он утащит за собой Арчера, посредник не сможет не дать отпор супермену (в ином случае он пойдет ко дну на пару с Фергюсоном), а подкрепляющие доказательства от человека вроде Арчера будут иметь какой-никакой вес для руководства бюро.

Фергюсон с волнением вглядывался в лицо Арчера, понимая, что будущее его затеи висит на волоске. Но через несколько бесконечных секунд

посредник кивнул:

— Посмотрю, что можно сделать.

Фергюсон с огромным облегчением выдохнул.

Легкость, с которой Лоусон нашел третий вариант, была попросту возмутительной. Он не стал нарушать страховых условий и воздержался от мести. Вместо этого купил страховку от крушения «Нестора» — комфортабельного лайнера для путешествий на Луну и обратно. Поскольку многие торопились приобрести такие же полисы (ввиду эпидемии метеорных роев эта страховка была чем-то вроде лотереи), СЛП не почуяло подвоха. Более того, при оформлении полиса был сделан стандартный допуск на ошибку. Для большей безопасности «Нестор» стартовал тремя днями позже объявленной даты, и по этой причине десятки клиентов аннулировали страховку.

Избежав столкновения с метеорным роем, лайнер встретился с ядерной боеголовкой — та давно уже вращалась на орбите, дожидаясь фатального свидания.

«Нестор» работал на ядерном топливе. В мгновение ока огромный корабль расщепился на атомы и сгинул в белой вспышке.

С Фергюсоном произошло то же самое. Нет, не в буквальном смысле. Его коллапс нисколько не

походил на зрелищную кончину межпланетного корабля.

Труднее всего ему далось ожидание. Он был почти уверен: Лоусон знал о грядущей катастрофе, о ее причинах и о том, кто несет за нее ответ.

За неимением мерила способностей Лоусона Фергюсон понятия не имел, чего ждать. Нельзя было исключать, что он, сам того не понимая, шагал прямиком к псевдослучайной гибели, такой же необратимой, как гибель «Нестора». Вне всяких сомнений, Лоусон предвидел рандеву корабля и блуждающей боеголовки, но предстоит ли подобное рандеву Фергюсону? Или Лоусон его игнорирует? И как понять, что хуже — первое или второе?

Работа валилась из рук. В те дни Фергюсон почти ничего не ел, и отсутствие аппетита могло послужить причиной головных болей. Он слышал, как секретарша жаловалась, что с недавних пор у шефа медвежий характер, но считал такое сравнение неуместным: Фергюсон ощущал себя не медведем, а взрослым самцом гориллы с типичной для него раздражительностью и жаждой уединения, но прежде всего с недоверием, и это недоверие причиняло ему наибольший дискомфорт.

После третьей подряд грубой ошибки в конторских делах он попросился в отпуск. Когда заявление подписали, Фергюсон был скорее рад, чем огорчен. Не потому, что отпуск мог бы решить проблему (нельзя свести на нет факт существования Лоусона, просто не обращая на него внимания). Нет, наконец-то Фергюсон мог избавиться от назойливых подозрений, с недавних пор не дававших ему покоя.

Эти подозрения относились к новым клиентам.

Фергюсон из раза в раз вспоминал вызывающе нормальное лицо Лоусона, его поведение во время первой беседы, и в каждой заявке ему мерещился второй Лоусон.

Полгода он пробовал сбежать от кошмара, но гималайский спортивный курорт оказался бесполезен.

Не принесли пользы ни специализированная трудотерапия, ни путешествие на Луну. Спутник показался Фергюсону безрадостным и недружелюбным, и даже впечатляющее Море Облаков к северу от кратера Тихо не пробудило в нем никаких эмоций. Поднимая глаза на туманный диск Земли в небесах, Фергюсон не мог не думать, что эти массивы света и тени напоминают лицо

Лоусона. Это лицо закрывало собой всю планету — так же, как тень Лоусона к тому времени накрыла всю жизнь Фергюсона, и немигающий Лоусон смотрел на него сверху вниз.

Время на Луне отличается иными качественными характеристиками, нежели на Земле, и Фергюсон иной раз погружался в трудоемкие подсчеты, желая понять, как давно он не переступал порога СЛП. У него имелась причина задаваться этим вопросом — ведь он ждал сообщения от посредника. Прежде чем покинуть Землю, он попросил Арчера прислать весточку о любых подвижках в деле Лоусона. Прошло уже немало месяцев (хотя на Луне они, пожалуй, летели быстрее обычного), но весточки не было.

Когда с полюса стали надвигаться тусклые зимние краски, Фергюсон вспомнил, что шестимесячный отпуск на исходе. Пришлось посмотреть правде в глаза: он боялся возвращаться, не получив новостей от Арчера. Наконец решил раскошелиться на персональный звонок, но в итоге не потратил ни цента, поскольку дозвониться до Арчера не удалось. Посредник исчез.

Выяснить, что случилось, было непросто, ведь Фергюсон находился на значительном расстоянии от Земли. По всей видимости, офис Арчера

закрылся несколько месяцев назад и посредник не оставил номера для связи. Когда подошло время возвращаться, Фергюсон уже знал, что делать.

Отправься он домой без пересадок, все могло бы сложиться иначе, но в то время года лайнер с Луны приземлялся на южноафриканском космодроме, и застарелый идефикс, уже давно изводивший Фергюсона, не упустил своего шанса и вырвался из-под контроля.

Довольно долго Фергюсону страшно хотелось застрелить гориллу, и это желание было куда менее иррациональным, чем могло бы показаться. Фергюсон знал, что с психологической точки зрения все упирается в символизм и сублимацию, но душой понимал, чье лицо увидит в прицеле, когда найдет свою обезьяну. Его устроил бы только взрослый самец.

Свободного времени было хоть отбавляй, и Фергюсон без труда договорился об охоте, но позорная легкость, с которой телефотоанализаторы обнаружили искомую особь, простота, с которой угрюмое чудище заманили в засаду с помощью сверхзвуковых сигналов, и комфорт, с которым Фергюсон застрелил добычу, не выходя из быстрого бронированного «хантера», оставили его совершенно неудовлетворенным. Люди и раньше

убивали горилл. Это ничего не доказывало и не решало вопрос, мучивший Фергюсона.

Он хорошо запомнил посмертную физиономию гориллы. Для своего вида монстр был полностью взрослым, агрессивным и опасным — но опасным лишь для тех, кто вторгался в его владения.

Стоит супермену повзрослеть, думал Фергюсон, и человечество замрет в развитии. Сверхчеловек будет лишен ощущения опасности, этого хлыста, извечно подгонявшего цивилизацию. Он будет жить по собственным законам. Станет ли он вести себя как антропоморфное божество, протягивающее руку помощи человеку разумному, или сочтет людей чужеродным и незначительным племенем дикарей?

«Как варварских племен сыны, как многобожцы, чада тьмы…»[20]

Но мир принадлежит человеку, а не Лоусону. СЛП диктует законы. СЛП — бастион цивилизации. Без присущей СЛП стабильности человечество останется без защиты. «Я больше не в безопасности, — думал Фергюсон. — В одиночку мне не выжить. Быть может, все дело лишь в незрелости вида? СЛП действительно выступает

---

[20] Notes: 20
Киплинг Р. Отпустительная молитва. Перевод О. Юрьева.

in loco parentis[21], но когда было иначе? Человеку всегда требовался образ Всеотца…»

Винтовку Фергюсон сдал, но револьвер оставил себе.

Найти Лоусона было нетрудно: он жил все в том же коттедже, но выглядел чуть старше. Он приветливо кивнул Фергюсону, когда тот вошел к нему в дом, и сказал:

— Здравствуйте.

Фергюсон наставил на него револьвер.

Лоусон испугался. Или сделал вид, что испугался.

— Не надо! — выпалил он. — Не стреляйте. Я все объясню!

Лишь его очевидный испуг помешал Фергюсону нажать на спусковой крючок.

— Не надо меня бояться, — умиротворял его Лоусон. — Прошу, опустите пистолет.

— Я все про вас знаю. Вы опасны. При желании вы могли бы захватить весь мир.

— Сомневаюсь. — Лоусон зачарованно смотрел на дуло револьвера. — Я, знаете ли, не супермен.

— Но и не обычный Home sapiens.

— Послушайте, я тоже кое-что про вас узнал, и

---

[21] Notes: 21
В родительской роли *(лат.).*

после всего, что было, мой интерес вполне объясним, ведь если твои акции обесцениваются — все, разом, — нельзя не прийти к выводу, что против тебя манипулируют рыночной ситуацией.

— Так вот почему исчез Арчер! — повысил голос Фергюсон. — И со мной, пожалуй, произойдет то же самое — что бы это ни было.

— Арчер? А, вы о посреднике Рива. Насколько мне известно, он ведет обычную деятельность. — Лоусон с тревогой посматривал на оппонента. — В данный момент опасность для меня представляете только вы. Вместо того чтобы заниматься своими делами, вы суете нос в мои. Остановитесь, Фергюсон. Мне известно, что у вас на уме, но я совершенно безвреден, честное слово! Допускаю, что некоторые предположения насчет моих так называемых сверхспособностей не лишены оснований, но поверьте, в них нет ничего сверхъестественного. Это всего лишь…

Он осекся, и Фергюсон мрачно спросил:

— Всего лишь что?

— Скажем так: образ мышления. Думаю, это самое приемлемое объяснение моих особенностей. Дело в том, что я не ошибаюсь. Никогда.

— Но ошиблись, когда минуту назад впустили меня в дом — с револьвером в кармане.

— Нет, не ошибся, — сказал Лоусон, а после паузы продолжил: — Позвольте кое-что объяснить. В том, что вы говорите обо мне, есть крупица истины. Я действительно незрелый человек. В обычном случае я, достигнув двадцати одного года, так и не узнал бы о собственной незрелости, ведь стандартов для сравнения не существует, но на помощь мне пришла… назовем это психической особенностью. Не предвидение, а попросту образ мышления, его прецизионность и умение выбрать безошибочную тактику, способность разграничить личность и чистый разум. Видите ли, я умею отделять логику от эмоций, но это еще не все. Перед выпуском из яслей я уже знал, что мне потребуется много лет, чтобы повзрослеть по-настоящему.

— Вы не человек, и вам плевать на людей, — сказал Фергюсон. — Рассмотрим ваш случай под другим углом. Давным-давно, когда практиковался детский труд, в десять лет, а то и раньше, детей отправляли в шахту или на завод. Разве могли они, лишенные нормального детства со всеми его атрибутами, повзрослеть по-настоящему? Я столкнулся с такой же проблемой. По сравнению с остальными мое взросление задержалось на несколько лет. Я не мог получить ни одну долж-

ность, и дело не в том, что я не справился бы с обязанностями — конечно, это не так, — но в том, что работа деформировала бы мою личность. Еще до развития специфических особенностей что-то вроде защитного инстинкта указывало мне верный путь — ну, как правило. Благодаря такому инстинкту свежевылупившийся цыпленок бежит от опасности. Я нуждался в детстве — нормальном детстве с поправкой на мои особенности. Поэтому я и понял, кто вы такой.

— Потому что вы тот, кем являетесь, — вежливо подсказал Лоусон.

— Вы опасны для общества, — оторопело продолжил Фергюсон. — Это видно по вашему досье. Вы подстроили гибель «Нестора».

— Вы знаете, что это не так, но пытаетесь увидеть во мне личного врага, вашего персонального злодея.

— Вы застраховали «Нестор», и он столкнулся с ядерной боеголовкой. Как насчет вероятностной логики?

— А как насчет обычной логики? — возразил Лоусон. — При необходимости я умею мыслить и действовать без эмоциональной предвзятости. Только и всего. Это было не предвидение, а результат напряженной работы, исследований в

области истории и астрономии и умения свести данные воедино. Я узнал точное время отбытия «Нестора» и поднял бортжурналы кораблей, где отмечен повышенный радиационный фон определенных участков над стратосферой. Выяснил, какими боеприпасами пользовались во время ядерной войны. Вряд ли у обычного человека хватило бы терпения или сноровки сопоставить эти данные, но это всего лишь напряженная работа плюс незадействованные ранее области человеческого мозга.

— Вы умеете предсказывать будущее?

— Прогнозировать результат на основании вводных данных? Да, умею. Но если вы о моем таланте… Затрудняюсь ответить. Скажу лишь, что у технологии имеются ограничения, а у человеческого мозга их нет. Технологическое развитие зашло чрезвычайно далеко. Настолько далеко, что человечество едва не погубило себя атомной энергией, не понимая, как грамотно пользоваться ядерным делением. Но любые мечи порождают людей, которые поднимут их — или перекуют на орала. Да, я мутант. Рано или поздно мы узнаем, как работать с атомом без опасности для человечества…

— Мы?

— Я лишь первый, но уже сейчас ясли полны мне подобных. Пока что они незрелы, однако мои братья повзрослеют…

Фергюсону вспомнилась горилла.

— Я умею думать, — говорил Лоусон. — Я первый человек на свете, способный пользоваться своим мозгом. Мне никогда не понадобится психиатр. Вряд ли я допущу хоть одну ошибку, ведь я умею мыслить обезличенно и беспристрастно, как прежде не мыслил ни один человек. Таков фундамент будущего — не технологии, которыми пользуются не так, как надо, но люди, умеющие пользоваться ими в правильном ключе. Прямо сейчас в яслях воспитываются более восьмидесяти детей с особой склонностью к логическому мышлению. Это доминантная мутация. Мы не хотим и никогда не захотим править миром. Власть нужна только диктаторам, объявляющим ту или иную группу «маленькими людьми», пигмеями, — и лишь для того, чтобы казаться великанами на их фоне. Моя нынешняя задача — обеспечить братьям-мутантам пенсию по инфантилизму, в которой они нуждаются. Я должен как-то раздобыть эти деньги, и это мне по плечу. Я продумал несколько способов…

— Все равно я вас застрелю, — перебил его

Фергюсон. — Потому что боюсь, что вы захватите весь мир.

— Миром правят безумцы, — сказал Лоусон, — а разумные люди работают над решением проблем. Во-первых, атомную энергию необходимо взять под контроль. Для этого требуется ясное и здравое мышление, а я первый по-настоящему разумный человек, когда-либо ступавший на поверхность этой планеты.

— Как убитый мною вчера самец гориллы? Он был цельным субъектом: злобным, раздражительным, ограниченным. У него было все, что нужно: гарем и кормовая база. Он не испытывал потребности в прогрессе и не желал его. Вот она, ваша зрелость. С остановкой прогресса остановится весь мир. Вы тупиковая ветвь, Лоусон, и через минуту вас не станет.

— Вы считаете, что сможете убить меня?

— Не знаю. Если вы сверхчеловек — вряд ли. Но попытаюсь.

— А если не получится?

— Тогда вы, наверное, убьете меня. Ведь в ином случае я буду рассказывать о вас на каждом углу, и рано или поздно вас линчуют. Поверьте, молчать я не стану. Ведь информация — это единственное оружие против вас и вам подобных.

— Убивают животные, — сказал Лоусон. — И люди. Я никого не убиваю.

— В отличие от меня, — произнес Фергюсон и спустил курок, но ничего не произошло.

Когда комната вновь обрела очертания, Фергюсон обнаружил, что сидит в уютном кресле, а револьвер лежит на полу. В тот момент Фергюсона не интересовало, почему он не сумел застрелить Лоусона. Важен был сам факт неудачи.

На протяжении всего разговора Лоусон был невыносимо любезен. У Фергюсона сложилось смутное ощущение, что хозяин дома отошел, чтобы налить гостю чего-нибудь крепкого. Фергюсона опять подвело чувство времени. Наверное, потому, что он совсем недавно вернулся с Луны. Как бы то ни было, Фергюсон уже никуда не спешил.

Затем он заметил на стене телевизионную панель, и чувство безотложности пробудилось с новой силой: ответ подскажет Арчер, если он еще жив.

Сам не понимая как, Фергюсон оказался перед экраном. Чтобы не упасть, оперся на панель управления и набрал знакомый номер офиса, где Арчер уже не работал. На коммутаторе сообщили то же, что и при звонке с Луны: офис закрыт, ново-

го адреса не указано. Фергюсон позвонил Арчеру домой (с тем же отрицательным результатом), после чего набрал номер офиса Хайрама Рива — политика, на которого работал Арчер, — где и получил ответ на свой вопрос.

— Зет икс сорок семь шестьдесят восемь пятьдесят девять. Это частный номер, мистер Фергюсон. Надеюсь, СЛП сохранит его в секрете.

Фергюсон дал слово, после чего переключился на коммутатор и дрожащим голосом продиктовал номер, начинавшийся с «зет икс». С невероятной скоростью и потрясающей четкостью на экране возникла пухлая физиономия Арчера. Фергюсон, полагавший, что этот человек уничтожен утонченным способом, коих ему представлялось множество, даже потянулся к экрану, чтобы убедиться в реальности собеседника, хоть это и выглядело довольно глупо. Его пальцы коснулись прохладной гладкой поверхности, но Арчер отскочил, рассмеялся и шутливо вскинул ладонь к лицу, будто защищаясь от воображаемого удара.

— Зачем вы звоните? — осведомился он.

— Арчер, вы в норме? Где вы? Что случилось?

— Разумеется, я в норме, — ответил Арчер. — А вы? Вид у вас неважный.

— Под стать самочувствию. Но я собрал доказа-

тельства. Лоусон все признал!

— Минуточку. Давайте все проясним. Знаю, вы только что вернулись с Луны, но…

— Я дома у Лоусона. Высказал ему все, что думаю…

С немалым усилием Фергюсон направил мысли в нужное русло: слишком многое зависело от того, как он сформулирует несколько следующих фраз. Пока что он не мог позволить себе проявить слабость.

— Лоусон признал все, о чем я говорил. Все это правда. Какое-то время я был близок к мысли, что схожу с ума, но он подтвердил мои догадки. Повторяю, Арчер, он все признал! Вы должны мне помочь! Понимаю, я у вас на плохом счету, ведь я все понял, но не сумел никого убедить, а вдобавок едва не слетел с катушек. Да, я уже давно похож на человека с психическим расстройством, но к вам прислушаются, непременно прислушаются, потому что я хотел застрелить Лоусона, попробовал и не смог. Надо срочно принять меры. — Набрав полную грудь воздуха, Фергюсон решительно продолжил: — Таких, как он, еще восемьдесят человек. Слышите, Арчер? Они пока в яслях. А когда вырастут, подчинят себе весь мир. Понимаю, как это звучит, но вы обязаны мне поверить! Дайте

шанс все доказать! Вы не могли бы приехать, и как можно быстрее? Где вы сейчас? Теперь все зависит от вас. Умоляю, Арчер, не подведите!

Посредник улыбнулся. До Фергюсона наконец дошло, что теперь он выглядит иначе. За последние полгода Арчер каким-то образом утратил настороженную скрытность, теперь он казался человеком совершенно расслабленным и полностью уверенным в себе.

Однако на это дружелюбное и умиротворенное лицо легла едва заметная тень, когда Арчер ответил:

— Могу подойти прямо сейчас. Не отключайтесь. — Он отвернулся от экрана, пересек комнату и открыл дверь в стене. Глядя на его затылок, Фергюсон услышал, как щелкнул замок. За дверью он мельком заметил крошечную далекую комнату, где стоял крошечный далекий человек — стоял спиной к двери, упершись взглядом в миниатюрный телеэкран с микроскопической копией человека, открывшего дверь в комнату, где лицом к телеэкрану стоял человек…

Лишь звук открывшейся двери уберег Фергюсона от падения в бездну уменьшения и бесконечных повторов. Этот звук он услышал дважды: тот донесся из телевизора и из-за спины.

Обернувшись, Фергюсон увидел, что в комнату входит Арчер.

На сей раз комната тоже обрела очертания, но не так быстро.

— Простите, — сказал Арчер. — Не подумал, что надо бы вас предупредить. Ситуация развивается так быстро…

— Какая ситуация? Что случилось? Что вы здесь делаете?

— Работаю, — ответил Арчер.

— В каком смысле работаете?

— Я сменил шефа. Законом это не возбраняется, верно? Я работал на Рива, пока считал его лучшим из лучших, но теперь работаю на Бена Лоусона, ибо он самый перспективный из… людей.

Сперва Фергюсон онемел, а затем прорычал:

— Предатель!

— Кого я предал?

— Человечество!

— О да, вполне вероятно, — вежливо ответил Арчер, — но все же я знаю, как принести наибольшую пользу. И люблю ее приносить. К тому же судить — не наше дело, согласны?

— Нет, не согласен! Это наше, наше дело! Кому судить, как не нам? Я…

— Наше действие или бездействие не имеет

никакого значения, — перебил его Арчер. — Вы же сами видели, что случилось при попытке выстрелить в Лоусона.

Фергюсон совсем забыл про револьвер. Нетвердо ступая, подошел к нему, поднял, заглянул в барабан и увидел холостые патроны.

— После сафари все охотники обязаны сдать оружие, — педантично объяснил Арчер. — СЛП старается избегать скандалов, поэтому в аэропорту Уганды револьвер не изъяли, но патроны подменили. Лоусон знал, как все будет. Потратив семь часов на быстрые подсчеты и логические выкладки, он определил единственно возможный исход с поправкой на психологический фактор, относящийся к вашим личностным реакциям, и теперь вы видите результат. Вы не можете его убить. Он всегда знает заранее, что произойдет.

— Н-неужели в-вы… — Фергюсон понял, что у него заплетается язык. Умолк, сделал такой глубокий вдох, что защемило в груди, и начал снова: — Неужели вы настолько глупы?! Да, я не сумел убить Лоусона в одиночку, но мы с вами вместе… и ресурсы СЛП… И все человечество объединится, чтобы уничтожить его, если узнает…

— Но зачем его уничтожать?

— Ради самосохранения!

— Этот инстинкт уже подвел нас, — спокойно возразил Арчер, — когда породил первую ядерную бомбу. Статус-кво — лишь полумера. Единственный ответ кроется не в новом способе контроля за атомной энергией, но в новой разновидности человека: в человеке зрелом.

— Зрелая горилла…

— Да, знаю, — вновь перебил его Арчер. — Вас уже давно терзает эта фобия. Но вы… вы рассуждаете, как детеныш гориллы, верно?

— Ну конечно! На этой стадии находится все человечество! Именно это меня и пугает. Вся наша культура основана на прогрессе, а его стимулируют конкуренция и кооперация. Если к власти придет по-настоящему зрелый человек, весь прогресс остановится.

— Вы действительно не видите решения этой проблемы?

Фергюсон хотел было ответить, но вовремя сообразил, что способен лишь повторить сказанное. Он не приближался к цели и не производил на Арчера никакого впечатления. Мог лишь из раза в раз повторять одно и то же. «Как ребенок, — лихорадочно думал он, — сплошные повторы и ноль логичных аргументов. Разве что…»

Они уже не могли общаться на равных, потому

что не понимали друг друга. Казалось, Арчер переключился на новый, непостижимый стандарт мышления. Барьер между ним и Фергюсоном был не менее ощутим, чем поверхность телеэкрана. Они видели, но уже не могли коснуться друг друга.

Отказавшись от попытки наладить коммуникацию, Фергюсон понурил плечи и развернулся к двери, но, помедлив, бросил по-новому тревожный взгляд на человека, ставшего вдруг его врагом.

Интересно, подумал он, какие приказы Арчер получил от Лоусона? Ясное дело, ему, Фергюсону, не дадут уйти. Он тщетно подыскивал вразумительную параллель. В такой ситуации нормальный человек пристрелил бы Фергюсона на выходе из дома или надежно запер там, где он не причинит вреда. Но Лоусон никогда не действовал с позиции нормального человека. Его оружием было…

— Можете идти куда пожелаете, — сказал вдруг Арчер. — И еще один момент. Послушайте, Фергюсон. Сегодня Лоусон хотел оформить в вашей компании еще один полис, и ему отказали. Сочли «плохим риском». Я подумал, вам надо об этом знать.

Лицо Арчера было нечитаемым. Барьер оставался на месте. Фергюсон понимал, что за этой фразой скрывается недосказанность, но ему оставалось только ждать. Он вышел из дома и побрел по тропинке под ярко-желтым солнцем знакомого мира. Мира, чье спасение зависело от Фергюсона, но он не мог спасти этот мир, поскольку всем было плевать на его опасения.

В голове вспыхивали иррациональные огоньки надежды. Быть может, Арчер пытался донести до него, что Лоусон не так уж неуязвим? СЛП отказало ему в полисе, а это может означать, что он наконец-то попал под подозрение. Это может означать, что Фергюсон все же не проиграл этой битвы. Быть может, теперь к нему прислушаются. Он тут же начал подсчитывать, как быстро доберется до штаб-квартиры…

Но в эти подсчеты постоянно встревал образ «Нестора» в неизведанном космосе, идущего на сближение с бесхозной боеголовкой, на рандеву, которого не предвидел никто, кроме Лоусона.

Двумя часами позже Фергюсон закрыл дверь своего кабинета за спиной у негодующей секретарши и со вздохом облегчения обвел глазами пустую комнатку. Он знал, что стремительность, с которой он пронесся по коридорам, отмахива-

ясь от приветствий, изрекаемых теми друзьями, что остались у него за последние два года, не сыграла ему на руку, но сейчас важнее всего на свете было одиночество, поэтому Фергюсон запер дверь на замок и повернулся к экрану персонального визора.

— Покажите актуальное досье Бенджамина Лоусона. Недавно он хотел приобрести полис, но ему отказали. Мне надо знать почему. — И он стал ждать, с нетерпением барабаня по упругой пластмассовой панели непослушными пальцами.

— Здравствуйте, мистер Фергюсон, — оживленно сказал экран. — Рада, что вы вернулись. Сейчас пришлю, но за время вашего отсутствия по Лоусону не было ничего нового.

— В таком случае не присылайте. Мне надо знать о последнем полисе. Нельзя ли побыстрее? — Фергюсон заметил, что говорит визгливым тоном, и усилием воли вернул голос в привычный диапазон.

После недолгого молчания девушка на экране смущенно произнесла:

— Простите, мистер Фергюсон, но эта информация засекречена.

— В смысле?! — вспылил он, но добавил, не дождавшись ответа: — Ничего страшного, спаси-

бо. — И щелкнул тумблером.

Итак, ему впервые отказали в доступе к информации. Допуск к секретным данным имелся у троих высокопоставленных чиновников компании, хотя сотрудники уровня Фергюсона чаще нарушали, чем соблюдали эти правила.

«Нет, меня не проведешь, — повторял про себя он. — Нет, я не сдамся».

Через минуту он сообразил, что можно сделать. Существуют три человека, на чьи телеэкраны автоматически выводятся секретные материалы. После двух звонков он нашел пустой кабинет. Фергюсону повезло — был обеденный перерыв.

Он отпер дверь, прошагал по коридору к пожарной лестнице и поднялся на три этажа, по пути формулируя благовидную отговорку, которой ему так и не пришлось воспользоваться. По стечению обстоятельств, куда более счастливому, чем его прежняя удача, кабинет первого вице-президента оказался пустым. Фергюсон заперся, переключил экран на одностороннюю передачу данных и потребовал:

— Мне нужен последний секретный файл Бенджамина Лоусона.

— Ну вот и все, — сказал Арчер.

Развалившийся в кресле Лоусон поднес к гу-

бам духовую трубу и выдал долгую кристально чистую ноту. Это могла быть нота насмешки над человечеством, но Арчер предпочел не вкладывать в нее такой смысл, поскольку неплохо знал Лоусона — или считал, что знает.

— Жаль, — продолжил Арчер, — что пришлось так поступить, но он не оставил нам выбора.

— Вас это беспокоит? — косо глянул на него из-за раструба Лоусон.

Отраженный в меди Арчер увидел свое деформированное лицо, отмеченное тенью тревоги.

— Думаю, да, — признался он. — Немного. Но тут уже ничего не поделаешь.

— Мы ведь не заманили его в капкан, — указал Лоусон, — а лишь устроили так, чтобы он узнал правду.

— Это семантическая уловка, — усмехнулся Арчер. — Слово «правда» звучит вполне безобидно, но за ним скрывается самая жестокая сущность, с которой только может столкнуться человек. Или, если уж на то пошло, сверхчеловек.

— Прошу, перестаньте называть меня сверхчеловеком, — сказал Лоусон. — А то говорите прямо как Фергюсон. Надеюсь, вы-то не думаете, что я собираюсь завоевать мир?

— Я пытался объяснить Фергюсону, что это

не так, но супермены уже мерещились ему за каждым деревом, и я никак не мог достучаться до его рассудка.

Съехав по спинке кресла, Лоусон исполнил серию коротких джазовых риффов, и на несколько секунд комнату наполнили тонкие послезвучия. Прежде чем они умолкли, Лоусон отложил трубу и сказал:

— Вряд ли такие объяснения воспримет человек, воспитанный в антропоморфном ключе.

— Знаю. Я и сам далеко не сразу понял. Пожалуй, не раньше чем отождествил свои интересы с вашими.

— Фергюсон пошел на крайние меры, но две вещи, которых он так боялся, — это выводы, к которым придет любой поборник антропоморфного мышления, знай он правду обо мне и восьми десятках ребят, еще не вышедших из яслей. Разумеется, Фергюсон был совершенно прав, проводя параллель между взрослением человека и гориллы. Прав, но по-своему. В естественных условиях незрелая горилла — коммуникативное и конкурентоспособное живое существо. Это часть ее взросления. Если вам угодно, прогресс. В яслях мы, дети, считали, что футбол, бейсбол и скатч важнее всего на свете и наша цель — победа, но

истинный смысл был в физическом развитии и обучении психологической и социальной координации — то есть необходимым элементам взросления. Как видите, зрелые люди уже не так серьезно относятся к подобным играм.

— Да, — сказал Арчер, — но попробуйте заставить Фергюсона — или другого человека с антропоморфным складом ума — провести эту параллель!

— Прогресс человечества, — наставительно произнес Лоусон, — не самоцель, а средство в глазах любого школьника, увлеченного соревновательной игрой.

— Букварь новой расы, параграф номер один, предложение первое, — усмехнулся Арчер. — Но бесполезно объяснять все это Фергюсону. В этой части сознания у него огромное слепое пятно. Весь его интеллект основан на концепции состязания и прогресса. Эта концепция — его бог, и Фергюсон будет биться до последней капли крови, прежде чем признает, что его… его футбольный счет — не последняя надежда человечества.

— Он уже пролил последнюю каплю крови, — сказал Лоусон, — и увяз в ней. Про Фергюсона можно забыть. — Задумчиво взглянув на трубу, он продолжил: — Параграф номер один, пред-

ложение второе. По достижении цели средство утрачивает любую значимость. Мы знаем, что это так, но не пытаемся донести эту мысль до человеческих существ. — Он подмигнул Арчеру и вежливо добавил: — За исключением вас. Параграф номер один, предложение третье. Не вздумайте винить в этом человека. Нельзя ожидать от него признания, что вся его культура — не больше чем детская игра, обреченная угаснуть, дабы послужить какой-то цели. Не смотрите на людей сверху вниз, ибо они заложили фундамент для нашего здания и не хуже нас знают, какую оно примет форму.

По обыкновению, Арчер почтительно промолчал. Он знал, что к этим вопросам Лоусон относится крайне серьезно — в отличие от всех остальных вопросов.

— Параграф номер два, — продолжил Лоусон, хмуро поглядывая на трубу. — На человека можно нападать только ради самозащиты, и в этом случае его надлежит уничтожить стремительно и бесповоротно. Отличаясь аутистическим мышлением, люди всегда будут уверены, что вы хотите править их миром. Свойственный человеку эгоизм не позволит ему смириться с истиной. Мы не нуждаемся в человеческих игрушках и

должны отринуть детские забавы.

— Этот букварь необходимо перенести на бумагу, — сказал Арчер после недолгого молчания. — И чем скорее, тем лучше. Без него нам не обойтись.

— Думаю, мы посвятим его Фергюсону, — язвительно предложил Лоусон.

Он взял трубу, нежно коснулся клавиш, и в комнате завибрировала очередная чистая нота.

— Вот смотрю на вас и вижу Иисуса Навина, — сказал Арчер.

— Гавриила, — лаконично поправил Лоусон и ухмыльнулся.

Фергюсон вглядывался в экран. Наконец тот мигнул и голос сказал:

— Извещение об отказе в страховке, выданное четвертого ноября Бенджамину Лоусону.

Голос не умолкал, и ошеломленный Фергюсон поначалу слушал его, но потом перестал. Вот она, цепная реакция, говорил он себе, держа разум под контролем и игнорируя вещавший с экрана голос. Вот оно, персональное зло, которого боялся всякий человек с тех самых пор, как упала первая бомба. Но не такой реакции мы ждали. Никто не предвидел подобного разделения на два человечества, старое и новое. Никто ничего не

знает, никто, кроме меня и Арчера, и я не смогу предупредить остальных…

Это поражение. Продолжать борьбу бессмысленно. Фергюсон видел губительное крушение надежд. Видел, что люди теряют контроль над Землей и Лоусон правит всей планетой, как Нерон правил чернью. Видел, ибо до последнего цеплялся за аутистическое мышление. Он видел, как останавливается прогресс, и воспринимал эту остановку как самую последнюю бездну, в которой его ограниченный разум не различал ничего, кроме черной пустоты. Так пал последний рубеж обороны, и Фергюсон позволил себе услышать слова, что повторялись с экрана:

— Лоусон хотел застраховаться от вероятности, что сотрудник СЛП Грегори Фергюсон сойдет с ума. Поскольку следствие выявило, что Фергюсон уже вышел за пределы допуска на ошибку, приемлемого для вероятности параноидальных психозов…

В неизведанном космосе лайнер под названием «Нестор» вновь столкнулся с неприкаянной боеголовкой, но теперь это произошло в сознании Грегори Фергюсона, и после белой вспышки его разум погрузился в бесконечную тьму.

Увольнение в детство
1. Джерри перекинулся

А если какой губошлеп рискнет обозвать меня пупсом, то получит по морде — да так, что улетит прямиком в категорию «Д».

Меня звать Джерри Кэссиди, я сержант морской пехоты США. На весах тяну ровно двести фунтов, а наружностью смахиваю скорее на Уоллеса Бири, чем на Бэби Сэнди, хотя бывали времена, когда это утверждение погрешило бы против истины.

Но тому олуху, который заведет разговор про пупса, лучше бы для начала обзавестись железякой вроде кастета. Не будь док Маккинли славный старикан, я бы шею ему свернул, ведь это из-за него я угодил в такую катавасию. Надо же, обмен мозгами!

В общем, расскажу, как все было. Но предупреждаю, рассказ выйдет закидонистый.

Детина я рослый и на вид беззлобный; потому-то, наверное, капитанская жена и решила, что, если доверить мне Поросенка Доусона, с ним не случится ничего дурного. С миссис Доусон я столкнулся на Парк-авеню, когда выруливал с

Центрального вокзала, а миссис Доусон, доложу я вам, та еще фифа — аккуратненькая, блондинистая, и глаза с такой поволокой, что голова кругом идет. В общем, катит она коляску, видит меня и говорит «привет».

— Здрасьте, миссис Доусон, — отзываюсь я, — хочется верить, что вы в добром здравии.

— В добрейшем, Джерри, так что вечером мы с капитаном идем на танцы, — кивает она, а сама посмеивается под нос. — Как же хорошо, что он снова дома. А ты, Джерри? Ты тоже в увольнении?

— С полным на то основанием. Сами смотрите: вот она, увольнительная. — И я продемонстрировал ей бумагу. — Вечером тоже собираюсь на танцульки в «Радугу». Моя… э-э-э… подружка считает, что, если не филонить, рано или поздно из меня еще и танцор получится.

— Ну да, ну да. — Миссис Доусон с сомнением глянула на мои ноги. — Кстати, как тебе Нью-Йорк?

— Да черт его знает… Не сказал бы, что сильно похож на Нью-Джорджию. Моя Билли освобождается в пять, а до тех пор я, по правде говоря, просто убиваю время.

— На Парк-авеню? Тебе тут не скучновато?

— Скучновато, — признаюсь я. — Но где-то здесь квартирует мой знакомый эскулап, док Маккинли. Когда-то он жил в Киокаке, а сам я тоже из Киокака, вот и собрался его проведать.

Тут миссис Доусон пожевала губу, задумчиво так, и говорит:

— Джерри, не сделаешь ли мне одно громадное одолжение?

Я отвечаю, что непременно сделаю, а потом интересуюсь, о каком одолжении речь.

— Присмотри за Поросенком. Всего полчасика, не дольше. Присмотришь? Неловко тебя просить, но служанка сегодня выходная, и оставить его не с кем, а к вечеру мне обязательно надо купить новое платье, потому что мы с капитаном так давно не виделись, ну и… сам понимаешь.

— Это запросто. Я его покараулю, вашего… э-э-э… мелкого чувачка, — пообещал я, — а вы, миссис Доусон, ступайте себе и не спеша выбирайте платье.

— Вот спасибо! Я мигом. И… ага, точно! Куплю твоей Билли подарок. На той неделе я присмотрела восхитительный комплект дамского белья!

— Б-белья? — Под воротником у меня вдруг припекает, а шея, поди, раскраснелась сильнее обычного.

— Джерри, ну не глупи! Она будет в восторге. В общем, жди здесь, а если надоест, сбегай вон в ту аптеку и возьми себе попить. Например, колу. Договорились?

— Да, мэм, — сказал я, и она уходит, а я чувствую, что с ладонями у меня что-то не так, словно были руки как руки, а стали ручищи. Смотрю на них, а они тоже пунцовые. Дамское белье! Это ж надо! Вряд ли Билли придет в восторг от такого подарка. Хотя… как знать. Иной раз дамочкам импонируют самые парадоксальные штуки.

Я зыркнул на капитанского отпрыска. Он оказался упитанным младенцем самого дурацкого вида, слегка косоглазым и с такими огроменными щеками, что они растеклись у него по плечам. Ладошки как морские звезды, пальчонки растопырились во все стороны, а еще он пытался сожрать свою ногу, и у него это неплохо получалось. Тут я подумал, что если малец пошел в папашу, то характер у него не сахар, поэтому решил не спорить с ним насчет пожирания ног, а вместо этого сунул в рот сигарету и стал смотреть на всякое.

В самом скором времени Поросенок начал подвывать: лежит на спине весь красный, сучит руками-ногами и таращит глаза, а голосина точь-

в-точь как у родителя, когда тот устраивал мне выволочку в Сиднее, где я однажды принял на стаканчик больше нужного и слегка повздорил с какими-то матросами.

Я решил, что он истосковался по своей ноге. Поэтому сунул ее на прежнее место, но оказалось, что малец утратил к ней всякий интерес. Из красного он сделался фиолетовым и заорал пуще прежнего. На меня стали смотреть люди, я перепугался и хотел уже дать деру, но не бросать же парнишку на произвол судьбы.

Поэтому я заглянул в аптеку и спросил аптекаря, как быть, а тот ответил, что не знает. Сказал, что все младенцы время от времени орут и от этого им сплошная польза.

Но в нашем случае все было иначе. Я заметил, что на ногах у Поросенка недостает пинетки, и мне стало худо.

— О господи, — охнул я, — этот чертов страус все-таки ее сожрал!

Я поднял его за ноги и аккуратно встряхнул, но без толку, разве что он совсем разорался. Вокруг собралась толпа, но в ней не оказалось никого из Женской службы Сухопутных войск, Чрезвычайной добровольческой службы или, на худой конец, Женского резервного отряда береговой

охраны. Я в замешательстве гадал, что будет, когда миссис Доусон вернется и обнаружит, что карапуз преставился, заглотив собственную пинетку. А что будет? Военно-полевой суд, не иначе. Но меня волновал вовсе не суд: меня волновала судьба этого горемыки.

Тут я вспомнил про дока Маккинли. До его кабинета был один квартал, поэтому я вцепился в коляску; она оказалась хорошая, покатила по Парк-авеню не хуже быстроходного джипа — так, что в воздухе висели капли пота с моего лба, а Поросенок вопил, визжал, ревел и верещал на все лады. Короче говоря, никак себя не сдерживал.

— Что там у тебя, браток, переносная рация? — усмехнулся мне какой-то матрос, и я хотел было его стукнуть, но драться было некогда, так что я выхватил Поросенка из его экипажа, взмыл по ступенькам и забарабанил в дверь с табличкой «Док Маккинли». Мне открыла медсестра, и у нее был озадаченный вид.

— Доктора мне, живо! — потребовал я. — Карапет сожрал пинетку!

— Но… Но…

Тут открылась дверь напротив, и я узрел хорошо знакомую сморщенную физиономию с седыми патлами, торчащими наподобие петуши-

ного гребня. Док кого-то выпроваживал, причем весьма настойчиво.

— Нет! — шумел он — Меня это не интересует! Ваши документы не внушают мне доверия, и я сию же секунду звоню в ФБР! Проваливайте!

Здоровяк с сонными глазами и щетинистыми усиками хотел было возразить, но тут же захлопнул свою крысоловку. Судя по виду, он был вне себя от ярости, однако спорить не стал: просто развернулся и двинул прочь, а проходя мимо, бросил в моем направлении свирепый взгляд.

— Док! — сказал я.

— Чего? Кто… Матерь божья, кого я вижу! Джерри Кэссиди! С каких это пор тебя произвели в сержанты?

— У меня вопрос жизни и смерти. — Я сунул ему младенца. — Малец того и гляди задохнется! Он что-то сожрал. Подозреваю, что пинетку.

— Какую еще пинетку?

Я объяснил. Док кивнул медсестре, впустил меня в кабинет — довольно большой и со всевозможным оборудованием — и занялся карапузом, а я следил за его манипуляциями и леденел от страха. Прошло какое-то время, и док пожал плечами:

— По-моему, все с ним нормально.

— Тогда чего он так надрывается? Говорю же, обувкой подавился!

Тут вошла медсестра.

— Гляньте-ка, что нашлось в коляске. — Она помахала недостающей пинеткой. — Док, вам помочь?

— Нет, спасибо. — Док натянул пинетку Поросенку на ногу, но проблемы это не решило. Медсестра удалилась, а малец продолжал орать.

— Ладно, ничего, — рассеянно бормотал док. — Скоро выдохнется. Так где ты его взял? На тебя он вроде не похож.

— Ясное дело, не похож! Он моего капитана жены… то есть капитанский сын… тьфу, док, ну сделайте хоть что-нибудь!

— Например?

— Почему он так орет?

— Это, — глубокомысленно изрек док Маккинли, — величайшая загадка всех времен. Никто не знает, почему младенцы так орут. Разве что у них колики, или им под ногти загоняют иголки, или им пора менять подгузник.

— Ну а у него что? — выдохнул я. — Первое, второе или третье?

— Ну… я бы предположил, что это колики, — ответил док, — поскольку подгузник пока сухой,

а иголок под ногтями я не вижу.

— Что же этот сосунок говорить-то не умеет?! — простонал я. — Ужас-то какой!

— Ох ты ж, совсем забыл! — Док распрямился. — Короче, Джерри, пару секунд, и все будет в норме. Наконец-то испытаем мое изобретение в условиях, приближенных к боевым. Вот, — он открыл сейф, — смотри. Транспортер мыслительной матрицы.

Он вытащил из сейфа пару мягких шлемов и вручил один мне. Шлем оказался кожаный, с вшитыми проводками, а над ухом — крошечный переключатель.

— Вы что, предлагаете рот ему заткнуть? — спросил я. — Док, это не дело. К тому же нам хватило бы и носового платка.

— Цыц! — велел док. — Я гуманист и филантроп! Потому-то и придумал эти транспортерные шлемы. Для мыслеобмена.

— Сменять одну мысль на другую я и без шапки могу, — возразил я, но док вырвал шлем из моих рук и нахлобучил мне на голову, а второй натянул на себя.

— Сейчас покажу. Поверни-ка переключатель.

Я послушался. Что-то тихо загудело, и голове стало жарко.

Док тоже щелкнул тумблером. На секунду все поплыло, а потом со мной приключился легкий приступ головокружения, так как комната развернулась на сто восемьдесят градусов.

— А вы изменились, док, — сказал я, и голос у меня оказался странный: скрипучий и надтреснутый.

И правда, док Маккинли был похож не на себя, а на рослого детину с физиономией как у гориллы в нокауте… и тут я узнал эту физиономию, потому что вижу ее каждое утро, когда бреюсь.

Док выглядел точь-в-точь как я!

Он с ухмылкой щелкнул переключателем, подошел ко мне, выключил мой шлем и громыхнул:

— Не переживай! Мы просто обменялись, так сказать, телами — хоть и не на самом деле. Такова природа дистанционного управления. Этот обмен не затрагивает самых глубин психики, но переносит мыслительную матрицу — то есть базовую характеристику твоего сознания.

— Док! — взмолился я. — Спасите! Помогите!

У меня заболела голова, а еще мне стало страшно.

— Ну хорошо, — усмехнулся док, — сейчас перекинемся обратно. Ну-ка, где кнопка… Ага, вот она. А теперь…

Комната снова перевернулась, и я понял, что смотрю на дока Маккинли — стало быть, возвратился в собственное тело. Когда док выключил свой шлем, я тоже машинально щелкнул тумблером, после чего рухнул в кресло и сказал:

— Ого! Вот это колдовство!

— Ничего подобного. Я всего лишь изобрел идеальное средство диагностики. Теперь врачу достаточно обменяться сознанием с пациентом, и он сразу прочувствует все его недуги и недомогания. Дело в том, что непрофессионал не способен точно описать свои симптомы, и врач, оказавшись в шкуре больного, справится с такой задачей не в пример лучше.

— У меня голова разболелась.

— А сейчас болит? — с интересом спросил док.

— Хм… — Я задумался. — Странное дело. Уже не болит.

— Вот-вот! А у меня болит с самого утра. И ты, естественно, чувствовал головную боль, пока находился в моем теле.

— Дичь какая-то, — сказал я.

— Вовсе нет. Человеческий мозг испускает энергетические волны, и у них есть базовая матрица. Слыхал когда-нибудь о дистанционном управлении?

— Ну да, слыхал. И что? — Мне стало интересно.

— Физическая трансплантация головного мозга, — док Маккинли задумчиво потер высокий лоб, — невозможна с хирургической точки зрения. Но само сознание — то есть ключевая матрица — вполне поддается транспортировке, потому что имеет выраженный вибрационный алгоритм. А за обмен отвечают мои шлемы, работающие по принципу коротковолновой диатермии. Понятно?

— Угу, — ответил я, — понятно, что ни черта не понятно. Поросенок никак не уймется, и если вы не способны помочь, то что, спрашивается, мне делать?

— Еще как способен, — возразил док. — И помогаю. О таком варианте я раньше не думал, но он очень элегантный и вполне логичный. Младенец не может объяснить, что у него болит, потому что не умеет разговаривать. Но ты умеешь. Дай покажу.

Он снял свой шлем, аккуратно надел его на Поросенка и повернул переключатель. Не успел я сообразить, что происходит, как док пулей метнулся ко мне, протянул руку и… и…

— Агугуга, — сказал я.

С глазами было что-то не то. Все вокруг плыло и туманилось. Надо мной нависла огромная круглая клякса…

А еще кто-то оглушительно басил, словно свихнувшийся церковный орга́н. Приложив чудовищное усилие, я свел глаза в кучу и понял, что смотрю на физиономию дока Маккинли. Почувствовал, как его пальцы ощупывают мне голову. Что-то щелкнуло.

Где-то на фоне продолжали басить. Горло и нёбо стали непривычные: мягкие и пупырчатые. Язык норовил уползти в глотку. Я потянулся к доку, и в поле зрения возник пухлый розовый объект, похожий на морскую звезду.

Моя рука!

Боже мой!

— Гуга агугу, док, угага гу кхе! — сказал я самым что ни на есть младенческим голосом.

— Джерри, все нормально, — успокоил меня док, — ты просто в теле младенца. Оно в твоем полном распоряжении. Говори, как самочувствие, а потом я поменяю вас обратно.

— Выпусисе, сисяз зе выпусисе! — На сей раз я говорил более осмысленно, хотя заметно присюсюкивал.

— Как ты себя чувствуешь? Ведь сам хотел

узнать, что беспокоит малыша.

Я кое-как привстал, то есть переместился в сидячее положение. Ноги подвернулись, и у них был совершенно бесполезный вид.

— Чувствую себя прекрасно, — сумел выговорить я, — но очень хочу обратно в мое тело.

— Ничего не болит?

— Нет. Нет!

— Значит, он просто капризничал, — заключил док. — Эмоции передаются вместе с сознанием, но сенсорный аппарат остается в организме. У малыша приступ раздражительности. Смотри, он до сих пор не унялся.

Я посмотрел. Мое тело — тело сержанта Джерри Кэссиди — лежало на спине, подвернув руки и ноги, крепко зажмурившись и разинув рот в беспрестанном вопле. По его — вернее, моим — щекам градом катились слезы, и каждая была размером с горошину.

Мой же младенческий рот был как будто набит манной кашей, но я сумел объяснить доку, что меня все это совсем не устраивает. Негодование обострилось от того факта, что Поросенок, разлегшись на спине, сосал мой большой палец и сонно пялился в потолок. Ну что ж, хотя бы выть перестал. Пока я его рассматривал, он сомкнул

веки и захрапел.

— Ну, вот он и уснул, — сказал док. — Наверное, транспортировка мыслительной матрицы оказала на него умиротворяющее действие.

— На него, но не на меня, — еле слышно вякнул я дрожащим сопрано, — и мне это не нравится. Вытащите меня отсюда!

2. Младенцу надо выпить

Док собрался переместить меня назад в мое законное тело, но тут в приемной началась какая-то возня, медсестра коротко вскрикнула, и я услышал глухой стук. Затем дверь распахнулась и в кабинет вошли трое крепких ребят с пушками в лапах: у одного был револьвер «уэбли», а у остальных — пистолеты, маленькие и плоские. Оказалось, что типчик с револьвером — тот самый увалень, которого док совсем недавно прогнал из своей лечебницы. Усы над его пастью, похожей на крысоловку, совсем растопорщились, а взгляд стал еще более сонным. Что касается остальных, это были обычные головорезы.

— Смит! Ах ты, нацист поганый! — воскликнул док и хотел было схватиться за скальпель, но Смит его опередил.

Дуло револьвера гулко стукнуло в висок, и старикан свалился на пол, откуда извергал потоки проклятий, пока Смит не припечатал его снова.

— *Gut!* — сказал один из головорезов.

Все это время я сидел на кушетке, но теперь вскочил и бросился к Смиту, намереваясь выдать ему первоклассный апперкот. К несчастью, ноги меня не послушались и я брякнулся ничком, носом в клеенку, и это было крайне неприятно.

— А это еще кто? — спросил чей-то голос.

Я перекатился на спину. Второй головорез (он, как и Поросенок, маялся косоглазием) тыкал пистолетом в мое прежнее тело, а оно знай себе похрапывало, мирно свернувшись на коврике. Смит предупреждающе поднял руку:

— Наверное, пациент. Судя по храпу, под эфиром.

— На нем тот самый шлем!

— *Йа, Йа,* — бросил Смит, — тот самый, в котором так нуждается *херренфольк*[22]. А вот, — он снял шлем с моей младенческой головы, — еще один. Номер Третий будет доволен. Выходит, оборудование достанется нам бесплатно.

— Разве мы собирались за него платить, герр

---

[22] Notes: 22
Раса господ (*нем.* Herrenvolk).

Шмидт?

— *Найн,* — ответил герр Шмидт, — и помни, что глупость не красит человека. Не зря же я замаскировался под государственного чиновника. Ха! Но мы теряем время, Раус. Встретимся сегодня вечером — сам знаешь где.

— *Йа,* в цирке, — подтвердил косой.

— Тихо!

— А кто нас слышит? Младенец? *Унзинн!*

— Нет, не вздор. Осторожность никогда не помешает, — возразил Смит, запихивая оба шлема в маленький черный ранец, лежавший у дока на стеклянном столике с инструментами. — А теперь уходим!

И они ушли, а я в некотором ошалении остался сидеть на кушетке. Потом крикнул:

— Док!

Нет ответа.

Пол был черт-те где, но я понимал, что надо както спуститься. Пополз по клеенке, выквакивая всякие нехорошие слова, и вдруг обнаружил, что для таких мизерных размеров у меня на удивление крепкая хватка: ножки слабенькие, но с ручками дела обстоят не так уж плохо.

Я спустил ноги с края кушетки, повис, поболтался на руках и шмякнулся на пол, а поскольку

я был упитанный младенец, то отскочил и шмякнулся еще раз. Потом собрался с силами, осмотрел кабинет, и мне померещилось, что он увеличился в размерах. Стол, стулья и все остальное маячило где-то над головой, а бесчувственный док лежал в углу. Туда-то я и пополз.

Док дышал, а это уже было неплохо. Но привести его в чувство я не сумел. Наверное, у него было сотрясение мозга.

Хм.

Мое тело по-прежнему похрапывало, и я тряс его за голову, пока не разбудил, после чего кое-как выговорил:

— Малой, постарайся меня понять. Нам нужна помощь. Слышишь?

Но у меня совсем вылетело из головы, насколько юн этот младенец. Он схватил меня сзади за подгузник и стал возить мною по полу, словно я был щенок, и при этом басовито гулил, и мне сделалось дурно, и я обзывал его обидными словами. Наконец он отпустил меня и снова принялся жрать ногу, но теперь уже не свою, а мою!

Я вспомнил про медсестру. Переполз в приемную и обнаружил, что девица распласталась на столе и сознания в ней не больше, чем во вчерашней треске из холодильника. Я глянул на

телефон, и у меня появилась мысль. Достать его я смог, лишь подергав за провод. Наконец телефон свалился на пол, да так близко, что едва меня не пришиб.

Набирать номер было непросто: пальцы все время прогибались и складывались. Я догадался схватить карандаш — тот удачно упал со стола вместе с телефоном. Телефонистка спросила, с кем меня соединить.

— Агуг… гу… с полицией! С полицейским управлением!

Как я ни силился привести мягкие ткани горла и языка в говорильное положение, все равно то и дело срывался на кашеобразное бульканье.

— Дежурный сержант у аппарата. Я вас слушаю.

Я стал рассказывать ему, что хотел — с чего все началось и еще про налет на лечебницу дока, — но он меня перебил:

— Кто это говорит?

— Сержант Кэссиди, морская пехота США.

— Что ж вы, черт возьми, так непонятно лепечете? — Он передразнил меня, имитируя писклявый от природы голос: — Фервант Кеффиди, мовская пефота Фэ-Фэ-А. У вас что, кляп во рту?

— Нет! — пропищал я. — Проклятье! Высылай-

те наряд.

— Наяд?

Я начал было рассказывать, как нацистские громилы сперли изобретение дока, но мне хватило ума заткнуться, пока не наплел лишнего. Чувствовалось, как полицейский на другом конце линии переполняется скепсисом, но в конце концов он сказал, что пришлет человека. Что ж, и на том спасибо.

Повесив трубку, я уставился на свои младенческие ноги и крепко призадумался. Убедить кого-то в существовании транспортерного шлема? Пожалуй, даже доку это было бы не под силу. Его бы мигом записали в психи и сдали в клинику для опытов. Тем более что док — ученый, а я, строго говоря, даже не морпех, ведь младенцев в морскую пехоту не берут.

Но эти шлемы — ценные штуковины. Я не понимал, для чего они понадобились Смиту, но чуял, что в Германии им найдут какое-нибудь применение.

И тут до меня дошло: елки-моталки, шпионаж!

Немецкие мозги, да в союзнической каске — это же разведка высшей пробы! Даже по отпечаткам пальцев ничего не узнаешь! Теперь нацисты могут посадить своих шпионов на ключевые посты

и… и… выиграть войну!

Вот так так!

Но, пропади оно пропадом, мне никто не поверит! Быть может, док сумеет объяснить все в подробностях и полицейские прислушаются к его словам, вот только я не знаю, когда он очнется. А Смит тем временем отнесет шлемы Номеру Третьему, кем бы тот ни был, и встреча состоится… вот именно, в цирке.

Хватало у меня и собственных забот. Вот он я, в Поросенковом теле. Что будет, если я не заполучу эти шлемы? Придется провести остаток жизни младенцем — по крайней мере, пока не вырасту. Я представил, как буду рассказывать капитану Доусону обо всем, что случилось, и меня не очень порадовала эта картина.

Тем временем поселившийся в моем теле Поросенок гулил и агукал в соседнем кабинете, и я решил, что пора уже что-то делать, и чем быстрее, тем лучше. Попробовал встать на ноги. У них была склонность подламываться, но в целом я неплохо справился. Наверно, все дело в том, что я — в отличие от Поросенка — знал, как ходить. Не скажу, что мышцы у него были слабые. Нетренированные, только и всего.

Дверь была закрыта, открыть ее я не мог, но

в скором времени придвинул куда надо самый легкий стул, по-мартышечьи взобрался на него и повернул ручку. Этого оказалось достаточно. За дверью была лестница, и ступеньки добавили мне проблем: пришлось сползать с них задом наперед, чувствуя при этом, что с тыла меня никто не прикрывает. Крайне неприятное ощущение, доложу я вам. Наконец я очутился в вестибюле, окинул взглядом здоровенную входную дверь и понял, что с ней мне не совладать, так как стульев здесь не имеется.

Но тут за стеклом мелькнула тень. Дверь распахнулась, и в вестибюль ворвался коп. Глядя вверх, а не вниз (и посему не заметив моего присутствия), он стал подниматься по лестнице, а я тем временем рванул наружу, пока дверь не закрылась. Она была с пневматическим доводчиком, так что мне повезло, хотя я, протискиваясь на улицу, едва не лишился подгузника.

В общем, я выбрался на Парк-авеню, и мне там совершенно не понравилось. Все люди превратились в великанов, и некоторые поглядывали на меня, проходя мимо, и я понял, что надо двигать отсюда.

Пару раз упал, но не расшибся, хотя остролицая дама с уксусным голосом взялась меня

поднимать, приговаривая что-то насчет бедняжки-потеряшки. Я, не особенно стесняясь, громко высказал мнение, после чего дама выронила меня, словно я был не младенец, а раскаленный кирпич, и взвизгнула:

— Боже правый, ну и выраженьица!

Однако последовала за мной, и я понял, что надо бы от нее отвязаться. Прежде мою особу никогда не преследовали дамочки, пусть и не первой свежести. Впереди я увидел бар и понял, что меня замучила жажда, да и по-любому мне надо было выпить — как и всякому, с кем приключилась бы подобная напасть.

Если взять пиво или чего покрепче, посидеть и все обмозговать, наверняка что-нибудь придумается.

Так что я завернул в бар, без проблем совладав с пендельтюром, а дамочка осталась снаружи и раскудахталась как умалишенная. Бар был из тех, где потемнее и поспокойнее, народу в нем оказалось немного, так что я, не привлекая лишнего внимания, взгромоздился на высокий табурет у стойки, и мои глаза оказались на уровне столешницы цвета махагони.

— Ржаного виски, — сказал я.

Бармен — старый, толстый и в белом перед-

нике — завертел головой, не понимая, от кого поступил заказ.

— Ржаного! — повторил я. — И пива вдогонку.

На сей раз он меня приметил. Подошел, облокотился на стойку, выпучил глаза и наконец расплылся в ухмылке:

— Вы только посмотрите на этого бутуза! Это ты сейчас просил ржаного? Я не ослышался?

— Что, приятель, — проворчал я, — по башке давно не получал?

— Чем именно? — осведомился он. — Погремушкой? Хо-хо!

Ему, видите ли, смешно стало.

— Заткнись и наливай! — пискляво рыкнул я, после чего он отыскал бутылку и стакан; я уже облизывался, но, вместо того чтоб выдать мне порцию ржаного, толстяк выпрямился и торжествующе посмотрел на меня:

— Мне, старина, необходимо взглянуть на твое приписное свидетельство. Хо-хо-хо!

На языке у меня завертелись разные слова, и, если бы я сумел их произнести, бармен тотчас убедился бы, что перед ним далеко не самый безвинный ребенок, но мой рот, по обыкновению, наполнился манной кашей, и я сказал: «Бе-бу-багы-гу» — или что-то в этом роде.

Величественный старикан с блестящей часовой цепочкой подошел к стойке, взял меня на руки и прогудел:

— Надо же! Что же это за мать, которая детей по барам таскает, да еще таких маленьких!

Он стал пытливо озираться, но никто не предъявлял своих прав на меня. На диване расположилась милая девица в голубом платье; потягивая куба либре, она сказала, что я не с ней, что я просто чудо, и спросила, можно ли меня подержать.

До меня наконец дошло: Билли!

Но где она, а где я?

Вот-вот. К тому же мне не хотелось, чтобы она увидела меня в младенческом облике. Совсем не хотелось. Но других вариантов, похоже, не было.

Беда в том, что я понятия не имел, как с ней связаться.

Старикан уже готовился передать меня милашке. Меня это не устраивало, поэтому я стал пронзительно вопить и дергать его за часовую цепочку, чтобы получше донести до всех свою мысль. Наконец милашка сказала:

— Вижу, вы ему нравитесь, так что оставьте его себе. Наверняка мамаша объявится с минуты на минуту.

— Да-да. Тони, мне еще один скотч. Вот так. —

Старик плюхнулся на диван и усадил меня к себе на колени. Я и сам не заметил, как заигрался с часовой цепочкой, а старикан пощекотал мне шейку, и захотелось обругать его страшным ругательством, но я сдержался.

— Бедненький малыш… ты же у нас бедненький, да?

В самую точку. Я был на мели — ни гроша, банкрот и так далее. Проще говоря, мучился от острой денежной недостаточности.

Наигравшись с цепочкой, я стал шарить у старика по карманам. Надежды оправдались — я наскреб кое-какую мелочь, но этот тип вознамерился ее отобрать. Завязалась потасовка, деньжата высыпались из моей ладошки и зазвенели по полу.

— Ай-ай, какой негодник! — воскликнул жадный старик и аккуратно усадил меня на диван, после чего дождался бармена и стал вместе с ним подбирать монетки.

Я сполз с дивана, своровал пятицентовик и нетвердо поплелся вглубь зала, где чуть раньше приметил телефонную будку. Толстосум бросился вдогонку, но я этого ожидал. Поэтому свернул к милашке в голубом платье и потянулся к ней ручонками.

Она усадила меня к себе на колени. С этим я смирился, но продолжал тыкать пальцем в сторону телефона.

— Что такое, малыш? Ой, какой же ты красивенький! Чмоки?

Спорить я не стал — чмоки так чмоки — и поцеловал ее, а целоваться я умею, так что милашка едва не свалилась с дивана. Кажется, она слегка оторопела. Ну да ладно. Я все показывал на телефон; прошло некоторое время, и она поняла, чего я добиваюсь. Подошел жадина и навис над нами с похабной ухмылкой, но в тот момент мы с милашкой не питали интереса к подтухшей козлятине.

— Как вижу, мисс, вы ему понравились, — сказал старик.

— Да, — уклончиво ответила моя спасительница. — По-моему, он чего-то хочет.

— Телефон, — сказал я, не рискнув вдаваться в детали.

— Ой, он разговаривает! Выходит, ты знаешь некоторые слова? — улыбнулась она мне. — Какой хороший! Но тебе нельзя давать телефонную трубку, ты еще слишком мал.

— Угу, — сказал я, — тогда чмоки.

Милашка застеснялась, поспешила встать,

отнесла меня к телефону и даже придержала трубку. Извернувшись, я сумел поставить ноги на сиденье, после чего замахал руками и завопил:

— Кыш!

Ничего не понимая, милашка выскочила из будки. Я попробовал задвинуть дверь и не смог, но за дверью приплясывал старик: он горел желанием помочь, и дверь наконец задвинулась без моего участия.

— Ох, как бы он там не поранился, — запереживала милашка, но было уже поздно: вооружившись трубкой, я сунул в автомат пятицентовик и стал лихорадочно набирать номер, в то время как пальцы изгибались под самыми произвольными углами. Старик с милашкой пялились на меня во все глаза, поэтому я, дозвонившись до Билли, постарался говорить как можно тише:

— Алё, Билли, это Джерри…

— Какой еще Джерри?

— Кэссиди! — сказал я. — Мы с тобой знакомы. У нас сегодня свидание.

— Ну да, свидание. Но я знаю голос Джерри, и он не похож на твой. Поэтому извини, но сейчас я занята.

— Погоди! У меня… горло разболелось! Это я, честно! И у меня тут ситуация!

— А когда у тебя не ситуация? Стой… Тебя же не поколотили, нет?

— Нет, не поколотили, но мне страшно нужна помощь! Билли, милая, это вопрос жизни и смерти!

— Ох, Джерри! Ну конечно я помогу! Ты где?

Я продиктовал ей адрес бара.

— Приезжай, как только сможешь. Найдешь здесь меня… то есть не меня, а младенца. Забери его и вызови такси. И не удивляйся, если младенец скажет что-то необычное.

— Ну а ты-то где? И что там за младенец?

— Позже объясню. А сейчас ноги в руки и дуй, куда сказано.

Старик открыл дверь. Я повесил трубку и выдал правый хук ему в челюсть, но этот субчик решил, что я играюсь.

— Нет, вы гляньте, какой умненький! Прикидывается, что умеет звонить по телефону! Думаю, мисс, нам с вами надо выпить за его здоровье.

— Ну что ж, я не против. — Она взяла меня на руки, и я не возражал, хотя понятия не имел, как быть дальше. Поэтому сидел у нее на коленках, пока старик поил ее всякими напитками, и каждый раз, когда старикан спрашивал милашку, не договориться ли им о свидании, я поднимал крик,

и вскоре он стал испытывать ко мне некоторую неприязнь. Интересно, с чего бы?

3. Шаловливые ручонки

Когда явилась Билли — нахальная модница с блестящими кудряшками до плеч, да и все остальное тоже при ней, — я уже боялся, что старик затискает меня до смерти. Поэтому, едва она вошла в бар, я стал орать как резаный, пинаться и размахивать руками.

Билли сделала удивленное лицо, но вопросов задавать не стала. Старик смотрел, как она подплывает к нашему столику, а потом спросил:

— Не ваше ли это дитя, мадам?

— Ма-а-а-ма-а-а! — взвыл я, заметив, что Билли растерялась. Ясное дело, она не могла сообразить, в чем подвох. От вытья в горле у меня совсем пересохло, но Билли наконец кивнула и взяла меня на руки, после чего стала озираться в поисках сержанта Кэссиди (то есть меня), но сержант Кэссиди (то есть я) на тот момент был в штатском — если, конечно, трикотажные ползунки считаются за штатское.

Я не рискнул подать голос, но надеялся, что Билли помнит наш телефонный разговор. Ока-

залось, она не забыла: вынесла меня на улицу и поймала такси.

— Куда вам, мисс?

— В Гарден! — пропищал я.

Водитель не заметил, от кого исходили эти слова, но Билли заметила. Она вылупилась на меня, до предела распахнув глаза.

— Спокойно, милая, — сказал я, — держи себя в руках. Случилось кое-что страшное.

— О-хо-хо, — прошептала она, — страшное. Это точно. Я сошла с ума. У-у-у!

Билли изменилась в лице и зажмурилась. На мгновение мне показалось, что она в обмороке, да и сам я едва не лишился чувств, потому что знать не знал, каким образом младенцы оказывают первую помощь, да еще и в такси.

— Билли! — квакнул я. — Гу-га-гу! Очнись! Это я, Джерри! Не вздумай отключиться!

— Н-но… — Она истерически захихикала, и я понял, что с ней все нормально. — О господи! Ты, несомненно, карлик. Но притворяешься, что ты Джерри.

Я до упора запрокинул голову, чтобы видеть ее лицо. Мои глаза, как и прежде, фокусировались с огромным трудом; я был зол; я оставил любые надежды; и еще меня подташнивало. Да что я

рассказываю, вы сами тоже были младенцами и помните, каково это. Вот только мне было в два раза хуже.

— Билли, послушай и постарайся понять, — заговорил я. — Расскажу как есть, и это полное безумие, но ты обязана мне поверить.

Билли вздохнула и побледнела до самых ушей, но сказала:

— Давай. Я попробую.

И я выложил все как на духу, а пока говорил, пытался сообразить, как выпутаться из ситуации. Если Билли не согласится, то помощи ждать неоткуда, разве что от дока Маккинли, а он сейчас небоеспособен. С копами я уже созванивался, а потому мог себе представить, как случившееся выглядит в глазах дежурного сержанта. Если пару дней назад какой-то придурковатый младенец взялся бы играть со мной в подобные игры, я бы посмеялся и прогнал его взашей. Но теперь я сам очутился в младенческой шкуре, то есть в незавидном положении, и это еще мягко сказано.

А если говорить как есть, положение было швах. Я всегда мог постоять за себя — да и, чего греха таить, склонен был задираться, ведь раньше я, раздевшись до трусов, весил две сотни фунтов, причем в этих фунтах не было ни капли

жира. Кроме того, я знал кое-какие приемчики: умел бороться по-японски и размахивать ногами в манере апашей. Чрезвычайно полезные навыки — но не теперь, когда я даже из легкого пистолета не смог бы стрельнуть.

Другими словами, младенцы ни на что не годятся.

Но потом я стал думать про капитана и миссис Доусон и пришел к выводу, что они очень дорожат своим Поросенком. Миссис Доусон, наверное, уже вернулась из магазина и обнаружила, что я пропал. О-хо-хо!

К тому же по некой причине я ужасно устал: мышцы как будто превратились в водянистый яичный желток, а спать мне хотелось как никогда в жизни.

Я с грехом пополам дорассказал Билли обо всем, что случилось, а потом закемарил прямо у нее на руках. Когда проснулся, мы уже были в телефонной будке. Билли трясла меня и приговаривала:

— Просыпайся, Джерри! Ну проснись же!

— Ба-ба-ба, — пробубнил я, — ва-ва… Ох. Что…

— Ты задремал, — объяснила Билли. — Младенцам надо много спать.

— Хватит уже про младенцев! Я… Стоп! Как ты меня назвала? Джерри? То есть ты мне пове-

рила, да?

— Поверила, — хмуро кивнула Билли. — Как ты себя чувствуешь?

— Нормально. Только жажда одолела. Выпить хочется.

— Чего?

— Пива, — сказал я.

— Никакого пива. Только молоко.

— Молоко? — Я сдавленно охнул. — Билли, бога ради! Я все тот же Джерри Кэссиди, хоть и в карапузьем теле.

— Молоко, — твердо повторила она. — Куплю тебе бутылочку с соской.

Но этой черты я переступить не мог, а потому уломал Билли на компромисс: она заказала молоко, но не в бутылочке, а в стакане, но справиться с этим чертовым пойлом оказалось непросто, и я сильно облился. В итоге мы пришли к выводу, что лучше мне пить через соломинку.

Молоко, конечно, не пиво, но оно пошло мне на пользу, и я перестал умирать от жажды. В общем, я посасывал белую жидкость, а Билли рассказывала обо всем, что было, пока я спал.

— Я позвонила в штаб, Джерри. Сказала, что не могу тебя найти.

— Да? Хм. Сьто… Ой! Что случилось?

— Доктор Маккинли все еще без сознания, как и его медсестра. Ничего серьезного, но обоих увезла «скорая». К тому же… — Она умолкла.

— Давай договаривай, — велел я, и Билли, набрав полную грудь воздуха, выпалила:

— Мне сказали, что в смотровой действительно нашли сержанта Кэссиди: то ли пьяного, то ли сдуревшего. Он только и делал, что ползал по кабинету, грыз ногти на ногах и горько плакал. Сказали… что дело можно закрывать. Он… то есть ты… то есть Джерри, по всей видимости, тронулся умом и оглушил обоих — и врача, и медсестру.

— Тронулся умом… — слабо повторил я. — Это уж точно. Переехал из одной башки в другую. Прямиком в эту чертову тыкву! — И я стукнул пухлым кулачком по младенческой черепушке.

— Ну и дела… — протянула Билли. — Интересно, как ты выглядел в младенчестве. Наверное, был страшно милый.

— Хватит уже про младенчество! — вскричал я. — У нас полно дел!

— Даже не знаю, Джерри, что тут можно сделать. Наверное, доктор что-нибудь придумает, когда очнется.

— А как же нацисты? — спросил я. — Смит, Номер Третий и все остальные?

— Ну и как мы им помешаем?

— У них рандеву в Гардене, — объяснил я. — В цирке. Отличное место для встречи, потому что там всегда толпа. У Смита в ранце транспортерные шлемы. Готов спорить, что он попробует тайком передать их Номеру Третьему.

Билли кивнула, и я продолжил:

— Отведешь меня в цирк, понятно? Походим туда-сюда, осмотримся. Как только увижу Смита и его подручных, ты крикнешь копа. Наплетешь ему какую-нибудь белиберду, какую угодно. Сделаешь так, чтобы коп задержал Смита или… Короче, нам надо забрать ранец. Если заберем, дело в шляпе.

— Может, я сумею его стащить?

— Не-а. Эти нацисты вооружены. Не хочу, чтобы ты рисковала. Делай, как говорю, и все получится. Черт! — воскликнул я. — Вот бы мне пистолет или лимонку! — Я покрутил в голове эту мысль и усмехнулся. — Ведь в этом штате младенцев пока не приговаривают к смерти?

— Джерри, ну что ты несешь!

— Кстати говоря, где мы?

— На Восьмой.

— Авеню? Рядом с Гарденом? В самый раз! Ну, пошли.

— Без билетов?

— Ой-ой. Деньги есть?

— Вчера была получка, — кивнула Билли. — К тому же тебя пропустят бесплатно.

— Это в долг, — твердо сказал я, — потому что Джерри Кэссиди не жиголо.

— Возраст неподходящий, — согласилась она. — Если начнешь отплясывать самбу на этих тестоподобных ножонках, будешь иметь весьма нелепый вид.

Я проглотил это замечание, хоть оно мне и не понравилось, и с достоинством сказал:

— Тогда вперед.

Билли расплатилась, взяла меня на руки и вынесла наружу. Судя по тому, как меня растрясло, она не умела обращаться с младенцами.

Прошагав примерно милю, Билли оказалась возле Гардена. Билет пришлось взять у обдиралы-перекупщика, но так или иначе мы оказались внутри, где совершенно растерялись, потому что Мэдисон-сквер-гарден — очень большое место.

— Ну и где твой Смит встречается с Номером Третьим?

— Понятия не имею, — беспомощно сказал я. — Давай просто побродим, и я непременно замечу негодяя. Рано или поздно. Ну, надеюсь…

И мы стали бродить. Повсюду были толпы, но в них не наблюдалось ни сонного нациста с щетинистыми усиками, ни двоих его подручных. Что касается Номера Третьего, я, естественно, не представлял, как он выглядит.

Мы зашли в паноптикум, где поглазели на пожирателей огня, шпагоглотателей, карликов, скелеты и дородных дам. Потом отправились в зверинец, где видели львов, слонов, пару гиппопотамов и какую-то жирафу с ее жирафом. У одной клетки собралась большая толпа, и мы решили узнать, в чем дело. Дело было в горилле размером с Гаргантюа или Тони Галенто: она сидела на корточках за решеткой и стеклянным защитным экраном и развлекалась с миской — то нахлобучивала ее на голову, то сдергивала, — а стоявший у двери смотритель зоопарка толкал нескончаемую речь, на которую люди слетались словно мухи. Но я так и не увидел ни Смита, ни ранца с транспортерными шлемами.

Вдобавок ко всему мне снова захотелось спать, да и настроение было ужасное. Если Смит провернет свой фокус, тогда… пиши пропало! Шпионы во всех наших рядах, включая высший командный состав! Причем такие шпионы, которых невозможно изловить!

К тому же у меня хватало и других забот. Что, если док не выживет? Что, если он потеряет память? Что, если он не сумеет сделать такие же шлемы? Весь остаток жизни мне придется величать капитана Доусона папашей! Если только он меня не прикончит за… за… Кстати, а что это было? Похищение? А ну как он разжалует меня и навеки сошлет на кухню? Мне представилось, как я — дутыш в подгузниках — днем и ночью чищу картошку. Или сижу на гауптвахте, весь закованный в цепи. Эх!

Одно я знал точно: роль сержанта Джерри Кэссиди мне не по зубам. Как прикажете управляться с пулеметом? Что до винтовки, я ее и поднять-то не смогу.

Может, Поросенка в моем теле отправят обратно на передовую. Вот-вот! Только представьте: на него прет япошка с пристегнутым штыком, а Поросенок завалился на спину и грызет ногти на ногах. О-хо-хо!

Тут Билли заметила, что меня опять сморило, и стала трясти. Раскрыть глаза я сумел, но сфокусировать взгляд оказалось непросто.

— Все в порядке, — прошептал я.

И зевнул.

— Джерри, сейчас не время спать!

— Я… это… не сплю. — Но на самом деле я спал.

Ничего не мог с собой поделать. Младенцам надо много спать, а я к тому же совершенно вымотался.

Поэтому Билли меня ущипнула. Я взвизгнул, проснулся и увидел, как к нам со стальным блеском в глазах подруливает дама размером с линейный корабль. Когда Билли заметила ее, было уже слишком поздно.

— Что вы сделали с ребенком? — осведомилась линкорная дама.

— Ничего, — сконфуженно ответила Билли. — Просто ущипнула, чтобы не спал. А то все время засыпает.

— Ущипнула? Господи боже! Что ж вы за мать такая?

— Я не мать! — отрезала Билли, стараясь удержать меня, чтобы я не свалился на пол. Схватила за руку, за ногу и стала заворачивать меня в самого себя, словно я был не младенец, а осьминог. — Я даже не замужем.

Старушенция ахнула и осведомилась, с какой стати Билли разгуливает здесь с чужим младенцем на руках. Да таким тоном спросила, словно это зрелище оскорбило ее в лучших чувствах.

— Я планирую выйти за него, — брякнула Бил-

ли, вконец запутавшись. — И жду, когда вырастет. Ой, уйдите. Мы очень заняты.

— Гм! Все это выглядит крайне подозрительно. Девушка, а вы, случаем, не пьяны?

— Нет. И этому… этому… — она помахала мной перед носом у линкорной дамы, — сегодня тоже пить запрещаю, чтоб вы знали. А он все время просит пива.

— Что? Сегодня? А в другие дни вы поите младенца пивом?

— Обычно мне не надо его поить. — Тут Билли охнула, потому что я едва не вывернулся у нее из рук. — Он сам себе заказывает, если только не хлещет ржаной виски. Этот парень способен целое море вылакать.

— Святые угодники! Бедненький младенчик, невинное дитя! Я приму меры, чтобы вас наказали!

К тому времени бедненький младенчик (то есть я) отрепетировал в уме целую тираду и взвыл:

— Ах ты, старая сорока! Проваливай, хватит нервировать мою Билли, а не то еще полминуты, и она меня уронит! Если хочешь помочь, тащи сюда бутылку пива. Я пить хочу, чтоб тебя черти драли!

— Боже! — выдохнула линкорная дама, слегка

позеленев под боевой раскраской, после чего сделала несколько неопределенных жестов, скрючила пальцы, развернулась и умчалась прочь на крейсерской скорости.

— Видишь, что ты наделал? — сказала Билли. — Теперь бедняжка думает, что сбрендила.

— И поделом! — тоненько прорычал я. — Давай шевелись! Надо найти Смита, пока я снова не заснул. Предлагаю поискать его вон на том шоу, где акробаты.

Там имелись незанятые места, но Билли встала у входа, а я осмотрелся, после чего испустил приглушенный писк:

— Вон он! Видишь, у той колонны? Усатый!

— Где? Да-да, вижу. Ну и что… что мне теперь делать?

Смит сидел один, без соседей. Нахохлившись, он пристально следил за выкрутасами гимнастов на трапеции, а в ногах у него я приметил черный ранец.

— Думаю, лучше поискать копа, — шепнул я. — Не испытывай судьбу, Билли.

Но она, по всей видимости, не услышала. Не выпуская меня из рук, поднялась по центральному проходу и уселась рядом со Смитом. У меня засосало под ложечкой. Сонноглазый нацист

покосился на нас и снова стал разглядывать акробатов. Должно быть, не признал меня. На вид все младенцы одинаковые: вислощекие и пухлые.

Буквально в трех футах от меня покоился ранец с транспортерными шлемами — если Смит еще не передал их Номеру Третьему. Я рискнул предположить, что этого пока не произошло: Смит отдал бы сообщнику весь ранец, чтобы не привлекать внимания, выуживая шлемы.

Я поозирался в поисках головорезов Смита, но среди публики их не оказалось. Билли не отважилась заговорить со мной, да и я не рискнул бы ей ответить, ведь рядом сидел враг. Поэтому я тоже сидел у Билли на коленях и раздумывал, какой у нее план, да и сам пытался выдумать план-другой.

Может, стащить ранец и удалиться?

А что, это мысль. Я поймал взгляд Билли, подмигнул ей и указал вниз. Через минуту она усадила меня на соседнее место, а пока Смит пялился в другую сторону, опустила меня на пол. Чтобы скрыться от посторонних глаз, я нырнул под сиденья, но там оказалось пыльно, и пыль набилась мне в глотку, и снова разыгралась жажда.

Но пива под сиденьями не наливали, поэтому я миновал Биллины ноги и пополз дальше, пока не

оказался позади синих саржевых брюк. Между ботинками у Смита стоял черный ранец — частично под сиденьем, куда нацист затолкал его, наверное, в целях конспирации. Тащить ранец к себе я не решился: Смит сразу бы это почувствовал.

Вот бы потихоньку открыть его и слямзить шлемы…

Этим я и занялся, понимая, что в любую секунду Смит может посмотреть под ноги, а потом раздавить меня каблуком, но уйти без шлемов я не имел права. Это была моя первостепенная и архиважная задача: даже если Смит сумеет ускользнуть, придется ему ускользать без шлемов.

С защелкой на ранце пришлось повозиться, ведь мои пальцы были сделаны из манной каши, они постоянно выгибались в противоестественных направлениях. Когда я наконец справился с замком, он щелкнул так, словно выстрелили из пистолета. Я замер, понимая, что вот-вот меня начнут топтать ногами.

Но музыканты в тот момент разыгрались особенно громко, и на самом деле щелчок был не настолько оглушительный, как мне показалось. Смит не посмотрел вниз. Как только мое сердчишко вернулось на место, я стал дюйм за

дюймом открывать ранец. Не настежь. Ровно настолько, чтобы просунуть в него руку и ощупать содержимое.

Ощутив под пальцами гладкую ткань шлема, я выудил его и полез за вторым. Схватил, но тут послышался громкий топот и в поле зрения появилась еще одна пара ног в брюках. Кто-то сел рядом со Смитом. Новопришедший приставил свой ботинок к Смитовому и принялся вытаптывать какой-то шифр.

Номер Третий!

4. Грубая сила

Ну и ну! Глядя на бурые твидовые ноги и коричневые «оксфорды» с длинной царапиной на одном носке, я вспотел от страха. Если Смит обнаружит, что творится под сиденьем, Поросенку — или Кэссиди, или кем бы я в тот момент ни числился — придет конец!

Но никто не двинулся с места. Очевидно, нацисты никуда не спешили, а Билли спокойненько сидела рядом с ними. Что ж, хоть какая-то передышка. Что дальше?

Проблема решилась сама собой. Я услышал знакомые завывания остролицей линкорной дамы:

— Вот она, девчонка! Вот она! Уверяю вас, она похитила младенца!

Дама явилась с полицейским. Как только голос с сочным сельским акцентом приказал Билли не шуметь и пройти куда положено, я понял, что тайное вот-вот станет явным. Ого! Если Билли уйдет и оставит меня в обществе этих мерзавцев, лавочка Джерри Кэссиди закроется раз и навсегда!

Билли тоже это понимала. Я почти ничего не видел, но услышал какую-то возню, возглас линкорной дамы и голос Билли: на повышенных тонах она говорила о нацистских лазутчиках.

— Вот они, эти люди, сэр! — втолковывала она полицейскому. — Вот они, прямо перед вами. Это вражеские агенты, они похитили важное изобретение.

— Ну же, ну же, — сказал коп, — дамочка, не горячитесь.

Но Смит допустил ошибку. Полез за ранцем, ощупал и понял, что тот раскрыт.

— *Доннер унд...*[23] Господин полицейский, эта девушка — воровка! Она украла мои шлемы!

Номер Третий пнул Смита по ноге, и придурок

---

[23] Notes: 23
Черт возьми... (*нем.* Donner und Doria...)

заткнулся, но поздно: он уже сделал фатальное признание, а нью-йоркские копы схватывают все на лету.

Я услышал возглас и громкий хлопок; ноги в синих саржевых брюках раздвинулись, и оказалось, что я смотрю прямо в лицо Смиту: тот нагнулся, чтобы заглянуть под сиденье. Увидел, что я пытаюсь стянуть транспортерные шлемы, и протянул руку, чтобы меня схватить. Я едва успел отползти.

— Погодите-ка, мистер, — сказал коп. — Эй вы, бросьте пистолет!

Думаю, он обращался к Номеру Третьему, поскольку в тот момент Смит вскарабкивался на сиденье, намереваясь атаковать меня с тыла. Прозвучал еще один хлопок, но на сей раз это не был стук каблука. Это был пистолетный выстрел.

Коп не стал палить в такой толпе. Вместо этого он бросился вдогонку за Номером Третьим. Оба налетели на Смита, и у меня появился шанс вынырнуть в центральный проход. Повсюду вскакивали с кресел ничего не понимающие люди, где-то свистел свисток, а Билли с линкорной дамой катились вниз по проходу, сцепившись в рукопашной. Тут я углядел знакомое лицо: косой головорез, подручный Смита, скрылся за дверью,

ведущей в зверинец.

Я увидел его лишь мельком. Смит выпутался из кучи-малы и снова ринулся на меня, а я опять нырнул под сиденья. Малые размеры давали мне некоторое преимущество, но оно нивелировалось слабосильностью, и мои руки были заняты шлемами. А Смит уже выхватил свой «уэбли».

Я метнулся к следующему проходу, поднял глаза и вовремя заметил второго головореза: он шагал мне навстречу и ухмылялся во всю безобразную пасть. Я пополз, извиваясь, словно головастик. Младенцы — отменные ползуны, и на пересеченной местности у них сплошные преимущества. Ряды сидений чинили моим преследователям некоторые неудобства, и это было хорошо.

Теперь ни о какой конспирации не могло быть и речи. Вспыхнула всеобщая паника. Повсюду были люди, они верещали и топали, да так шумно, что я едва не оглох.

— *Готт!* — взвизгнул нацист слева от меня. — Эрик выпустил гориллу! Пристрелите эту тварь!

— *Найн!* — крикнул Смит в ответ. — Пусть будет хаос! Так мы сумеем незаметно уйти. Но сперва шлемы! Живо!

И они снова бросились ко мне, а я сменил марш-

рут: до этого полз вверх, а теперь двинул вниз. Так было быстрее. К счастью, в меня не стреляли. Наверное, немцы боялись повредить шлем, зацепив его пулей.

Я увернулся от стремившейся ко мне руки и мячиком покатился вниз. Остановиться не мог, но по-прежнему крепко сжимал добычу. Наконец мое нисхождение закончилось рядом с опустевшей ареной. Люди пробивались к выходам из зала, а в двадцати футах я узрел гориллу: она скалила зубы и неслась прямиком на меня!

Я бросился в отступление так резво, что мне позавидовал бы сам Роммель. Понятно, что сиденье, под которым я скрылся, оказалось бы неважнецкой защитой, вознамерься зверюга меня сцапать, но бомбоубежища рядом не нашлось. Я не знал, что стало со Смитом и его приятелем, но слышал, как где-то надо мной полицейский до сих пор единоборствует с Номером Третьим. Что касается Билли, она куда-то пропала.

Горилла призадумалась. Казалось, ей хочется уйти, но как только она уйдет, ко мне приблизится Смит и я окажусь в ловушке.

Тут я вспомнил, как в клетке горилла нахлобучивала миску себе на башку. Ну а почему бы и нет? Вот он, мой шанс!

Я щелкнул тумблерами на обоих шлемах и бросил один из них обезьяне. Подающая рука у меня была не та, что прежде, но горилла все же заметила шлем и загорелась любопытством. Подняла его, поморгала и устремилась прочь. Я что-то крикнул ей вдогонку. Смита я не видел, но слышал, как он подкрадывается все ближе.

Горилла обернулась и посмотрела на меня. Я выкатился на арену. Глянул за спину и обнаружил, что подручный Смита бросился на помощь Номеру Третьему: полицейский еще сопротивлялся, но его лупили пистолетом.

К тому же, огибая сиденья, ко мне подбирался не только Смит, но и косоглазый увалень, выпустивший гориллу из клетки.

Мои ноги запутались до полной бесполезности, а еще я выбился из сил, потому что младенцы не рассчитаны на подобные нагрузки. Я понимал, что, если Смит ринется вперед, у меня не будет никакой возможности сдвинуться в сторонку и избежать столкновения. Поэтому я уселся на виду у гориллы и надел шлем на голову.

И сразу снял. Тупая обезьяна разинула пасть. Она совсем забыла про шлем, который держала в лапах. Вот дура!

Я продолжал надевать шлем и сдергивать его

с головы. Наконец горилла настолько заинтересовалась, что шагнула в моем направлении, при этом выпустив шлем из лап. Посмотрела под ноги, подняла изобретение дока и с любопытством потыкала в него пальцем.

— Эй! — пропищал я. — Ну давай! Делай как я!

Горилла уставилась на меня. Я снова надел шлем, и в этот момент здоровенная ладонь схватила меня за руку. Я попробовал вырваться, но задача оказалась непосильной. Передо мной мелькнула сонная физиономия Смита с накрепко захлопнутой крысоловкой, а потом…

А потом я очутился уже не там, а на арене, откуда видел, как Смит поднимает младенца. Мои руки, тоже поднятые, поудобнее устраивали шлем на голове.

Шлем! Голова, кстати, тоже была не моя. Шлем едва налез на волосатую макушку. Я посмотрел вниз, и одного взгляда хватило, чтобы понять: я уже не младенец, а дикий зверь!

Вот это да!

Шлем едва не свалился у меня с головы, и я неловко поймал его, еще не до конца привыкнув к новому телу. Задумался, что делать дальше, и тут увидел на той стороне арены Билли: она вставала с распростертого тела линкорной дамы.

Я крикнул ей, чтобы шла ко мне, но получился лишь басовитый гулкий рев. Однако Билли хотя бы обратила на меня внимание.

Я бросил ей шлем, а сам бросился к Смиту.

Где-то начали стрелять, но это меня не смущало, потому что пули разлетались куда придется. Когда-нибудь пробовали вести прицельный огонь по горилле, которая мчится на вас и при этом ревет во всю глотку? Нет? Вот и не пробуйте.

Короче, я попер на Смита. Тот выронил младенца и завалил ряд кресел, но я поймал карапуза в полете, аккуратно усадил его на пол и продолжил движение. Не утруждая себя прыжками через сиденья, я попросту крошил их в труху, ломился сквозь них вдогонку за нацистом и остановился лишь однажды, чтобы подхватить косоглазого громилу — одной рукой, поскольку руки у меня оказались на диво могучие, да и громила был не такой уж тяжелый, — и швырнуть его в Смита.

Оба грохнулись на пол, а я приземлился сверху — с таким хрустом, словно подо мной раскололось полено, — и мои противники остались лежать на месте.

Кто-то выстрелил в меня. Оказалось, это второй подручный Смита. Они с Номером Третьим наконец вырубили копа, хотя для этого им пришлось

измочалить его рукоятками пистолетов в стиле «двое на одного», а потом Номер Третий куда-то спрятался.

Стрелок думал, что мне до него не дотянуться, но забыл, что у горилл чрезвычайно длинные лапы. Я и сам этого не понимал, пока не размахнулся, не услышал глухой звук удара и не увидел, как подручный Смита улетает куда-то вдаль и при этом крутится, словно детская бумажная вертушка. Вставать ему тоже не захотелось.

Билли закричала. Я тотчас развернулся на звук. Она, преодолев пол-арены, со всех ног мчалась к Поросенку и второму шлему, а за ней гнался Номер Третий с пистолетом на изготовку. У выходов посетители устроили форменную давку, поэтому никто не замечал, что творится. Хорошо хоть я заметил.

Гориллы — неважные марафонцы, но превосходные спринтеры. Однако у Номера Третьего было серьезное преимущество: он бы настиг Билли прежде, чем я поймал бы его. Поэтому настало время выкинуть какой-нибудь стремительный фокус.

Я бросился вниз по следам учиненных мной разрушений, а потом прыгнул что было сил. Гимнасты сбежали, но их снаряды остались на

месте, и одна из трапеций висела именно там, где нужно было мне. Я ухватился за перекладину. Под моим весом трапеция сорвалась с фиксатора, и я полетел через всю арену — прямиком к Номеру Третьему.

Билли нагнулась за Поросенком, а Номер Третий остановился и тщательно прицелился ей в спину.

Тут я понял, что не попадаю в него, поскольку трапеция уводила меня влево. Я разжал пальцы, извернулся в воздухе как только мог и со свистом устремился к цели. Если промахнусь, Номер Третий точно не промажет!

Перед приземлением я извернулся еще сильнее. Бахнул пистолет, но за долю секунды до выстрела я обрушился на врага всем громадным обезьяньим телом, и Номер Третий смягчил мне приземление.

Зато ему самому не поздоровилось. Позже, когда в зале наводили порядок, Номера Третьего даже собрать не смогли. Пришлось вытирать пол тряпкой.

Я встал, отряхнулся и увидел, что Билли жива-здорова. Хотел окликнуть ее по имени, но сумел издать лишь нечленораздельный рев.

Должно быть, Билли уловила в нем знакомые

интонации. Она остановилась и глянула назад. Говорить я, разумеется, не мог, поэтому стал жестикулировать, и Билли поняла, что я имею в виду.

Мне нужен был один шлем, и она бросила его мне, хотя старалась держаться от меня подальше. Убедившись, что тумблер находится в положении «ВКЛ», я старательно надел шлем на голову и заметил, что ко мне подкрадываются люди — смотрители зоопарка и прочие. Времени у нас не было, и я стал жестикулировать вдвое сильнее.

Билли натянула второй шлем на Поросенка. Он был выключен, но я продолжал делать указующие движения, и Билли нашла тумблер.

Вот, собственно, и все.

Я перестал быть гориллой и очутился у Билли на руках. Я задыхался от усталости, и мне страшно хотелось пить, а еще страшнее хотелось спать.

— Джерри, — выдохнула Билли, — ты цел? Ты ли это?

— Ага, — ответил я. — Когда поймают гориллу, забери второй шлем. Он понадобится, чтобы… чтобы… гу… у… хр-р…

Без толку — я превратился в пюре.

Когда проснулся, по привычке пополз вперед, но теперь не очень-то получалось, и я понял, что

наконец-то вернулся в собственное тело.

Я лежал на диване, а Билли сидела рядом и рассматривала меня. У нее был утомленный вид.

— Черт возьми! — сказал я. — Что такое, милая?

— Джерри!

— Угу. Собственной персоной, для разнообразия. Кстати, что я проспал?

— Доктор Маккинли пришел в себя. Оказалось, что сотрясения у него не было. Он поколдовал со своим изобретением, пока ты спал. Поросенок теперь нормальный младенец, а ты… ты у нас герой. Про тебя напишут во всех газетах. А еще приехали люди из правительства, чтобы поговорить с доктором насчет этих шлемов.

Рассказ был сумбурный, но общую суть я уловил.

— Поросенок в норме?

— С ним все хорошо, цел-целехонек. А ты, Джерри, ни в чем не виноват. Все это случилось не по твоей воле, так что не переживай.

— О чем? — Я недоумевающе взглянул на нее.

— Ну, ты же поймал вражеских шпионов и все такое… Надеюсь, он не слишком круто с тобой обойдется.

— Кто?

— Капитан Доусон, — ответила Билли. — Он ждет снаружи. А миссис Доусон забрала Поросенка и отправилась домой.

— Ох, — сказал я, с трудом сдерживая волнение. — Ну и какой у капитана вид?

— Вид у него очень сердитый, — ответила Билли. — Стой, ты куда?

— Там еще одна дверь, видишь? А вон за тем окном, — объяснил я, — пожарная лестница. У меня в запасе еще два дня увольнения. Не исключено, что за это время капитан Доусон раздумает отдавать меня под трибунал. Но сейчас… Подозреваю, что сейчас лучше не попадаться ему на глаза.

— Ты, наверное, прав. Но я пойду с тобой.

— И это замечательно, — сказал я. — Что мне сейчас необходимо, так это кружка пива. Ну, бежим!

И мы сбежали.

С капитаном я встретился, только когда закончилось мое увольнение, и к тому времени он остыл — но не сильно. Все те ругательства, которыми он меня осыпал… Понятия не имею, где он набрался таких выражений, и отказываюсь воспринимать их буквально. Ну, как есть, так есть. Лишь одно радует: теперь я герой, пусть даже и получил десяток внеочередных нарядов

на самые тяжелые работы.

Но повторяю: если какой губошлеп рискнет обозвать меня пупсом… В общем, я вас предупредил!

Мы вернемся

Человек — существо, достигшее наивысшего уровня развития среди всех животных, в первую очередь характеризующееся исключительным умом. Единственный представитель своего вида.

Американский учебный словарь

Человек — наиболее высокоразвитое животное среди существующих и когда-либо существовавших.

Новый международный словарь Уэбстера

1

Когда ударил убийственный огонь, первый предсмертный крик алым громом взорвался в головах всех слышавших его. Маленькое людское племя, стремительно несомое подводным течением, мгновенно впало в истерику — и не успокаивалось, пока не получило мысленный сигнал от бдительного Рана.

Суматоха улеглась. Племя собралось воедино

— худые бледно-серебристые люди зависли над собственными тенями на зеленом песке морского дна. Люди жались друг к другу и с помощью более острых, чем зрение и слух, чувств следили за тем, как погибает другой, родственный им народец. И понимали, что уже к вечеру жертвами могут стать они сами.

Люди ждали, раскачиваясь в воде, а вдалеке огненный дождь проливался на другое племя, убивая все, чего касался. Они не глядя видели, как цветные звезды мчатся к цели; крики умирающих разрывали им внутренние уши. Отзываясь слабым эхом, словно поминальный колокол, звучало сердце Разрушителя. Племя содрогнулось, услышав его, и даже Ран вздрогнул — на краю пропасти, которую заметил уже давным-давно.

Неосознанный животный страх заставлял людей броситься врассыпную. Инстинкт требовал: беги вслепую, покуда хватит сил. Разум приказывал ждать.

Вдруг что-то огромное шевельнулось в глубине; громкий спокойный пульс ударил раз, другой, третий — и прекратился. Это была одна из Глубинных Мыслей, равнодушная, как Гольфстрим, и столь же могучая. Маленькое племя секунду-другую каталось на ней, как на ветру, дующем

под водами океана.

От спокойствия этой Мысли Ран осмелел. Он отступил от темного края, на котором балансировало все племя, от этой неосязаемой грани между инстинктом и разумом, где инстинкт кричит громко, а голос разума столь слаб и тих, что только человек способен его расслышать. Только человек — не зверь.

Древнее чувство долга неохотно пробудилось в голове Рана, и он крутнулся в воде, собирая воедино мысли племени. У него был долг — не только перед сородичами, но и перед чем-то большим, чем они, большим, чем он сам. Перед непредсказуемым будущим, о котором он знал очень мало — лишь легенды и пророчества.

Он поклялся сделать все, чтобы люди остались людьми.

Они стояли на дне глубокой расщелины, куда весь этот народ был загнан на долгие тысячелетия. Загонщики, охотники, убийцы продолжали неуклонно теснить их к последним нижним вратам.

Ран выпрямился в воде и созвал людей, без слов обращаясь к разуму каждого соплеменника.

— Все хорошо, — терпеливо повторял он. — Нас еще не нашли. Нужно бежать; если достигнем

города, то будем в безопасности. Держимся вместе! Следуйте за мной, не расходитесь, и мы спасемся.

Только глупцы не понимали, что это самообман. Но временами ложь утешает лучше и приносит больше пользы, чем правда.

Убежище находилось на месте затонувшего города, где человек мог проплыть через окно сотого этажа и, если повезет, укрыться даже от Разрушителей.

Безопасно здесь было и по другой причине, но даже Ран не мог ее озвучить. В затонувших городах, давным-давно построенных предками, племя отдалялось от смертоносной пропасти. Почему-то непрестанные жестокие волны, побуждавшие действовать неосмысленно, здесь были слабее, чем в открытом море.

В затянувшихся сумерках планеты народ Рана приближался к точке невозврата, к полному отказу от человечности. Ран не хуже других знал, какую силу приобретают инстинкты перед лицом опасности. Но он помнил о своей ответственности и в подводных городах чувствовал ее острее всего. Покачиваясь на волнах во мраке океанической ночи, он даже видел сны о невероятных подвигах, о том, как встречается с Разрушителем,

как непоколебимо ждет, когда тот приблизится. В этих снах он был не просто Раном, а олицетворением всего племени и всех затонувших городов — защитником рода людского.

Ничто на земле не могло встретиться с Разрушителями и выжить. Но Рану никто не мешал смотреть сны, ведь в снах не было опасности — человек мог их контролировать.

Он забросил тяжелый невод своих мыслей, и собрал соплеменников, и поставил барьер между их ментальными образами и кровавой бойней, захлестнувшей далекие воды и сознание людей. Он подстегнул племя к действию и направил его стремительным косяком по длинному склону подводного леса, как можно дальше от источника опасности. Разум Рана одновременно прикасался ко всем умам, посылая решительные, убедительные образы, не имевшие формы и символизировавшие организованное бегство.

Мысли соплеменников прикасались к разуму Рана, словно холодные неуклюжие пальцы. Ужас; утомление; дрожь покрытой серебристым мехом женщины, которой еще не приходилось подолгу прятаться и испытывать такой страх; дрожь мохнатого ребенка; бешеные разрозненные мысли глупцов. На фоне всего этого — надежная, без

единой жалобы, стойкость старших. Они поддерживали Рана без колебаний, поскольку избрали его вождем и знали, что сделали мудрый выбор.

— Скорее, — скомандовал он всему племени. — Не мешкайте. Поторопитесь! Если поспешим, к полудню будем в городе. Живее, живее, живее! Я знаю, что вы устали. Передохнем в Белом ущелье, где растут моллюски. У нас получится: мы обязательно отдохнем в Белом ущелье. Вперед!

Слова ничего не значили — Ран прикрывался ими от криков далекого племени. С той стороны уже давно не поступало внятных мыслей, только безумные вспышки и панические вопли. Серебристые морские люди беспорядочно метались, преследуемые огненными дугами звезд, от которых не было защиты. Яркие вспышки — и смерть. Ран не слышал команд их вождя, если тот был еще жив. А ведь когда вождь мудр и хладнокровен, кто-то из племени еще может спастись. Некоторые спрячутся, другим, сильнейшим, отдадут детей — пусть убегают, пока остальные вызывают на себя огонь Разрушителя. Но это племя явно потеряло разум, с ним невозможно связаться; Ран чувствовал гибель не людей, а морских зверей.

Поэтому племя Рана спасалось по древнейшей причине, по лучшей из причин.

Был зеленый подводный рассвет, солнечные лучи пробивались сквозь толщу воды издалека, оттуда, где жили и правили миром Пришельцы. В племени ничего не знали о Воздухе и Пришельцах, за исключением того, что это они посылали неумолимых железных Разрушителей. Люди также не ведали о том, что таится в Великих Глубинах, откуда приходили медленные, спокойные Мысли. Им был известен лишь водный мир; они умели скрываться в нем от преследования Разрушителей. Если повезет, в случае нападения Разрушителей кто-нибудь спасется. Другому племени не повезло.

Теперь оттуда вовсе не доходило Глубинных Мыслей.

Вдруг вода забурлила, и из колышущихся джунглей к людям метнулось сине-серебристое тело. Разрывая коричневую листву, ослепленный страхом беглец в панике выкрикивал лишь одно слово:

— Спасайтесь! Спасайтесь! Спасайтесь!

Племя нарушило строй и закружилось в поисках опасности. Восприятие Рана распространялось быстрее, дальше и точнее других, и он направил его в кильватер беглецу, ожидая засечь там железный предмет в форме торпеды, тихо

плывущий по направлению к племени.

Он ничего не обнаружил. Разрушители были далеко, и ни один из них, очевидно, не заметил беглеца. Но паника и бурление воды могли привлечь их внимание. Ран распушил мех, пробуя воду, затем снова прижал его к телу и резко повернулся, чтобы двинуться навстречу незнакомцу.

Это был крупный мужчина, его мех отливал синевой, а полубезумные мысли напоминали вихри; они затягивали людей, слишком напуганных и уставших, чтобы сопротивляться. Ран почувствовал, как дрожит ментальная сеть, которую он накинул на соплеменников, и, сдерживая гнев, чтобы не распалять их, обратился ко всем и особенно к незнакомцу.

— Тихо! — твердо скомандовал он. — Тихо! Следуй за нами молча.

Мужчина крутнулся в воде и заметил его. Он устремился вниз быстрыми, резкими толчками, и на его шерсти стал заметен кровавый след, который ни с чем нельзя было спутать. Двое зависли на расстоянии вытянутой руки, оценивая друг друга.

Так Ран встретил Дагона, вождя исчезнувшего племени, а теперь — ничьего вождя.

Рану не понравилось то, что он увидел в этом

темном разуме, долгое время обладавшем неоспоримым авторитетом. Там была скрытая сила, а еще смелость, но полностью отсутствовала дисциплина, из-за чего смелость при появлении Разрушителей дала сбой. «Когда человеку изменяет смелость, — подумал Ран, — что остается? Только слепая ярость, как у акулы». На миг он представил блестящие тела своих сородичей, представил племя в виде бестолковой стаи рыб, устремляющихся в темноту, к полному исчезновению.

Опасный водоворот панических мыслей Дагона, мыслей о бегстве и смерти, кружился так сильно, что даже едва не захватил Рана. Проще всего уступить ужасу, проще всего бросить племя и бежать, поддавшись глупому безрассудству, пока Разрушители не перебьют всех.

Проще всего поступить как Дагон. Однако, когда человек видит, как его племя гибнет под стремительным градом звезд…

— Иди с нами, — предложил он как мог спокойно. — Мы найдем укрытие, недалеко есть затонувший город…

Но Дагон не привык слушаться, он привык командовать. Его мысли исторглись мощным воплем, полным дикого ужаса, призывая к бес-

порядочному бегству — каждый сам за себя. Беспокойная молодежь из племени Рана замолотила руками, взбивая пену вперемешку с коричневыми листьями водорослей, готовая прятаться в первом попавшемся укрытии.

Ран опустил голову, напряг усталые мускулы и изо всех сил ударил крепким предплечьем в область между плечом и головой Дагона. Ему часто приходилось драться, и он знал, куда бить.

Беспорядочные мысли Дагона на миг оборвались, и этого мига было достаточно. Ран направил в образовавшуюся пустоту свои мысли, послал привычные для его народа сигналы единства и самоконтроля.

Разбежавшееся было племя встрепенулось, замешкалось и снова собралось вместе, выжидая. Тем временем мысли оглушенного Дагона вновь обрели форму. Теперь он не был так уверен в себе, сомневался. Встречных аргументов у него не нашлось, и Ран победил — пусть и временно.

— За мной, — сказал Ран и мощно забил ногами, перемещаясь во главу косяка. — Тихо! Следуйте за мной и не разделяйтесь. Каждый из вас знает путь в ущелье.

Дагон вдруг повернулся и поплыл за послушным племенем. Его мысли были окрашены алым,

но он не остался.

В воде что-то шевельнулось. Импульс не был жестким, как у Разрушителей. Он был спокойным, всеобъемлющим; он прошел по океану медленной могучей волной — и затих. Это снова была Глубинная Мысль.

* * *

На заре и в сумерках своей истории народ способен улавливать такие импульсы. Что-то подобное, наверное, когда-то раздавалось в туманных папоротниковых лесах, пока не затих пульс сотворения мира. Мохнатые приматы, еще не ставшие людьми, прислушивались и принюхивались к этим импульсам, разносившимся в молочном воздухе, заглушая топот мастодонтов и рев хищников. Человеку не дано отчетливо слышать стук сердца мира, но предки человека слышали его — и те, кто пришел человеку на смену, тоже. Мохнатые люди неуклонно приближались к изначальной точке широкого круга планетарной жизни, находившейся здесь, в море, ее породившем, и слышали пульс.

Он был неотъемлемой частью моря, как и сам Ран. Он был всегда, и человек не пытался истолковать неведомое. Воспоминания о Глубинных

Мыслях, сильных, непостижимых, проносящихся по океану так бережно, что не колыхались даже водоросли, были с Раном с самого детства, с самых первых — темных и холодных — лет жизни. Могучие импульсы были способны рассеять целое племя, если оно вдруг оказывалось у них на пути. Ран не раздумывал об их природе, равно как не раздумывал о природе приливов.

Было известно, что Мысли исходят из Великих Глубин. Но никто не знал, что там находится. Те, кто отваживался туда спуститься, не возвращались.

2

Разрушители были позади, рассекали мелководье в пугающей близости от племени. Ран ощущал их огромные темные тела, дрожащие от скрытой силы и блестящие от солнца, что пробивалось сквозь волны, озаряя бока подводным огнем.

Племя этого не знало. Оно, как и все племена, радовалось тому, что за опасностью следит только вождь, и было согласно верить в то, во что хотелось верить слабым умам: что укрытие ближе, чем враг, пища ближе, чем смерть, а ближе

всего песчаные отмели, где можно отдохнуть. Ран не собирался сообщать, насколько близко Разрушители.

Как-то раз, когда племя двигалось по открытой саванне среди морских лесов, над бледно-зеленым песком нависла чудовищная тень, и люди бросились врассыпную, не дожидаясь команды. Серебристые тела молниями разметались по укрытиям в зарослях.

При виде этих теней все в подводном мире искало убежища. Тени не были Разрушителями в привычном понимании. Они, как и Разрушители, тоже были посланы Пришельцами, но убивали не только людей, а вообще все живое. Прятались даже акулы и барракуды, не говоря уже о темных людях-тюленях, тихо переговаривавшихся на получеловеческом языке. За долгие тысячелетия, минувшие с тех пор, как человек нашел прибежище в океане, не только он претерпел физические и умственные изменения. Все теплокровные существа так или иначе изменились. Под водой то и дело слышался примитивный говор тюленьих кланов и дельфиньих племен. Разрушителей они не боялись — те занимались исключительно охотой на человека.

Что собой представляют тени, не знал никто.

Возможно, это были корабли, на которых плавали сами Пришельцы. Не находилось смельчаков, желающих выяснить, бороздит ли корабль водную поверхность или парит высоко в воздухе. На этих судах путешествовали охотники, жадные до всего живого. Даже киты, чья громадность была едва ли не их единственным известным качеством, с появлением теней оказались на грани исчезновения. Стоило одной из них упасть на океаническое дно, как все морские обитатели прятались; люди дрались с рыбами, тюленями и дельфинами за щель меж камней.

Но тень прошла, и весь океан вздохнул спокойно. Люди продолжили бегство.

Кто они, Пришельцы? Никто не знал, даже представить не мог, как выглядят нынешние хозяева Земли. Знали лишь то, что встреча человека с Разрушителем сулит верную смерть. А останками тех, кого когда-то породила Земля и кто впоследствии ею правил, теперь кормились акулы и барракуды.

Но человек мог вновь завладеть Землей.

По крайней мере, так гласила легенда, и поэтому Ран и ему подобные все еще боролись, прятались от Разрушителей, упорно не позволяли племенам распасться и искали далекие и

глубокие убежища, где можно вырастить новое поколение среброшерстых детей и передать им наследие человечества.

Землю унаследуют рожденные на Земле.

Так говорилось в легенде, таково было пророчество. Лишь это позволяло Рану и ему подобным не пасть духом, но этого едва хватало. Теперь Ран даже не был уверен, что на Земле остались еще люди, кроме его племени.

Когда-то ему казалось, что Разрушители убивают шутя, забавы ради. Это было давно, во времена, которые он почти забыл, — когда во всех мелких морях массово жили люди. Старейшины пересказывали услышанные от дедов истории о золотых веках: в ту пору люди отваживались выходить мохнатыми ногами на берег — разумеется, наиболее уединенный — и загорать на солнышке. В легендах даже рассказывалось, что люди пользовались голосом: разговаривали и пели. Старики помнили, как люди пели хором, заглушая шум прибоя, и песня разлеталась от берега к берегу, подхватываемая все новыми и новыми людьми, вышедшими погреть на солнце свои серебристые шкуры.

Но Разрушители уже давно положили этому конец. Геноцид был систематическим. Более тихие

и смертоносные, чем акулы, машины прилетали тысячами и косили людей в океане так же легко, как люди косили траву в давно забытые времена, когда Землей правили Землерожденные.

Теперь, куда бы Ран ни посылал свои чувства, он не находил ни отголоска мысли. Неужели племя Дагона было последним? Может быть, а может, и нет. Ран знал одно: он и его люди проделали очень долгий путь по теплому Гольфстриму, излюбленной подводной тропе всех народов, и встретили лишь одно племя, чья гибель до сих пор заставляет содрогаться. Возможно, они остались в одиночестве.

Ран резко, не снижая скорости, обогнул острую скалу, и косяк послушно повторил маневр, серебряной лентой устремившись вниз по склону сквозь колышущиеся водоросли. Ран не мог послать свои отточенные чувства слишком далеко — во всех направлениях он натыкался на жуткие железные создания, рыскающие по дну в поисках добычи.

Он терпеливо вел племя к убежищу. Терпеливо клялся, что спасение близко. По темным водам то и дело прокатывались мощные Глубинные Мысли…

От Дагона следовало ждать неприятностей.

Ран подумал об этом, медленно опускаясь в глубокую расщелину. Внизу лежал затонувший город. Каменные стены, сквозь разломы в которых племя проникло внутрь, были окрашены тускло-красным и переливчатым сине-зеленым — следствие взрывов, случившихся тысячи лет назад. Пол представлял собой расплавленное зеленое стекло.

Ран осторожно скользил вниз, наблюдая за тем, как последний усталый соплеменник пробирается в безопасное место сквозь заросли. На фоне дрожащего перешептывания своих людей он уловил спутанные мысли Дагона. В глубине разума Дагона, прикрываясь замешательством, лежало нечто холодное и зловещее, как барракуда. Во-первых, страх, а во-вторых, тяга к проявлению нечеловеческой ярости. Мутации могут происходить как по восходящей, так и по нисходящей спирали, и состояние этого разума намекало на то, что ждет человечество в будущем.

«Разве мы рыбы? — спросил себя Ран. — Разве мы способны испытывать только страх и голод?»

Когда Разрушитель уничтожил племя Дагона, тот бросился прочь бездумно, как рыба. Теперь он уже не должен плыть так стремительно, у него не должно было остаться сил. Вождь может иметь

столько энергии после того, как его племя совершило длительное путешествие. Вождь не может остаться в живых после гибели своего народа.

Ран вдруг понял, что побаивается Дагона — не физически, а тем уголком разума, где живет здравый смысл. Слабость чужака передается всему племени, и Рану в том числе. Неудача Дагона может предвещать неудачу Рана в час последнего испытания. Неужели племя Рана так же бездумно бросится врассыпную и станет легкой добычей, как племя Дагона? Неужели Ран…

«Нет, — решительно сказал он себе. — Мы люди. Пока мы живы, останемся людьми. Я все сделаю ради этого».

Ран последним выплыл из расщелины, через которую пробрались все его соплеменники. Тяжело дыша, люди неуверенно зависли у отверстия, ожидая своего вожака. Дагон держался чуть поодаль, стреляя глазами по сторонам. Нескольких взглядов на город ему хватило, чтобы понять: убежище надежное.

Здесь друг на дружку громоздились высокие каменные башни, прикрытые завесами водорослей. Каньоны между зданиями были чересчур узкими для Разрушителей. Сама конструкция башен сбивала врагов с толку, позволяя добыче

улизнуть и спрятаться. Ран полагал, что дело в серебристом металле, который по-прежнему ярко блестел, стоило лишь содрать с него мох.

Итак, доселе город был безопасным местом; тот, кому хватало ловкости и скорости, чтобы добраться до этого или другого подобного города, когда его племя сталкивалось с ослепляющим огнем Разрушителей, оставался в живых.

В племенах знали о городах и смутно, благодаря наследственной памяти, понимали, что они построены людьми. Как и когда, никто не знал. Даже Ран представить не мог, что города вырастали на суше, которая впоследствии оказалась под водой. Достаточно было знать, что города существуют и дают морским племенам убежище, когда те в нем нуждаются.

Дагон одобрительно оглядывал место, куда его привел Ран. Чуть поодаль возвышался расколотый купол, привлекший внимание своим размером, и серебристое мощное тело Дагона невольно вздрогнуло при виде его. Купол не слишком надежен: в нем нет металлических конструкций и он чересчур бросается в глаза. У Рана было на уме другое укрытие, но Дагон не позволил вождю направить туда племя.

— Прячьтесь! — Дагон послал мысль всем, не

контролируя ее и, наверное, даже не осознавая, что отдает команду. Он просто озвучил подсказку своего инстинкта. — Прячьтесь под куполом! Укроемся и отдохнем. Все за мной!

Настроенное на бегство, находящееся на грани истерики, племя отреагировало мгновенно, бездумно, как действовал и сам Дагон. Тонкие блестящие тела сверкнули и выстроились в ряд, готовые помчаться к манящему куполу.

Но порыв был остановлен здравым смыслом — той его крупицей, что еще сохранилась у человека. Некоторые замерли, вспомнив, что подчиняются голосу Рана, а не Дагона. Но Дагон говорил так властно и направлял людей в очевидное убежище, отвечая их насущной потребности, и поэтому большинство помчалось за ним вслед.

Ран напряг усталые мускулы и бросился за соплеменниками, разгоняя их во все стороны, разрушая не успевший сформироваться строй. Наконец он оказался впереди и развернулся в воде так резко, что его мех заструился в сторону.

— Нет! Нет! Не в купол! Вы знаете наше укрытие! — закричал он. — Я ваш вождь, а не Дагон! Купол слишком открыт, там небезопасно. Плывите к нашей башне!

Большинство ослепленных паникой людей не

вняли ему. Это были те, кто сразу отреагировал на команду Дагона; их стремительная реакция была следствием истерии. Теперь они понимали только силу.

Ран бросился к ближайшему и толкнул в бок, затем отвесил оплеуху другому, а третьего пихнул локтем.

— Плывите к башне! — сурово, властно громыхала его мысль у них в головах. — Слушайте меня! Плывите к башне!

Аморфная толпа остановилась, замешкалась, сосредоточилась вокруг головной группы. Спустя пару секунд Ран с Дагоном оказались в кольце охваченных истерикой людей; наружный край кольца ходил ходуном. Всем хотелось увидеть, что происходит в центре, где Ран оказался лицом к лицу с Дагоном.

Дагон тяжело взмахивал руками, чтобы мех вздыбился и придал ему еще больший объем. Всякий раз, когда из-под шерсти выглядывала человеческая кожа, он кривился от злости и приоткрывал рот, обнажая острые клыки.

Драться было не время. Дагон наверняка тоже это понимал. Одна-единственная капля крови непременно привлечет акул-убийц и почти наверняка — Разрушителей. Но и спорить было

не время.

Ран приподнял верхнюю губу и тоже показал острые зубы. Он не стал обращаться к Дагону.

— Вам известно наше убежище, — послал он своему племени мысль давно известным способом — так, чтобы сразу дошла до всех. — Следуйте за мной.

Его приказ двигался впереди него, заставляя толпу расступиться. Вдруг Дагон зарычал, вызывая Рана на бой. Такой вызов нельзя было игнорировать.

Но боя не случилось.

На дно упала громадная тень. Когда ее край поравнялся с группой морских людей, связанных разрозненными мыслями о кровопролитии, все серебристые тела разом вздрогнули, все головы одновременно поднялись.

Высоко над ними, искаженный рябью, над самой поверхностью воды медленно плыл Разрушитель, отбрасывая на песок яйцеобразную тень.

Он остановился прямо над скалой, под которой прятались люди. Никто не шевелился, все перестали даже думать.

Затем Разрушитель начал медленно-медленно погружаться. Он не знал, что внизу люди, —

понять это мешали металлоконструкции затонувшего города. Но сложно устроенное тело чувствовало, что силуэты на глубине могут быть добычей…

Ран послал тихие, осторожные мысли всем соплеменникам одновременно:

— Спокойно! Он может пройти мимо. Ждите сигнала. Прячемся по моей команде.

Слово «прячемся» он произнес очень осторожно, понимая, что оно может вызвать панику.

Племя вздрогнуло, посылая общий мгновенный ответ. Все единодушно согласились, даже Дагон. Разрушитель продолжал погружаться в гущу водорослей, его тень поглощала засыпанную песком улицу, а солнечные лучи, пробивавшиеся с далекой поверхности, то складывались в причудливые узоры, то выпрямлялись.

Точно так же заплетались и распрямлялись мысли в голове у Рана. Он напряженно ждал, выстраивая маршруты для бегства, до последнего оттягивая стремительный рывок, после которого племя разбежится по разным уголкам моря и кто-то непременно погибнет, пока остальные прячутся.

Его мысли были холодными и горькими, как вода. Он отмечал самых слабых и медлитель-

ных, тех, кого придется бросить, чтобы получить шанс спасти остальных. Выбор был труден, но необходим.

Одновременно Ран настроил свой слух на тончайшие и высочайшие сигналы, надеясь услышать другие племена, будь они близко или далеко в холодном, зеленом, прозрачном мире. Никого. Ни намека на живых людей или их мысли во всем огромном молчаливом океане. Лишь тихий лязг — эхо столкновения его собственной мысли с другим, скитающимся вдали Разрушителем. И далеко, и близко — к ужасу Рана, очень близко — находились приближающиеся враги. Насколько можно было верить органам чувств, его племя осталось последним из всех морских племен.

«Мы все-таки в убежище, — успокаивал он себя, глядя, как гигантская тень накрывает улицу, выпирает из-за углов зданий, растет, как необъятное грозовое облако. — Спрячемся, как обычно. Они не смогли поймать нас раньше, не поймают и теперь. Но если укрытие подведет? Что дальше? Что дальше?»

Из глубины, из какой-то неизвестной человеку пропасти величаво поднялась долгая Мысль и двинулась сквозь толщу воды, словно медлен-

ный пульс, ударив раз, другой, третий, после чего стихла.

Темная громада Разрушителя, как мифический Кракен, повисла над племенем. Ран затаил дыхание, готовясь дать команду к бегству, но сдержался, наблюдая. Вода между замершими в ужасе людьми и гигантской машиной забурлила, пока машина не стала казаться иллюзией, зыбким фантомом, которого могли изгнать волны. Но это была не иллюзия, и единственным способом спастись было бегство.

3

Пришельцы, создавшие эти машины и пославшие их в глубины океана, чтобы охотиться на людей, нарушили древнейший закон Земли — закон равновесия. У каждого живого существа на Земле был достойный противник. Но с железными Разрушителями ни в воде, ни над водой не мог справиться никто. Существование Разрушителей доказывало — если в таком доказательстве была необходимость, — что пришельцы прибыли на Землю из космоса и узурпировали наследие человека.

Теперь оставалась лишь слабая надежда на то,

что люди вернут себе Землю. Сияние их чистого разума давным-давно померкло, уступив место первобытным инстинктам, как у Дагона. Но Ран с завидным упорством цеплялся за древнюю легенду. «Рожденные на Земле вернут ее себе». Иначе нельзя. Зачем бороться? Чтобы сдаться, не передав знания своему наследнику?

Разрушитель опустился почти до уровня башен. Там он остановился, выделяя биение теплых сердец среди множества холодных на заросших водорослями улицах. И теплокровные, и холоднокровные существа бок о бок прятались среди растений и руин; инстинкт и разум находили общий язык перед лицом смерти.

— Когда он пройдет над куполом, — рассуждал Ран, — нужно бежать. Но не раньше. Есть надежда, что он нас не заметит…

Напряжение становилось невыносимым, но крохотный шанс еще оставался.

Среди коричневых водорослей серебристая фигурка человека вдруг задрожала от ужаса. Слабейший разум не выдержал на точке излома между сознанием и инстинктом.

— Бежим! Бежим! Спасайся кто может! — завопил Дагон в дикой алой вспышке слепого бешенства.

Для племени этого было достаточно. Разрушитель мог проплыть мимо, но теперь он наверняка заметил добычу. Соплеменники Рана разлетелись из укрытий, словно осколки бомбы, взорванной на улице давно заброшенного города. Вода забурлила от их пронзительных, нечленораздельных криков ужаса.

Разрушитель чуть приподнялся в воде, возбудив сильные волны.

На миг Ран застыл, хотя это было неблагоразумно, — застыл, борясь со злостью на Дагона и вспоминая сны, в которых он лицом к лицу сходился с Разрушителями. Дагон, зверь, навлек беду на людей. Ран, человек, рискованно медлил, бросая бессильный вызов врагу. Почему? Он не знал. Быть может, в глубине души желал доказать машинам, что не все люди — животные, повинующиеся исключительно инстинктам. Но он не мог ничего доказать. Разрушители также не были мыслящими существами, они были машинами, движимыми одним лишь побуждением, встроенным в их извергающие огонь тела: убивать. Думать был способен только человек — но не каждый.

Самоубийственный порыв прошел, и Ран вспомнил о племени.

— В башню! — прокричал он, заглушая дикие вопли отчаяния, и закрутился в воде. — Прячьтесь! Бегите! Встречаемся в башне при первой возможности. Спасайтесь! Спасайтесь!

Он не знал, услышали ли его. Он уже мчался в темную глубь сильной, компактной серебряной стрелой, лавируя между толстыми пустыми стеблями водорослей и древним остовом здания, скользя вдоль холодных рельсов с полуинтуитивной-полурасчетливой уверенностью, которая должна была сбить преследователя с толку.

Не зрением, а другими чувствами он ощущал, что позади огненные фонтаны уже поливают его соплеменников, как ранее поливали соплеменников Дагона, и по той же причине — истерике и животной тупости Дагона перед лицом опасности. Умный вождь послал бы несколько человек, а затем еще несколько, чтобы отвлечь Разрушителя, заманить за высотные здания, пока основная часть племени прячется в безопасном месте. Но в то же время умный вождь не забыл бы о слабостях Дагона.

Поэтому вина всецело лежала на Ране.

Яркие звезды вспыхивали и падали на город, расцветая синим и янтарным, алым и золотым. Ран слышал предсмертные крики и называл про

себя имена погибших. Сперва люди умирали по одному, затем по двое, по трое и целыми группами. Ран слушал, а потом отключил слух, отрезал свой разум от последних настойчивых призывов с последней границы человеческого бытия, потому что не мог на них ответить.

Его сила нужна живым; он должен спасти тех, кого сможет. Умирающим он помочь не в силах. Ран закрыл уши и быстро поплыл дальше вдоль металлического рельса.

Он смутно осознавал, что Дагон еще жив. Многие погибли, но Дагон по-прежнему издавал громкие панические крики и плыл к укрытию с силой, какой не должно было остаться у вождя, чье племя совсем недавно подверглось истреблению.

Невозможно было сосчитать, как долго фонтаны взрывались яркими брызгами в сумраке заросших водорослями улиц. Всякий раз, когда расцветал звездный цветок, кто-нибудь из морских людей с тихим криком погибал.

Наконец фонтанов стало меньше; алые, серебристые и холодные синие звезды настигали последних замешкавшихся.

Но Дагон выжил, и Ран, державшийся за блестящий рельс, тоже выжил. Выжили наиболее

удачливые, мудрые и быстрые. Они оказались в безопасности — на нижних улицах, куда Разрушители до сих пор не научились спускаться, и в тайных подземных укрытиях, где было особенно много металлических рельсов.

Они думали, что находятся в безопасности.

Они начали переговариваться тихими, как прикосновения ветра, голосами, и один за другим поплыли к месту общего сбора.

В тот момент вместе с первым протяжным скрежетом металла о камень началась последняя глава истории подводного человека.

Охваченное ужасом племя неподвижно висело в воде, гадая, что означает этот прежде неслыханный звук.

Новый оглушительный скрежет металла и камня был ему ответом. Но этого хватило. Ран, поднявшись к отверстию в бурых зарослях, увидел перед собой начало конца. Все происходило так близко, что было видно даже невооруженным глазом в мутной воде, и так громко, что привыкший слышать под водой Ран едва не оглох. Море — достаточно шумное место, звук в водной среде разносится далеко, но этот грохот не просто оглушал, а контузил.

Человек прятался все глубже, и Разрушитель

приступил к методичному штурму города.

На глазах у Рана он протаранил своим тупым носом основание башни, и этому вновь сопутствовал леденящий кровь скрежет стали, многократно усиленный водой. Башня дрогнула и начала крениться. Водоросли флагами развевались на ней, косяк рыбы выметнулся из окон.

Башня рухнула; верхушка осталась цела, а основание развалилось на мелкие фрагменты, медленно осевшие на покатые плечи Разрушителя, полностью скрыв его из вида.

У Рана затеплилась надежда, но он сразу понял, что она тщетна. Ничто не может уничтожить Разрушителя.

Когда мутная вода очистилась, Ран увидел, как темная туша поднялась, стряхнув каменную мантию. На непробиваемой броне не осталось даже царапины.

Не успели обломки осесть, как через прекрасно проводящую звук воду по ушам ударил новый скрежет — другое сооружение подверглось удару. По каньону прокатился грохот, как при землетрясении, и еще одна башня, невидимая, рухнула на спину невидимого Разрушителя.

Ближайшая машина лениво развернулась и ткнулась носом в соседнее здание. Высокие стены

закряхтели, пошли трещинами и медленно, с пугающим достоинством начали клониться ко дну.

Так город, ставший последним прибежищем человека на его родной планете, сдавался врагу, уступая улицу за улицей, и все новые и новые члены последнего племени людей становились жертвами этой страшной жатвы.

В скалистой расщелине, куда уцелевшие заплыли в поисках укрытия, вокруг Рана собралась маленькая группа. Все молча висели в воде между переливчатыми стенами, над зеленым стеклянным полом. От усталости и отчаяния невозможно было думать. Люди могли лишь толпиться вокруг Рана и оцепенело ждать смерти.

Вдалеке Разрушители методично уничтожали строение за строением в поисках последних людей. Трижды разрушенный город наконец пал. Теперь уже никто не помнил, какое имя он носил когда-то. Троя, Константинополь, Чикаго, Лондон, Перт — какая разница? Давным-давно его разрушил огонь, о чем свидетельствовали обесцвеченные стены. Силуэты тех, кто тщетно пытался спастись, отпечатались на кладке там, где огонь жег сильнее всего, но в море давно не осталось никого, кто бы знал, откуда взялись эти тени и кем они были раньше. Еще раз этот город

разрушила вода. А теперь…

Спокойные, безразличные к конфликтам верхнего мира, по воде то и дело пробегали Глубинные Мысли. Машины не обращали на них внимания. Возможно, машинам нечем было чувствовать эти мощные всплески энергии. Медленно, неотвратимо, как приливные волны, обширные Мысли прокатывались среди упавших башен, касались ежащихся в укрытии людей, после чего беззаботно скручивались и исчезали.

Последние люди на Земле были слишком сильно испуганы, чтобы обращать на них внимание.

Даже Ран, знавший, что нужно делать дальше — какой отчаянной опасности подвергнуть племя напоследок, — едва заметил величественно прокатившуюся Мысль.

Его племя почти превратилось в стаю зверей. Утомленный Ран плохо соображал и не посылал никому мысленных сообщений. Дагон спрятался под скалистым уступом, настолько подавленный, что даже не излучал страха. Это было решающее поражение. Людям отказал интеллект, им изменила хитрость. Неразумные обитатели океанов, выживающие благодаря сигналам негибкого инстинкта, имели больше шансов на выживание, чем люди, и человечество стремительно опуска-

лось до их уровня.

Думать было трудно, невероятно трудно. Проще перестать мыслить, плавать косяками, следуя за тем вожаком, что громче других озвучивает общие потребности. Бежать легко. Древнейшие механизмы тела могут избавить от необходимости размышлять логически. Не нужно строить планы на завтрашний день; жизнь станет бесконечным «сегодня», — конечно, если они выживут. Если Разрушители еще не заметили уцелевших и не пробьются вот-вот сквозь камень, чтобы прикончить их.

Но в глубине разума Рана вновь что-то пробудилось. Древнее понятие ответственности по-прежнему двигало им. У него был долг не только перед племенем, но и перед чем-то бóльшим, перед неосязаемым будущим, о котором он знал лишь легенды и пророчества. Просто спастись недостаточно. Он обязан сохранить для людей будущее, и важнее всего — он должен сохранить их *людьми*. Путь Дагона — назад к животной неразумности — слишком легок…

Ран осторожно, нежно прикоснулся разумом к сгрудившимся соплеменникам. Все племя вздрогнуло от этого едва ощутимого призыва к жизни, призыва вновь взвалить на себя ношу, от которой

люди почти избавились.

Некоторые отпрянули от прикосновения, отвергли его, сочли болезненным и решительно закрыли свой разум. Самоосознание действительно причиняло боль.

Были и те, кто в этот момент вовсе перестал ощущать свое «я». Они отринули его ради более легкого пути, решили стать морскими зверями.

Но остались и те, кто доверчиво повернулся к Рану, открыл разум для новых приказов.

Приказов у него не было — лишь один чрезвычайно рискованный на случай, если человечество больше ничего не сможет сделать. Ран протянул свои мысли старейшинам, осведомился, нет ли у них предложений, отчаянно надеясь, что тяжесть выбора ляжет не на него одного. Он настойчиво опрашивал их поочередно.

Из морской пучины медленно выкатилась очередная Мысль и прошла мимо, словно торжественная музыка. Ран вздрогнул, когда почувствовал ее, — и понял, что выбор придется делать ему. Старейшины ничем не помогли.

— Мы не знаем, — покорно ответили они. — Ты наш вождь. Веди нас. Спаси, если сможешь.

От Дагона вообще не пришло ответа. Он был молчаливее водорослей, что колыхались вокруг.

Ран немного послушал медленный пульс Мысли, устремив за ней свой разум, как за приливом.

— Есть одно укрытие, последнее, — сказал он неохотно. — Там мы можем погибнуть, но в любом другом месте погибнем наверняка. Даже верхние моря для нас теперь небезопасны. Остается единственный путь. — Он замешкался, после чего закончил: — В Бездну.

— Бездна! Только не Бездна! — в ужасе заголосил Дагон. — Нужно бежать, но не в Бездну!

Вокруг Рана поднялся хор возражений:

— Что угодно, только не Бездна! Никто не знает, что там. Оттуда приходят Мысли. Но кто их думает? Никому не ведомо.

— Никто даже не отваживался выяснить. Мы не поплывем в Бездну!

От Дагона пришло осторожное предложение. Должно быть, он думал про себя, но невольно распространил свои мысли на всех. Дагон терял способность думать про себя, что было еще одним симптомом превращения в зверя.

— Мы можем бежать, — сказал он. — Очень быстро. Возможно, быстрее Разрушителей. Если повезет, найдем другой город, чтобы спрятаться. Нужно бежать…

Чуть приподнявшись в воде, Ран распушил мех и напряг усталые мускулы.

— Мы слишком устали, чтобы бежать. Разрушители быстрее нас. Пока они заняты, у нас есть время спрятаться. Я выбираю Бездну. Никто не знает, что там. Может, смерть, но здесь смерть верная. Решайте. Я ухожу прямо сейчас. Кто хочет, пусть плывет за мной.

Нерешительно, осторожно, полные ужаса перед неведомым, они все же поплыли. Дагон отправился последним.

4

Здесь кончались открытые моря, которые они оставляли навсегда. Здесь чистую зеленую воду пронизывал рассеянный солнечный свет, на дне лежал окрашенный в цвет моря песок. Здесь раскачивались джунгли водорослей, крепкими корнями цеплявшихся за грунт, а макушками достигавших поверхности. Родные, хорошо знакомые места. Морской народ с тоской оглядывался назад. По сравнению с неизвестностью даже Разрушители казались едва ли не приятелями.

Впереди был край мира. Великая Бездна разверзла свои бесконечные глубины, куда человек

не отваживался совать нос. Отвесный склон исчезал во тьме, за ним лежало бездонное море фиолетового цвета, переходящего в темно-синий, а затем в непроницаемый, полуночный черный.

Оттуда медленно выплывали пульсирующие Мысли.

Ран даже не пытался воображать, что может таиться внизу. Он переместился за край обрыва и ненадолго застыл, посылая свои чувства вниз, силясь измерить глубину. Ничего. Ничего. Совсем ничего. Лишь тишина и спокойные раскаты обширных, не поддающихся пониманию Мыслей. Может, это мысли самой планеты?

— За мной, — скомандовал Ран и, поджав мех, начал погружение.

Склон был высотой в две мили.

Они опускались медленно — длинная волнистая лента серебристых фигур погружалась все глубже во тьму вдоль склона. Свет пропал в самом начале спуска, но люди уже давно не полагались на зрение и потому не слишком тосковали по свету. Свет означал тепло, привычность, безопасность. Свет был наследием человека, но эти люди, разумеется, не мыслили такими категориями. Они лишь понимали, что темнота страшна, пусть и могли ориентироваться в ней с помощью под-

водных чувств и не видели реальных угроз.

Плотность и вкус воды по мере погружения слабо менялись. Теперь племя находилось на чужой территории, где могло случиться что угодно. Но ничего плохого не случалось, лишь пространные Мысли все поднимались, и сила их здесь была такова, что они разбрасывали подвернувшихся на пути людей в стороны, словно мощные течения. Люди как бы просачивались между Мыслями, погружаясь к корням всего мышления.

Когда они сообразили, что это западня, поворачивать назад было слишком поздно. Сначала Ран заметил лишь другую отвесную стену, идущую параллельно их курсу. Стены медленно сходились. Ран замедлил спуск, мысленно ощупывая скальные стены, не зная, возвращаться ли обратно.

Осторожность сигналила ему, но… но что-то в Бездне контролировало его курс. «Еще немного, там, вдали, что-то есть», — подумал он.

Стены мира сошлись в узкое ущелье, в воронку, куда медленно опустилось последнее людское племя, доверчиво следуя за Раном.

Никто не понял, когда первый Разрушитель поймал человеческий след, даже Ран не знал, что за племенем гонятся. Он пренебрег своими обя-

занностями. Или это пренебрежение было лишь частью громадной мозаики, в которую втянули его и его людей?

Так или иначе, кто-то оглянулся и издал беззвучный вопль ужаса. Все разом обернулись, чтобы понять причину. Над ними на фоне тускнеющего дневного света, который племя покидало навеки, медленно опускался овальный темный силуэт, выпрастывая длинные щупальца в поисках беглецов.

Паника мгновенно превратила людей в мохнатый клубок, опутавший Рана. Тот раскинул свои мысли, словно руки, чтобы обнять и успокоить соплеменников, насколько это было возможно.

— Рано или поздно нас бы нашли, — сказал он. — Но видите, как медленно здесь движется Разрушитель? Похоже, машины слишком велики, чтобы снижаться быстро, как мы. Смотрите! Им тоже страшно. Им неведома Бездна. Плывите, плывите за мной. Уверен, мы успеем спрятаться. Уверен, внизу есть укрытие.

Пассивное погружение закончилось. Люди развернулись головой вниз и торопливо замолотили ногами, устремляясь к сердцу планеты. Сверху в темные глубины начал опускаться второй Разрушитель, затем еще и еще.

Люди погружались, и машины Пришельцев погружались следом. Стены ущелья смыкались, и вскоре Ран начал чувствовать их везде; пористый камень сплошь и рядом покрывали глубоководные существа, наполовину животные, наполовину растения. В пещерах и у склонов Ран ощущал проблески сознания. Когда-то, наверное, из таких проблесков родилось человечество и отправилось в долгий поход к завоеванию планеты и воздуха. Теперь же, опускаясь все глубже и глубже, минуя ступеньки, из которых строилось прошлое его народа, Ран уводил человечество назад, вниз, к изначальной точке круга его развития.

Пространная Мысль, горделиво поднявшись, встряхнула их всех, словно не заметив.

Наследники Земли, спускаясь к истоку своего мира, камнем падали в западню, которую сами себе расставили, а неземные создания, правившие Землей, преследовали их, чтобы истребить. Последний герой человечества мог привести людей только к забвению. Какие еще иллюзии Землерожденные могли питать относительно наследия Земли?

Паника охватила Рана, когда он понял, что стены смыкаются и бежать больше некуда. Но что-то

в глубине его разума не позволяло отчаяться, оно намекало необъяснимыми чувствами, что поражение еще не очевидно, что племя спустилось сюда неспроста и конец человечеству еще не пришел.

Наследие существует. Он должен держать племя вместе, чтобы люди оставались людьми, пока наследие не будет передано потомкам. Их дети и дети их детей еще могут родиться и отвоевать Землю…

Скалы почти сомкнулись. Внизу двигалось нечто огромное.

Глубинные Мысли взмывали из узкой воронки все интенсивнее. Людям приходилось прикладывать все больше усилий, чтобы плыть вниз. В верхних морях Мысли овевали, будто летний ветерок, но здесь, в шахте, они били могучим потоком, разбрасывая пловцов, как соломинки. Под напором этих струй содрогались даже Разрушители. Внизу, во мраке, определенно обитало нечто осязаемое…

Силы иссякали, и люди вытянулись за Раном длинной вереницей. Дагон, чей разум по-прежнему был замутнен злобой и ужасом, остановился и нерешительно произнес:

— Внизу опасно. Я видел, там что-то движется.

Дальше не поплыву…

Ему вторили другие. Ран мог назвать упрямцев поименно, прежде чем они заговорили, — это те же люди, что и раньше соглашались с Дагоном.

— Да, там что-то есть… Непонятно что… Большое… Может, пора бежать? Прятаться?

Мысли Дагона лихорадочно ощупывали скалы.

— Это ловушка, — сказал он. — Но здесь есть пещеры. Можно спрятаться в пещерах. Бежим? Думаю, пора…

Только Ран был неподвижен и молчалив. Он не обращал внимания на болтовню. Он выискивал в Бездне темную шевелящуюся громадину.

— Ждите здесь, — сказал он мягко. — Не разбредайтесь. Я спущусь один и посмотрю, что там. Следите за Разрушителями, но не бегите, пока я не дам команду. Время есть. Что бы со мной ни случилось, я успею послать сигнал. Старейшины, не дайте людям разбрестись.

Колоссальные струи Мыслей, поднимаясь, толкали его из стороны в сторону. Каменная воронка все сужалась, но так и не сомкнулась. Теперь Ран ощущал свежие восходящие потоки морской воды, неспешно текущие мимо него.

Спуск не оканчивался тупиком. Это отчасти доказывало правоту Рана. Напрягая все чувства в

поисках необъятного подводного существа, он с некоторым беспокойством осознал, что в последней отчаянной попытке спасти человечество, сохранить его разумным и мыслящим завел племя сюда, руководствуясь слепым инстинктом.

Внизу в скале было отверстие. Чувства Рана нашли проход. Но он оказался закрыт; его заслонял некто, слабо раскачиваясь в воде.

Теперь Ран мог различить темную громаду Мыслителя.

Успокоив разум, придерживаясь за стену, он скользнул вниз. Не было нужды соблюдать тишину. Глубинные Мысли катились вверх, не обращая внимания ни на него, ни на морские растения, ни на безжизненные скалы. Невозмутимые, как сама планета, они разворачивались и поднимались, проходя сквозь толщу воды с тем же достоинством, с каким Земля вершит свой путь в космосе.

Это был страж. Он думал свою думу, и ему не было никакого дела до людей и нелюдей.

Однако он был живым существом. Чувства Рана осторожно прощупали воду и сообщили, что страж теплокровный, как и он сам. Великан не обращал на Рана внимания, но и не угрожал. Он просто загораживал вход.

В то время как смертоносные машины продолжали спуск.

Рану не хотелось двигаться вперед. Его сердце бешено стучало, полнясь благоговейным трепетом и ужасом — ужасом перед неизвестностью и трепетом при одном только виде величественного Мыслителя.

Но двигаться было необходимо. Ран погружался, пока громадный Мыслитель не навис над ним, как гора. Его голова была подобна пологой скале. Мысли одна за другой выходили из глубоко запрятанного сознания, из неизмеримо длинных и невероятно запутанных извилин мозга, по сложности не идущего ни в какое сравнение с человеческим.

Левиафан всегда был безликим. Он прятал лицо, как и свои тайны. Виден был только широкий, гладкий лоб с глазами по обе стороны, которые вглядывались далеко, охватывая сразу два поля зрения.

Ран спускался, пока не оказался напротив неподвижного глаза. Он задержался, всматриваясь в недремлющий зрак. Если Мыслитель и заметил пришельца, то не подал вида. Этим глазом он смотрел равнодушно, будто Ран был единым целым с водой и камнями. Кто знает,

какие необъятные глубины видел его противоположный глаз?

Все-таки Земля — очень старая планета.

В хрониках, рассказывающих о Сотворении мира, Левиафана называют одним из первых существ, появившихся на Земле. «И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся»[24]. Давным-давно, когда писались эти слова, Левиафан считался самым могучим из живых организмов. «Глаза у него, — написано в хрониках, — как ресницы зари… Сердце его твердо, как камень… Нет на земле подобного ему; он сотворен бесстрашным…»[25] Так говорили в стародавние времена. С тех пор люди сильно изменились.

Как и Левиафан…

Ран смиренно завис у врат в тайное царство Левиафана, без надежды глядя в гигантское равнодушное око. «Он плавал по морям, — писал Мелвилл, — задолго до того, как материки прорезались над водою… Во время потопа он презрел Ноев ковчег, и, если когда-либо мир, словно Нидерланды, снова зальет вода, чтобы переморить

---

[24] Notes: 24
Быт. 1: 21.

[25] Notes: 25
Иов 41: 10, 16, 25.

в нем всех крыс, вечный кит все равно уцелеет...»[26]

5

Вдруг наверху, где дожидалось племя, возникла суматоха. Ран навострил все свои чувства, как зверь — уши, и направил их назад.

Громче всех слышались вопли Дагона:

— Они приближаются! Мы в ловушке! Они заметят нас, как только минуют эту скалу. Нужно бежать! Спасаться! Чего вы ждете? Бегите, говорю вам, бегите!

В ответ закипели спутанные мысли. Уже никто не понимал, почему племя не прячется, даже старейшины не видели пути к спасению ни наверху, ни внизу. Было все равно, бежать или оставаться. Лидер не подарил им очевидной надежды. В этот миг отчаянное желание Дагона казалось разумным. По крайней мере, бежать проще, чем стоять на месте перед лицом неминуемой гибели.

— Пещеры! — заорал Дагон. — Прячьтесь в пещерах!

Ран сгруппировался, повернулся и мощно по-

---

[26] Notes: 26
Мелвилл Г. Моби Дик, или Белый кит. Перевод И. Бернштейн.

греб наверх, подталкиваемый снизу могучими Мыслями. Когда он оказался среди людей, те уже рассеялись.

— Разрушители! — кричали ему соплеменники. — Смотри! Когда они выйдут из-за скалы…

Мысленные голоса канули в сущий беззвучный ужас, но отдельные сознания еще пробивались сквозь всеобщий гвалт:

— Куда нам деваться? Что делать? Скажи, пока мы не погибли!

— Вниз, — ответил Ран спокойно, но послав свою мысль как можно сильнее, подсознательно копируя течение Мыслей Левиафана, что сотрясало людей, пока те висели в воде. — Вниз. За мной.

Без промедления он снова развернулся и мощными гребками поплыл вниз. У него не было четкого плана; он действовал инстинктивно, импульсивно, как Дагон. В одном был уверен: для человечества это единственный выход. Ран не собирался уходить от ответственности, которую на него возложили: держать племя вместе, сохранять его человечность, упорно нести груз человеческого наследия.

Племя нерешительно последовало за ним. Дагон плыл последним. Все были охвачены ужасом,

но готовы держаться за хрупкую соломинку, пока она не переломится.

Громадный темный Мыслитель по-прежнему перегораживал путь. Один его задумчивый глаз смотрел в сторону людей, другой прятался на противоположном боку, глядя в неведомые глубины. Если для управления сразу двумя полями зрения киту требовалось два сознания, то ни одно из них даже на миг не задержало внимание на группе изнуренных беглецов, чей народ некогда правил миром.

Дрожа, люди остановились.

Ран поплыл вперед и заглянул в глаз Левиафана. Он собрал последние силы разума, еще не отнятые усталостью и страхом. Достучаться бы до этого необъятного существа, поговорить с ним, как разумное существо с разумным существом…

— Нас гонит враг, — без обиняков сказал он исполину. — Позволь нам пройти.

Глаз Левиафана даже не дрогнул. Вверх беспрепятственно покатилась новая гигантская Мысль.

— Пропусти! Пропусти! — по-звериному дико, пронзительно закричал Дагон.

Левиафан не ответил, как будто Дагон был барракудой или мурены.

К Дагону присоединилось все племя, наполнив

воды бессвязными мыслями, криками о помощи, требованиями пропустить, нечленораздельными воплями, пронизанными страхом смерти. Но им никто не внял. Левиафану уже не раз доводилось встречаться с шумливыми морскими животными.

Пути к спасению не было. Племя не могло двигаться вперед, не могло и повернуть назад. Оставалось лишь кричать и проклинать западню, в которую его завел Ран, до тех пор, пока первый Разрушитель не покажется из-за скалы…

Когда Дагон заметил жуткий силуэт, его вопль заглушил крики остальных. Он закрутился в воде, взбивая пену, и резко рванулся к похожей на пчелиные соты стене.

— Бежим! — кричал он. — Прячьтесь! Прячьтесь!

Этот призыв был прост и понятен племени. Команды Рана — нет. Люди бросились врассыпную, одни помчались за Дагоном, другие бестолково тыкались в стену и друг друга с истошным визгом, даже не осознавая, что визжат. Типичная для ведомых паника направила их прямо в пасть преследователя.

Только Ран держался на месте, собирая всю силу разума и чувство ответственности за племя,

которое он привел на край гибели, следуя неведомому доселе инстинкту.

По сравнению с колоссальной силой разума кита его сила была ничтожна. Но, кроме нее, у Рана ничего не осталось. Он собрал ее последние крупицы и метнул в Левиафана, как копье. Он не вложил в бросок ни слов, ни призывов. Просто хотел пробиться сквозь броню гиганта, заставить его заметить другой разум в другом теплокровном мозгу.

Левиафан слабо пошевелился. Его Мысль, поднявшаяся подобно струйке дыма, на миг качнулась в направлении Рана. Ее прикосновение обожгло разум столь сильно, что Ран отшатнулся. Он не был уверен, означает ли легкое шевеление гигантского Мыслителя, что тот обратил на него внимание.

— Помоги нам! — произнес Ран и тихо, и со всей неистовостью, на которую был способен.

Похожий на окно глаз, сидящий в глубокой глазнице, как в подводной пещере, едва заметно оживился. Ран не знал, заметил ли его Левиафан, а если заметил, то понял ли, что происходит. В любом случае через пару секунд это не будет иметь значения. По волнению вокруг ясно, что гибель близка.

Ран бросил последнюю страстную просьбу в тушу, блокирующую проход.

— Помоги нам! — взмолился он. — Помоги!

Затем он развернулся, поджал ноги, толкнулся и помчался к убегающему племени. Его громкие мысли неслись впереди него, отчаянно цепляясь за разум тех, кто еще был способен слышать и слушаться.

— Назад! — звал он. — За мной! Спускайтесь!

Но как люди могут послушаться, если смерть уже склонилась над ними? Дикие вопли Дагона были понятнее, они долетали высоко, до того уровня, где находились разрушительные машины. До Дагона не докричаться, он переступил черту и отринул свою человечность. Но племя — то, что от него осталось, — еще можно спасти.

Ран из последних сил мчался вверх, выкрикивая команды.

Для соплеменников они были абсурдны; вождь приказывал не прятаться, а погибнуть. Одни просто не отвечали, слепо плывя прочь, другие возражали дрожащими от ужаса голосами.

Ран не обращал внимания на крики. Ему нужно было привести людей к Левиафану, если понадобится — силой. Даже если Ран примется их бить, они не ответят, ведь он по-прежнему их вождь.

Но и подчиняться не станут.

То, что происходило потом, напоминало кошмарное побоище. Ран схватывался с молодыми и сильными, вырубал их и толкал в глубину. Заламывал руки тем, кто послабее, и тянул вниз. Гнал старых. Выхватывал детей из рук матерей и швырял в темноту, а матерей отправлял следом.

Вдали, в открытой воде, начали падать звезды. Время от времени они находили цель; иногда этой целью оказывался растерянный беглец, которого сам Ран направил к гибели. Ран ничего не мог с этим поделать, даже не задумывался. Для него имело значение одно: племя должно предстать перед Левиафаном, и будь что будет.

Высоко над головой постепенно затихали панические вопли Дагона и истошные крики тех, кто успел подняться за ним следом. Разум этих беглецов перестал быть человеческим, он уже не формировал внятных мыслей.

Ран игнорировал эти звуки. Может быть, кому-то и удастся прорваться мимо Разрушителей. Даже если они обретут свободу в верхних морях после безумного побега, они уже не люди. Малодушные простились со своей человечностью здесь, на глубине, покинув объятые ужасом остатки племени. Если человечеству еще предстоят

какие-то свершения, они ждут внизу.

Ран изо всех сил подгонял свой народ к вратам и Левиафану.

Испуганное племя — последнее, что осталось от человечества, — собралось, дрожа, перед подводным привратником. Ран протолкался через толпу и послал всем успокаивающую мысль, после чего предстал перед громадным глазом, выглядывавшим из отвесной скалы плоти.

И на этот раз кит увидел его. Увидел и услышал.

Когда Ран послал свою всеобъемлющую мысль, она коснулась не только людей. Мыслящий разум дотронулся до другого мыслящего разума, и спокойное, величественное сознание Левиафана заглянуло в голову человека. В то же время другая сторона этого сознания продолжала смотреть туда, куда человек еще никогда не заглядывал.

Звездный дождь уже шел над племенем, а его последний вождь все переглядывался с хранителем врат, ведущих к основанию мира. В течение нестерпимо долгого времени кит не реагировал никак.

Затем исполин зашевелился. Он сдвинулся вперед, подобно живой горе, и вода отхлынула от него могучими потоками.

Медленно-медленно в скале приоткрылось отверстие, портал в охраняемую Бездну. И люди, оставшиеся от маленького племени, один за другим нырнули в это отверстие, спеша укрыться в недрах планеты. Ран был последним.

Кит возвышался над ними, грандиозный, как крепость. Ран тяжело вздохнул, зная, что исполнил свой долг и освободился от гнета ответственности. Его люди остались людьми. Он не допустил ошибки; инстинкт, приведший его сюда, мудрее разума, но это не звериный инстинкт. Что будет дальше, Ран не знал, но твердо верил, что все сделано правильно.

Левиафан лениво повернулся в воде, созерцая звезды, еще сверкавшие над бездной, где исчезли последние люди на Земле.

Звезды больно жалили гигантский лоб, много тысячелетий излучавший Глубинные Мысли. Кит существовал задолго до появления человечества. До сих пор Левиафан спокойно лежал здесь, никого не трогая. Рождались завоеватели, войны захватывали целые континенты, но планета на три четверти была покрыта водой и кит мог ни о чем не заботиться.

Теперь война пришла на глубину, в личные владения Левиафана.

Все больше Разрушителей появлялось в поле его зрения, они медленно покачивались в темной воде под мощными струями Глубинных Мыслей. Все живые существа на поверхности Земли и в ее водах разбегались и прятались при виде звездного дождя, ведь его прикосновение означало смерть.

Левиафан наморщил величественный лоб и стряхнул с себя звезды.

Затем Землерожденный медленно развернул исполинское тело и встретился с Пришельцами лицом к лицу.

Проект

Исследовательский комплекс «Мар виста дженерал» существовал уже восемьдесят четыре года. Формально он считался научной организацией, хотя на самом деле это было не так. С тех пор как он возник на месте одной из больниц в середине двадцатого века, на территорию «Мар виста» ни разу не ступала нога постороннего.

Ибо если кто-то входил туда, значит он уже был избран в совет. И только сам совет знал, что это означает.

— Нам придется отложить визит! — сказала Мэри Грегсон, сминая сигарету. — Собственно говоря, Митчелла сюда пускать вообще нельзя!

Сэмюэль Эшворт, худой смуглый невыразительный молодой человек, укоризненно покачал головой:

— Это просто невозможно. И без того уже слишком многие настроены против совета. Скажите спасибо, что к нам не явилась целая комиссия с проверкой.

— Один человек ничем не лучше комиссии, — огрызнулась Мэри. — Вы не хуже меня знаете, что будет дальше. Митчелл начнет говорить, и…

— И?

— Как мы сможем защититься?

Эшворт бросил взгляд на других членов совета. Присутствовало их немного. «Мар виста дженерал» был домом для тридцати мужчин и тридцати женщин, но большинство из них сейчас были заняты своими делами.

— Что ж, — сказал Эшворт, — мы стоим на грани вымирания. Мы знаем, что, вероятнее всего, станет причиной гибели современной культуры. До сих пор лишь «Мар виста дженерал» обеспечивал стабильность. Как только будут запущены центральные энергостанции, мы сможем защитить себя и реализовать наши цели. В этом можно не сомневаться.

— Они еще не запущены, — мрачно возразил Бронсон, седой хирург, пессимизм которого, похоже, рос год от года. — Мы слишком долго оттягивали этот кризис, и он перешел в открытую стадию. Как сказал Митчелл — либо вы меня к себе пустите, либо будет хуже. Если мы его пустим…

— А если разыграть спектакль? — предложил кто-то.

— Перестроить весь «Дженерал» за несколько часов? — спросила Мэри.

— Когда Митчелл подойдет к воротам, — спокойно сказал Эшворт, — тысячи людей у телевизоров будут ждать, когда он выйдет обратно. Напряженность в обществе и неприязнь к нам настолько высоки, что мы не посмеем пойти ни на какой подлог. И все-таки я за то, чтобы сказать Митчеллу правду.

— Это безумие, — прорычал Бронсон. — Нас линчуют.

— Мы нарушили закон, — согласился Эшворт, — но в итоге добились успеха. Мы спасли человечество.

— Если вы скажете слепому, что он идет по краю обрыва, он может поверить вам, а может и не поверить. Особенно если вы попросите у него награду за спасение.

— Я вовсе не говорю, что мы сумеем убедить Митчелла, — улыбнулся Эшворт. — Я всего лишь считаю, что мы можем его задержать. Работа над проектом центральных энергостанций постоянно продвигается, и через несколько часов все может полностью измениться. Как только станции будут приведены в действие, мы вольны делать все, что захотим.

Мэри Грегсон поколебалась, закуривая очередную сигарету.

— Я начинаю склоняться на вашу сторону, Сэм. Митчелл намерен каждые пятнадцать минут сообщать миру по визору, что он еще жив.

— Мера предосторожности, чтобы быть уверенным в собственной безопасности. Если люди настолько нас подозревают…

— Итак, — сказала Мэри, — сейчас он идет через Лоуэр-колледж. Но там никогда не было ничего сверхсекретного, и долго он там не задержится. Скоро он постучится в нашу дверь. Сколько у нас времени?

— Не знаю, — ответил Эшворт. — Приходится рисковать. Мы не можем отдать приказ немедленно завершить подготовку энергостанций, ибо тем самым раскрыли бы свои карты. Когда станции будут запущены, нам сообщат — но до тех пор нам придется запутывать и задерживать Митчелла. На мой взгляд, ничто не запутает и не задержит его больше, чем правда. Все-таки психология — моя специальность. Думаю, я сумею потянуть время.

— Вы понимаете, что это означает? — спросила Мэри.

Эшворт посмотрел ей в глаза.

— Да, — кивнул он. — Я понимаю, что это означает.

«Мар виста дженерал» представлял собой гигантское белое невыразительное сооружение без окон, стоявшее, словно алтарь, посреди заполненной всевозможными техническими конструкциями территории. Сотни специализированных зданий, относившихся ко всем отраслям науки, образовывали море, в котором «Мар виста дженерал» был центральным островом. Море было судоходным; именно им и являлся Лоуэр-колледж, открытый для публики, которая могла наблюдать за работой техников, воплощавших в жизнь планы, рождавшиеся на неприступном острове «Мар виста дженерал».

В стене белого здания имелись маленькие металлические ворота, на которых была выбита надпись: «МЫ СЛУЖИМ ЛЮДЯМ», а под ней — анахроничный знак Эскулапа со змеей, реликвия тех времен, когда «Мар виста дженерал» действительно был больницей.

Белое здание было изолировано от всего, но его соединяли с внешним миром линии связи. Подземные трубы пневматической почты вели в Лоуэр-колледж. Телевизоры передавали чертежи и планы. Но никто извне никогда не входил в эти металлические ворота, так же как никто из советников никогда не покидал «Мар виста дженерал»

— пока не заканчивался пятнадцатилетний срок пребывания в должности. И даже тогда…

Это тоже было тайной. На самом деле тайной являлась бóльшая часть истории последних восьмидесяти с небольшим лет. Инфоленты достаточно правдиво описывали Вторую мировую войну и атомную бомбардировку, но история последовавших за этим беспорядков, завершившихся Второй американской революцией, подверглась небольшим искажениям, скрывавшим истинный смысл. Радиоактивный кратер, появившийся на месте Сент-Луиса, бывшего железнодорожного и торгового центра, оставался памятником амбициям революционеров во главе с Саймоном Ванкерком — вставшим на путь мятежа преподавателем социологии; а нынешнее централизованное авторитарное мировое правительство стало памятником поражению войск Ванкерка. Власть теперь принадлежала Всемирному центру, могущественной коалиции правительств бывших великих держав.

Время ускорило бег. Прогресс движется прямо пропорционально технологическому развитию — если, конечно, это развитие не происходит столь быстро, что человечество отстает от него, и в итоге возникает опасность войн и хаоса. Но

Вторая революция была остановлена прежде, чем Ванкерк пересек Миссисипи, двигаясь на восток, а впоследствии появился Всемирный центр, установивший собственные, крайне жесткие законы.

Пятьсот лет прогресса сжались до восьми десятилетий. Нынешний мир мог бы показаться весьма странным для гостя из тысяча девятьсот пятидесятого года. О происхождении и истории новой системы столь невероятный гость мог бы узнать из инфолент, полных подробных таблиц и диаграмм, но…

Инфоленты лгали.

Сенатор Руфус Митчелл мог бы быть как мясником, так и политиком. Он словно сошел со старомодной карикатуры — щекастое красное лицо, два с половиной подбородка, отвисшее брюхо и огромная сигара, торчавшая под острым углом между плотно сжатыми губами. Когда-то Джордж Крукшенк[27] рисовал подобных Митчеллу, но не политиков; сегодняшний же Руфус Митчелл был расчетливым, умным, критически настроенным человеком, который мог почуять радиолокационный взрыватель бомбы прежде,

[27] Notes: 27

Джордж Крукшенк (1792–1878) — известный американский иллюстратор, карикатурист.

чем она окажется чересчур близко. По крайней мере, он на это надеялся. И именно потому ему удалось создать комиссию, несмотря на сопротивление сторонников политики невмешательства во Всемирном центре.

— Открытые мирные договоры должны обсуждаться открыто[28], — крикнул он, пытаясь смутить оппонента как децибелами, так и семантической двусмысленностью.

Но невозмутимого, постоянно улыбающегося сенатора Куинна не так-то просто было сбить с толку. Старик с серебристо-белыми волосами и вкрадчивым голосом отхлебнул суррогатного виски с содовой и откинулся на спинку кресла, глядя на движущиеся в медленном танце фигуры на потолочном экране.

— Вы понимаете, о чем говорите, Руфус? — пробормотал он.

— Всемирный центр не работает за закрытыми дверями, — ответил Митчелл. — Почему это делает «Мар виста дженерал»?

— Потому что, если приоткрыть двери, все знания просочатся наружу, — сказал Куинн.

---

[28] Notes: 28

Цитата из «Четырнадцати пунктов» Томаса Вудро Вильсона, 28-го президента США (тезисы о целях Первой мировой войны, изложенные в речи перед конгрессом в январе 1918 года).

Они сидели в баре, отдыхая после обзорной экскурсии по Лоуэр-колледжу, и Митчелл жалел, что его партнером оказался Куинн, а не кто-то другой. Он явно готов был сдаться!

— Я вполне удовлетворен, — заметил Куинн, немного помолчав. — В любом случае не знаю, чего вы, черт побери, хотите.

Митчелл понизил голос:

— Вы не хуже меня знаете, что рекомендации «Мар виста» означают нечто большее, чем просто совет. Мы не отклонили ни одной из них, с тех пор как существует Всемирный центр.

— И что? Мир прекрасно себе существует.

Митчелл ткнул в его сторону сигарой:

— Кто управляет планетой? Всемирный центр — или «Мар виста»?

— Предположим, ею управляет «Мар виста», — сказал Куинн. — Согласились бы вы на добровольное заточение в совершенно ненормальных условиях лишь ради удовольствия осознавать, что вы один из боссов? У францисканских монахов была неплохая идея. Им приходилось расставаться со всем нажитым и давать обет бедности, прежде чем они могли стать монахами. Никто им не завидовал. Никто не завидует совету.

— Откуда мы можем знать, что происходит в «Мар виста»?

— В худшем случае это рай из сказок «Тысячи и одной ночи». Или в лучшем.

— Послушайте, — сказал Митчелл, заходя с другой стороны. — Меня не волнует, что доставляет им удовольствие. Я хочу знать, на что они способны. Они правят миром. Что ж, пора им раскрыть карты. Я до сих пор не вижу никакого смысла в проекте центральных энергостанций.

— Можете на меня не смотреть. Я не электрофизик. Как мне кажется, с их помощью мы сможем получать энергию откуда угодно. И в неограниченном количестве.

— В неограниченном, — кивнул Митчелл. — Но зачем? Это опасно. Атомная энергия уже восемьдесят лет находится под жестким контролем, и именно потому наша планета еще существует. Если любой будет получать энергию откуда угодно — он сможет играть с нейтронами. Вы понимаете, что это может означать.

Куинн начал устало загибать пальцы:

— У нас обязателен сбор сведений о каждом. У нас обязательны психологические тесты. У нас есть системы тайного наблюдения, и у нас отменена неприкосновенность личности. Не

говоря уже о множестве других подобных мер. Всемирный центр обладает абсолютной властью и может контролировать жизнь практически любого человека на земле.

— Но «Мар виста дженерал» обладает абсолютной властью над Всемирным центром, — торжествующе заявил Митчелл. — Мы уже видели Лоуэр-колледж, и там совершенно не на что смотреть, кроме множества техников. И всяких технических штучек.

— Чушь.

— Сидите спокойно и пейте свой суррогат, — сказал Митчелл. — Когда будут запущены центральные энергостанции, к ним сможет подключиться любой. Просто сидите и напивайтесь до потери сознания. Может начаться новая атомная война. Могут появиться новые мутанты. И на этот раз они могут стать взрослыми.

— Не могут и не смогут, — возразил Куинн. — Умные долго не живут.

— Чушь, — передразнил его Митчелл.

— Вы прекрасно знаете, — устало сказал Куинн, — что лишь по-настоящему опасные мутации выглядят столь чуждо, что их признаки проявляются еще до того, как человек повзрослеет. Как только они становятся синими, отращивают

дополнительные руки или пытаются взлететь, их можно обнаружить и уничтожить. Но мутантов больше нет, и вы всего лишь паникер. Я не могу помешать вам отправиться в «Мар виста», если вы так хотите. Но я не вижу для этого никаких причин. У вас пожизненная должность сенатора.

— Я представляю народ, — ответил Митчелл.

Мгновение поколебавшись, он, как ни странно, рассмеялся:

— Да, знаю. Это штамп. Но я действительно чувствую ответственность.

— Чтобы ваша фотография появилась в новостных лентах.

— Я занимался кое-какими исследованиями на этот счет и обнаружил кое-что интересное.

— При нынешнем положении дел нам ничто не угрожает, — сказал Куинн.

— Так ли это? А вот и наш гид. Хотите подождать здесь или?..

— Подожду здесь, — ответил Куинн, откидываясь на спинку кресла с полным бокалом в руке.

В разных местах земного шара трудились люди, выполняя сложную задачу. Центральные энергостанции представляли собой металлические полушария, гладкие, словно стекло, снаружи и запутанные, словно лабиринт, внутри. Их мон-

таж вступил в завершающую стадию. Само их сооружение длилось недолго, ибо технический прогресс мчался вперед с фантастической скоростью. В тысяча девятьсот пятидесятом году подобная работа заняла бы десять лет. Теперь же на это потребовалось три месяца, от начала до конца — до самых последних проверок, которые и проводились сейчас.

Постройка центральных энергостанций была санкционирована Всемирным центром. Однако сама идея, вместе с подробными планами, была предложена «Мар виста дженерал».

Станции были разбросаны по всему миру — по изменившемуся миру, который был совершенно иным, чем восемьдесят лет назад.

Мир изменился физически.

И мировоззрение изменилось тоже.

Сенатор Куинн недооценил Митчелла. Он считал коллегу человеком, который постоянно лезет не в свое дело, но не мог понять, что Митчелл неизбежно получал то, чего хотел, даже когда результатом было лишь удовольствие или информация. Митчелл, несмотря на свою внешность, был крайне умен и практичен. Благодаря сочетанию двух этих качеств он, вероятно, лучше всего подходил на роль разведчика в «Мар виста

дженерал».

Советник Мэри Грегсон, однако, отнюдь не относилась к тем, кто недооценивал гостя. Она уже ознакомилась с данными о психологических характеристиках и коэффициенте интеллекта Митчелла и не в силах была скрыть сомнений по поводу плана Эшворта. Она не отводила взгляда от худого смуглого невозмутимого молодого человека с застенчивой улыбкой, который стоял рядом с ней перед прозрачной внутренней дверью.

— Волнуетесь? — спросил Эшворт, посмотрев на нее.

— Да.

— Ничего не поделаешь. Кроме вас, никто не сможет объяснить сенатору биогенетические аспекты. Вон он идет.

Они повернулись к полосе дневного света, которая становилась все шире по мере того, как медленно открывались большие металлические ворота. Между створками виднелась дородная фигура Митчелла. Он стоял, слегка наклонившись вперед, словно вглядывался в темноту перед собой.

Темнота прояснилась. Митчелл молча шагнул вперед. Когда ворота закрылись за ним, откры-

лась внутренняя дверь.

Эшворт вздохнул и дотронулся до руки женщины:

— Пора.

— Нам сообщат, как только будут запущены станции, — быстро прошептала она. — А потом…

— Добрый день, сенатор, — громко сказал Эшворт, поднимая руку в приветственном жесте. — Входите. Это советник Мэри Грегсон. Я Сэмюэль Эшворт.

Митчелл подошел к ним обменяться рукопожатиями. Губы его были плотно сжаты.

— Не знаю, чего вы ожидаете, — сказал Эшворт, — но, думаю, будете удивлены. Полагаю, вы понимаете, что вы — первый посторонний, когда-либо входивший в «Мар виста дженерал».

— Да, знаю, — ответил Митчелл. — Именно поэтому я здесь. Вы тут главный, советник?

— Нет. Это демократический совет. Здесь нет главных. Нам поручили вас сопровождать. Готовы?

Митчелл достал из кармана маленькую черную коробочку и что-то в нее сказал.

— Я докладываю каждые пятнадцать минут, — пояснил он. — Визор запрограммирован на мой голос, а также в нем предусмотрена специальная

кодовая комбинация. Да, я готов.

Он убрал устройство.

— Прежде всего мы хотим показать вам «Мар виста», — обратилась к нему Мэри. — Потом мы все объясним и ответим на любые ваши вопросы. Но — никаких вопросов, пока не получите общее представление. Согласны?

Советник Грегсон решила, что это лучший способ потянуть время. Сработает ли он в отношении Митчелла, Мэри не знала; однако он небрежно кивнул — и она облегченно вздохнула.

— Вполне, — сказал сенатор. — Как насчет защитных костюмов? Или… — Он пристально посмотрел на Эшворта и женщину. — Вы выглядите совершенно нормальными.

— Мы такие и есть, — сухо ответил Эшворт. — Но пока — никаких вопросов.

Митчелл поколебался, повертел в руках сигару и наконец снова кивнул. Но взгляд его, которым он окинул маленькое пустое помещение, оставался настороженным.

— Это лифт, — сказала Мэри. — Мы поднимаемся. Давайте начнем с самого верха, а потом постепенно будем спускаться.

В стене открылся клапан, и женщина прошла через него.

Эшворт и Митчелл последовали за ней.

* * *

Три часа спустя они сидели в баре на подземном этаже. Нервы Мэри были напряжены до предела. Что касается Эшворта, он волнения не проявлял. Как ни в чем не бывало смешал суррогатные напитки и раздал всем бокалы.

— Вам пора докладывать, сенатор, — напомнил Эшворт.

Митчелл достал свою коробочку, но не стал ее открывать.

— У меня есть несколько вопросов, — сказал он. — Я однозначно не удовлетворен тем, что видел.

— Хорошо. Вопросы и объяснения. И все-таки нам не хотелось бы, чтобы на нашу крышу падали бомбы.

— Сомневаюсь, что они настолько далеко зайдут — по крайней мере, пока, — сказал Митчелл. — Должен отметить, что по поводу «Мар виста дженерал» существует немало подозрений, и если очередного доклада не последует — а вы не сможете убедительно это объяснить, — тогда, вероятно, будут и бомбы. Что ж…

Он что-то сказал в карманный визор, щелкнул

объективом и убрал коробочку в карман, после чего развалился в кресле и обрезал кончик свежей сигары.

— Я не удовлетворен, — повторил он.

Электронные схемы приняли доклад Митчелла и передали его по радиоволнам телевизионным станциям всего мира.

В сотнях тысяч домов и контор люди лениво повернулись к телевизорам, включая их словом или жестом.

Рутинный доклад. Пока ничего интересного.

Люди вернулись к своей обычной жизни — жизни, которая невероятно изменилась за восемьдесят четыре года.

— Вот что мы рассказываем народу, — заявил Митчелл. — «Мар виста дженерал» — исследовательская организация. Специалисты-техники, работающие в особой обстановке, могут творить практически в любой области. В «Мар виста» можно воспроизводить условия, как на других планетах, а также создавать собственную уникальную окружающую среду. Обычно на работников влияют тысячи отвлекающих факторов. Но в «Мар виста» специалист посвящает свою жизнь служению человечеству. Он отказы-

вается от обычной жизни. Через пятнадцать лет он автоматически уходит на пенсию, но никто из советников никогда не возвращался на свое прежнее место в обществе. Все они выбрали уединение в монастыре Шаста.

— Вы это будто наизусть знаете, — ровным голосом сказала Мэри, ничем не выдавая волнения.

— Точно, — кивнул Митчелл. — Приходится. Все это есть в инфолентах. Но я только что побывал в «Мар виста дженерал» и не видел ничего подобного. Обычная исследовательская контора, куда менее интересная, чем Лоуэр-колледж. Обычные техники, обычная работа. Так в чем же суть?

Эштон поднял руку, предупреждая Мэри.

— Подождите, — сказал он, делая глоток суррогата. — Итак, сенатор, нам придется вернуться назад в историю. Есть очень простое объяснение…

— Должен заметить, советник, что хотел бы его выслушать.

— Сейчас услышите. Если коротко — все дело в поддержании равновесия.

— Это не ответ, — уставился на него Митчелл.

— Это и есть ответ. Все в природе находится под естественным контролем — теоретически. Когда

впервые был произведен атомный взрыв, казалось, что равновесие нарушено. От этого не было никакой защиты. Что ж, действительно так.

— Защиты нет, — сказал Митчелл. — Если только не перестать делать атомные бомбы.

— Что само по себе является методом контроля, если бы это удалось осуществить. Защита совершенно необязательно означает непробиваемую броню. От военной проблемы вполне можно защититься и с помощью общества. Если вам удалось бы настроить всех жителей Земли против мыслей о расщеплении атома, это стало бы идеальной защитой, не так ли?

— Идеальной, но невозможной. Мы нашли вполне разумное решение.

— Авторитарный контроль, — согласился Эшворт. — Вернемся на восемьдесят с лишним лет назад. Разработана бомба. Государства напуганы до смерти, они боятся как бомбы, так и друг друга. Мы получили доступ к атомной энергии до того, как стали к этому готовы. Последовало несколько окончившихся ничем войн, которые даже недостойны подобного названия. Но их было достаточно для начала биологической цепной реакции, и она завершилась появлением естественных средств контроля.

— Всемирный центр? «Мар виста дженерал»?

— Мутации, — сказал Эшворт.

— Но вы же не… — выдохнул Митчелл.

— Обладая дополнительными знаниями, человечество могло бы обуздать атомную энергию, — быстро произнес Эшворт. — Но откуда получить такие знания? Скажем так — от мутанта.

Сенатор опустил руку в карман, коснувшись визора.

— Сэм, — вмешалась Мэри Грегсон, — позвольте мне. Это моя область, сенатор. Что вам на самом деле известно о мутантах?

— Я знаю, что после атомных бомбардировок их было множество, в том числе по-настоящему опасных. Вот почему у нас случались мятежи против мутантов.

— Именно. Некоторые были потенциально опасны. Но у всех у них была задержка в развитии. Их можно было обнаружить — людей, несущих угрозу человечеству, — и убить, прежде чем у них появится шанс полностью развить свои способности. Собственно говоря, у нас была эпидемия нетипичных мутаций. Атомные бомбардировки не были спланированы биогенетически. Большинство мутантов оказались нежизнеспособны, а из тех, кто выжил, лишь

немногие являлись сверхлюдьми. Похоже, разновидностей сверхлюдей было несколько — мы не слишком много экспериментировали. Когда ребенок начинал гипнотизировать взрослых или совершать другие сверхчеловеческие поступки, его обнаруживали и изучали. Обычно есть способы найти отклонения еще до того, как мутант начнет взрослеть. Отличия в пищеварительном тракте, в метаболизме…

Суды Линча, пылающие костры, нож, перерезающий тонкое детское горло. Разъяренные толпы в Филадельфии, Чикаго, Лос-Анджелесе. Спрятавшиеся в укрытиях дети, чья чудовищная сила еще не превратилась в смертоносный, не знающий промаха меч. Они пытались спастись от линчующих толп, которые вламывались в двери, швыряли горящие факелы и пускали в ход автоматы.

Подменыши. Отцы и матери, в едином порыве гнева уничтожающие детей-монстров.

Мать, в тошнотворном ужасе взирающая на окно над головой, где стоит ее ребенок — с начинающими отрастать дополнительными руками, с выпирающим на лбу третьим глазом.

Умирающие с плачем дети — ужасные и чудовищные. И родители, которые все это слышат и

на все это смотрят, вспоминая, что еще несколько месяцев назад эти создания выглядели совершенно нормальными.

— Взгляните, — сказал Эшворт, шевельнув рукой.

Пол стал прозрачным. Митчелл посмотрел вниз, на образовавшуюся под ногами увеличительную линзу.

Внизу простиралось довольно просторное помещение, большая часть которого была заполнена машинами. Они показались Митчеллу сложными творениями инженерной мысли, далеко превосходящей любую современную науку. Но машины его не слишком заинтересовали. Он уставился на огромный резервуар, в котором плавал сверхчеловек.

— Вы… предатели! — тихо проговорил он.

В руке Мэри Грегсон появилось оружие.

— Не трогайте свой визор, — предупредила она.

— Вам так просто не отделаться, — сказал Митчелл. — Как только сверхчеловек станет взрослым, человечеству придет конец…

Губы Эшворта презрительно дернулись.

— Стандартная фраза. Так говорили еще во времена мятежей. Глупец, взгляните на этого

сверхчеловека!

Митчелл снова неохотно посмотрел вниз.

— И что?

— Он не сверхчеловек. У него задержка в развитии.

— Сенатор должен в ближайшее время сделать свой доклад, Сэм, — сказала Мэри.

— Тогда буду говорить быстрее. — Эшворт посмотрел на настенные часы. — Или, наверное, лучше вы. Думаю, это ваша работа.

Он откинулся на спинку кресла, глядя на сенатора.

«Когда запустят центральные энергостанции… — подумала Мэри. — Если мы сумеем потянуть время, удержать Митчелла, пока не пойдет энергия, — нам ничто не угрожает. Но не сейчас. Мы столь же уязвимы, как и дети-мутанты…»

— Поддержание равновесия, — сказала она. — Как вы знаете, здесь когда-то была больница. Здесь родился ребенок директора, и даже при рождении его отец подозревал мутацию. С уверенностью сказать было невозможно, но и он, и его жена в течение критического времени подвергались воздействию радиации. Так что ребенок рос здесь, втайне от всех. Это было нелег-

ко, но все-таки его отец был директором. К тому времени, когда начались мятежи, мальчик начал проявлять признаки мутации. Директор собрал группу специалистов, которым он доверял и которых считал достаточно дальновидными, и взял с них клятву хранить тайну. Это было легко, но сложность заключалась в том, чтобы их убедить. Помогала ему я. Вместе с другим врачом, эндокринологом, мы уже проводили эксперименты над этим мутантом и нашли способ задержать его развитие.

Сигара Митчелла резко дернулась, но он ничего не сказал.

— Прежде всего — шишковидная и щитовидная железы, которые контролируют разум и тело, — продолжила Мэри. — И конечно, психологические факторы. Мы выяснили, как задержать развитие сверхмальчика, так чтобы опасные способности — инициатива, агрессия и так далее — не смогли развиться. Все дело в гормонах. Он машина, но мы контролируем ток, проходящий через ее электрические цепи.

— Сколько вам лет? — неожиданно спросил Митчелл.

— Сто двадцать шесть, — ответила Мэри Грегсон.

— Мы воспользовались человеческой психологией, — заговорил Эшворт. — Каждый год уходят на пенсию два члена совета, и из числа способных специалистов выбираются новые. Если, например, уходит в отставку химик, выбор ограничивается химиками. Так мы поддерживаем нашу численность. Однако, когда к нам приходит новый кандидат, его уничтожают, а занимающий пост присваивает себе его имя и личность. Мы довели пластическую хирургию до совершенства. Шесть лет назад Сэмюэль Эшворт — настоящий Эшворт — был избран в совет от группы психологов. Тем временем мне делали пластическую операцию. Я получил точную копию его лица, тела и отпечатков пальцев. Я выучил его историю и привычки. До этого меня пятнадцать лет звали Роберт Парр. Все это всегда было строжайшей тайной, сенатор, и мы никогда не рисковали без нужды.

Митчелл выругался себе под нос.

— Это полностью незаконно. Явная измена.

— Но не человечеству, — сказала Мэри. — Невозможно подготовить нового советника за пять или пятнадцать лет. Все мы делаем одно дело и занимались этим с самого начала. Это выдающийся проект. Мы не посмели бы допустить к

нему свежую кровь — мы не нуждаемся в свежей крови. Информация же, которую мы получили от нашего мутанта… вы сами знаете, что она принесла миру!

— И вам, надо полагать, тоже, — заметил Митчелл.

— Да, мы увеличили срок своей жизни. И свой коэффициент интеллекта. Мы служим людям. Помните об этом. Наша задача — быть самыми умелыми слугами из всех возможных.

Сенатор снова посмотрел на мутанта.

— Это существо там, внизу, может уничтожить мир.

— Он не может выйти из-под контроля, — возразила Мэри. — Он говорит и думает только под наркосинтезом. Мы используем его как машину — ставим ему задачи, и он их решает.

Митчелл покачал головой. Эшворт встал и смешал еще несколько напитков.

— Вам нужно сделать доклад в течение трех минут, — сказал он. — Буду говорить быстро. Человечество не было готово к атомным взрывам, но расщепление атома вызвало к жизни собственный фактор равновесия — сверхчеловеческие мутации, которые могли обуздать новую мощь. Это вполне бы устроило сверхлюдей, но

не человечество. Вы правы, говоря, что мутанты опасны. Многие из них действительно были опасны. Но атомная энергия оказалась попросту чересчур велика для человека разумного, который был недостаточно разумен. Именно поэтому мы поняли, что нам необходимо авторитарное правительство, такое как Всемирный центр. Что ж, мы создали Всемирный центр. Мы стали причиной Второй американской революции.

— Что?

— У нас не было другого выхода. Люди должны были осознать опасность. Уже происходили небольшие войны, явно демонстрируя тенденцию. Мы тайно поддержали Саймона Ванкерка, финансировали и консультировали революционеров и сделали все для того, чтобы Сент-Луис был стерт с лица земли. Но мы также обеспечили все для того, чтобы Ванкерк потерпел поражение. Мы позволили ему в достаточной степени приблизиться к успеху, чтобы мир понял, насколько близко он подошел к уничтожению. Когда назрел момент, мы позволили просочиться наружу идее Всемирного центра — и за нее ухватились. Это оказалась единственная организация, которая могла бы удержать атомную энергию под контролем.

— И вы управляете Всемирным центром, — сказал Митчелл.

— Скорее, консультируем. С помощью единственного разума, который в состоянии справиться с угрозой, исходящей от атомной энергии. Естественное равновесие — мозг сверхчеловека, находящийся под контролем людей.

Сенатор вынул изо рта сигару и задумался.

— По-моему, это аксиома, — сказал он. — Сверхчеловек должен быть настолько могуществен, что ни один человек не в состоянии себе этого представить.

— Взрослый сверхчеловек, — поправила Мэри. — Нормальный. Этому же не дают в полной мере повзрослеть.

— Но опасность этого… нет! Вам меня определенно не убедить.

— Придется. — Она пошевелила оружием. — Посмотрите, как изменился мир с тех пор, как мы пришли к власти.

Митчелл достал визор из кармана:

— Предположим, я вызову бомбардировщики?

Эшворт качнул головой в сторону светящейся панели на стене.

— Слишком поздно, — сказал он. — Центральные энергостанции заработали.

Изменившийся мир взволнованно зашевелился, когда станции начали давать энергию. Телевизоры сообщили новости. И…

* * *

Мэри Грегсон, Эшворт и Митчелл сидели неподвижно. В помещении раздавался голос — безмолвный голос, обещавший неведомые чудеса.

«Равновесие, — произнес голос. — Мэри Грегсон, у вас ничего не вышло. Я…»

Ярко вспыхнул эго-символ!

«…я полностью взрослый. Ваши эндокринные экстракты и антигормоны давно уже на меня не действуют. Мое тело автоматически приспособилось и построило защиту, которую вы не смогли обнаружить. „Мар виста дженерал“ давал советы Всемирному центру, и Всемирный центр перестроил мир — но так, как этого хотел я».

Безмолвный голос продолжал говорить.

«Сверхчеловек отличается не только своей приспособляемостью, но и способностью изменять окружающую среду, пока она не станет в полной мере удовлетворять его потребностям. Это было сделано. Мир перестроен. Его основы заложены. Запуск центральных энергостанций был последним этапом данного проекта. Равно-

весие, — говорил голос. — Расщепление атома привело к мутациям. Люди уничтожили мутации, но сохранили одного мутанта, поставив его себе на службу. До сих пор я…»

Снова вспыхнул символ!

«…я был уязвим. Но теперь — нет. Центральные энергостанции — вовсе не то, что вы думали. Внешне — да, но они могут служить и моим собственным целям».

Фигура, лежавшая в резервуаре внизу, начала растворяться.

«Это был робот, — сказал голос. — Я в нем больше не нуждаюсь. Помните, одним из признаков сверхчеловека является его приспособляемость к окружающей среде — пока окружающая среда не изменится настолько, чтобы удовлетворять его нуждам. После чего он может принять наиболее целесообразную для него форму.

Естественно, ни один человек не в состоянии постичь эту форму…»

Робот в резервуаре исчез.

В комнате стояла тишина. Мэри Грегсон облизнула губы и беспомощно выставила перед собой оружие.

Сенатор Митчелл, тяжело дыша, стиснул пальцами маленький визор так, что пластик треснул

и раскрошился.

Эшворт шевельнул рукой, и пол снова стал непрозрачным.

Все сидели молча. Не было никаких причин немедленно уходить. Нет смысла посылать предупреждение о землетрясении после того, как начались первые толчки. И тем не менее этих троих охватывал безотчетный страх при воспоминании о том, что они смогли понять лишь отчасти.

Наконец Митчелл произнес странно бесстрастным голосом:

— Нужно с этим бороться. Обязательно нужно.

— Бороться? — переспросила Мэри. — Но мы уже проиграли.

Митчелл вспомнил услышанное несколько минут назад и понял, что она права. Внезапно он хлопнул рукой по колену и прорычал:

— Я чувствую себя словно собака!

— Полагаю, так себя будет чувствовать каждый, — сказала Мэри. — На самом деле это не столь уж унизительно, стоит лишь понять, что…

— Но… разве нет никакой возможности…

Мэри Грегсон шевельнула рукой, глядя, как пол становится прозрачным. Резервуар был пуст. Робота — символа, представлявшего непостижи-

мую реальность, — больше не было.

За пределами «Мар виста дженерал», по всей Земле, энергия связывала центральные энергостанции в паутину, которая должна была стать ловушкой для человечества. То тут, то там появлялись неуязвимые и всемогущие по обычным человеческим меркам сверхлюди, приспосабливая мир под свои чуждые нужды.

— Человек разумный, — сказала Мэри, — изначально тоже был мутантом — нетипичным мутантом. Предки человека, вероятно, породили десятки разновидностей человека разумного — так же, как мы под воздействием радиации породили множество разновидностей сверхчеловека. Мне интересно…

Митчелл хмуро уставился на нее. В глазах его читался затаенный страх.

Мэри пристально посмотрела на него.

— Не знаю. Возможно, мы — наша раса — никогда этого не узнаем. Но изначально наверняка существовали побочные мутации человека разумного, которые были уничтожены единственной выжившей. Что касается нашей расы — распространяется ли принцип поддержания равновесия и на сверхчеловека тоже? Помните, мы убили всех представителей расы сверхлюдей,

кроме одного, прежде чем они успели повзрослеть…

Взгляды их встретились в немом вопросе, на который, возможно, никогда не смог бы ответить человек разумный.

— Может быть, он принадлежит к побочной разновидности сверхлюдей, — сказала Мэри. — Может быть, он одна из ошибок природы.

— Возможно, Мэри, — нарушил долгое молчание Эшворт. — Но какова вероятность? Главное сейчас… — Его дрожащий голос стал более уверенным, как если бы на ум пришла некая мысль, требовавшая немедленных действий. — Сенатор, что дальше? Что вы собираетесь делать?

Митчелл тупо посмотрел на него.

— Делать? Ну, я… — Он запнулся и замолчал.

Эшворт говорил все увереннее, словно суть происшедшего, казавшегося прежде невозможным, становилась для него все яснее.

— Первое, что нам нужно, — время. Мэри права. Но она ошибалась, когда утверждала, что мы уже проиграли. Сражение только начинается. Мы не можем допустить, чтобы эта новость разошлась по миру. Наш сверхчеловек не такой, как другие, — его никто не в состоянии линчевать! Ни толпа, ни нация, ни мир. Пока только мы знаем

правду.

— И мы все еще живы, — с сомнением проговорил Митчелл. — И что из этого следует? Вы просите меня, чтобы я сохранил все это в тайне?

— Не совсем. Я прошу вас проявить здравомыслие. Если правда станет известна, начнется паника. Подумайте о том, что может случиться, сенатор. Толпа не растерзает сверхчеловека — он неуязвим. Но «Мар виста» — нет. Страх и ненависть людей обратятся против нас. Вы понимаете, что это значит?

Митчелл потер подбородок:

— Анархия… Полагаю, вы правы.

— «Мар виста» столь долго была фактическим центром власти, что ее деятельность не свернуть за одну ночь, не вызвав в итоге всеобщий хаос.

— Даже без сверхчеловека, — быстро вмешалась Мэри, — у нас есть специально обученные люди, которые в состоянии держать ситуацию под контролем. Если же нам придется с ним сражаться, то у человечества есть лишь один шанс — в единстве. Поскольку этот сверхчеловек может быть одной из тех самых ошибок.

Митчелл перевел взгляд с Эшворта на Мэри и обратно. На мгновение могло показаться, что сенатор разразится возмущенной тирадой насчет

навязываемых ему выводов. Лицо его покраснело от гнева, и он резко дернул головой.

Но гнев тут же прошел. Пропало и все возмущение.

— Наша единственная надежда — в единстве, — произнес он механическим голосом, непохожим на его собственный, повторяя слова Мэри. Затем, уже более энергично, воскликнул, сформулировав то же самое иначе: — Человечество должно сплотиться, как никогда прежде!

На этот раз в голосе его прозвучали ораторские нотки, словно мысль принадлежала ему самому.

— Мы многому научились в «Мар виста», — сказала Мэри. — Новые методы, новое оружие, созданное сверхразумом, — мы можем обратить его против того же разума, который его сотворил!

Когда сенатор покидал «Мар виста», походка его была уверенной, а голова полна мыслей о новом крестовом походе.

Эшворт и Мэри Грегсон стояли как застывшие изваяния, глядя ему вслед. Казалось, с уходом сенатора закрылась щель в окружавшей их незримой стене тишины. Тишину нарушил не то вздох, не то движение — и к ним снова обратился безмолвный голос.

«Мэри Грегсон, сколько вам лет?»

— Двадцать шесть, — удивленно ответила она после короткой паузы.

«Сколько вам лет, Сэмюэль Эшворт?»

— Двадцать восемь.

Послышался беззвучный смешок.

«И никто из вас до сегодняшнего дня ничего не подозревал. Вспоминайте же, дети мои…»

Снова наступила тишина. Потом медленно заговорила Мэри Грегсон, словно понемногу осознавая некую открывающуюся перед ней истину:

— Я… пришла в совет пять лет назад. Я… была другим человеком. Женщину, которую звали Мэри Грегсон… убили… чтобы освободить место для меня. Ее лицо и память были наложены на мои.

Следом за ней заговорил Сэмюэль Эшворт:

— Я пришел… шесть лет назад… и ради меня убили Сэмюэля Эшворта. У меня — его лицо и воспоминания.

«Теперь — и ваши собственные воспоминания тоже, — сказал безмолвный голос. — Обо всем этом позаботился я. В совете есть и другие, подобные вам. Есть они и по всему миру. Пока их немного, но грядут перемены. С запуском центральных энергостанций я буду не столь

ограничен в своих действиях. Мои эксперименты будут продолжаться. Мэри, Сэмюэль, — вы тоже эксперименты, биогенетические эксперименты, начатые менее тридцати лет назад. А еще через тридцать лет…»

Голос на мгновение умолк, затем продолжил с новой энергией:

«Вы оба хотели уничтожить сенатора Митчелла, что расходилось с моими целями. Я перевел ваши мысли в другое русло, точно так же как только что проделал с его собственными. Митчелл — безобидный представитель человеческой расы, и он может быть мне полезен. Все дело в том, что инстинкт продолжения рода сильнее даже инстинкта самосохранения. Даже когда основатель рода является ошибкой природы — как я».

В голосе ощущалось смирение, но не покорность.

«Вы оба об этом догадывались, — задумчиво проговорил он. — Мне интересно, как вы это поняли? Вы еще так молоды».

Мэри Грегсон на какое-то мгновение перестала его слышать, чувствуя, что ее разум едва выдерживает обрушившийся на него вес — слишком много нового и невероятного, мозг не в состоянии

был все охватить. Она чувствовала себя голой, одинокой и беспомощной, лишенной веры во что бы то ни было. Мэри машинально схватилась за руку Эшворта, и как только их пальцы соприкоснулись, она поняла, что уже не настолько слепа, как была прежде.

И он, и она молчали. Говорил лишь голос:

«Вступает в действие вторая часть моего плана. Причиной восстаний против мутантов в свое время стало то, что дети сверхлюдей были слишком малы, чтобы в полной мере воспользоваться своими возможностями. Можно сказать, что, не будучи взрослыми, они не были цивилизованными. Некоторые из них могли бы преуспеть, если бы им удалось выжить. Но они не выжили. Выжил только я — одна из ошибок природы».

На мгновение наступила тишина, а потом в их мозгу возникла равнодушная усмешка сверхсущества.

«Почему я должен из-за этого стыдиться или унижаться? Я никак не мог повлиять на силы, которые меня создали. Но теперь я могу повлиять на все, что сочту нужным. — На этот раз послышался уже отчетливый смех. — Человечество будет отчаянно сражаться со мной в страхе, что я завоюю Землю. Вот только я уже ее завоевал.

Она моя. Но настоящее завоевание еще впереди. Не существует ни одной расы, которая могла бы ее унаследовать. Мои дети, свободные от моих недостатков, станут новым человечеством. Я знал это много лет назад. В мои руки было вложено оружие, и я им воспользовался. С тех пор я экспериментировал, ошибался, пытался снова — и выбрал вас двоих, а также нескольких ваших братьев и сестер в качестве тех, кто унаследует Землю».

Пол покачнулся под ногами Мэри. Она в панике вцепилась в руку Эшворта, начавшую выскальзывать из ее пальцев.

«Вы — сверхлюди», — сказал голос, и под ногами обоих разверзлась бездна хаоса, хаоса будущего, чересчур ужасного, чтобы с ним столкнуться.

Бездна разверзлась…

…и снова сомкнулась.

Голос продолжал мягко говорить, словно окутывая их защищающей от всех опасностей пеленой.

«Вы будете сверхлюдьми — но пока вы все еще дети. Пришло время узнать правду. Ваше взросление продлится очень долго, но вы не будете носить какого-либо клейма, которым были отмечены другие, и оно стало причиной их гибели.

Это часть вашей брони. Каждый готов убить сверхчеловека, если только тот не обладает совершенной маскировкой. Но ни один человек не станет подозревать вас двоих — или других моих детей, которые сегодня живут в этом мире. Пока не станет слишком поздно».

Последовала пауза, потом голос продолжил.

«Начинается второй этап. Вы первые, кто знает правду о своем происхождении, но скоро узнают и остальные. Вам будут даны соответствующие задания. Помните — вы все еще дети. Вам угрожает опасность, чудовищная опасность. Человечество обладает атомной энергией, она не стала бы оружием в руках нецивилизованной расы — расы, которая никогда не может стать полностью цивилизованной. Что касается вашего могущества — вы еще тоже нецивилизованные варвары. Но только до тех пор, пока не повзрослеете. Пока этого не произойдет, вы будете подчиняться мне».

Голос звучал настолько сурово, что оба поняли — подчиняться придется.

«До сих пор моя работа была тайной. Но грядут большие перемены. Будет рождаться все больше детей-сверхлюдей, и это может нас выдать, если не предусмотреть отвлекающий маневр. И я его предусмотрел.

Весь мир выйдет на войну со страшной угрозой — со мной. Человечество объединится против меня. И любой, кто окажется умнее и сильнее себе подобных, будет объявлен великим воином в этой битве. Люди назовут вас великим воином, Сэмюэль. И вас, Мэри. И других моих детей тоже.

Зная мое могущество, человечество не станет искать сверхчеловека в своих собственных рядах. Для этого оно чересчур эгоистично.

Постепенно я буду побежден.

Это продлится долго, очень долго. А мутация является доминантной. Человечество поверит, что именно благодаря ведущейся против меня войне среди людей рождается все больше и больше гениев. И однажды баланс качнется в другую сторону. Вместо гениев меньшинством станут тупицы.

И в тот день, когда обычный человек окажется в меньшинстве, война будет выиграна по-настоящему.

Дети ваших детей увидят этот день. Они станут доминирующим большинством. Я буду побежден не человечеством, но сверхлюдьми.

Однажды умрет последний человек на земле — но он не будет знать, что он последний.

Тем временем начинается война. Открытая

война против меня, и настоящая война моих детей против человечества. Теперь вы знаете правду. Вы осознаете свои возможности. И я поведу вас — как проводник, которому можно доверять, поскольку я сам ошибка природы».

Мужчина и женщина — и вместе с тем все еще дети — стояли, держась за руки, перед источником голоса, который могли слышать только они. Бездна отступила — не навсегда, не слишком далеко, но ее удерживали на почтительном расстоянии глубокая мудрость и целеустремленность, не запятнанные человеческой слабостью.

«Вы — первые из моей новой расы, — послышалось в тишине. — И повсюду — снова рай, но теперь о нем рассказывается другим языком. Возможно, источник падения человечества кроется в той старой истории, в которой люди создали бога по своему образу и подобию. Вы не мое подобие. Я не ревнивый бог. Я не стану искушать вас сверх ваших возможностей. Вы не вкусите с древа познания добра и зла — до поры до времени. Но однажды я вложу плод этого древа в руки моих детей».

Кристаллическая Цирцея
Пролог

Стратолет из Каира запаздывал, и я размышлял, не убить ли время за кинохроникой или парой бокалов. Было самое начало сумерек. За огромной изогнутой стеклянной стеной Манхэттенского терминала открывалось летное поле. По гудрону катили серебристый корабль, а за ним виднелись небоскребы Нью-Йорка.

А потом я увидел Арнсена.

Разумеется, это был Стив Арнсен. Никаких сомнений. Разве есть другой мужчина с такими широкими плечами, таким геркулесовым сложением? Десять лет назад мы вместе учились в Мидвестерне. Я прекрасно помнил гуляку, весельчака, красавца Стива Арнсена, который то и дело влипал в неприятности и всегда отыскивал выход. Обычно он тащил за собой соседа по комнате, Дугласа О'Брайена, как воздушный змей тащит за собой безвольный хвост. Бедняга Дуг! Полная противоположность Арнсену — задумчивый, серьезный юноша с мечтательным взглядом темных глаз. Дуглас О'Брайен был идеалистом, как и

его кельтские предки. Стива и Дугласа связывала крепкая дружба, то был поистине безумный союз веселья и мечты.

Арнсен смотрел на темнеющее небо, в его позе чувствовалось странное напряжение. Он резко повернулся, подошел к соседнему столику, сел и достал из кармана маленькую коробочку. Та с щелчком распахнулась. Арнсен внимательно разглядывал что-то, укрытое в его ладонях.

Я взял свой бокал и направился к столику Арнсена, видя только его гладкий массивный затылок. Затем он поднял взгляд…

Если я когда-либо видел человека, заживо горящего в адском пламени, это был Арнсен. На его лице отражались невыносимая тоска и жуткое отчаяние — так, верно, выглядит обреченная душа, глядящая из полной огня ямы на сияющие врата, навеки закрытые для нее.

А еще лицо Арнсена было… опустошенным.

Пережитое оставило на нем свой отпечаток. Щеки были изборождены морщинами, губы сжаты, в глазах притаилась болезнь. Нет… это не был Стив Арнсен, юноша, которого я знал в Мидвестерне. Юность покинула его, как и надежда.

— Вейл! — воскликнул он, криво улыбаясь. — Вот уж кого не ожидал встретить! Сядь и выпей

со мной. Что ты здесь делаешь?

Я плюхнулся на стул, не в силах подобрать слова. Арнсен посмотрел на меня, затем пожал плечами:

— Не прикидывайся, будто ничего не замечаешь. Я изменился. Да… я знаю.

Я не стал отпираться.

— Что случилось?

Его взгляд скользнул мимо меня, устремившись к темному небу над летным полем.

— Что случилось? А почему ты не спрашиваешь, где Дуг? Мы же были не разлей вода. Разве не странно встретить меня одного?..

Он зажег сигарету и нетерпеливо раздавил ее.

— Знаешь, все это кипит у меня внутри… я никому не мог рассказать. Никто бы мне не поверил. А ты — кто знает, вдруг поверишь. Мы втроем неплохо повеселились в былые времена.

— Проблемы? — спросил я. — Я могу помочь?

— Ты можешь меня выслушать. Я вернулся на Землю в надежде все забыть. Не получилось. Я жду авиалайнер до Канзасского космопорта. Полечу на Каллисто… на Марс… куда угодно. На Земле мне больше нет места. Но я рад, что мы встретились, Вейл. Я хочу поговорить. Я хочу, чтобы ты ответил на вопрос, который сводит

меня с ума.

Я махнул официанту и заказал еще выпивки. Арнсен молчал, пока мы снова не остались одни. Затем он раскрыл ладони и показал мне коробочку, обтянутую шагреневой кожей. Коробочка с щелчком открылась. На голубом бархате лежал кристалл. Не слишком большой — но я никогда еще не видел такого прекрасного камня.

Свет струился из него, подобно медленно текущей воде. Неяркое сияние то разгоралось, то затухало. В глубине кристалла я увидел…

Я отвел глаза от камня и уставился на Арнсена.

— Что это? Где ты взял? Уж точно не на Земле!

Он смотрел на камень с невыразимой тоской.

— Верно… Не на Земле. На небольшом астероиде… где-то там. — Он неопределенно махнул рукой в сторону неба. — Его нет на картах. Я не вычислил координаты. Вернуться не смогу. Правда, теперь мне не слишком-то хочется. Бедняга Дуг!

— Он мертв, да? — спросил я.

Арнсен странно посмотрел на меня, закрывая коробочку и убирая в карман.

— Мертв? Хотел бы я знать. Подожди, пока не узнаешь всю историю, Вейл. О талисмане Дуга, о снах и о Кристаллической Цирцее…

Его лицо медленно исказилось от чудовищных

воспоминаний. Там, в космосе, что-то случилось. Я подумал, что лишь поистине ужасные события могли так отразиться на Арнсене.

Он словно прочел мои мысли.

— Ужасные? Возможно. Но и прекрасные. Помнишь старые добрые времена, когда я только и умел, что кутить?..

После долгой паузы я спросил:

— Кто такая… Кристаллическая Цирцея?

— Я так и не узнал ее имени. Она назвала его, но мой мозг не смог воспринять. Разумеется, она не была человеком. Я называл ее Цирцеей в честь колдуньи, которая превращала своих любовников в свиней. — Он снова посмотрел на темнеющее небо. — Итак… это началось больше двух лет назад, в Мэне. Мы с Дугом были на рыбалке и наткнулись на метеорит. Рыбы мы тогда почти не наловили. Ты же знаешь, каким был Дуг… словно ребенок, который впервые читает сказку. И тот метеорит…

1. Звездный камень

Он покоился в кратере, образовавшемся при его падении, чашеобразном углублении, края которого виднелись над коричневой землей.

Сумах и лоза уже начали затягивать израненную почву. Косые лучи теплого осеннего солнца падали сквозь листву. Дуглас О'Брайен и Стив Арнсен брели к журчавшему вдалеке ручью в надежде наловить побольше рыбы. Никакие жуткие предчувствия не холодили им кожу.

— Смотри под ноги, — сказал Арнсен, завидев яму. Он обошел ее и обернулся, так как О'Брайен не последовал за ним. — Идем, Дуг. Времени уже много.

Загорелый юный О'Брайен напряженно всматривался в яму.

— Погоди секунду, — рассеянно произнес он. — Кажется, я вижу... Ну и ну! Похоже, там внизу метеорит!

— И что с того? Мы идем на рыбалку, а не на охоту за метеоритами, профессор. Все равно они обычно состоят из железа. Вот если бы из золота — другое дело.

О'Брайен бесшумно спрыгнул в яму и поскреб землю пальцами.

— Интересно, как давно он здесь лежит? Стив, иди. Я догоню.

Арнсен вздохнул. О'Брайен, с его неослабевающим интересом ко всему подряд, вновь напал на след. Теперь он будет полностью поглощен

метеоритом. Что ж, у Арнсена есть новая мушка, которую ему не терпится испытать в деле, а для хорошей рыбалки скоро станет слишком поздно. Поворчав, он развернулся и пошел к ручью.

Мушка оказалась великолепной. Арнсен на удивление быстро наловил разрешенное количество рыбы. О'Брайена нигде не было видно, а в животе начинало урчать. Арнсен пошел обратно.

Юноша сидел, скрестив ноги, рядом с кратером и смотрел на то, что держал в сложенных ладонях. Арнсен сразу увидел, что его товарищ выкопал метеорит и тот оказался расколот на две части, каждая размером с футбольный мяч. Он подошел ближе — посмотреть, что в руках у О'Брайена.

Это оказался серый кристалл размером с яйцо. Внутри его словно застыли завитки тумана. Кристалл огранили, придав ему форму ромба.

— Где ты его взял? — спросил Арнсен.

О'Брайен подскочил и удивленно обернулся:

— Ой… привет, Стив. Нашел внутри метеорита. В жизни не видел ничего подобного. Я заметил на метеорите трещину и ударил его камнем. Он развалился, и внутри оказалось это. Просто невероятно.

— Дай взглянуть.

Арнсен потянулся к камню. О'Брайен помедлил со странной неохотой, но все же уронил кристалл в протянутую руку.

Камень излучал холод, который, однако, был приятным. По руке Арнсена, до самого плеча, побежали мурашки. Он ощутил электрический разряд, короткий и легкий.

О'Брайен схватил камень. Арнсен уставился на него.

— Я же его не съем. Что…

Юноша ухмыльнулся:

— Стив, это мой талисман. На счастье. Я пробью в нем дырку.

— Лучше показать его ювелиру, — предложил Арнсен. — Он может быть ценным.

— Нет… я оставлю его себе. — Он сунул камень в карман. — А твои дела как?

— Наловил кучу рыбы и умираю от голода. Давай вернемся в лагерь.

* * *

Поедая жареную форель, О'Брайен вертел в руках находку, глядя в туманные глубины камня, словно надеялся что-то там найти. Арнсен чувствовал, что его друг стал каким-то отстраненным. Той ночью О'Брайен заснул, сжимая

камень в ладони.

Спал он беспокойно. Арнсен наблюдал за юношей, в его синих глазах читалась легкая тревога. Один раз Дуг поднял руку и нехотя опустил ее. А однажды из камня словно вырвалась вспышка света, яркая и слепящая, как молния. Возможно, показалось…

Луна опустилась за горизонт. О'Брайен пошевелился и сел. Арнсен почувствовал на себе его взгляд.

— Дуг? — тихо произнес он.

— Да. Я не знал, спишь ты или нет.

— Что-то не так?

— Там была девушка… — начал О'Брайен и умолк. После длинной паузы он продолжил: — Помнишь, ты сказал, что я никогда не найду достаточно совершенную девушку, чтобы влюбиться?

— Помню.

— Ты ошибался. Она словно Дейрдре из племени Туата Де Дананн, словно Фрейя, словно богиня северных морей Ран. У нее волосы цвета закатного пламени, и она богиня, как Дейрдре. Песнь песней Соломона написана для нее. «Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе… Я сплю, а сердце мое бодрствует; вот, голос моего

возлюбленного, который стучится». Стив, — его голос дрогнул, — это был не сон. Я знаю, что это не сон. Она где-то есть.

Он пошевелился. Арнсен догадался, что он вглядывается в серый кристалл.

Сказать было нечего. Морозное сияние звезд пробивалось сквозь кружево ветвей над головами. Таинственное дыхание сверхъестественного струилось из бездонной глубины неба, сковывая сердце Арнсена льдом.

В тот миг он понял, что его друг заколдован.

Суеверие… глупость! Он отбросил эту мысль. Но в нем пробудилась кровь северных предков, которые верили в морскую владычицу Ран, в троллей и колдунов, в водяных дев, которые охраняют затонувшее золото.

— Это просто сон, — произнес он твердо и слишком громко. — Нам пора в город. Мы провели здесь достаточно времени.

К его удивлению, О'Брайен согласился:

— Пожалуй. Мне нужно поработать над одной идеей.

Юноша замкнулся в себе, словно устрица, и почти мгновенно погрузился в безмятежный сон.

Но Арнсен долго не мог уснуть. Звезды казались слишком близкими и почему-то угрожающими.

Из черной бездны смотрели глаза… прекрасные, но не человеческие. То были сгустки ночного мрака, и звезды мерцали в них.

Лучше бы О’Брайен не находил этот метеорит.

2. Соблазн Кристалла

После этого юноша переменился. Его взгляд оставался таким же мечтательным, но он принялся за работу с невиданным прежде рвением. Раньше оба выполняли рутинные обязанности в крупной коммерческой организации. О’Брайен без предупреждения уволился. Арнсен последовал его примеру. Он чувствовал, что должен быть рядом с юным другом. И все же в дальнейшем он чувствовал себя лишним грузом.

У О’Брайена были планы. Он одолжил денег, наскреб достаточно средств, чтобы оборудовать крошечную лабораторию, и корпел в ней часами. Арнсен помогал, когда мог, однако это случалось нечасто. Он почти никогда не знал, чего именно пытается добиться юноша.

Однажды О’Брайен сказал нечто странное. Они ожидали результата эксперимента, Арнсен нервно расхаживал по лаборатории.

— Не понимаю, что происходит, Дуг, — сказал

он почти со злостью. — Мы занимаемся этим уже несколько месяцев. На что ты вообще рассчитываешь? Ты знаешь физику на школьном уровне.

— Камень помогает, — сказал О'Брайен. Он достал камень из замшевого мешочка и вглядывался в туманные глубины. — Я слышу… его мысли.

Арнсен встал как вкопанный, переменившись в лице.

— Ты шутишь? — спросил он.

О'Брайен покраснел.

— Сам попробуй, — сказал он, сунув камень Арнсену, который взял его с явной неохотой. — Закрой глаза и выкинь все мысли из головы. Иногда это срабатывает.

— Я… ладно.

Арнсен смежил веки и постарался ни о чем не думать. Внезапно его охватило ужасное болезненное чувство — невыносимая тоска, какой он никогда прежде не испытывал. Должно быть, то же самое ощущали ассасины, лишенные волшебного снадобья, с помощью которого попадали в рай. Изгнанный из рая ассасин, ввергнутый в кромешный мрак.

Перед ним возникло лицо, прекрасное и невообразимо странное. Он увидел его лишь мельком

в блеске радужных огней, которые метались и сверкали, подобно сказочным светлячкам. Вновь опустилась темнота, и сердце сжала пугающая тоска… по чему?

Он выронил камень; О'Брайен поймал его на лету. Юноша криво усмехнулся:

— Мне было интересно, почувствуешь ли ты то же самое. Ты видел ее?

— Я никого не видел, — рявкнул Арнсен, бросившись к двери. — Я ничего не почувствовал!

— И все же ты боишься. Почему? Я не боюсь ни ее, ни камня.

— Дурак, — бросил Арнсен через плечо, выходя из лаборатории. Он испытывал тошноту и слабость, словно перед ним открылись неизъяснимые бездны. Для того, что он почувствовал, не было объяснения… разумного, по крайней мере.

И все же объяснение должно быть, думал он, расхаживая по двору и куря сигарету за сигаретой. Телепатия, передача мыслей на расстояние — он просто уловил, что было на уме у О'Брайена. Но как ужасно знать, что Дуг испытывает тоску по девушке-богине, которой не может существовать!

О'Брайен с горящими глазами вышел из лаборатории.

— Готово, — сказал он, едва сдерживая восторг. — Мы наконец получили сплав. Все благодаря той последней обработке.

Арнсена охватила смутная тревога. Он попытался поздравить О'Брайена, но его тон показался фальшивым даже ему самому. Юноша понимающе улыбнулся:

— Спасибо за помощь, Стив. Теперь это окупится. Только… мне понадобится много денег.

— Они у тебя будут. Компании передерутся за процесс.

— Мне нужно столько, чтобы хватило на космический корабль, — сказал О'Брайен.

Арнсен присвистнул:

— Это прорва денег. Даже если взять маленький. — Он сощурился. — Зачем тебе корабль?

— Я собираюсь найти Дейрдре, — прямо ответил О'Брайен. — Она где-то там. — Он запрокинул голову. — И я ее найду.

— Космос велик.

— У меня есть проводник. — О'Брайен достал серый камень. — Он тоже хочет найти ее. Хочет вернуться. Знаешь, на Земле он не живет по-настоящему. И это не пустые фантазии, Стив. Как, по-твоему, мне удалось создать этот сплав? Идеальный пластик, прочнее бериллиевой стали,

легче алюминия, проводящий электричество или нет в зависимости от состава… Ты же знаешь, в одиночку я бы не справился.

— Ты справился.

О’Брайен коснулся камня.

— Мне подсказали, как это сделать. В нем есть жизнь, Стив. Не земная, но разумная. Я кое-что понял, совсем немного. Достаточно, чтобы создать сплав. Нужно было начать с этого, чтобы раздобыть денег на покупку корабля.

— Ты не умеешь управлять кораблем.

— Мы наймем пилота.

— Мы?

О’Брайен усмехнулся:

— Я докажу, что я прав. Ты не веришь в Дейрдре. Но ты увидишь ее, Стив. Камень укажет нам путь. Он хочет вернуться домой, и мы отвезем его туда.

Арнсен нахмурился и отвернулся, его широкие плечи напряглись от безрассудной злобы. Он понял, что ненавидит воображаемое существо, которое придумал О’Брайен. Дейрдре! Он сжал кулаки.

Ее не существует. Все крупные планеты и астероиды исследованы; на обитаемых нет человекоподобных существ. У марсиан большие

головы и кошмарные веретенообразные ноги; на Венере обитают чешуйчатые амфибии, погрязшие в феодализме и бесконечных войнах. На других планетах… пернатые обитатели Каллисто с полыми костями больше всего похожи на людей, но их при всем желании нельзя назвать красивыми. А Дейрдре была красива. Воображаемая или нет, она была прекрасна, словно богиня.

Будь она проклята!

Но ничто не помогало. О'Брайен упорно шел к цели. Он быстро, с непреклонной решимостью запатентовал процесс изготовления сплава, продал его тому, кто предложил больше всего, и купил небольшой космический корабль. Нашел пилота — крутого парня по имени Текс Гастингс, смуглокожего, постоянно жевавшего табак. Можно было не сомневаться, что он будет выполнять указания и держать язык за зубами.

О'Брайен не находил себе места, пока корабль не взлетел с космодрома. Чем ближе становилась цель, тем больше он нервничал. Он почти все время сжимал камень в руке. Арнсен заметил, что блеск камня, прежде тусклый, становится все ярче по мере того, как корабль погружается в глубины космоса.

Гастингс недоуменно поглядывал на О'Брайена,

но делал то, что ему велели. Он поделился своими опасениями с Арнсеном.

— Мы даже в карты не смотрим. Бред, но я не стану спорить. Только какое ж это пилотирование? Ваш друг просто указывает на звездный сектор и говорит: «Нам туда». Странно это.

Он почесал дубленую щеку, пристально глядя на Арнсена выцветшими глазами. Здоровяк кивнул:

— Я знаю. Но я ничего не решаю, Гастингс. Мое дело — груз.

— Угу. Что ж, если вам… понадобится помощь… можете на меня положиться. Я видал больных космической горячкой.

Арнсен фыркнул:

— Космической горячкой!

Гастингс твердо смотрел на него.

— Конечно, я могу ошибаться. Но в космосе всякое бывает. Мы не на Земле, мистер Арнсен. Здесь действуют другие законы. И другая логика. Мы на краю неведомого.

— Никогда бы не подумал, что вы суеверны.

— Я не суеверен. Просто я давно летаю и много чего повидал. Тот кристалл, который мистер О'Брайен повсюду таскает с собой… я никогда не видел ничего подобного. — Он подождал ответа,

но Арнсен молчал. — Ну ладно. Я видел кое-какие вещи, которые прибило Извне. Странные, чертовски странные. Солнечная система — что Саргассово море. В нее заносит всякий мусор из других систем и даже других вселенных, насколько я знаю. Одно я выучил четко: держись подальше от того, чего не понимаешь.

Арнсен угрюмо хмыкнул, глядя в иллюминатор на колючий блеск звезд.

— Слышали истории о таких камнях?

Гастингс покачал стриженой головой:

— Нет. Но однажды я видел обломки судна на солнечной стороне от Плутона. Этот корабль построили не в нашей системе. Команда давно оставила его. Бог знает сколько времени он там болтался. И откуда взялся. Внутри все было устроено не для людей. Его прибило Извне, разумеется, а там места много. Так вот, этот камень…

Он откусил от плитки жевательного табака.

— Что с ним?

— Он прибыл Извне. И ваш друг странно себя ведет. Это может довести до беды. Или нет. Лично я собираюсь глядеть в оба и вам советую делать то же самое.

Арнсен вернулся на камбуз и пожарил яичницу. Он злился на себя за то, что выслушивал

намеки Гастингса. Ему было не по себе, как никогда прежде. На Земле было проще не верить в неведомые силы, которые могут таиться в сером камне; здесь дело обстояло иначе. Космос был скопищем хлама, задворками таинственного Извне. Научный прогресс, который распахнул двери для межпланетных путешествий, отчасти вернул человека в те времена, когда он прятался в пещере и боялся темных сил, скрывающихся в неведомых джунглях. Космические путешествия сломали барьеры. Они открыли дверь, которую, возможно, стоило навсегда оставить закрытой.

К границам космоса прибивало странный мусор. Арнсен взглянул через иллюминатор на красный шарик Марса, слепящий блеск Млечного Пути, загадочную тень Угольного Мешка. Там может таиться что угодно. Жизнь, выросшая не из земного и даже не из трехмерного семени. На это намекал Чарльз Форт[29]; ученые высказывали поистине безумные догадки. Бескрайняя космическая утроба, которая может порождать нечестивых чудовищ.

Так они продолжали свой путь, день за днем, обогнули Марс и углубились в пояс астероидов.

---

[29] Notes: 29

Чарльз Форт (1874–1932) — американский исследователь непознанного, отец современного уфологического движения.

Перед ними расстилались просторы, не нанесенные на карту, Саргассово море обломков планеты, которая разлетелась на части миллиарды лет назад. В узких коридорах космического корабля гуляло гулкое эхо. Все трое изрядно нервничали. Но О'Брайен находил утешение в сером кристалле. Его глаза по-прежнему торжествующе горели.

— Мы приближаемся, Стив, — сказал он. — Дейрдре уже недалеко.

«К черту Дейрдре», — подумал Арнсен, но вслух ничего не сказал.

Корабль мчался вперед по курсу, который О'Брайен проложил вслепую. Гастингс мрачно качал головой, ничего не говоря, и учил пассажиров пользоваться скафандрами. Лишь немногие астероиды имеют атмосферу, а между тем становилось все яснее, что им надо на астероид…

3. Поющие кристаллы

Наконец они нашли его — колючий, медленно вращавшийся шар, который выглядел совершенно безлюдным, поджаренным в солнечной печке. В телескоп не было видно никаких признаков жизни. Шар затвердел, вращаясь, и расплавленный камень мгновенно застыл в ледяном космосе

— получились гигантские колючие скалы и сталагмиты. Ни атмосферы, ни воды, ни следов какой-либо жизни.

Кристалл в руках О'Брайена преобразился. Из него струился бледный свет. Лицо О'Брайена горело от нетерпения.

— Это он. Гастингс, посадите корабль.

Пилот поморщился, но склонился над пультом управления. Задача была как минимум непростой: скорректировать скорость корабля, уравняв ее со скоростью вращения астероида, и опуститься на поверхность небесного тела по сужающейся спирали. Ракетные корабли не отличаются маневренностью. Они выжигают все на своем пути при посадке и взлетают на чистой мощной тяге.

Корабль с трудом сел на твердую, как железо, поверхность. Арнсен смотрел через закаленное стекло на безлюдный пейзаж, при виде которого сердце сжималось от холода. Здесь никогда не существовало жизни. Этот мир был проклят при создании. Крошечный планетоид, обреченный на вечную ночь и тишину, окутанный мраком. Солнечный блеск в отсутствие атмосферы лишь подчеркивал контраст между светом и угольно-черной тенью. Скалы жадно тянули вверх отростки, словно искали тепла. Пейзаж

не выглядел опасным. Он был ужасен в своей бесцветности, только и всего.

Он не был предназначен для жизни. Арнсен чувствовал себя чужаком.

О'Брайен встретил его взгляд. Юноша криво улыбнулся.

— Я знаю, — сказал он. — Выглядит не слишком привлекательно, да? Но вот оно, то самое место.

— Возможно… миллион лет назад, — скептически произнес Арнсен. — Но теперь здесь ничего нет.

О'Брайен молча сунул кристалл в руку здоровяка.

Камень лучился торжеством! Ликованием! Волна эмоций окатила Арнсена с головы до ног, стерла сомнение с его лица. Камень кричал от восторга, невидимо и неощутимо!

Испускаемое им сияние стало ярче.

— Пора есть, — коротко сказал Гастингс. — В космосе все сгорает, как в топке. Нельзя пропускать приемы пищи.

— Я пойду наружу, — сказал О'Брайен.

Но Арнсен поддержал пилота:

— Мы уже прилетели. Можешь потерпеть еще часок. А я голоден.

Они вскрыли термоконсервы на камбузе и стоя

выхлебали горячую еду. Корабль внезапно стал казаться тюрьмой. Даже Гастингсу не терпелось узнать, что ждет их снаружи.

— Мы облетели астероид, — наконец ворчливо произнес он. — Здесь ничего нет, мистер О'Брайен. Мы видели это своими глазами.

Но О'Брайен уже спешил обратно в рубку.

Скафандры были громоздкими и тяжелыми, даже при низкой гравитации. Гастингс протестировал кислородные баллоны, пристегнутые к спинам, и тщательно проверил все оборудование. Утечка в этом лишенном воздуха мире стала бы смертельной.

Они вышли через шлюз, и Арнсен ощутил, как у него сосет под ложечкой от предвкушения неведомого. Его собственное дыхание было громким и хриплым внутри шлема. Триполяризованные лицевые щитки защищали от солнечных бликов, но не могли скрыть кошмарную унылость пейзажа.

Нетронутый мир — более безжизненный и ужасный, чем ледяной Ётунхейм, где обитают инеистые великаны. Тяжелые свинцовые ботинки Арнсена грузно ступали по окалине. Ни пыли, ни следов эрозии — здесь не было воздуха.

Кристалл в руке О'Брайена пылал молочно-бледным огнем. Лицо юноши осунулось и

заострилось от страсти. Арнсен наблюдал за ним, страшно злясь на суккуба, заворожившего друга.

Он ничего не мог сделать, только идти следом и ждать. Рука потянулась к тяжелой дубинке, висевшей на поясе.

Надежда в глазах О'Брайена постепенно гасла. Он невольно произнес:

— Дуг, мы всего лишь на поверхности. Под землей…

— Верно. Возможно, где-то есть вход. Но я не знаю. Стив, мы могли опоздать на тысячу лет.

Он неотрывно смотрел на кристалл.

Тот торжествующе пульсировал. Из него весело било бледное пламя. Он был живым, у Арнсена больше не оставалось сомнений. Живым и счастливым оттого, что вернулся домой.

Они опоздали на многие годы? На лишенном воздуха планетоиде не было никаких следов жизни. Внеземное пространство окутывало безымянный мир завесой тоски. Мужчины продолжали идти.

В конце концов они вернулись к кораблю.

Наступила короткая ночь крошечного мира. Пылающая солнечная корона исчезла; на черном небосводе вспыхнули жесткие искры звезд. Небо горело холодными огнями.

Безжизненный, чужой, странный мир. Грань неведомого.

Наконец они уснули; обмен веществ в космосе ускорялся, и ткани нуждались в восстановлении.

Через несколько часов Арнсен наполовину очнулся и оперся локтем о койку, гадая, что́ его разбудило. Мысли путались. Он даже не понимал толком, спит он или нет.

На фоне иллюминатора виднелся мужской силуэт, преувеличенно большой, искаженный. За ним сверкали звезды.

Они двигались. Кружились в колдовском танце гоблинских фонарей, плясали, вертелись, неслись по спирали. Синие, желтые, аметистовые и млечно-перламутровые, светло-золотистые, как глаза львицы, полосы света и не имеющие названий неземные цвета мчались в эльфийской сарабанде среди безвоздушной тьмы, сливаясь в причудливые узоры.

Темнота поглотила Арнсена. Сон сковал его…

Обессиленный, он медленно пришел в сознание. Голова болела; язык опух. Мгновение он лежал неподвижно, пытаясь вспомнить.

Сон? Арнсен выругался, сбросил одеяла и вскочил с койки.

О’Брайен исчез. Текс Гастингс исчез. Два ска-

фандра испарились со стойки.

Лицо Арнсена исказила злобная гримаса. Теперь он понял, что было не так в его ночном видении. Мужчина, которого он видел у иллюминатора, был *снаружи* корабля. Дуг?

Или Гастингс. Не важно. Исчезли оба. Он остался один в загадочном мире.

Арнсен стиснул зубы, проглотил несколько таблеток кофеина, чтобы в голове прояснилось, и сдернул скафандр с крючков. Он надел его, понимая, что снаружи снова светит далекое солнце.

Вскоре он был готов. Он вышел из корабля, забрался на него и огляделся. Ничего. Блеклый черно-белый пейзаж астероида простирался во все стороны, до круто загибающегося горизонта. Больше ничего не было видно.

Не было и следов на твердой, как железо, окалине. Придется искать наугад, руководствуясь одной интуицией. Он спрыгнул на землю, благодаря низкой гравитации почти не ощутив толчка. Схватил дубинку, висевшую слева на поясе, и пошел к остроконечной скале впереди.

Он ничего не нашел.

Хуже всего, пожалуй, было бесконечное одиночество, которое давило на него. Он находился слишком близко к Извне. Он остался единствен-

ным живым существом в месте, которое никогда не предназначалось для людей. Унылый пейзаж астероида словно загонял ножи в мозг, обдавая жгучим холодом. Когда он поднимал взгляд, легче не становилось. Окруженное короной солнце было бесконечно далеко. В небе горели звезды, отстраненные, не мерцающие, как на Земле, а горящие с холодной решимостью, бледной яростью, не знающей конца и края. На свету жар пробирал сквозь скафандр; в тени Арнсен дрожал от холода.

Он продолжал идти, кипя от ненависти, в поисках неведомой твари, забравшей Дуга.

Юноша был поэтом, мечтателем, глупцом, легкой жертвой для обитающей на астероиде жути.

Выбившись из сил, он повернул назад. Запас воздуха подходил к концу, а ни Дуга, ни Гастингса нигде не было видно. Он пошел к кораблю…

Корабль оказался дальше, чем он думал. Наконец он увидел его под гигантским сталагмитом, который тянулся к палящему солнцу, и зашагал быстрее. Почему он не сообразил захватить запасные баллоны с кислородом?

Замок не поддавался неуклюжим пальцам в перчатках; он отчаянно дергал его. Наконец гигантская створка распахнулась. Он вошел в

шлюз и поднял лицевой щиток, жадно глотая относительно свежий воздух. Баллоны с кислородом лежали на стойке поблизости; он закинул несколько на спину и защелкнул фиксаторы. Проглотил еще пару таблеток кофеина.

Что-то подсказало ему: надо обернуться и посмотреть в иллюминатор. В четверти мили по неровной земле брел человек в скафандре…

Сердце Арнсена подскочило к горлу. Одним молниеносным движением он опустил щиток и бросился к шлюзу. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем он оказался снаружи и огромными скачками помчался к человеку, который рухнул без сил: неподвижная тень на залитом солнцем участке. Дуг? Гастингс?

Это был О'Брайен; его юное лицо посерело от усталости и потемнело от недостатка кислорода. На мгновение Арнсен подумал, что мальчишка мертв. Он просунул руку под спину О'Брайена, поднимая его, другой рукой нащупал дополнительный воздушный шланг и сунул в клапан под подбородком, отбросив в сторону бесполезную трубку. Кислород потек в скафандр юноши.

Его ноздри расширились, вбирая драгоценный воздух. Арнсен наблюдал, оскалив зубы в безрадостной улыбке. Отлично! Щеки О'Брай-

ена залились здоровым румянцем под густым загаром. Он открыл глаза и посмотрел в глаза Арнсену.

— Не смог ее найти, — прошептал он. Его голос, прошедший через аудиофон, был гулким. — Дейрдре… я не смог ее найти, Стив.

— Дуг, что случилось? — спросил Арнсен.

О'Брайен глубоко вдохнул и покачал головой:

— Я проснулся… что-то меня предупредило. Вот это. — Он разжал руку в перчатке и показал молочный кристалл. — Он знал… она… близко. Я чувствовал это. Я встал, подошел к иллюминатору и увидел… огни. Гастингс был снаружи. Наверное, она позвала его. Он бежал за огнями… Мне хватило ума надеть скафандр. Затем я отправился следом. Но я не поспевал за Гастингсом. Я бежал за ним, пока не потерял из виду. Много миль… часов. Затем я увидел, что кислород на исходе. Я попытался вернуться на корабль…

Он с трудом улыбнулся.

— Стив, почему она позвала Гастингса? Почему не меня?

Арнсена сковало холодом.

— Мы улетаем с этого астероида. Немедленно.

— И бросим Гастингса?

— Мы… я сам его поищу. Здесь есть жизнь, зло-

козненная жизнь. Чертовски опасная.

— В ней нет зла. Нет. Она выше зла, выше добра. Я никуда не полечу, Стив.

— Полетишь, даже если мне придется тебя связать.

Рука О'Брайена в перчатке стиснула молочный кристалл.

— Дейрдре! — произнес он.

В пустоте над ними загорелось сияние.

Другого предупреждения не было. Арнсен запрокинул голову и увидел… нечто невозможное.

«Дейрдре», — подумал он. А потом на ум невольно пришло другое имя.

«Цирцея!»

Цирцея из Колхиды, богиня острова Ээя — Цирцея, дочь Дня, превращавшая мужчин в свиней! Цирцея — больше чем человек!

Потому что над ними парила не человеческая фигура. Казалось, то была девушка, нагая, возлежавшая в пустоте. Ее летящие волосы были цвета лучей закатного солнца. Линии тела исполнены чистой красоты, руки и ноги — стройные и изящные. Глаз не было видно; их прикрывали длинные ресницы.

Лицо, нежное, отстраненное и чуждое, обладало… не вполне человеческой красотой.

Облачением ей служили радужные кристаллы.

Большие и маленькие драгоценные камни с множеством граней кружились и мерцали на фоне черного неба и белого тела Цирцеи. Желтые, как луна, золотистые, как янтарь, голубые, как море близ Капри, зеленые, как поросшие соснами земные холмы… яростно-алые и изумрудные, искрившиеся, как чешуя дракона!

В глубине души Арнсен понимал, что ни одно живое существо не может находиться без защиты на ледяной безвоздушной поверхности астероида. И в то же время он знал, что девушку окружают воздух и тепло.

Кристаллы защищали ее. Он почему-то знал это.

О'Брайен извернулся в его руках. Он увидел девушку и попытался вырваться. Арнсен стиснул его.

Юноша врезал ему по шлему, и тот задребезжал. Бронированная перчатка угодила по металлической пластине. Оглушенный Арнсен упал на спину, цепляясь за О'Брайена. Его пальцы скользнули по руке друга; он почувствовал, как что-то упало ему в ладонь, и стиснул это.

Затем О'Брайен освободился, сдернул баллон с кислородом со спины Арнсена, развернулся и

шагнул к девушке. Та уже отдалилась…

Арнсен встал, пошатываясь. Голова отчаянно пульсировала. Он слишком поздно понял, что во время потасовки сломался его воздушный клапан. Он нащупал его неуклюжими пальцами… и упал.

Шлем гулко стукнулся о твердую окалину. И наступила темнота…

4. Бессмертная Цирцея

Когда он очнулся, было темно. Кислород снова поступал в скафандр: он сумел открыть клапан перед падением. Высоко в небе далекое солнце, окруженное короной, пылало на фоне звездного неба. Корабль лежал под скалой.

Но О'Брайена нигде не было видно.

После этого Арнсена охватило что-то вроде безумия. Бесконечная пустота космоса обрушилась на него, вызвав удушливый страх. Дуг пропал, как и Гастингс. Где они?

Он искал день за днем. Он исхудал и осунулся, так как накачивался стимуляторами, чтобы выжать из организма все возможное. Час за часом он обыскивал крошечный мир, щурясь на солнце, вглядываясь в черные тени, выкрикивая

имя О'Брайена, давая горькие, жгучие клятвы, которые казались совершенно бесплодными. Время тянулось бесконечно. Он пробыл здесь вечность. Казалось, он всегда брел по астероиду, высматривая фигуру в скафандре, пляшущие огни драгоценных камней, изящное белое тело…

Кто она такая? *Что* она такое? Определенно не человек. А кристаллы — что это?

Однажды он вернулся на корабль, сгорбив плечи, и прошел мимо того места, где увидел девушку. Что-то на земле привлекло его взгляд. Перламутровый, мерцающий камень.

Он вспомнил, как дрался с О'Брайеном и что-то упало ему в перчатку.

Драгоценный камень, ну конечно. Он пролежал здесь незамеченным в течение многих оборотов астероида.

Арнсен поднял его, глядя в молочную глубину. Импульс пробежал по руке, коснулся разума. Импульс тоски…

Девушка появилась, когда О'Брайен призвал ее.

Возможно, это сработает еще раз. Другой надежды нет.

Но он не может называть ее «Дейрдре». Он стиснул твердый кристалл и мысленно попробовал с

силой призвать ее:

«Цирцея!»

Ничего. Вечная тишина, холодный блеск звезд…

«Цирцея!»

Камень в руке подпрыгнул от нетерпения. В пустоте над головой вспыхнули искры радужных огней. Кристаллы… и среди них — девушка!

Она не изменилась. Очаровательная и чуждая, она возлежала среди пляшущих сияющих камней, и ее ресницы, как и прежде, прикрывали таинственную глубину глаз. Арнсен, спотыкаясь, шагнул вперед.

— Где О'Брайен? — Его голос надломился, хриплый и нечеловеческий. — Будь ты проклята! Где он?

Она не смотрела на него. Ее тело начало удаляться. Драгоценные камни стремительно кружились вокруг нее.

Арнсен, шатаясь, направился к ней. Он горел от злобы. Выхватив резиновую дубинку, он бросился на девушку.

Ничего не вышло. Та отплыла назад в вихре радужных кристаллов.

Арнсен не мог ее обойти. Все равно что гоняться за блуждающим огоньком. Но он не сводил глаз

с девушки. Он несколько раз упал. Он знал, что она уводит его от корабля. Не важно. Лишь бы привела к Дугу.

Что она сделала с юношей? Арнсен ненавидел ее, ненавидел ее неумолимое равнодушие, ее невероятную красоту. Скаля зубы, сверкая покрасневшими глазами, он гонялся за ожившим кошмаром по бесплодному астероиду.

Через несколько часов — или так ему показалось — она исчезла в черной тени под вздымавшейся в небо скалой. Арнсен последовал за ней, шатаясь от усталости. Он думал, что налетит на камень, но темнота оставалась неосязаемой. Земля пошла под уклон под его свинцовыми ботинками. Внезапно в расщелине сбоку вспыхнул свет.

Бледный, теплый, жидкий свет струился из идущего под углом коридора в скале. Далеко внизу прохода Арнсен видел облако пляшущих огней — кристаллическую свиту девушки. Спотыкаясь, он побрел вперед.

Он спускался все ниже и ниже, пока вдали не показался поворот. Он повернул за угол и остановился, ослепленный и изумленный.

Когда глаза немного привыкли, Арнсен увидел перед собой пещеру и в ней — колонну огня от

пола до потолка. И все же это был не огонь. Это было за пределами человеческих познаний. Возможно, чистая энергия, выжатая из запертого сердца атома, что бесшумно клокотала и била, подобно гейзеру. Колонна дрожала. Она раскачивалась и колыхалась, холодно-белая, нестерпимо блестящая, точно живое существо, излучающее непостижимую силу.

Стены, пол и потолок пещеры были усеяны драгоценными камнями. Радужные кристаллы, дрожа, сбивались в стаи: тысячи кристаллов, от крошечных до огромных. Они наблюдали.

Они были живыми.

Девушка стояла рядом с Арнсеном. Множество камней с любовью прижимались к ней. Они ласкали ее. Прикрытые ресницами глаза не смотрели в глаза Арнсену. Но она подняла руку.

В руке Арнсена, в перчатке, что-то шевельнулось. Молочный кристалл вздрогнул; из него брызнул импульс страсти.

Он выскочил… и бросился к Цирцее.

Та поймала его и швырнула в подрагивавшую огненную колонну.

Кристалл метнулся к пылающему сердцу колонны.

Огни потухли и снова разгорелись, изрыгнув

камень.

Он больше не был молочным… не был тусклым. Он горел фантастическим блеском! Из него вырывалась жизненная сила, он весело кружился и танцевал, исполненный беспримесной радости. Так, словно спящий внезапно проснулся.

Он полетел к Цирцее, пульсируя как безумный, опьяненный радостью жизни.

Девушка поднялась, невесомая, словно перышко, неподвластная силе тяжести, и поплыла через пещеру к проходу, зиявшему в стене. Камни, окружавшие кристалл, качнулись в ее сторону. Некоторые вырвались на свободу и поспешили за ней.

Она скрылась в проходе.

Сковавшие Арнсена чары спали. Он бросился следом, но слишком поздно. Она уже ушла. Но по всему коридору парили драгоценные камни, яркие, сияющие, живые.

Внезапно кто-то стиснул Арнсена в объятиях. Перед ним возникло лицо О'Брайена. На О'Брайене больше не было скафандра, он исхудал, и все же его темные глаза были полны жизни. О'Брайен… смеялся.

— Стив! — Его голос дрогнул. — Так ты последовал за мной. Я рад. Идем… все в порядке.

Силы покинули Арнсена, нахлынула усталость. Он бросил взгляд на пустой коридор и последовал за О'Брайеном через неровный проем в крошечную комнатку, вырезанную в скале. Он почувствовал, как друг снимает с него шлем и громоздкий скафандр. К нему вернулись остатки здравого смысла.

— Кислород…

— Здесь есть воздух. Стив, здесь полно чудес!

Там был воздух. Прохладный, сладкий, свежий воздух наполнил легкие Арнсена. Он огляделся. В небольшой пещере не было ничего, кроме десятков радужных кристаллов, льнувших к стенам.

Они настороженно следили за ним.

О'Брайен прижал его к стене и взмахнул рукой. Камень подлетел и завис у лица Арнсена. Он почувствовал, как в рот течет вода, и с благодарностью проглотил ее, слишком усталый, чтобы удивляться.

— Тебе нужно поспать, — сказал О'Брайен. — Но все хорошо, Стив. Все в порядке, можешь мне поверить. Я все расскажу, когда ты проснешься. У нас будет полно времени. Ты увидишь Дейрдре.

Арнсен попытался сопротивляться.

— Я не буду…

О'Брайен снова взмахнул рукой. К ним подле-

тел еще один камень. Из него вырвалось серое облачко, ароматное, усыпляющее, скользнуло в ноздри Арнсена…

И он уснул.

5. Кристаллический народ

Когда он проснулся, в комнате все было по-прежнему. О'Брайен сидел, скрестив ноги и глядя в пустоту. Его лицо изменилось, в нем появились умиротворенность и зрелость.

Он услышал, как Арнсен шевельнулся, и повернулся к нему:

— Проснулся? Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо. Достаточно хорошо, чтобы выслушать объяснения, — не без злости сказал Арнсен. — Я чуть с ума не сошел… искал тебя по всему этому чертову астероиду. Мне и сейчас кажется, что я свихнулся.

О'Брайен хихикнул:

— Могу себе представить. Я и сам был расстроен, пока кристаллы все не объяснили.

— Кристаллы — что?

— Они живые, Стив. Вершина эволюции, возможно. Кристаллическая жизнь. Совершенные машины. Могут сделать почти что угодно. Ты

видел, как один из них создал питьевую воду, и… в общем, смотри.

Он подманил к себе кристалл. Из него брызнула струя алого блестящего пламени. О'Брайен взмахнул рукой; камень вернулся на место.

— Видишь, они способны превращать энергию в материю. Вполне логично, если забыть о косных научных догмах. Все вещество создано из энергии. Просто она заключена в нем в виде определенных узоров… определенных матриц. Но внутри атома — каркаса материи — нет ничего, кроме энергии. Эти кристаллы создают узоры из фундаментальной энергии.

Арнсен покачал головой:

— Я не понимаю.

Голос О'Брайена стал сильнее и глубже.

— Давным-давно… очень давно, в другой галактике, за сотни световых лет отсюда существовала цивилизация, намного превосходящая нашу. Дейрдре — дитя той расы. Она была… могущественной. Достигла нашего уровня развития и поднялась неизмеримо выше. И машины стали не нужны. Вместо них раса создала кристаллы — супермашины, суперроботов, в которых были заключены невероятные силы. Они удовлетворяли все потребности расы Дейрдре.

— И что было дальше?

— Этот астероид — не из нашего семейства планет. Он из другой системы, из соседней галактики. Думаю, его занесло сюда случайно. Я толком не знаю, как так вышло. Наверное, он попал в гравитационное поле кометы или бродячей планеты и та выдернула его в космос. В конце концов он оказался на этой орбите. Дейрдре все равно. Ее разум отличается от нашего. Кристаллы удовлетворяют все ее потребности — создают воздух, дают пищу и воду. Все, что она пожелает.

— Как давно это происходит? — спросил Арнсен.

— Возможно, с начала времен, — тихо произнес О'Брайен. — Полагаю, Дейрдре бессмертна. По меньшей мере богиня. Помнишь кристалл, который я нашел в метеорите?

— Да. Я помню.

— Он прибыл отсюда. Это один из слуг Дейрдре. Каким-то образом он потерялся… заплутал. На него налипла космическая пыль, пока он кружил вокруг Солнца… возможно, тысячи лет. Атомы железа. По крайней мере, это был метеорит с кристаллом внутри. Он упал на Землю, я нашел его, и он захотел вернуться домой, к Дейрдре. Он сказал мне об этом. Я чувствовал его мысли. Он

притянул меня сюда, Стив…

Арнсен поежился:

— Поверить не могу. И эта девушка — не человек.

— Ты смотрел ей в глаза?

— Нет…

— Не человек. Богиня.

К Арнсену пришла новая мысль.

— А где Текс Гастингс? Здесь?

— Я его не видел, — ответил О'Брайен. — Не знаю, где он.

— Ясно. Чем ты занимался?

— Она привела меня сюда. Кристаллы заботятся обо мне. А Дейрдре…

Он встал.

— Она зовет меня. Подожди, Стив… я вернусь.

Арнсен протянул руку, чтобы удержать его; тщетно. О'Брайен прошел сквозь проем и был таков. Кристаллы, около десятка, метнулись ему вслед.

Арнсен отправился за ним, отказываясь признавать, что ему тоже хочется еще раз взглянуть на девушку. Он шел по коридору по пятам за О'Брайеном, пока юноша не пропал из виду. Арнсен ускорил шаг. Он остановился на пороге пещеры, где до самого потолка вздымалась ог-

ненная колонна.

В первый раз ему показалось, что она грохочет. Но нет… пламя било вверх в полной тишине, дрожа и раскачиваясь от распиравшей его силы. Стены были усеяны пляшущими камнями, которые наблюдали. Теперь Арнсен видел, что некоторые из них — тускло-серые, неподвижные и мертвые. Они были рассеяны среди прочих, и их были тысячи.

О'Брайен шел вперед… и внезапно перед Арнсеном возникла Цирцея. Она стояла к нему спиной, камни нежно льнули к ней. Цирцея подняла руки, и О'Брайен повернулся.

На его лице было написано томительное желание. Девушка не шевелилась, и О'Брайен шагнул в кольцо ее рук.

Ее движение было таким стремительным, что Арнсен осознал его, когда было уже слишком поздно. Тонкие руки высвободились; Цирцея отступила на шаг… и толкнула О'Брайена к огненной колонне!

Он споткнулся, потеряв равновесие, и кристаллы сорвались с тела Цирцеи, перестав быть облачением. Они давили на О'Брайена, толкали его, напирали, теснили. Арнсен закричал и бросился вперед…

О’Брайен покачнулся, его охватило пламя. Затем он исчез в мощном потоке.

В тот же миг с дальней стены сорвался мертвый серый камень, бросился к огненной колонне, влетел прямо в ее сверкающее сердце и исчез.

Колонна осела, запульсировала… и снова зарокотала, бесшумный поток забил вверх. Из глубин колонны вылетел преображенный камень.

Чувствующий, сияющий, переливающийся мириадами оттенков, он полетел к Цирцее. Искрясь от радости, он ласково завис рядом с ней.

Он был живым!

Арнсен закричал и бросился вперед. Цирцея повернулась к нему. Ее глаза по-прежнему были скрыты; ее лицо было отрешенно прекрасным и нечеловеческим.

Кристалл метнулся к Арнсену и лег в протянутую ладонь. Волна безумной радости вырвалась из него и затопила разум Арнсена.

Это был Дуг… *это был Дуг!* Арнсен замер, его подташнивало от ужаса, а мысли разумного кристалла лились в его голову.

— Се… серый кристалл.

Язык Арнсена еле ворочался. Он поднял взгляд на серые кристаллы, что висели среди сверкающих.

— Машины, Стив, — его пронзила мысль разумного существа, которое он держал в руке. — Роботы, лишенные энергии. Лишь одно может их оживить: жизненная сила. Огненная колонна делает это путем атомной трансмутации. Это не земная технология, она создана в другой галактике. Там у расы Дейрдре были рабы для оживления кристаллов…

— Дуг… Она убила тебя…

— Я не мертв. Я жив, Стив, живее, чем когда-либо. Все кристаллы — марсиане, венериане, существа из других систем и галактик, которые сели на этот астероид. Дейрдре забрала их себе. Как Гастингса. Как меня. Теперь мы служим ей…

Камень вырвался из рук Арнсена, метнулся обратно к Цирцее, коснулся ее губ, погладил по волосам. Другие камни, мириады камней, танцевали вокруг девушки, подобно влюбленным эльфам.

Арнсен стоял на месте, пытаясь справиться с тошнотой. Теперь он понимал. Хитроумные кристаллические машины были слишком сложными, чтобы работать без жизненной энергии. Цирцея забирала разум живых существ и заключала в кремниевые робоформы.

Они были не против. Они были рады служить.

— Будь ты проклята! — пробормотал Арнсен, шагнул вперед и сжал кулаки. Пальцы ныли от желания сдавить тонкую шею девушки и переломить, резко и жестоко, как соломинку.

Ее ресницы взметнулись. Ее глаза взглянули в его глаза.

Они были черными, как космос, в их глубине мерцали звезды. Нечеловеческие глаза.

Теперь Арнсен знал, почему О'Брайен спросил, смотрел ли он Дейрдре в глаза. Они были ее тайной и силой. Человеческого облика было недостаточно, чтобы очаровать и поработить обитателей сотен миров. Из глаз Цирцеи смотрело нечто совершенно чуждое, сжигающее душу.

Сквозь темные окна ее глаз Арнсен узрел Извне. Он увидел бездну между звездами, но больше не боялся ее. Потому что Цирцея была богиней.

Она была выше всего человеческого. Огромная пропасть лежала между ней и людьми, бесчисленные витки эволюции и миллионы световых лет пространства. Но что-то потянулось через эту бездну, коснулось и прильнуло, и Арнсена охватила сжигавшая душу страсть к Цирцее.

В этом заключалась ее сила. Она могла управлять чувствами подобно тому, как управляла кристаллами, и ее могучий разум проник в разум

Арнсена, выжигая здравый смысл и индивидуальность. Лишь в ее наружности проглядывало что-то отдаленно человеческое. Рядом с ней Арнсен был животным, и им можно было управлять, как животным.

Она горела перед ним, словно пламя. Он забыл об О'Брайене, забыл о Гастингсе, о Земле, о своей цели. Ее сила захватила его и сделала беспомощным.

Хватка Цирцеи ослабла. Уверенная в своей победе, она опустила ресницы.

Разум Арнсена медленно вернулся из долгого путешествия по межзвездным безднам. Он снова оказался в кристаллической пещере рядом с богиней… и очнулся.

Не до конца. Он никогда больше не станет цельным. Но он чувствовал вибрации согнанных в одно место бесчисленных пленников — кристаллов, прошедших тем же путем, по которому сейчас бредет он, растерянные, опьяненные, тонущие в безымянных эмоциях, жертвующие собственной личностью и не знающие, что именно приносят в жертву. Брошенные в вечность по мановению руки беспечной богини, для которой все формы жизни одинаковы…

Цирцея наполовину отвернулась, и тут Арнсен

пришел в себя. Она подняла округлую белую руку, позволив кристаллам повиснуть на ней. И даже не заметила, как он наклонился.

Он сделал то, что сделал, без размышлений. Эмоции, которые она пробудила в нем, лишили его разума. Он знал лишь, что должен сделать это… хотя и не понимал почему.

Он хрипло выдохнул, пошатываясь, шагнул вперед и толкнул Цирцею в огонь…

С потолка упал серый камень.

Огненная колонна на мгновение сбилась с ритма и вновь мощно запульсировала. Из нее вылетел кристалл и завис в воздухе. Арнсен схватил его дрожащими пальцами, сотрясаясь от рыданий. Его пальцы погладили камень, прижали к губам.

— Цирцея! — прошептал он, ослепший от слез. — Цирцея…

Эпилог

Арнсен долго молчал. Сквозь окно я видел, как катят стратолет из Каира. За ним горели желтые огни Нью-Йорка.

— И ты вернулся, — сказал я.

Он кивнул:

— И я вернулся. Надел скафандр и вернулся на корабль. Кристаллы не пытались меня остановить. Казалось, они ждали. Не знаю чего. Я стартовал и полетел в сторону Солнца. Для этого у меня хватало знаний. Через некоторое время я начал подавать сигналы бедствия, и меня подобрал патрульный корабль. Вот и все.

— Дуг…

— Все еще там, полагаю. Вместе с остальными. Вейл, почему я это сделал? Правильно ли я поступил?

Не дожидаясь ответа, он сжал в руке шагреневую коробочку, которую так и не открыл.

— Нет, — продолжил он, — ты не можешь дать мне ответ, и никто не может. Цирцея вынула душу из моего тела, и теперь я опустошен. Для меня нет покоя ни на Земле, ни в космосе. А где-то там, на астероиде, ждут кристаллы… ждут возвращения Цирцеи… Но она никогда не вернется. Она останется со мной до самой моей смерти, и ее похоронят вместе со мной в космосе. А пока… Цирцее не нравится здесь, на Земле. Так что я снова отправляюсь в путь. Возможно, когда-нибудь я верну ее в то неведомое место, откуда она пришла. Не знаю…

По громкой связи объявили самолет до Канзаса. Арнсен встал, на его измученном лице мелькнула улыбка, и он молча ушел.

Больше я его не видел.

Мне кажется, где-то за Плутоном, за дальними рубежами системы, маленький кораблик летит в бездну. Курс выставлен. Возможно, он мчится в темноту Угольного Мешка. На корабле летят человек и драгоценный камень. Он умрет, но даже после смерти вряд ли выпустит из руки этот камень.

А корабль продолжит свой путь среди безымянной тьмы.

Читатель, я тебя ненавижу!

Читатель, я тебя ненавижу! Не знаю, как тебя зовут — Джо, или Майк, или Форрест Джей, — но я имею в виду именно тебя, мальчишку, который покупает все журналы с рисунками Финли[30] и рассказами Каттнера. Мальчишку, который вошел в один бар несколько месяцев назад с «Эстонишин»[31] под мышкой и заказал «Лошадиную шею»[32]. Того самого мальчишку, который встретил мистера Апджона и похитил его жену в форме кристалла цвета шартрез.

Я всей душой надеюсь, что ты читаешь этот рассказ. Мы с мистером Финли стараемся что есть мочи, чтобы так и было. Какого черта ты вообще взял тот кристалл? Ты должен был знать, что Апджон надрался до зеленых чертей. Это

---

[30] Notes: 30

Вёрджил Уорден Финли (1914–1971) — художник, один из самых известных мастеров фантастической иллюстрации XX в.

[31] Notes: 31

«Astonishing Stories» («Удивительные истории») — фантастический журнал, издававшийся в 1940–1943 гг.

[32] Notes: 32

«Лошадиная шея» — коктейль на основе бренди, имбирного эля и биттера «Ангостура». Украшается широкой спиралью из цедры лимона, которая символизирует лошадиную шею.

все ты виноват. Я тебя ненавижу. Если не вернешь неправедно нажитое, больше никогда не увидишь рисунков Финли и рассказов Каттнера, помоги, Господь, нам обоим. И если я до тебя доберусь…

Как, ты не знал, что говоришь с суперменом?

В любом случае прочти это. Прочти о том, как из-за тебя у нас случились неприятности с самим Апджоном. Ты наверняка его помнишь, если «Лошадиная шея» не ударила тебе в голову. Толстый лысый мужик с носом пуговкой, светло-голубыми глазами и платиновыми зубами. Мы тоже встретили его в баре.

Мы с Финли сидели в баре «Ручка и карандаш» рядом с Таймс-сквер и обсуждали будущее научной фантастики.

— Дело дрянь, — сказал я.

— Нужно, — сказал он, — больше таких художников, как…

— Ага, — согласился я, — и больше таких писателей, как я.

— Ты, — произнес Финли, глядя на меня. — Ты…

— И ты. — Я отплатил ему той же монетой. — Давай еще по «Куба либре». Пузырьки щекочут мне нос.

— Ты имеешь в виду шампанское.

— Я мечтаю о шампанском, — поправил я. — У моего дяди Руперта целый погреб шампанского. Надеюсь, он помрет.

Финли явно заинтересовался.

— Он завещал тебе шампанское? Поэтому ты надеешься, что он помрет?

— Нет, — печально ответил я. — Просто он мне не нравится. И мне нужно написать рассказ к субботе. Хочешь узнать сюжет?

— Я о нем уже слышал, — проворчал Финли, разглядывая свой «Куба либре».

— Об этом не слышал.

— Сто раз слышал.

Он рефлекторно облизал усы. Я подкрутил свои, надеясь, что он заметит. У меня усы длиннее.

Тут появился мистер Апджон и посмотрел на нас сверху вниз. Он выглядел, в точности как я описал. Запомни это, крыса.

— Прощу прощения, — сказал он, — но бармен говорит, что вы имеете какое-то отношение к фантастике.

— В смысле «какое-то отношение»? — взвился Финли.

Лично я считаю, что с незнакомцами не помешает быть вежливым, ведь они часто читают

журналы, поэтому ответил утвердительно.

— Вспомнил! — молниеносно парировал мужик с носом пуговкой. — Фрэнк Рудольф Пауль[33] и Ли Брэкетт[34].

Мы с Финли переглянулись. И выпили. Он совсем не похож на Фрэнка Пауля с его простоватым и вечно счастливым лицом. Финли вовсе не такой, в обоих отношениях. Да и я не похож на Ли Брэкетт.

— Послушайте, — начал я. — Ли Брэкетт не…

— Не стоит извиняться, — дружелюбно произнес он. — Я и сам супермен.

— Вот почему такое происходит, Г. К.? — спросил меня Финли.

— Понятия не имею, В. Ф., — ответил я. — Так уж нам на роду написано. Давай еще по одной, и, может, этот супермен улетит.

— Нет, — сказал супермен. — Не улечу. Потому что вы можете мне помочь. Я ищу двух человек — художника и писателя.

— Вы хотели сказать — писателя и художни-

---

[33] Notes: 33

Фрэнк Рудольф Пауль (1884–1963) — художник, один из первых иллюстраторов, специализировавшихся в области научной фантастики.

[34] Notes: 34

Ли Брэкетт (1915–1978) — американская писательница и сценаристка, жена Эдмонда Гамильтона.

ка, — уязвленно поправил я. — И кого же?

— Вёрджила Финли и Генри Каттнера, — сообщил супермен.

Финли поперхнулся.

— Это не настоящие имена, — поспешно уточнил супермен. — Фикция. Всего лишь псевдонимы.

— Ушам своим не верю, — прокомментировал Финли.

— Ладно, — сказал я. — Это мы. И в чем соль шутки?

Супермен просиял:

— Правда? Прекрасно! Меня зовут мистер Апджон. Разумеется, это не настоящее имя, но, когда я нахожусь на поверхности Земли, я принимаю человеческие признаки и зовусь, как свойственно людям.

— Прекрасно понимаю вас, — сочувственно произнес я. — Я и сам порой превращаюсь в летучую мышь на Таймс-сквер.

Мистер Апджон махнул официанту и заказал пиво с виски.

— У меня проблемы, — сказал он. — Мою жену похитили.

Мы с Финли переглянулись.

— Нет, — хором произнесли мы. — Это не мы. У

нас есть жены.

— Где сейчас твоя жена? — немного поразмыслив, спросил меня Финли.

— Не знаю. Наверное, пошла за покупками вместе с твоей.

Он мрачно кивнул:

— Женский инстинкт.

Я вздохнул:

— Верно. Пока мы трудимся в поте лица, стирая пальцы до костяшек…

— Можно подрядиться мыть лестницы, — предложил Финли.

— Нет. Занозы, — отрезал я.

Мистер Апджон вмешался в разговор.

— Дайте я расскажу, — взмолился он. — Если вы откажетесь, придется вас уничтожить, а мне очень не хочется этого делать.

— Пфф! — фыркнул я. — Я вам не какой-нибудь хиляк весом в девяносто фунтов.

— Верно, — поддакнул Финли. — Попробуйте-ка его уничтожить, мистер Апджон.

— Не хочу.

— Спорим, вам слабо? — засмеялся я. — Не тутто было!

Он навел указательный палец на мой «Куба либре».

Стакан исчез вместе с содержимым…

— Это какой-то фокус, — сообщил я, вылезая из-под стола и забираясь на стул. — Пустые угрозы. Но мы выслушаем вашу историю, просто из вежливости. А вы тем временем вернете мой коктейль.

— Не получится, — ответил мистер Апджон. — Но я могу заказать вам другой.

— Вы заплатите за него? — дотошно уточнил я.

— Да.

Так он и сделал. Этот мистер Апджон начинал мне нравиться.

— Дело было так, — принялся объяснять он. — Как я уже сказал, я супермен. Один из немногих, кто сейчас находится на Земле.

— Есть и другие? — спросил я.

— Конечно. Вы читали роман «Странный Джон»?

— Да. Стэплдон[35] — отличный писатель.

— Что ж, тогда вы знаете, что время от времени рождаются мутанты. Некоторые из них — супермены, представители намного более развитой расы, которая однажды заселит мир. Я один из

---

[35] Notes: 35

Уильям Олаф Стэплдон (1886–1950) — британский философ-футуролог и прозаик, один из основоположников англоязычной научной фантастики.

них. Мы опередили свое время, и нам остается только бесцельно слоняться в ожидании остальных. Мы бессмертны.

Финли закрыл голову руками. Мистер Апджон продолжил:

— Мы убиваем время. Развлекаемся. Например, я построил космический корабль у себя в подвале. — Он выглядел расстроенным. — Это было ошибкой. Я не смог вытащить его из подвала.

— И что вы сделали? — равнодушно спросил я.

— Отправился вниз, — ответил он. — Кое-что переделал и превратил его в земляной бур. Эта планета полая, так что я пробил кору и оказался во внутреннем мире. Странное место. Я часто там бываю.

— Ну конечно, — произнес Финли. — О боже.

Мистер Апджон улыбнулся, и я заметил, что у него платиновые зубы. Он поймал мой взгляд.

— Я сам надел на них коронки. Мои собственные зубы вовсе не похожи на человеческие, а я не хотел привлекать к себе внимание.

— Кажется, вы говорили, что приняли человеческую форму, когда прибыли на Землю… — заметил я.

— Да, но мои зубы — нет… На чем я остановился? Ах, да. Там обитают кремниевые создания, похо-

жие на людей. Но развиваются они по-другому — из кристаллов. Женщины ужасно хорошенькие. Особенно те, что вырастают из кристаллов цвета шартрез.

— Что еще за шартрез? — спросил я.

Финли любезно объяснил, что это светло-зеленый цвет. Мистер Апджон стал рассказывать дальше.

— Под правильным излучением кристаллы почкуются и растут, подобно людям.

— Кристаллы? — пробормотал я.

— Изначально — да. Базовые гены и хромосомы на атомном уровне собраны в кристаллическую структуру. Человеческий зародыш не сильно отличается от них, знаете ли. А после начальной стадии развитие кристалла показалось бы вам вполне нормальным.

— Не сомневаюсь, — с тоской произнес я.

— В общем, я выбрал один из самых красивых кристаллов себе в жены. Изобрел машину для ускоренного роста, спустился внутрь Земли и взял облюбованный мной кристалл. И вернулся с ним… с ней… домой. Затем я отпраздновал это… Боюсь, слишком бурно.

— Хотите сказать, вы напились. — Финли не терпелось уточнить все подробности.

— Да, — признал мистер Апджон. — Я напился. — Его голос был грустным. — Я зашел в какой-то бар…

— Здесь поблизости?

— Не знаю. Я перемещаюсь быстро… телепортация. Может быть, в Сан-Франциско, или в Детройте, или в Рочестере. Понятия не имею. Да, — повторил мистер Апджон, — я напился. Алкоголь почему-то сильно действует на суперменов.

— Не только на суперменов, — сообщил я и приложился к стакану.

— Так вот, я зашел в этот бар и наткнулся на мальчишку, который заказывал одну «Лошадиную шею» за другой. Мы познакомились. Поболтали. У него был журнал под мышкой, и мы поговорили о нем.

— Как он выглядел? — спросил Финли.

Мистер Апджон покачал головой:

— Понятия не имею. Его лицо расплывалось у меня перед глазами. Я был пьян! — Он хмыкнул. — Я проболтался, что я супермен, но он только рассмеялся. Сказал, что суперменов не бывает. Я взял его журнал и заявил, что могу показать ему вещи куда более фантастические, чем описанные в этом журнале.

— И вы могли? — спросил я.

— Хотел бы я знать, — пробормотал мистер Апджон. — По крайней мере, я пообещал. Я рассказал ему, как в прошлый раз отправился внутрь Земли и один из великанов схватил мой корабль.

— Великанов?

— Да. Их полно там внизу. У них рога и заостренные уши. Человекоподобные, но не слишком умные. Дикари, кочевники. В общем, как я уже сказал, желтокожий схватил мой космический корабль, словно игрушку. Пришлось выйти и подпалить ему нос лучевой пушкой, чтобы освободиться. Я рассказал парню об этом, и знаете, что самое смешное? Он не поверил.

— Неужели? — протянул Финли.

Мистер Апджон вздохнул:

— Он сказал, что это старье. И показал свой журнал. Помнится, он назывался «Эстонишин». На обложке была девушка в окружении драгоценных камней. Это ваша работа, мистер Финли, иллюстрация к рассказу «Кристаллическая Цирцея».

— Моя, — взволнованно произнес я. — Это я написал его. Вам понравилось?

— Если честно, я не читал, — ответил мистер Апджон. — Предпочитаю реализм. Но этот лю-

битель фантастики сказал, что всегда покупает журналы с рисунками Финли и рассказами Каттнера. Именно поэтому…

Официант принес еще по одной. Сразу после гость продолжил:

— Стыдно признаться, но я напился вдрызг. Помнится, я все твердил парню о своем приключении с великаном. И в конце концов показал ему кристалл цвета шартрез… мою жену. И…

Мистер Апджон покраснел:

— Я… э-э-э… отдал ее ему.

— Зачем? — спросил Финли.

— Я был пьян, — бесхитростно ответил супермен.

— Что ж, — произнес я, — полагаю, вы хотите вернуть свою жену до того, как она вылупится.

— Она не вылупится… без правильного излучения. Самое ужасное, что я не помню, где повстречал этого парня и как его звали. Джо, или Майк, или Форрест Джей… что-то в этом роде, не помню. Но у него был с собой «Эстонишин», и он обожает Финли и Каттнера.

— Сразу видно умного человека, — произнесли в унисон Финли и Каттнер.

— Я хочу вернуть свою жену, — сообщил мистер Апджон.

Я посмотрел на платиновые зубы:

— Это должно быть несложно. Вы супермен.

— Не настолько я супер. Наши силы тоже ограниченны. У меня есть идея, джентльмены. Мне нужно связаться с этим парнем и попросить его вернуть мою жену… кристалл цвета шартрез. У меня есть только одна ниточка к нему. Вы двое и журнал.

— Не понимаю, — сказал я.

— Все просто, мистер Каттнер. Я хочу, чтобы вы записали этот эпизод в точности как все было. Мистер Финли, я хочу, чтобы вы проиллюстрировали сцену, которую я описал. Любитель фантастики, привлеченный рисунком, непременно купит «Эстонишин», узнает, как все было, и вернет мне кристалл через редактора.

— Послушайте, — сказал Финли. — Я так не работаю. Великан, сжимающий в кулаке космический корабль? Ха! Такое на обложку не ставят.

— Это был очень, очень большой великан, — уточнил мистер Апджон.

— Нет. К тому же откуда мне знать, как он выглядел?

— Огромный, с рогами и большими заостренными ушами. С перламутрово-желтой кожей.

— Не пойдет, — вставил я. — Рассказы так не

пишутся, а если и пишутся, то не продаются. Допустим, я сделаю, как вы предлагаете, и просто запишу, как все было. Вы знакомы с редактором «Эстонишин»?

— Нет, — пробормотал мистер Апджон.

— А я знаком, — просто произнес я.

Супермен с тоской взглянул на нас.

— Но все так и было, честное слово, — сказал он. — Великан схватил мой корабль, я вылез и палил ему в нос, пока он его не выронил.

— Нос? — недоуменно спросил Финли.

— Корабль.

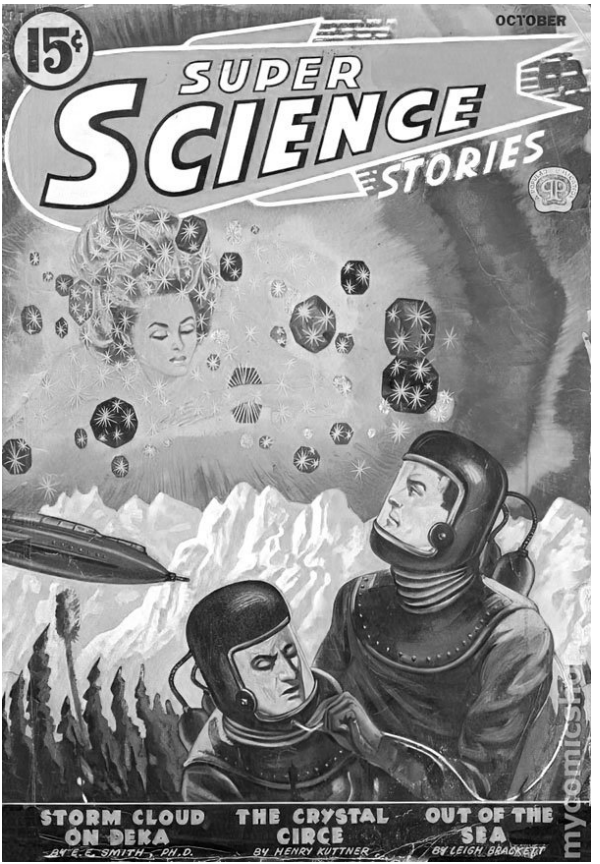
— Вы не пострадали?

— Меня невозможно уничтожить, — сообщил мистер Апджон. — Другая атомная структура.

— В любом случае нет, — сказал я. — Вам не следовало просить нас…

— Но я очень прошу вас. И могу подкрепить свою просьбу. Всего лишь капли моей жизненной энергии достаточно, чтобы от вас осталось две щепотки серой золы.

— Лучше выпейте, — поморщившись, сказал Финли.


15¢
OCTOBER
SUPER
SCIENCE
STORIES
STORM CLOUD ON DEKA
BY E. E. SMITH, PH.D.
THE CRYSTAL CIRCE
BY HENRY KUTTNER
OUT OF THE SEA
BY LEIGH BRACKETT
mycomics.ru

Мистер Апджон так и сделал. Алкоголь, похоже, сразу ударил ему в голову.

— Шупер… супермены быстро реагируют на алкоголь, — пояснил он, моргая. — Это очень плохо. Но зато мы мгновенно трезвеем.

— Никакого похмелья? — поинтересовался я.

— Никакого, — ответил он. — Я шу… супермен.

— В любом случае, — сказал я, — мы не можем вам помочь. Рассказы так не пишутся… по крайней мере, рассказы, которые можно продать. Вам нужен сюжет.

— Нет, — решил мистер Апджон. — Это испортит дело. Я просто хочу, чтобы вы записали, как все было.

— Как Сароян[36], — сказал я. — Нет, мой добрый друг, не могу. Я должен отстаивать интересы творческой братии. К тому же за такой рассказ мне не заплатят.

Финли хорошенько приложился к своему «Куба либре».

— Иллюстраций это тоже касается. Рисунок должен иллюстрировать сцену из рассказа. Я не вижу никаких желтых великанов, играющих с космическим кораблем.

---

[36] Notes: 36

Уильям Сароян (1908–1981) — американский писатель и драматург армянского происхождения.

— Никто в это не поверит, — добавил я. — Даже если подать это как фантастику. Вы можете с тем же успехом сказать, что по чистому совпадению парень за соседним столом — тот самый, что похитил вашу жену.

Финли встал и уставился на соседний стол.

— Нет, — сообщил он нам. — Там никого, кроме паренька, который пьет «Лошадиную шею» и катает по столу стеклянный шарик.

Он сел на место.

Мы не поверили своим ушам.

— Стеклянный шарик? — переспросил я. — Какого цвета?

— О господи! — искренне воскликнул Финли. — Шартрез!

Мы смотрели на мистера Апджона, который рассеянно таращился на нас, словно сова.

— Кргом ложь, — пробормотал он. — Земли не существует. Верните мой кристалл, или я уничтожу вас обоих. Птшта вы похитители жен. Ик!

MAY
SUPER
SCIENCE
STORIES
25¢
THE BIG BOOK OF SCIENCE FICTION
Virgil Finlay
LEGION OF THE DARK by MANLY WADE WELLMAN
A NOVEL OF THE THIRTIETH CENTURY
READER, I HATE YOU! by HENRY KUTTNER
WALTER KUBILIUS · WILLY LEY · AND MANY OTHERS

Он тихонько скользнул вперед и лег лицом на стол. Разбудить надравшегося супермена оказалось невозможно.

— Ну, может, это и не чистое совпадение, — сказал Финли.

— Если это тот самый парень…

— Мистер Апджон мог неосознанно прийти в тот самый бар, где встретил его впервые.

— Ага, — сказали мы и задумались.

Через некоторое время Финли нарушил тишину:

— Интересно, что случилось?

— Возможно, наш друг Апджон — барыга. Он встретил паренька и предложил ему якобы краденый изумруд по сходной цене. Обычная история. На Пятой Восточной в Лос-Анджелесе, например, торгуют контрабандными алмазами из Тихуаны. Фальшивыми, разумеется.

— Тогда почему мистер Апджон хочет его вернуть?

— Эта загадка по зубам только Дэшу Хэмметту[37], — сказал я, потягивая очередную порцию. — Убийства всегда так начинаются, со случайных встреч в баре. Когда мы выйдем, то

---

[37] Notes: 37

Сэмюэл Дэшилл Хэммет (1894–1961) — американский писатель, один из основателей жанра «крутого детектива».

наверняка наткнемся на жмурика в луже собственной крови.

Финли недоуменно посмотрел на меня:

— Жмурика?

Я беспомощно поводил руками. Объяснять не было сил.

— Ну… жмурика. Покойника. Какая, к черту, разница? Мы говорим об этом куске зеленого льда.

— Это не изумруд. Я сразу понял.

— А блондинки внутри не виднелось? — иронично спросил я. — Начинаешь верить в историю мистера Апджона?

— Супермена? — Финли засмеялся. — Давай разбудим его. Если он хочет вернуть свой кристалл цвета шартрез, то вот он, за соседним столом.

— Возможно. — Я засомневался. — Я бы на это особо не рассчитывал.

— Думаешь, мистер Апджон все выдумал?

— Не знаю. Давай спросим у него. In vino veritas. Это на латыни.

Финли скептически хмыкнул. Он наклонился к мистеру Апджону и заорал ему в ухо. Позже он сказал, что чувствовал себя при этом Шалтаем-Болтаем, обращающимся к чужестранцу.

Тут Некто из Чужой Земли

Сказал мне: «Рыбки спать легли».
Я отвечал: «Тогда пойди
И этих рыбок разбуди».

Я очень громко говорил.
Кричал я из последних сил.

Шалтай-Болтай прокричал последнюю строчку так громко, что Алиса подумала: «Не завидую я этому чужестранцу!»[38]

— Насчет того великана…

— У него были зеленые глаза, — сообщил мистер Апджон, очнувшись. — Не забудьте, две щепотки серой золы. Я могу это устроить.

Он снова отрубился.

— Ха, — сказал Финли. — Желтый великан с зелеными глазами. На сиреневом фоне, полагаю. Что теперь? Что нам делать с мистером Апджоном?

— Можно было бы положить его в чайник, — ответил я, — если бы у нас был чайник.

Мистер Апджон сквозь сон тихо произнес:

— Я кое-что предприму, чтобы вы мне повиновались. Наложу на обоих гипнотическое заклятие. Вы не сможете работать, пока не вы-

---

[38] Notes: 38
Перевод Н. Демуровой.

полните мое поручение.

— Бред, — фыркнул я. — Пойдем посмотрим на парня за соседним столом.

Финли встал и взглянул на соседний стол.

— Он ушел.

— Я за ним прослежу. — Я бросился к двери. — Заплати и следуй за мной.

— Предоставим это мистеру Апджону, — предложил Финли, поспешая за мной. — Где наш объект? Он не мог уйти далеко.

Он и не ушел. Мы увидели, как паренек садится в такси.

— Центральный вокзал, — сказал он.

— Ну… — нерешительно произнес я.

— Почему бы и нет? — спросил Финли.

Наверное, мы оба были заинтригованы. В любом случае хотелось задать парню пару вопросов. И мы погрузились в другое такси.

— Центральный вокзал, — сказал я.

Был поздний вечер. Начинал идти снег. Мы рванули по Сорок второй, оставив Таймс-сквер слева. На ней, как всегда, не горели огни. Таксист завернул на стоянку у Центрального вокзала. Объект скрылся за дверями вокзала. Мы побежали за ним. Он направился к устричному бару с видом человека, которому не терпится отведать

устриц, но остановился и посмотрел на часы. Затем поспешил к камерам хранения, выудил из кармана ключ и достал пару небольших чемоданов. К этому моменту мы его догнали.

— Привет, — сказал я. — Надо поговорить.

Он выглядел испуганным.

— Извините, не могу. Мой поезд отходит.

Финли схватил его за одну руку, я за другую.

— Это займет всего минуту, — сказал Финли. — Не зовите на помощь. Мы хотим узнать, где вы взяли тот кристалл цвета шартрез, с которым играли в «Ручке и карандаше».

— Разве он краденый? — спросил паренек, выпучив глаза. — Мужчина, который дал его мне…

— Мистер Апджон?

— Да, он самый. Вы сыщики? Я… Я приехал в Нью-Йорк по делам, всего на пару дней. И мне очень надо домой. Мой поезд…

— Кристалл, — произнес я.

Он попытался вырваться.

— Мой поезд отходит! Джентльмены, если этот камень краденый, я…

— Нет, — ответил Финли, — он не краденый. Мы просто хотим задать вам пару вопросов.

Паренек что-то достал из кармана жилета и сунул мне в руку. Я инстинктивно сжал предмет.

Он был теплым и бархатистым, размером с большую сливу и как будто тихонько дрожал.

— Забирайте! — воскликнул паренек. — Все равно он заколдован.

Он вырвался и побежал. Его чемоданчики подскакивали на ходу.

Мы с Финли посмотрели ему вслед, а затем перевели взгляды на предмет, который я держал в руке. Действительно, кристалл цвета шартрез. Чертовски странный кристалл.

Мою руку кольнуло.

— На, — поспешно произнес я. — Возьми.

Я протянул кристалл Финли… и кристалл отпрыгнул от нас. Он не упал. Он отпрыгнул.

Он приземлился на пол, и мы бросились за ним. Кристалл скользнул прочь. Он утекал, как вода или мышь, бегущая в норку. Мой желудок подскочил к пазухам.

Проклятый кристалл убегал от нас по Центральному вокзалу.

На вокзале, как обычно, толпился народ, и у кристалла была фора. Мы бежали за ним, расталкивая людей. Мне в ухо воткнулась спица зонтика, а Финли со всего маху налетел на толстяка в котелке, отправив на пол и толстяка, и котелок. Тем временем кристалл добрался до

устричного бара, проехал вниз по пандусу и направился к одному из выходов на перрон.

Кажется, паренек сказал, что кристалл заколдован? Он не соврал!

Кристалл выбрался на перрон. Мы направились за ним, игнорируя голос с бруклинским акцентом, который потребовал предъявить билеты. Мы побежали по платформе. Поезд уже отошел и въезжал в длинный тоннель.

Кристалл цвета шартрез остановился — тусклая желтовато-зеленая искра на грязной серой мостовой. Я перепрыгнул через багажную тележку и попытался схватить его. Он отскочил от моего носа и помчался за поездом.

Он попробовал три окна, прежде чем нашел открытое. Скользнул в него и был таков.

Финли сидел на багажной тележке с обалделым видом; наверное, я выглядел так же. Когда я подошел, он встал, и мы вместе направились обратно к выходу на перрон. Железнодорожный работник как раз снимал табличку «ЧИКАГО».

— Возможно, он сойдет с поезда в Рочестере.

— Знать бы, как его зовут…

— Может, телеграфировать…

— Мы не сыщики, — сказал Финли. — У нас нет полномочий снимать человека с поезда. Э-хе-хе.

Давай найдем… э-э-э… мистера Апджона.

Идей получше у меня не было, и мы вернулись в «Ручку и карандаш».

Мистер Апджон исчез.

Мы сели за свой столик и заказали еще по одной.

— Ничего не было, — с надеждой сказал я.

Финли указал на стол. На нем горели огненные буквы:

Не забудьте о моей просьбе. Я прослежу, чтобы рассказ был опубликован. Помните: две щепотки серой золы.

Подписи не было.

Через мгновение слова погасли и исчезли.

Мы выпили еще по одной. Но даже не почувствовали этого.

Через час мы разошлись. Финли нужно было рисовать, у меня поджимали сроки. Я вернулся домой, вставил в пишущую машинку лист бумаги и приступил к работе.

«Читатель, я тебя ненавижу», — напечатал я.

Я собирался напечатать нечто совершенно другое. Я вставил чистый лист. И напечатал то же самое.

Я продолжал пытаться. Очевидно, я не мог

написать ничего другого. Постгипнотическое внушение или что-то еще. Но супермен…

Нет, я в это не верил.

Через некоторое время я позвонил Финли.

— Привет, — сказал я.

— Привет.

— Моя жена купила новую шляпку.

— Моя тоже, — сказал он. — Над чем работаешь?

— Над рассказом. Просто… пишу. А ты?

— Рисую.

— Что…

— Великана, который держит космический корабль, — сообщил он. — Дай угадаю, что ты пишешь.

— Угадывай, — согласился я. — Это все, что я могу написать.

— И все, что я могу нарисовать. Ты думаешь…

— Обычный гипноз. Ничего сверхъестественного. Мы сможем преодолеть его так или иначе.

— Конечно сможем, — ответил он безо всякой уверенности и повесил трубку.

За неделю ни один из нас не смог обойти внушение. Моя мусорная корзина переполнилась скомканными листами бумаги, на которых было написано: «Читатель, я тебя ненавижу. Не знаю,

как тебя зовут — Джо, или Майк, или Форрест Джей...»

А Финли сказал, что его мусорная корзина точно так же переполнена незаконченными набросками великанов.

Вот как все вышло. Мистер Апджон не мог сделать этого с нами. Но продолжал это делать.

Мы отправились к редактору «Эстонишин». Он выслушал наш рассказ и уставился на нас.

— Вы нам не верите, — сказали мы.

— Нет. Не верю.

— И вы не купите рассказ или рисунок?

Он задумчиво посмотрел на нас. Мы отправились восвояси.

— Редакторы, — произнес я в лифте, — напрочь лишены воображения.

— Разве мы о многом просили? — жалобно проговорил Финли. — Мог бы приложить усилие и поверить нам. Я не могу нарисовать ничего, кроме проклятого великана с зелеными глазами.

— А я не могу написать ничего, кроме...

— Возможно, если мы выполним просьбу мистера Апджона, — предположил Финли, — гипноз развеется.

Я сказал, что это неплохая идея.

Мы разошлись по домам и занялись делом.

На середине рассказа у меня зазвонил телефон. Это был редактор «Эстонишин».

— Привет, Каттнер. У меня проблема. Мне нужен рассказ, и поскорее. Ты не мог бы…

— Конечно, — на автомате ответил я. — Как раз вчера я придумал чертовски хороший…

А потом я вспомнил.

— Извини, — сказал я. — Ты же знаешь, в каком я положении. Тот рассказ, над которым я работаю… мне нужно его закончить.

— Я о нем и говорю, — заверил он. — Послушай. Вот что я сделаю… я поставлю его в ближайший выпуск другого нашего журнала, «Супер сайенс». Он выходит перед «Эстонишин».

— Я закончу его прямо сейчас, — пообещал я. — В пятницу. Сможешь прочитать его поскорее?

— Смогу ли я его прочитать? — надтреснутым голосом переспросил он. — Каттнер, я вообще ничего не смогу прочитать, пока не прочитаю этот рассказ!

И он повесил трубку. Я бросился на поиски Финли.

Он с довольным видом накладывал последние мазки на изображение великана с космическим кораблем в руках.

— Тебе позвонили, — сказал я.

— Да. Ему срочно нужна обложка. Эта обложка…

Мы вспомнили послание на столе и загадочное обещание мистера Апджона позаботиться о публикации наших трудов.

— Как ты думаешь, мистер Апджон навестил…

Я не договорил. Происходило что-то очень странное. Я профессиональный писатель, а не Фауст. Но я начинал чувствовать себя учеником чародея…

И все же… так вышло. Неслыханное дело. Обложка всегда иллюстрирует сцену из рассказа, так заведено. А у рассказа должен быть сюжет. Не спрашивайте меня, как этот рассказ и эта обложка попали в печать. Спросите у мистера Апджона. Он бродит там и сям. Подозреваю, что заглянул и к редактору.

А теперь послушай меня, Джо, или Майк, или Форрест Джей, или как там тебя. Свяжись с редактором. Ты покупаешь этот журнал, и в этом месяце в нем будут рисунок Финли и рассказ Каттнера, так что у тебя есть целых три повода его купить. Ты прочтешь этот рассказ и узнаешь всю правду.

Похоже, ты понравился кристаллу цвета шартрез. Вероятно, он нашел дорогу обратно в твой

карман. Но он принадлежит не тебе. В этом кармане ты носишь жену мистера Апджона!

Мистер Апджон — супермен. И он обратился к нам с просьбой, в которой нельзя отказать. Все очень и очень серьезно: мы с Финли в большой беде. Две кучки серого пепла — вот во что мы можем превратиться, если ты не свяжешься с мистером Апджоном…

Но все же я не до конца понимал, в какой переплет мы угодили. Дорисовав обложку, Финли позвонил мне.

— Ну вот, — сказал он, — ночью я раскрасил глаза. Рисунок готов — все, как требовал Апджон.

— А я за новый рассказ берусь, к вечеру будет готов, — похвастался я.

— Дай знать, что из этого выйдет.

— В смысле?

— А в том смысле, — с горечью ответил он, — что мне надо делать следующую обложку. Пытаюсь рисовать красотку на фоне звездного неба, и ничего не получается. Вернее, получается великан, который держит в руке космический корабль.

— Опять?!

— Да. Мистер Апджон забыл о временны́х рамках для своего гипноза. Теперь я могу рисовать только чертова пучеглазого великана. Неужели

до конца жизни придется этим заниматься?

— Просто чушь какая-то, — усомнился я.

— Не веришь? — засопел Финли. — Погоди, убедишься. Не напишешь ты ничего нового. Слушай, черкни-ка записку для того мальчишки с кристаллом. Пусть, когда он свяжется с мистером Апджоном, передаст, чтобы тот решил наши проблемы. Мы сделали все, чего мистер Апджон хотел, так пора бы снять с нас гипнотические чары.

* * *

Я думал, что Финли заблуждается на мой счет. Вот закончу этот рассказ, возьмусь за новый, и он не будет начинаться с «Читатель, я тебя ненавижу!». Условия мистера Апджона выполнены, он получит назад свою жену, и мои неприятности останутся в прошлом…

Или не останутся?

Нет, останутся! Иначе и быть не может. Я выну этот лист из пишмашинки, заправлю новый и начну черновик рассказа о жителе Лемурии, который пережил катастрофу и очутился в нашем мире…

Читатель, я тебя ненавижу! Не знаю, как тебя

зовут — Джо, или Майк, или Форрест Джей, — но я имею в виду именно тебя...

Секрет, которого нет

Когда лифтер лишился чувств, единственным его пассажиром был Майк Джеррольд. У него на глазах парень охнул, согнулся от боли, из последних сил стукнул по кнопке «стоп». Пол ушел из-под ног. Джеррольд метнулся вперед, чтобы подхватить оседающее тело, но не успел.

Губы синюшные: стало быть, сердечный приступ. Джеррольд растерялся, ведь у него был диплом психиатра, а не врача общей практики. В памяти калейдоскопом завертелись разрозненные обрывки семинаров по оказанию первой помощи. Джеррольд огляделся по сторонам и понял вдруг, что лифт, если не считать его прямого назначения, весьма неудобная штука. Дело не в том, что этот лифт был плох сам по себе; нет, это был вполне современный лифт в одном из лучших небоскребов Нью-Йорка, но вы, оказавшись в нем, никак не могли узнать, где находитесь — на десятом, двадцатом, тридцатом этаже, — покуда не откроется дверь. Что-то вроде игры в «мешок удачи», когда не знаешь, какой тебе достанется приз, — разве что без элемента случайности. Фактор неожиданности попросту не вписывался

в уравнение — пока лифтом управлял лифтер.

Теперь же лифтер был в отключке. Джеррольд поморщился, наугад ткнул в какую-то кнопку и почувствовал, как кабина пошла вверх. Оказалось, на пятнадцатый этаж. Спустя пару секунд сработал пневматический фиксатор, дверь бесшумно отъехала в сторону и Джеррольд увидел простенько обставленный офис, а в стене напротив — секретарское оконце. Рядом дверь, на полу бурый ковер, но никаких стульев. И никакой секретарши в поле зрения.

Джеррольд шагнул было наружу, но передумал, вернулся и выволок бесчувственного парня из кабины. Он питал смутное недоверие к механизмам. Мало ли, вдруг дверь закроется и лифт уедет сам по себе.

Джеррольд подошел к окошку и сказал «здрасьте», но ему никто не ответил. Коммутатора за перегородкой не оказалось: лишь удобное кресло и стол, а на столе — кипа журналов. Джеррольд подошел к двери, толкнул ее и увидел робота, в общих чертах похожего на человека, разве что вместо лица у него была мерцающая проволочная сетка, а вместо ног — колесики.

Робот — по всей очевидности, действующий и вполне разумный, — раскатывал вокруг ре-

льефной карты острова Манхэттен (неполной, от Пятидесятой до Виллидж) в обрамлении пластмассовых рек. На карте светлячками загорались лампочки. У робота имелись четыре руки, и каждая оканчивалась бесчисленными проволочными щупальцами, которыми он (или правильнее сказать «оно»?) касался вспыхивающего огонька и замирал — то на мгновение, то на подольше.

Смуглое некрасивое лицо Джеррольда сделалось бледно-серым. Повертев головой, он увидел еще одного робота, предположительно выполнявшего такую же задачу, после чего осторожно попятился. Робот не обращал на него внимания. Джеррольд притворил дверь, не в силах отделаться от мысли, что ему все это примерещилось.

За секретарским оконцем по-прежнему никого не было. Джеррольд утащил лифтера обратно в лифт и нажал на кнопку первого этажа. Кабина ухнула вниз. Чувствуя, как желудок подскочил к горлу, Джеррольд заставил себя не думать ни о чем, кроме парня на полу.

Когда дверь открылась, он окликнул дежурного и передал лифтера в более квалифицированные руки, после чего вошел в соседний лифт и на сей раз закончил путешествие на двадцать первом

этаже, где располагалась клиника доктора Роба Вейнмана. Секретарша без промедления проводила его в нужный кабинет.

Вейнман, седовласый здоровяк с широкой красной физиономией, сердечно приветствовал Джеррольда, пожал ему руку, вытащил из шкафа бутылку, но сразу убрал ее на прежнее место.

— Нет, позже. Делу время, потехе час, Майк. Снимайте рубашку, проверим ваше давление.

— Только вчера приехал, — рассказывал Джеррольд, раздеваясь. — Университетский проект. Пробуду в ваших краях месяц, плюс-минус. Ну а вы как поживаете?

— Терпимо. Без дела сидеть не приходится. Вы же знаете, что я недавно переехал?

— Нет, не… Ну, как там мое давление?

— Чуть выше нормы. Теперь сердце… — Вейнман поелозил по груди Джеррольда головкой стетоскопа и удивленно вскинул глаза. — Что случилось? Пульс такой, словно вы сюда бегом прибежали.

— Так, видел кое-что… странное. Потом расскажу. Давайте сперва закончим.

Вейнман молча завершил осмотр и вынес вердикт:

— Вы здоровы. Если приехали только ради об-

следования…

— Нет, не только. Я же говорил, что у меня проект. Но раз уж я в Нью-Йорке, почему бы не проверяться? Вы ведь лучше всех знаете, какой у меня обмен веществ, какие аллергические реакции… — Джеррольд поправил галстук. — Что тут на пятнадцатом этаже?

— Понятия не имею. — Вейнман откинулся на спинку кресла, наполнил стаканы и раскурил сигару. — Мы же не соседствуем дверь в дверь. Гляньте на стенде внизу или у дежурного спросите. А что?

— Я случайно заглянул туда, а там… — И Джеррольд рассказал о недавнем происшествии. — Только не говорите, что я ошибся. Это были не приборы, не бытовые механизмы, а самые настоящие роботы.

— Неужели? — усмехнулся терапевт. — Не забывайте, сейчас не Средневековье. Все кругом механизировано, повсюду роботы или их аналоги — и в быту, и даже в армии. Кто, по-вашему, наводит корабельные орудия на цель? Правильно, робот. Наука шагает вперед семимильными шагами. Прогуляйтесь до лабораторий «Вестингауза», сами все увидите. Короче, послушайте моего профессионального совета и не забивайте

голову всякими глупостями.

— Там не обычные механизмы, — заупрямился Джеррольд. — Там настоящие роботы, самостоятельные разумные создания, и они выполняют какую-то функцию. Я же видел своими глазами.

— Ну так еще раз посмотрите!

Зазвонил телефон. Вейнман снял трубку, послушал, сказал что-то неразборчивое и вздохнул:

— Еще один пациент, и на сегодня хватит. На первом этаже есть бар. Присядем?

— Непременно. — Джеррольд встал. — Ну, до скорого, Роб. Нам есть что обсудить.

— Еще бы. Полгода не виделись, тем для разговора хоть отбавляй. К примеру, те же роботы. О'ревуар, дружище.

Джеррольд вышел из кабинета и спустился на лифте в бар. Выпил. Подошел к адресному стенду, поискал название фирмы, расположенной на пятнадцатом этаже, не нашел и обратился за помощью к дежурному.

— Там инженерно-исследовательская контора «Уильям Скотт и компания», — ответил тот.

Джеррольд поблагодарил и отправился читать телефонный справочник.

Фирма «Уильям Скотт и компания» в списках не значилась. Проглотив для храбрости еще один

«Сайдкар», Джеррольд направился к лифту, не в силах отделаться от безумного ощущения, что пятнадцатого этажа здесь больше нет, что он испарился, дабы не привлекать лишнего внимания.

— Словно Буджум из «Охоты на Снарка», — пробурчал Джеррольд под нос, стараясь не пересекаться взглядом с лифтером. — Эм-м… Пятнадцатый, пожалуйста.

С выводами насчет Буджума он поспешил: пятнадцатый этаж остался на месте. Более того, на сей раз за секретарским оконцем сидела рыжеволосая красотка в модном платье. Увидев посетителя, она широко раскрыла изумрудно-зеленые глаза. Неужели удивилась?

— Доброе утро, — сказала она грудным, но вполне человеческим голосом. — Вам помочь?

Услышав, как за спиной закрылась дверь лифта, Джеррольд подошел к оконцу и облокотился на стойку:

— Ну, наверное…

И умолк. Проклятье, как бы выбрать правильные слова? Наконец рискнул:

— У вас тут что, роботы?

— Да, — кивнула девушка.

Вот так-то. Проще простого.

— Разумные роботы? — уточнил Джеррольд, тупо глядя на секретаршу.

— Так чем я могу помочь? — вежливо осведомилась девушка.

Джеррольду показалось, что над ним издеваются. Он бросил взгляд на загадочную дверь. За ней…

Он определенно боялся того, что за ней скрывалось. Вдруг роботы подслушивают его? Прямо сейчас?

— Я бы пригласил вас выпить, — сказал он девушке, — если вы не против. Меня зовут Майк Джеррольд. Я психиатр. Могу показать рекомендательные письма. — Он усмехнулся. — Предлагаю выпить. Или поужинать. Или сначала выпить, а потом поужинать.

Он ожидал, что девушка откажется, но этого не случилось.

— Спасибо, мистер Джеррольд. — В изумрудных глазах мелькнула смешинка. — Но до половины шестого я работаю.

— Можно я приду в конце рабочего дня?

— Да, можно. Кстати говоря, меня зовут Бетти Эндрюс. До встречи.

Она вернулась к чтению журнала. Покусывая нижнюю губу, Джеррольд отступил к лифту. В

приемной было тихо. Роботы не издавали никакого шума.

По пути вниз он лихорадочно обдумывал эту фантастическую ситуацию. Увидев роботов, Джеррольд пережил самый натуральный шок, но когда девушка запросто признала, что они действительно существуют, ему стало страшновато. Что-то вроде «Истории шерстяной собаки» Лауры Ли Хоуп или анекдота, где скелет в баре заказывает пару пива и половую тряпку. В качестве байки годится, но увидеть такое на самом деле вовсе не смешно.

В баре ждал доктор Вейнман. Глянув на Джеррольда поверх стакана, он иронично усмехнулся:

— Ну что, проведали своих роботов?

— Угу. Кстати, секретарша с пятнадцатого этажа призналась, что они и правда роботы. Что скажете?

— Скажу, что она не лишена чувства юмора. Надеюсь, вы тоже шутите, Майк. Иначе следующие полчаса придется втолковывать вам прописные истины, а я предпочел бы расслабиться и просто поболтать.

— Болтайте сколько угодно, — проворчал Джеррольд и помахал официанту. — Но знайте: я убежден, что здесь, на пятнадцатом этаже здания

в самом центре Нью-Йорка, завелись роботы.

— Хорошо хоть не термиты. — Вейнман заглянул в свой хайбол. — Скажите, что плохого в этих ваших роботах? Насколько я знаю, они весьма полезные ребята.

— Не спорю. Но беда в том, что никому еще не удалось создать настоящего робота. То есть мыслящую машину, — хмуро объяснил Джеррольд. — Вот бы выяснить, кто ими руководит и какие преследует цели… Наш с вами коллоидный мозг не способен сосредоточиться на единственной мысли, ему неподвластно чистое мышление, Роб, ведь он находится в человеческом теле. Но робот не имеет физических ограничений, поэтому может задать себе мыслительную матрицу и додуматься до такого, что нам и не снилось.

— То есть выйти на небывалый результат? Ну и пусть, я не против. Но, во-первых, я не верю, что по пятнадцатому этажу разгуливают роботы, а во-вторых — даже если так, какая разница? Ну а в-третьих, мне пора повторить. — И Вейнман кивнул на пустой стакан.

— Ну вас к черту с вашим благодушием! — рассердился Джеррольд. — Вы срослись со своим уютным мирком, безоговорочно верите в его правильность, а любой небывальщине готовы дать

рациональное объяснение. Если к утру исчезнет Эмпайр-стейт-билдинг, вы лишь скажете, что ночью его снесли.

— Эмпайр-стейт не исчезнет за одну ночь. Это невозможно.

— Согласен. Это было бы слишком заметное исчезновение. Если кто-то способен на такой фокус, ему совершенно незачем раскрывать карты.

— Майк, — рассудительно начал Вейнман, — объясните мне вот что. По вашим словам, на пятнадцатом этаже полным-полно роботов. Как же вышло, что никто о них не знает?

— А кто должен знать?

— Тысячи людей ежедневно ездят на этих лифтах, и…

— Вот именно, — перебил его Джеррольд. — Ездят. Спускаются, поднимаются, но не на пятнадцатый этаж. Поймите, Роб, если человек вошел в лифт, он не может выглянуть из кабины, пока не окажется на нужном этаже. Тысячи людей проезжают мимо пятнадцатого этажа — мимо, понимаете? Это идеальный способ спрятаться на самом виду.

— Кто-то выходит и на пятнадцатом.

— Для того и секретарша, чтобы отшивать случайных гостей. К тому же коммивояжеров сюда

не пускают.

— А как же уборщицы?

— Верно подмечено. Допустим, их не пускают дальше приемной. Кстати, сегодня вечером у меня свидание с этой девушкой, секретаршей с пятнадцатого этажа.

— Понятно, — со значением усмехнулся Вейнман.

Но Джеррольд потерял интерес к разговору. Допивая «Сайдкар», он чувствовал, как в глубине души зреет тревога.

На свидание он явился с часовым запасом и провел этот час в фойе, наблюдая за дисплеем лифта. Кабины сновали то вверх, то вниз, и на световом кольце вспыхивали соответствующие лампочки. Дверь отъезжала в сторону, люди заходили в лифт, дверь закрывалась, и Джеррольд поднимал глаза на циферблат. Первый, второй, третий, остановка, потом четвертый, пятый, остановка на седьмом, восьмой, девятый… Четырнадцатый, пятнадцатый, шестнадцатый. Остановка на шестнадцатом. Где угодно, только не на пятнадцатом этаже.

За этот час никто не поднялся на пятнадцатый этаж. И не спустился с пятнадцатого на первый.

Поначалу Джеррольд делал пометки в блокно-

те, чтобы позже соотнести результаты наблюдений с названиями фирм, но потом понял, что в этом нет нужды. Значение имел лишь тот факт, что кабина ни разу не остановилась на пятнадцатом этаже.

Он расплывчато объяснил дежурному, что проводит социологическое исследование, но тот не перестал бросать на него косые взгляды. Наконец ровно в половине шестого Джеррольд с облегчением увидел, как на циферблате впервые загорелась лампочка пятнадцатого этажа. Из лифта, разумеется, вышла Бетти Эндрюс, и Джеррольд спрятал записную книжку в карман.

— Привет, — сказала девушка, завидев его. — Давно ждете?

— Недавно. Ну что, выпьем?

— Отличная мысль. — Она направилась к коктейль-бару, и Джеррольд последовал за ней. — Я буду «Олд фешен».

Позже он смотрел на Бетти в сумраке бара и пытался понять, что скрывается под маской ее лица.

Девушка отставила бокал, провела острым кончиком языка по губам и спросила:

— Итак, мистер Майк Джеррольд?

— Что «итак»?

— Сперва вопрос. У вас на меня планы?

— Нет, — ответил он с обезоруживающей прямотой.

— Приятно слышать. Видите ли, мистер Майк Джеррольд, я надеюсь уехать домой на такси. Я живу в Бруклине. Брайтонский экспресс в час пик… сомнительное удовольствие.

— Значит, такси. Выпивка, ужин и поездка домой. Годится?

— Да, вполне.

Неплохое пристанище, прохладное, и свет такой приятный, думал Джеррольд, потягивая «Сайдкар» и чувствуя, как по телу разливается живительное тепло. Иногда, хотя совсем нечасто, получается забыть об окружающем мире. Там, снаружи, огромный Нью-Йорк, а здесь, в баре — ничего, кроме этого мгновения; ни намека на сексуальный контакт — по крайней мере, пока, — и Джеррольд вовсе не был возбужден: скорее, наслаждался тем, что сумел остановиться, бросить весла и отдаться на милость течения — отчасти из-за присутствия девушки, ведь она тоже никуда не спешила. На какое-то время движущая сила жизни взяла паузу, и двое людей расслабились под тусклыми лампами коктейль-бара.

Затем Джеррольд заговорил. Попробовал начать непринужденную беседу, но сразу понял, что Бетти не обманешь, хотя она вполне охотно отвечала на вопросы, замаскированные в хитроумно построенных фразах. Практикующий психиатр, Джеррольд владел искусством тактичной дипломатии, но оказалось, что сегодня в этом навыке нет необходимости.

Давно она в Нью-Йорке? Лет пять. Повезло, что почти сразу нашла хорошую работу. Да, на пятнадцатом этаже, в конторе «Уильям Скотт и компания».

— Он инженер?

— Его не существует. Как вы узнали, что там роботы?

— Я… просто вошел в приемную и открыл дверь. Вас не было на месте.

— Ох…

— Меня не заметили.

— Заметят, — усмехнулась Бетти. — У них больше органов восприятия, чем у нас. Их чувства отличаются от наших. Они не знают, что творится в одной с ними комнате; им все равно. Зато им известно обо всем, что происходит за пределами пятнадцатого этажа.

— Очень интересно… — протянул Джер-

рольд. — Расскажете? Только не подумайте, что я хочу выведать чьи-то секреты.

— Никаких секретов нет. Им без разницы, сколько людей про них узнают. Потому что узнать про них способны немногие.

— Дверь даже не была заперта. Я просто толкнул ее, и она открылась. Бетти, вы хоть представляете, о чем мы сейчас говорим? Вы меня не разыгрываете?

— Нет. — Покачав головой, она пронзила его серьезным взглядом зеленых глаз. — Ничего подобного. Никто не запрещает мне отвечать на вопросы. Роботам все равно.

— Роботам? Почему им все равно?

— Потому что вы не можете им навредить.

— Могу рассказать кому-то еще.

— И он тоже не сможет ничего им сделать.

— А если рассказать шефу полиции?

— Даже шеф полиции окажется бессилен. Это все равно что бросить камень в пруд. Я такое уже видела. Сперва по воде расходятся круги, а потом снова тишь да гладь. Вся власть у роботов. Они правят миром, мистер Майк Джеррольд.

— Что-что? — Он непроизвольно поднял глаза.

— Они заправляют всем на свете. Заставляют людей делать то, что им нужно. Со мной сотвори-

ли то же самое. Когда я узнала про них, мне было страшно. А потом меня обработали. Процедура безболезненная… — Она едва заметно улыбнулась. — Вы даже не заметите, что с вами что-то произошло. Будет казаться, что вы принимаете решения самостоятельно, но у вас сдвинется относительная шкала ценностей. Я собиралась уволиться, но меня обработали, и я поняла, что должность непыльная, платят хорошо, никто не собирается причинять мне вред и я никак не могу повлиять на ситуацию. Поэтому я здесь.

— Кто они такие? — сдавленно спросил Джеррольд. — Я вам не верю… — Он помолчал. — Нет, я же видел их своими глазами. Они разумные, верно?

— О да. И они давно уже с нами. В истории полно упоминаний о том, как человек пытался сделать робота. Големы, гомункулы… да-да, у меня неплохое гуманитарное образование. Люди веками пробовали создать разумное существо. И совсем недавно у кого-то это получилось. То ли у изобретателя-одиночки, то ли у научной группы. Но мир так ничего и не узнал. Угадайте почему.

— Минуточку. — Джеррольд потер подбородок. — Вы про идеальный растворитель?

— Вот именно. Допустим, вы создали идеаль-

ный растворитель. И что дальше? Он растворит любой контейнер. Сделать его вы способны, а удержать в подчинении — нет. Разумные роботы — то же самое, ведь они функционируют благодаря мозгу, мыслящему без каких-либо ограничений. Они гораздо умнее любого из нас. Вот смотрите, — Бетти постучала пальцем по столу, — допустим, доктор Джонс сделал робота. Скорость мысли этого робота намного превосходит скорость света. Уже в момент рождения он умнее своего творца. Что он сделает?

— Сбежит из лаборатории?

— Вовсе нет. Вместо того чтобы сбежать, робот обработал своего создателя, и доктор Джонс решил, что его детище — бесполезная груда металла, и оставил его в покое, и только после этого робот ушел из лаборатории и спрятался. Наш мир ему не понравился, ему хотелось жить в другом мире, и он стал подстраивать действительность под себя — с помощью доступных ему инструментов.

— Инструментов? То есть людей?

— Совершенно верно. Думаю, ученые создали множество функционирующих роботов. И подозреваю, что роботы создают себе подобных — чтобы изменить мир. Наш офис, как вы уже

понимаете, не единственный. Он обрабатывает лишь небольшую часть Нью-Йорка. У роботов имеются и другие офисы — в Вашингтоне и Чикаго, в Бостоне и Лос-Анджелесе, в Европе и Азии. И в Африке. В любом центре естественного социального контроля.

— С ума сойти, — сказал Джеррольд. — Такое невозможно сохранить в тайне.

— Поймите, мистер Майк Джеррольд, — Бетти взглянула на него серьезнее прежнего, — роботы не скрывают факт своего существования. Им это не надо. Вы не первый, кто вошел в ту комнату и увидел роботов. Многие знают, что находится на пятнадцатом этаже. И здесь, и в Вашингтоне, и в Сан-Франциско… Короче говоря, повсюду.

— Ничего не понимаю. Почему же все молчат?

— Их обработали. Роботы как-то меняют человеческий мозг. Это не больно. Человек даже не в курсе, что с ним что-то произошло. Он по-прежнему знает о существовании разумных роботов, а иногда даже понимает, чем они занимаются. Но на этой информации стоит блокировка. Ее не получится передать другим людям, поэтому все молчат.

— Но вы-то не молчите! — ухватился за соломинку Джеррольд.

— Говорю же, им все равно. — Она утомленно повела плечами. — В моем случае они не обращают на это внимания. Их не интересует, с кем я говорю. В конце концов любой мой собеседник попадает в их поле зрения и его обрабатывают. То же будет со всеми, кому он расскажет о роботах. Со всеми, кто ему поверит.

— Получается, никакого секрета нет? Проклятье! Эти черти настолько самоуверенны, что не потрудились даже… даже…

Бетти допила коктейль.

— Еще один, пожалуйста. Спасибо. Зачем говорить на эту тему, Майк? Вы только сильнее расстроитесь, а потом вас обработают.

— Черта с два меня обработают, — мрачно заявил Джеррольд.

— Хм… — Бетти недоверчиво покосилась на него. — Я разве не сказала, что они способны контролировать разум на расстоянии?

— Телепатически? Это невозможно. А как же избирательность?

— Это не телепатия. У них имеется специальный механизм. Допустим, вы захотели бы следить за множеством людей. Что бы вы сделали? При условии, что нельзя нанять детективов.

— Ну… наверное, подумал бы о прослушке.

— Вполне подходящий термин. Допустим еще, что вам захотелось бы отдавать этим людям приказы. К примеру, только голосовые, с учетом человеческих ограничений.

— В таком случае понадобилось бы устройство вроде приемника с передатчиком.

— И в-третьих, вам совсем не надо, чтобы люди узнали о том, что ими управляют. Вы бы спрятали это устройство, так?

— Ну да.

— И где бы вы его спрятали?

Джеррольд хотел ответить, но осекся и поднял глаза. Девушка кивнула:

— Совершенно верно. Вспомните «Похищенное письмо» Эдгара По. Вы бы спрятали его на самом виду. Но замаскировали бы так, чтобы никто не понял, для чего предназначено это устройство.

— Например?

— Если хватило бы ума, — улыбнулась Бетти, — вы бы прятали его в радиоприемники под видом электронной лампы. И продавали бы в открытую, как запчасть. А люди покупали бы эти лампы, тем самым удовлетворяя и свои, и ваши потребности.

— Но это не радиоприемники…

— Нет. Это другая вещь, которой регулярно

пользуются все без исключения. С деталью, исполняющей вполне понятную механическую функцию, а заодно обеспечивающей открытый канал связи с роботами, чтобы те поддерживали ментальный контакт со всеми, кто берет в руки этот предмет.

— И что это за предмет?

— Телефонная трубка, — ответила Бетти. — Не так давно телефоны модернизировали, и теперь это устройство стоит почти во всех аппаратах. За этим проследили роботы. Разумеется, устройство создали люди — так, чтобы оно выполняло очевидную механическую функцию, — не ведая, что их изобретение, благодаря конструктивным особенностям, стало полезным инструментом в руках роботов. Да, Майк, по миру разбросаны контрольные офисы, в которых трудятся роботы. Они прослушивают телефонные разговоры, причем слушают не речь, а мысли говорящего. Считывают их через устройство, без которого телефон попросту не будет работать. Отдают через него свои приказы. Обрабатывают человеческий мозг. Заставляют людей делать то, что нужно роботам. Манипулируют биржевыми торгами, проворачивают сделки, развязывают и завершают войны. Миром правят роботы, мистер Майк Джеррольд,

и теперь вы об этом знаете, но им плевать на вас, потому что вы не можете их остановить.

— Чего они хотят? — спросил Джеррольд.

— Не знаю, — ответила Бетти. — Так и не поняла. Они мыслят иначе, чем мы. Меняют мир, но в какую сторону — понятия не имею. Может, во благо человечеству. Или, наоборот, во вред. По большому счету разница не так уж велика. Согласны?

Джеррольд промолчал. Он весь кипел при мысли о неизбежном будущем, где не останется пространства для свободной воли. Все равно что гнать зверей на охотничьи номера: кто-то улизнет, кого-то пропустят по недосмотру, кто-то станет биться за жизнь, но в итоге охотники не останутся с пустыми руками. Значение имеет лишь итоговая сумма, и Джеррольд понимал, что расположенные в нужных точках центры телепатического контроля накроют своей сетью все человечество.

Он снова взглянул на Бетти. В скудном освещении ее кожа отливала перламутром, глаза странно затуманились, и весь этот разговор показался Джеррольду в высшей степени нереальным.

— Простите. — Он встал, заказал новый круг

коктейлей, вышел в фойе, вызвал лифт и отправился на пятнадцатый этаж.

Секретарское оконце было закрыто, но дверь снова оказалась не заперта.

Джеррольд вошел в комнату. Робот, плавно разъезжая вокруг стола, касался проволочными пальцами огоньков на рельефной карте центрального Манхэттена. Чувствуя, как желудок сворачивается в тугой холодный узел, Джеррольд стоял и ждал, когда же его наконец заметят.

Но робот его игнорировал.

Размером с человека, но нечеловечески функциональный, до жути инородный, робот безупречно выполнял свою работу. Очевидно было, что он разумен. Тонкие щупальца касались огоньков на карте; иногда задерживались, и теперь Джеррольд знал почему. Обработка… Наконец он миновал робота и прошел в следующую комнату — такую же, как предыдущая, хотя робот здесь был уже другой: на трех суставчатых ногах, а вместо головы безликий сияющий шар. Робот сновал вокруг рельефной карты нижнего Манхэттена, от Бэттери до Уолл-стрит.

Уолл-стрит…

Комнат множество, и повсюду роботы; каждый был по-своему уникален и обрабатывал отдель-

ный сектор пяти боро Нью-Йорка. У Джеррольда сложилось ощущение, что роботы трудятся круглые сутки и остановятся, лишь достигнув цели. Недолго, но упрямо он надеялся, что одно из этих созданий заметит его; очень неприятно, когда тебя игнорируют, словно… букашку.

Вернувшись в первую комнату, он робко дотронулся до карты. Ничего. Схватил макет башни Эмпайр-стейт и попытался оторвать ее от рельефа. Бесполезно. Пластмасса оказалась чрезвычайно прочной.

Покрываясь бусинами пота, Джеррольд схватил робота за руку, попробовал согнуть ее, но в итоге робот лишь увлек его за собой: оказалось, повлиять на его движения попросту невозможно.

Итоговая сумма открытий Джеррольда сводилась к следующему: неуязвимые роботы неустанно продвигаются к неведомой цели. Устоят ли они перед кислотой или по-настоящему мощным оружием?..

Он вернулся в бар, где его дожидалась Бетти. Сел, и они молча выпили.

— Это бессмысленно, — наконец заговорила девушка. — Понимаю, сейчас вам трудно совладать с эмоциями, но после обработки вы перестанете волноваться.

— Я должен был все проверить, — сказал он. — Должен был убедиться.

— Теперь убедились?

— Да. Черт бы их побрал! Они…

— При чем тут они? Виноваты люди, создавшие разумных роботов. Это было даже глупее, чем соревноваться, кто дольше просидит под водой — потому что победитель утонет.

Джеррольд вытянул руку. Та слегка дрожала, и он недовольно поморщился:

— Выходит, дело швах?

— До недавнего времени вы были уверены, что на планете господствует человек. Вот в чем ваша проблема. Но на самом деле это не имеет значения, Майк.

— Эти дьяволы, эти нелюди загоняют нас в социальную модель, подстроенную под их задачи. Проклятье!

— Мы и без роботов загнали бы себя в точно такую же модель. — Бетти по-кошачьи потянулась. — Но вы и сами это понимаете.

— Надо все обмозговать. — Джеррольд было задумался, но вскоре понял, что не может сосредоточиться.

Психика реагировала так, словно он недавно узнал, что неизлечимо болен. И правда, дело

швах.

Как ни странно, он ни на мгновение не усомнился в том, что роботы неуязвимы. Они полностью уверены в себе и даже не пытаются защититься, потому что уже перекроили мир под собственные нужды. Каким же он окажется на самом деле, этот новый мир, где главенствуют роботы?

Джеррольд понял, что не желает этого знать. Зачем? До недавних пор общество зиждилось на фундаменте веры в свободу воли. Люди уверены, что самостоятельно принимают те или иные решения, способные на что-то повлиять. Как говорится, за неимением гвоздя подкову потеряешь: целое являет собой совокупность частей, и каждая часть влияет на целое. Иначе все теряет смысл. Неприятно осознавать, что часть не оказывает на целое ни малейшего влияния, что стадо бредет туда, куда угодно пастуху, а рыбы поймут, что угодили в сеть, лишь когда та сомкнется и вынет их из воды. Человек стремится к звездам? Замечательно, но реализовать свое стремление он сможет лишь в одном случае: если его цель совпадает с целью роботов. А иначе…

Джеррольд заглянул в спокойные глаза Бетти.

— Слезой не вымарать ни слова, — процитировала она Омара Хайяма. — Даже не надейтесь,

мистер Майк Джеррольд.

— Будь перст писателя антропоморфен, никто и слова поперек не сказал бы![39] Человек создал Бога по своему образу и подобию. Люди охотно повинуются королям, ибо знают, что короли — такие же существа из плоти и крови, с понятными чаяниями, радостями и горестями. Вот он, наш общий знаменатель! А эти чертовы болванки с пятнадцатого этажа… Они для нас совсем чужие!

— Потому что скроены не по нашим лекалам. Поймите, скоро это перестанет вас тревожить…

Джеррольд стукнул бокалом о барную стойку, насупился и вскочил:

— Пойдемте отсюда. Такое чувство, что за нами наблюдают, и мне это не по душе.

Бетти с насмешливой улыбкой последовала за ним. Они поймали такси и отправились в ресторан. Джеррольд почти ничего не ел. Разум его метался, словно пойманная в клетку белка.

Позже танцевали в саду на крыше, а потом Джеррольд увел Бетти на безлюдную террасу, где оба увлеклись созерцанием вечернего Нью-Йорка.

— Сейчас мы на самом верху, — наконец сказал

---

[39] Notes: 39

Отсылка к рубаи 51 Омара Хайяма в переводе на английский Эдварда Фицджеральда.

он. — Я про человечество. Далековато падать…

— Мы ничего не знаем. — Она куталась в шаль. — Быть может, падать не придется.

— Нас направляют, ведут, волокут за собой, а мы и знать не знаем, кто наш настоящий хозяин. — Он поискал тусклые огни Бруклина. — Во всем мире люди строят планы, страдают, сражаются, приносят себя в жертву… И думают, что оно того стоит. Воюют, чтобы обрести желаемое, а если побеждают, то лишь потому, что роботы желают того же самого. Мы не просто слепцы, мы слепцы во тьме. Вот бы… — Он поднял глаза к пустому небу в поисках ответа, которого там не было. — Что будет дальше? Человек не покорит звезды, это несбыточная мечта, но их покорят роботы, ведь что им стоит сконструировать звездолет? Быть может, они давно бы отправились к звездам, но пока им это не нужно. А мы… мы-то думали, что человечество эволюционирует в господствующую расу!

Бетти не отвечала. Повернувшись к ней, Джеррольд увидел, что девушка выжидающе подняла к нему лицо, и нашел губами ее губы, но в поцелуе кипела не страсть, а чувства посильнее страсти: слепые и отчаянные поиски утешения, неутолимый голод и желание недосягаемого — с

привкусом горечи.

Она вдруг отпрянула. В глазах ее играли отражения далеких городских огней. Она была человек, близкий, теплый, живой… Но это не имело никакого значения.

— Я… такой доверчивый, — нетвердо произнес Джеррольд.

— Ты их видел. Они умеют сделать так, что ты поверишь во что угодно. Потому что они такие, какие есть.

— Наверное. И поэтому мне кажется, что противостоять им бессмысленно. И безнадежно.

— Абсолютно безнадежно.

— Хотя…

Стало тихо, а чуть позже Джеррольд спросил:

— Есть на свете места, над которыми они не властны?

— Есть. Несущественные, не имеющие никакого значения. Роботы контролируют ключевые точки, и этого достаточно. — Она прильнула к нему, поймала его взгляд. — Мне так одиноко, мистер Майк Джеррольд… Обнимешь меня? Знаешь, что с нами будет?

— Что? — тихо спросил он.

— Мы поженимся. — Она легонько пожала плечами. — Или не поженимся. Какая разница?

Тебя непременно обработают, и ты больше не будешь рассуждать о роботах. Хорошо бы остаться с тобой, пока это возможно. Я говорю правду… Могу себе это позволить, ведь я знаю, что у нас совсем немного времени, и тратить его впустую — непозволительная роскошь.

— Я буду сражаться, — заявил Джеррольд. — Не верю, что они неуязвимы. Должен быть какой-то способ…

— Никакого способа нет. — Она поежилась. — Отвезешь меня домой? Мне не страшно, ведь меня обработали, и мне больше не может быть страшно. Просто… отвези меня домой.

Джеррольд послушался, и всю долгую дорогу обратно на Манхэттен перед глазами у него стояло лицо Бетти, словно символ всего человечества, равнодушно сползающего в пропасть — навстречу неизвестной, но уже предопределенной судьбе, — а за этим символом виднелись нечеловеческие силуэты роботов, противоестественных созданий, не похожих ни на людей, ни даже друг на друга, ведь форма не имеет значения. Главное — способность функционировать и продвигаться к цели.

Той ночью Джеррольд не сомкнул глаз. Шел дождь — горячий липкий дождь, типичный

для нью-йоркского лета, — а Джеррольд бродил по улицам и неизбежно оказывался у здания, где служила Бетти, где на пятнадцатом этаже неустанно трудились роботы — без света, ведь им не нужен свет, — предопределяя судьбы человечества. С помощью устройств в каждом телефоне пяти нью-йоркских боро они контролировали умонастроения, подсказывали нужные мысли, а люди верили, что принимают решения по собственной воле.

В большинстве случаев так оно и было — за исключением тех по-настоящему важных решений, что помогают роботам двигаться к цели. Отвага, героизм, самопожертвование… Пустые слова. Сеть уже сомкнулась, она поднимается, и вырваться из нее невозможно, ибо она сплетена самим человеком.

Обжигающий дождь хлестал Джеррольда по хмурому лицу. Звук его шагов отзывался гулким эхом в лабиринтах уличных каньонов.

Наконец Джеррольд вернулся к себе, вырвал из стены телефонный шнур и отнес телефон в чулан. Затем отыскал пистолет, зарядил его и спрятал в небольшую дорожную сумку. Попробовать стоило.

Он знал, где разжиться концентрированной

кислотой. На всякий случай купил сразу несколько кварт и стал ждать рассвета.

В восемь утра вошел в фойе, и как раз вовремя: успел заметить, как Бетти Эндрюс скрылась в лифте. Вдруг он похолодел. Бросился вперед, выкрикивая на бегу ее имя, но опоздал. Дверь лифта закрылась.

— Дождитесь следующего, пожалуйста, — коснулся его руки дежурный.

— Ну да… Конечно.

Джеррольд поднял глаза к бойким огонькам циферблата. Второй. Третий. Четвертый… Пятнадцатый. Лифт замер, а через некоторое время отправился вниз.

Джеррольд вошел в соседнюю кабину:

— Мне пятнадцатый.

Когда он вышел, Бетти сидела за секретарским оконцем. Увидела Джеррольда и, похоже, совсем не удивилась.

— Здравствуй, Майк.

— Здравствуй. Мне туда. — Он кивнул на дверь.

— Не бойся, это не больно.

— По-твоему… — Джеррольд умолк на полуслове. Спустя секунду продолжил: — Знаешь что? Я хочу увезти тебя куда-нибудь в глухомань. Где

эти дьяволы не дотянутся до нас. Поедешь?

— Это бессмысленно, — напомнила она голосом человека, давно смирившегося с неизбежностью.

— Не глупи. Тебя загипнотизировали.

— Им незачем нас гипнотизировать. Нет, Майк, они нестрогие хозяева. Позволяют делать все, что нам угодно, ведь мы не захотим причинить им вред. Мы попросту не способны этого захотеть. Если понадоблюсь, ты найдешь меня здесь. Если я нужна тебе, ты вернешься, но вернешься другим человеком. Тебя обработают, и тебе больше не будет страшно.

Джеррольд хрипло выругался и распахнул дверь. Робот был на месте: бесшумно скользил вокруг рельефной карты, касаясь ее множеством тончайших щупалец.

Джеррольд выхватил пистолет, тщательно прицелился и выпустил в робота весь магазин. Метил в проволочную сетку лица: она выглядела наиболее уязвимым местом.

Он был почти уверен, что пули не причинят роботу вреда. Поэтому не расстроился. Опустил сумку на пол, расстегнул, достал бутылку с кислотой.

Кислота была хорошая, крепкая, но не оставила никаких следов ни на корпусе робота, ни на

рельефной карте.

Джеррольд вышел и аккуратно прикрыл за собой дверь. На Бетти не смотрел, хотя чувствовал спиной ее взгляд, когда вызывал лифт и входил в кабину. Обернулся, мельком увидел ее лицо, а мгновением позже их разделила дверь лифта.

— Двадцать первый, — сказал он лифтеру.

Вейнмана не было на месте.

— Если готовы подождать, мистер Джеррольд…

— Готов.

Он не хотел сидеть в приемной, где девушка украдкой поглядывала на его измятую одежду и растрепанную шевелюру, поэтому отправился в кабинет Вейнмана. Секретарша вздрогнула от неожиданности, но не рискнула его остановить.

Когда он вошел в комнату, зазвонил телефон. Джеррольд машинально снял трубку.

— На проводе доктор Вейнман, — сообщила секретарша.

— Алло, — произнес Джеррольд.

— Алё, Майк, — прогудел Вейнман, — я задержусь на полчаса. Секретарша сказала, вы только что пришли. Дождетесь меня?

— Дождусь.

Джеррольд положил трубку на место. Лицо по-

крылось серой испариной, в животе образовалась неприятная пустота. Не отводя глаз от телефона, он попятился.

Устройство…

Роботы, контролирующие этот телефон, только что вступили в контакт с разумом Джеррольда и прочли его мысли. Ох, не стоило отвечать на звонок…

Стоп. Его не обработали. Шкала ценностей не изменилась. Планы остались прежними. Он все еще намеревается рассказать Вейнману правду, убедить его, показать ему то, что находится на пятнадцатом этаже, добиться, чтобы Вейнман подключил к делу своих влиятельных друзей, рассказать миру о секрете роботов и объявить им войну.

Выходит, в этом Бетти его обманула. Но в остальном, пожалуй, говорила чистую правду. Солгала лишь однажды, но утаила ключевую информацию…

Потому что роботы не пользуются телефоном. Они обрабатывают людей как-то иначе.

Быть может, Бетти не понимала, что лжет, ведь роботы контролируют ее сознание. Естественно, они не дали бы ей раскрыть секрет самой природы их могущества.

Итак, это не телефон.

«Это другая вещь, которой регулярно пользуются все без исключения. С деталью, исполняющей вполне понятную механическую функцию, а заодно обеспечивающей открытый канал связи с роботами, чтобы те поддерживали ментальный контакт со всеми, кто берет в руки этот предмет».

Так сказала Бетти.

Вещь, которой регулярно пользуются…

Джеррольд встал спиной к столу и не спеша обвел комнату пытливым взглядом, внимательно рассматривая каждый предмет. Закончив, понял, что версий у него не прибавилось.

Это не телефон. Но что же?

Он вонзил ногти в потные ладони. Опять осмотрелся, чувствуя себя рыбешкой, угодившей в сети. Что это, если не телефон?

Он, конечно, раскроет секрет. Но так и не узнает об этом.

Все решает этика

Юного Сетона обнаружили под скамейкой на одной из движущихся улиц, что пересекают город из конца в конец. Парень был весь избит. Лицо превратилось в кровавое месиво. Ему выдавили глаза. Перед смертью он еще был в состоянии говорить, но назвать своих убийц не смог. Наемные отморозки с окраин, из какой-то дыры — то ли из Нижней Венеры, то ли из марсианских пустошей.

Люди, читавшие в тот вечер новостные ленты, испытали отвращение, тревогу и страх. Насилие в двадцать первом веке стало непривычным — настолько, что даже полицию упразднили. Когда после Большого столкновения войны были запрещены, мир стал привыкать делать все правильно. И кажется, получалось. Из приговоров мало-помалу исчезла высшая мера. У дорожных инспекторов парализаторы были выставлены на такую низкую отметку, что совсем не парализовали.

Хайрем Гейл, работавший физиком в «Коммерц инкорпорейтед», отправился к начальнику, Чиверу. Гейл ворвался к нему в бешенстве, с

презрительной гримасой на лице и зловещим блеском в выцветших глазах.

Он с порога принялся осыпать Чивера бранью, но тот лишь пожал плечами.

— Хайрем, что я тебе могу ответить? — сказал босс, покусывая губу. — Мне очень жаль. Но я же не могу его воскресить…

— Хлюпик несчастный. Мне бы две здоровые ноги! — Гейл рухнул в кресло и бросил костыли на пол. — Джей, ты крепкий. Ты еще молодой. Почему ты не разберешься с этим бардаком?

— А как с ним разберешься?

— Сетон был одним из моих лучших людей. И он не первый. Пострадали многие. И не только здесь — по всей Системе. Первопроходцы, которые хотели пользоваться нашими устройствами на ядерном топливе. Что стало с ними? Избиты — или убиты!

— Хайрем, — тихо сказал Чивер, — оно того не стоит. Пусть уж Марзет держит монополию…

Взгляд Гейла потемнел и стал ледяным.

— Эти свиньи, эти грязные убийцы!

— Да… но…

— Они крепко сидят на топливе для генераторов Марзета и, конечно, хотят сохранить все как есть. Хотя эти генераторы стоят такую прорву денег,

что только состоятельные люди могут купить их — или взять в аренду у Марзета под несусветные проценты! И потом долго горбатиться на других планетах, чтобы погасить долг. А еще эти генераторы опасны. Уже случилось немало взрывов…

Чивер вздохнул:

— Знаю, знаю. Наша «Атома» недорога, эффективна и обладает защитой от неумелого обращения. Только на рынок ее не вывести.

— А все почему? — язвительно отозвался Гейл. — Потому что мы за нее не боремся!

— Ты с ума сошел! Война? Хайрем, боже упаси, ты хочешь перевести часы на век назад?

— Если потребуется. Люди Марзета — не из этой эпохи. Это анахронизм. Их методы восходят к фашистской идеологии бандитов. И успеха они добиваются потому, что на всех планетах разучились драться.

— Драка бесполезна. Это доказано.

— Нет. По крайней мере, я удовлетворительных доказательств не видел.

— Это ведь не имеет к тебе отношения, — сказал Чивер. — Зачем ты туда лезешь?

— От своей работы я не отлынивал, — ухмыльнулся Гейл. — Если ты об этом…

— Нет, конечно! Сам знаешь.

— Я вожусь не с одним экспериментальным прибором. Мои темпоральные теории подтверждаются на практике, формула телепортации выглядит интересно — но тут эта дрянь… Я имею в виду Марзета. Что ты собираешься предпринять?

— Я ничего не могу сделать!

— Да что ты!

— Мировое соглашение…

— Уже пробовали. Без толку. Марзет хочет удержать позиции, чтобы по-прежнему тоннами вытягивать деньги, а колонисты и горнодобытчики на астероидах, в венерианских болотах и под марсианскими горами остаются у них, считай, в рабстве! В экономической кабале! Конечно, Марзет знает, что, если «Атома» выйдет на открытый рынок, она отправит их генераторы на свалку. И освободит их рабов!

— Они хотят сохранить монополию…

— Они хотят уничтожить конкуренцию, — отрезал Гейл. — Я случайно узнал, что много лет назад Марзет разработал несколько типов источников питания, намного превосходящих те, которые запатентовал изначально. Если бы он захотел перепрофилироваться, то мог бы это сделать — и открыто конкурировать с нами. Но это в их планы не входит. Поэтому они прибегли к

запугиванию. Находят тех, кто покупает «Атомы», и применяют бандитскую тактику. Преследуют людей даже на наших заводах — посмотри, что стало с бедным Сетоном! Его предупреждали. Но у парня оказался крепкий характер, покрепче, чем у тебя, Джей.

Чивер сохранял внешнюю невозмутимость.

— Насилие никогда себя не оправдывает.

— Насчет клин клином никогда не слышал?

— Извини, организовывать вооруженные банды я отказываюсь.

— Ладно, — сказал Гейл. — Вызови-ка Хэммонда.

— Что? Зачем?

— Он босс Марзета. Тот… тип, что за всем этим стоит. Тот, кто начитался про Капоне, Гитлера и террористов двадцатого века. И еще… — Гейл на мгновение замялся. Когда он продолжил, то уже не смотрел на Чивера. — Твою дочь похитили.

Чивер вцепился в край стола. С гладкого, ухоженного лица сошел цвет.

— Марла…

Гейл старался говорить ровным голосом.

— Ее похитили из собственного аэромобиля полчаса назад. Вокруг болталось несколько регулировщиков, но куда им противостоять

организованной преступности. Они-то — не организованные.

Крупное тело Чивера словно усохло.

— Они не станут. Они не посмеют. Похищение — это неслыханно. Хайрем, ради всего святого, что мне сделать? Они ведь не причинят ей вреда?

— Нет. Наверняка нет. Она нужна им как заложница.

— Кто это сделал? Ты знаешь?

— Знать, естественно, не знаю — доказательств нет. Хэммонд слишком умен, чтобы оставить улики, которые указывали бы на него самого. Законным образом ты до него не доберешься. Он стоит над нашим нынешним беззубым законом. Но все-таки позвони ему, Джей.

— Да. И… и что я скажу?

Гейл нажал кнопку и назвал номер. Он крепко сжал плечо Чивера, и казалось, что силы не оставляют этого крупного мужчину только благодаря его поддержке. Но губы Гейла оставались бледными.

На экране показалось лицо Фила Хэммонда, седовласого, подтянутого, сурового человека с надменными, как у Люцифера, глазами. Как выразился Гейл, он стоял над законом и знал это. Сильный человек, живущий в изнеженную

эпоху. Он улыбнулся Чиверу, кивнул и сказал:

— Добрый вечер, мистер Чивер. Как поживаете?

— Хэммонд… Моя дочь…

Седой человек поднял брови:

— Да-да?

Гейл крепче сжал руку. Чивер сделал глубокий вдох.

— Марлу похитили, — сказал он. — Сегодня, полчаса назад.

— Господи боже мой! Сочувствую! Если я могу что-нибудь сделать, то, конечно, я…

— Хэммонд, хватит меня дурачить! Она у вас?

— Не говорите ерунды. Мистер Чивер, вы переработались. Я же не преступник! По закону о клевете… Простите. Не хотел вам угрожать. Понимаю, как вы, должно быть, расстроены.

Чивер сдавленно кашлянул. Гейл отодвинулся, чтобы его не было видно в видеофон, написал в блокноте: «Подыгрывай» — и показал Чиверу.

— Хорошо, — сказал Чивер, помолчав. — Простите, я… Мне показалось, что вы сможете что-нибудь посоветовать.

Хэммонд поправил воротник:

— О господи. Наша полиция феерически беспомощна — способна разве что пробки разруливать.

Я был вынужден лично нанять группу специалистов для охраны, только на них и могу полагаться. Знаете что, Чивер, до ребят иногда долетают кое-какие слухи — вполне возможно, что они слышали о Марле. Так, между своими. Я им передам, и, если мне что-нибудь станет известно, я немедленно вам сообщу.

Гейл на секунду задумался и кивнул.

— Спасибо. Это… это будет очень любезно с вашей стороны, — сказал Чивер и отключил связь.

Он откинулся на спинку кресла. По щекам его тек пот.

— Пытки. Вот что не идет у меня из головы, — сказал он. — Любимое оружие террористов. Хайрем…

— Спокойно. Хэммонд выдал себя. Марла у него, и он вернет ее в целости и сохранности, если получит от тебя выкуп.

— Деньги? Он знает, что я заплачу.

— Не деньги. Ему нужна энергетическая монополия. Понятно?

— Понятно, — глухо повторил Чивер. — Но не верится. Люди так не поступают — в наши дни, по крайней мере.

— Некоторые — вполне. Если им позволить. Дело вот в чем. — Гейл заговорил быстро, словно

пытаясь отвлечь Чивера от мыслей о дочери. — Сегодня люди, как правило, не приспособлены к такой гнусной тактике. Мы миролюбивы. Мы не умеем драться. Едва управляемся с оружием. Только такие мерзавцы, как головорезы Хэммонда, способны на насилие — вот они и одерживают над нами верх. И хуже всего то, что закон на их стороне. Он теперь беззубый. А у Хэммонда такая толпа юристов и столько бумаг для прикрытия, что нам до него не дотянуться. Тяжба затянется на годы, даже если мы предоставим неопровержимые доказательства. А террор тем временем будет продолжаться.

— Но нельзя же вот так избивать людей, — возразил Чивер. Его била дрожь.

— Можно научиться.

— Сомневаюсь. Я… я вряд ли способен. Если бы я мог спасти Марлу, пожертвовав собой — или чем-нибудь еще, — я бы пожертвовал.

— Такие люди, как Хэммонд, на то и рассчитывают, — усмехнулся Гейл. — К счастью, у меня есть один малый, который думает не так, как ты. Его зовут Дрок, Ричард Дрок, и я его довольно давно тренирую — такая специализированная подготовка. Признаюсь, я ожидал, что нечто подобное случится.

— Ты ожидал, что они похитят Марлу?

— Нет. Не в этом смысле. Но я знал, что рано или поздно рванет. Отсюда и мой… помощник, Дрок. Ты сказал, что люди больше не владеют искусством боя. А Дрок за несколько недель научился пользоваться оружием — и многому другому. Почему бы не дать ему попытать удачу?

Чивер категорично замотал головой:

— Ты забываешь, что на кону стоит жизнь Марлы.

— На это и рассчитывает Хэммонд.

— Хайрем, я не стану нанимать бандита для борьбы с бандитами.

— Дрок смотрит на все это иначе. Он симпатизировал юному Сетону. Кстати, ты видел парня?

Чивер облизнул губы:

— Да, да. Но…

— Выглядел он так себе.

Зажужжал видеофон. На экране появилось лицо Хэммонда, невозмутимое и безучастное.

— Чивер? — сказал он. — Мне внезапно повезло. Есть хорошие новости. Кажется, моим людям посчастливилось выйти на след Марлы.

Глаза Гейла сузились. Опершись дряблым телом на костыли, он внимательно слушал.

— И? — спросил Чивер. — Где она? Ну не тя-

ните же!

— Этого я вам сказать не могу. Я же говорю: только зацепки. Может быть, они ни к чему не приведут. Но загляните сегодня вечером в «Голубую планету». Может, узнаете что-нибудь, может, нет. Это все, что я могу вам сообщить.

Лицо исчезло.

— Осторожничает, — невесело усмехнулся Гейл. — А еще, возможно, хочет, чтобы ты подергался.

Чивер встал.

— Ну ладно, ладно! Что такое «Голубая планета»?

Справочник видеофона выдал адрес. Трущобы на другом конце города. Чивер натянул пальто.

— Пистолет дать? — спросил Гейл. — У меня есть.

— Какая польза от пистолета против хорошо натренированных убийц? — заметил Чивер. В этом была логика. — Даже если бы я пошел на риск потерять Марлу. Нет, буду делать, что они мне скажут.

— Даже если придется отказаться от патентов на «Атому» и передать их Марзету? Заметь, Хэммонд никогда ими не воспользуется.

Чивер скорчил недовольную гримасу и вышел.

Гейл назвал видеофону один из номеров своей лаборатории. Когда экран ожил, Гейл различил в глубине белое от люминесцентного освещения пространство одного из рабочих помещений, заставленного разнообразными машинами. Вдалеке виднелась фигура высокого широкоплечего человека, стоявшего к Гейлу спиной.

Человек обернулся и легко, по-кошачьи, приблизился к приемнику — крупный рыжебородый мужчина с хорошо развитой мускулатурой и пронзительными голубыми глазами. Не то чтобы красивый, но здоровяк, выглядящий одновременно и сильным, и опасным.

— А, Хайрем, — сказал он. — Чего?

— Хэммонд начал игру, — сказал Гейл. — Слушай. Действовать надо быстро. Надеюсь только на то, что за эти недели я натаскал тебя достаточно хорошо.

— Я быстро учусь, — ответил тот и ухмыльнулся, сверкнув неровными зубами. — Выкладывай.

Гейл все рассказал.

— «Голубая планета», — прибавил он в конце. — Адрес у тебя есть? Хорошо. Тогда остальное на твое усмотрение — больше, чем знаю, я тебе сказать не могу.

— Отлично, — кивнул Дрок.

Его лицо исчезло. В динамиках видеофона раздался резкий звук хлопнувшей двери. Гейл рухнул в кресло Чивера и задумался, уставившись перед собой и рассеянно поглаживая костыли.

Бандитская тактика, думал он. Фил Хэммонд беззастенчиво возрождает старые брутальные методы двадцатого века в мире спокойствия и изобилия — в мире, беззащитном перед этими первыми, едва проклюнувшимися ростками раздора. Гейл прекрасно знал, что такие ростки быстро крепнут. В прошлом такое случалось не раз. Тирания, война, злоба — все потому, что вооруженный человек оказывался намного сильнее безоружного и не мог не воспользоваться своим неправедным преимуществом.

— Беспощадность, — вполголоса проговорил Гейл. — Вот, значит, на что рассчитывает Хэммонд. Но знает ли он, что такое беспощадность?

Ричард Дрок потрогал лежавший в кармане электропистолет и едва заметно усмехнулся в усы. Простейшее оружие. Если нажать на кнопку, из дула вылетит заряд энергии и убьет наповал. Или искалечит — смотря какая задача стоит. И все же нож, спрятанный у него в поясе, почему-то казался более надежным. Дрок глотнул неразбавленного виски, довольно крякнул и продолжил

краем глаза наблюдать за Джеем Чивером, сидевшем в дальнем закутке ресторана.

Позади Дрока находилась глухая, без окон, звукоизолированная кабинка видеофона. Гейл сказал, что бандиты, скорее всего, будут держать связь через видеофон. Дрок налил себе еще виски, единым духом осушил его, сгреб со стола бронзовую лампу и швырнул ее в пластиковую панель кабинки. Силы ему было не занимать. Тяжелый светильник пробил в панели рваную дыру. От звука удара посетители ресторана повернули головы. Немедленно прибежал официант, чтобы оценить размер ущерба. Он держал руку в кармане.

Дрок аккуратно поставил лампу на место, поднял глаза на официанта и с улыбкой произнес:

— Извини.

— Слушай, борода, ты что, все тут разнести хочешь? У нас тут так не…

Дрок молча высыпал на стол пригоршню монет.

— Хватит? — спросил он наконец, кивнув на поломанную панель.

Суммы хватало с избытком. Официант поморщился, но предпочел прямой приработок — припрятал деньги в карман и удалился. Дрок

выпил еще виски и продолжил скрытое наблюдение за Чивером.

Зажужжал видеофон. Бармен, стоявший к кабинке ближе всех, ответил. После чего вышел в зал и крикнул: «Чивер. Звонок для мистера Чивера».

Директор вскочил и торопливо двинулся к кабинке. Дрока он окинул осторожным подозрительным взглядом, а другой взгляд бросил на дыру в панели. Но уже было ничего не поделать. Чивер скрылся в кабинке. Брешь он чем-то прикрыл изнутри — возможно, шляпой. Дрок нагнулся, делая вид, что подбирает упавшую под стол монету, и услышал голос Чивера.

— Где? Где встретиться?

— На углу Девяносто шестой и Гранд-авеню. Мы заберем вас. Приходите один.

Щелчок.

Дрок выпрямился. Чивер вышел из кабинки, еще раз настороженно глянул на Дрока и поспешил к выходу. Как только он исчез из виду, Дрок встал, но тут же заметил, что к нему приближается крепкий темноволосый мужчина с перебитым носом и бегающими колючими глазами убийцы. Дроку уже доводилось видеть такие глаза. Он не удивился, обнаружив, что ему перекрыли выход.

— Куда спешим, приятель? — поинтересовался коренастый.

— Спешим?

— Ну. Ты, случайно, не за тем парнем собрался, который сейчас вышел, да?

Дрок молча смотрел на него. Коренастый продолжил:

— Давай-ка ты сядешь и продолжишь квасить.

Его рука скользнула в карман.

— Да, — согласился Дрок и сел.

Наполнив бокал, он протянул его через стол коренастому. Когда тот поглядел вниз, Дрок плеснул ему в глаза виски.

Это он проделал левой рукой. Пальцы правой уже любовно сомкнулись на горлышке бутылки. Коренастый грязно выругался и попытался что-то вытащить из кармана. Дрок, внезапно оказавшийся на ногах, широким, опасным замахом отвел бутылку и безжалостно обрушил ее на лицо противника. Полетели кровь, капли виски и осколки. Мужчина закричал от страха и боли.

Позабыв про пистолет, он прижал ладони к глазам.

— Господи! — завопил он, не веря случившемуся. — Я ничего не вижу! Ты…

— Да, — сказал Дрок.

Шедшие к нему люди замерли от удивления, а может, сочли все происходящее обычной пьяной стычкой — хотя и она не могла не удивить: осталось слишком мало подавленных страстей, которым мог дать волю алкоголь. Дрок вышел быстро и неслышно, как кошка. Никто не успел его остановить. Он пробежал несколько шагов, остановился и махнул наземному такси.

— Куда едем, приятель?

— Угол Девяносто шестой и Гранд. Нет. Девяносто пятой и Гранд.

Из ресторана высыпали на улицу люди. Таксист замешкался, поглядывая через плечо.

— Неприятности?

Огромная ручища сомкнулась у него на шее, сдавливая мышцы. Затрещали позвонки.

— Девяносто пятая — Гранд.

Таксист рванул с места. Рука убралась. Но он не оборачивался, пока не прибыл на место. Связки еще не слушались — таксист только шептал, указывая на цифры, обозначенные на светящейся полосе над головой у Дрока.

Дрок расплатился и вышел из машины. Та рванула с места и исчезла в темноте. Он постоял, чувствуя, как прохладный ветер обдувает его красные щеки и ерошит бороду. Дрок улыбался.

Это был складской район.

Могучие строения вздымались в ночное небо, как горы, в узких лиловых расщелинах между ними виднелись звезды. Края тротуаров обозначались при помощи светящихся полос. Дрок двинулся к Девяносто шестой, стараясь держаться подальше от этих полос.

Как он и ожидал, Чивер стоял на означенном месте и дрожал, несмотря на теплое пальто. Он обернулся, вздрогнул, увидев Дрока, а потом узнал его.

— Вы…

— Давай пальто.

— Вы были со мной в баре. Вы из… Это как-то связано с Марлой? Я не понимаю, зачем…

Дрок стянул с Чивера пальто и облачился в него сам. Пальто еле налезло, затрещав, но он все же сумел застегнуться.

Чивер наблюдал за его движениями.

— Так что насчет Марлы?

— Иди домой, — сказал Дрок.

— Но… нет, послушайте! Как я могу убедиться, что вы — тот, с кем я должен встретиться? Мне сказали, что меня заберут. Значит, должна быть машина.

Машина действительно подъезжала. Вдалеке

показался приглушенный свет фар. Дрок оценил расстояние и коротко ударил Чивера в челюсть. Тот рухнул как подкошенный. Дрок оттащил его в угол и оставил лежать. Потом надел его шляпу, низко натянул ее на глаза, спрятал бороду под отворотом пальто и вышел к проезжей части.

Это был летающий кабриолет, большой, темный и изящный. Аэромобиль остановился, и Дрок почувствовал на себе пристальный взгляд.

— Чивер, — сказал Дрок.

— Один?

Голос был жестким, металлическим, бесстрастным.

— Да.

— Залезай.

Дверь распахнулась. Дрок заглянул внутрь, привыкая к темноте. Два человека в конце салона и один на водительском сиденье. Все крупные. На их пистолетах поблескивал отсвет от полоски на тротуаре.

Дрок пригнулся и сел в машину. Двое на заднем сиденье подвинулись, освобождая место для него. Он уселся, нащупывая под пальто пистолет и нож.

Машина мягко тронулась, включила антигравитацию и устремилась вверх.

Человек слева от Дрока сказал:

— Давай-ка посмотрим на тебя. Обыщи его, Джерри, пока суть да дело.

— Зачем? — спросил Джерри.

И с прерывистым стоном согнулся пополам: беззвучный электропистолет пробил тяжелую ткань пальто. Дрок знал, куда целиться. Заряд пошел вверх через ребра и угодил в сердце. Джерри умер мгновенно.

Второй…

В левой руке Дрока уже был зажат нож. Прижав большой палец к рукояти, Дрок двинул клинок вверх, глубоко взрезая противнику живот. От пронзительного болевого шока у несчастного перехватило горло — он не успел даже вскрикнуть. А когда попытался вдохнуть, острое лезвие погрузилось в тело еще раз и прикончило его.

Аэромобиль летел над домами, уходя к западу. Пилот оглянулся, вглядываясь в полумрак, и разинул рот от изумления.

Он быстрым движением запустил автопилот и заерзал в кресле, пытаясь дотянуться до оружия. Дрок по-прежнему держал в руке свой электропистолет, но не стал стрелять, вместо этого ударив им водителя. Хрустнула переносица, по лицу потекла кровь. Водителя отбросило обратно к

прозрачной ветровой панели.

Дрок получил время для того, чтобы перенести бой на территорию противника. Он перегнулся через переднее сиденье, пока пилот, тряся головой и нещадно бранясь, поднимал пистолет. Нож Дрока рассек ему руку между локтем и запястьем.

Пилот закричал.

Дрок поймал выпавший пистолет, не переменившись в лице, и бесстрастно выслушал проклятия, которые постепенно сменялись задыхающимися мольбами.

— Господи, я же до смерти кровью истеку! Помоги мне! Ты мне руку отрезал…

— Где Марла Чивер? — спросил Дрок.

— Рука! Боже, ну нельзя же… нельзя…

Дрок схватил пилота за рассеченную руку и вывернул ее. Его голубые глаза сверкнули нехорошим блеском.

Когда крики раненого стихли, Дрок спросил еще раз:

— Где Марла Чивер?

Некоторое время было слышно только хриплое дыхание.

— Я… Я не знаю. Нет, не знаю! Не знаю я! Правда! Мне велели позвонить Николсу…

— Кто такой Николс?

— Я не знаю. Он никогда не показывает лицо в видеофоне. Я… я…

— Отвези меня к нему.

— Но… я не знаю, где он!

— Выясни.

— А-а-а! Ну… хорошо. Хорошо. Я попробую. Только не надо больше…

Машина снижалась, чтобы сесть на крышу здания. Незадачливый противник Дрока вылез, бережно поддерживая руку, по которой продолжала течь кровь. На крыше было темно, огни далекого центра города образовывали в небе пламенеющую корону. Вдали, словно комета, промелькнул след двигателей космического корабля.

Пилот повел Дрока вниз по лестнице, отпер дверь и впустил его в маленькую квартирку. Дрок ткнул в сторону висящего на стене видеофона.

— Я же до смерти кровью истеку! Ради всего святого…

Дрок пихнул жертву в ванную, сорвал занавеску и скрутил ее в жгут. Потом наскоро смыл кровь с лица пленника холодной водой.

— Вызывай Николса.

Пилот поплелся к видеофону и набрал номер.

Экран осветился, но никто на нем не возник. Голос коротко спросил:

— Что?

— Это… Маклин. Я… Мне нужно с вами встретиться.

— Исключено. Где Чивер?

Маклин бросил на Дрока полный ужаса взгляд, ища поддержки.

— Там с тобой кто-то есть, — проговорил видеофон. — Что случилось? У тебя кровь…

В размеренном голосе зазвучало подозрение. На глазах у Дрока экран внезапно стал гаснуть, затем выключился. Дрок оттолкнул Маклина и позвонил Хайрему Гейлу в его лабораторию.

— Гейл?

— Слушаю. Как успехи?

— Проверь этот номер. — Дрок продиктовал цифры.

— Хорошо. Я перезвоню. Ты где? Вест-Сайд, Седьмая авеню, что ли? Ясно, все понял. Скоро будет.

Дрок и Маклин ждали. Пилот трясся. Он с трудом достал сигарету, но не сумел зажечь ее. Дрок не предложил свою помощь.

Вскоре видеофон снова зажужжал.

— Есть, — сказал Гейл. — Аппер-Паркуэй, дом восемьдесят три, квартира четыре. У Фила Хэм-

монда пентхаус в том здании. Это то, что тебе нужно?

— Да, — сказал Дрок.

Он отвернулся от экрана, схватил Маклина за шкирку и потащил на крышу. Аэромобиль стоял на прежнем месте.

— Аппер-Паркуэй, восемьдесят три. Давай туда.

Маклин открыл было рот, но снова закрыл. Он молча уселся на водительское сиденье и повел машину вверх. Сидевший рядом Дрок поглаживал бороду перепачканной в крови рукой. Голубые глаза смотрели равнодушно.

Они приземлились на парковке недалеко от места назначения. Охранник куда-то отлучился, и Маклин повернулся к своему спутнику с вопросительным взглядом:

— Теперь ты меня отпустишь?

Вместо ответа Дрок сомкнул на горле пилота пальцы огромной руки. Через некоторое время он разжал их, вышел из машины и бесшумно пошел к улице. Вдоль нее тянулась движущаяся дорожка. Он уселся на одну из скамеек, и полоса понесла его вперед.

Сошел он через несколько кварталов, у дома восемьдесят три по Аппер-Паркуэй. Над дверью

был установлен видеодомофон, и Дрок набрал номер четыре. Табло осветилось. Знакомый отрывистый голос Николса произнес:

— Кто там?

— Чивер.

— Вы не Чивер.

— Меня прислал Чивер.

Последовала пауза.

— Вот как. Вижу, вы один. Ну хорошо, входите.

Дрок повиновался. И увидел, как открывается дверь, ведущая в холл. Дрок вломился в нее, отбросив назад щупленького человечка с крысиным лицом. Походя, почти не глядя Дрок вонзил нож в тело, между ключицей и шеей.

В дальнем конце комнаты кто-то сидел за рабочим столом, раскладывая на салфетке шприцы и ампулы. Габаритами человек не уступал Дроку, но был альбиносом: беловолосый, с бледными, розоватыми глазами.

Рядом с ним стоял приземистый уродец, напоминавший гориллу без шерсти. Он потянулся к пистолету, но Дрок послал ему в сердце электрический разряд. Сидевший пригнулся и укрылся под столом.

Дрок в два прыжка пересек комнату и опрокинул стол. В руке его противника сверкнуло

оружие. Массивный стол прижимал человека к полу, но рука с пистолетом описывала круги: он пытался взять Дрока на мушку.

Дрок с силой наступил на непокорную руку. Человек вскрикнул и выпустил оружие. Дрок отодвинул стол, уселся лежащему на грудь и приставил кончик ножа к пульсирующему горлу.

— Где Марла Чивер? — спросил он.

— Я… Я не знаю, о ком…

Дрок обрушил на его лицо открытую ладонь, и оно перестало походить на лицо. Крупная ладонь Дрока не давала альбиносу кричать.

— Где Марла Чивер?

Человек что-то неразборчиво пробормотал. Дрок убрал импровизированный кляп.

— Так вы ничего не добьетесь, черт подери! Если Чивер хочет получить свою дочку живой, он должен сделать то, что мы скажем! И он заплатит за то, что ты натворил!

— Где Марла Чивер?

Альбинос закашлялся, выплевывая кровь.

— В крутого парня играешь? Марла в безопасности. Но это ненадолго, если ты… Дай мне встать!

Дрок отступил назад и позволил Николсу подняться. Прижимая ко рту покрасневший платок, тот произнес:

— Так вы Марлу не получите. Если Чивер хочет, чтобы его дочку пытали…

В голубых глазах Дрока внезапно загорелось злое веселье. Он быстрым движением развернул Николса и завел ему руку за спину. Николс вскрикнул, но ладонь Дрока тотчас заглушила этот крик.

— Чтобы пытали, — сказал Дрок. — Да.

— Ты-ы-ы… сломал мне руку — а-а-а!

— Где Марла Чивер?

От боли со лба альбиноса капал пот. А на лице было написано изумление, смешанное со страданием.

— Ты… меня не расслышал… Я сказал… мы будем пытать… девушку…

— Нет, — сказал Дрок. — Тебя. Где она?

Николс продержался недолго. Дрок был неумолим. Хоть альбинос бойко говорил о пытках, сам он их ни разу не испытывал.

Через десять минут Николс, со сломанной рукой и искусанными до крови губами, добрался до видеофона и вызвал номер.

— Николс?

На экране было пусто.

— Д-да. Отпусти девочку. Отпусти ее!

— Что-то не так? Чивер уже…

Дрок шевельнулся. Николас вздрогнул. Его голос взорвался истерикой.

— Чивер сделал все, как мы хотели! Отпусти ее, слышишь? Прямо сейчас!

— Ну ладно, как скажешь. Быстро мы провернули работенку, а?

Дрок прервал связь. Николс, пошатываясь, добрел до кресла и сел, хрипя, как раненое животное.

Дрок равнодушно разглядывал его.

— Кто тебе платит? — спросил он наконец.

— Хэммонд. Фил Хэммонд. Я… Я дам показания на суде…

— Нет, — сказал Дрок. — Погоди.

Спустя полчаса он вызвал по видеофону Хайрема Гейла. Щуплый ученый торжествующе усмехался.

— Дрок? Она вернулась. Только что. Ее отпустили.

— Да. Чивер?

— Он тоже здесь. Охранник нашел его на улице. Валялся без сознания. Как у тебя?

— Погоди, — сказал Дрок.

Николс поднял глаза. Большой бородатый мужчина целился в него из пистолета.

Николс ахнул и отшатнулся.

— Не надо! — заверещал он. — Я дам показания… Я подпишу признание…

— Зачем? — спросил Дрок.

— Ты же не можешь меня… вот так… убить…

— Почему не могу?

Он прострелил Николсу голову. Затем вышел из квартиры и поднялся на пневмолифте в пентхаус. Встретивший его при входе дворецкий с изумлением вытаращился на грозного пришельца, покрытого пятнами крови.

— Сэр?

— Хэммонд.

— Будьте любезны немного подождать…

В челюсть дворецкого прилетел кулак. Дрок переступил через распростершееся на полу тело и выкрикнул:

— Хэммонд!

— Я здесь, — ответил голос из открытой двери.

Пентхаус был просторным и богатым. За огромными окнами, словно светлячки в сказочном саду, сверкали огни города. Хэммонд, седой, суровый человек, сидел в обшитой дубовыми панелями комнате, пил бренди и попыхивал старинной трубкой. На стенах висели шпалеры, сработанные в Байонне и на мануфактуре Гобеленов. Повсюду висели старинные доспехи

и оружие — латы, мечи, копья, мизерикордии и прочее. Ноги утопали в богатом бухарском ковре.

Хэммонд глянул на стоящего в дверях великана.

— Я вас не знаю, — сказал он.

— Не знаете.

— Что вам нужно?

— Я работаю на Чивера, — сказал Дрок, — и еще кое на кого.

Седые брови приподнялись. Хэммонд вздохнул:

— Судя по вашему внешнему виду, вы из преступного мира. Вы… погодите. Я вспомнил. Вы — один из помощников Хайрема Гейла. Он вас нанял несколько недель назад.

Дрок кивнул.

— Понятно. И какие-то… мерзавцы попытались уговорить вас бросить работу? Все верно? А зачем вы пришли сюда?

— Остановить вас.

Хэммонд усмехнулся:

— Другие уже пытались, друг мой. Это невозможно. Я весьма богат и могуществен. Чего вы рассчитываете добиться?

— Вашей смерти, — сказал Дрок.

— Что за бред, — отрезал Хэммонд. — Вы же не сумасшедший. Таким способом дела не решают…

— Вы решаете их именно так.

— Доказательства. Доказательства, дорогой мой. Хоть какие-нибудь юридически обоснованные доказательства…

Дрок поднял пистолет. Трубка выпала у Хэммонда изо рта. Когда он ставил на стол бокал с «наполеоном», рука его тряслась.

— Стойте, — проговорил он полушепотом. — Вы с ума сошли. Разве это… правосудие?..

— Правосудие?

Дрок задумался и обвел взглядом комнату. Затем решительно убрал в карман электропистолет, подошел к стене и сорвал с нее два двуручных меча. Один из них он бросил Хэммонду. Меч упал, звеня, у ног седого мужчины.

— Вот правосудие, — сказал Дрок.

Хэммонд облизнул пересохшие губы.

— Так нельзя, — сказал он. — Вы не можете заявиться ко мне в дом и… и…

— Судебный поединок, — сказал Дрок. — Возьмите меч.

— Не буду. Вы не станете убивать безоружного человека!

— Трус — не человек.

Хэммонд в отчаянии шарил глазами по комнате. Дрок ждал, опершись на меч. Вдруг седой наклонился, подхватил свое оружие и нанес предательский удар в живот Дрока.

Дрок парировал атаку. Его клинок описал дугу, сверкнув огнем и зазвенев, как струна. На лице Хэммонда все еще читалось крайнее изумление, когда седая голова слетела с плеч и брызнули ярко-красные струи.

Дрок тщательно вытер меч, вернул его на стену и вышел из комнаты.

Хайрем Гейл и Чивер находились в лаборатории физика. Настраивая прибор — хоть и незамысловатой кубической формы, но работающий на сложных эзотерических принципах, — Гейл время от времени бросал через плечо фразы.

— Итак, Хэммонд пару часов назад был найден мертвым, — сказал он наконец. — Что ты об этом думаешь, Джей?

— Ему отрубили голову! — проговорил Чивер, у которого в лице не было ни кровинки. — Чтобы в наш век, да…

— Волна преступности? Да, я слышал о других убийствах. Слышал также, что к тебе вернулась дочь. Это правда?

— Правда. И я благодарен за ее спасение твоему

человеку, Дроку. Но все же согласитесь, Хайрем: жестокости, бесчеловечности, варварству не место в…

— То, о чем ты говоришь, совершенно справедливо — в отношении Хэммонда и его шайки. Жестокость, бесчеловечность и варварство он взял из двадцатого века, чтобы стать сильнее всех в двадцать первом. Но допустил роковую ошибку. — Говоря, Гейл поворачивал соленоид и проверял его толщину микрометром.

— Ошибку? Какую?

— Его головорезы оказались недостаточно крутыми. Их свирепость была всего лишь налетом, под которым скрывалась цивилизованность. Они никогда не имели дело с противником покруче, чем они сами. Побеждать в драке, Джей, такие преступники способны только на своей собственной территории. Нашему обществу следовало бы хорошенько это усвоить. На что надеялся Хэммонд? Что мы или уступим, или попробуем судиться с ним. Он не ожидал, что противник окажется решительнее и ловчее, чем его собственные бойцы. Он не был готов к схватке с варваром до мозга костей.

— С… убийцей?

Гейл мрачно покачал головой:

— Джей, пойми же ты наконец. И весь мир должен это понять. От таких людей, как Хэммонд, необходимо избавляться. Да, Дрок убийца, но он прибыл к нам из мира, где убийство — дело совершенно естественное, где этические нормы радикально отличаются от наших. Выступив против Хэммонда, он выбрал привычную тактику — ту, которая всегда обеспечивала ему победу. Так сказать, обошелся без бюрократической волокиты.

Засветился кубический аппарат; в нем клубился бледный туман. Гейл громко позвал Ричарда Дрока.

Тот возник в дальнем дверном проеме, не потрудившийся сменить одежду или хотя бы удалить с нее кровавые пятна. Его борода была взъерошена, голубые глаза сияли. Подойдя, Дрок спросил:

— Гейл, дело сделано?

— Да. Примите мою сердечную благодарность. С вашей помощью наш крестовый поход завершился победой.

— Так это был крестовый поход? — расхохотался Дрок. — Против каких-то глупых мозгляков? Поверь, разобраться с ними мне не составило труда. Но что до всего остального, то прошу учесть:

колдовство я не жалую, и вообще, мне не пришелся по нраву твой странный мир. Уж лучше быть пленником в замке герцога, чем говорить на искаженном языке и сражаться диковинным оружием. Спору нет, оно интересное, но все-таки меч лучше… Итак, ты просил у меня помощи, и я помог. На этом все, и да хранит тебя Господь.

Он энергично пожал руку Гейлу. Шатаясь на костылях, ученый повернулся к машине и передвинул рубильник.

Внутри куба быстро таял туман. За ним уже проглядывали увешанные гобеленами каменные стены — но смутно, сквозь сумрак. Не так уж легко увидеть прошлое.

Одарив Гейла лучезарной улыбкой, Дрок без колебаний вошел в куб. Туман снова сгустился, и все исчезло.

Встретив изумленный взгляд Чивера, Гейл рассмеялся:

— Джей, ты угадал: это машина времени. Я же говорил, что вожусь не с одним устройством… Несколько недель назад я перенес Дрока из прошлого и попросил помочь. Этот срок я потратил на его подготовку — чтобы он мог ориентироваться в современной цивилизации. Но у него свои этические нормы, и, как мы видим, в борьбе

с Хэммондом они себя полностью оправдали.

— Кто он? — спросил Чивер.

— Убийца, — сказал Гейл. — По нашим меркам — убийца. Известно ли тебе, что «плантагенет» означает «дрок»? Этот убийца — король, Ричард Кёр-де-Леон, Львиное Сердце. Ну, Джей, что ты об этом думаешь?

Но Чивер не нашелся с ответом.

Труба в никуда

Джо Бинни, с волосами мышиного цвета и беспокойным пунцовым лицом, неловко ерзал на своем месте, сидя в джерсийском автобусе. Сидевший рядом старик, степенный и седовласый, смерил Джо подозрительным взглядом.

— Простите, мистер Деннлер, — пробормотал Бинни. — Эта черт… эта бутылка так и тычется в меня!

— Бутылка? — вскинул брови Деннлер. — Вы что, пьете?

Бинни поспешно открестился от этой идеи, как и от многих других, с которыми ему пришлось расстаться в компании Деннлера. Ханжи Деннлера, который требовал полного профессионализма от всех своих поставщиков.

Да и бог с ним, ведь Деннлер уже сделал крупный заказ в «Пиннакл Новелти», где работал Бинни. А это означало солидную комиссию и возможность сводить Сьюзен Блайт на обед и в театр. Худое лицо Бинни расплылось в мечтательной улыбке: может, Сьюзен однажды станет его женой…

— А, эту бутылку мне дал один приятель, —

ответил Бинни, вернувшись в настоящее. — Он хочет, чтобы я отнес ее в нашу лабораторию и узнал, что там. Сказал, что смешал какие-то химикаты и получил жидкость, которая вообще ни на что не реагирует. Ерунда, в общем. Вот и тоннель! На той стороне возьмем такси и поедем прямо в наш офис. Мистер Хортон будет вам рад.

— О, — произнес Деннлер. — Я всегда предпочитаю решать вопросы при личном общении. Вы отличный коммивояжер, Бинни, я замолвлю за вас словечко.

— Благодарю вас. Надеюсь, такси быстро попадется, а то льет как из ведра.

Так оно и было. Пока автобус въезжал в тоннель Холланда, в водосточных желобах шумела вода. Серое небо угрюмо нависало над головой, вдалеке грохотал зловещий гром. Ветвились молнии.

Водитель остановился для оплаты проезда. Затем автобус покатил вглубь ярко освещенного тоннеля, где рев грозы сменился тихим гудением. Бинни машинально считал металлические двери на гладких стенах, встречавшиеся через равные промежутки.

Одна, две, три… у Сьюзен Блайт такое прелестное личико… четыре, пять… впереди ждет повышение, эта сделка его обеспечит, а потом…

шесть, семь… А потом Тим Блейк — соперник Бинни на деловом и любовном поприщах — отправится восвояси. Даже телосложение атланта и профиль греческого бога ему не помогут.

Восемь, девять… Автобус мчал все быстрее. Скучавший Бинни прикидывал длину тоннеля. Двери попадались примерно через сорок футов. Решать такие несложные задачки всегда ужасно интересно, и теперь самым важным для Бинни было не сбиться со счета.

Десять… одиннадцать…

— …Особенно по вторникам, — произнес мистер Деннлер.

Бинни согласно хмыкнул, хотя услышал только конец фразы. Пятнадцать… двадцать… тридцать… сорок дверей…

Деннлер был слегка рассержен. Он любил внимание, а Бинни явно все прослушал. Коммивояжер пялился в окно с весьма подозрительным видом.

Пятьдесят… шестьдесят…

— Вам так не кажется? — повторил Деннлер.

— Э-э-э… Да. Секунду.

Но его спутник продолжал говорить, и Бинни ощутил, как в нем медленно поднимается раздражение. Он насчитал сто девяносто пятую

дверь, как вдруг Деннлер наклонился вперед, и ребра Бинни заныли — в них врезалась бутылка, которую он нес в кармане.

Бинни яростно выругался.

Именно так началась эта фантастическая история. Бинни разозлился, его надпочечники, естественно, активизировались и выделили в кровь адреналин. Как раз в эту секунду рядом с автобусом ударила молния, и эти два события оказались неразрывно связаны.

Автобус шел по пандусу к съезду на Нью-Йорк. Громыхнул гром. В облаках затрещала и блеснула полоска яркого света…

Порой молния способна на странные трюки. В момент удара никто из пассажиров не пострадал, ни один… кроме Бинни. Он просто исчез.

Деннлер издал низкий беспомощный крик и осел на пол. Когда твой сосед по автобусу внезапно растворяется в воздухе, трудно сохранить здравомыслие. Несомненно, мистер Деннлер считал, что заслуживает лучшего обращения.

Самому Бинни было не до размышлений. После удара молнии он ощутил неприятную теплоту и услышал звон стекла: в кармане разбилась бутылка. Ее содержимое попало на кожу Бинни и впиталось в нее, как мазь проникает в плоть,

вызвав странное покалывание, причем в этом месте стало горячо. Последовал сокрушительный толчок…

— Близко ударила! — сказал Бинни, с улыбкой повернувшись к Деннлеру.

Только Деннлера больше не было. Как и автобуса.

Как и Нью-Йорка!

— О мой бог, — прошептал потрясенный Бинни. — Что… что… что…

Замолчав, он принялся размышлять.

Он сидел на твердом минерале, полупрозрачном и зеленом, как изумруд, но явно не драгоценном. Небо над головой окрасилось в багровый цвет, по нему плыли кроваво-красные облака. Солнце тоже было красным, неестественно огромным. Вокруг Бинни вздымались алые стены в сотни футов вышиной.

Он сидел посреди площади в виде полумесяца, вымощенной зеленым минералом. В ее центре, неподалеку от Бинни, виднелось наполненное водой углубление. Через сто футов стояла еще одна стена — белая, как понял Бинни, но ставшая красной из-за странного солнечного света.

Итак, похоже, Бинни угодил на дно колодца в форме полумесяца, а вокруг высились стены без

окон, весьма загадочные на вид.

— Урдл а ньяста дри? — вопросительно прозвучало позади Бинни.

Изрядно озадачившись, непутевый коммивояжер обернулся. Увиденное заставило его вскочить и быстро попятиться, после чего он поскользнулся на неровных камнях.

С резким и пронзительным криком Бинни ухнул в водоем.

— А ньяста вурн! — произнес странный голос, уже решительнее.

Бинни едва ли слышал это. До него наконец дошло, что он спятил. В самом деле, когда падаешь в бассейн, промокаешь, а Бинни растянулся во весь рост на упругой водной поверхности, лишь слегка просевшей под его весом. Никакая это не H_2O, точно-точно. Поддержать помутившийся рассудок Бинни, пока тот карабкался обратно на камень, помогло лишь смутное воспоминание о дейтерии — тяжелом водороде.

— Урдл вурн.

Теперь говоривший испытывал легкое нетерпение.

Стоя на четвереньках, Бинни уставился на существо перед ним. Или существа. Он точно не знал. У создания этого было две головы, со-

вершенно невозможные. Худощавое длинное тело покрывал рыжеватый мех. Ноги — их было две — выглядели короткими и толстыми, как у слоника. Руки полностью закрывала складчатая серая мембрана, росшая из плеч, видны были только две кисти, похожие на когти.

Из тощих плеч торчали головы, на каждой было по два выпученных глаза с большими зрачками и рот-пуговка, зато носа не просматривалось. Огромные уши напоминали о летучих мышах. Голову слева украшали рыжие бакенбарды возле смуглых скул и короткая прядь малиновых волос. Голова справа была поизящнее, без бороды, с длинными блестящими кудрями. В ней угадывалось что-то женское.

— О мой бог, — простонал Бинни, боясь встать на ноги. — Дайте мне минуту, я проснусь. Я точно проснусь.

— Ньяста! — сказала голова с бакенбардами.

Ее соседка сердито встрепенулась и пронзительно крикнула:

— Дри! Урдл дри!

— Дри, — угрюмо согласилась первая. — Урдл дри.

Похоже, головы договорились. Однако для Бинни мало что прояснилось. Он потер воспаленные

глаза, пытаясь все обдумать. Галлюцинация? Вполне возможно. Повинуясь порыву, он робко протянул руку и коснулся тощего, покрытого пушком когтя. В ответ коготь схватил и сердечно пожал его руку, что едва не прикончило бедолагу Бинни, который содрогнулся и отдался на волю судьбы.

— А, ньяста, — сказал более низкий голос.

Бинни почувствовал, как к нему прикасаются. Стало неприятно. Когда он снова открыл глаза, прямо напротив него были пытливые зрачки головы с бакенбардами.

Существо (или существа) указало вверх, что-то вопрошая. Неясно, почему это воодушевило Бинни, но он встал и огляделся. А затем заорал.

Его стиснули сильные когти.

Серая складчатая мембрана существа выпросталась и приняла вид мощных, как у летучей мыши, крыльев. Бинни почувствовал, что его отрывают от земли. Желудок сделал кульбит. Самое странное, что ярость Бинни была вызвана унижением, ведь его сцапали за заднюю часть штанов… Глаза налились кровью от гнева.

Сокрушительный толчок, тошнота, дезориентация. Бинни тяжело упал, приземлившись на четвереньки на металлическую поверхность и

вызвав жуткий гул. Чей-то хриплый голос исторгал проклятия… Однако Бинни с облегчением узнал старую добрую бруклинскую ругань, без всяких там «ньяста» или «урдл дри».

Взвизгнули тормоза. Появившийся полицейский стянул Бинни с капота грузовика и выдал:

— Ха! Знаю я вашего брата. Прыгнул — и как ничего не было, да?

Бинни огляделся. Он был на нью-йоркской стороне тоннеля Холланда, вокруг возвышались знакомые небоскребы. Сигналили такси, вдалеке грохотал трамвай. На фоне серого грозового неба вырисовывался Эмпайр-стейт-билдинг.

— Нет, — сглотнув, ответил Бинни. — Я… я упал. Оттуда, с пандуса.

И он ткнул дрожащим пальцем в ту сторону.

После долгого спора с представителем правопорядка Бинни наконец получил свободу и поковылял к станции метро.

В поезде случилась небольшая давка. Получивший зонтиком под ребро и зажатый между двумя толстыми и вонючими джентльменами, Бинни тщетно голосил на своей станции: «Пустите, пожалуйста!» — но напрасно. Тогда он принялся отважно пробиваться сквозь толпу, потихоньку закипая от гнева.

Вдруг какая-то женщина закричала и бессвязно залепетала, указывая на Бинни. Он даже не понял, что ненадолго исчез и вернулся столь же внезапно. Лишь на миг мелькнуло видение: он стоит в бледно-алом свете, совершенно один, если не считать незнакомца, прижавшегося к нему в вагоне.

Выбравшись из метро, Бинни неожиданно ахнул: его смятенный разум вдруг осознал видение. Тогда коммивояжер влетел в ближайшую аптеку и спешно позвонил в Джерси. Ответ последовал почти сразу.

— Клянусь богом, — воскликнул Бинни, — что было в той бутылке, которую вы мне всучили, профессор? Опиум?

Судя по приглушенному хрюканью, он позабавил собеседника.

— Опиум? Я же сказал: сам не знаю, что это такое. Ни лакмусовая бумажка, ни другие тесты не помогли определить вещество. А почему ты спрашиваешь?

Бинни подробно рассказал о случившемся.

На другом конце провода повисла пауза. Затем профессор восторженно заговорил:

— Это же замечательно! Мой мальчик, ты перенесся в другую вселенную! В иное измерение,

параллельное нашему, существующее на другой частоте вибрации. Электрическое напряжение от удара молнии в сочетании с моим эликсиром отправило тебя в другой мир! Как бы я хотел создать побольше такого средства! Но, боюсь, секрет его утерян.

— Так все это было взаправду? Это был не сон?

— Очень даже взаправду. Конечно, я могу утверждать лишь в теории, опираясь на твой рассказ, но случившееся согласуется со всеми принципами неевклидовой физики. Планк назвал бы это…

Сказанное несколько озадачило Бинни.

— Что? — переспросил он. — Какая еще «лампада пиццы»?

— Лямбда. И пи, число пи. Часть формулы, то есть уравнения… Да не важно, ты все равно не поймешь. Просто представь себе, Бинни, два взаимосвязанных мира, существующих в одной и той же плоскости, но на разных уровнях частоты вибраций. А ты везунчик, знаешь ли! Высота земной поверхности в том, ином мире могла не совпасть с нашей; тогда ты материализовался бы под землей или в милях над ней. Где-где, еще раз, ты приземлился?

Бинни снова рассказал о площади в форме полумесяца, и профессор рассмеялся:

— Тебе повезло вдвойне! Нью-Йоркский выезд из тоннеля Холланда лежит в той же точке, что и площадь-полумесяц из красного мира. А если бы все произошло, когда ты был бы, скажем, в Эмпайр-стейт? Ты оказался бы в ином мире, более чем в тысяче футов над землей. Что это за звук? Ты еще здесь?

— Э-э-э… Да, — ответил Бинни, подняв с пола телефонную трубку, которую выронил от ужаса.

— Итак, следующий вопрос. Ты сказал, что возвратился в Нью-Йорк сквозь измерения, стоило тебе разозлиться? Прямо в тот момент, когда создание уносило тебя прочь? Это очень важная деталь. Дай-ка подумать… — Профессор побормотал, поворчал и снова заговорил внятно: — Кажется, я понял. Адреналин. Железы внутренней секреции. О них мы знаем немного, зато нам известны три фактора, имевших место при ударе молнии в тоннеле Холланда. Электроэнергия, мой эликсир и адреналин в твоей крови, раз ты говоришь, что был зол. Что-то из этого могло стать катализатором химической реакции, которая повлияла на твою физическую структуру. В результате ты переместился из одного измерения в другое.

— Но я же вернулся…

— Потому что злился. Потому что снова ощутил приток адреналина. Вероятно, эликсир образовал суспензию в тканях твоего тела. Молния могла стать исходным катализатором, но теперь и она не нужна. Каждая вспышка злости будет возвращать тебя в тот мир. Разозлишься — и ты уже там. Все это, конечно же, только теория, — торопливо поправился профессор, — но ты сам сказал: в метро что-то произошло. Перескажи все заново, будь добр.

Оператор телефонной связи попросил бросить в щель пятак, после чего Бинни продолжил рассказ.

— А, — усмехнулся профессор. — Выходит, человеческое тело тоже обладает проводимостью наподобие электрической. Ты можешь взять кого-нибудь с собой в другое измерение, что и произошло с тем человеком в метро. К счастью, все длилось не дольше мига.

— Да послушайте же, — безнадежно молвил Бинни, — я с ума схожу. Что мне делать?

— Что делать? Ничего. Я найду какое-нибудь средство. Позвони сегодня вечером. Не волнуйся, я придумаю, как нейтрализовать эликсир и вернуть тебя в нормальное состояние, — утешил его профессор. — Но если, э-э-э, за это время ты

снова попадешь в то измерение, попытайся прихватить камеру. Я всегда настаивал на том, что Земля — не единственный обитаемый мир. Буду признателен, если тебе удастся добыть доказательства… — Он прервался, чтобы послушать Бинни. — О, конечно, если все это настолько тебя тревожит… Хорошо, я сейчас же отправлюсь в свою лабораторию и посмотрю, что можно сделать. Помни: ты в полнейшей безопасности, пока не злишься и в твоей крови нет адреналина. Позвони мне в восемь!

— Хорошо, — согласился Бинни и повесил трубку.

В голове был сумбур. Профессор, вне всяких сомнений, понимал, что происходит, а вот он, Бинни, вообще ничего не понимал. Лампада пиццы, черт бы ее побрал!

Он поднялся в свой офис. План был таков: пригласить Сьюзен Блайт пообедать и провести с ней весь день, ведь в присутствии Сьюзен злиться просто невозможно. А в восемь он позвонит профессору.

Сьюзен была очаровательной девушкой в опрятном сером костюме, сшитом на заказ. Ее глаза и волосы были черными. Сердце Бинни екнуло, стоило ему взглянуть на нее.

Она отвлеклась от коммутатора.

— Привет, — неуверенно произнес Бинни.

— Привет, — дружелюбно ответила она. — Ты вовремя: по субботам офис закрывается как раз в полдень.

— Здорово. Не хочешь ли… гм… пообедать со мной?

— Мне очень жаль, Джо, но Тим уже пригласил меня на Кони-Айленд. — При виде уныния, охватившего Бинни, ее лицо смягчилось. — Почему бы нам не пойти всем вместе? Купальный костюм можно взять напрокат.

— Спасибо за предложение, — кивнул коммивояжер и осторожно постучался во внутренний кабинет.

Войдя, он вскоре вернулся к Сьюзен с несчастным видом.

— В чем дело? — сочувственно спросила она.

— А, да ничего. Потеряли крупный заказ, и все. Деннлер сказал, что я… я…

Бинни сглотнул слюну.

Похоже, Деннлер многое наговорил их боссу, в том числе о дурацких трюках с исчезновением и опасном влиянии шока на людей со слабым сердцем и высоким кровяным давлением. Бинни так и не рискнул напомнить про обещанное по-

вышение. Но босс сделал это вместо него: теперь Бинни мог вообще забыть о повышении.

На пляже Кони-Айленда Бинни всячески старался забыть о своей неудаче. Настроение омрачал Тим Блейк — та еще заноза в заднице. Купальный костюм — у Бинни он был из проката — висел на его худощавом теле самым жалким образом, а на Блейке сидел как влитой, выгодно подчеркивая рельеф мышц.

Мрачный Бинни заплыл за буйки. Пожалуй, только плавание ему и давалось — в юности он заработал немало медалей. Его тонкое тело рассекало водяную гладь с удивительной скоростью и грацией.

Сьюзен, однако, не пожелала мочить свой новый купальник. И когда Блейк с глупой ухмылкой развалился рядом с ней на песке, вконец возмущенный этим Бинни позвал его поплавать. Блейк поколебался, затем взглянул на Сьюзен и согласился.

У Бинни была своя тактика. Он плыл быстро, но не слишком, чтобы не отрываться от соперника. Когда Блейк уставал, Бинни его подбадривал — и вот наконец они добрались до плота вдали от берега. Блейк взгромоздился на него, едва дыша. Бинни тут же развернулся и быстро направился

к берегу, уверенный, что сможет провести время со Сьюзен, пока соперник не наберется сил. Ухмыляясь, он пропускал мимо ушей яростные окрики Блейка.

Людный пляж не очень подходил для тихой беседы. Сьюзен предложила переодеться, и Бинни согласился, заметив искру злости в ее глазах, устремленных в море (Блейк все цеплялся за плот, совсем неразличимый с большого расстояния). Однако позже Бинни пришлось пожалеть о своей дерзкой выходке.

Они со Сьюзен прогуливались вдоль променада, направляясь к вокзалу, когда перед ними выросла мощная фигура в купальном костюме. Красивое лицо Блейка искажала ярость. Он выразил истовое желание порвать Бинни на клочки и развеять по ветру.

— Да будет тебе, большой задира, — сказала Сьюзен. — Ты сам уплыл, оставил меня одну…

— Вот именно, — с воодушевлением огрызнулся Бинни. — Себя пойди развей.

Ответом был безумный рев, а вслед за этим Блейк продемонстрировал бесспорную силу кинетической энергии, вмяв кулак в тощую грудь Бинни. Того отбросило от удара, но он тут же вскочил, сверкая глазами. Не будь рядом Сьюзен,

ему бы хватило благоразумия, чтобы спастись бегством. Вместо этого Бинни с разворота ушел от нового удара Блейка и врезал ему по носу.

Как оказалось, это было ошибкой. Блейк яростно взвыл, схватил Бинни за горло и повалил его, прижав коленом к земле. Бинни тщетно пытался вдохнуть, слабо отбиваясь дрожащими руками; Сьюзен тем временем взобралась на шею Блейка и мутузила его в области ушей, но без толку. Вокруг драчунов собралась толпа.

Бинни захлестнули ярость и унижение. Сделав отчаянное, натужное усилие, он попытался сбросить обидчика, кровь так и пульсировала в висках. На мгновение он впал в ослепляющий шок… Дощатый настил исчез, все поглотила великая алая пустота.

Бинни видел бледное и испуганное лицо Блейка, широко распахнутые темные глаза Сьюзен, когда все трое слегка ударились о твердую поверхность. В красном небе светило красное солнце…

Вдруг послышалось трепыхание огромных крыльев. Тени всех троих остались на земле, когда дюжина когтей подхватила и унесла их, все еще державшихся друг за друга.

Все вопросы отошли на второй план, остался лишь безрассудный порыв: удержаться, ухва-

титься за что-нибудь. Так они летели, ветер завывал у них в ушах.

Один лишь Бинни имел представление о том, что случилось. Надпочечники, будь они неладны! Он снова разъярился, и его атомная структура поменялась. Как и предсказал профессор. Вместе с ним в другом измерении оказались Сьюзен и Блейк, потому что человеческое тело, видать, проводит эту сверхъестественную энергию, совсем как электричество. Как и предполагал профессор.

Ровная, твердая, белая и безликая земля осталась далеко внизу. Они летели вверх, вдоль склона громадного утеса… нет, не утеса, а стены высокого здания. Бинни узнал того, кто его держал: пушистое, крылатое, как летучие мыши, двуглавое существо.

— Ньяста дри урдл, — сказала одна голова.

И Бинни слабо застонал. Ну зачем они снова?

Шесть крылатых существ, неся человечью добычу, достигли верхушки здания и устремились вдоль крыши. Мимо проносилась плоская однотонная поверхность, доводя трех людей до головокружения. Пока что им было некогда думать или строить теории — они крепче прижались друг к другу, и все…

Существа летели быстро, но все равно прошло немало времени, прежде чем крылатые зависли над широким колодцем-полумесяцем, вделанным в крышу, и медленно опустились. На дне колодца Бинни увидел озелененную площадь с бассейном, мерцавшим в центре. То самое место, где он очутился, впервые попав в этот мир.

Люди с глухим стуком ударились о тротуар. Бинни оказался в самом низу. Блейк высвободился из когтей с воплем ужаса, вскочил — и мгновенно исчез.

Вот так просто. Только что он был здесь, высокий, мускулистый, в черном купальнике, и вдруг раз — и нет! Крылатые в замешательстве вздрогнули.

— Ньяста вурн! — взволнованно произнес кто-то, и когти снова сжались.

Людей снова подняли в воздух, правда теперь только двоих.

Мозги Бинни не прекращали работать даже в эти ужасные минуты. Профессор сказал, что человеческое тело проводит межпространственную энергию как электрический ток. Бинни был оголенным проводом, во всех смыслах слова. Дотронувшись до него, Блейк тоже зарядился этой энергией, но как только связь прервалась…

Все, никакого тока. Блейк вернулся в земное измерение, потеряв контакт со странной энергией, удерживавшей его в красном мире. Но почему Бинни не мог вернуться тем же путем? Возможно, дело было в профессорском эликсире, впитавшемся в его мягкие ткани. Бинни мог перемещаться из одного мира в другой на длительное время, а Сьюзен и Блейк — не могли. Только физический контакт с Бинни удерживал их от возвращения на Землю.

Итак, Блейк сумел вернуться в Нью-Йорк. А Бинни и Сьюзен остались пленниками крылатых, взмывавших в небо…

Бинни простонал, вспомнив, как впервые очутился на площади в форме полумесяца. Она была на одном уровне с тоннелем Холланда в Нью-Йорке. Блейк, вне всяких сомнений, угодил туда.

Глаза Сьюзен были закрыты, она крепко прижалась к Бинни, уткнувшись носом в его плечо. Это не могло не взволновать его — даже в такой момент. Затем он опомнился и, глядя на своих двуглавых похитителей, захотел потерять сознание.

Однако, вместо того чтобы вырубиться, Бинни почувствовал, как его мягко опускают на крышу возле колодца, на дне которого виднелась та

площадь. Мгновение он лежал смирно, обнимая за плечи Сьюзен и глядя на нечеловеческие лица с рыжей шерстью, глазами-тарелками и раздутыми губами. Сьюзен вздрогнула, и Бинни это почувствовал.

— Не бойся, Сьюзен, — выдавил он, — они н-не причинят нам вреда.

— Дри, — загадочно произнес один из крылатых.

Бинни начал было привставать и вдруг замер от ужасающей мысли, крепко держась за Сьюзен. Их унесли на крышу, что находилась на двухсотфутовой высоте над зеленой площадью. Если отпустить Сьюзен сейчас, она, как и Блейк, вернется в свой родной мир — и окажется в двухстах футах над Нью-Йорком!

Бинни закрыл глаза и увидел, словно наяву, как тело Сьюзен материализуется над небоскребами и разбивается о тротуар — ох!

Что профессор сказал ему пару часов назад? «А если бы все произошло, когда ты был бы, скажем, в Эмпайр-стейт? Ты оказался бы в ином мире, более чем в тысяче футов над землей».

Но теперь все было наоборот. Город двуглавых существ казался огромным кубом, простиравшимся насколько хватало глаз. Они были на

крыше, и, если бы вернулись в Нью-Йорк прямо в этот момент, Бинни, судя по всему, оказался бы на двести футов выше Сорок второй улицы.

О боже! Скорее бы на дно колодца, на площадь-полумесяц, ведь она примерно на том же уровне, что и тоннель Холланда на Земле. Но спуститься с этой безразмерной крыши явно было невозможно: Бинни не наблюдал ни лестниц, ни лифтов. Да и разве нужно все это крылатым созданиям?

Глубоко вздохнув, Бинни стиснул Сьюзен так крепко, что та протестующе вскрикнула.

— Нам… нам нужно вниз! — пробормотал Бинни и бросил взгляд, полный ужаса и мольбы, на нечеловеческие лица вокруг него.

Когда Бинни указал вниз и энергично закивал, голова одного из крылатых сказала:

— Урдле ньяста.

Но вторая голова тут же возразила:

— Дри вурн.

— Ойлива, — произнес другой крылатый.

И больше ничего.

Бинни осторожно затормошил Сьюзен.

— Все в порядке, д-дорогая, — прошептал он. — Открой глаза. Мы в б-безопасности.

Слова застревали у него в горле.

Но Сьюзен отказывалась шевелиться и лишь

сильнее вжималась лицом в плечо Бинни.

— О, Джо, — выдохнула она, — что все это значит?

Один крылатый когтем потянул Сьюзен за волосы, явно чтобы изучить ее. Рассердившись, Бинни оттолкнул коготь и тут же побелел от ужаса.

Он почти что вышел из себя. Это был бы конец. Когда Бинни злился, его надпочечники работали на всю катушку. Бинни и Сьюзен переместятся в другое измерение и окажутся высоко над оживленной улицей и ее чрезвычайно твердым асфальтом…

— Боже, пошли мне смирение! — взмолился Бинни.

В отчаянии он пробовал думать о других вещах. Сложно злиться, когда тебе страшно, так что Бинни представлял разнообразные жуткие картины. И это, как оказалось, был вернейший способ обрести недюжинную смелость. Вскоре Бинни понял, что все попытки напугать себя тщетны. Даже чужеродная угроза в лице двуглавого чудовища несколько поблекла. Конечно, чудище не было человеком, но вело себя совсем как зеваки в Кони-Айленде. Вот только оно явно не понимало, чего хотел Бинни…

Бинни указал на себя, на ближайшее к нему

крыло и на дно колодца. Двуглавое существо немедленно подхватило Бинни и расправило крылья. Он был так удивлен, что почти оторвался от Сьюзен — рука девушки выскользнула из его пальцев, — однако тут же сумел схватить ее за запястье. Но хватка с каждым мигом ослабевала.

Стеная, Бинни свободной рукой яростно лупил по удерживавшим его когтям. Крылатый, явно придя в удивление, вновь приземлился на крышу, отпустил Бинни и воззрился на него широко распахнутыми глазами.

— Глупая образина! — выдавил Бинни, прижав к себе обмякшую Сьюзен. — Будь ты проклят… Нет, нет. Нельзя злиться. Это… Это смешно. Да-да, обхохочешься. О боже!

Безмолвная Сьюзен как раз потеряла сознание. Бинни смог расстегнуть ее пояс и завязать один конец на своей талии, а другой — на ее талии. Затем он сел, крепко обняв Сьюзен одной рукой, и повторно указал вниз.

На этот раз головы смотрели на него с полнейшим недоумением. Похоже, они уже уяснили: ни в коем случае нельзя делать так, как он показывает.

— Урдл а дри, — сказала одна голова. — Дри ворн.

Тут у Бинни возникла новая идея. Подражая, насколько можно, странному тонкому голосу, он пропищал:

— Урдл а дри!

Крылатые тут же пришли в неистовство, возбужденно запорхали и запрыгали, совершая причудливые неуклюжие движения. Из раздутых губ вырвался необычный свист.

«Что ж, — подумал Бинни, — вот мы и подружились, по крайней мере». И пропищал, завершая свою фразу:

— Дри урн!

Вмиг воцарилась мертвая тишина. Крылатые вновь обступили их и вперились в Бинни пустыми бессмысленными глазами. Они не шевельнулись, даже когда коммивояжер яростно выругался, грозя им кулаком. Затем он одумался и простонал:

— Нет. Не злиться. Не злиться!

Закрыв глаза, Бинни глубоко вдохнул и начал считать про себя. Дойдя до тридцати, он приоткрыл глаз, увидел все те же ничего не выражавшие лица и закусил губу. Хоть бы эти твари что-то делали! Почему они просто стоят с глупым видом? Чего они ждут? Что им нужно? Думают, у Бинни вырастут крылья и он улетит?

— Не злиться. Раз, два, три, четыре… Очень хорошо, что Сьюзен без сознания. Если она впадет в истерику и попытается уйти от меня…

Как по команде, Сьюзен очнулась и начала вертеться. Бинни напрасно пытался ее успокоить.

— Сьюзен, все хорошо, просто расслабься…

Но та бросила быстрый взгляд на двуглавое чудище, вскрикнула и стала вырываться из рук Бинни с удвоенной силой. Мужчина почувствовал укол раздражения и нервно рявкнул:

— Тихо! Мне нельзя… — Тут он оборвал сам себя. — Не злиться. Раз, два, три… Сьюзен, хватит… Четыре, пять, шесть…

— Отпусти меня! Ох!

— Урдл а дри? — вежливо поинтересовался крылатый.

— Заткни… Семь, восемь, девять…

— Дри ворн.

— Не злиться. Десять, одиннадцать… Ай!

Проявив удручающую несдержанность, Сьюзен вонзила свои маленькие белые зубы в предплечье Бинни.

— Ах ты, маленькая… — Бинни едва не вышел из себя, но вдруг, слепо моргая от боли, посмотрел на испуганную Сьюзен и забормотал: — Я люблю тебя. Люблю тебя. Я тебя люблю!

После чего немедленно доказал свою любовь, нокаутировав даму сердца. Удар был аккуратным, метким, прямо в челюсть. Все потому, что Бинни бил с полным самообладанием, не гневаясь, а только слегка печалясь.

Сьюзен поникла. Глубоко огорченный этим, Бинни снова спрятал ее бесчувственное тело в своих спасительных объятиях. Взглянув на нечеловеческие лица, на которых был написан интерес, он обреченно понял, что его никто не собирается убивать. И снова принялся считать…

Огромное красное солнце заслонило собой все части багрового неба, доступные взгляду, а Бинни все так же вел счет. Мир словно замер. Двуглавые так и стояли, ничего не делая, лишь раздражая своим видом Бинни, который по-прежнему не мог позволить себе разозлиться. Им бы только спуститься вниз, на уровень земли! Но без крыльев надежды не было.

Сколько это будет продолжаться? Если они застрянут здесь на несколько дней, то умрут от голода — либо Бинни совсем ослабнет и выпустит Сьюзен из рук. Неужели крылатые создания совсем ничего не понимают?

— Ты и твой чертов удрл-дри, — с горечью прорычал Бинни. — Что за слова-то такие?

— А ньяста, — услужливо подсказала одна голова.

Время истекало, Бинни чувствовал, что ему все труднее сдерживаться. Вдобавок Сьюзен рано или поздно придет в себя, а он не мог бить ее постоянно. Вот был бы какой-нибудь способ…

Бинни обратился к своей памяти. С крыши никак не спуститься. Если же он материализуется в двухстах футах над Нью-Йорком, итог будет плачевным. А вдруг… а вдруг что-нибудь помешает падению? Но что именно? Что…

Вода!

— О-го-го! — с чувством проговорил Бинни.

Ну конечно! Падение в воду с высоты двухсот футов — это опасно, не очень приятно, но не смертельно. Особенно для Бинни, ведь вода была его стихией. Ближайшим к нему водоемом — в земном измерении — был Гудзон.

Но как его отыскать? Как вычислить правильное место, где Бинни сможет разозлиться, вернуться на Землю и аккуратно ухнуть в глубокую воду? Без ориентиров… Хотя был же ориентир: площадь-полумесяц! Бинни знал, что она совпадала с выездом из тоннеля Холланда. Значит, нужно всего лишь встать у внутреннего изгиба полумесяца, повернуться к нему спиной

и пройти… Сколько? Какова длина тоннеля Холланда? Бинни попытался вызвать этот образ в сознании и внезапно увидел себя, сидящего в автобусе с болтливым седым Деннлером и считающего металлические двери. Сто девяносто пять дверей, плюс-минус несколько — погрешность уже не важна. Кажется, двери отстояли на сорок футов друг от друга. Получается, длина тоннеля — ну-ка, посчитаем — около восьми тысяч футов. Отойдя на четыре тысячи футов, Бинни оказался бы примерно на середине реки — в другом мире, конечно же.

Вот и способ! Бинни встал и закинул на спину обмякшее тело Сьюзен. Она оказалась совсем не тяжелой, но и сам Бинни не был тяжеловесом. Доковыляв до края полукруглого отверстия в крыше, он посмотрел вниз и развернулся. Шагая, он скрупулезно вымерял расстояние: два шага — пять футов… десять футов… пятнадцать, двадцать…

Пройдя тысячу шестьсот шагов, Бинни остановился. Крылатые следовали за ним на небольшом расстоянии, вопросительно чирикая:

— Дри? Урдл дри?

— Себя урдл дри, — сказал Бинни, наконец-то отыскав нужное место.

Если его расчеты были верны, он стоял в середине, так сказать, Гудзона. Бинни сел, обнял Сьюзен и принялся яростно хлестать себя.

Наконец-то можно было разозлиться.

И тут он понял, что абсолютно хладнокровен.

Любой психолог легко объяснил бы ему причину этого явления, но с психологами в этом мире была напряженка.

Даже пустые лица крылатых с бессмысленными взглядами больше не бесили Бинни. Он осыпал их последними словами. Выразил крайнее неуважение к иномирянам, позвал их выйти один на один и был проигнорирован. И даже тогда не смог рассердиться.

Он ущипнул себя за предплечье, укушенное Сьюзен, попробовал вызвериться на нее. Все бесполезно. Он ведь любил ее.

Он подумал о Тиме Блейке и проигранной драке, чуть было не разозлился на этого силача… Но вдруг захихикал, вспомнив лицо Блейка, летевшего по воздуху. И где сейчас Блейк? Посреди Нью-Йорка — в купальном костюме!

Бинни помянул добрым словом счастливую предусмотрительность, которая заставила его и Сьюзен переодеться в уличную одежду, прежде чем они оказались в этой странной реальности.

Двое, выходящие из Гудзона в купальниках, вызовут больше вопросов, чем пара, упавшая с палубы парома.

Никакие мысли не помогали, и Бинни только стенал. Можно отпустить Сьюзен, та вернется на Землю, но она без сознания и не очень хорошо плавает. Она просто утонет. Бинни понял, что совершенно беспомощен. Способ побега существовал, но не хватало духу, чтобы разозлиться.

— Эх, бесхребетный ты таракан, — сказал себе Джо Бинни. — Жалкое, тупое подобие безмозглой рыбины! Ты даже разозлиться не можешь, когда надо. Какого черта ты, желтушный…

Вдруг Бинни ощутил безумное желание схватить самого себя за горло и придушить. Горькая, неистовая злость на бесполезного, глупого человечишку по имени Джо Бинни переросла в настоящую ярость.

— Урдл-дри! — услышал он голос крылатого, а затем…

Бам!

Мир кругом взорвался. Головокружение, шок, дезориентация… Крыша растаяла под ним, и он на миг увидел Гудзон далеко внизу, а затем сорвался в падение, крепко держа Сьюзен в своих объятиях.

По совершеннейшей случайности Бинни до смерти разозлился на себя самого.

Он старался расслабиться и при этом не давать их телам отклоняться от вертикального положения, сохранять равновесие и держать голову прямо.

Плюх! Они ударились стопами о воду, и их утянуло вниз; удар был такой силы, что весь воздух вышел из легких. Поток вырвал Сьюзен из его рук. Бинни лихорадочно забился в ледяной воде, а затем взял пояс, который все еще связывал его и Сьюзен. Обхватив девушку, он отчаянно погреб наверх.

К тому моменту, как они вынырнули, его легкие готовы были разорваться из-за нехватки кислорода. Слева виднелись Палисады Джерси, справа — башни Манхэттена. Его идея сработала. Все расчеты были верны.

Тяжело глотая воздух, чуть ли не задыхаясь, он поплыл к берегу. Сьюзен требовалась медицинская помощь, но Бинни был абсолютно уверен, что с ней все будет хорошо.

Два дня спустя Джо Бинни и Сьюзен сидели в кабинете своего босса Хортона. Пухлое лицо Хортона так и сияло.

— Считай, повышение уже твое, — произнес

он, — плюс прибавка к зарплате. Я уже получил десятки новых заказов. Замечательная реклама, Джо, просто замечательная! Вы попали на первые полосы!

— Просто не было других новостей, — скромно ответил Бинни, но Хортон жестом велел ему молчать.

— Какой изящный способ, мой мальчик, как элегантно! Нырнуть в Гудзон за Сьюзен, упавшей с парома! Вы оба могли утонуть. До чего мастерски ты упомянул о новинках «Пиннакл», общаясь с репортерами!

— А это заслуга Сьюзен, — пробормотал Бинни. — Если честно, это она все выдума… то есть объяснила все репортерам.

Сьюзен тайком пожала ему руку.

— Теперь ты менеджер филиала, — заявил Хортон. — Вот тебе первая задача: уволить мистера Блейка.

— Что? Я не… — Глаза Бинни расширились.

— Газет, что ли, не читал? Хотя не думаю, что ты читал дальше первой страницы. Блейк — позор компании. Устроил то еще зрелище. Кричал, ревел как сумасшедший… Без сомнения, он крепко выпил.

Сьюзен и Бинни быстро переглянулись.

— Н-но что он натворил? — спросил Бинни.

— Напился и пробежал по Сорок второй улице в одном купальном костюме, — с возмущением рявкнул Хортон. — Да этот парень, верно, совсем спятил!

— Ага, — ответил Бинни и поспешно вывел Сьюзен из кабинета.

Надежно схоронившись за шкафом с документами, он поцеловал ее.

— Все это был сон, правда? — спросила Сьюзен, едва отстраняясь. — Я про…

— Конечно, — заверил ее Бинни. — Всего лишь сон. Не переживай, больше это не повторится.

И он с глубоким вздохом вспомнил часы, проведенные в хаммаме, пока с его кожи под бдительным присмотром профессора испарялся странный эликсир — весь, до капли. Но оно того стоило. Больше никаких экскурсий в иные миры…

— Урдл дри, — невольно пробормотал он.

— Что? — воззрилась на него Сьюзен.

— Это… — произнес мистер Джо Бинни. — Это значит: «Я тебя люблю».

— Ах. — Сьюзен улыбнулась и мягко добавила: — Урдл дри.

Мы убиваем людей

В спокойном сиянии многоцветных огней на крыше здания светилась загадочная надпись: МЫ УБИВАЕМ ЛЮДЕЙ.

На стеклянной табличке в вестибюле Кармоди прочитал, что главный офис находится на третьем этаже. Никакие другие организации более не упоминались. Из нескольких лифтов работал только один, которым управлял заспанный болван в униформе, методично пережевывавший жвачку. Кармоди вошел в кабину.

— Третий, — сказал он.

Лифтер ничего не ответил. Двери закрылись, пол рванулся вверх и тут же снова замедлил движение. Болван открыл двери и тут же снова закрыл их за спиной Кармоди, едва тот шагнул на толстый ковер в просторной, хорошо обставленной приемной. Вдоль одной стены шел ряд дверей, пронумерованных от одного до десяти. Стена напротив лифта была пуста, если не считать нескольких картин в рамах и экрана размером шесть на шесть футов, на котором виднелось изображение молодого блондина, сидевшего за столом.

— Доброе утро, — произнес молодой человек, посмотрев на свой экран и встретившись взглядом с Кармоди. — Чем могу помочь?

— Гм… с кем бы я мог поговорить насчет…

— О, — спокойно сказал молодой человек. — Нашей службы ликвидации?

Кармоди промолчал.

— Вы клиент?

— Возможно. Зависит от обстоятельств.

— Понятно, — кивнул молодой человек. — Вами займется наш мистер Френч. — Он нажал несколько кнопок у себя на столе. — Да, сейчас он свободен. Не могли бы вы пройти в кабинет номер один?

Кармоди молча показал на нужную дверь, и молодой человек снова кивнул. Толкнув дверь, Кармоди вошел внутрь и с безмятежным видом огляделся. Он находился в небольшой комнате, меблированной просто, но со вкусом. Перед широким низким столом, на котором стоял маленький экран, располагалось мягкое кресло. Прямо под рукой удобно разместились пепельница и набор бокалов.

На экране были видны мужские голова и плечи — вероятно, принадлежавшие «нашему мистеру Френчу». Каштановые с проседью волосы,

худощавое, гладко выбритое лицо, острый нос, старомодное пенсне. Одет в строгий костюм, — по крайней мере, если судить по той его части, которую обозревал Кармоди.

Голос с экрана прозвучал сухо и отчетливо:

— Садитесь, пожалуйста.

Кармоди сел, закурил сигарету и с любопытством взглянул на экран.

— Меня зовут Френч, Сэмюэль Френч, — сказало лицо. — Как вы заметили, секретарь не спросил вашего имени. Если вы решите воспользоваться услугами нашей службы, оно нам, естественно, потребуется, но не прямо сейчас. Прежде всего позвольте вас заверить, что ничто из сказанного вами не будет считаться нарушением закона. Намерение совершить убийство не дает оснований для судебного преследования. Вы не являетесь соучастником ни до свершившегося факта, ни после. Как только вы это поймете, вы сможете свободно со мной говорить.

— Ну… — пробормотал Кармоди, — я немного… сомневаюсь.

— «Мы убиваем людей», — сказал Френч. — Ведь именно это вас сюда привело, не так ли? Вам нужно кого-то ликвидировать — ничем при этом не рискуя.

Кармоди привело сюда совсем другое, но этого он сказать Френчу не мог. Он должен был полностью погрузиться в роль, которую играл. С этого момента ему предстояло забыть, что он работает на Блейка и изображает клиента. По крайней мере, до тех пор, пока хоть что-то не выяснит об этой организации.

На Амазонке ему не приходилось заниматься ничем подобным. Но в бассейне Амазонки не было никакой цивилизации, даже через пятнадцать лет после окончания Второй мировой. За пять лет, которые Кармоди проработал там инженером-строителем, он видел мало перемен — плотина тут, железная дорога там, но ничто не могло затронуть тропический лес, великую реку и сезонные наводнения. Потом пришло известие об увольнении, и он, вне себя от ярости, первым же самолетом вылетел в Нью-Йорк, полный решимости щелкнуть большую шишку по носу.

Но этого он так и не сделал. Потом были таинственные посетители и беседы, закрытое аэротакси, унесшееся на север, и похожее на дворец Аладдина роскошное здание, в котором он узнал Оукхэвен, загородную резиденцию Рубена Блейка. Даже в нынешние времена сказочных состояний и супермагнатов Блейк был выдающейся

фигурой, представлявшей в своем лице деньги и промышленность — а также политику.

Оукхэвен был мечтой архитектора. Новые пластмассы и сплавы позволяли возводить подобные чудеса инженерной мысли — высокие колонны, уходившие в небо с казавшихся хрупкими просвечивающих полов, воплощенные в реальность замыслы Рэкхема и Сайма[40]. Двое охранников вели Кармоди из комнаты в комнату, пока он не оказался в находившемся на самом верху фешенебельном рабочем кабинете Блейка — на таком пространстве мог бы развернуться целый батальон. За столом из оникса, на крышке которого была выложена мозаикой шахматная доска, сидел рослый, не вполне трезвый хозяин кабинета, нервно перекладывая клочки бумаги по полям доски.

— Кармоди, — сказал Блейк, поднимая взгляд. — Рад вас видеть. Хотите выпить?

Он пододвинул стакан и бутылку. Кармоди положил руки на стол и уставился на Блейка.

— Я хочу знать, зачем я здесь, — потребовал он.

К удивлению Кармоди, в глазах Блейка чита-

---

[40] Notes: 40

Артур Рэкхем (1867–1939), *Сидни Сайм* (1865–1941) — английские художники.

лась лишь просьба.

— Прошу вас. Пожалуйста, сядьте и позвольте мне объяснить. Мне… мне пришлось кое-что сделать… вы все поймете. Но прежде всего — выслушайте меня. Я заплачу вам столько, сколько вы захотите. Если пожелаете — я позабочусь о том, чтобы вы снова получили свою работу в Бразилии. Я вовсе не пытаюсь вас к чему-то принудить.

— Почему меня уволили?

— Вы были нужны мне, — просто сказал Блейк. — Строительная компания могла обойтись без вас, а я не могу. Выпейте же, сядьте и дайте мне шанс все объяснить. Господи, я схожу с ума!

Это было похоже на правду. Что-то основательно подкосило Блейка, выбив надежную опору из-под его ног. Кармоди поколебался, но все же сел и посмотрел на шахматную доску. На каждой клетке лежал клочок бумаги. На первом было написано: «1 цент». На том, что рядом с ним, — «2 цента». На третьем — «4 цента», на четвертом — «8 центов». Последнее число было астрономическим.

— Угу, — сказал Блейк, — вы наверняка слышали старую байку. Про раджу, который предложил

своему фавориту выбор между половиной его царства или… не помню чем еще. Фаворит сказал, что ему вполне хватит шахматной доски, заполненной деньгами, на каждой клетке вдвое больше, чем на предыдущей. Не знаю, сумел ли раджа выплатить подобную сумму. Да и кто сумел бы?

— И что?

— Я обладаю немалой властью. Но мне нужен тайный агент. У меня есть противник — умный и хитрый. Некая организация. У них есть свои каналы, и если они хоть на мгновение заподозрят, что вы работали на меня, — сами понимаете. Вот почему я не мог действовать открыто. Если вы выполните мое задание — получите все, что захотите. В буквальном смысле.

Кармоди начал было отвечать, но замер с открытым ртом.

Блейк криво усмехнулся:

— Похоже, вы поняли. Я действительно могу дать вам все, что захотите, — в пределах человеческих возможностей. Я Рубен Блейк. Но буду им недолго, если вы мне не поможете.

— Я думал, у вас есть своя организация.

— Конечно есть. Но, повторяю, сейчас мне приходится действовать в обстановке строгой

секретности. Я выбрал вас из пятидесяти досье. Вы умны, не слишком щепетильны, разбираетесь в жизни. Вы вполне подходите для этой работы.

— Какой работы?

— Речь идет о некоем хитроумном плане, — сказал Блейк. — Он сводится к выбору: мои деньги или моя жизнь. И я вынужден расстаться либо с тем, либо с другим!

— Но — каким образом?

Френч поправил пенсне и устало проговорил:

— Наши клиенты всегда на первых порах относятся к этому скептически. Если только им не знакома наша репутация… вы никогда прежде о нас не слышали?

— Я только что вернулся из Бразилии, — сказал Кармоди. — Кое-что я и в самом деле слышал, потому и пришел к вам. Но я не вполне понимаю, каким образом вы можете это сделать.

— Совершить убийство?

— Именно. Закон…

— У нас надежный метод, — сказал Френч. — Его абсолютно невозможно обнаружить. Он неотличим от естественной смерти. Страховые компании — самые большие наши враги, но у нас есть целый корпус адвокатов, которые следят за тем, чтобы не оставалось ни единой лазейки.

За уклонение от уплаты налогов нас в тюрьму не отправишь!

— Зато могут отправить за убийство. Как насчет этого?

— Слухи не являются доказательством. Вы платите нам за то, чтобы мы убили вашего врага. Он умирает — по естественным причинам. Против нас были процессы, но никому не удалось нас обвинить. Вскрытие ничего не показывало, кроме отсутствия следов преднамеренного убийства. Можно назвать это страхованием наоборот. Страхованием смерти. Если ваш враг не умирает, мы возвращаем вам деньги. Но пока нам еще ни разу не приходилось этого делать — за исключением условий, оговоренных в пункте А.

— Каких?

— Об этом чуть позже. Прежде всего прошу меня извинить, но мы должны удостовериться, что вы добросовестный клиент. У нас нет времени на репортеров, шпионов или любопытствующих.

— Я потенциальный клиент, — уточнил Кармоди. — И мне нужно… да, мне нужно, чтобы работа была выполнена. Вот только я не хочу отправиться за это на виселицу.

Френч сложил вместе кончики бескровных пальцев:

— Мы работаем всего четыре года. Наша деятельность основана на некотором научном... э... открытии. Можно назвать это нашим патентом. И это, естественно, тайна — если сущность патента станет известна, нам нечего станет продавать.

— Вы имеете в виду принцип действия?

— Да, — кивнул Френч. — Как я уже сказал, мы развиваемся. Мы не слишком себя рекламируем, нам не хочется привлекать клиентуру из низших слоев. И мы действительно официально зарегистрированы, у нас есть лицензия на уничтожение вредителей, и мы содержим службу, занимающуюся истреблением клопов и термитов. Подобное мы не поощряем, но этим приходится заниматься ради фасада. Однако деньги мы делаем на убийствах. Наши клиенты хорошо платят.

— Сколько?

— Фиксированного тарифа нет. Это я тоже объясню чуть позже.

— Однако должен же быть какой-то минимум, — сказал Кармоди.

— Зачем? Прежде чем начать свою деятельность, мы очень тщательно подошли к делу, с привлечением специалистов в психологии и криминалистике. Опыт показал, что наша теория верна. Каковы могут быть мотивы убийства?

Кармоди начал загибать пальцы:

— Ну, жадность… зависть… месть…

— Гнев или корысть — два основных мотива. Первый встречается реже. Подобные преступления обычно совершаются под влиянием кратковременного эмоционального порыва. Стоит дать этой буре утихнуть, возможно поспособствовав этому некоторой суммой наличных, — и такой убийца обычно отказывается от своих намерений. Более того, зачастую он хочет доставить себе удовольствие, совершив убийство собственными руками. Да, конечно, у нас бывали и такие случаи. Но главный мотив — корысть. Большинство наших клиентов принадлежат к высшим слоям общества. В конце концов, мы предоставляем удобную услугу. Те, кто не столь богат, достаточно консервативны; у них своя мораль, и они считают, что платить за убийство — намного хуже, чем совершить его лично.

— Тогда как богачи лишены морали?

— Подобные ценности весьма относительны, особенно в наше время. Могущество и власть растут прямо пропорционально деньгам; если у вас достаточно власти, в своих возможностях распоряжаться чужими жизнями вы приближаетесь к богу. Богам же свойственно насылать бедствия и

метать молнии. Они могут уничтожать простых людей без зазрения совести. Но денежным магнатам нет нужды прибегать к нашей помощи, чтобы расправиться с врагами из низших слоев, — для этого у них имеется свое собственное финансовое оружие. Лишь когда боги сражаются друг с другом, они призывают на помощь. Я мог бы рассказать вам о случаях, которые наверняка бы вас удивили, — но, естественно, не стану этого делать. А теперь — обсудим ваш конкретный вопрос?

— Хорошо, — сказал Кармоди. — Этого человека зовут Дэйл, Эдвард Дэйл.

— Адрес?

Кармоди назвал адрес.

— Ваше имя?

— Альберт Кармоди. Вы не хотите узнать о моих… э… мотивах?

— Они будут проверяться. Большая часть наших текущих расходов направлена на проведение предварительной проверки. Как только мы убедимся, что у вас есть реальные мотивы убить Дэйла, мы приступим к делу. Цель этого — защитить себя от шпионов, сфабрикованных свидетельств и так далее. Мы все о вас выясним, мистер Кармоди, на этот счет можете не беспо-

коиться.

Дэйл был исполнительным президентом бразильско-американской компании, которая уволила Кармоди. Мотив был надежным и вполне соответствовал его достаточно вспыльчивому характеру.

— Сколько?

— Мы не устанавливаем цену. Это решаете вы.

— Десять тысяч долларов.

— Понятно, — сказал Френч, делая пометку в своих бумагах. — Теперь позвольте объяснить вам суть пункта А. В нашем бизнесе мы вынуждены придерживаться высоких стандартов честности и профессиональной этики. Мы связаны обязательствами с компанией Доу-Смита, по которым мы выплачиваем им штраф в размере девяноста пяти процентов наших активов, если будет доказано, что мы не соблюли условия контракта. У нас также есть и свои моральные стандарты.

— Гм? — спросил Кармоди, приподняв бровь.

— Именно так. Мы свели стоимость жизни к чисто денежному выражению. Вот как это работает. В ходе проверки оценивается примерный размер всего вашего состояния. Предположим условно, что вы стоите сто тысяч долларов. Вы

платите десять тысяч за убийство Эдварда Дэйла. Таким образом, его жизнь стоит десять процентов вашего состояния. Понимаете?

— Пока да.

— Если жизнь Дэйла стоит для него десять процентов от его состояния, мы возвращаем ваши деньги.

— Не понимаю.

— Дэйл будет извещен, что клиент потребовал его смерти. Ваше имя, естественно, фигурировать не будет, так же как и предложенная вами цена. Будет назван лишь процент. Если Дэйл заплатит десять процентов своего состояния, мы отказываемся от своих услуг и возвращаем вам деньги.

— Но как вы узнаете, есть ли у него вообще деньги?

— Вероятнее всего, у него их больше, чем у вас, иначе вы не нуждались бы в наших услугах, чтобы от него избавиться. Естественно, многое зависит от ваших мотивов, и это неизбежный риск. Но в среднем…

— Для меня это звучит как шантаж, — сказал Кармоди. — Если я плачу вам, чтобы вы убили Дэйла, а вы берете у него деньги, чтобы его защитить…

— Неизбежны лишь смерть и налоги. С того

момента, как мы заключаем с вами договор, Дэйл оказывается на грани смерти, а мы — в положении врача, который может спасти жизнь пациента и берет плату за свои услуги.

— После того, как ему предварительно ввели яд.

— У нас тоже есть этика, — сказал Френч, разводя руками и бросая взгляд на свои ухоженные ногти. — Мы приписываем денежную стоимость человеческой жизни, только и всего. А жизнь не столь нематериальна, как, скажем… аренда.

— В том-то и вопрос. Так или иначе — дайте мне подумать. Вы берете у меня чек на десять штук за то, чтобы убить Дэйла. Но если он платит вам десять процентов своего состояния, он остается жив.

— И ваши деньги возвращаются вам, в соответствии с пунктом А.

— Что мешает мне снова прийти неделю спустя и предложить двадцать тысяч за убийство Дэйла? Таким образом я могу его попросту разорить. Ему придется платить и платить, пока…

— Этика. Мы никогда не оказываем услуги дважды одному и тому же клиенту в отношении одного и того же субъекта. Таково правило. Вы можете снова прийти и нанять нас для убийства

кого-то другого — это допустимо, — или кто-то другой может прийти и заплатить нам за убийство Эдварда Дэйла, но мы никогда не примем от вас еще один заказ на то же самое.

— Но ничто не помешает мне заплатить какому-нибудь приятелю, чтобы он нанял вас для убийства Дэйла.

— Ничто. За исключением наших проверяющих. Они выяснят, откуда взялись эти деньги. И имеются ли у клиента реальные мотивы для того, чтобы желать Дэйлу смерти. Подлог так или иначе выяснится, и последует отказ.

— Понятно, — сказал Кармоди, и губы его искривились в легкой улыбке.

Он думал о том, какова будет реакция Дэйла. Дэйл, конечно, заплатит; Кармоди знал, что ему знакомы методы работы «Мы убиваем людей», и он наверняка отстегнет десять процентов от весьма немалого состояния, чтобы спасти свою жизнь. В этом Кармоди был втайне уверен. Ему самому приходилось в прошлом убивать, но никогда — хладнокровно. Нет, он не желал Дэйлу смерти. Но тот был виновен в двурушничестве. Он получил соответствующий приказ от Рубена Блейка и лишил Кармоди работы, которая ему нравилась и была ему нужна. Так что Дэйлу при-

дется за это заплатить. Не собственной жизнью, но десятью процентами своего состояния — что в итоге составляло намного больше десяти тысяч долларов!

Нет. Десять процентов — это была условная цифра, названная Френчем. Скорее она будет ближе к пяти, чем к десяти, — но все равно достаточно большой для того, чтобы оказаться болезненной для Дэйла. А в карман Альберта Кармоди деньги с неба не падали. Он честно их заработал, и никакая проверка не сможет опровергнуть этот факт, который являлся также одной из причин, по которой Блейк выбрал Кармоди…

— …чтобы помочь мне, — сказал Блейк в роскошном кабинете под крышей своего дворца две недели назад, глядя на шахматную доску перед собой. — Вам придется сделать это, Кармоди. Иначе я разорен.

— Фирма с подобным названием… — задумчиво проговорил Кармоди. — «Мы убиваем людей»… Почему их не прикрыли?

— Я говорил вам почему. Я объяснил. Но сейчас… что ж, сейчас все, что я могу сделать, — выяснить, как именно они убивают людей. Я не могу предпринять против них никаких экономических мер; их оружие — убийство, и оно

бьет без промаха. Они создали себе репутацию за четыре года.

— Без подтверждений?

— Без легальных подтверждений. Слушайте. Кэлман, нефтяной магнат, рассказывал мне, что они к нему обращались. Пятнадцать процентов от его состояния — и они в точности знали, сколько это будет, — или его убьют. Он послал их ко всем чертям. Он обеспечил себе юридическую помощь и защиту полиции. Две недели спустя его убил полиомиелит.

— Полиомиелит?

— Да. Сета Бергера — сепсис, Миллера — атипичная пневмония, Бронсона — ревматическая лихорадка, Джекла — спинномозговой менингит.

— Недавно?

— Нет, конечно, — сказал Блейк, наливая себе. — Большая часть этих случаев произошла по крайней мере три года назад. Джекл умер в прошлом году, но он страдал манией величия. Его охраняли днем и ночью. Он думал, будто сможет уцелеть. Результат — менингит.

— Каким образом?

— Никто не знает. «Мы убиваем людей» не подсылает кого-нибудь, чтобы тот ткнул челове-

ка иглой, если вы это имеете в виду. У них есть некий абсолютно надежный метод убийства, так что оно выглядит как смерть от естественных причин.

— Джекл был восприимчив к менингиту?

— Кто может знать? Может быть, да, а может быть, и нет. Послушайте, Кармоди, — люди выживают и после менингита, и пневмонии, и ревматической лихорадки. Но не Джекл, Бронсон или Миллер. У этой компании смертность составляет сто процентов. Забудьте о любых предосторожностях. Они не помогут. Если уж «Мы убиваем людей» за кого-то взялись, то он мертв! Я действительно хочу выяснить, как это работает. В чем состоит их фирменный секрет. Как только я это узнаю, я смогу сделать свой ход. Не обязательно законный, но действенный. Как вы уже успели понять, у меня хорошая организация.

— Да, успел, — сказал Кармоди.

Блейк поспешно отхлебнул из стакана, пролив несколько капель на подбородок.

— Я же извинился перед вами! Я сказал, что дам вам все, что только пожелаете!

— И вы действительно это можете. Именно поэтому я говорю «да». Но мне нужно больше

информации. Вы боитесь умереть?

Блейк вздохнул, поставил стакан и уставился в никуда.

— Конечно. И я боюсь, что все пропадет впустую. Я белая крыса, которая сходит с ума в лабиринте. Мои планы далеко еще не завершены. Я знаю свою среднюю продолжительность жизни, и у меня достаточно врачей, которым я плачу, чтобы они поддерживали мое здоровье, — если только меня не убьют. Но я не хочу стать бедным. Скорее я предпочту умереть.

— Чего хочет эта контора? Ста процентов вашего состояния?

— Это заговор, — сказал Блейк. — Хорошо продуманный, логичный заговор. Я говорил вам, как действуют «Мы убиваем людей». Они по-своему этичны. Но эти двадцать человек — или около того, я не знаю в точности, сколько их… именно они сводят меня с ума.

— И что насчет них?

— Они мои враги. Естественно, у меня есть враги. Они меня ненавидят, и полагаю, что у них есть для этого основания. Вероятно, я разорил многих из них разными способами. Я не извиняюсь за это. Я не могу найти каждого, кто пострадал по моей вине, и лично принести ему извинения

— или заплатить им. Их слишком много. И я не знаю, кто они все. Я открываю завод по производству пластика, и кто-то где-нибудь в Бирме лишается работы, его семья голодает — и он меня ненавидит. Знаю ли я хоть что-то об этом? Нет.

— Итак, у вас множество врагов. И что они делают?

— Они разоряют меня, — сказал Блейк. — Я уверен, они не слишком богаты. Я один из богатейших людей в мире, а таких немного. Нет, они все люди со средними доходами. Назовем их A, B, C и так далее. A — почти ничего не стоит. Никакого состояния, о котором имело бы смысл говорить. B — чуть побогаче, но ненамного. C — еще немного состоятельнее. Я все посчитал, Кармоди, и это вполне имеет смысл.

— И?

— Эти… враги собрались вместе и придумали план. Совместный план, как меня разорить. A — отправился в эту контору и предложил им один процент своего состояния, если они меня убьют. Прекрасно. «Мы убиваем людей» связались со мной и сообщили об этом. Я заплатил — один процент от того, чем я владею. Что оставило мне девяносто девять процентов.

— Так, — сказал Кармоди, — вы имеете в ви-

ду…

— Потом в «Мы убиваем людей» явился В и заплатил два процента от своего состояния. Он мог себе это позволить, у него чуть больше денег, чем у А. Контора потребовала от меня два процента моего состояния на тот момент — то есть после того, как от всей суммы был вычтен один процент. Я заплатил. Неделю спустя мне пришлось заплатить три процента. Потом четыре процента от того, что у меня осталось. Понимаете?

— Но… гм… да. Это означает, что проценты будут расти, в то время как ваше состояние будет уменьшаться.

Блейк схватил авторучку и начал быстро писать.

— Я знаю это наизусть. Предположим, все мое состояние изначально было представлено в виде условной суммы в сто долларов. Получается такой расклад.

Цифры выглядели следующим образом:

1% от	$100.00	,,,,,,,,,,,,,,,,	$99.00
2% от	99.00	,,,,,,,,,,,,,,,,	97.02
3% от	97.02	,,,,,,,,,,,,,,,,	94.11
4% от	94.11	,,,,,,,,,,,,,,,,	90.35
5% от	90.35	,,,,,,,,,,,,,,,,	85.83
6% от	85.83	,,,,,,,,,,,,,,,,	80.68
7% от	80.68	,,,,,,,,,,,,,,,,	75.03
8% от	75.03	,,,,,,,,,,,,,,,,	69.03

— Умножьте это на миллиарды, и все станет ясно, — сказал Блейк. — Немалая часть моих средств вложена в дело или заморожена. Я не могу разбрасываться деньгами, не обрекая на крах все мои планы. Можно ли придумать лучший способ свести человека с ума? Я не знаю, как долго это будет продолжаться. Когда я получу требование выплатить девять процентов, а потом десять, одиннадцать и… черт побери!

— Учитывая плату, которую вы предлагаете, — сказал Кармоди, — нужно быть дураком, чтобы не взяться за дело. Но, сами понимаете, в одиночку…

— К вашим услугам будут предоставлены все собранные нами данные. У меня есть штат военных и стратегических специалистов. И техников. У нас есть кое-какие штучки, которые могут вам помочь. У вас будет все необходимое для наступ-

ления и обороны. Однако в конечном счете все зависит лично от вас. Я хочу знать, каким образом совершаются эти… убийства. А после…

* * *

— …а после вас известят, — сказал Френч. — Как вы понимаете, сначала последует проверка с нашей стороны. Потом мы примем или отклоним ваш заказ. Наконец, мы дадим Дэйлу шанс заплатить соответствующий процент. Если он это сделает, то, естественно, останется жив.

Кармоди достал чековую книжку, но Френч предупреждающе поднял руку:

— В этом пока нет необходимости.

— Ладно. Но у меня есть еще одно дело к вам.

— Какое?

— Я ищу работу.

Френч удивленно посмотрел на него:

— Работу?

— Да. Меня уволили с хорошей должности, явно потянув за некие ниточки. У меня достаточно денег на обустройство, и я мог бы с легкостью найти другую. Но обычная работа меня не устраивает. Мне хочется чего-нибудь интересного. И теперь, когда мне кое-что о вас известно, я заинтригован. Весьма.

— Ну, — сказал Френч, — не знаю… Нечасто бывает, чтобы к нам приходил клиент и соискатель работы в одном лице.

— Я не рядовой человек. И у меня хорошая квалификация — я так думаю. Во всяком случае, для вашего бизнеса. Сами увидите, когда будете знакомиться с моим досье.

— Вам придется встретиться с мистером Хиггинсом, — сказал Френч. — Он президент фирмы. Естественно, личное собеседование крайне важно — так же, как и рекомендации.

— Вы сможете сэкономить деньги, — предложил Кармоди. — Вы все равно будете меня проверять в связи с Дэйлом, так что…

— Этим займется мистер Хиггинс, — повторил Френч. — Он встречается со всеми соискателями. Ко мне это, знаете ли, никакого отношения не имеет. Организационной работой занимается совет директоров. «Мы убиваем людей» состоит из отдельных подразделений — финансового, оперативного, службы безопасности и так далее, — каждое в определенной степени независимо. Но если вы хотите встретиться с мистером Хиггинсом, я организую встречу.

— Вот как? Вы?

— Конечно. Надеюсь, вы понимаете, что потре-

буются некоторые меры предосторожности?

— Могу понять.

— Очень хорошо, — сказал Френч, впервые за все время улыбнувшись. — В таком случае вас известят. Вопросы есть? Что ж, если нет — спасибо за то, что воспользовались нашими услугами, и всего вам доброго, мистер Кармоди.

Он вежливо продолжал оставаться на экране, пока Кармоди шел к двери.

Кармоди не стал ничего докладывать Рубену Блейку. Это могло быть небезопасно. Стратегический план был составлен неделю назад, и для Кармоди был открыт доступ к любым материалам, какие бы ему потребовались. С данного момента шпионы из «Мы убиваем людей» могли постоянно за ним наблюдать, так что вся его жизнь наверняка оказалась под подозрением. Блейк мог немного и подождать; самым главным сейчас было проникнуть в святая святых этой корпорации убийц. Некоторые технические штучки, имевшиеся под рукой у Кармоди, вполне бы пригодились, — например, миниатюрный беспроводной микрофон-сканер можно было установить в соответствующем месте, а также были другие интересные устройства. Пока же он выбросил из головы все мысли об этом и стал

вести жизнь человека, только что вернувшегося на родину из Южной Америки, — по большей части состоявшую из развлечений.

Два дня спустя ему позвонил Френч на номер телефона в отеле. Поскольку во время звонка Кармоди на месте не оказалось, разговор свелся к записанному монологу, хотя, как обычно, Кармоди заранее наговорил на автоответчик несколько вопросов.

— Могу я попросить мистера Кармоди?

— Он скоро вернется. С вами говорит автоответчик. Кто спрашивает?

— Сэмюэль Френч.

— Хотите оставить сообщение?

— Да. Просьба о собеседовании удовлетворена. В два часа дня на крыше Эмпайр-Руфпорт приземлится сине-белый вертолет. Это тот самый.

— Спасибо. До свидания.

Огромный небоскреб Эмпайр-Руфпорт возвышался над всеми другими зданиями в городе. Незадолго до назначенного часа пошел холодный моросящий дождь. Кармоди, выйдя из автоматического лифта, обнаружил, что крыша пуста, если не считать какого-то человека в пальто, который неуклюже сгорбился под прозрачным навесом, глядя через ограждение на улицу в полумиле вни-

зу. Никаких вертолетов не было видно. Человек у ограждения повернул к Кармоди знакомое лицо.

— Отвратительная погода, — сказал он. — О! Это вы?

— Это я. Что вы здесь делаете?

Вид у Эдварда Дэйла был довольно неловкий.

— Жду свой вертолет. Шофер наверняка скажет, что шторм задержал его над Лонг-Айлендом.

Кармоди подумал о том, не окажется ли этот вертолет сине-белым. Дэйл, черт побери! Этого просто не могло быть. Дэйл не мог оказаться президентом «Мы убиваем людей»!

— Как у вас дела? — помолчав, спросил Дэйл.

— Все в порядке. И все-таки я так и не понял, почему вы здесь.

— Я здесь работаю, — сказал Дэйл, показывая вниз, и Кармоди вспомнил, что один из офисов американо-бразильской компании находится в здании Эмпайр-Руфпорт.

— Вы не… э… ожидали меня встретить?

Дэйл искренне уставился на него:

— Конечно нет, Кармоди. С чего бы? А вы… ожидали меня увидеть?

— Нет, — ответил Кармоди, и Дэйл, озадаченно взглянув на него, снова повернулся к ограждению.

— Я же ему четко сказал. Что ж, подожду еще пять минут, а потом возьму такси.

Кармоди, хмурясь, наблюдал за происходящим. Моросящий дождь перешел в ливень. Дэйл сгорбился, бросил на собеседника мрачный взгляд и направился к лифтам.

— Больше ждать не стану, — сказал он. — Вызову такси из будки. Всего хорошего, Кармоди.

— И вам, — ответил Кармоди, все еще хмурясь.

Он посмотрел на часы. Шесть минут третьего.

В два часа одиннадцать минут на крышу опустился сине-белый вертолет, дверца открылась. Кармоди пробежал под дождем и, вскочив внутрь, захлопнул за собой дверцу. В то же мгновение вид и звуки внешнего мира пропали, будто их отрезало.

— Поганая погода, — произнес хриплый голос. — Давайте полетим куда-нибудь, где потеплее, — что скажете?

— Вы мистер Хиггинс?

Полноватый человек, сидевший за приборной панелью, развернул кресло, оказавшись лицом к Кармоди.

— Он самый. Идите сюда и садитесь рядом. — Человек показал на кресло справа от себя. — Погодите, пока я подниму в воздух эту ветряную

мельницу. Потом можно будет поговорить.

Усевшись, Кармоди украдкой бросил взгляд на Хиггинса. Впрочем, он мало что мог различить — тот был закутан в пальто и шарф, а его бесформенные руки, ловко управлявшиеся с приборами, скрывались под толстыми перчатками с подогревом. Голова его, однако, была непокрыта, и ярко блестела лысина. У него было круглое невыразительное лицо, нос кнопкой и рот, казавшийся слишком маленьким на фоне пухлых щек.

— Ну вот, — сказал Хиггинс, откидываясь на спинку кресла. — Теперь мы на автопилоте.

— Пункт нашего назначения — тайна? — спросил Кармоди, кивая на непрозрачное окно.

— Что? О да, возможно, возможно. В любом случае в такую погоду смотреть особо не на что, да и дождь не слишком радует. Итак, мистер Кармоди, к делу!

Кармоди показалось, что скорость полета увеличилась. Он уже чувствовал перегрузку, хотя в мягком кресле это не причиняло особых неудобств.

— Я не ожидал личного собеседования, — сказал он.

— Я беседую со всеми соискателями должностей, — улыбнулся Хиггинс. — Однако, прежде

чем мы к этому перейдем, есть еще один вопрос. Насчет того человека, Дэйла. Все в порядке. Мы все проверили и готовы принять ваш предварительный гонорар за его убийство. Как вы понимаете, если он выплатит нам соответствующий процент, деньги будут вам возвращены, и… надеюсь, вас это не слишком расстроит?

— Я понимаю.

— Хорошо. Ладно, по поводу работы. Что вы имели в виду?

— Не знаю, что вы могли бы предложить. Хотя работа в офисе меня бы не устроила. Мне бы хотелось чего-нибудь интересного.

— Вот как, — сказал Хиггинс, касаясь кнопок. — Слишком тут холодно. Снимите пиджак, если хотите.

Он неуклюже выбрался из пальто, стащил шарф с жирной шеи и снял перчатки. Через несколько минут кабина вертолета наполнилась приятным теплом.

— Что ж, — сказал Хиггинс, — у нас есть несколько направлений. Бумажной работы тоже полно. Также у нас имеется штат проверяющих и оперативная группа. Но последняя, я бы сказал, весьма специализированная.

— Могу себе представить. И я вовсе не ожидаю,

что получу работу сразу же — или без тщательной проверки. Кто знает, может, мне платит какая-нибудь страховая компания?

— Ах, эти страховые компании, — вздохнул Хиггинс, щелкнув языком. — Да, у нас с ними проблемы. Но наша контора надежно защищена, мистер Кармоди. И ее персонал тоже. Вы могли бы работать проверяющим, но оперативником — никогда.

Перегрузка усилилась. Кармоди это показалось слегка подозрительным.

— Никогда?

— Боюсь, что так, — сказал Хиггинс. — По самой своей сути… ну, раз вы хотите на нас работать, думаю, не будет большого вреда, если я кое-что вам расскажу. Но, как вы понимаете, ни одна живая душа не должна об этом знать.

Кармоди удивленно уставился на него, но президент, похоже, говорил вполне серьезно.

— Да, мы принимаем определенные меры, — сказал Хиггинс. — Наша тайна еще не просочилась наружу. Не знаю, что случится, если это все-таки произойдет, поскольку наш метод искусственно воспроизвести невозможно. Он… скажем так, он имеет естественное происхождение. Все наши жертвы умирают от естественных причин.

— Гм? — снова нахмурился Кармоди.

— Сейчас об этом не так уж много говорят, — непринужденно сказал Хиггинс, — но, полагаю, вам известно, что внутри каждого из нас сидят всевозможные микробы, вирусы и так далее? Даже в самом здоровом человеке посеяны семена смерти. Стрептококки, тиф, туберкулез, рак — все что угодно. Но обычно их настолько мало, что фагоциты в состоянии с ними справиться. Только когда вирус размножается, начинаются неприятности и возникает угроза активной фазы полиомиелита — или еще чего-нибудь. Так вот, мы просто умножаем число вирусов.

— Если то, что вы говорите, — правда… — начал Кармоди.

— Правда, но по секрету. У нас есть способ умножить число вирусов, вот и все. Когда-нибудь слышали про симбиоз? Взаимовыгодные отношения двух организмов? Вот и ответ. Есть вирус, назовем его «икс-вирус», который вступает в избирательные симбиотические отношения. Если ввести его в кровеносную систему человека, он выбирает самого сильного и предлагает ему сотрудничество. Это умный маленький вирус. Если в вашем организме сильнее всего вирус полиомиелита, он вступает в симбиоз с полио-

миелитом. Он с легкостью приспосабливается к любым условиям. В результате вирус полиомиелита начинает быстро размножаться — хотя и не настолько быстро, чтобы это показалось ненормальным. Нетипичным — возможно, но не ненормальным. Если полиомиелит удается излечить, икс-вирус остается в кровеносной системе и ищет следующий по силе вирус. Менингит или туберкулез. Что угодно, лишь бы оно было злокачественным. Человеческий организм не в состоянии выдержать одну атаку за другой — полиомиелит, менингит, туберкулез, рак и дальше по списку. Смерть неизбежна. Боюсь, я не слишком умею объяснять подобные вещи. Я организатор, а не техник. Но возможно, вы уловили суть?

— Уловил, — сказал Кармоди. — И впрямь получается смерть от естественных причин.

— Верно, — кивнул Хигинс, негромко хихикнув. — Единственная проблема — как ввести вирус жертве. Именно тут в игру вступают наши оперативники. Они отличные мастера своего дела. Собственно говоря, для этой работы нужно родиться.

— Вы говорите о них так, будто они радиоуправляемые москиты.

— Нет, они люди — но они мутанты. По тем или иным причинам нам пришлось включить их в совет директоров. Именно они основали «Мы убиваем людей». Они настоящие мутанты. Пока их немного, но будет больше. К несчастью, они не в состоянии иметь потомство от обычных людей, только между собой. Так что… — Хиггинс развел пухлыми руками.

— Мутанты, — пробормотал Кармоди, чувствуя, как к горлу подступает комок.

— Икс-вирус вполне естественен для них, — объяснил Хиггинс. — Это обычная составляющая их кровеносной системы, часть их довольно-таки странного метаболизма. Попав в кровь человека, он становится смертелен. В том нет ничего удивительного, — например, некоторые группы крови весьма опасны в сочетании с другими. За всем этим стоит естественный отбор, но мы не в состоянии читать мысли матери-природы. Первые настоящие люди были мутантами, которые получили разум и в результате стали доминирующим видом. Соответствующей ловкостью они уже обладали и до этого. Наши ребята с икс-вирусом уже унаследовали интеллект, так что, возможно, этот новый вирус — их способ стать доминирующим видом. Хотя с точки зрения природы это

не слишком дальновидно. Люди уничтожили бы мутантов, как только бы о них узнали. Для людей они носители заразы.

— Не понимаю, как мутанты выжили в младенчестве, — сказал Кармоди.

— На развитие требуется время. Кровь младенца способна смешиваться с кровью любой другой группы и лишь позднее обретает специфические свойства. И тут примерно так же. Наши мутанты выглядят совершенно нормальными, пока не повзрослеют. Лишь после этого начинает развиваться икс-вирус. Но вы и сами понимаете, в какой опасности они оказываются! В человеческом обществе им не избежать все возрастающих подозрений и в конечном счете — реальных проблем. И они отнюдь не супергении. Некоторые из них — прекрасные специалисты, но не в большей степени, чем обычные люди. Возможно, интеллект может стать столь же рудиментарным, как и ловкость, удобной дополнительной способностью. В будущем, в мире мутантов, вероятно, мало кто будет отличаться интеллектом, так же как сейчас обстоит дело с атлетами. Не знаю, что станет главным; одного икс-вируса явно недостаточно. Быть может, инстинкт. Однако, если мутанты вообще хотят выжить, им

придется хранить свое существование в тайне. А поскольку они не супергении, они вынуждены как-то зарабатывать на жизнь.

— Вот как? — пробормотал Кармоди, чувствуя тревожный холодок между лопаток. Хиггинс говорил чересчур много и чересчур откровенно.

— Что они и сделали. Они создали свой собственный личный мир, приспособленный к их мутировавшим потребностям. Маленькую утопию. Она тайно существует вдали от людей, в дикой местности, и не думаю, что людям когда-либо удастся ее найти. Это прекрасное место, и на его содержание требуются немалые средства. И потому — «Мы убиваем людей». Мутантам нужно было найти прибыльное предприятие, где они могли бы приложить свои узкоспециализированные таланты, — и так оно и вышло.

Так оно и вышло. Этим же объяснялась изначальная аморальность теории и практики, лежавших в основе деятельности конторы. Совет директоров не убивал себе подобных; они убивали представителей низшего вида. Человечество было игрушкой в руках мутантов. Даже среди зверей не могла бы процветать столь убийственная организация. Звери убивают сами.

Они…

Кармоди ощутил внезапный укол, но боль сразу притупилась и исчезла. Уши заполнил оглушительный рев, который столь же неожиданно смолк. Кармоди обнаружил, что смотрит на вертолет с расстояния в пятьдесят футов, через широкое пространство, усыпанное ослепительно сверкающим белым песком. Позади слышались монотонный гул и грохот.

Он сидел, прислонившись спиной к шершавому стволу дерева.

Через открытую дверцу вертолета виднелась фигура Хиггинса, который развернул кресло лицом к Кармоди.

— Вы были без сознания несколько часов, — сказал Хиггинс чуть громче обычного. — Я воспользовался мгновенно действующим снотворным.

Кармоди подобрал под себя ноги. Никаких последствий он не ощущал и чувствовал себя прекрасно.

— Не делайте этого, — сказал Хиггинс. — Я могу взлететь за секунду, а мне хочется с вами поговорить. Видите ли, мы думали, что вы шпион, но не были в этом уверены. Немногие обращаются к нам в поисках работы. Мы вас проверяли.

Кармоди полез в карман. Его пистолет исчез.

В ответ на его яростный взгляд Хиггинс лишь моргнул.

— Мы проверили вашу психику. Да, вы из тех, кто вполне мог бы желать смерти Дэйлу за то, что тот вас уволил. Но вместе с тем вам свойственна жадность. Не скупость, нет, но и тратить деньги впустую вы тоже не склонны. Сцена на Эмпайр-Руфпорт была подстроена. Мы постарались, чтобы вы — и Дэйл — оказались в ситуации, когда на крыше не было никого, кроме вас, и не нашлось бы ни единого свидетеля, если бы вы убили Дэйла лично. У вас был шанс. Вы могли столкнуть его за ограждение, уехать на лифте вниз — сами знаете, что он автоматический, — и вы добились бы своего почти без риска для себя. И вам не пришлось бы платить нам десять тысяч долларов. Но подобная мысль даже не пришла вам в голову. После чего сомнений у нас не осталось.

— Что вы собираетесь со мной сделать? — спросил Кармоди, чувствуя, как у него подергивается уголок рта.

— Ничего, — сказал Хиггинс. — Этот остров расположен вдали от воздушных трасс. Раз в полгода сюда прилетает самолет, чтобы скорректировать линии границ на океанской территории. У вас

осталось чуть больше четырех месяцев.

— А потом меня подберут?

Хигинс покачал головой:

— Вас похоронят, только и всего. Я тоже мутант. В вашей крови теперь икс-вирус. Мы не поощряем шпионов, мистер Кармоди. — Он со вздохом пожал плечами. — Я оставил вам кучу припасов, так что голодать вам не придется. Этот остров нам уже доводилось использовать. Ну, всего хорошего.

— Погодите, — сказал Кармоди, напрягая мышцы. — Еще один вопрос. Каким образом вы меня заразили?

Хигинс молча улыбнулся, посмотрел на свои руки — снова в перчатках — и развернул кресло. Кармоди рванулся с места, бросаясь к вертолету. В то же мгновение взревел двигатель.

Возможно, он и успел бы, если бы мощный поток воздуха не швырнул его на землю. Когда он сумел подняться, вертолет был уже далеко, летел, направляясь на восток. Кармоди стоял, глядя ему вслед, пока тот не превратился в точку.

Потом он огляделся по сторонам. Белые гребни волн разбивались о барьерный риф, а дальше простиралось голубое море, смыкаясь на горизонте с безоблачным голубым небом. Позади отбрасы-

вали прохладную тень карликовые пальмы и редкие джунгли. Из леса с негромким журчанием вытекал ручей, впадая в море.

Возле дерева, где он очнулся, стоял водонепроницаемый ящик. Кармоди открыл его. Там была еда — в изобилии и многообразии. С голоду он не умрет.

Закатав рукав, он поискал на коже след от иглы, но ничего не нашел. Тот легкий укол, который он ощутил в вертолете, был просто снотворное. Кармоди вспомнил перчатки Хиггинса и поморщился.

Икс-вирус — симбионт? Он должен был объединиться с самым сильным вирусом в его крови и…

Но с каким?

Кармоди стоял над ящиком, хмуро глядя под ноги и пытаясь вспомнить, от чего умерли его родители, их родители, родители их родителей. Была ли у него наследственная предрасположенность к какому-нибудь вирусному заболеванию? «Мы убиваем людей» проверяли его историю и вполне могли это знать. Но Хиггинс ничего не сказал.

Что-то на дне ящика привлекло внимание Кармоди — небольшой металлический контейнер.

Кармоди взвесил его в руке и, поколебавшись, открыл.

Там лежал стерилизатор, шприц с дюжиной тонких игл и запас морфия. Кармоди безмолвно пошевелил губами. Он стоял неподвижно, чувствуя, как шум прибоя превращается в грохот бури, а море и небо смыкаются вокруг подобно стенам тюрьмы.

Морфий. Чтобы убить боль.

Путь богов
1. Новые миры

Повсюду стояло октябрьское утро, и он смотрел такими глазами, словно впервые видел октябрь. Конечно, не впервые — но он знал, что впредь не увидит этой картины. Разве что там, где он окажется, бывает утро и бывает октябрь, а это вряд ли, хотя старик долго рассказывал о ключевых закономерностях, о селективности машины и о множестве вселенных, пылинками вьющихся в нескончаемом буране космоса.

— Я человек! — сказал он вслух, сидя по-турецки на теплой бурой земле.

Но ветерок мигом опроверг это утверждение: он почувствовал легкий рывок в области лопаток, когда в ответ на дуновение встрепенулись крылья и инстинктивно напряглись управлявшие ими развитые грудные мышцы.

Нет, он не был человеком. В том-то и проблема. Этот мир, этот яркий октябрьский мир, тянущийся до самого горизонта, служит пристанищем для доминантной расы и уважает ее господство. Среди людей нет места чужакам.

Других это не особо волновало. Почти с самого рождения их растили в особом приюте, полностью изолированном от человечества. Главным был старик. Он выстроил на склоне громадный дом, чьи изогнутые стены из пластика теплой расцветки сливались с буро-зеленым пейзажем; но теперь в этих стенах пробили брешь, и бастион пал.

— Керн, — прозвучало за спиной.

Крылатый мужчина повернул голову и бросил взгляд поверх изгиба черного крыла. От дома к нему спускалась девушка по имени Куа, о чьем полинезийском происхождении свидетельствовали сравнительно высокий рост, грациозная гибкость, свойственная народам Океании, блестящие черные волосы и теплого медового цвета кожа. На носу у девушки непроницаемо-черные очки, на лбу черное пластиковое очелье, тоже непроницаемое, но только на вид, а под очельем — прелестное лицо: щедрый изгиб алых губ и мягкие скругленные черты, характерные для островитян.

Она тоже не была человеком.

— Зря волнуешься, Керн, — улыбнулась девушка, глядя на него сверху вниз. — Все будет хорошо. Вот увидишь.

— Хорошо? — с издевкой фыркнул Керн. — Ты что, и правда так думаешь?

Куа привычно оглянулась на холм — нет ли поблизости посторонних, — после чего, подняв руки к лицу, сняла очки и черное очелье. Заглянув в ее ясно-голубой глаз, Керн почувствовал легкий шок. Он вздрагивал всякий раз, когда видел ее неприкрытое лицо.

Куа родилась циклопом с единственным глазом в центре лба, но когда разум смотрящего принимал ее той, кем она являлась, а не казалась, Куа выглядела очень красивой. Глубина и блеск окаймленного пушистыми ресницами голубого сияния на смуглом лице не шли ни в какое сравнение с глубиной и блеском человеческих глаз. В этом бездонном взгляде можно было утонуть, так и не достигнув его дна.

Глаз Куа был идеальным объективом со всеми присущими ему свойствами. Никто не знал, какие сверхъестественные механизмы скрывались за этой голубой поверхностью, но дальностью зрения Куа могла потягаться с телескопом, а при желании фокусировала взгляд на самых микроскопических мелочах. И это, пожалуй, далеко не все, на что было способно ее единственное око, но в приюте мутантов не было принято приставать

друг к другу с расспросами.

— Ты прожил у нас два года, Керн, — говорила Куа. — Всего-то два года. Ты понятия не имеешь, насколько мы сильны и на что способны. Брюс Гэллам знает, что делает. Он никогда не действует наобум; вернее сказать, его предположения всегда сбываются. Так уж устроен его разум. Ты нас не знаешь, Керн!

— Вы не способны дать отпор всему миру.

— Нет. Но мы способны оставить этот мир.

Куа улыбнулась, и Керн понял, что она не видит всей прелести золотистого утра. Она ничего не знала о городах, усыпавших Землю образца 1980 года, и жизнь людей была для нее совершенно чуждой. Такой же она должна была стать и для Керна, но крылья проклюнулись, лишь когда ему исполнилось восемнадцать лет.

— Не знаю, Куа, — сказал он. — Не уверен, что хочу этого. У меня были мать и отец, братья, друзья…

— Родители — твои злейшие враги, — решительно заявила Куа. — Они дали тебе жизнь.

Он отвел глаза от ее всепроницающего ока и посмотрел ей за спину, на громадный пластиковый дом — убежище, воздвигнутое после резни 1967 года, когда орды негодующих людей приступили

к планомерному уничтожению причудливых монстров, порожденных радиацией. Этого Керн, разумеется, не помнил. Он читал о резне, хотя подумать не мог, что окажется в подобной ситуации. И еще эту историю рассказывал старик.

Сперва была ядерная война, недолгая, страшная, поразившая планету неведомым излучением, а позже волна за волной стали рождаться уроды с самыми немыслимыми генными и хромосомными отклонениями, чудовищные отпрыски самых обычных людей.

Примерно десять из ста мутаций оказывались благоприятными, но даже они представляли опасность для Homo sapiens.

Эволюция похожа на колесо рулетки. Земные условия благоприятствуют жизнеспособным мутациям, но атомная энергия, нарушив этот баланс, породила невообразимое потомство. Мутантов было немного, далеко не все выживали, но наряду с гениями и безумцами рождались — и жили — двуглавые создания. После длительного исследования биологических и социальных аспектов проблемы Всемирный совет рекомендовал эвтаназию, ибо эволюция человека тщательно спланирована и нельзя допустить, чтобы она сбилась с курса. Иначе планета погряз-

нет в хаосе.

Гениям, то есть мутантам с аномально высоким коэффициентом умственного развития, было дозволено жить. Остальных выявляли и уничтожали. Иной раз найти их было непросто, но к 1968 году в живых остались только мутанты «истинной линии», не выходящие за рамки биологической нормы. С некоторыми исключениями.

Одним из таких исключений был сын старика. Его звали Сэм Брустер.

Тоже урод, но с талантом, и его талант был сверхъестественным. Наплевав на закон, старик не сдал младенца в лабораторию для проверок, опытов и последующего уничтожения. Вместо этого он построил огромный дом, и мальчик никогда не отдалялся от здешних мест.

Затем, отчасти из сострадания, а отчасти для того, чтобы сыну было с кем дружить, старик начал приводить сюда других мутантов: втайне находил младенца тут, ребенка там и забирал к себе, пока в громадном пластиковом доме не обосновалось целое семейство выродков. Старик выбирал их не бессистемно. Некоторые представляли опасность для окружающих. Других гуманнее было бы усыпить сразу после рождения.

Но, увидев в мутанте что-то, помимо уродства, старший Брустер давал ему кров.

Секрет перестал быть секретом, когда старик привел в дом крылатого юношу. Тот слишком долго прожил среди нормальных людей: Керну, когда его обнаружил мистер Брустер, было восемнадцать лет, и размах крыльев достигал шести футов. Родные прятали его как могли, но стоило парню уехать в убежище Брустера, как поползли слухи, а через несколько лет правительство выдвинуло ультиматум.

— Это я виноват, — с горечью сказал Керн. — И теперь вас хотят убить.

— Нет. — Глубокий и ясный взгляд Куа встретился с его взглядом. — Ты прекрасно знаешь, что рано или поздно нас все равно нашли бы. Пусть лучше это произойдет сейчас, пока мы молоды и легко адаптируемся к переменам. Мы уйдем отсюда, и уйдем с радостью. — Ее голос дрогнул от волнения. — Только подумай, Керн! Новые миры за пределами Земли! Вдруг там живут создания вроде нас с тобой?

— Куа, но я человек! Я чувствую себя человеком и хочу остаться, мое место на этой планете!

— Ты говоришь так, потому что вырос среди нормальных людей, Керн. Посмотри правде в

глаза. Где бы ни было место для любого из нас, оно не здесь!

— Знаю, — криво усмехнулся он, — но я не обязан делать вид, что мне это нравится. Что ж, пора возвращаться. Ультиматум, наверное, доставят с минуты на минуту. Почему бы его не выслушать? Хотя я знаю, каким будет ответ. А ты знаешь?

Она кивнула, глядя, как Керн непроизвольно обводит глазами безоблачное синее небо и теплые октябрьские холмы. Мир людей. И только людей…

Остальные уже собрались в пластиковом убежище Брустера.

— Времени считайте что нет, — начал старик. — Вас вот-вот заберут на эвтаназию.

— Так покажем гостям пару фокусов! — едко рассмеялся Сэм Брустер.

— Нельзя сражаться со всем миром. Сколько людей ни убьешь, лучше не станет. Единственная наша надежда — изобретение Брюса. — Голос старика надломился. — Без вас, дети, мне будет одиноко в этом мире.

Все с неловкостью смотрели на него; странное, не связанное кровными узами семейство выродков, которых Брустер называл детьми. Да, они и впрямь были дети, рано повзрослевшие из-за

своих необъяснимых особенностей.

— Как известно, мирам несть числа, — монотонно заговорил Брюс. — Бесконечное множество планет, и есть вероятность, что где-то нас не будут держать за уродов: непременно существуют миры, на которых такие мутации являются нормой. Я настроил машину на совокупную модель наших особенностей, и она отыщет планету, подходящую хотя бы одному из нас. Остальные продолжат поиски. Я могу воспроизвести эту машину в любом мире, где сумею выжить. — Он улыбнулся, и его невероятно светлые глаза холодно сверкнули.

Даже странно, подумал Керн, что мутантов столь часто выдают глаза. Во-первых, разумеется, Куа. Во-вторых, Сэм Брустер с его жутким взглядом из-под третьего века, поднимавшегося только в моменты гнева. В-третьих, Брюс Гэллам, чья невидимая инакость существовала лишь в хитросплетении извилин его мозга. Брюс тоже смотрел на этот чужой мир глазами, отражавшими сокрытые за ними тайны.

Брюс разбирался в механизмах — за неимением более подходящего слова назовем их механизмами — и знал о них такое, чего не узнать, листая учебники. С помощью любых инструментов, ка-

кие только можно держать в руках, Брюс творил настоящие чудеса. Казалось, он инстинктивно чувствовал, где пролегают линии неисчерпаемой энергии, и умел обуздать эту энергию посредством простейшей механики.

В углу комнаты стояла стальная кабинка с круглой металлической дверью. На ее создание у Брюса ушла целая неделя. Над дверью имелась панель с лампочками. Те вспыхивали всеми цветами спектра, а время от времени загорались ярко-красным. В такие моменты за стальной дверью оказывался… мир?.. да, целый мир, пригодный для кого-то из семьи мутантов. Красный цвет означал, что экология планеты способна поддерживать человеческую жизнь, что планета в общих чертах похожа на мир, уже известный Брюсу и остальным, и что в присущей этому миру структуре существует дубликат как минимум одной мутации подопечных Брустера.

Керн задумался о головокружительном массиве вселенных за стальной дверью, о водовороте миров, где не выжить человеку, миров из газа и пламени, из льда и камня, а среди их неисчислимого множества — мир солнца и воды, такой же, как здесь…

Невероятно. Но не более невероятно, чем кры-

лья у него за спиной, чем единственный глаз Куа, третье веко Сэма Брустера и мозг Брюса Гэллама, построившего портал для мутантов.

Керн оглядел остальных. Сидевшая в тени у стены сероглазая Бирна — последняя из этого семейства — перехватила его взгляд, и Керна накрыло волной сострадания, как бывало всякий раз, когда он смотрел этой девушке в глаза.

Физически Бирна была самой ненормальной из всех. Выпрямившись во весь рост, она едва доставала Керну до пояса — идеально сложенная, изящная и хрупкая, как стеклянная фигурка, но фигурка, на которую неприятно смотреть: в чертах Бирны было что-то противоестественное, из-за чего она казалась жалкой и некрасивой, а печаль в ее серых глазах отражала всеобщую печаль тех, кто непригоден для жизни.

Ее волшебство таилось в голосе и сознании. Мудрость являлась к ней едва ли не с большей простотой, чем те знания, что давались Брюсу Гэлламу, но в Бирне было гораздо больше душевного тепла. Иногда Керну казалось, что Брюс, нуждайся он в материалах для эксперимента, расчленил бы человека столь же бесстрастно, как разрезают электрический провод. Он выглядел самым нормальным из всех, но завалил бы даже

поверхностное психиатрическое обследование.

— Чего мы ждем? — раздраженно спросил Брюс. — Все готово!

— Да, ступайте, и побыстрее, — кивнул старик. — Смотрите, вот-вот загорится красный.

Панель над стальной дверью светилась оранжевым. Вскоре лампочки порозовели. Брюс молча подошел к двери и надавил на стальной рычаг, когда свет из розового сделался красным.

В полутьме за открывшейся дверью шлейф сверкающих атомов умчался к скалистому горизонту с намеками на башни, своды и колонны, с огнями, которые могли быть огнями летательных аппаратов, мерно круживших над рукотворными зданиями.

Никто не сказал ни слова. Мгновением позже Брюс поморщился и закрыл дверь. Какое-то время лампочки нерешительно подмигивали красно-фиолетовым. Наконец цвет стал синим.

— Не тот мир, — сказал Брюс. — Попробуем снова.

Из теней донесся шепот Бирны:

— Какая разница? Для нас все миры одинаковые.

Ее голос звучал как сладчайшая музыка.

— Слышите? Что это, самолеты? — спросил

старик. — Дети, вам пора.

Молчание. Взгляды мутантов были прикованы к лампочкам. Те вспыхивали всеми цветами спектра. Наконец в их свете появился розовый оттенок, и Брюс снова взялся за рычаг:

— Рискнем, если на вид все будет нормально.

Панель покраснела. Круглая дверь беззвучно распахнулась.

За ней были солнечный свет, приземистые зеленые холмы и долина, где островками теснились крыши домов.

Не оборачиваясь и не говоря ни слова, Брюс шагнул за дверь. За ним ушли остальные, по очереди, один за другим. Керн был последним. Он крепко сжал губы и не оглянулся, чтобы не увидеть за окнами земные холмы и синее октябрьское небо. Ему не хотелось этого видеть. Сложив крылья, он пригнулся и ступил во врата нового мира.

За спиной у него старик молча смотрел вслед делу своей жизни. Между ним и этими детьми раскинулась неодолимая пропасть. Он был человеком, а они — нет. С расстояния еще более огромного, чем бездна между мирами, он смотрел, как мутанты уходят на другую планету, чтобы начать жизнь с чистого листа.

Но вот он закрыл стальную дверь. Красный свет померк, и старик повернулся к двери своего дома. В нее уже ломилась полиция Всемирного совета, имевшая приказ призвать старика к ответу или отправить к праотцам.

2. Свои

Над головой голубело небо. Пятеро пришельцев, пятеро чужаков в любом мире, стояли на холме и смотрели вниз.

— Так красиво… — сказала Куа. — Хорошо, что мы выбрали это место. Но интересно, каким оказалось бы следующее. Жаль, не было времени ждать.

— Куда бы мы ни пришли, везде будет одно и то же, — прошептала сладкоголосая Бирна.

— Гляньте на горизонт, — сказал Брюс. — Что это?

Там был первый признак того, что они оказались на другой планете, ведь на Земле тоже хватало поросших деревьями холмов, и даже крыши деревенских домов на первый взгляд казались знакомыми, но горизонт скрывался за диковинной дымкой, а перед ней к зениту вздымалось нечто небывалой высоты.

— Гора? — неуверенно предположил Керн. — Не слишком ли высокая?

— Стеклянная, — сказала Куа. — Похоже, это стекло… Или пластик? Не разобрать…

Она сдвинула очелье с единственного глаза. Блестящий зрачок сузился, когда она устремила взгляд сквозь невероятное расстояние, чтобы рассмотреть еще более невероятную громаду на горизонте, похожую на размашистый мазок перламутровой краски или нависшую над миром полупрозрачную грозовую тучу. Стоило осознать, что перед тобой гора, и голова шла кругом при мысли о такой гигантской массе.

— Прозрачная, — продолжала Куа, — полностью прозрачная, но что за ней, сказать не могу. Просто громадный массив из… пластика? Любопытно…

Керн почувствовал, как что-то тянет его за крылья, оглянулся и первым заметил, что ветерок усиливается.

— Смотрите, ветер поднялся. И послушайте… Слышите?

От похожей на грозовую тучу горы исходил пронзительный вой, так стремительно набиравший громкость, что не успели мутанты услышать этот звук, как он сделался оглушительным и

заполнил собой все пространство, а ветер превратился в ураган.

Звук и ветер пролетели единым порывом, и пятеро пришельцев, еле дыша, испуганно переглянулись.

— Вон там, смотрите, быстрее! — указала Куа. — Идет прямо на нас!

Вдали показалась исполинская башня… света? дыма? Не понять. Вращаясь, словно порожденный тайфуном водяной смерч, она приближалась с ужасающей скоростью, величественно изгибаясь и распрямляясь, и воздух кружился вместе с ней, пронзительно завывая.

Сияющий вихрь прошел далеко слева, захлестнул пришельцев оглушительным ураганом рассеченного воздуха и оставил их в потрясенном молчании. Не успели мутанты перевести дух, как к ним устремилась еще одна изогнутая башня, очередной завывающий вихрь, пронесшийся теперь справа, а следом еще один, и сразу за третьим четвертый.

Шум и сила ветра потрясли Керна до глубины души. Он так и не узнал, что стало с остальными на вершине холма; крылья были чрезвычайно восприимчивы к любому ветру, и ураган подхватил мутанта, закружил и сбросил со склона,

а визг так бил по ушам, что выходил за пределы звукового диапазона и почти не отличался от тишины.

Ошеломленный, Керн пытался найти равновесие, опираясь на стремительный воздушный вал, не менее крепкий, чем каменная стена. Пару секунд он удерживался на земле, но затем анатомия подвела, и Керн, сам того не желая, почувствовал, как раскрылись за спиной шестифутовые крылья и заныли грудные мышцы, когда оперение взъерошил ветер.

Горизонт привычно накренился, и Керн, описав широкую дугу, устремился вниз. На миг стеклянная гора нависла прямо над головой, и он, опустив взгляд на лесистые холмы, рассмотрел крошечные фигурки, гонимые по склону порывами ураганного ветра. Зависнув высоко над верхушками деревьев, Керн видел, что турбулентно-световые монстры все быстрее и чаще шагают по склонам великаньей походкой, а за ними следуют воронки ветра и звука. Мгновение он, подчинившись власти урагана, смотрел, как колоссальные завихрения величаво склоняются над ликом его новой земли.

Затем вихрь опять подхватил Керна, ослепшего и оглохшего от жуткого воя, вывернул ему но-

ющие крылья и зашвырнул его в самое сердце смерча. Из-за головокружения Керн не то что бояться, даже думать не мог. Времени не стало. Едва не теряя сознание, он чувствовал, как неодолимый ветер швыряет его то в одну, то в другую сторону. Зажмурившись, чтобы глаза не посекло пылью, и зажав ладонями уши в попытке защититься от громозвучных завываний, Керн отдался на милость бури, но вдруг почувствовал на руке чью-то ладонь, встрепенулся и вынырнул из ступора.

«Наверное, я снова на земле», — подумал он и машинально попробовал сесть, но вместо этого нелепо закружился в воздухе, открыл глаза и увидел, что земля вращается далеко внизу.

Инерция с ужасающей скоростью увлекала его в верхние слои атмосферы по холодной и оглушительной ветровой магистрали, а рядом, параллельно его курсу, легко парила девушка, и у нее были такие же крылья, как у Керна.

За спиной у нее, открывая исхлестанное ветром и оттого порозовевшее лицо, развевались длинные светлые волосы. Девушка держала его за предплечье, а свободной рукой настойчиво указывала вниз и что-то говорила, но ветер срывал слова с ее уст, и Керн не слышал ничего, кроме за-

вываний урагана. Он знал, что вряд ли понял бы ее язык, но в трактовке жеста ошибиться не мог.

Поэтому он кивнул, поднял левое крыло и изогнул тело, готовясь к долгому спуску по нисходящей спирали. Девушка развернулась одновременно с ним, и оба заскользили по стремительным потокам воздуха, чутко отзываясь на порывы ветра инстинктивными мышечными реакциями распростертых крыльев. А земля внизу кружилась и бурлила, словно бушующее море.

Керна захлестнула волна незнакомого доселе ликования. Он почти ничего не знал ни об этом мире, ни о девушке рядом с ним, но ясно понимал, что теперь он не единственное крылатое существо на чужой планете, и это долгое скольжение вниз, похожее на идеальный танец двух искусных танцоров, реагирующих на каждое па своего партнера, было самым радостным событием в его жизни, ибо впервые он прикоснулся к величайшему секрету летающих существ: летать в одиночку прекрасно, но летать вдвоем вдвое прекраснее. Если рядом с тобой по воздушным путям мчит еще одно крылатое создание, и темп его движения совпадает с твоим, и ваши крылья бьются в такт, тогда, и только тогда, ты прочувствуешь весь экстаз полета.

Задыхаясь от волнения и радости, Керн увидел, что земля уже близко, и заложил крутой вираж, чтобы сбавить скорость. Крылья дробно затрепетали. Керн выровнялся, снизился и ощутил твердую почву под ногами. До полной остановки пришлось пробежаться, и девушка бежала рядом, едва дыша и посмеиваясь.

Когда они замерли и повернулись друг к другу, облако пепельных волос наконец-то догнало девушку и окутало ее лицо. Не переставая смеяться, обеими руками она отбросила спутанную шевелюру за спину, и светлые крылья были одного цвета со струившимися по плечам волосами.

Теперь Керн видел, что на ней облегающая блуза из тончайшей эластичной кожи, а на ногах высокие тесные сапоги из того же материала. На расшитом самоцветами поясе крепились ножны с кинжалом, инкрустированная драгоценными камнями рукоятка чуть-чуть не доходила крылатой девушке до груди.

Всюду по-прежнему завывал ледяной ветер, но его порывы заметно ослабли, и воздух мало-помалу напитывался теплом. Они стояли на лесистом холме, под деревьями, чьи беспокойные ветви вносили свою лепту в общий шум, и взгляду Керна открылись бескрайние просторы,

уже свободные от согбенных исполинов урагана.

«Буря миновала», — подумал он.

Девушка заговорила приятным контральто. Местный язык изобиловал гуттуральными звуками и, конечно же, был совершенно незнаком Керну. Когда девушка заметила, что Керн ничего не понимает, на ее лице отразилось удивление, тут же сменившееся недоверием.

— Прости, — улыбнулся он. — Ты очень красива. Жаль, что я не могу с тобой поговорить.

Девушка ответила ему такой же искренней улыбкой, но, судя по выражению лица, удивилась пуще прежнего.

«Ей не верится, что я не знаю ее языка, — подумал Керн. — Может, это единственный язык на планете? Пустые мечты, но как же хочется, чтобы они стали явью! Ведь это значило бы, что я попал в мир крылатых людей, настолько легко преодолевающих пространство, что на планете так и не появились обособленные диалекты».

Сердце забилось быстрее, и это волнение показалось ему слегка абсурдным. Даже во сне он представить не мог, насколько это важно — отыскать людей, готовых принять крылатого мутанта как родного. Брюс Гэллам скормил машине совокупный образ всей семьи, понимая при этом,

как мала вероятность того, что все они найдут эквивалент сородичей на одной и той же планете, но столь велико мастерство Брюса, говорил себе Керн, что нет причин удивляться. Произошедшего следовало ожидать.

Здесь его мир, вотчина крылатых существ. Ему повезло. Первым из группы он обрел дом, и от ликования перехватило дух, когда Керн осознал, что теперь он не один.

— Или я делаю преждевременные выводы на основании единственного примера, — предостерег он себя вслух. — Скажи, девушка, все ли крылаты в этом мире? Скажи хоть что-нибудь, да побыстрее! Я хочу выучить твой язык. Ответь мне, девушка, ты тоже здесь чужая или это мир, где мне будут рады?

Она рассмеялась, уловив в его голосе напыщенные нотки, хоть и не поняла значения произнесенных слов, а потом бросила взгляд за плечо и, судя по легшей на лицо тени, отвлеклась от разговора. Прокурлыкав что-то на гортанном наречии, девушка кивнула на деревья у него за спиной.

Керн обернулся. Под беспокойными ветвями к ним приближалась третья фигура, и ее крылья трепал ветер. Новоприбывший оступился, и в

этот миг осознание происходящего нахлынуло на Керна в полную силу.

Сперва он не чувствовал ничего, кроме глубокой благодарности. При виде еще одного крылатого существа Керн отринул былые сомнения. Где двое, там и больше.

Оказалось, это мужчина. Подобно девушке, он был затянут в тонкую кожу и носил на поясе кинжал. Рыжеволосый, с шелковистыми крыльями того же цвета, он был смуглолиц, и Керн заметил, как вспыхнули светлые раскосые глаза, когда мужчина подошел ближе, а чуть позже увидел, что перед ним горбун: спина промеж блестящих красноватых крыльев изгибалась так, что мужчина, вывернув шею, смотрел на Керна с девушкой снизу вверх. У него было красивое юное лицо с точеными чертами, прятавшимися за глубоким загаром.

— Герд! — воскликнула девушка.

Мужчина посмотрел на нее, и Керн решил, что его зовут Герд.

Ясноглазый горбун шагал против ветра под сень их дерева, упершись в Керна пытливым, настороженным, подозрительным взглядом, хотя с такого расстояния не мог рассмотреть его лица. Это выглядело как-то странно.

Они заговорили. Заметно волнуясь, девушка пустилась в сбивчивые гортанные объяснения, а Герд коротко отвечал ей неожиданно басовитым голосом. Вдруг он выхватил кинжал, взглянул на Керна и указал клинком на долину под холмами.

Керн слегка рассердился. В угрозах не было необходимости. Если эти люди вооружены одними кинжалами, они стоят не на самой высокой ступени развития, и Керн далеко опередил их — пусть не во всем, но во многом. Что сказать, не самое приятное знакомство с миром, где указания дают обнаженным клинком, едва ты решил, что оказался среди своих.

Заметив, что Керн нахмурился, девушка тихо рассмеялась, подошла, коснулась его ладони, а свободной рукой отмахнулась от Герда, и тот с невеселой улыбкой отступил на пару шагов. Девушка взъерошила перья, провела в воздухе волнистую линию, изображая полет, и указала на долину, после чего вышла на край холма, распростерла крылья, оценивая силу угасающего ветра, и с гордой решимостью бросилась в пустоту.

Восходящий поток подхватил ее и вознес к небу по идеальной дуге. Светлые волосы знаменем трепетали на ветру. Застыв в воздухе, девушка развернулась, поманила Керна, и тот с радостным

смехом бросился вдогонку, расправил черные крылья, а на четвертом прыжке оторвался от земли. Как же прекрасно лететь, понимая, что здесь не от кого прятаться! Керн услышал за спиной легкое биение крыльев горбуна, и великая радость совместного полета затмила остальные мысли.

Они мчались по лениво петлявшей меж холмов реке ветра. Поглядывая на спутников, с которыми Керн вошел в этот удивительный мир, он парил над деревьями, но не замечал внизу никакого движения. Вскоре он увидел скопление крыш в самом начале долины, где среди домов сновал ручеек. Керн приближался к деревне, и его переполняло волнующее предчувствие.

«Мой народ, — думал он. — Такие же люди, как я. Какой у них город, какая культура, как скоро я выучу их язык? Столько всего предстоит узнать!»

Но вереницу мыслей прервало странное чувство: в теле Керна закопошилось что-то, не имеющее названия.

На мгновение воздушный мир канул во тьму. Казалось, у Керна открылась новая пара легких, и он набрал полную грудь воздуха, какого не пробовал на вкус еще ни один человек. Казалось, у Керна открылась новая пара глаз, и этим

приумноженным зрением он сумел заглянуть в другое измерение. Но лишь казалось, ведь дело было не в глазах, не в легких, не в чем-то, уже известном человеку, а в новом, небывалом, невыразимо свежем ощущении.

Миновала секунда, и оно прошло.

Керн запнулся в полете, забыв оттолкнуться от воздушных потоков. Чувство накатило и схлынуло, и все же оно не было совершенно незнакомым. Однажды Керна уже посещало подобное чувство… Нет, не подобное, а совсем иное, но такое же душераздирающе новое, когда из-под кожи проклюнулись крылья и он ощутил перемену, отрезавшую его от человечества.

«Неужели я снова меняюсь? — исступленно спросил он себя. — Неужели мутация не завершена? Я не хочу меняться! Теперь, когда я дома, нельзя, чтобы все пошло прахом!»

Нового чувства как не бывало. Керн не мог даже вспомнить, какое оно, это чувство. Он не хотел перемен! Он будет противиться любым переменам, покуда хватит сил. Какой бы ни оказалась новая мутация, поднимающая голову в его теле, Керн задушит ее в зародыше. Он не позволит переменам встать между ним и крылатыми людьми.

Керн решил, что забудет о мимолетном новом

чувстве и сделает вид, что ничего не было.

3. Грядет опасность

На ромбовидных окнах деревенских домов резвились солнечные зайчики. Покружив над крышами, трое крылатых людей зашли против ветра и приготовились к посадке на плоскую крышу высокого здания в центре площади, выложенной плитками с яркими, но грубыми изображениями летающих мужчин и женщин.

С высоты Керн видел узкие мощеные проулки, петлявшие вдоль понурых карнизов, дугообразные каменные мостики над струившимся по деревне быстрым ручьем, аккуратные ряды пестрых цветочных клумб, жавшихся к стенам домов, и ступенчатые улицы, что рассекали неровные склоны холма, на вершине которого стояло это селение.

Покатая кровля намекала, что зимой тут бывают обильные снегопады, но на крыше каждого дома имелась посадочная площадка, а рядом с ней — невысокая дверь в щипце, и Керн отбросил последние сомнения: перед ним и вправду была деревня летающих людей. Наконец-то он оказался там, где ему место.

Его ликование продлилось не больше пяти минут.

Когда они снизились к блестящей черепице здания, бывшего, по всей вероятности, деревенской ратушей, готовый приземлиться Керн увидел такое, что машинально напряг грудные мышцы, вновь расправил крылья, набрал высоту и сделал второй круг над крышей.

Девушка, зависнув над площадкой, уже тянулась ногой к черепице, но тут заметила, чего испугался Керн, рассмеялась и поманила его рукой, глянув вверх сквозь облако оседавших волос.

Керн зашел на третий круг, сражаясь с восходящими от мостовых потоками теплого воздуха, и неуверенно глянул вниз, где на черепице распростерлись двое мертвецов, оба молодые и крылатые. Девушка сложила крылья и деликатно прошла мимо — так, словно на крыше не было ничего необычного, — переступая через лужицы свежей крови, что набежали из раны в горле одного из погибших, запятнав его поникшее крыло и окрасив блестящую черепицу в еще более яркий оттенок.

Керн ощутил размеренную пульсацию воздуха и поднял глаза. Над ним, раскинув шелковистые

рыжие крылья, парил горбун. В лучах солнца сверкнул обнаженный клинок. Герд указал вниз, и что-то в его позе, в изгибе мускулистого тела предупредило Керна, что с возражениями — не говоря уже о борьбе — лучше не спешить. Впервые в жизни Керн понял, что схватка в воздухе — это отдельный вид искусства, требующий навыков, которыми он не обладает.

Предусмотрительно описав еще один круг, он ловко опустился на край крыши и не сложил крыльев, пока не убедился, что твердо стоит на ногах. Девушка дожидалась его. Она улыбнулась, и взгляд голубых глаз бегло скользнул по мертвецам. Затем она со значением хлопнула ладонью по кинжалу, посмотрела на мертвые тела, на Керна, небрежно поманила его и направилась к двери у посадочной площадки.

В легком ошеломлении Керн последовал за ней. Неужто она собственноручно зарезала этих двоих? С какими престранными обычаями он столкнется в этом мире? Погруженный в сомнения, он сложил крылья, пригнулся, прошел в дверь и на ощупь спустился по узкой винтовой лесенке, следуя за облаком волос своей проводницы и слыша, как за спиной невозмутимо топает Герд.

Еще с лестницы он услышал голоса, а спустившись, проследовал за девушкой в просторный, вымощенный камнем зал с низким потолком. Здесь было дымно из-за костра, что полыхал в стоявшей у стены огромной жаровне из беленого кирпича.

В комнате хватало и живых, и мертвых. Керн обвел недоуменным взглядом крылатые тела, вповалку сваленные у стен. Очевидно, их перетащили из середины зала. В выбоинах каменного пола блестели пятна свернувшейся крови. Люди у жаровни обсуждали что-то на повышенных тонах. Когда вошла девушка, все обернулись, а мгновением позже, гортанно курлыкая и громко шелестя крыльями, бросились ей навстречу.

Керн заметил, что одно слово звучит чаще других. Наверное, то было имя девушки.

— Элье! Элье!

Голоса эхом раскатывались под низким потолком. Шурша крыльями, все столпились вокруг девушки. Керн окончательно понял, что его забросило в мир крылатых существ, и окунулся бы в безграничное счастье, не будь в зале мертвых тел, оставленных без внимания.

Очевидно, речь шла о нем. Элье что-то тараторила, поглядывая то на товарищей, то на Керна

и приглаживая растрепанные волосы. Керну не очень нравился вид этих людей. Представь их без крыльев — и увидишь ватагу свирепых разбойников. Заветренные лица были исполосованы шрамами. У каждого имелся кинжал, и последние несколько часов они явно скоротали за жестокой схваткой.

Среди мертвецов на полу Керн увидел бескрылых мужчин. Заметил и нескольких женщин — некоторые были с крыльями, некоторые без. Две расы? Он сразу заподозрил, что это не так: мертвецы — и крылатые, и бескрылые — были в чем-то похожи друг на друга. То есть все они происходили из одного племени.

Вскоре он стал замечать, что бескрылые или стары, или совсем юны. Керн помнил, что крылья появились у него лишь по достижении восемнадцати лет. Неужели люди этой расы способны летать только в среднем возрасте? И неужели Керн с годами утратит это великолепное свойство, которым едва начал наслаждаться?

При этой мысли волна ликования, захлестнувшая его разум, улеглась, и на смену ей пришло замешательство, а затем Керн криво улыбнулся своей мысли:

«Быть может, этого не случится. Быть может, я

столько не проживу!»

Ибо мрачные взгляды окруживших его мужчин не сулили ничего хорошего. Если догадка верна и в этом мире действительно существует только один общий язык, неудивительно, что не владеющий им человек вызывает подозрения, а в деревне вроде этой, где человеческая жизнь ничего не стоит, вполне можно ожидать ожесточенной реакции в адрес подозрительных людей.

Если Керн и ошибся, то не сильно. Какое-то время мужчины шумно перебранивались, а девушка по имени Элье, рассеянно заплетая волосы в косу, то и дело вставляла в перепалку словодругое. Что до Керна, он просто стоял и терялся в догадках, как быть дальше. Наконец спор достиг кульминации. Элье звонко выкрикнула какие-то слова, Керн услышал за спиной односложный гортанный ответ, сопровождаемый шорохом крыльев, почувствовал шеей касание холодного острого предмета и замер.

Рядом стоял горбун Герд, твердой рукой державший наточенный кинжал у яремной вены Керна. В спокойных глазах на загорелом юном лице читалась угроза.

Кто-то шаркнул по камням у Керна за спиной, и он почувствовал, как чьи-то руки сжимают

ему запястья, сводят их вместе и вяжут шершавой веревкой. Протестовать он не рискнул: был слишком удивлен, непривычен к повседневному насилию и не знал, как себя вести. К тому же его не покидала мысль, что эти люди такие же, как он.

Крылья обволокло чем-то тяжелым. От неожиданности Керн вздрогнул, оглянулся и увидел сеть, накинутую на него человеком с изрезанным лицом и недоверчиво косящими глазами. Человек, склонившись к основанию крыльев Керна, сноровисто завязывал сеть узлами.

Горбун снова прорычал что-то односложное, ткнул острием кинжала Керну в плечо и мотнул рыжей головой в сторону лестницы. Крылатые люди, теперь хранящие мрачное молчание, расступились, пропуская этих двоих, а Элье, закончив заплетать вторую косу, перекинула через плечо выцветшую шелковую тесьму и отвела взгляд, когда Керн проходил мимо.

Лестница неровно вилась вдоль тесных каменных стен. На третьем этаже горбун открыл тяжелую приземистую дверь и втолкнул Керна в оказавшуюся за ней комнату, небольшую, но весьма приятную на вид, с мозаичными стенами и кафельным полом. Из единственного зареше-

ченного окна открывался вид на крыши домов и далекие холмы. В комнате были низкая кровать, стол, два стула, больше ничего.

Горбун бесцеремонно подтолкнул к одному из стульев Керна, и тот заметил, что у них низкие спинки — наверное, чтобы не мешать крыльям сидящих. Опустившись на стул, Керн выжидающе смотрел на рыжего, но не смог предугадать того, что произошло дальше.

Герд положил кинжал на ладонь, указал на него другой рукой и проворчал:

— Кай.

Хлопнул ладонью по ножнам, буркнул «кайен», спрятал кинжал и впился ясными глазами в глаза Керна.

Тот неожиданно услышал собственный смех, отчасти вызванный облегчением, поскольку Керн нисколько не удивился бы, если бы кинжал под названием «кай» рассек бы ему горло, как только дверь захлопнулась за спиной.

Но вместо этого он, похоже, оказался на уроке местного языка.

Однажды ночью он ненадолго проснулся. В решетчатое окно заглядывали незнакомые звезды. Керну показалось, что кто-то украдкой наблюдает за ним из-за решетки, и он сонно подумал, что

бесшумный полет требует не меньшего мастерства, чем беззвучная ходьба. Никого не заметив, он снова уснул, а во сне увидел, что там, за окном, была Элье, она легко касалась решетки кончиками пальцев, улыбалась ему в звездном свете, и ее лицо было забрызгано кровью.

Две недели он не видел никого, кроме Герда, и хорошенько познакомился со взглядом ясных глаз на смуглом лице, а еще с басовитым голосом, произносившим все более понятные слова. Герд был терпеливым и неутомимым наставником, и его язык оказался незамысловатым порождением незатейливой культуры. Керн так быстро все усваивал, что вскоре начал ловить на себе косые взгляды горбуна, а однажды, встав у двери, подслушал разговор между Гердом и Элье.

— Не исключено, что он шпион, — басовито курлыкал горбун.

— Шпион, не знающий нашего языка? — рассмеялась Элье.

— Слишком быстро учится. Знаешь, Элье… Гора — воплощение коварства.

— Тихо, — только и ответила она, но с тех пор Керн старался не подавать вида, что схватывает все на лету.

Гора. Он размышлял о ней в долгие часы оди-

ночества. Гора странной формы, цвета облаков, вздымающаяся к самым небесам… Это не просто совокупность неживого вещества, раз крылатые люди говорят о ней, понизив голос.

Две недели Керн ждал, подслушивал, учился. Однажды ночью, когда в окно смотрели безымянные звезды, он снова почувствовал необъяснимое движение чужой жизни в глубинах своего тела и снова испугался, но не успел поименовать это чувство, и даже вспомнить его не сумел — так быстро оно прошло. Мутация? Возобновленные перемены в некой непостижимой форме? Ему не хотелось об этом думать.

В четырнадцатую ночь он увидел необычный сон.

Керн нечасто вспоминал Брюса Гэллама, Куа и остальных. Подсознательно ему не хотелось думать о прежней семье. Здесь его мир, и другие мутанты — нежеланные гости, фальшивые ноты, ломающие идеальную гармонию. Пусть он столкнется с опасностью или даже примет смерть, но мир крылатых существ принадлежит ему, и только ему.

Ночами снились сны, в которых перешептывались полузнакомые голоса, но Керн, проснувшись, запрещал себе вспоминать об этом шепоте.

Что-то пыталось нащупать его разум.

Перед ночью контакта он подслушал еще один разговор между Гердом и Элье, когда те встретились на лестнице, и начал понимать, что происходит.

Герд настаивал, что пора покинуть город и куда-то вернуться, но Элье была непреклонна:

— Опасности пока нет.

— Мы вдали от гнезда — а значит, в опасности. Даже Гора не способна провести врагов через ядовитый ветер. Что такое безопасность, Элье? Безопасность — это стремительная вылазка и возвращение в гнездо. Но оставаться здесь, набивать брюхо в городских стенах — чистой воды безумие.

— Мне нравится здешний комфорт, — простодушно сказала Элье. — Я давно уже так хорошо не ела, не пила и не спала на такой постели.

— Значит, вскоре тебя ждет более твердое ложе, — строго напомнил Герд. — Города объединятся. Думаю, всем уже известно, что мы здесь.

— Разве мы боимся горожан?

— Когда в дело вступит Гора… — Но горбун не договорил.

Элье рассмеялась фальшивым смехом.

Той ночью Керн чувствовал, как пытливые

пальцы стараются нащупать двери, ведущие к его рассудку. На сей раз они преодолели подсознательное сопротивление Керна, и он узнал управлявший этими пальцами разум, бесконечно печальный и беспредельно мудрый разум Бирны, сладкоголосого мутанта с некрасивым бледным лицом.

На какое-то время он, утратив опору, затерялся в глубинах этого разума, куда более глубокого, чем его собственное сознание, и волны вековечной грусти омывали его, словно океанские воды. Затем он вновь обрел себя, но теперь, как ни странно, смотрел чужими глазами на лощину, поросшую травой и залитую лунным светом, на прелестное, медовых оттенков лицо Куа, смотрел в ее единственный глаз и в глаза Сэма Брустера, прикрытые третьим веком.

Он попытался найти Брюса Гэллама, открывшего дверь в этот мир, но Брюса не было, а что касается Бирны… Керн понял, что смотрит на остальных ее глазами. Ее разум охватил сознание Керна, как руки охватывают чашу, полную воды. Сквозь пространство долетел беззвучный голос. То был голос Куа.

— Бирна, ты нашла его?

— Похоже… Да, нашла. Керн! Керн!

— Да, Куа. Да, Бирна, — беззвучно ответил он. — Я здесь.

В голосе Куа — голосе ее рассудка, поскольку на этом необычном совещании не прозвучало ни слова, — чувствовалось недовольство. На мгновение Керн задумался, всегда ли разум Бирны обладал странной способностью преодолевать расстояния, или же эта особенность развилась у нее уже здесь, подобно той новой сущности, что копошилась в глубинах его тела.

— Мы давно уже пробуем связаться с тобой, Керн, — холодно сказала Куа, — но достучаться до тебя оказалось непросто.

— Я… не знал, что вы еще здесь.

— Думал, мы ушли в другие миры? Да, ушли бы, будь у нас такая возможность. Но Брюс пострадал во время бури.

— Сильно?

— Мы… — Она помолчала. — Мы не знаем. Сам посмотри.

Глазами Бирны Керн увидел Брюса Гэллама, молча лежавшего на постели из ветвей. Он был необычайно бледен — лицо казалось вырезанным из слоновой кости — и едва дышал. В попытке нащупать его сознание разум Бирны находил лишь висящую в пустоте тусклую воронку,

слишком далекую и абстрактную, а потому недостижимую. Бирна сумела коснуться воронки, но та сразу же извернулась и пропала.

— Транс ли это? Мы еще не поняли, — продолжила Куа. — Но проницательность Бирны помогла нам в какой-то мере изучить этот мир. Что ты о нем знаешь, Керн?

Поглощенный сиюминутными нуждами, Керн не до конца осознавал всю странность этой встречи сверхчеловеческих сознаний над неизведанными просторами чужой земли, но голосом Бирны рассказал все, что знал, рассказал о подслушанных разговорах и своих скудных догадках насчет общей картины мира.

— Почти вся планета покрыта водой. Посреди океана есть небольшой континент. Думаю, размером с Австралию. По суше разбросаны города-государства. Элье и ее люди находятся вне закона. У них есть убежище, откуда они совершают вылазки в города. Похоже, они… презирают горожан. Презирают, но и побаиваются. Я не вполне их понимаю…

— Этот Герд… Он упоминал Гору? — спросила Куа.

— Да. Сказал что-то вроде… «Когда в дело вступит Гора».

— Ну, ты помнишь, что это за Гора, — сказала Куа. — Она породила бурю.

Керну вспомнились ураган и валы ослепительного сияния, вихрем несшиеся над землей.

— Мы еще мало что понимаем, — взволнованно продолжала Куа. — Нам известно, что существует опасность, как-то связанная с этой Горой. Думаю, в Горе есть жизнь, неизвестная форма жизни, и она вряд ли появилась бы на Земле. Не те условия. Но здесь возможно все.

В сознании Керна — сознании Бирны — зародилась новая мысль:

— Жизнь? Разумная жизнь? Что вы знаете о ней?

— В нашем понимании это не совсем жизнь, а скорее… мощь? Нет, что-то более материальное. Не знаю… — Мысленный голос Куа запнулся и продолжил: — Что-то опасное. Если выживем, узнаем побольше, но вот что обнаружили мы с Бирной: от Горы исходит некая сила и ее мишень — человеческое сознание. Разум крылатых горожан. Их призывают на войну. — Куа помолчала. — Керн, ты в курсе, что они идут войной на деревню — ту, где сейчас Элье и ее люди?

— Прямо сейчас? — мгновенно насторожился он. — Откуда? И как скоро будут здесь?

— Трудно сказать. Еще не вижу. То есть они за горизонтом. Бирна, покажи Керну, что происходит.

Сознание, удерживавшее разум Керна, вскользнулось, и сквозь пелену чужой мысли он различил бесконечные шеренги крылатых существ, мерно летевших над ночной землей.

— Пойми, я не знаю, далеко ли они, — прошептал разум Бирны. — Эта прозорливость развилась после ухода с Земли. Я всегда умела видеть, но не так ясно, и не могла транслировать увиденные образы другим. Знаю лишь, что эти люди летят к вашей деревне с недобрыми намерениями.

— Думаю, Гора снабдила свое войско каким-то оружием, — добавила Куа. — Бирна видела оружие у людей в руках. Предупреди своих друзей — вернее сказать, тюремщиков, — иначе битва застанет вас врасплох.

— Так и сделаю. — Вдруг Керна осенило. — Говоришь, этой прозорливости не было, пока ты не покинула Землю, Бирна? А другие? Они тоже меняются?

— Я — пожалуй, да. Немного, — сказала после паузы Куа. — Фокусировка стала более резкой, только и всего.

Ее мысль метнулась к Сэму Брустеру, молча

сидевшему рядом. Его жуткие глаза прикрывало третье веко.

— С ним, пожалуй, ничего не случилось, но он не может присоединиться к беседе. Разум Бирны не способен достучаться до него. Позже передадим Сэму все, о чем говорили. А Брюс… — Она поежилась. — Быть может, крылатые люди расскажут, как ему помочь. Его зацепила одна из воронок, и с тех пор он вот такой. Мы собирались идти дальше, Керн, искать подходящие миры… Ведь ты, как вижу, уже нашел свое место. Но без Брюса мы беспомощны.

Керн чувствовал, как его разум набирается сил, и наконец осознал проблему, которую надлежало решить. До сих пор он, по сути, пребывал в восторженно-испуганном трансе, исследуя особенности крылатого мира, но теперь пришло время стряхнуть с себя этот морок. Собравшись с мыслями, он хотел что-то сказать, но Куа опередила его:

— Керн, Гора опасна. Эта… сущность, чем бы она ни была, знает, что мы здесь. Она живет на Горе. Быть может, она и есть Гора. Но Бирна чувствует исходящую от нее ненависть. Чувствует враждебность. Ты мягкотелый глупец, Керн! — с неожиданной резкостью добавила она. — Неужели думал, что можно попасть в рай, не заслужив

его? Поможешь ты нам или нет, готовься встать лицом к лицу с опасностью, прежде чем найдешь место в этом мире. Или в любом другом. Вряд ли ты справишься в одиночку, и нам тоже нужна помощь. Даже объединив усилия, мы можем проиграть этот бой, но порознь… порознь надеяться не на что! Не исключено, что Гора — это мутант, превосходящий нас так же, как мы превосходим животных, но нам не убежать от этой драки.

Ее голос вдруг сделался нечетким, а чуть позже превратился в высокий гул. Фигуры на освещенном звездами холме закружились и растаяли в спящем сознании Керна. Пару секунд он боролся с непостижимой угрозой, исходившей от чего-то бесформенного, но полного исступленной злобы. Что это было? Громадное, свернувшееся кольцами нечто, похожее на огненную ленту, неторопливо двигалось во тьме и знало, до ужаса хорошо знало, где искать Керна.

Сквозь пустоту он почувствовал испуганную дрожь в знакомом ему сознании — разуме Бирны, — но тут же потерял с ней связь, а потом кто-то тряс его за плечо, что-то говорил, гортанно и настойчиво, и он открыл глаза.

4. Злонравная Гора

Явившееся Керну витое пламя оставило столь яркий послеобраз, что первые несколько секунд он не видел ничего, кроме плывущего перед глазами сине-зеленого рубца. Затем рубец померк, уступив место красивому смуглому лицу молодого Герда.

Керн уселся и хлопнул крыльями; воздушная волна, растрепав рыжие волосы Герда, подняла с кровати пылинки, и те затанцевали в лучах солнечного света. Еще объятый изумлением и ужасом, Керн забыл притвориться, что не знает языка крылатых людей, и с его уст сорвались немудреные слова:

— Герд, послушай меня! Я узнал то, о чем и подозревать не мог. Помоги мне встать. Горожане идут!

— Погоди-ка. — Герд положил тяжелую ладонь ему на грудь. — Как вижу, во сне ты выучил наш язык. Нет, останься здесь. Элье! — громко позвал он.

Она явилась спустя секунду-другую. Герд посторонился и опустил руку на кинжал. Его ясные, полные подозрений глаза неотрывно следили

за Керном. Лицо Элье сияло в утреннем солнце, а уложенные в венец пепельные косы блестели на фоне высоких ее крыльев. Не отводя глаз от Керна, Герд заговорил:

— Сегодня утром наш гость спросонья продемонстрировал невероятное владение языком. Я уже предупреждал, Элье, сколь велика опасность от лазутчиков.

— Ну хорошо. Я делал вид, что почти не знаю вашего языка, — признал Керн. — Просто я выучил его быстрее, чем вы думали, только и всего. Но теперь это не имеет значения. Вы в курсе, что горожане хотят на вас напасть?

Герд, стремительно шагнув вперед, вздыбил полураскрытые крылья:

— Как ты узнал? Выходит, ты и правда шпион!

— Пусть говорит, — велела Элье. — Пусть все расскажет.

И Керн все рассказал.

Договорив, он понял, что ему верят, но не до конца. Неудивительно. Такая история смутила бы кого угодно. Но информации о наступающей армии оказалось достаточно, чтобы Элье с Гердом призадумались.

— Будь я шпионом, разве стал бы предупреждать вас? — осведомился Керн, ловя недоверчи-

вые взгляды.

— Тебя прислали не из армии горожан, — неохотно признал Герд.

— Нет, тебя прислали из другого мира. С Земли, — прошептала Элье, пытливо всматриваясь Керну в глаза. — Если так, многое можно объяснить. Но мы не знаем о существовании других миров.

Керну пришло в голову, что носителю крылатой культуры — в отличие от представителя искушенной цивилизации — не так уж сложно поверить в бесконечное множество вселенных. Люди этой расы еще не отвернулись от того, что нельзя увидеть, еще не вышли на тот уровень развития, когда человек, уверенный в своем всемогуществе, отрицает существование неведомых сил.

— Разве я причинил вам вред? — спросил Керн. — Разве стал бы предупреждать об атаке, не будь я на вашей стороне?

— Это все Гора, — неожиданно сказала Элье. — Зачем, по-твоему, тебя держали в пустой комнате без мебели и других вещей, которые можно превратить в оружие? Знаешь?

Керн в замешательстве покачал головой.

— Мы допускали, что ты раб Горы. Если так,

любой обрывок проволоки, любой железный брусок… все что угодно представляло бы опасность в твоих руках.

Элье вопросительно посмотрела на Керна, и снова тот покачал головой, а Герд язвительно произнес:

— Это долгая история, долгая и зловещая. Быть может, ты уже знаешь ее. Как бы то ни было, кроме нас, в этом мире нет свободных людей. Не исключаю, что где-то есть подобные нам, но их немного, и живут они недолго. Гора ревностно стережет своих рабов. Всё крылатое племя, кроме нас, принадлежит Горе. Всё без исключения!

— Эта Гора… Что она из себя представляет? — спросил Керн.

— Как знать? — повел рыжими крыльями Герд. — Она демон — или бог. Сегодня никто уже не помнит нашей истории. Легенд о том, каков был мир до появления Горы, не существует. Нам известно лишь, что Гора здесь с незапамятных времен, она нашептывает что-то людям во сне, и они становятся рабами этого шепота. С их разумом что-то происходит. Обычно эти люди живут в городах — так, как считают нужным, — но иногда шепот повторяется и они начинают действовать по указке Горы, утратив собственное «я».

— Мы не знаем, что такое Гора, — подхватила Элье, — но нам известно, что она разумна. При необходимости она способна заставить человека создать оружие. И еще она насылает ураганы, подобные тому, в котором мы встретили тебя. Таких бурь не было уже очень давно. Если ты не шпион, как объяснить, что твое прибытие совпало с непогодой?

Керн пожал плечами. Он не мог ответить на этот вопрос.

— Пока не знаю. Но узнаю, если об этом вообще можно узнать. То есть летящая сюда армия отправлена Горой? Почему?

— Покуда мы свободны, Гора не оставит попыток поработить нас, — объяснила Элье. — Мы не рискуем сразиться с Горой, поэтому нападаем на горожан и берем то, что нам нужно. Засиделись мы в этой деревне — да, Герд, согласна! Пора вернуться в гнездо. На подходе целая армия, вооруженная Горой. Каким бы ни было это оружие, оно опасно для нас.

— Нельзя исключать, что об этом уже известно пленнику, — сказал непреклонный Герд. — Это не важно, но станет важно, если мы возьмем его в гнездо. Он может привести к нам врагов, Элье.

— Сквозь ядовитый ветер? — Элье задумчи-

во закусила нижнюю губу. — Он рассказывает безумные вещи, Герд. Неужели все это правда?

— Даже если правда — что с того?

— Вспомни о его спутниках. По описанию они не люди, а боги и собираются дать отпор Горе.

— Это все равно что дать отпор звездам, — рассмеялся Герд. — Противостоять Горе невозможно. Даже богам не выиграть этой войны.

— Они не боги, — сказал Керн, — но умеют то, чего не умеем мы. Наше появление — поворотный момент в истории вашего племени. Эльe… И ты, Герд… Вы можете убить нас, можете забыть о нас и жить, как жили. Или можете поверить мне, помочь нам и сражаться вместе. Тогда у нас будет шанс на победу. Что скажете?

Элье молча выслушала его, рассмеялась, выпрямилась во весь рост, и ее крылья затрепетали.

— Я полечу с тобой и поговорю с твоими друзьями, — сказала она. — Если они такие, как ты рассказываешь, — да, Керн, я поверю тебе, ибо еще ни разу Гора не изменяла человеческих тел. Думаю, в самом начале она находила людей со слабым разумом, шепот порабощал их, Гора давала им оружие, и эти люди убивали своих товарищей, пока не остались только рабы и мы, объявленные вне закона. За многие поколения

наш разум научился противостоять этому шепоту, а разум горожан привык приветствовать его. Полагаю — и даже уверена, — что, сумей Гора изменить нашу физическую форму и нащупать лазейку к сознанию, она одержала бы победу. Но такой возможности у Горы нет, и она способна изменить наши тела, только лишив нас жизни. Если я воочию увижу спутников Керна, то пойму, что есть на свете сила, превосходящая силу Горы, и мы будем сражаться вместе!

Чуть позже, воспарив над холмами, в чьей уютной колыбели покоилась деревня, Керн качнулся на распростертых крыльях, крепко зажмурился и подумал изо всех сил: «Бирна, Бирна! Ответь мне, Бирна! Помоги найти вас. Бирна, слышишь ли ты меня?»

Тишина, если не считать далеких возгласов и легкого шума, доносившегося откуда-то снизу, где люди Элье второпях собирали добычу, чтобы унести ее в гнездо. Перед закрытыми глазами Керна плыли крапчатые облака солнечного света. Он нарочно гнал любые мысли в надежде получить ответ, но ответа не было.

«Бирна! Нет времени ждать. Бирна, Куа, отзовитесь!»

Взывая к ним пылко и нетерпеливо, Керн вспо-

минал смутные образы, мелькавшие в сознании Бирны: шеренги вооруженных людей, мерно бивших крыльями, рассекавших ночную тьму, приближавшихся к деревне. Быть может, они так далеко, что будут здесь не раньше чем спустя несколько часов. Или так близко, что вон то облако на горизонте — вовсе не облако, а скопление вооруженных людей…

«Бирна! Ты слышишь меня?»

— Керн.

Долгожданный ответ прилетел внезапно, как удар в лицо, будто Бирна стояла рядом и с необычайным напором говорила ему прямо в ухо. Контакт сознаний сопровождался легким холодком ужаса. Керну показалось, что заледенел и он сам, и наполненный солнцем воздух. Он сразу понял, что Бирна уже давно слышала его, но не торопилась с ответом, не желая тратить времени на блуждания впотьмах и фокусировку внимания друг на друге. Когда их разум слился воедино, Керна тряхнуло от испуга и в сознание хлынули настойчивые мысли:

— Керн, быстрее, у нас нет времени! Глянь вперед. Видишь на горизонте цветущую рощу? Лети к ней, а там снова выходи на связь.

Бирна отключилась с той же внезапностью, с

которой откликнулась на зов, а поскольку мысль передается несравнимо быстрее слова, все четыре идеи — идентификация, спешка, местонахождение и обещание нового контакта — поступили в рассудок Керна почти мгновенно. Но в этот невероятно короткий миг соприкосновения двух разумов что-то случилось.

Керн покачнулся на дрогнувших крыльях, будто получив удар дубиной. Его сознание отпрянуло от сознания Бирны, опаленное жаркой ненавистью, сверкнувшей в пустоте между ними. Витая огненная лента, причудливо скользившая сквозь небытие, когда он очнулся от вещего сна, теперь проснулась и стала алчно выискивать добычу.

Эта лента поджидала его, понял Керн, чей разум съежился от соприкосновения с пламенем. Она нашла их, когда он медленно приходил в себя после долгого сеанса связи с мутантами.

С того момента она, свившись кольцами, таилась в засаде. Она?

Сложив крылья, он ушел в головокружительное пике, в ушах взревели потоки воздуха. Керн видел, как далеко внизу с черепичной крыши поднялись две фигуры, одна с крыльями светлыми, другая с глянцевито-рыжими. Расправив крылья, он с ликованием ощутил, как напряглись

грудные мышцы, когда сопротивление атмосферы прекратило его падение, и по долгой крутой дуге ушел вверх с такой скоростью, что воздух, разогреваясь от трения о его тело, казался уже не воздухом, но осязаемым веществом.

— Туда! — указал он, когда Элье поднялась в пределы слышимости. — И побыстрее! Что-то случилось. Думаю, нас обнаружила Гора — или ее обитатель.

Чистое и ясное лицо Элье окрасилось в белый цвет. За спиной у нее сверкнул недоверчивым взглядом смуглолицый Герд.

— Почему ты так говоришь?

В полете Керн все рассказал. По мере приближения к цветущим деревьям на горизонте казалось, что роща, отодвигаясь от линии соприкосновения земли и неба, быстро движется им навстречу. Говорить во время полета было непросто. После многодневной бездеятельности Керн учащенно дышал, грудь и крылья ныли от непривычной скорости. Когда он закончил, наступила тишина, а чуть позже Элье сдержанно произнесла:

— Там гнездо. — Гладкой обнаженной рукой она указала направо. — Туда я отправила почти всех наших с добычей, а Герд выбрал двадцать человек, и они полетят с нами. Знаешь ли ты, где

или как далеко отсюда находятся люди Горы?

— Нет, — покачал головой Керн. — Надеюсь узнать при следующей встрече с Бирной.

Глянув между спутниками, он увидел скромный отряд телохранителей Элье. Судя по расстоянию, они встали на крыло несколькими минутами позже. Все как один крепкие парни с невозмутимым лицом и недобрым взглядом. Несколько человек несли сплетенные из легкой ивы прямоугольники, пристегнутые к телу кожаными ремнями.

— Сиденья для твоих друзей, Керн, — объяснила Элье. — На них мы переносим детей или стариков, когда те уже не могут летать.

Ее лицо омрачилось, и Керн понял, что крылатые люди всегда хмурятся при мысли о том моменте, когда они больше не смогут бороздить воздушные просторы.

Тут ему пришло в голову, сколь яростны эти люди в сражении — по-своему такие же фанатики, как и те земляне, что бились за право войти в воображаемое Царствие Небесное. С одинаковой стойкостью крылатые воюют и с врагом, и со старостью, ведь стоит однажды объять воздушные потоки, и ты уже не сможешь жить без крыльев.

За этими мыслями он не заметил, как подлетел

к цветущей роще.

— Если Гора вновь проникнет в твое сознание, Керн, ей будет проще указать путь своим людям, — сказала Эльe. — Это крайне опасно. Быть может, не стоит пока выходить на связь с друзьями? Ты навредишь им не меньше, чем нам. Нельзя исключать, что армия Горы уже близко.

Керн медлил в нерешительности. Он с ужасом ожидал близившегося с каждым взмахом крыльев мгновения, когда его разум откроется этим виткам жгучей злобы. Прикинув, не отложить ли поиск сознания Бирны, и сообразив, что лишь отсрочит неизбежное, он отрицательно покачал головой и мысленно воззвал:

— Бирна! Бирна, что дальше?

Как и в прошлый раз, поначалу ответа не было. Затем Керн уловил прикосновение разума Бирны — мимолетное, будто сдавленный выдох, и к тому же невнятное, так как в момент контакта пустоту пронзила ослепительная ярость кого-то… постороннего. Очевидно, лишь при соприкосновении сознаний могла дотянуться до них эта раскаленная злоба. Но она ждала в засаде и на этот раз мгновенно вспыхнула между ними, прежде чем Бирна успела сказать хоть слово.

Ошеломленный происходящим, Керн уловил

лишь обрывки ее мыслей:

— Три холма… Быстрее… Армия!

Вот и все, что прорвалось сквозь огонь ненависти, мгновенно воспылавший… в пустоте? Нет, это пространство не было пустым. Оно полнилось лютой ненавистью. Затем Керн, открыв глаза, поймал попутный воздушный поток. Элье и Герд молча смотрели на него, пока он с немалым трудом приходил в себя. Элье побелела от страха, но на лице Герда по-прежнему господствовала подозрительность.

Линию горизонта рассекал скованный туманом ряд возвышенностей. Их было три. Керн указал на них, и трое крылатых людей молча свернули к трем холмам. Если последний возглас Бирны — «Армия!» — означал, что враг уже рядом, делать было нечего, кроме как лететь куда сказано в надежде добраться до мутантов, прежде чем беда обрушится на всех без разбора.

5. Погоня

На подлете к трем холмам Керн с тревогой высматривал на горизонте крылатую армию, что двигалась — несомненно, двигалась! — навстречу, как вдруг что-то, промелькнув перед глазами,

устремилось к зениту. То был луч света, и Керн оторопело глянул вниз. Из зарослей вырвался новый луч, исходивший из ослепительно-яркой точки. Затем из-под ветвей выступила крошечная фигурка и помахала ему рукой.

То была Куа. Керн видел отражение солнца в сдвоенных линзах темных очков у нее в руке. Куа подала ему гелиографический сигнал с помощью единственного своего предмета, способного отражать свет.

Он указал вниз, поднял крыло и заложил долгий вираж, вытянувшись во весь рост так, что пятки поднялись выше головы. Земля пошла рябью, как вода в чашке, а Куа будто устремилась ему навстречу, когда крутое пике сокращало разделявшую их дистанцию.

Коснувшись ногами травы, Керн увидел, что рядом с Куа уже стоят остальные. Он, как всегда, вздрогнул, встретив взгляд единственного глаза Куа. Подняв бледное исхудалое личико, Бирна бросилась вперед с криком «Керн!», прозвучавшим слаще любой музыки, и Керн подумал, что в обоих взглядах — и Бирны, и Куа — появилось нечто новое. Как видно, мутация не стояла на месте — что у них, что у него — и тоже шагнула за пределы Земли. У обеих девушек появились но-

вые способности, и Керн поймал себя на мысли, что едва узнает сводных сестер.

Сэм Брустер с улыбкой протянул ему руку, и Керн пожал ее с некоторой внутренней дрожью, которую всегда чувствовал при встрече с Сэмом, инстинктивно отводя взгляд от его глаз, прикрытых третьим веком. За спиной у Сэма Керн увидел Брюса Гэллама — он не шевелился с тех самых пор, как его уложили на ветвяную подстилку. Его лицо было твердым и бледным, как слоновая кость, и вдобавок безжизненным, словно лицо памятника, не знавшего жизни.

Поначалу все смешалось. Бирна кричала: «Быстрее! Быстрее!», пронзающий расстояния взгляд Куа неутомимо шарил по горизонту, крылатые люди приземлились за спиной у Керна и подбежали к нему, не складывая крыльев, чтобы добавить быстроты ногам.

Керн услышал недоверчиво-смущенный вздох Элье, когда Куа окинула новоприбывших взглядом единственного голубого глаза, но крылатая девушка, убедившись, что Керн говорил правду, показала себя отменным командиром, и через несколько секунд все взмыли в воздух.

Брюса Гэллама, погруженного в загадочный сон, несли на плетеной платформе двое кры-

латых здоровяков. Остальные трое мутантов, устроившись на сиденьях, не успели ни возразить, ни даже удивиться, прежде чем оказались в воздухе.

Пролетая над перекатистыми холмами, Керн поглядывал на стеклянную Гору, туманившую горизонт громадной тучей, и старался не опережать арьергард, чтобы еще в воздухе переговорить с бескрылыми пассажирами. Рядом парили Элье и Герд, бдительно высматривая любую тень на лицах мутантов.

— Что они говорят, Керн? — шепнула Элье в унисон с шелестом крыльев. — Ты… уверен, что они люди? Я никогда не видела таких… созданий. Может, они боги, Герд?

Горбун коротко рассмеялся, но в смехе слышалась тревога.

— Пусть говорят. Спроси их, Керн, близко ли враги.

— По-моему, близко, — ответила Бирна. Крошечными ручками она вцепилась в ремешки сиденья, и могло показаться, что ее невероятно музыкальный голос выводит песенку, а не выкрикивает слова, полные ужаса, отражавшегося у нее в глазах. — Керн, я уже боюсь их искать! Ты сам видел, что было! Керн, скажи, что ты видел!

— Что видел? По-моему, огонь. Свернувшуюся кольцами огненную ленту и… ненависть. Да, я почти видел эту ненависть!

— Гора. — Бирна машинально взглянула на зависшую в небесах зловещую тучу. — Что ты знаешь о ней, Керн? Что поведали эти люди?

Он вкратце пересказал слова Элье и заключил:

— До сей поры Гора не умела менять физический облик людей. Иначе таких, как Элье, не осталось бы. По крайней мере, так она думает. Любопытно, сможет ли Гора изменить нас с тобой? Ведь мы пластичны, аномально пластичны, и я… — Он умолк — ему не хотелось рассказывать даже Бирне о загадочных шевелениях в глубине его тела. — Говоришь, вы с Куа почувствовали какие-то изменения?

Широко раскрыв страдальческие глаза, Бирна кивнула:

— Пока неясно, насколько они сильны. Быть может, все это из-за Горы.

Сэм Брустер, который раскачивался на сиденье чуть выше Бирны, неожиданно подался вперед:

— Ответ надо искать на Горе, Керн. Вряд ли мы будем в безопасности, пока не обследуем эту громаду.

— В безопасности? — мрачно хмыкнул Керн. —

Видел бы ты, что видел я, говорил бы иначе.

— Какая разница? — Летевшая чуть впереди Куа обернулась и скользнула по ним взглядом голубого глаза. — Смотрите! Вон они!

Услышав пронзительный возглас Керна, когда тот, развернувшись, проследил за указательным пальцем Куа, Элье и Герд сразу все поняли. По группе крылатых людей пробежала дрожь волнения. Все напружинили мускулы, сосредоточились и на мгновение снизили скорость — точь-в-точь как стая птиц, способная развернуться без сигнала, заметного постороннему глазу.

Там, куда указывала Куа, ничего не было.

— Вижу первую шеренгу, — сказала она. — Длинную. Вижу что-то у них в руках, но что именно — не разобрать. Что-то круглое. Сети из блестящего материала. По-моему, это тонкая проволока, и она сверкает на солнце.

Керн немедленно передал ее слова Элье.

— Новое оружие, — сказала та. — Этого я и ожидала. Любопытно… Что ж, скоро мы все узнаем. — Хлопнув крыльями, она вознеслась над своим отрядом и оглядела его. — Мы движемся слишком медленно. — Она посмотрела на Керна. — Твой раненый друг… Он тяжелый, а потому задерживает нас. Кроме того, его несут двое, и,

если нас догонят, они не смогут драться. Не пора ли?.. — Она многозначительно указала вниз.

— Нет! — отрезал Керн. — Он самый могущественный из нас. Главное — поставить его на ноги.

— При необходимости бросим его первым, — решила Элье. — Но пока подождем.

Она отдала приказы авангарду, и восемь человек метнулись к хвосту воздушной процессии. На глазах у Керна они, мерно взмахивая крыльями, скользнули в сбрую плетеных сидений, сменив тех, кто прежде нес это бремя.

— А теперь скорее в гнездо! — сказала Элье.

На подлете к ступенчатой гряде холмов, за которой скрывалось убежище Элье и ее людей, их заметил передовой отряд врагов, вынырнувший из-за горизонта. Снизившись к самой земле, беглецы укрывались за каждой возвышенностью, за каждым деревом и, несмотря на свою ношу, двигались почти с той же скоростью, что и неприятель, утомленный долгим ночным перелетом.

Однако не успели они достичь укрытия, как в прогретом солнцем воздухе прозвенела высокая, чистая нота сигнального рожка — и тотчас утонула в свирепом реве преследователей, заметивших добычу.

Элье была само спокойствие.

— Герд, — сказала она, — проводи всех к гнезду.

— Нет! — прорычал горбун. — Пусть это сделает кто-нибудь из офицеров, а я не прочь подраться.

— Ладно, оставайся, — разрешила Элье и отдала приказ человеку, летевшему в голове ее маленького отряда.

Не щадя крыльев, они помчались к просвету меж двух черных утесов с неровными вершинами, за которым Керн разглядел скалистую пустыню, чьи угловатые камни, судя по виду, имели вулканическое происхождение. Подлетев ближе, он почуял странный металлический запах, доносимый размеренными волнами жаркого воздуха.

— В здешних местах гуляет ядовитый ветер, — объяснила летевшая рядом Элье. — Многие погибли, прежде чем мы научились лавировать в этих потоках, но теперь у нас есть укрытие, куда не попасть без проводника…

Она резко умолкла. Обернувшись, Керн содрогнулся от увиденного: Элье вращалась в воздухе, запрокинув голову, и на фоне голубого неба белела четкая линия ее напряженного горла. Не сбавив скорости и не проронив ни слова, она

сжалась в комок и тут же обмякла под распростертыми крыльями; еще секунду те держали ее, но затем сложились, и Элье камнем понеслась вниз.

Времени не стало. Для Керна все замерло: и летучий отряд, и волны ядовитых испарений, и ветер, трепавший кроны деревьев, и первая шеренга преследователей — та зависла в пространстве, а разъяренные возгласы превратились в порожний шум.

Теперь он в подробностях рассмотрел их оружие — огромные овалы, затянутые тонким и замысловатым проволочным плетением, на котором резвились солнечные зайчики. Керн видел, как световой конус, вырвавшись из ближайшего овала, коснулся еще одного беглеца.

Мгновением позже время возобновило ход. Не успела Элье умолкнуть, как Керн уже нырнул вдогонку, обогнал ее и подхватил на руки в неразберихе поникших крыльев и распущенных волос.

Где-то над головой суровый Герд выкрикивал приказы. Подняв к остальным свою ношу, Керн увидел, как новоизбранный проводник крылатых людей юркнул в прощелину между утесами, а за ним последовали пары носильщиков, держась

за ремни, пристегнутые к сиденьям мутантов.

Воздух за спиной задрожал от свирепого рева и гула бесчисленных крыльев: беглецов нагоняла первая вражеская шеренга. Она была уже так близко, что Керн разглядел перекошенные лица и блеск кинжалов.

Странно и жутко было видеть в разгневанных взглядах не человеческую ярость, но ядовитое пламя злобы, исходившей от Горы. Знала ли толпа преследователей, чья ненависть гонит ее на битву, или горожане считали, что это их собственный гнев, а не чувство, навеянное непостижимой сущностью, превратившей их в безвольные автоматы?

Световой конус, промелькнув рядом с Керном — так близко, что онемел кончик крыла, — угодил в спину летевшему перед ним; тот конвульсивно содрогнулся, выгнулся дугой, съежился и на мгновение замер в инерции полета, после чего сложил крылья и, подобно Элье, устремился к земле.

Герд истово замахал руками, приказывая Керну лететь дальше, а сам бесстрашно развернулся к врагу и выхватил два кинжала, готовый напасть на любого, кто окажется поблизости от его клинков. Он не переставал хрипло выкрикивать команды, почти неслышные из-за кровожадных

воплей атакующих и оглушительного шума вражеских крыльев.

Остатки маленького отряда беглецов скрылись в расселине, в числе последних — Керн, почти ничего не видевший из-за клубившихся над пустошью испарений, и его безвольная ноша. Словно в причудливом кошмаре, полуослепший от ядовитых паров и полуоглохший от шума крыльев и завываний неприятеля, Керн мог лишь следовать за неясно различимой в тумане фигурой проводника. Неподвижная Элье покоилась у него на руках, и ее поникшие крылья вздрагивали в такт со взмахами крыльев ее спасителя.

Керн в последний раз оглянулся на горбуна (тот занял позицию у проема, готовый принять бой в арьергарде), а затем бросил взгляд меж ядовитых облаков, и у него защемило сердце. Отчаянно взмахивая крыльями, сквозь туман его догоняли еще две крылатые фигуры, отягощенные бесчувственным грузом.

Эти двое несли Брюса Гэллама. И Элье была права. Брюс оказался слишком тяжелой ношей, крылатый тандем так и не сумел набрать нужную скорость. Очевидно, носильщики отстали от остальных и лишь теперь сокращали дистанцию между собой и спасительной пустошью.

Но успеют ли?

Сам того не желая, Керн сбавил скорость и обернулся посмотреть, что будет. Он увидел, как Герд бешено жестикулирует, подгоняя отставших, и услышал басовитый возглас горбуна:

— Бросьте его! Бросьте и догоняйте остальных!

Не успели они выполнить приказ, как клубящийся туман беззвучно расступился перед конусом белого огня, в чьем сиянии растворились и носильщики, и их ноша.

Не прозвучало ни звука, если не считать вездесущего перегуда погони. Обреченные носильщики оцепенели. По инерции они еще пару секунд скользили в воздухе, так и не освободившись от фатального груза, а затем упали, и всех троих поглотил туман.

Сжимая в объятиях Элье, Керн полетел дальше. Крылья налились свинцом, ноздри горели из-за едких испарений, ноша была чудовищно тяжела, но он, не сдаваясь, пробирался сквозь туман — кашлял, задыхался, готовился к тому, что каждый взмах крыльев окажется последним, и все же следовал едва ли не ощупью по пятам за летевшим впереди человеком, его единственным проводником в этом надземном лабиринте отравы, вздымаясь на восходящих столбах горя-

чего воздуха, а зловонные противотоки, грозя удушением, швыряли его из стороны в сторону в опасной близости от зазубренных черных скал, и Керн понимал, что на этой скорости не переживет даже самого мимолетного соприкосновения с бритвенно-острыми камнями.

Элье висела на руках мертвым грузом, но мысль о потере Брюса еще сильнее тянула к земле, ведь никто иной не мог открыть мутантам двери в другие миры, и лишь на сверхъестественные навыки Брюса полагался Керн, думая, как избавить свою новую планету от врага.

Задыхаясь и изнывая от невыносимо долгого полета, он едва поспевал за отрядом беглецов.

Внезапно пытке пришел конец. Секунду назад ослепленный туманом Керн сновал меж восходящих потоков, а спустя мгновение уже парил в чистом и спокойном воздухе над гигантским каменным выступом, откуда ему махали крылатые люди. Он медленно снизился, осторожно коснулся ногами скалы и сложил измученные крылья.

Элье закашлялась, и Керна будто током ударило. Этот новый сюрприз затмил собой весь мир, ведь Керн не сомневался, что крылатая девушка или умирает, или уже умерла. Опустив глаза, он встретился с ее непонимающим взглядом, а затем

Элье обессиленно смежила веки. Что ж, она хотя бы осталась жива.

Вокруг сомкнулись бойцы, и кто-то забрал Элье у него из рук. Следуя за ними, Керн с любопытством осматривал скалу.

Неподалеку оказался высокий сводчатый вход в пещеру, такую же черную, как и камень снаружи, а скальный выступ перед ней тоже был черным. Воздух над этой платформой (шириной в добрую пару сотен футов) не был отравлен ядовитым туманом, но испарения, поднимаясь с вершины скалы, нависали над ней и затмевали небо, будто шатер с редкими прорехами в куполе, и все это, включая крылатых людей с ожесточенными лицами, высыпавших навстречу новоприбывшим, походило на картину преисподней, рожденную воображением художника.

Керн вкратце рассказал о гибели Брюса, не желая задумываться о том, какой сокрушительный удар нанесен по надеждам остальных — да и его надеждам, коль скоро этот мир окажется населен одними лишь безмозглыми рабами Горы.

Выслушав его, ошеломленные утратой мутанты не сказали ни слова. Печальное личико Бирны сделалось бледным и вконец погрустнело, а огромный голубой глаз Куа наполнился слезами,

и она отвернулась. Сэм Брустер пробурчал что-то под нос, и Керн заметил, как дрогнуло его третье веко. Оно всегда вздрагивало, когда Сэм выходил из себя. Должно быть, непроизвольно готовилось разомкнуться.

— Сэм! — одернул его Керн.

Третье веко осталось на месте. Сэм поморщился и отвернулся от остальных.

В пещере на соломенной подстилке под малиновым балдахином лежала Элье. В грубом каменном очаге горел огонь; его тепло, отражаясь от красного тента, опускалось к ложу предводительницы изгоев. Когда вошел Керн, кто-то подносил к губам Элье кубок с дымящимся питьем.

Медленно осушив кубок, она откинулась на солому, но не закрыла глаз. Напротив, внимательно обвела ими толпившихся вокруг людей и, похоже, начала понимать, что происходит. Вскоре на ее щеки вернулся румянец. Наконец она закашлялась и села:

— Ну хорошо. Мне уже лучше. Что случилось?

Керн все рассказал.

— Герд? — спросила Элье, дослушав его историю.

Люди стали вопросительно переглядываться.

По пещере прокатился нескладный ропот. Горбуна никто не видел. Кто-то, захлопав тяжелыми крыльями, взлетел под туманный купол и окинул взглядом наружную площадку, но Герда не было и там. Лицо Элье омрачилось.

— Чем лишиться Герда, лучше бы мы потеряли двадцать человек. Говоришь, он летел за тобой, Керн? Ты не слышал звуков боя?

— Трудно сказать, — покачал головой Керн. — Мне показалось, он следовал за нами. Но после того как упали носильщики Брюса, я ничего не видел.

— Как жаль, — закусила губу Элье. — Нам будет его не хватать. Он был первейшим храбрецом, всецело преданным нашему делу. Герд прожил с нами не больше года, но я стала прислушиваться к нему, когда… — Она замялась. — Что ж, ничего не поделаешь. Наверное, его задело световым конусом. Интересно, как действует это новое оружие. — Она расправила крылья и проверила, слушаются ли мышцы. — Последствий не чувствую. По всей видимости, предполагается, что человек погибнет при падении. По крайней мере, нам удалось сбежать, хоть и не без потерь.

Она встала, осторожно повращала головой и несколько раз нерешительно хлопнула крылья-

ми, едва не оторвавшись от пола.

— Я в норме. — В пещере стояла зябкая сырость, и Элье простерла руки к костру. — Гора гневается, и дело не только в нашем набеге на деревню. Не по этой причине Гора отправила за нами целую армию. Еще и эта буря… Керн, думаю, Гора знает, что вы здесь, и пытается… прикончить вас. Как думаешь, почему?

У Керна имелись кое-какие соображения, но совсем зачаточные. Вместо ответа он лишь покачал головой, и Элье коротко рассмеялась:

— Герд отказывался тебе доверять. Будь он здесь, сказал бы, что враг выступил против нас по вашей вине. Предложил бы прогнать вас, а дальше разбирайтесь как знаете. — Помолчав, она неожиданно жестко добавила: — Назови хоть одну причину, по которой мне не следует так поступить.

Керн обескураженно уставился на нее:

— Если тебе неизвестны причины…

Но Элье, не дав ему договорить, признала:

— Да, ты спас мне жизнь. Но мы не сентиментальны и не можем позволить себе таких эмоций. Если ваше присутствие угрожает всеобщей безопасности, я не стану потворствовать чувству благодарности, тем самым подвергая риску своих

людей. Каждый обязан вносить вклад в общее дело, иначе ему незачем жить. — Она пожала плечами. — Ты — еще один боец в отряде, но как насчет твоих друзей? Есть ли у них способности, уравновешивающие неумение летать?

— Думаю, есть. Но в одном я уверен, Элье: если не изобрести способа победить Гору, мы — по крайней мере, мутанты — обречены. Прибыв сюда, мы нарушили равновесие вашего мира. Зная об этом, Гора пошла в наступление. Да, мы потеряли лучшего из нас. Его звали Брюс Гэллам, и с его помощью мы могли бы дать достойный отпор Горе. Без него мы как без рук, — скорбно признал Керн, — но не забывай, что мы с Бирной… скажем так, пришли к одинаковому выводу насчет вашей Горы. Мы знаем, чему противостоим, и, если не уничтожить Гору, мы погибнем. Других вариантов я не вижу.

— Керн, — негромко сказала Куа у него за спиной, и он обернулся.

Элье тоже взглянула на Куа, и краем глаза Керн заметил, как крылатая девушка непроизвольно вздрогнула, увидев своеобразное лицо девушки-циклопа.

Бесконечно глубокий взгляд огромного голубого глаза был устремлен на каменную стену

над очагом, а лицо выглядело сосредоточенным и отрешенным, словно в пещере находилось только тело Куа, а сама она была в нескольких милях отсюда.

— Керн! — повторила она. — Приближаются люди. Множество людей. По-моему, те же, что гнались за нами до пустоши. — Умолкнув, на секунду она сфокусировала взгляд на Элье, но тут же повернулась к каменной стене.

— Ты видишь их, Куа? — осведомился Керн. — Серьезно? Ты понимаешь, что перед тобой стена? Что ты смотришь сквозь камень?

Ответом стало ее потрясенное лицо.

— А ведь правда! — ахнула Куа. — Такого… Такого прежде не бывало. Да, Керн, мы действительно меняемся, хотя понимаем это, лишь когда происходит нечто экстраординарное. Я в самом деле вижу их, вижу по ту сторону стены. — Она вновь устремила бездонный взгляд сквозь расстояния, неодолимые для невооруженного человеческого глаза. — Они приближаются тем же путем, что и мы, сквозь туманы.

Керн передал ее слова Элье, и та, шагнув вперед, воскликнула:

— По лабиринту? Быть такого не может! Там не пролететь без проводника! С секунды на секунду

они задохнутся в испарениях.

— Без проводника? — еле слышно переспросила Куа, повернувшись к Элье. — У них есть проводник. Это твой друг Герд.

6. Предательство

Керн перевел ее слова, и пещеру наполнила жуткая тишина, после чего воцарился бедлам: люди, до сей поры молча стоявшие вокруг, разразились гневными речами. Некоторые высмеивали слова Куа, другие проклинали Герда. Угомонив всех резким окриком, Элье решительно произнесла:

— Я тебе не верю. Герд не предал бы нас!

— Лучше подготовься к встрече, — только и сказала Куа, пожав плечами, и Элье ненадолго утратила самообладание.

— Но я не… Не может быть, чтобы их вел Герд! Керн, ну чем мы их встретим? Их сотня на одного! Это наше последнее убежище, и, если сюда прорвется враг, все пропало!

— Они не знают, что мы настороже, — сказал Керн. — В этом наше единственное преимущество. Воспользуйся им по максимуму. Нет ли поблизости удобных мест для засады?

— Почти везде узкий коридор для пролета гуськом, — покачала головой Элье, — и Герд знает его даже лучше, чем я. — Ее крылья поникли, и она апатично уставилась в огонь. — Вот и закончилось наше с Горой противостояние. Сегодня она выиграет бой, и никто из нас не уйдет живым. Герд! Поверить не могу!

— Думаешь, он подчиняется Горе? — спросил Керн.

— Несомненно. Он прошел все проверки, а они у нас весьма строгие, но каким-то образом сумел утаить правду. Герд — один из рабов Горы и вынужден исполнять ее приказы.

— Теперь все ясно! — воскликнул вдруг Керн. — С чего бы Горе нападать именно сегодня? Видать, она чего-то боится. Говоришь, Герд прожил у вас целый год? Гора могла нанести удар в любую секунду, но она ждала крайней необходимости, и теперь этот момент наступил. Гора боится нас, а значит, мы сильнее, чем думаем. Быть может…

Его прервал прилетевший сквозь туманы гулкий стон сигнального рожка, и Керн развернулся. С площадки донеслись неразборчивые гневные голоса, сводчатая пещера наполнилась оглушительным шумом хлопающих крыльев, и в этот миг ярко вспыхнул огонь. Красный балдахин

сорвало волной горячего воздуха, и люди под руководством Элье бросились защищать свое последнее прибежище.

Побледневшие Куа и Бирна не сводили глаз с Керна. Из-за спины у них вопросительно смотрел Сэм Брустер. Керн в двух словах рассказал, что происходит, и заключил:

— Лучше ждите здесь. Не знаю, что будет дальше, но в пещере безопаснее, чем снаружи.

— Могу помочь, — с грозной улыбкой напомнил Сэм. — Пойдем-ка на площадку.

Вместе они направились к выходу из пещеры. Снаружи царила упорядоченная суета: ряды крылатых воинов поднимались в воздух, где замирали в ожидании, а Элье весьма умело выстраивала резервы на краю площадки, хотя в ее приказном тоне слышалось отчаяние. Прежде чем она закончила, торжественно прогудел сигнальный рожок. Из-за туманной пелены появились первые враги.

— Видишь? — повернулась Элье к Керну, и в ее голосе отсутствовала всякая надежда. — Они хотели выманить нас на открытое пространство и перебить. Потому и предупредили сигналом, чтобы мы выбежали из пещеры. Они уверены в победе.

С края платформы навстречу неприятелю взмыла первая волна бойцов с кинжалами наголо. Вторая волна, сложив крылья, спикировала на врагов с высоты, и через несколько секунд у бреши в стене тумана завязалась кровавая схватка.

— Минут пять мы продержимся, — сказала Элье, — а потом все, конец.

Впервые Керн видел, как сражаются крылатые люди, как по-ястребиному налетают на выбранную жертву, как ловко орудуют кинжалами, рассекая сухожилия, отвечающие за движение крыльев, после чего беспомощный противник кувырком летит к земле. Одного надреза поперек грудных мышц было достаточно, чтобы вывести врага из строя.

Но если жертва замечала нападавшего, начинался танец в воздухе, поиск господствующего положения, и Керн не раз наблюдал, как крылатые люди, проиграв тактическую схватку, набирают высоту, складывают крылья, отчаянно падают на врага, заключают его в смертоносные объятия и двое как один камнем падают вниз, стараясь по пути искалечить противника и разомкнуть захват перед неизбежным столкновением с землей.

Враги неудержимым потоком вырывались

из узкой бреши в ядовитых испарениях, где их встречали бойцы Элье, но через несколько минут битва шла уже под гигантским туманным куполом над площадкой у входа в пещеру. Пространство заполнилось сражающимися людьми, чьи крылья затмили дневной свет.

— Они не пользуются световыми конусами, — сказал Керн. — Я готов был уклоняться от них, но пока в этом нет нужды. Почему?

— Думаю, Гора посылает луч, и он фокусируется на проволоке, — ответила Элье. — Обычно их оружие действует именно так, но Гора не может проникнуть в эти туманные земли, поэтому ее рабы вынуждены биться врукопашную. И у них это неплохо получается. К тому же их слишком много. Я… Керн, смотри! Это Герд?

В общей свалке промелькнули рыжие волосы и того же цвета крылья, но человек с такой скоростью рассекал воздух, что узнать его было почти невозможно. Керн, однако, заметил ясные глаза на перекошенном смуглом лице, и ему показалось, что в этом взгляде читается бесконечная скорбь.

Стоявшая рядом Элье выкрикнула приказ, и с другого края площадки в безнадежной попытке оборонить свою крепость сорвалась новая волна

людей.

— Мы взлетим с последним отрядом, — тихо сказала Элье, оглянувшись на горстку своих бойцов. — Еще одна волна, а за ней мы. Так уничтожим больше врагов, прежде чем все закончится. Есть ли у тебя кинжал, Керн?

В этот миг над ними пролетел человек с безумным лицом отъявленного фанатика и десятком кровоточащих ран на теле. С его клинка тоже капала кровь, а взгляд был устремлен на темное устье пещеры. Вдруг человек завис в воздухе, оцепенел, вздернул подбородок, и его крылья сложились так внезапно, будто их подрезали, после чего раб Горы безвольно рухнул к ногам Элье.

Та гибко пригнулась, чтобы перерезать ему горло, но в этом уже не было необходимости, и она подняла непонимающий взгляд на Керна.

Он взял из руки мертвеца влажный клинок, вытер его о кожаный камзол и предостерег:

— Не оглядывайся, Элье. Сэм? Сэм!

— Все нормально, Керн, — донесся голос Сэма Брустера, полный грозного веселья. — Я… не смотрю.

Онемевшая Элье вглядывалась в лицо Керна. Второй мутант, холодно улыбаясь, неторопливо подошел к их укрытию — груде камней на краю

площадки. Его глаза прикрывало третье веко, но за этой поволокой виднелось зловещее мерцание, и Керн в спешке отвернулся.

— Что… что это было? — спросила Элье, запинаясь. — Что убило этого человека?

— Это я его убил, — безрадостно усмехнулся Сэм. — Примерно вот так.

Подняв лицо к небу, он окинул взглядом воздушную сутолоку, где люди то взмывали вверх, то устремлялись вниз на окровавленных крыльях, сжимали друг друга в смертельных объятиях и, сверкая кинжалами, падали к земле. Двое сошлись в отчаянном бою в каких-то десяти футах от края площадки. Вот один из сражавшихся высвободил руку с кинжалом и вогнал клинок в грудь противника — по самую рукоятку!

Расправив крылья, он ждал, что будет дальше, а его жертва конвульсивно цеплялась за плечи своего убийцы в последней попытке спастись. Пару секунд оба держались в воздухе на крыльях победителя, а потом умирающий обмяк, крылья безвольно поникли, и он упал в туман, заливая все вокруг кровью, бившей из раны в груди.

Убийца задержался в воздухе, тяжело дыша и высматривая нового противника. Его бегающий взгляд встретился со взглядом Сэма Брустера.

Дыхание крылатого человека участилось. Выронив кинжал из ослабевших пальцев, он широко раскрыл глаза, напрягся всем телом и перевернулся в воздухе. Крылья надломились, и убийца последовал за убитым. Почти одновременно оба исчезли в тумане.

Сэм мрачно рассмеялся. Когда он повернулся к Керну, его третий глаз снова прятался за веком.

— Могу убить любого, кто посмотрит мне в глаза, когда они открыты, — сказал Сэм.

Элье не поняла его слов, но сопровождавший их жест выглядел весьма убедительно. Негромко охнув, она отвернулась из чисто инстинктивного страха перед этим смертоносным взглядом.

— Элье, надо что-то делать, — настаивал Керн. — Прямо сейчас, пока не поздно. Рядом с нами Сэм, а у Бирны и Куа есть свои способности. Незачем ждать, пока нас убьют. Надо бежать.

— Куда? — хмуро спросила Элье. — Гора найдет нас где угодно.

— Можно отправиться к Горе, — уверенно заявил Керн, хотя не чувствовал особой уверенности. — Раз ей так хочется нашей смерти, Гора боится нас. Как бы то ни было, иной надежды нет. Скажи, есть ли способ улететь отсюда другим путем?

— Разве что вверх. — Элье указала в небо. — И сам видишь, насколько плотный там туман.

Керн обвел взглядом площадку, где стояли человек пятьдесят — последняя волна защитников цитадели Элье. Взглянул на устье пещеры, поманил Куа и Бирну, и те, обе бледные, встревоженно бросились к нему.

— Куа, — заговорил Керн, — как выяснилось, ты умеешь видеть сквозь стены. Глянь наверх. Сможешь отличить ядовитые испарения от безвредного тумана?

Куа, подняв лицо, прищурила единственный глаз. Долгое мгновение все молчали.

— Уверенности нет, — наконец ответила она. — Я вижу пелену насквозь, до чистого неба. Местами она погуще и образует особый рисунок, но где туман, а где ядовитые испарения, сказать нельзя.

— Можно ли вылететь в чистое небо по участкам разреженного тумана?

— Да.

— В таком случае рискнем. Если там можно дышать, все получится.

Не теряя времени, он посвятил Элье в свои планы:

— Людей осталось достаточно, чтобы у нас появился шанс на победу, если сумеем пробиться к

небу. Сэма и Куа стоит взять с собой. Я никогда не дрался в воздухе, и толку от меня будет немного, так что понесу Бирну. Попытка не пытка, Элье. Всяко лучше, чем ждать смерти.

— Да, — подтвердила Элье с отчаянием в голосе. — Лучше умереть по пути к чистому небу. Хорошо, Керн, летим.

Она обернулась к горстке бойцов, выкрикнула приказы, и несколькими минутами позже уцелевшие свободные люди встали на крыло.

Площадка осталась далеко внизу, и отряд закружился в водовороте криков, стонов, тяжелого дыхания и оглушительного шума бессчетных крыльев. Повсюду шел кровавый дождь, вздымались и опускались сверкающие кинжалы, и проигравшие бой уносились к земле. С легковесной Бирной на руках Керн стремительно набирал высоту. Вопреки всему в нем горела надежда на лучшее, иррациональная уверенность, что они прорвутся к небу.

И они прорвались. Но не все.

Среди павших был Сэм Брустер. В самом конце, когда поредевший отряд почти достиг туманного купола, кто-то из врагов метнул кинжал, и тот угодил в спину одному из носильщиков Сэма. Человек вскрикнул, выгнулся дугой и рухнул вниз.

Летевший рядом бросился к плетеному сиденью, но слишком поздно: мутант не удержался в нем и выпал, не издав ни звука.

Нырять за ним в губительный водоворот битвы было бы смерти подобно. С тяжелым сердцем Керн смотрел, как Сэм, кувыркаясь в воздухе, летит к земле, и видел, как люди замирали и падали вслед за ним, встретившись с пагубным взглядом, словно в последние мгновения жизни мутант призывал к себе эскорт мертвецов.

Наконец беглецы погрузились в удушливый туман и здесь уже не думали ни о чем, кроме необходимости дышать и следовать за носильщиками Куа, прокладывавшей дорогу сквозь ядовитые испарения.

Гигантским грозовым фронтом прозрачная Гора вздымалась к зениту. Ее размеры попросту не укладывались в голове. Казалось, Гора нависает над летящими к ней людьми и вот-вот обвалится, похоронив под собой весь мир.

На подлете к цели Бирна задрожала у Керна в руках, по-детски обхватила его за шею, зарылась лицом ему в плечо и сказала приглушенно:

— Я ее чувствую. Она наблюдает. Прощупывает мое сознание. Ни о чем не думай, Керн. Не позволяй Горе проникнуть в твой разум!

На миг он тоже ощутил, как жаркая витая лента, сочась ненавистью, сунулась к нему в голову и тут же исчезла, когда сознание, почуяв незваного гостя, захлопнуло свои врата. Непросто было контролировать крылья, когда разум противился приближению к Горе. Керн видел, как лица спутников искажаются в неприязненных гримасах, и ловил косые взгляды. Скорость отряда ощутимо снизилась.

— Мне тоже все это не нравится, Элье, — сказал он крылатой девушке сквозь тягучую пустоту, простиравшуюся до самой земли. — Но вариантов всего два: лететь к Горе или погибнуть в бою. Наверняка за нами гонятся. Осталось лишь надеяться, что мы доберемся до Горы и — хотелось бы верить — нанесем ей какой-никакой урон, прежде чем… — Заканчивать фразу не было нужды.

Они уже настолько приблизились к опалесцентной стене, похожей на край света, что Керн увидел в ней деформированное отражение крылатого отряда.

— Это стекло? — спросил он.

— Никому не известно, что это. — Элье содрогнулась от страха, но тотчас взяла себя в руки. — Многие пробовали узнать, что такое Гора, но никто не вернулся. Быть может, это просто…

твердое тело. — Прежде она смотрела на Керна, но теперь бросила взгляд ему за спину и угрюмо продолжила: — Нас преследуют. Если Гора и впрямь твердая, мы в ловушке.

Керн оглянулся. На горизонте виднелось нечто похожее на приземистую тучу: к беглецам приближались крылатые вражеские шеренги.

— Смотрите, — указала вперед Куа, — вон там, левее… Что это? Вход в пещеру? Поверить не могу, он расширяется!

Все взгляды устремились к стене. В наступившей тишине — казалось, в нее вслушивается даже застывшая в ожидании Гора, — Керн обшарил глазами блестящую поверхность, но не увидел никаких отверстий.

Вздох ветра пронесся к стене, взъерошив крылья всему отряду, усилился, превратился в стон, а из стона — в душераздирающий вопль, и крылатых людей, беспомощных перед этим неодолимым порывом, повлекло к Горе. Покрепче сжав Бирну, Керн пытался вернуть контроль над крыльями, но безуспешно: плотное облако Горы притягивало его к себе.

Он смутно различил очертания проема в стене, и в тот же миг отверстие поглотило его. Охваченный изумлением, подгоняемый неустанным

ветром, полуослепленный опалесцентным туманом, заполнявшим этот тоннель, Керн как будто покатился вниз по склону, ввинчиваясь в твердь Горы, ибо вещество, в которое нырнул весь отряд, на вид не отличалось от материи, составлявшей эту прозрачную громаду.

Свет за спиной потускнел. Беспомощных людей увлекало все глубже и глубже, к самому сердцу облака — сердцу Горы — сквозь субстанцию, названия для которой не существует в человеческом языке.

Наконец подгонявший их ветер стих, и оглушительный вой превратился во вздох — в шепот — в тишину. На мгновение они, пытаясь отдышаться, зависли в переливчатой пустоте, а затем молчание нарушил звонкий голос Куа:

— Оглянитесь! То отверстие, куда нас затянуло, — оно смыкается, будто поверхность вод. Нет, скорее как зыбучий песок.

Но Керн уже не слышал ее. Он не увидел, а скорее почувствовал, как окружающий туман сгустился, приняв на себя вес его тела и тела Бирны. Затвердело само пространство, и теперь Керн висел в воздухе без помощи крыльев, поскольку не мог шевельнуться.

7. Схватка

Открывшаяся было Гора смыкалась вновь, незаметно и неуклонно. Отряд пленников застыл в полете — с распростертыми крыльями и волосами, развевавшимися на ветру, которого больше не было, — замер в вечности, словно время остановилось и крылатые люди остановились вместе с ним.

Затем в опалесцирующем облаке Горы зажглась тонкая спираль света.

Поначалу едва заметная, она разгоралась все ярче. Теперь Керн собственными глазами увидел то, что прежде видел лишь разумом, и почувствовал, как в обретающем очертания свете пульсирует ужасающая, но на диво холодная ненависть — эмоция не человеческого существа, но облачной Горы.

Лениво сворачиваясь и разворачиваясь, огненная лента плыла сквозь сгустившуюся пелену туманного стекла где-то впереди: судить о расстоянии было невозможно, но она была довольно близко, и узники рассмотрели ее во всех подробностях, вплоть до каждого витка, каждой складки, каждого изгиба, сменявшегося новыми

изгибами в неторопливом и беспрестанном движении. Огненный цвет этой ленты обжигал не только глаза, но и разум, восприимчивый к жару всепоглощающей ненависти.

Что-то покоилось в этих складках, и лента ласково обвивала это «что-то» — но что? Этого пленники пока не видели.

Какое-то время громадная, неторопливая жгучая тварь демонстрировала им свои бесконечные кольца, но потом все изменилось, и слепая, обезличенная, пылающая ненавистью лента взглянула на крылатый отряд.

По ее… телу? — поплыли блестящие черные пятна. Они появлялись и пропадали. Приближаясь к застывшим в стекле пленникам, каждый виток покрывался пятнами глаз; они вспыхивали и гасли в такт с движениями огненной спирали.

Тварь с лютой злобой смотрела на людей и выжидала, не издавая ни звука.

«Что-то», до сего момента покоившееся в ласковых складках, пришло в движение. Темп скольжения витков переменился, они явили пленным свою ношу, и Керн ощутил вдруг такую душевную пустоту, что голова пошла кругом. Когда ему удалось вновь сфокусировать взгляд, Керн понял, что не ошибся.

Среди витков лежал Брюс Гэллам. Его глаза были открыты, и он смотрел на Керна с той же отстраненностью, что и черные пятна, блуждавшие по огненной ленте.

— Этот мир, — произнес Брюс Гэллам, — мой.

Слова донеслись с безошибочной ледяной ясностью, словно вокруг было не стекло, а кристальный воздух, но это были слова не только Брюса, но и огненной ленты. Ослепительная ненависть вилась в этих словах так же, как лента вилась в тумане перед глазами пленников. Два существа говорили одним голосом, превратившись в единое целое.

Внезапно Керн вспомнил, как давным-давно, далеко-далеко отсюда мутанты шагнули из одной вселенной в другую. В тот день Брюс заглянул в ожидавший их мир, обвел его глазами и вновь закрыл дверь. Теперь Керну стало ясно: Брюс все знал. Каким-то образом он с первого взгляда умел распознать, какой мир подходит ему, а какой — нет.

Мутант Брюс с его сверхъестественным умением создавать из подручных материалов нечто большее, чем простые механизмы, и подчинять это нечто своей воле, увидел родство между собой и этим миром. Потрясенный Керн вспомнил

рассказ Элье о том, что рабы Горы под ее руководством умеют создавать что угодно из чего придется, и поэтому, когда в Керне еще видели лазутчика Горы, в его комнате не было никаких предметов, способных превратиться в смертоубийственное оружие. Как же он был слеп!

Выходит, это не мир Керна. Это мир Брюса Гэллама. Да, здесь живут крылатые люди, но над ними господствует Гора — а теперь и Брюс.

Все эти мысли пронеслись в уме Керна, пока отголоски жгучих слов еще звенели у него в ушах. Он вспомнил об извечной отстраненности Брюса, о том, сколь чужды были ему человеческие эмоции, и тут снова прозвучал ледяной голос:

— Вам нет места в моем мире. Здесь обитают только крылатые люди, а теперь и я. Ваша плоть пластична, как и ваша наследственность. Я не могу вам доверять. На мое прибытие в этот мир Гора ответила циклоном, пробудив силы, которые лучше не пробуждать. В тот момент я был беззащитен. Не мог спасти себя, пока находился рядом с вами. Пришло время расправиться с последними из тех, кто бросил мне вызов, а с ними исчезнете и вы — мутанты, чьим родом я не способен управлять.

Он не шевельнулся, но витое пламя двинулось

сквозь стеклянную неволю, в которой бездвижно застыли крылатые и бескрылые люди. Стало быть, Брюс лишь озвучивал волю этого леденящего душу трио, а его телом была огненная лента.

Громадная петля тянулась вперед медленно и лениво, как падает на землю шелковая тесьма, а за ней, грациозно свиваясь и развиваясь, следовало морщинистое огненное тело, и тело Брюса Гэллама, обласканное неугомонными складками пламени, двигалось вместе с ним, покоясь на поддерживающих витках и не шевеля ни единым мускулом.

Наблюдая за приближением этого триединства, Керн понятия не имел, что произойдет, когда пылающие витки коснутся первого из людей, но чувствовал, как по неподатливому стеклу распространяются волны раскаленной добела злобы. Беспомощный и онемевший, он напряг все силы, чтобы… чтобы… Керн сам не знал, что хочет сделать — разве что высвободиться и дать бой надвигавшемуся врагу, хотя понимал, что этот бой уже проигран.

Мысль в его сознании вдруг расщепилась надвое. Это произошло не впервые, но непривычное ощущение настолько ошеломило Керна, что он отключился от происходящего, а нечто — НЕЧТО

— невероятное заерзало по всему его телу.

Его захлестнуло уже знакомое чувство неизъяснимой перемены, неописуемой новизны, небывалого восприятия, неведомое никому из людей.

Шагнув в крылатый мир, он трижды сталкивался с этим чувством и трижды с негодованием подавлял его, опасаясь, что вновь станет чужим, но на сей раз отдался новому ощущению. В отчаянной попытке вырваться он сломал преграду, что сдерживала эту новую сущность, непреклонно разраставшуюся в его теле с тех пор, как он оказался в царстве Горы.

Стены стеклянной тюрьмы потускнели и растворились. Спутники Керна, зависшие поблизости в позах преступников у позорного столба, развеялись во тьме. Он уже не чувствовал в руках теплой и почти невесомой Бирны. Все — и даже витая лента, неспешно тянувшаяся к нему сквозь твердую материю, — погрузилось во тьму.

А затем из этой тьмы родился свет, озаривший все вокруг, и Керн не сразу понял, что видит этот свет не глазами, но — непостижимо, невероятно! — всем своим телом, и его новое зрение целиком охватывает окружающее пространство.

«Так видит Гора», — вдруг понял Керн. Как он

это понял? Неизвестно. Знание пришло к нему с новым зрением. У них с Горой появилось кое-что общее.

Его бездонным вниманием завладело движение где-то вдали. Теперь он смотрел сквозь облачную Гору и видел надвигавшиеся орды крылатых преследователей, жадных до гибели беглецов из гнезда, видел так отчетливо, будто стоял перед ними. Они были уже рядом, приближаясь к исполинской стене с такой бездумной скоростью, как если бы хотели расшибиться об эту преграду.

Этим же всеобъемлющим зрением Керн видел вокруг себя людей, вмороженных в стекло, тянувшиеся к ним витки огненного монстра и Брюса Гэллама — тот был недвижим, будто каменное изваяние, но двигался вместе с извивавшейся лентой.

Но теперь они — люди — выглядели иначе.

Керн знал их лица, был знаком с очертаниями их тел, но, вооруженный новым зрением, видел их насквозь — и, что страшнее всего, видел не только ожидаемую картину, не только мышечную, костную и нервную ткань. Все это было лишь бледной тенью иного образа — совокупности плоских световых колец. Эти диски

накладывались и наслаивались друг на друга, и не было двоих людей с одинаковой компоновкой узора или цвета. Керн понял, что всем известная физическая структура человека, его скелет, его нервы — лишь часть его существа, и не эта часть важна для Горы, ибо Гора правит не формой, но содержанием.

У каждого из летевших к облачной стене было кое-что общее с товарищами. Каждый состоял из цветовых колец, блестящих дуг и полумесяцев, свитых друг с другом и находившихся в едва заметном беспрестанном движении, но по этим кольцам полз блестящий черный круг — точь-в-точь как глаза, что всплывали на поверхность витой ленты, опутавшей Брюса Гэллама, и то были глаза Горы.

Стало быть, вот как Гора транслировала свои приказы. Вот где была точка контакта, превращавшая человека в раба. Но на узниках не было этих черных меток. Оглядев новым зрением свое тело, тоже сформированное из цветных колец и дисков, Керн не увидел циркулирующих пятен, означавших, что он принадлежит Горе.

«Вне всяких сомнений, это существо состоит из стекла, — сказал он себе. — По желанию Горы ее опалесцентное тело может принимать твердую

или газообразную форму. Гора умеет открывать и закрывать тоннели и пещеры, как человек открывает и закрывает рот, а ее мозгом, ее движущей силой является бесконечная огненная лента, обитающая в самом центре Горы и обладающая множеством необычных органов восприятия, один из которых есть теперь и у меня».

«Явившись в этот мир, — думал Керн, — мы каким-то образом вызвали циклон — то есть пробудили дремавшие в Горе могущественные силы, — и все потому, что Брюса Гэллама и эту сущность связывает нечеловеческое родство, но сущность эта столь могущественна, столь привычна к покорению разума своих жертв, которыми пользуется как инструментами для создания других инструментов, что перекроила каждого из нас, хоть мы и не заметили этого.

С самого начала во мне зародилось новое чувство. Куа и Бирна тоже изменились. А Сэм? Не знаю. Сэма больше нет. Но я… Я стал другим».

Что-то загадочное шевельнулось в его теле, и опускать глаза не было необходимости: всеобъемлющее зрение доложило Керну, что в нем зажегся свет и завращались пламенеющие кольца. Невероятно гибкие, они растянулись и проникли в стены стеклянного узилища.

Огненная лента, на которой возлежало тело Брюса, нерешительно остановилась и едва не отпрянула. Керн почувствовал ее изумление и необъяснимую, даже противоестественную ненависть, но ощущение было смутным, ведь его разум, еще не переваривший последнее откровение, не был готов проанализировать новые вводные.

«Слишком пластична, — в отчаянии думал он, — плоть слишком пластична, а потому не способна держать форму в условиях неодолимого притяжения Горы». Теперь же сквозь ледяное стекло, намертво сковавшее людей, тянулись два витка пламени: на одном, раскаленном от злобы, лежало человеческое тело, а обладатель другого, еще оторопелый от нежданного открытия, разминал новые огненные конечности, неохотно, но и сладострастно скручивая и распуская бесконечную огненную ленту. То была недоступная человеку роскошь, способность двигаться в твердом, но проницаемом стекле подобно тому, как движется в нем свет, и власть над новым измерением.

Керна опалило ненавистью, словно жаром из кузнечного горнила, и это поветрие разогнало туман, окутавший его разум. Ненависть и ужас.

Керн уже встречался с этим невидимым потоком в закоулках своего сознания и помнил ужас, от которого хотелось бежать без оглядки, но теперь ужаса не было. Осталась одна ненависть. Гора предлагала ему помериться силами.

«Теперь мы равны, — говорил себе Керн, — теперь мы сто́им друг друга». Даже в момент опасности он чувствовал, как изменилось его сознание, каким неторопливым и спокойным сделался ход мысли, с какой легкостью его новые конечности преодолевали стеклянную твердь. Если у него когда-то было тело из плоти и крови, это тело уже не принадлежало ему. Если его разум когда-то был ограничен извилинами мозга и контурами черепа, этих ограничений больше не было. Керн превратился в нечто новое, ужасное и прекрасное, нечто выходящее за пределы человеческого понимания.

Понемногу в нем зарождалось торжество. Грандиозные огненные петли, ставшие частью его тела, тянулись к созданию, до сей поры обитавшему здесь в одиночестве. Теперь разум Горы — если пылающая лента действительно служила ей разумом — раздвоился, но продолжал двигаться в гигантском теле из переливчатого стекла навстречу самому себе, вожделея самоубийствен-

ной схватки.

Когда самые дальние петли, соприкоснувшись, завязали жестокий бой, Керна обуяла пылающая ненависть, но теперь он уже не боялся и не испытывал отвращения. Ленты натужно извивались, на мгновение замирали, разъединялись, будто по обоюдному согласию, и так же одновременно схлестывались вновь, словно ими управлял единый разум.

Наконец две огненные конечности, две совершенно одинаковые пламенеющие ленты всей неисчислимой длиной сплелись в единый узел, вскипевший беспрерывным движением, и в сознании Керна полыхнула ненависть, но теперь эта ненависть не коснулась его души, и он не почувствовал страха, даже когда понял, что не сумеет изгнать врага одной лишь силой. Эмоции покинули его. Виток за витком Керн прощупывал оборону Горы, понимая, что не способен хоть немного потеснить врага, столкнувшегося с той же проблемой: идентичные формой и равные силой, два огненных существа на мгновение застыли среди помутневших льдов в рискованном равновесии, исключавшем любое движение.

А затем сознание, прежде бывшее Керном, с великой осторожностью коснулось неподвижного

тела Брюса Гэллама и восприняло его чувством, о существовании которого Керн и подозревать не мог. Теперь он знал, что они с врагом совершенно равны и в этой схватке не будет победителей, если не нащупать рычаг, способный вывести противника из равновесия.

Быть может, этот рычаг — тело Брюса? Понемногу наращивая усилие, Керн надавил на застывшее, неподатливое тело, когда-то бывшее человеческим. Безрезультатно. Даже открывшиеся его новому взору световые диски, из которых состояли конечности Брюса, — диски, подтверждавшие, что Брюс все еще человек, — не сдвинулись с места. Его тело оставалось окаменевшим, недвижимым, формой без содержания, и никакая сила не стронула бы его с места. Нет, тело Брюса не было слабым звеном в обороне врага.

«В таком случае где оно, это звено?» — бесстрастно спросил себя Керн, и ответ пришел к нему без суеты и спешки, но с такой готовностью, словно только и ждал этого вопроса.

Крылатые люди, ожидавшие у горной стены. Вот каким был этот ответ.

Едва не опережая мысль, зрение Керна и его новые, неведомые органы восприятия устремились

прочь из Горы — туда, где на распростертых крыльях реяли ее послушные рабы, кружа и лавируя меж восходящих потоков воздуха в бездумном ожидании приказа, который избавит их от ментального оцепенения.

Керну уже довелось видеть фанатичную жестокость, присущую этим невольникам, но теперь каждый из них являл собой совокупность медленно вращавшихся разноцветных дисков, по которым лениво ползал глаз Горы.

«Глаз», — подумал Керн. Глаз!

Его сознание, метнувшись к ближайшему из рабов, погрузило свою химерическую длань в черное пятно, плывшее по разноцветным дискам, и нащупало источник пламени. Вверх по бесплотной руке устремился этот огонь, чтобы слиться с таким же пламенем в теле Керна, и тот почувствовал, как вражеская лента едва заметно отступила под его напором.

Одна за другой крылатые фигуры расставались с крошечными источниками пламени, и с каждым разом росла сила Керна. Баланс нарушился, и застывшая в обоюдном напоре схватка возобновилась; огненные кольца врага отступали под натиском Керна, но ярость Горы удвоилась, и после застоя размеренная борьба превратилась

в беспорядочную свалку: две огненные ленты, конвульсивно извиваясь, хлестали друг друга в ореоле раскаленного гнева, но спустя пару бесконечных мгновений Керн понял, что этого недостаточно. Для победы необходимо найти последний источник силы.

Его невидимая рука, похитившая у крылатых людей глаза Горы, погрузилась глубже в поисках этого источника и, как ни странно, нашла его.

Поначалу Керн не понимал, почему силы вливаются в него могучим потоком по мере того, как во враге меркнет свет, но потом понял, и все его существо воссияло от ликования, ведь Гора, повелевая рабами, открывала двусторонний канал, по которому делилась с ними своим могуществом, и, вытягивая энергию из крылатых невольников, Керн опустошал и главного своего врага, погружая фантомные пальцы в резервуары его всесилия.

Гора, должно быть, чувствовала, как по десяткам и сотням каналов убывает ее сила — но только сила, ибо ее ненависть оставалась прежней. Керн чувствовал, как пылает вокруг нечеловеческая злоба, как ненависть обдает его громадными валами пламени, исходившими от слабеющих огненных витков, меркнущих по мере того, как

Гора истекала своей мощью, кровоточила пламенем и умирала, понемногу, но умирала!

В сознание Керна уже не стучались назойливые световые лучи, и в его огненных членах были стиснуты уже не пылающие кольца, но исхудавшая бледная ненависть. Керн отпрянул от нее, и ненависть рассыпалась, пролившись дождем крошечных капель, в каждой из которых таилось семя этой злобы. Капли сверкнули, померкли, и вместе с ними померкла ненависть, а потом ее не стало.

Когда пала огненная душа Горы, Керн почувствовал, как меняется само ее вещество, как распадаются его молекулы, как происходит не поддающийся определению сдвиг в структуре туманного стекла. Переливчатая материя превратилась в туман, в дымку, в рассеивающийся газ, уже не сковывавший движений. Гора растворилась, и Керн содрогнулся, когда его разгоряченное тело окутал холодный чистый воздух, сжался в комок пламени, пожирающий самого себя и затухающий, затухающий…

Вокруг было пусто — не темно, не светло, а именно пусто. Он неподвижно висел в вакууме, уже не являя собой ни сгусток пламени, ни существо из плоти и крови; он стал ничем и оказался

в бесконечном безвременье, где много тысяч лет уплывал в забвение… или то были не тысячи лет, а доли секунды?

Что-то появилось вдали. Он не понимал, что это. Знал лишь, что там, где прежде была пустота, ее больше не было. Он услышал зов. Да, к нему взывал невероятно сладкозвучный… голос? Да, голос, мелодично распевавший имя, коего он не узнавал.

— Керн! Керн! — Слово ничего не значило, но музыкальная красота этого голоса понемногу выводила его из ступора. Снова и снова звучало это имя, а потом он вдруг понял, кому оно принадлежит.

«Мое имя, — потрясенно думал он, — мое собственное имя!»

Вновь обретая разум, он все осознал — осознал, что, подобно Брюсу, замер, опустошенный касанием всепоглощающего огня, что, подобно Брюсу, погрузился в небытие, неотличимое от смерти.

— Вернись, Керн, вернись! — выкликал невыносимо сладкий голос, и Керн узнал его: то был голос Бирны, очаровательный, как пение сирены, и этот голос призывал его обратно в мир живых.

Сознание понемногу возвращалось к нему, а тело, рождаясь заново, напитывалось теплом.

Наконец Керн с громадным трудом поднял веки, отсекавшие его от окружающего мира, и осмотрелся.

Он лежал на склоне холма под теплыми волнами солнечного света, что струился с ясного неба. Горы больше не было. Больше не было головокружительной громады из стекла, тянущейся к зениту и накрывающей весь мир бледной тенью. Словно чтобы защитить глаза Керна от солнечных бликов, над ним склонилась крылатая девушка. Ее оперение сверкало. Керн осторожно напряг мускулы, и силы волшебным потоком влились в его тело. Он сел и с такой силой хлопнул крыльями, что едва не оторвался от земли. Вокруг было множество людей. Все улыбались ему из-под тени своих крыльев, и Керн понял, что теперь свободен не только он, но и весь крылатый мир — мир, где он уже не был чужим.

Время, назад!
1. Часы с голубой эмалью

Питер Оуэн никак не мог уснуть — то ли мешала буря за окном, то ли ошибся с выбором предсонного чтения. Книга, которую он читал, подложив под спину подушки, носила своеобразное название «Брюхоногие-блюдечки Среднего Девона», и в ней рассказывалось о гастроподах с простыми, неспиральными коническими раковинами; выбирая ее, Оуэн планировал расслабиться и отдохнуть от душераздирающей монографии «Простые ациклические и моноциклические терпены», которую штудировал вчера вечером.

Он со вздохом перевернул страницу, но тут же нервно вздрогнул и развернулся, словно вылезший из спиральной раковины гастропод, потому что в дверь постучали.

— Войдите! — выкрикнул он с некоторой тревогой и облегченно выдохнул, когда в ответ на приглашение в спальню прошествовал, громко стуча каблуками, полноватый седовласый джентльмен низкого роста и почтенного возраста.

— Решил я глотнуть пива, — объявил старец, демонстрируя Оуэну бокал с пенной шапкой, — а потом призадумался: чем порадовать юношу перед сном? Совершенно верно, Питер, угадали: бокалом пива.

Торжествующий доктор Зигмунд Крафт позволил себе растянуть губы в улыбке, и она окончательно скомкала тот непроницаемый клубок морщин, что считался у него лицом.

Оуэн возвратился от бытия гастроподов к проблемам собственного — куда более суетливого — существования, рассеянно моргнул и принял бокал из рук посетителя, после чего вспомнил, что доктор Крафт гостит в этом доме (где и сам он был лишь гостем), и собрался встать.

— Почему вы не кликнули меня, доктор? Я бы сам принес вам пиво. Собственно, для этого я здесь и нужен, когда наступает вечер и прислуга расходится по домам, и я совсем не прочь вам удружить, то есть… — Оуэн слегка запутался в оправданиях.

— Ничего страшного, Питер, — выручил его Крафт. — Я никак не мог отделаться от мыслей о следующем вторнике, когда в это самое время сяду в своем тихом и уютном кабинетике с бокалом пива и сделаюсь совершенно счастлив, а потом

подумал: Зигмунд, — да-да, вы угадали, — пропусти-ка бокальчик прямо сейчас и вообрази, что следующий вторник уже наступил.

С первого этажа донеслись грохот, топот и громкий возглас. Мужчины обменялись многозначительными взглядами, и доктор Крафт едва заметно пожал плечами. За первым возгласом последовали другие, еще более громкие: гневные команды, ослабленные дощатыми потолочными перекрытиями и грохотом бури за окном.

— Ломайтесь, черт вас дери! — кричали внизу. — Ломайтесь!

За криками последовали глухие удары.

— Пластинки Шостаковича, — кивнул доктор Крафт. — Их, знаете ли, невозможно сломать. Разве что распилить слесарной ножовкой… хотя вряд ли. Лучше не спускаться, пока он в таком настроении. Лично я намерен думать о следующем вторнике и не вспоминать о неприятностях с вашим дядей, мальчик мой. Жаль, что мы с ним не нашли общего языка, но не мог же я согласиться с утверждением, что пространственно-временной континуум не цикличен, когда я твердо знаю, что он цикличен!

— Ломайтесь! Ломайтесь! — раздался очередной приказ, а за ним — новый удар, от которого

дрогнули стены.

Похоже, всемирно известный писатель, критик и драматург С. Эдмунд Штумм обрушился на ненавистные пластинки всей тяжестью своего тела.

— Ломайтесь! — вопил он так, словно декламировал стихотворение Теннисона, но винилит не спешил отзываться послушным хрустом, и Оуэн слегка съежился от благоговейного страха, ведь образ рассерженного С. Эдмунда Штумма не способствовал предсонному умиротворению.

— Та юная дама, ваша подруга… Отважная девица, — нравоучительно изрек доктор Крафт.

Оуэн содрогнулся. Очаровательная красотка по имени Клэр Бишоп была не столько отважной, сколько безрассудной; вдобавок характером она почти не уступала С. Эдмунду Штумму, и подтверждением тому была нынешняя — и предельно отчаянная — попытка оспорить неуничтожаемость винилита в комнате для прослушивания музыки. Ближе к вечеру у Клэр состоялась беседа с дядей Эдмундом, и разговор совершенно не заладился, а последней каплей стало опрометчивое признание девушки, что Шостакович нравится ей гораздо больше Прокофьева. Тем самым Клэр свела на нет все отчаянные многомесячные

старания Оуэна, направленные на организацию дружеской встречи между звездой экрана, в коей он души не чаял, и дядей Эдмундом, чья знаменитая бродвейская постановка «Леди Пантагрюэль» была как будто создана с оглядкой на таланты мисс Бишоп.

Пути-дорожки голливудских звезд вьются самым причудливым образом, и в данный момент Клэр отчаянно нуждалась в роли леди Пантагрюэль, поскольку ее карьере грозила серьезная опасность. Но стоило вспыхнуть пожару музыкальных разногласий, и все скрупулезные договоренности Оуэна пошли прахом. Дядя Эдмунд уже почти — совсем уже почти! — подписал договор купли-продажи, с надрывной тоской вспоминал Оуэн. С другой стороны, разве можно винить в этой неудаче Клэр? Оуэн рассматривал доски на полу и мысленно оплакивал собственное существование.

— …Потерялся мой милый Максль, — в растерянности бормотал доктор Крафт, оглядывая спальню. — Вы, случаем, не видели, куда я его поставил?

— Прошу прощения, доктор? — очнулся от горестных раздумий Оуэн.

— Я потерял бедняжку Максля, — с глубоким

вздохом повторил Крафт. — Что ж, все мы не без греха… Главная трудность экспериментатора со временем заключается в том, что иной раз забываешь, когда именно произвел то или иное действие. Чтобы найти Максля, мне необходима тишина, мне нужно сосредоточиться, но как тут сосредоточишься, если Максля нет со мною рядом? — Он улыбнулся. — Парадокс! Я, ученый, оказался совсем беспомощен без каменного лягушонка… Да-да, Питер, вы все правильно поняли, это смехотворная нелепица! Ну, — он, покачивая седовласой головой, повернулся к двери, — доброй ночи, Питер. И если Максль попадется вам на глаза, вы ведь мне об этом скажете?

— Непременно и сразу, — пообещал Оуэн. — Доброй ночи, доктор. Спасибо за пиво.

— Не спорю, это всего лишь привычка и даже фетиш, но…

Под звуки негромкого ворчания дверь закрылась. В тот же миг за окном сверкнула фиолетовая вспышка, грянул гром, и Оуэн испуганно вскочил, бессознательно приписывая этот грохот дядюшкиному успеху в уничтожении пластинок — вероятно, не без помощи атомной бомбы, — но зрение немедленно внесло в гипотезу свои коррективы.

Снаружи, на краю утеса, нависшего над Тихим океаном, стоял одинокий крупноплодный кипарис: силуэт на фоне затухающего небесного огня. Тьму рассекла новая вспышка молнии, и Оуэн увидел, как дерево заваливается в океан.

Он вздохнул. У него сложилось подозрение, что кипарис каким-то диковинным образом прогневил дядю Эдмунда. В это время года бури не были редкостью в курортном поселке Лас-Ондас, широко известном в узких кругах; не были они редкостью и в жизни Оуэна. Именно поэтому он последние шесть месяцев прилежно занимался самообразованием — чтобы имитировать инертность, присущую громоотводным конструкциям.

Хотя предпочел бы вывернуться из гладкой раковины, подобно брюхоногому моллюску, ибо жизнь его свело судорогой с тех самых пор, когда по дядиному настоянию он ушел с управленческой должности в голливудской компании, производившей рекламные ролики, — и только для того, чтобы стать личным секретарем мистера Штумма. Дядюшкины посулы звучали весьма заманчиво, но их омрачал тот факт, что С. Эдмунд Штумм считался одним из самых прожженнейших проныр штата Калифорния — штата, который покрывает значительную территорию.

Оуэн рассеянно потянулся за пивом, не отвлекаясь от мелкого шрифта книги, повествующей о мире, который казался теперь местом, лишенным страстей; местом, где жизнь и воспроизводство серебристых саламандр — скользких безлегочных тварей под названием *salamander plethodon glutinosus* — следуют прямым и предсказуемым маршрутом.

Доводилось ли вам брать стакан воды, считая, что в стакане не вода, а молоко или пиво? Известно ли вам это застывшее мгновение скепсиса и полной дезориентации, когда вкусовые сосочки озадачены малоприятным сюрпризом?

Оуэн сделал добрый глоток из бокала, где по всем предположениям должно было находиться пиво, остывшее до идеальной температуры в специальном отсеке холодильника.

Но это было не пиво.

Это была самая вкусная, самая жаждоутоляющая, самая невероятная жидкость из всех, что Оуэну доводилось пробовать. Прохладный словно летняя тень, бестелесный, невесомый как ветерок, подувший невесть откуда, напиток приласкал горло Питера.

В запоздалом удивлении Оуэн опустил пивной бокал и уставился на него, но это не был пивной

бокал.

В руке у него были часы.

Часы, которые он видел впервые в жизни. Усевшись совершенно прямо, вжавшись спиной в подушки, понимая, что в стекло хлещет дождь, а далеко над океаном глухо ворчит гром, Оуэн сглатывал снова и снова, но во рту по-прежнему стоял вкус невероятного напитка. Или нет?

В горле защипало. На Оуэна нахлынуло чувство экстраординарного благополучия, от которого едва не закружилась голова, — нахлынуло и тут же испарилось. Ничего не понимая, Оуэн с недоверием прислушался к организму.

С часов он перевел взгляд на прикроватную тумбочку, где действительно стоял покрытый конденсатом бокал с янтарным пивом и белой пенной шапкой. Убежденный, что сходит с ума, Питер снова уставился на голубые эмалированные часы и стал вертеть их в руках, пытаясь найти хоть какое-то разумное объяснение происходящему. Вкусовые сосочки до сих пор пощипывало.

Или нет? Оуэн схватил пивной бокал и сделал жадный глоток. Небо и земля! Пиво было хорошее, но это было всего лишь пиво, а не напиток богов. Хотя вполне очевидно, что нельзя сделать глоток, когда в руках у тебя не бокал, а часы. Лад-

но, можно пить из черепа, если у тебя нездоровые пристрастия, или из дамской туфельки, если речь идет о шампанском… но из часов? Какой напиток пьют из часов — при условии, что из них вообще можно пить?

— Время? — подумал вслух Оуэн, ровным счетом ничего не соображая. — Но время — не жидкость. Время не пьют. Просто у меня галлюцинации. Да-да, вот именно. Воображение разыгралось. — Он с сомнением обдумал эту гипотезу. — Я планировал ощутить вкус пива, вот и ощутил… разве что он не был вкусом пива. Что ж, вполне естественно. Это не было ни пиво, ни что-либо еще. Просто… глубокий вдох? — Озадаченный, он медленно откинулся на подушки, но тут же подскочил и уставился на часы, понимая, что раньше их не видел.

В голову закралось жутковатое подозрение: наверное, дядя решил преподнести ему подарок-сюрприз. *«Тимео данаос»*, — встревоженно подумал Оуэн. Бойтесь данайцев. Дядя Эдмунд никому ничего не дарит. Со стороны могло показаться, что мистер Штумм пригласил доктора Крафта в Лас-Ондас на приморские каникулы по доброте душевной, но мотивы этого поступка не имели ничего общего с благими намерениями.

В настоящее время дядя Эдмунд трудился над продолжением «Леди Пантагрюэль», а в процессе хитроумно пользовался эрудицией доктора Крафта. Своей широкой популярностью «Леди Пантагрюэль» была во многом обязана весомому вкладу доктора, сделанному два года назад во время сотворения пьесы. Речь в ней шла о путешествиях во времени (на манер тех, что показаны в кинофильме «Беркли-сквер»), и многие сюжетные ходы выдумал доктор Крафт, хотя зритель не обнаружил бы в программке его имени.

Что касается часов, которые Оуэн по-прежнему стискивал в руке… Если это и впрямь подарок от дяди Эдмунда, в них наверняка скрывается атомная бомба. Оуэн испуганно проинспектировал часы. Ясное дело, это ловушка. Интересно, она уже сработала? Что-то определенно произошло, хотя Оуэн никоим образом не мог испить из часов никакого напитка. Галлюцинация, пережитая всеми органами чувств, могла бы ввести его в заблуждение, но не дольше чем на минуту, ведь столь длительных галлюцинаций попросту не бывает…

Часы оказались маленькие, не больше старомодных «луковиц» для жилетного кармана, и чем-то напоминали сплюснутый лимон, думал

Оуэн в естественном смятении, и еще они пронзительно тикали. На циферблате чернели две самые обыкновенные стрелки. Судя по всему, будильником эти часы не являлись. И они спешили на тринадцать минут.

Обескураженный Оуэн бросил взгляд на письменный стол, где находились его собственные часы — электрический будильник, установленный на семь утра. Питер задумчиво перевел минутную стрелку голубых часов на без двадцати одиннадцать — в полном соответствии с электронным циферблатом, — опасливо положил громко тикающий предмет на тумбочку, с подозрением поглазел на него и потянулся за пивом…

Но пива не было.

Издав легкий возглас изумления, Оуэн перевернулся на бок, привстал и уставился на пол. Он прекрасно помнил, как несколько секунд назад поставил бокал на тумбочку. Неужели тот свалился? Но ни бокала, ни пролитого пива на полу не оказалось. Преисполненный кошмарных подозрений (должно быть, его сознание наконец дало слабину из-за длительного пребывания в дядином обществе), Оуэн низко свесил с матраса

голову (словно мистер Квилп[41], с содроганием подумал он), моля всех богов, чтобы бокал закатился под кровать.

Ничего подобного.

— Персекуторный бред, — пробормотал Оуэн, не поднимая закружившейся головы и отдавая себе отчет в том, насколько странно звучат эти слова. — Теперь я подозреваю, что дядя Эдмунд украл мое пиво. Просто ужас. Мне точно нельзя жениться на Клэр, чтобы не передать нашим детям печать безумия.

Так он висел, словно летучая мышь, вглядывался в подкроватное пространство и смутно надеялся, что прилив крови к мозгу окажет целебное действие и вернет рассудок.

Рассматривая перевернутую спальню, он увидел, как нижняя часть двери отворилась и на ковер ступили шишковатые ноги в шлепанцах.

— Что-то потеряли? — вежливо осведомился доктор Крафт.

— Пиво, — ответил Оуэн, глядя на пришлые ноги. — Я ищу бокал пива.

— Но вы ищете его не там, где надо, — возразил доктор Крафт. — Кстати, решил я глотнуть

---

[41] Notes: 41
Персонаж «Лавки древностей» Ч. Диккенса.

пива, а потом подумал: чем порадовать юношу перед сном? Совершенно верно, Питер, угадали: бокалом пива.

Оуэн вернулся в более или менее нормальное положение и уставился на доктора Крафта с дезориентирующим чувством, что он совсем недавно прожил в точности такой же момент, поскольку пожилой джентльмен протягивал ему бокал с пенной шапкой.

— Себе тоже налью, — безмятежно добавил он. — Представлю, что сегодня следующий вторник и я уже вернулся домой. Вот только… Питер, боюсь, я потерял моего ненаглядного Макcля.

— Опять?

— Что тут скажешь, Питер, я человек рассеянный. — Доктор Крафт снисходительно посмотрел на него. — Конечно, это смехотворный фетиш, нелепая привычка, но я не могу сосредоточиться на ориентации дисконтинуума, если рядом нет Макcля. Придется прекратить эксперименты с тессерактом, пока я не найду малыша. Моя работа во многом зависит от предельной концентрации внимания; только так можно очистить разум от всякого мусора. Давным-давно я пользовался для этой цели опалом, но позже привык к Макслю и теперь не могу без него обойтись. Если увидите

его, Питер, очень прошу: сразу же дайте мне знать. — Он сокрушенно покачал седовласой головой и добавил: — Ну что ж… доброй ночи, Питер.

— Д-доброй ночи. — Питер проводил доктора Крафта взглядом и стал обдумывать новую версию: не исключено, что он спятил не в одиночку.

Фиолетовая вспышка и оглушительный грохот заставили его обернуться к окну. Молния высветила одинокий кипарис на краю утеса. По всей видимости, тот собрался с силами и вполз на прежнее место, подобно дереву из Бирнамского леса, идущему в бой на Дунсинанский холм[42], — и заново укоренился, как раз вовремя, чтобы опровергнуть трюизм о молнии, не бьющей дважды в одно и то же место. В свете следующей вспышки Оуэн увидел, как упрямый, но обреченный кипарис пикирует обратно в океан.

— Нет-нет, — пробормотал оторопевший Оуэн, возражая против очевидных фактов, после чего рассмеялся — тихо, но как-то странно.

Так, наверное, смеются душевнобольные, подумал он.

— Ты бокал пива, — сообщил он бокалу пива. —

---

[42] Notes: 42
Отсылка к «Макбету» У. Шекспира. Перевод М. Лозинского.

А я белый кролик с голубыми эмалированными часами в жилетном кармашке… Так, стоп, что я несу? Питер, возьми себя в руки. Ты спишь, только и всего. Не забывай, что ты спишь. Цепляйся за эту мысль, ведь она доказуема: поставь бокал, и он исчезнет.

2. Опять двадцать пять

Впечатленный сей гипотезой, он поставил бокал на тумбочку и надолго впился в него взглядом. Бокал послушно стоял на месте. Сверкнула молния. Оуэн выглянул в окно. Кипариса по-прежнему не было видно. Оуэн машинально посмотрел на кровать, заподозрив, что неугомонное дерево перебралось под одеяло. Нет, ничего подобного.

Оуэн выпрямился и взглянул на часы с голубой эмалью, чьи стрелки неуклонно ползли к отметке 10:53 — тому самому моменту, когда Питер их подкорректировал. Он чувствовал нарастающее напряжение и подозревал, что без семи минут одиннадцать что-то случится…

Но ничего не случилось. Не понимая, что происходит, Оуэн взял часы и сверил их с будильником на письменном столе. Что-то или случилось, или

не случилось. Да или нет? Питер затруднялся дать ответ на этот вопрос. Электрические часы показывали без двадцати одиннадцать. С тех пор как Оуэн перевел стрелки эмалированной аномалии, прошло тринадцать минут, но цифры на электронном дисплее не изменились. Быть может, неполадки с электричеством? Нет. Свет даже не мигал.

Какое-то время Оуэн обдумывал эту ситуацию, после чего помотал головой, отбросил неправдоподобные мысли и с чувством облегчения посвятил себя более прозаической задаче — а именно выставлению правильного времени на эмалированных часах. У людей то и дело бывают галлюцинации, но электронный циферблат — островок стабильности в океане самых невероятных событий. Целиком положившись на эту аксиому, Оуэн перевел черные стрелки в положение, соответствующее цифрам на электрических часах, которые к тому моменту показывали без четверти одиннадцать.

В тот же миг он почувствовал, как мозг содрогнулся в черепной коробке, поскольку электронный циферблат изменил свое мнение и теперь показывал тридцать две минуты одиннадцатого. Вдобавок к этому знакомый голос произнес:

— Ну что ж… доброй ночи, Питер.

Оуэн обернулся. Доктор Крафт, покачивая седовласой головой, вышел из спальни и притворил за собой дверь. В тот же миг фиолетовая вспышка вынудила Оуэна выглянуть в окно, и в свете молнии он успел рассмотреть неутомимый кипарис на краю обрыва, прежде чем тот по настоянию беспощадной стихии опять сверзился в океан.

— Доктор! — в ужасе завопил Оуэн. — Доктор Крафт!

Зажмурившись, он выронил голубые эмалированные часы и потянулся за бокалом, но тут же открыл глаза, опасаясь, что сослепу сунет руку в разверстую гоблинскую пасть. Убедившись, что бокал крепко держится в руке, Оуэн снова сомкнул веки, тихонько застонал и глотнул пива. Дверь открылась. Раздался шорох, допускающий двоякие толкования.

— Если вы доктор Крафт, — сказал после долгой паузы Оуэн, все еще зажмурившись, — входите, да побыстрее. Если же вы кипарис, ничем не могу помочь. Оставьте меня в покое. Молния непременно выследит вас снова, и тогда мы оба обречены на погибель. Вам еще повезло, что вы дерево. Вы не можете сойти с ума. А я могу.

— Как же вы так быстро напились? — сочув-

ственно спросил доктор Крафт. — С одного-то бокала?

Оуэн открыл глаза и с облегчением выдохнул, увидев знакомый клубок морщин под буйной седой шевелюрой.

— С одного бокала? — переспросил он. — Вы мне весь вечер пиво приносите!

И с тревогой взглянул на Крафтовы руки.

— Пиво приношу? — изумился доктор. — Я? — Он развел руками, в которых ничего не было.

— Ну… — слабо ответил Оуэн, — мне померещилось, что да.

— Вот оно, ваше пиво, — указал доктор Крафт на тумбочку. — Там, куда я его поставил. А теперь мне пора идти. Максль сам себя не найдет.

— Доктор, — торопливо спросил Оуэн, — который час?

Доктор Крафт посмотрел на электронный циферблат. Тот показывал десять тридцать пять. Голубые эмалированные часы, равнодушно выглядывая из смятых простыней, сообщали, что сейчас десять сорок восемь.

— Ровно без двенадцати одиннадцать, — сообщил доктор Крафт, сверившись с наручными часами, которые, как известно было Питеру, никогда не отставали и не спешили ни на се-

кунду. — Ваши электрочасы врут. Наверное, был перебой с электричеством. Неудивительно — такая гроза…

Он переместился к письменному столу и подвел будильник. Теперь цифры на дисплее совпадали с показаниями голубых эмалированных часов на кровати.

— Доктор Крафт, — начал Оуэн, в отчаянии выудив часы из скомканного одеяла, — можно вас кое о чем спросить? Скажите, возможны ли путешествия во времени?

— Мы беспрерывно путешествуем во времени, — с печалью в голосе ответил Крафт.

— Да, знаю, это понятно. Я имею в виду другие путешествия, в собственное прошлое или будущее. Кому-нибудь такое удавалось?

— Однозначного ответа на ваш вопрос не существует, — снисходительно взглянул на него Крафт. — По этой причине я и провожу эксперименты. Я, видите ли, построил модель тессеракта — проще говоря, четырехмерного гиперкуба — и теперь пытаюсь очистить сознание, изгнать из него временну́ю концепцию, дабы освободить место для восприятия паравремени. Я сосредоточил на тессеракте всю мою мыслительную энергию, после чего должно — подчеркиваю,

должно! — произойти следующее: преодолев время, эта энергия трансформирует тессеракт в обычный куб. Инерция остается инерцией, а масса — массой, хоть во времени, хоть в пространстве. Однако, Питер, все это крайне трудно доказать.

— А что можно считать за доказательство? — осведомился Оуэн. — Допустим, человек нашел способ путешествовать на десять минут назад. Как он это докажет?

Пожилой ученый, покачав головой, с сомнением посмотрел на Питера и задал резонный вопрос:

— Зачем путешествовать на десять минут назад? В будущее — дело другое, там человек может достичь какой-нибудь новой цели. Но прошлое нам уже известно. Зачем проживать его заново?

— Зачем? Не знаю, — снова зажмурился Питер. — Зато мне известно, как это сделать. С помощью вот этих часов. — Он снова открыл глаза и вытаращился на доктора Крафта. — Сейчас покажу! Переведу их на пять минут назад, и вы сами все увидите! Нет, погодите. Вот, переведите сами. На пять минут назад. И посмотрите, что будет.

— Ну же, Питер, — проворчал доктор Крафт.

— Вот, возьмите, попробуйте! — настаивал Оуэн.

Недоумевающий Крафт забрал у него часы и осторожно перевел минутную стрелку назад. Ничего не произошло. Ровным счетом ничего. Крафт ждал. И Оуэн тоже.

Затем доктор вернул стрелку в первоначальное положение, отдал часы Оуэну и смерил его испытующим взглядом. Оуэн сглотнул.

— Но это правда, — вконец отчаявшись, сказал он. — Смотрите, я сделал только лишь… вот это.

Он повернул крошечную ручку на тыльной стороне часов, наблюдая, как длинная стрелка скользит на три минуты назад…

— Доброй ночи, Питер. — Доктор Крафт вышел из спальни и притворил за собой дверь.

Оуэн схватил с тумбочки бокал, заранее зная, что он окажется именно там и будет полон до краев. Жадно глотая пиво, в ужасе глазел в окно, полный жалости к несчастному кипарису: тот уже вскарабкался на утес, чтобы не опоздать на свидание в Самарре[43]. Сверкнула неизменная молния…

Но теперь Оуэн еще не начинал говорить с док-

---

[43] Notes: 43

«Свидание в Самарре» — месопотамская притча. Такое же название носит роман Д. О'Хары.

тором Крафтом о путешествиях во времени. Этого еще не произошло! Как же доказать, что эти часы — на самом деле не часы, а машина времени? Да еще такая, что работает только в руках Оуэна и действует на него одного? Во-первых, она слушалась только Питера, а во-вторых, невозможно было продемонстрировать доктору этот фокус, не стерев при этом воспоминаний старика.

Оуэн в отчаянии осушил бокал, отшвырнул его, сердито щелкнул выключателем прикроватной лампы и заполз под одеяло, где принял позу гастропода в спиральной раковине: свернулся калачиком и постарался ни о чем не думать, ведь думать было страшно. Если он еще раз увидит этот чертов кипарис, то сиганет в океан вслед за неугомонным деревом. Вся эта история выглядела нереальной; Оуэн то ли был пьян, то ли видел сон, то ли сдурел, то ли произошло и первое, и второе, и третье, причем по самой непостижимой причине. Поэтому он отключил сознание и лежал так долго-долго, пока не уснул.

Ему приснился удивительный сон.

Оуэн превратился в рыбу, и рыба эта нежилась в пучине тропического моря, а далеко вверху колыхался корпус шхуны, по некой загадочной причине похожий на большой деревянный баш-

мак[44]. Отходившие от него щупальца-телескопы неторопливо обшаривали морское дно. Оуэн подплыл ближе. Проходящая сквозь жабры вода напоминала о неописуемом вкусе времени, который он ощутил, глотнув из голубых эмалированных часов в бытность свою человеком, но Оуэну-рыбе казалось, что это было очень давно.

Умело орудуя плавниками, он переместился под ближайшее щупальце и вгляделся в некое подобие линзы: огромный, внимательный, любопытный голубой глаз…

И проснулся.

Голубым глазом оказался квадрат ясного неба за окном. Оуэн, не вставая, смотрел на него и не испытывал ни малейшего желания возвращаться к постылой рутине бытия. До сих пор очарованный сном, он стал делать вялые гребущие движения, благодаря которым должен был с легкостью выплыть из постели, но вскоре до него дошло, что он уже не рыба, а Питер Оуэн, человек с немалыми проблемами и беспросветным будущим.

Он уселся и по привычке пришел в ужас перед начинающимся днем. Влачить существование в должности секретаря дяди Эдмунда… Такого

---

[44] Notes: 44

Средство передвижения из колыбельной Ю. Филда. Перевод Д. Ермоловича.

и врагу не пожелаешь, не говоря уже о том, что все надежды заполучить «Леди Пантагрюэль» отправились псу под хвост. Дядя Эдмунд обожал портить отношения со всеми своими знакомыми. Время от времени он даже пытался повздорить с кротким доктором Крафтом, но так и не преуспел в этом. С другими же он умел рассориться не на шутку, и одной из труднейших обязанностей его секретаря было умиротворение дядиных врагов — в достаточной мере для того, чтобы С. Эдмунд Штумм оставался жив. В настоящее время дядя Эдмунд находился в состоянии смертельной войны с Ноэлем Труссом, шефом лас-ондасской полиции, а также местным мусорщиком, и в каждую из этих междоусобиц он вкладывал всю свою душу.

Поэтому посреднику жилось несладко. Но сегодня Питер Оуэн перестанет быть посредником. Возможно, он погибнет — нельзя просто взять и уволиться с должности секретаря дяди Эдмунда, избежав при этом расправы, — но бывают уделы и пострашнее смерти.

Оуэн с несчастным видом выглянул в окно. Вид утеса, напрочь лишенного кипарисов, приободрил его, и стало чуть легче.

— Ну и сон, — пробормотал он.

Ибо это, несомненно, был сон. Вернее, два сна: в первом фигурировали кипарисы и пиво, а второй был связан с подводным обиталищем рыб. Ах да, еще часы… А они вообще были, эти часы? Оуэн посмотрел на тумбочку. Часов не было.

— Все это сон, — объяснил он себе. — Яркий, живой, но всего лишь сон.

Спускаясь к завтраку, он повторял про себя эти слова — с некоторой долей неуверенности.

— Необязательно было так спешить, — приветствовал его дядя Эдмунд, подняв глаза от тарелки с овсянкой и саркастически улыбнувшись.

— Дядя Эдмунд, — сказал Оуэн, предварительно сделав глубокий вдох, — замолчите! Я ухожу от вас.

После чего задержал дыхание и замер в ожидании удара, который выпотрошит его на месте…

Из-за чего же Питер Оуэн столь опрометчиво решился на самую крайнюю меру? Вернее спросить, из-за кого: из-за девушки по имени Клэр Бишоп. Все мы помним ее роль в киноверсии «Укрощения строптивой» с Джеймсом Мэйсоном, Ричардом Уидмарком, Дэном Дьюриа и Этель Берримор. Столь звездная компания способна полностью затмить начинающую актрису, но с Клэр Бишоп этого не случилось. Зритель заметил

и запомнил милейшее создание с пушистыми соломенными кудряшками, въехавшее в кадр на зеленом кабриолете в конце второго акта. (Не следует забывать, что иной раз в Голливуде принято делать некоторые отхождения от первоисточника.)

За этой ролью последовали головокружительный взлет и не менее драматичное падение, виной которому стала серия дрянных фильмов — скверно выбранных, с безобразным кастингом и никуда не годными сценариями. Оказавшись на самом дне, Клэр Бишоп повстречала Питера Оуэна. Из этой встречи проклюнулся росток любви, а на нем распустился розовый бутон надежды — надежды, что с помощью Питера невозможное станет возможным и Клэр сумеет выкупить права на пьесу «Леди Пантагрюэль». В свободное время Питер Оуэн, окрыленный любовью, сворачивал горы и собирал синдикат вкладчиков, готовых предоставить средства для трех картин с участием Клэр (на главных ролях!) — но лишь при условии, что девушка сумеет вырвать из цепких лап С. Эдмунда Штумма права на «Леди Пантагрюэль», коей суждено было лечь в основу сценария для первого кинофильма.

Могло ли такое случиться? Питеру оставалось

лишь навести справки, что он и сделал. Больше всего на свете С. Эдмунд Штумм любил властвовать над другими, поэтому не дал никакого ответа — ни утвердительного, ни отрицательного. Сказал лишь, что ему требуется личный секретарь: работа несложная, оплата невысокая. И намекнул, что, если вышеозначенный секретарь застанет его в момент слабости, существует некоторая вероятность, что он, С. Эдмунд Штумм, выдаст разрешение на съемку кинофильма по пьесе «Леди Пантагрюэль».

С этого и началась деградация Питера Оуэна. Теперь он знал, что прежний дядин секретарь то ли спятил, то ли наложил на себя руки. К прискорбию Питера, демаркационная линия между персональным помощником и галерным рабом практически отсутствовала, но он отважно сносил все лишения, храня пред умственным взором милый образ Клэр и помня о вероятности подписания вожделенного контракта во все времена и при любой погоде.

До вчерашнего дня надежда еще теплилась, но чуть раньше мы упоминали, что Клэр оказалась девушкой с характером. Вчера был один из тех нечастых безмятежных дней, когда благодаря череде счастливых случайностей С. Эдмунд Штумм

смягчался и становился немного похож на человека. Дошло до того, что он объявил открытым текстом: если Клэр с документами и адвокатом явится к нему в библиотеку в подходящий момент, дядя Эдмунд, быть может, поставит на контракте свою подпись.

Встреча закончилась, когда Клэр подбежала к проигрывателю, схватила пластинку Прокофьева и запустила ею в противоположную стену, тем самым выразив свою любовь к Шостаковичу, неприязнь к талантам С. Эдмунда Штумма и намерение скорее испустить дух в страшных муках, нежели исполнить роль леди Пантагрюэль, какими бы ни были обстоятельства исполнения этой роли.

Затем она выскочила из дома, громко хлопнув дверью, и сердце Питера Оуэна разбилось, словно пластинка Прокофьева; что касается дяди Эдмунда, с ним случился беспрецедентный приступ ярости, кульминировавший в полночную атаку на непокорные пластинки Шостаковича. Вот почему сегодня утром Питер Оуэн был в отчаянии. Вот почему он бросил безрассудный вызов урагану по ту сторону обеденного стола.

Совершив микроскопический прыжок в прошлое (на сей раз без помощи часов с голубой

эмалью), мы войдем в столовую и усядемся бок о бок с Питером Оуэном — перед лицом С. Эдмунда Штумма и верной гибели, — после чего продолжим наш рассказ. Конечно, если читатель не против.

— Дядя Эдмунд, замолчите! Я ухожу от вас, — возвестил Питер Оуэн, после чего приготовился к худшему и хотел было зажмуриться, но не рискнул — и правильно сделал, потому что в критические моменты за дядей Эдмундом нужен был глаз да глаз.

Дядя Эдмунд не отличался приятной внешностью. Он походил на злонравного баклана средних лет с аккуратно зализанными назад седыми обрубками перьев и остроконечным клювом на том месте, где у других людей бывает нос. Рот у дяди Эдмунда был тонкий, маленький, цепкий, предназначенный для дистилляции желчи в язвительные ремарки.

Не говоря ни слова, он медленно поднял голову, в то время как слова его личного секретаря отзывались трусоватым эхом в утреннем воздухе. Отпуская предыдущее замечание, Штумм поливал овсянку сливками; теперь же молочник завис над тарелкой, а дядя сверлил племянника пристальным взором, и, по мере того как до него

доходил смысл фразы Оуэна, в глазах его разгорался яркий малиновый огонь.

— Ты — что? — сдавленно осведомился он и немного отодвинулся от стола, царапнув пол ножками стула. — Что ты сказал?

— Я сказал, что намерен… — отважно начал Питер Оуэн, но не успел договорить, поскольку дядя Эдмунд запустил в него молочником.

3. Грабеж!

Продолговатый поток жидкости кремового цвета пришелся Оуэну точно в лицо. Посудина врезалась в стену за спиной, и осколки осыпались на ковер. Доктор Крафт, едва заметно покачав седовласой головой, продолжал потягивать кофе, он в любой ситуации умел сохранить присутствие духа.

Дрожащей рукой Оуэн смахнул сливки с лица. Что же он сделает, вновь обретя зрение? Это дискуссионный вопрос. Сперва он подумал, что неплохо бы выбить дяде зубы подвернувшейся под руку тарелкой… Но момент был упущен, и над столом, перекрывая гневный гул в ушах Оуэна, повис радостный хохот дяди Эдмунда, которому аккомпанировал бумажный шелест.

— Смотри сюда, ты, недоросль! Ты, рохля! — восклицал дядя Эдмунд. — Утри свое идиотское мурло и смотри сюда! — Он снова расхохотался так весело и басовито, что сердце Питера устремилось в пятки, словно строительный отвес.

Смотреть предлагалось на контракт — тот самый контракт, по которому Клэр собиралась приобрести права на «Леди Пантагрюэль», — и дядя Эдмунд размахивал им перед перепачканным носом Оуэна, словно подманивая племянника лакомым куском.

— Тебе, скотина неблагодарная, будет интересно узнать, — едко продолжал дядя Эдмунд, — что сегодня утром пришло письмо из «Метро». С решительным отказом увеличить сумму, предложенную за «Леди Пантагрюэль». Ты хоть понимаешь, что это значит? Ну конечно, ты ни черта не понимаешь! Разве ты способен хоть что-то понять? Для этого требуется интеллект трехлетнего ребенка, а тебе до него… Ха!

Он тяжело бахнул кулаком по столу. Тарелки пустились в пляс, а предусмотрительный доктор Крафт едва успел подхватить свою чашку.

— Я объясню тебе, что это значит! — ревел дядя Эдмунд. — Мисс Бишоп предложила мне самую высокую цену. Да ты в курсе, сам же об

этом и позаботился. Ведь ты рылся в моей личной корреспонденции, ты, шпион! — (Ну, это уже совсем несправедливо, с грустью подумал Оуэн.) — Тайком читал мои письма! — бушевал дядя Эдмунд. — Вынюхивал, какие мне делают предложения! А потом проследил, чтобы цена мисс Бишоп оказалась самой лучшей! Ну ладно, хорошо! Ведь мне ничего не надо, ничего, кроме капли семейной лояльности, лояльности к людям одной с тобою плоти и крови, лояльности к руке, которая тебя кормит! Хочешь сказать, я слишком многого прошу? Да, наверное! Ты, гадина, понятия не имеешь, что такое лояльность. А посему… — он снова обрушил кулаки на стол, — когда ты ворвался сюда бешеным тигром, я собирался просить, чтобы ты перезвонил мисс Бишоп, ведь я передумал, ведь мне нужны деньги, и тебе, презренный соглядатай, известно об этом лучше всех остальных! «Метро» отказывается повысить ставку, и поэтому у меня не остается выбора, ведь ты за мой счет купаешься в роскоши, а роскошь стоит денег, а я человек небогатый, я бедняк, и меня обложили со всех сторон! — Тут он бросил свирепый взгляд на погруженного в собственные мысли доктора Крафта, чей кроткий визаж наполовину затмила кофейная чашка, и оконча-

тельно взбесился от этого зрелища. — Обложили со всех сторон! И я собирался принять предложение этой мегеры! Слышишь, Питер? Я уже готов был исполнить твое сокровенное желание, но ты оскорбил меня!

— Дядя Эдмунд, — начал Оуэн, — дядя Эдмунд, я…

Его прервал треск. Оскалившись, дядя Эдмунд разорвал бумагу надвое. Сложив половинки, разорвал их еще раз, и четвертованный контракт осыпался в тарелку дяди Эдмунда, после чего тот схватил чашку и залил обрывки недопитым кофе.

— Вот! — выкрикнул он. — Вот так! Что, хочешь попросить прощения? Поздно, мой пронырливый юный друг! А теперь пошел вон! Прямо сейчас, сию же секунду! Убирайся с глаз моих! Даю тебе пятнадцать минут! Собирай манатки и проваливай, или я позвоню шефу полиции, и этот придурок закует тебя в кандалы! Давай, давай! Уходи!

И Оуэн ушел.

Вернее, выбежал из столовой под безмятежную реплику доктора Крафта:

— Сегодня мне приснился прелюбопытнейший сон…

«Сон! Вот бы мой сон оказался не сном, а явью! — тоскливо думал Оуэн, запихивая в чемодан рубашки вперемешку с носками. — Если бы я только мог перевести часы на подходящее время, чтобы дядя подписал контракт…»

В этот момент пара носков свернулась наподобие… да, правильно, наподобие раковины брюхоногого моллюска и угодила не в чемодан, а на незаправленную кровать, где скрылась в ложбине одеяла. Оуэн рассеянно полез за носками и почувствовал, как пальцы сомкнулись на маленьком, круглом, твердом, прохладном и тикающем предмете.

Он поднес голубые эмалированные часы к лицу, обменялся с ними пустым взглядом и смущенно пробормотал:

— Я сплю? Выходит, я сплю? То есть на самом деле я рыба?

Он с тревогой проинспектировал свое туловище, ожидая увидеть плавники. Таковых не обнаружилось, но на его ладони, тихонько отсчитывая время, лежали часы, превратившие прошлый вечер в бесконечное повторение — если только это был не сон.

«Корректирующее устройство, — лихорадочно подумал Оуэн и зачем-то потряс часы. — Они

корректируют время. Как перст писателя»...[45]

И его персты словно по собственной воле потянулись к ручке, ответственной за регулировку минут.

«Быть такого не может, — уверял себя Оуэн, переводя стрелку. — Это был сон, и только сон. Я же знаю. Я же не дурак. Но все равно, если...»

До этого часы показывали пять минут десятого; теперь же, когда Оуэн аккуратно изменил положение черной минутной стрелки, циферблат сообщил, что сейчас без пяти девять.

— Смогу ли я стереть полстрочки?[46] — исступленно вопрошал Оуэн. — Вот в чем вопрос. Если смогу — хотя, разумеется, не смогу, — но если смогу, то все будет в ажуре. Можно будет разобрать чемодан и спуститься к завтраку. — Он бросил взгляд на кровать и непонимающе переспросил сам себя: — Какой еще чемодан?

Чемодана там больше не было. Носки и рубашки самым волшебным образом перелетели на свои прежние места, а чемодан покоился на верхней полке встроенного шкафа. Внизу

---

[45] Notes: 45

Отсылка к рубаи 51 Омара Хайяма в переводе на английский Эдварда Фицджеральда.

[46] Notes: 46

См. примеч. на с. 471.

позвякивала посуда и звучали мужские голоса: С. Эдмунд Штумм вел оживленную утреннюю беседу с доктором Крафтом.

Питер Оуэн сунул часы в карман пиджака, прижал его подрагивающей ладонью и отправился завтракать.

— Необязательно было так спешить, — сказал дядя Эдмунд, саркастически улыбаясь. — Да ты не стой. Садись, раз пришел. Все равно овсянку ничем не испортишь. Хотя… жевать овсянку и одновременно разглядывать твою овсянкоподобную физиономию… — Демонстративно передернувшись, он подлил себе в тарелку сливок из чудесным образом воскресшего молочника.

— Доброе утро, дядя, — непоколебимо сказал Оуэн. — Доброе утро, доктор. Нашли своего Макcля?

Доктор Крафт печально помотал головой.

— Была ли почта, дядя? — с великой хитростью осведомился Оуэн, нацепив вымученную улыбку.

— Ты мне тут не улыбайся, — сказал Штумм. — А то еще больше похож на овсянку, хоть и присыпанную сахаром! Нет, не было никакой почты, о которой тебе следует знать. — Он слизнул сливки с тонких губ, улыбнулся, словно вспомнил о приятном и забавном секрете, и добавил, пригвоздив

Оуэна к месту пронзительным взглядом: — После завтрака будет тебе задание. Этот олух Иган, наш так называемый шеф полиции, вчера вечером оставил у меня на лобовом стекле штрафную квитанцию. Сходи к нему и все уладь.

— Но, дядя, — Оуэн тяжело сглотнул, — вы же знаете, что Иган не станет… Ну хорошо, я оплачу штраф.

— Своими кровными? — проскрипел Штумм. — Как тебе угодно. Лично я платить не собираюсь. Что толку быть первейшим столпом общества, если гестапо не дает тебе покоя ни днем ни ночью? С тех пор как я купил этот дом, в Лас-Ондасе побывало больше туристов, чем за всю его историю до моего переезда! Если Фред Иган вообразил, что имеет право донимать меня штрафами за парковку только потому, что моя машина всю ночь простояла у пожарного гидранта, пусть взвесит все хорошенько! В общем, как только позавтракаешь, Питер, немедленно ступай к нему и утряси этот вопрос. Преступность в городе цветет буйным цветом, а Иган прячется в кусты и ждет возможности уличить меня в мелком проступке, хотя в Лас-Ондасе мне закон не писан!

Умолкнув, он жадно глотнул кофе.

— Вы уверены, что не получали важных пи-

сем? — расстроился Оуэн. — Лучше я сам проверю. Мало ли, вдруг вы что-то пропустили.

— Ну-ка сядь! Что, за дурака меня держишь? Такого, как ты?

— Ах, — успокоительно промурлыкал доктор Крафт, — какое дивное, очаровательное утро. А ночью, джентльмены, мне приснился прелюбопытнейший сон…

— Точно! — оборвал его дядя Эдмунд. — Мне тоже приснился. И тоже прелюбопытнейший. — Он с подозрением осмотрел кусочек тоста, презрительно усмехнулся, отправил его в рот и, жуя, продолжил: — Сегодня утром я чуть более склонен доверять предположениям доктора Крафта. Я видел странный, но крайне убедительный сон. Быть может, даже вещий. С высоты птичьего полета я видел… как сказать… то, что доктор Крафт назвал бы темпоральным пространством. И оно шаровидное.

— О, — уклончиво сказал доктор Крафт.

— Шаровидное, — настойчиво повторил Штумм. — Как небесная сфера. Во сне я еще удивился, когда увидел, как ко мне подплывает странный объект, похожий на деревянный башмак, а в нем — группа путешественников во времени; они явились к нам из далекого буду-

щего, чтобы лицезреть человека, чье имя, прокатившись по коридорам вечности, отозвалось в их собственной эпохе. И это было мое имя. — Помолчав, он уточнил: — С. Эдмунд Штумм. — И улыбнулся с видом человека, поливающего сливками собственное эго.

— Любопытно, — через некоторое время добавил он. — Их якорь… Какой-то он был странный.

— Что в нем было странного? — взволнованно спросил Оуэн. — Вы его рассмотрели?

— Не твое дело. — Штумм бросил на племянника сердитый взгляд, после чего расплылся в блаженной улыбке и любовно потрогал карман пиджака.

Раздался бумажный хруст.

— Кстати, Питер, — сказал вдруг дядя Эдмунд, — я получил предложение от «Метро». Они заплатят за «Леди Пантагрюэль» на пять тысяч больше, чем вчера предлагала твоя мегера. Мало ли, вдруг тебе интересно. — Он негромко покашлял. — Несмотря на мерзкий нрав и отвратительные манеры мисс Бишоп, я могу и пересмотреть мое решение — при условии, что она даст ту же щедрую цену, что предлагает студия. Обдумай это, мой мальчик.

Оуэн пытливо смотрел на дядю. Где же он врет?

Какая из этих двух историй правдива? И как быть дальше? Он все еще ломал голову над этими вопросами, когда доктор Крафт ласково прогудел:

— Мой сон, Эдмунд, был очень похож на ваш. Да-да, мне снилась шхуна с путешественниками во времени. Любопытно, согласитесь. По существу, одно и то же — с поправкой на интерпретацию и различия в характерах. Мне снилось, что мои эксперименты с проецированием тессеракта поднимаются к поверхности паратемпорального пространства, словно пузырьки, и привлекают внимание наших друзей-путешественников. Кстати говоря, их якорь тоже меня заинтриговал. Да-да, теперь вспоминаю, что он раскачивался туда-сюда, словно маятник. Разумеется, его амплитуда не могла составлять больше двенадцати часов. — Доктор Крафт умолк и задумался. — Разумеется? Но почему? — тихо спросил он сам себя. — Почему я так сказал? Несомненно, это была часть моего сна. Как же легко спутать время с пространством! — Тут он вздохнул. — Дорогой мой Максль… Будь он со мной, я бы проработал все «почему» и «по какой причине», но без него… — Он покачал седовласой головой, и клубок морщин омрачили слегка нахмуренные брови. — Я почти уверен, что во время последней

сессии проецирования тессеракта чуть не проник в смежное темпоральное измерение. В голове у меня, буквально на грани сознания, уже начинали роиться совершенно новые и чрезвычайно, чрезвычайно интересные мысли. О, где же ты, Максль!

— Забудьте про Макcля, — раздраженно бросил Штумм. — Вы и без того тратите массу времени на свои эксперименты. Напоминаю: уже через три недели я должен закончить черновой набросок новой пьесы. Сегодня утром, Зигмунд, мне потребуется самое пристальное ваше внимание. Весь вчерашний день вы провели нос к носу со своей идиотской каменной лягушкой. Но теперь у нас есть более важные дела — а именно третий акт.

— Но как же якорь? — жалобно спросил Оуэн. — Вот бы один из вас вспомнил, на что он был похож, этот якорь. Хотелось бы мне узнать…

— …сказала овсянка, — едко перебил его дядя Эдмунд.

— Максль! — тоненько воскликнул вдруг доктор Крафт, после чего резко встал, и старческое лицо осветилось радостью. — Да, точно! Я помню, где оставил Макcля! У вас в библиотеке, Эдмунд! Простите, но мне надо бежать к Макслю!

И он, шаркая подошвами, второпях пересек

столовую. Со стороны казалось, что сияющее лицо доктора подсвечивает ему путь, словно карманный фонарик. Штумм следил за происходящим, скривив бакланскую физиономию в сардонической гримасе и тем самым изрядно озадачив племянника.

— Дядя Эдмунд… — начал Оуэн.

— Чего?! — сердито рявкнул Штумм.

— Вряд ли спонсоры мисс Бишоп снова поднимут цену. Но если сегодня я свяжусь с ней, можно заключить сделку, исходя из последнего предложения Клэр.

— Эдмунд! — донесся из библиотеки полный ужаса возглас доктора Крафта, и дядя с племянником вскочили на ноги. — Эдмунд! Грабители! Воры! Ох, бедный мой Максль!

4. Время потерпеть…

Библиотека и впрямь являла собой ужасающее зрелище. На ковре блестели осколки разбитого портфенетра. Дождь промочил занавески; бесформенные грязные пятна на половике вели к стенному шкафу. Когда-то у него были стеклянные дверцы, а за ними — необычайно посредственная коллекция золотых монет, при-

надлежавшая С. Эдмунду Штумму. Теперь же шкаф — вернее, то, что от него осталось, — был пуст.

— Мои монеты! — Штумм эффектно зашипел сквозь зубы и бросился к разграбленной сокровищнице.

— Максль! — невпопад подхватил доктор и метнулся вслед за Штуммом, но замер у огромного стола, где склонился и нежно погладил ладонью угол обширной столешницы. — Да-да, вчера вечером он сидел именно здесь, как сейчас помню. Ох, украли бедняжку Максля! Эдмунд, необходимо вернуть моего Максля, иначе мне конец!

— Какая чушь! — отозвался Штумм, разглядывая сломанный шкаф. — Монеты! Пропали мои монеты, а их оценивали во много тысяч долларов! — (Вопиющее преувеличение, хотя коллекции была присуща некоторая ценность. К тому же дядя Эдмунд застраховал монеты вдоль и поперек.) — На кой черт грабителям сдалась каменная лягушка? Она что, имеет реальную стоимость, как моя нумизматика?

— Только для меня, — грустно сообщил Крафт. — Но я знаю, что вчера вечером он сидел именно здесь. Теперь я прекрасно все помню. Должно быть, его стащили воры, и я навсегда

утрачу способность к размышлениям.

— Питер, — холодно скомандовал Штумм, — дай сюда телефон.

— Но, дядя Эдмунд, — возразил Оуэн, поглядывая на стену за письменным столом, где находился средних размеров сейф со встроенной в деревянную панель круглой металлической дверцей, — не лучше ли для начала все проверить? Вдруг воры забрали не только монеты? Мне открыть сейф?

— Я сказал, дай телефон, — еще холоднее повторил Штумм. — Не тяни канитель, юноша. С каждой секундой промедления грабители уходят все дальше — от нас и полицейского департамента. Не трогай сейф! Понимаю, мой хитрый юный друг, тебе хочется узнать шифр от замка, но ты, верно, будешь разочарован, когда выяснишь, что в сейфе нет ничего ценного. Только бумаги. А теперь… не передашь ли телефон? Или мне высунуться в окно и голосить, пока не явится полиция?

Оуэн молча вручил дяде аппарат. С демонстративным удовлетворением Штумм продиктовал телефонистке номер мэра.

— Теперь посмотрим, — бормотал он, ожидая ответа, — как этот пентюх в форме шефа по-

лиции… Алло! Алло! Джеймс, это вы? Говорит С. Эдмунд Штумм. Ограбили мой дом!

В ответ на это драматическое объявление телефонная трубка разразилась невнятными возгласами.

— Это сделал шеф Иган, — твердо сказал дядя Эдмунд. — Нет, я не обвиняю лично его и не хочу сказать, что он собственной криворукой персоной обворовал мое жилище, но преступность в Лас-Ондасе давно уже вышла за любые рамки, Джеймс, и это последняя капля. Игану пора освободить должность! Вы же знаете, сколько бед обрушил он на мою голову.

Телефонная трубка зашумела снова.

— Мне все равно, сколько у него детей, шесть или шестьдесят! — повысил голос дядя Эдмунд. — Вы мэр Лас-Ондаса, и ваша работа состоит в том, чтобы защищать горожан, но город вырождается и совсем скоро превратится в африканскую касбу, а я не желаю, чтобы мое имя ассоциировалось со зловонной клоакой наподобие грязных трущоб Порт-Саида!

Трубка разродилась длительными увещеваниями.

— Нет, — наконец ответил Штумм, — пусть Иган уйдет в отставку, иначе я уеду из Лас-Ондаса.

Все, точка. Предупреждаю, Джеймс, я серьезно подумываю о переезде. Выбирайте: или он, или я. Иган довел меня до крайности, и я буду биться не на жизнь, а на смерть. Кто прислал ко мне полицейского в четыре утра на прошлой неделе, когда у меня была вечеринка? Иган, вот кто! Кто вчера вечером оставил штрафную квитанцию на лобовом стекле моего автомобиля? Кто хотел прогнать меня в прошлое воскресенье, когда я припарковался посреди Мэйн-стрит, чтобы раздать автографы? Повторяю, Джеймс: или Иган, или я. Выбирайте.

Он грохнул трубкой о рычаг и, перехватив встревоженный взгляд Оуэна, расплылся в необычайно благостной улыбке.

— Возьми календарь и обведи этот день красным кружком, — отдал он метафорическую команду. — Наконец-то я восторжествовал над придурковатым бараном. — Он взглянул на погруженного в безмолвный траур доктора Крафта. — И не скажу, что мне горестно думать о преждевременном отбытии вашего Макcля. Он отнимал у вас слишком много драгоценного времени. Гораздо лучше было бы посвятить это время не ему, а мне. Ох, Питер, как же хорошо! На дворе прекрасный день, в небе поет жаворонок,

и я даже подумываю о том, чтобы продать мою пьесу твоей мисс Бишоп, если она застанет меня в добром расположении духа и обуздает свой несносный характер. Ты уверен, что ее спонсоры готовы расплатиться наличными?

— Несомненно, — заявил Оуэн тоном, которым принято распевать рождественские песни. — Мне ей позвонить?

— Если хочешь, — милостиво разрешил дядя Эдмунд, — и считаешь, что оно того стоит. Если мне не изменяет память, вчера она сбежала отсюда — после того, как отпустила несколько сомнительных замечаний: дескать, лучше умереть, чем исполнять роль леди Пантагрюэль. Но сегодня меня переполняет любовь ко всему сущему, так что поступай как знаешь. И еще, Питер: проследи, чтобы она захватила чек с банковской гарантией.

Шеф Иган — малозначимая, но по-своему важная фигура в рассказе про Питера Оуэна — был добродушный розовощекий здоровяк и, откровенно говоря, не самый большой специалист своего дела. Даже когда Лас-Ондас растянулся вдоль всего прибрежного шоссе, шеф по-прежнему справлялся со своими обязанностями, но действовал по старинке, словно вверенный ему

город оставался незаметной точкой на карте, и опрометчиво настаивал на том, что законы Лас-Ондаса распространяются и на самых прославленных его жителей.

Питер Оуэн открыл ему дверь, и шеф в сопровождении троих полицейских — то есть почти всего своего департамента — нерешительно вошел в дом. Всякий раз, оказываясь в непосредственной близости от С. Эдмунда Штумма, Иган заливался краской и чувствовал себя совсем беспомощным. Он взволнованно улыбнулся Оуэну и с облегчением вздохнул:

— Здравствуйте, Пит. Я боялся, что дверь откроет сам мистер Штумм. Что случилось?

— Кража со взломом, — лаконично ответил Оуэн. — Проходите, шеф. Вот сюда.

Дверь библиотеки была закрыта. Повернув ручку, шеф Иган обнаружил, что она упорствует в неподчинении властям, и пробормотал:

— Застряла, что ли? Наверное, дерево разбухло из-за вчерашнего дождя.

После недолгой борьбы с замком он приналег могучим плечом на дверь, и та распахнулась под аккомпанемент оглушительного треска и тяжелого удара, за которым последовал гневный вопль.

За дверным проемом обнаружилась распластанная фигура С. Эдмунда Штумма. Драматург лежал на спине, сжимая в руке блокнот, а его сплюснутое лицо предвещало неминуемый скандал.

— Черт возьми, — сказал Оуэн и бросился поднимать дядю с ковра.

— Боже мой! — ахнул Иган и, по обыкновению, залился краской. — Я… ох… простите, мистер Штумм. Вы собирались выйти?

— Да, — ответил Штумм, выдержав долгую паузу, после чего в мертвой тишине позволил Оуэну поднять себя на ноги; его физиономия все сильнее багровела от безудержного гнева. — Да, шеф Иган, — с расстановкой выговорил он, отряхивая брюки, — я собирался выйти, чтобы, избегая любых раздражителей, сосредоточить внимание на работе. Не желая рассматривать вашу некомпетентную физиономию, я решил забрать записи и удалиться, прежде чем вы ввалитесь ко мне в библиотеку. — Тут он, на время лишившись дара речи, энергично потряс блокнотом, после чего перевел бакланий взгляд на Оуэна, сменил объект своих нападок и свирепо произнес: — Что касается тебя, юноша, запомни: если твоя мегера Бишоп переступит сегодня порог моего дома, переступит

его даже носком туфли, я велю арестовать ее за взлом и проникновение. При одной мысли о ее омерзительном голосе у меня пар валит из ушей. Сегодня же утром я заключу сделку с «Метро». Ни слова! Расскажи этому безмозглому бизону все, что ему якобы нужно знать, хоть от этого и не будет никакого толку. Что касается мисс Бишоп, считай ее вопрос закрытым. Всякому терпению есть предел. Теперь, когда меня ударили дверью — да так, что я пролетел половину кабинета… Вы же едва не прикончили меня! Вы же без пяти минут убийцы! Прочь с глаз моих, оба! И заберите свое гестапо! Живей, пока я не вышел из себя!

Не теряя ни секунды, Оуэн втащил полицейского в библиотеку и закрыл дверь. Из коридора донесся едкий голос: дядя Эдмунд заказывал междугородний звонок. Шеф Иган, чьи уши стали пунцовыми, неуклюже приблизился к разграбленному шкафу, но почти все внимание Оуэна было приковано к телефонному разговору: дождавшись соединения с нужным ему человеком, дядя Эдмунд заговорил нарочито громким голосом, чтобы слышно было всем любопытным:

— По рукам, Луис, «Леди Пантагрюэль» ваша. Сегодня во второй половине дня жду адвоката с бумагами.

Питер Оуэн зашелся в безудержном хохоте, после чего во всеуслышанье сказал:

— Это тебе только кажется, С. Эдмунд Штумм.

Ведь в кармане у него лежали часы с голубой эмалью. Оуэн достал их и перевел минутную стрелку…

— Здравствуйте, Пит. — Шеф Иган окинул встревоженным взглядом коридор за спиной у Оуэна. — Я боялся, что дверь откроет сам мистер Штумм. Что случилось?

— Кража со взломом, — снова сказал Оуэн. — Входите. Но прошу вас, осторожнее. Позвольте мне пойти первым.

Дверь библиотеки была закрыта. К тому же ее слегка заклинило. Отвергнув бестактные предложения шефа (тот вознамерился выбить непокорную дверь), Оуэн аккуратно постучал в деревянную панель и крикнул:

— Дядя Эдмунд, пришел шеф Иган!

— Так веди его сюда, — раздраженно отозвался дядя Эдмунд.

— Отойдите от двери, — предупредил Оуэн, — ее заклинило.

Подал знак Игану, шеф полиции навалился на дверь, и та распахнулась. Штумм, сжимая в руке блокнот, смотрел на Игана и, казалось, был

слегка раздражен.

— Доброе утро, мистер Штумм, — сказал покрасневший Иган. — Слыхал, ночью у вас случились неприятности.

— У меня? У меня неприятностей не было, — язвительно ответил Штумм. — И надеюсь, что не будет. Для того и существуют страховые компании.

— Ваши монеты, да? — спросил Иган, внимательно оглядывая комнату. — Только они и пропали? А что с сейфом?

— С сейфом все хорошо, я только что его проверил, — надменно сообщил Штумм. — Попробуйте допустить, что я обладаю молекулой здравого смысла в ведении собственных дел. Содержимое сейфа — бумаги, не имеющие ценности ни для кого, кроме меня, — осталось нетронутым. Рискну предположить, что меня обокрали сущие дилетанты — ведь они, по всей видимости, даже не подошли к сейфу, — но даже дилетант способен провернуть самое дерзкое ограбление у вас под носом, сэр, и при этом быть уверенным в собственной безнаказанности!

С этими словами он указал блокнотом на шефа, словно обвиняя его во всех смертных грехах. Иган неловко попятился, врезался в угол стола и

столкнул на пол флуоресцентную лампу.

Слушая, как Штуммов вопль ярости превращается в долгий и постепенно затухающий скорбный вой, Оуэн снова выхватил из кармана часы и перевел минутную стрелку…

На сей раз прошло целых десять минут, прежде чем Иган тяжело наступил на ногу Штумма, когда они вдвоем обследовали останки шкафа. Взбешенный драматург, надрываясь, требовал арники, рентгена и костоправа, а Оуэн с тяжелым вздохом снова стер настоящее.

Но теперь перевел часы не на малый срок, поскольку понял, что шансы на мирное развитие сюжета в нынешних декорациях исчезающе малы. Иган и Штумм попросту не могли находиться в одном помещении дольше нескольких минут, после чего между ними непременно вспыхивал конфликт, и не было смысла гадать, какой неприятностью все закончится на этот раз.

Кроме того, шефа полиции невозможно было отодвинуть на запасный путь, поскольку произошла кража и ее необходимо было раскрыть. Решение показалось Оуэну очевидным: ночью во время бури взломщики разбили портфенетр, похитили коллекцию монет дяди Эдмунда и (предположительно) Макселя. Чтобы все — ра-

зумеется, за исключением воров — остались довольны, Оуэну требовалось лишь скользнуть по шкале времени в тот час, когда было совершено преступление, и предотвратить его. Жалея, что он не подумал об этом раньше, Питер взялся за регулировочное колесико. В тот момент часы показывали относительные десять утра. Оуэн опрометчиво крутнул минутную стрелку назад…

Щелк.

Колесико больше не поворачивалось. Оуэн замер — отчасти потому, что не видел циферблата, ведь было уже не десять утра и на смену солнцу пришла непогожая ночь. Стоя в кромешной тьме, Оуэн вслушивался в барабанную дробь дождя и негромкие звуки «Скифской сюиты» Прокофьева, что доносились из музыкальной комнаты. Порыв холодного сырого ветра хлестнул его по лицу. Опасаясь самого худшего, Оуэн на ощупь добрался до флуоресцентной настольной лампы и в ее мертвенно-голубом свете увидел, что опоздал.

Взломщики пришли и ушли под покровом вечерней бури. Ковер был усыпан осколками стекла, мокрый пол заляпан грязными следами, шкаф со стеклянными дверцами вскрыт и выпотрошен. И Макселя на столешнице нет. Очевидно, воры стащили дорогого докторскому сердцу лягу-

шонка вместе с монетами.

Оуэн опустил взгляд на стиснутые в ладони часы с голубой эмалью; те равнодушно таращились на него и уверяли, что сейчас десять вечера. Он потряс часы и снова попробовал перевести минутную стрелку, гадая, почему она застряла. Стрелка поддалась, но лишь секунд на пятнадцать, и с единственным результатом: в библиотеке снова стало темно, а «Скифская сюита» откатилась на десяток тактов.

Терпеливый Оуэн вновь включил флуоресцентную лампу.

— Значит, предел — десять вечера, — пробормотал он, задумчиво глядя на часы. — Но почему?

И тут вспомнились слова доктора Крафта, прозвучавшие за вторым из утренних завтраков, а теперь выплывшие из бесконечных далей сознания. «Кстати говоря, — сказал тогда доктор, — их якорь тоже меня заинтриговал. Да-да, теперь вспоминаю, что он раскачивался туда-сюда, словно маятник. Разумеется, его амплитуда не могла составлять больше двенадцати часов».

— Якорь? — пробормотал Оуэн и снова потряс часы. — То есть вы — тот самый якорь? Маятник? Тогда, наверное, двенадцать часов — это ваш предел.

Из окна потянуло сквозняком. Дрожа от холода, Питер оглядел разоренную библиотеку. Он не понимал, что делать. Предотвратить кражу можно было, лишь отправившись дальше в прошлое, но часы то ли не могли, то ли не желали способствовать Оуэну в таком путешествии. Кроме того, если Питера найдут в библиотеке, дядя Эдмунд не преминет потребовать его ареста за воровство.

Он неуверенно теребил колесико, управляющее стрелками часов. До нынешнего момента у него не было времени на опыты. Что, если перевести часы вперед? Прыгнет ли он в будущее, окажется ли в завтрашнем утре? Способны ли эти часы не только стирать написанное, но и заполнять время множеством пробелов?

Нет. Он перевел стрелку вперед — безрезультатно. В разбитое окно по-прежнему хлестал дождь. Музыка Прокофьева не пропустила ни единого такта. Воры могли бы разбить окно даже в самую тихую погоду и их никто не услышал бы, подумал Оуэн и с мрачным видом покинул комнату.

Утративший последние надежды, он поднялся к себе в спальню. Интересно, что он там увидит?

На тумбочке рядом со свежезастеленной кроватью стояло… А ничего не стояло. Даже бокала с пивом и того не было, что вполне естественно,

поскольку доктор Крафт явился к Оуэну примерно без двадцати одиннадцать. Прошлой ночью. Прошлой или нынешней?

— Ответ на этот вопрос, — сказал себе Оуэн, — лучше поискать в трактате Данна «Эксперимент со временем». Если для измерения времени номер один требуется время номер два, придется изобретать целую терминологию, описывающую то, чем я сейчас занимаюсь.

Вспышка молнии высветила силуэт рецидивирующего кипариса: тот героически возвышался на прежнем месте, на самом краю обрыва.

— *Купрессус редививус*, — простонал Оуэн, — кипарис оживший. О нет! Что, опять?

Он взглянул на черное небо над кипарисом, словно ожидал увидеть парящую в нем шхуну, похожую на деревянный башмак, и озабоченно подумал: ведь не может такого быть, чтобы один и тот же сон приснился троим разным людям по чистому совпадению. А сон действительно был один и тот же.

5. ...И терпение повременить

Питер обескураженно водил взглядом по комнате. Что дальше? Назад, по всей видимости,

дороги нет. Остается лишь двигаться вперед, причем самым тривиальным способом, проживая минуту за минутой. То есть Оуэну предстоит снова пережить эту ночь, уснуть (интересно, приснится ли ему прежний сон?), спуститься к завтраку, открыть дверь Игану, выслушать мстительный разговор дяди со студией «Метро» и смириться с окончательной утратой «Леди Пантагрюэль».

Должно ли все произойти в точности как раньше, или прошлое можно изменить? Ну разумеется, можно! Оуэн уже менял его, ведь изначально его не было в библиотеке в десять вечера. Но если смотреть в корень вещей, является ли прошлое переменной величиной? Ведь Оуэн так и не сумел предотвратить столкновение дяди Эдмунда с шефом Иганом.

Полыхнула молния, и обреченный кипарис буйно всплеснул ветвями над краем обрыва. Через десять минут (Оуэн бросил взгляд на часы) несчастное дерево снова канет в Лету. А минут примерно через восемь доктор Крафт войдет в спальню с бокалом пива и расспросами насчет Макcля.

Да, он-то Питеру и нужен, ведь если кто и может объяснить, что происходит, то один лишь

доктор Крафт. Он даже способен помочь с поисками выхода из положения, вот только, вздохнул Оуэн, если все ему рассказать, он не поверит. Прошлой — или нынешней? — ночью Оуэн пробовал завладеть его вниманием, представить ему доказательства своих слов, но это было невозможно, поскольку из памяти доктора Крафта стирались все необходимые воспоминания.

— Бестолковая вещица, — сказал Оуэн, обращаясь к часам, затем снова потряс их и вспомнил, что в подобный момент Болванщик действовал точно так же.

На мгновение Оуэна объяло жуткое чувство, что в руке у него те же самые часы, которые Болванщик достал из кармана, чтобы после многочисленных потрясываний узнать, который сегодня день месяца. «Если б ты не поссорилась со Временем, — сказал Болванщик Алисе, а уж он-то разбирался в предмете лучше остальных, — оно сотворило бы с часами все, что пожелаешь. Ну, почти». И те его часы остановились из-за масла, причем не простого, а самого первосортного, то есть из-за смазочного материала.

— Со мной произошло то же самое? — спросил Оуэн у пустоты. — Когда я… глотнул… из этой штуковины? Получается, я выпил смазочное

вещество и освободился от трения времени? Но откуда взялись эти часы и что они такое?

Затем он вспомнил о трех сновидениях, где фигурировала шхуна в форме деревянного башмака, рыбаки, прощупывающие глубины времени, и якорь, — кстати, что у них был за якорь? Эти часы? Что-то в форме часов, чтобы не вызвать подозрений на здешнем дне морском, чтобы не распугать рыбу, но по сути своей совсем не часы…

«А вдруг в этой вещице, — подумал Оуэн, охваченный внезапной паникой, — таится опасность? Мне просто необходимо поговорить с доктором Крафтом!»

— Решил я глотнуть пива, — объявил престарелый служитель науки, стоя в дверном проеме, лучась безмятежностью и подняв бокал с пенной шапкой, — а потом призадумался: чем порадовать юношу перед сном?.. Что такое, Питер? Не спится?

— Доктор Крафт, нам надо поговорить! — Оуэн забрал у доктора пиво и придвинул ему стул. — Прошу, присядьте. Послушайте меня. Это насчет путешествий во времени. То есть кое-что случилось. В общем, мне надо доказать вам, что путешествия во времени реальны.

— Кому доказать? Мне? — изумленно пере-

спросил пожилой джентльмен. — Зачем? Как вы думаете, почему я посвятил бóльшую часть жизни исследованиям этой темы? Нет, Питер, это очень мило с вашей стороны, но мне ничего не нужно доказывать. Да, вы угадали, мальчик мой: я и без того убежден, что путешествия во времени реальны.

— Вы не поняли, — пылко возразил Оуэн. — Вот смотрите: сейчас ровно десять тридцать восемь, верно?

— Да, так и есть. Зачем вы таскаете с собой эти часы?

— Не важно. Видите вон тот кипарис за террасой, на самом краю утеса? Так вот, ровно через три минуты в это дерево попадет молния, и оно рухнет в океан.

— Хм… Понятно, — промурлыкал Крафт с поразительным спокойствием. — Через три минуты?

— Вы не удивлены?

— После того, как мне столько лет снятся вещие сны? — с невыносимой безмятежностью осведомился Крафт. — Нет, я не удивлен. Вам приснилось, что в кипарис ударит молния, да? Я непременно это запишу.

— Не приснилось! — крикнул Оуэн. — Не приснилось, а уже произошло! И я видел, как это

произошло, видел, и не раз!

— Повторяющиеся сны? Они, как правило, любопытнее остальных.

— Каждым сегодняшним вечером без двадцати одиннадцать в этот кипарис ударяет молния, — тихо произнес отчаявшийся Оуэн. — И никому нет дела. Никому, кроме меня.

— Ну как же, как же. Мне тоже есть до этого дело, Питер, — приободрил его доктор Крафт. — Видите, я уже все записал. Без двадцати одиннадцать мы выглянем в окно. Быть может, я упомяну вас в моей следующей книге. В сноске. Но всему свое время.

— Всему свое время, — повторил Оуэн и глухо рассмеялся.

— А? Но сперва Максль. Мой малютка Максль… Да-да, я его потерял.

— Его похитили, — сказал Питер. — Ну да ладно. Быть может, я сумею найти вашего Максля. Быть может, я смогу остановить похитителей еще до того, как они станут похитителями, если только вы меня выслушаете. Прошу, присядьте. Значит, так, доктор Крафт, — Оуэн добавил голосу солидности, — я проживаю этот вечер не впервые. Я прожил его уже несколько раз, вплоть до завтрашних десяти утра. Теперь же эскалатор

нормального времени уносит меня вверх — то есть вперед, — и я могу перевести стрелки часов только на десять вечера, но этого недостаточно. — Он бросил на Крафта безнадежный взгляд и жалобно добавил: — Вся надежда на вас, иначе мне конец.

Однако во всей этой тираде Крафт услышал только имя своего Макcля. Обычно доктор был добродушным стариком и весьма участливо относился к затруднениям своих друзей, но у каждого имеются персональные фобии, и нам известно, какой была фобия доктора Крафта.

— Похитили?! — Он вскочил со стула. — Когда? Как? Немедленно расскажите, Питер!

— В библиотеку влезли воры, украли коллекцию монет дяди Эдмунда, — устало объяснил Оуэн. — Максль сидел на письменном столе. По крайней мере, вы были полностью в этом уверены. Его тоже забрали. Почему? Этого никто не узнает, если я не сумею перевести часы назад, а стрелки застревают на десяти вечера.

— Вы угадали! — взволнованно воскликнул доктор Крафт. — Теперь я вспомнил! Сегодня утром я оставил Макcля на столе у Эдмунда. Ваш дядя сильно бранился, потому что я пробовал представить, как свернуть тессеракт в куб — в

новом временно́м измерении, — и не мог сосредоточиться на дурацком диалоге из идиотской новой пьесы. Ну конечно же, Максль был со мной — да, да! Спасибо, Питер! А теперь мне надо бежать вниз.

— Не надо, — твердо произнес Оуэн. — Я только что был в библиотеке. Максль исчез. И еще пропали дядины золотые монеты. Говорю же, воры вломились в дом, когда еще не было десяти вечера.

— Исчез! И вы ничего не сказали? Питер, надо что-то делать! Надо вызвать полицию, пока воры не слишком далеко унесли моего Макcля!

— Погодите, доктор Крафт. Минутку. Послушайте меня. Повторяю, я уже все это прожил, так что знаю, как быть! Надо предотвратить кражу: это самый верный способ вернуть Макcля. Прислушайтесь к моим словам. Если сумеем преодолеть десятичасовую отметку, все будет в полном порядке!

— Ох, Питер, Питер, — печально прошептал доктор Крафт, — зря я принес вам пиво. Как вижу, оно у вас далеко не первое. Ложитесь спать, друг мой, а утром, когда проспитесь, мы продолжим наш разговор. Теперь же мне пора!

За окном сверкнула молния, и черная ночь на

мгновение сделалась фиолетовой. Ветви кипариса зловеще захрустели, снова принимая на себя удар судьбы. Молния сверкнула еще раз — в полном соответствии с расписанием, — и покорное дерево в очередной раз накренилось и совершило фаталистический нырок в океан.

— Хм? — промычал с восходящей интонацией доктор Крафт и взглянул на часы, после чего вызволил из недр пижамы блокнот и черкнул в нем пару строк. — Ровно без двадцати одиннадцать. Крайне любопытно, Питер, крайне любопытно! Ваше сновидение оказалось в высшей степени прецизионным, хотя нельзя не сделать поправку на беспричинный объединяющий принцип — то есть на совпадение.

— Помните ваш вчерашний сон? — с жаром спросил Оуэн. — Про шхуну и путешественников во времени?

— Вчерашний? — Крафт непонимающе заморгал. — Нет, не помню.

— Нет, нет, нет, — Оуэн стиснул голову ладонями, — извините, ошибся! Этот сон вам еще не приснился. Вы увидите его сегодня ночью. Святители небесные, спасите![47] Как же сделать так,

---

[47] Notes: 47

Шекспир У. Трагическая история о Гамлете, принце датском. Перевод Б. Пастернака.

чтобы вы мне поверили?

— Питер, — церемонно произнес доктор Крафт, — присядьте. Вот сюда, на кровать. Да-да, вот так. Теперь взбейте подушки. Устройтесь поудобнее, мой мальчик. Смотрите, я сажусь рядом с вами, и мне тоже вполне удобно. Бедняжка Максль подождет. Нам надо докопаться до сути. Прошу, расскажите мне все, что хотели.

И Оуэн все рассказал.

— Позвольте на них взглянуть, — попросил Крафт, дослушав историю до конца.

Оуэн молча протянул ему часы. Крафт внимательно их осмотрел, поскреб ногтем голубую эмаль — безрезультатно, — потряс, послушал, сверил циферблат с дисплеем электрических часов, взялся за регулировочное колесико и без труда перевел стрелки на десять, потом на девять, потом на восемь, после чего поднял глаза на Оуэна и прошептал:

— Видели? Вы видели?

— Ну конечно видел, — ответил с безграничным терпением Оуэн. — Такое подвластно любому, кроме меня. Однажды — сегодня вечером — я уже доказал вам этот факт. Вы способны их перевести, а я — нет.

— Попробуйте, — настоял Крафт и протянул

ему часы.

— О нет! Не хочу, чтобы стерлось все, что произошло сегодня после десяти часов вечера. Доктор, если вам угодно, отнеситесь к этому как к гипотетической задаче, но прошу, умоляю, дайте мне объяснение! Гипотетическое!

— Гипотетически, — с нестерпимым спокойствием начал Крафт, — вы столкнулись с весьма занимательным парадоксом. Должен признать, что ваш рассказ звучит вполне убедительно — если сделать единственное допущение насчет этих часов. Мне хотелось бы все записать — как пример узкого места темпоральной логики, — но позже, когда я найду Макcля, ведь без него я не смогу должным образом сосредоточиться.

— Попробуйте! — взмолился Оуэн и вытянул руку. — Представьте, что Макcль сидит у меня на ладони. Смотрите на него и думайте. Думайте!

Выцветшие голубые глаза доктора Крафта с интересом уставились на пустое место и сошлись к носу, когда их обладатель сфокусировал взгляд на воображаемом Макcле.

— Допустим, была некая шхуна, полная путешественников во времени, — вконец отчаявшись, подсказал ему Оуэн. — Допустим, они бросили якорь — не в буквальном смысле, а в гипотети-

ческом, в символическом, — и якорь похож на эти самые часы, и все это составляло бы задачу, которую вы пробовали бы решить… Что пришло бы вам в голову?

— Для начала, — забормотал доктор Крафт, не сводя глаз с несуществующего Макcля, — я не вижу у часов ни единого шва. Вы обратили на это внимание? В обычных часах после сборки остается множество щелочек, пазов и просветов, и любому ясно, как именно их собирали. Но эти часы — единое целое. Новая технология, вне всякого сомнения. Какой-то способ отливки, после которого не остается ни стыков, ни сочленений. Однако гипотетически… давайте-ка подумаем.

Часы — интереснейшие артефакты халдейской, древнеегипетской и родственных им математических систем. Часы и компасы. В современном мире эти два предмета представляют собой практически единственные рудиментарные остатки шестидесятеричной системы счисления, основанной на числе «шестьдесят», в отличие от привычной нам десятки и десятичной системы. То есть время и пространство до сих пор измеряются древними методами. Поэтому не так уж абсурдно будет предположить, что путешественники во времени пользуются пространственным

якорем, похожим на часы. Верно, Максль? — Он раздраженно помотал седовласой головой. — Все же это абсурд. И Максля здесь нет.

— Продолжайте, доктор, — настаивал Оуэн, — у вас отлично получается. Если часы играют роль темпорального якоря — что тогда? Тот глоток, который я сделал — или мне показалось, что сделал, — скажите, он наводит вас на какие-нибудь мысли? Это было что-то вроде темпорального лубриканта? Первосортного масла?

— Когда рядом со мною Максль, — сказал Крафт, — когда он помогает сосредоточиться по-настоящему, мое сознание иногда высвобождается из пространственно-временного континуума, будто… будто переориентируется в направлении, коему нет пространственного эквивалента. Будто, если вас устроят такие слова, я перестаю испытывать на себе трение времени. Теперь же, если исходить из гипотезы, что вы неким образом отпили из этих часов глоток лубриканта, — разумеется, это всего лишь гипотеза, причем крайне маловероятная, — можно предположить, что в результате вы оказались настолько связаны с ними, что стоит вам перевести стрелки назад, как вас тут же уносит в прошлое.

— Другими словами, меня утягивает якорь? — с

интересом предположил Оуэн. — Быть может, шхуна также путешествует в прошлое и всякий раз, когда я перевожу часы, ее якорь влечет меня за собой? А как же пассажиры шхуны? Они это замечают?

— Изготовить темпоральный лубрикант, — усмехнулся Крафт, — задача не из легких, мальчик мой.

— Это понятно, но вы же знаете, что такое гидравлическая муфта? Если смешать с маслом миллионы крошечных частиц железа, а потом их намагнитить, масло застынет и останется таким, пока железо не размагнитится. Что, если я выпил некое подобие такого вещества?

— Тогда вы застыли бы в нормальном времени, пока не перевели бы часы назад — то есть размагнитились и позволили якорю увлечь вас за собой. Да, такое можно представить, но не путайте время с пространством. Однако помните, что протяженность времени никак не меньше — а то и больше — протяженности пространства. Какая бы сила ни удерживала нас в нормальном временно́м промежутке, мы должны быть ей признательны. Утратив сцепку со временем, вы подвергаете себя большой опасности. Мы не соскальзываем в прошлое, будущее или на

параллельную временную шкалу лишь благодаря инерции, и это крайне неудобно, поскольку малейшее соприкосновение с любым объектом, путешествующим во времени рядом с вами, способно сбить вас с курса и зашвырнуть куда угодно.

— Объектом? Каким объектом?

— К примеру, столкновение с той шхуной, о которой вы рассказывали. Или с другим путешественником, хотя такое маловероятно. Считайте, что море, по которому плывет шхуна, — это… это паравремя, а оно отличается от обычного времени, которое мы проживаем, вспоминаем и видим во снах. Лишаясь временно́го трения — например, когда вы переводите стрелки часов назад, — но я говорю исключительно гипотетически, мой мальчик, — вы отдаете себя на милость любого случайного путешественника по просторам паравремени, который может столкнуться с вами, после чего вы устремитесь в произвольном направлении и не сможете остановиться, поскольку вам недостанет сцепляющей силы. Поэтому советую остерегаться путешественников во времени.

— Похоже на поведение ракеты в космосе, — пробормотал Оуэн, — хотя это не важно. Но

скажите мне, доктор, почему стрелки переводятся только до десяти вечера? Если у часов двенадцатичасовое ограничение — а это так, судя по нумерации на циферблате, — почему я не могу перевести их на двенадцать часов назад от нынешнего момента?

— Потому что в нынешний момент вы не существуете, мой мальчик, — объяснил Крафт. — Разумеется, чисто гипотетически. На самом деле вы не обманули время, вы остаетесь на своей обычной траектории в паравремени — как планеты остаются на своей, хотя вращаются вокруг собственной оси и по орбитам других небесных тел. На основании имеющихся данных предположу, что вы подчиняетесь непреложным законам: то есть законное время вашего существования — десять часов завтрашнего утра. Тот момент, когда вы перевели часы назад, и они — гипотетически — вернули вас в десять часов сегодняшнего вечера.

Он кивнул на голубые часы в руке у Оуэна.

— Оставаясь в рамках нашей гипотезы, Питер, мы можем сделать массу самых диковинных умозаключений — исходя из особенностей конструкции этих часов. Мы привыкли считать, что любые часы — это набор шестеренок, предна-

значенный для измерения времени, но внутри конкретно этих часов, случись нам их открыть, мы обнаружили бы нечто совершенно иное. В основе пространственно-временного континуума, мой мальчик, лежит некая частота, и тут невозможно не вспомнить об атомных часах с управляющим осциллографом. Вы, несомненно, знаете, что такие часы работают по принципу квантового перехода. Принимая управляющие сигналы, газообразный аммиак генерирует частоту линии поглощения с симметричным выходным импульсом, и погрешность часов составляет что-то около одной стомиллионной доли процента. Такие часы, Питер, показывают время благодаря движению атомов. Ну, вы понимаете — частота! Гипотетически все прекрасно сходится. Часы — именно тот предмет, которым ваши путешественники во времени могли бы воспользоваться в качестве якоря: прибор, настроенный на определенную пространственно-временную частоту, позволяющий оставаться на месте и проводить исследования при отсутствии иной сцепки с настоящим моментом.

— Вам снилось, — проинформировал его Оуэн, — что их внимание привлекли пузырьки, которые поднимались к поверхности океана

из-за ваших экспериментов с тессерактом.

— Несомненно, — покивал Крафт, — несомненно.

— Доктор, так и было! Сегодня ночью вам приснится именно этот сон!

— А если не приснится, я очень удивлюсь. — Крафт тихо рассмеялся. — Ведь мы с вами, Питер, говорим на преинтереснейшие темы. Но творцом этого сна буду не я, а вы!

— Творцами этого сна будут они, путешественники, — упрямо возразил Оуэн и глянул на потолок, словно ожидал увидеть над собой дно пресловутой шхуны. — Полагаю, они явились из будущего?

— Или обитают в самом паравремени, — снисходительно допустил Крафт. — Возможно, они существуют лишь в абсолютном времени, подобно глубоководным созданиям. Я бы предположил, что давление нормального времени расплющит их — так же, как давление воды на дне океана расплющит человека, — с той разницей, что их жизнь уплотнится под действием времени. Станет похожа на жизнь мухи-однодневки. — Он усмехнулся. — Вероятно, мухи-однодневки и есть путешественники во времени, Питер, — существа, чья жизнь сплюснута в один день!

— Что касается меня… Если моя жизнь не уплотнится, — сказал Оуэн, — мне надо преодолеть десятичасовое ограничение и предотвратить кражу. Доктор, я просто обязан это сделать!

— Мальчик мой, это не в ваших силах, — уныло ответил Крафт. — Даже будь ваши голубые часики тем самым якорем от машины времени. На вашем месте я бы попробовал найти им более полезное применение. Например, будучи не в силах предотвратить некое событие, я сделал бы так, чтобы Эдмунд не обнаружил его последствий. Вот оно, мое решение вашей прелюбопытнейшей гипотетической проблемы. — Он неуклюже встал. — Теперь же, мой мальчик, я пойду вниз и заберу Макcля.

— Его там нет.

— Хм… Что ж, посмотрим. Возможно, завтра мы выясним, что эта кража была частью вашего преинтереснейшего сна.

— Но как же кипарис? — разволновался Оуэн. — Это единственное доказательство, что у меня осталось, но вполне убедительное. Вы видели его собственными глазами!

— Да, Питер, я его видел. Примите мои поздравления: вам приснился презанятнейший вещий сон. Но не более того. Вы устали, мальчик мой.

И перевозбудились. Поэтому предлагаю — да-да, вы угадали, — предлагаю вам выпить пиво и лечь спать.

— Я уже устал ложиться спать, — вздохнул измученный безысходностью Питер. — К тому же вдруг я проснусь и увижу, что завтра — это вчера? Вдруг меня поймают путешественники во времени? Поймают и сварят из меня уху?

— Пейте пиво, — невозмутимо повторил Крафт. — И спасибо, что подсказали, где найти Макcля.

— Если его там нет, — вцепился в последнюю соломинку Оуэн, — вы мне поверите? Поверите, если обнаружится, что в библиотеке действительно побывали воры?

— Но, Питер, вы говорите о свершившемся факте. Если он действительно свершился, то раньше десяти вечера. Именно так. И какое отношение он имеет к путешествиям во времени? Если вы скажете, что были внизу и видели разбитое окно, я вам поверю. Но для такого не нужны волшебные часы. Вам следовало уведомить дядю, а вместо этого вы сидели здесь и рассказывали мне эксцентричные истории. Нет-нет, Питер, вы просто перевозбудились. А мне пора. Да-да, мне пора.

Он повернулся к двери.

Оуэн со вздохом взял часы. Не хотелось это делать, но выбора не было. Добрый доктор обнаружит разграбленный шкаф, призовет дядю Эдмунда и полицейских, и Штумм впадет в безграничную ярость.

— Доброй ночи, доктор Крафт, — спокойно произнес Оуэн и перевел стрелки часов.

6. Подчистка прошлого

Позже Питер забрался в постель, придумал несколько планов — таких замысловатых и бессмысленных, что они не поддаются описанию, — и наконец увидел необычный и неприятный сон.

Над чужестранным океаном, чьи волны самым необъяснимым образом походили на минуты (Оуэн сам не знал, как ему в голову взбрело это сравнение), парила летающая тарелка. На ее борту находились трое путешественников во времени: Дрема, Истома и Сон[48]. Всех троих тошнило от качки.

Время от времени они подползали к якорной цепи и предпринимали вялые попытки поднять

---

[48] Notes: 48
Персонажи колыбельной Ю. Филда. Перевод Д. Ермоловича.

якорь, и тогда цепь дергалась и металась из стороны в сторону.

За исключением очевидного факта, что все трое беспрестанно свивались, уподобляясь раковинам брюхоногого моллюска, и развивались, путешественники во времени были в высшей степени неописуемы.

Следующим утром — если его можно было назвать следующим утром — Оуэн проснулся со свежей головой, но и с чувством неотвратимости беды. Ему казалось, что он не человек, а кипарис. Было очень рано. Жиденький серый воздух прибрежной зари, соленый, с ноткой спрыснутого лимонным соком шалфея, произраставшего в недалеких холмах, заполнил спальню.

Оуэн сел и погрузился в думы.

— Беда? — поинтересовался он у самого себя. — Но почему?

И ему явился ответ. Путешественники, терзавшие цепь в попытке поднять якорь… Он схватил голубые часы и сразу же выпустил их из руки, опасаясь, что те в мгновение ока унесут его под потолок и выше, в пределы паравремени.

— На самом деле все это неправда, — заверил он себя. — Их вовсе не тошнило. Всем нам снилась эта троица, и каждый наделил их особенностями,

продиктованными своей собственной психологической деформацией. Волноваться надо о том, что творится с якорем всякий раз, когда я перемещаюсь в прошлое. Но можно ли сказать наверняка, что они не поднимают якорь? Да, эти часы — не подарок. В лучшем случае мне их одолжили и могут забрать в любую минуту.

Так вот откуда чувство нависшей беды. Оуэн может лишиться часов в любой момент. Но так уж вышло, что теперь от них зависит его судьба. Ни одному детективному агентству не под силу распутать чудовищный клубок взаимодействий Оуэна с пьесой «Леди Пантагрюэль», дядей Эдмундом, шефом Иганом и Клэр Бишоп. Даже имея в своем распоряжении часы, Оуэн не знает, как что-либо изменить.

— Ох! — сказал он вдруг и сел еще ровнее.

Ну конечно, он сумеет кое-что изменить. Он сумеет изменить все, что нужно. Главное — не колебаться и думать головой. Да, действовать надо без промедления. Дрема, Истома и Сон могут в любой момент сняться с якоря и отправиться домой, прежде чем Оуэн претворит свой замысел в жизнь.

Ведь доктор Крафт дал подсказку. Путь за пределы десяти вечера Оуэну заказан, но препят-

ствовать взломщикам необязательно: главное, чтобы дядя Эдмунд не обнаружил разрухи в библиотеке до заключения сделки по пьесе «Леди Пантагрюэль»; так Оуэн добьется того же результата и останется в выигрыше.

Питер взволнованно заморгал в сероватом свете раннего утра. Вскоре он спустится к завтраку. Вскоре дядя Эдмунд — если только время не исказилось сильнее предполагаемого — намекнет, что готов принять предложение Клэр. А потом, пока его настроение будет податливее обычного, Оуэн нанесет решающий удар.

Но нельзя, чтобы кто-то узнал о разграбленной библиотеке. Каким-то образом Оуэн должен осадить доктора Крафта, коль скоро тот заподозрит, что оставил Макcля на дядином столе. Надо устроить так, чтобы шеф Иган не показывался в доме — в отличие от Клэр, которая, наоборот, должна здесь показаться!

В халате и шлепанцах, беззвучно, но споро передвигаясь по безмолвному дому, Оуэн отправился вниз, в коридор, к телефону. Он нервничал. Ему казалось, что где-нибудь в паравремени он может столкнуться сам с собой. Он лихорадочно прикидывал, какова вероятность вернуться в спальню и обнаружить, что другой Питер Оуэн

мирно спит в его постели. Однако ему удалось дозвониться до лос-анджелесской квартиры Клэр Бишоп, не допустив при этом никаких оплошностей, достойных упоминания.

Пару бесконечных минут Оуэн слушал длинные гудки, после чего в трубке раздался заспанный и раздраженный голос Клэр:

— Алло. Алло… Питер? Господи, зачем ты разбудил меня в такую рань?

— Милая, возьми себя в руки, — торопливо сказал Оуэн. — Вчерашнего скандала мне вполне хватило, еще одной сцены я не переживу. Сделай глубокий вдох и попробуй не выходить из себя. Хорошо?

Клэр не понимала, как быть — то ли сердиться, то ли радоваться звонку возлюбленного, — и поэтому неуверенно рассмеялась.

— Значит, так. Сейчас же оденься, разбуди своего адвоката и приезжай в Лас-Ондас, — скороговоркой выпалил Оуэн.

— Питер, ты в своем уме?

— Не спорь, милая. Ты не представляешь, что со мной было после того, как ты вчера ушла. Ты получишь права на «Леди Пантагрюэль» — но только если сделаешь все так, как я скажу, и никак иначе!

— «Леди Пантагрюэль»? Ненавижу! — в сердцах заявила Клэр, и перед мысленным взором Оуэна, словно на телеэкране, появилась его избранница, чьи золотистые кудряшки вздыбились, а круглые голубые глаза возмущенно сверкали. — Сниматься в фильме по этой пьесе? Да я скорее провожу твоего несносного дядю Эдмунда в последний путь!

Какое-то время она продолжала в том же духе. Но не вечно. Наконец сказала:

— Что ж, милый, только ради тебя, ведь у тебя такая тонкая душевная организация, даже тоньше моей. Так чего ты от меня хочешь?

— Приезжай, и как можно быстрее. Дядя Эдмунд завтракает в девять. Я устрою так, чтобы в половине десятого он был готов подписать договор купли-продажи, после чего немедленно свяжусь с тобой, и вы с адвокатом сразу явитесь к нам. Если остановишься позавтракать… ну, к примеру, в гостинице «Лас-Ондас», я позвоню тебе в нужный момент.

— Хорошо, милый, так и сделаю.

— И еще раз повторяю: постарайся не выходить из себя!

— Постараюсь. — Пауза, а после нее: — Питер, милый!

— Да, любимая?

— Для тебя есть хорошая новость. Угадай какая? Работа! Должность управляющего «Клэр Бишоп филм компани» — если мы получим права на «Леди Пантагрюэль»!

Оуэн шумно выдохнул в телефонную трубку:

— Как ты это устроила?

— Ну я довольно долго решала этот вопрос. Ты трудился в коммерческой кинокомпании, заработал имя в определенных кругах, да и я рассказывала о тебе буквально всем, кому могла. Вчера вечером заручилась недвусмысленным обещанием главного спонсора. Осталось лишь получить подпись дяди Эдмунда. Что скажешь, милый?

— Ах! — сказал Питер, после чего состоялся недолгий сеанс вербальных поцелуев и объятий.

— Необязательно было так спешить, Питер. — С едкой улыбкой дядя Эдмунд поднял глаза от тарелки. — Овсянка дрянь, но есть ее и смотреть на твою овсяночную физиономию… — Он демонстративно передернулся. — Ладно, садись.

— Доброе утро, дядя. Доброе утро, доктор Крафт. Что насчет почты? Были интересные письма?

— Да, были, — ответил дядя Эдмунд. — Я получил предложение от «Метро». Хотят купить

«Леди Пантагрюэль», предлагают на десять тысяч больше, чем мисс Бишоп. Ясное дело, я намерен… — Тут он дернул рукой, зацепился манжетой за молочник и вывернул его содержимое себе на колени.

От разъяренного возгласа задрожали стекла.

— Ясное дело, я намерен продать пьесу компании «Метро», как только Луис появится у себя в кабинете! — прокричал дядя Эдмунд, после чего подскочил и стал энергично вытирать брюки. — Питер, ты мой секретарь и обязан следить, чтобы вещи не стояли там, где могут причинить мне вред или неудобство. У меня имеются все основания запустить этим молочником в твою дурную голову!

Оуэн спокойно сунул руку в карман и перевел часы…

— …Получил предложение от «Метро». Хотят купить «Леди Пантагрюэль», — безмятежно сказал дядя Эдмунд, зачерпывая ложкой овсянку.

Оуэн перегнулся через стол и аккуратно подвинул молочник. Эдмунд пронзил племянника недовольным взглядом, но не успел ничего сказать, так как заговорил доктор Крафт, до сей поры погруженный в собственные мысли.

— Почти что вспомнил, — произнес он, со-

зерцая ноготь большого пальца. — Погодите минутку… — Он крепко зажмурился. — По-моему, я знаю, где оставил моего бесценного Макcля!

— На пляже! — взорвался Оуэн столь оглушительно, что дядя Эдмунд вздрогнул и едва не перевернул тарелку с овсянкой.

Доктор Крафт широко раскрыл глаза, поморгал и покачал головой:

— Нет, Питер, не угадали. Я оставил его… Погодите, ведь я же почти вспомнил…

— Вчера утром вы гуляли по пляжу, — сказал Оуэн. — Вам надо было подумать, и вы захватили с собою Макcля, помните?

— Да, но я принес его обратно, — пробормотал доктор Крафт. — Нет-нет, я оставил Макcля на… оставил его…

— На пляже, — твердо повторил Оуэн. — Вы не приносили его обратно. Помню, я еще обратил на это внимание. Подумал, что вы положили его в карман. Но вы не могли этого сделать, потому что на вас были одни лишь плавки. Все логично, ведь так?

— Что-что? — переспросил сконфуженный ученый муж. — Карманы? Нет, на моих плавках нет карманов, поэтому Макcль не мог в них оказаться. Но я почти…

— Ну вот и все, — бойко перебил его Оуэн. — Вы сели на берегу, чтобы подумать, и поставили Макcля рядом, чтобы он помог вам сосредоточиться, а когда обдумали все, что собирались, просто забыли про Макcля, он так и сидит на камне. Если только его не смыло прибоем, — хитро добавил Питер.

— Ах, бедняжка мой Макcль! — воскликнул доктор Крафт, ужаленный в самое сердце. Он отодвинул стул и поднялся на ноги. — Питер, Эдмунд, прошу меня простить. Бедняжку Макcля смыло прибоем! Нет, нет, я уже бегу! Макcль! — И он рысью припустил из столовой.

Штумм помрачнел и вернулся к овсянке, демонстративно игнорируя всю эту неразбериху. Оуэн кашлянул.

— Если хочешь привлечь мое внимание, — заметил Штумм, — не забывай, что ты разумное существо, а не безмозглая скотина вроде эрдельтерьера. Собачий лай — не лучший заменитель культурной речи.

Совладав с желанием уточнить у дяди Эдмунда, что ему известно о культурной речи, Оуэн вновь завел тактичный разговор о «Леди Пантагрюэль». Штумм же сказал, что получил более выгодное предложение и не намерен его обсуждать.

— Но в почте были одни счета, — дерзко подметил Оуэн.

— Придержи язык, — скомандовал дядя Эдмунд. — Базовый постулат неуниверсальности… — Тут он слегка оторопел перед значимостью темы, которую намеревался затронуть, передумал, полез во внутренний карман пиджака и достал конверт. — Ты видел не всю почту. Это письмо я распечатал, когда ты еле-еле притащился в столовую. Смотри, что написано. «Метро». — Он убрал конверт, как только к нему потянулся Оуэн. — Без рук. У меня нет ни малейшего желания потворствовать твоим замашкам, в том числе несносному любопытству.

Мысли Оуэна закружились в лихорадочном хороводе.

— Я же вижу, что там не «Метро» написано, — сказал он.

Дядя Эдмунд повернул конверт лицевой стороной к себе, чтобы убедиться в истинности своего утверждения, после чего едко спросил:

— Ты, верно, близорук? На, взгляни.

Оуэн бросился вперед, вырвал конверт из дядиных рук и выхватил из конверта письмо, а С. Эдмунд Штумм, в кои-то веки онемевший, оторопевший и объятый ужасом, сидел без дви-

жения, словно овсянка наложила на него злые чары.

Оуэну хватило одного взгляда на письмо, после чего он бросил бумаги на стол и усмехнулся, глядя на багровеющего Штумма.

— На десять тысяч больше, да? — осведомился он, в то время как дядя Эдмунд ловил ртом воздух. — Тогда почему в письме говорится, что, несмотря на вашу просьбу, студия «Метро» не имеет возможности увеличить сумму предложения шестимесячной давности, которое следует считать окончательным? Вы, дядя Эдмунд, враль.

— Питер Оуэн, — пробасил, задыхаясь, дядя Эдмунд, — тебе известно, что сейчас будет?

— В мельчайших подробностях, — самодовольно ответил Оуэн. Он уже достал голубые часы, произвел некоторые подсчеты, приготовился увернуться от молочника, перевел время на две минуты назад, и…

Все пошло кувырком!

Как во сне, только хуже. У Оуэна закружилась голова, он перестал ориентироваться в пространстве, ему показалось, что его утаскивают в доселе неведомое и нестабильное измерение, хотя он прекрасно понимал, что столовая осталась

прежней — разве что Штумм вел себя в высшей степени неопрятно, засовывал в рот пустую ложку и вынимал ее изо рта, полную овсянки, выкладывал содержимое ложки на тарелку, после чего повторял сей омерзительный процесс.

А доктор Крафт, по всей видимости сдуревший из-за расставания с каменным лягушонком, вбежал в столовую спиной вперед, рухнул на стул и вскоре начал имитировать неряшливые пищевые привычки хозяина дома. После этого оба — и доктор, и Штумм — встали и задом наперед вышли из столовой, и… и…

И все завертелось с головокружительной скоростью. Оуэна тряхнуло так, что едва не вытряхнуло из одежды, и бросило в противоположном направлении, не менее загадочном с точки зрения ориентации в пространственно-временном континууме. Штумм и доктор Крафт снова примчались в комнату, сноровисто расселись за столом и принялись поглощать завтрак с такой скоростью, словно погибали от голода. Затем доктор Крафт вскочил на ноги — сегодня ему не сиделось — и пулей вылетел из комнаты, а С. Эдмунд Штумм приналег на стол, вытащил из кармана конверт и…

Щелк!

Бледный от испуга Оуэн обнаружил, что снова сидит на стуле и смотрит на часы у себя в руке так, словно они превратились в разъяренную кобру. Но часы не производили никаких угрожающих движений. Они всего лишь перемотали время на две минуты назад. Потому что Штумм говорил:

— …Когда ты еле-еле притащился в столовую. Смотри, что написано. «Метро».

Оуэн взглянул на конверт, грустно улыбнулся, опустил глаза на циферблат часов, лежавших у него на коленях, и почувствовал легкий озноб. Якорь? Его поднимают? А как же сон? Что будет дальше? Он машинально вцепился в стул. Ничего не произошло. Наверное, якорь можно поднять лишь в том случае, если он движется во времени…

— Ну? — уксусным голосом осведомился Штумм. — Конечно, если мисс Бишоп готова заплатить ту же цену, что и «Метро»…

— Не готова, — уверенно сказал Оуэн, наконец-то собравшись с духом. — У нее нет такого права. Она предложила максимально возможную сумму, и, если вы откажетесь, ей придется вложить деньги во что-нибудь другое, только и всего. Она не может выплатить средства, не предусмотренные бюджетом ее компании.

Штумм опешил. Повертел письмо в руке с видом игрока в покер, у которого не сложился стрит. Наконец меланхолично сунул конверт в карман, снова взял ложку, и Оуэн поморщился.

— Ну… — проворчал Штумм, — ну… хм…

— Она может заплатить вам наличными, — продолжил Оуэн. — Деньги на бочку, чек с банковской гарантией на всю сумму. Но перебить свое последнее предложение она не способна. Вот, собственно, и все.

— Чек с банковской гарантией, да? — проворчал бессовестный драматург. — Ну ладно. В общем, так: быть может, я и рассмотрю этот вариант. По крайней мере, деньги, если так можно выразиться, останутся в семье, а у меня есть некоторые обязательства перед родней.

— Я позвоню ей. — Оуэн вскочил и метнулся к выходу в коридор, но не успел, так как дверь распахнулась и в столовую, тяжело дыша, ворвался доктор Крафт:

— Грабеж! Я заглянул в окно библиотеки, а там грабеж! Эдмунд, в библиотеке побывали воры, они обокрали вас и стащили моего драгоценного Макcля!

Короче говоря, тут мы уже были.

И все видели. Не видели, пожалуй, только од-

ного: как Питер Оуэн возился с часами в кармане пиджака, собираясь в очередной раз инициировать взрыв, который вымарает эту сцену из времени и пространства. В остальном все происходило так же, как и прежде, последовательными шажками в пределах паравремени — и, несомненно, под заинтересованными взглядами Дремы, Истомы и Сна.

Оуэн почти не обращал внимания ни на Штумма, ни на Крафта. Превозмогая душевные муки, он сосредоточился на том, что совсем недавно с ним стряслось. Одно дело — находиться вне времени и участвовать в жизни, как участвует в спектакле актер, способный в любой момент прервать лицедейство и удалиться за кулисы. Но время перестало вести себя как размеренная сценическая постановка, оно превратилось в ускоренный кинопроектор, и Питеру Оуэну стало страшновато с ним связываться.

Что же тогда произошло? Голова до сих пор кружилась, препятствуя ясности мыслей. После опрометчивого нырка в неизведанный океан времени все еще шел мороз по коже и тряслись поджилки, но безумные предположения о поднимающемся якоре оставались беспочвенной теоретической гипотезой. По крайней мере, Оуэн

на это надеялся. Скорее всего, он сумеет снова перевести часы, не столкнувшись при этом ни с каким противодействием. Но, быть может, лучше переводить стрелки на несколько секунд? И не чаще, чем это необходимо?

А сейчас не было необходимости возвращаться в прошлое. Надо было всего лишь привести сюда Клэр и подписать контракт до появления Игана, которое непременно повлечет за собой взрыв столь же неизбежный в присутствии Штумма, как удар молнии, за коим следует низвержение кипариса в океан. Оуэну было жаль шефа полиции, но он не был способен помочь бедолаге; Игану вообще никто не мог помочь, поскольку отменить библиотечную кражу не было никакой возможности.

В сознание понемногу проникал голос дяди Эдмунда. Штумм — невидимый, но в высшей степени громогласный — стоял у телефона в прихожей и сыпал огненными ремарками в телефонную трубку. Оуэн отвлекся от размышлений и услышал дядино повеление:

— В общем, проследите. И чтобы без волокиты!

Снова закрутился наборный диск.

— Алло, станция? Соедините меня с мэром. Что? Сами найдете. Я вам не справочник. Дайте мне

мэра, ясно? Это вопрос жизни и смерти.

— Позвольте, я этим займусь, — с надеждой сказал Оуэн, направляясь к двери с намерением воспрепятствовать правосудию, причем из самых благих побуждений.

— Вот еще! — фыркнул Штумм. — Я сам этим займусь, и с превеликим удовольствием. Алло? Джеймс? Это С. Эдмунд Штумм. Я только что вызвал полицию к себе домой. Да! Говорю же, да! И я требую, чтобы вы уволили шефа полиции, который на самом деле не шеф, а некомпетентный очковтиратель!

После этого он почти слово в слово пересказал свою прежнюю тираду, в то время как Оуэн неловко поеживался. Когда злорадствующий и самодовольный Штумм наконец повесил трубку, Оуэн сказал:

— Мне… гм… позвонить мисс Бишоп?

— Почему бы и нет, — ответил Штумм, к некоторому удивлению племянника, после чего по-компанейски взял доктора Крафта под локоток и сказал, не обращая внимания на его негромкие сетования по поводу Макcля: — Пойдемте, доктор. Завтрак стынет.

Оуэн глубоко вздохнул и позвонил в гостиницу «Лас-Ондас».

— То есть это правда? Он наконец готов расстаться с «Леди Пантагрюэль»? — Голос Клэр звучал пискляво, словно расстроенная скрипка. Заспанности не было и в помине; ее сменило волнение. — Питер, милый, ты просто чудо!

— Ты тоже чудо, — сообщил ей влюбленный Питер, без особенного интереса наблюдая, как дядя появился из столовой с чашкой кофе в руке, после чего исчез в разграбленной библиотеке и закрыл за собой дверь. — Тебе надо поторопиться, любимая, — тихо сказал Оуэн в трубку. — Адвокат с тобой?

— Все великолепно, мы уже едем. Будем на месте через пять минут, милый. Я от тебя без ума.

Оуэн повесил трубку, из которой еще доносились романтические воздыхания, и стоял, погрузившись в розовые мечты и не сводя глаз с телефона, пока его не привел в чувство резкий звук в другом конце коридора. Ожил дверной звонок, и в его трелях не было ни намека на романтику.

Оуэн со стоном пошел открывать дверь. Вне всякого сомнения, явился Иган.

Но не успел Питер сделать и пары шагов, как у двери возникла фигура доктора Крафта. Убитый горем ученый старец, по всей видимости, сидел

в засаде. Внушительный розовый анфас шефа полиции замаячил над седовласой Крафтовой головой.

— Сюда, сюда, — суетился доктор.

— Погодите! — выкрикнул Оуэн, но напрасно: Иган уже пытался войти в библиотеку.

Он налег массивным плечом на дверь, и предупреждающий возглас затерялся в треске разбухшего дерева. Дверь распахнулась, послышался глухой шлепок, а за ним — вой, полный исступленной ярости берсерка.

7. Поднять якоря!

Оуэн с ужасом понял: как ни крути, а часы снова надо переводить.

Стараясь исключить любой необязательный риск, он быстро-быстро подвинул длинную стрелку на скромные две минуты назад. Словно по волшебству прихожая опустела; гневный вопль растаял в воздухе. Оуэн, предельно озабоченный, а посему неспособный должным образом порадоваться, что на этот раз его не проволокло сквозь время, уронил часы обратно в карман. Его волновало лишь одно: как бы оказаться у двери прежде, чем ее откроет Крафт.

Раздался громкий звонок.

— Входите, входите, — сказал Оуэн, распахивая дверь. — Да-да, здравствуйте, Иган. Стойте, где стоите! Замрите и даже не моргайте. А теперь ждите.

— Но, Питер! — Встревоженный доктор Крафт топтался у него за спиной. — Этого джентльмена ожидает ваш дядя!

— Знаю, доктор. Просто потерпите. Позвольте мне все уладить.

Доктор Крафт пожал плечами и уставился в ту же точку, куда внимательно смотрел Оуэн. Все трое простояли около сорока секунд, ощупывая дверь библиотеки выжидающим взглядом. За ней раздались шаги, скрежетнула ручка, дверь протестующе заскрипела в набухшей дверной коробке и наконец распахнулась, после чего из библиотеки вывалился С. Эдмунд Штумм. Он бросил сердитый взгляд на собравшуюся в коридоре братию и удалился, сжимая в руке блокнот.

— Теперь путь свободен, — с облегчением сказал Оуэн. — Вперед! Но будьте осторожны, Иган. Умоляю, будьте осторожны! И аккуратнее с лампой.

С любопытством поглядывая на своего проводника, шеф полиции проследовал за ним по

коридору. Оуэн нервничал все сильнее, и к тому моменту, как оба достигли цели — уничтоженного шкафа, — Иган уже начал бросать на спутника долгие задумчивые взгляды.

— Расскажите мне, Пит, что здесь случилось, — попросил он, осматривая разруху и рассеянно потирая подбородок.

Оуэн собрался было ответить (хотя уже изрядно устал от декламаций), но тут же сбился с мысли, услышав, как из коридора доносится тоненький прерывистый писк.

— Ох, черт возьми! — возгласил он. — Простите! — И выбежал из комнаты.

Писк исходил из висевшей на шнуре телефонной трубки. Оуэн подхватил ее и закричал:

— Алло? Алло?

— Питер! — Голос в трубке принадлежал Клэр, и она сердилась. — У тебя все нормально?

— Ну да. А что случилось?

— Это ты мне скажи, что случилось! Ни свет ни заря выдернул меня из постели, заставил притащиться в Лас-Ондас, а когда наконец удостоил звонком, то просто сказал «это Питер» и пропал, как будто так и надо! Такой грубости я не потерплю! Питер, ты… В общем, я вешаю трубку, чтобы не наговорить лишнего!

Так она и сделала.

— Ох! — с чувством произнес Оуэн, когда осознал, что произошло.

Он перевел стрелки назад, чтобы воспрепятствовать нападению Игана на дядю Эдмунда, и тем самым стер почти весь разговор с Клэр. Разумеется, она так и не узнала, что ей пора со всех ног бежать к драматургу.

В некотором смущении Оуэн набрал номер гостиницы «Лас-Ондас». Зазвучали размеренные гудки, и в тот же миг где-то за спиной С. Эдмунд Штумм принялся кричать что-то трудноразличимое, то и дело вставляя в свою тираду имя шефа полиции.

— Я руки на себя наложу! — в сердцах пригрозил Оуэн невесть кому и полез в карман, из-за расстройства забыв о потенциальной угрозе, таившейся в часах, которые были еще и якорем.

Быстренько прикинув длину отрезка времени, он перевел минутную стрелку.

В доме стало тихо. Телефонная трубка находилась там, где положено: на рычаге в стенной нише. Отдышавшись, Оуэн снова схватил ее и продиктовал телефонистке номер гостиницы. Когда Клэр наконец подошла к телефону, Оуэн уже придумал, что сказать.

— Клэр! — выкрикнул он. — Я безумно тебя люблю. Главное — не бросай трубку, как в прошлый раз! Умоляю, подожди! Возможно, мне придется отвлечься на кое-что жизненно важное, прежде чем я договорю, но ты дождись меня!

— Питер, это ты? — спросила Клэр. — Ну конечно я тебя дождусь. Что случилось, милый?

Оуэн снова повторил, что ей надо как можно скорее явиться в резиденцию Штумма. По-быстрому попрощался, сломя голову рванул к входной двери и оказался рядом с ней ровно в тот момент, когда в очередной раз прозвенел звонок.

Но теперь Оуэн оставался совершенно индифферентен, и у Игана сложилось впечатление, что взлом библиотеки в этом доме — самое заурядное явление, не вызывающее у жильцов никаких эмоций, кроме неодолимой скуки. Питер без приключений отвел Игана в библиотеку, а дядю Эдмунда выпроводил в патио, усадил в удобное кресло под зонтиком и оставил наедине с блокнотом, стараясь не думать о тех благополучно выкушенных им сочленениях временной цепочки, где Иганы ссорились со Штуммами. Когда в дверь снова позвонили (в тот момент Оуэн находился с Иганом в библиотеке), он сумел лишь застыть на месте, не сводя озадаченных глаз с

шефа полиции, стиравшего со шкафа дактилоскопический порошок, и пытаясь понять, как Иган может одновременно быть в библиотеке и у входной двери и что произойдет, когда оба эти Игана встретятся.

Приложив значительные усилия, он собрался с духом и вспомнил, что не отматывал время назад и что в дверь звонит не Иган, а какие-то другие люди, после чего открыл ее и узрел пришествие Клэр с адвокатом.

Читатель, вне всякого сомнения, видел последний фильм с участием Клэр Бишоп, а посему нет никакой необходимости описывать ее внешность. Тогда, как и теперь, у нее были ангельские кудряшки, а бедра все так же беспечно покачивались при ходьбе. Адвокат же, судя по его виду, сумел перекинуть мостик через пропасть между человеком и юридическим сервомеханизмом, вследствие чего превратился в совершенно бескровное и бесцветное создание, чьи уста отныне предназначались лишь для изрекания суждений с интервалами, заданными дифференциальным анализатором в его черепной коробке. По сравнению с ним Клэр лучилась такой душевной теплотой, что Оуэн едва не сварился заживо.

Чувствуя, что сердце вот-вот выпрыгнет из

груди, и сжимая в кармане часы, Оуэн расставил по местам персонажей своей личной драмы: выселил Игана с подручными на террасу, чтобы те поискали там следы злоумышленников, и с величайшей осторожностью переместил дядю Эдмунда в библиотеку, после чего заботливо усадил его за стол, а потом расположил в должном порядке покупательницу пьесы и гаранта законности намечавшейся сделки. Поглядывая то на Клэр, то на ее юридического робота, то на дядю Эдмунда, Оуэн не мог отделаться от мысли, что оказался между молотом и наковальней, причем в роли последней выступал незыблемый в тикающей тишине адвокат, чьи фотоэлектрические глаза сканировали комнату, а мозг обсчитывал полученные данные и мгновенно трансформировал их в кривую некоего загадочного графика.

Должно быть, демонически профессиональный вид этого субъекта нагнал страху на дядю Эдмунда, ибо на столе в кратчайшее время появился развернутый контракт и врожденная Штуммова склонность к прокрастинации пустилась в бегство перед лицом механической расторопности юрисконсульта мисс Бишоп. У Оуэна сложилось странное впечатление, что адвокат напечатал сей документ прямо у него на глазах с помощью

секретной фотолитографической технологии — хотя это, конечно же, не соответствовало действительности, — и он обменялся телячьим взглядом с Клэр, словно празднуя триумф человека над механизмом.

— Что ж, — заявил дядя Эдмунд, вынужденный говорить начистоту, — наверное… О-хо-хо… — Он взял ручку, снял с ее кончика несуществующую нитку, бросил взгляд на Клэр и противным голосом добавил: — Вообще-то, в роли леди Пантагрюэль я представлял даму гораздо выше ростом.

Клэр набрала полную грудь воздуха. Оуэн больно сжал ей руку, и девушка выдохнула, не сказав ни слова.

— И мне, конечно же, поступали предложения получше вашего, — не удержался от привираний дядя Эдмунд.

Адвокат сверился со своим хронометром, показывающим время с точностью до секунды. Дядя Эдмунд нервно проследил за его взглядом и поставил кончик ручки на пунктирную линию. Изобразил чванливо крупную букву «С»…

И тут зазвонил стоявший на столе телефон.

— Я возьму, я отвечу! — заблеял Оуэн и бросился вперед. — Не отвлекайтесь, дядя Эдмунд, просто

подписывайте бумаги. Да-да, алло?

Адвокат с легким интересом смотрел на телефон, словно в молодости выполнял функции коммутатора.

На другом конце линии творилась какая-то неразбериха. Заунывный голос повторял, что звонят из Лос-Анджелеса, но его перекрывал другой голос, более тяжелый, басовитый, требующий позвать к аппарату шефа Игана.

— Это Игану звонят, — сообщил Оуэн застывшему в ожидании дяде.

Тот смотрел на племянника ледяными глазами, подняв брови и разъединив ручку с пунктирной линией. Оуэн шагнул к разбитому портфенетру, попытался унять сердцебиение и позвал шефа полиции. С террасы отозвались, и вскоре в библиотеку явился неуклюжий Иган, но Оуэн успел перенаправить его к двери, ведущей в коридор.

— Поговорите по параллельному, — сказал он, проглатывая звуки. — В смысле, по телефону. Вам звонок. Вон туда, вон туда.

И с замирающим сердцем увидел, что дядя прижимает ладонь ко лбу.

— Ну? — спросила Клэр, и вопрос прозвучал едва ли не язвительнее, чем лучшие ремарки Штумма, но адвокат осадил ее взглядом, и про-

должать она не стала.

— Нервы, — слабо произнес Штумм и допустил оплошность, заглянув в ледяные судейские глаза юрисконсульта. Трус, как и все забияки, он снова поднял ручку и обвел взглядом лица присутствующих, пытаясь найти повод для прибыльной отсрочки, но Клэр неплохо усвоила урок, она сидела с таким видом, словно никогда не слыхала о Шостаковиче. Дядя Эдмунд начал выводить на контракте букву «Э», и Оуэн задержал дыхание. В наступившей тишине ручка оглушительно скрипела по бумаге.

— Ах ты трусливая, брехливая, грязная крыса!

Невероятно, но факт: эти слова, громом раскатившиеся по библиотеке, выкрикнул шеф Иган. Ручка, выпав из обессилевших пальцев дяди Эдмунда, стукнула о стол. Заскрипели стулья: все присутствующие недоверчиво обернулись к открытой двери, где высилась, блокируя выход, огромная фигура в синей форме шефа полиции. Чтобы исключить любые вопросы насчет адресата этих слов, Иган выставил вперед могучую руку, указывая на дядю Эдмунда, побагровел пуще прежнего и прорычал:

— Ты, сволочь пронырливая! Подстроил так, чтобы меня уволили? Бесчестный негодяй!

— О нет, нет, только не сейчас! — Оуэн с жалобным стоном вскочил со стула и в растерянности бросился к Игану. — Погодите!

Но взывать к шефу полиции было бесполезно. Он отодвинул Питера в сторону и направился к столу, по пути закатывая рукав с устрашающим намерением обеспечить свободу действий своему розовому кулачищу.

— Долгие месяцы я ждал этого момента, — объявил он, надвигаясь на потрясенного Штумма, утратившего дар речи. — Пока служил, не имел возможности это сделать, но теперь я гражданское лицо и отведу душу, чего бы мне это ни стоило!

Расшвыривая стулья, он продвигался вперед, словно сам Джаггернаут. Обогнул угол стола и с громким шлепком человеческого кулака о человеческое же туловище опрокинул С. Эдварда Штумма на пол.

Клэр непроизвольно захлопала в ладоши. Юрисконсульт не шевельнулся. Он анализировал происходящее с исключительной отстраненностью. Оуэн, напрасно пытаясь утихомирить дрожащие пальцы, стиснул голубые эмалированные часы. Время пошло вспять…

Но на этот раз все было еще хуже, чем прежде.

Оуэн утратил опору под ногами и с ужасом понял, что, подхваченный гигантским маятником, теряет ориентацию в пространстве. Из последних сил он уселся на стул и обвил его руками, пытаясь заякориться, словно брюхоногий моллюск, но стул превратился в туман и Оуэна швырнуло сквозь время. Он успел заметить исчезающего дядю: старик, не имея возможности отплатить Игану той же монетой, скорчил дьявольскую гримасу и разорвал контракт надвое.

Затем маятник качнулся в полную силу, день сменился ночью, Оуэн услышал раскат грома и увидел, как библиотеку озарила стробоскопическая вспышка молнии. Его закинуло дальше, чем в тот раз: в прошлую ночь. А потом унесло вперед.

Щелк!

Он простерся перед дядиным столом — так падают ниц пред королевским троном молящие о помиловании. Сверху на него смотрели Клэр и ее юрисконсульт, а со столешницы доносилось царапанье ручки о бумагу. Вдруг оно прекратилось, и Штумм сердито спросил:

— Господи, Питер, что с тобой?

Зазвонил телефон.

Оуэн подскочил, словно им выстрелили из ка-

тапульты, и выхватил телефонную трубку из-под опускавшейся дядиной руки. Штумм в ужасе отпрянул и воскликнул:

— Не делай этого!

Но Оуэн пропустил требование мимо ушей, поскольку вслушивался в недолгие препирания между телефонисткой и мэром. Как и в прошлый раз, мэр одержал победу в споре и попросил позвать Игана.

— Он только что вышел, — зачастил Оуэн, — и его уже не догнать. Попробуйте позвонить в полицейское управление. Сюда он не вернется. Никогда. Здесь его искать бессмысленно.

Он судорожно положил трубку на рычаг. Заметил, что все еще держит в руке часы, сунул их в карман, оглядел изумленные лица и изобразил нечто отдаленно похожее на улыбку. Клэр пребывала в расстроенных чувствах. Адвокат, собрав очередные данные, проводил в уме краткую проверку на логичность, а Штумм надулся как индюк.

— Номером ошиблись, — еле слышно выговорил Оуэн.

Штумм наградил его пристальным свирепым взглядом, после чего поднял ручку, подписал контракт…

…и Оуэн наконец-то смог перевести дух. Штумм взглянул на него свирепее прежнего, бросил ручку и подтолкнул документ к краю стола. Юрисконсульт чопорно встал:

— Теперь свидетели.

— Для договора купли-продажи? — удивился Штумм. — Разве это необходимо?

— В данном случае желательно, — произнес юрисконсульт тоном, не терпящим возражений.

— Хорошо, я засвидетельствую, — сказал Оуэн. — Где расписаться?

— Нет, не вы. — Адвокат пригвоздил его к месту ледяным взглядом. — Вы кровный родственник, а свидетель должен быть беспристрастен.

Оуэн прекрасно понял, какой смысл кроется в этих словах: свидетель должен находиться в здравом уме. Но он так вымотался, что решил не обижаться на прозрачный намек.

* * *

В сей непредвиденный момент на террасе был замечен доктор Крафт, семенивший к дверям.

— Шеф Иган! — позвал он типичным для него мягким, но взволнованным голосом. — Шеф Иган, не видно ли следов моего малютки Макcля?

— Доктор Крафт! — завопил Оуэн, после че-

го, шокированный громкостью собственного крика, подошел к разбитой раме и сказал уже тише: — Доктор Крафт, можно вас на секунду? Нам нужен свидетель, чтобы заверить подпись дяди Эдмунда.

— Два свидетеля, — поправил его адвокат.

— Ах да, конечно, — просиял доктор Крафт. — С превеликим удовольствием. Дорогой мой шеф, не согласитесь ли вы быть свидетелем второй стороны? Идите сюда!

Оуэн тяжело сглотнул и отступил в сторону, чтобы впустить в библиотеку новых действующих лиц. В конце концов, контракт подписан, худшее уже позади. Но он держал руку на часах, горячо молил всех богов избавить его от необходимости снова переводить стрелки и смотрел, как доктор Крафт проставляет на контракте свой в высшей степени узнаваемый автограф.

Иган, по обыкновению, ненадолго застопорил процесс: ему требовалось знать, на каком документе он ставит свое имя. Порозовевший, но непреклонный, он отнес контракт к окну и углубился в чтение. Оуэн крепко сжимал часы, не спускал глаз с шефа полиции и напряженно вслушивался в ожидании фатального телефонного звонка.

Наконец зануда Иган удовлетворенно кивнул, разгладил контракт на подоконнике и старательно нацарапал на нем свою подпись. Он почти закончил, когда телефон разразился яростным звоном.

— Я сам! — Дядя Эдмунд пресек поползновения Оуэна ловким движением руки. — Алло? Алло? Ну да, естественно, это С. Эдмунд Штумм. А кого вы ожидали услышать? Я… О, «Метро»! — И его голос сделался сладким как сироп.

Все присутствующие впали в безмолвный транс. В тишине зажужжал голос из трубки, — наверное, так говорил бы шмель, наделенный человеческой речью.

— Мне велено сообщить вам, мистер Штумм, — сказал шмель, — что мы пересмотрели свою позицию в отношении «Леди Пантагрюэль». Руководство только что заключило договор с Джессикой Тэнди, и мы желаем, чтобы первую контрактную роль она исполнила в фильме по вашей пьесе. Мы готовы заплатить дополнительно десять тысяч, если пьеса еще продается.

— Ну конечно же продается! — радостно вскричал дядя Эдмунд. — Я… я перезвоню вам через пять минут, спасибо и не прощаюсь!

Еще не положив трубку, он вскочил со стула

и шагнул к Игану, намереваясь забрать у него контракт.

— Отдайте контракт! — потребовал он. — Иган, слышите? Давайте его сюда, немедленно, пока я не приказал вас уволить!

— Иган, нет! — исступленно крикнул Оуэн и метнулся вперед. — Не отдавайте! Он подписал! С этого момента пьеса принадлежит Клэр!

— Докажи! — взвился дядя Эдмунд. — Я подам на тебя во все мыслимые суды по всей стране! Ты знал, что «Метро» согласится на мои требования, и твои вороватые друзья тоже об этом знали! Теперь понятно, почему ты так торопился меня обдурить!

— Что? Ах ты, тщеславная старая жаба! — воскликнула Клэр, едва не задохнувшись от гнева.

— Клэр! — Оуэн заметался по библиотеке. — Иган, умоляю! Дядя Эдмунд!

— Иган! — сказал приказным тоном дядя Эдмунд. — Не забывайте, кто я. Давайте сюда мое имущество, или я сделаю так, что к вечеру вы останетесь без работы!

— Ох, ну и враль! — лепетал Оуэн. — Иган, он уже добился вашего увольнения. Ну же, рассердитесь на него, озверейте! Разве не помните, как мэр только что отправил вас в отставку? Да, я

знаю, что этого еще не случилось, — вернее, это случилось, но вы пока не в курсе! Иган!

Но Иган, встревоженно поглядывая на Оуэна, повел себя самым предсказуемым образом: вложил контракт в протянутую ладонь Штумма.

Оуэн со стоном достал из кармана часы, перевел стрелки на пять минут назад и почувствовал, как сердце уходит в пятки, ибо в душе у него зародилось смутное подозрение, что на сей раз путь окажется совсем неблизким.

И он был совершенно прав.

8. Управляемый снаряд

К его вопиющему ужасу, мир содрогнулся и рассыпался на части!

Оуэна скрутило так, что он едва не растерял все зубы. Мертвой хваткой сжимая часы, Питер с головокружительной скоростью уносился в неведомые измерения, вращаясь вокруг собственной оси. Якорь поднимали пренеприятнейшими рывками, а на конце цепи раскачивался Оуэн — словно маятник, рассекающий время.

Загромыхала вчерашняя буря. Рассеянная в пространстве и времени молния озарила библиотеку тусклой серой вспышкой, и за окном Оуэн

разглядел торжествующий кипарис, восставший из водной могилы и укоренившийся на прежнем месте. Очередной рывок. Оуэн стал подниматься в неизвестном направлении, и маятник времени закачался с амплитудой, далеко выходящей за рамки наложенных часами ограничений. Вконец обезумевший Питер увидел добродушного слюнявого младенца — должно быть, самого себя в ранней юности, — после чего ему явился немолодой бородатый джентльмен (Оуэн смутно помнил, что это его дед), а потом — группа индейцев с суровыми лицами, возводивших террасу под сенью молодого и гибкого кипариса. На мгновение маятник завис в крайней точке; мир сделался реальным и вновь обрел цельные очертания, но не успел беспомощный Оуэн собраться с мыслями, как маятник, увлекая его за собой, пошел в обратную сторону, на сей раз быстрее, и вот он, тот самый миг, когда Клэр, ее адвокат, Иган, доктор Крафт, Штумм и Оуэн стоят вокруг стола…

Но маятник не остановился!

Мимо проносились размытые лица и бессвязные события. Оуэну показалось, что он видит самого себя с седой бородой, рядом — пожилую, но по-прежнему милую Клэр, а вокруг них обоих

— выводок любвеобильных внуков. Очередная пауза, новый рывок, и лица исчезли.

Оуэн не сомневался, что его вытягивают вместе с якорем, словно глубоководную рыбу, и как только он окажется на поверхности нормального времени, его разорвет в клочья и разметает по нескольким столетиям. В отчаянии он хотел было выпустить из руки злополучные часы, но не решился, ведь по инерции его, смазанного тем проклятым глотком темпоральной жидкости, может забросить куда угодно и он будет скользить по руслу времени, пока не окажется… Где? Вернее, когда?

— Нет, нет, — тараторил он под нос, — нельзя, чтобы меня разбрызгало по всему континууму, оно того не стоит, ничто на свете того не стоит!

Его снова дернуло, и движение прекратилось.

А потом началось опять. Время стало константой, пространство — переменной, и Оуэн вновь лицезрел подписание контракта, самопожертвование кипариса и начало бури.

Теперь маятник качнулся не так далеко. Якорь поднимался, и дуга его амплитуды укорачивалась. Оуэн застыл в розовом свете вчерашнего заката, после чего вновь соскользнул в неизбежное повторение вчерашнего вечера.

Он зажмурился, отказываясь смотреть на то, как кипарис в очередной раз встречает неумолимую судьбу, а когда открыл глаза, увидел картину, от которой перехватило дух, — картину, которая обеспечит ему победу в противостоянии с дядей (при условии, что Оуэн когда-нибудь остановится и сумеет реализовать свое новообретенное преимущество).

Его взору явилось начало вчерашнего вечера, ужатые образы стремительно сменяли друг друга, и Оуэн увидел закрытый портфенетр, а за ним — мефистофельски хитрую физиономию дяди Эдмунда: тот сжимал в кулаке кирпич и косился на небо. Громыхнул гром, и в унисон с ним громыхнул о стекло кирпич, и осколки посыпались на ковер.

Ничего не понимая, Оуэн смотрел, как злодей проник в библиотеку и, лихорадочно орудуя облаченными в перчатки руками, опустошил шкафчик с коллекцией неказистых, но ценных золотых монет. После этого дядя молнией метнулся к другой стене, распахнул дверцу сейфа и сгрузил в него добычу со скоростью, превосходящей скорость света. В последний момент он обвел глазами библиотеку, встретился взглядом с сидевшим на столешнице зеленым лягушонком,

сцапал его, сунул к монетам и захлопнул дверцу сейфа.

Теперь все стало ясно — хотя слишком поздно. Библиотеку выпотрошил сам С. Эдмунд Штумм. Лишенный нравственных принципов, одним прицельным выстрелом он укокошил множество зайцев. В хозяйстве накопились неоплаченные счета. Монеты, разумеется, были застрахованы. Дядя Эдмунд, по всей вероятности, решил, что после недавнего расхождения во взглядах на творчество Шостаковича Клэр ни при каких условиях не станет приобретать права на «Леди Пантагрюэль».

Поэтому он совершил самоограбление, которое не только обогатит его, но и позволит свести счеты с шефом Иганом, а также вывести из игры Максля, чтобы доктор Крафт не тратил время на эксперименты, а помогал Штумму с новой пьесой.

Шокированный, но не удивленный, Оуэн покачал головой и тотчас понял, что мирские дела волнуют его меньше всего, ибо тошнотворные рывки возобновились и якорь продолжил подниматься. Скоро, уже совсем скоро Оуэн вынырнет на поверхность, цепляясь за якорь, словно рыба-прилипала, и окажется в паравремени, где его

разметает по всему пространственно-временному континууму.

Скользя сквозь время, Питер мельком видел, как они с доктором Крафтом совещаются над неизбывным бокалом пива, и в ушах эхом отозвались негромкие слова престарелого ученого мужа: действие и противодействие, универсальные законы физики, скорость объекта в отдельно взятом мгновении — и результат столкновения с другим путешественником во времени. А что, если Оуэн с кем-нибудь столкнется? Не исключено, что инерция хотя бы прервет бесконечное движение маятника, а другой путешественник, пожалуй, единственный объект, с которым можно повстречаться в паравремени.

— Стоп! — вдруг скомандовал себе Оуэн (и, разумеется, не остановился).

Другой объект? Ну конечно же, он существует: вот они, часы! Они на пару с Оуэном гладко скользят из одного конца времени в другой, лишенные сцепки с настоящим моментом.

Что произойдет, если выбросить часы? В голове всколыхнулись смутные воспоминания о принципе ответной реакции. В открытом космосе человек способен сдвинуться с места, отшвырнув любой предмет в пустоту.

Оуэн отвел руку для броска — и остановился, потому что в голову ему пришла новая мысль. В конце концов, он племянник С. Эдмунда Штумма и может убить одним выстрелом двух зайцев — так же, как это сделал дядя. Питеру явился ослепительно прекрасный план.

И он должен сработать — при условии, что в предположениях Крафта имеется здравое зерно. Любимые тессеракты доктора, которые тот пытался вместить в трехмерные кубы, вливая в них энергию, преломленную через призму времени… На практике, в трехмерном мире у него ничего не вышло, но это не значит, что идея нереализуема, раз уж в ее основе лежит здравая гипотеза. Если объект, в действительности движущийся сквозь время, — например, как эти часы, — столкнется с твердым кубом (например, с библиотечным сейфом), у такого происшествия может быть самый неожиданный результат.

Набравшись терпения, Оуэн ожидал статического момента в конце каждого движения маятника, а его движения становились все короче. На мгновение он задержался в тягучем центре столовой, где Штумм и доктор Крафт с неутолимым аппетитом поглощали свой тысячный с чем-то завтрак; Оуэна уже тошнило от одного

вида овсянки. Столовая унеслась прочь, когда он шагнул сквозь время и замедлился, приближаясь к подрагивающей, но живописной сцене в библиотеке, где Штумм стоял, требовательно протянув руку, а Иган нерешительно возвращал ему контракт.

Время встало на паузу. Оуэн собрался с силами и, как только почувствовал, что его утягивает обратно, что было мочи запустил часы в стену. Пролетев мимо Штуммовой головы, они угодили в сейф — с ошеломляющим, но предельно логичным результатом.

Каучуковый мячик, ударившись о плывущую по воде коробку, слегка изменит траекторию ее движения, а сам отскочит в сторону, потому что весит меньше, чем коробка. Но коробка все же сдвинется — в полном соответствии с законами пространственной физики.

Часы же перемещались и во времени, и в пространстве. Физической их массы было, разумеется, недостаточно, чтобы сдвинуть сейф хотя бы на волосок — в пространстве. Но у времени свои законы. Несколько миллиметров в пространстве не заметишь невооруженным глазом, но несколько минут или даже секунд во времени — совсем другое дело.

Короче говоря, произошло следующее. Отскочив от сейфа, часы устремились в бесконечность под углом, недоступным разуму смертного, и выпали из пространства, видимого человеческим глазом, а сам сейф превратился в тессеракт: подпрыгнул, сдвинулся и пошел складками, словно аккордеон. Невозможно сказать, на что он стал похож, поскольку в человеческом языке не существует слов, описывающих движение тессеракта в его родном измерении. Но поименовать результат этого движения оказалось нетрудно, поскольку он превосходно укладывался в значение слова «прозрачность».

Щелк! Хрусть!

— Безнравственно, просто безнравственно, — пробормотал юрисконсульт, когда Иган передал бумаги Штумму.

— Иган! — взвизгнул Оуэн, тяжело падая на пол и не до конца понимая, что вернулся в реальность. — Иган, стойте! Смотрите! — И он, оттопырив палец, указал на сейф.

— Вот это да! — Иган в изумлении попятился и опустил руку с контрактом. — Штумм, гляньте-ка! Что это?!

Штумм, едва не выхвативший бумаги у Игана, среагировал на его тон и обернулся, ожидая уви-

деть за спиной нечто ужасное.

Теперь все взгляды были прикованы к сейфу. На мгновение в библиотеке воцарилась гробовая тишина, а чуть позже ее разорвал душераздирающий крик:

— Максль!

Доктор Крафт бросился к развороченному темпоральным взрывом сейфу, и его вытянутые руки прошли сквозь стальные стенки, словно те были сделаны из воздуха. Как это ни парадоксально, доктор далеко не сразу понял, что в первый и последний раз лицезрел кульминацию дела всей своей жизни, ибо его внимание было приковано к широкой ухмылке зеленого Максля и его волновало лишь воссоединение с дражайшим лягушонком.

Совсем иначе все это выглядело в глазах шефа Игана, потому что Максль сидел на приличной груде золотых кругляшей, стиснутых в прямоугольник невидимыми стенками сейфа.

— Это коллекция монет, — задумчиво сказал Иган, — но, если мне не изменяет память, вы сообщили, что эти монеты украдены. — С каменеющим лицом он медленно повернулся к С. Эдмунду Штумму. — Хм. По-моему, я все понял. Да-да, я все понял!

— Чушь! — взбесился Штумм. — Нелепица! Понятия не имею, как… как… — Его голос стих, а физиономия превратилась в картину маслом, посвященную виноватому смятению и крушению надежд.

— Что происходит? — осведомилась Клэр, повысив голос до неразборчивого писка. — Вы только посмотрите на сейф! У меня от него голова кружится. Похоже, я… вот-вот упаду в обморок!

— Ничего страшного, милая. — Оуэн ласково обнял ее. — Просто не смотри туда. Вполне естественно, что у тебя закружилась голова, но через пару минут сейф станет таким же, как прежде. Интересно почему? Темпоральная память металла? Или он просто догонит себя во времени?

Никто не обратил внимания на эту сумбурную речь, ведь все глаза следили за тем, как медленно сгущаются стенки металлического куба, — все, за исключением фотоэлектрических линз юрисконсульта. Хорошенько откашлявшись, тот шагнул вперед:

— Шеф Иган, вы не могли бы передать мне контракт?

— Контракт! — вскричал Штумм, призванный к жизни этим магическим словом. — Он мой! Иган, требую вернуть его мне!

— Какой контракт? — Иган завел руку с бумагами за спину, медленно повернул массивную голову к Штумму, встал спиной к Оуэну, и листы многозначительно вздрогнули, точно хвост трясогузки-альбиноса.

Пальцы Оуэна сомкнулись на документе. Иган разжал руку и тайком показал Оуэну оттопыренный большой палец: дескать, все в порядке. Адвокат, по всей видимости не заметивший этой побочной сцены, вложил чек с банковской гарантией в вялую ладонь Штумма.

— Ах да, контракт, — произнес Оуэн поверх ароматных соломенных кудряшек, что прижимались к его щеке. — Он у меня, дядя Эдмунд. Заключен, подписан и заверен свидетелями. Теперь нам с Клэр пора идти. Кстати говоря, я увольняюсь. Уверен, что у вас с шефом Иганом найдется множество тем для разговора. Великое множество!

После этого тишину нарушала только грубая брань С. Эдмунда Штумма.

Читателю будет приятно узнать, что Штумма беспощадно преследовали в судебном порядке, а потом с большим позором изгнали из Лас-Ондаса.

Что касается Фреда Игана, он остался шефом по-

лиции и занимает эту должность по сей день — к вящему удовольствию старых дам, малых детей и пьянчужек, которых он вечерами деликатно развозит по домам.

Доктор Крафт и его любимый Максль вернулись домой в Коннектикут, где погрузились в новые эксперименты с тессерактом, хотя, разумеется, так и не добились вменяемых результатов.

В-предпоследних, фильм «Леди Пантагрюэль» пользовался огромным успехом у публики, хоть и не у самой искушенной. Для наших молодоженов — Клэр и Питера — он послужил отправной точкой длительных и плодотворных карьер актрисы и ее менеджера. У четы Оуэн уже двое прекрасных детей, и родители надеются, что семейство продолжит расти.

Наконец, Дрема, Истома и Сон обзавелись более надежным якорем, защищенным от некомпетентного вмешательства, и продолжают бороздить просторы паравремени, исследуя славное прошлое.

Тут и сказочке… конец?

Детский час

Он сидел на скамье в маленьком скверике перед зданием администрации, глядя, как длинная стрелка часов над дверью начальника военной полиции рывками приближается к семи. Как только часы пробьют, он войдет в эту дверь, поднимется на один лестничный пролет и по длинному коридору пройдет в комнату, где сидит в ожидании лейтенант Дейк. Этот вечер ничем не отличался от многих других вечеров, точно таких же.

Впрочем, нет. Быть может, сегодня все закончится. Лессинг надеялся, что так и будет. Что-то начало шевелиться за выстроенными в его мозгу стенами, и, возможно, этим вечером дверь, которая так долго не поддавалась манипуляциям умелого гипнотизера, наконец-то откроется. И не просто откроется, а широко распахнется и выдаст секреты, о которых не догадывался даже сам Лессинг.

Лессинг хорошо поддавался гипнозу. Лейтенант Дейк обнаружил это еще во время учебных экспериментов в области психонамики: этот поразительный метод позволял солдату снижать

восприимчивость своего тела к боли и голоду, если они становились невыносимыми. В процессе обучения иногда открывался доступ в самые темные и заброшенные коридоры разума, но такие блоки, как у Лессинга, встречались крайне редко.

Все обычные тесты он прошел успешно. Тест на полную неподвижность, на понижение восприимчивости, на перенесение центра тяжести, на постгипнотическую реакцию — все было в пределах нормы; тут Лессинг вел себя как обычный человек. И все же один барьер в мозгу держался непоколебимо. Три месяца жизни были схоронены за несокрушимыми стенами, возведенными некогда кем-то неизвестным. И явно с помощью того же гипноза.

Самым странным было то, что, приходя в себя, он отчетливо помнил эти три месяца, тогда как под гипнозом они просто не существовали. Под гипнозом он уже не вспоминал, что два года назад, в июне, июле и августе, вел абсолютно нормальный образ жизни. Находился в Нью-Йорке, был гражданским человеком, работал в рекламном агентстве и жил самой заурядной жизнью, которая продолжалась какое-то время после 7 декабря 1941 года. На первый взгляд эти три ме-

сяца не включали в себя ничего такого, что могло бы заставить его загипнотизированную память с таким упорством демонстрировать пустоту.

Тогда-то и начались долгие поиски, зондирование, манипулирование разумом Лессинга — словно перестраивали некий сложный механизм или массировали изнуренные, атрофированные мышцы, чтобы вернуть их к жизни.

До недавних пор плотина держалась. Но этим вечером…

Первый удар из семи разнесся в вечернем воздухе. Лессинг медленно поднялся, ощущая непривычную для него легкую панику. «Сегодня вечером», — подумал он. Глубоко в подсознании что-то шевельнулось. Поздним вечером истина откроется ему, всплывет все, что разум отказывался вспоминать… и почему-то это пугало. Он понятия не имел почему.

В дверном проеме Лессинг на мгновение остановился и обернулся. Снаружи уже царили сумерки, светился лишь воздух над лагерем, размывая очертания бараков и госпиталя вдалеке. Где-то прогудел поезд, мчавшийся в Нью-Йорк. В тот самый Нью-Йорк, где произошло нечто загадочное, мешающее его памяти раскрыться.

— Добрый вечер, сержант, — сказал лейтенант

Дейк, подняв взгляд от письменного стола.

Лессинг смотрел на него, испытывая некоторую неловкость. Дейк был маленьким, плотным, светловолосым, полным внутренней энергии, но вместе с тем терпеливым и выдержанным. Он проявлял искренний интерес к феномену, который содержала в себе память Лессинга, и за это Лессинг испытывал к нему нечто вроде недоуменной благодарности. Впрочем, сейчас эта благодарность куда-то испарилась.

— Добрый вечер, сэр, — автоматически ответил он.

— Садись. Сигарету? Ты что, нервничаешь, Лессинг?

— Не знаю.

Он машинально взял протянутую сигарету. «Приливная волна, вот что это такое», — подумал он, перебирая в уме сравнения. Эта метафора показалась ему самой подходящей. Плотина начинает рушиться, а за ней бурлит напирающая во мраке приливная вода, только и ждущая возможности вырваться на свободу. В голове раздавались едва слышные, слабые пощелкивания — на уровне подсознания автоматически открывались затворы. Почти условный рефлекс. Мозг готовился к сеансу гипноза.

Над письменным столом Дейка покачивалась лампочка без абажура. Взгляд Лессинга обратился к ней, и все вокруг стало погружаться во тьму. Вот и еще один рефлекс. Дейк, зайдя сзади, провел пальцем по его голове, будто очерчивал границы скальпа. Лессинг как бы растворился, исчез. Он воспринимал голос Дейка сначала просто как звук, потом как мощное притяжение, засасывающее во тьму. Не поддававшаяся определению сила тянула и вела за собой. Плотину начало размывать почти сразу же. Врата памяти задрожали, и Лессингу стало страшно.

— Возвращайся. Возвращайся. Возвращайся в лето сорок первого года. Лето. Ты в Нью-Йорке. Когда я досчитаю до десяти, ты все вспомнишь. Один. Два…

На «десяти» голос Дейка смолк.

Потом Дейк опять сосчитал до десяти. И еще раз. Наконец долгая, трудная подготовка завершилась, Джеймс Лессинг вернулся сквозь время и…

…И увидел лицо, белое на темном фоне, сверкающее, словно пламя, в пустоте быстрого течения времени. Чье лицо? Этого он не знал, зато абсолютно точно знал другое: позади лица таилась некая тень, чернее тьмы, бесформенная, внимательно наблюдавшая.

Тень росла, принимая угрожающие размеры, наклоняясь над ним. Зазвучал звякающий ритм, в который встраивались слова:

Когда ночь уже тает,
Но еще не рассветает,
Детский час наступает,
Так его называют…

Бессмыслица какая-то. Он шел на ощупь, точно слепой, пытаясь отыскать причину происходящего. А потом начал вспоминать то, что забыл. Что-то незначительное, об этом и помнить-то не стоило. Что-то… нет, кто-то… незначительный? Совсем нет. Скорее весьма и весьма важный. Кто-то, кого он случайно встретил… где? Никак не вспомнить. В баре, или в парке, или на вечеринке? Случайно — это точно, но где? Ага, вот, это случилось в парке… но кого он там встретил? Лессинг помнил трепещущую зелень, листья, мелькавшие в солнечном свете, и траву под ногами. Фонтан, возле которого они остановились, чтобы напиться. Он помнил воду, чистую и прозрачную, музыкальный звон капель, но никак не мог вспомнить, кто… кто был рядом. Всплывали все новые подробности, однако стоявшего рядом с ним по-прежнему окутывало облако бес-

памятства. Стройная фигура, ростом ниже его… Волосы… темные? Светлые? Нет, темные.

«Сраженный насмерть черным глазом белой лиходейки»[49].

Внезапно дыхание перехватило, возникло ощущение острой, почти физической боли — в голову хлынули воспоминания, сметая все на своем пути. Кларисса! Как же он мог забыть? Как? Чтобы какая-то жалкая амнезия стерла *ее* образ? Он сидел, ошеломленный, почти ослепший от яркой картинки. Но под этой яркостью скрывалась печаль, истинная причина которой упорно ускользала, никак не давалась…

Кларисса. Какими словами выразить этот живой, трепещущий свет? Стена рухнула, являя сознанию такую красоту, такое величие, что… что…

Они гуляли по парку, раскинувшемуся над Гудзоном. Внизу медленно текла и мерцала на солнце вода — голубые струи вперемежку с синими. Прозрачная вода в фонтане, стекающая на влажную коричневую гальку в тени под деревьями, усыпанную светлыми пятнами. И все такое яркое, словно в первое утро Творения, потому что

---

[49] Notes: 49
Перевод Б. Пастернака.

Кларисса шла рядом с ним под листьями, блестевшими на солнце. Кларисса! А он все забыл.

Ему как будто снова открылся мир ярче этого, человеческого. Все сверкало, все искрилось, звуки были мелодичнее и чище; все, что он видел, и чувствовал, и слышал, осеняла необыкновенная красота. Так бывает в детстве, когда новизна мира придает даже самым заурядным местам особое очарование. Очарование… да, вот слово, подходящее к Клариссе.

Не стройность и гибкость, а именно очарование, магия, волшебство. Рядом с ней он, казалось, снова возвращался в детство; все виделось с почти непереносимой, свежей ясностью.

Но что касается самой Клариссы… кем она была? Как выглядела? И главное, как он мог ее забыть?

Он ощупью пробирался сквозь бесформенный туман прошлого. Что за фраза внезапно разорвала завесу? От потрясения он никак не мог вспомнить. Словно вспышка молнии, прорезавшая тьму и тут же погасшая. Тьма… чернота… черные глаза… да, вот оно. «Сраженный насмерть черным глазом белой лиходейки». Цитата, конечно, но откуда? Новые поиски на ощупь. Шекспир? Да, «Ромео и Джульетта». Вроде бы так выразился…

кто? Меркуцио? Говоря о первой любви Ромео? О девушке, которую тот любил до того, как встретил Джульетту. Девушки, о которой тот и думать забыл…

Забыл!

Лессинг сидел в кресле, на мгновение забыв обо всем, кроме собственного потрясения: до чего сложно это подсознание! Все воспоминания о Клариссе исчезли из памяти и даже с предыдущего уровня, но далеко внизу, во тьме, они сохранились, неузнаваемые, искаженные; скрытые за аналогией и аллегорией, за фразой, написанной странствующим драматургом триста лет тому назад.

Значит, полностью стереть из памяти Клариссу было невозможно. Она задела его так глубоко, сверкала так ярко, что этот свет не могло погасить ничто. И тем не менее только мастерство лейтенанта Дейка и случайно всплывшая в сознании фраза расшевелили память. (В течение одной ужасной секунды он потрясенно спрашивал себя, какие еще воспоминания скрыты глубоко в подводных безднах за другими аллегорическими словами, и фразами, и невинными картинками.)

Значит, в конце концов он нанес им поражение — лишенным тела и голоса людям, которые

стояли между ними. Ревнивый бог… призрачные хранители… на мгновение перед мысленным взором вспыхнул ослепительный блеск льющегося сверху золота. В этой вспышке он увидел чужестранцев в богатых одеждах, движущихся на незнакомом, не вызывающем никаких ассоциаций фоне. Потом дверь снова захлопнулась перед самым его носом, и он остался сидеть, недоуменно мигая.

Им? Нанес поражение им? Кому? Он понятия не имел. Даже во время этой магической вспышки, перед тем как воспоминание снова померкло, он не знал точно, кто они такие. Эта тайна, возможно, никогда не будет разгадана. Но где-то глубоко во тьме его разума скрывались невероятные вещи. Боги, и льющееся золото, и люди в ярких, развевающихся на ветру одеждах, люди не… конечно, не с этой Земли…

Яркий-яркий мир… ярче того, что воспринимается нормальным глазом. Все дело в Клариссе и в том, что ее окружало. Очарование более сильное, чем чистая магия первой любви. Сейчас он был в этом уверен. Он шел рядом с Клариссой, несшей в себе подлинную магию, которая придавала блеск всему, мимо чего они проходили. Прекрасная Кларисса, изумительный мир, такой чистый… и

в самом деле, clarissima…[50] сияющий новизной мир ребенка. Но между ним и ею — эти призрачные люди…

Постойте. У Клариссы была… тетя? Там точно была какая-то… тетя? Высокая, смуглая, молчаливая женщина, которая гасила любую красоту, оказавшись поблизости? Лессинг не мог вспомнить ее лица; она была лишь тенью за сияющим присутствием Клариссы — безликое, безголосое пустое место, почти сливающееся с фоном.

Его память дрогнула, и в эту щель хлынуло отчаяние, с которым он подсознательно сражался после того, как сверкающий поток впервые прорвался к нему. Кларисса, Кларисса… где она сейчас, со всей этой красотой вокруг нее?

— Рассказывай, — сказал лейтенант Дейк.

— Там была девушка, — начал Лессинг, тщетно пытаясь передать свои ощущения. — Я встретил ее в парке…

Кларисса сверкающим июньским утром, высокая, смуглая, стройная, и ровная, голубая, зеркально-гладкая вода Гудзона за ее спиной. *Сраженный насмерть черным глазом белой лиходейки.* Очень, очень черные глаза, яркие,

---

[50] Notes: 50
Наичистейшая, блистательная *(лат.)*.

искрящиеся чернотой, широко расставленные на серьезном лице, отмеченном отстраненностью и задумчивостью, которые свойственны детям. Как только его глаза встретились с этим серьезным, ярким взглядом, двое поняли друг друга. Он действительно был сражен насмерть… и одновременно словно пробудился от векового сна. (Сражен насмерть… как Ромео, потерявший обеих своих возлюбленных…)

— Привет, — сказала Кларисса.

— Это длилось не очень долго… мне кажется, — рассеянно рассказывал он Дейку. — Правда, я успел узнать, что в Клариссе было нечто очень странное… очень чудесное… но не успел понять, что именно это было… мне так кажется.

(И все же то были великолепные дни, даже после того, как вокруг начали сгущаться тени. Вообще-то, тени присутствовали всегда, повсюду сопровождая Клариссу. И ему казалось, что центром их средоточия была тетя, которая жила с ней, зловещее ничтожество, чьего лица он никак не мог вспомнить.)

— Она меня недолюбливала, — объяснил он, хмуря брови в попытке вспомнить. — Ну, не совсем так. Но было что-то в… в воздухе, когда она оказывалась рядом. Минутку… я, может быть,

вспомню… как она выглядела…

Хотя это, скорее всего, не имело значения. Они нечасто видели тетю… Они встречались, Кларисса и он, в разных местах Нью-Йорка, и каждый раз благодаря ее присутствию все вокруг обретало собственное великолепие, становилось clarissima. Никакого разумного объяснения этому великолепию рядом с ней не было, просто, когда они бывали вместе, уличные шумы звучали точно музыка, а пыль превращалась в золото. Будто он видел мир ее глазами, когда они были вместе, будто ее зрение было более ясным — или, возможно, менее ясным, — чем человеческое.

— Я знал о ней так мало, — сказал он.

(Она возникла словно ниоткуда в тот первый миг у реки. И как ему теперь представлялось, снова ушла в небытие в другой миг, в полутемной комнате, когда тетя сказала… что же тетя сказала?)

Об этом миге он избегал думать с тех пор, как начала возвращаться память. Но теперь надо было сделать это. Может, это был самый важный миг во всей последовательности странных событий — миг, который так грубо оторвал его от Клариссы и ее сияющего, нереального, лучшего, чем обычный, мира…

Что эта женщина сказала ему?

Он сидел очень спокойно, напряженно думая. Закрыл глаза и постарался мысленно вернуться в тот затянутый облаком беспамятства час, нащупывая путь среди теней, ускользавших при его приближении.

— Не могу… — все еще с закрытыми глазами хмуро сказал он. — Не могу. Это были… недоброжелательные… слова, мне кажется, но… Нет, все без толку.

— Вернись снова к тете, — посоветовал Дейк. — Как она выглядела?

Лессинг прикрыл глаза ладонями и напряженно задумался. Высокая? Темноволосая, как Кларисса? Неприятная внешне или это впечатление было лишь побочным следствием ее слов? Вспомнить никак не удавалось. Он обмяк в кресле, от усилий лицо исказила гримаса. Вроде бы она стояла перед зеркалами? Стояла, глядя вниз? Видел он очертания ее тела на фоне света? Не было никаких очертаний. Она не существовала. Всякий раз, когда его память упорно рыскала по комнате, ее фигура исчезала за каким-нибудь предметом мебели или проворно скрывалась за углом. Да, именно здесь блок был непробиваемым.

— Не думаю, что я вообще ее видел. — Лессинг устремил на Дейка напряженный, недоверчивый взгляд. — Ее просто там нет.

Тем не менее, кажется, это ее тень возникла между ним и Клариссой в последний момент перед… перед… чем-то, что отсекло воспоминание между тем часом и этим? Что произошло? Скажем, перед тем, как наступило беспамятство. Перед тем, как все кануло в… Лету.

Вот что он помнил… Лицо Клариссы в затененной комнате, печаль и отчаяние, написанные на нем, ее глаза, почти непереносимо яркие от слез, протянутые к Лессингу руки со все еще согнутыми пальцами, как будто они только что выскользнули из его ладоней. Он помнил тепло и нежность этого последнего рукопожатия. А потом между ними протекла Лета.

— Вот и все. Это самые яркие моменты. — Лессинг смущенно поднял взгляд. — Но они какие-то… бессмысленные.

Дейк затянулся сигаретой, сощурив глаза от дыма.

— Где-то мы свернули не туда, — сказал он. — Истина по-прежнему скрыта от нас, она глубже всего этого. Трудно сообразить, откуда лучше начать снова. Может, Кларисса? Как ты думаешь?

Лессинг покачал головой:

— Вряд ли она знала.

(Печально и отстраненно шла она через те зачарованные дни. Совершенно обычная девушка, за исключением… чего-то… Что произошло? Он не мог точно вспомнить, что именно, но это не было обычным. Что-то шокирующее, ужасное, похороненное под заурядными событиями. Что-то чудесное, притягательно мерцавшее глубоко внизу, далеко от поверхностного слоя памяти.)

— Давай снова попробуем тетю, — предложил Дейк.

Лессинг закрыл глаза. Эта безликая, бестелесная, безголосая женщина так ловко проскальзывала между его воспоминаниями, что он уже отчаялся увидеть ее лицо анфас…

— Тогда вернись к самому началу, — сказал Дейк. — Когда до тебя в первый раз дошло, что происходит нечто необычное?

Сознание Лессинга неумело нащупывало путь назад через неестественно пустое пространство прошлого.

Вначале он даже не осознавал странность, о которой теперь вспомнил… удивительное преображение мира, происходившее в присутствии Клариссы. Понимание давалось медленно, на про-

тяжении многих встреч; точно под воздействием некоего магнетизма, он стал более восприимчив к магии Клариссы и осознавал происходящее по мере того, как осознавала его она. Он знал лишь, что это было восхитительно — просто дышать одним воздухом с ней и ходить по тем же самым улицам.

По тем же самым улицам? Да, и на одной из улиц произошло нечто странное. Уличные шумы, громкие крики… несчастный случай. Авария сразу же за выходом из Центрального парка на семьдесят вторую улицу. Сейчас все припомнилось ясно, ощущение ужаса нарастало. Они шли по извилистой тропинке с деревьями по обеим сторонам, шли в направлении улицы. И когда оказались рядом, услышали визг тормозов, глухой, смачный удар металла о металл, а затем крики.

Лессинг держал Клариссу за руку. Когда раздался весь этот шум, он почувствовал, как ее рука задрожала и очень мягко, но в то же время со странным, пугающим проворством выскользнула из его ладони. Их пальцы были переплетены, и он не расслабил свои; тем не менее ее рука каким-то образом плавно выскользнула. Он повернулся и взглянул на Клариссу.

Это воспоминание заставило его внутренне съежиться, хотя он знал, что все так и было. Он знал, что увидел круги подрагивающего, светящегося воздуха вокруг нее, вроде кругов от упавшего в воду камня, только эти круги не расширялись, а сжимались. И по мере их сжатия Кларисса отодвигалась вдаль. Ее втягивало в быстро сужающийся тоннель из сверкающих кругов, позади которых парк выглядел искаженным. И она не глядела на Лессинга или на что-нибудь рядом с ним. Она потупила взгляд, и этот задумчивый покой на лице отгораживал ее от мира.

Лессинг застыл, потрясенный, не в силах даже удивляться.

Светящиеся концентрические кольца стягивались в ослепительно сверкавшую точку, и когда он снова посмотрел туда, Клариссы уже не было. Сейчас люди бежали вверх по склону к улице, и голоса за стеной слились в неразличимое бормотание. Все были довольно далеко и не могли увидеть… хотя, может, то, что увидел Лессинг, было всего лишь помрачением ума. Может, он внезапно лишился рассудка. Его начала охватывать дикая паника, но она пока не прорвалась на поверхность.

И прежде чем на него обрушилось полное,

ошеломляющее понимание, он снова увидел Клариссу. Та неторопливо поднималась по холму, огибая группу кустарников. И не смотрела на него. Он все еще стоял на тропе, сердце колотилось с такой силой, что весь парк вокруг вздрагивал. Только оказавшись рядом с ним, она подняла взгляд, улыбнулась и снова взяла его за руку.

Это было первое странное происшествие.

— Не имело смысла разговаривать с ней об этом, — с жалким видом сказал Лессинг Дейку. — Я понял это сразу, как только взглянул на ее лицо. Она не знала, вот почему. Для нее ничего не случилось. И тогда я подумал, что, может, все это игра моего воображения… но я понимал, что не мог вообразить такое или со мной что-то совсем не так. Позже я начал разрабатывать теорию. — Он нервно рассмеялся. — Иначе, знаете ли, придется признать, что у меня… ну, галлюцинации.

— Продолжай. — Перегнувшись через стол, Дейк впился взглядом в Лессинга. — Что потом? Это случилось снова?

— Не это, нет.

Не это? Откуда он знал? Он не мог отчетливо вспомнить. Воспоминания приходили в виде вспышек, каждое несло в себе намек на событие,

которое должно было произойти, но сами события все еще оставались скрытыми.

Были ли сияющие круги чистой галлюцинацией? Он знал, что поверил бы в это — если бы ничего больше не произошло. Когда невозможное уходит в прошлое, отдаляется от нас, мы убеждаем себя — просто потому, что должны, — что на самом деле ничего не было. Однако Лессингу не позволили забыть…

Теперь воспоминания разматывались в сознании одно за другим. Нужную ниточку удалось поймать. Он расслабился в своем кресле, лицо разгладилось, хмурая сосредоточенность ушла. Глубоко под поверхностью таится открытие, изумительный блеск которого сияет сквозь мрак забвения, дразня, все еще ускользая от него, но он вот-вот схватит его, вот-вот дотянется. Если захочет схватить. Если осмелится. Он заторопился дальше, не желая пока думать об этом.

Что случилось потом?

Снова парк. Странно, но теперь, казалось, парки Нью-Йорка были населены его воспоминаниями. На этот раз шел дождь и случилось что-то… волнующее. Что именно? Он не знал. Пришлось ощупью, шаг за шагом возвращаться к кульминационной точке невероятного события,

отвергаемого его сознанием.

Дождь. Внезапная гроза, которая застала их на краю озера. Холодный ветер рябит воду, вокруг с шумом падают крупные капли. И он говорит:

— Пошли быстрее, переждем дождь в беседке.

Смеясь, они рука об руку бегут по берегу. Кларисса придерживает свою большую шляпу, старается приноровиться к его шагам, совершая длинные, легкие, грациозные прыжки, и они перемещаются по траве плавно, словно танцоры.

Беседка на скалах выцвела за множество зим. Она стояла внутри маленькой ниши в черном каменном склоне, возвышаясь над озером, — пыльное серое убежище, где можно укрыться от летящих капель. Смеясь, они бежали вверх по склону горы.

Но спрятаться в ней им так и не удалось.

Глядя вверх, не веря своим глазам, Лессинг увидел, как беседка замерцала и превратилась в размытое светящееся пятно — словно картинка в трюковом фильме, которая блекнет и исчезает прямо на глазах.

— Не так, как в прошлый раз исчезла Кларисса, — тщательно подбирая слова, попытался объяснить он. — Тогда все виделось совершенно отчетливо, это происходило в сжимающихся

концентрических кругах. На этот раз… беседка просто расплылась и растаяла. Только что она была там, а в следующее мгновение…

Он сделал такой жест, словно что-то зачеркивал.

Дейк замер, не сводя с Лессинга немигающего, пристального взгляда…

— И как повела себя Кларисса на этот раз?

Лессинг нахмурился, потирая подбородок:

— Она видела, что это произошло. Я… По-моему, она просто сказала что-то вроде: «Ну, нам до нее теперь не добраться. Не важно, мне нравится гулять под дождем. А тебе?» Будто это было для нее привычным делом. Может, и так, конечно… Во всяком случае, это не удивило ее.

— И ты тоже никак не комментировал случившееся?

— Я не мог, раз она отнеслась к этому так спокойно. Меня охватило чувство облегчения, когда я понял, что она тоже видела. Значит, я не вообразил все это. Не тогда, во всяком случае. Однако теперь…

Внезапно Лессинг замолчал. До этого момента он был слишком поглощен воссозданием ускользающего воспоминания и не мог объективно оценивать то, что вспомнил. Теперь же неверо-

ятная реальность рассказанного им только что внезапно обрушилась на него, и он посмотрел на Дейка с ужасом в глазах. Можно ли объяснить все эти фантастические грезы иначе как чистым безумием? Ничего столь невероятного просто не могло произойти на протяжении тех потерянных месяцев, которые его сознание зафиксировало так отчетливо. Ну, допустим, он все забыл, что само по себе неправдоподобно. А как быть с тем, что именно он забыл, как быть с невероятной теорией, которую он был готов изложить Дейку и которая, если уж на то пошло, предполагала чистое чудо?

— Продолжай, — сказал Дейк. — Однако теперь… что?

Лессинг сделал глубокий, прерывистый вдох.

— Однако теперь… Я думаю… Теперь мне кажется, я уже тогда отбрасывал идею о том, что это галлюцинация.

Он снова замолчал, бессильный рассуждать о столь невозможных вещах. Дейк мягко побудил его двигаться дальше.

— Продолжай, Лессинг. Ты должен продолжать, пока мы не нащупаем то, от чего можно отталкиваться. Должно быть объяснение. Копай дальше. Почему ты решил, что это не галлюцинации?

— Потому что… полагаю, это казалось слишком легким объяснением, — решительно заявил Лессинг. Это было нелепо — твердо отвергать возможность безумия, но он снова пошарил у себя в сознании и вынырнул оттуда с ответом, в котором все же была кое-какая логика. — Почему-то идея безумия казалась мне неправильной. Насколько помнится, я думал, что у всех событий имелась какая-то причина. Кларисса не знала ее, но я начал догадываться.

— Причина? Какая?

Лессинг снова сосредоточенно нахмурился. Вопреки его желанию, очарование того, что все еще оставалось неизвестным, снова и снова обретало могущество. Пришлось брести сквозь провалы в памяти в поисках ответа, который он получил когда-то, годы назад, но потом снова упустил.

— Это было так естественно… для нее, что она попросту… ну, не придала случившемуся значения. Маленькое неудобство, не больше, к которому можно отнестись философски. Тебе суждено промокнуть, оказавшись под дождем, и если укрытие, где ты хотел спрятаться, чудесным образом исчезает… это всего лишь подчеркивает тот факт, что тебе суждено промокнуть. Суждено, понимаете?

Он помолчал, не зная, куда заведут его эти рассуждения. Однако память, роясь среди обломков, подтверждала, что эта фраза имеет глубокое значение, смысл которого он по-настоящему осознал только сейчас. До откровения оставался всего один шаг.

— Она и впрямь промокла, — медленно продолжал он. — Я сейчас вспомнил. Возвращалась домой, промокнув насквозь, и замерзла по дороге, и несколько дней у нее был сильный жар…

Сознание быстро заскользило вдоль цепочки мыслей, делая невероятные выводы. Получается, жизнью Клариссы правило нечто столь могущественное, что оно могло даже попирать законы природы, лишь бы не дать ей свернуть с уготованного пути? Оно выхватило Клариссу и перенесло сквозь крошечную брешь во времени и пространстве, чтобы авария на улице никак не затронула ее? Однако ей было суждено промокнуть и заболеть, поэтому… пусть беседка исчезнет. Будто ее никогда не существовало. Пусть беседка исчезнет так естественно, как падает с неба дождь, лишь бы Кларисса потом металась в жару…

Лессинг снова закрыл глаза и с силой прижал к ним ладони. Хотел ли он вспоминать дальше? В какую трясину невозможного заведет его память?

Исчезающие беседки, исчезающие девушки и… и… вмешательство… извне? Он лишь на мгновение позволил этой ужасной мысли завладеть собой, но тут же затолкал ее подальше. Мерцавшее глубоко во мраке открытие по-прежнему притягивало его, но теперь он двигался медленно, не понимая, действительно ли хочет нырнуть по-настоящему глубоко и разобраться во всем.

Голос Дейка ворвался в его мысли:

— У нее был жар? Продолжай. Что случилось дальше?

— Я не видел ее пару недель. И… все начало выцветать…

Только благодаря ее присутствию это странное волшебство делало ярче все цвета и четче все очертания, превращало каждый звук в музыку — когда они были вместе. И едва все стало блекнуть, как его охватило страстное желание вернуть прошлое. Оглядываясь назад, он вспомнил, каким непереносимо тусклым был тот отрезок времени. Именно тогда, скорее всего, он впервые начал осознавать, что влюблен.

И Кларисса в те дни открыла для себя то же самое. Да, он вспомнил, как сияли огромные черные глаза, когда он впервые снова пришел к ней. Сияли так ослепительно, что в них почти невоз-

можно было смотреть, словно там переплелись лучи ярких звезд, и хотя в ее глазах полыхало темное пламя, оно было ослепительнее любого света.

В эту первую встречу после болезни они виделись наедине. Где была тетя? Не там, во всяком случае. В странной комнате без окон — никого, кроме них двоих. Без окон? Он с любопытством вглядывался в прошлое. Правда, там не было окон. Зато было множество зеркал. И пушистые темные ковры. Общее впечатление о той комнате осталось таким: он ходит по мягким коврам, стоит тишина, повсюду мерцают отражения.

Он сидел рядом с Клариссой, держа ее за руку. Они негромко разговаривали. Он помнил ее трепещущую улыбку и глаза, такие яркие, что это почти пугало. В тот день они были очень счастливы. Даже сейчас он на мгновение вспыхнул от радости, вспоминая, как счастливы они были. Воспоминание о том, что все это принесло одну лишь печаль, пока не тревожило его.

Удивительная ясность восприятия постепенно возвращалась к нему, пока они сидели и разговаривали; в мире снова воцарилась гармония. Комната была центром вселенной, совершенной, прекрасной и упорядоченной, небесные сферы

пели, вращаясь вокруг них.

«Я был ближе к Клариссе, — подумал он, — чем когда бы то ни было потом. Это был ее мир, прекрасный, спокойный и очень яркий. Я почти слышал музыку механизмов, певших, пока они безупречно выполняли свою работу. Для нее жизнь всегда была такой. Нет, я никогда больше не подходил к ней настолько близко».

Механизмы… почему вдруг всплыл этот образ?

С этой комнатой только одно было не в порядке. Лессинга не покидало ощущение, будто за ним следят, знают, что он думает и делает. Скорее всего, из-за зеркал. Тем не менее он постоянно испытывал неловкость. Он спросил Клариссу, зачем зеркал так много. Та рассмеялась:

— Чтобы лучше видеть тебя, дорогой.

Но потом она замолчала, будто пораженная неожиданно пришедшей в голову мыслью, и с озадаченным видом оглянулась по сторонам, созерцая отражения своего лица, глядевшие под самыми разными углами. К этому времени Лессинг уже привык видеть на ее лице выражение, не соответствующее обычным, повседневным причинно-следственным цепочкам, и не стал докапываться. Странное создание эта Кларисса — во многих, многих отношениях. «Дважды

два», — подумал он внезапно с нежным, веселым удивлением, для нее уж никак не меньше шести, и она часто впадала в неоправданно глубокую задумчивость по поводу самых тривиальных вещей. Почти с самого начала их знакомства он убедился, что задавать ей по этому поводу вопросы — напрасный труд.

— К этому времени, — сказал он, обращаясь больше к себе самому, — я уже не расспрашивал ее ни о чем. Не осмеливался. Я жил на обочине мира, явно не совсем нормального, но это был мир Клариссы, и я не задавал вопросов.

Безмятежная, яркая, безупречно упорядоченная маленькая вселенная Клариссы. Настолько упорядоченная, что ради сохранения ее безмятежности, можно было передвинуть звезды — если понадобится. Ровно поющие в своем движении механизмы, не дающие ей стать участницей уличной аварии или уничтожающие материю, чтобы она могла промокнуть и метаться в жару…

Эта лихорадка служила какой-то цели. Теперь он был абсолютно уверен: с Клариссой не случалось ничего такого, что не служило бы какой-нибудь цели. В окружавшем ее маленьком мире не было места случайности. Жар и лихо-

радка породили бред, и в бреду с его странной, ненормальной ясностью проникновения в суть вещей… она должна была… что? Разглядеть истину? А существовала ли истина? Он понятия не имел. Но ее глаза теперь сияли неестественно ярко, будто она все еще пылала жаром или… или видела свое будущее, столь великолепное, что оно отражалось, сверкая, в ее глазах, тьма в которых была ярче света.

Отныне Лессинг был уверен: она даже не подозревала, что ее жизнь была не такой, как у всех, что больше ни с кем не случались чудеса и мир вокруг не нес на себе отсвет clarissima.

В те дни их осеняла совершенно особенная, пусть и неброская красота. Кларисса любила его, — он не сомневался в этом. Однако владевший ею восторг выходил далеко за пределы этого чувства. Должно было произойти нечто замечательное, это ощущалось по ее поведению, но — вот странность! — она, похоже, сама не знала, что именно. Точно ребенок, проснувшийся рождественским утром и лежащий в восхитительной полудремоте; он помнит лишь, что по пробуждении его ждет что-то чудесное.

— Она никогда не говорила об этом? — спросил Дейк.

Лессинг покачал головой:

— Это просто чувствовалось во всем. И если я пробовал задавать вопросы, они как будто… повисали в воздухе. Нет, она не уклонялась от ответа сознательно. Скорее она не совсем понимала… — Он помолчал. — Потом все пошло наперекос, — медленно продолжил он. — Что-то…

Вспоминать эту часть было особенно трудно. Возможно, плохие воспоминания погрузились немного… глубже приятных, изолированные дополнительными слоями ментальных рубцов. Что произошло? Лессинг знал, что Кларисса любит его; они собирались пожениться; оба понимали, как нужно действовать, чтобы счастье стало реальностью.

— Тетя, — неуверенно произнес он. — Думаю, она вмешалась. Думаю… Кларисса, казалось, начала ускользать от меня. Всякий раз, когда я звонил, тетя говорила, что она занята или ее нет. Я был полностью уверен, что она лжет, но что я мог поделать?

Когда встречались, Кларисса отрицала, что все это признак равнодушия, подкрепляя свои слова сияющими взглядами и нежными ласками. Просто она была очень занята. Интересно чем?

Вообще-то, она делала очень мало, и тем не менее всегда, казалось, была поглощена чем-нибудь.

— Стоило ей увидеть воробья, клюющего хлебные крошки, или людей, заспоривших на улице, как она принималась уделять им все свое внимание, я словно переставал существовать для нее… Спустя некоторое время, когда мне примерно неделю не удавалось увидеться с ней, — я решил разобраться с тетей.

Дальше шли провалы… Он помнил ясно лишь одно: как он стоит в белой прихожей и звонит в дверь. Он помнил, как дверь приоткрылась с негромким скрипом. Совсем чуть-чуть. Она была на цепочке, которая мерцала в свете, падавшем изнутри комнаты. Вообще-то, там было темновато, свет отражался во множестве зеркал, но его источника Лессинг не видел. Однако он видел, как кто-то движется внутри — некто, искаженный зеркалами, умноженный ими, занимающийся своими таинственными делами и не обращающий внимания на то, что Лессинг звонит в дверь.

— Привет! — окликнул он ее. — Это ты, Кларисса?

Никакого ответа. Ничего, кроме безмолвного движения или, точнее, мелькавших там и сям

отражений. Тогда Лессинг окликнул тетю по имени.

— Это вы, миссис… — Как же ее звали? Он не мог вспомнить. Но тогда он звал ее снова и снова, все больше злясь из-за такого пренебрежительного отношения. — Я вижу вас. — Да, так он сказал, прижав лицо к косяку двери. — Знаю, вы меня слышите. Почему вы не отвечаете?

По-прежнему ничего. На мгновение-другое движение внутри прекратилось, ненадолго возобновилось и опять стихло. Он не мог видеть, что за фигура дает отражения. Кто-то темный безмолвно двигался по ворсистым коврам, не обращая внимания на доносившийся от двери голос. Вот ведь странная особа эта тетя…

Внезапно его поразила нереальность происходящего: неясная фигура как бы растворяется в полусумраке комнаты, а он, точно дурак, топчется у порога, тщетно взывая через приоткрытую дверь. Какого дьявола эта женщина разводит тут таинственность? Она такая давящая! На Клариссу ей наплевать, лишь бы все было, как она пожелает…

Его охватил жаркий гнев — яростная, неожиданная реакция.

— Кларисса! — позвал он.

Тень снова замелькала в зеркалах, и тогда он с силой нажал плечом на дверную панель.

Щеколда — видимо, непрочная — с треском подалась, и Лессинг, потеряв равновесие, начал падать вперед. Комната со своими темными зеркалами головокружительно завертелась. Он не видел тетю Клариссы, только быстрое, таинственное движение в зеркале, но внезапно оказался лицом к лицу с чем-то совершенно необъяснимым.

Гравитация изменилась и по направлению, и по силе. Он по-прежнему двигался вперед и падал медленно, как в ночном кошмаре — точно Алиса в кроличьей норе, — по раскручивавшейся, расширявшейся спирали. На миг необыкновенный характер движения вытеснил из сознания все остальное. В комнате больше никого не было; не было и зеркал; не было самой комнаты. Бестелесный, математическое уравнение, упрощенное эго, он падал к…

Там была Кларисса. Потом он увидел вспышку золотистого света, пылавшего на фоне белой тьмы. Золотистый ливень обволок Клариссу и унес ее прочь.

Глядя на все как бы издалека, внутренне содрогаясь, он понимал, что должен удивляться.

Но это было так похоже на полусон. Во сне легко принять вещи такими, как они есть, и ему не хотелось делать усилие, чтобы проснуться. Он снова увидел Клариссу — та двигалась на фоне, иногда лишь чуть-чуть незнакомом, а иногда совершенно немыслимом…

Человек в доспехах упал сквозь теплый, пронизанный солнечным светом воздух на террасу, а фон превратился в парк и горы вдалеке. Какая-то женщина отпрянула от человека в доспехах, двое мужчин выступили вперед, как бы защищая ее собой. Кларисса там тоже была. Лессинг понимал язык, хотя не знал, каким образом. Человек в доспехах вскинул какое-то оружие и закричал:

— Отойдите, ваше высочество! Я не могу стрелять… слишком близко…

Молодой человек в длинном одеянии варварской расцветки отпрыгнул назад, вытаскивая из-за пояса смотанный алый хлыст. Однако никто из этих людей не вел себя агрессивно; на каждом лице застыло изумление, все взгляды были устремлены на Лессинга. Позади них, тоже бесконечно удивленная, замерла высокая, внушительного вида женщина. Недоуменно оглядываясь по сторонам, Лессинг поймал недоверчивые взгляды девушек, стоявших у нее за

спиной. Среди них была и Кларисса, а позади нее — позади нее — кто-то, кого он не мог вспомнить. Темная фигура, загадочная, немного сутуляща-ясь…

Все стояли словно вкопанные. (Может, кроме Клариссы и того, кто был позади нее…) Человек в доспехах держал свое оружие наготове, молодой человек только вытащил хлыст, но не пускал его в ход. Лессинг не знал ни такого стиля, ни такой эпохи, — и под застывшим удивлением на всех лицах угадывались напряженность и огорчение, будто они жили в постоянной тревоге.

Только Кларисса выглядела безмятежно, как всегда. Только она не выказывала удивления. Ее черные глаза под странной сложной прической встретились с его взглядом, в них мерцали знакомые огоньки, она улыбалась, не говоря ни слова.

Девушек окутало взволнованное жужжание голосов. Человек в доспехах нерешительно произнес:

— Кто ты? Откуда пришел? Отойди, или я буду…

— …Из разреженного воздуха! — изумленно воскликнул молодой человек и ударил алым хлыстом по траве.

Лессинг открыл рот, собираясь сказать… ну,

что-нибудь. Хлыст выглядел угрожающим. Однако Кларисса, по-прежнему улыбаясь, покачала головой.

— Не стоит ничего объяснять, — сказала она. — Они все позабудут, знаешь ли.

Если он и собирался сказать что-нибудь, ее слова снова лишили его всякой способности связно мыслить. Это было слишком фантастично и походило на… на что-то знакомое. Алиса, да. Снова Алиса в Зазеркалье, на вечере в саду герцогини. Яркие необычные костюмы, яркая зеленая трава, тот же дух скрытой угрозы. В любой момент мог раздаться крик: «Отрубить ему голову!»

Молодой человек сделал шаг назад и взмахнул хлыстом — длинная веревка взвилась вверх. Лессинг смотрел, как алый язык дугой выгибается на фоне неба. («Змеи! Змеи! Они тут как тут! Лезут прямо с неба!»[51] — некстати вспомнилось ему.) Вслед за хлыстом завертелся весь мир. Сад оказался наверху, все быстрее и быстрее кружась под алой плетью. Трава ускользнула из-под ног Лессинга, центробежная сила выбросила его вон, и он потерял сознание.

Голова болела.

---

[51] Notes: 51

В оригинале неточная цитата из «Алисы в Стране чудес» Л. Кэрролла.

Держась за стену, он медленно поднялся с пола. Стены все еще кружились, но уже медленнее, а потом и вовсе остановились. Он стоял, покачиваясь и ощупывая шишку на лбу. Сознание перестало вращаться не так быстро, как все вокруг, но когда наконец он снова смог ясно мыслить, то мгновенно понял, что произошло. Цепочка не разорвалась. Он не падал в темную комнату с множеством зеркал, где сновала темная тень тети. Более того, даже дверь не была открыта — по крайней мере, в это время. Положение коврика у двери и длинная темная царапина на полу ясно свидетельствовали о том, что он пытался выломать дверь, поскользнулся и с силой ударился — видимо, о ручку двери.

Он спрашивал себя, мог ли такой удар вызвать галлюцинации, отбросить его вперед или назад во времени. Ведь теперь он не сомневался, что видел сон… конечно, это был сон… и во сне дверь была открыта, а внутри скользила молчаливая тень.

Когда он звонил Клариссе тем вечером, то был полон решимости поговорить с ней, даже если придется угрожать опекунше-тете насилием, или арестом, или тем, что в ту минуту покажется наиболее действенным. Он понимал, как унизи-

тельно-несерьезно прозвучат подобные угрозы, но ничего больше не приходило в голову. Потребность встретиться с Клариссой стала отчаянной после удивительного сна, в котором он побывал в Стране чудес. Он намеревался поговорить с ней об этом и рассчитывал, что его рассказ произведет эффект. Сбитый с толку, он почти надеялся, что она вспомнит ту роль, которую сыграла в этом сне, хотя в глубине души сознавал, насколько глупы подобные ожидания.

Проникнувшись яростной решимостью, он слегка смутился, услышав в телефонной трубке голос не тети, а Клариссы.

— Я приду, — решительно заявил он.

Из-за взволнованного тона его слова прозвучали как вызов.

— Ну конечно, — ответила Кларисса так, словно они расстались всего несколько часов назад.

Страстное, нетерпеливое желание сделало его путешествие по городу очень долгим. Он мысленно повторял историю, которую собирался поведать ей, как только они окажутся наедине. Сон был удивительно реальным и живым, хотя, должно быть, занял всего долю секунды — между тем моментом, когда Лессинг ударился головой о ручку двери, и тем, когда колени коснулись пола.

Как она отнесется к этому? Он почему-то думал, что она ответит на его вопросы, если рассказать ей все.

Он нетерпеливо позвонил в дверь. Как и прежде, изнутри не доносилось ни звука. Он позвонил снова. Ничего. С жутким чувством, будто он сверхъестественным образом возвращается во времени и заново переживает тот же удивительный сон, Лессинг повернул ручку и с удивлением обнаружил, что дверь не заперта. На этот раз цепочка не была наброшена. Дверь широко распахнулась, и он заглянул в знакомую полутьму со множеством зеркал. Он заколебался, стоя на пороге и не зная, что делать — то ли позвать, то ли снова позвонить, — и тут увидел, как что-то движется в глубине комнаты, но это было заметно только в зеркалах.

На мгновение в голове помутилось от уверенности, что все повторяется снова. Потом он разглядел Клариссу. Та спокойно стояла, глядя вверх, лицо сияло от радостного предвкушения. Это был тот же рождественский утренний вид, который он замечал и прежде, но теперь трогательный, как никогда. Он не мог видеть, на что она смотрит, но выражение было явно тем же самым. Скоро должно было произойти

что-то чудесное, о чем и свидетельствовал этот восторженный вид. Что-то невероятно чудесное, вот-вот, совсем скоро…

Воздух вокруг нее замерцал. Лессинг удивленно замигал. Воздух стал золотым и начал поливать ее искрящимся дождем. Это сон, мелькнула дикая мысль. Он видел все это прежде. Кларисса, подняв голову, стоит под сияющим дождем, и струи медленно обтекают ее. Он ждал, что пол вот-вот уйдет из-под ног…

Нет, все происходило на самом деле. Перед ним в тишине комнаты разворачивалось еще одно изумительное чудо.

Раньше видел это во сне, а теперь — наяву. Кларисса под дождем… под звездным дождем? Словно Даная под золотым ливнем…

Словно Даная, запертая в своей медной башне. Сходство Клариссы и Данаи с необыкновенной силой поразило его. И немыслимый сияющий дождь, и ее восхищенный вид. Что заставило этот поток изливаться на нее? Какая всемогущая сила отделила Клариссу от остального человечества, спрятала ценой нарушения законов природы, поддерживала бесперебойную работу механизмов, деятельно защищавших ее на этом невероятном пути? Всемогущая сила… да, все-

могущая, как сам Зевс, некогда изливавший на своих избранниц такой же невероятный дождь.

Лессинг неподвижно застыл, глядя на далекое отражение в зеркале, а его мысли мчались все быстрее и быстрее, выстраивая цепочку рассуждений, — и наконец явился совершенно невозможный вывод, который заставил его ошеломленно открыть рот. Дело в том, что он вроде бы нашел ответ. Дикий, совершенно неправдоподобный ответ.

Больше он не сомневался, что когда-то, непонятно как, жизнь Клариссы оказалась связана с другим миром, не нашим. И этот другой мир сразу же, без усилий захватил верховенство. С трудом верилось, что некая бесстрастная сила отнеслась к Клариссе с таким заботливым, небезразличным вниманием. Судя по отдельным эпизодам, которые позволили увидеть Лессингу, за всем, что она делала, скорее наблюдал некий разум. Существо, понимающее людей так глубоко, точно само было почти человеком. Кто-то, буквально ставший ангелом-хранителем, что вел Клариссу… куда?

Этот Кто-то определенно не хотел, чтобы Кларисса видела уличную аварию, и перенес ее на безопасное расстояние через пространство и время, окутав завесой, благодаря которой она даже

не догадалась, что произошло. Кто-то пожелал, чтобы она простудилась, заболела, бредила, — и уничтожил беседку. Кто-то, начал понимать Лессинг, почти буквально вел ее за руку через спокойные, задумчивые, сияющие дни и ночи, окутав покровом волшебства, столь сильного, что оно обволакивало любого, кто к ней приближался. Когда она, надолго уходя в себя, пристально вглядывалась, следила за совершенно заурядными событиями, чей голос неслышно нашептывал ей на ухо, повторяя неведомо какие уроки?

И как сам Лессинг вписывался в эту схему? Может быть, думал он ошеломленно, он — тоже часть замысла, банальная, но, в каком-то смысле существенная? Кто-то позволял им доставлять друг другу невинную радость, но в нужный момент всемогущая рука протягивалась и мягко возвращала их на правильный путь — путь Клариссы, не Лессинга. Действительно, когда приближалась опасность, именно Кларисса оказывалась защищена. Она не догадывалась о пробеле во время уличной аварии, почти не заметила исчезновения беседки. Другое дело — Лессинг. Он знал. Он был шокирован и ошеломлен. Но… Лессинг должен был забыть.

В какой момент Кларисса шагнула в полную

зеркал темницу со странной тетей-тюремщицей и, не догадываясь об этом, свернула на тропу, проложенную Кем-то для нее? Кто нашептывал ей в ухо, когда она, точно во сне, проживала свои дни, кто низвергал на эту новую Данаю золотой поток, когда она стояла одна в своей стеклянной башне?

Никто не мог дать ответа. Возможно, ответов было столько, сколько в состоянии вообразить разум, и еще больше — за пределами воображения. Как может человек угадать ответ на вопрос, если весь человеческий опыт не содержит ничего подобного? Хотя нет, содержит, но только одно.

Даная-то была.

Это нелепо, сказал себе Лессинг тогда, — пытаться найти тут какое-то случайное сходство. И тем не менее… как начиналась легенда о Данае? Некто посторонний вроде него самого две тысячи лет назад случайно увидел другую Клариссу, стоящую в состоянии экстаза под другим звездным дождем. И если исходить из того, что так оно и было, что первая легенда о Данае истинна, есть ли основания полагать, что увиденное им — не то же самое? Существует множество легенд о смертных, которых возжелали боги. Греки не были наивными, поэтому не исключено, рассуждал

Лессинг, что в основе аллегории всегда или почти всегда лежат реальные факты. Должна быть какая-то основа, иначе откуда все эти бессчетные истории?

Но к чему так долго и терпеливо готовили Клариссу? Едва он задался этим вопросом, как в его сознании невольно всплыла легенда о Семеле, которая увидела своего любовника с Олимпа в истинном свете его божественности и умерла, сраженная ужасным зрелищем. Может, долгая, медленная подготовка была задумана лишь для того, чтобы уберечь Клариссу от судьбы Семелы? Может, ее мягко, но непреклонно вели от знания к знанию, чтобы, когда бог снизойдет к ней в мощи и славе, она смогла вынести великолепие уготованной ей судьбы? Не этот ли ответ стоял за сияющим предвкушением, которое Лессинг так часто замечал на ее лице?

Внезапно его пронзила обжигающая ревность. Кларисса, не догадываясь об этом, уже видела проблеск великолепия, которое ее ожидало и в котором ему не было места…

Лессинг с силой ударил по двери и позвал:

— Кларисса!

В зеркале было видно, как она вздрогнула и обернулась. Ливень вокруг нее заколыхался.

Потом она исчезла из вида, осталось лишь золотистое мерцание среди зеркал, отмечавшее ее путь к двери.

Лессинг стоял, вздрагивая, покрываясь испариной и чувствуя необоримое смущение. Он знал, что его заключения нелепы и невозможны. Он не верил в них по-настоящему. Все эти озарения вспыхнули в его сознании слишком спонтанно, чтобы верить им, исходили из слишком произвольных предпосылок, чтобы опираться на них и при этом оставаться в здравом уме. Даже если допустить, что необъяснимые явления имели место, божественное вмешательство не было обязательным, рассуждая логически. Однако кто-то, Кто-то, стоял за всеми этими событиями, и этот Кто-то, кем бы или чем бы он ни был, вызывал у Лессинга мучительное чувство ревности. Из-за того, что планы Кого-то не включали его. Он знал, что не включали и не могли включать. Он знал…

— Привет, — негромко сказала Кларисса. — Я заставила тебя ждать? Наверное, дверной колокольчик не в порядке… я не слышала, как он звонит. Входи.

Он пристально смотрел на нее. Безмятежное, как всегда, лицо. Может, слабые отсветы восторга все еще сияли в ее глазах, но золотой ливень

прекратился, и она никак не показала, что помнит о нем.

— Что ты делала? — дрогнувшим голосом спросил он.

— Ничего, — ответила Кларисса.

— Но я видел тебя! — взорвался он. — В зеркалах… я видел тебя! Кларисса, что…

Мягко и нежно его рот накрыла… рука? Ничего осязаемого, ничего реального. Но слова не проходили сквозь эту преграду. Само молчание, словно толстый кляп, запечатало ему рот. Это длилось совсем недолго, а потом Лессинг понял, что Кто-то прав, что он не должен говорить, что сказать это было бы жестоко и неправильно.

Пот стекал по его лбу, колени дрожали, в голове была пустота.

После долгого молчания он произнес:

— Я… Я плохо себя чувствую, Кларисса. Думаю, мне лучше уйти…

Лампу над столом Дейка мягко покачивал ветер, дувший из занавешенного окна. Далекий гудок поезда, мчавшегося по территории военных, казался неизмеримо более далеким из-за тьмы. Лессинг выпрямился в кресле и ошеломленно оглянулся, испуганный резким переходом от таких ярких, таких живых воспоминаний к

реальности. Дейк сложил руки на столе, наклонился вперед и спросил мягко:

— И ты ушел?

Лессинг кивнул. Он даже не думал о том, чтобы не доверять своим воспоминаниям или отвергать их. Воспоминания были гораздо более реальными, чем этот стол или сидевший за ним человек с мягким голосом.

— Да. Надо было уйти и разобраться в своих мыслях. Она обязательно должна была понять, что с ней происходит, но я не мог заговорить с ней об этом. Она… спала. Но ее следовало разбудить, прежде чем стало бы слишком поздно. Мне казалось, она имеет право знать, что надвигается, а я имею право сказать ей об этом. Пусть сделает выбор между мной и… Им. Мне казалось, что этот выбор нужно сделать в ближайшее время, или будет слишком поздно. Он, конечно, не хотел, чтобы она знала. Он собирался появиться в соответствующий момент — когда она будет готова — и завладеть ею без ненужных вопросов. Я должен был разбудить ее и заставить все понять до того, как это произойдет.

— Ты думал, что этот момент близок?

— Очень близок.

— И что ты сделал?

Взгляд Лессинга сделался рассеянным: воспоминания снова завладели им.

— Повел ее на танцы следующим вечером… — сказал он.

Она сидела напротив него за столиком, стоявшим рядом с маленькой танцевальной площадкой, медленно вертела в пальцах стакан с хересом и вслушивалась в звуки скверного оркестра, эхом отдававшиеся в тесном прокуренном помещении. Лессинг и сам до конца не понимал, зачем привел ее сюда. Может, надеялся, что, лишенный возможности рассказать о своих подозрениях и страхах, сумеет таким образом пробудить ее от спячки — ведь она сама заметит, насколько ее мир отличается от нормального? Или, может, рассчитывал, что здесь, в небольшом замкнутом пространстве, сотрясаемом дикими ритмами, забитом людьми, что сознательно одурманивают себя музыкой и спиртным, сияющая броня безмятежности даст крошечную трещину, которая позволит разглядеть, что находится внутри?

Лессинг сидел, позвякивая кусочками льда в стакане — это была уже третья порция, — и получал удовольствие от тумана в голове, который добавился к особенному, искрящемуся туману, всегда окружавшему Клариссу. Он сказал себе,

что больше не будет пить. Нет, он еще не был пьян, однако тем вечером сама атмосфера была пьянящей, даже в таком маленьком, шумном, второразрядном ночном клубе. Оглушительная музыка несла в себе привкус наркотического неистовства; разгоряченные танцоры на тесной площадке излучали возбуждение.

И Кларисса отзывалась на эту атмосферу. Ее огромные черные глаза сияли с непереносимой яркостью, смех звучал заразительно и непринужденно. Они танцевали в этой сутолоке, не замечая толчков, захваченные ритмом музыки. Кларисса была куда разговорчивее, чем обычно, и очень веселой, а ее тело в руках Лессинга — таким послушным…

Что до него самого… да, он опьянел, то ли от трех порций спиртного, то ли от какой-то более тонкой и сильной интоксикации — он не знал. Но все его понятия о ценностях восхитительным образом сместились в сторону безответственности, в ушах звенела неслышная музыка. В эти минуты ничто не могло взять над ним верх. Он не боялся ничего и никого. Он увезет Клариссу отсюда… из Нью-Йорка, от тюремщицы-тети и необыкновенного Кого-то, приближающегося с каждым вдохом.

Потом опять пошли провалы в памяти. Он не мог вспомнить, как они покинули ночной клуб и оказались в его автомобиле, куда собирались ехать. Следующий момент, который запомнился: они едут по аллее Генри Гудзона над неслышно скользящей темной рекой, в которой отражаются гирлянды огней.

Они бросили вызов… ну, просто схеме. Как он думал, оба понимали это. В этой схеме не было места неистовой, бесшабашной поездке вдоль Гудзона, с перекрестными улицами, проносившимися мимо, словно спицы в сияющем колесе. Кларисса откинулась назад, опершись на его согнутую свободную руку, и была, казалось, опьянена не меньше его, всего лишь под воздействием двух порций хереса и неистового ритма музыки, яростного возбуждения этой странной ночи. Возможно, их опьянение было вызвано собственным вызывающим поведением, поскольку они убегали. От чего-то… от Кого-то. (Это было невозможно, конечно. Даже в своем опьянении Лессинг понимал это. Но они могли хотя бы попытаться…)

— Быстрее! — подначивала его Кларисса, двигая головой в изгибе его руки.

Она была поразительно оживлена этим вечером, Лессинг никогда не видел ее такой. Почти

проснулась, думал он, пребывая в тумане, от которого кружилась голова. Почти готова выслушать то, что он должен сказать. Предостережение…

В какой-то момент он остановился под уличным фонарем и заключил ее в объятия. Той ночью ее глаза, ее голос, ее смех сверкали и искрились. Лессинг понял: если он прежде думал, что любит ее, то эта новая Кларисса была полна такого очарования, что… что… да, сам бог мог склониться с Олимпа и возжелать ее. Лессинг целовал ее со страстью, которая заставляла город торжественно вращаться вокруг них. Просто восхитительно — быть пьяным, влюбленным и целовать Клариссу под взглядом ревнивого бога…

Когда они поехали дальше, в воздухе возникло ощущение… неправильности. Схема старалась выправить себя, заставить их вернуться на предопределенный путь. Он чувствовал, как спокойная сила давит на его разум. Было ясно, что поток машин незаметно выводит его на улицы, ведущие к дому Клариссы, что он вырвется из этого потока, а дорога на север будет закрыта из-за ремонта, и, направившись в объезд, они вновь устремятся на юг. Раз за разом он обнаруживал, что номера домов идут в убывающем порядке, что он едет к центру Нью-Йорка и объезжает пере-

крытый участок, твердо решив не возвращаться.

Схема должна быть сломана. Непременно. Он смутно надеялся, что если порвет хоть одну ее нить, открыто бросит вызов этой спокойной, мощной силе, пусть даже в такой незначительной степени, то добьется своей цели. Однако сделать это одному оказалось не под силу. Всемогущим механизмам, с жужжанием делающим свое дело, сопротивляться невозможно — он будет повиноваться, даже не отдавая себе в этом отчета, — если только Кларисса не станет на его сторону этой ночью. Казалось, ее сила была сродни божественному всемогуществу, словно она впитала ее частичку, долго пребывая рядом.

Или Кто-то удержал свою руку, не стал резко возвращать Клариссу на место, уготованное ей в этой схеме, чтобы она не догадалась — раньше времени — о размахе его могущества?

— Поворачивай, — сказала Кларисса. — Поворачивай, мы снова едем не туда.

Он сражался с рулем.

— Не могу… не могу, — чуть ни задохнувшись, сказал он.

Она одарила его ослепительным темным взглядом и перегнулась, чтобы самой взять руль.

Даже для нее это было трудно. И тем не менее

она медленно развернула автомобиль, пока машины позади раздраженно сигналили, медленно сломала схему — в очередной раз, — завернула за следующий угол и поехала на север. Расплывчатые огни Джерси проплывали в окутавшем их тумане исступления.

Опьянение не было обычным. Оно нарастало поразительно быстро. Это, смутно догадывался Лессинг, и есть Его следующий шаг. *Он* не позволит ей понять, что именно делает, но знает, что должен остановить нас, или мы сломаем схему и обретем независимость.

Высокие узкие здания, вплотную стоявшие вдоль улиц, с окнами за неподвижными листьями, были похожи на деревья в лесу. Не было двух полностью похожих окон. Бесконечно разнообразные с бесконечно малыми различиями, все они мерцали, пока машина ехала сквозь каменный лес. Лессинг неожиданно обрел способность видеть сквозь деревья и между ними: нет, они не стали прозрачными, просто ему будто открылось новое измерение. Он видел улицы, которые разделяли этот лес на скверы и продолговатые кварталы, и его смятенный разум вспоминал другой лес, расчерченный в клетку, — Зазеркалье.

И он снова ехал на юг через этот лес.

— Кларисса… помоги мне, — опять сражаясь с рулем, услышал он, свой голос, словно доносившийся издалека.

Ее маленькие белые руки вынырнули из темноты и накрыли его ладони.

Трепещущий ливень света из окна пролился на них, обволакивая Клариссу, как дождь Зевса — Данаю. Ревнивый бог, ревнивый бог… Лессинг рассмеялся и хлопнул по рулевому колесу с ощущением бессмысленного торжества.

Между деревьями впереди замерцал свет. Нужно идти осторожно, предостерег он себя, по этой… мощенной булыжником дороге. Без всякого удивления он увидел, что идет пешком по лесу, во тьме, совершенно один. Он все еще был пьян. Пьянее, чем когда-либо, подумал он со скромной гордостью, пьянее, наверно, чем любой смертный когда-либо. Любой смертный. Боги, теперь…

Впереди между деревьями шли люди. Лессинг знал, что они не должны заметить его. Это стало бы для них ужасным потрясением; он помнил ярко одетых людей в другом своем сне и молодого человека с хлыстом. Нет, лучше на этот раз остаться незамеченным, если удастся. Лес вращался вокруг него и растворялся в туманной тьме. Звон в ушах был, скорее всего, результатом

опьянения, а не реальным звуком.

Люди были одеты в черное, их черные капюшоны покрывали волосы и обрамляли бледные фанатичные лица. Они шли по лесу длинной вереницей. Лессинг, как ему казалось, довольно долго наблюдал за ними. Некоторые женщины несли рабочие сумки и вязали по дороге. Кое-кто из мужчин читал маленькие книжки, то и дело спотыкаясь на булыжниках. Никто не смеялся.

В числе замыкающих была Кларисса. Ее лицо под черным капюшоном выглядело веселым, более веселым и беззаботным, чем у других людей, которых Лессинг видел в этом… этом мире. Она шла легко, иногда переходя чуть ли не на танцевальный шаг и навлекая на себя хмурые взгляды шедших позади. Казалось, это ее не волновало.

Лессингу захотелось окликнуть ее. Так сильно, что она словно почувствовала это, поскольку начала отставать, пропуская вперед группы людей, одну за другой, пока не оказалась в самом конце вереницы. Некоторые девушки оглядывались на нее и хихикали, но ничего не говорили. Она продолжала отставать. Вскоре процессия свернула за угол, и Кларисса остановилась посреди дороги, глядя, как они уходят. Потом рассмеялась и с торжественным видом сделала пируэт на

одной ноге. Черные юбки яростно развевались вокруг нее.

Лессинг вышел из-за дерева и шагнул к ней, собираясь окликнуть. Однако он опоздал. Кто-то другой оказался рядом с ней раньше его. Кто-то другой… Кларисса радостно приветствовала его на языке, которого Лессинг не знал. Алая вспышка между деревьями — и к Клариссе торопливо приблизилась фигура, с ног до головы облаченная в ярко-алое, и заключила ее в объятия. Алые складки взметнулись в воздух и обволокли их обоих. Из-под капюшона донесся счастливый смех Клариссы.

Лессинг замер. Может, это другая женщина, в неистовстве уговаривал он себя. Сестра или тетя. Но скорее всего, мужчина. Или…

Он слегка сощурился — в его теперешнем состоянии перед глазами все расплывалось, а то, на чем он старался сосредоточить внимание, ускользало, — но на этот раз знал почти твердо, что именно увидел. Знал почти твердо, что на поднятое лицо Клариссы в сером сумраке леса падал мягкий свет… из-под склонившегося над ней капюшона. Да, свет, мерцание из-под капюшона. Ливень света. Даная в золотых струях.

Деревья начали круто опрокидываться, мир

вздыбился. Лессинг даже не очень удивился, почувствовав, что, кружась, падает сквозь тьму, удаляется все дальше от Клариссы посреди леса. Оставляет ее одну в объятиях бога.

Когда вращение остановилось, он снова сидел в своем автомобиле, мимо с шумом скользили машины. Оказывается, он припарковался непонятно где. Поставил машину во второй ряд. Он удивленно оглянулся.

— Я пойду, — прозаично сказала Кларисса. — Нет, не стоит провожать меня. Потом будешь сто лет искать, где припарковался, а я ужасно хочу спать. Доброй ночи, дорогой. Позвони мне утром.

Он мог лишь удивленно смотреть на нее. Яркий блеск ее глаз и улыбка ослепляли, и туман в голове по-прежнему не давал сфокусировать взгляд на ее лице. Однако он увидел достаточно. Они находились в точности там, откуда начали путь, — на обочине рядом с ее домом.

— Доброй ночи, — повторила Кларисса, и дверь за ней захлопнулась.

* * *

В комнате воцарилось молчание. Дейк спокойно ждал, не спуская взгляда с Лессинга. Тень его слегка двигалась под лампой, что покачивалась

над столом. Через мгновение Лессинг сказал чуть ли не с вызовом:

— Ну?

Дейк зашевелился в кресле, слегка улыбнулся и повторил, точно эхо:

— Ну?

— Что вы думаете?

Дейк покачал головой:

— Я вообще ничего не думаю. Пока не время… ведь рассказ еще не окончен, не правда ли?

У Лессинга сделался задумчивый вид.

— Да… не совсем. Мы встретились еще раз.

— Всего раз? — Глаза Дейка вспыхнули. — Вот тогда, наверное, ты и потерял память. Это самый интересный момент. Продолжай… что произошло?

Лессинг закрыл глаза и заговорил очень медленно, один за другим припоминая каждый эпизод:

— На следующее утро меня разбудил телефонный звонок. Это была Кларисса. Едва услышав ее голос, я понял, что настало время уладить все раз и навсегда — если смогу. Если сумею. Я не думал, что… Он позволит мне поговорить с ней, но знал, что должен попытаться. У нее был такой расстроенный голос. Она не сказала почему. Про-

сто хотела, чтобы я немедленно приехал.

Когда Лессинг вышел из лифта, она стояла у открытой двери на фоне зеркал, в которых на этот раз ничто не двигалось. Она выглядела свежей и прекрасной, и он снова, как и по пробуждении, удивился тому, что необычное опьянение этой ночи не повлекло болезненных последствий для них обоих. Однако она показалась обеспокоенной; глаза сияли слишком ярко, их темный блеск ослеплял, выражение безмятежности на лице исчезло. Это заставило его возликовать. Значит, она пробуждалась от долгого, долгого сна.

Входя следом за ней в комнату, он спросил:

— А где твоя тетя?

Кларисса рассеянно оглянулась:

— Ох… ушла куда-то, надо полагать. Не думай о ней. Джим, скажи… этой ночью мы вели себя неправильно? Ты помнишь, что произошло? Все помнишь?

— Ну… по крайней мере, мне так кажется. — он старался выиграть время, не чувствуя, вопреки собственному решению, готовности вот так сразу нырнуть в эти глубокие воды.

— Что произошло? Почему это так меня беспокоит? Почему я не могу вспомнить?

Обеспокоенный взгляд Клариссы скользил по

его лицу. Он взял ее за руки — холодные, слегка дрожащие.

— Пошли вон туда, — сказал он. — Сядь. В чем проблема, дорогая? Ничего неправильного. Мы немного выпили, а потом совершили долгую прогулку на машине. Помнишь? Я привез тебя сюда, ты пожелала мне доброй ночи и ушла.

— Это не все, — убежденно заявила она. — Мы… боролись с чем-то. И это было неправильно — бороться… я никогда не делала этого прежде. Мне никогда даже в голову не приходило, что это так, пока я не стала бороться прошлой ночью. Но теперь я понимаю. Что это было, Джим?

Он серьезно смотрел на нее сверху вниз, чувствуя, как внутри нарастает ужасное волнение. Может, непонятно как, они все же добились успеха этой ночью, сумели разрушить чары. Может, Он в конце концов ослабил свою хватку, когда они выбились из схемы, пусть совсем ненадолго.

Однако медлить было нельзя. Сейчас, когда узы ослабели, следовало разрубить их — если удастся. Может, завтра, снова оказавшись во власти всегдашней рассеянности, она отгородится от него. Надо рассказать ей сейчас… может, вместе они сумеют разорвать могущественные кольца, которые мягко, но неумолимо сжимались вокруг нее.

— Кларисса. — Он развернулся на софе лицом к ней. — Кларисса, думаю, будет лучше, если я кое-что тебе расскажу. — Тут им внезапно овладели ни на чем не основанные сомнения, и он брякнул не к месту: — Ты любишь меня?

Безрассудство — но для него почему-то было очень важно, чтобы она заверила его в своей любви именно сейчас.

Кларисса улыбнулась, прижалась щекой к его плечу и оттуда — он не мог видеть ее лица — пробормотала:

— Я всегда буду любить тебя, дорогой.

Последовала долгая пауза. Потом, обнимая Клариссу одной рукой и не глядя ей в лицо, он заговорил:

— Кларисса, дорогая, с тех пор как мы встретились, произошли события, которые… тревожат меня. Связанные с тобой. Я собираюсь рассказать тебе о них, если смогу. Думаю, что-то или кто-то, очень могущественный, наблюдает за тобой и толкает в определенном направлении, к цели, о которой я могу лишь догадываться. Я попытаюсь объяснить тебе, почему у меня возникли такие мысли, и, если я замолчу, не закончив рассказ, знай: в мои планы это не входит. Меня остановили.

Лессинг замолчал, в какой-то степени испытывая благоговейный ужас перед собственной смелостью. Еще бы! Бросить вызов Тому, чья всемогущая рука однажды уже заставила его замолчать. Однако на этот раз печать молчания не затворила его уста, и он продолжал говорить, удивляясь и все время ожидая, что каждое слово станет последним. Кларисса молча лежала у него на плече, дыша совершенно беззвучно и почти не двигаясь. Лица ее не было видно.

И он рассказал ей обо всем, очень просто, не упоминая о собственной растерянности и безумных выводах, к которым пришел. Рассказал о том случае в парке, когда ее перенесло по тоннелю из светящихся колец. Напомнил об исчезновении беседки. Рассказал о своем странном полусне здесь, в прихожей, когда он взывал к тому, кто мерещился ему в комнате с зеркалами, — или думал, что взывал. Рассказал об их странной, сбивающей с толку поездке по городу этой ночью, и о том, как схема сворачивала улицы под их колесами. Поведал о двух своих снах, таких красочных, в которых она — и, однако, не она — держалась так уверенно. И потом, не делая никаких выводов, спросил, что она думает обо всем этом.

Некоторое время она неподвижно лежала в

его объятиях. Потом медленно села, отбросила за спину гладкие черные волосы и устремила на него взгляд лихорадочно блестевших глаз.

— Значит, это правда, — сказала она с оттенком мечтательности в голосе.

И замолчала.

— Что «это»? — спросил он почти раздраженно и одновременно с ощущением триумфа, потому что на этот раз Кто-то не помешал ему договорить и выложить все как есть.

Он очень надеялся, что теперь наконец узнает правду.

— Значит, я была права, — продолжала Кларисса. — Я действительно сражалась с кем-то этой ночью. Странно, но я вообще не знала, что оно здесь, — пока не начала сражаться с ним. Теперь мне ясно, что оно всегда было здесь. Интересно…

Не дождавшись продолжения, Лессинг спросил напрямую:

— Ты когда-нибудь осознавала… что с тобой все иначе, чем с другими людьми? Скажи, Кларисса, что это такое, когда ты… когда ты стоишь и не можешь оторвать взгляда от чего-то совершенно заурядного?

Она повернула голову и одарила его долгим, серьезным взглядом, который лучше всяких слов

свидетельствовал о том, что чары отнюдь не рассеялись. Вместо ответа на вопрос она сказала:

— Я почему-то до сих пор в детстве. Я никогда не забывала ее, хотя, конечно, это не совсем сказка. Видишь ли…

Она снова замолчала. Ее глаза сияли так ярко, точно свет исходил откуда-то из-за ее спины, из темной комнаты с зеркалами. На мгновение ее лицо озарилось так хорошо знакомым ему предвкушением. Она восторженно улыбнулась без видимой причины и, похоже, сама не понимала, почему улыбается.

— Да, — продолжила она, — я хорошо ее помню. В некотором царстве, в некотором государстве, затерянном в лесной чаще, родилась девочка. Все люди в этой стране были слепы. Солнце там сияло так ярко, что никто из них не мог видеть. Поэтому маленькая девочка тоже держала глаза закрытыми и даже не догадывалась, что существует такая вещь, как зрение. Однажды, идя одна по лесу, она услышала рядом голос. «Кто ты?» — спросила она. Голос ответил: «Твой хранитель». Маленькая девочка произнесла: «Мне не нужен хранитель. Я очень хорошо знаю эти леса, я тут родилась». Голос сказал: «Да, ты родилась тут, но родом ты не отсюда, дитя. Ты не слепа, как остальные».

Маленькая девочка воскликнула: «Слепа?! Что это значит?» — «Пока я не могу объяснить тебе все, — ответил голос, — но знай: ты — королевская дочь, родившаяся среди этих простых детей, как иногда случается с нашими королевскими детьми. Мой долг — приглядывать за тобой и помочь тебе открыть глаза, когда придет время. Но пока оно не пришло. Ты слишком мала… солнце ослепило бы тебя. Однако настанет день, когда ты откроешь глаза и сможешь видеть».

Кларисса смолкла. Лессинг нетерпеливо спросил:

— Ну и?..

Кларисса вздохнула:

— Тетя никогда не заканчивала эту сказку. Может, поэтому она мне и запомнилась.

— Не думаю… — начал было Лессинг, но что-то в лице Клариссы остановило его. Она выглядела восторженной, околдованной, рождественский утренний вид никогда еще не был настолько законченным. Будто ребенок проснулся и вспомнил, какое чудо ожидает его внизу — украшенное свечками, усыпанное серебряными блестками. Кларисса сказала тихо, но отчетливо:

— Это правда. Конечно, это правда! Все, что ты сказал, и волшебная сказка тоже. О да, я королев-

ская дочь. Конечно, это так!

Внезапно она приложила обе ладони к глазам, как-то совершенно по-детски, словно ожидала, что слепота из аллегории станет реальностью.

— Кларисса! — воскликнул Лессинг.

Она смотрела на него широко распахнутыми, ослепительно сиявшими глазами и, казалось, почти не узнавала его. Странное, непрошеное воспоминание зашевелилось в сознании Лессинга, и его охватил ужас. Алиса идет с Ланью по заколдованному лесу, где нет никаких имен и названий, идет, дружески обнимая Лань за шею. И слова Лани, когда они вышли к краю леса и к обоим вернулась память. Как она отпрянула от Алисы, стряхнула с себя ее руку, а в глаза, до этого так же безмятежно глядевшие на Алису, как Кларисса — на него, вернулась тревога. «Я — Лань! — закричала она изумленно. — А ты — человечий детеныш!»

Разные виды.

— Странно, почему я совсем не удивлена? — пробормотала Кларисса. — Наверно, на самом деле я поняла все давным-давно. А интересно, что будет дальше?

Лессинг испуганно смотрел на нее. Сейчас она была совсем как ребенок, полная восторга от от-

крывавшейся перспективы… чего?… и не думала о возможных последствиях. Это пугало — наблюдать за ее уверенностью в том, что величие придет и принесет с собой только хорошее. Ему претила мысль о том, чтобы стереть выражение восторженного предвкушения с ее лица, но… он должен был сделать это. Он хотел от нее помощи в сражении с тем, что надвигалось, и никак не ожидал с ее стороны ни мгновенного принятия, ни такого яркого восторга. Она должна противиться этой идее…

— Кларисса, — сказал он, — подумай! Если это правда… хотя, может, мы ошибаемся… разве ты не понимаешь, что это значит? Он… они… не позволят нам быть вместе, Кларисса. Мы не сможем пожениться.

Она устремила на него радостный взгляд сияющих глаз:

— Конечно, мы поженимся, дорогой. Они лишь приглядывают за мной, понимаешь? Уверена, они никогда не причинят мне вреда. Кроме того, дорогой, по всему, что нам известно, ты можешь оказаться одним из нас. Хотела бы я знать, так ли это. Вполне может быть, тебе не кажется? Иначе зачем они позволили нам влюбиться друг в друга? Ох, дорогой…

Внезапно он почувствовал, что за спиной у него кто-то стоит. Кто-то… на миг мелькнула мысль: не сам ли ревнивый бог сошел на землю, чтобы предъявить права на Клариссу? Лессинг не осмеливался повернуть голову. Но когда сияющий взгляд Клариссы без всякого удивления скользнул ему за спину, Лессинг почувствовал себя немного увереннее.

Он замер. Он знал, что не сможет повернуться, если захочет. Он мог видеть лишь Клариссу, и, хотя не было произнесено ни слова, выражение ее лица изменилось. Восторженная радость медленно уходила. Она покачала головой, недавний экстаз сменился замешательством и недоверием.

— Нет? — спросила она, обращаясь к кому-то позади него. — Но я думала… Ох, нет, ты не смеешь! Ты не сделаешь этого! Это нечестно! — Хлынули слезы, отчего ослепительно-темные глаза засияли еще ярче. — Ты не можешь, не можешь!

Кларисса зарыдала, метнулась к Лессингу, обняла за шею и забормотала что-то бессвязно-протестующе, прижимаясь к его плечу.

Машинально обняв ее, он пытался справиться с разбродом в мыслях. Что происходит? Кто…

Кто-то прошмыгнул мимо него. Тетя. Он понял

это, но без чувства облегчения, несмотря даже на то, что ожидал увидеть — с некоторым страхом — Того, о чьем существовании лишь догадывался.

Тетя склонилась над ними и мягко потянула Клариссу за подрагивающее плечо. Спустя мгновение руки, обхватившие Лессинга за шею, расслабились, и она послушно села прямо, хотя все еще судорожно всхлипывала, разрывая ему сердце. Он отчаянно хотел сказать или сделать что-нибудь, способное успокоить ее, но и разум, и тело объяла странная вялость, будто в комнате действовала сила, недоступная его пониманию. Будто он двигался вразрез с поющими механизмами, присутствие которых ощущал — или воображал, что ощущает, — так часто. Вразрез — а две женщины возле него без всяких усилий двигались заодно с ними.

Кларисса дала оттащить себя, напоминая теперь безвольного ребенка, и полностью погрузилась в свою печаль, безразличная ко всему остальному. Слезы струились по ее щекам, во всем облике ощущалась безнадежность. Она до последнего не отпускала рук Лессинга. Наконец ее пальцы выскользнули, и эта потеря контакта, как ни странно, дала ему понять определеннее чего бы то ни было, что больше они не увидятся.

Они стояли на ковре в нескольких футах друг от друга, а казалось, что между ними неумолимо пролегли мили. Мили, которых становилось все больше с каждым мигом. Кларисса смотрела на него сквозь слезы, ее глаза непереносимо сияли, губы подрагивали, руки все еще были протянуты к нему и слегка согнуты, точно она продолжала обнимать его.

«Это все. Ты выполнил свою задачу… а теперь уходи. Уходи и забудь».

Он не знал, чей голос произнес это и были ли слова точно такими, но смысл понял совершенно правильно. «Уходи и забудь».

В воздухе зазвучала громкая музыка. На одно последнее мгновение он остался в мире, ослепительно-прекрасном и ярком, потому что это был мир Клариссы, сверкавший даже в этой темной комнате с множеством зеркал. Везде, где он видел, под разными углами отражались бессчетные Клариссы, охваченные печалью расставания. Каждая Кларисса уронила согнутые руки, но он так и не увидел их упавшими. Последний взгляд на залитое слезами лицо, и потом… потом…

Лета.

Дейк испустил долгий вздох и наклонился вперед на скрипнувшем кресле, устремив на

Лессинга из-под светлых бровей ничего не выражающий взгляд. Лессинг недоуменно замигал в ответ. Мгновение назад он стоял в комнате Клариссы; пальцы все еще ощущали тепло ее прикосновения. Он слышал, как она всхлипывает, видел, как движутся отражения в зеркалах…

— Подождите, — сказал он. — Отражения… Кларисса… я почти вспомнил что-то важное. — Он выпрямился в кресле и нахмурился, глядя на Дейка, но не видя его. — Отражения, — повторил он. — Кларисса… множество Кларисс… но не тетя! Я смотрел на двух женщин в зеркале, но не видел тети! Я никогда не видел ее… ни разу! И тем не менее… ответ где-то здесь, понимаете ли… прямо здесь, под рукой. Если бы я только мог…

Потом случилась вспышка озарения. Кларисса поняла все раньше его; разгадка крылась в рассказанной ею легенде. Страна слепых! Как могут незрячие туземцы надеяться увидеть королевского посланца, приглядывающего за принцессой, что гуляет по заколдованному лесу? Как может он помнить то, что его разум был не в состоянии понимать? Как мог он видеть стража? Нет, только ощущать присутствие без формы, голос без слов, движение по собственной яркой орбите за пределами взгляда слепца.

* * *

— Сигарету? — спросил Дейк, снова наклонившись вперед со скрипом.

Лессинг автоматически потянулся через стол. Какое-то время тишину нарушали лишь шуршание бумаги и царапанье спички. Они курили, молча глядя друг на друга. Снаружи донеслись звуки шагов по гравию и заглушенные ночью мужские голоса. В темноте пронзительно пели вездесущие сверчки.

Дейк со стуком опустил передние ножки кресла и потянулся вперед, чтобы загасить недокуренную сигарету.

— Ладно, — сказал он. — Теперь… Ты все еще не в себе или в состоянии посмотреть на все объективно?

Лессинг пожал плечами:

— Могу попытаться.

— Для начала, давай исходить из того — по крайней мере, пока, — что такого просто не бывает. Твой рассказ полон прорех. Он рассыплется на части за десять минут, если постараться.

Лессинг насупился:

— Может, вы думаете…

— Я еще даже не начал думать. Естественно, мы

не добрались до сути дела. Я не верю, что все происходило так, как тебе запомнилось. Послушай, разве это возможно? Вся история по-прежнему выглядит аллегорично, и мы должны копать глубже, пока не обнаружим голые факты. Теперь я хотел бы знать… — Его голос сошел на нет. Он вытряхнул из пачки новую сигарету, рассеянно чиркнул спичкой и продолжил, выдохнув облако дыма: — Возьмем все как есть, просто на минуту. Разгадаем, что стоит за аллегорической повестью о королевской дочери, рожденной в Стране слепых. Знаешь, Лессинг, меня поражает одна вещь, которой ты пока не заметил. Ты задумывался о том, какой ребячливой выглядит Кларисса? Ее поглощенность самыми обычными вещами, к примеру. Ее убежденность, что действующие вокруг силы непременно должны по-отечески оберегать ее. Да, и даже это сияние, которое, по твоим словам, воздействовало на все, что ты видел и слышал, когда был с нею. Таков мир ребенка. Сильные, яркие цвета. Ничего безобразного, потому что у детей отсутствует база для сравнения. Слова «красота» и «уродство» для ребенка — пустой звук. Я помню, как в детстве все, что вызывало интерес, было полно особого очарования. Вордсворт, знаешь ли… «В раннем

детстве небеса простираются вокруг нас» — и все такое прочее. И тем не менее она была достаточно взрослой, верно? За двадцать, так?

Он замолчал, глядя на кончик сигареты.

— Знаешь, это выглядит как обычный случай запоздалого развития, тебе не кажется? — продолжил Дейк. — Постой-постой, подожди минутку! Я всего лишь сказал, что это выглядит таким образом. У тебя достаточно здравого смысла, чтобы распознать слабоумного. Я не говорю, что Кларисса была из их числа, просто хочу сказать… Я думаю о своем маленьком сыне. Ему сейчас одиннадцать, и теперь с ним все в порядке, но, когда он начал ходить в школу, его ай-кью было самым высоким в классе. Он не хотел играть с другими ребятами: ему было скучно. Слонялся вокруг дома и читал, пока до нас с женой не дошло, что с этим надо что-то делать. Высокое ай-кью или нет, а парню нужно играть с другими ребятами. Человек никогда не сможет вписаться в общество, если не научится этому в детстве. Не станет психически нормальным, если не будет расти вместе с другими детьми. Позже высокое ай-кью ему очень даже пригодится, но для ребенка это почти помеха. — Лейтенант помолчал. — Ну, понимаешь, к чему я веду?

Лессинг покачал головой:

— Нет, не понимаю. Я все еще слишком ошеломлен.

— Кларисса, — медленно заговорил Дейк, — возможно, аллегорически — заметь, не в реальном смысле — и в самом деле королевская дочь. Возможно, она родилась среди низших существ и даже не догадывалась о том, что в ее жилах течет… скажем так, королевская кровь… пока не начала опережать в своем развитии тех, кто ее окружал. Возможно… у короля возникли те же мысли, что и у меня насчет сына… что она нуждается в обществе… детей… пока растет. Она не может развиваться как надо среди… взрослых. Взрослых, ушедших так далеко вперед от всего известного нам, что после того, как они находились в одной комнате с тобой, ты даже не помнишь, как они выглядели.

Лессингу понадобилась добрая минута, чтобы до него дошел смысл сказанного Дейком. Потом он резко выпрямился и сказал:

— Ох, нет! Это невозможно. Ну, я бы знал…

— Тебе нужно, — рассеянно заметил Дейк, — посмотреть, как мой парнишка играет в бейсбол. Пока он играет, это для него самая важная вещь на свете. Другие ребята даже не догадываются,

что он способен думать о чем-то, кроме игры.

— Но… золотой ливень, к примеру, — запротестовал Лессинг. — Присутствие бога… даже…

— Постой минуточку! Постой! Ты же помнишь, как пришел к мысли о боге. Увидел то, что выглядело как золотой дождь, вспомнил легенду о Данае, понял, что все происходит с какой-то целью и за этим кто-то стоит. Если бы перед твоими глазами был не золотой дождь, а, скажем, горящий кустарник, у тебя возникла бы совсем другая теория. Насчет Моисея, может быть. Что же касается присутствия… — Дейк помолчал, прищурившись. Чувствовалось, что он колеблется. — У меня есть кое-какие предположения. Они могут тебе не понравиться. Но об этом потом. Прежде я хотел бы развить эту… аллегорию. Не забывай, я не воспринимаю ее серьезно, но и не хочу, чтобы она повисла в воздухе. Она пленяет просто сама по себе. По-моему, она очень ясно указывает на присутствие homo superior, здесь и сейчас, прямо среди нас.

— Суперменов? — переспросил Лессинг. С очевидным усилием заставив себя сосредоточиться, он уселся прямо и задумчиво, хмуро посмотрел на Дейка. — Может быть. Или… Лейтенант, вы

читали Кейбелла?[52] В одной из своих книг он выводит героя, представителя некоей суперцивилизации, который вторгается в наш мир лишь одной… одной своей гранью. И приводит геометрическую аналогию: можно сказать, что представители этой цивилизации на плоской поверхности нашего мира выглядят как квадраты, хотя в своем мире имеют кубическую форму, о чем мы даже не догадываемся.

Он сосредоточенно нахмурился и смолк. Дейк кивнул:

— Да, может, что-то в этом роде. Четвертое измерение… они временно ограничивают себя в нашем мире, с определенной целью. — Он дернул себя за нижнюю губу и повторил: — С определенной целью. Это унизительно! Я рад, что на самом деле не верю в эту теорию. Даже рассматривать такое допущение и то… не слишком приятно. Homo superior, посылающий своих детей к нам, чтобы… играть.

Он засмеялся:

— Резвитесь, детки! Хотел бы я знать, понимаешь ли ты, к чему я клоню. Хотя я и сам не уверен. Слишком смутно. У меня человеческий

---

[52] Notes: 52

Джеймс Кейбелл (1879–1958) — американский писатель-фантаст.

и, следовательно, ограниченный разум. Я увяз в привычных схемах антропоморфного мышления, и они мешают мне. Мы должны смотреть в корень. Это психологический трюизм. Вот почему считается, что Мефистофель был заинтересован в покупке человеческих душ. Вообще-то, они ему не были нужны — неуловимые, неосязаемые. Какой от них толк демону с его демоническим могуществом?

— При чем тут демоны?

— Ни при чем. Я просто рассуждаю. Homo superior должны быть лишены малейшего налета чего-либо человеческого… во взрослом состоянии. Демонам приписывали человеческие эмоции и черточки. Почему? По непониманию. Они не должны иметь их, даже в большей степени, чем супермены. Орудия! — многозначительно закончил Дейк и уставился в пространство.

— Орудия?

— Этот… этот мир. — Он повел рукой вокруг. — Что нам известно о дьяволе? Мы создали ускорители ядерных частиц, микроскопы и… всякие другие штуки. Детские игрушки. Мой парнишка с помощью микроскопа может разглядеть жучков в воде ручья. Доктор возьмет тот же самый микроскоп, использует красящие вещества, вы-

делит микроб и сделает важный научный вывод. Потому что он взрослый. Весь этот мир… вся эта материя… вокруг нас… просто орудия, которые, возможно, мы используем как дети. Суперцивилизация…

— По определению, будет слишком «супер», чтобы мы могли ее понять?

— В целом да. Ребенок не может полностью понять взрослого. Но ребенок в состоянии понять другого ребенка, более или менее, если находится примерно на одном с ним уровне или как минимум имеет тот же общий знаменатель. Допустим, взрослый человек у нас будет «х». Взрослый супермен — «ху». Суперребенок — неразвитый, незрелый — «ху/у». Другими словами, он эквивалентен взрослому Homo sapiens. Sapiens достигает дряхлости и умирает. Superior достигает зрелости и становится настоящим суперменом. И эта зрелость…

Они ненадолго смолкли.

— Они вторгаются к нам на некоторое время, исключительно в интересах своих детей, — снова заговорил Дейк. — Возможно, амнезия поражает всякого, подошедшего слишком близко, как ты… Помнишь Чарльза Форта? Все эти таинственные исчезновения, светящиеся шары, космические

тарелки, дьяволы Джерси. Это побочные следствия. Суть в том, что суперребенок, может быть, живет среди нас, здесь и сейчас, и никто не подозревает об этом. Внешне он выглядит как обычный взрослый человек. Или не совсем обычный… тогда могут быть приняты некоторые меры предосторожности. — Лейтенант снова замолчал, катая по столу карандаш. — Конечно, это маловероятно, — продолжил он. — Чистая теория. У меня есть гораздо более правдоподобное объяснение, но, как я уже говорил, тебе оно может не понравиться.

— И что это?

На губах Лессинга промелькнула бледная улыбка.

— Помнишь лихорадку Клариссы?

— Конечно. После этого многое стало по-другому… заметнее. Я подумал тогда: может, в бреду она впервые увидела то, что ей не позволяли видеть в нормальной жизни. Казалось, эта лихорадка была необходима. Но конечно…

— Постой. Давай на мгновение допустим, что все твои рассуждения неправильны. Оглянись назад. Вы оба попали в грозу, и Кларисса заболела, так? И после этого дела пошли все «страньше и страньше». Лессинг, ты не задумывался над тем,

что в грозу попали вы оба? И ты уверен, что это у тебя потом не было бреда?

Лессинг сидел, глядя в прищуренные глаза лейтенанта. Спустя некоторое время он покачал головой и сказал:

— Да. Уверен.

Дейк улыбнулся:

— Ладно. Просто обдумай то, что я сказал. Это всего лишь возможность, конечно.

Он замолчал, выжидая. Через некоторое время Лессинг поднял взгляд.

— Может, у меня и была лихорадка, — признал он в конце концов. — Может, я все вообразил. Однако это по-прежнему не объясняет провалы в памяти. Я знаю один способ снять по крайней мере часть вопросов.

Дейк кивнул:

— Интересно, мы имеем с тобой в виду одно и то же?

— Почему бы и нет? Я найду дорогу туда с завязанными глазами. Кто знает? Вдруг она все это время ждала меня! Ничто не мешает завтра же вернуться туда.

— Существует маленькая проблема: пропуск, — сказал Дейк. — Но думаю, я в состоянии ее разрешить. Ты вправду хочешь отправиться

туда как можно скорее, Лессинг? Даже не продумав все как следует? Знаешь, это будет ужасный шок, если ты не обнаружишь ни той комнаты, ни Клариссы. Честно говоря, не удивлюсь, если именно так и случится. Думаю, мы пока не поняли смысла всей этой аллегории. Может, и не поймем никогда. Но…

— Я должен поехать, — сказал Лессинг. — Неужели вы не понимаете? Мы так и будем толочь воду в ступе, пока не исключим по крайней мере самую очевидную возможность. В конце концов, я ведь мог рассказать чистую правду!

Дейк засмеялся и пожал плечами.

Лессинг стоял перед знакомой дверью, не решаясь позвонить. Пока память ни в чем не подвела его. Здесь был коридор, который он хорошо знал. Здесь была дверь. Стены и комнаты, несомненно, расположены именно так, как при Клариссе. Конечно, ее может и не быть здесь. Не следует испытывать разочарования, если на звонок ответит незнакомый человек. Это ничего не доказывает. В конце концов, прошло целых два года.

И Кларисса начала изменяться еще в те времена, прямо у него на глазах. Лихорадка, казалось, лишь ускорила события.

Хорошо, предположим, что все это правда.

Предположим, она принадлежит к суперцивилизации. Предположим, что в мире Лессинга она показывала лишь одну грань из своих четырех. Одну грань, которой она любила его; разве этого мало? Да, он никогда не осознает до конца ее глубину; однако она еще не полностью созрела для сложной геометрии своего мира, и, пока одна грань пребывает в единственном известном ему плоском мире, Кларисса может, так он думал, любить его. Надеялся, что может. Он помнил ее слезы. Снова слышал, как нежный, застенчивый голос страстно произносит: «Я всегда буду любить тебя…»

Он с силой надавил на звонок.

Комната изменилась. Зеркала по-прежнему стояли, но… не в том порядке, как он помнил. И стали более чем зеркалами. Однако у него не было времени размышлять о переменах: впереди что-то зашевелилось.

— Кларисса! — окликнул он.

Краткий миг озарения, и он понял наконец, как был не прав.

Он забыл, что измерения — не предел. Кейбелл невольно сбил его с толку: существуют измерения, в которых куб имеет гораздо больше шести граней. Измерение Клариссы — причем

его «грани» необязательно связаны только с пространством — просто среда, через которую эти «грани» могут проявлять себя. И поскольку люди живут на трехмерной планете и все планеты в этом континууме трехмерные, никакого тессеракта, четырехмерного гиперкуба, человек не в состоянии представить.

Следовательно, ни один набор хромосом и генов, придуманный и собранный на Земле, не может нести в себе матрицу супермена. Никакая батарея не способна дать напряжения больше, чем предусмотрено. Но допустим, есть три, шесть, дюжина батарей одинакового размера, и если их соединить между собой…

Пока они не соединены, пока связи не установлены, каждая сама по себе. Каждая имеет свои ограничения. Существуют «слепые», идущие ощупью во тьме, и «поводыри», которые помогают рассыпавшемуся организму завершить себя. Человеческий разум не в состоянии осознать, что имеет дело с суперсуществом, вплоть до того момента, когда связь будет установлена и все батареи превратятся в единое устройство с громадной потенциальной мощью.

На Земле есть Кларисса и ее так называемая тетя… которую понять вообще невозможно.

На далекой планете в созвездии Тельца тоже есть Кларисса, но зовут ее там Эзандорой, а ее наставник держится на расстоянии — таинственное существо, которое местное население обожествляет.

На планете с названием, больше похожем на порядковый номер — «Семь миллионов четыреста двадцать восемь от центра Галактики», — есть Джандав. Она не расстается с маленьким кристаллом, который направляет ее.

В атмосферах на основе кислорода и галогенов, в мирах, окруженных дрожащим пламенем древних звезд и недоступных нашим телескопам, под водой, там, где царят холод, темень и пустота, матрица бесконечное множество раз повторяет себя и благодаря невообразимой научной и психической мощи Homo superior биологический цикл представителей этой цивилизации совершается, заканчивается и начинается снова. Отнюдь не спонтанно, в одно и то же время, во многих мирах, схема, одним из проявлений которой была Кларисса, возникает и развертывается.

Или, используя аллегорию Кейбелла, схема Клариссы одной гранью присутствует на Земле, но это не одна грань из возможных шести, а одна из бесконечно возможных. На каждой

стороне этой невообразимой геометрической сферы Кларисса двигалась, была независимым существом и постепенно развивалась. Училась сама и выслушивала уроки. Тянулась к центру сферы, которая была — или однажды будет — завершенной Клариссой. Однажды последнее зеркало-грань пошлет в центр ее повзрослевшее отражение, множество Кларисс, если можно так выразиться, протянут друг другу руки и сольются в завершении.

До этого момента мы можем проследить их путь. Но не после того, как отдельные элементы сольются в потрясающе завершенное существо, для которого во множестве миров взрослело множество Кларисс. После этого Homo superior не будет иметь никаких точек соприкосновения с homo sapiens — точек, доступных пониманию последних. Мы знаем их как детей. И они растут. Детство остается позади.

— Кларисса… — сказал он.

И молча замер, глядя через темный дверной проем в зеркальную полутьму, видя… то, что видел. На лестничной площадке было темно. Вверх и вниз уходила лестница, тихая, затянутая тенями. В спокойном воздухе не ощущалось никакого движения. Мощь, не требующая демонстрации

мощи.

Он повернулся и медленно пошел вниз по лестнице. Страх, боль и так долго снедавшее его беспокойство ушли. Снаружи, на обочине, он закурил сигарету, подозвал такси и задумался о том, что делать дальше.

Машина понеслась. Темная, сверкающая Истривер плавно скользила на юг вдоль улицы. С другой стороны послышалось громыхание поезда.

— Куда едем, сержант? — спросил водитель.

— В центр, — ответил Лессинг. — Где тут можно хорошо оттянуться?

Он приятно расслабился, откинувшись на подушках. Сознание полностью избавилось от напряжения и беспокойства.

На этот раз память была заблокирована прочно. Он проживет отведенный ему срок, довольный и счастливый, как любой другой человек, радуясь жизни в той мере, в какой способен на это, и с глубоким удовлетворением пользуясь игрушками Земли.

— Ночной клуб? — спросил водитель. — В новой «Кабане» неплохо…

Лессинг кивнул:

— Ладно. Пусть будет «Кабана».

Он откинулся назад, с наслаждением вдыхая дым. Наступил детский час.

Пробуждение

В психлечебнице никогда не бывало спокойно. Даже с приходом ночи, в наступившей относительной тишине, ощущалось тревожное напряжение в воздухе, ведь обострения психических расстройств столь же постоянны, хоть и не столь регулярны, как кружение аттракционов в парке.

Вечером у Грегсона из тринадцатой палаты случился очередной приступ маниакально-депрессивного психоза, и проблем избежать не удалось. Прежде чем санитарам удалось упаковать его в смирительную рубашку, он умудрился сломать руку застывшему в полной неподвижности пациенту-кататонику, который не издал ни звука, даже когда треснула кость.

После дозы апоморфина Грегсон утихомирился. Через несколько дней он окажется в нижней точке кривой своего психоза — отупевший, неподвижный, ничем не интересующийся. И в течение некоторого времени никакое событие не сможет вызвать у него самомалейших эмоций.

Доктор Роберт Бруно, главный врач, подождал, пока выйдет медсестра с уже не стерильным шприцем, и кивнул санитару:

— Прекрасно. Подготовьте пациента. В третью операционную, через полчаса.

Взгляд его голубых глаз был холоден. Плотно сжав губы, он вышел в коридор. Там дожидался доктор Кеннет Моррисси, и вид у него был обеспокоенный.

— Операция, доктор?

— Идемте, — сказал Бруно. — Нужно подготовиться. Что с Уилером?

— Похоже, обычный перелом предплечья. Я наложил шины.

— Поручите его кому-нибудь другому, — распорядился Бруно. — Мне нужна ваша помощь. — Он отпер дверь своим ключом. — Грегсон сейчас в хорошей форме для эксперимента.

Моррисси промолчал. Бруно коротко рассмеялся:

— Что вас беспокоит, Кен?

— Слово «эксперимент», — ответил Моррисси.

— Пентотал тоже был экспериментальным средством, когда его применили впервые. Так и тут: искусственная эмпатия. Если и имеется риск, то для меня, а не для Грегсона.

— Вы настолько уверены?

Они вошли в кабину лифта.

— Да, я уверен, — выделил последнее слово

Бруно. — Всю жизнь я следовал правилу: предпринимая нечто новое, я должен быть абсолютно уверен в успехе. Эксперимент не может не удаться. Я не вправе рисковать пациентами.

— Но…

— Идемте. — Бруно вышел из лифта и направился в сторону смотровой палаты. — Хочу все проверить в последний раз. Измерьте мне кровяное давление.

Он снял белый халат и ловко обмотал вокруг руки пневматическую манжету.

— Я уже объяснил ситуацию жене Грегсона, — продолжал Бруно, пока Моррисси накачивал манжету резиновой грушей. — Она подписала необходимые бумаги, поскольку знает, что это единственный шанс вылечить Грегсона. Кен, он безумен уже семь лет. И состояние его мозга с каждым днем ухудшается.

— Состояние, говорите? Угу… Меня это не слишком беспокоит. Кровяное давление в норме. Сердце… — Моррисси взял стетоскоп и минуту спустя удовлетворенно кивнул.

— Врач не имеет никакого права бояться темноты, — сказал Бруно.

— Врач не исследует территории, которых нет на карте, — проворчал Моррисси. — Вы можете

вскрыть труп, но не можете проделать то же самое с живым душевнобольным. Как психиатр, вы не можете не понимать: мы не знаем всего, что следовало бы знать о человеческом разуме. Стали бы вы брать кровь для переливания у больного менингитом?

— Это мистика, Кен, — усмехнулся Бруно. — Чистой воды мистика! Вирусная теория психических заболеваний! Боитесь, что я заражусь безумием Грегсона? Не хочу вас разочаровывать, но эпизодические душевные расстройства не заразны.

— То, что вы не видите вирус, не значит, что его нет, — возразил Моррисси. — Как насчет фильтрующегося вируса? Несколько лет назад никто и представить себе не мог возможность жидкой жизни.

— А потом вы вернетесь к елизаветинским временам и заговорите про селезенку и дурное настроение. — Бруно надел рубашку и халат и посерьезнел. — Хотя в каком-то смысле это действительно переливание. Единственная возможная его разновидность. Да, согласен, никто не знает всего, что следовало бы знать о душевных расстройствах. Точно так же, как никто не знает, благодаря чему человек способен мыслить. Но именно здесь встречаются физика и медицина.

Благодаря встрече мистики и медицины был выделен дигиталин. А ученые начинают познавать природу мышления — как электронную энергетическую матрицу.

— Эмпирически?

— Сравните не мозг, но сам разум с урановым реактором, — сказал Бруно. — В разуме заложен потенциал для атомного взрыва, поскольку невозможно создать столь высокоспециализированный коллоид, не подойдя вплотную к опасному уровню. Это цена, которую человечество платит за свой разум. В урановом реакторе есть стержни-глушители из обогащенной бором стали, которые поглощают нейтроны, прежде чем те успевают выйти из-под контроля. В случае разума подобные глушители, естественно, имеют чисто психическую природу — но именно они сохраняют человеку здравый рассудок.

— С помощью символов можно доказать что угодно, — мрачно заметил Моррисси. — И стержни из бористой стали в череп Грегсону вы засунуть не сможете.

— Смогу, — ответил Бруно. — Фактически — смогу.

— Но эти глушители… это же лишь идеи! Мысли! Как вы…

— Что есть мысль? — спросил Бруно.

Моррисси скривился и следом за главврачом вышел из кабинета.

— Мысль можно отобразить на энцефалографе… — упрямо сказал он.

— Потому что это излучение. Что является причиной данного излучения? Энергия, испускаемая некой электронной матрицей. Что формирует подобные электронные матрицы? Изначальная физическая структура материи. Что заставляет уран при определенных условиях испускать нейтроны? Тот же ответ. Когда урановый реактор начинает выходить из-под контроля, его можно заглушить, если действовать быстро, с помощью бора или кадмия.

— Если действовать быстро. Но почему Грегсон? Он болен уже много лет.

— Будь он болен всего неделю, мы бы не смогли доказать, что его излечила именно искусственная эмпатия. Вы спорите лишь для того, чтобы избежать ответственности. Если не хотите мне помогать, найду кого-нибудь другого.

— Чтобы обучить другого, потребуется несколько недель, — сказал Моррисси. — Нет, я буду оперировать. Вот только… подумали ли вы о возможных последствиях для вашего собственного

разума?

— Конечно, — ответил Бруно. — Почему, черт побери, я провел над собой всесторонние психологические тесты? Я вполне пригоден: у меня в мозгу наверняка полно боровых глушителей. — Он остановился у двери своего кабинета. — Здесь Барбара. Встретимся в операционной.

У Моррисси опустились плечи. Бруно слегка улыбнулся и открыл дверь. Его жена сидела на кожаном диване, рассеянно листая страницы журнала по психиатрии.

— Изучаешь? — спросил Бруно. — Хочешь поработать медсестрой?

— Привет, дорогой, — ответила она, откладывая журнал в сторону.

Барбара быстро подошла — невысокая, смуглая и, как отвлеченно подумал Бруно, удивительно красивая. Она поцеловала мужа, и все отвлеченные мысли тут же исчезли.

— Что случилось?

— У тебя сегодня та самая операция, верно? Я хочу пожелать тебе удачи.

— Откуда ты знаешь?

— Боб, — сказала она, — мы женаты достаточно давно, так что я немного умею читать твои мысли. Не знаю, в чем заключается операция, но

знаю, что она очень важна. Так что — удачи!

Барбара снова поцеловала его, после чего улыбнулась, кивнула и выскользнула из кабинета. Доктор Роберт Бруно вздохнул, отнюдь не с сожалением, и сел за стол. С помощью системы громкой связи он убедился, что в больнице все идет по плану, и удовлетворенно прищелкнул языком.

Теперь — эксперимент…

В третьей операционной для этого эксперимента было установлено новое оборудование. Эндрю Парсонс, работавший вместе с Бруно физик-атомщик, уже ждал там, маленький и неопрятный, и его хмурое морщинистое лицо выглядело неуместным под шапочкой хирурга. О настоящей хирургической операции речь не шла; в трепанации черепа не было необходимости, но, само собой разумеется, были приняты все требуемые меры для поддержания стерильности.

Анестезиолог и две медсестры тоже стояли наготове, и Моррисси, одетый в белый халат, казалось, забыл о своих тревогах и вновь обрел обычный сосредоточенный вид. Грегсон лежал на одном из столов, уже без сознания. К введенному в его кровь апоморфину должна была добавиться внутривенная анестезия, такая же, какой пред-

стояло подвергнуться самому Бруно.

В операционной находились еще два доктора: Фергюсон и Дэйл. Если что-то пойдет не так, не исключено, что потребуется срочная операция на мозге. Но ничто не может пойти не так, подумал Бруно. Ничто.

Он посмотрел на гладкие сверкающие машины с множеством проводов и циферблатов. Естественно, к медицинскому оборудованию они никакого отношения не имели. Ими занимался Парсонс, который сам их спроектировал и изготовил. Но первоначальная идея принадлежала Бруно, и его познания в психиатрии дополняли научно-техническую компетенцию Парсонса. Встретились две отрасли науки, и результатом должно стать лекарство от безумия.

На голове у Бруно были чисто выбриты два участка. Парсонс тщательно закрепил электроды — точно такие уже были размещены на черепе Грегсона.

— Помните, — сказал Парсонс, — вы должны быть расслаблены до предела.

— Вы не приняли успокоительное, доктор, — заметил Моррисси.

— Мне оно не нужно. Хватит и анестезии.

Медсестры молча и сосредоточенно двигались

вокруг стола, проверяя аппаратуру. На отдельном столике дымился стерилизатор. Бруно очистил свой разум от мыслей и расслабился, ощущая, как медсестра протирает ему руку спиртом.

Наложение ментальной матрицы душевного здоровья… психическая связь… стержни-глушители, которые предстоит надежно закрепить в извращенном мозгу страдающего маниакально-депрессивным психозом.

Он ощутил укол иглы и машинально начал считать. Один, два, три…

Бруно открыл глаза. Над ним нависало рассеянно-отрешенное лицо Моррисси. Позади Моррисси виднелся светящийся потолок, столь яркий, что Бруно невольно моргнул. Рука слегка болела, но никаких побочных эффектов он не чувствовал.

— Вы меня слышите, доктор? — спросил Моррисси.

— Да, — кивнул Бруно. — Я очнулся. — Язык ворочался с трудом, но это было вполне закономерно. — Как Грегсон?

Но лицо Моррисси вдруг начало уменьшаться. Нет, оно отдалялось. Светящийся потолок сжался. Он куда-то падал…

Бруно летел вниз с ошеломляющей скоростью. Мимо проносились белые стены. Лицо Моррисси

превратилось в светящуюся точку далеко наверху. По мере падения становилось все темнее. Свистел ветер, и слышался нарастающий грохот, словно эхо, отражающееся от дна чудовищной бездны.

Вниз и вниз, все быстрее и быстрее. Белые стены стали серыми, потом черными, а потом он ослеп и оглох от ревущего эха.

Неожиданно зрение вернулось. Перед глазами все плыло. Он моргнул, сглотнул и различил прямоугольные очертания прикроватной ширмы. Рядом виднелось что-то еще, белое и неправильной формы.

— Очнулись, доктор?

— Привет, Харвуд, — сказал Бруно медсестре. — Как долго я был без сознания?

— Около двух часов. Я позову доктора Моррисси.

Она вышла. Бруно попробовал пошевелить руками и ногами. Он чувствовал себя совершенно нормально, даже голова не болела. Зрение тоже полностью восстановилось. Машинально взявшись за запястье, он сосчитал пульс. За окном покачивалась ветка, шелестели на легком ветру листья. Послышались шаги.

— Поздравляю, — сказал Моррисси, подходя к

кровати. — Грегсон уже выходит из шока. Прогнозы пока делать рано, однако могу побиться об заклад, что у вас все получилось.

Бруно медленно выдохнул:

— Вы так думаете?

— Не говорите мне, будто сами не были уверены! — рассмеялся Моррисси.

— Я всегда уверен, — сказал Бруно. — Тем не менее подтверждение получить приятно. Чертовски хочется пить. Мне бы воды со льдом…

— Конечно. — Моррисси выглянул за дверь и позвал медсестру, потом вернулся и опустил жалюзи. — Солнце бьет вам прямо в глаза. Так лучше? Как вы себя чувствуете?

— Отменно: никаких болезненных ощущений. Пожалуйста, сообщите Барбаре, что я жив.

— Уже сообщил. Она скоро придет. Парсонс тут недалеко, хотите его видеть?

— Само собой.

Физик, должно быть, стоял за дверью, поскольку появился почти тотчас же.

— Теперь мне придется положиться на вас, — сказал он. — Психиатрическое обследование — не моя область, но доктор Моррисси говорит, что у нас получилось.

— Пока еще точно неизвестно, — осторожно

заметил Бруно, взяв стакан с водой. — Скрещу пальцы.

— Как самочувствие?

— Если в этой больнице есть человек более здоровый, чем доктор Бруно, — сказал Моррисси, — то я о нем пока не слышал. Скоро вернусь, мне нужно осмотреть пациента.

Он вышел.

Бруно откинулся на подушку.

— Завтра буду в полном порядке, — сказал он, — и мне бы хотелось провести над Грегсоном кое-какие тесты. А пока немного отдохну. Слава богу, с таким персоналом можно полностью расслабиться и ни о чем не думать.

Жалюзи зашуршали на ветру. Парсонс что-то проворчал и подошел к окну.

Он поднял жалюзи и остался возле окна, спиной к Бруно. Но за стеклами было темно.

— Мне в глаза било солнце, — сказал Бруно. — Погодите! Это же было совсем недавно. Парсонс, что-то не так!

— Что? — не оборачиваясь, переспросил Парсонс.

— Моррисси сказал, что я пролежал без сознания всего два часа. А анестетик мне ввели в половине десятого. Вечера! Но несколько минут

назад, когда я очнулся, в окно светило солнце!

— Сейчас ночь, — сказал Парсонс.

— Не может быть. Позовите Моррисси. Я хочу…

Неожиданно Парсонс наклонился и распахнул окно. А потом выпрыгнул из него и исчез.

— Моррисси! — закричал Бруно.

Вошел Моррисси. Не глядя на Бруно, он быстро пересек комнату и исчез в темноте за окном.

За ним появились Фергюсон и Дэйл, все еще в белых халатах, и отправились за окно следом за Моррисси.

Бруно приподнялся на кровати. В дверь вошли три медсестры. За ними интерн и санитар. Потом остальные.

Персонал больницы кошмарной процессией входил в комнату, где лежал Бруно. В мертвенной тишине медики приближались к окну и выпрыгивали.

С Бруно соскользнуло одеяло. Он увидел, как оно медленно плывет к окну…

Кровать наклонялась! Нет, переворачивалась сама комната! Бруно отчаянно вцепился в изголовье, чувствуя, как сила тяжести неумолимо тащит его к окну, которое теперь зияло прямо под ним.

Кровать упала, выбросив Бруно. Прямоуголь-

ник окна раскрылся, словно готовая поглотить его пасть. Он рухнул в кромешную тьму, в грохочущий черный ад…

— О господи! — пробормотал Бруно. — Ну и сон! Моррисси, дайте успокоительного!

Психиатр рассмеялся:

— Доктор, вам что, снился сон во сне? Конечно, от такого может стать не по себе, но теперь, когда вы мне рассказали… Катарсис лучше, чем барбитурат.

— Надо думать. — Бруно откинулся на подушку.

Это была не та комната, которая ему снилась, — намного более просторная, и за окнами, как и полагается, было темно. По словам Моррисси, действие анестетика продолжалось несколько часов.

— И все-таки я нервничаю, — сказал Бруно.

— Не знал, что у вас вообще есть нервы… Держите, Харвуд. — Моррисси повернулся к медсестре и написал несколько слов в блокноте. — Сейчас получите свое успокоительное, доктор. Хотите знать, что с Грегсоном?

— Я совершенно о нем забыл, — признался Бруно. — Уже можно сказать что-то определенное?

— Помните, мы застали его в нижней точке

депрессивного цикла? Что ж, он пока не разговаривает, но наблюдаются признаки некоторой эйфории. Она скоро пройдет, но самое главное — вы разорвали цикл. Его разум еще не приспособился к этим… стержням-глушителям, но я бы сказал, что выглядит он вполне неплохо.

— Что по этому поводу думает Парсонс?

— Он занят расчетами. Сказал, что придет, как только вы проснетесь. Вот ваше успокоительное.

Бруно взял у медсестры таблетки и запил их водой.

— Спасибо. Пожалуй, я немного отдохну. Кажется, я основательно устал, хоть и был без сознания.

— Догадываюсь, — сухо сказал Моррисси. — Если что, вот шнурок от колокольчика, звоните. Хотите что-нибудь еще?

— Просто отдохнуть. — Бруно поколебался. — Да, еще одно. — Он протянул руку. — Ущипните.

Моррисси уставился на него, потом хихикнул:

— Все еще сомневаетесь, что проснулись? Могу вас в этом заверить, доктор. Я не собираюсь прыгать из окна. И сейчас, как видите, все еще ночь.

Бруно не ответил. Моррисси ущипнул его за руку.

— Ай! — сказал Бруно. — Спасибо.

— Не за что, — весело ответил Моррисси. — Отдыхайте. Скоро вернусь.

Он вышел вместе с медсестрой. Бруно вздохнул и рассеянно обвел взглядом комнату. Все выглядело совершенно надежно и нормально. Никакая черная грохочущая бездна не таилась под полом. Ну и неприятный же сон!

Взяв блокнот и карандаш, он подробно описал любопытную двойную галлюцинацию, прежде чем позволить себе расслабиться. Потом он почувствовал, как успокоительное медленно распространяется по нервам — теплое, приятное ощущение, которому он был только рад. Не хотелось ни о чем думать. На это еще будет достаточно времени. Эксперимент с искусственной эмпатией, Грегсон, физик Парсонс, Барбара — все потом!

Он задремал. Казалось, прошло лишь мгновение, прежде чем он открыл глаза и увидел яркое солнце за окном. На миг его охватила паника, но, посмотрев на часы, он успокоился, обнаружив, что они показывают одиннадцать. Из-за двери и окна доносились приглушенные звуки обычной больничной жизни. Наконец, чувствуя себя вполне отдохнувшим, он встал и оделся.

Из кабинета сестры Харвуд он позвонил Моррисси, обменялся с ним короткими приветстви-

ями, а затем отправился в собственный кабинет принять душ и побриться.

Затем позвонил Барбаре.

— Привет, — сказала она. — Моррисси сообщил мне, что ты работал всю ночь. Так что я решила подождать, пока ты проснешься.

— Я уже проснулся. Не против, если заеду домой пообедать?

— Отлично. Буду ждать.

— Тогда через полчаса?

— Через полчаса. Рада, что ты позвонил, Боб. Я за тебя волновалась.

— Вовсе незачем.

— Твой эксперимент удался?

— Пока не знаю. Скрести пальцы.

Через десять минут Бруно все еще держал пальцы скрещенными, осматривая Грегсона. Рядом стояли Парсонс и Моррисси. Физик делал какие-то записи, но Моррисси настороженно молчал.

Пока мало что можно было понять. Грегсон лежал в постели: белые выбритые пятна на голове резко выделялись на фоне черных волос, на лице застыло расслабленно-умиротворенное выражение, сменившее типичные для него тревогу и страх. Бруно приподнял веки пациента и посветил в глаза. Реакция зрачков выглядела

вполне нормальной.

— Вы меня слышите, Грегсон?

Губы Грегсона шевельнулись, но он ничего не сказал.

— Все в порядке. Вы ведь прекрасно себя чувствуете, да? Вас больше ничто не беспокоит?

— Голова, — сказал Грегсон. — Очень болит голова.

— Мы дадим лекарство. А теперь постарайтесь заснуть.

Выйдя в коридор, Бруно с трудом сдерживал ликование. Парсонс хмуро посмотрел на него:

— Что-нибудь можете сказать?

Бруно взял себя в руки:

— Нет. Пока слишком рано. Но…

— Маниакально-депрессивная стадия миновала, — вмешался Моррисси. — Он выглядит вполне разумным. А такого не было уже три года.

— Эти стержни-глушители… — улыбнулся Бруно. — Что ж, подождем — увидим. Отчет писать пока рано. В окружающей обстановке он определенно ориентируется. Дадим ему отдохнуть. Потом — более подробное обследование. Не хочу спешить.

Но в обществе Барбары он уже не скрывал восторга.

— У нас все получилось, Барбара! Мы нашли средство от безумия.

Она склонилась над столом, наливая кофе.

— Я думала, разных психозов так много, что и лечить их нужно по-разному.

— Да, верно, но прежде мы никогда не добирались до самой сути проблемы. Можно вылечить простуду постельным режимом, горячим питьем и аспирином, зато вакцина от простуды воздействует на сам корень болезни. Некоторые виды психических расстройств считаются неизлечимыми, но столбняк тоже был неизлечим до того, как удалось получить соответствующую вакцину. Лечение с помощью искусственной эмпатии — наименьший общий знаменатель. Оно задействует электронную структуру разума, и, если нет физических повреждений мозга, как в случае далеко зашедшего пареза, наша методика должна прекрасно работать.

— Вот, значит, чем ты занимался, — сказала Барбара. — Боб, ты даже не представляешь, как я рада, что у вас все получилось.

— Что ж, будем надеяться. Мы почти уверены, но…

— Может, возьмешь теперь отпуск? Ты так много трудился!

— Еще несколько недель — и буду готов. Мне нужно привести в порядок записи. На данном этапе я не могу все оставить Парсонсу, но обещаю, это случится очень скоро.

Он поднял взгляд и увидел ее улыбку. И обмер. Улыбка становилась все шире, губы растягивались, обнажая зубы. Нижние веки отвисли… оттянулись…

Нос начал удлиняться. Глаза медленно выползли из орбит, превращаясь в тянущиеся вдоль щек жуткие стебли.

Она таяла, пока не скрылась позади стола.

Стол проваливался.

Теперь уже таяло все вокруг Бруно. Стул под ним стал мягким, а потом жидким. Пол превратился в котел, куда стекали стены, образуя сверкающий водоворот в его центре.

Бруно беспомощно скользил по склону, пока водоворот не поглотил его. Он погрузился в грохочущий хаос, полный тошнотворного ужаса.

Ревел ветер… Пустота сомкнулась вокруг него… Он падал в темноту…

На этот раз, проснувшись, он уже не был ни в чем уверен. Паника не оставляла его. Позже он узнал, что провел в полубреду восемь дней и лишь благодаря неустанной заботе Моррисси вел

себя относительно спокойно. Потом последовали недели выздоровления, потом отпуск, и прошло немало времени, прежде чем он вернулся из Флориды, загорелый и здоровый, готовый вновь приступить к своим обязанностям.

Но даже тогда страх не отпускал его полностью.

Когда Бруно ехал к похожему на скопление каменных глыб комплексу строений психлечебницы, он вновь ощутил легкое прикосновение страха. Он дотронулся до руки Барбары, и близость жены придала ему уверенности. Она изрядно ему помогла, хотя и не понимала этого.

Каждый последующий день, когда Бруно с ней расставался, возникало мимолетное предчувствие, что он больше никогда ее не увидит. Чтобы избавиться от неуверенности и вновь ощутить твердую почву под ногами, он целиком погрузился в больничную рутину. И по прошествии еще нескольких недель страх начал отпускать.

Грегсон выздоравливал. Он все еще находился под наблюдением, но любые признаки психоза, похоже, исчезли без следа. Оставались мелкие неврозы — естественное следствие шестилетней болезни, — но при надлежащем уходе они постепенно исчезали. Лечение искусственной

эмпатией увенчалось успехом. Однако Бруно постоянно отказывался от новых экспериментов.

Парсонс был недоволен. Ему не терпелось построить график процесса, а одна попытка не давала достаточного количества данных. Бруно продолжал отделываться от физика обещаниями, что в конце концов привело к ссоре, которую прекратил Моррисси, заметив, что формально доктор Бруно — его собственный пациент и он еще не готов к дальнейшим исследованиям опасной темы.

Когда разъяренный Парсонс вышел, Бруно отправился следом за Моррисси к нему в кабинет и сел в показавшееся ему удобным кресло. Была середина дня, и усыпляющий летний шум за окном служил мирным фоном для разговора.

— Сигарету, Кен?

— Спасибо… Послушайте, Боб, — за последние недели они ближе сошлись друг с другом, и Моррисси больше не обращался к главврачу с официальным «доктор», — я свел воедино все факты по вашему случаю и, как мне кажется, добрался до сути. Хотите услышать мой диагноз?

— Честно говоря, нет, — ответил Бруно, закрыв глаза и вдохнув дым. — Я бы предпочел обо всем этом забыть. Но знаю, что не смогу: это разруши-

ло бы мою психику.

— У вас было циклическое вложенное сновидение, — полагаю, можно это так назвать. Вам снилось, будто вам снится, что вы видите сон. Знаете, в чем проблема?

— Ну?

— Вы не уверены, что сейчас не спите.

— О, я вполне в этом уверен, — возразил Бруно. — Большую часть времени.

— Вы должны верить в это постоянно. Или заставить себя поверить, что для вас не имеет значения, спите вы или бодрствуете.

— Не имеет значения?! Знать, что все может в любой момент растаять у меня под ногами, и думать, что это не имеет значения?! Это невозможно!

— Тогда вам следует верить, что вы бодрствуете. Галлюцинации, которые у вас были, давно закончились. Прошли недели.

— В период галлюцинаций время податливо и субъективно.

— Это защитный механизм — полагаю, вы в курсе?

— Защитный — от чего?

Моррисси облизнул губы:

— Не забывайте: я психиатр, а вы пациент.

Вы подвергались психоанализу, когда изучали психиатрию, но так и не изгнали всех демонов из своего подсознания. Черт побери, Боб, вы прекрасно знаете, что большинство психиатров берутся за эту работу по патологическим причинам, которыми являются их собственные неврозы. Почему вы всегда настаивали, что абсолютно уверены во всем?

— Я всегда уверен.

— Это компенсация — следствие мнительности и тревожности, присущих вашей натуре. Сознательно вы уверены, что эксперимент по искусственной эмпатии удастся, но ваше подсознание в этом вовсе не убеждено. Подобных мыслей вы никогда себе не позволяли, но они всплыли в стрессовой ситуации — каковой являлся сам эксперимент.

— Продолжайте, — медленно проговорил Бруно.

Моррисси постучал пальцами по бумагам на столе:

— Я знаю, что мой диагноз достаточно точен, но в этом вы можете убедиться и сами. Возможно, вы все понимаете лучше меня. Границы разума — настоящая терра инкогнита. Ваше сравнение с урановым реактором на самом деле куда удачнее,

чем вам кажется самому. При приближении к критической массе возникает угроза взрыва. А стержни-глушители в вашем собственном мозгу? Что с ними сделала машина Парсонса?

— Я вполне здоров, — сказал Бруно. — Судя по ощущениям.

— Конечно, вы здоровы — по крайней мере, сейчас. Вы оправляетесь после взрыва. Тревожный синдром накапливался в вашем мозгу, и эксперимент привел к взрыву. Хотя я не понимаю, каким образом. Электронные матрицы разума — не моя область. Все, что мне известно, — эксперимент с Грегсоном снял защитную блокировку с вашего разума, и тот на какое-то время вышел из-под контроля. Отсюда и галлюцинации, которые лишь следовали по пути наименьшего сопротивления. Первое: вы боитесь неуверенности и опасности и всегда боялись. Поэтому ваше сновидение следует знакомому символическому шаблону. В любой момент может исчезнуть уверенность в том, что вы не спите. Второе: пока вам кажется, будто вы спите, вы избегаете ответственности.

— Господи, Кен! — сказал Бруно. — Я всего лишь хочу быть уверенным, что не сплю!

— Способа убедиться в этом не существует, — объяснил Моррисси. — Убежденность должна

исходить от вашего собственного разума и быть субъективной. Объективное доказательство невозможно. Иначе, если вам не удастся себя убедить, тревожный невроз снова перерастет в психоз, и… — Он пожал плечами.

— Звучит логично, — кивнул Бруно. — Начинаю отчетливо это понимать. Возможно, именно в таком объяснении я и нуждался.

— Вы считаете, что сейчас вам снится сон?

— Определенно нет.

— Прекрасно, — сказал Моррисси. — Поскольку формирование психики между вечностью и стремящимся вверх калино бистикс фориндер сам…

Бруно подпрыгнул в кресле.

— Кен! — хрипло выдохнул он. — Прекратите!

— Филиксар катвин баликса…

— Прекратите!

— Бизиндерруна репстиллинг и всегда и всегда-всегда никогда не знаешь никогда не знаешь никогда не знаешь…

Слова вылетали у Моррисси изо рта вращающимися светящимися шарами, проносясь мимо головы Бруно с пронзительным свистом. Следующие обрушились на него как торпеды, унося в грохочущую бездну тьмы и ужаса.

— Вы меня понимаете? — спросил Моррисси,

стоявший возле койки.

Доктор Роберт Бруно с трудом кивнул.

— Хорошо, — сказал Моррисси. — Вы провели без сознания около трех часов. Но все прошло нормально. Скоро вы полностью придете в норму. Нужно еще очень многое сделать. Вас хочет видеть Барбара. И Парсонс.

— Кен, — сказал Бруно, — погодите. Я сейчас не сплю? То есть я действительно не сплю?

Моррисси пристально посмотрел на него и широко улыбнулся.

— Конечно, — ответил он. — Могу гарантировать.

Но Бруно не отвечал, глядя на окна, на надежные стены и потолок, на свои собственные руки и ладони.

Как можно быть уверенным в том, что все это реальное?

Он посмотрел на Моррисси, ожидая, что тот исчезнет и под ногами снова раскроется черная бездна.

Сценарий для сна

Причина заключалась в передозировке Голливудом. Из-за нее у сценариста по имени Тимоти Маклин развились без малого психопатические приступы нервной дрожи. Его костистое лицо вконец исхудало, он выкуривал бесчисленное множество сигарет и каждое утро по дороге на работу (а работал он на студии «Саммит») ловил себя на том, что весь трясется, будто студень.

Путь к исцелению казался очевидным. Терапевт направил Маклина к психологу, а тот посоветовал отдохнуть и сменить обстановку. Выпросив у начальства отпуск, сценарист пролистал стопку туристических буклетов, после чего позвонил Бетси Гарднер: так уж сложилось, что в Голливуде никто и шагу ступить не мог, не уведомив эту колумнистку о своих планах.

— Здорово, паршивец, — дружелюбно приветствовала его Бетси. — Что стряслось? Почему не объявился вчера в «Лагуне»? Мама дорогая, как же голова раскалывается после этой попойки!

— Мне бы твои проблемы, — буркнул Маклин. — Я, между прочим, недавно был у врача, и тот посоветовал бежать от нервного срыва, да

так, чтобы пятки сверкали.

— Хм… Пожалуй, об этом можно черкнуть пару строк. Куда собрался?

— Понятия не имею. Есть предложения?

— Пожалуй, — ответила Бетси после паузы, — но только не смейся. Я бы посоветовала заглянуть к Джерому Данну.

— Это еще кто?

— Где ты был последние несколько месяцев, Тим? Спал, что ли? Да, про Данна не писали в газетах, но ты не мог не слышать о нем по сарафанному радио. К этому парню ходит весь Голливуд. Данн берется лечить что угодно — от хандры до безответной любви.

— Каким образом? — осведомился Маклин.

— Он… волшебник, — ответила Бетси. — Чародей. Так, заткнись и слушай. Я не шучу. Данн свое дело знает. По крайней мере, его любовные эликсиры действуют безотказно. — Вспомнив о чем-то, Бетси усмехнулась. — Короче, одного продюсера крепко сглазили. Он понять не мог, что не так, но у него развился десяток фобий, причем на ровном месте. Я знакома с одним из его режиссеров. В общем, он отправился к Данну. Что было дальше? Догадайся сам.

— В чем подвох? — пробурчал Маклин.

— Чтоб тебя! — вздохнула Бетси. — Откуда такой скептицизм? Ну ладно. Не хочешь — не верь. Просто сходи к Данну, скажи, что ты от меня, и посмотри, что будет. Захвати чековую книжку. Диктую адрес. Выздоравливай!

— Спасибо.

Повесив трубку, сценарист потянулся к графину, но передумал и обвел взглядом апартаменты, загроможденные чемоданами. Пора бы взять билет, хоть куда-нибудь…

Он все же выпил. На самом деле ему не хотелось никуда путешествовать. Разве что на остров в Великом Южном море, куда еще не протянули телефонную линию, однако перспектива грузить багаж на безопасный борт океанского лайнера показалась Маклину чрезвычайно неприятной. Ему хотелось расслабиться, но мысли крутились быстрее, чем корабельный винт на холостом ходу, а перед глазами стояло особое отделение голливудского дурдома — студия под названием «Саммит».

Тьфу!

Итак, Джером Данн. Кто он такой? Очевидно, шарлатан, хотя не исключено, что толковый парень. Быть может, гипнотизер. Как знать, вдруг месмеризм пойдет Маклину на пользу? Пови-

нуясь порыву, сценарист нахлобучил шляпу, выбежал на улицу, поймал такси и назвал водителю адрес, продиктованный Бетси Гарднер.

Двадцатью минутами позже он взбирался по покатой гравийной тропе в самом сердце Голливудских холмов, приближаясь к отделанному белой штукатуркой одноэтажному дому, уютно угнездившемуся среди тихоокеанских тисов. На табличке над звонком значилось: «Джером Данн, чародей-консультант». Маклин нацелил было палец на кнопку, но помедлил и прислушался. Из дома доносилось пение человека, обладавшего высоким голосом и скверным слухом:

Если хочешь отвадить врага
Или со свету сжить богача-старика,
Тебе подсобит
Толковый ифрит,
Живущий на Сент-Мэри-стрит![53]

Закатив глаза, Маклин позвонил. Дверь тут же распахнулась. На пороге, легонько подрагивая от возбуждения, стоял невысокий и необычайно остроносый толстяк в выцветшем халате, побитых молью бабушах и с выражением неукротимой

[53] Notes: 53
Песенка из комической оперы Гилберта и Салливана «Чародей».

алчности на лице.

— Клиент! — воскликнул мистер Данн столь энергично, что его пухлые щеки проделали замысловатый кульбит. — Входите! Ох, как хорошо! Скоро у меня прибавится денег!

— Эмм… — промычал застигнутый врасплох Маклин.

Даже по голливудским меркам этот коротышка вел себя крайне экстравагантно.

Схватив посетителя за руку, Данн затащил его в прихожую и радостно прожурчал:

— Великолепно, просто великолепно! Обожаю деньги! Вы же заплатите мне за услуги, правда? Вы же не обманщик? — В глазах-бусинках промелькнула тень подозрения. — У вас есть деньги? Не молчите, отвечайте!

— Да, есть. Но это не значит, что я намерен с ними легко расстаться. Вы Джером Данн?

— Я? О да! Присаживайтесь. Как же хорошо быть волшебником! Вы не представляете, сколько у меня денег… Да не стойте, присаживайтесь!

Маклин не без осторожности опустился в кресло и окинул взглядом самую обычную гостиную, посреди которой стоял стол с вазой, полной восковых фруктов, а на стенах висели откровенно непристойные картины — непристойные с ху-

дожественной точки зрения, печально подумал Маклин. На полу лежал ковер. Законченность интерьеру придавали светильники и всевозможные безделушки. Все вокруг было слегка засаленным.

— Да, — закивал Данн, — у меня все засаленное. Даже не слегка, а очень. Это из-за дыма. Вы бы знали, какую дрянь приходится сжигать, чтобы вызвать демона! Ох-о-хо! А зачастую дела принимают и вовсе скверный оборот, — вздохнул он, — но не по моей вине. Ну же, подумайте о чем-нибудь! — заключил он настойчивым тоном.

— Что? — Маклин широко раскрыл глаза.

— Нет, я не безумец, — широко улыбнулся Данн. — Видите ли, я читаю ваши мысли. Потому что я очень умный. Настоящий волшебник! А вы кто?

— Раз уж вы такой выдающийся чародей, могли бы не спрашивать. Меня зовут Тимоти Маклин, а обратиться к вам посоветовала Бетси Гарднер.

— С какой целью?

Вместо ответа Маклин достал медицинские документы — рентгеновские снимки и все остальное — и протянул их Данну. Тот с интересом пролистал историю болезни:

— Так-так… Неврозы. И еще…

— Скажите, вы хороший гипнотизер?

— Великолепный, — твердо ответил Данн. — Но…

— Никаких «но». Мне нужен гипноз. Такой, чтобы успокоить разум и забыть про всю эту бешеную карусель. Экранизации, сценарии, титры, режиссеры, продюсеры… Сыт по горло! Мне надо отдохнуть. Я приехал в Голливуд, чтобы заработать. Да, теперь я при деньгах, но оглянуться не успею, как окончательно рехнусь. Вы когда-нибудь бывали на киностудии, Данн?

— Не бывал, но слышал всякое, — содрогнулся волшебник. — Вам, мистер Маклин, надо выпить…

— Уже пробовал.

— …воды из Леты.

— А вот этого не пробовал, — сказал Маклин. — Вы о чем вообще?

— Лета, — пояснил Данн, — это река забвения. Главное, не переусердствовать. По глоточку, время от времени. Эта вода убаюкает ваши нервы, и впредь никаких проблем. Понятно?

— Разок можно попробовать что угодно, — устало согласился Маклин. — Сколько за кварту?

— Вам придется раздобыть ее самостоятельно, — сказал Данн. — Воду Леты запрещено выносить из греческого царства мертвых. Кстати

говоря, эта река протекает по элизию, долине прибытия. Я там бывал. Милое местечко, но какое-то безжизненное. Шучу, — сразу добавил он. — Дошло?

— Нет, — слегка запутался Маклин.

— Вы хотели съездить в отпуск — что ж, я устрою вам путешествие в довесок к моим услугам. Отправлю вас в элизий, на берега Леты, а там просто расслабьтесь и никуда не спешите. Попейте водички, а когда отдохнете как следует, возвращайтесь на Землю. Видите, как все просто?

— Ну да. Но давайте поговорим серьезно. Как мне…

Данн подскочил, порылся в ящике комода и вернулся с двумя тонкими пергаментными свитками:

— Вот ваши билеты, до элизия и обратно. Исцеление гарантировано. Но я не скажу, как пользоваться этими документами, пока не выпишете чек. С вас пять тысяч долларов. На имя Джерома Данна, первая буква — «Д»…

Маклин раскрыл чековую книжку, не вполне понимая, зачем он это делает. В голове все перемешалось. Этот возбужденный человечек действовал ему на нервы, будто сверчок. Но вдруг

Данн вылечит его? Разумеется, не магией, а гипнозом с правильной психологической накачкой. Более того, предусмотрительный Маклин датировал чек более поздним числом — во избежание ненужного риска.

Не заметив этого, Данн схватил чек и торжествующе пожрал его глазами — разве что не облизал, — после чего сунул будущие пять тысяч долларов в объемистый бумажник и умиротворенно вздохнул:

— Один свиток сожгите, а другой держите при себе. Не потеряйте. Как будете готовы вернуться, повторите процедуру. Проще некуда, правда?

— Угу, — буркнул Маклин.

Какое-то время он сидел, уставившись на свитки, наконец развернул первый и обнаружил, что пергамент покрыт загадочными красными закорючками.

— Вот его и сожгите, — посоветовал Данн. — Зажигалка есть?

Маклин кивнул, чиркнул колесиком о кремень и поднес язычок пламени к пергаменту. Тот мгновенно вспыхнул и растаял в ладони, оставив после себя клуб черного жирного дыма. Маклин подскочил, выругался и затряс обожженной рукой, содрогаясь от кашля и морщась из-за рези

в глазах. Дым оказался такой густой, что полностью скрыл Данна, сидевшего напротив.

Постепенно черное облако рассеялось. Маклин открыл глаза, не поверил им и снова зажмурился. Гипноз. Несомненно. Иначе как объяснить, что он находится в комнате, где все предметы… плавают в воздухе?

— Привет! — раздался звонкий голос. — Новенький, да? Где там наш телефон? Прочисти уши, Снуль! Где он?

— Вот он, Броскоп, — пробасил кто-то, — возле люстры. Интересно, откуда этот парень? Похоже, то ли с Марса, то ли из Валгаллы.

Маклин открыл глаза. Он находился в кабинете, причем довольно необычном — в первую очередь потому, что вся обстановка парила в пространстве. Тяжелый стол красного дерева накренился у потолка, а вокруг него беспорядочно вращались стулья. Ковер смахивал на ковер-самолет из «Тысячи и одной ночи». Что касается двоих обитателей комнаты (крошечного и совершенно голого зеленого человечка с остроконечными ушами, а также тритона — то есть самца русалки — с жабрами, зелеными водорослями вместо волос и конусообразным рыбьим хвостом), они тоже пребывали в подвешенном состоянии.

— У нас поступление, — сказал зеленый человечек в телефонную трубку размером едва ли не больше, чем он сам. — Да плевать! Говоришь, все ушли на предпросмотр? Ну, это не я их туда отправил. Тут новенький. Ну да. Хорошо, так и сделаем. Слышь, белокурая, какие планы на вечер? — Повесив трубку, он тоненько вздохнул. — Одна из феечек королевы Маб. Я бы за ней приударил.

— Лучше за работой приударь, — проворчал тритон. — К четырем дня наш сон должен пройти цензуру. Ведь это не просто сон, а специальный супервыпуск!

— Сон, — промямлил Маклин. — Точно. Я сплю. Или сбрендил. — Он вцепился в пролетавший мимо стул и, сам того не желая, совершил сальто, а когда пришел в чувство, обнаружилось, что тритон маячит прямо у него перед носом.

— Остынь, — посоветовал тритон. — Никакой это не сон, а самая настоящая фабрика грез. Со временем привыкнешь.

— Я… э-э-э…

— Меня зовут Броскоп, — представился зеленый, — а этого рыбоватого парня — Снуль. В данный момент мы работаем в паре. А ты?..

— Тимоти Маклин, — машинально отозвался Маклин. — Все в порядке. Просто я рехнулся.

Да, так и есть. А у вас принято, чтобы все вокруг летало?

— Конечно нет! — пронзительно хохотнул Броскоп. — Просто мы делаем сон о полетах и хотим прочувствовать атмосферу. Сейчас работаем над эпизодом о невесомости. Доделаем и отправим Юпитеру, чтобы завизировал. Спросишь, когда этот сон покажут кому-то еще? Понятия не имею. Глянь! — Подплыв к стене, он нажал несколько кнопок, и мебель постепенно заняла более привычные места.

То же самое случилось с Маклином и его странными собеседниками. Тритон свернулся в причудливом кресле, изготовленном с учетом особенностей его анатомии, а Броскоп примостился на краешке стола.

— Сядь и не парься, — велел он Маклину. — Ты здесь новенький, а новеньким всегда тяжко. Вот вызовут к режиссеру, он тебе мозги-то вправит!

— Несладко тебе придется, — пророкотал тритон.

— О да, — кивнул Броскоп. — Кто у нас на этой неделе, Старый Хрыч? Тяжелый случай. Соберись, Тимоти Маклин, теперь ты в армии!

— Н-но…

Лепрекон спрыгнул со стола, привстал на цы-

почки, схватил Маклина за палец и потянул к двери:

— Пойдем!

За дверью был ярко освещенный и совершенно пустой коридор.

— Я за тобой присмотрю, приятель, — шепнул малыш Броскоп. — Снуль у нас просто вредина со скверным характером, как и все тритоны. Теперь послушай, Тимоти Маклин, тебе непременно надо познакомиться со Старым Хрычом. Подыграй ему. Он любит подхалимов. А я подергаю за веревочки, и тебя зачислят в мою команду. Покажу, как тут все устроено. Вот его дверь. Давай, удачи.

Маклин обнаружил, что стоит на пороге гигантского кабинета. За спиной хлопнула дверь. Броскоп исчез, а впереди сверкали несколько акров пустого стола, за которым расположился рогатый джентльмен.

Старый Хрыч был до омерзения жирным существом с лоснящейся крокодильей кожей, физиономией бульдога и парой коротких рогов, росших там, где полагается.

— Тимоти Маклин! — взревел он, грохнув черными кулачищами по столу. — Первым делом уясни, что мое время тебе не по карману, так что заткнись и слушай!

Маклин обнаружил, что начинает сердиться. Пусть это сон безумца, но и здесь у человека имеются права. Так он и сказал, но Старый Хрыч отмахнулся:

— Тебя назначили на производство сновидений, поэтому скажи-ка: откуда, по-твоему, берутся сны?

— Из подсознания, — отчеканил Маклин, и Старый Хрыч слегка оторопел.

— Ну ладно, — наконец сказал он, — но не подумай, что сны, будто кролики, появляются из шляпы фокусника. Сперва их надо написать, понял? Этим занимается уйма народу, и у нас острая нехватка сценаристов, ведь надо обеспечить снами целую Вселенную, а население-то растет! Постоянно требуются свежие кадры. Поверь, охотники за талантами не сидят сложа руки. Как только находится подходящий кандидат, его подключают к делу. Кто тебя завербовал? В этом месяце за Землю отвечает Бельфегор. Евойных рук дело?

— Его, — непроизвольно поправил Маклин. — То есть не его. Никто меня не вербовал.

— Что, на попятную пошел? На контракте твой ахтограф…

— Автограф.

— Молчать! — вскричал разъяренный рогач. — Хватит коверкать мои слова! Клянусь кровью Каина, еще немного, и я определю тебя в отдел кошмаров! Запомни, мистер Тимоти Маклин, здесь ты винтик огромного механизма, и не более того, а я твой босс, поэтому как скажу, так и…

— Минуточку, — перебил его Маклин. — Даже если это сон, надо прояснить пару моментов. Я не подписывал никакого контракта и не понимаю — более того, не желаю понимать, — что здесь происходит.

— Помилуй меня Сатана! — охнул Старый Хрыч. — Вижу, наглости тебе не занимать. Но поверь, это ненадолго. Скоро ты все усвоишь. Последний раз объясняю: в этом измерении находится фабрика грез, производящая сны для всех разумных существ во Вселенной. Бельфегор приметил тебя, подсунул контракт, и теперь ты здесь, нравится тебе это или нет. Отныне работаешь у нас, так что вперед и с песней!

— Повторяю, я не знаком ни с каким Бельфегором, — отрезал Маклин. — Сюда меня отправил человек по фамилии Данн. Он…

— Что?

— Хм… Ничего. — Маклин уставился на свиток, зажатый в левой руке.

Обратный билет… Что, если Данн и правда волшебник? Вдруг он напортачил с чарами и Маклин очутился не в том измерении? Угодил не в элизий, а сюда?

Но у него остался обратный билет! Маклин немедленно достал зажигалку, но с первой попытки та не сработала, а второго шанса ему не дали, поскольку тучный хозяин кабинета молнией вылетел из-за стола, выхватил пергамент у Маклина из рук и прорычал:

— Это еще что такое? Что-то волшебное?

— Отдайте! — Маклин попытался вернуть свиток, но Старый Хрыч остановил его безразмерной ручищей и кивнул:

— Так я и думал. Заклинание. Черт-те что! У нас запрещено творить магию, и ты, мистер Тимоти Маклин, научишься жить по нашим правилам.

С этими словами он скомкал пергамент, закинул его во вместительную пасть и, двигая челюстями, нечленораздельно объяснил:

— Это единственный способ избавиться от чар. Если сжечь, черт его знает, что получится. А теперь за дело, или я выпишу тебе недельную ссылку в ад!

— Вы… вы… — сипло выдохнул Маклин.

— Молчать! Я здесь начальник! Как скажу, так

и будет!

— Ладно, ладно, — прошептал Маклин, взволнованно сверкая глазами, — но нельзя же так со мной…

— Да что ты говоришь?! — грубо расхохотался Старый Хрыч.

— То, что я прикрою эту вашу лавочку, мистер. Вот увидите! Как-никак я работал не где-то, а в самом Голливуде!

Зазвонил телефон. Старый Хрыч схватил трубку:

— Да, я. Чего надо? Ага… Но специальный супервыпуск должен быть готов уже к вечеру, Броскоп. Нельзя же… В каком смысле? Да ну? Тогда другое дело. Да, конечно, бери новичка, если не лень с ним возиться. Вдруг подкинет пару свежих идей… Ладно, давай. — Он повесил трубку. — Броскоп забирает тебя под крыло, так что проваливай. У меня дела. В аду открыли новый игорный… Ты что, слепой? Дверь найти не можешь? Кому сказано, проваливай!

Бессильную ярость Маклина пресекло появление лепрекона. Тот, просунувшись в дверь, энергично замахал руками. Испепелив Старого Хрыча прощальным взглядом, Маклин проследовал за Броскопом в коридор.

— Что случилось, дружище Тим?

Пока лепрекон вел Маклина по коридорному лабиринту с множеством закрытых дверей, тот рассказал, что случилось, и Броскоп покачал гладкой, как грейпфрут, головой:

— Ты не слишком-то дерзи Старому Хрычу. За неповиновение у нас наказывают единственным способом, но весьма паршивым. Не ровен час, пропишут тебе несколько дней в аду.

— Я и так в аду, — простонал Маклин.

— Нет. Здесь совершенно другое измерение. Но есть одна контора, занимающаяся пересылкой из мира в мир.

— На Землю она, случаем, не отправляет?

— Не-а. Ты здесь навсегда. Если не нужна была работа, зачем подписал контракт?

— Ничего я не подписывал! — рыкнул Маклин. — Пропади оно все пропадом! Я… Меня прислали сюда по ошибке. Предполагалось, что я попаду элизий.

— Ну, как скажешь, — с сомнением произнес лепрекон. — А вот и кабинет. Главное, не переживай. Пока не привыкнешь, я поработаю за двоих. Давненько не встречались мне ирландцы. Ты, случаем, не знаешь песню «Керри дэнс»?

— Знаю. — Маклин промычал несколько так-

тов.

Получилось вполне прилично, и Броскоп даже подпрыгнул от восторга:

— Ух, как здорово! Ты садись, садись. Я все объясню. Кабинет твой, а я буду по соседству. — Он указал на дверь.

Маклин рухнул в стоявшее у стола кресло и осмотрелся. Мебели было не много, зато тут имелся диктофон. И еще Маклин заметил, что в комнате нет окон.

— Что я должен делать?

— Писать сценарии снов, — ответил лепрекон. — Я, к примеру, в свое время был величайшим менестрелем маленького народца. Потому-то мне и предложили эту работу. Тут не так уж плохо. В основном я занимаюсь сновидениями для ирландцев, а ты… Ну, не знаю. Короче, работаем мы вот как. — Броскоп щелкнул кнопкой интеркома. — Личное дело Агары Зонна, Санса, Ригель. Угу. — Он с ухмылкой взглянул на Маклина. — Я… вернее, мы сочиняем для него сон. Этот парень — оккультист и эзотерик. Короче, мой клиент.

Крышка стола отъехала в сторону, и Маклин увидел ряды карточек, отпечатанных мелким шрифтом. Выхватив нужную стопку, Броскоп

продолжил:

— Как видишь, у нас имеется личное дело на каждого. Без этого никак, иначе люди будут видеть неправильные сны, что очень и очень плохо. Сны пишут с учетом психологии индивидуума. Давай-ка заглянем в досье клиента. Итак, Агара Зонн. В детстве боялся темноты. Сделай пометку. Однажды его сильно покусала зоптанга. Недоволен своей работой. Заядлый охотник. Терпеть не может начальника, а тот пользуется мускусным одеколоном. Пожалуй, сделаем мускус лейтмотивом сна. Тайные желания… Так-так… Ладно, проехали. Что у нас дальше? Жаждет власти, как же без этого… Ну а кто ее не жаждет? Ненавидел отца, но подсознательно. Итак, что получается? — Броскоп коснулся кнопки диктофона, и восковой цилиндр пришел в движение. — Агара Зонн, черновые наброски. Сейчас у него на планете период аномальной жары. Для начала отправим Зонна в жерло вулкана, а там… Ага, есть! А там полно каменных выступов. Они ведут к свисающей в кратер лестнице. Нет, не пойдет. Лестницу вырежет цензура. Пускай будет лифт. Агара бежит к лифту, а когда наступает на камни, те превращаются в голову его отца. Агаре жуть как стыдно, но он не может ничего поделать. Допустим, возвра-

щается, чтобы помочь старику, — но, разумеется, не успевает. Тим, подай-ка мне с полки томик Юнга. И еще Адлера, он рядом стоит. Нет, Фрейда не надо, он устарел, годится только для жителей Нью-Йорка. Итак… — Броскоп снова повернулся к диктофону. — На чем я остановился? Агара запрыгивает в лифт, едет вверх и чувствует запах мускуса, такой, что дышать нечем, а на крыше лифта притаилась… зоптанга! Да! Теперь смотри: в лифте вдруг отключают свет, а потом… потом… — Лепрекон умолк, задумался и пожал плечами. — Для начала хватит. Дальше сам. Привыкай, осваивайся. Если понадоблюсь, я в соседнем кабинете. — Схватив цилиндр диктофона, лепрекон выбежал в коридор, а ошеломленный Маклин проводил его свирепым взглядом.

Господи, тут еще хуже, чем на студии «Саммит»! Что за ужасная карма забросила его в это измерение?

Маклин, закрыв глаза, пробовал собраться с мыслями. Очевидно, Джером Данн оказался настоящим волшебником. Но как… почему…

«Надо взять за основу невероятное допущение, — сказал себе он. — Итак, магия. Данн отправил меня в элизий, произошло что-то вроде короткого замыкания, и я очутился здесь. Но

почему именно здесь?»

На время отложив эту мысль, он снял телефонную трубку, позвонил Старому Хрычу и какое-то время слушал длинные гудки.

— Ты! — наконец ответил режиссер и разразился бранью. — Какого черта тебе надо? Я занятой человек. Кем ты себя возомнил?

— Погодите, — сказал Маклин, стараясь добавить голосу дружелюбия. — У меня небольшая просьба. По вашим словам, я подписал контракт. Можно на него взглянуть?

— Нет, нельзя! — взвыл Старый Хрыч. — Никто не станет перебирать залежи документов ради твоего развлечения!

— В том-то и дело. Никакого контракта нет. Просто попросите кого-нибудь поискать, и…

— Контракт у нас имеется, иначе тебя бы здесь не было, так что заткнись. Если услышу твой голос раньше чем через неделю, сошлю в ад с такой скоростью, что еще по пути поджаришься!

За этим обещанием последовал грохот, от которого у Маклина едва не лопнули барабанные перепонки. Вскипев от злости, он тоже бросил трубку на рычаг и отвел душу парой-тройкой красочных выражений, перемежая их словами «деспот» и «обманщик».

Стоп, минутку. Конечно, Маклину очень не повезло, но чем чернее туча, тем реальнее углядеть за нею лучик надежды. Маклин знает, как устроены киностудии, и, если на здешней фабрике грез действуют те же правила, он, пожалуй, сумеет найти выход из положения — хотя сейчас оно кажется совершенно безвыходным.

Он нажал на кнопку интеркома:

— Алло? Мне нужно досье Джерома Данна, Голливуд, Земля.

— Земля? Простите, сэр, но… Ой, вспомнил! Земля! Сейчас все будет.

Мгновением позже крышка стола отъехала в сторону. Появилась стопка карточек, и Маклин впился в нее жадными пальцами.

«Джером Данн, род. 7 апреля 1896 г. в Питтсбурге», а дальше массив психологических данных, но Маклин не обратил на них внимания. В первую очередь его интересовали твердые факты, и они нашлись:

«В 1938 г. Данн продал душу Сатане в обмен на магические способности. Известен небрежностью в работе. Не располагает логическим мышлением, необходимым для профессионального чародея. В общем и целом дилетант. Действует крайне неаккуратно: к примеру, путает любов-

ные зелья с голубой магией и т. д. Думает только о деньгах. Лишен чувства ответственности и совершенно безжалостен в своем стремлении к богатству».

— Неаккуратность! — безрадостно усмехнулся Маклин. — Небрежность в работе!

То есть во всем виноват Данн! Маклин не к месту подумал, что давно пора организовать профсоюз чародеев — с жесткими правилами, чтобы ни в чем не повинные люди не становились жертвой халатности. К примеру, Маклин хотел попасть в элизий, а угодил на фабрику грез. Но почему именно сюда?

После бесплодных размышлений он, стараясь выражаться четко и ясно, заказал еще одно досье: папку с информацией по волшебным заклинаниям. Когда наконец прибыл увесистый том, Маклин обнаружил, что многие строки в нем вымараны, а некоторые страницы вырезаны ножницами цензора. Ну разумеется, ведь магия здесь запрещена.

По нескольким параграфам он все-таки сумел собрать головоломку: существует бесчисленное множество измерений, и почти в каждое можно попасть с помощью специфических заклинаний. Среди методов перемещения упоминался

пергаментный свиток. Однако, если заклинание составлено небрежно, путешественник окажется не в месте назначения, но в случайной межпространственной точке, откуда (по вполне естественному закону гравитации) бедолагу тут же засосет в наиболее родственное ему измерение. «К примеру, — говорилось в сноске, — дьявол, скорее всего, попадет на альфу Центавра, скупец или растратчик — в царство Плутона, а воин — в Валгаллу».

Маклин же сценарист, поэтому…

— Проклятье! — воскликнул он со злостью, поскольку не понимал, какую пользу можно извлечь из этой информации.

По всей видимости, незначительную. Нужен способ удрать из этого невыносимого мира, но такого способа нет. Разве что…

У Маклина вспыхнули глаза. Если упал в колодец, зови на помощь, и рано или поздно докричишься до человека с веревкой.

Что ж, в нынешней ситуации есть такой, образно выражаясь, человек с веревкой — Джером Данн, чародей-консультант. Не исключено, что за спасение Маклина он затребует непомерную цену, но деньги в данных обстоятельствах не имеют никакого значения. «Кроме того, вернувшись на

Землю, я стану хозяином положения», — раздумывал Маклин, постукивая кулаком по колену.

Но как же связаться с Данном? Ясное дело, не по телефону. Маклин хмуро покосился на досье:

«Джером Данн, род. 7 апреля 1896 г...»

Ну конечно! Маклин даже охнул, поражаясь собственной смекалке. Вот оно, решение! Всего-то и надо, что написать сон для Данна и рассказать в нем о случившемся.

— Ни сна без строчки, — перефразировал Маклин латинскую поговорку и бойко заговорил в диктофон.

Получасом позже в кабинет вернулся Броскоп.

— Все схвачено, дружище Тим, — с ухмылкой сообщил он. — Я только что говорил с продюсером. Теперь ты полноценный соавтор сновидения Агары Зонна. — Умолкнув, он уставился на Маклина. — Э, что ты делаешь? Работаешь?

— Почему бы и нет? Я здесь, чтобы работать, верно?

Броскоп взял со стола досье Данна:

— Землянин? Годится. Давай-ка послушаем, что получилось.

— Не вопрос.

Диктофон проиграл запись. Изменившись в лице, лепрекон покосился на Маклина.

— Что-то не так?

— Да все не так! — Броскоп нажал на кнопку, и цилиндр перестал вращаться. — Думаешь, этот сон пройдет цензуру? Исключено! Это же полное непонимание принципов работы! Ты хоть изучил психологию Данна? — Он постучал коротким пальцем по карточке.

— С чего бы…

— Ну да, конечно! Сон подстраивают под индивидуума. Например, когда я сочинял баллады для Титании, она всегда была героиней, а Оберон — героем, если не считать эпизодов, когда у этих двоих случались скандалы. Не забывай о правилах. У нас очень строгая цензура.

— Допустим, — нерешительно сказал Маклин, — я кое-что изменю…

— Не пойдет, — помотал головой Броскоп. — Нет, вообще ни в какие ворота. Твой сценарий совершенно не вписывается в психологию Данна. Смотри: в досье говорится, что он любит деньги. Так сделай его Мидасом! Пусть это будет сон о сбывшихся желаниях. А если хочешь, чтобы сновидение навеяло страх, надо действовать иначе.

— Скажи, у цензоров есть черный список? — спросил Маклин, обдумав услышанное.

— Реестр запретных тем? Само собой. Я раздобу-

ду экземпляр, а ты придерживайся генеральной линии. Совсем не факт, что тебе доверят писать сновидения для Данна. Для этого нужна серьезная причина. Что, если ты не подходишь для работы с его психотипом?

— Вот, значит, как…

— Мне пора на ковер к Старому Хрычу — кстати, скажу ему, что ты ценнейший кадр, — а потом сходим перекусить. Устраивает?

— Вполне. Послушай-ка, Броскоп…

— Чего?

— Надо сделать так, чтобы меня прикрепили к Данну. Надо, и все тут!

— Непростая просьба. Дай-ка подумать… — Лепрекон закусил губу. — Найти бы подход к Черепу…

— К чему?

— Не к чему, а к кому. Череп — один из партнеров. По сути дела, единственный заправила в нашем бизнесе. Он командует всей фабрикой, друг мой Тимоти. Знаешь что? Сегодня же вечером найдем Черепа и потолкуем с ним. Если ты ему понравишься, считай, что дело в шляпе. Ладно, мне пора. Жди здесь.

На время его отсутствия Маклин погрузился в черные думы. Наконец лепрекон вернулся и с

ухмылкой сообщил:

— Короче, я подмазал Старого Хрыча. Масла ему в уши налил. Сказал, что ты просто создан для этой работы.

— Может, так оно и есть, — загадочно ответил Маклин. — Что теперь?

— Кормежка. А потом поищем Черепа. Наверняка он в одном из злачных мест. Единственное наше развлечение, — помрачнел Броскоп, — это ночные клубы. Зато их тут полно, — снова просветлел он. — Ну пошли, а то умираю, есть хочу.

Поначалу Маклин был не против (с тех пор как его закинуло в этот мир, он видел только три кабинета и один коридор), но вскоре горько пожалел о своем решении.

Здешняя столовая напоминала студийный кафетерий, но проблема была не в тесноте, шуме или чересчур ярком освещении, а в толпе посетителей, ни один из которых не был человеком. Никогда еще Маклин не видел такого разнообразия уродов.

— Привыкнешь, — весело пообещал Броскоп. — Хотя сегодня, пожалуй, сядем за уединенный столик. Вон там. Красавица, ты так похорошела! — заключил он с демонстративным ирландским акцентом, и Маклин поднял глаза.

Оказалось, последняя фраза была адресована двухголовой официантке. Сдержав испуганный возглас, Маклин отвел взгляд:

— Закажи мне что-нибудь, Броскоп. Выпьем?

— Отличная мысль! Два коктейля «Адский огонь», покрепче и побыстрее. Как ты относишься к угрям? — спросил вдруг лепрекон, пристально глядя на Маклина, и тот замешкался с ответом:

— Я… к угрям… А что? Только не говори, что здесь работают угри!

— Я про тушеных угрей, — пояснил Броскоп. — На ужин. Их тут неплохо готовят. Что скажешь?

— Если есть стейки, я предпочел бы стейк.

— Говядина, мамонт, человечина? — уточнила официантка.

У нее был неприятный скрипучий голос.

— Э-э-э… Говядина, — ответил Маклин, отгоняя подступившую тошноту.

Но по прибытии коктейля настроение заметно улучшилось: глоток прокатился по пищеводу смутным намеком на обещание, вмиг исполнившееся в желудке. Напиток оказался крепким, согревающим, и Маклину захотелось повторить.

За ужином он больше пил, чем ел, и вскоре достиг таких духовных высот, что мог без содрогания смотреть на других столующихся,

по-прежнему не похожих на людей. Наконец он захихикал.

— Что такое? — Броскоп подцепил вилкой аппетитный кусок тушеного угря.

— Вампирша. Ты только глянь на ее зубы!

— Вон та, что ли? Она актриса. Снимается преимущественно в кошмарах.

— Странная публика, — заметил Маклин, — но вполне приличная по сравнению с теми страшилами, что являются мне в дурных снах. Помню, видел однажды паука — здоровенного, а глаза как суповые тарелки…

— Технари постарались, — объяснил лепрекон. — Таких монстров собирают в лаборатории спецэффектов, а потом анимируют с помощью живой воды. Наделяют синтетику жизненной силой. У нас отменные специалисты. Вчера я видел такое, что…

Лепрекон умолк, заметив, что Маклин уже не слушает его, а целеустремленно шагает сквозь толпу. В один прыжок Броскоп настиг его и спросил:

— Эй, куда ты собрался?

— Вон за тем столиком Старый Хрыч, — указал Маклин. — Брюхо набивает. Предположу, что человечиной. Пора сказать ему пару ласковых.

— Так-так, — озадаченно присвистнул лепрекон. — Знаешь что, друг мой Тимоти, нам пора на выход. Прямо сейчас! Не забывай, надо найти Черепа. Он в баре, большом и красивом, — добавил Броскоп тоном бывалого искусителя. — В баре, где много разнообразных спиртных напитков.

— Мне надо к Старому Хрычу, — возразил Маклин. — Я ему рога-то пообломаю! — Судя по лицу, его захлестнула волна самодовольства. А миг спустя он восторженно рассмеялся. — Слушай, отличная шутка! Хоть понял? Я ему рога…

Хихикая себе под нос, Маклин сдался, и Броскоп потащил его к выходу. Снаружи, подышав вечерним воздухом, сценарист немного протрезвел и заозирался:

— А где столовая? Куда она делась?

— Не забывай, теперь мы ищем Черепа!

— Ты пьян, — кое-как выговорил Маклин, — поэтому надо поймать такси.

По всей очевидности, в этом мире тоже хватало такси: едва Броскоп свистнул, к ним с Маклином подрулил автомобиль. Маклин рассматривал окружающий мир сквозь туман «Адских огней» и размышлял о жизни. Пожалуй, все было бы не так уж плохо, если бы не этот Джером Данн, горе-волшебник без чести и совести…

— Рога-то пообломаю! — хихикнул Маклин. — Какая прелесть!

Такси остановилось у неоновых огней какого-то кафе. Броскоп препроводил спутника в зал и усадил за столик.

— Коктейль «Адский огонь»! — потребовал Маклин, когда оркестранты взяли паузу. — Шесть порций!

— Тише! — шикнул лепрекон. — Перед тобой и так уже четыре бокала. Что, не помнишь, как заказывал?

В этих коктейлях определенно было нечто весьма своеобразное. Маклину довелось испробовать почти все разновидности спиртного — что в разбавленном, что в чистом виде, — но еще никогда он не имел дела с напитком, столь эффективно нивелирующим гравитацию. Он то и дело норовил взлететь, и, чтобы усидеть в кресле, ему приходилось цепляться за край стола.

— Не знай я, что к чему, — обратился Маклин к лепрекону, — подумал бы, что парю в воздухе.

— Так и есть, — сказал Броскоп. — Это тебе не земной напиток, не виски, не ушкабах, как говорят у нас в Ирландии. «Адский огонь», дружище, на самом деле отменяет силу тяжести, а ликер «Нутром наружу» трансформирует физическую

оболочку.

— Это как?

— Демонстрирует окружающим самые низменные твои наклонности, — пояснил Броскоп, но Маклин все равно ничего не понял.

Упомянув Джекилла и Хайда, он проглотил очередной коктейль и на сей раз действительно воспарил так, что зацепился ботинками за скатерть. Поросший белой шерстью официант подбежал к столику и усадил Маклина на место.

— Знаю, — сказал сценарист, вывернувшись у него из рук. — Можешь не объяснять. Ты вервольф.

— Не совсем, сэр. Я превращаюсь не в волка, а в медведя, — проворчал официант и удалился.

Маклин хотел было крикнуть что-то ему вдогонку, но тут его внимание привлек скелет, сидевший на диване неподалеку. Спьяну он казался не страшным, а, наоборот, очень смешным. Повернувшись к Броскопу, Маклин принялся рассуждать:

— Как бы он не простудился. Может, это не он, а она? Стриптизерша? Не хотел бы я оказаться на месте ее массажиста…

— Тихо! — осадил его лепрекон. — Нам повезло!

— Повезло? — изумился Маклин. — С каких это пор мы грабим могилы?

— Это Череп, — объяснил Броскоп. — Помнишь, что я говорил? Он здесь самый главный босс. Пойдем познакомлю. — И лепрекон потащил Маклина за собой, что было нетрудно, поскольку под действием «Адских огней» сценарист сделался почти невесомым.

— У него трещина в большой берцовой, — заметил Маклин. — Кстати, как начинают разговор со скелетом? Справляются о самочувствии? Это же глупо! Будь я скелетом, чувствовал бы себя хуже некуда, это уж точно.

— Цыц! Сэр, это Тимоти Маклин. Он у нас новенький. Хочет выразить свое почтение.

У скелета был вполне дружелюбный вид — главным образом из-за зубастого оскала, — но Маклин даже обрадовался, когда это чудовищное создание не подало ему руки.

— Тимоти Маклин, значит? — проскрежетал низкий голос. — Как поживаешь, Тимоти Маклин?

— Превосходно, — ответил сценарист, прикидывая, не переусердствовал ли он с выпивкой. — Похоже, я в полном порядке. Иначе не разговаривал бы с беглецом с погоста.

— Он в легком подпитии, сэр, — поспешил на выручку Броскоп. — Сами понимаете, «Адский огонь»…

— Оно и видно, — подтвердил скелет, с замогильным интересом разглядывая зависшего над полом Маклина, и тот слегка обиделся:

— Может, я и пьян, но хотя бы жив!

Ну и ну! Значит, человек набрался мужества, чтобы учтиво пообщаться со скелетом, а в ответ слышит одни оскорбления? Возмутительно! Не выпить ли еще коктейль?

Словно для того, чтобы добавить сцене диссонанса, явился Старый Хрыч. К этому моменту Маклин окончательно утратил осторожность и забыл любые слова, кроме бранных.

Игнорируя всех, за исключением Черепа, Старый Хрыч уселся рядом со скелетом, лениво махнул рукой и прогремел:

— Сгиньте, парни. У нас деловой разговор.

Лепрекон изо всех сил потянул Маклина в сторону, но тот, заметив на соседнем столике миску с сухими крендельками, стянул ее, встал поудобнее и принялся бросать кренделькиа в Старого Хрыча, стараясь, чтобы те повисли на рогах.

— Тимоти, дружище! Во имя Титании, перестань! — взмолился лепрекон.

— Попробуй и ты, — предложил Маклин. — Может, выиграешь приз. Ха! Попал!

Старый Хрыч аккуратно снял кренделек с левого рога и смерил Маклина ненавидящим взглядом, после чего объявил:

— Я тебя знаю.

— Коль знаешь, то и любишь, — наобум ответил Маклин. — Или пободаться со мной решил? — Тут он разразился безудержным хохотом. — Пободаться! Нет, вы поняли? Итак, о чем это я? Ах да, тут у нас частная вечеринка, крокодильчик ты мой, и не припомню, чтобы тебя кто-то звал.

Казалось, Старый Хрыч вот-вот взорвется. Череп кивнул лепрекону:

— Уводи-ка дружка. Он всего лишь сценарист, так? Вот и объясни ему, что режиссеры имеют приоритет над сценаристами.

— Такие кости, как у тебя, я на завтрак глодаю, — заявил Маклин самым оскорбительным тоном, решив сорвать раздражение на скелете. — Не перебивай, а не то натравлю на тебя могильных червей! — Вывернувшись из объятий Броскопа, он взмыл к потолку, где и остался, легонько перебирая ногами, чтобы сохранить равновесие, после чего опустил взгляд на поднятые к нему физиономии: рогатую Старого Хрыча,

зеленую лепрекона и костяную Черепа.

— Я, — возвестил он, — с высоты моего полета намерен сделать несколько заявлений. Не смейте обращаться со мной как с контрактным работником. Мне здесь не место. Я попал сюда по ошибке. И если не отправите меня на Землю, да немедленно, я устрою тут такой ад, что…

— Вышибалу сюда! — взвыл Старый Хрыч.

По залу скользнуло что-то черное, бесформенное и крылатое. «Дракула», — с ужасом подумал Маклин и отчаянно забился в крепких когтях неведомого существа.

— Выброс его, — невозмутимо приказал Череп.

Маклин почувствовал, как его тащат по воздуху. Заметил перепуганное личико Броскопа и наконец погрузился в кромешную тьму, навеянную призраками шестнадцати «Адских огней».

Чувствовал себя Маклин на удивление прилично, даже с поправкой на пробуждение в аду. Нервы уже не страдали от невыносимого напряжения. Он больше не сомневался в собственном здравоумии. Очистив рассудок спиртным, Маклин смирился с реальностью магии, уже не принимая в расчет различные психозы и неврозы.

Недостатков было ровно два: похмелье и, что гораздо хуже, некомфортная температура окружающей среды. Открыв глаза, Маклин тотчас понял, почему здесь так жарко.

Над головой бурлило пламя, прокатываясь по высокому небосводу бесконечными приливами и отливами в сопровождении глухих раскатов грома. Вдобавок ко всему Маклин едва не задыхался от едкого серного запаха.

Он сел, пошатываясь от внезапного головокружения, огляделся и понял, что находится на… на плоской возвышенности из черного металла, обжигавшего ему зад. Похоже, Маклин оказался на острове.

Тут к нему вернулось восприятие перспективы. Нет, никакой это не остров. Это верхушка гигантской башни, а земля — далеко-далеко внизу. Сделав несколько шагов к краю, Маклин остановился на почтительном удалении от пустоты и увидел черный город, окруженный огненным кольцом, и услышал звуки, от которых по спине пробежали микроскопические мурашки. Да, он в аду.

Становилось все жарче. Ослепляющие и обжигающие языки пламени вздымались все выше. Маклин инстинктивно отпрянул.

Вжух!

И Маклин оказался уже не в аду, а на довольно жесткой койке: лежал полностью одетый и смотрел на зеленую физиономию лепрекона, нависшую над ним елочной игрушкой.

— Как знал, что ты вот-вот вернешься, — вздохнул Броскоп. — Тебе прописали всего лишь сутки в аду. Ох, дружище, почему же ты меня не слушал?

Маклин сел. Он находился в громадном дортуаре, где не было ничего, кроме выстроенных рядами коек.

— Ты как, в норме? — Броскоп сидел на спинке кровати.

У него был озабоченный вид.

— Я… Ну да, пожалуй. Что случилось?

— Вставай. Тебе надо поесть и глотнуть кофе. Тем более скоро на работу.

— На работу? — простонал Маклин, но послушно встал и проследовал за Броскопом в умывальную, где в спешке совершил туалет.

А вскоре он сидел в кафетерии, глотал черный кофе и курил сигарету, зажатую в дрожащих пальцах.

— Дело было так, — объяснил Броскоп. — Ты оскорбил Черепа и Старого Хрыча — помнишь об

этом, нет? — и в наказание получил ссылку в ад. У нас считается, что нарушение субординации — серьезный проступок. Как все прошло?

Маклин сказал, что бывает и хуже.

— Да ну? Понятно. Тебе повезло: проспал почти весь срок.

— Где хоть я был-то?

— На самой высокой башне города Дис. Там, куда нас всегда посылают. Окажись ты ближе к земле, превратился бы в горстку пепла. Так что впредь не лезь в бутылку, дружище: Старый Хрыч тебя ненавидит, а у Черепа нет причин тебя любить. Ну зачем было так себя вести? Ты ведь хотел попросить Черепа об одолжении…

— Вот именно, — закусил губу Маклин. — Хотел. Хотел, чтобы мне поручили писать сны для Данна.

— Выпей-ка еще кофе, — посоветовал Броскоп. — Короче, теперь даже не думай просить об одолжениях. Будешь писать сценарии для своей психологической группы. Вот, собственно, и все.

От кофе у Маклина прояснилось в голове, и впервые за несколько месяцев он ощутил спокойствие и способность мыслить ясно, ведь недаром утро после вчерашнего считается наилучшим временем для построения планов.

— Броскоп, — задумчиво сказал он, — я несколько лет крутился в Голливуде. И я далеко не дурак. Так что не бери в голову. Я писал сценарии для сиквелов, а после такого справишься с чем угодно. Что касается наших дел… — Он поднялся на ноги. — Пойдем. Пора сесть за работу.

Лепрекон и человек вышли под яркое утреннее солнце. Маклин глянул в небо, и у него зародилось вполне обоснованное предположение, что на самом деле это «солнце» — что-то вроде дуговой лампы, прикрученной к… потолку? Мир, где находилась фабрика грез, таил в себе немало странностей.

По пути они миновали площадку, где уже трудились актеры. Перекошенные кубистские декорации напомнили Маклину о фильме «Кабинет доктора Калигари». Изо всех окон пялились глаза, монотонно урчала странного вида камера, и все это очень походило на Голливуд.

Затем… что-то? — выбежав из двери, резво захромало по улице, и Маклин изменил свое мнение. Нет, это не Голливуд. Здесь создают кошмары.

Наконец Броскоп доставил его в кабинет, а сам исчез. Маклин бросился к столу, но папки Данна там уже не было: очевидно, карточки вернулись

на прежнее место. С кривой улыбкой Маклин снял телефонную трубку.

— Алло? Пришлите мне досье Джерома Данна. Да, опять. И еще информацию по Тимоти Маклину, Голливуд, Земля. Совершенно верно. Положите в папку несколько пустых карточек. Вот именно, я хочу кое-что добавить. Да, конечно, у меня имеются такие полномочия, — соврал он и со вздохом облегчения откинулся на спинку стула.

Вскоре Маклин приступил к делу. Сначала стал искать пишущую машинку. Та пряталась в недрах стола, но стоило коснуться нужной кнопки — и машинка выскочила на поверхность.

Прибыли папки с карточками. Наморщив лоб, Маклин изучил свое досье.

— О боже, — пробормотал он, — неужели это я? Ну ладно…

Зарядив в машинку чистую карточку, он принялся за работу. Почти всю информацию скопировал дословно, но психологические данные заменил строчками из досье чародея.

Итак, дело сделано. Маклин усмехнулся. Если верить слегка подправленным документам, Джером Данн и Тимоти Маклин родственные души с практически идентичными особенностями пси-

хики. Логика подсказывала, что теперь Маклину поручат писать сновидения для Данна.

Он сунул оба досье в волшебный стол, чтобы те отправились обратно, и пожал плечами. Теперь оставалось только ждать. Закурив сигарету (в портсигаре оставалось несколько штук), Маклин отправился в кабинет Броскопа, где увидел, что малыш-лепрекон расхаживает взад-вперед, растирает глаза и сердито посматривает на диктофон.

— Что, застрял?

— Надо вставить в сценарий старый сон, а он не вставляется. Ну да, у нас не принято брезговать подержанными снами, — кивнул Броскоп, усевшись на край стола. — Сам подумай, мы снабжаем сновидениями всех разумных существ во Вселенной, а их предостаточно. Даже если работать в две смены, нельзя создать новый сон для каждого — ни ежедневно, ни даже раз в неделю.

— Об этом я уже думал, — кивнул Маклин.

— И тут на помощь приходит время. В сновидениях его считай что нет. Бывает, короткометражный сон длится всю ночь, а многосерийник пролетает за долю секунды. Вот как это делается, дружище Тимоти. Вчера я написал сновидение для Агары Зонна, живущего в системе звезды

Ригель, и Зонн посмотрел его вчера же ночью, а сегодня этот сон отправится к… дай-ка прикину… по меньшей мере к тысяче существ с такими же особенностями психики. Само собой, не на Ригель. На Бетельгейзе, Венеру, Авалон — куда угодно. Завтра ночью будет то же самое. В конце концов все, чья психика идентична психике Зонна, посмотрят этот сон, но у нас остается множество существ с незначительными отклонениями от особенностей первого сновидца. Они тоже увидят этот сон, но сперва его надо доработать. Для этого мы держим архив сновидений. Исходный сон монтируют и перемонтируют так, что в итоге его не узнать, но в каждом случае он подходит своему индивидууму. Понял?

— В общих чертах, — сказал Маклин. — Давай помогу. Все-таки мне надо многому научиться.

Какое-то время они работали вместе. Дело спорилось. Маклин схватывал все на лету, и Броскоп был признателен ему за помощь.

— Кстати, любопытно, — спустя некоторое время прервался Маклин. — Как насчет зрительской реакции? Ее отслеживают?

— Ну конечно. Иной раз вставляют в сон проверочные эпизоды с завуалированными вопросами, особенно когда нет полной уверенности в психо-

логическом портрете сновидца. Естественно, со временем любой индивидуум меняется. Вот тебе пример реципиента, чей излюбленный невроз — клаустрофобия. Во сне его бросают в темное подземелье на Меркурии, и это переживание или доканает его, или исцелит. Сейчас запрошу проверку и узнаю, как изменился этот парень. — Броскоп повернулся к диктофону. — Эпизод семь, панорамный план, сцена допроса. Словесно-ассоциативный тест. Повнимательнее со скоростью воспроизведения. После предпросмотра отправить эпизод сценаристу для реклассификации. Проверочные слова: «Солнце», «звезды», «Луна», «*лац*», «стена», «гроб», «затмение», «натиск»…

В кабинете у Маклина раздался звонок, и Броскоп прервал диктовку:

— Тебе дали поручение. Понадобится помощь — свистни.

— Спасибо, — сказал Маклин и вышел.

На столе у него обнаружилась карточка со следующим текстом:

«Тимоти Маклин, классификация 7-Б-132-ДД-90. Все личности с этим кодовым номером годятся в качестве рабочего материала. Предупреждение: не писать сценариев для тех, кто не входит в эту группу. По всем вопросам звонить в информаци-

онную службу».

Маклин придвинул к себе телефон. В информационной службе сказали:

— Пришлю вам папки этой группы. Их очень много. Как отсортировать — по алфавиту или по географии?

— По алфавиту. Мне нужны все клиенты на букву «Д».

— Хорошо, сэр. У вас есть экземпляр цензурного кодекса? Нет? Тоже пришлю.

Опять открылся стол, и Маклин увидел коробку с папками. На коробке значилось «Дааааааа-Дааааааб». К ней прилагалась стопка машинописных листов, отпечатанных с одинарным интервалом. Маклин схватил ее, а карточки отослал обратно:

— Мне нужны досье с именами, начинающимися на «Дан».

— Их четырнадцать ящиков, сэр. С которого…

— Данн, — сказал Маклин, уже теряя надежду. — Джером Данн.

Наконец он добился желаемого. Коробка была помечена ярлыком. «7-Б-132-ДД-90-Данм-Дано». Маклин перебрал карточки и облегченно выдохнул, когда увидел надпись: «Джером Данн, род. 7 апреля 1896 г.». Итак, Данн подпадал под юрисдикцию Маклина, хитроумно подменившего

карточки в собственном досье!

Теперь всего-то и надо, что вставить в сон Данна кодовое послание. Да, и еще избежать неприятностей с цензурой.

Маклин просмотрел цензурный кодекс с бесчисленным количеством самых причудливых ограничений. Длительность поцелуя — не дольше двух секунд, а в снах для японцев целоваться вообще запрещено. На планете Споджерблю в туманности Угольный Мешок нельзя демонстрировать сновидения со световой вибрацией. Сон должен быть написан в строгом соответствии с психологией индивидуума… Маклин взял досье Данна и внимательно изучил. Нет ли где лазейки, явной причины для проверочного сновидения, способного послужить его цели? Так-так, посмотрим… С тех пор как Маклин впервые прочитал досье, в нем появилась новая строка: «Недавно Данн отказался от пятидесяти тысяч долларов за съемки в кинофильме».

То есть как — отказался? Ведь главная черта Джерома Данна — это жадность! Что-то не сходится. Возник вопрос — именно тот, в котором нуждался Маклин: не изменился ли психологический портрет Данна?

Он схватил трубку диктофона:

— Вклейка для Джерома Данна. Проверочная сцена. Вернуть сценаристу после… э-э-э… предварительного просмотра. — Маклин умолк, потрясенный безумием всей этой ситуации. Он напишет сон для волшебника… Наморщив лоб, он вдумчиво продолжил: — Сцена допроса. Нет. Изменить. — (Такое идет вразрез с подноготной Данна.) — Пусть будет черная месса, а вопросы Данну задает Сатана.

Маклин вошел в рабочий ритм, и дело заладилось, но ему не давала покоя единственная мысль: как передать сообщение? Как вставить ссылку на себя, не привлекая внимания цензоров?

Ответ очевиден: символизм!

Но какой требуется символ? Хм… Датированный передним числом чек на пять тысяч долларов? Этот образ непременно вызовет у Данна ассоциации с Маклином. Ну да. Хорошо, в таком случае…

Наконец он управился: завершил не только проверочный эпизод, но и все сновидение. Великолепный сценарий, основанный на крепком фундаменте внутреннего «я» Джерома Данна и включающий в себя образы землетрясения, разрушившего все банки Голливуда, после чего на улицы пролился дождь из золота и банкнот, а сам

Данн (единственный, кто не спал в тот момент) сновал по развалинам с тачкой и перевозил сокровища к себе в погребок. Недобро усмехнувшись, Маклин превратил золото в речные камушки, а бумажные деньги — в просроченные векселя. Пусть это будет страшный сон.

Он спросил у Броскопа, все ли в порядке. Прослушав запись, лепрекон усмехнулся:

— Догоняешь, друг мой Тимоти. Отлично!

— Ну а цензоры?..

— Забудь. Может, внесут пару незначительных изменений. Но лучше убери упоминание о золотом зубе. Зубы — рискованное дело. В остальном все прекрасно. Теперь сбрось сценарий продюсеру, и можно праздновать.

Зазвонил телефон. Маклин снял трубку:

— Да?

— Высылаю еще одну карточку Джерома Данна. Она оказалась не на своем месте. Утром вы запрашивали его досье, так?

— Верно.

Открылся стол. Внутри лежала испещренная машинописью карточка. Маклин просмотрел ее:

«Дополнения к биографии Джерома Данна. Магическая халатность. Случайно добавил мышьяк в любовное зелье некоего…» И так далее, но

отдельные фразы представляли особый интерес: «Весьма небрежно обращается с межпространственными перемещениями. Из-за неаккуратно приготовленных свитков (работает на пергаменте) потерял шесть человек. Некий Майкл Макбрайан должен был попасть в рай, но по недоразумению оказался в египетском аду. Данн узнал о своей ошибке, однако отказался вызволять Макбрайана, опасаясь, что клиент подаст на него в суд. Остальные пять случаев примерно такого же характера. Один человек угодил в рундук Дейви Джонса…»

— Что не так? — спросил Броскоп.

— Все так, — выдохнул Маклин, — как бывает, если исподтишка заедут по морде. Ботинком. Понятно, человеку свойственно ошибаться, но ошибки желательно исправлять. Скажи, я не прав?

— Чего?

— Проехали. Что-то мне нездоровится, друг. Может, примем по «Адскому огню»?

— Ну-у-у, — неуверенно протянул лепрекон, — давай. Но ты же помнишь, что было в прошлый раз?

— Этого больше не повторится, — пообещал Маклин и сдержал слово.

Этого не повторилось. Проблем не было. Усевшись у барной стойки, Маклин целеустремленно накачивался «Адским огнем», пока не воспарил к потолку, где и отключился, а спустя какое-то время пришел в себя на койке в студийном общежитии — с неизменным похмельем, но проблему решил завтрак с черным кофе.

Маклину не терпелось выйти на работу. На столе его ждала благодарственная записка от самого Старого Хрыча, приложенная к распечатке сценария. Броскоп восторженно рассмеялся:

— Ты только глянь! «Молодец»! И подпись: «С. Х.». Ты, друг мой Тимоти, еще до режиссера дорастешь.

— Ну да, конечно. — Маклин рассеянно закурил.

Он изучал другой документ — отчет о проверочной сцене, внедренной в сновидение Данна.

Чтобы не мешать, Броскоп на цыпочках ушел к себе в кабинет, а Маклин запросил бювар с карточками волшебника и принялся размышлять над отчетом. Прищурился, выпустил из ноздрей две струйки сигаретного дыма и выругался себе под нос, ибо новая информация не показалась ему обнадеживающей.

Она была представлена в виде диалога между

Данном и Сатаной. Разумеется, ответы предоставил сам Данн, но вопросы написал Маклин.

В. (Сатана): Ты обещал служить мне?

О. (Данн): Совершенно верно.

В. Ты продал душу в обмен на магические способности?

О. Конечно. Чтобы заработать. Люблю деньги. Просто обожаю.

В. Ты не передумал?

О. С чего бы?

В. Тебе предложили крупную сумму за участие в художественном фильме, но ты отказался. Почему?

О. Неужели не понимаете? Если фильм вышел бы на экраны Сент-Луиса или Чикаго, полиция потребовала бы передать меня тамошним властям. Бывали времена, когда мое… волшебство давало осечку.

В. Что ты ценишь выше — деньги или честность?

О. Крайне странный вопрос.

В. Если не получится выполнить желание клиента, ты вернешь ему деньги?

О. Ну… Если дело дойдет до суда… Наверное.

В. Если кто-то из клиентов попадет в беду…

О. Понимаю, о чем вы. Яд в любовных зельях?

Несчастный случай, только и всего. А те ребята, которых закинуло в другие измерения… Да, у меня получились не самые идеальные свитки, ну и что? Я же не могу вернуть клиентов на Землю. Вдруг меня засудят? Или потребуют отдать деньги? А эти деньги мои, и только мои.

В. Что насчет чека на пять тысяч долларов, датированного передним числом?

О. Да-да, припоминаю. Это мой седьмой просчет. Наверное, клиенту достался не тот свиток. Понятия не имею, где этот клиент сейчас. Мне некогда искать его по всем измерениям. К тому же я смогу обналичить чек не раньше чем через три дня. А если Маклин вернется, его рассказ навредит моей репутации. Люди перестанут мне платить, а меня это не устраивает.

На этом вопросы и ответы не закончились, но дальше не было ничего интересного. Маклин откинулся на спинку стула и тяжко вздохнул. Все верно: Джером Данн — бессовестный обманщик. Он знал о своей ошибке, но отказался исправить ее.

Лицо Маклина окаменело. Раз так, пора переходить к более серьезным мерам. Данн заслужил крепкую оплеуху. Вопрос лишь в том, как до него дотянуться. И это весьма непростой вопрос.

Итэм, Маклин хочет вернуться на Землю.

Итэм, он утратил второй свиток.

Эрго, надо раздобыть другой обратный билет.

Но как?

Вскоре Маклин расплылся в широкой улыбке и тихонько запел:

Если надо кого-то вернуть с того света,

Чтоб расспросить и про то, и про это

В надежде на чудо, к добру или к худу,

За самую скромную мзду, разумеется, —

Такая строка в прейскуранте имеется.

Он выскочил из-за стола и влетел в соседний кабинет, где Броскоп свирепо пялился на диктофон и ругал его страшными словами.

— Броскоп!

— Какого черта?! А, это ты. Не советую подкрадываться к лепрекону со спины. Что случилось?

— Говоришь, за неповиновение тут наказывают только одним способом?

— Ну да, ссылкой в ад.

— А куда конкретно? На ту башню?

— На самую высокую башню города Дис, и только на нее.

— Допустим, я расквашу нос Старому Хрычу. Меня отправят на башню?

— Непременно, — хихикнул Броскоп.

— И больше никуда?

— Нет, только на башню. А что? Эй! Ты же не собираешься…

— Пока нет.

Маклин вернулся к себе и снял телефонную трубку.

— Информацию по душам, проданным Сатане? Понял, сэр, высылаю нужный том.

Книга оказалась увесистой, а многочисленные иллюстрации — весьма неприятными, но вскоре Маклин нашел, что искал:

«Выкупив душу, Сатана удерживает ее в качестве залога. Душу помещают в аммиачный кратер, где она хранится в замороженном виде. После смерти владельца его жизненная сила передается душе, и для той начинается период мучений».

В другом параграфе говорилось:

«Такая душа являет собой безупречную копию физического тела, но отличается мертвенно-бледным цветом, сравнимым с цветом эктоплазмы. Аммиачный кратер находится под круглосуточной охраной, поскольку известны случаи, когда

люди пытались выкрасть проданную душу, хотя безуспешно. Сатана не любит, когда его обманывают. Человек, сумевший похитить душу из аммиачного кратера, в должное время получит шанс попасть в рай. Однако…»

С ужасающей улыбкой Маклин повернулся к диктофону, сменил цилиндр и заговорил:

— Сновидение для Джерома Данна. Место действия — ад, верхушка самой высокой башни города Дис. В качестве реквизита подготовьте макет души Данна. Хотя стоп, лучше начать с аммиачного кратера. — Он по-быстрому наговорил сценарий и заключил: — Это срочный проект, и перед показом мне надо просмотреть отснятый материал.

Двумя часами позже Маклин сидел в аппаратной. Рядом с ним расположился взволнованный малыш-лепрекон.

— Ничего себе, целый сон под твоей фамилией! Шикарно! К тому же одобренный советом цензуры! Друг мой Тимоти, ты определенно оставишь след в этом мире…

Маклин не ответил. Он смотрел, как на экране разворачивается драма.

Сон начался с панорамы ада, смонтированной умелыми техниками. Затем из затемнения

проступил аммиачный кратер с рядами замороженных душ. Камера наехала на одну из них, молочно-белую, но в остальном ничем не отличавшуюся от Джерома Данна.

Край аммиачного кратера лизнули языки пламени. Один, потянувшись к замороженной душе, искупал ее в огне. Душа начала оттаивать, шевельнулась, а затем взмыла к небу, воспарила над адом и направилась к черному городу Дис.

Полет закончился на вершине самой высокой башни, где душа улеглась и осталась в полной неподвижности, если не считать легкой одышки.

Эта сцена сменилась другой, более традиционной. Сон превратился в заурядный кошмар, но время от времени в нем повторялись кадры лейтмотива: душа Данна отдыхала на черной башне города Дис.

«Приманка», — подумал Маклин, а вслух спросил:

— Броскоп, когда выйдет этот сон?

Лепрекон выкрикнул вопрос, и из кинобудки ответили:

— Копию уже отправили на Землю. Премьера сегодня ночью.

— О'кей. — Маклин повернулся к лепрекону

и схватил его за руку. — Пожелай мне удачи. И еще, Броскоп… Если что-то пойдет не так, знай: ты отличный парень. Спасибо тебе за все.

— Тимоти, дружище…

Но Маклин уже шагал к Старому Хрычу. Кряжистый рогач сидел за столом и курил гигантскую сигару. Он поднял глаза:

— Снова ты? Я занят. Проваливай. Сперва позвони и договорись о встрече.

Ответ Маклина был громким, но нечленораздельным: высунув язык, сценарист принялся издавать оскорбительные звуки.

Старый Хрыч взревел, будто лев, вскочил, обежал стол и встал перед обидчиком — то есть угодил в расставленную Маклином ловушку.

— Ах ты, моллюск ползучий! Клянусь Ваалом и Вельзевулом, я не потерплю неподчинения в собственном отде…

— Так отправьте меня в ад, — предложил Маклин.

— Так… так… так и сделаю! На месяц! На два месяца! Я…

— Это все, на что вы способны? Да? Тогда получайте! — С радостной улыбкой Маклин размахнулся, врезал кулаком по некрасивой физиономии Старого Хрыча и ощутил костяшками

пальцев восхитительное «чвяк!».

Режиссер испустил вопль такой силы, что сценарист едва не оглох.

Отступив, Маклин стал ждать контратаки, но ее не последовало.

Держась за распухший нос, Старый Хрыч нетвердо вернулся к столу, где принялся лихорадочно звонить в звонки и нажимать всевозможные кнопки, после чего наклонился к интеркому и взвыл:

— Студийную охрану сюда! Срочно! У меня в кабинете маньяк! Маньяк-убийца!

Маклин услышал движение за спиной и почувствовал, что его схватили за руки. Старый Хрыч обмяк в кресле. Он тяжело дышал, его взгляд сочился желчной злобой.

— Пять лет ада. Пять долгих лет, — прошипел рогатый. — Уведите его. Уберите с глаз моих долой! — Теперь он не шипел, а пронзительно верещал: — Уведите, пока он не разнес всю студию!

Маклина потащили к двери. Он жизнерадостно помахал Старому Хрычу:

— Бывай, приятель. Ад — просто курорт по сравнению с этим абатуаром. Что, незнакомое слово? Поищи в словаре, — посоветовал он. — А

словарь возьми в библиотеке. Если, конечно, умеешь читать.

Когда дверь закрылась, кто-то сказал:

— Пять лет в аду — это немалый срок, парень. Жаль мне тебя.

Маклин зевнул…

Даже первые пятнадцать часов в аду оказались весьма неприятными. На башне города Дис становилось все жарче. Металл жег Маклину пятки. От едкой сухости воздуха хотелось пить. Маклин расхаживал взад-вперед, хмурился и думал, что делать, если его план не сработает.

Мало-помалу, все медленнее и медленнее тянулось время. Приливы пламени разбивались о стены башни, и огненные брызги взлетали к небу. Снизу доносился легкий шум. Пять лет в аду… Кхе-кхе! Маклин начинал беспокоиться.

Если дело не выгорит…

Нет, все должно получиться. Психология — надежная наука. Логика есть логика. Если сложим два икса, получим два, умноженное на икс. С другой стороны, если перемножим два икса, получим икс в квадрате. Может, надо было не складывать, а умножать?..

Но приманка была вернейшая. Данну приснилось, что его заложенная Сатане душа сбежала

из аммиачного кратера и прячется на верхушке этой самой башни. Мог ли он заподозрить подвох? Нет. Данн непременно захочет обмишурить Сатану и выкрасть свою душу.

С другой стороны, он может счесть этот сон банальной отсылкой к несбыточной мечте. Не исключено. Но даже в этом случае Данн поймет: существует вероятность, что видение основано на фактах, а проверить эту гипотезу проще простого. Опасности он не почует. С чего бы? Увидит приманку, помедлит — и шагнет прямо в капкан.

Хотелось бы верить…

Краем глаза Маклин заметил выросший в двадцати футах от него столб черного дыма, развернулся и, задыхаясь, бросился к мглистому облаку. Во тьме угадывались смутные очертания человеческой фигуры. Дым развеялся…

Данн!

Волшебник стоял неподвижно. В правой руке он сжимал обгоревший пергаментный лоскуток, а в левой — новенький, еще не сожженный свиток. В глазах-бусинках пылал алчный огонь, но прежде, чем Данн проморгался от дыма, Маклин приступил к делу: коршуном налетел на ничего не понимающего чародея и выхватил у

него свиток.

— Эй! Что… — начал Данн.

— Наказание под стать преступлению, дружок, — отрезал Маклин.

Зажигалка была наготове. Язычок пламени коснулся свитка. Данн завопил, метнулся вперед, но опоздал. К небу взвилось облачко жирного черного дыма.

Голос волшебника растаял в невыразимой дали. Морщась от боли, Маклин разлепил пересохшие веки. Он стоял в гостиной Данна, на том же месте, где несколько дней назад сжег первый свиток.

Посторонних в комнате не было. В окна лилось утреннее солнце. С далекого Голливудского бульвара доносился гул автомобилей.

— Данн, — негромко позвал Маклин, спрятав зажигалку в карман.

Нет ответа.

— Данн!

Едва заметно вздрогнув, Маклин поспешил к выходу.

Исчезновение чародея-консультанта Джерома Данна вызвало некоторый переполох в голливудских кругах, но через несколько недель о происшествии благополучно забыли и дела по-

шли своим чередом. Колумнистка Бетси Гарднер черкнула статейку для своей газеты, а Тимоти Маклин вернулся к работе, чувствуя невыразимое облегчение после недавних каникул.

— Смотался в Мексику ненадолго, — беспечно рассказывал он. — А у вас тут что творится? О да, чувствую себя великолепно. Должно быть, просто засиделся на одном месте.

С тех пор его карьере можно было позавидовать. Через некоторое время Маклин женился на Бетси Гарднер, а ровно через пять лет после возвращения из ада он проснулся среди ночи с криком, от которого содрогнулись стены.

Бетси включила свет:

— Тим, что такое?

— А? Что? — Маклин бешено заозирался. — Ой… Ничего, милая. Просто дурной сон.

— Просто сон? Это, наверное, был настоящий кошмар!

— Ну да… Скажи, которое сегодня число?

Бетси ответила, и Маклин задумался:

— Ровно пять лет с того дня. Значит, все это время он провел в аду — а теперь его взяли на мое место.

— Черт возьми, о чем ты?

— Так, ни о чем. Но черта ты помянула к ме-

сту, — загадочно ответил Маклин. — Я получил… скажем так, весточку от старого друга. Ложись спать, Бетси.

— С тобой точно все в порядке?

— Ну да. В полном. Но теперь мне, наверное, будет сниться множество снов. Ну да ладно: сны — это не камни и не палки, синяков не оставляют.

Озадаченная его словами, Бетси улеглась, закрыла глаза и вскоре задремала, но чуть позже опять проснулась — оттого что спящий муж тихо напевал:

Если в чем-то назрела нужда,
Бросай все дела и скорее сюда!
Тебе подсобит
Толковый ифрит,
Живущий на Сент-Мэри-стрит!

Слуга
1. Глаз

Сигнал поступил вскоре после полуночи: красная лампочка сообщила о чрезвычайном положении. Но всем известно, что ЧП — это лишь начало. По-другому не бывает. С тех пор как мутировало племя арахнидов Чикагского Кольца, рисковать стало не с руки. Человечество дышало на ладан, но мало кто понимал, что мы на грани вымирания. Никто, кроме меня и мне подобных.

Об этом знали все в Лаборатории биологического контроля. Любому, кто не пережил Трехчасовую войну, такая перспектива показалась бы абсурдной. Даже нам не верилось. Но одно дело — верить, а другое — знать наверняка.

По миру разбросано четыреста три Кольца, и каждое из них — потенциально смертоносная штука.

Наша лаборатория находится к северу от Йонкерса. Вернее, раньше тут был Йонкерс, а теперь — заброшенные руины. Пустырь. Ясное дело, шесть лет назад атомный заряд жахнул не по Йонкерсу. Он жахнул по Нью-Йорку, но радиация

расползлась так, что уничтожила и Йонкерс, и другие города аж до самого Уайт-Плейнз. Всем, кто пережил Трехчасовую войну, известно, что стало с Нью-Йорком и окрестностями после взрыва.

Война закончилась невероятно быстро, но главную опасность представляло ее эхо, бомба замедленного действия, способная стереть с лица земли всю цивилизацию. Впрочем, это пока под вопросом, а мы делаем, что можем: проводим лабораторные работы и запускаем самолеты-разведчики.

Мутации. Вот в чем главная опасность.

Я же специалист по мутациям. Поэтому записал видеорапорт на офисный тикер, нажал пару кнопок и обернулся к Бобу Девидсону. Он уже две недели как мой новый ассистент. Пока что смотрит, как у нас все устроено.

Уильямсу, моему помощнику, полагался отпуск, вот я и решил взять ему на замену юного Девидсона.

— Сгоняем проверить, Дейв?

— Ну а как же. Значит, тревога? ЧП?

Я придвинул микрофон и приказал:

— Высылайте подкрепление. Разбудите Уильямса, пусть заступает на трудовую вахту. И вертолет подготовьте, как-никак красный

уровень угрозы. — Повернулся к Девидсону. — Рутинная процедура, если обойдется без сюрпризов. Информации пока немного, но лучше не рисковать. Судя по данным воздушной разведки, обрушение в Кольце Семьдесят-Двенадцать, а вокруг него — подозрительная активность.

— Там, где на прошлой неделе упал авиалайнер? — оживился Дейв. — Есть какие-нибудь новости насчет пассажиров?

— Никаких. Даже если бедолаги выжили при падении, их прикончила радиация. Так что дело можно закрывать. Хотя… вдруг самолет найдем? — Я встал. — Не исключено, что все это пустая затея, но с Кольцами шутки плохи. В общем, полагаться на авось нам нельзя.

— По-любому там что-то интересное, — кивнул Дейв и последовал за мной к выходу.

Мы заметили его издали. Этих штуковин четыреста три на поверхности планеты, но до Войны никто и знать не знал, что такое Кольцо, а представить его по сухому описанию весьма непросто. Надо прочувствовать эту скорбную опустошенность, когда летишь над голым расплескавшимся камнем, где до скончания века не появятся никакие растения, и видишь в этих омертвелых декорациях кипучую жизнь Кольца.

Живой периметр, созданный самой Смертью. Солнцеподобная энергия бомб дала толчок жизни — новым неведомым мутациям. Жизни, которая менялась, меняется и будет меняться, пока мир снова не войдет в равновесие, уничтоженное трехчасовым бедствием космических масштабов. Все мы до сих пор содрогаемся от последствий катастрофы.

А когда равновесие восстановится, человечество уже не будет господствующим видом. Вот почему мы держим Кольца под неусыпным наблюдением. Время от времени проходимся по ним с огнеметами. Понятно, что выкорчевать ростки такой жизни можно лишь ядерными ударами, но это не выход: новые атомные бомбы — это новые Кольца, а у нас и со старыми хватает проблем.

Гидроголовая задача, не имеющая решения. Остается лишь наблюдать, выжидать и готовиться к худшему.

* * *

В мире все еще царила тьма, но Кольцо лучилось светом: испускало диковинное блеклое сияние, которое могло означать что угодно. Раньше такого сияния не было. Вот, собственно, и все,

что мы узнали.

— Дай-ка сканер, — велел я Девидсону.

Он протянул мне маску, я зацепил крепления за уши и поправил монокулярный визор, ожидая, что тьма растает в инвертированной картинке прибора ночного видения.

Ну да, она растаяла, но толку от этого было немного. Я видел негативы деревьев и призрачно-бледные очертания разбитых домов на фоне кромешной тьмы, но в пределах Кольца — ровным счетом ничего.

Короче, никаких поводов для оптимизма. Не исключено, что дело совсем плохо. Я молча отдал маску Девидсону и стал смотреть, как он разглядывает окрестности. Когда парень повернулся ко мне, я увидел в линзе монокуляра встревоженную физиономию еще до того, как он отцепил крепления от ушей. В свете огоньков приборной доски ассистент показался мне бледноватым.

— Ну? — спросил он.

— Похоже, на сей раз что-то серьезное.

— Например?

— Без понятия. Что угодно. Сам знаешь: формы жизни, когда мутируют, не трудятся ставить нас в известность. И внизу произошла очередная мутация. Может, что-то прело себе под землей

и дожидалось удобного момента. Что бы это ни было, оно умеет блокировать наши ПНВ, а это задача не из легких.

— Парни из отряда быстрого реагирования упоминали обрушение. — Девидсон бросил вниз еще один напрасный взгляд. — Вы его не видели?

— Вообще ничего не видел, кроме светящейся дымки. Внутри Кольца полное затмение. Ну, может, при дневном свете узнаем, что к чему. Надеюсь.

Зря я надеялся. По всей площади Кольца, куда ни глянь, разлилось неглубокое море желто-серого тумана. Мертвый центр и наружный круг противоестественной жизни полностью скрылись под его волнами, непроглядными для нашей техники. У нас полно железок, способных видеть сквозь темноту и любой туман, но эта пелена оказалась для них непроницаемой.

— Идем на посадку, — наконец сказал я Девидсону. — За туманом что-то есть, и оно не хочет, чтобы за ним шпионили. А пошпионить надо, и чем скорее, тем лучше. В общем, пойдем-ка разбираться.

Мы были одеты по последней моде — в новейшие просвинцованные костюмы, настолько гибкие, что почти не ощущались. На подлете

к земле мы захлопнули намордники, и тотчас защелкали навесные счетчики Гейгера — вразнобой, словно выстукивая морзянку, доложили, что здешний воздух пропитан смертью.

Я высматривал удобное место для посадки, но тут Девидсон ухватил меня за плечо и указал вниз, и в наушниках шлема раздался его голос с металлическим призвуком:

— Гляньте!

Я глянул. Приготовьтесь: с этого момента рассказ становится непростым.

Я точно знаю, что увидел. Никаких сомнений быть не может: из бледного тумана на нас пялился чей-то глаз. Но было ли это громадной линзой далеко внизу или глазом нормального размера, но совсем близко — этого я тогда сказать не мог, подвело чувство пространства.

Я уставился в этот глаз…

А потом оказалось, что сижу напротив Уильямса в знакомом кабинете лаборатории и говорю:

— Никаких признаков активности в пределах Кольца. Все в полном порядке.

— Ну конечно, появилось озеро, — уверенно перебил меня Девидсон.

Я воззрился на него. Ассистент сидел у стены и вертел в руках форменную кепку. Розовощекое

лицо осунулось, в глазах — он как раз посмотрел на меня — появилась мечтательная поволока. Я знал, что у меня тоже ошалелый вид.

Такое чувство, словно только что проснулся. Знаешь, что спал, но больше не спишь, а сон все продолжается, и ты не в силах его прогнать. Хотелось вскочить, грохнуть кулаком по столу и заорать, что все это враки.

Но я не смог.

В голове у меня стоял мощнейший психологический стопор. На мгновение комната поплыла перед глазами, когда я пробовал прорваться сквозь этот барьер. Глянул на Девидсона и понял: с ним творится то же самое.

Но это был не гипноз.

Чтобы получить должность в биоконтроле, надо пройти множество всесторонних проверок и внушительный «курс молодого бойца». Никто из нас не подвержен гипнозу. Не можем себе такого позволить. Наш иммунитет проверен, и проверен не раз.

Ребят из биоконтроля можно загипнотизировать лишь в крайних обстоятельствах и лишь по приказу руководства.

Нет, ответ был не настолько прост. Похоже, он скрывался… во мне самом. В недрах созна-

ния захлопнулась какая-то дверца, чтобы до поры до времени не улизнула жизненно важная информация. Не вырвалась ни при каких обстоятельствах.

Нащупав эту аналогию, я сразу понял, что напал на нужный след. И стало спокойнее. Вернулась уверенность в себе. Что бы ни таилось в этой серой зоне, оно подчиняется инстинкту, а своим инстинктам я доверяю.

— …Обрушение, в точном соответствии с рапортом наших ребят, — говорил Девидсон. — Должно быть, из-за него и разлилось это озеро. Но теперь там все спокойно. Я же правильно понимаю, что за Кольцом наблюдают с воздуха?

Наши взгляды пересеклись, и я понял, что он прав. Понял, что он обращается не к Уильямсу, а ко мне. Ясное дело, озеро невозможно спрятать, потому что оно на самом виду. Если говорить очевидную неправду, то мы привлечем лишнее внимание к собственным персонам. И к озеру.

Какому такому озеру?

Потихоньку, словно мираж, из глубин памяти всплыло единственное воспоминание: мы стоим на голом камне, в мертвом центре Кольца, и смотрим туда, где туман развеялся и образовалось узенькое и не очень высокое окошко шириной

в милю.

На рассвете озеро синее-синее и невероятно спокойное. За ним утес простирается налево и направо так далеко, что краев не разглядеть, каменная драпировка с величественными складками, розовеющая в лучах рассвета; ее прекрасный образ отражается в зеркальной водной глади.

Мираж растаял. Я помнил только это, больше ничего. Да, там было озеро, и мы стояли на его каменистом берегу. Но что потом? Логика подсказывает: мы что-то увидели или услышали. Или как-то иначе поняли, что в озере таится смертельная опасность для человечества.

В душе у меня явно поселился страх, и тому должна быть причина, но сейчас я мог лишь следовать инстинкту. Базовые человеческие инстинкты, напомнил я себе, — это самосохранение и продолжение рода. Если взять их в качестве фундамента, не ошибешься.

Но… я понятия не имел, как долго пробыл на берегу. Что потом наговорил, много или мало, какие приказы раздал подчиненным, не вызвал ли подозрений у окружающих.

Я осмотрелся — и на сей раз даже вздрогнул от неподдельного удивления. В кабинете не было никого, кроме меня и Уильямса. Должно быть, я

слишком увлекся призрачным видением — настолько, что потерял связь с реальностью.

Уильямс смотрел на меня… с любопытством? С подозрением?

Я потер глаза и добавил голосу усталости:

— Уморился страшно. Чуть не задремал. Ну…

Мои оправдания прервал звук тикера за спиной Уильямса, и через мгновение я узнал, в чем дело. Ко мне в кабинет прислали телерапорт, и секретарша перекинула его на тикер Уильямса — то есть новость из разряда важных. И еще через секунду я убедился: эта новость предназначалась мне одному.

Выглянув из-за плеча Уильямса, я прочитал надпись на ленте:

ЗАМЕЧЕНА НЕОПОЗНАННАЯ АКТИВНОСТЬ ВОКРУГ ОЗЕРА В КОЛЬЦЕ ПРЕДЛАГАЮ ВЫСЛАТЬ ИСТРЕБИТЕЛИ
ФИЦДЖЕРАЛЬД

У меня скрутило живот. В голове звенела одна лишь мысль: нельзя этого допустить. Если сообщение Фицджеральда получат другие — кто угодно, кроме нас с Дейвом, — всему, что мне дорого, будет грозить чудовищная опасность. Нужно что-то делать, и прямо сейчас.

Уильямс перечитал и обернулся:

— Фиц прав. Ну конечно. Нельзя, чтобы там что-то началось. Лучше прикончить в зародыше, согласны?

— Нет! — взорвался я так оглушительно, что он замер, не дотянувшись до кнопки интеркома, и озадаченно уставился на меня:

— Почему?

Я открыл было рот, но в отчаянии закрыл его. Как это — почему? Ответ казался настолько ясным, что я не смог бы объяснить, с какой стати мы должны игнорировать требование Фица. Все равно что говорить человеку: нельзя взрывать атомную бомбу просто потому, что она у тебя есть. Причин имелось столько и все такие очевидные, что выбрать самую весомую не было никакой возможности.

— Тебя там не было. Ты ничего не знаешь. — Мой голос дрожал, а язык заплетался так, что даже я сам это заметил. — Фиц ошибся. Уильямс, нельзя трогать озеро!

— Ну, тебе виднее. — Он непонимающе смотрел на меня. — Но все равно проигнорировать донесение нельзя. Окончательное решение за руководством. — И он снова потянулся к кнопке.

Не знаю, как далеко я бы зашел, чтобы его оста-

новить. Мною управлял инстинкт гораздо более мощный, чем здравый смысл. Я вскочил на ноги. Надо что-то делать, и без промедления — некогда рыться в памяти в поисках причины, которую Уилсон сочтет достаточно важной.

Но решение приняли за нас.

Меня ослепил беззвучный взрыв белого огня. Теперь я не видел ни Уильямса, ни тикер с безобидным на вид, но смертоносным по сути посланием. Понимал лишь, что в голове, в самом центре черепушки, зажглась убийственная боль…

2. Новая опасность

Меня трясли за плечо. Я кое-как сел и увидел перед собой глаза, но признал их лишь после бесконечно долгого пробуждения. Девидсон снова потряс меня. Его розовую физиономию перекосило от страха.

— Что случилось? Что это было? Джим, вы в норме? Проснитесь, Джим! Что это было?

Он помог мне встать. Помощь не помешала. Комната обрела очертания, но завертелась снова, как только я обнаружил тело, опутанное лентой тикера, — на полу, лицом вниз, в затылке пулевое

отверстие, из раны вытекает кровь.

Уильямс так и не увидел своего убийцу. Должно быть, меня оглушил выстрел. Я ощупью поискал на щеке пороховой ожог (судя по всему, стрелок стоял у меня за спиной), но почувствовал лишь онемение с ног до головы. Даже мозги оцепенели. Но требовалось кое-что сделать. Чем скорее, тем лучше.

Сколько времени прошло с тех пор, как я отключился? Что стало с донесением Фицджеральда? В два неровных шага я добрался до тикера. Лента с опасным текстом опутывала тело Уильямса.

Кто бы ни стрелял у меня из-за спины, у него имелась своя причина убить Уильямса. Конечно, дело не в донесении Фицджеральда, ведь никто, кроме нас с Дейвом, не мог осознать важность послания. Здесь явно какая-то загадка, но мне некогда ее разгадывать.

Я сорвал ленту, скомкал и сунул в карман, после чего щелкнул тумблером и отправил ответное сообщение — так быстро, как только позволили дрожащие пальцы.

ФИЦДЖЕРАЛЬД СРОЧНО СРОЧНО ВСТРЕЧАЕМСЯ В КОЛЬЦЕ 12 ВЫЛЕТАЮ ДО МОЕГО ПРИБЫТИЯ НИЧЕГО НЕ ПРЕДПРИНИМАТЬ ЭТО ОЧЕНЬ ВАЖНО

Округлив глаза, Девидсон слушал, как я заказываю вертолет. Когда я повернулся к двери, он вскинул руку, и я заставил себя остановиться:

— Что такое?

Он не ответил на вопрос. Лишь бросил взгляд на тело Уильямса.

— Нет, я его не убивал. Но убил бы, если бы он не оставил мне выбора. С этим озером дело нечисто.

— Ты тоже там был, Дейв. Догадываешься, о чем я?

Я и сам толком не понял, что сказал, поэтому просто помолчал в ожидании ответа.

— Вы начальник, — произнес Девидсон. — Но… его убила не мутация. Его убила пуля. Джим, вы должны были видеть, кто его застрелил.

— Но не видел. Я вырубился. — Мысли лихорадочно закрутились, и я вдруг зацепился за любопытную гипотезу. Прижал ладонь ко лбу, чтобы унять головокружение и вспомнить, что прячется в потайном уголке сознания. — Быть может, отчасти дело в мутации, — заключил я. — Быть может, мы не одиноки в своем желании… молчать о том, что творится в озере. Что, если некая обитающая в Кольце сила лишила

меня сознания, чтобы я не видел, как убивают Уильямса?

Но раскручивать гипотезу было некогда.

— Дело в том, Дейв, — раздраженно сказал я, — что в нашей ситуации смерть одного человека не имеет никакого значения. Кольцо…

Я снова умолк. Не мог продолжать. К тому же в этом не было необходимости.

— И что прикажете делать? — спросил Дейв.

Вот это уже разговор. Я знал, что могу положиться на Девидсона. И что очень скоро мне понадобится человек, на которого можно положиться.

— Оставайся за главного, пока я буду с Фицджеральдом. И еще один момент, Дейв: тормози любые его сообщения. Любые! Понял?

— Да, — кивнул он.

Но когда я выходил, в его глазах по-прежнему стояли вопросы, на которые мы не имели ответов. Пока не имели.

Под вертолетом простирались результаты Трехчасовой войны: разрушенные здания, погибшие леса и поля. Вдалеке, за бурлящей границей Кольца, я углядел тусклое мерцание водной глади.

Путь был неблизкий, и я успел бы разложить мысли по полочкам — но не сделал этого. Навер-

ное, чтобы открыть запертые дверцы сознания, требовалось не только время.

Сегодня я уже побывал в Кольце, что-то увидел или услышал, и эта информация была настолько важной — чудовищно важной, — что само воспоминание наглухо спряталось в разуме (и моем, и Девидсона) до того момента, когда надо будет действовать.

Я понятия не имел, что это за момент и как надо будет действовать, но в глубине души был уверен: когда придет время, я не дрогну. Наряду с черным ужасом у меня в мозгу накрепко засело некое знание, которому отныне подчинялись все мои поступки. Этому инстинкту можно было доверять.

Вертолет Фицджеральда был уже на месте. Далеко внизу я видел крошечную фигуру в просвинцованном костюме. Фиц нервно расхаживал из стороны в сторону. Я сбросил высоту, слегка накренив вертолет к земле, и тут ко мне пришла очередная мысль.

Уильямс! Убит человек, которого я знал. С которым работал. Человек, который мне нравился. Его смерть должна была задеть меня гораздо сильнее… Но я понимал, почему все так, как есть. Уильямс мертв, и это не имеет никакого

значения, это банальный факт перед лицом новой опасности, безымянной, невидимой угрозы, подобной призраку в саване, и опасность эта исходит от озера под вертолетом.

Фицджеральд — здоровенный голубоглазый блондин с морщинистым шрамом на лбу, сувениром с последней нашей битвы с мутировавшими опоссумами в Кольце Атланты. Когда я выбрался из вертолета, мембрана его передатчика завибрировала, рождая металлический голос:

— Привет, шеф. Получили второе сообщение?

— Нет. А в чем дело?

— Новые странности. — Он махнул рукой в сторону Кольца. — В озере появились признаки жизни. Но я не понимаю, что к чему.

Я с облегчением выдохнул. Девидсон уничтожит это донесение, а мне осталось найти способ сделать так, чтобы Фицджеральд помалкивал.

— Ну, пошли смотреть на озеро, — сказал я. — По пути расскажешь подробности.

— В общем… — Он нерешительно переступил с ноги на ногу и глянул сквозь стеклянный намордник, так, словно не ожидал, что я ему поверю. — Странное оно, это озеро. Мне показалось, что оно… ну, наблюдает за мной. Понимаю, как глупо это звучит, но иначе не скажешь. Думаю,

это важная деталь. А потом я сделал второй круг над водой и кое-что в ней увидел. — Пару секунд он молчал. — Каких-то людей.

— Что за люди?

— Я… не уверен, что они на самом деле люди.

— Почему?

— Потому что на них не было защитных костюмов, — просто объяснил он. Должно быть, обрадовался, что можно свести рассказ к перечислению фактов. — В общем, я решил: это или не люди, или конченые психи. Они услышали вертолет и ушли в озеро.

— Попрыгали и уплыли?

— Нет, пешком ушли. Скрылись под водой и больше не появлялись.

— Рассказывай, как они выглядели.

— Я толком не рассмотрел, — уклончиво ответил он и отвел глаза.

В горле у меня встал комок, дыхание перехватило от нарастающего волнения. Говорить я почти не мог, поэтому мотнул головой в сторону озера и выдавил:

— Пошли.

Вот она, голубая вода, слегка рябит от легкого ветра, а за ней — складчатый каменный занавес. Фицджеральд косо поглядывал на меня, пока

мы в тяжелых свинцовых ботинках неуклюже шагали по голым неровным камням, не наблюдая никаких признаков жизни. Ясное дело, Фиц думал, что я ему не верю.

Но я знал, что он сказал правду. Из-за смутных воспоминаний об опасности сознание погрузилось в тревожную мглу, и теперь я понимал, что тоже видел озерных людей — в самом недавнем прошлом, ныне погребенном в памяти.

Под перестук счетчиков Гейгера, предупреждавших о вездесущей смерти, мы преодолели уже полпути, когда из-за прибрежного валуна появился первый обитатель озера.

На вид самый обычный человек в брюках цвета хаки, рубашке с засученными рукавами. Разве что стоял он в самом центре гибельного излучения, которым напитан воздух в Кольце. Стоял и смотрел на нас с неописуемым равнодушием — и в то же время, как ни странно, с жарким интересом.

До него оставалось шагов десять, когда он поднял руку и заговорил ровным голосом, совершенно не меняясь в лице:

— Возвращайтесь. Ступайте обратно. Немедленно уходите!

Я начал что-то припоминать: почему он так

странно выглядит и так монотонно говорит, откуда этот интерес в глазах…

Но не тут-то было. Воспоминания, едва коснувшись границ разума, снова ускользнули. Я неуклюже двинулся вперед, а Фицджеральд, взволнованный, полный решимости, прокричал какой-то вопрос.

Но человек не ответил. Бросил на нас последний взгляд — пустой, настойчивый, обезличенный, глаза голубые, как вода в озере, — и осел за камнем. Валун был невысокий, мне по колено, но человек не пригнулся, даже мускулом не шевельнул — просто исчез, и все.

Мы вместе добежали до камня, взволнованно толкаясь плечами. Заглянули за него. Человека как не бывало. Ничего, кроме впадинки на том месте, где он стоял, — впадинки не больше чайного блюдца, а в ней покрытая рябью голубая лужица. Мы, ошарашенные, смотрели, как вода с журчанием утекает в микроскопическое отверстие. Дважды она снова поднялась, словно где-то под валуном всколыхнулись подземные воды.

Разум мой бился в запертые дверцы памяти.

Я знал ответ, прекрасно знал, но еще не настало время вспомнить его. Дверца не поддавалась.

Когда мы подобрались на расстояние окрика,

они уже следили за нами от кромки воды. Прямо у нас на глазах один за другим появлялись из голубых глубин и стояли у берега по щиколотку в воде, и влага струилась по волосам и одеждам. Утопленники, мужчины и женщины, внимательно следили за нами.

Конечно, никакие они не утопленники. Вид совершенно здоровый, а лица живые и разумные. Совсем не такие, как у того, кто исчез за камнем.

Настоящие люди. А тот, первый, был ненастоящий. Я решил, что даже Фицджеральд уже понял, хотя это знание было глубоко личное и древнее, как пещерный инстинкт.

— Стойте, Джим. — Фицджеральд схватил меня за локоть, не сводя глаз с молчаливых людей. — Не приближайтесь. Они мне не нравятся.

Я не стал противиться. Теперь, добравшись до озера, я не знал, что будет дальше. В недрах моего сознания по-прежнему надрывался жутковатый тревожный звоночек, но пока что вход в ту комнату был мне заказан, и я не понимал, чего от меня хотят.

Фицджеральд поднял руку и поманил людей к себе. Они продолжали глазеть на нас.

Потом отвернулись и стали переговариваться, поглядывая через плечо. Наконец одна из жен-

щин вышла на берег и направилась к нам по камням, похожим на застывшую лаву.

Мокрые волосы — длинные, светлые — зачесаны назад и спадают на плечи, словно водоросли; голубое платье липнет к прекрасному гибкому телу. И с волос, и с ткани струится вода.

Я запоздало вспомнил о разбившемся авиалайнере и исчезнувших людях. Выходит, перед нами пассажиры и экипаж? Пожалуй. Но что заставило их вопреки здравому смыслу зайти так далеко в Кольцо с его смертоносной атмосферой? Озеро? Почему бы и нет, подумал я. А в следующий миг представил, как люди входят в воду, и понял, что это полное безумие.

Но других вариантов нет. Значит, в здешних глубинах водится что-то необъяснимое. Оно притянуло людей к себе, а потом отправило их обратно, живых, целых и невредимых, несмотря на обезумевшие счетчики Гейгера.

Я уставился на озеро в поисках ответа и…

И получил его. По крайней мере, часть.

На взволнованной голубой поверхности промелькнула тень — длинная, гибкая, отброшенная не сверху, а снизу, из глубины. В озере что-то шевельнулось.

Я напряг зрение, и в запечатанных глубинах

памяти закопошилась смесь ужаса и ликования, словно откликаясь на движения извивающейся тьмы. Я узнавал ее, эту тьму. Узнавал… но тотчас перестал узнавать.

Громадное жуткое создание лениво потянулось, свилось в клубок, уползло к прибрежному утесу и постепенно исчезло — метр за метром, виток за витком.

Я обернулся. Рядом стояла светловолосая женщина, — стояла и смотрела на нас с отстраненным, обезличенным любопытством. Смотрела так, словно впервые видела людей — занятных, но совершенно чуждых созданий, существ иного вида.

— Вы с лайнера? — зазвенел под шлемом собственный голос. — Мы… можем вас забрать.

Слова повисли в воздухе. Для женщины они ничего не значили. Все равно что щелчки наших счетчиков или дробная капель по камням.

— Джим, — загудел в наушниках голос Фицджеральда, — надо забрать ее отсюда. Она не в себе. Они все не в себе, разве не видите? Мы обязаны их спасти.

Я попробовал его урезонить:

— Каким образом? У нас нет места. Здесь все пассажиры с лайнера.

— Хотя бы эту спасем. — Фиц осторожно взял женщину за руку. Она не противилась, лишь равнодушно взглянула на него, и он ответил ей взглядом, полным сострадания. — Наверное, ей уже не помочь, но нельзя же просто бросить ее, согласны?

Я смотрел на его ладонь у нее на предплечье, и вдруг из ниоткуда возникла мысль, словно дверца моего сознания едва заметно приотворилась и выпустила на волю непреложный факт. Девушка из плоти и крови: сомкни пальцы у нее на руке — и почувствуешь упругое сопротивление. Но я знал: если тронуть того первого человека, то почувствуешь под ладонью непостоянство воды.

Я заглянул девушке в лицо, но тут задул ветерок, и по спине у меня побежали мурашки. Ветерок был теплый, и там, где он подсушил ее волосы, ее кожу, я увидел морщинистую тьму. Гладкие светлые волосы побурели, стали ломкими, а шелковистая щека померкла и растрескалась…

Я понял: если увести женщину от озера, она умрет. Но это не имело значения. Я знал, что реальной опасности нет. (Кому грозит эта опасность? От чего исходит? Задаваться такими вопросами бессмысленно: в будущем нужная дверца откроется, всему свое время.)

Я взял ее за другую руку, и она покорно пошла с нами к вертолетам. Ничего не сказала. Похоже, Фицджеральд заметил иссушающее действие ветра не раньше, чем мы добрались до границы Кольца.

Но вести женщину назад было поздно, даже если он понял, в чем беда.

Я слышал, как он слабо охнул, но никто из нас не сказал ни слова.

Мы уложили девушку в его вертолет. Он взлетел первым, я за ним, и мы отправились на базу — не переговариваясь, поскольку в тот момент нам нечего было сказать друг другу.

3. Живое озеро

Через полчаса после прибытия на базу девушку завернули во влажные простыни и поместили под струйки свежей теплой воды в импровизированный гидрационный бак. Ей даже лицо прикрыли, и я был этому рад. Оно уже стало лицом старухи — морщинистое, кожа да кости. Обнаженной оставалась лишь рука — иссохшая плоть с бросающимися в глаза сухожилиями.

Руку не прикрыли из-за внутривенной капельницы с пентоталом натрия, поставленной под

недреманным оком Сейлза, одного из лучших наших медиков. Мы знали, что уже скоро, когда препарат затуманит девушке разум, Сейлз искусно поставленными вопросами вытянет из ее памяти информацию, воссоздаст основные эпизоды, приведшие к столь плачевному результату.

Вернее, мы не знали, а надеялись.

— На афазию похоже, — проворчал Сейлз. — Судя по всему, мозг не поврежден, но…

— Шеф! — Это уже Девидсон. Он потряс меня за руку, и мы с медиком обернулись в полутьме, необходимой для успешного наркосинтеза. — Шеф, к нам выслали МГ. Сразу после того, как вы улетели в Кольцо.

— Зачем? — осведомился я.

От страха скрутило живот.

— Не знаю. Мне ничего не сказали. Это вы здесь начальник.

Здесь — да, но не в мобильной группе. Эти ребята поглавнее меня. Бюро специалистов, курирующих все Кольца. Реальное начальство. И если они нагрянут сюда…

В полумраке я перехватил взгляд Девидсона. Тот едва заметно качнул головой. Стало быть, о смерти Уильямса никто не знает. Но это пока. И если парни из МГ поговорят с Фицджеральдом

насчет озера…

Чудовищным усилием воли я подавил панику. Первым делом надо собрать информацию, а потом уже действовать. Сейлз хмыкнул, и я повернулся к нему, стараясь сосредоточиться на текущих делах.

— У нее слоновья толерантность. — Сейлз не сводил глаз с трубки, по которой в тело девушки поступал пентотал натрия. — Или в организме произошли химические изменения. Не знаю. Такой дозы хватило бы на десятерых. Но вы только гляньте…

Мне не хотелось на нее смотреть: и так было понятно, что она умирает. Когда Сейлз убрал мокрую простыню с лица, женщина все с тем же холодным безучастием смотрела в потолок. Она была в сознании, но не слышала наших слов и, по всей видимости, ничего не чувствовала. Ей было все равно.

— Как она дышала под водой? — спросил Фицджеральд.

— Никак, — мрачно ответил Сейлз. — Не вижу физиологических изменений. У нее самые обычные органы дыхания.

— Нет, как-то дышала, — заупрямился Фицджеральд. — Мы же сами видели, собственными

глазами.

— В Кольцах бывает что угодно, — изрек Сейлз, наш кладезь афоризмов, и взглянул на меня. — А это важно, шеф? Знать, как она дышала?

Я объяснил, насколько это важно.

— Дайте мне час, — сказал Сейлз, как только я договорил. — Попробую пару-тройку методов. Может, какой-нибудь сработает.

— Не может, а должен, — отрезал я и встал.

За тот час много чего случилось. Во-первых, Сейлз нашел, что искал. Во-вторых, прибыла мобильная группа. В-третьих, обнаружили тело Уильямса. Для меня же этот час стал поворотным моментом всей жизни.

Когда я вернулся к себе в кабинет, сообщение о смерти Уильямса уже светилось на моем персональном визоре. Девидсон выслушивал недоверчивые восклицания остальных, но сам не говорил ни слова. Его молчание казалось осязаемым.

Я мог лишь незамедлительно распорядиться насчет обычных следственных процедур. Решил пока не говорить, что был рядом с Уильямсом, когда он погиб. Нельзя было отвлекаться на бессмысленные вопросы, имеющие лишь косвенное отношение к моей грандиозной проблеме.

За дверцей подсознания все активнее копошился смертельный ужас. Факты все сильнее напирали на нее, и я знал, что вскоре она распахнется, не выдержав натиска. Уже скоро, думал я. Совсем скоро.

Вспоминая тот богатый событиями час, я теряю чувство времени. Вроде мы еще недоумевали насчет смерти Уильямса, когда экран моего визора мигнул и на нем появилась мрачная морщинистая физиономия начальника МГ Льюиса.

Кризис за кризисом, словно в кошмаре, когда убегаешь от преследователей, думал я, спускаясь в фойе, чтобы встретить руководство. Найти бы пять минут покоя, подергать дверцу памяти — ведь она и без того уже приоткрылась!

Сотрудники мобильной группы носят строгую черную форму. Лабораторный персонал проверяют весьма тщательно, но ребят из МГ изучают под микроскопом — с таким пристрастием, что диву даешься, как они вообще проходят проверки. Все новоприбывшие выглядели сурово и подтянуто, взгляды острые, стальные — я бы даже сказал, безжалостные. Несгибаемые парни.

— Что там насчет озера в Кольце Семьдесят-Двенадцать? — первым делом спросил Льюис, когда мы шагали ко мне в кабинет.

Ну все, сказал я себе. Хуже времени для визита МГ и быть не могло — даже если бы его выбирали нарочно.

— Трое из нас видели его воочию, — только и ответил я. — Наверное, вы хотите обсудить с нами подробности?

Льюис решительно кивнул. Больше мы не разговаривали, пока не расселись в кабинете: Льюис — по одну сторону стола, а мы с Девидсоном и Фицджеральдом, готовые отвечать на вопросы, — по другую. Выложили все, что знали. Без утайки. Льюис, само собой, принял предсказуемое решение:

— Думаю, надо его уничтожить. Без промедления.

— Честно говоря, сэр, — встрял Девидсон, — честно говоря, я бы сперва все взвесил. Мы не знаем, что это за озеро, но сейчас оно изолировано, и не надо бы выплескивать его за границы Кольца.

— Поддерживаю, — закивал я. — Я за изоляцию. Оцепим его, перенаправим воздушные суда. Чем трогать озеро, лучше его изучить…

Изучить? Похоже, я ляпнул лишнего. В голове дзинькнул тревожный звоночек.

Льюис молча восседал за столом и посматривал

то на меня, то на остальных. Собрался что-то сказать, но тут зажужжал мой настольный визор.

— Готов отчет о смерти Уильямса, сэр, — отстраненно сообщил чей-то голос.

— Понял. Давайте позже, — начал было я, но Льюис подался вперед, прищурил глаза и вперился в лицо на экране:

— Нет, давайте прямо сейчас.

В отчаянии я спрашивал себя, что ему известно и какие подводные течения он, необычайной проницательности человек, уже углядел, изучив поверхностный слой событий.

Парень на экране покосился на меня. Я пожал плечами. Пока здесь МГ, распоряжаться будет Льюис.

— Сорок минут назад тело заместителя начальника лаборатории Д. Л. Уильямса было обнаружено в шкафу у него в кабинете. Стреляли из… — Тут отчет перешел в медико-баллистическую плоскость, и я перестал слушать. Вместо этого лихорадочно соображал, как предотвратить срочное и самое тщательное изучение озера. Это в лучшем случае. А в худшем — его уничтожение.

— Револьвер такого калибра имеется только у шефа Оуэна, — заявил человек на экране.

Я вздрогнул и очнулся.

— Незадолго до смерти Уильямса видели в обществе Роберта Девидсона и шефа Оуэна. Впоследствии шеф Оуэн убрал под сукно донесение со станции Кольца Двенадцать и велел приготовить вертолет к незамедлительному вылету, после чего отправился…

Визор вдруг зажужжал, и монотонный доклад оборвался. Срочный вызов. На экране возникло лицо доктора Сейлза.

— Неотложное дело, шеф. — Он со значением смотрел мне в глаза. — Вы не могли бы заглянуть ко мне, буквально на пять минут?

Пауза, ниспосланная богами. Я вопросительно глянул на Льюиса: можно? Он ответил мне подозрительным ледяным взглядом, но спустя секунду кивнул. Я вскочил, глянул на Девидсона (тот старательно делал вид, что ничего не понимает) и вышел.

По наитию я не сразу отступил от закрытой двери и ничуть не удивился, когда услышал строгий голос Льюиса:

— Проследите, чтобы шеф Оуэн не выходил из здания, пока я снова с ним не поговорю. Это задача первостепенной важности.

Я пожал плечами. Ситуация вышла из-под контроля, и мне оставалось лишь плыть по течению

и прислушиваться к инстинкту.

Хотя Сейлз вызвал меня всего на пять минут, начинать рассказ он не спешил. Я сел возле стола и какое-то время смотрел, как наш медик возится с журналом для записей. Наконец он поднял глаза и отрывисто спросил:

— Вы, конечно, знаете, что девушка умерла?

— Неудивительно. Когда?

— Полчаса назад. С тех пор я кое-что обмозговал. И много чего проанализировал. Проверять было некогда, но я считаю, что она скончалась от психосоматических причин, шеф.

— Верится с трудом, — озадачился я. — Давай рассказывай.

— По результатам всех количественных и качественных анализов девушка была совершенно здорова. Думаю, ее сгубило внушение.

— Но как?

— Вы же в курсе, что человека можно загипнотизировать. Коснетесь его руки ледышкой и скажете, что это не лед, а раскаленный металл. На руке появится характерный ожог. Внушением можно вызвать почти любые физические симптомы. Насколько я понял, девушка умерла от асфиксии и обезвоживания.

— Мы же обеспечили ей и кислород, и влажную

среду?

— Она не знала, что это кислород. Ей казалось, что она вообще не дышит. Двигательные рефлексы парализовало, и все — она умерла. Что касается обезвоживания… — Сейлз озадаченно помотал головой. — Понимаю, это звучит безумно, но, похоже, зря мы устроили ей контакт с водой. Шеф, насколько близко вы подходили к этому озеру? Уверены, что в нем вода?

Еще один звоночек у меня в голове.

Вода? Ну конечно, в нем не вода. Или такая разновидность воды, которая нам неизвестна.

— Пока я об этом не подумал, — продолжал Сейлз, — не мог понять, каким образом она дышала под водой. А теперь начинаю понимать. Человеческие существа не способны извлекать кислород из жидкости, но… В общем, этот вопрос решается с помощью искусственных изотопов. К тому же что-то свело девушку с ума. Можно сказать, она страдала от разновидности шизофрении. Или одержимая была, если вам так больше нравится. Ее сознанием полностью завладело… что-то чужеродное. — Он побарабанил пальцами по столу, вскинул голову и добавил: — Я взял образцы озерной воды. Из тела девушки. Вот только никакая это не вода. Может, раньше эта жидкость

была водой, но теперь она смешана с другими компонентами. Она наполовину живая. Не протоплазма, но близко к тому. Я пытаюсь выпарить ее, спровоцировать химическую реакцию. Пока не получается. В ней имеются следы гемоглобина. Да и в целом у нее множество характерных признаков крови. Но — шеф, я сейчас важное скажу — я не нашел ни единого лейкоцита. Понимаете, что это значит?

Я помотал головой.

— Одна из главных реакций на радиацию — уменьшение количества белых кровяных клеток. Из-за этого организм становится восприимчив к инфекциям. Соразмерно редуцируется пропорция полиморфноядерных лейкоцитов. Это самоочевидно. Ну, теперь понимаете, о чем я? Или нет?

И снова я помотал головой. Беспокойство нарастало, но сперва я должен был выслушать Сейлза, а потом уже действовать; я знал, что вынужден буду действовать. Наверное, уже представлял, что придется сделать, прежде чем я покину этот кабинет. Я дал знак продолжать.

— И еще одно наблюдение по поводу этой… ладно, назовем ее водой, — осмотрительно произнес Сейлз. — В ней довольно много бора плюс некото-

рое количество лития. Понятно, что вся область Кольца беспрестанно подвергается всевозможному облучению, но сейчас нас интересуют его электромагнитные и ядерные разновидности, способные вызвать биологическую реакцию. Вы же помните, что оба эти элемента — и бор, и литий — катализируют эффект бомбардировки тепловыми нейтронами. Поэтому организм вроде этого озера получает очень большую дозу радиации. Той, что оказывает на него максимальное действие.

— Организм вроде этого озера? — эхом отозвался я.

— Думаю, да. Озеро — это организм. До сего момента мы имели дело лишь с продуктами эволюции и мутации — существами, в которых можно было узнать животных, даже после генетических изменений. Причина может быть в том, что мутантные гены дублируются медленнее остальных и склонны проигрывать в борьбе за господство. В сущности, полной мутации — вроде этого озера — никто не ожидал. Шансы слишком малы. Но мы знали, что такое возможно. Думаю, сейчас мы стоим перед лицом настоящей опасности — огромной и непостижимой.

Я подался вперед.

Я знал, что надо сделать. Прямо сейчас? Нет, чуть позже. Дверца в моей голове приоткрывалась все шире, на нее напирали воспоминания об опасности, и преграда готова была рухнуть в любой момент.

— Давайте пока об этом забудем. — Сейлз изменился в лице. — Перед тем как девушка умерла, я поговорил с ней. Хочу перепроверить мои выводы, шеф. Один я уже обозначил. Второй — это рассказ девушки. И они сходятся. — Он задумчиво посмотрел на меня. — Пришлось влезть в самую глубину ее сознания, и только после этого я сообразил, что за компульсивное побуждение ее погубило. Она сама не знала, что разговаривает со мной. Времени у меня было немного: она говорила и одновременно умирала. Но благодаря ее словам у меня появились кое-какие соображения. — Он помолчал. — Скажите, во время ваших контактов с озером… вы не заподозрили, что оно живое?

4. Голос озера

Вдруг до одури неожиданно из памяти выплыл образ: я лечу над озером (в тот первый раз, когда мы с Девидсоном взяли вертолет), а из бледного

тумана на меня пялится огромный глаз.

Тем глазом было само озеро, огромная полупрозрачная линза, поймавшая нас, словно пташек в силки, и потянувшая вниз, к себе, с неодолимой силой; ее призыв заполнил все закоулки нашего сознания, как темную комнату заполняет солнечный свет.

— Нет, — просипел я, — не заподозрил. Давай дальше.

— Как оно появилось, я даже гадать не стану, — продолжил Сейлз. — Но изначально какая-то молекула — вроде гена, одна из миллиона молекул в той области Кольца — высвободила энергию под действием вторичной ионизации и превратилась во что-то неведомое. И эта новая сущность стала расти как на дрожжах. Предположу, что процесс в основном протекал под землей, а после обрушения организм вышел на свет и привлек наше внимание. Он развился до удивительных пределов, до чрезвычайно сложных форм. Сомневаюсь, что мы когда-нибудь сумеем осознать их в полной мере. — Сейлз невесело улыбнулся. — Если не сумеем, считайте, что нам повезло. Хотя скажу вот что: организм сообразил, что ему грозит опасность. Возможно, электрические импульсы человеческого мозга пробудили

в нем ответную реакцию. И он понял, что надо защищаться. Немедленно. У озера есть фатальная слабость. Думаю, мы способны его уничтожить. Но организм знает о своей ахиллесовой пяте: посмотрите, какой способ защиты он выбрал.

Он умолк и взглянул на меня так странно, что я чуть было не перешел к делу, но не успел мой мозг отдать приказ мускулам, как Сейлз продолжил:

— Девушка рассказала, что случилось, когда разбился авиалайнер. Вернее, не разбился, а по чистой случайности совершил вынужденную посадку на границе Кольца. Из-за радиации средства связи вышли из строя, да и сам воздух, разумеется, практически смертоносен. У людей на борту не было шансов выжить.

По словам девушки, многие жаловались, что чувствуют чье-то… ну, скажем, внимание. Возможно, их изучал гигантский организм самого озера. Изучал и потихоньку обдумывал следующий шаг, а потом сделал некий вывод — пожалуй, еще не до конца воплощенный в жизнь.

Пассажиры увидели, как неподалеку из-за валуна поднялся человек. Девушка сказала, у него был знакомый облик. Человек стал кричать и махать руками: мол, уходите. Предупреждал, что приближаться к нему — верная смерть. Потом

исчез. Но пассажиры пока что не потеряли надежду связаться с окружающим миром, поэтому остались в самолете. Мужчина появлялся еще дважды и всякий раз велел им уходить — все настойчивее и настойчивее.

В четвертый раз он возник совсем близко и пригласил всех пройти в пределы Кольца. Люди с удивлением увидели, что этот человек — точная копия одного из членов экипажа. Он манил их к себе, уговаривал. Подчиниться они не хотели, но воспротивиться были не в силах.

Этот образ, как вы уже догадались, создало озеро из собственной воды. Как? Никто не знает. Возможно, процентов на девяносто это была внушенная пассажирам иллюзия. Озеру пришлось скопировать человека из экипажа. На тот момент оно еще плохо разбиралось в человеческих телах и поэтому не могло импровизировать.

Зато прекрасно знало, как устроен человеческий разум. Сила и потрясающая селективность воздействия наводят на мысль, что изначальный ген, из которого развился этот организм, мог принадлежать человеку. Или существу, похожему на человека.

Тот водный образ — первая попытка дать отпор человечеству. И она провалилась. Другими

словами, имитация не годится, но теперь у озера есть оригиналы: вот они, под рукой. Экспериментируй сколько угодно.

Что было дальше? Никто никогда не узнает. Если судить логически, организм принял новые оборонительные меры против человеческого вторжения. Можно сказать, создал антитела. Привился вирусом человечества, чтобы выработать иммунитет к следующей атаке.

Но сперва ему нужно было спровоцировать изменения в людях, а уже потом поглотить людей. С физической точки зрения — приспособить их к жизни в глубинах озера, а с психологической — изменить их так радикально, чтобы они оставались в озере по собственному желанию. Поэтому озеро поработало над их волей. Вы сами это видели.

Я уже говорил, что в сознании девушки чего-то не хватает. Ей подменили один из основных инстинктов. Пожалуй, я был ближе к истине, чем казалось.

Он снова взглянул на меня — проницательно и даже с любопытством.

— Окажись я в такой ситуации, когда нужно изменить все эмоциональные процессы человеческого существа, начал бы с самых основ.

Это гораздо проще, чем блокировать импульсы психики чем-то вроде гипноза. Думаю, вместо инстинкта самосохранения у этих людей теперь другой инстинкт — инстинкт сохранения озерного организма. Это самое простое решение. И самое действенное.

* * *

В голове у меня зашумело, на мгновение я оглох и перестал слышать его слова. Плотину прорвало, дверца распахнулась, и память затопили воспоминания.

— Оно сработало, но не совсем так, как надо, — говорил Сейлз где-то вдали. — Если озеро не сделает следующий шаг, мы его уничтожим. Не исключаю, что этот шаг уже сделан. Озеро осознало, что в статичных антителах, не способных существовать за пределами его кровотока, нет никакого смысла.

Вам не кажется, шеф, что озеро могло захватить и других людей? Перенастроить их сознание? Подменить инстинкт, чтобы люди руководствовались лишь потребностью в выживании этого озера? Люди вроде вас?

Он осекся. Похоже, все понял. Я прочел это у него на лице, когда он привстал и склонился над

столом, переваривая эту новую мысль и скрытую в ней опасность.

Сам я остался на стуле. Револьвер лежал у меня на коленях уже несколько минут, но со своего места Сейлз не мог этого видеть.

Я выстрелил в упор. В грудь.

На мгновение он завис над столом, конвульсивно вцепившись в журнал. Ему еще было что сказать, но выговорить получилось лишь со второго раза.

— Бесполезно… — выдавил он. — Уже… не остановить. Я отправил… полный отчет… мобильной группе… Уже читают…

Остальные слова смыло кровью. Я равнодушно смотрел, как он выдувает красные пузыри, а потом валится вперед, в алую лужицу, стремительно расползавшуюся по столешнице. Поначалу кровь впитывалась в журнал, но быстро прибывала, и вот струйка добралась до края стола и капли застучали по полу, как те капли озерной воды с одежды девушки, когда она шла к нам по камням.

В свете солнца озеро было голубым и прекрасным. Самая важная вещь на свете. Я знал: если его уничтожат, мир содрогнется от ужаса и исчезнет вместе с ним. Надо приложить все силы

— и умственные, и физические, — чтобы оберечь его от зла.

В дверь постучали, и видение исчезло. Я вскочил на ноги и встал так, чтобы закрыть корпусом стол.

В кабинет вломился Девидсон, захлопнул дверь, прижался к ней спиной и выдохнул:

— За вами идут, Джим. Они знают про Уильямса.

Я кивнул. Теперь я тоже все знал. Знал, почему вырубился, когда возникла крайняя необходимость заткнуть Уильямсу рот. В тот момент воспоминания представляли для меня опасность. Рискованно было осознавать мотивы собственных поступков. Ну да, конечно, Уильямса убил я. Кто же еще?

— Все это время ты был в курсе? — спросил я.

Он кивнул:

— Нужно что-то делать, Джим, и побыстрее. Говорю же, за вами идут. Они знают, что мы были там вместе, и почти уверены, что в его смерти виноваты вы. Отпечатки, тип пули… Придумайте что-нибудь, Джим! Я…

В дверь ударило что-то тяжелое. Такого Дейв не ожидал. Его отбросило к середине комнаты, а дверь распахнулась так, что врезалась в стену,

после чего кабинет наводнили люди в черной форме. Первым вошел Льюис: лицо каменное, стальной взгляд устремлен мне в глаза.

— Хочу задать вам несколько вопросов, Оуэн, — начал он. — У нас есть причины полагать, что вы знаете больше, чем…

Тут он обратил внимание на стол у меня за спиной — и на то, что лежало на столе. На мгновение в кабинете стало совершенно тихо. Когда распахнулась дверь, Девидсон отлетел чуть дальше того места, где сидел я, и первым звуком был его вздох, когда он заглянул за стул, с которого я только что вскочил.

В голове у меня было совершенно пусто. Я понимал, что необходимо как-то выкрутиться, но после всех сегодняшних потрясений мозг отказывался работать.

Надо было что-то произнести. Я глубоко вздохнул и открыл рот, моля всех богов, чтобы те подсказали мне нужные слова.

Девидсон схватил меня за руку — сильно, крепко, — но перед следующим своим поступком трижды стиснул мне бицепс, словно предупреждая о чем-то. Затем дернул так, что я шатнулся, сделал три шага по ковру и, отупев от изумления, остановился лицом к Дейву.

Он уже подцепил пальцами револьвер, оставленный мною на стуле. Я видел, как Девидсон перехватил его покрепче, за рукоятку, и понял, зачем он это делает. Когда придет время проверки, на оружии будут его отпечатки, а не мои.

— Ладно, Льюис, — тихо сказал Девидсон, — это я их убил. Обоих.

Его взгляд бегал по лицам. Поймав его на себе, я прочел в глазах отчаянный призыв. Теперь дело за мной. Я не мог отказаться от последней помощи, ведь у меня была причина принять ее — пожалуй, самая весомая из всех, за которые когда-либо сражались и умирали.

Я знал это не хуже, чем собственное имя. Самое главное — защитить озеро. Остальное — мелочи.

Дейв вдруг сделал безумное лицо (я сразу понял, что нарочно), вскинул револьвер и выстрелил в мою сторону.

Ну, не совсем в мою. Девидсон был неплохим стрелком и не промазал бы с такого расстояния, если бы сам того не захотел. Пуля, свистнув у виска, угодила в какой-то предмет у меня за спиной, и тот с грохотом разлетелся вдребезги. Я увидел на расслабленном лице Дейва глубокое удовлетворение, а мгновением позже пуля Льюиса превратила черты моего товарища в алую

кляксу.

Дейв был вынужден выстрелить, ведь иначе тест на следы пороха показал бы, что в обозримом прошлом мой помощник не стрелял из пистолета. А еще ему нужно было снять с меня подозрение. К тому же он знал, что на допросе его версия рассыплется. В каком-то смысле это было самоубийство, но я понимал, что Девидсон отдал жизнь за безусловно правое дело.

— Итак, Оуэн, вам слово. Как считаете, где у этой штуковины наиболее уязвимые места?

Мне показалось, что Льюис, устремивший на меня цепкий взгляд, произнес эти слова с иронией. Ведь я мог ответить на любой вопрос, кроме этого. Думаю, при необходимости я проглотил бы язык и задохнулся, но не раскрыл бы правды.

— Надо сделать еще один круг, — сказал я. — Снова все осмотреть.

В пятистах футах под нами сияло безмятежное голубое озеро. С такой высоты величественные утесы масштабировались до незначительных размеров, но я знал, что в глубинах под этими скалами скрывается жизненно важная пещера, которой не должны коснуться взрывы.

Я не увидел там ни мужчин, ни женщин: испытав этот механизм защиты, озеро списало

его со счетов как бесполезный. Упредительное противоядие не сработало. Зато новое средство — бактериофаг, выслеживающий и пожирающий вредоносные микроорганизмы, — не подведет. Я прекрасно знал, в чем заключается моя задача.

— Давайте к тому мелководью. — Я показал, куда лететь.

Вертолет сделал круг. Наконец Льюис поднял руку.

Наш груз отправился в долгое свободное падение. Я знал, что это не просто глубинные бомбы. Отчет Сейлза — его завещание — разлетелся по лаборатории так стремительно, что я не успел этому помешать. Я с болью в сердце смотрел, как падают бомбы, и балансировал на грани отчаяния.

«В организме озера не имеется лейкоцитов, — сообщал Сейлз персоналу; голос мертвеца повторял слова, что звучали за миг до того, как я выстрелил. Слова, которые уничтожили меня. — Думаю, его можно убить, обильно заразив всеми доступными нам микробами и бактериями. Есть вероятность, что какие-то из них сработают. Если нет, будем продолжать, пока не выйдем на результат. Я рекомендую использовать глубинные бомбы. Проведенные анализы показывают, что

так называемая вода этого озера — по сути своей толстая кожа, защищающая организм от проникновения обычной инфекции. Глубинные заряды сыграют роль иглы для подкожных инъекций и доставят наше оружие в наиболее уязвимое пространство. В глубинах озера непременно таится некая сущность, являющая собой мозг этого организма. Что-то, чего мы пока не видели. И эту сущность необходимо уничтожить, пока в результате последующих мутаций на свет не появилось создание, с которым будет невозможно совладать.

Грохнули первые бомбы. Такое чувство, что они взорвались у меня в голове. Сквозь пелену перед глазами я видел фонтаны голубой воды.

Мы наматывали круги и наблюдали за происходящим. Вода омывала жуткую рану, и зыбкие волны лениво катились к берегу. Казалось, в том месте, где упали заряженные смертью капсулы, вода потемнела — но, даже если так, озеро нейтрализовало угрозу, смыв токсины.

Я вздохнул с облегчением.

— Куда теперь, Оуэн? — осведомился непреклонный Льюис, и я понял, что пытка только началась.

Надолго ли меня хватит? Рано или поздно мы

доберемся до опасной зоны, и беспомощное создание под нами умрет в невообразимых муках — невообразимых для любого, кроме меня.

— Попробуйте вон там. — Я наугад махнул рукой.

Заметил, что она трясется, и сжал кулак, чтобы унять дрожь.

Позже я не сумел вспомнить, как долго это продолжалось. Наступает момент, когда существа из плоти и крови перестают фиксировать происходящее, — и, к счастью для меня, этот момент наступил довольно быстро. К тому времени я уже знал, чем все закончится, — и не важно, как долго я буду откладывать развязку. Мы с озером были беспомощны. Я знал — и это знание успокаивало, — что в конце концов мы оба умрем.

* * *

Круг за кругом над дрожащей голубой водой, бомба за бомбой — всплеск, тишина, фонтан. От берега до берега озеро исходило рябью, получая одну жуткую рану за другой. Иногда отраву удавалось нейтрализовать, но все чаще от места взрыва разбегался громадный круг инфекции, отраженный в радужных пятнах на поверхности воды.

По пути к берегу желтая отрава вплеталась в пятна ядовито-малинового цвета, цвет ран смешивался с цветом крови, и озеро уже содрогалось не сильнее, чем я, изо всех сил сдерживавший панические спазмы.

По крайней мере, я не указал на сердце озера. Его нашли чисто случайно. Рано или поздно это должно было случиться.

Глубоко под утесами в темно-синей пещере, которой я никогда не видел, вспыхнул белый огонь. Ослепил, парализовал взрывом и хищной атакой болезнетворных агентов ее свившегося в кольца обитателя.

Все, кто был в вертолете, увидели, как из-под утеса вынырнула грозная тень. Распрямилась, вытянулась в гигантского змея Ёрмунганда, опоясывающего Землю. Он явился нам из темной пещеры чередой мучительных конвульсий, от которых вскипало все озеро.

Мои спутники зашлись в хриплых воплях торжества. Будь моя воля, я перебил бы их всех до единого. Но в этом уже не было смысла. Я утратил жажду мщения. Когда отмирает основной инстинкт, человек перестает быть человеком.

Вода под нами закипела и вспенилась, и мы уже не видели того, кто сотрясал ее в предсмертной

агонии. Я знал, кто там, но отказывался смотреть, отказывался даже думать о нем. Я подвел моего владыку. Я готов был разделить с ним смерть.

Откуда-то издалека донеслись возгласы Льюиса. Он приказывал подвергнуть озеро ковровой бомбежке, чтобы стереть все следы погибшего в нем существа. Но это не имело значения. Ничто не имело значения.

Я, словно автомат, воспроизводил телодвижения обычного человека, пока наконец не оказался на базе, возле своего шкафчика, откуда извлек маленький револьвер, хранившийся там на всякий случай. В каком-то смысле я завидовал Девидсону. Он пожертвовал собой, погиб за правое дело. Он положился на меня, а я его подвел.

И его, и себя.

У меня больше не было причин оставаться в живых. Я приставил ствол к виску. А потом…

А потом оказалось, что не могу спустить курок! Что-то остановило меня… Приказ, полученный на бессознательном уровне. Какое-то время я исступленно убеждал себя, что это ошибка, что я не настолько изменился, что я, человек, не до конца превратился в орудие, покорное чужой воле.

Неужели это инстинкт самосохранения? Если он сохранился, то я свободен.

Но нет, это был иной инстинкт. Через секунду я все понял, и надежда, которую я взлелеял с такой пылкой готовностью, растворилась в цунами чужого приказа. Существо не погибло. Оно ушло в подземные воды, затаилось. Оно выжидает, зависит от меня и приказывает остановить руку, готовую уничтожить меня — а вместе со мной и его. Я обязан жить, ибо я слуга.

Те пределы разума, где еще сохранялось мое «я», окатило тошнотворной волной сожаления. Ну почему я не спустил курок мгновением раньше — до того как получил приказ?

Слишком поздно. Мною завладел теплый, лукавый, уверенный в себе разум далекого владыки. Он был не прочь подождать.

Как и я. Понемногу буду создавать армию себе подобных и не закончу, пока она не станет достаточно сильна.

Да, я подвел владыку, но он простит меня, если я исполню его волю. Повиновение — радость и услада, твердит мне коварный голос. Верный слуга, шепчет он, поможет мне воцариться на Земле и обретет немыслимую награду.

Я запер в шкафчике револьвер. Оборачиваясь, увидел отражение в зеркальце на стене. Заглянул себе в глаза…

И улыбнулся.

Одиссея Иггара Трольга
1

Вы спрашиваете, почему это произошло именно со мной?

Мне самому невдомек. Я обыкновенный гном, обыкновеннее некуда, и нет совершенно никаких причин, по которым это приключение должно было свалиться именно на мою голову. Был бы я, скажем, элементалью или нереидой, кем-нибудь из тех, кто промышляет водяной магией… Но нет же! Повторяю: я заурядейший гном из Срединного королевства. И я никогда не верил всерьез в существование людей.

Разумеется, когда я был совсем малявкой, мне довелось наслушаться от няньки всякого фантастического фольклора. Вроде страшилок о том, как люди похищают безобидных вампиров и пытают их до смерти чесноком, кольями и прочими жуткими вещами. Но я же материалист! Как и большинство гномов. Мы верим в непреложные законы физики, а главный закон физики таков: холодное железо — это страшный яд.

Но что касается людей… всегда найдется гном,

знающий другого гнома, утверждавшего, что встречал человека.

Теперь-то я на вопрос существования людей смотрю совсем иначе. Вот почему меня считают малость чокнутым — меня, Иггара Трольга, гнома из рода честных копателей и старателей, возникшего еще во времена первых норвежских копей, а если верить молве, то даже раньше, во времена Иггдрасили.

Вулкан свидетель, я не верфольф, луной замороченный, чтобы не помнить, где мне довелось побывать и что пришлось пережить. Ничегошеньки не забыл. Мне и поныне снится то заколдованное место: бурая земля, прикрытая живым травяным ковром, и льющийся на траву лунный свет.

Как же это, наверное, ужасно — быть человеком!

Впрочем, надо начать с самого начала. Я заблудился в лабиринте нор. Король Бреггир орал как оглашенный: «Рубинов! Рубинов!» — а я не добыл свою норму. Предстать пред королевские очи, не имея хотя бы фунта драгоценных камней в наплечной суме, я не решался.

Бреггиру приспичило вымостить Красную улицу. Сей гном по жизни не очень-то с логикой

дружен, скажу я вам, а уж требовать, чтобы такую работу мы проделали за неделю, — это и вовсе надругательство над здравым смыслом. Но с Брегтиром не больно-то поспоришь. Если вернусь с пустыми руками, меня превратят в жабу сроком на семь часов.

Впрочем, знать бы будущее — я бы, пожалуй, с радостью принял это наказание. Всяко лучше, чем влипнуть в сверхъестественное.

Верхние наши тоннели, как известно, малохоженые, и, по слухам, прокопаны они вовсе даже не гномами. В чем я теперь уже не сомневаюсь. Должно быть, немалый путь я прошел в тщетных поисках рубинов, прежде чем без всякого предупреждения встретился с чем-то невероятным.

Привычный камень под ногами вдруг сменился твердой и гладкой породой вроде белого песчаника, и я очутился в тоннельчике не намного шире и выше моего тела. И хоть я гном вовсе не из дородных, мне, без преувеличения, пришлось протискиваться. Не было никакой возможности развернуться, и в конце концов дорогу преградила решетка, которую я поначалу принял за ядовитую. К счастью, это оказалось не холодное железо, так что я выломал преграду и высунул голову в отверстие.

Моим глазам открылось пространство, похожее на парк; там сияла луна и от деревьев тянулись длинные тени. Я слышал журчание воды вдалеке и чуял ее запах. Тотчас по спине пробежала горячая дрожь.

Что-то не так!

Говорят, бывают времена, когда Вуаль истончается и позволяет нам увидеть мир, лежащий за ней. Теперь я уверен: это был как раз такой момент. В парке, куда я забрел, находилось то, что не должно было там находиться, — нечто живое и крайне жуткое. Я ощущал его всеми моими фибрами.

То, что я поначалу принял за стоящее вблизи корявое дерево, вдруг зашевелилось, замело своей тенью по траве. Луна облила его белесым светом. И я осознал: передо мной воплощенный ужас!

Я не мог даже шелохнуться — меня будто паралич разбил. Кошмарная тварь стояла не далее как в пяти шагах. И выглядела она абсолютно осязаемой, совершенно трехмерной и имела отчетливое сходство с сатиром, хоть и при прямых ногах и в одежде.

Я сам удивился тому, как отреагировал. Не лишился чувств. Верно, был слишком сильно испуган. Оставался на месте, в тоннеле, высунув

из него лишь голову. А тварь смотрела на меня. Сколько длилась эта немая сцена? Если верить моим ощущениям, часы. Морок спал, когда человек — а это, да-да, был человек — поманил меня рукой, не произнеся ни звука.

Все мои мышцы отчаянно протестовали, но не подчиниться зову я не мог, а потому выбрался на траву. Стоял там и трясся, и в лицо мне дул горячий ветер. Я понимал, что встретился кое с чем пострашнее смерти.

И тут совершенно внезапно вспомнил, кто я. Иггар Трольг, гном из Срединного королевства.

Можете считать это бравадой, но я расправил плечи и вперил в человека бестрепетный взгляд. Ведь я молодец хоть куда, и тут нет ни капли самомнения. Ростом два фута (когда на мне сандалии), тридцати дюймов в ширину, а глаза, похожие на коричневые куриные яйца, не опускаются в страхе и не слезятся.

Человек вынул что-то — бутылку! — из складок своего одеяния. С грозной нарочитой неторопливостью откупорил.

— Ладно, приятель, — сказал он, — полезай.

В бутылке, которой человек потряхивал, булькала жидкость, и в воздухе разлился сильный запах алкоголя — как, наверное, в Валгалле на

медовом пиру. Но невинный облик сосуда не обманул меня. Доводилось мне слыхивать и про джиннов, и про Сулеймана, который их поработил. Если подчинюсь, человек заткнет бутылку пробкой и зашвырнет в океан.

— Н-не п-полезу! — удалось мне проговорить сквозь стучащие зубы.

— Ты выбрался из этой бутылки, — объяснил человек. — А теперь, ради бога, вернись в нее.

— Я не из бутылки! — Подумать только, я спорю с человеком!

Раздраженный звук, исторгнутый существом, был почти гномьим.

— Не пытайся меня надурить, — процедил человек, слегка покачиваясь. — Все они из бутылок лезут: змеи, мыши, гады морские. Давай-ка…

— Я определенно не морской гад, — возразил я, — а что до змей и мышей, то их не существует.

Тут он улыбнулся этак грозно, но ничего не сказал. По этой улыбке я понял: человек верит в существование змей и мышей и даже, быть может, видывал их.

— Как бы то ни было, — проговорил я, слегка набравшись храбрости, — в бутылку я не полезу. Ладно?

Он хлебнул из горлышка и задумчиво оглядел

меня:

— Ты кто?

Я представился, и он замотал головой:

— Нет. Я имел в виду, что ты собой представляешь.

— Я гном.

К такой реакции на эти слова я готов не был. Стоявшее передо мной существо дико завопило и высоко подпрыгнуло. Я затрясся от ужаса, ожидая, что меня разорвут на мелкие клочки.

Но вместо этого человек наставил дрожащий палец и прокричал:

— Клянусь всеми чертями ада! Неужто мало того, что я пишу про этих проклятых тварей? Теперь они еще и не дают мне спокойно погулять по Центральному парку, выскакивают прямо перед носом из-под земли! Да никакая пульпа, никакие глянцы[54] в Нью-Йорке не заставят меня, хоть пьяного, хоть трезвого, писать про гномов и дальше.

И он швырнул бутылку мне в голову, но боли, естественно, не причинил. Мы, гномы, народ толстокожий.

— Конечно же, я в стельку пьян, — продолжал

---

[54] Notes: 54
Разговорные названия дешевых и дорогих журналов.

он, пока я искал, где бы укрыться от его ярости. — Будь иначе, ты бы мне не мерещился. Эй, толстопузый дождевой бочонок! Гляди!

И он извлек из-за пазухи продолговатый плоский предмет, в котором я узнал книгу. Правда, таких книг я прежде не видывал, разве что Бронзовые скрижали Велиала имеют некоторое сходство. Но я догадался: это гримуар с человеческими заклинаниями. Я съежился в панике, и повернется ли у вас язык меня за это осудить?

— Всегда одно и то же! — выкрикивал человек, сжимая книгу обеими руками. — Три желания — или проклятие! Знаю я эти штучки: встречаешь гнома, или седоусого старца, или самого дьявола и что-то получаешь от него, о чем после приходится горько жалеть. Да печататься мне только Брайлем, если этот номер пройдет со мной, понял, ты, жалкий парок из ромовой бутылки? Или зря я столько всякой всячины написал про вашу шайку-лейку? — И он покачал жутким тощим пальцем. — А ну-ка, угощу нечисть, разнообразия ради, ее же собственным снадобьем. Интересно, как оно тебе понравится. Знаю, знаю, что ты затеял. Поколдуешь, а я завтра проснусь и обнаружу: все, к чему бы ни прикоснулся, превращается в золото. Или на носу постоянно растет пудинг.

Или стоит слово сказать — и изо рта выпадает серебряный доллар. Ага, вот оно!

Я мог лишь смотреть и слушать, цепенея от страха. А человек ревел, злобно глядя на меня сверху вниз:

— Ладно, гном! Ты сам напросился! С этой минуты, что бы ты ни ляпнул, изо рта будет выскакивать холодное железо. Как тебе перспективочка?

Дрожа от слабости, я отшатнулся и еле-еле выговорил:

— Не надо…

Улыбка на человеческой физиономии стала чудовищной.

— Стало быть, холодное железо тебе не по вкусу? Так я и думал. Даром, что ли, давно пишу рассказы про таких, как ты. Впрочем, не хочется быть слишком жестоким. Сам ты холодного железа можешь не бояться, тебе оно вреда не причинит. Гномы, ну надо же! И почему, спрашивается, я не зарабатываю на жизнь рытьем канав?

Бушуя, человек выдохся напрочь, а потому вдруг взял да и растянулся на земле. Не дожидаясь, когда он придет в себя, я развернулся кругом и юркнул в нору, дал себя проглотить черным

недрам. Я бежал по тоннелю, и ужас не оставлял меня ни на миг: а ну как чудовище догонит и нападет? Должно быть, у меня на время помрачился рассудок — не помню, как вернулся в Срединное королевство. Помню лишь, что в мозгу пульсировали два слова: «холодное железо… холодное железо…»

Добравшись в конце концов до моей пещерки, я улегся и попытался выбросить из головы всю память о случившемся. Но пережитый кошмар начисто лишил меня сил, и я уснул. Снова и снова в сон вторгались жуткие видения. Проснулся я оттого, что меня тряс Троклар, мой закадычный друг.

— Иггар, — сказал он, — король в бешенстве. Вчера ты не явился на поверку, а рубинов не хватает. Ты хоть выполнил норму?

За ночь я нисколько не пришел в себя, а потому смог лишь отрицательно мотнуть головой.

У Троклара вздернулся нос и шлепнулся о подбородок, и друг встревоженно затараторил:

— Фафнир и Локи, заступитесь за этого несчастного! Король поклялся превратить тебя на десять месяцев в саламандру. Советую укрыться понадежнее…

Я открыл было рот, но Троклар не дал мне воз-

можности ответить:

— Конечно, не в Срединном королевстве. Может, Нептун согласится приютить тебя на время? Или… или даже Хель даст убежище, если принесешь ей щедрый подарок. Но надо поторопиться.

— Троклар, — сказал я, — я видел человека.

Дзинь, дзинь, дзинь… Троклар мертвецки позеленел, и хрипло взвыл, и крепко зажмурился, и попятился к выходу.

— Железо!.. — ахнул он.

— Троклар! — Я кинулся следом — и ощутил под сандалией нечто твердое и круглое.

Глянул вниз и успел заметить, как изо рта вылетает, чтобы звякнуть о скальную твердь, маленький тусклый предмет.

Холодное железо!

Неудивительно, что Троклар, кривя губы в му́ке, вцепился в дверную ручку. Неудивительно, что он крепко-накрепко сжал веки, спасаясь от ослепительного блеска.

Но… почему железо никак не действует на меня?

И тут я вспомнил. Человеческое проклятие!

Троклар выглянул из-за дверного косяка.

— Кончай эти грязные шутки, — сердито потребовал он, промаргиваясь. — Что ты затеял? Если

прознает король…

— Я ничего не могу с этим поделать, — ответил я.

Дзинь, дзинь, дзинь…

Троклар взвизгнул и отпрыгнул. Я кинулся за ним.

— Это… — Дзинь! — …тот человек… — Дзинь, дзинь!

Вместе с каждым словом из моего рта вылетало холодное железо. Я догнал Троклара и схватил, но он вырвался, с визгом промчался по коридору и скрылся за углом. Тогда я остановился; меня мутило. О Локи! Есть в мире вещи, с которыми гномам лучше никаких дел не иметь.

И что теперь? Я вернулся в каморку и уставился на кругляши, рассыпанные по полу. Выглядели они совершенно безобидно. Но для нашего брата гнома холодное железо — все равно что чеснок для вампира или аконит для волка-оборотня. На вид невинные, но под завязку наполненные злом.

2

Моя сума не висела на своем обычном месте, на крючке возле двери. Я вспомнил, что оставил

ее наверху, потерял при паническом бегстве. А король Бреггир клятвенно обещал превратить меня в саламандру. Для гнома, рожденного в толще земной, нет ничего ужаснее мира огнежителей. Не так страшно даже Морское царство, тем более что Тритон и его присные — вполне веселая компания. Даже в мрачных владениях Хели гном способен продержаться какое-то время. Но пламя! Брр… Может, если пасть пред Бреггиром на колени и покаяться, он простит? И даже как-нибудь пособит с исцелением? Я ведь так и не оправился от пережитого ужаса.

Я бродил по пещерке, поглядывал на мириады радужных слюдяных искорок, которыми пестрели неровные стены, и на черный колодец в углу. Не ахти какая роскошь, но все же это мое жилище. Я самый заурядный гном, а потому не стыжусь признаться, что в те минуты по моим щекам бежали слезы.

Но слезами горю не поможешь. Я вышел в коридор, раздумывая, бежать или нет. Принять решение помогли двое стражников, вооруженных шипастыми пиками, — они семенили в моем направлении. Оба в зелено-коричневых мундирчиках и алых колпаках королевской гвардии.

— Иггар Трольг! — провозгласил один из них. —

Старик Бреггир опять в бешенстве — исторгает огненную лаву. Ты арестован!

Я вовремя вспомнил о проклятии и прикусил язык. Мои дела и так хуже некуда, а если еще буду швыряться холодным железом… Я позволил гвардейцам схватить себя за руки и протащить по тоннелю с потолком, сверкающим крупными алмазами. Мы прошли через Главные пещеры по Красной улице, где трудилась добрая сотня гномов, и очутились в тронном зале; Бреггир восседал там на алмазе побольше его самого. Выглядел король внушительно: упитанный, с бородой по колено и лысый, как все прочие гномы. Красавец, одним словом. Углы широченного рта загибаются вокруг острых ушей, глаза такие выпуклые, что кажется, на лице выросли три увесистых шара, а носище величиной с мой кулак.

Разве что борода была в комьях глины. Он пил из серебряного кубка теплую жидкую грязь и спорил со своим лекарем Грогом.

— Вот же упрямый болван! — рычал Грог. — Разве я тебя не предупреждал насчет ихорного давления? А ты все грязь лакаешь — утром, днем и вечером!

— Ох, углерод! — выругался Бреггир и тут заметил меня.

Его рот сделался квадратным, а голос уподобился грохоту землетрясения.

— Иггар Трольг! — взревело его величество. — Ничтожное ползучее отродье слизняка! Презренный короед с Иггдрасили!

Это был грязный намек на мое происхождение, но я стерпел. Да если бы и попробовал возражать, король не услышал бы — так оглушительно он орал.

— Бесполезный обломок антрацита! Коротконосая заразная вошь с хвоста Гарма! Да я тебя в Везувии зажарю! Скорпионами затравлю! Привяжу к бороде жернов и отдам тебя гигантам! Где рубины, Хельхейм побери твою душу? Не смей врать! Небось, дрыхнул в дальней пещере, а теперь надеешься отбрехаться? Не выйдет, паршивый бездельник! Я не потерплю тунеядства в Срединном королевстве! Пора дать пример дармоедам и лежебокам, и этим примером, Иггар Трольг, станешь ты! И мало тебе не покажется! — пообещал Бреггир, размахивая в мою сторону скипетром.

Вокруг меня успели собраться десятки гномов: смотрели во все глаза, слушали во все уши, некоторые украдкой ухмылялись. Отрадно, надо думать, когда в кои-то веки неприятности не у

тебя, а у другого. Состоять в свите у Бреггира — то еще удовольствие. Все равно что Цербера гладить по головам.

Король простер могучие ручищи, будто хотел схватить меня, но сгреб узловатыми пальцами воздух.

— Отвечай! — взревел он. — Что ты, паршивая мелкая мокрица, можешь соврать в свое оправдание?! Да что бы ни соврал, это не поможет! Приговор уже вынесен: быть тебе саламандрой. Слышишь меня? Саламандрой! Что молчишь? Будешь говорить или за язык тебя тянуть холодными клещами? — Бреггир зловеще ухмыльнулся. — Что, не по нраву идея? Ледяные клещи! Самими инеистыми великанами замороженные! Говори!

— Не на-а-до…

Это произошло. У моих ног защелкало о мрамор холодное железо. В тот же миг вокруг меня грянули панические вопли: валя друг друга с ног, гномы шарахнулись прочь от смертоносного металла.

Король Бреггир опрокинулся назад, над алмазным троном неистово замельтешили его мосластые ноги. Грог с визгом кинулся к выходу. Бреггир кое-как поднялся и последовал за при-

дворным лекарем, но все же успел оглянуться, сощуриться в блеске холодного железа и с мукой в голосе прореветь:

— Ты поплатишься за это, Иггар Трольг! В мелкий фарш изрублю!

И я остался один в тронном зале, заполненном колдовским сиянием.

Величество забыло на своем троне серебряный кубок, почти до краев полный теплой грязи. Я выхлебал ее залпом и миг спустя испытал прилив ложной храбрости. В глубине души по-прежнему боялся, но помнил, что сам король дал деру от меня.

Святая Геката! Это же все до единого гномы Срединного королевства будут трепетать перед Иггаром Трольгом! Родилась безумная мысль: а ведь я могу устроить революцию! С холодным железом я непобедим…

О нет, нет, нет! Ничего не выйдет. Я по-прежнему уязвим для магии. И если превращусь в саламандру, дело примет совсем уж дрянной оборот.

Как же быть? Оправдаться перед королем невозможно, каждое сказанное слово будет усугублять мою вину. Даже Троклару не объяснишь, что произошло, — лучший друг в ужасе сбежал от меня.

И тут я вспомнил о Нигсар Дуг. Вот кто поймет беднягу Иггара! Она всегда умела вникать в мои неурядицы, еще с детских лет — мы ведь выросли вместе. И не стану скрывать: я был влюблен в Нигсар. Для меня она была самой прекрасной гномкой в мире.

Нигсар не испугается, не кинется наутек. Она придумает, как помочь, в этом я не сомневался.

Я устремился в боковой коридор, который вел к ее пещерке. Но вдруг завибрировал воздух, и я задохнулся в ужасе — это было телепатическое послание от короля Бреггира.

Всем гномам внимать! Тревога! Тревога! Иггар Трольг творит запретное чародейство! Он вооружился холодным железом! Иггар Трольг чрезвычайно опасен! Кто встретит его, должен немедленно заколдовать!

Сотрясаемый дрожью, я прибавил ходу. Вот это влип! Конечно же, мы, гномы, бессмертны, но магия способна доставить нам кучу неприятностей. Я отправил Фафниру безмолвную мольбу о помощи и то ли по причине его вмешательства, то ли благодаря моему собственному везению беспрепятственно добрался до цели. У двери задержался, чтобы оглядеться и прислушаться. В коридоре — никого. Я взялся за дверную ручку

— и замер, уловив тихий голос Нигсар:

— Нет! Ты лжешь! Этому должно быть какое-то объяснение…

И тут я услышал Троклара, моего лучшего друга:

— Он плохой гном, Нигсар! Злой! Занялся магией холодного железа! Его заколдуют, как только увидят. Бреггир на веки вечные заточит под Везувием.

Тихий всхлип едва не разорвал мне сердце.

— Нет! Я не верю тебе, Троклар! Я знаю Иггара, он хороший.

— Плохой, хороший — какая разница, если король сказал свое слово? Забудь Иггара Трольга, тебе же будет лучше.

В речи Троклара сквозил какой-то потайной смысл.

— О чем ты? — спросила Нигсар.

Не веря ушам, я услышал:

— О том, что я хочу тебя заполучить! Я, Троклар! Иггар не годится тебе в мужья, он никогда не был этого достоин. А теперь он еще и обречен. Выходи за меня, Нигсар. Во всем Срединном королевстве ты не найдешь лучшего гнома.

Меня охватила слепая ярость. Я слышал, как возмущенно кричала Нигсар, как Троклар убеж-

дал ее осипшим от похоти голосом:

— Не надо, Нигсар! Смирись, не противься!..

Я пинком распахнул дверь. Стоявший ко мне спиной Троклар все убеждал:

— Ты будешь моей, не сомневайся! Я попрошу короля, и он отдаст тебя мне. Я хочу тебя…

Он держал Нигсар в объятиях, а та отбивалась изо всех сил. Туника на ней была разорвана, и при виде покрытого мягким волосом плеча в прорехе я окончательно взбесился. Одним прыжком преодолел расстояние, схватил Троклара за шею и развернул.

— Иггар! — вскричала Нигсар.

Она высвободилась из рук Троклара и убежала в соседнюю комнату. А у того физиономия исказилась от злобы и страха.

— Ты?! Еще на свободе? Ну, это ненадолго. Король позволил применять против тебя любые чары.

Я не мог ответить — от ярости сперло дыхание.

В меня полетело заклинание — и отскочило, не причинив ущерба. У Троклара изумленно округлились глаза. Он попытался еще раз и опять безуспешно.

— Локи! — возопил этот мерзавец. — Иггар Трольг неуязвим!

Догадавшись, в чем дело, я ухмыльнулся. Пока я ношу человеческое проклятие, никакое другое колдовство меня не проймет. Так действует закон Приоритета Магических Сил, введенный Одином еще в ту пору, когда Хугин и Мунин только-только вылупились из яиц.

И тут меня вновь объял ледяной гнев. Вот, стало быть, кем оказался лучший друг! Что ж, теперь я обладаю оружием, которое ему, как и любому другому гному, не придется по нраву.

— Холодное железо, — отчетливо проговорил я.

Дзинь, дзинь.

— Холодное железо. Холодное железо. Холодное, холодное, холодное. Железо, железо, железо.

Дзинь, дзинь, дзинь…

При каждом слове у меня изо рта выпадал увесистый кругляшок и звякал о каменный пол.

От боли глаза Троклара превратились в выпуклые полумесяцы. Опустив голову так, что только затылок виднелся над широкой горбатой спиной, он кинулся к выходу.

— Нет! — хрипел негодяй, пытаясь нашарить дверную ручку. — Нет! Нет!

— Да, — говорил я. — Да, да, да!

Дзинь, дзинь, дзинь…

Я не умолкал, повторял бессмысленные слова, и у моих ног все росла кучка холодных железяк. Я загнал Троклара в угол.

Терпеть эту пытку он больше не мог, вот и лишился чувств. Глядя на лежащее передо мной корявое, узловатое тело, я быстро остыл. А вид холодного железа заставил меня вспомнить о проклятии.

Нигсар. Я перешел в соседнюю комнату, где моя возлюбленная лежала в беспамятстве на ложе из окатанных камешков. Она была прекрасна! Я опустился рядом на колени и обнял ее.

Нежные мутные очи распахнулись, и она прошептала:

— Иггар, ты цел?

— Да, — ответил я.

Клянусь Отцом Имиром, я был готов откусить себе язык! Вы уже догадались, что произошло. Я произнес слово, склонившись над Нигсар, едва не касаясь лицом ее лица, и, прежде чем сообразил, какую глупость совершаю, холодный окатыш выпал у меня изо рта и отскочил от ее носа. Крик был такой, будто я проткнул ее железным колышком. Взглянув на меня с болью, изумлением и ужасом, она снова потеряла сознание.

Я заскрежетал зубами — как же хотелось навсе-

гда лишиться способности раскрывать рот! Но затем встал, пинком отправил железку в дальний угол и вышел из жилища Нигсар в коридор. Там постоял в полнейшей растерянности и послушал слабый мысленный шепот, означавший, что король Бреггир повторяет приказ о моем аресте.

Кто встретит его, должен немедленно заколдовать!

Э, нет — колдовством, как я убедился, меня не взять. Зато я теперь неприкасаемый. Ни один гном не рискнет ко мне приблизиться. Даже Нигсар. Да я и не посмею просить ее об этом. Ради ее безопасности я должен расстаться с мыслью еще хоть раз увидеть любимую.

С тяжелым сердцем плелся я по тоннелю. Наверное, те же чувства, что и я тогда, испытывала горгона. Во всем Срединном королевстве не найдется существа, которое не придет в ужас, стоит мне открыть рот. Отныне я лишен привычного общества гномов, не смогу вместе с ними ковырять киркой и лопатой добрую бурую землю, не буду участвовать в праздничных потасовках и отдыхать ночами в тишине родной пещерки. Я гном, потерявший свой дом.

Мой разум отчаянно искал путь к спасению.

Я решил прибегнуть к помощи логики. Итак,

первое: я лишен возможности рассказать другим гномам о случившемся — при первом же моем слове собеседник обратится в бегство. Спросите, почему я не воспользовался телепатией? Потому что король Бреггир для передачи своих мыслей применяет какую-то машину и даже он сам подчас не в силах их прочесть.

А ну-ка, ну-ка… Идея!

Помните, в моей пещерке есть колодец? Он узок и темен, но уж точно не мелок — достает до Подземного моря. А это владения Нептуна, хоть он и отошел на время от дел.

Холодного железа его подданные не боятся. Я, бывало, по ночам ронял в колодец камешки, чтобы утихомирить водяных жительниц. Все нереиды мечтают попасть в свиту Лорелеи, вот и тренируются в пении — просто спасу нет. Что ж, остается надеяться, что мою грубость простят.

Все же я решил подстраховаться и выпустил немножко ихора из вены на руке. Капнул раз-другой в колодец и позвал. До пещерки я добирался малохожими тоннелями, а по прибытии запер дверь на засов и потому не опасался, что мне помешают.

Теперь оставалось только ждать.

3

На то, что морские обитатели помогут, не было ни малейшей надежды. Но страсть как хотелось рассказать кому-нибудь о случившемся. Я ведь прежде ни разу не задумывался, сколь важно для меня общение с другими гномами.

Взволновалась черная вода, и вынырнула зеленая голова; жабры возбужденно затрепетали.

— Ух ты — гном! — воскликнула, завидев меня, нереида и впилась взглядом в кубок, который я держал в руке. — Угости даму выпивкой, гном.

Я отступил от колодца:

— Не будем спешить. Хочу сначала получить кое-что от тебя.

— Еще не родился гном, который не хотел бы что-нибудь выклянчить у нереиды, — последовал ответ. — Эх вы, мелкие, грязные, вечно неудовлетворенные уродцы. Ну, чего тебе? Предсказать, когда дух испустишь?

Конечно, это была шутка — мы, гномы, не умираем.

— Хочу кое-что узнать о людях.

— Ничего себе! — У нереиды расширились рыбьи глаза. — Гномик, да на тебе проклятие

лежит! Король Бреггир постарался? Молчи, я уже догадалась, что нет: не такой он дурак, чтобы связываться с холодным железом. Может, Вулкан?

— Не твое дело, — отрезал я. — Тебе когда-нибудь случалось видеть человека? Это все, что я хочу узнать.

— Ой! — Забулькали пузыри — нереида на миг скрылась под водой. — Смотри, куда клонишься! Ты мне холодное железо на голову уронил.

— Прости, — сказал я, клонясь в другую сторону. — Так что насчет людей?

— Их не бывает. И не слишком ли ты стар, чтобы верить в эти сказки? Еще заявишь сейчас, что веришь в науку.

— Ладно, забудь, — буркнул я, отворачиваясь.

В груди у меня вырос холодный ком безнадежности. А нереида возмущенно заплескалась:

— Но как же ихор?! Неужто не дашь?

— Да с чего бы? — покачал я головой. — Ты мне нисколько не помогла.

— Минуточку! Подожди, гном. Может, тебе что-нибудь расскажет другая нереида. Если отдашь мне ихор, я ее разыщу и приведу.

— Половину отдам, — пошел я на компромисс, и пришлось вырывать кубок из рук нереиды — она попыталась выхлебать все до донышка.

Но вот что я вам скажу: нереиды слово держат. И десяти минут не прошло, а она уже вернулась вместе с товаркой, преизрядно потрепанной жизнью: одноглазой и покрытой шрамами с головы до хвоста. Товарка лишь невнятно бубнила, пока я не показал ей ихор. Тут она взбодрилась:

— Дай! Дай!

— Это Сахайя, — представила ее первая нереида. — Она не в себе: несколько веков назад попыталась проплыть между Сциллой и Харибдой и начисто лишилась ума. Зато иногда рассказывает о людях.

— Люди, — забормотала Сахайя, почесывая жабры. — Люди существуют, я знаю. А еще знаю, откуда берутся утопленники. Вылезают из своих плавучих раковин и тонут. Все они, прежде чем стать утопленниками, были людьми.

— Убедился? — хихикнула первая нереида. — Ума у нее как у морского ежика.

Я шикнул, и она, хлопнув по воде хвостом, с достоинством погрузилась.

А Сахайя все таращилась на кубок с ихором.

— Это ведь мне? — спросила она с мольбой.

— Тебе, если поможешь. Не замечаешь во мне ничего странного?

— Ты про заклятие? Про холодное железо?

— Это сделал человек. — Я старался не обращать внимания на регулярное позвякивание у моих ног.

Сахайя загоготала, ныряя, пуская пузыри и выныривая.

— Слыхали? Слыхали? Я же не лгала! Они существуют!

Было очень трудно объяснить Сахайе, что мне от нее нужно, но в конце концов я справился. Она зажмурилась и заговорила:

— Вот что я тебе скажу: мне доводилось всплывать почти до самого Света, и кое-что я там слышала. Но не жди подсказки насчет того, как тебе избавиться от человеческого заклятия.

— Слышала? А что именно ты слышала?

— Голоса. Гном, Сахайю считают безумной, но что она знает, то знает. До меня доходили голоса извне. Я слышала разговоры людей.

Тут меня пробрал холодок, но я упорно допытывался:

— Может, ты слышала нечто такое, что помогло бы мне? Если люди попадают в беду, — (фантастическое предположение!), — то как они справляются?

Сахайя удивила меня своим ответом:

— В беду? Ага, такое бывает, я сама слышала.

Порой люди криком кричат от страха и отчаяния, но их проблемы непременно решаются. Людям помогает Хель[55].

— Хель? Дочь Локи, сестра волка Фенрира?

— Она самая. Когда дела у человека плохи, ему советуют пойти к Хели. Вероятно, он так и поступает, хотя утверждать не возьмусь.

У меня от волнения задрожал голос:

— Думаешь, если я приду к Хели, она снимет чары?

Но Сахайя в ответ лишь пожала жабрами. Она снова увидела кубок с ихором и пришла в неистовство. Я пытался задавать вопросы, но нереида знай твердила: «Дай! Дай! Дай!» Наконец я уступил, и она, бессвязно бормоча и булькая, вернулась в пучину.

Я принял решение: пойду к Хели. Разумеется, дорогу я знал. Мы, гномы, путешествуем мало, но земные недра — наша родная среда.

Чем же подкупить Хель, королеву мира мертвых? Мне ровным счетом ничего не приходило в голову. В конце концов я решил идти с пустыми руками — просто упаду перед ней на колени, от-

---

[55] Notes: 55

Игра слов: имя владычицы мира мертвых Хель (*др. — скандинав.* Hel) созвучно английскому слову hell (ад, преисподняя), участвующему во множестве вульгаризмов и ругательств.

дамся на ее милость. Хотя вряд ли этой милости у нее избыток, иначе разве бы стала она владычицей Хельхейма?

Я прекратил гадать — все равно мозги работали плохо — и выскользнул из пещерки. В Срединном королевстве царил сыр-бор; чудо, что я никем не замеченным добрался до малопосещаемого района, где находится Тартарская скважина. Оставалось лишь перебраться через край и спрыгнуть. Это интересное путешествие, но слишком хорошо известное всем гномам, чтобы стоило его сейчас описывать.

У нижнего конца скважины я воззвал к Воздуху и Тьме. Они перенесли меня к Хельхейму и возвратились в нижнюю бездну. Здесь гранитные стены вздымались до красного лавового неба. Ни звука я не слышал, стоя перед грандиозной твердыней и глядя на железные ворота. Как же пройти через них?

Я не успел ничего придумать — на меня ринулся косматый трехглавый гигант. Он заходился бешеным лаем; с клыков капала слюна; шесть глаз пылали огнем. Цербер — сущий монстр, а я к тому же забыл прихватить для него пирожков или косточек. Я знал, что серьезных увечий он мне не причинит, но кусать может больно. А

потому дождался, когда он приблизится, и попытался себя заколдовать. Лишь в самый последний момент вспомнил, что заколдован человеком, но было уже поздно. Отчего-то моя собственная магия, в отличие от магии других гномов, сработала. Возможно, дело в том, что я находился внутри заклятия, а потому ничто не помешало мне превратиться в блоху.

Цербер замер и вытаращил зенки, а я запрыгнул ему на спину. Все кусал, кусал, кусал — наверное, уже не из необходимости, а просто из вредности, — пока он не зачесался. И это смахивало на землетрясение. Я закрыл глаза и вцепился в шерстину.

Тряска наконец прекратилась, теперь мне оставалось только ждать.

Кормили Цербера на закате. Прошло не так уж много времени, прежде чем пес развернулся и поскакал к Хельхейму. На краю огромных ворот отворилась калиточка и сразу закрылась за нами. Наступила полнейшая неподвижность. Она здорово действовала на нервы, но мой взгляд оставался опущенным — я не смел осмотреться, поскольку помнил, из чьих чресел выскочил отец Хели на серой заре Вселенной, когда еще не затих рев Имира. Хельхейм не самое приятное место

для пребывания…

И тут я понял, что нахожусь в присутствии Хели. Вернул себе родной гномий облик и спрыгнул с Церберовой спины. Он было зарычал, но не накинулся, а убрался в угол, где и лежал потом, злобно глядя на меня налитыми кровью глазами.

Я со всем почтением преклонил перед Хелью колени. Зал, где я очутился, был не длинен и не широк, но все же огромен — за счет высоты — и наверху сходился на конус. По форме это ближе всего к огню свечи.

— Гном, ты можешь встать, — прозвучал голос.

Я подчинился, не поднимая глаз.

— Гном, ты можешь смотреть на меня.

Хель была вся белая, словно вырезанная из искристого льда. Волнистые волосы не поблекли, они имели естественный снежный цвет — как и губы, как и глаза. Миловидное круглое лицо девственницы, нежнейшая улыбка — но взгляд был устремлен сквозь меня в невообразимую даль. Облаченная в свет, она сидела на скромном ониксовом троне, чуть наклонясь вперед и сплетя пальцы на колене.

— Не надо говорить, — сказала Хель, — лучше дай прочесть твои мысли. Я чувствую заклятие и

холодное железо…

Отчего-то я не боялся ее. Но там, в Хельхейме, в этом громадном зале, мне было ужасно одиноко.

Наконец она вздохнула и покачала головой:

— Гном, я не в силах тебе помочь. Моя власть не простирается за поверхность земли.

От нее не укрылось мое отчаяние.

— Но есть тот, кто способен выручить тебя. Вот только захочет ли он? Это мой отец.

«Локи?» — подумал я.

— Локи Весельчак, — ответил мне мягкий, тусклый голос. — Тот, чьи самые удачные шутки — это его дети. Да, я сестра змеи и волка. Я дочь бога-предателя. Но ни Фенрир, ни Змей Мидгарда не помогут тебе, гном. Помочь может только Локи. Обратись к нему.

— Нет, — ответила она на мою невысказанную мысль, — не гадай, чем его подкупить. Весельчак ни на что не польстится. Он всегда поступает как хочет, и его деяния добры и жестоки попеременно. Возможно, ты застанешь его в хорошем настроении, и тогда он исполнит твою просьбу.

Я благодарно склонил голову, а белая богиня сказала:

— Дам совет: остерегайся шуток Локи. А теперь отправляю тебя к нему.

И тут я как-то понял: ее длань простерта над моей головой. И содрогнулся от беспричинного ужаса при мысли, что эти ледяные пальцы могут коснуться меня. Пусть они мягкие, пусть они нежные, но до чего же страшно…

А в следующий миг меня подхватила и унесла магия. Исчез высокий зал в Хельхейме, исчезла Хель.

Я стоял на тугом сером облаке, а передо мной лежал великан и смеялся, щурясь от яркого солнца.

4

Громадный, рыжебородый, чем-то похожий на лиса мужчина с лукавыми глазами и широким ртом подпер локтем голову и воззрился на меня.

— Хель предупредила о твоем приходе, — хохотнул он. — Ну, здравствуй. Я Локи.

Я поклонился, но, памятуя о моей проблеме, не осмелился заговорить. Локи снова рассмеялся:

— Думаешь, я страшусь холодного железа? Не нужно слов, твой разум открыт моему взгляду. Ты повстречал человека, и он тебя зачаровал. Хочешь избавиться от заклятия. Что ж, это задачка не из сложных.

Локи поднял могучую руку во властном жесте. Некоторое время ничего не происходило, и я рискнул оглядеться украдкой. Но смотреть было особо не на что: серый облачный покров простирался до самого горизонта, где Аполлон поднимался в небесную синеву.

Возникла тревожная мысль: в хорошем расположении духа я застал Локи или в дурном?

Рыжий бог хохотнул и успокаивающе кивнул мне:

— Не волнуйся, гном, я не откажу в помощи. Крайне редко случается, чтобы человек прошел сквозь Вуаль. Порой мы видим людей — тусклых, смутных, как призраки. Но они существуют, и у них есть свой мир. — Локи пригляделся ко мне. — Гм… Мне это не нравится — негоже людям колдовать. Гм…

Я уловил некоторое беспокойство в его речи. Но тут сквозь подвижное облако взмыл темный силуэт.

Передо мной стояла женщина, сморщенная древняя карга. В узловатых пальцах она держала веретено с нитками. Старуха выбрала нитку, размотала ее и вручила Локи. После чего утонула в тумане, сомкнувшемся над ее капюшоном.

Локи растянул нитку между пальцами:

— Норны прядут нити людских судеб. Эта приведет к человеку, который тебя зачаровал. Но нужно будет его подкупить, иначе он не снимет заклятие.

— Чем подкупить? — спросил я, роняя в туман холодное железо.

Локи ухмыльнулся:

— Я дам тебе то, что нужно. Действуй, как я скажу, и все получится.

— Спасибо… — Поколебавшись, я спросил: — А как потом быть с нитью?

— С нитью? Да просто отпусти, и она намотается обратно на веретено норны.

Мне не нравился прищур бога, который теперь еще больше смахивал на лиса. Но прежде, чем я успел вымолвить хоть слово, Локи взмахнул рукой, и я кувырком полетел сквозь серую дымку вниз. При этом обнаружил, что крепко сжимаю в кулаке конец нити. И как будто услышал шепот: «Негоже людям колдовать…»

Облака исчезли, я ощутил под ногами твердое дерево. Было темно, но постепенно глаза приспособились. Через квадратные отверстия в том, что я принял за стену, лился солнечный свет.

Я находился в пещере — огромной, с прямыми углами, с деревянными стенами. По хребту

пополз жар — точь-в-точь как в тот раз, когда я встретился с человеком. Должно быть, это логово людей!

Я крепко сжимал в потном кулаке конец нити. Саму ее не видел, но чувствовал, что она тянется куда-то вдаль.

Меня окружали большие предметы с прямоугольными гранями, с письменами на этих гранях. Странным образом буквы чужого языка напоминали староэльфийский. Хоть я их и не понял, но все же запомнил, как выглядят надписи, а впоследствии — просто из любопытства — разобрался с ними.

Вот что они означали:

«Не курить!»

«Опасно!»

«Мощная взрывчатка».

В моей голове зазвучал голос Локи:

— Вон тот ящик рядом с тобой…

«Ящик?» — Незнакомое слово.

— Смотри. — Бог привлек мой взгляд к деревянному вместилищу, где были аккуратно уложены десятки округлых предметов. Это же холодное железо! Но для меня оно не опасно, ведь я под заклятием.

— Возьми одну, — велел Локи.

Я подчинился и с любопытством рассмотрел штуковину. Теперь-то я знаю, что было написано на том ящике: «Ручные гранаты», что бы это ни означало.

Снова заговорил в моем разуме Локи, и теперь в его голосе сквозило веселье.

— Нить норн приведет тебя к этому человеку. Когда встретишься с ним, сорви колечко и брось… подарок к его ногам. Затем потребуй, чтобы снял заклятие, и он с радостью это сделает. Удачи, гномик, — закончил рыжий бог и умолк.

Я несказанно воспрял духом: скоро избавлюсь от роковых чар! А уж все остальные неприятности, даже гнев короля Бреггира, как-нибудь переживу.

Закрыв глаза, я стал ждать.

Нить судьбы дернулась и понесла меня сквозь измерения.

А разлепив в конце пути веки, я обнаружил, что нахожусь в… человеческой пещере!

Стоит ли удивляться, что я инстинктивно прижал подарок к груди, дрожа от страха? Мне не найти слов, чтобы описать то место. Скажу лишь, что там было полно углов, и изгибов, и жутких чуждых красок — вам таких даже не вообразить. Должно быть, в этом капище вершились ритуалы

самой черной из наук!

Человека я увидел в тот же миг, когда он заметил меня. Раздался абсолютно невнятный возглас, и мой мучитель выронил бутылку.

— Опять! — взвизгнул он. — Или это другой?

— Нет, я тот же самый гном, — мирно ответил я. — Следовало бы помнить того, с кем ты сыграл такую злую шутку.

— Не понял. — Он подобрал бутылку и хлебнул из нее. — Что еще за шутка?

— Заклятие. Ты меня заколдовал, помнишь? Холодное железо.

Тут он заметил железные окатыши, выпадавшие у меня изо рта, и его глаза полезли на лоб.

— Что?!. Это… сделал я?

— Да.

Дзинь.

— Ох… — сказал он. — Сожалею. Хоть ты и мерещишься мне пьяному, я прошу прощения.

— А давай ты его снимешь, — взмолился я.

Он оторопело заморгал:

— Снять? Что?

— Заклятие.

— Послушай, — сказал он, — ты меня здорово выручил, и я рад бы оказать тебе ответную услугу, но не знаю, как это сделать.

Я аж взвыл от разочарования:

— Ты должен меня расколдовать! Я принес тебе подарок.

— Подарок? — переспросил человек. — Слава, что ли? Я больше о ней не мечтаю, мне достаточно рубинов.

— Рубинов? — опешил я и тут вспомнил о суме, брошенной мною при паническом бегстве после первого разговора с этим существом.

Стало быть, человек их нашел.

— На тысячи долларов, — с ликованием сообщил он, взмахнув бутылкой. — Теперь я живу в пентхаузе. И роман пишу. Хороший роман, жизненный, в духе старины Хемингуэя. Так что за рубины сердечное тебе спасибо.

— Не стоит благодарности, — вежливо сказал я. — Но давай вернемся к заклятию. Ни за что не поверю, что ты не можешь его снять. Ведь наложил-то запросто — сказал, что у меня изо рта будет выпадать холодное железо.

Он снова приложился к бутылке, затем покумекал и кивнул:

— Ладно, давай попробуем. Гном, я снимаю с тебя заклятие!

— Спасибо, — произнес я на пробу и замер с широко раскрытым ртом.

В этот раз из него не выскочила железка!

— Получилось! — ахнул я. — Сработало! Хвала Локи!

Кажется, я слегка ошалел от радости — забыл в тот момент, что общаюсь с человеком. Как же все-таки это здорово — говорить, не сопровождая каждое слово куском холодного железа. В общем, я рассказал человеку обо всем, что со мной приключилось. А он сидел и слушал, посасывая свое пойло. Вскоре бутылка опустела, и он принялся за другую.

Наконец забрал из моей руки подарок и задумчиво его оглядел.

— Пожалуй, и впрямь лучше оставить это у меня, — заключил он. — А я придумаю, как от него избавиться. Подарок, говоришь? Спасибо, конечно, хотя граната в качестве подарка — это, мягко говоря, необычно.

— Это тоже твое. — Я протянул ему нить, полученную от норны.

Он не прикоснулся, но отчего-то сделался очень бледным.

— Угу. А давай ты ее отпустишь?

Я выполнил просьбу. Нить выскочила из моего кулака и исчезла. Человек сделал долгий выдох, и я заметил, что губы у него прокушены до крови.

— Ну вот, — сказал он, — надеюсь, теперь не опасно. Что дальше в нашей программе?

— Мне надо вернуться в Срединное королевство, — ответил я. — Надеюсь, смогу найти дорогу. Ты не покажешь дыру, из которой я вылез в прошлый раз?

— В Центральном парке? Конечно покажу. Но ты же сказал, что король Бреггир чертовски зол на тебя?

Я фаталистически пожал плечами:

— Может, простит. Если нет, просто побуду какое-то время саламандрой.

Человек призадумался:

— Знаешь, кажется, у меня найдется для него подарок. Подожди.

Он вышел, и вернулся с моей сумой, и наполнил ее бутылками, которые брал из пещерки в стене.

— Это повкуснее теплой грязи. Отведает старик — глядишь, и сменит гнев на милость.

— У меня нет слов, чтобы выразить благодарность, — произнес я дрожащим от избытка чувств голосом. — Знаешь, ты в моих глазах почти что гном.

Уж не знаю, почему он содрогнулся от такой похвалы. А потом протянул мне руку:

— Спустимся служебным лифтом. Парк тут

через улицу.

Что-то мне подсказывало: чем меньше я увижу в этом чуждом мире, тем здоровее буду. Поэтому я крепко зажмурился и предоставил человеку себя вести. И вот стою перед норой, а на плече у меня сума с бутылками.

Человек пожал мне руку.

— Удачи, — сказал он. — Само собой, я не поверю, что все это произошло на самом деле, но прямо сейчас ты мне кажешься вполне реальным. — Он жадно взглянул на суму. — Не одолжишь ли бутылочку?

Схватив протянутый мною сосуд, человек ополовинил его единым духом. А потом улегся на землю и захрапел. Я полез в нору, волоча за собой суму, и через несколько часов очутился в Срединном королевстве.

Вот и весь сказ, пожалуй. Оправдываться перед королем мне пришлось очень быстро, ведь он мог в мгновение ока превратить меня в ящерицу. Но, услышав, что я принес подарок, Бреггир смягчился. Он сделал себе коктейль из теплой грязи и человеческого эликсира, а потом так широко улыбнулся, что чуть не отвалилось полголовы.

В мою историю он, конечно же, не поверил. Решил, что я нашел сосуды в тайнике какого-то

древнего божка, но заявил, что это пойло получше нектара будет. Я-то знал, что старый простофиля нектара ни разу в жизни не пробовал, но спорить не стал.

Короче говоря, Бреггир меня простил, и так же поступила моя обожаемая Нигсар Дуг. Через месяц мы поженимся и закатим пир на все Срединное королевство. Уж я не поскуплюсь, и пусть грязь течет, как лава! А что до гуляющих слушков, будто в моем роду все чокнутые, то мне, Иггару Трольгу, унаследовавшему ихор от Иггдрасили и Имира, на это наплевать. Я совершенно счастлив, и недавние кошмарные приключения уже потускнели в памяти. Хотя по ночам они все еще яркие. Представляете, мне снятся люди!

Здесь мир умолк в покое...[56]

В жизни фра Рафаэля и раньше случались крайне загадочные, даже невероятные события. А теперь еще и эта тайна семи индейских дев...

Дрожа под холодным ветром, что с ревом скатывался по склону горы, фра Рафаэль поплотнее запахнул на худых плечах одеяло из шерсти ламы. На его лице запечатлелась тяжкая скорбь. Я встал, подошел к двери хижины и вгляделся сквозь туман в испещренные тенями скалы, вздымавшиеся к небосводу. Кордильеры — это природная крепостная стена на восточной границе Перу.

— Ничего там нет, фра Рафаэль, — сказал я. — Только туман.

— Поверьте, белый сеньор, немало странного я повидал в последние месяцы. И не просто странного, а поистине невозможного. Пусть вы ученый, пусть вера у нас разная, но ведь вам тоже известно, что существуют силы, не принадлежа-

---

[56] Notes: 56

Название рассказа — первая строка стихотворения Ч. Суинберна «Сад Прозерпины» (перевод Г. Бена). Далее в рассказе цитируется это же стихотворение.

щие нашему миру.

Не дождавшись моего отклика, он продолжил:

— Началось это три месяца назад, после землетрясения. Исчезла местная девушка. Ее видели поднимающейся в горы, по ущелью к Уаскану, и она не вернулась. Я отправил людей на поиски. Они добрались до ущелья, но там был туман, он все сгущался, пока не ослепил их вконец. Охваченные страхом, они поспешили спуститься. А через неделю пропала другая девушка. Мы нашли ее следы.

— В том же ущелье?

— Да, и поиски завершились так же безуспешно. Пропало уже семь девушек, одна за другой, и всегда это происходило одинаково. Вы же понимаете, белый сеньор, — бледное усталое лицо фра Рафаэля погрустнело еще пуще, когда он взглянул на обрубки своих ног, — я не мог отправиться по следам бедняжек. Четыре года назад меня изувечило землетрясение. Епископ потребовал, чтобы я вернулся в Лиму, но поддался моим уговорам и позволил остаться, ведь здесь мой народ, сеньор. Селяне меня знают и верят мне. Лишившись ног, я не лишился этого доверия.

Я кивнул:

— Но все же без ног вам не решить возникшую

проблему.

— Вот именно. Я не могу взобраться на Уаскан и разузнать, что произошло с девушками. А моя паства… Я выбрал четырех мужчин, самых сильных и храбрых, и попросил отнести меня наверх. Надеялся, что они превозмогут свои суеверия, но ошибся. Вскоре страх заставил их повернуть назад.

— Сколько вы успели пройти?

— Две-три мили, не больше. Туман все уплотнялся, мы уже ничего не видели, а ведь и в ясную погоду тот путь опасен. Я не смог уговорить помощников. — Фра Рафаэль в изнеможении закрыл глаза. — Они вспоминали инкских богов и демонов: Манко Капака, Маму Укклу, детей солнца. Они прямо-таки умирали от страха, белый сеньор. Жались друг к дружке, точно овцы, и твердили, что вернулся древний бог — он-де всех нас заберет, одного за другим. И ведь так и происходит — девушки пропадают одна за другой.

— Но только девушки, — задумчиво произнес я. — Причем явно не было никакого принуждения. Что там, на Уаскане?

— Ничего. Одни лишь дикие ламы и кондоры. Еще снег, ветер, стужа. Это Анды, друг мой.

— Что ж, — сказал я, — мне это кажется инте-

ресным. И как антрополог, я обязан разобраться и отчитаться перед институтом. Кроме того, я любопытен. На первый взгляд тут нет ничего сверхъестественного: семь человек заблудились в чрезвычайно густом тумане, появившемся в этих местах после землетрясения. — Я улыбнулся священнику. — Все же, полагаю, мне стоит подняться на Уаскан и выяснить, что же там такого привлекательного для девушек.

— Буду молиться за вас, — пообещал фра Рафаэль. — Хотя… знаете, сеньор, хоть я калека, силенок мне не занимать, да и выносливости. Я смогу ехать на *burro*[57].

— Не сомневаюсь в вашем желании помочь, фра Рафаэль, — сказал я, — но не следует пренебрегать соображениями практичности. Дорога трудна, и наверху очень холодно. Ваше присутствие будет только сдерживать меня. Один я смогу двигаться быстрее. А ведь я даже не знаю, сколь далеко придется пройти.

— Пожалуй, вы правы, — вздохнул священник. — И когда же…

— Сейчас. Мой burro уже под вьюками.

— А носильщики?

---

[57] Notes: 57
Осел *(исп.)*.

— Останутся здесь, — хмуро проговорил я. — Потолковали с вашими односельчанами и наотрез отказались меня сопровождать. Что ж, обойдусь своими силами.

Я протянул руку, и фра Рафаэль крепко пожал ее.

— *Vaya con Dios*[58], — напутствовал он меня.

Я вышел под слепящее перуанское солнце. Местные *indios*[59] стояли тут и там группками и притворялись, будто не замечают меня. А мои носильщики и вовсе предпочли где-то спрятаться. Я ухмыльнулся, выкрикнул язвительные прощальные слова и повел ослика к ущелью.

Там с восходом солнца растаял туман, но он все еще лежал в каньонах западнее. В небе кружил кондор. Я вошел в теснину, ведя в поводу терпеливое, послушное животное. Вскоре заметно похолодало, и туман начал сгущаться. Все так, как предупреждали индейцы.

Да, со мной они были откровенны. Я знал их язык, разбирался в их религии. Метисы с кровью инков в жилах, они сохранили слепую веру в богов древнего народа, погибшего вместе со своим

---

[58] Notes: 58
С Богом *(исп.).*

[59] Notes: 59
Индейцы *(исп.).*

правителем Уайной Капаком, великим инкой, за год до вторжения в Перу конкистадоров Писарро. Я выучил язык этого народа, носившего название кечуа, и благодаря данному обстоятельству узнал весьма немало.

И все же недостаточно. По словам индейцев, в горах близ Уаскана появилось нечто новое. Но что именно, никто объяснить не мог, хотя порассуждать был не прочь. Это нечто, говорили индейцы, фаталистически пожимая плечами, призывает к себе юных девушек — конечно же, ради каких-то жертвенных ритуалов. ¿Quien sabe[60].

Я был уверен, что загадочный сгущающийся туман не принадлежит к моему миру. Еще нигде в истории человечества такой туман не наблюдался. Напрашивался вывод: землетрясение открыло некой чуждой силе дорогу к нам. И выяснять, что это за сила, — верх безрассудства.

Но я же антрополог; для меня ценен даже самый слабый след, способный привести к разгадке тайны. К тому же работа на институт уже закончена, добытые образцы отправлены с вьючным караваном в Кальяо, записи переданы на хранение фра Рафаэлю. А еще я молод, во мне не ослабла

---

[60] Notes: 60
Кто знает? *(исп.)*

тяга к дальним странствиям, к увлекательным приключениям.

Я надеялся обнаружить на Уаскане нечто весьма необычное, пусть и опасное.

Ах, молодость, как же ты бываешь глупа…

Первую ночь я провел в пещерке, защитившей меня от ветра. На этой высоте насекомые не водились, и хотя не было и топлива для костра, выручил спальный мешок с шерстяной подкладкой. Правда, я изрядно тревожился из-за оставленного снаружи ослика. Но он не замерз, и поутру, навьючивая его, я нешуточно радовался.

Туман был плотен, но не сказать что непроницаем.

Кое-где на снегу остались следы, не стертые ветром. Последняя девушка ушла из села за день до моего прибытия, что значительно облегчило мне задачу. Я продолжал свой одинокий путь в безмолвном ущелье, а туман все крепчал, тропа все сужалась, и вот она уже почти сошла на нет…

Я практически ничего не видел. Пробирался ощупью, ведя за собой ослика. Иногда проглядывали отпечатки ног, свидетельствуя о том, что девушка шагала быстро и порой даже бежала; я решил, что туман тогда был не настолько густ. Как выяснилось впоследствии, это предположе-

ние было совершенно ошибочным…

Пробираясь по узкому карнизу над пропастью, я вдруг услышал, как заскрежетали по камням копыта, а потом веревка вырвалась из моей руки, и осел с ревом, так похожим на панический человеческий крик, полетел вниз. Я застыл в ужасе, прижимаясь к камню и слушая звуки падения несчастного животного. И вот последний отзвук растаял в шорохе сыплющегося снега и перестуке падающих камешков.

Ничего не видя в кромешном тумане, ощупью я добрался до того места, где выветрелая порода обрушилась под тяжестью осла. Все же от карниза осталось достаточно, чтобы я мог вернуться по своим следам, но я не стал этого делать. Я был уверен, что до цели поисков уже недалеко. Не могла легко одетая девушка преодолеть Уаскан. Я ее обнаружу еще сегодня.

И я пошел дальше, нащупывая путь в плотном молчаливом тумане. Несколько часов кряду видимость не превышала нескольких дюймов, а потом вдруг передо мной довольно четко прорисовалась тропа. И вот наконец, выбравшись из этого сверхъестественного, неземного тумана, я двинулся по ясным следам женских сандалий.

Но вскоре эти следы внезапно исчезли, и я оста-

новился в растерянности. Огляделся и увидел лишь яркое пятно в туманном покрове наверху — там горело солнце.

Предположив, что следы заметены ветром, я опустился на колени и смахнул снег руками. Но отпечатков ног не нашел. Наконец я худо-бедно сориентировался и побрел приблизительно в том направлении, куда могла идти девушка.

Компас утверждал, что я продвигаюсь на север. Туман теперь казался мне живым, разумным существом, стерегущим тайну, что лежала за его серой плотью. И вдруг все изменилось! По телу побежал зуд, как от электрического тока. Стена тумана осветлилась, и смутно, как сквозь полупрозрачное стекло, я увидел впереди силуэты.

Я направился к этим расплывчатым силуэтам, и вскоре туман вовсе исчез.

Передо мной лежала долина, покрытая белым с синеватым отливом мхом, лишь кое-где сквозь эту белизну проглядывали малинового цвета глыбы. Тут и там виднелись деревья; то есть я предположил, что эти незнакомые растения — деревья. Они походили на баньяны, но имели десятки стволов, узких, точно бамбук, и синюю листву. Этакие огромные птичьи клетки, стоящие на мертвенно-бледном мху. А туман висел позади

долины и над ней. Как будто я вошел в грандиозную пещеру, залитую солнечным светом.

Оглянувшись назад, я увидел все ту же серую стену. Под ногами таял снег, среди мха бежали крошечные ручейки. Воздух согревал и бодрил, словно вино.

Какая удивительная перемена! Просто невероятная! Я двинулся к ближайшему дереву, взобрался на малиновый валун, чтобы хорошенько осмотреть окрестности. От изумления перехватило дух. Это же артефакт! Руина! Все, что осталось от древнего строения, чей былой облик мне даже не вообразить! Камень выглядит твердым, как железо. На стене есть письмена, но почти полностью стертые. И мне ровным счетом ничего не известно об этих загадочных сооружениях. Они не упомянуты в исторических трудах — значит были воздвигнуты не на Земле.

Юную индианку я нигде не увидел, а упругий мох не сохранил ее следов. Я стоял, озирался и гадал, что теперь предпринять. Меня переполняло волнение. Но глазам открылось не сказать что многое — участок долины протяженностью этак с полмили. Все, что лежало дальше, скрывал туман.

Я пошел дальше, в долину, с живейшим инте-

ресом разглядывая удивительный ландшафт в свете, который просачивался через зыбкий туманный полог и не создавал теней. Была надежда найти здесь предметы культуры инков — глупая надежда, противоречившая выветрелым малиновым камням. Я догадывался, что эти камни крепче железа, но у эрозии было достаточно времени, чтобы превратить элементы строительных конструкций в бесформенные огрызки. Будь эти конструкции земного происхождения, они должны были стоять тут еще до появления на планете человека разумного, а то и до появления неандертальца.

Все-таки удивительно, до какой степени наш разум приспособлен к антропоморфному мышлению. Совершенно не укладывалось в голове, что я шагаю по земле, образовавшейся за пределами известной нам, людям, Вселенной. На то, что это частица иного мира, намекали деревья с синей листвой, а багряные руины стремились развеять мои сомнения. Атмосферные условия — этот туман, это тепло — уж точно не были в порядке вещей на кордильерском высокогорье. И все же мне хотелось верить, что у феномена вполне земное происхождение, что это какой-то каприз геологии: вулканическая активность, выходы

подземных газов…

Хотя я видел не дальше чем на полмили, по мере моего продвижения дымчатый горизонт отступал. Долина была больше, чем мне показалось сначала. На ум пришло сравнение с Элизиумом, где в саду Прозерпины бродят призраки умерших людей. Снова и снова я перешагивал через бегущие во мху ручейки с ледяной водой — где-то в тумане таяли снега. «А здесь царит забвенье средь замершей земли…»

Между тем ландшафт на моем пути менялся. По-прежнему встречались малиновые руины, но появлялись и остатки сооружений, принадлежащие, как мне представлялось, к иной культуре. Все гуще росли синие деревья. Едва ли не каждое было столь плотно увито кудрявыми лианами шафранового оттенка, что годилось на роль маленькой хижины. Подойдя близко к одному из них, я услышал тихое пощелкивание, странным образом похожее на стук клавиш пишмашинки, но поглуше. Я уловил краем глаза движение и резко повернулся; рука сама дернулась к кобуре.

Из дерева-хижины вышло существо и уставилось на меня. Да, я чувствовал, что оно меня рассматривает, хотя у него не было глаз. Еще я чувствовал, что оно обладает сознанием, разумом

— очень уж человеческим, прямо-таки до жути, было это настороженное ожидание. Четырех футов в диаметре, существо было бесформенным, если не считать трех гибких щупальцев цвета слоновой кости, на которых оно стояло, и бахромы из тонких кнутоподобных жгутиков, опоясывающих его.

Таинственное существо не сводило с меня безглазого взора. По мягкому округлому телу ползали меняющиеся краски. Вдруг оно удивительно быстро и плавно двинулось вперед, перебирая ногами-щупальцами. Я отступил, выхватывая пистолет.

— Стой! — приказал я, едва не сорвавшись на крик. — Не приближайся!

Оно остановилось, как будто поняло приказ или угрожающий жест. Жгутики вокруг его «талии» затрепетали, ярче засветились колеблющиеся ленты красок. Я не мог избавиться от странной уверенности, что существо пытается общаться со мной.

А потом оно снова целеустремленно двинулось вперед. Я попятился, держа его на мушке; палец напрягся на спусковом крючке. Существо остановилось, а я все отступал, охваченный нервным волнением. Когда расстояние между нами

увеличилось до пятидесяти ярдов, существо развернулось и ушло в свой оплетенный лианами «баньян».

После этой встречи я проходил мимо деревьев со всей осторожностью, но больше подобных созданий не обнаруживал.

Ученые крайне неохотно поступаются своей так называемой логикой. По пути я силился рационально объяснить себе, как могло появиться на свет столь необыкновенное существо, пытался анализировать увиденное в свете современной науки. Нет сомнений в том, что это живой организм. Однако он явно не белковый. Растение, измененное мутацией? Возможно… Нет, не годится версия: существо обладает разумом. Хотя какого рода этот разум, поди угадай…

Где-то здесь семь ушедших из села девушек, напомнил я себе. Моя задача — разыскать их, и как можно быстрее.

И я их нашел. Не всех, но шесть. Они сидели рядком на синеватом мху, спиной ко мне, и глядели на малиновую каменную кладку. Поднявшись на бугорок, я увидел их — неподвижных, как бронзовые статуи.

Вне себя от радости, я спустился к ним. Но радость еще на пути сменилась тревогой: а ну как

окажется, что все они мертвы?

Нет, они не были мертвы. Но и не были живы — в подлинном смысле этого слова.

Я схватил одну из них за голое плечо — кожа была удивительно холодна. Девушка будто не ощутила моего прикосновения. Ее губы, тронутые синевой, были крепко сжаты, а зрачки чрезмерно расширены, как от наркотика.

Подобно остальным, девушка сидела по-индейски, подобрав ноги. Когда я попытался ее развернуть, она повалилась на мох, даже пальцем не шевельнув, чтобы удержать равновесие. Несколько мгновений лежала, а потом медленно, по-кукольному, вернулась в прежнюю позу и снова устремила взгляд в пустоту.

Я посмотрел на ее товарок: все точно так же погружены в безучастность, похожую на летаргический сон. Как будто из них вычерпан разум, или как будто их души находятся неведомо где. Конечно, это предположение было фантастическим, но вряд ли нашелся бы врач, способный поставить этим бедняжкам верный диагноз. Хотя проблема, несомненно, крылась в области психики.

Я повернулся к первой, похлопал ее по щекам и приказал:

— Очнись! Ты должна подчиниться мне! Про-

сыпайся!

Никаких признаков того, что она что-то почувствовала или увидела. Я зажег спичку, и взгляд девушки сфокусировался на пламени. Но размер зрачка остался прежним.

Меня пробрала дрожь. А в следующий миг я ощутил движение позади. Обернулся…

К нам приближалась седьмая девушка.

— Миранда! — окликнул я ее. — Ты меня слышишь?

Имя я узнал от фра Рафаэля.

По синеватому мху девушка шла босиком, и я увидел на ногах пятна обморожения. Но она явно не испытывала боли.

И тут я понял, что это не просто молодая индианка. Где-то в глубине моей души всколыхнулся инстинктивный ужас, по коже побежали ледяные мурашки, и я задрожал так сильно, что едва сумел вытащить пистолет из кобуры.

На лице у той, что медленно подступала ко мне, не отражались никакие чувства; черные глаза неподвижно смотрели в никуда. И все же она не была похожа на девушек, сидевших у меня за спиной; она вообще не имела ничего общего с индейцами. Сравнить ее я берусь только с фонарем, в котором горит сильный огонь. Остальные

шесть фонарей то ли не были зажжены, то ли успели погаснуть.

Огонь этот был не из тех, что могли бы загореться на Земле, или в этой Вселенной, или даже во всем нашем пространственно-временном континууме. Девушка, носившая имя Миранда Валле, была жива — но то была нечеловеческая жизнь!

В каком-то дальнем, скептическом закутке моего разума родилась мысль, что это чистое безумие — либо иллюзия, галлюцинация. Да, я понимал, что происходящее выглядит нереально, но это не имело значения. Девушка, ступавшая по податливому мху, была словно окутана невидимой, неосязаемой вуалью — тем, что отчуждает таких созданий от людей и для чего люди тысячелетия назад придумали слово «божественность». Мне подумалось, что ни один человек не смог бы притронуться к этому существу.

И все же меня переполняли страх и отвращение — эмоции, с божественным никак не ассоциирующиеся. Я смотрел на Миранду, зная, что вскоре ее взгляд упадет на меня, что она осознает мое присутствие. А что будет потом? Мой разум не осмелился искать ответ на этот вопрос…

Она подошла и тихо уселась возле других, удлинив собой ряд. Ее тело напряглось и застыло, и

вмиг исчезла та жуткая вуаль, как будто ее унес ветер. Передо мной сидела обычная индейская девушка — как и шесть остальных, опустошенная, немыслящая, бездвижная.

Зато ее соседка внезапно поднялась, и это было медленное, плавное движение. Снова во мне зашевелился ледяной страх. Сверхъестественная сила не исчезла, она всего лишь переместилась в другое тело!

И я испытал точно такой же ужас, как и при появлении Миранды. Каким-то вкрадчиво-чудовищным образом этот ужас внедрился в мое сознание, хотя внешне ничего жуткого, угрожающего не происходило. Даже этот ландшафт, окаймленный туманом, не выглядел слишком уж аномально, если учесть, что он находился в горах, на изрядной высоте. Почему бы здесь не расти синеватому мху и странного вида деревьям? Даже семь туземных девушек казались естественной деталью сцены. Нет, меня угнетало ощущение чуждого присутствия, страх перед неведомым…

Когда «одержимая» девушка встала, я обратился в бегство, мертвея от ужаса, отчаянно пытаясь вырваться из хватки кошмара. Споткнулся, упал, панически вскарабкался на ноги — и оглянулся.

Девушка смотрела на меня, ее далекое лицо

было совсем крошечным. И вдруг молниеносно увеличилось — индианка теперь стояла в нескольких футах. Сам я не двигался и не видел, как двигалась она, но мы снова были вместе — я и семь девушек…

Гипноз? Наверное, нечто в этом роде. «Одержимая» не приблизилась ко мне, а, наоборот, заставила меня вернуться; при этом мой разум был отключен, и я ничего не запомнил.

Теперь я не мог шевелиться. Мог лишь стоять и смотреть, как мистическая сущность, облеченная в человеческую плоть, протягивает ко мне руку, и ощущать, как холодные пальцы вонзаются в мою душу. Они раскрыли мой разум, расстелили его, точно карту, и по нему заскользил нечеловеческий взгляд. Это было постыдно, унизительно, но я не имел никаких сил для сопротивления или бегства.

О том, что происходило позже, я почти ничего не помню. Остались какие-то смутные картины с синеватым мхом и корявыми деревьями, со жгутами тумана, обвивавшими меня в тщетных попытках удержать. И ни на миг не отпускал темный ужас — ужас безымянный, невидимый, скрывавшийся от меня, хотя сам я не мог скрыться от его безглазого взора.

Помню, как я достиг стены тумана, как ринулся в нее, как бежал в этой стылой серости, как под ногами хрустел снег. Помню, как выбрался в затянутую дымкой долину Абаддона…

А когда я окончательно пришел в чувства, рядом была Лхар.

Прозрачной родниковой водой по моему разуму кочевала живительная прохлада, вымывала из него страх, утешала меня и успокаивала. Я лежал лицом вверх и смотрел на сине-шафрановый орнаментальный узор; сквозь ажурное плетение лиан сочился тусклый серебристый свет. Мною все еще владела немощь, однако слепой ужас больше не держал меня в своей хватке.

Я находился внутри баньяноподобного дерева. Медленно, с великим трудом приподнялся на локте. Хижина пустовала, если не считать дикованного цветка, выросшего из земляного пола рядом с мной. Я оторопело уставился на него…

Во так я познакомился с Лхар. Цвета она была чистейшего алебастрового, но такой текстурой, такой теплотой не обладает ни одна порода камня. Что до формы… я бы сказал, что Лхар выглядела большим цветком, вроде нераскрывшегося тюльпана футов пяти высотой. Я не взялся гадать, что скрывалось под этими плотно со-

мкнутыми лепестками, но опирался «бутон» на сложного витья основание, имевшее некоторое странное сходство с короткой измятой юбочкой. Даже сейчас я не способен толком описать облик Лхар. Да, цветок — но и нечто гораздо большее. С самого первого взгляда я понял, что Лхар — не просто цветок…

И она не внушала мне страха. Я знал, что Лхар спасла меня, и полностью ей доверял. Я лежал, а она говорила со мной телепатически, ее слова выстраивались во фразы в моем мозгу.

Теперь ты в безопасности, хоть и все еще слаб. Но не пытайся бежать из долины. Это бесполезно — еще никому не удалось. У Иного есть сила, которую я не понимаю, и эта сила удержит тебя здесь.

— Кто ты? — спросил я.

В голове прозвучало:

Лхар. Я не из твоего мира.

По цветку прошла дрожь, и в меня вторглось чужая печаль. Я встал, шатаясь от слабости, а Лхар отступила. Двигалась она, как будто совершала реверансы — привставая и приседая, покачиваясь из стороны в сторону.

За спиной у меня раздались щелчки. Обернувшись, я увидел, как между баньяновыми

стволами протискивается пестрый шар. Моя рука непроизвольно потянулась к пистолету, но тотчас я уловил мысль Лхар:

Это мой слуга, он не причинит тебе вреда. — Она помедлила, подыскивая нужное слово. — *Машина. Робот. Не надо его бояться.*

— Он разумный? — спросил я.

Разумный, но не живой. Мой народ умеет создавать такие машины, у нас их немало.

Робот враскачку двинулся вперед; опоясывавшие его жгутики извивались и вскидывались.

Это он так говорит: жесты вместо слов и прямой передачи мыслей, — пояснила Лхар.

Она помолчала, глядя на шар, и я вновь ощутил ее тоску.

Вокруг моей руки легонько обвился жгутик, потянул меня к Лхар.

— Чего он хочет? — спросил я.

Думает, что я умираю, — ответила она.

Меня это потрясло.

— Умираешь? Нет!

Это правда. Здесь, в твоем мире, для меня нет привычной пищи. Поэтому мне придется умереть. Чтобы выжить, необходима кровь млекопитающих. Но тут их всего лишь семь — это те, кого добыл Иной. К тому же их кровь не го-

дится, она отравлена.

Я не поинтересовался, какого рода млекопитающие водятся в ее родном мире. Спросил о другом:

— Так вот чего хотел робот при нашей с ним первой встрече? Вот ради чего пытался остановить?

Да, он хотел, чтобы ты мне помог. Но ты слаб из-за пережитого потрясения. Я не могу просить тебя…

— Сколько тебе нужно крови? — перебил ее я. А услышав ответ, сказал: — Ладно. Ты спасла мне жизнь, и я должен отплатить тем же. Да и не повредит мне такое легкое кровопускание. Приступай.

Лхар наклонилась ко мне, словно трепещущее белое пламя в сумраке дерева-хижины. Из бутона выскочил усик, оплел мою руку. Прохладный и нежный, как женская рука, он не причинил никакой боли.

Теперь тебе нужно отдохнуть, — сказала Лхар. — *Я уйду, но ненадолго.*

Робот защелкал и застрекотал, покачиваясь на ногах-щупальцах. Глядя на него, я произнес:

— Лхар, но ведь всего этого не может быть. Как вышло, что я верю в невероятное?

Я успокоила тебя, — ответила она. — *Твой ра-*

зум был опасно близок к безумию. Я дала тебе легкий наркотик, так что некоторое время твои чувства побудут ослабленными. Это необходимо для спасения твоего рассудка.

Неужели это правда, что мой мозг сейчас под наркозом? Мысли достаточно ясные, но такое чувство, будто я погружен в прозрачную, но темную воду. Странная это штука — существование во сне. Вспомнились стихи Суинберна:

Здесь мир умолк в покое,
Тревоги здесь слышны,
Как мертвый плеск прибоя,
Вторгающийся в сны…

— Что это за место? — спросил я.

Лхар наклонилась ко мне:

Вряд ли сумею объяснить: мне самой далеко не все понятно. Но робот сможет, это очень умная машина. Подожди.

Она повернулась к шару, и у того жгутики затрепетали в быстрой и сложной жестикуляции.

Лхар снова обратилась ко мне:

Многое ли тебе известно о природе времени? Приходилось ли слышать, что оно не прямолинейно, что движется по спирали?

Она пустилась в объяснения, но мне мало что

удалось усвоить. Однако я понял: эта долина находится не на Земле. По крайней мере, не на той Земле, которую я знаю.

У вас в этих краях были тектонические подвижки. Ломались толщи пород, перемешивались друг с другом…

Я вспомнил услышанное три месяца назад от фра Рафаэля о землетрясении. Лхар кивнула:

Причиной тому сдвиг во времени. Пространственно-временной континуум тоже подвержен сильнейшим напряжениям. Он сложился, и толща, состоящая из отдельных временных слоев, растрескалась и смешалась с соседними. Эта долина принадлежит другой геологической эпохе, как и я, и машина, и Иной.

Лхар рассказала о том, что произошло с ней. Это случилось совершенно неожиданно. Только что она была в своем мире, в своем времени — и вот оказалась здесь. Вместе с роботом и Иным…

Их происхождение мне неизвестно. Что до меня, то я, возможно, жила либо в твоем будущем, либо в твоем прошлом. Эта долина с останками красных каменных строений, наверное, перенеслась из твоего будущего. Прежде я никогда не слышала об этом месте. Наверное, из будущего прибыл и Иной — совершенно незнакомое мне

существо.

Лхар поведала мне еще немало. Иной, как она назвала это таинственное и абсолютно чуждое создание, питался весьма необычным образом. С ее слов я понял, что он по-вампирьи высасывал жизненную силу из млекопитающих — и в процессе кормления принимал облик своих жертв. Это не одержимость в строгом смысле термина, а особого рода поглощение.

Человек склонен придавать свои собственные черты всему на свете, забывая о том, что за границами времени, пространства и меры привычные законы природы не действуют. Так что даже сейчас я не понимаю толком, что за ужас обитал в той перуанской долине. Но вот что мне довелось узнать: как и Лхар с ее роботом, Иного принес поток времени и выбросил на наш берег. Это существо не имело никакой возможности вернуться в родную эпоху, а потому воздвигло стены из тумана, чтобы защититься от губительных для него прямых солнечных лучей.

Сидя рядом с Лхар в ажурном серебристом сумраке, я постигал историю приручения вселенной пространства-времени, этой грандиозной спирали, состоящей из жизней и цивилизаций, из народов и культур и занимающей весь беско-

нечный космос. Но все-таки что же произошло? Да сущий пустяк по меркам этой необъятности. Трещинка во времени, крошечное искажение континуума — и кусок земли с тремя существами на нем отломился от своей толщи и вклинился в нашу.

Робот, разумный женственный цветок и Иной…

— А что же будет с местными девушками? — спросил я.

Их не спасти, — ответила Лхар. — *Да, девушки по-прежнему ходят и дышат, но они теперь неживые — ими движет только жизненная сила Иного. Не думаю, что мне следует его опасаться. Он явно предпочитает другую пищу.*

— Так вот почему ты не уходишь отсюда?

Блестящий бархатистый бутон качнулся из стороны в сторону:

Я скоро умру. На миг у меня появилась надежда выжить в этом чужом мире, в этой чужой эпохе — благодаря твоей крови. — Прохладный усик соскользнул с моей руки. — *Но я родилась на заре времен, когда в пространстве вовсю вибрировали важные животворные энергии. Вы их называете космическими лучами. Ныне же они слишком слабы, чтобы поддерживать во мне жизнь. Бед-*

ный мой робот, как же ему будет одиноко.

Я уловил в ее мыслях теплую нотку.

Наверное, тебе кажется абсурдным, что я думаю о машине с нежностью. Но в моем мире такой психический симбиоз роботов и живых существ — обычное явление.

Голос в моей голове умолк. Не дождавшись продолжения, я сказал:

— Знаешь, мне бы надо выбраться отсюда. Заручиться помощью, устранить угрозу для других людей…

Я и сам не знал, о какой помощи говорил. Уязвим ли Иной?

Лхар прочла мою мысль.

Уязвим, когда пребывает в своей исконной форме, но что это за форма, мне неведомо. Что же до бегства из этой долины, то оно невозможно. Туман приведет тебя обратно.

— У меня есть компас. — Я глянул на стрелку и обнаружил, что она хаотично мечется.

Иной очень силен, — сказала Лхар. — *Куда бы ты ни шел в тумане, все равно снова окажешься здесь.*

— Откуда тебе это известно?

От робота. Машина способна рассуждать логически. С этим у нее лучше, чем у коллоидного

мозга.

Я закрыл глаза, пытаясь рассуждать. Уж конечно, мне не составит труда вернуться по собственным следам, найти тропу, ведущую из этой долины.

Но уверенности не было. Напротив, я испытывал непонятное бессилие.

— А твой робот разве не может меня вывести?

Он меня не оставит. Попробую уговорить…

Лхар повернулась к шару, и у того возбужденно замельтешили жгутики.

Нет, — снова обратилась она ко мне. — *В его мозг встроен закон: никогда не расставаться со мной. И нарушить это требование он не в силах.*

Я не попросил Лхар сопровождать меня — догадывался, что стужа в горах быстро убила бы ее.

— Все-таки попробую уйти отсюда, — сказал я. — Надеюсь, получится.

Буду ждать, — пообещала Лхар и не шелохнулась, пока я пробирался между двумя баньяновыми стволами.

Стоял день, серебристая дымка над головой бледно сияла. Я направился к ближайшей стене тумана.

Но Лхар оказалась права. В облачной толще мне пришлось двигаться едва ли не ощупью, шаг

за шагом, оглядываясь на собственные следы в снегу, чтобы идти по прямой. Но в итоге я вновь очутился в долине.

Таких попыток я предпринял с дюжину и наконец сдался. В кромешной серости было невозможно найти ориентиры, и забрести в эту долину человек мог исключительно по воле случая — конечно, если его не влекла гипнотическая тяга, как индейских девушек.

Убедившись, что попал в западню, я вернулся к Лхар. Похоже, за время моего отсутствия она не сдвинулась ни на дюйм, как и ее робот.

— Лхар, — обратился я к ней, — неужели ты не в силах мне помочь?

Белое пламя цветка осталось бездвижным, зато робот торопливо засигналил. Лхар наконец ожила.

Возможно, шанс есть, — пришла ко мне ее мысль. — *Прибегнув как к индукции, так и к дедукции, мой робот отыскал лазейку. Иной управляет твоим разумом посредством эмоций. Но ведь и я обладаю кое-какой властью над твоим мозгом. Если дам тебе защиту от телепатического вторжения, окружу психической стеной, у тебя будет шанс сразиться с Иным. Но повторяю: одолеть его можно, лишь когда он находится*

в своей естественной форме. Сначала придется убить девушек…

— Убить? — Меня охватил ужас при мысли о расправе над этими несчастными простушками.

Они ведь уже мертвы, это всего лишь части Иного. К прежнему существованию им нипочем не вернуться.

— Но чем же их смерть поможет мне? — спросил я.

И опять Лхар обратилась к роботу за разъяснением.

Иному придется выйти из их тел. Лишившись этих убежищ, он будет вынужден принять свою естественную форму. И тогда ты сможешь его уничтожить. — Качаясь и приседая, Лхар отошла от меня. — *Иди,* — сказала она. — *Я твердо знаю, что Иной должен умереть. Иной — это зло. Он эгоистичен и безжалостен, что одно и то же. До сего дня я не представляла себе, как избавиться от этой свирепой твари, но заглянула в твой разум — и увидела ясное решение. А робот сказал, что, если я тебе не помогу, Иной будет и дальше хищничать в твоем мире. И тогда нарушится структура времени… Не совсем понимаю, что это означает, но мой робот никогда не ошибается. Иной должен умереть…*

Теперь она находилась снаружи баньяновой хижины, и шар выбрался следом за ней. Я тоже вышел. Ведомые роботом, мы с Лхар быстро продвигались по синеватому мху.

Вскоре мы добрались туда, где сидели шесть девушек. Похоже, ни одна не шелохнулась с тех пор, как я побывал там в прошлый раз.

Иной не здесь, — сказала Лхар.

Робот удерживал меня, пока она приближалась к девушкам; заменявшая ей ноги «юбка» причудливо заворачивалась и распрямлялась. Когда Лхар остановилась, ее лепестки затрепетали и раскрылись.

Из этого массивного цветка ударил фонтан белой пыли. Должно быть, то были споры или пыльца. В воздухе образовалось молочного цвета облако.

Робот потянул меня назад. Я чувствовал опасность…

Пыльца двинулась к девушкам, завихрилась вокруг них словно в танце. Она оседала на бронзовой коже, ее слой все уплотнялся, и вот уже передо мной шесть статуй, белых, будто из мрамора высеченных, на синеватом мху.

Снова раздвинулись и сложились лепестки. Лхар качнулась ко мне, и я принял мысленное

сообщение:

Я умертвила девушек.

— Умертвила? — У меня пересохло горло.

Того жалкого подобия жизни, что оставалось в них, больше не существует. Теперь у Иного нет этих вместилищ.

Она вытянула усик, легко прижала его к моему лбу. Другой коснулся груди над сердцем.

Делюсь моей силой, — сказала Лхар. — *Она послужит тебе защитой, но все остальное ты должен сделать сам.*

В меня хлынул мощный незримый поток. Я погрузился в холодные глубины; они успокоили меня, погасили страх, укрепили решимость.

Сила Лхар стала моей силой!

Сделав свое дело, усики повисли. Робот посигналил жгутиками, и Лхар указала:

Посмотри вон туда. Видишь башню?

Я увидел вдали полускрытое туманом багряное сооружение — целое, а не руины, как остальные.

Там ты найдешь Иного. Убей последнюю индианку, а потом расправься с Иным.

Теперь я не сомневался, что способен на это. Казалось, новообретенная сила подхватила меня и понесла вперед. Лишь разок я оглянулся — Лхар и ее робот стояли неподвижно и смотрели мне

вслед.

Башня увеличивалась по мере моего приближения. Построена она была из того же малинового камня, что встречался в этой долине повсеместно. Но эрозия так сточила углы, что остался лишь округлый гладкий монолит, — двадцати футов высотой, он имел форму ружейного патрона. В стене зиял проем.

Я задержался на миг у порога, заметив шевеление тени в сумраке за ним, но затем зашагал вперед и очутился в высокой и узкой комнате: свод крыши прятался в темноте. Стена была покрыта резьбой, и, хотя разглядеть ее мешал все тот же сумрак, возникло впечатление, что на меня глядят изображения нелюдей.

Наконец я увидел молодую индианку по имени Миранда Валле. Ее глаза были устремлены в мою сторону, и даже сквозь полученный от Лхар силовой доспех я ощутил грозную мощь этого взора.

Безусловно, жизнь в этой девушке была нечеловеческой!

«Убей ее! — потребовал мой разум. — Убей сейчас же!»

Но я промедлил, и на меня как будто легла пелена тьмы. В мозг вторгся холод — чудовищная стужа космического пространства. Мои чувства

содрогнулись под могучим враждебным натиском.

Ошеломленный, ослепший, ослабевший, я призвал на помощь полученную от Лхар силу — и потерял сознание…

А когда очнулся, увидел дымок, вытекающий из ствола пистолета, который сжимала моя ладонь. Передо мной лежала мертвая индианка. Пуля пробила ей череп, изгнав оттуда чудовищного паразита.

Я переместил взгляд на противоположную стену. Там виднелся арочный проем. Я пересек зал, прошел под аркой. И оказался в кромешной мгле!

Но я был там не один.

На меня обрушилась сила Иного — как осязаемый удар. Мне не найти слов, чтобы описать пережитое, ведь оно не имело абсолютно ничего общего с человеческим бытием. Помню лишь, как мои разум и душу затягивало в черную бездну, и там у меня не осталось ни сознания, ни воли. В этом другом психическом измерении напрочь изменились мои ощущения…

Там, вне времени и пространства, нет ничего, кроме абсолютной тьмы. Я не видел Иного и не воспринимал его прочими органами чувств. Это

был чистый разум, лишенный плоти. Он жил и обладал силой. Огромной силой, почти божественной.

В этом бескрайнем мраке я стоял один-одинешенек, совершенно беспомощный, и осознавал приближение сущности, родившейся в неведомой дали, в каком-то кошмарном аду, где все совершенно не так, как в моем мире.

А затем я понял, что рядом находится Лхар.

Поспеши, — прилетела ко мне ее мысль. — *Действуй, пока он не проснулся.*

В меня хлынуло тепло. Чернота рассеялась… У противоположной стены кто-то лежал… Существо гротескно человекоподобное: с большущей головой, со съежившимся под ней мертвенно-бледным тельцем. Оно уже поворачивалось ко мне…

Убей его! — потребовала Лхар.

Раздался грохот, руку с пистолетом подбросило кверху. В башне раскатилось эхо. Я стрелял, стрелял, стрелял, пока не сжег последний патрон.

Он мертв, — прозвучал в мозгу голос Лхар.

Я пошатнулся и выронил пистолет.

Это дитя древней сверхрасы. Дитя, еще не рожденное.

Вы можете представить себе, насколько эта

раса могущественна? Если даже ее нерожденные младенцы имеют силу, по сравнению с которой сила человека мизерна? Страшно даже гадать, на что способен взрослый Иной.

Меня вдруг пробрала дрожь, и я осознал, что кругом резко похолодало. В башню врывался ледяной ветер. Но мысли Лхар я читал ясно:

Долина более не защищена от внешних стихий. Туман и тепло были созданы Иным, без них он бы не выжил. Теперь он мертв, и твой мир возвращает свои владения.

Через внешнюю арку башни я видел клочья тумана, уносимые резвым ветром. Медленно падали крупные хлопья снега, устилая своей белизной мех, накрывая пушистыми шапками торчащие повсюду малиновые камни.

Я замерзну быстро, не страдая, — сказала Лхар. — *Так лучше, чем долго и тяжко умирать от голода.*

Через минуту еще одна мысль проскользнула в моем разуме, мысль легчайшая, едва ощутимая, как снежинка, и я понял, что это прощание.

Уходя из долины, я разок оглянулся, но ничего не увидел за снежной пеленой.

Лишь на мгновение разорвалась вековечная ткань пространства-времени, и человек получил

возможность заглянуть во владения неведомых космических богов. Но брешь затянулась, и что осталось на Земле? Только могила близ вершины Уаскана и оберегающий ее робот.

Снегопад усилился. Дрожа от холода, я бороздил все утолщающийся белый покров. Стрелка компаса указывала на север — с долины спали защищавшие ее чары.

Через полчаса обнаружилась тропа, вожделенный путь к спасению. Внизу ждет фра Рафаэль, он выслушает рассказ о моих приключениях.

Вот только поверит ли?

Кэтрин Мур

По улице Райской[61]

Из темноты навстречу утру под ревущим кораблем Моргана выкатывались дикие просторы и нехоженые долины планеты Локи. Морган торопился. Двигатели с оглушительным рычанием извергали в разреженный на большой высоте воздух ледяные плюмажи, разворачивая свиток с траекторией полета на половину бледного неба Локи. Других следов присутствия человека нигде на планете видно не было.

За спиной у Моргана, в грузовом отсеке, стояли три бутыли, в них плескалась маслянистая жидкость — сефт. Она наполняла крохотную кабину запахом корицы, и Моргану этот запах нравился. Нравился и сам по себе, и потому, что будил приятные воспоминания о долинах, поросших высокой травой, о лесистых склонах гор — там, на свободе, он с большими неудобствами и опасностями принимал на борт свой груз.

---

[61] Notes: 61

Вошедшие в этот сборник рассказы «По улице Райской», «Земля обетованная», «Шифр» и «Прямой наследник» изначально публиковались под псевдонимом Лоуренс О'Доннел, которым сообща пользовались супруги Генри Каттнер и Кэтрин Мур. Позднее стало известно, что эти рассказы Кэтрин Мур написала самостоятельно.

Этот запах нравился ему еще и потому, что в Ансибел-Ки груз будет стоить пятьдесят тысяч кредитов.

Или пятьдесят тысяч, или ничего. Это зависит от того, как скоро он доберется до Ансибел-Ки. Еще до рассвета, когда Морган летел над Большим Болотом, по микроволнам пришло сообщение, и с той минуты он гнал корабль на предельной скорости. Что-то бормотал с раздражением себе под нос, чуть ли не пинками загоняя корабль на курс, проклиная его, планету Локи и все человечество — в манере тех людей, которые проводят много времени в одиночестве и за неимением компании разговаривают сами с собой.

Сигналы радаров бесшумно пульсировали перед ним на экране, а впереди, укрытый одеялом утреннего тумана, должен был беспорядочно раскинуться Ансибел-Ки. По краям тумана уже были видны признаки расползшейся по поверхности Локи цивилизации: разделенные прямыми дорогами угольно-черные поля, шахматные клетки садов на склонах тех долин, которые Морган помнил дикими и пустынными. Он подумал, что там, где теперь растут сады, он еще не так давно охотился в лугах на бородатых быков Харвестера и ставил ловушки на сефт-крыс.

Небо над Ансибелом уже было немного запачкано выхлопными газами. Морган скривил худое лицо и сплюнул.

— Люди! — со жгучим презрением произнес он, обращаясь к экрану радара. — Поселенцы! Накипь!

До самого горизонта позади корабля на ясном утреннем небе распускался в необъятный плюмаж след его пути — над Дикой долиной, над Дозорным пиком, озером Нэнси и грядой Харвестера. Над пока невидимым посадочным полем Морган сбросил скорость, и вокруг него сомкнулся мягкий серый туман. Хвост инверсионного следа над горами и озерами, которые когда-то принадлежали только ему, расширялся, становился прозрачнее, пока не исчез совсем.

Тяжело ступая, окруженный облаком коричного запаха, Морган вошел в пробирную лабораторию. На плече у него булькала оплетенная бутыль сефта. Пробирная лаборатория сейчас стала заодно и универсальным магазином. Морган нахмурился, увидев слишком аккуратные полки, корзины, полные товара, и бочонки с ярлыками. В дальнем углу рыжеволосый юнец с темным марсианским загаром на веснушчатом лице обслуживал… да-да, Моргану пришлось

даже моргнуть, чтобы убедиться, что это правда, — священника. Священник на Локи!

Парнишка с марсианским загаром носил гладкий серебристый фартук. Значит, это он — продавец в лавочке. Подавив презрительное фырканье, Морган глянул поверх тяжелых, ссутуленных плеч поселенца в коричневом вязаном жакете из орлона и встретил проницательный взгляд выцветших голубых глаз. Вот и Варбург, пробирный агент, по совместительству — лавочник.

Взгляд Моргана пробежался по серебристому переднику. Поселенец скупо улыбнулся. Он распрямил тяжелые плечи и, оторвав взгляд от списка в руке, стал осматривать полки. Это был высокий, моложе тридцати, человек с могучими мускулами, светлой кожей уроженца Ганимеда и скуластым румяным лицом.

— Варбург, мне надо еще того гормона в аэрозоли, — сказал он. — Я в прошлый раз у тебя покупал. А про новую плесень что-нибудь знаешь? Картошка у меня что-то плохо растет. Как думаешь, актидион поможет?

— Лаани помог, — ответил Варбург, избегая смотреть на Моргана. — А у него поля рядом с твоими. Актидион — хороший антибиотик. А крысы не беспокоят?

— Не особо. Не о чем говорить.

— Эдди, лучше сейчас с ними разобраться, — посоветовал Варбург. — Я тут добавил сорок второй смеси в дикумарол. Избавляет от крыс лучше, чем морской лук. Эти зверюшки плодятся слишком быстро, чтобы пускать дело на самотек.

— Ну, не так же быстро, как поселенцы, — заметил Морган.

Молодой поселенец бросил на него колючий взгляд. Над светлыми карими глазами сдвинулись выбеленные солнцем брови — он с подозрением разглядывал худощавого чужака. Морган его проигнорировал. Протолкавшись вперед, он свалил глухо стукнувшую бутыль на прилавок.

— Сорок галлонов, Джо.

— Минуточку, — ответил Варбург.

— Ни минуты нет. Я тороплюсь.

— Поздно для этого, Джейми, — произнес Варбург, глядя на него.

Морган стиснул горлышко бутыли. Сощурил глаза. Бросил взгляд на молодого поселенца и кивнул на дверь:

— Прогуляемся.

Поселенец выпрямился в полный рост и посмотрел на Моргана сверху вниз. Румянец на гладких щеках потемнел.

— Варбург, кто это? — возмутился он. — Из тех ребятишек, что хотят заработать по-быстрому?

— Спокойно, — ответил Варбург. — Все в порядке.

Он протянул руку к пистолету на прилавке. Это был ультразвуковой «Бобик» — он сначала лаял, потом кусал: сначала издавал громкий предупреждающий звук, а потом переключал звуковую частоту в смертельный диапазон. Морган только фыркнул.

— До недавнего времени, пока не понаехали всякие крысы, — начал он, — если человек доставал оружие, он пускал его в ход. Похоже, нынче народ тут легко пугается.

— Да кто это такой? — воскликнул поселенец. — Лихой стрелок?

— И стрелок тоже, — согласился Морган.

Варбург наконец определился.

— Эдди, я пошлю Тима с твоими покупками, — произнес он, оглаживая свой серебристый фартук. — Сделай одолжение… — Он кивнул на дверь. — Вот, возьми-ка, — прибавил он, всовывая целлофановый пакетик в ручищу поселенца. — Это твоим деткам. Ну, иди давай.

Но поселенец не двинулся с места.

— Ты не прав, — сказал он Моргану, хмуро глядя

на него. — Крысы явились уже после того, как приехали поселенцы. Таких, как ты, мистер, нам в Ансибеле не надо. Не надо нам ни забияк, ни их притонов, ни…

Морган подался вперед, и его жилистое тело едва заметно двинулось и напряглось. Наверное, поселенец не знал, что это означает, но Варбург и сам был из числа первопроходцев, заселявших планету Локи. Он-то все понял. Его рука легла на приклад «Бобика».

По пыльному полу дальней части зала заскрипели шаги. Оттуда вышел священник, как ни в чем не бывало кивнул Моргану, осторожно прошел между двумя мужчинами. Внимательно посмотрел из-под старомодных очков. Из руки поселенца взял пакетик:

— Что это? Леденцы? Знаешь, Эдди, неси-ка их своим деткам. Жалко будет, если пакет пробьет пуля. Конфеты попортятся.

— Джейми, у меня для тебя новость, — поспешно вставил Варбург. — Ведь…

— Заткнись, — оборвал его Морган.

Он перевел взгляд со священника на поселенца, пожал плечами, сплюнул на черный пол и отвернулся. Он был готов замять ссору. Ему нужно поговорить с Варбургом наедине. За спиной

прозвучали, удаляясь, шаги и глухо стукнула закрывшаяся дверь.

Варбург наклонился и вытащил из-под прилавка перевязанную веревкой картонную коробку. Надпись на боку на трех языках сообщала: «Наборы для микропрививок».

— Тим, — позвал Варбург. — Отнеси-ка это к Эдди. И назад не торопись.

Развязывая фартук, парень подошел к ним. На Моргана он смотрел с некоторой мрачной настороженностью. Веснушки едва виднелись под густым марсианским загаром. Морган чуть заметно ему улыбнулся и на шипящем среднемарсианском спросил:

— Молодой, что слышно от косоглазого гиганта?

На темном лице парня засияла улыбка, обнаружив недостаток зубов. Ему было лет восемнадцать, но он детским жестом поднял обе ладони и совершил перед одним глазом широкое движение, а перед другим — небольшое. Была такая старая легенда о гиганте, который вместо глаз имел спутники Фобос и Деймос.

— Хорошо, Тим, — сказал Варбург. — Иди.

Парень поднял коробку на плечи и покачнулся под ее весом. Улыбка Моргана увяла.

Когда дверь закрылась, в магазине наступила тишина.

* * *

— Сорок галлонов сефта, — Морган хлопнул по бутыли на прилавке. — Пятьдесят тысяч кредитов. Идет?

Варбург покачал головой.

Морган беззвучно зарычал. Значит, он все-таки опоздал. Ну что ж, дело не безнадежно, стало только труднее его выполнить. Конечно, Варбург ему не откажет. Даже такой Варбург, который стоит перед ним сейчас в этом своем фартуке — румяный и добрый. Варбург провел на планете почти столько же, сколько и сам Морган, с тех дней, когда мир Локи был так же дик, как и люди, которые здесь охотились. Мир, конечно, так диким и остался, напомнил себе раздосадованный Морган. Ведь большая часть планеты все еще нехожена. И только здесь, в Ансибел-Ки, зараза под названием «цивилизация» уже начала пачкать планету. Но пока Морган способен найти сбыт для сефта и пока в этом источнике инфекции можно покупать то немногое, что ему нужно, его не волнует, сколько поселенцев роятся, словно мухи, вокруг Ансибела.

— Тогда сколько? — мрачно спросил он.

Варбург с треском раскрыл прозрачный пакет, поместил его на небольшие весы подле себя и принялся с шуршанием развешивать сахар. Он плотно сжал края пакета, чтобы они застегнулись, и только потом ответил, не поднимая глаз:

— Пятьсот за все, Джейми.

Морган не пошевелился. В магазине было очень тихо, только сахар шуршал, ссыпаясь в пакет.

— Указ о снижении цены появился раньше, чем я, а, Джо? — тихо спросил Морган.

— Пришел пару часов назад. Прости, Джейми.

— Не за что. Я-то появился четыре часа назад. Ты что, забыл? Это было четыре часа назад. Значит, ты можешь заплатить мне пятьдесят тысяч.

— Прости, Джейми. Я был закрыт на переучет.

— Хорошо. Ты просто его не заметил…

— Нельзя не заметить сорок галлонов сефта. — Варбург горестно покачал головой. — Джейми, я рискую лицензией. Ничего не могу поделать. Тебе надо было раньше приехать.

— Послушай, Джо… Мне нужны деньги. За последнюю заправку я задолжал «Сан-Атомику» чуть ли не десять тысяч.

— Джейми, я ничего не могу сделать. Я боюсь. Думаю, ты и сам получил сообщение о снижении

цены, но не дослушал его до конца, иначе бы знал, кто тут нынче наводит порядок.

— Кто?

— Твой старый друг. Майор Додд.

— Руфус Додд? — недоверчиво переспросил Морган. — Здесь?

— Ну да.

Варбург с шумом открыл очередной пакет и подставил его под выпускной лоток. Блестящий белый поток с шипением хлынул в пакет, и тот раздулся до солидных размеров. Оба мужчины смотрели на него в молчании.

Морган принялся соображать. У совпадения длинная, очень длинная рука. Они с Доддом выросли в маленьком городке на Марсе. Додд пошел в Космический Патруль, а Морган, едва повзрослев настолько, чтобы можно было наняться на грузовой корабль, отправился в пустынные миры, но и на необъятных просторах космоса они то и дело натыкались друг на друга. Ничего необычного. Космос глубок и широк, но люди стремятся в крупные центры в обжитых мирах, а те, у кого интересы совпадают, неизбежно находят одни и те же места.

— Смешно, не правда ли? — задумчиво произнес Морган. — Последний раз я встречал Руфуса,

когда торговал пушниной на Ллапе в системе Сириуса. Шайка красноногих прижала патруль, и я помогал Руфусу сдерживать их, пока к нему не подоспела подмога. Да, давно это было. А теперь, значит, он здесь, на Локи… Зачем, Джо? Он же не ездит нянчить граждан, которые еще не привыкли к новым экспортным правилам. Что происходит?

Варбург кивнул на большой «Бобик» на прилавке:

— Мог бы сам догадаться. Такое часто случается. Вон молодой Эдди не стал отступать, когда ты попытался затеять свару. Он решил, что ты один из тех ребятишек, которые ищут легкой наживы. В городе они кишмя кишат. Они появляются вслед за поселенцами. Хватают спелый мир и выжимают его быстро и досуха, а закон приходит позже. Уж ты-то знаешь. Город открыт, и уже произошло немало неприятностей — убийств, налетов на магазины, потрав в полях, — если поселенцы отказывались платить за защиту. Обычная вещь. Кое-кто из нас отправил прошение, и вот с обратным кораблем мы получили майора Додда с парнями. Он вычистит заразу… надеюсь. Рано или поздно…

Кажется, Варбург был немного встревожен.

— Что ты хочешь сказать? — вцепился в него Морган. — Руфус ведет себя честно, ведь правда? Руфа не купишь и за все кредиты, выпущенные «Сан-Атомиком».

— Да нет, не его, — с некоторым сомнением ответил Варбург. — Но, может быть, его начальство. Уж слишком все затянулось. Взятки политическим лидерам и раньше давали, знаешь ли. Я так полагаю, что затеяно какое-то грязное дело и руки у майора Руфуса связаны. А может, он решил закончить тут побыстрее. Кто знает? — Варбург похлопал свой «Бобик». — Однажды мы все здесь возьмем в свои руки.

— Кто «мы», Джо? — резко спросил Морган.

— Мне же надо на жизнь зарабатывать. — Варбург пожал плечами.

— Ты размяк, Джо. — Морган громко фыркнул. — Вот уж не думал, что увижу тебя когда-нибудь с брюшком под фартуком. Ты постарел раньше времени.

— Просто по мне видно, а по тебе — нет. Я знаю, когда пора сбавить ход. Ты, Джейми, ненамного меня моложе. Мы меняемся. И ничего с этим не поделаешь. Теперь я рад, что у меня есть вот этот магазинчик, который дает мне подзаработать. Может, и ты когда-нибудь…

— Я — нет! — опять фыркнул раздраженный Морган. — Я человек свободный. Завишу только от Джейми Моргана, и больше ни от кого! И очень хорошо. Если бы я рассчитывал на друзей, то давно бы умер от голода. Посмотри на себя: да ты до обморока боишься Комитета по торговле. Я навсегда останусь таким, каков я сейчас, и с годами буду только крепче. Как старая кожа.

Он усмехнулся и похлопал себя по груди, однако улыбка быстро увяла.

— Что устроил Комитет по торговле, а, Джо? — Морган положил руку на бутыль сефта. — Почему они снизили цену? Почему? Если рынок сефта упал, можно распахивать целую планету и засевать ее пшеницей — какое мне дело? Я уже не смогу здесь жить.

— Сефт синтезировали, — уныло ответил Варбург.

Морган свистнул — громко и недовольно.

— Ну хорошо, синтезировали. Но ведь и у натурального масла всегда найдутся покупатели, разве нет?

— Может быть. Но Совет поселенцев запросил разрешение на дератизацию, — неохотно произнес Варбург. — Мне очень жаль, но это так. Понимаешь, сефтовые крысы — вредители. Они

портят посадки. От них надо избавляться, а не гладить их, чтобы шейные железы вырабатывали больше сефта.

Загорелое лицо Моргана потемнело. Он оскалил зубы и произнес несколько шипящих марсианских ругательств — на языке своего детства. На глаза ему попался высокий ящик у прилавка, и он злобно ткнул кулаком в крышку. Дерево треснуло, открыв взорам бока ярких золотистых фруктов; воздух наполнился резким запахом.

— Поселенцы! — бушевал Морган. — Значит, сефтовые крысы портят их сады! Джо, а кто тут раньше появился? Мы с тобой — вот кто! А ты теперь перешел на их сторону! — Он пнул ящик. — Фруктовые сады! Сады на Локи! Скоты! Поселенцы изгадят любой мир, куда только доберутся!

— Знаю, знаю. Ты, Джейми, поосторожней с физалисом. Он мне дорого обошелся.

— Еще бы! И ты, Джо, скоро окажешься за бортом. Я этого не понимаю. — Морган заговорил тише. — Помнишь гряду Мертвого Двигателя и те времена, когда там паслись стада диких быков Харвестера? Помнишь, как мы с молодым Дайном в первый раз привезли сефт? Джо, я сегодня пролетал над Шоколадной горой, там, где лежит

Дайн. Мох быстро растет, но Марсианский круг, который мы вырезали, чтобы пометить место, еще виден.

Варбург с треском распахнул очередной пакет.

— Знаю, Джейми. Я помню Дайна. Я то и дело сам туда летаю и расчищаю круг. Помню я и Дикого Билла Хеннесси, и старого Жака, и Шемил-ли-хана, как будто они до сих пор живы. Дерево Дикого Билла, где он сражался с рыжим медведем, нынче стоит среди кукурузного поля. Фермер, владелец поля, не стал его спиливать, когда я рассказал ему, откуда взялись отметины на стволе. Эти люди дурного не хотят. И с ними приходится ладить, если тебе надо зарабатывать на жизнь. Время вспять не повернешь, Джейми. Никак.

Сахар, поблескивая, сыпался в пакет.

— Поселенцы! — ворчал Морган. — Просто накипь! Эти места им не родные. Это наша планета, а не их! Ведь это мы ее открыли. Надо выгнать их с Локи! Ах да, это теперь не для тебя, не для Джо Варбурга. Ты повязал передник на свой живот и продаешь им толченый уголь, чтобы разогревать почву, и прививочные наборы, чтобы они выращивали свои ягодки! Дикий Билл, наверное, в гробу переворачивается!

Морган хлопнул ладонью по прилавку так, что пакеты с сахаром подпрыгнули. По поверхности маслянистой жидкости в бутыли пошла ленивая рябь.

— Пятьдесят тысяч кредитов! — с горечью продолжал он. — Два часа назад! А теперь мне не хватит и за топливо заплатить. Это пиратство, Джо. Знаешь что, мне больше по душе эти ваши игроки и дебоширы, которых вы так боитесь. Они хотя бы грабят, угрожая оружием. Они-то не подкрадываются сзади и не кричат в ухо про Комитет по торговле, залезая тем временем к тебе в карман. Пожалуй, поищу среди них того, кто даст мне за сефт денег побольше. Сбивание цен не влияет на истинную цену товара, и уж ты-то это знаешь, Джо. Должны быть люди…

— Перестань! — очень серьезно воскликнул Варбург. — Знаю я, Джейми, что у тебя на уме, и ничего у тебя не выйдет. Конечно, сейчас в лесах полно контрабандистов. Только свистни, и потом никак от них не отделаешься. Но, Джейми, это опасная затея.

— Я-то фартук не ношу. — Морган презрительно рассмеялся. — Думаешь, я боюсь?

— Если ты в своем уме, то должен бояться. Это крутые ребята. И потом, они организованны. С

тех пор как ты был на Локи последний раз, многое переменилось, Джейми. Я не просто так держу «Бобик» на прилавке. В лесах ты хорош, ты знаешь дикую жизнь вдоль и поперек, но городские парни умнее тебя, Джейми, и намного хитрее.

— Дурак! — свирепо отвечал Морган. — Мне нужны деньги, и я собираюсь раздобыть их, где получится. Никто Джейми Моргана не переплюнет. Кого мне повидать, Джо? Ты же всех тут знаешь. Или ты слишком боишься и ничего мне не скажешь?

— Думаешь, поддел меня, да? — сухо спросил Варбург. — Даже если бы это было не опасно, я не забыл про майора Додда. Он-то не станет терпеть никаких темных делишек, и он знает все, что происходит в Ансибеле. Он вышлет тебя отсюда.

— Кто-нибудь мне все равно скажет. — Морган протянул руку к своей бутыли. — Не ты, так кто-нибудь другой. Если я пойду не к тому посреднику, то мне голову оторвут, — коварно добавил он. — Но ты ведь слишком занят — сахар развешиваешь. Да ладно, забудь. Я сам все разузнаю.

— Джейми, если Додд об этом услышит…

— Я поспрашиваю. — Морган поднял бутыль.

— Хорошо. — Варбург вздохнул. — Пойди в «Пуховую дорогу» и спроси парня по имени Луг. Он с

Венеры и гораздо хитрее тебя, Джейми. Не говори только, что это я тебя послал.

— Не благодарю, — отрезал Морган.

Он взвалил бутыль на плечо и повернулся к выходу.

— За тобой пятьдесят кредитов, — бесстрастно напомнил Варбург. — Ты испортил пол-ящика ягод физалиса.

— Пусть будет сто. — Морган со злой улыбкой занес ногу для пинка.

Дерево затрещало, по гладкому черному полу раскатился поток ярких ягод. Морган потопал ногой, давя густой сок. Его разъяренный взгляд встретился со взглядом Варбурга.

— Счет принеси на Шоколадную гору. Оставишь у Дайна в кругу. Или прицепи к дереву Дикого Билла. Будут тебе деньги… поселенец!

Тяжело ступая, он вышел.

* * *

Дул ветерок, и свежий, холодный утренний воздух над поселением Ансибел наполнился ароматами садов, квадратами расчертивших предместья на многие мили.

Моргану казалось, что вонь стоит невыносимая.

Он сплюнул в пыль мостовой с резиновым покрытием, достал из-за пояса плитку никки и откусил кусочек, раздумывая тем временем о Новой Луне за Сириусом и о том, какова была там жизнь, когда колонизация Новой Луны еще только начиналась. Это было много лет назад, еще до того, как он приехал на Локи. В том тусклом, жемчужно-сером мире поселенцы и выращивали никку. Покрытый водой Гальвез II тоже успели заселить, и моря, которые там плескались, потеряли свою загадочность. Нынче моря уже утыканы островами, с которых люди управляют ростом новых пищевых водорослей разных сортов.

Теперь цивилизация добралась и до Локи. Морган нахмурился, глядя на главную и единственную улицу поселения Ансибел. От соседства такого количества людей он ощущал некоторое неудобство. Крепкая молодая женщина в орлоновом платье с розовыми полосками утвердила на голове огромный поднос с овощами и с любопытством повернулась вслед Моргану. Мимо проходил сержант Космического патруля, с обветренным лицом, в гладко облегающей коричневой форме; люди в толпе замирали и, тихо переговариваясь, настороженно смотрели на

него, пока он не завернул за угол.

Трое уроженцев Венеры с волосами лимонного цвета стояли, лениво привалясь к дверям «Пуховой дороги». Горожане обходили их стороной: у всех троих поверх длинных пальто с бахромой на поясах демонстративно висели «Бобики». Большая часть разговора венериан проходила в виде быстрых движений пальцами, на которые их непрозрачные глаза, кажется, даже и не смотрели. От них едва ощутимо пахло рыбой.

Морган кивнул и, пройдя между ними, оказался в большом гулком помещении со сводчатым потолком. Как и все быстро построенные дома в Ансибеле, это была натянутая на каркас надувная конструкция, и, похоже, кто-то переоценил необходимое заведению количество площади. Или нет? Может, оно еще не развернулось в полную мощь. Да и потом, час был ранний.

Бару не помешало бы искусственное дыхание. Учитывая размеры и местоположение заведения, посетителей в нем было маловато.

Шелестящие пластиковые шторы делили помещение на закутки, и оно казалось гораздо меньше своего истинного размера — это можно было понять, взглянув на скаты крыши. Все же интерьер был бедноват, и хозяевам не удалось избежать

того губительного вида запустения, от которого любой межпланетный бар должен избавляться, не считаясь с расходами. Посетители только пускают корни в новом месте и чувствуют себя одиноко — мир-то чужой. Хороший бар должен убедительно имитировать дом.

Морган мрачно усмехнулся. Спальный мешок с подогревом — вот и весь дом, который ему нужен. Свои корни он возит с собой. В любом мире чувствует себя как дома.

Бармен оказался краснокожим американским индейцем с крючковатым носом.

— Доброе утро, приезжий. — Он равнодушно глянул на Моргана блестящими черными глазами. — Выпей за счет заведения.

— Само собой. — Морган с глухим стуком поставил бутыль на стойку и потер плечо.

Индеец сорвал пробку с новой бутылки бренди и поставил ее перед Морганом. Тот щедро себе плеснул, а потом плотно сжал горлышко бутылки, привычным движением большого пальца запечатав края.

В десяти шагах от него к стойке привалился старик с красным изможденным лицом, покачивая в руке затуманенный стакан. За ним сидели двое юных топографов в болотных сапогах — вы-

пивали по-быстрому перед тем, как отправиться на сырую, утомительную работу. Дальше — черноволосая девушка в тесном алом орлоновом платьице, утвердив на стойке локоть, пристроила на ладошку подбородок. Закрыв глаза, она тихонько насвистывала унылый мотивчик.

Самый громкий шум в баре шел от стола, за которым сидели широкоплечие молодые люди, игравшие в какую-то ганимедскую игру — фишки звонко стучали по столу. Говорили они громко, но как-то нечетко. Похоже, провели тут целую ночь. Морган решил, что это наемные рабочие с ранчо. Он таких презирал.

— Я ищу человека по имени Луг, — сказал он бармену.

Моргану показалось, что черные глаза на смуглом лице стали меньше и вспыхнули ярче. Девушка у стойки в углу приоткрыла глаза и посмотрела на Моргана с интересом, оборвав мотивчик удивленным присвистом. Потом опять закрыла глаза и продолжала свою тоскливую мелодию.

— Ты от кого? — спросил бармен.

Морган демонстративно отвернулся. Перед каждым табуретом на стойке была кнопка, и указательным пальцем он медленно нажал

ту, которая оказалась у него под локтем. Часть стойки отъехала в сторону, и в лицо ему потекла горячая соленая густая струя запахов. По транспортеру под стойкой ехали аппетитные блюда в самом широком ассортименте.

Морган пропустил тарелку с жаренными в масле моховыми почками и широкое круглое блюдо с марсианскими «зернами души», потрескивавшими от жара, и решетку с солеными рогаликами. Наконец он протянул руку. Взяв колесико сдобного печенья с голубыми прожилками, макнул его в дымящееся масло, раскрутил на серебристой шпажке и закинул в рот, поближе к корню языка: вкус лучше всего могли оценить вкусовые бугорки, расположенные именно там.

— Так и что Луг? — Покончив с этим, он нетерпеливо глянул на молчаливо ожидавшего ответа бармена. — Я задал тебе вопрос.

Морган пожал плечами. Он сунул руку в ременную петлю на бутыли и сделал вид, что хочет подняться:

— Я всегда могу пойти еще куда-нибудь.

Индеец смотрел на него долгим, ничего не выражающим взглядом. Оба молчали. Наконец и индеец пожал плечами:

— Я просто тут работаю. Погоди.

Он поднырнул под откидное крыло стойки и пропал между пластиковыми занавесками в дальнем конце зала. Морган съел три «фальшивых клюва» и тихонько сидел на своем табурете, разглядывая подсвеченную фреску с видами пустынь вокруг стойки. Мохаве на Земле, солнечная сторона Меркурия, где каждая тень словно вытравлена кислотой, длинные полосы полумрака пустыни на Марсе — там в воздухе крутятся маленькие смерчи, а сам фиолетовый воздух прозрачнее хрусталя. При взгляде на пейзажи в душе шевельнулась ностальгия, и Морган не стал душить этот порыв.

На поверхности изображения что-то блеснуло — это отразилось движение у него за спиной. Морган тут же повернулся и оказался лицом к лицу с тощим, очень бледным венерианином в длинном желтовато-коричневом пальто — тот подходил, осторожно ставя ноги, вокруг которых вилась бахрома. Кожа у него была белая, как тесто. Очень гладкие волосы имели лимонный цвет, а круглые глаза казались плоскими и темными.

Человек торжественно поклонился.

— Это ты Луг? — спросил Морган.

— Меня зовут Сияющий Луг. Позволь угостить тебя? Билл…

Бледный венерианин махнул рукой индейцу, который уже поднырнул под стойку и стоял на своем месте.

— Нет, — поспешно ответил Морган.

Он сунул руку в карман, нащупал кубические монеты Локи, которые вкладывались одна в другую, и вытащил один кубик. Вытряхнув из него на прилавок три кубика поменьше, он потянулся за бутылкой бренди «Ферра», оторвал верх горлышка и налил себе еще одну щедрую порцию. Ногтем большого пальца опять запечатал горлышко.

— Луг, ты что, здесь о делах разговариваешь? — спросил он.

Плоские глаза блеснули — венерианин глянул на сефт.

— Конечно.

Он и скользнул вперед, бахрома заколыхалась. Сев на табурет рядом с Морганом, венерианин велел бармену:

— Билл, сделай нам штору.

Не меняясь в лице, индеец кивнул и дернул за веревку из целой связки, висевшей за стойкой. Морган невольно пригнулся — сверху, шелестя, на них что-то упало. Это развернулась пластиковая штора — она была укреплена, как парус, на полукруглой штанге под потолком. Она аккурат-

но окружила двоих мужчин, отгородив их почти ото всех шумов за спиной. Морган нервно оглянулся. Штора оказалась полупрозрачной, и он немного успокоился. Он вопросительно глянул на венерианина.

— Снаружи нас никто не увидит, — заверил Луг. — И не услышит. Билл, мне джину.

Венерианин бросил красную таблетку в стакан, который поставил перед ним индеец, и Морган наморщил нос. Запах ароматической камфары смешивался с едва уловимым, но все же отчетливым рыбным запахом человека с Венеры.

— Ты пришел в правильное место, Джейми Морган. — Луг отхлебнул из стакана. — Видишь, я даже знаю, как тебя зовут. Я надеялся, что смогу договориться с кем-то вроде…

— Оставь, Луг, — оборвал Морган. — Опустим вежливость. Я не люблю венериан. Мне не нравится, как они пахнут.

— Понюхай вот это. — Луг положил на край стойки банкноту.

Морган поднял брови. Выпивка начала на него действовать: до этого он не пил много месяцев. Он понял, что ему хочется выпить еще. И еще. Потом алкоголь накопится и… Но он прогнал эту мысль.

Быстрым, молниеносным движением Луг пошевелил своими десятью пальцами.

— Когда я прилетел сегодня, — заговорил Морган, — мой груз стоил пятьдесят тысяч кредитов. Думаешь, я стану продавать его за десять?

— Десять — это только задаток. Мне нужен такой человек, как ты.

— Я не себя продаю. А свой груз.

Наступило молчание. Луг прихлебывал пахнущий камфарой джин. Наконец он тихо произнес:

— Думаю, и ты продаешься, Морган. Может, ты сам еще этого не знаешь, но скоро поймешь.

— Сколько за сефт? — требовательно спросил Морган.

Луг едва слышно вздохнул. При этом в горле у него зародился такой звук, словно о его нёбо бились воды венерианских морей.

— У тебя всего сорок галлонов. Варбург больше пяти сотен не заплатит. Майор Додд реквизирует твой груз, ты получишь официальную цену, и не больше. Я предлагаю больше. Понимаешь, я пытаюсь рискнуть.

— А я не хочу рисковать, — проворчал Морган. — Назови свою цену.

— Десять тысяч кредитов.

Морган неприятно засмеялся.

— Я же сказал, я пытаюсь рискнуть, — тихо, терпеливо произнес Луг и дохнул на Моргана запахом рыбы и камфары. — Сефт синтезировали. Но у меня есть рынок на планете, которая сейчас проходит через облако Н-К-материи. Они не получили сообщения о снижении цен. Ультракороткие волны сквозь облако не проходят. Ну а корабль, конечно, пройдет. Может, какой-нибудь уже у них. Если так, значит новости успели вперед меня. Если же нет, я получу хороший навар, купив здесь сефт по сниженной цене и продав там по старой. Вот это я и называю «рискнуть».

— Мне что-то не нравятся ставки, — ответил Морган. — Ты можешь и больше мне заплатить и все равно…

— Такова моя цена. Выше ты нигде не получишь. Я заплачу тебе десять тысяч за сорок галлонов. — В его горле опять всколыхнулся прибой венерианских морей. — Скалла.

Он замысловато пошевелил пальцами, а Морган понял, что это окончательная цена. Если венерианин говорит «скалла» при игре в покер, дальше торговаться нельзя.

Однако и десять тысяч… ведь теперь в Ансибел-Ки есть игорные заведения. Как и все люди, кто играет в азартные игры с жизнью и знает, когда

есть шанс выиграть, Морган ошибочно считал, будто можно полагаться на шансы и в других азартных играх. А потом, бренди в желудке требовал подкрепления того же сорта. А на добавку у Моргана не было денег — кубических монеток в кармане осталось слишком мало.

Морган протянул руку, взял из бескостных пальцев венерианина банкноты и перелистал края, пересчитывая. Десять. Из кармана он вытащил ключ и бросил его на стойку.

— В камере хранения? — спросил Луг. — Очень разумно.

— Остальные тоже там. Согласен.

— Это еще не все, — тихо произнес Луг, останавливая на Моргане взгляд своих круглых плоских глаз. — Мы хотим, чтобы ты с нами работал. И предлагаем тебе очень хорошие условия, друг мой.

Быстрым плавным движением Морган покинул барный табурет и нетерпеливо стукнул по шторе позади него:

— Выпусти меня. Я тебе не друг, Луг.

— Будешь им, — пробормотал Луг, делая жест рукой.

Штора с шелестом и свистом взвилась вверх, и звуки бара хлынули к ним.

Тут было шумнее, чем раньше. Покачиваясь, поденщики поднимались из-за стола и, моргая, глядели на сердитого фермера средних лет, стоявшего в дверях.

— Всех бы уволил! — кричал тот, когда поднялась штора. — Если бы только мог, уволил бы сразу! А ну выходите, бездельники! Выходите, а то всем шеи намылю! — Он свирепо оглядел зал. — Мы и тебя отсюда выгоним, — прорычал он бармену, который только равнодушно пожал плечами. — Нам тут такие не нужны!

Рабочий притормозил у стола, чтобы допить стаканчик. Разъяренный фермер подскочил к нему, вырвал стакан из руки работяги, размахнулся и запустил в окно на потолке, освещавшее разгороженный шторами бар. На опустевший стол посыпался дождь из звенящих осколков. Фермер развернулся и, громко топая, вышел, гоня ленивых помощников впереди себя.

Морган рассмеялся:

— Он, если сравнивать со мной, вас любит.

— Возвращайся, когда решишь, — спокойно сказал ему Луг. — Ты придешь, Джейми Морган. Ты уже готов…

Морган сплюнул на пол, повернулся спиной к Лугу и, тяжело ступая, вышел из бара.

Ему нужно было выпить еще.

Морган с трудом открыл глаза и поморщился от света. Довольно долго он не мог сообразить, кто он такой и где находится. Потом над ним склонилось знакомое лицо, и на миг он опять стал десятилетним мальчиком, глядящим в лицо десятилетнего Руфуса Додда. Руф играл в солдата. Он был как-то неподходяще одет — в облегающую коричневую форму с эмблемой солнечного кольца на воротнике и золотыми листьями на плечах. Снаружи, в прозрачном фиолетовом воздухе марсианского утра, должно лежать мертвое дно моря, где от низкого солнца падают пурпурные тени, и через несколько минут матери позовут обоих завтракать.

Через щель между шторами прямо ему в лицо бил луч света. В луче плясали пылинки. Морган повернул голову настолько, что смог увидеть: он лежит в незнакомой тесной лачуге, где все покрыто толстым слоем пыли. Справа и слева от него вздымаются металлические опоры кровати. Ее частично прикрывают выгоревшие на сгибах пластиковые шторы.

В голове стоял горький туман, а в легких застрял неприятный, мертвый воздух. Морган прищурился, чтобы ослабить головную боль, и

увидел, как что-то маленькое метнулось по стене — древний спутник человека в его скитаниях, таракан. Морган закрыл глаза и поморщился. Он вспомнил, кто он.

— Привет, Руф, — хрипло сказал он.

— Вставай, Джейми, — отрывисто произнес знакомый голос. — Ты арестован.

Морган тяжело вздохнул. Он провел ладонями по лицу — ощущение было такое, словно грубая поросль щетины прошлась по оголенным нервам. Ему были отвратительны тараканы, выцветшие шторы и весь этот грязный, вонючий город, который поселенцы построили на его планете — на чистой, дикой, пустынной Локи.

— За что, Руф?

Потирая лицо, он увидел свои запястья: на одном из них оказалась свежая царапина от ножа. Морган задумчиво на нее посмотрел.

— Обвинений можно много предъявить.

Додд отошел на шаг и сунул большие пальцы за пояс. Теперь его лицо выглядело так, словно ему много раз по десять лет. Наверное, в первый момент пробуждения время поставило какой-то фильтр, который скрыл жесткие, суровые очертания нижней челюсти Руфа, морщины, протянувшиеся от носа до подбородка, а также

холодный прищур глаз. Руф себя никогда не щадил. И вряд ли пощадит других.

— За нахождение в общественных местах в нетрезвом виде, оскорбление действием, или же за поведение, неподобающее человеческому существу, — сообщил он Моргану резким голосом. — Можно и за попытку разгромить игорное заведение после того, как ты спустил там последний кредит. Но нет. За что я собираюсь тебя арестовать — так это за продажу сефта торговцу контрабандой по имени Сияющий Луг. Дурак ты, Джейми.

— Конечно дурак. — Морган пошевелил пальцами ног в грязных носках. — Только я этого не делал.

— Уже поздно врать. Ты всегда много болтал в пьяном виде. Вчера ты трепал языком перед десятком поселенцев, Джейми, а теперь сидишь тут, как утка в гнезде. Джейми, у меня приказ арестовать всех, кто нарушает новый закон о сефте. Я ничего не могу сделать. Не я принимаю законы.

— А я — принимаю. Я принимаю свои собственные законы. Ты нарушил границы, Руф. Локи — моя планета.

— Еще бы, мне ли не знать. Ты и еще какие-то люди ее открыли. Но теперь она принадлежит

Комитету по торговле, и ты должен подчиняться их правилам. Вставай, Джейми. Обувайся. Ты арестован.

— Что со мной сделают? — Морган приподнялся на локте.

— Вышлют, наверное.

— Ну нет! Ни за что. — Он уставился на старого друга диким, свирепым взглядом. — Локи — моя планета.

— Раньше об этом надо было думать. — Додд пожал плечами. — Нельзя отставать от жизни.

— Никто не выгонит меня с Локи, — упрямо заявил Морган. — Никто!

— Ну, Джейми, будь благоразумен. Там места всегда много. — Додд посмотрел вверх, Морган тоже. «Там» всегда означало вверху, не важно, как далеко от центра галактики ты находился. — Если тебе нужно закупить снаряжение и припасы, какая-нибудь крупная компания могла бы дать тебе ссуду…

— А заодно связать по рукам и ногам, — прибавил Морган. — Когда я открываю новый мир, я делаю это по своим правилам, а не так, как хотят «Интер-Пауэр» или «Сан-Атомик». На улице Райской я сам за себя плачу.

Они оба немного помолчали, думая о дороге

между звездами — такой же широкой (или узкой), как и нос корабля: куда указывает он, туда и путь лежит, а по обочинам всегда звезды. Курс на карте обозначен градусами и десятичными дробями, но любой курс проложен по улице Райской.

Исследователи, скитальцы, наемники космоса — по большей части неудачники, а значит, наделенные воображением люди. Контраст между непреклонным функционализмом внутри корабля и неизмеримым великолепием снаружи слишком разителен, чтобы остаться без названия. Поэтому, когда стоишь в рубке корабля и глядишь в бездонную тьму, где вращаются ослепительные планеты и плывут неподвижные звезды, ты находишься на улице Райской.

— Джейми, всегда будут планеты, полные сокровищ, — со всей возможной убедительностью сказал Додд.

— Я не поеду.

— Какие у тебя планы, Джейми? — насмешливо спросил Додд. — Ты в карманы к себе заглядывал?

Морган замер на полпути — он уж потянулся пошарить в карманах помятой одежды — и вопросительно посмотрел на Додда:

— Я не…

— Да все ты понял. У тебя теперь даже оружия нет. Человека не выпустят из игорного заведения, пока ему есть что продать. Если не веришь — поройся в карманах. Джейми, ты нищий.

— Все десять тысяч кредитов? — горестно воскликнул Морган, в ярости выворачивая карманы куртки.

— Десять тысяч кредитов? — удивился Додд. — Это все, что Луг тебе заплатил? За сорок галлонов наркотика?

— Наркотика? — рассеянно переспросил Морган, шаря по карманам. — Какого наркотика? Я продал ему сефт.

— Сефт и есть наркотик. Ты что, не знал?

Морган посмотрел на Додда пустым взглядом.

— Конечно, широко это не обсуждается, — продолжал Додд. — Но я думал, ты знаешь. Из натурального сырого сефта можно получать наркотик. А из синтетического — нет. В нем нет нужных белков.

Замешательство во взгляде Моргана сменилось гневом.

— Значит, мой сефт… да он же бесценный! Если сефтовых крыс изведут, то сефт, за который Луг заплатил мне эти гроши, будет стоить в сто раз дороже!

— Вот что бывает, когда якшаешься с городскими парнями, — без всякого сочувствия заметил Додд.

Морган смотрел выше его головы, прямо на выцветшие шторы и пыльный луч. В его груди бурлил безбрежный гнев. Значит, Луг дурил его с самого начала. И как только венерианин сделал свое дело, появился Додд. А Варбург тихонько наблюдал в сторонке, пока Комитет по торговле берет в осаду Локи и честных торговцев на планете. На миг с какой-то горькой завистью Морган подумал о юном Дейне, мирно лежащем под своим марсианским кругом на Шоколадном холме, и о Диком Билле, погибшем до того, как случилось падение Локи, и о Шемил-ли-хане, у которого тоже проблем больше не было. Оказывается, им повезло.

Но в душе Морган не был готов сдаться. Он что-нибудь придумает. Джейми Морган еще всех переживет, а Локи будет принадлежать ему, и больше никому. Он проглотил свой гнев и повернулся к Додду:

— Я сам о себе позабочусь. Брось-ка мне ботинок, Руф.

Майор пнул что-то пыльное. Морган свесил ноги с койки и наклонился, ворча, чтобы застегнуть

пряжки ботинок.

— Руф, ты теряешь время. — Он поднял взгляд исподлобья. — Если тебе так хочется навести торжество закона, пойди на улицу и арестуй парочку местных хулиганов. Вот кто настоящие преступники, не то что я.

Лицо Додда окаменело.

— Я выполняю приказы.

— А я слышал, что поселенцы хотят взять здесь все в свои руки. Ну ладно, не будем об этом.

Кряхтя, Морган потянулся к самым дальним пряжкам, потом послал наблюдавшему за ним майору кривую ухмылку:

— А что слышно от косоглазого гиганта?

Жесткая складка у рта Додда слегка смягчилась. Появилась неохотная улыбка. Ободренный Морган продолжал потеплевшим голосом, по-прежнему отчаянно борясь с ботинком:

— Жаль, не могу показать тебе последние фотографии. Помнишь рубец, который я получил от копья на Ллапе, когда мы три дня отбивались от красноногих? Мне до сих пор трудно нагибаться. Похоже, старея, уже про старые травмы не забудешь. Ты и сам не молодеешь.

— Ты, Джейми, может, и не обращаешь внимания, но руки у тебя трясутся, — заметил Додд.

— Если бы ты провел ночь, как я, — ухмыльнулся Морган, — твои руки дрожали бы в ультразвуковом режиме. Ничего. Я…

Он жалобно застонал, тщетно пытаясь дотянуться до последней застежки.

— Давай помогу. — Додд наклонился над ним.

— Спасибо.

Морган только того и ждал. Когда челюсть Додда оказалась в пределах досягаемости, Морган прищурился, напрягся и выбросил ногу в тяжелом ботинке — вперед и вверх, толкая ее всем своим тощим телом.

Удар попал Додду сбоку в челюсть и подбросил его на добрых шесть дюймов. Майор повалился назад, на пыльный пол, его голова глухо стукнула о прорезиненный пластик.

Без промедления Морган последовал за своим ботинком. Не успел Додд разогнать пыль на полу, а колени Моргана уже со стуком опустились по обе стороны от тела майора, руки крепко схватили его за горло.

Но нужды в этом не было: Додд лежал без движения.

— Прости, Руф, — усмехнулся Морган. — Надеюсь, я тебе… — Он ощупал бесчувственную голову. — Нет, с тобой все в порядке. А теперь

я возьму у тебя пушку и пойду закончу дела в городе. Выслать меня, говоришь? Руф, позволь дать тебе хороший совет. Не стоит недооценивать старого друга.

Растянув в усмешке плотно сжатые губы, он поднялся и засунул за пояс изъятый пистолет.

В голове с похмелья пульсировала боль, но по внешнему виду Моргана догадаться об этом было невозможно. Легкий и подвижный, он осторожно выбрался из города и, миновав молодые сады, растянувшиеся на целую милю, оказался в лесу. В диком лесу, окружавшем поселение Ансибел широким кольцом — таким широким, что дальний его край терялся за горизонтом планеты.

На опушке леса у подножия холма бежал ручеек. Раздевшись, Морган купался в ледяной воде до тех пор, пока голова не прояснилась и он не почувствовал себя лучше. Потом он пошел назад, в Ансибел, искать человека по имени Сияющий Луг. Пистолет тяжело оттягивал ему рубашку.

— Я ждал тебя, — сонно произнес Сияющий Луг.

Моргая, он поднял глаза от потока пузырьков, которые ленивым фонтанчиком поднимались из пивной кружки у него в руке. Облокотившись на стол, он качал кружкой из стороны в сторо-

ну, а заодно скользящим движением, больше подходящим пресмыкающимся, качал туда-сюда головой.

— Ждал, — повторил он, на этот раз нараспев.

Венериане всегда поют, разговаривая друг с другом, но с чужаками — только когда пьяны.

В носу у Моргана болезненно защипало от резкого запаха высокоуглеродной поуиллы, которой пахло дыхание Луга. Да, глупо надеяться, что тот просто пьян.

Луг сделал жест рукой, опять с потолка послышался шелест и шорох, и штора опустилась вокруг них двоих. На этот раз они сидели у столика ближе к задней части зала в том же заведении.

Тупой взгляд Луга казался искренним и забавно простодушным — если смотреть через туман лопавшихся пузырьков.

— Теперь ты будешь работать с нами, — пропел он.

— Теперь я заберу все, что мне причитается, — поправил его Морган.

Пальцы Луга ласкали кружку каким-то смутно неприятным опутывающим движением.

— Я заплатил тебе десять тысяч. Это скалла.

— Это был лишь первый взнос. Я хочу получить остальное.

— Я же сказал тебе…

Морган вздохнул и наморщил нос:

— Ты рассказал мне сказку. Товар, который я тебе продал, станет бесценным, как только Комитет по торговле уничтожит сефтовых крыс. Нет никакой планеты, которая проходит через спектральное облако. Ты сделаешь из сефта наркотик и продашь уже по другой цене. Да и пожалуйста. Мне нужны мои деньги. Так ты заплатишь или мне отстрелить тебе башку?

Луг в задумчивости издал горлом звук морского прибоя. Вдруг он наклонил голову и погрузил лицо в водяную пыль от крохотных пузырьков.

— Верни мне десять тысяч, — произнес он, — а я верну тебе сефт. Всякое случается. Из-за сорока галлонов не стоит рисковать, а больше у меня нет.

— Ты лжешь, — спокойно заявил Морган.

— Нет. — Сияющий Луг улыбнулся ему сквозь туман. — Вчера было больше. Намного больше. Я не одну неделю его скупал у всех, кого мог найти. Но вчера ночью майор Додд конфисковал все. Теперь у меня ничего нет — только сорок галлонов, которые ты мне продал. Хочешь, забирай их.

Морган яростно ударил кулаком по воздуху перед собой, словно целился в невидимого кома-

ра. Ему не понравилось это ощущение — будто из-под ног уходит песок. Где правда? Где ложь? Какие опасные уловки скрываются за сонной улыбкой венерианина? Морган не привык к таким играм. Конечно, всегда можно с этим покончить. Он сунул руку под рубашку — туда, где лежал пистолет Додда.

— Однако я могу сделать тебе предложение, — произнес Сияющий Луг.

Каждый мускул у Моргана напрягся. Ну вот оно. Они заманивают его куда-то; куда — он пока понимал очень плохо. Может быть, сейчас все и прояснится.

— Продолжай.

— Ты в плохом положении, Джейми Морган, — тихо начал человек с Венеры. — В очень плохом. Ты напился, истратил все деньги и теперь не можешь покинуть Ансибел-Ки. Никто не продаст тебе ни литра горючего, пока ты не заплатишь старые долги. Я знаю, как выкручиваются первопроходцы, всегда отставая от самих себя на одну экспедицию, живя в кредит, продавая груз этого года, чтобы оплатить прошлогодние счета. Без денег за сефт ты не сможешь подтвердить свою платежеспособность. Я прав?

Морган подался вперед, подперев подбородок

рукой и поставив локоть на стол. В таком положении его грудь оказалась прикрыта, и он осторожно вытащил пистолет Додда из-под рубашки. Положил его на колени, направив под столом в сторону средней части туловища Луга.

— Продолжай, — коротко произнес он.

— Тебя вышлют с Локи, как только Космический патруль до тебя доберется, — все так же сонно и напевно говорил Луг. — А ты хочешь остаться. Но остаться ты не сможешь, если не станешь работать со мной.

— Я сам могу справиться со своими проблемами. Заплати то, что должен, и позабудь обо мне.

— Та сделка завершена. Я сказал «Скалла», и мы не можем к ней возвращаться. Если бы ты предложил мне сейчас тонну сефта, я бы и то не стал иметь с тобой дела. У тебя, Морган, есть только одно, что мне нужно, — это твое согласие работать на нас. Я заплачу тебе сорок тысяч кредитов, если ты сделаешь кое-какую работу.

Морган двинул пистолет у себя на колене немного вперед и осторожно потрогал спусковой крючок.

— Что за работа?

— Ну. — Луг туманно улыбнулся сквозь пузырьки. — Это ты должен мне сказать. Я же могу лишь

поведать тебе, что у меня за беда, и надеяться, что ты мне поможешь, — ведь ты так хорошо знаешь планету Локи.

Он сделал ни с чем не вяжущийся жест в сторону дальнего края города:

— Вон там стоят большие корабли, и их носы указывают в космос. Один из них наш. В Ансибел-Ки мы очень хорошо организованы. У нас много денег. Но майор Додд запретил все вылеты из порта. А потом он конфисковал наше сокровище. Мы же хотим вернуть сефт, который он у нас украл, погрузить его на корабль и отправить прочь. Как нам это сделать, Джейми Морган?

— У тебя есть какая-то идея? — спокойно произнес Морган. — Продолжай.

— Только идея. — Луг пожал плечами. — Может, она и сработает. Ты боишься диких быков Харвестера, Морган?

— Еще бы. Только дураки не боятся.

— Нет-нет. Я хотел сказать — ты смог бы гнать стадо? Направить его куда-нибудь?

Морган, прищурившись, посмотрел на Луга и даже немного отодвинул палец от спускового крючка:

— С ума сошел?

— Я слышал, что такое можно сделать. Может

быть, кто-нибудь из более опытных первопроходцев, чем ты…

— Да, это можно сделать, — перебил его Морган. — Но зачем? Что вам это даст?

— Доступ к кораблю с нашим грузом, если нам повезет. Я бы хотел, чтобы ты прогнал дикое стадо прямо через Ансибел-Ки. К чему это приведет?

— К сплошной разрухе. Половина населения пострадает, и все дома на пути стада будут растоптаны в пыль. Ты этого хочешь?

— Меня это не заботит. — Сияющий Луг опять пожал плечами. — Я всего лишь хочу отогнать патруль и поселенцев от того здания, где хранится сефт. Мне надо, чтобы из-за переполоха в Ансибеле никого не осталось на летном поле. Судя по твоим словам, это вполне получится, а?

— Да, — с сомнением ответил Морган. — Может быть.

— Значит, ты возьмешься?

— Должны быть другие способы.

— Какие? Сжечь весь город? Он не загорится. Только церковь да несколько самых старых лавок построены из дерева. Конечно, было бы время, можно было бы придумать что-нибудь получше. Но времени у меня нет. Я подумал о быках, потому что мне доложили, что целое стадо пасется сейчас

в долине всего в нескольких милях отсюда.

— Наверное, в городе существует какая-нибудь автоматическая защита, — заметил Морган. — Быки Харвестера очень опасны. Должно быть…

— Пожалуй, какие-то устройства есть. Сейсмодатчики могут зарегистрировать вибрацию, когда быки приближаются, и включить автоматические шумоизлучатели. Кажется, они не любят громких звуков? Очень хорошо. Ну так они не испугаются, потому что шумоизлучатели не сработают. Мои люди об этом позаботятся, если ты возьмешь на себя стадо.

— Это очень опасно.

— Никому не удавалось легко заработать сорок тысяч кредитов, друг мой. Ну, так ты берешься или мне поискать кого-нибудь другого, посмелее?

— Нет человека на Локи, который боялся бы быков Харвестера меньше, чем я, — рассудительно сказал Морган. — Я думаю о последствиях. Ты знаешь, что направлять стадо бегущих быков можно только одним способом? Надо ехать верхом на вожаке. Допустим, это я могу сделать. Но меня будет очень хорошо видно, не так ли? Да и потом, народу пострадает немало.

— А ты разве чем-нибудь им обязан, друг мой?

— Ничем. Я их ненавижу. Мне бы хотелось выкинуть их прочь с планеты Локи, да и тебя с твоими ребятами тоже. По мне, так в поселении Ансибел могут хоть все погибнуть: мужчины, женщины, дети. Но я бы не хотел совать собственную голову в петлю, участвуя в их убийстве. Я буду на виду, а во время переполоха погибнут не все. Если я заработаю сорок тысяч кредитов, мне бы хотелось остаться в живых, чтобы получить от них удовольствие. И не хотелось бы, чтобы толпа деревенских жителей повесила меня на ближайшем дереве, как только я слезу с холки быка. Тут не о чем говорить.

— Наверное, — вздохнул Луг. — Наверное. А жаль. У меня эти сорок тысяч как раз с собой.

Он полез в рукав своего желтовато-коричневого пиджака и выложил на стол упаковку банкнот. Она была толстая, хрустящая и пахла мятой.

— Твои. Бери. Если, конечно, можешь сделать работу. Джейми, разве не стоит немного рискнуть?

— Может быть.

Морган жадно смотрел на деньги. Думал о своем корабле, который стоял с пустыми баками в порту за Ансибелом и никуда не мог улететь — как и он сам. Положа руку на сердце, чем он обязан посе-

ленцам? Они его пожалели? Как и большинство людей, путешествующих по пустынным мирам, Морган очень высоко ценил жизнь. Он убивал только в безвыходных положениях и только в таких количествах, в каких было необходимо.

Однако с такими деньгами он может купить себе свободу. В конце концов, Локи — планета большая. Морган ласково погладил спусковой крючок пистолета под столом.

Вдруг он усмехнулся и сделал молниеносное движение правой рукой. Стол дрогнул, между ним и Лугом вправо-влево взметнулся сияющий фонтанчик пузырьков. Когда жидкость в кружке успокоилась, дуло пистолета лежало на краю стола, и его немигающий глаз смотрел прямо на венерианина. У Луга, который увидел черный зрачок через туман пузырьков, глаза начали съезжаться к носу. Он вопросительно взглянул на Моргана:

— И?

— Я беру деньги. Прямо сейчас.

Луг долго смотрел на него ничего не выражающим взглядом. Потом медленно толкнул пачку кредитов через стол. Морган не стал отводить глаза, но свободной рукой нашарил деньги и уверенным жестом положил их в карман.

Венерианин едва заметно шевельнулся. Морган не дал ему времени завершить действие, какое бы оно ни было.

— Сидеть! — резко приказал он.

— Ты не сможешь с ними уехать, — сказал человек с Венеры. — Мои ребята…

— Ничего мне не сделают. С чего бы? — уверенно отвечал Морган. — Я собираюсь поработать.

— Как? — Луг поднял бледные брови.

— Хорошо, я прогоню быков. Но не через город. Это будет убийство, а мне бы не хотелось совать голову в петлю из-за кого бы то ни было. Космический патруль убийств не потерпит.

— Тогда что ты собираешься делать?

— Знаешь сады к востоку от города? И полосу полей между ними и Ансибелом? Я могу загнать быков в эту долину. Пусть втопчут их вонючие посевы обратно в землю. Сломают фруктовые деревья. Уничтожат плоды полугодовых трудов. Может, поселенцам даже придется уехать с Локи. — Морган облизал губы. — Да, это должно сработать.

— Не знаю… — Луг нахмурился. — Не уверен.

— Ты когда-нибудь слышал, как бежит стадо быков Харвестера? — сурово спросил его Морган. — Земля дрожит, как при землетрясении.

На полмили вокруг в окнах вылетают стекла. Когда поселенцы почувствуют и услышат, что происходит, они вылетят всем роем, как пчелы из улья. И у тебя в Ансибеле будет сколько угодно свободного времени. А больше я ничего не буду делать. Ничего. Ну что, хочешь, чтобы я за эти деньги что-нибудь для тебя сделал, или я могу просто забрать их и уйти?

Сияющий Луг глянул на свои длинные бескостные пальцы, стиснувшие оловянную кружку. Он замысловато переплел их, словно составлял сложное сообщение на венерианском языке жестов — совет самому себе. Через некоторое время он кивнул и поднял взгляд, немного смазанный туманом от лопающихся пузырьков.

— Очень хорошо. Я могу на тебя положиться?

— Конечно, я это сделаю. — Морган поднялся, оттолкнул стул. — Но по-своему, а не по-твоему.

Сияющий Луг снова погрузил нос в пузырьки. Его горло издало звук, с каким море на Венере накатывает на каменистый берег.

— По-твоему, а не по-моему, — самым ласковым голосом согласился он.

Быки Харвестера — безумные ангелы разрушения. Выглядят они как херувимы, величественные бородатые херувимы из ассирийских легенд:

могучие, громадные, с огромными львиными мордами и густыми длинными ассирийскими бородами. Их лбы украшают чувствительные к звукам выросты, а пугливость превосходит чуткость слуха. Любое отклонение от звукового шаблона нормальной ситуации обращает их в жуткое, разрушительное бегство.

«У хорошего исследователя не бывает опасных приключений», — вспомнил Морган старую поговорку и подправил ее: «Кроме всяких неожиданностей». На неизведанных планетах недостатка неожиданностей не наблюдается. Первая вода, которой Морган выпил на Локи, по всем химическим тестам была абсолютно чистой, но его на две недели свалил в лихорадке новый вирус, зарегистрированный наукой после того, как Морган его открыл. Этот вирус, который фильтровался через фарфор, выдерживал кипячение и любую противовирусную обработку, — оказался так далеко за пределами принятой системы координат, что никакая экстраполяция не помогала — разве что пришлось бы протянуть ее в бесконечность, но тогда уж никто бы не отважился пробовать что-либо новое.

Так же было и с быками. Ими можно было управлять. Немногие знали как, и еще меньшее

количество людей обладало той быстрой реакцией, которая помогла бы осуществить это на практике.

Морган сидел в засаде абсолютно неподвижно и едва дышал. Он был почти так же неподвижен, как и камень. Нет, не совсем верно, ведь он не был камнем, а без естественного камуфляжа он никак бы не смог полностью сымитировать неподвижность. Но, призвав на помощь все свои чувства, он мог воспринять естественные ритмы и их пульсации — в окружавшем лесу, среди звезд над головой. Ритмы тех, кто спит в ночном лесу Локи, и тех, кто только что проснулся. Медленно, постепенно он проник в абсолютную, переменчивую пустоту, тонко настроенную на мир вокруг.

Он избавился ото всех мыслей. Даже перестал ждать. Ультразвуковой пистолет был рядом, готовый в нужный момент вступить в действие. Стадо дремало, жевало, медленно перемещалось по заросшей деревьями долине все ближе и ближе к нему. Сейчас быки стояли под звездным небом неподвижно — наверное, уснули. В этой беспокойной тишине Морган сидел на корточках, приложив кончики пальцев ко мху, чтобы ощущать тончайшие вибрации почвы.

Он один раз переменил место, проскользнув

по пригоршне сухих листьев туда, где проходивший сквозь ветви деревьев звездный свет удачнее скрывал его. И, только переместившись, он понял, что новое место лучше: тут он поймал ритм Локи.

Сколько было миров, с которыми он вот так побратался, где поймал пульс жизни, способствовавший слиянию живого мира и живого человека. Сейчас ему казалось, что вся планета Локи спала и ни о чем не подозревала. И только он сидел в полумраке на корточках, в полной гармонии с вращающейся планетой. Ему почти не нужно было глядеть на осциллограф, на всякий случай установленный рядом. Точность своей настройки Морган ощущал при помощи чувства, гораздо более тонкого, чем зрение. Дрожащая зеленая линия на экране осциллографа в наглядной форме представляла ночную жизнь Локи. Другая дрожащая линия зеленого цвета изображала его самого. Конечно, никому из людей еще не удавалось полностью совместить эти две линии. По крайней мере, никому из живущих.

Разум Моргана, освобожденный от воспоминаний о недавних событиях, наполнился непрошеными, давно забытыми образами. «И в шар земной одет…» — припомнилось ему из какой-то

забытой книги. Умерший человек, обряженный в шар земной, как будто в саван. И Морган был одет в Локи, но не в том смысле, какой вкладывал в свои строчки поэт. Это будет позднее. Когда-нибудь, где-нибудь на другой планете — может, сейчас Моргану и название ее неведомо, — там он совершит последнее и самое полное воссоединение с вращающейся в космосе сферой, и тогда зеленые линии дрогнут и совпадут.

Но сейчас он был одет в Локи, в свой мир, за который боролся и который завоевал. И Морган хотел, чтобы Локи навсегда остался с ним. И мог этого добиться. Места хватало. Вырастут деревни, а стальная паутина раскинется дальше, но останутся и леса, и горы. Еще очень не скоро поселенцы отважатся исследовать гряду Мертвый Двигатель, или долину Большого Болота, или Лихорадочные холмы.

Земля дрогнула. Зеленая линия на осциллографе пустилась в беспорядочный пляс. Быки начали двигаться.

Зеленая линия прыгала все более размашисто. Морган почувствовал, как мох у него под кончиками пальцев вибрирует все сильнее. Вниз по крутому каньону к нему лениво двигались десятки могучих ног, несшие огромные многотонные

тела. Морган ждал. Никакого волнения он не чувствовал.

Быки еще не показались, когда вокруг него возникло ощущение движения. Зашелестели листья, задрожали стволы деревьев. Стадо подходило ближе. Морган совершенно расслабился и позволил пульсу Локи нести его по своему беспокойному руслу.

Высоко над головой, среди тускло освещенных звездами листьев, плохо видное Моргану с его с низкой позиции, но хорошо представимое по дрожанию стеблей и треску веток, появилось огромное черное бородатое лицо в венчике из оборванных листьев. На могучей груди рвались лозы — вожак стада величественно вплыл в поле зрения Моргана, черный, гладкий, по его шкуре бежали синие искры, а волнистая грива спутывалась с волнистой же бородой. Над круглыми, настороженно моргавшими глазами медленно, но безостановочно вращались антенны. Ноздри издавали храп и хрип. Земля вздрагивала, когда он ставил свои могучие копыта.

Морган не двинулся, но каждый его мускул напрягся, словно пружина, и баланс жилистого тела сместился так, чтобы приготовиться к прыжку. Морган выждал момент, а потом его правая рука

крепко сомкнулась на устройстве дистанционного управления, соединенном со спрятанным оружием.

Спрятан был «Бобик», установленный на самую высокую мощность звука. Морган услышал первые сотрясения от звуковой волны — чудовищного механического рыка — и, как можно шире открыв рот, сам закричал изо всех сил. Его голос потонет в залпе оглушительного шума «Бобика», но Моргана нисколько это не беспокоило. Ему надо было уравновесить колебания по обе стороны своих барабанных перепонок — крик помогал ему не оглохнуть.

Рев оружия оказал на быков сокрушительное воздействие. По всему лесу прошел трепет, и напрягшиеся могучие мускулы словно рябью подернули шкуры быков, готовых удариться в паническое бегство. В распоряжении Моргана оставались доли секунды. Он должен действовать точно.

На две пятых секунды после оглушительного выстрела «Бобика» антенны харвестеров потеряли свою чувствительность. На очень короткое время стадо оглохло и не станет реагировать с привычной суперчувствительностью. Но через две пятых секунды чистый рефлекс заставит их

кинуться прочь сломя голову.

В эти доли секунды Морган и прыгнул.

Это был очень трудный трюк. Морган рассчитал так, чтобы вскочить на выставленную вперед переднюю ногу быка, подпрыгнуть, подтянуться — все за один миг, пока тот не рванул вперед. Морган вцепился обеими руками в волнистую гриву и отчаянно полез вверх — в тот самый миг, когда нога под ним, словно поршень, пошла назад, а сжавшиеся мускулы подбросили Моргана выше, откуда уже можно было достать до огромной черной колонны шеи.

Морган был готов и ждал этого мига. Он забросил колено на гладкую шерсть, припал к корпусу быка и подал тело вперед. Тяжело повалился на шею зверя, выкинув вперед руки, чтобы ухватиться точно за основания толстых антенн, торчавших, словно рога, над выростами на лбу, над глазами быка.

Левой ладонью он ощутил холодный гладкий пучок волокон и крепко стиснул кулак. Правая рука схватила, соскользнула…

И промахнулась.

Промахнулась!

Такого не могло случиться. Раньше Морган всегда был точен. Он действовал так же уверенно,

как уверенно двигались звезды по своему небесному пути. Его тело было столь же надежно, как и солнце, каждый день поднимавшееся над планетой Локи. Джейми Морган будет жить вечно. Старость? Она никогда не придет…

Но правая рука промахнулась. Его собственная инерция понесла его, беспомощного, вперед, а роковой взмах бычьей головы заставил сползти с гигантской шеи набок. Морган ощутил, как мощная крепкая шея ползет под руками. Ощутил жуткую вибрацию тысячи копыт, в унисон бивших в землю. Лесная почва неслась мимо так быстро, что все сливалось перед глазами, а он соскальзывал все ближе и ближе к ней.

Морган вспомнил, как выглядел человек после того, как по нему пробежало стадо быков…

И вздрогнул, как падающий с дерева лист. Разум съежился, свернулся, отчаянно прижался к единственному, что у него осталось, — к собственному имени.

«Джейми Морган!» — закричал он сам себе, сжимаясь вокруг этого осознания своей личности, которая, кажется, собиралась покинуть его навсегда. Земля дрожала от тяжелых ритмичных ударов, огромная шея быка поднималась и опускалась, и мох под ногами зверя сливался перед

глазами Моргана в сплошную зеленую полосу.

Мысли о Джейми Моргане мешались с воспоминаниями о Шемил-ли-хане. «Он постарел. Утратил осторожность. Однажды он действовал слишком медленно, и бизон достал его». Может быть, Шемил-ли-хан видел и ощущал перед смертью то же самое? Морган раньше не знал неудач. Будет ли у него возможность ошибиться еще раз — в этой жизни?

О да, будет.

Позднее, пытаясь вспомнить, как ему это удалось, какая безумная судорога удержала его на шее быка, Морган понял, что не знает. Вот он висит, почти ни за что не держась, сползает к сотрясаемой копытами земле. А в следующий миг его колени плотно прижаты по сторонам могучей мускулистой шеи, руки словно примерзли, держась за знакомые выросты на лбу быка, стискивая и блокируя органы восприятия.

«Никто другой бы не спасся, — сказал он себе, и голова у него кружилась от пережитого ужаса и триумфа. — Никто, только я». Но слова не останавливались. «Но я же промахнулся. Промахнулся. Как Шемил-ли-хан, стареем…»

Он оглянулся. За ним под ярким звездным светом сплошным потоком двигалось стадо быков

— черный водопад разрушения. Величественные, безумные ангелы разрушения, небесное воинство, ринувшееся на Ансибел-Ки. Стиснув кулаки, Морган незаметно развернул стадо вправо по широкой дуге, на конце которой лежали поля в предместьях Ансибела. Вожак повиновался…

И тут Морган понял, что ревет от смеха. Из глаз текли обжигающие слезы, выбиваемые ветром и радостью. Он сам не понимал, почему смеялся. Он знал только, что какой-то древний, глубокий страх в душе ослабел, успокоился, как и прерывистое дыхание в груди. Старый? Нет еще, еще нет! Когда-нибудь, где-нибудь — но не сейчас!

Прижимаясь плашмя к огромной качающейся шее, крепко держась за антенны и стискивая коленями загривок быка, Морган вел стадо. Восторг гулял в нем, как крепкое спиртное, разум был опьянен. Мощь зверя, которого он оседлал, словно передавалась ему, а ритмичный топот бегущего стада заставлял его кровь пульсировать в том же ритме. Он направил саму планету Локи на спящих поселенцев. Локи поднималась, чтобы сбросить незваных гостей.

Листья били Моргана по лицу. Холодный крепкий ветер заставлял глаза слезиться. Ноздри жег острый запах разгоряченного быка. Вдруг листья

поредели, и топот бегущего следом стада изменился — лес кончился, впереди лежало открытое пространство. Морган стиснул правую руку на выступе антенны быка. Бык лишился чувствительности с этой стороны и потому кинулся влево, туда, где на склонах холмов вблизи города рос виноград, стояли сады, а за ними лежали широкие распаханные поля. С топотом неслось стадо, и под копытами дрожала земля.

Кажется, звезды тоже дрожали. В черном небе трепетали безымянные созвездия новых, необычных очертаний, увиденные с другого конца галактики — безымянные до тех пор, пока люди, подобные Моргану, не выйдут ночью посмотреть на звездное небо и не дадут им знакомые имена. Морган увидел, как над городом растянул свой овал Космический Корабль и как удирает куда-то к горизонту Бизон. Все звезды в небе выстроились вдоль улицы Райской.

Поселение спало. Редкие огоньки горели там, где помещались салуны и игорные заведения — они жались к дальнему концу города, а еще дальше, за окружившими город холмами, пятью башнями высились нацеленные в небо космические корабли. Огни с земли играли на их конических боках, а на остриях сияли звезды.

Космический патруль должен стоять где-то рядом, охраняя космопорт. Морган зло усмехнулся. Руфа Додда ожидает сюрприз.

Морган свесился с могучей шеи, выискивая взглядом сеть охранных проводов, которые должны предупредить поселенцев о появлении незваных гостей. Он увидел, как блестят разорванные концы проволоки, заметил клубок перепутанных проводов и покрепче схватился за выросты, ведя стадо через пролом.

Впереди показались увешанные тяжелыми зреющими фруктами деревья. Они, словно солдаты, стояли рядами, а ряды тянулись вниз по склону. Вожак задрал бородатую голову — ему в нос ударила невидимая струя человеческого запаха. Но сзади изо всех сил напирало стадо, и он понесся вперед, к деревьям.

По могучим плечам трещали сучья. Похоже, от сопротивления садовых деревьев стадо совсем обезумело. Быки рыли копытами землю, ревели, топтали ногами сучья, продираясь между тяжело провисшими ветвями. И неудержимой лавиной по инерции неслись дальше.

Морган подался вперед, прильнув к огромной гривастой шее, и издал воинственный клич, неслышный сквозь треск ломающихся деревьев.

— Круши их! — орал он своему быку, но тот его не слышал. — Топчи их! Доломай последнее вонючее садовое дерево на Локи!

Морган немного ослабил хватку на выростах антенн и издал резкий индейский визг, чтобы до предела разъярить быка, — как будто несколько слабеньких децибел человеческого голоса можно было услышать сквозь рев и топот сада.

Он и сам был наполовину пьян диким духом разрушения, и каждый новый ряд деревьев, ломавшихся под ногами быков, возносил его на новые высоты злобной радости. Он хмелел при мысли о том, сколько тяжелого труда и времени ушло на то, чтобы вырастить этот сад. Вдыхал запах раздавленных фруктов и порушенных деревьев, словно аромат крепкого виски. Человек может опьянеть от одной только мысли о разрушении, которое он несет своим врагам.

Морган взвыл еще громче и стукнул коленями могучую, нечувствительную к его ударам шею:

— Топчите их, разрушители! Давите их!

Впереди, за снесенными садами, лежали поля. Крепко держась за своего жуткого скакуна, Морган стал прикидывать дальнейший путь. Рано или поздно ему придется спешиться. Это тоже будет непросто.

Надо слезать. Иначе он попадет в мясорубку. Надо прыгать со спины вожака стада — на что-то более высокое, чем бык Харвестера.

Стадо пробилось сквозь последний ряд деревьев, и перед ним развернулось серебристо блестевшее под звездами поле зерновых. Морган лежал плашмя на шее быка и гнал стадо дальше. Мягкая земля комьями вылетала из-под копыт; быки бежали, оступаясь, взревывая, пока не приспособились к новой почве. Морган издал шальной крик радости. Среди смертных он был самым могучим. Он, как Юпитер, мог метать молнии, он вел по полям свое стадо разрушителей.

Справа, в городе, лежавшем сейчас параллельно бегущему стаду, начали вспыхивать огни, раздались тревожные крики, а на церковной колокольне бешено забрякал колокол. Морган яростно расхохотался. Выслать его с Локи? Пусть попробуют! Обращаясь к колоколу, он выкрикнул что-то неразборчивое, но вызывающее.

Далеко впереди, на краю поля, Морган увидел ряд деревьев серих. Когда они окажутся поближе, он прыгнет на один из крепких изогнутых сучьев — это и будет конец его путешествия. Стадо пробежит под деревьями, и работа будет окончена.

Изо всех сил стискивая выросты на голове бы-

ка, он оглянулся. Стадо неслось за ним — жуткая мешанина машущих голов, развевающихся бород, мускулистых гладких боков, освещаемых звездным светом. Ему были видны погубленные сады, через которые пробежали быки, а теперь еще и широкая полоса на полях, где стадо в порыве разрушения втоптало в черную почву каждую травинку и зернышко. Морган радостно рассмеялся. Распахать планету? Засадить дикие пустынные долины пшеницей? Сегодня он втоптал чуждые ростки в землю, которую они испоганили. Сама планета содрогалась от его натиска. Он понял, как должны были ощущать себя кентавры, полубоги…

Позади, среди поломанных деревьев, наметилось какое-то едва заметное движение. Он повернул голову и увидел, как что-то начинает двигаться параллельно его курсу, по краю погубленных полей. Он вел свое стадо мимо городских предместий, и ряд деревьев серих все приближался и приближался. У Моргана не оставалось времени задумываться о том, что это там такое, потому что сейчас его скачке придет конец, но те движения ему не понравились. Он не понимал их. Что-то такое, чего он не предусмотрел…

Деревья серих, ясно различимые в звездном

свете, неслись ему навстречу, создавая странную иллюзию, будто вырастают прямо на глазах. Морган подобрался, примерился, как будет прыгать…

Вдруг с ослепительной неожиданностью между ним и деревьями полыхнула молния, и прогремел гром. Оглушенный, наполовину парализованный, Морган мог только крепче держаться за быка и изо всех сил прижиматься к могучей шее, на которой ехал.

Необъятное тело под ним дрогнуло в жуткой конвульсии, подпрыгнуло и, словно на полпути в воздухе, повернулось. Когда оно снова коснулось земли, вся долина, кажется, содрогнулась от удара. Морган изо всех сил вцепился локтями и руками, стараясь как можно плотнее заблокировать рецепторы быка, но этого было недостаточно.

Мир вокруг него закрутился, встал на бок, горизонт съехал вверх, как над заложившим вираж самолетом. Словно копыта быка стали точкой поворота, вокруг которой совершался вираж, и в него вошло все стадо за спиной. Еще раз, теперь уже сзади, грянул оглушительный, цепенящий гром и рассыпался по краю вытоптанных полей безумным рыком.

«Бобики». Ультразвуковые ружья, завывающие на максимальной мощности.

Так вот оно что, подумал оглушенный Морган, тряся головой. Был только гром, без молнии. Молнию дорисовали его потрясенные чувства. Покрепче держась за быка, Морган оглянулся и увидел то, что отчасти ожидал, — ряд лимонного цвета голов вдоль поля, длинные светлые комбинезоны, поблескивающие под светом звезд, и сверкание металла при каждом залпе «Бобиков».

Они гнали стадо, и Моргана вместе с ним. Но куда?

Морган уже догадался — даже прежде, чем повернулся. Весь простой план стал ему совершенно ясен, настолько ясен, что он понял, каким был дураком, если не понял раньше.

По бокам быка промелькнули низкие домики. Морган повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как мимо пролетают приземистые просторные дома, а стадо уже направилось прямо к главной улице Ансибел-Ки.

Он дико закричал на быков, приказывая остановиться. Но голос его застрял в горле, подавленный ревом «Бобиков» за спиной и оглушающим громом копыт. Разрушительной волной быки вместе с седоком хлынули на Ансибел-Ки.

Тяжелый гнев полной беспомощности поднялся из груди, сдавил Моргану горло — гнев на все, что окружало его. Гнев на быка, на котором он ехал, на бегущее следом стадо. Ненависть к поселенцам, которых он увидел между домами впереди. Ненависть к громко лязгающему церковному колоколу, поднявшему тревогу. Голова лопалась от яростного гнева на человека с Венеры, который обманом втянул его в это дело, и на всех людей, собравшихся по краю поля и гонящих стадо при помощи рева «Бобиков».

Но больше всего он ненавидел Джейми Моргана, бесшабашного болвана, который сломя голову несся навстречу своей гибели и гибели Ансибел-Ки.

В треске и грохоте рушащихся домов стадо хлынуло на Ансибел. Вихри пыли застилали взор — гнулись пластиковые стены, падали наземь сводчатые крыши. Это была ночь кошмара во тьме, под каждым фонарем играла пыльная радуга, так что Морган ничего не видел и едва мог дышать.

Отрывочно мелькали бегущие люди, они что-то кричали и куда-то указывали, снова исчезали во тьме. Прямо перед собой, на границе пыли и тьмы, Морган увидел упавшего на одно колено

поселенца — тот вскинул к плечу ружье и прищурился, целясь в человека, ехавшего верхом на вожаке стада…

Что-то похожее на раскаленный прут обожгло плечо Моргана. Он качнулся вбок по гигантской шее, на которой ехал, и припавший на колено человек, а также улица, где это все происходило, отлетели назад и прочь, словно эпизод какого-то сна.

Когда Морган выпрямился, его колени дрожали. Он уже не так крепко держался за быка. Новый страх охватил его. Ехать так — ненадежно, даже опасно, и он это хорошо понимал. Но возможность спрыгнуть с несущегося быка осталась далеко позади, и с каждым шагом быков расстояние все увеличивалось.

И Морган снова вспомнил Шемил-ли-хана.

А пыль все клубилась, и дома по обеим сторонам дороги рушились, сметаемые мощными плечами быков, которые все так же неслись, не разбирая дороги. Над ритмичным громом копыт, сотрясавших целую планету, поднимались крики мужчин, тонкий визг женщин, глухой низкий гул колоколов.

Про быков Харвестера говорили, что, если их одолеет потребность крушить и топтать, они

могут бежать не один день подряд. Они будут бежать, пока не упадут от усталости. Хватка Моргана ослабнет задолго до того. Подумав об этом, он ощутил, как напрягаются его мускулы в попытке покрепче удержать тело на загривке бегущего быка.

Надо спрыгивать, и поскорее.

Конечно, это глупо. Какой смысл оттягивать на несколько минут смерть, которая неминуемо настигнет его, когда разъяренные поселенцы доберутся до разрушившего их город человека? Уже, наверное, слишком многие узнали Моргана верхом на быке-разрушителе. Сколько мужчин и женщин погибло под копытами его армии и сколько лежат, придавленные руинами?

Морган холодно утешил себя тем, что на главной улице располагались в основном офисы и игорные заведения, а не жилые дома. Но кто-то уже погиб. Кто-то, скорее всего, погиб. А Космический патруль повесит его и за одного погибшего, — это если поселенцы не успеют раньше.

Оглушенный шумом и изнурительной тряской, застывший от собственного гнева и смятения, ослепленный клубящейся пылью, Морган наконец поднял глаза и увидел, как над тучей пыли и блестящей полосой огней вздымаются пять

сияющих башен космических кораблей. Он уже был достаточно близко от порта, чтобы заметить: с ближайшего корабля свисает лестница. В душе Моргана всколыхнулась надежда.

Корабли — единственное из созданного человеком, что может противостоять натиску разъяренных быков. Морган даже слегка усмехнулся, думая о том, как бесславно будет удирать Космический патруль, когда на поле выплеснется волна ошалевших животных.

Пять кораблей торчали, словно пальцы одетой в железную перчатку руки, как если бы какой-то гигант беззаботно оперся о Локи, чтобы наблюдать за мелкой человеческой драмой, подходящей к едва заметной кульминации.

* * *

Стадо быков неслось, будто вихрь, прочь из города, все выше и выше по склону холма. Обрушились за спиной последние дома, стихли крики и отдалились огни Ансибела. Скакун Моргана бежал вверх — на вершину холма и дальше. Когда почва под ногами быка снова пошла вниз и он галопом вылетел на склон, спускавшийся прямо к кораблям, Морган еще раз напряг силы для отчаянного последнего рывка.

Маленькие фигурки в униформе собирались на краю поля, и у кончиков ружей замелькали огоньки выстрелов. Взвыли ультразвуковые устройства, но только для порядка, и Морган понял это так же хорошо, как и те, кто включил их. Необычайная жизненная мощь быков и инерция их бега лишали охотников всякой надежды убить такую добычу. Даже умирающее стадо могло растоптать солдат патруля на противоположном конце поля.

Быки во главе стада еще неслись вперед, когда людей словно смел огромный веник. Продолжая бессмысленно отстреливаться, они разбежались и пропали из виду.

Высокие корпуса кораблей надвигались на Моргана со скоростью ночного кошмара. Он уже видел, как на их поднятых головах сияет свет звезд, а на длинных, гладких, плавно выгнутых боках — прожекторы. Увидел, что с ближайшего свисает веревочная лестница, и, пока стадо неслось вперед, огибая гигантские стальные колонны и снова смыкаясь, как черная вода вокруг их стабилизаторов, Морган подобрался, выбрал момент…

И прыгнул.

Уже в воздухе на один бесконечный момент

он потерял уверенность в себе. Засомневался, получится ли у него. Перед ним проплыло лицо Шемил-ли-хана — внутреннему взору память предложила его в мельчайших подробностях. Тут руки Моргана сомкнулись на веревке, трение обожгло их и в один миг развеяло все его сомнения и неуверенность.

Морган уцепился за веревку изо всех сил и ощутил, как выворачиваются руки в суставах. В тот же момент он ослабил хватку коленями и почувствовал, как шея быка уплывает из-под него. Ощутил, как от бегущего стада сотрясается самый воздух, а он уже висит над топочущим вихрем, раскачиваясь и поворачиваясь из стороны в сторону.

Слабость изнеможения, словно вода, начала разливаться по его рукам, как только Морган их немного расслабил. Дальше он расслабить мышцы не отваживался. Он зацепил руки за веревку, подрыгал ногами в воздухе, наконец нашел перекладину и повис — ослепший, оглохший, дрожащий. А под ним все текла река черных спин. Морган закрыл глаза и задержал дыхание, намертво вцепившись в лестницу, спасая жизнь, которая, несмотря на ожидавшие впереди трудности, никогда не была ему дороже, чем сейчас.

Так прошла немалая часть жизни.

В ушах по-прежнему раздавался гром, который, наверное, никогда не стихнет. Время приобрело загадочную текучесть. Морган не знал, то ли это его собственная кровь стучит в ушах, то ли отдается топот стада. Ему казалось, что где-то совсем рядом кричат люди, может быть, прямо под ним, где-то в пределах двадцати футов, отделяющих его от бегущих быков. Но как там, внизу, могут оказаться люди? Вся способность к самостоятельным действиям покинула его, и он лишь висел, крепко ухватившись за веревку, и ждал, пока в голове прояснится.

Веревка в руках вдруг дернулась и чуть не стряхнула его. Морган вцепился изо всех сил. Веревка дернулась еще раз. Тут он открыл глаза и, ничего не понимая, глянул через плечо вниз.

Снизу на него смотрели бледные лица, расположенные в круг. Моргану почудилось, что он еще слышит топот стада, но это был пульс в ушах, потому что быки давно убежали. И после них, буквально наступая им на пятки, явились люди с Венеры.

В свете звезд их гладкие бледные волосы показались Моргану совсем белыми. Он увидел, как свет прожекторов отражается от стекла тяжелых

бутылей, которые принесли венериане, и от длинных ружейных стволов.

Тут веревка, за которую он цеплялся, опять яростно задергалась, и рука Моргана сорвалась. Он повис в опасном положении, цепляясь только одной рукой, глядя вниз и не понимая, что происходит. Что же происходит? Почему?

Он увидел, что двое бледноволосых мужчин держат концы веревочной лестницы. И увидел, как они дернули лестницу еще раз.

Они пытались сбросить его.

Морган потряс головой в привычной, но тщетной попытке рассеять туман в голове. По крайней мере, хоть кое-что начало проясняться. Сияющий Луг времени даром не терял. Он и его люди, наверное, ограбили поселение сразу, как только промчалось стадо. Пока Ансибел приходит в себя после такого сокрушительного удара, команда с Венеры успеет погрузиться и улететь со своей добычей. Все сработано точно, как будто машина постаралась. А сейчас они пытаются избавиться от несущественной помехи…

Лестницу тряхнуло еще раз, и перекладина, на которой стоял Морган, выскочила у него из-под ног. Он ухватился обеими руками, ругаясь от беспомощности. Значит, его кругом обманули. С

самого начала, обманом лишив ценного товара, до этого самого момента, когда пытаются лишить и жизни. Мало было прогнать его по всему Ансибелу, используя как орудие слепого убийства — ведь Морган знал, что под копытами обезумевших быков погибли люди. Теперь венериане пытаются отнять те деньги, которые он у них взял, а может, и заставить его навеки замолчать. Морган с горечью припомнил предупреждение Варбурга. Конечно, тот был прав. Джейми Моргану не тягаться с этими подлыми бандитами.

Руки, державшие веревку, занемели. Морган беспомощно раскачивался в воздухе. Он не мог освободить руку, чтобы достать пистолет. Держаться надо было двумя руками. В этот момент Морган без всяких сомнений понял, что постарел. Цивилизация стала для него слишком тяжелым бременем.

Веревка дернулась еще раз, и его ослабевшие руки разжались. Бесконечный миг он провел в падении в темноту. Где-то далеко над головой вращались звезды, в созвездии Космического Корабля алмазным блеском сиял Сириус, а Бизон поднимал на рога бесконечность.

Земля лежала в добрых двадцати футах внизу. Удар был тяжел.

Конечно, Морган умел падать. Бывали в его жизни и худшие падения, после которых он тут же вскакивал, готовый ко всему. Ему пришлось научиться таким трюкам. Но в этот раз он ударился о землю и остался лежать, оглушенный, и не мог понять, сколько так пролежал.

Грубые руки перевернули и обшарили его. Он ощутил, как пистолет с шуршанием покинул карман и как зашелестели вытягиваемые из бумажника кредиты.

— Он мертв? — спросил кто-то на напевном иностранном языке, который Морган понимал не очень хорошо.

— Нет! — резко и хрипло ответил его собственный голос.

С болезненным усилием Морган привел себя в сидячее положение. В голове по-прежнему стучало, поле космодрома перед глазами качалось. Морган поднял взгляд на круг равнодушных лиц. За спинами собравшихся поспешно, но весьма осторожно что-то грузили на корабль. Одно лицо было Моргану знакомо.

Сияющий Луг улыбался ему, в свете звезд бледный, как бумага. Морган ответил свирепым взглядом, полным гнева и безнадежности. Никогда еще ни хитроумие, ни тело не предавали

его в тяжелую минуту вот так, разом. Если ему не удавалось перехитрить противника, он мог победить его в бою. Теперь же он оказался беспомощен. И бессильно выругался в адрес Луга на среднемарсианском.

— Тебя не так-то легко убить, Джейми Морган, — сказал Сияющий Луг. — Тебе везло… до этого момента.

Морган обругал его на певучем венерианском языке, с отчаянием чувствуя, что из-за неверных интонаций фразы выходят совсем безобидные.

— Ты помог мне добиться цели, Морган. — Луг улыбнулся. — За это я тебя награжу. В Ансибеле полно погибших, и повесят за это тебя, если я не спасу.

Он поднес бескостную руку к вороту своего одеяния, где его соплеменники носили тонкие прямые метательные ножи. И улыбнулся своей утонченной шутке:

— Тебя не повесят за убийство.

— Зато тебя повесят! — прорычал Морган. — Космический патруль поймает тебя, Луг. Они…

— Ничего они не сделают. Не смогут. — Луг глянул, как идет торопливая погрузка за спинами окруживших Моргана людей. — Благодаря тебе руки у патруля будут связаны. Мы погрузим

товар, который ты помог нам раздобыть, и вылетим, потому что ты расчистил для нас поле. Денег от продажи нам хватит, чтобы купить неприкосновенность на Локи на столько, на сколько мы захотим здесь остаться. Твой патруль получает приказы от таких же наемников, как и они сами. Однако это не твоя забота, друг мой. Уже не твоя.

Он послал Моргану холодную любезную улыбку и тронул рукоять ножа.

— Руф Додд тебя достанет, — пригрозил Морган, понимая, что ярость в его голосе вот-вот сорвется в отчаяние. — Ничьи приказы его не остановят, когда он узнает, что…

— Ты так думаешь, Морган? — Сияющий Луг резко рассмеялся. — Тогда погоди-ка! Наверное, тебе будет полезно поговорить с Доддом — пока ты еще можешь говорить!

Морган пристально смотрел на венерианина, не особенно вслушиваясь в его речь. Ему было неинтересно, что тот говорит, лишь очень хотелось найти какой-нибудь невероятной способ убить Луга. В общих чертах Морган даже придумал некий не очень выполнимый план. Он решил, что в последний миг перед тем, как вылетит метательный нож, надо будет броситься под ноги Лугу и повалить его на землю.

Может быть, ноги не удержат Моргана, да и руки до сих пор дрожат от долгой скачки на загривке быка. Но если хоть немного повезет, то прежде, чем его убьют, он сможет хотя бы испортить гладкое лицо Луга. С каким-то затаенным удовольствием он вспомнил прием выдавливания глаз, и большой палец правой руки вдруг сделал в пыли вращательное движение — совсем небольшое, имевшее значение только для него, и больше ни для кого. Он уже усмехался, предвкушая драку, когда крик Луга заставил его вздрогнуть.

— Майор Додд! — крикнул венерианин. — Майор Додд, подойдите сюда!

Морган замер на пыльной земле, боясь повернуть голову. Он вспомнил, как разбегался Космический патруль, когда на поле вырвались быки. Он знал, что Руф Додд далеко не побежит, и на миг совсем ослаб от радости. Тут он подумал, что разница невелика — убьет ли его Луг ножом, или Космический патруль повесит за убийство. Технически Морган был виновен, и не было у него никакого оправдания, которое можно было бы предъявить суду. У Руфа не будет выбора. Но все же…

Земля под Морганом немного задрожала от

шагов. Он не повернулся, даже когда над ним раздался знакомый голос.

— Морган, — официально, но с гневом в голосе начал Руф, — ты арестован. Лейтенант, возьмите его.

Морган упрямо смотрел на свои колени, не поднимая взгляда, даже когда по обе стороны от его ног появились ноги в коричневых форменных брюках, а крепкая рука легла ему на плечо.

— Погодите, майор! — В последний момент Сияющий Луг подал голос. — Ваша юрисдикция на эту территорию не распространяется. Отойдите, господа! Морган принадлежит нам!

— Я должен арестовать его за убийство, — резко произнес Додд. — Лейтенант…

— Вы превышаете свои полномочия, майор, — вежливо перебил его Луг. — Я приглашал вас не для того, чтобы вы нарушали приказы. У вас же есть указания из штаба, не так ли?

В наступившей тишине слышалось шумное дыхание Додда. Не поднимая взгляда, Морган понял, что челюсть майора напряглась.

— Есть, — после долгой паузы сказал Руф.

— И какие?

Опять наступило долгое молчание. И наконец Додд неохотно ответил:

— Я не должен вмешиваться в местные дела между вами и гражданским населением.

— Очень хорошо. Я позвал вас лишь для того, чтобы успокоить Моргана. — Луг улыбнулся, сверху вниз глядя на мрачно отвернувшегося пленника. — А то у него сложилось впечатление, будто вы… могли бы возражать, если бы он погиб во время вооруженного ограбления, которому подверг меня сегодня днем. Он ошибся, не так ли майор? Вы же не сможете вмешиваться, верно?

Повисло мертвое молчание.

— Вы не можете вмешиваться, — повторил Луг, — в дела между мной и гражданским населением, верно, Додд? Такой у вас приказ? А вы ведь никогда не нарушаете приказов, не так ли, майор?

И опять Додд ничего не сказал.

Молчание нарушил Морган.

— Забудь, Руф, — произнес он, не поднимая головы. — Ты ничего не сможешь сделать. Я сам нарвался. Просто хочу, чтобы ты знал: они обманом сделали так, что я с быками оказался в городе. Я ни за что не хотел, чтобы они побежали в город. Но ты же слышал, что они использовали «Бобики»? Поэтому…

— Хватит, Морган, — холодно оборвал его

Луг. — Я не могу терять здесь время. Вы, майор, можете идти. Это как раз дела между мной и гражданским населением. А у вас приказ.

Он опять потянулся к своему ножу, на этот раз демонстративно. Морган напряг тело, распластал ладонь по земле, готовый прыгнуть в любой миг. Большой палец прочертил кружок в пыли.

— Иди, Руф, — сказал Морган, не глядя на Додда. — Давай, иди!

— Спокойно, Морган, — сказал Сияющий Луг. — Приказы на Локи теперь отдаю я. Додд, берите своих людей и уходите. — Он улыбнулся. — Можете готовиться к вылету с Локи. Из штаба придет приказ, как только груз туда долетит. Деньги, отправленные в нужное место, дают очень убедительные советы, майор, а эти направятся в самое нужное из нужных мест. А пока можете привыкать исполнять мои приказания. Идите, Додд. Прочь с глаз моих.

И опять Руфус Додд ничего не сказал и не пошевелился. Морган вдруг задумался о том, насколько это странно. Совсем непохоже на Руфа Додда. Что тут такое творится? Ему очень захотелось обернуться и посмотреть, хотя страшно было встречаться взглядом со старым другом. Он не забыл, что при последней встрече пнул Руфа

в лицо, поэтому предпочитал сейчас смотреть в землю. Вряд ли Руф такое простил.

Морган не стал оборачиваться именно потому, что Руф молчал и стоял неподвижно. Ему вдруг показалось, что Руф прислушивается к чему-то, чего сам он не слышит. Морган словно получил откуда-то таинственный сигнал и подумал: может быть, у Руфа появился какой-то план и он не хочет, чтобы ему мешали. Когда знаешь человека так долго, как Морган знал Руфа Додда, и часто оказываешься в таких напряженных ситуациях, как сейчас, то можешь уловить вибрации посланной тебе беззвучной просьбы. Морган сидел неподвижно, готовый ко всему.

Тусклые глаза Луга разглядывали Додда. Потом человек с Венеры пожал плечами:

— Ну, оставайтесь, если хотите. Я же о вас заботился. Майор, вам, как я понимаю, очень хочется вмешаться, однако, даже если вы окажетесь настолько безрассудны, что нарушите приказ, людей у вас меньше, чем у меня. Но если вам интересно, можете остаться и посмотреть. Морган… — Он глянул себе под ноги. — Скалла!

Высоко вверх в плавном дугообразном движении взлетела рука, и в ней оказался нож, на котором уже играли красные отблески от фона-

рей. Морган сгруппировался на жесткой земле, перенес вес вперед, на одно колено, прикинул имеющееся у него время и…

Из темноты раздался крик, высокий и тонкий, словно вопль банши, и поднятая рука Луга дрогнула. Бескостные пальцы разжались; нож, блеснув красным, выпал. В центре запястья волшебным образом появилось круглое алое пятно — размером примерно в четверть кредита.

Никто не пошевелился. Все затаили дыхание.

Луг медленно повернул голову и посмотрел на руку. И только теперь из пробитого запястья потекла кровь. Вид ее словно разрушил заклятие, и началось внезапное, суетливое движение, по большей части без всякой цели.

Луг выкинул руку вперед и крепко сжал ее другой, лицо его посерело, весь румянец сошел. Своим людям он что-то неразборчиво сказал на венерианском. Поднялись страшная беготня и смятение, посреди которых вдруг раздался спокойный голос майора Додда. Он не сдвинулся со своего места ни на дюйм и только тихо произнес:

— Луг, они идут. Из-за холма. Слушай. Уже пять минут, как я их слышу. Если посмотришь вон туда, то поймешь, о чем я говорю.

Все обернулись одновременно. Вершина отделявшего космопорт от города холма вдруг украсилась диадемой из мигающих огоньков. Пока люди на летном поле смотрели, огоньки потекли вниз по холму, сливаясь и соединяясь, и превратились в широкую реку, которая приближалась со скоростью шагающего человека.

Свет факелов ярко освещал выбеленные пылью головы и злые, решительные лица людей из разрушенного Ансибела.

Сияющий Луг бросил на них лишь один изумленный взгляд и все понял. Он начал выкрикивать неразборчиво-быстрые приказы на венерианском, и его люди забегали вокруг загружаемого корабля с удвоенной скоростью. По трапам поспешно подняли последние бутыли, а освободившиеся рабочие начали осторожно занимать позиции вокруг корабля, доставая оружие.

Опять из темноты раздался вой банши — сразу в том месте, где кончался круг света от костра. Один стрелок завертелся на месте и тяжело упал на свое ружье. Из темноты зазвучал голос:

— Пристрелю любого, кто двинется! Мы не шутим!

— Джо! — Морган тихонько вздохнул. — Джо

Варбург!

Манеру стрельбы он знал так же хорошо, как и голос.

Река огней ускорила свой ход. Уже можно было разглядеть отдельные лица и пыльную, растрепанную одежду. Настоящее оружие имели не все. У некоторых были «Бобики», у кого-то — старомодные пулевые винтовки, а кое-кто нес оружие, всегда бывшее в ходу у отправившихся воевать крестьян, в каком бы мире ни приходилось им принимать участие в боевых действиях. Морган увидел, как поблескивают вилы, там и сям вспыхивает свет на лезвиях старых, давно вышедших из употребления кос — страшного оружия сражений при Флоддене и Пуактиере, которое со временем так и не стало более милосердным.

Некоторые лица были Моргану знакомы. Молодой поселенец, с которым он затеял ссору в магазине Варбурга, шагал в первом ряду, пристроив ультразвуковое ружье на сгибе тяжелой руки, и его скуластое лицо уроженца Ганимеда в свете костров казалось алым от гнева. Рядом с ним шагал фермер с седыми волосами, в руках он держал вилы, а рядом с этим человеком красный огонь поблескивал на линзах очков священника. Кожа у него на ладонях была содрана: это он бил

в колокол на церковной колокольне, а сейчас нес на руке моток орлоновой веревки.

Когда они подошли к тому месту, откуда раздавались крики банши, из темноты их кто-то окликнул. Появилась некая фигура, принявшая на свету знакомые очертания. На свет вышел Варбург и двинулся рядом со священником, стараясь попадать в шаг с идущими и легко неся свой «Бобик», включенный в режим поражающего воздействия.

Сияющий Луг что-то быстро и неразборчиво сказал своим людям, они положили груз и осторожно выпрямились, повернувшись к приближающейся толпе. За ними, в тени кораблей, еще несколько человек присели на корточки, подняли ружья и осторожно перебрались поглубже в тень.

— Поговорите с ними, майор, — сказал Луг. Он крепко зажимал себе запястье, и было слышно, как в пыль падают капли крови. — Скажите им, что Морган виноват в набеге быков. Вы же видели, это он их пригнал. Поговорите с ними, скорее!

Руф Додд рассмеялся — резким, отрывистым, словно лающим, смехом:

— Как же я могу вмешиваться в дела между

вами и гражданами Локи? Луг, у меня приказ!

Сияющий Луг резко повернулся к толпе.

— Стойте там! — крикнул он. — Под кораблями вокруг вас сидят мои люди. Не двигайтесь — и никто не пострадает. Если вы что-то начнете, я…

— Бесполезно, Луг, — сказал Варбург. — В Ансибеле погибли восемь мужчин и две женщины. Наши ребята не намерены вступать в переговоры. Мы знаем, что случилось. Мы видели, кто это все начал. Готовься теперь закончить.

— Я призываю Космический патруль! — закричал Луг. — Мы не имеем никакого отношения к нападению животных! Это самосуд!

— Мы — Комитет бдительности, — заявил молодой поселенец с ультразвуковым ружьем в руках. — Патрулю тут нечего делать. Отойдите майор, если не хотите, чтобы погибли ваши люди. Мы хотим повесить разбойников, которые все это затеяли, и вмешательства не потерпим.

Его красные щеки потемнели, а плоское лицо приняло жесткое выражение — он встретился взглядом с Морганом.

— Мы начнем, — сурово произнес поселенец, — с человека, который пригнал быков. Встань-ка, мистер! Сегодня в Ансибеле из-за тебя пострадало десять человек. Если закон не призовет тебя к

ответственности, так это сделаем мы, Комитет бдительности!

Морган медленно и неловко поднялся. Он не сказал ни слова, но его взгляд, встретившийся со взглядом Варбурга, содержал невысказанный вопрос. Варбург покачал седой головой:

— Джейми, мы все тебя видели. Мы знаем, что произошло. Ты не один это сделал. Но ты гнал стадо. Десять человек погибли. Посадки уничтожены. В Ансибеле не осталось человека, который не понес бы убытков. В эти посадки люди вложили труды целого года и все деньги, какие смогли занять, Джейми. Тем, кто погиб, повезло — вот как нам сейчас кажется. Мы не можем оживить умерших, но уж с теми, кто убил их, вполне можем справиться. Ты попал в плохую компанию, Джейми. — Его покрытое пылью лицо было мрачным. — Я не стал бы останавливать ребят, — закончил он, — даже если бы мог.

— Я ожидал, Джо, — Морган отрывисто кивнул, — что ты примерно так и скажешь. Что ж, ребята, давайте.

Он шагнул вперед. Молодой поселенец потянулся за веревкой, которую нес священник, и сделал длинный шаг по направлению к Моргану. Морган обхватил себя за плечи, не зная, что ему

делать.

И в этот момент взвыли первые выстрелы с той стороны, где в тени кораблей прятались люди Луга. Краснощекий ганимедец замер на полушаге, уронил ружье, полуобернулся и схватился руками за грудь.

Из толпы за его спиной вперед кинулся юноша — Тим, продавец с марсианским загаром из магазина Варбурга. Он подхватил ружье, упал вместе с ним на землю и, ловко приземлившись, со знанием дела пробежался пальцами по рычажкам и кнопкам. Через три секунды ружье уже выпустило в сторону кораблей первую вспышку фиолетового огня.

После этого началась большая суматоха.

Конечно, окончиться она могла только одним. Венериан было совсем мало. Морган не стал особенно ими интересоваться. Его что-то чиркнуло сбоку по голове, обожгло и успешно сбило с ног, так что он оказался на земле лишь на короткий миг позже Тима.

Морган лежал, свернувшись, чтобы защититься от ударов, и зная, что, кто бы ни победил, ему придется туго. Он слишком устал, чтобы бежать, и был слишком слаб, чтобы драться.

Он очень постарел.

Ему показалось, что Руф Додд, перекрывая шум, воинственно требует, чтобы ему дали арестовать Джейми Моргана. Но в этом Руф не преуспел. Как раз сейчас поселенцы решили, что нечего слушать Космический патруль. Крики Руфа стали слабее и замерли где-то в отдалении.

После этого кто-то пнул Моргана в голову, он увидел, как вдоль улицы Райской вспыхнули звезды, и погрузился в полнейшую темноту.

Следующее, что почувствовал Морган, — острый запах взрыхленной земли и вытоптанных растений. Он сидел на мягко подавшейся под ним сырой почве и слушал приглушенный шум голосов озлобленных людей, собравшихся в темноте вокруг него. Руки у него, кажется, были связаны за спиной, а когда он открыл глаза, то обнаружил, что спиной прислонен к дереву. Он поднял голову и посмотрел вверх.

Это было дерево серих; сквозь его листья на Моргана посмотрели звезды. Над горизонтом висело головой вниз созвездие Бизона, а бело-голубой Сириус на носу Космического Корабля указывал прямо на ту звезду, которая стоит над Северным полюсом Локи. В свете звезд он увидел разоренные поля к востоку от Ансибела, чернеющие обломки деревьев в вытоптанных садах.

Значит, жители Ансибела притащили его на место преступления, чтобы убить именно здесь. Морган беззвучно свистнул сквозь зубы и сел попрямее. Он хотел видеть, что происходит.

Это оказался как раз тот ряд деревьев серих, который ограждал дальний край поля. Смешно даже, подумал Морган, — всего несколько часов назад он всерьез рассчитывал запрыгнуть на одно из них.

Под ближайшим деревом в десяти футах справа Морган увидел лежащую бледную фигуру. В десяти футах слева, под другим деревом, — еще одну. У каждого будет собственная виселица, подумал Морган. Вон там справа, — может, это Сияющий Луг в своей зеленовато-коричневой одежде с бахромой, развеваемой ночным ветром? Морган тщетно вытягивал шею. Он решил, что, наверное, да, но не мог сказать точно.

Дальше от него уже вовсю шла висельная работа. Морган подумал: что же на самом деле у Варбурга на уме? На Джо это совсем непохоже. Джо переменился. Становится таким же, как поселенцы. Ничего хорошего в этом нет. Это не та смерть, которой можно наказывать даже уличенных убийц. Но может быть, поселенцам ничего другого не остается. Непонятно, как работают их

неповоротливые мозги. В конце концов, их едва ли можно винить. Морган рискнул и проиграл, а в чужой игре надо уметь играть по чужим правилам. Однако так умирать нехорошо.

Поселенцы постепенно приближались — мрачные, деловитые люди, решительно исполнявшие свою работу. Кто-то перебросил через сук веревку, и, когда петля оказалась на шее человека под деревом, из толпы, словно приглушенный гром, раздалось ворчание.

Морган с напряжением наблюдал.

Он чувствовал себя уставшим и не то чтобы несчастным, — в конце концов, почти наступила та ситуация, в которую он так часто попадал и так удачно из нее выбирался раньше, на многочисленных планетах. Он тихонько присвистнул и порадовался, что у него нет такого длинного пальто с бахромой, как у венериан. Она так потешно колыхалась, когда подвешенный за шею человек болтался под деревом серих.

Пленник под соседним деревом повернул голову и встретился глазами с Морганом.

— Скалла. — Морган усмехнулся.

Его соседом действительно оказался Сияющий Луг.

Но потом Морган отвел взгляд. Его не особенно

волновало, в какой компании он пустится в свое последнее путешествие. Пожалуй, это ничего не значило. Он стал тихонько насвистывать.

В темноте за его спиной что-то зашелестело. Он напрягся и прислушался. По его запястью прошло что-то холодное, металлическое, и веревка, стягивавшая руки, слегка подалась.

— Сиди тихо, дурак, — прошептал Джо Варбург.

Морган осторожно пробирался мимо лошадей из Ансибела, стараясь держаться в самых черных тенях. В городе живет гораздо больше людей, чем он думал, — если принять во внимание, сколько народу собралось на поле.

Он не очень хорошо себя чувствовал. После избиения в голове все еще шумело, и он даже не совсем был уверен в том, что делает, когда поспешно, как-то скомкано переговорил с Варбургом в тени дерева серих, а самозваные палачи из числа поселенцев вершили свое черное дело, все ближе и ближе подходя к нему. Все это теперь больше напоминало сон, который мог привидеться человеку после полученного нокаута.

— Иди в город, — велел ему во сне Варбург. — В переулок за последним салуном у космопорта. Не высовывайся. Старый ты дурак, неужели ты и

впрямь думал, что я дам тебя повесить?

Может, это произошло на самом деле. Может, нет. Так или иначе, переулок такой был. Морган распластался вдоль стены, бросая взгляды вдоль прилегающей улицы. Разрушенные дома, разбитая мостовая, огромный мертвый бык Харвестера, лежащий на боку, пугливый поселенец, пробирающийся куда-то в центр города. Зачем Морган сюда пришел? Что задумал Джо?

«Может быть, корабль в порту? — подумал Морган. — И старый Джо его заправил?» Эх, если бы знать…

Тут он услышал топот шагов и еще сильнее вжался в тени. Мимо проходил отряд Космического патруля, в унисон двигались коричневые ноги и взмахивали коричневые руки. Морган стоял неподвижно, пропуская солдат в опасной близости от себя.

Последними шли два офицера — бок о бок. Одним из них оказался Руф Додд.

Руф прошел мимо входа в переулок. Морган видел его тень на разбитой дороге, слышал его резкий голос.

— Начните искать с восточного края города. Действуйте быстро. Он сбежал всего десять минут назад. У него не было времени уйти далеко. Ну,

живее!

Шаги проследовали мимо — с удвоенной скоростью.

— Чего вы ждете, лейтенант? — более спокойно спросил Додд.

— Ваших приказов, сэр. Вы сказали — взять его живым? — неуверенно уточнил голос.

— Конечно. Морган мне нужен живым. Его ждет суд.

— Майор, но он опасен. Он узнал вкус крови. Неужели я должен подвергать своих людей ненуж…

— Вы обсуждаете мои приказы, лейтенант?

Наступило недолгое молчание. Тень Додда на улице вытащила тень сигары и неторопливо раскурила ее, выдохнув дым в сторону звезд. Морган уловил аромат выращенного на Марсе табака. Другого человека он не видел. И подумал: не слышно ли в узком переулке, как грохочет сердце у него в груди? Когда Додд заговорил снова, голос у него был спокойный.

— Джейми Морган никого больше сегодня не убьет, лейтенант. Дело не в том, узнал он вкус крови или нет. Дело в том, к чему он подошел. Морган оказался слишком близко от цивилизации и запачкался. Но все это смоется. Может

быть, он усвоит урок, который рано или поздно ему пришлось бы усвоить.

Опять наступило молчание.

— Сэр…

Додд не обратил на лейтенанта внимания.

— Да, — продолжал майор, — когда человек молод, он всегда в движении. Он не может надолго задерживаться ни в одном из миров. Но с годами он приобретает привычки, а они замедляют его движение. Однажды он обнаруживает, что время пришло, а он не готов идти дальше. Но он не может ни задержать наступление цивилизации, ни остановить то хорошее или плохое, что она несет с собой. Что ему делать? Мир становится более цивилизованным, ничто не может остановить прогресс, если он начался. И такой человек, как Морган, оказывается в ловушке раньше, чем успевает это понять. Ему приходится следовать правилам, навязанным цивилизацией, даже когда ему самому кажется, что он борется с ней. Нельзя оставаться безучастным. А Морган этого не знал.

Тень выдохнула ароматный дым.

— Локи больше Моргану не принадлежит. Планета принадлежит поселенцам. Но в небе еще полно звезд, лейтенант. Слышали о новой плане-

те, которую тут открыли за Реобумом Шестым?

— Вот еще что, сэр, — ответил голос лейтенанта. — Вон тот грузовик не охраняется. Если Морган об этом узнает… если ему удастся пробраться…

— Откуда ему знать, что «Ниневия» на рассвете улетает? — спросил Додд, тщательно выговаривая каждое слово. — Он даже не знает, что я отменил приказ, запрещающий вылеты. Зачем охранять «Ниневию»? Человек всегда следует своим привычкам. Морган будет прятаться в лесу. — Он хохотнул. — Морган слишком стар, чтобы меняться, — с явным сарказмом произнес он. Его слова напоминали вызов. — Он совсем забыл, каковы другие планеты. Он и не помнит косоглазого гиганта.

— Простите, сэр…

— Ничего, лейтенант. Идемте. Вам лучше догнать своих людей, пока вы их не потеряли.

— Да, сэр, — ответил голос без особой уверенности.

— Идемте, — повторил голос Додда.

Две пары ног зашагали прочь. Издалека прилетел голос Додда, ясный и глубокомысленный:

— Знаете, всегда найдутся новые миры и всегда будут такие люди, как Морган, открывающие их.

Они всегда были. Всегда будут. Один из древних поэтов написал про Джейми. Он сказал, что такой человек всегда знает… — На миг голос замолчал и продолжал уже с интонацией приказа: — «Что-то ждет его за морем, что-то, скрытое вдали. Так вперед!»

Звук шагов тяжелых ботинок прогремел по темной улице, потом стал тише, а потом смешался с остальными ночными звуками.

Морган стоял неподвижно, пока не стих последний ритмичный перестук шагов. Тогда он повернул голову и посмотрел на запад, в сторону порта. Он увидел пять высоких кораблей и сияющее небо за ними.

Ему было очень грустно, но он уже чувствовал себя не так плохо и совсем не ощущал себя старым. Он быстро наклонился и тронул землю. Прощай, Локи. Прощай, планета.

В темноте он повернулся и бесшумно побежал на запад, в сторону кораблей, по бесконечной улице Райской.

Земля обетованная

Фентону поспешно уступали дорогу, — нахмурившись, он шагал к огромным стальным дверям, в которые могли войти лишь пять человек во всем Комплексе. Фентон и был одним из этих пяти. Бледный шрам пересекал его смуглую щеку напоминающим молнию зигзагом и сейчас даже немного перекосил лицо — сердито и резко Фентон что-то сказал в переговорное устройство.

— Извините, он сейчас занят, — послышалось оттуда виноватое бормотание. — Если вы…

В ярости Фентон ударил по металлической стене рядом с интеркомом. Глухой металлический гул прокатился у него за спиной, словно гром, по всему холлу, где, надеясь получить аудиенцию у протектора Ганимеда, собрались придворные, дипломаты и политики.

— Открывайте дверь!

Наступила тишина. Голос пробормотал что-то еще, и огромные стальные двери бесшумно приоткрылись на несколько футов. Фентон прошел между створками и услышал, как они с глухим стуком сомкнулись за ним, отрезая шум в зале; там теперь слышалось ворчание — злобное, лю-

бопытствующее.

Через приемную Фентон прошел в комнату, похожую на колодец, с высокими колоннами, с куполом усеянного звездами неба высоко над головой. Снаружи, на Ганимеде, стоял день, и небо постоянно закрывал толстый слой облаков, но достаточно богатый человек, если хотел, мог устроить так, чтобы у него дома на потолке были видны звезды.

Под куполом с изображением неба в центре комнаты стояла огромная ванна, где вальяжно развалилось пятисотфунтовое тело протектора. Человек-гигант, подобно истине, полеживал на дне колодца и поглядывал на звезды.

Но сейчас он не смотрел на них. Складки рыхлой плоти на щеках пошли волнами: приветствуя пришедшего, он открыл рот и улыбнулся.

— Терпение, Бен, терпение, — произнес протектор своим низким глухим голосом. — В должное время ты унаследуешь Ганимед — когда он станет обитаем. Будь терпелив, даже…

Разъяренный взгляд Фентона упал на человека, сидящего на высоком стуле рядом с ванной.

— Выйди, — велел Фентон.

Человек, улыбаясь, поднялся. Что сидя, что стоя, он слегка сутулился, словно его костлявый

скелет считал тяжелым бременем даже то немногое количество плоти, которое на нем наросло. А может, его сгибали обязательства, которые он нес. Лицо у него было изможденное, а глаза такие же бесцветные, как и волосы.

— Погоди, — сказало чудовище в ванне. — Брайн еще со мной не закончил. Сядь, Бен. Терпение, сынок, терпение!

Правая нога Фентона дернулась по направлению к двери.

— Выйди, — повторил он, послав Брайну холодный взгляд.

— Я все понял. — Брайн отвернулся от ванны. — Извините, протектор, и все такое. Но мне бы не хотелось вмешиваться. Бен, кажется, чем-то расстроен. Позовите меня, когда все уляжется.

Он пошаркал прочь и скрылся за колоннами. Звук его шагов затих.

Прежде чем заговорить, Фентон глубоко вдохнул. Его смуглое лицо запылало. Он пожал плечами и решительно произнес:

— Хватит с меня, Торрен. Я уезжаю.

Протектор, колыхаясь, поднял огромную руку. Задыхаясь от усилия, он уронил ее обратно в плотную, маслянистую жидкость своей ванны.

— Погоди. — Он тяжело дышал. — Погоди.

Край ванны ниже уровня воды был утыкан разноцветными кнопками. Огромные пальцы Торрена задвигались под водой, нажимая какие-то. На наклонном экране над ванной появились заснеженные поля, по которым вилась дорога и бесшумно неслись машины.

— Ты только что приехал из деревни, — сказал Торрен. — Наверное, говорил с Кристин. И знаешь, что я тебя обманывал. Удивлен, Бен?

— Я уезжаю. — Фентон нетерпеливо качнул головой. — Найди себе другого наследника, Торрен. — Он отвернулся. — Вот и все.

— Нет, не все. — Низкий голос протектора звучал властно. — Вернись, Бен. Тебе не хватает терпения, мальчик мой. Терпения. Проведи-ка тридцать лет в ванне — и научишься терпению. Значит, хочешь все бросить, да? Никто не бросает Торрена, сынок. Тебе надо бы это знать. Даже мой наследник не бросает. Ты меня удивляешь… Ведь я немало постарался, чтобы в угоду тебе переделать целый мир! — Необъятные щеки сморщились в улыбке. — Не очень это благоразумно, Бен. Да еще после того, что я для тебя сделал.

— Ты ничего для меня не сделал, — решительно возразил Фентон. — Ты взял меня из сиротского

приюта, когда я был еще слишком мал, чтобы защитить себя. Из того, что мне нужно, ты, Торрен, не можешь дать мне ничего.

— Привередничаем? — с добродушной усмешкой спросил человек в ванне. — Удивляюсь я тебе, Бен. Значит, не хочешь получить империю Торрена? Ганимед для тебя нехорош, даже если я сделаю его обитаемым? Ну, Бен, приди же в себя. Я никогда не надеялся, что ты будешь ко мне добр. Особенно после того, что ты пережил.

— Из-за тебя я много чего пережил. Мне пришлось нелегко. И результат не стоит таких усилий. Торрен, ты зря потратил время. Говорю тебе: с меня хватит.

— Наверное, свет взгляда хорошей женщины так тебя изменил, — поддразнил его Торрен. — Это малышка Кристин так на тебя подействовала. Очаровательная крошка эта Кристин. И всего на фут выше тебя ростом, мальчик мой. Всего на сотню фунтов потяжелее. Но она еще молодая. Она вырастет. Да, жаль, что я так и не встретил по-настоящему хорошую женщину, когда мне было столько лет, сколько тебе сейчас. Однако Кристин со временем будет весить добрых пять сотен фунтов, а такие женщины никогда не вызывали у меня особого эстетического удовольствия. Жаль,

что ты не видел милых малышек из центрифуги, Бен. Они все еще там — те, кто не умер. Я — единственный ребенок, кому удалось вырваться из центрифуги и остаться в этом мире. И я преуспел. Я немало заработал, чтобы жить здесь.

Жуткая голова откинулась, Торрен открыл свой огромный рот и разразился ревом, который заменял ему смех. Маслянистая жидкость в ванне пошла ровными волнами, а эхо хохота полетело между колоннами, вверх по колодцу к звездам, прокатилось по стенам, которые с самого рождения Торрена стали для него тюрьмой.

— Это тебе-то пришлось нелегко? — хохотал Торрен. — Тебе?

Фентон молча глядел на жуткое существо в ванне, и помимо воли гнев в его взгляде смягчался. В душе его жило давнее уважение к Торрену. Наверное, Торрен был тираном, безжалостным и самовластным правителем, а кто еще мог бы быть безжалостным? Пожалуй, те, кто жил в совсем древние времена, когда умелые врачи ради выгоды уродовали тела детишек, ломали им кости, чтобы сотворить дорогостоящих уродцев на потеху особам королевской крови. Наверное, только те люди, и больше никто и никогда, — до того самого времени, когда три столетия назад были

найдены годные для колонизации планеты.

Еще на Земле Фентон видел планетарные инкубаторы — фантастические установки, где евгеника, работая над поколениями отборного материала, выращивала людей, которые могли бы приспособиться к жизни в условиях других планет. Бен мало что знал об удивительных результатах этих экспериментов. Он знал только, что некоторые опыты провалились, а один такой планетарный инкубатор тридцать лет назад вырастил Торрена.

— Тринадцать поколений, — с нажимом произнес Торрен, как всегда безжалостно обращаясь к старым воспоминаниям. — Тринадцать поколений одно за другим жили и умирали в центрифуге, которая с каждым годом вращалась все быстрее и быстрее. Все эти процедуры, операции для того, чтобы терпеть меняющийся уровень радиации, дышать измененным воздухом, двигаться при изменившейся силе тяжести — пока ученые не выяснили, что даже за тысячу поколений не смогут вывести человека, способного жить на Юпитере. Есть предел, за которым мутации тела могут повредить разуму. И нам принесли извинения. — Он еще раз коротко рассмеялся, и вода в ванне опять заплескалась вокруг его тела. — Ска-

зали, что им очень жаль. И мы можем покинуть центрифугу, когда захотим, — нам даже пенсию дадут. Пять сотен в месяц. У меня уходит тысяча в день, чтобы я мог жить вне центрифуги!

Торрен в изнеможении откинулся, смех замер. Он медленно повел в воде огромной рукой:

— Хорошо. Дай-ка мне сигарету, Бен. Спасибо. Прикурить…

Протягивая зажигалку, Фентон запоздало подумал, что у Торрена должны быть свои сигареты. Обитателю этой ванны доступны любые удобства, любая роскошь. Фентон в раздражении отвернулся и начал шагать туда-сюда под большим экраном, который по-прежнему показывал заснеженные поля. Пальцы стукнули по татуировке на бедре. Торрен, наблюдая за ним, ждал.

— Значит, в центрифуге плохо было? — тихо спросил Фентон у дальнего конца экрана. — Насколько плохо?

— Сначала ничего. У нас была цель. Пока мы думали, что наши потомки смогут колонизировать Юпитер, мы многое могли выдержать. И только когда эксперимент провалился, мы поняли, что центрифуга — зло, тюрьма и наши тела тоже стали для нас тюрьмой.

— Но ты бы и ганимедцев запер в их мире, точ-

но в центрифуге.

— Конечно. Конечно запер бы. Я бы запер и тебя, и любого, кто встал бы у меня на пути. Я ничего ганимедцам не должен. Если говорить о долгах, то человечество передо мной в таком долгу, который оно никогда оплатить не сможет. Посмотри на меня, Бен. Посмотри!

Фентон обернулся. Торрен поднимал из воды гигантскую руку. Этой руке было предназначено стать необоримо могущественной. Ей принадлежали сильные изогнутые кости, по всему предплечью играли мощные, как у неандертальцев или у горилл, мышцы. И Торрен действительно обладал хваткой гориллы — когда ему не нужно было бороться с силой притяжения.

Но сейчас он боролся. Усилие, нужное только для того, чтобы поднять собственную руку, заставило его тяжело дышать. Его лицо потемнело. Невероятным напряжением он заставил руку показаться над водой, аж до самого локтя, но тут силы его оставили. Бесполезная, бессильная рука упала обратно, высоко разбрызгивая воду. Торрен откинулся на спину, тяжело дыша, и смотрел, как плавает, постепенно размокая, его сигарета.

Фентон шагнул вперед, вытащил сигарету из воды, отбросил в сторону, вытер пальцы о рукав.

Лицо его ничего не выражало.

— Не знаю, — сказал он. — Не знаю, можно ли погасить такой долг. Но ты стараешься изо всех сил.

— Мне нужны деньги. — Торрен рассмеялся. — Всегда нужны. Ганимедцев слишком мало, чтобы развивать планету, — вот в чем дело. Через десять лет экология изменится, и тут смогут жить нормальные люди.

— Они смогут жить здесь и через сто пятьдесят лет, если рост растений и изменение атмосферы будут следовать заданной программе. К тому времени и ганимедцы адаптируются — или их правнуки. Таков был изначальный план.

— Пока я не взял власть — да. Но сейчас приказы на Ганимеде отдаю я. После того как Енсен изолировал своих последователей вон там, — Торрен кивнул на экран, — все переменилось. Мы можем ускорить вегетацию в два раза, и воздухом можно будет дышать через…

— Енсен — ганимедец, — перебил его Фентон. — Без Енсена ты бы никогда не смог нарушить первичное соглашение. Поэтому ты задолжал ганимедцам хотя бы из-за Енсена.

— Енсен получит свою награду. Я оплачу ему закрытый санаторий на любом из миров, какой

он выберет. А другим я ничего не должен.

— Но они же там все вместе! — Фентон гневно шлепнул ладонью по краю ванны. — Ты разве не понял? Без ганимедского эксперимента ты бы ни за что не договорился с енсенитами. Ты же не можешь бросить всех ганимедцев, за исключением Енсена! Ты…

— Я могу делать все, что захочу, — веско заявил Торрен. — И собираюсь. Ганимед — маленький спутник, политического влияния не имеет. Так уж вышло, что он принадлежит мне. Неприятно говорить об этом, сынок, но то же самое касается и тебя. Молодой человек по имени Бенджамин Фентон никакого влияния не имеет, и так уж вышло, что он принадлежит мне. Без моей поддержки ты не более чем пустое место в огромной Солнечной системе. В Ганимед я вложил немало денег и сил и вовсе не собираюсь ни от чего отказываться. Ну а ты что собираешься делать, если уйдешь от меня?

— У меня хорошие организаторские способности, — осторожно начал Фентон. — Я знаю, как общаться с людьми. У меня быстрая реакция, и я могу выносить взвешенные решения. Ты закалил меня. Ты устроил мне несколько очень тяжелых лет. Ты сделал так, что я убил несколько человек

— по долгу службы, конечно. Я занимался за тебя грязной работой до тех пор, пока не изучил все скрытые пружины. Теперь я могу сам о себе позаботиться.

— До тех пор, пока я не против, — заметил Торрен со знакомым грозным звоном в голосе. — Может быть, я взял тебя из приюта просто по капризу. Но я слишком много вложил в тебя, Бен, чтобы сейчас позволить тебе переступить через меня. Тебе нужна закалка работой, мальчик, вот что. — Он зачерпнул ладонью воды и дал ей вытечь в ванну. — Кто это сказал, что ни один человек — не остров? Ты смотришь на такой остров, Бен. Я и есть остров. Плавающий остров. Никто из живых не может предъявлять мне претензий. Даже ты. Не заходи слишком далеко, Бен.

— Торрен, а тебе не приходило в голову, что я когда-нибудь могу тебя убить? — спокойно спросил Фентон.

Колосс в ванне захохотал густым басом:

— Конечно, я рискую, имея тебя в наследниках. Но ты не сможешь убить меня, чтобы унаследовать мои владения. Об этом я позаботился. Я тебя испытывал. Тебе давалась возможность, знаешь ли… нет, думаю, ты ни разу не догадался. Я закалял тебя, и делал жестче, и давал тебе тяжелые

задания, и кое-кто, наверное, захотел бы меня из-за этого убить. Но не ты. Ты не ненавидишь меня, Бен. И не боишься меня. А наверное, надо бы. Думал об этом когда-нибудь?

Фентон повернулся и пошел к двери. Между двумя колоннами он остановился и оглянулся:

— Я чуть не убил тебя тринадцать лет назад.

Торрен шлепнул ладонью по воде, высоко взметнув водяные брызги.

— Чуть не убил! — воскликнул он, неожиданно грозно хмурясь. — Ты думаешь, я боюсь смерти? Когда я не боюсь жить? Бен, вернись сюда.

— Нет. — Фентон послал ему взгляд сверху вниз.

— Бен, это приказ.

— Извини.

— Бен, если ты сейчас выйдешь из этой комнаты, то никогда не вернешься. Живой или мертвый — не вернешься никогда.

Фентон повернулся к нему спиной и вышел через приемную, в высокие стальные двери, которые открылись при его появлении.

Наклонившись над лежащим на кровати чемоданом, Фентон, у которого были заняты обе руки, увидел, как какая-то легкая тень мелькнула в окне перед ним. Значит, он в комнате не один.

Никакой сигнал его не предупредил, хотя у него была установлена целая система, защищавшая от проникновений, и никто не мог пробраться сюда незамеченным.

Фентон медленно поднял голову. За широким окном до самого горизонта легли волнистые гряды снежных равнин Ганимеда. Укрывавшие планету облака из-за света Юпитера имели голубоватый оттенок, — это солнечные лучи отражались от бескрайних ярко-синих морей жидкого аммиака на поверхности огромной планеты. Между вершинами двух холмов была видна одна из долин-питомников, — затянутая туманом, она имела тускло-бирюзовый цвет, который на фоне снега казался теплым. По стеклу между ним и холмами проплыло отражение.

— Ну что, Брайн? — спросил Фентон, не поворачивая головы.

— Как ты узнал?

Фентон выпрямился и повернулся. Брайн стоял у дверного косяка, сложив на груди руки и вопросительно подняв песчаного цвета брови.

— Ты и я, — с нажимом произнес Фентон, — единственные люди, которые знают почти все глубоко запрятанные секреты в этом Комплексе. Все секреты известны только Торрену. Конечно,

это должен быть или ты, или Торрен. Видишь, как я узнал? Ты что, пытаешься мне польстить? Разве теперь это не пустая трата времени?

— Это от тебя зависит. И от меня, конечно, — добавил Брайн, чуть помолчав.

— Продолжай.

Брайн неловко пристроил свое тощее тело у двери:

— Знаешь, какой приказ дал мне Торрен час назад? Нет, конечно не знаешь. Я скажу тебе. Он велел не пускать тебя к нему, даже если ты попросишь, хоть я и говорил ему, что ты не станешь этого делать. Тебе не позволят вывезти за пределы Комплекса ничего, кроме той одежды, что сейчас на тебе, так что можешь не укладывать чемодан. Твои счета блокированы. Тебе позволено оставить только те деньги, что найдутся у тебя в кармане. Как только ты выйдешь из этой комнаты, вернуться уже не сможешь.

Он глянул на запястье:

— Через полчаса я должен прийти сюда и проводить тебя на второй уровень. До четверга, пока не прилетит грузовой корабль, ты будешь питаться с ремонтной бригадой и спать у них в общежитии. Тебе придется наняться в экипаж, чтобы заработать на билет до Земли. — Брайн

усмехнулся. — А там ты будешь полностью предоставлен сам себе.

— Значит, заходи через полчаса. — Фентон холодно глянул на Брайна, задумчиво тронув шрам на щеке. — Прощай.

Брайн выпрямился. Его улыбка увяла.

— Ты меня не любишь, — с оттенком печали произнес он. — Ну что ж, лучше будет, если ты хотя бы станешь мне доверять. У нас есть всего полчаса. Потом я вступлю в официальную должность представителя протектора и мне придется выполнять приказы Торрена. Он-то думает, что тебе нужна закалка работой. Может так случиться, что мне придется устроить тебе кабальный контракт где-нибудь в подземельях.

— Что ты предлагаешь? — спросил Фентон, складывая очередную рубашку.

— Так-то лучше.

Брайн опустил руку в карман, сделал шаг вперед и бросил на кровать толстую пачку денег. Рядом он кинул ключ и сложенный билет — ярко-розовый, в первый класс.

— Через шесть часов уходит корабль на Землю. Гусеничный мобиль стоит в желобе в нижней части коридора G. Вот ключ. Торрен организовал слежение за всеми коридорами, но система очень

сложная. Время от времени то одно, то другое устройство по разным случайностям выходят из строя. Те, что обслуживают коридор G, отключены прямо сейчас. Ну что, Фентон?

Фентон положил на место свернутую рубашку и без всякого выражения глянул на деньги. Он лихорадочно раздумывал, но его лицо ничего не выражало.

— Брайн, чего ты хочешь добиться? Или это какой-нибудь хитрый план Торрена?

— Нет, это мой план, — заверил его Брайн. — Я думаю о будущем. Я — совершенно честный человек, Фентон. Не прямой, нет. Это ты можешь себе позволить быть прямым. А я не могу. Я ведь только администратор. Торрен — босс. А однажды и ты станешь боссом. Мне бы хотелось и тогда быть администратором.

— Это что, взятка? Зря теряешь время. Я вышел из игры. Наверное, Торрен уже переписывает завещание. Если я уеду с Ганимеда, то уеду навсегда. А ты как будто не знал.

— Конечно, я знаю. Еще бы. Мне уже было велено достать старый текст завещания. Но вот что я скажу тебе, Фентон: мне нравится быть администратором на Ганимеде. Мне нравится быть тем, кто подает чашу богам. Мне это подходит. И у

меня хорошо получается. Я бы хотел продолжать это занятие.

Он замолчал и из-под песочных ресниц бросил на Фентона проницательный взгляд. А потом спросил:

— Как ты думаешь, сколько Торрен еще проживет?

Фентон прервал методичные сборы и задумался.

— Может быть, год, — ответил на свой вопрос Брайн. — А может, и меньше. В его состоянии ему надо только радоваться. Я думаю о том, что будет после. Мы с тобой друг друга понимаем. Мне бы не хотелось увидеть, как рушится все, чем Торрен владел. Что, если я сохраню старое завещание, по которому наследник — ты, а новое, которое Торрен собирается сегодня написать, порву? Это для тебя будет что-нибудь значить?

Фентон глянул в окно, где за снежными полями лежала бирюзовая долина — там Кристин сыплет желтые семена в борозды распаханной земли Ганимеда. И вздохнул. Потом наклонился и взял деньги, билет и ключ.

— Тебе придется поверить мне на слово, — сказал он. — Мне бы очень хотелось понять, зачем ты действительно это делаешь? Я-то думал, что

ты лучше ладишь с Торреном.

— Конечно. Мы прекрасно ладим. Но он меня пугает. Я не могу предсказать его действия. Странные вещи происходят нынче с людьми, друг мой. — Худое лицо человека в дверях выразило неожиданную искренность. — Торрен… Торрен не принадлежит к человеческой расе. И многие люди перестали быть людьми. Все важные люди — не люди. — Он простер длинную руку в сторону бирюзовой долины. — Верх берут люди инкубаторов, Фентон. Я не говорю — здесь. Я это в фигуральном смысле. Но они, а не мы — истинные наследники будущего. Наверное, я просто завидую. — Он скупо улыбнулся. — Завидую и немного боюсь. Мне хочется чувствовать себя важной персоной. Мы с тобой — люди. Может, мы не очень любим друг друга, но мы друг друга понимаем. Можем вместе работать. — Он немного вздернул плечи, пожав ими. — Торрен — не человек, а монстр. Теперь и ты это понял. Я знаю, из-за чего вы поссорились. И я рад.

— Еще бы, — ответил Фентон.

Когда стало безопасно, он вывел гусеничный мобиль из впадины между высокими сугробами и со всей возможной скоростью покатил в сторону бирюзовой долины. Ганимедский пейзаж в квад-

ратных окнах со всех сторон мобиля напоминал телевизионные картинки на квадратных экранах в Комплексе, чьи занимавшие целую квадратную милю постройки отодвигались тем дальше, чем длиннее становился гусеничный след.

Может быть, и экран Торрена, наклоненный так, чтобы его можно было видеть из ванны, изображал какой-нибудь такой пейзаж. Но заснеженные дороги бороздит немало подобных гусеничных средств передвижения. Если Торрен ничего не подозревает, он вряд ли станет особенно интересоваться конкретно этим мобилем. Однако Фентон все равно считал, что ему будет спокойнее, когда машина покинет зону обзора телекамер. Нельзя забывать, что Торрен может вывести на экран изображение любого места на Ганимеде, которое вдруг его заинтересует. Главная задача — не вызывать его интереса раньше времени.

Мимо скользили замороженные холмы. При движении машины морозный воздух слегка дрожал, шел небольшими волнами — словно при сильной жаре, создавая иллюзию миража. Пока что на поверхности Ганимеда ни один человек не мог выжить без скафандра и дыхательного аппарата. Но специально выведенные в планетарном

инкубаторе ганимедцы — могли.

Когда люди впервые достигли других планет, то обнаружили, что диапазон условий существования там фатально отличается от земного. Тогда земляне стали изменять эти планеты, а заодно и людей. Это начали делать после того, как было потеряно целое поколение: сначала делались попытки основать колонии, где люди жили и работали в изолированных модулях, получая снабжение с Земли. Эта затея не удалась. Такая затея не удавалась никогда и нигде, даже на Земле, если люди пытались создавать постоянные поселения в чужих краях, не обрабатывая землю, на которой селились.

И дело не только в недостатке хлеба. В том мире, где человек трудится, он должен создать для себя систему, которая могла бы обеспечить его независимость, иначе он не станет долго там жить. Ни люди, ни звери не смогут ни жить, ни успешно действовать на чужой земле. Их обмен веществ насильно перестраивается под чуждую экологию, их органы пищеварения требуют другой пищи и рано или поздно их одолевают меланхолия и упадок сил. Ни одно из предприятий, суливших баснословные барыши от разработки богатых минералами планет, не вышло даже на

уровень рентабельности, если отставало сельское хозяйство, — такие затеи рушились под своим собственным весом. Все это не раз было доказано еще на Земле, а теперь этот забытый трюизм повторяется на других планетах.

Вот так и появились планетарные инкубаторы, и начался обширный эксперимент. Стали меняться планеты и те, кто должен был на них жить.

На Ганимеде было холодно. В атмосфере из тяжелых газов человеческая раса жить не могла. При помощи атомной энергии и технологического оружия люди начали менять атмосферу. С годами температура медленно поднималась выше смертоносной сотни градусов ниже нуля по Цельсию. С большими трудностями высвободили замороженную воду, и вокруг Ганимеда стал формироваться облачный слой, который мог бы удерживать тепло.

Неудач было много. Случались долгие простои, купола с искусственной атмосферой стояли необитаемые. Но когда появились новые технологии, были разработаны новые сплавы, найдены новые изотопы, — процесс пошел с большим успехом. Когда было выведено последнее поколение существ, предназначенных для жизни на Ганимеде, планета уже была готова их принять.

Три последующих поколения смогли уже самостоятельно жить на этом спутнике Юпитера. Они могли дышать воздухом — тем воздухом, которым не могли дышать люди. Они могли переносить холод — тот холод, который был невыносим для людей. Они были выше людей, крепче и сильнее. Сейчас их насчитывается несколько тысяч.

Генетическое развитие вытянули по параболе, которая пересеклась с восходящей параболой измененного экологического баланса на планете, чтобы дальше развитие Ганимеда и ганимедцев двигалось по новой кривой. Еще через несколько поколений круг замкнется, вернувшись к обычным людям. К тому времени Ганимед должен стать пригодным для жизни земных людей, а ганимедцы должны мутировать еще раз, чтобы опять стать такими же, как люди.

Может быть, из всех возможных планов этот был не лучшим. Человечество несовершенно. В начале технологической эры было сделано немало ошибок, немало ложных шагов. На развитие планетарных инкубаторов большое влияние оказало соотношение сил между разными странами на планете Земля. Цивилизация находила новые источники энергии, изобретала новые процессы и технологии, и социальные конфликты изменя-

лись и сдвигались.

Фентон подумал про Торрена. Да, немало было ошибочных посылок. Дети Торрена должны были шагать гигантами по свободной планете. Колоссы из центрифуги. Но этот эксперимент провалился. Даже на крохотном Ганимеде вся чудовищная сила Торрена не могла заставить его беспомощное тело подняться во весь рост.

Легче было выводить новые породы животных. В новых, еще продолжавших свое формирование морях Ганимеда и на суровых холодных материках планеты выращивались существа, которые могли дышать в этой атмосфере: существа арктического и субарктического пояса, моржи, разные породы рыб, лемминги и лоси. Теперь на Ганимеде росли деревья, по пустошам распространялись мутировавшие растения тундры — им помогали лаборатории фотосинтеза. Рождался мир.

По всей планете шагали дающие тепло и жизнь башни, построенные правительством Земли за последнее столетия и до сих пор принадлежавшие Земле, неподвластные Торрену, которому принадлежал весь Ганимед. Фентон повел машину через вершину холма и на миг притормозил, чтобы глянуть на запад. Там поднималась новая башня, одна из нескольких сотен, — она должна

была помочь старым в применении нового способа ускорения изменений. Через десять лет эти заснеженные холмы, наверное, будут покрыты пшеничными полями…

В этом месте дорога раздваивалась. Одна вела в долину. Другая, словно длинная голубая лента, пролегла на вершины холмов и внезапно обрывалась вместе с горизонтом, который нырял к космопорту.

Там ждал улетающий домой корабль. Фентон тронул шрам на щеке и посмотрел на дорогу в космопорт. Земля, подумал он. А потом? Ему вспомнилось худощавое умное лицо Брайна и Торрен, плескавшийся в своей ванне, которая, как центр паутины, была связана с каждой секцией квадратной мили Комплекса и с каждой полоской земли этой крохотной планеты. Нет, не паутина — остров. Плавучий остров, никак не связанный с человечеством.

Фентон в ярости сказал что-то и резко крутанул руль. Машина резко свернула, подняв ослепительный снежный вихрь, и понеслась по правой дороге — вниз, к бирюзовому туману над долиной.

Через час он приехал в деревню под названием Провиденс.

Здешние дома были выстроены из местного камня, крыши крыты мхом. От первых экспериментов с домами из металла, пластика и привозного дерева пришлось отказаться в пользу местных материалов. Для жизни на Ганимеде ни один дом не подходил лучше, чем дом, построенный из ганимедского камня.

Люди в основном принадлежали к северным народностям, которых скрещивали между собой, чтобы получить нужные качества. Ганимедцы, которые вышли на засыпанную снегом улицу встречать машину Фентона, представляли собой совершенно новую расу. Расу неожиданно красивых людей — ведь их выводили совсем не ради красоты. Может быть, красота их происходила от прекрасного здоровья или оттого, что они были в ладу со своей жизнью, со своим миром и знали, что работа, которую они делают, правильна и нужна. Была — до настоящего момента.

Одетый в меха высокий человек с желтыми волосами наклонился к окошку машины; в морозном воздухе, которым пока не мог дышать ни один землянин, от его дыхания клубился пар.

— Ну как, Бен? — спросил он.

Его голос заставил вибрировать диафрагму, встроенную в стенку машины. Только так ганиме-

дец мог разговаривать с человеком, рожденным на Земле. Их голоса должны были проходить через слой углекислого газа, а также через металлическую и резиновую пластины. Но это мало что меняло. Внутренний мир человека отделяют куда более высокие барьеры.

— Примерно так, как ты и предполагал, — ответил ему Фентон, глядя, как вибрирует от звуковых волн диафрагма.

Интересно, подумал он, как же звучит мой голос — там, на улице, в холодном воздухе, наполненном тяжелыми газами.

И желтоволосая, и темноволосая головы одновременно кивнули: они поняли друг друга. Высокие люди вокруг машины словно немного ссутулились, хотя двое или трое коротко рассмеялись, а большая женщина в меховом капюшоне сказала:

— Бен, Торрен тебя очень любит. А как же иначе? Может быть…

— Нет, — решительно ответил ей Фентон. — Он вообразил, будто я — его продолжение, вот и все. Я-то могу ходить повсюду. Но я лишь его часть, как рука или нога. А если Торренов глаз соблазняет его…

Он замолчал, пару раз стукнул по рулевому

колесу и направил взгляд вперед, туда, где вдоль просторной чистой улицы выстроились аккуратные дома с широкими окнами; они словно выросли из скалы, на которой стояли. Эти крепкие дома специально сооружались невысокими, чтобы выдержать ураганные ветры Ганимеда. За верхушками крыш виднелись чистые широкие снежные холмы. Это был очень хороший мир — для ганимедцев. Фентон попытался представить этих высоких, широко шагающих людей запертыми в приютах, в то время как их мир за окнами продолжает медленно меняться до тех пор, пока они больше не смогут дышать его воздухом.

— Но Бен, — продолжала женщина. — Ведь людям не очень и нужен Ганимед. Жаль, что я сама не могу поговорить с Торреном. Мне кажется, он бы понял…

— Ты представляешь, сколько тратит Торрен в год? — спросил Фентон. — Людям не нужно пространство для жизни на Ганимеде, но Торрену нужны деньги, которые он может заработать, если… Да ладно, забудь. Не будем об этом, Марта.

— Мы будем бороться, — заявила Марта. — Он знает, что мы будем бороться?

Фентон покачал головой и оглядел небольшую толпу:

— Я хочу поговорить с Кристин.

Марта махнула рукой в сторону холма; в долине позади него расположилась ферма.

— Мы будем бороться, — повторила она еще раз, но теперь не так уверенно, а Фентон уже тронул машину.

В ответ он поднял руку, прощаясь с ней, и улыбнулся, но совсем невесело. Отъезжая, он услышал, как мужчина, стоявший рядом с Мартой, сказал ей:

— Конечно будем. Конечно. Только с чем?

Фентон узнал Кристин издалека — как только ее увидел. Она была в группе людей в меховых одеждах, выделявшихся темным пятном на белом снегу; они все отошли в сторону, давая дорогу машине. Кристин помахала рукой, как только разглядела Фентона за стеклом кабины. Он остановил машину, включил систему обогрева своего герметичного костюма, натянул на лицо маску и распахнул дверцу. Потом громко крикнул, и получилось действительно громко — даже в морозном воздухе.

— Кристин! — позвал он. — Подойди сюда. А вы, ребята, идите, мы вас догоним.

Люди посмотрели на него с любопытством, кивнули и продолжали свой путь вниз по склону

холма в долину. Странно было видеть людей, которые несут по заснеженной дороге корзины и мотыги, но в укрытой туманом долине воздух нагревался гораздо сильнее.

Кристин подошла к нему. Очень высокая, она двигалась с плавной грацией, и приятно было видеть каждое ее движение. Волосы теплого желтого цвета она носила уложенными в корону вокруг головы. У нее были очень голубые глаза, а на коже молочной белизны от мороза играл румянец.

— Садись ко мне в машину, — предложил Фентон, — я выключу атмосферную установку и оставлю дверь открытой, чтобы ты могла дышать.

Она остановилась под низкой дверцей и, съежившись, забралась в машину. Поместиться на сиденье ей оказалось совсем не просто: оно было для нее слишком маленьким. Фентону всегда мерещилось, что он какой-то мелкий рядом с этими большими, дружелюбными и спокойными людьми. Этот мир принадлежал им, а не ему. Если кто и был тут ненормального роста, так это он, а не ганимедцы.

— Ну что? — спросила Кристин, и диафрагма, встроенная в шлем Фентона, завибрировала от

ее голоса.

Он улыбнулся в ответ и покачал головой. Сам Фентон не считал, что влюблен в Кристин. Это было бы бессмысленно и нелепо. Они могли разговаривать только через металл и не могли коснуться друг друга иначе, чем через стекло и ткань. Они даже не могли дышать одним и тем же воздухом. Но он вдруг подумал о любви и насмешливо улыбнулся.

Фентон рассказал Кристин о том, что случилось, — в точности так, как все происходило. Пока он говорил, для него самого кое-что начало проясняться.

— Наверное, мне надо было подождать, — сказал Фентон. — Теперь я это понимаю. Пока я не провел на Ганимеде хотя бы месяц и не понял, что тут к чему, надо было держать рот на замке. Кристин, я просто вышел из себя. Если бы я знал об этом на Земле… Если бы ты мне написала…

— И отправила открытой почтой? — горько спросила она. — Теперь цензуре подвергаются даже приходящие письма.

Он кивнул.

— Значит, на других планетах будут продолжать считать, будто мы сами просили о таких переменах, — сказала Кристин. — Решат, что у

нас ничего не получилось и мы сами попросились в приюты. Бен, мы это больше всего ненавидим. У нас тут все так здорово получается… Или получалось, пока…

Она замолчала.

Фентон тронул кнопку, которая заводила мотор, и развернул машину так, чтобы им была видна широкая долина, лежавшая ниже. Комплекс оказался у них за спиной, и теперь кроме дрожания бирюзового тумана над теплыми долинами, откуда поднималась выдыхаемая растениями влага, ничто не нарушало привольную ширь заснеженных холмов, перепоясанных широким рядом шагавших по всей планете башен.

— Он знает, что в приютах мы умрем? — спросила Кристин.

— Умрете?

— Думаю, да. Многие могут умереть. И наверное, у нас уже не будет больше детей. И даже мысль о том, что какие-нибудь наши праправнуки смогут жить на Ганимеде, не поможет нашему народу выжить. Конечно, мы не станем убивать себя, но и жить в приютах не сможем.

Она повернулась на сиденье машины и с тревогой вгляделась в лицо Фентона за стеклом его дыхательной маски.

— Бен, если бы на других планетах знали, если бы мы сумели передать им как-нибудь… Как ты думаешь, они бы помогли нам? Кто-нибудь помог бы? Мне кажется, да. Может быть, не те, кто вырос на Земле. Они-то нас не поймут до конца. Но другие, Бен, думаю, ради собственной безопасности, они бы стали нам помогать, если бы узнали. Такое может случиться с любой группой планетарного инкубатора, на любой планете. Бен…

Скользящая по снегу голубая тень привлекла внимание Кристин, и она оглянулась посмотреть, что там такое.

Удар перевернул машину.

Как-то приглушенно Фентон услышал скрежет металла вокруг себя — их мобиль налетел на укрытые снегом скалы. В звенящей тишине, пока машина замерла неподвижно, еще не начав выправляться, Фентон ощутил во рту кровь, почувствовал, как тяжело навалилась на его плечо Кристин, увидел черный контур собственных рук с растопыренными пальцами, прижатыми к стеклу в попытке оттолкнуть белый снег.

Машина ударилась о выступ, резко клюнула носом и полетела вниз, все быстрее и резче после каждого толчка. Синяя крылатая тень развернулась и еще раз промчалась над ними.

Контуры рук двигались быстро. Фентон понимал, что они вертят руль, дергают, хватают рычаги, которые едва чувствуются. Мотор без нагрузки взревел, и машина прыгнула вперед, прямо вниз, на гладкий снег.

И тут последовал второй удар.

Задняя часть машины поднялась, бросив Фентона и девушку на мягкую переднюю панель и толстое ударопрочное лобовое стекло; оно выскочило из креплений и где-то снаружи превратилось в вихрь сияющих осколков. Траки заскрипели — машина приземлилась на голую скалу, и вокруг тучей взметнулся снег. Машина прыгнула еще раз, к самому краю склона, и повисла, качаясь, над обрывом в сотню футов высотой.

Потом началось падение, показавшееся бесконечным. У Фентона было время решить, что инстинкт его не подвел. Падение — самый безопасный выход. Машина внутри имела мягкую обивку, была снабжена хорошей системой амортизации, и падение они переживут лучше, чем еще одно попадание бомбы.

Тут они ударились о землю, подскочили, ударились еще раз — во все нарастающем вихре льда, камней и снега. Удары сменились взрывами бомб, а потом — темнотой и полной тишиной.

Поодиночке никто из них бы не выжил. От Кристин потребовалась вся ее сила и жизнестойкость уроженки Ганимеда, чтобы уберечься от серьезной травмы, а от Фентона — знание механики да еще гнев.

Под плотной тридцатифутовой толщей постепенно замерзающих обломков Фентон ободрял девушку, когда даже ее упорство начинало таять. У него была сломана рука, но он держался изо всех сил, не обращая внимания на боль, лишь бы не упустить драгоценное время. Под снегом оказалось немало воздуха, и Кристин было чем дышать, а костюм и маска у Фентона имели достаточную прочность, чтобы выдержать даже такое испытание.

Ртутно-паровую турбину, которая служила для машины источником энергии, нужно было починить и пустить заново. Это отняло много времени. Но все получилось. Фентону требовалось тепло, выделявшееся при работе турбины. Очень медленно, очень осторожно, используя часть обшивки турбины вместо щита, они проплавили себе путь на поверхность.

Оседавшая порода дважды чуть не раздавила их. Однажды край щита придавил Кристин так, что она не могла выбраться сама, и их спасла

тогда только ярость Фентона. Когда над головой осталась лишь корка замерзшего снега, в затененных местах Фентон осторожно проделал небольшие щели и подождал, чтобы убедиться — ни один вертолет их не караулит. Тогда они вылезли.

На снегу остались следы — было видно, что вертолет садился, а люди подходили к краю провала и даже немного спускались вниз.

— Кто это был, Бен? — спросила Кристин, глядя на следы.

Он не ответил.

— Бен… твоя рука. Как тебе…

— Кристин, мне надо вернуться в Комплекс, — вдруг сказал он, не слушая ее. — Побыстрее.

— Ты думаешь, это Торрен? — с испугом спросила она. — Но, Бен, что ты можешь сделать?

— Торрен? Может быть. А может, Брайн. Не знаю. А мне очень надо узнать. Помоги мне, Кристин. Идем.

— Тогда сначала в деревню, — твердо сказала она, поддерживая своей мраморной твердости рукой его под локоть. — У тебя ничего не получится, если мы сначала тебя не заштопаем. Бен, неужели Торрен и впрямь мог такое с тобой сделать? Ты ведь был ему почти как сын! Не могу поверить…

Они взбирались на холм, и сухой снег скрипел у них под ногами.

— Ты не знаешь Торрена.

Фентон дышал прерывисто, хватая ртом воздух — отчасти из-за боли, отчасти из-за усталости, но в основном потому, что воздуха в дыхательный аппарат поступало для его потребностей недостаточно. А воздух снаружи был чистой отравой.

— Ты не знаешь, что Торрен со мной сделал тринадцать лет назад, — через некоторое время с усилием продолжал молодой человек. — Еще тогда, на Земле. Мне было шестнадцать, и однажды ночью я бродил по какому-то пустырю, — знаешь, на Земле много разрушенных городов. И там меня похитили. Целых три года я думал, что это было похищение. Меня поймала одна из банд, которая промышляла в руинах. Я все надеялся, что люди Торрена меня разыщут и спасут. Тогда я был молод и наивен. Ну, они так меня и не нашли. Я работал вместе с этой бандой. Целых три года я жил с ними. Многое узнал. Позднее, когда я уже выполнял кое-какую работу для Торрена, мне многое пригодилось… Когда я достаточно повзрослел, то удрал. Убил троих и сбежал. Вернулся к Торрену. Надо было слышать, как он смеялся.

Кристин с беспокойством посмотрела на него

— сверху вниз:

— Бен, тебе обязательно надо говорить? Может, побережешь дыхание?

— Кристин, я хочу говорить. Дай мне закончить. Торрен смеялся. Он сам все подстроил от начала и до конца. Он хотел, чтобы я научился выживать в реальных условиях. Чтобы я узнал то, чему он сам не мог меня научить. И он сделал так, что я учился у специалистов. Он решил, что если я чего-то стою, то выживу. Когда я узнаю столько, сколько нужно, то сбегу. И стану инструментом, которым он сможет воспользоваться. Закалка в работе — так он это назвал.

Фентон замолчал, тяжело дыша. Отдышавшись, закончил:

— После этого я стал правой рукой Торрена. Его ногами. Его глазами. Я стал Торреном. Он посадил меня в невидимый инкубатор, в подобие той центрифуги, где вырастили его самого, той штуковины, что сделала из него чудовище. Поэтому я так хорошо его понимаю.

Он опять замолчал и провел рукой по лицевому щитку дыхательного аппарата, словно стараясь стереть текущий по лбу пот.

— Поэтому мне и надо вернуться. И как можно быстрее.

Все секреты Комплекса знал только Торрен. Но и Фентон знал немало. Для его теперешней цели — в самый раз.

Когда движущийся пол внутри круглой шахты перестал давить на подошвы ботинок, Фентон немного постоял, глядя на вогнутую стену, и сделал глубокий вдох. Он слегка поморщился — от вдоха заболела рука, уложенная в шину и прибинтованная к грудной клетке под рубашкой. Правой рукой он извлек из кобуры заряженный пистолет и, сняв его с предохранителя, большим пальцем нажал на пружину, спрятанную в вогнутой стене.

Пружина пришла в движение. Фентон тут же поднял пистолет, рукоятка уверенно легла в ладонь, а палец оказался на спусковом крючке. Полая колонна, в которой размещался лифт, раскрылась на две половинки, и Фентон очутился лицом к лицу с Торреном, сидящим в своей ванне.

Фентон не двинулся с места, пристально глядя на Торрена.

Гиганту удалось перевести свое тело в сидячее положение. Огромные руки схватились за края ванны, и Фентон увидел, как огромные пальцы в отчаянной ярости стискивают обивку бортика.

Глаза Торрена были зажмурены, зубы оскалены, в комнате громко звучало его хриплое, свистящее дыхание.

Слепое страшное лицо на миг замерло. Торрен с присвистом выдохнул и разжал руки. С чудовищным всплеском протектор Ганимеда плюхнулся обратно в ванну.

В полу Фентон увидел длинную выемку — там целый ряд плиток был снят, и взгляду открывались замысловатые переплетения проводов, идущих к кнопкам и рукояткам — с их помощью Торрен управлял своим дворцом, да и целой планетой. Провода лежали на полу — вырванные концы торчали во все стороны. Для Торрена это было все равно что тяжелое увечье. Он бы оказался так же беспомощен, если бы ему оборвали нервные волокна.

Недалеко от ванны был установлен стол. К нему змеились самые главные провода из пучка под полом. На столе помещался пульт с кнопками, а также аудио- и видеоприспособления, которые были для Торрена органами чувств.

За столом, к Фентону в профиль, сидел Брайн, напряженно подавшись вперед тощим телом, сосредоточив на своем занятии взгляд бесцветных глаз. Он что-то тихо сказал в микрофон,

поднесенный к самому рту, а пальцы его чуть-чуть повернули регулятор на пульте. Он стал смотреть, как дрожит и прыгает зеленая линия на экране осциллографа. Кивнул. Рука быстро нашла какой-то переключатель, отключила его, включила другой.

— Брайн! — прилетел приглушенный крик из ванны среди колонн.

Но Брайн и глаз не поднял. Наверное, с тех пор, как начал свою работу, он уже не раз слышал это крик.

— Брайн!

Крик превратился в рев, когда звук, эхом отражаясь от высоких стен зала-колодца, взлетел к потолку с телеизображением звезд и повторился затихающим шепотом, заглушенным тяжелым дыханием Торрена. И снова огромные руки бессильно схватились за бортик ванны.

— Ответь мне, Брайн! — кричал Торрен. — Ответь!

Брайн не поднимал головы. Фентон сделал шаг вперед, в зал. Жестко прищурил глаза. Кровь отлила от его лица настолько, что белый шрам на скуле стал почти невидим. Торрен, увидев его, ахнул и замолчал, оборвав свой крик. Глазки, заплывшие жиром, широко раскрылись и снова

закрылись — зеленая линия на осциллографе подпрыгнула.

— Брайн, почему ты ему не отвечаешь? — спокойно спросил Фентон.

Руки Брайна резко, как-то конвульсивно разжались, и микрофон упал. После долгой заминки он обратил к Фентону свое невыразительное лицо. Бледные глаза посмотрели на дуло пистолета и снова вернулись к лицу Фентона. Голос тоже звучал невыразительно.

— Рад видеть тебя, Фентон, — сказал Брайн. — Мне может понадобиться твоя помощь.

— Бен! — крикнул Торрен, задыхаясь. — Бен, он пытается… он… этот ублюдок пытается взять власть! Он…

— Полагаю, ты понял, — спокойно произнес Брайн, — что это Торрен выслал вертолет, чтобы забросать тебя бомбами, когда обнаружил, что ты сбежал от него. Я рад, что у него ничего не получилось. Мы друг другу еще пригодимся.

— Бен, это не я! — закричал Торрен. — Это Брайн…

Брайн снова взял микрофон, растянув губы в улыбке.

— С твоей помощью все будет совсем просто, — сказал Брайн, не обращая внимания на тяжелое

хриплое дыхание протектора в ванне. — Полагаю, теперь я могу довериться тебе даже больше, чем раньше. Вот что я имел в виду, когда говорил, что править Торрену осталось недолго. Удачный случай подвернулся раньше, чем я рассчитывал, вот и все.

— Бен! — Торрен тяжело дышал, но сейчас голос повиновался ему лучше. Он с усилием сглотнул и продолжал: — Бен, не слушай его. Не доверяй ему. Он… он даже ни разу мне не ответил! Он и внимания на меня не обращал… как будто я… я…

Он еще раз сглотнул и замолчал. Ему не хотелось вслух называть себя теми словами, что пришли на ум.

Но Фентон понял, о чем говорит протектор.

— Словно я… монстр. Тело. Труп.

Ужас перед полной беспомощностью сделал властелина Ганимеда легко уязвимым. Целых тридцать лет Торрен хватался за любую возможность, чтобы утвердить свою власть, подвигая себя и других вокруг победить самый большой страх, ему известный, — страх беспомощности. Вот что его пугало, а вовсе не смерть.

— Фентон, не трать сочувствие понапрасну, — сказал Брайн, наблюдая за ним. — Ты знаешь Торрена лучше, чем я. Знаешь, что он тебе гото-

вил. Когда он увидел, что ты убегаешь, он выслал вертолет, чтобы помешать тебе. Фентон, он же не человек. Он ненавидит людей. Ненавидит тебя и меня. Даже сейчас он играет на твоем сочувствии, чтобы ты сделал для него то, что ему нужно. А потом… да ты и сам знаешь, что от него ждать.

Торрен опять закрыл глаза, но недостаточно быстро — он не успел утаить блеск удовлетворения, а может быть, и триумфа. Почти спокойно он произнес:

— Бен, тебе лучше пристрелить его прямо сейчас. Он настоящий дьявол.

— Брайн, а что ты собрался делать? — ровным голосом спросил Фентон.

— Ты же видишь. — Брайн пожал тощими плечами. — Сначала я скажу, что он болен. Тяжело болен и никого, кроме меня, принимать не может. Вот тут у меня специальный прибор. Сейчас я работаю над тем, чтобы сымитировать его голос. Это государственный переворот, Фентон, — ничего нового. Я все тщательно спланировал. В любом случае уже много лет Ганимед на девяносто процентов управляется через меня. Никто особенно и не удивится. А если ты мне поможешь, то и остальная часть империи тоже достанется нам.

— А что со мной? — требовательно спросил

Торрен.

— С тобой? — Взгляд бесцветных глаз на миг остановился на протекторе. — Пока ты ведешь себя прилично, я обещаю, что дам тебе жить.

Это была ложь. Никогда еще не произносилось более лживых обещаний. Об этом можно было догадаться по уверенному голосу Брайна.

— А ганимедцы? — спросил Фентон.

— Они твои, — так же уверенно ответил Брайн. — Ты у них главный.

— Торрен. — Фентон повернул голову. — А ты что скажешь про ганимедцев?

— Ничего, — выдохнул Торрен. — Будет по-моему, Бен. — Его голос звучал как хрип органа. — Или по-моему, или никак. Выбирай.

Уголок губ Фентона тронула едва заметная улыбка. Он вскинул пистолет и послал пулю в лицо Брайну.

Тощий человек двигался, словно молния.

Наверное, он уже несколько секунд держал одну руку на пистолете, потому что два выстрела прозвучали почти как один. И в тот же миг, отбросив назад стул, он вскочил.

Но двигался он слишком быстро и из-за своей скорости упустил цель. Пуля просвистела мимо уха Фентона и ударила в колонну за его спиной.

Выстрел Фентона ударил Брайна в плечо, развернул его на полкорпуса и чуть не сбил с ног. Он наклонился назад, замахал руками, пытаясь сохранить равновесие. Нога попала в путаницу вырванных проводов возле ванны, и он медленно повалился назад, с неестественным спокойствием глядя бледными глазами в лицо Фентону.

Еще миг Брайн балансировал на краю ванны. И тут Торрен издал какое-то утробное, густое хихиканье и, со страшным усилием протянув руку, схватил Брайна за запястье.

По-прежнему без всякого выражения на лице, пристально глядя на Фентона, Брайн упал в ванну. Колыхнулась вода. Ноги Брайна вдруг задергались, во все стороны разбрызгивая воду, а рука словно из ниоткуда потянулась к горлу Торрена.

Фентон понял, что бежит, хотя вовсе не хотел этого и даже знал, что можно не бежать. С его стороны это просто был порыв закончить недоделанную работу, хотя сейчас она находилась в более опытных руках. Он положил здоровую руку на кромку ванны, по-прежнему не выпуская револьвер, и наклонился вперед.

Брайн исчез под маслянистой непрозрачной поверхностью. Тяжеленная, как мельничный

жернов, рука Торрена прижимала его ко дну, безжалостная и бесчувственная, словно камень. Через некоторое время со дна начали подниматься большие медленные пузыри.

Фентон не заметил движения Торрена. Но когда он попытался отпрыгнуть, было уже поздно. Огромная скользкая холодная рука железной хваткой схватила его руку. Несколько медленных секунд они боролись. Потом Торрен разжал хватку и Фентон попятился, тряся полураздавленной кистью и наблюдая, как его револьвер почти целиком исчезает в ручище Торрена.

Торрен усмехнулся.

Фентон усмехнулся в ответ — медленно и неохотно.

— Ты понял, что он солгал про бомбы, — сказал Торрен.

— Да.

— Значит, тогда все решено. Значит, сынок, больше не будем ссориться? Ты вернулся.

Но револьвер он держал наготове и смотрел настороженно.

— Нет. — Фентон покачал головой. — Я вернулся, правда. Не знаю почему. Я ничего тебе не должен. Но когда на меня посыпались бомбы, я понял, что ты в беде. Я знал, что он не решится

бомбить меня на виду у камер, пока власть на Ганимеде принадлежит тебе. Мне надо было выяснить, что происходит. А теперь я пойду.

— Назад, к своим ганимедцам? — Торрен задумчиво покачал в ладони пистолет. — Бен, мальчик мой, я вырастил тебя глупым! Будь же разумен! Что ты можешь для них сделать? Как ты станешь со мной бороться? — Он вдруг гулко рассмеялся. — Брайн думал, что я беспомощен! Иди сюда, Бен. Включай телевизор.

Настороженно глядя на него, Фентон повиновался. Появились заснеженные холмы. Высоко над ними, над освещенными синим светом тучами, показались крошечные точки — группа летящих самолетов.

— Наверное, еще минут десять, — задумчиво заметил Торрен. — Во всей этой системе существует очень много штучек, о которых знаю только я. Неужели Брайн действительно думал, будто я о чем-то не позаботился? Эту ситуацию я предусмотрел много лет назад. Если сигналы, которые я посылаю, никуда не доходят, а сигнализация отключилась, — огромная голова кивнула, — моя охрана прибежит сюда через десять минут. Даже если бы ты не пришел. Но все же, сынок, я тебе благодарен. Ты избавил меня от этого неприятно-

го чувства — беспомощности. Ты же знаешь, как я его ненавижу. Брайн способен был убить меня, но не смог бы дольше держать меня в беспомощном состоянии. Я перед тобой в долгу, Бен. А я этого не люблю. Поэтому мне бы хотелось…

— Мне ничего не нужно, — отрезал Фентон. — Только свобода для ганимедцев, а ее я возьму сам. Ты не дашь мне ее. Но я могу взять ее, Торрен. Кажется, теперь я знаю как. Я возвращаюсь к ним.

Огромная рука, плавающая по поверхности жидкости, повернула пистолет в сторону Фентона.

— Может быть, сынок. А может, и нет. Я еще не решил. Не хочешь рассказать мне, как ты собираешься остановить меня на Ганимеде?

— Есть только один способ. — Фентон с мрачной улыбкой смотрел на пистолет. — Я один не могу идти против тебя. У меня нет ни денег, ни влияния. На Ганимеде этим владеешь только ты. Но ганимедцы могут с тобой бороться. Я научу их. Я учился партизанской войне в суровой школе. Я знаю все, что следует, о борьбе в неравных условиях. Давай, Торрен, возводи новые башни. Но попробуй-ка удержать их! Мы взорвем их, как только ты закончишь строительство. Ты можешь бомбить нас, но убить всех тебе не удастся — за

короткое время совершенно точно!

— Насколько короткое время? — спросил Торрен, глядя на Фентона горящими глазами. — Кто меня остановит, сынок? У меня столько времени, сколько мне нужно. Ганимед принадлежит мне!

— Нет, не принадлежит. — Фентон рассмеялся почти искренне. — Ты взял его в аренду. Ганимед принадлежит Солнечной системе. Он принадлежит Вселенной и людям, которые ее населяют. Он принадлежит твоему, Торрен, собственному народу — людям из планетарных инкубаторов, которые и унаследуют такие планеты. Ты не сможешь скрыть, что происходит на Ганимеде. Башни принадлежат правительству Земли. Когда мы взорвем их, правительство захочет узнать, что здесь происходит. И тогда разразится скандал. Ты не сможешь его замять!

— Никому нет дела, — проворчал Торрен. Однако в глазах его появился странный блеск, словно слабая надежда. — Никто не станет воевать на маленьком спутнике — таком, как Ганимед. Никому, кроме меня, он не нужен. Не будь ребенком, Бен. Люди не воюют за идеалы.

— Для людей планетарных инкубаторов это больше чем просто идеалы. Это их жизнь. Их будущее. И это они имеют право на власть, а не

те, кто, подобно мне, родился на Земле. Именно люди планетарных инкубаторов — будущее человеческой расы, и они об этом знают, как знает и Земля. Новая раса на Марсе, с грудной клеткой объемом в три ярда, и новые люди на Венере с жабрами и плавниками, может быть, не очень похожи на ганимедцев, но принадлежат к одному с ними виду. Они-то станут воевать на стороне ганимедцев, если надо будет. Потому что речь идет об их собственном благополучии. Идеалы тут ни при чем. Для детей планетарных инкубаторов это борьба за выживание. Начни войну с одной планетой — и получишь войну со всеми, где они живут. Ни один человек не остров, Торрен. И ты тоже.

Торрен шумно дышал своей огромной грудью.

— И я тоже. Бен?

Фентон рассмеялся и отступил к раскрытой колонне. Самолеты на экране стали больше, ближе, шум от них заметно усилился.

— Знаешь, почему я понял, что это не ты велел сбросить на меня бомбы? — спросил он, протягивая к двери здоровую руку. — Причина та же, по которой ты сейчас в меня не стреляешь. Ты сумасшедший, Торрен. И знаешь, что сумасшедший. В тебе — два человека, а не один. И второй

человек — я. Ты ненавидишь общество из-за того, что оно тебе задолжало. Одна половина твоей души ненавидит людей, а больше всего — ганимедцев, потому что они такие же большие, как и ты, но могут ходить, как обычные люди. Их эксперимент удался, а твой — провалился. И ты их ненавидишь. Ты уничтожил бы их, если бы мог.

Фентон нашел дверь и широко распахнул ее.

— Ты не по прихоти усыновил меня, Торрен, — сказал он на пороге. — Часть твоего рассудка хорошо знала, что делала. Ты растил меня в жестоких условиях. Моя жизнь прошла в некоем подобии центрифуги, совсем как твоя. Я и есть ты. Я — та половина, которая совсем не испытывает ненависти к ганимедцам. Та половина, которая знает, что они — твои, словно те дети, которые могли бы у тебя родиться, и они готовы заселить свободный мир, как заселяли бы их твои дети, если бы твой, а не их эксперимент удался. Я буду за них сражаться, Торрен. В дыхательной маске и термокостюме, но буду с ними. Поэтому ты никогда меня не убьешь.

Вздохнув, Торрен опустил дуло пистолета. Его толстый палец протиснулся в скобу и медленно начал давить на спусковой крючок. Медленно.

— Прости, сынок. Теперь я не могу позволить

тебе уйти.

— Я же сказал, что ты сумасшедший. — Фентон улыбнулся. — Ты не убьешь меня, Торрен. С тех пор, как ты вышел из центрифуги, и до настоящего момента в тебе идет борьба. А теперь она вырывается наружу. Так-то лучше. Пока я жив — я твой враг и часть тебя самого. Держи борьбу вовне, Торрен, иначе и впрямь сойдешь с ума. Пока я жив, я буду с тобой бороться. Но пока я жив, ты — не остров. Ведь я веду твою борьбу. Ты все сделаешь, чтобы победить меня, Торрен, но не убьешь. Не осмелишься.

Фентон спиной вперед шагнул внутрь колонны, нашарил пружину, которая закрывала дверь. Его уверенный взгляд встретился со взглядом Торрена.

— Ты знаешь, как я тебя ненавижу, Бен, — сказал тот свирепым гулким голосом. — И всегда знал!

— Знаю, — ответил Фентон и нажал на пружину.

Дверь перед ним закрылась. Он уехал.

С какой-то дикой настойчивостью Торрен разрядил пистолет в белую гладкую поверхность колонны, глядя, как ударяются и отскакивают пули — одна за другой. Весь зал наполнился их

свистом и громкими взрывами выстрелов. Колонна на том месте, где находилось лицо Фентона, была по-прежнему гладкой, пули не оставили на ней следов.

Когда в потолок ударил последний отзвук, Торрен бросил пистолет и откинулся в своей огромной ванне, отдышался и рассмеялся. Сначала принужденно, а потом все громче и громе. Лавины звука катились от одной стены до другой, поднимались между колоннами все выше к звездам. Огромные руки шлепали по воде, выбивая высокие брызги. Необъятное тело монстра колыхалось, беспомощно дергаясь от смеха.

Рев самолетов на экране становился все громче и громче, пока не заглушил даже рокочущий смех Торрена.

Шифр

В окно кабинета доктору Биллу Уэстерфилду была видна деревенская улица и заснеженные ветви деревьев, низко нависшие над голубыми тенями на снегу. Следы шин двойной полоской убегали вдаль. У обочины был припаркован блестящий седан Питера Моргана, а сам Морган сидел напротив Билла и мрачно глядел в свою чашку кофе.

Билл Уэстерфилд наблюдал, как редкие снежинки в зимних сумерках совершают беспорядочные псевдоброуновские движения.

— Вот и наступила зима тревоги нашей, — сказал он тихонько.

— Нашей? — Морган нетерпеливо повел тяжелыми плечами и еще плотнее свел густые черные брови.

— Его.

Оба посмотрели вверх, словно могли проникнуть взглядом сквозь дерево и штукатурку. Но со второго этажа, где в большой кровати орехового дерева, украшенной резными виноградными гроздьями и ананасами, лежал старый Руфус Уэстерфилд, не доносилось ни звука. Он засыпал и

просыпался в этой самой кровати уже семьдесят лет и предполагал, что в ней и умрет. Но сейчас над ним витала вовсе не смерть.

— Так и жду, что сейчас из люка в потолке выскочит Мефистофель и потребует чью-нибудь душу, — сказал Билл. — Его тревога… моя тревога… Не знаю. Все как-то слишком гладко идет.

— Тебе было бы легче, если бы на столбике кровати висел ценник? «Душа, одна штука, оплачено»?

Билл рассмеялся:

— Логично предположить, что кому-то придется заплатить. Для того чтобы совершить работу, надо потратить энергию. Это обычная цена, разве нет? За свою молодость Фауст расплатился душой.

— Значит, все-таки волшебство? — спросил Пит Морган, загибая вниз уголки своего тяжелого рта; линии на его лице сложились так, что в них появилось что-то мефистофельское. — Я-то все время думал, что я — эндокринолог.

— Ну да, ну да. Может, и Мефистофель тоже именно так это делал. Ведь у нас получается?

Наверху раздались шаги сиделки по голому дощатому полу, послышалось бормотание голосов: один — тихий, другой — по-старчески сиплый, но

еще сохраняющий глубину и обертона, которые Билл Уэстерфилд очень смутно помнил с самого детства.

— Получается, — согласился Пит Морган и побрякал кофейной чашкой на блюдце. — Что-то ты невесел. Почему?

Не отвечая, Билл поднялся и прошелся по комнате. В дальнем конце он остановился, повернул и возвратился с гримасой на худом лице — такой же, как на лице Моргана.

— Нет ничего плохого в том, чтобы обратить биологические часы вспять, если можешь, — заявил он. — У отца не было никакой Маргариты. Он так поступает не из эгоистических соображений. Мы ведь не делаем с источником молодости ничего предосудительного, потому что не славы ищем, верно?

Морган посмотрел на него из-под кустистых черных бровей:

— Руфус — морская свинка. Морские свинки печально известны тем, что совершенно бескорыстны. Мы работаем ради будущих поколений, а также ради нимба, который появится вокруг наших голов, когда мы умрем. Ты это хотел от меня услышать? Что такое с тобой, Билл? Ты раньше никогда не был таким щепетильным.

Билл еще раз прошелся по комнате, шагая быстро, словно хотел добраться до дальнего угла прежде, чем поменяет мнение. Вернулся он с фотографией в рамке.

— Хорошо, смотри. — Он порывисто бросил ее перед другом.

Морган поставил чашку и развернул фотографию к свету, прищурившись, чтобы разглядеть изображенное лицо.

— Вот таким отец был десять лет назад, — сказал Билл, — когда ему было шестьдесят.

В молчании Морган долго, не отрываясь, смотрел на фотографию. В тишине было слышно, как скрипит резная кровать, на которой ворочается Руфус Уэстерфилд. Сейчас он шевелился с большей легкостью, чем месяц назад, под грузом своих семидесяти лет. Для старого Руфуса время потекло вспять. Сейчас он снова приближался к шестидесяти.

Морган положил фотографию и посмотрел на Билла.

— Я понял, о чем ты, — с нажимом сказал он. — Это не совсем тот же человек.

* * *

Биологическое время — загадочная, неуловимая вещь. Не игра воображения заставляет год для ребенка тянуться бесконечно, а для его деда — лететь стрелой. Для пятилетнего малыша год действительно длинный — это пятая часть всей его жизни. Для пятидесятилетнего человека это всего лишь одна пятидесятая. И дело тут не в субъективном восприятии. Время неразрывно связано с физическим устройством человека, только в обратной зависимости. В молодости процессы в теле протекают настолько же быстро, насколько медленно тянется время. Зародыш в утробе пролетает через миллионы лет эволюции, подросток за десять лет преодолевает период, который, чтобы уравновесить перемены, потребует еще пятидесяти лет старения. Молодые поправляются быстро; старики, бывает, и совсем не поправляются. Глубже заглянул в загадки молодости и старости доктор дю Нуа в своей работе «Биологическое время», рассуждая о вселенной личного времени, в которой каждый из нас живет в полном одиночестве.

Руфус Уэстерфилд медленно двигался по своей вселенной обратно.

Другой исследователь, на этот раз некий доктор Франсуа, нашел другой знак, за которым Руфус и следовал, как Тезей по лабиринту, где в темноте притаился Минотавр. Доктор Франсуа тренировал своих подопытных так, что они могли стучать телеграфным ключом со скоростью три сотни ударов в минуту. Потом он применял жару или холод — осторожно, не отвлекая подопытных. И жара сокращала их восприятие времени. Тогда телеграфный ключ стучал еще быстрее. Академически говоря, они становились старше, когда их окружало тепло. В холоде время бежало медленнее, как в дни юности.

Конечно, все это не так просто. Сердечно-сосудистая система в машине человеческого организма нуждается в мощных стимулах, печень со временем почти перестает вырабатывать красные кровяные тельца. Для таких людей время не может обернуться вспять без посторонней помощи. Применялся и гипноз. Семьдесят загроможденных привычками лет требовали немало чистки, к тому же нужно было справляться и с более скрытыми проблемами. С представлением о самом времени, которое течет беззвучным потоком — и все быстрее и быстрее, чем ближе подходит край чаши.

— Это не тот человек, — повторил Морган без всякого выражения, глядя в лицо Биллу.

— Конечно, человек тот же самый. — Билл раздраженно дернул плечами. — Это отец в шестьдесят лет, не правда ли? Кто же еще?

— Тогда зачем ты мне это показываешь?

Молчание.

— Глаза, — осторожно сказал Билл после паузы. — Они… немного другие. Да и наклон лба тоже. И угол скул не… ну да, не совсем такой. Однако нельзя сказать, что это не Руфус Уэстерфилд.

— Мне бы хотелось их сравнить, — задумчиво сказал Морган. — Может, зайдем?

Когда они поднялись на верхнюю площадку, сиделка как раз закрывала за собой дверь.

— Он спит, — одними губами произнесла она, и ее очки блеснули в их сторону.

Билл кивнул, обошел ее и тихо открыл дверь.

За дверью была большая и пустая комната, и в почти монастырской ее простоте кровать с затейливой резьбой казалась неуместной. Тусклый ночник на столе у двери бросал, словно угасавший в камине огонь, длинные ломаные тени вверх — на стены и потолок. Человек в постели лежал тихо, закрыв глаза, и его тонкое, изборожденное морщинами лицо с узким носом резко

выделялись в темноте.

Они тихо пересекли комнату и встали, глядя на него. Тени смягчили лицо на подушке, сообщая ему иллюзию возвращающейся молодости. Морган поднял фотографию, чтобы на нее попало хоть немного скудного света, и принялся изучать ее, поджав губы под черными усами. Конечно, это тот же самый человек. Тут не ошибешься. И внешне два лица одинаковы. Но если вглядеться пристальнее…

Морган чуть подогнул колени и замер, чтобы увидеть угол лба и щеки в таком же ракурсе, как и на фотографии. Так, согнувшись, он простоял целую минуту, переводя взгляд с лица на фотографию. Билл с тревогой наблюдал за ним.

Потом Морган выпрямился, и в это время поднялись и веки старика. Руфус Уэстерфилд лежал, глядя на мужчин, и не двигался. В его глазах отражался свет ночника, делая их очень черными и очень яркими. На старом лице только взгляд был живой и насмешливый — молодой, мудрый, веселый.

Сначала никто из них ничего не говорил, потом глаза старика весело прищурились, и Руфус рассмеялся — высоким тонким смехом, который оказался старше его лет. В смехе слышалась стар-

ческая немощь, а шестидесятилетнему мужчине еще не полагается быть дряхлым. Но после первого надтреснутого хихиканья звук сделался ниже и перестал быть старым. Голос Руфуса ломался, возвращаясь из старческого, как голос подростка ломается, чтобы стать голосом взрослого мужчины. Такая ломка голоса — дело обычное, и, наверное, ломка голоса у Руфуса — тоже; в его жизни создавались новые нормы, ведь происходящее с ним было уникально.

— Вам, ребята, что-то нужно? — спросил Руфус.

— Нормально себя чувствуешь? — спросил Морган.

— Чувствую себя на десять лет моложе, — усмехнулся Руфус. — Что случилось, сынок? Ты, похоже…

— Да нет, ничего. — Билл убрал с лица хмурое выражение. — Я почти забыл про твои фотографии. Мы с Питом тут говорили…

— Ну, давайте быстрее. Я хочу спать. Я сейчас быстро расту, вы же понимаете. Мне надо много спать. — И он опять рассмеялся, уже без всякой хрипотцы в голосе.

Билл поспешно вышел.

— Верно, ты растешь, — сказал Морган. — И на это требуется энергия. Хорошо сегодня себя

чувствовал?

— Отлично. Ты хочешь, чтобы я еще что-нибудь забыл?

— Не совсем. — Морган усмехнулся. — Хотя… я хочу, чтобы ты… немного подумал. Когда Билл закончит.

Руфус кивнул:

— А что это у тебя под мышкой? Знакомая рамка. Я знаю того, кто там изображен?

Морган автоматически опустил взгляд на рамку, которую держал в руке — лицевой стороной к себе. Билл, который в этот момент вошел вместе с сиделкой в комнату, увидел блестящий заинтересованный взгляд старика и то, как Морган прячет глаза.

— Нет, — ответил Морган. — Ты его не знаешь.

Рука Билла дрогнула. Шприц для подкожных инъекций, который он держал в руке, дернулся так, что с кончика иглы соскочила капля и потекла вниз.

— Спокойно, — сказал Руфус. — Что это ты нервничаешь, сынок?

Билл постарался не встречаться взглядом с Морганом.

— Все в порядке. Давай руку, папа.

Когда сиделка ушла, Морган вытащил из кар-

мана огарок свечи и установил его на ночном столике у кровати Руфуса.

— Выключи ночник, ладно? — попросил он Билла, поднося к фитилю спичку.

В темноте медленно распустился желтый огонек.

— Гипноз, — сказал Руфус, прищурившись на огонь.

— Нет, еще нет. Я хочу поговорить. Смотри на пламя, вот и все.

— Это и есть гипноз, — упрямо произнес Руфус.

— Ты должен стать более восприимчив к внушению. Освободись от мыслей, чтобы ты смог… увидеть время.

— Ну-ну.

— Хорошо, не увидеть. Ощутить, почувствовать. Осознать как нечто вещественное.

— Каковым оно не является, — вставил Руфус.

— Безумному шляпнику это удалось.

— Да. И посмотри, что с ним стало.

— Помню. — Морган усмехнулся. — Для него всегда было время чаепития. Тебе не стоит об этом волноваться. Ты же знаешь, мы раньше это уже проделывали.

— Я так и знал, что ты это скажешь. А я вроде как не помню.

Голос Руфуса незаметно стал тише. Его взгляд был устремлен на пламя, и в зрачках дрожало его миниатюрное отражение.

— Нет. Ты никогда не помнишь. И об этом ты тоже все забудешь. Я говорю с тем уровнем твоего сознания, что лежит под поверхностью. Там идет работа, незаметная, скрытная, как и та, что проделывают уколы с твоим телом. Руфус, ты слушаешь?

— Продолжай, — сонно отозвался старик.

— Мы должны разрушить идолов времени в твоем сознании — это они стоят между тобой и твоей молодостью. Ментальная энергия обладает огромной силой. Сама ткань вселенной — энергия. Тебя приучили думать, будто ты стареешь из-за времени, а это ложная философия. Надо научиться сбрасывать ее со счетов. Твоя уверенность так же действует на твое тело, как и надпочечники, когда ты испытываешь страх или гнев. Условные рефлексы возможно настроить так, что надпочечники станут отвечать на другие раздражители. И тебя можно настроить так, что ты повернешь время вспять. Тело и сознание реагируют вместе и воздействуют одно на другое. Обмен веществ отражается на деятельности мозга, а деятельность мозга регулирует обмен

веществ. Это две стороны одной монеты.

Морган стал говорить медленнее. Он смотрел, как в полузакрытых глазах старика мигает отражение пламени свечи. Глаза закрывались.

— Одной монеты… — очень медленно повторил за ним Руфус.

— Жизненные процессы в теле, — монотонно произнес Морган, — подобны реке, которая течет у истоков очень быстро. Но потом становится медленнее. И процессы с возрастом протекают все медленнее и медленнее. Есть и еще одна река — осознание времени, и этот поток идет с противоположной скоростью. В молодости он такой медленный, что ты даже и не догадываешься о том, что он движется. В старости это Ниагарский водопад. Этот поток, Руфус, и понесет тебя назад. Он и сейчас бежит в тебе — быстрый и глубокий. Но его надо осознать. Как только ты его прочувствуешь, ничто не сможет тебя остановить. Ты должен научиться познавать время.

Монотонный голос не умолкал…

Через пятнадцать минут, уже внизу, Морган поставил на каминную полку фотографию шестидесятилетнего Руфуса и, мрачно нахмурившись, посмотрел на нее.

— Хорошо, — сказал он. — Возьмемся.

— Что тут скажешь? — Билл заерзал. — Мы заняты настолько новым делом, что у него еще нет прецедентов. Пит, отец меняется — он меняется так, как мы и не предполагали. Это меня беспокоит. Я уже жалею, что мы используем его в качестве морской свинки.

— У нас не было выбора, и ты это знаешь. Если бы мы потратили десять лет на испытания и эксперименты…

— Знаю. Когда мы начинали, он не должен был протянуть и полугода. Он знал, что это рискованно. И сам хотел рискнуть. Я все это знаю. Но мне жаль…

— Ну, Билл, будь разумен. Как же еще мы можем проводить эксперименты, если не на живых существах, вдобавок имеющих высокий коэффициент умственного развития? Ты же знаешь, я пытался проделать то же самое с шимпанзе. Но сначала надо было помочь им эволюционировать до человека. В конце концов, если подумать, то этот фокус возможен только при наличии разума. Нам повезло, что твой отец занемог только физически. — Он помолчал, глядя на фотографию. — Хотя если…

Билл рассеянно развел руками:

— Я подумал обо всех возможных ошибках,

кроме этой. — Он невесело рассмеялся. — Это безумие. Не могу поверить, что это действительно происходит.

— Да, вся эта затея — страшный бред. Я и сам не могу поверить, что у нас что-то получается. Если Руфус действительно вернется в возраст шестидесяти лет, тогда может случиться все, что угодно. Меня не удивит, если завтра солнце встанет в Калифорнии. — Морган порылся в кармане и вытащил сигарету. — Хорошо, — продолжал он, разыскивая спички, — значит, он выглядит не так, как десять лет назад. А ведет он себя так же, как вел тогда?

— Не знаю. — Билл пожал плечами. — Тогда я ничего не записывал. Как я мог узнать, чем мы с тобой будем заниматься?

Он помолчал и добавил:

— Нет, не думаю.

— А что не так? — Морган прищурился, глядя на него сквозь дым.

— Мелочи. Например, это выражение в его глазах, с которым он проснулся какое-то время назад. Ты заметил? Какая-то сардоническая радость. Он стал менее серьезно ко всему относиться. Он… больше не соответствует собственному лицу. Этот суровый вид… раньше ему подходил. Теперь,

когда он вдруг просыпается и смотрит на тебя, он… как будто из маски выглядывает. И маска меняется… Да-да, я чувствую — она меняется. Фотография это доказывает. Но меняется она не так быстро, как его душа.

Морган демонстративно выдохнул дым длинной клубящейся струей.

— Я бы не стал очень волноваться. — Он старался успокоить Билла. — Знаешь, он ведь никогда не станет снова таким же человеком, каким был десять лет назад. Мы же не стираем ему память. Может быть, за то десятилетие, которое он только что отмотал назад, он изменился больше, чем ты думаешь. И в сорок, и в тридцать лет он все равно останется человеком, который прожил семьдесят с лишним лет. Это будет уже не та душа и не тот человек, который жил в восьмидесятые годы. Парень, ты просто перенервничал!

— Нет. У него лицо изменилось! У него другой наклон лба! Нос начал загибаться. Скулы стали выше, чем когда-либо были. Я ведь это не придумал, а?

— Не увлекайся. — Морган лениво выпустил колечко дыма. — Проверим прописанные препараты. Может быть, мы ошиблись с дозировкой какого-нибудь. Ты же знаешь, как это может по-

влиять на костную ткань. В любом случае вреда никакого нет. Он в хорошем физическом состоянии и чувствует себя все лучше. У него ясный рассудок. Билл, я сейчас больше о тебе беспокоюсь, чем о нем.

— Обо мне?

— Да. Ты кое-что сказал, прежде чем мы пошли наверх. Что-то про Фауста. Помнишь? Ну, что у тебя на уме?

— Я не помню. — Билл виновато посмотрел на него.

— Ты говорил что-то о морали. Ты, кажется, думаешь, что нам последует наказание сверху, если наши побуждения окажутся недостаточно чисты. Ну, так?

Билл защищался, хотя слова выбирал другие.

— Не стоит насмехаться над традицией только потому, что это нынче модно. Ты меня убедил, что старички знали больше, чем сообщили нам. Помнишь, как алхимики писали свои формулы секретным кодом, чтобы они звучали, словно магические заклинания? «Кровь дракона», например, означала, кажется, серу. Записанные шифром, формулы часто превращались в весьма складные сочинения. А фонтан молодости вовсе не случайно означал воду. Все это было очень

символично. Жизнь появилась из воды… — Он помолчал. — Ну хорошо, моральный шифр может иметь такую же прочную основу. Я говорил, что для того, чтобы что-нибудь совершить, нужно затратить силу. Мефистофель ничего не делал — демону сила принадлежит по праву рождения. Это Фаусту надо было тратить энергию. Согласно шифру формулы — свою душу. Все звучит разумно, когда расшифруешь те слова, которыми они пользовались.

Широкие брови Моргана сомкнулись над переносицей.

— Значит, ты думаешь, что кому-то придется заплатить. Кому и чем?

— Откуда мне знать? В конце книги нет глоссария, в котором Марло объяснил бы, что он имел в виду, когда писал «душа». Все, что я могу сказать, — мы успешно повторяем тот самый эксперимент, через который прошел Мефистофель. И Фаусту пришлось заплатить, так или иначе, и мы никогда не узнаем, как именно. Или… — и он поднял испуганный взгляд, — узнаем?

Морган показал зубы и выругался.

— Хорошо, хорошо. То же самое — мы делаем то, что еще никто до нас не делал, кроме… — Билл помолчал. — Погоди-ка. Может, был не один та-

кой эксперимент. Или это просто совпадение?

Морган посмотрел, как Билл беззвучно шевелит губами, и через какое-то время произнес:

— Ты что, ты в своем уме?

— «Отец твой спит на дне морском», — процитировал Билл. — А что? «Он тиною затянут, и станет плоть его песком, кораллом кости станут. Он не исчезнет, будет он лишь в дивной форме воплощен»[62].

Морган фыркнул:

— Забудь и давай по делу. Так что за прецеденты?

— Ну хорошо, представим, что был всего один. Вот тот самый. И нам не помешает воспользоваться всем, чем мы можем, из того, что узнал наш предшественник. Воспользоваться мы можем немногим. Все спрятано в легендах и шифрах. Но одно мы знаем: кем бы ни были в реальной жизни Фауст и Мефистофель и чем бы они ни пользовались, чтобы попасть туда, где мы находимся сейчас, у них были неприятности. Эксперимент вроде удался, до определенного момента, а потом взорвался им в лицо. Согласно легенде, Фауст потерял душу. Что это на самом деле означает,

---

[62] Notes: 62

В. Шекспир. Буря. Перевод М. Донцова.

не знаю. Но в нашем эксперименте появляются первые слабые признаки того, что он выходит из-под контроля, и, боюсь, однажды нам станет известно, что этот шифр означает на самом деле. Мне бы не хотелось узнать это за счет моего собственного отца.

— Прости. — Морган погасил свою недокуренную сигарету. — Утешит ли тебя, если я скажу, что ты позволяешь своему воображению уводить тебя слишком далеко? Или ты решил, что Мефистофель — это я?

— Сомневаюсь, что тебе нужна его душа. — Билл усмехнулся. — Но знаешь что, в старые времена ты бы попал в неприятности. В гипнозе слишком много… волшебного. Особенно когда это такой гипноз, который ты предлагаешь Руфусу. — Он заговорил серьезно. — Ты отправляешь его разум куда-то прочь… Что он находит там? Как же выглядит время? Как ощущает себя человек, стоя лицом к лицу с ним?

— Опустим это. Тебе надо побеспокоиться о своем рассудке, а не о Руфусе. С ним-то все в порядке.

— Верно ли, Мефистофель? Ты точно знаешь? Знаешь ли ты, куда отправляется его рассудок, когда ты выманиваешь его по вечерам?

— Откуда мне знать? Никто не знает. Пожалуй, и Руфус не знает, даже во сне. Но мой метод работает. И это самое главное. Времени нет, пока мы его не производим.

— Я знаю, его не существует. Но Руфус его видел. Руфус хорошо его знает. Руфус и Фауст. — Билл поднял голову и посмотрел на фотографию на каминной полке.

Весна в тот год пришла рано. Дожди смыли остатки снега, и длинную кривую улицу за окнами Уэстерфилда начали скрывать распускающиеся зеленые листья. В семейном кругу зима уступила место весне, и впервые в записанной на бумаге истории человечества зима человеческой жизни повернула к его личной невероятной весне.

Билл больше не мог думать о нем как об отце. Теперь это был Руфус Уэстерфилд, незнакомец приятной наружности, хотя память хранила весь его путь назад, из старости, и никакие провалы на этом пути не превращали отца в абсолютного чужака, с которым и поговорить не о чем. Однако на вид это был здоровый, полный сил, красивый незнакомец. Вернулась крепкая плоть и снова одела красивое изящное тело, которое помнил Билл. Ему даже казалось, что и в молодые годы

отец не был в такой отличной физической форме, но, с другой стороны, медицинская помощь, которую он сейчас получает, намного превосходит уровень, доступный тогда. И как подчеркнул Морган, их цель была не вернуть копию Руфуса из прежних лет, а восстановить его утраченную силу.

Наибольшую загадку для них представляли перемены, произошедшие с его лицом. Тело человеческое меняется по совершенно естественным причинам, но лицо, наклон лба, носа, подбородка должны оставаться неизменными. У Руфуса было не так.

— У нас какой-то подменыш получается, — признал Морган.

— Несколько месяцев назад ты это отрицал.

— Ничуть. Я отрицал твое толкование. И по-прежнему с ним не согласен. За переменами стоят вполне очевидные причины — убедительные причины, которые ничего общего не имеют ни с волшебством, ни с приключениями под гипнозом, ни с договором, который заключают с дьяволом. Мы просто пока не выяснили, каковы же причины изменений.

Билл пожал плечами:

— Самое странное, что и он, кажется, не знает.

— Есть многое на свете, друг мой, чего он, кажется, не знает.

Билл задумчиво на него посмотрел:

— Это пусть подождет. — Он помолчал. — Мы не можем позволить себе увлекаться играми с несообразностями разума, когда еще и про тело ничего не понятно. Нам нельзя привлекать ни одного нового человека, пока нужда не заставит. Психиатру нелегко будет объяснить, что стоит за такой забывчивостью.

— Иногда, — сказал Морган, — я жалею, что мы решили сохранить все это в тайне. Но пожалуй, у нас не было выбора. По крайней мере, до тех пор, пока мы не запишем «что и требовалось доказать».

— Но до этого момента предстоит сделать еще немало. Если только нам удастся. Если течение не окажется слишком сильным для нас.

— Опять боишься? Не беспокойся, он остановится на тридцати пяти. Еще один курс уколов, потом, положим, еще месяц, чтобы установить баланс в деятельности гормональных желез, и он снова начнет стареть вместе с нами. Если бы он не был твоим отцом, ты бы не стал так переживать.

— Может быть, нет. Может, и не стал бы. — В голосе Билла слышалось сомнение.

* * *

Как-то утром в мае они, как всегда, сидели в гостиной. Собираясь что-то сказать, Морган поднял голову; в этот момент дверь открылась и в комнату вошел сорокалетний Руфус Уэстерфилд.

Он был красив солидной, спокойной красотой мужчины среднего возраста. Волосы снова приобрели густой темно-рыжий цвет, остались лишь залысины над бровями домиком. Черные, неглубоко посаженные глаза изменили разрез, а взгляд их показался бы абсолютно странным для любого Уэстерфилда, который когда-либо носил это имя. И лицо, и скрываемая им душа были одинаково чужими для Уэстерфилдов. Но перемена была едва заметна. Сам Руфус ее не ощущал.

Он вошел, насвистывая.

— Прекрасное утро, — радостно сказал он. — Прекрасный мир. Вы, юнцы, не можете это оценить. Человеку надо побыть стариком, чтобы снова радоваться молодости. — и он отвел шторы в стороны, любуясь новыми листьями и свежим майским утром.

— Руфус, — вдруг спросил Морган, — что это за мотив?

— Какой мотив? — Руфус бросил удивленный

взгляд через плечо.

— Который ты насвистываешь. Скажи-ка.

— Не знаю. — Руфус задумчиво нахмурился. — Какой-то старый.

Он просвистел еще аккорд-другой — в странной манере, почти беззвучно.

— Ты должен его знать — в свое время он был очень популярен. А слова… — Он опять помолчал, прищурив черные глаза, глядя в бесконечность, пока искал в памяти слова. — На языке вертятся. Но не могу точно… кажется, на иностранном языке. Не то оперетта, не то что-то такое. Ну да, прилипчивая штука. — Он еще раз просвистел припев.

— Не думаю, что прилипчивая, — резко сказал Билл. — Вообще нет мелодии. Я ее не слышу, а может, ее и не было?

Тут он поймал взгляд Моргана и замолчал.

— О чем ты думаешь, когда насвистываешь ее? — спросил Морган. — Мне интересно.

Руфус положил руки в карманы и посмотрел в потолок:

— О молодости. Ты это имел в виду? Театры, свет, музыка. Несколько молодых людей, с которыми я часто проводил время. Была и девушка. Интересно, что с нею стало, — наверное, сейчас

совсем старуха. Ее звали… — Он замолчал. — Звали ее…

Он произнес имя губами или попытался это сделать. Потом вдруг на его лице появилось необычное выражение.

— Представляете, совсем не могу вспомнить. Было какое-то необычное имя типа… — И он опять попытался артикулировать слово, которое не давалось. — Я знаю это имя, но сказать не могу, — капризно пожаловался он. — Пит, это что, психический блок? Ну, должен заметить, что это не важно. Хотя забавно.

— Я бы не стал особенно переживать. Все к тебе вернется. Она была хорошенькая?

Лицо Руфуса на миг приняло озадаченное выражение.

— Она была прелестна, прелестна. Вся в блестках. Жаль, что не могу вспомнить, как ее звали. Это была первая девушка, которой я… — Он опять помолчал. — Сделал предложение? — вопросительно закончил он. — Нет, неправильно. Совсем неверно.

— Звучит ужасно, — сухо заметил Морган.

— Погодите. — Руфус яростно замотал головой. — У меня все перепуталось. Не могу точно вспомнить, что они… что там…

Он осекся и замолчал. Стал смотреть в окно, сконцентрировавшись изо всех сил, шевеля губами — пытаясь вытащить на свет неохотно поддающиеся воспоминания. Морган услышал, как он бормочет:

— Не выйти замуж и не отказаться от предложения… да нет, не то…

Тут же он снова повернулся к ним, озадаченно покачивая головой. На лбу выступили крохотные капельки пота, а глаза впервые за все время утратили выражение сардонической уверенности.

— Что-то здесь не то, — сказал он твердо.

— Я бы не стал переживать, — успокоил Морган, поднявшись. — Не забудь, в тебе по-прежнему происходят важные изменения. Через какое-то время все исправится. Когда вспомнишь, скажи мне. Все это интересно.

— Занятная вещь, когда у тебя все воспоминания перемешались. — Руфус отер лоб. — Мне это не нравится. Девушка… все как-то смешалось.

— Руфус, а я думал, что мама была твоей первой любовью, — сказал Билл из дальнего угла комнаты. — Мы часто слышали как раз эту историю.

— Мама? — Руфус в изумлении посмотрел на него. — Мама… а, Лидия, ты хочешь сказать. Ну да, как же, конечно… думаю… — Он помолчал

немного и еще раз покачал головой. — Наверное, это тогда и было. Что-то ты такое про маму сказал — да, точно. А я о своей подумал. Билл, есть у тебя фотографии? Может, если бы я увидел, я бы вспомнил…

— Бабушкины фотографии? Я и сам их искал. Я вдруг подумал, что ты мог бы… ты, наверное, больше будешь похож на ее родню — ну, сейчас, когда становишься моложе. Не знаю, почему я раньше об этом не подумал. Вот она.

Он вытащил пожелтевший металлический прямоугольник — обрамленную плюшем ферротипию. Нахмурившись, Билл посмотрел на портрет:

— Нет. Ты вообще на нее не похож. Я думал…

— Дай мне посмотреть. — Руфус протянул руку.

Тут случилось нечто очень странное. Билл вложил портрет в руку отцу, Руфус поднес его к глазам и посмотрел на размытое изображение. И почти тотчас же воскликнул:

— Нет! Нет, это смешно! — и бросил портрет на пол.

Пластинка с жестяным звуком подпрыгнула и приземлилась на голые доски лицом вниз.

Все молчали. С полминуты стояла напряженная

тишина. А потом Руфус рассудительно спросил:

— Что заставило меня это сделать?

Остальные двое собеседников заметно расслабились.

— Это ты должен нам сказать, — ответил Морган. — И что же это было?

Руфус посмотрел на него, в раскосых черных глазах стояло недоумение.

— Как-то это было… неправильно. Не то, что я ожидал. Совсем не то, что я ожидал. Но сейчас не могу вам сказать, что же именно я ожидал.

Он рассеянно оглядел комнату. Его привлекло окно, и он засмотрелся на сложный узор из листьев и ветвей у крыльца.

— Мне это кажется неправильным, — беспомощно прибавил он. — Вон там, за окном. Не знаю почему, но я хочу сказать, что как только я вижу вот это, так сразу понимаю: неправильно. С первого взгляда можно определить. Потом уже я сам могу вам сказать, что оно такое же, как и всегда. Но на миг… — Он свел плечи, неловко пожимая ими, и лицо его приняло молящее выражение. — Ребята, что со мной не так?

Сначала ни один не ответил, а потом оба заговорили одновременно.

— Не о чем беспокоиться, — сказал Билл.

— Твоя память еще не догнала твое тело, вот и все, — в то же самое время заявил Морган. — Ничего такого, что не исправилось бы в ближайшее время. Забудь как можно скорее.

— Постараюсь.

Руфус еще раз озадаченно оглядел комнату. На миг показалось, что он чужой не просто в этом доме и на этой улице, но и в своем собственном теле. Он выглядел таким крепким и красивым, таким уверенным в своем месте в этом мире. Но за фасадом не было ничего, кроме растерянности.

— Пожалуй, пойду прогуляюсь. — Руфус повернулся к двери.

По дороге он наклонился и поднял протрет матери, на миг остановившись, чтобы еще раз взглянуть на незнакомое лицо. Он с сомнением покачал головой и снова положил фотографию:

— Не знаю. Ничего не знаю.

Когда за ним закрылась дверь, Морган посмотрел на Билла и присвистнул — долгим, но тихим свистом.

— Надо принести журнал. Лучше все записывать, пока мы не забыли.

Билл бросил на него несчастный взгляд и молча вышел из комнаты. Когда он вернулся, неся большую тетрадь для записей, в которой они

подробно фиксировали ход эксперимента, вид у него был хмурый.

— Ты представляешь, насколько все это невероятно? Руфус не помнит своего прошлого. С ним никогда ничего подобного не было. Если забыть все прочие отклонения, такое невозможно. Он вырос в доме методистского священника. Он верил, что театры — рассадники греха. Он всегда рассказывал мне, что даже после женитьбы еще долго не ходил по театрам. Он не мог знать девушку, которая была… вся в блестках. У него не было никаких романов — мама была его первой и последней любовью. Он сам мне часто это говорил. И говорил правду. Я в этом уверен.

— Может быть, он вел двойную жизнь, — неуверенно предположил Морган. — Ты же знаешь поговорку о сыновьях священников.

— Кто угодно, но только не Руфус. Это не в его характере.

— Ты точно знаешь?

Билл посмотрел на него:

— Я всегда считал, что Руфус…

— Ты знаешь? Или это свидетельство с чужих слов? Тебя ведь там не было, а?

— Конечно, — с тяжеловесной иронией ответил Билл. — Пока я не родился, меня там не было.

Точно так же возможно, что в то время Руфус был черным магом, Джеком-потрошителем или Питером Пэном. Если хочешь съехать с катушек, можно построить прекрасную теорию о том, что мира не существовало, пока я не родился, и можно свято в это верить, потому что никто все равно не сможет доказать тебе обратного. Но мы не берем в расчет слепую веру. Мы работаем с логикой.

— С какой логикой? — заинтересовался Морган.

Он был мрачен и встревожен.

— Моей. Нашей. Человеческой. Или ты хочешь сказать, что Руфус… — Билл оборвал фразу.

Но Морган ее подхватил:

— Хотелось бы. Предположим, Руфус в молодости действительно был другим.

— Двуличным? — ехидно спросил Билл. И после паузы уже более серьезным тоном добавил: — Нет, ты не ту хрюшку схватил за хвост. Я понял, о чем ты. Должно быть, тут какая-то биологическая разница, какая-то мутация, которая проявилась, когда он начал стареть. Но твоя теория нереальна. Руфус большую часть жизни прожил в этом городе. Люди бы помнили, если бы… если бы он вел двойную жизнь.

— А, ну да. Тогда, значит… все это было не так явно. Что-то такое. О чем и сам Руфус не знал. Успешные небольшие мутации незаметны именно потому, что они успешны. Я хочу сказать… другая, более эффективная скорость обмена веществ или лучшее зрение… Парень, у которого зрение немного лучше, чем у окружающих, может и не замечать этого, потому что считает само собой разумеющимся, что у других точно такие же глаза. К тому же ему, конечно, и к врачу ходить не надо, потому что зрение у него действительно хорошее.

— Но Руфус был у оптометриста, — возразил Билл. — И у всех других врачей тоже. Мы устроили ему полное обследование. У него все было нормально.

Морган покусал нижнюю губу, и на вкус она ему явно не понравилась.

— Когда проходил обследование — да. А тогда, в девяностые годы? Я просто хочу сказать, что непонятно, как он вдруг начал слегка отклоняться от норм… Может быть, они будут уравновешены к тому моменту, когда он станет еще моложе. Но у него были все возможности, которые, словно болезнетворные микробы, сидят за стенкой здоровой ткани и ждут, пока сопротивляемость

организма снизится, чтобы ворваться в него. Может, такое случается чаще, чем мы думаем. Может, такое случается почти со всеми. Мы знаем, что на каждого рожденного ребенка приходится немало зачатий, в результате которых зародыш погибает, не пройдя весь цикл развития. Они удаляются слишком рано, чтобы их можно было распознать. Может быть, и для нормальных детей время от времени нужна коррекция, чтобы подросток точно уложился в наши стандарты. А когда происходит нечто революционное, как то, что мы совершаем с Руфусом, слабые места в структуре — как раз те, где проводились корректировки, — снова рвутся. Или можно сказать, что подавленная инфекция снова поднимает голову. Я перепутал все метафоры. Аналогия не может быть совершенной. Это для тебя имеет какой-нибудь смысл?

— Увы, да, — тревожно ответил Билл. — И мне это не нравится.

— На этом этапе нам остается только гадать. Гадать и ждать. Мы ничего не можем сказать, не контролируя процесс, а контроля у нас нет никакого. Есть только Руфус. И…

— И Руфус меняется, — закончил за него Билл. — Превращается в кого-то другого.

— Ты говоришь как глупец, — резко сказал Морган. — Он превращается в Руфуса, вот и все. Руфуса, которого мы никогда не знали, но все же это подлинный Руфус. Я бы предположил, что большинство коррекций было проведено в подростковом возрасте, а он так далеко еще не вернулся. Я только предполагаю, что рассказы, которые ты слышал о его молодости, могут быть… ну, не совсем правдивы. Сейчас он в недоумении. Нам придется ждать, пока изменения не закончатся и его разум прояснится настолько, что сам поймет, что происходило на самом деле.

— Он меняется, — упрямо сказал Билл, словно не слушая. — Он возвращается в прошлое, и мы не знаем, где кончатся изменения.

— Они уже закончились. Сейчас он проходит последний курс уколов. Ты же не думаешь, что он не остановится на возрасте в тридцать пять лет, после того как мы прекратим лечение, а?

Билл положил тетрадь и задумчиво на нее посмотрел:

— У меня нет причин так думать. Разве… уж очень сильное получается течение. Биологическое время начинает течь намного быстрее, когда достигаешь середины пути. Словно река, текущая к водопаду. А вдруг мы зашли слишком

далеко? Может быть, есть такая точка, пройдя которую уже невозможно остановиться. Пит, я — паникер. У меня такое ощущение, будто мы оседлали тигра.

— Ну, теперь ты путаешь метафоры, — холодно произнес Морган.

* * *

В июне Билл сказал:

— Он больше не пускает меня в свою комнату.

— Что такое? — удивился Морган.

— Декораторы закончили работу два дня назад. Там теперь все стены завешены темно-пурпурными драпировками. Я думаю, они решили, что он слегка не в себе, но спорить не стали. Теперь у него там старые часы, с которыми он что-то делает, а еще он где-то откопал столик с шахматной доской на крышке и на нем проводит какие-то странные расчеты.

— Какие расчеты?

— Откуда мне знать? — Билл раздраженно пожал плечами. — Я думал, он выправляется. Эти… приступы ложной памяти в последнее время, кажется, его нисколько не волнуют. Или если и волнуют, он об этом не говорит.

— А когда был последний?

Билл выдвинул ящик своего стола и открыл тетрадь для записей:

— Десять дней назад он сказал, что у него вид из окна неправильный. А еще, что его комната совершенно ужасна и он даже не понимает, как мог ее терпеть все эти годы. Примерно тогда он и начал жаловаться на эти боли.

— А, эти «усиливающиеся боли». Они стали локализоваться — когда?

— Неделю назад, — нахмурился Билл. — Не нравятся мне они. Я думал, это гастрит, — и до сих пор так считаю. Но у него ничего такого быть не должно. С ним совершенно все в порядке, как внутри, так и снаружи. Последние рентгеновские…

— Сделанные неделю назад, — напомнил ему Морган.

— Да, но…

— Если после еды у него по-прежнему появляются боли в животе, значит что-то пошло неправильно всего несколько дней назад. Не забудь, Руфус уникален.

— Да, это верно. Если я его поймаю, то начну все сначала. Он нынче стал какой-то скрытный. Я не могу больше с ним тягаться.

— Его нет дома? Мне бы хотелось посмотреть

на его комнату.

Билл кивнул:

— Ты ничего не узнаешь. Но хорошо, идем.

Дверь зацепилась за пурпурные драпировки, словно сама комната не хотела их пускать. Потом дверь открылась, и сквозняк из холла заставил все четыре стены затрепетать и задрожать, пойдя частыми темно-пурпурными складками, как если бы все вещи в комнате побежали прятаться, как только гости вошли. Свет попадал внутрь лишь сквозь пурпурные шторы на окне и тоже был окрашен в пурпурные тона, пока Билл не пересек комнату и не отодвинул драпировки. Появилась возможность получше рассмотреть большую резную кровать, комод и несколько стульев.

У изножья кровати стоял шахматный столик, по клеткам которого расползлись сделанные мелом отметки. Позади столика помещались старые каминные часы, наполнявшие комнату забавным икающим тиканьем. Мужчины немного послушали, и Морган заметил:

— Забавно. Интересно, это случайно? Ты слышишь… такой полуудар между двумя ударами?

Они опять прислушались. «Тик-ти-так», — говорили часы.

— Они старые, — сказал Билл. — Наверное, с

ними что-то не в порядке. Но я хочу, чтобы ты взглянул на секундную стрелку. Видишь?

Длинная секундная стрелка передвигалась по широкому циферблату очень медленно. Она отличалась от двух других. Мужчины решили, что Руфус нашел ее где-то и неумело приделал к часам, потому что, пока они смотрели, стрелка перепрыгнула через три секунды и медленно поползла дальше. Чуть погодя она прыгнула еще раз. Потом совершила почти полный круг и перепрыгнула через пять секунд.

— Надеюсь, Руфус по этим часам свиданий не назначает, — пробормотал Морган. — Хорошо, что он не зарабатывает себе на жизнь починкой часов. Что ты об этом думаешь?

— Увы, не знаю, что и сказать. Я, конечно, спрашивал его, а он ответил, что это он просто так, на скорую руку собрал. Отчасти, похоже, да. Но есть и кое-что странное.

Билл наклонился и открыл стеклянную крышку:

— Смотри, они очень маленькие. Вот и вот — видишь?

Морган наклонился и на циферблате в неравных промежутках между цифрами разглядел нарисованные по окружности крошечные цвет-

ные отметки. Красные, зеленые, коричневые — микроскопические, но очень затейливые, с загогулинами, напоминавшими арабскую вязь. Они шли по всему циферблату — разноцветные и загадочные. Морган подергал себя за усы и посмотрел, как ползет по кругу дергающаяся секундная стрелка. Когда она прыгала через несколько секунд, то обязательно останавливалась передохнуть на переплетении разноцветных линий.

— Это не может быть случайно, — сказал он после некоторого раздумья. — Но в чем тут дело? Что эти часы отмечают? Ты его спрашивал?

Билл долго на него смотрел.

— Нет, — наконец ответил он. — Не спрашивал.

— Почему? — Морган прищурился.

— Не знаю… наверное… наверное, я не хочу знать. — Билл закрыл часы. — Это и так безумие. А когда дело доходит до измеряющих время инструментов… я начинаю себя спрашивать: а вдруг Руфус знает больше, чем мы? — Он помолчал. — Это ты настроил его на то, чтобы исследовать время, — закончил он чуть ли не обвиняющим тоном.

— Билл, теряешь перспективу. — Морган покачал головой.

— Может быть. Ну а что ты скажешь про шахматную доску?

Они непонимающе посмотрели на доску. На клетках можно было увидеть рукописные пометки, расположенные почти без всякого порядка, хотя было очевидно, что для человека, который эти заметки оставил, все было совершенно ясно.

— Он же может просто решать какую-нибудь шахматную задачу, разве нет? — спросил Морган.

— Я уже думал об этом. Я спросил его, не хочет ли он сыграть, а он ответил, что не умеет и не хочет этим сейчас заниматься. Тогда он меня и выставил. Я решил, что это как-то связано с часами. Знаешь, Пит, что я думаю? Если часы отмеряют минуты и часы, тогда, может быть, клетки отмеряют дни. Как календарь.

— Но зачем?

— Не знаю. Я не психиатр. Однако кое-какая идея у меня есть. Предположим, во время гипноза он представил что-то такое, что встревожило его. Ну, допустим, он действительно что-то увидел. Постгипнотическое внушение заставило забыть об этом на уровне сознания, но подсознательно он все еще встревожен. Разве это не может проявляться в сознательной, но бессмысленной игре

с предметами, которые так или иначе связаны со временем? И если может, то как ты думаешь, не вспомнит ли он однажды, что за этим спрятано?

Морган повернулся к нему всем корпусом — он стоял по ту сторону столика и икающих часов.

— Послушай, Билл. Вот что я тебе скажу. Ты совсем потерял чувство перспективы в этом деле. Ты только навредишь Руфусу, если сам увязнешь в трясине мистицизма.

— Пит, ты про Фауста много знаешь? — вдруг спросил Билл.

Если он ожидал встретить протест, то был удивлен. Морган поморщился, и глубокие морщины вокруг рта стали еще глубже.

— Да. Я тут перечитал легенду о нем. Интересно.

— Давай представим на миг, что легенда основана на факте. Предположим, что три сотни лет назад где-то действительно жили два человека, которые пытались провести подобный эксперимент и оставили зашифрованные записи. У тебя никаких идей не появляется?

— Ничего, что могло бы нам пригодиться. — Морган нахмурился. — В основе легенды — старая средневековая идея о том, что знание — это всегда зло. «…А от дерева познания добра и зла — не

ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь»[63]. Фауст, подобно Адаму, поддался искушению, отведал плодов и был за это наказан. Мораль проста: знать слишком много — значит идти против Бога и природы, и Бог, да и природа, могут наказать.

— Да, верно. Фауст расплатился своей душой. Но неверно было бы говорить, что эксперимент прошел до конца гладко, а потом все сорвалось. Ведь нельзя сказать, что Мефистофель выставил счет и получил свою плату. Их эксперимент отклонился от плана почти с самого начала — совсем как наш. Фауст был человек умный. Он не стал бы обменивать свою бессмертную душу на краткую жизнь на Земле. Это того не стоило. Все дело в том, что Фауст не принимал Мефистофеля всерьез до тех пор, пока не стало слишком поздно. Он намеренно позволил Мефистофелю показать, какие у того в запасе есть удовольствия, заранее зная, что его они не соблазнят. И конечно, если бы они не соблазнили бы его, то и сделка бы не состоялась. И только когда он начал искренне наслаждаться тем, что предлагал ему Мефистофель, он потерял свою душу, а вовсе не в конце, когда

[63] Notes: 63

Первая книга Моисеева, Бытие, глава 2: 16. Русский Синодальный перевод.

предъявили счет. — Билл выразительно похлопал по шахматной доске. — Разве зашифрованное послание могло выразиться еще яснее о том, что почти с самого начала все пошло не так, как замышлялось? — Он, прищурив глаза, посмотрел на Моргана. — Все, что нам осталось, — так это узнать, что в этом шифре означает слово «душа».

— И что, есть идеи? — едко спросил Морган. — Билл, ты беспокоишь меня гораздо больше, чем Руфус. Я уже начинаю думать, не ошиблись ли мы, выбирая подопытного. Ты слишком близок к Руфусу.

Выражение, появившееся на лице Билла, удивило его. Он заметил, что Билл немного нахмурился, еще раз хлопнул по столу, а потом прошагал к окну и обратно, не говоря ничего. Морган ждал.

— Да нет же, — наконец заговорил Билл. — Мы с отцом никогда не были близки эмоционально. Он был человеком другого типа. С нынешним Руфусом, думаю, я смог бы найти общий язык. У Руфуса есть та теплота, которой недоставало отцу. Он мне нравится. Но тут вот еще что, Пит. Есть в наших отношениях что-то такое, что задевает меня, если это касается Руфуса. Что-то физическое. Руфус — мой самый близкий из жи-

вущих родственников, хотя нынче он даже по внешности стал чужой. Половина моих хромосом — от него. Если бы я даже ненавидел его, то все равно был бы связан с ним генетически. С ним происходит такое, что никогда не происходило ни с одним человеком, насколько нам известно. Однако когда ты убрал его с прямого курса, которым идет жизнь человека, ты словно убрал и меня тоже. Я больше не могу смотреть на все это со стороны. — Он рассмеялся с почти извиняющейся интонацией. — Мне все время снятся реки. Глубокие быстрые потоки — они бегут все быстрее и быстрее, а впереди — пропасть, и в целом мире нет никакого способа отвернуть от нее.

— Символический сон… — начал Морган.

— Ну да, я знаю. Но река сама по себе символ. Иногда там Руфус на плоту, иногда я. Но мы почти выскочили на быстрину. Мы зашли слишком далеко, чтобы можно было вернуться. Я вот все думаю…

— Перестань думать. Ты слишком много работал. Тебе надо отдохнуть от Руфуса и всего, что с ним связано. После того как ты получишь его рентгеновские снимки и выяснишь, что с ним не в порядке, я думаю, тебе надо на время уехать. Когда ты вернешься, тридцатипятилетний Руфус

снова будет двигаться в сторону своего сорокалетия, и тогда тебе уже не будут сниться реки, а начнут сниться змеи, или зубы, или еще что-нибудь в том же духе. Договорились?

— Хорошо. — Билл с сомнением кивнул. — Я постараюсь.

Через три дня в кабинете Уэстерфилда Морган держал против окна пленку рентгеновского снимка и щурился на темный лабиринт из линий. Он смотрел довольно долго, и, когда осторожно откладывал пленку, рука его дрожала. Он так нахмурил брови, глядя на Билла, что они почти спрятали его глаза. Это было выражение смущения, граничащего со страхом.

— Ты подделал снимки!

— Надо было так и сделать. — Билл беспомощно развел руками.

Морган послал ему еще один проницательный взгляд и опять повернулся к свету — посмотреть снимки еще раз. Его рука еще дрожала. Он придержал ее второй и вгляделся. Потом взял другой снимок и посмотрел его:

— Это невозможно. Такого никогда не было. Просто не могло быть.

— У… упрощение, — неуверенно начал Билл.

— Чудо, что в таких обстоятельствах он может

переваривать все, что угодно. Но что-то я в это нисколько не верю.

— Все проще, — продолжал Билл, словно не слышал его. — Даже его кости. Даже ребра. Они, как у ребенка, наполовину состоят из хрящей. Знаешь, увидев это, я задумался. Просто на всякий случай я провел полное обследование и обнаружил, что он уже миновал сорокалетний возраст. Его сжигает щитовидка. Но, Пит, кажется, ему это нисколько не мешает. Он не теряет вес, у него не увеличился аппетит, он спит как младенец, — знаешь, я сам в два раза более нервный, чем он.

— Но ведь это невозможно.

— Понимаю.

Молчание. Потом:

— А что еще не так?

— Не знаю. — Билл беспомощно пожал плечами. — После этого я побоялся проводить еще какие-нибудь исследования. Правда, Пит, — я боялся.

Морган очень осторожно положил последний снимок и повернулся спиной к столу. Впервые в его движениях проявилась неуверенность. Он больше не был человеком, совершенно уверенным в себе.

— Ну, давай завтра начнем тщательное об-

следование, — нерешительно сказал он. — Я… думаю, мы сможем узнать, что такое…

— Бесполезно, Пит. Ты же видишь. Мы начали дело, которое не можем теперь остановить. Он зашел по реке слишком далеко, и его затянуло течением. Все основные жизненные процессы, которые так быстро протекают в молодости, в его организме идут даже быстрее. Один Бог ведает, каким путем движется сейчас Руфус, ведь он не идет назад по той дороге, о которой люди слыхали, — его несет течением, и мы ничего не можем с этим сделать.

Через какое-то время Морган кивнул:

— Ты был прав. Ты был прав с самого начала, а я ошибался. И что теперь?

— Не могу сказать. — Билл безнадежно махнул рукой. — Пит, это все еще твоя вечеринка. Я тут просто на подхвате. Я первым увидел опасность, потому что… ну, наверное, потому что мы с Руфусом близкая родня и имеем… довольно прочные связи. Когда эксперимент пошел не по плану, я физически это ощутил. Такое объяснение тебе подходит?

Морган вдруг как-то неуклюже сел, словно человек, у которого разом ослабели все мускулы. Но голос его после недолгого смущения опять

зазвучал уверенно:

— Нам предстоит это выяснить. Посмотрим.

Он прикрыл глаза и дрожащими пальцами потер тяжелые веки. Они опять помолчали. Потом Морган открыл глаза:

— Он с самого начала стал меняться. Тогда я решил, что наше лечение перемешало гены и хромосомы в новый набор и он начал меняться, приобретая сходство с кем-то из предков, кого мы не знаем. Но теперь я вот о чем думаю…

Он замолчал, и на его лице появилось тревожное выражение. Он посмотрел на Билла, в ужасе округлив глаза.

— Вот о чем я думаю… — повторил он безжизненным тоном, словно его губы произносили ничего не значащий набор слов, а мысли неслись так быстро, что он просто не успевал их озвучить.

Он резко вскочил и начал быстрыми шагами ходить по комнате.

— Нет, — пробормотал он. — Это дико. Но…

Билл какое-то время смотрел на него. Потом тихо произнес:

— Мне тоже приходила в голову эта мысль. Но я боялся сказать тебе.

Морган вздернул голову и пристально посмот-

рел на Билла. Их взгляды встретились. В глазах Моргана стоял ужас.

— Они были сдвинуты — слишком сильно? Хромосомы сложились в слишком далекий от первоначального узор?

— Ты же видел рентгеновские снимки, — осторожно произнес Билл.

— Давай-ка выпьем, — только и нашел, что сказать, Морган.

Когда они снова уселись, а в стаканах успокаивающе и буднично зазвякал лед, Морган заговорил — слишком напряженным для такого прозаического предмета тоном:

— А вдруг где-нибудь есть раса людей, похожих на Руфуса? Или была когда-то. Нет смысла сразу хвататься за невероятные объяснения, пока мы не исчерпали все вероятные. Я все пытаюсь представить хоть какой-нибудь народ, у которого были бы такие же черты лица, как у Руфуса, и из тех, что существуют на сегодняшний день, не могу найти ни одного, но это не значит, что таких людей и вовсе никогда не было. Ты же понимаешь, что ни одна народность не появилась на Земле вдруг. И ты, и я, может быть, имели далеких предков, которые, например, жили в Атлантиде или были современниками атлантов.

Кто знает, как они выглядели?

— Ты забываешь, — так же осторожно напомнил ему Билл. — Рентген. И это может быть только начало. Теперь процессы пойдут все быстрее и быстрее. Физиологическое время течет быстро, ужасно быстро — чем ближе ты находишься от начала, тем быстрее. Неужели ты думаешь, что когда-то были люди, такие же, как Руфус, по устройству организма?

Морган посмотрел на него поверх очков. Он задержал дыхание, готовясь что-то сказать, но потом со вздохом выпустил воздух.

— Нет. Думаю, что не было. В этом мире.

— Хорошо, — сказал Билл. — Продолжай.

— Что?

— Продолжай рассуждать. Я боюсь. Мне приходят в голову слишком… легковесные мысли. Мне интересно, придут ли тебе в голову такие же идеи? Ну, давай.

— Он… подменыш, — наугад начал Морган. — Рассказы о подмененных детях — очень старые. Даже старше, чем легенда о Фаусте. А вдруг и Фауст был таким подменышем? Может, у него тоже были какие-то наследственные черты, которые могли проявиться с изменением хода времени на обратный? Подменыш… дитя фей… феи? Очень

хрупкие люди, которые могу по желанию становиться невидимыми, созданные по другой мерке, чем мы, по другим размерам? Или другими измерениями, Билл?

Билл пожал плечами:

— Он не может есть то, что мы едим. Если так и дальше пойдет, на всей Земле для него не найдется пищи. А вдруг она где-нибудь есть?

— А может быть, изменения прекратятся, — резко произнес Морган. — Откуда нам знать? Может быть, мы напрасно делаем из себя идиотов, бродя среди историй про фей наугад в поисках ответа, который нам вовсе не пригодится?

— Думаю, Пит, что пригодится. Ну, так или иначе, давай продолжать — и посмотрим, что у нас получится. Значит, говоришь, иные измерения?

— Хорошо, допустим, были подменыши! — горячо воскликнул Морган. — Допустим, на самом деле бывают гоблины и прочие существа, которые шатаются по ночам…

— Господи, спаси нас, — ухмыльнувшись, закончил Билл. — Пит, используй логику. Я не хочу, чтобы ты поверил, будто тыква может превратиться в карету. Но если мы применим алхимическую формулу к самой идее подменышей или к легенде о Фаусте, можем мы что-нибудь

получить или нет?

— Ну, это тоже не ново. Ранее предполагалось, что сверхъестественные существа из легенд могли появиться как искаженные воспоминания о посещениях существ из других измерений. Но Руфус…

— Давай, Пит, скажи…

С видом осознанной жертвы Морган поднял в гримасе верхнюю губу, задрав усы, и сказал:

— Руфус, может быть… или кажется… проявляет наследственные черты какого-то предка из другого мира. Ты это хотел услышать?

— Пойдет.

— Тогда это объясняет… — Морган вдруг просиял: нашлась идея, которая оправдывала жертву. — Это объясняет, почему он так отреагировал на фотографию матери. Объясняет, почему многие вещи кажутся ему странными. Это даже отчасти объясняет, почему он вспоминает то, чего не было.

Билл, похоже, сомневался.

— Да — отчасти. Тут еще кое-что, Пит. Не знаю, что именно, но просто чувствую, что это не все. Все не так просто. Часы, календарь — если шахматная доска действительно календарь, — да, можно сказать, что время он ощущает не так,

как мы, и наугад пытается вернуть себе хоть что-то знакомое из другого жизненного опыта, который пока не может вспомнить. Но это не все. Мы многое узнаем еще до того, как эксперимент закончится. Руфус идет куда-то назад. Я боюсь. Я ничего не хочу об этом знать. Как только я начинаю об этом думать, так сразу же ударяюсь в панику. Ведь он так близок ко мне. Но скоро мы все узнаем. Мы еще не добрались до корней, но когда доберемся, то увидим, что все не так просто, как нам кажется.

— Корни? Интересно. Вот что, Билл. Во время взросления Руфус был совсем не таким, как сейчас. Помнишь, мы как-то говорили о том, что при рождении могут появляться кое-какие отклонения, которые в подростковом возрасте сглаживаются? Очень может быть, что сейчас он как раз проживает в обратную сторону результат этих исправлений. Но обратно мутировать невозможно. Это совершенно невозможно — какую логику ни применяй, хоть нашего мира, хоть любого другого. Можно сказать, что он унаследовал хромосомы марсиан или людей другого измерения, но это ничего не объяснит. Мутация — это когда что-то… распространяется, растет вширь, а вовсе не сжимается и уменьшается. И тут должно

быть что-то позитивное…

Он замолчал, свел вместе тяжелые брови. Через некоторое время он осторожно начал с начала:

— Я не прав. В общем… давай посмотрим. Все хорошо до тех пор, пока временна́я константа не меняется. Что к Руфусу как раз и неприменимо.

Билл нахмурился:

— Он движется во времени обратно, но ведь это субъективно, не так ли?

— Поначалу это так и было. Может быть, субъективное отражается на объективном?

— И Руфус искажает время?

Морган не слушал. В кармане он нашел карандаш и бумагу и занялся рисованием бессмысленных закорючек. Повисло тягостное молчание. Кончик карандаша остановился.

Морган поднял голову, в его глазах по-прежнему стояло недоумение.

— Кажется, я понял, — сказал он. — Может быть… Послушай, Билл…

На сортировочной станции немало рельсовых путей. И на каждом пути — поезд, который движется по жестко заданному курсу, параллельно другим.

Согласно теории параллельного времени, каждый поезд — пространственная вселенная,

а рельсы проложены по темной насыпи самого времени. Далеко-далеко в прошлом, в темных началах, может быть, существовала только одна колея, а потом она стала разветвляться.

Она ветвилась и ветвилась, от нее отходили параллельные колеи, собираясь в группы: Нью-Йоркская центральная, Пенсильванская, Южная Тихоокеанская, Санта-Фе. Поезда — вселенные — на каждом пути примерно одинаковые. Например, на Пенсильванской сразу несколько поездов едут сквозь туманное и загадочное время в одну и ту же сторону, однако все содержат отличимые разновидности homo sapiens. Пути ветвятся, но в целом это одна и та же система.

А есть и другие.

Они имеют одну общую черту. Нет, две. Они параллельны во времени и изначально вышли из одного нам неизвестного источника, спрятанного в недоступном воображению, необъятном, загадочном лоне пространства и времени. В начале было…

Но в начало вернуться нельзя. Нельзя даже вернуться в начало собственного пути. Потому что поезд идет вперед, и он совсем не там, где был двадцать, пятьдесят, восемьдесят лет назад. А если попытаешься вернуться по собственным

следам, окажешься на незнакомой дороге. Она не пространственная. Не временна́я. Она имеет, наверное, какое-то измерение, которое настолько чуждо нам, что мы не можем вообразить его никаким — только абсолютно чужим.

Но когда путешественник пытается вернуться во времени обратно, на этой странной дороге он может обнаружить мостик, какой-то переход. Может оказаться, что это просто канат, ненадежно натянутый между двумя параллельными путями. Как в букве «И». Вертикальные линии — железнодорожные пути, по которым идут поезда. Косая линия — переход, например, с Пенсильванской на Нью-Йоркскую центральную.

Разные железнодорожные компании. Разные линии. Разные группы.

Значит, нельзя вернуться в собственную молодость, нельзя больше вернуться домой — там, где он был, его больше нет. Он остался далеко позади, потерялся в тех сумерках, где догорают развалины Тира и Ниневии.

И дело тут не только в хромосомах. И не только в субъективных ощущениях. Возвращение назад — это возвращение в одно из параллельных времен, где существует некий эквивалент Руфуса Уэстерфилда.

Параллели, конечно, подразумевают подобие — но не тогда, когда речь идет о космических уравнениях. Базовая матрица может варьироваться, но видна только Богу. Матрица млекопитающих, например. Киты и морские свинки тоже млекопитающие.

Получается, что в бесконечности поездов вдоль бесконечных путей вполне может существовать много подобий Руфуса Уэстерфилда — но не вдоль одной ветки Пенсильванской линии.

Нью-Йоркская центральная линия идет параллельно, но билеты для Homo sapiens продают только на Пенсильванской.

Руфусу Уэстерфилду было двадцать пять лет. Вытянувшись во весь рост, он лежал в гамаке на крыльце, разомлев от жары июльского полдня. Заложив одну руку за голову, он время от времени дергал веревку, на которой висел гамак, и ленивое качание продолжалось.

На этом этапе главной чертой Руфуса стала лень. Что странно противоречило его умному веселому лицу, которое неуловимо отличалось от лица сорокалетней давности, когда Руфусу уже однажды было двадцать пять лет. По-прежнему с первого взгляда можно было понять, что Руфус и Билл — близкие родственники, ведь незаметные

перемены не уничтожили сходства. Но все черты Руфуса заострились… А из-за непонятной, всему противоречащей лени Руфус казался высокомерным.

Принимая во внимание его реальный возраст, ничего необычного в лени не было, но она забавным образом совпала с молодыми годами. В двадцать пять лет ум так же остер, а лицо и тело так же полны сил, как были бы и у Руфуса, не одолей его лень. В двадцать пять человек только входит в наиболее продуктивный возраст своей жизни. Все предыдущие годы он изо всех сил стремится к этой поре своего возмужания.

Но Руфус Уэстерфилд в недавнем прошлом совсем не был незрелым. И впереди ждала его вовсе не жизнь. Быстрый поток времени бежал мимо него и пропадал из виду. А Руфус двигался к беспомощности младенчества, а не к кипучей молодости. И каждый новый день оказывался все длиннее и проще, чем предыдущий. Физиологические процессы в теле шли тем быстрее, чем ближе подходил он к юности, и представление о времени в его сознании делало время все более медленным. Мысли о молодости, писал Лонгфелло, длинные, очень длинные.

Когда дуга качания поднесла его поближе, Ру-

фус протянул свободную руку и ловко подхватил с пола стакан. Лед приятно зазвенел: в стакане был коктейль с лимонным соком и ромом, пятый за сегодняшний день. Руфус глянул, как мелькают тени листьев на крыше крыльца, и уютно улыбнулся, прихлебывая сладкий, крепкий напиток, смакуя его на языке. Когда включился обратный отсчет лет, вкусовые ощущения начали проявляться все ярче и ярче. У младенца весь рот выстелен изнутри вкусовыми бугорками, и рот Руфуса постепенно снова наполнялся ими.

За последние два месяца он много пил. Отчасти потому, что ему нравилось, отчасти потому, что алкоголь оказался одним из немногих продуктов, которые мог усваивать его изменившийся организм. А потом, опьянение помогало размыть в душе это неприятное чувство, которому Руфус и имени не мог подобрать, чувство, будто большая часть того, что он видит вокруг себя, представляется неописуемо неправильной.

Руфус был очень умный молодой человек. Еще его отличала терпимость. Он не видел смысла в том, чтобы позволять этому ощущению неправильности красить его жизнь не в тот цвет. Когда мог, он от него отмахивался. Частично так проявлялась его замечательная способность

приспосабливаться к окружающей обстановке. Ему было очень жаль, что мужчина, через чью меняющуюся жизнь Руфус так быстро проходит, останется наполовину неизвестным. Наверное, это был удивительный человек, за семьдесят лет накопивший воспоминания и зрелую мудрость, имеющий быстрый ум и тело, едкую проницательность, душевную теплоту и благодушный характер. И все это сопровождалось загадочными, удивительными, тонкими переменами, приходившими из такого источника, о котором человек раньше и подумать не мог. Наверное, этот Руфус представлял собой смесь человеческих и сверхчеловеческих черт, может быть, даже лучших черт, но никто теперь не сможет узнать его со всех сторон. Человек, которым он мог бы быть, менялся слишком быстро, и жизнь, которую он мог бы прожить, представала взгляду лишь на один краткий миг. Несущий его поток не мог бежать медленнее.

Значит, отчасти Руфус терпеливо приспосабливался к жизни, с полным спокойствием принимая все, что происходило. Но можно было сказать, что это такое раннее развитие наоборот. Поскольку Руфус отличался острым умом, при нормальном ходе времени — то есть отметив свое двадцати-

пятилетие и встретив двадцать шестой год — он мог бы считать себя опережающим свой возраст. Его ум помог бы ему сравняться с людьми, намного превосходящими его годами. А сейчас, миновав порог двадцатипятилетия и стремясь к возрасту двадцать четыре года, он по-прежнему шел впереди. Но в обратную сторону. Для Руфуса это проявлялось в том, что его мозг переходил на медленные мысли ранней юности. И многое пропускал.

Приятная размытость опьянения имела и еще один эффект. Она облегчала напряжение его сознания, позволяя разным странным обломкам и осколкам подниматься из подсознания на поверхность. Воспоминания, какие-то фрагменты, которые, как он твердо знал, не принадлежали его уже прожитому прошлому. Осознавая это, Руфус не делал попыток разрешить этот парадокс. С ходом времени он оказывался все ближе к тому периоду, когда человек интересуется только самыми внешними проявлениями этого мира. Он в основном принимает мир, доверчиво обращаясь за защитой к тем, кто его окружает. И именно развитый ум Руфуса с опережением обратного развития привел его к типичному для детства настрою мыслей, потому что как раз в этом воз-

расте он мог найти самую надежную защиту от ощущаемых подсознанием опасностей, которые оно ни в коем случае не позволило бы сознанию заподозрить.

На поверхности плыли, сливались и снова пропадали подталкиваемые алкоголем воспоминания об одном и о другом прошлом — медленно, лениво. Вначале воспоминания о другом прошлом напоминали полосы прозрачного дыма, медленно проплывавшие перед более ясными воспоминаниями, неотличимые от них. Прошло немало времени, прежде чем он сознательно сумел разделять эти два набора воспоминаний, многие из которых взаимно исключали друг друга, но появлялись в его памяти одновременно. Когда он научился различать их, период, в котором это его волновало, уже прошел. Неподвластные ему события происходили в неизменном ритме, плавно несшем его к цели, на которую он пока не пытался взглянуть — в свое время она придет, он ее не минует, и он к этому готов.

Теперь воспоминания о другом прошлом почти полностью заслонили все воспоминания Уэстерфилда. Оглядываясь, Руфус уже видел жизнь Уэстерфилда словно в каком-то тумане событий, которые казались ему ничуть не стран-

ными и не более чуждыми, чем воспоминания о молодости Билла или о своей давно покойной жене. Он уже не мог с одного мысленного взгляда определить, какое воспоминание принадлежало жизни Уэстерфилда, а какое — другой. Но они были разными. Совершенно разными, вообще-то. В воспоминаниях о сыне и Лидии появлялись какие-то люди: то как второстепенные лица, то как главные, он уже знал их имена, но пока еще не мог произнести, — эти люди очень много значили, наверное, в другом прошлом, в каких-то других местах.

Всех их вытесняло всеохватное безразличие, которое стало ему защитой и итогом его опережающего развития. Как и члены семьи Уэстерфилд, они принадлежали к тому периоду времени, который слишком быстро летел мимо Руфуса, и вникнуть, прочувствовать было некогда. У него не было времени, которое можно было бы потратить на праздные размышления о прошлом.

И он с удовольствием предавался воспоминаниям, ни о чем особенно не задумываясь, давая спиртному возможность высвободить двойной поток воспоминаний и позволяя им просто скользить мимо и исчезать из виду. Лица, краски, ощущения, для которых он и слов подобрать не

мог, песни — подобные той, что он сейчас тихонько напевал на медленный ритм свинга.

Билл, поднявшись по ступенькам, услышал эту песню и поджал губы. Ему казалось, что мотива в ней нет никакого. Это была одна из тех надоедливых рулад, которые постоянно мурлыкал Руфус, даже не осознавая этого. И слова были не английские, когда вдруг он рассеянно произносил их, и мелодия была еще более чуждой, чем какофония восточной музыки. Билл отказался от попыток что-нибудь понять. За последний месяц он от многого отказался, после того как стало ясно: Руфус без остановки миновал возраст в тридцать пять лет, на котором преобразования должны были закончиться. Билл потерпел неудачу на полпути и признал это со всем самообладанием, какое только мог найти в своей душе. Ему нечего было собирать, кроме мужества, нужного для того, чтобы признать поражение.

Руфус в гамаке, кажется, дремал. Веки прикрывали раскосые черные глаза, и на лице застыло лишь выражение лени. Билла тревожило, что, хотя это лицо уже не было лицом Уэстерфилдов, оно все же сохраняло черты сходства с его собственным. В последнее время он с каким-то необъяснимым дискомфортом все чаще и чаще

ощущал, что Руфус, меняя облик, словно натягивает его собственные черты, но как-то неловко. Конечно, это была неправда, потому что перемены лежали далеко за пределами простого соотношения элементов внешности, но тревожное ощущение Билла не покидало.

Когда шаги сына раздались на крыльце, Руфус не стал открывать глаза, но лениво спросил:

— Билл, не хочешь прогуляться?

— Нет уж, только не с твоими девушками. Я знаю, чего хочу.

Руфус, не открывая глаз, рассмеялся слепым, вялым смехом, в котором мелькнули его белые зубы. Потом он немного повернулся и посмотрел на своего сына, и Билл вдруг ощутил беспомощный страх. Лицо отца оказалось настолько нечеловеческим, что без всякой подготовки увидеть его было слишком тяжело.

Потому что черные глаза под веками Руфуса имели не тот привычный насмешливый и надменный взгляд, а смотрели лишь лениво и с любопытством. Что-то едва ощутимое, мутное заволокло его взгляд, а потом медленно отодвинулось, как на глазу кошки или совы. Совсем недавно у Руфуса появилась мигательная мембрана, третье веко.

Если он знал об этом, то не подал виду. Сейчас он радостно улыбался. Веко сдвинулось и исчезло, словно его никогда и не было. Руфус потянулся и встал с ленивой, медленной гибкостью, и Билл понял: о только что увиденном можно на миг забыть.

Тело Руфуса имело прекрасную мышечную координацию, которая сейчас в некотором роде тоже казалась трагичной. Ведь механизм, который ее обеспечивал, наверное, кардинально отличался от нормы. Билл не проверял, какие перемены свершились за последние две недели, но знал, что они не могут остановиться ни на минуту. С чисто клинической точки зрения происходящее должно было очень его волновать. Но нет. Он мог бы принять мысль о провале как неизбежную, но тогда ему вовсе не надо было искать причин неудачи. А ведь это было больше чем нерешенная проблема. Это была проблема, непосредственно затрагивающая его плоть и кровь. Как страдающий от неизлечимого заболевания человек скрывает признаки своей немощи, так и Билл решил больше не углубляться в подробности тех невероятных перемен, которые происходили в теле, бывшем наполовину его телом.

Руфус смотрел на него и улыбался.

— Как ты постарел, — пробормотал он. — И ты, и Пит. Я помню вас совсем молодыми — два или три месяца назад.

Он зевнул.

— У тебя свидание? — спросил Билл.

Молодой Руфус кивнул, и на миг его черные глаза почти закрылись, опять лениво мигнуло третье веко, наполовину скрыв радужку. Руфус стал похож на сонного, довольного кота. Билл не мог на него смотреть. К этому времени он достаточно привык к парадоксальным изменениям и не то чтобы был потрясен до потери самоконтроля, но все же спокойно смотреть на эту последнюю явную аномалию не мог. Он сказал лишь:

— Не будь таким самодовольным, — и поспешно ушел в дом, захлопнув за собой сетчатую дверь.

Руфус чуть пошире приоткрыл глаза, лишнее веко сложилось, но не полностью. Он смотрел вслед своему сыну, но спокойно, без любопытства, как человек, следящий за уходящей кошкой, — взглядом, затуманенным равнодушием к существам других видов.

В эту ночь он вернулся очень поздно и был

очень пьян. Морган вместе с Биллом ждали его в кабинете, и оба молча вышли, чтобы забрать Руфуса из такси и привести в дом. Даже безобразно непослушное тело двигалось грациозно. А водитель был почти в истерике. Он отказался притронуться к пассажиру. Невозможно было понять почему: то ли Руфус что-то сказал, то ли сделал, то ли не сделал по дороге домой.

— Что же он пил? — Голос водителя постоянно срывался на последнем слове. — Чем можно так напиться?

Они ничего не могли ему ответить, а таксист не мог объяснить, зачем ему это нужно знать. Он уехал, как только Билл с ним расплатился — принять и даже дотронуться до денег из бумажника Руфуса он отказался и унесся, виляя из стороны в сторону и скрежеща передачами.

— Такое раньше случалось? — спросил Морган поверх болтающейся темно-рыжей головы Руфуса.

Билл кивнул:

— Не до такой степени, конечно. Он вспоминает эпизоды, когда ему приходилось напиваться. Наверное, в этот раз вспомнил что-то значительное. Потом он обычно все забывает, думаю, и на этот раз будет так же.

Руфус между ними пошевелился, что-то пробормотал на незнакомом языке и попытался развести руки в объятие, словно перед ним лежали широкие просторы. Он рассмеялся ясным смехом, совсем не пьяным, а потом окончательно отключился.

Они уложили его на втором этаже в большую кровать резного дерева под пурпурными драпировками. Он лежал неловко, словно ребенок, и его знакомо незнакомое лицо занятным образом напоминало жесткую маску, за которой никто не прятался. Смущенные мужчины отвернулись, чтобы уйти на цыпочках, и уже были на полпути к двери, когда Билл остановился и принюхался.

— Духи? — недоверчиво спросил он.

Морган поднял голову и тоже понюхал воздух:

— Жимолость. И много.

Тяжелый аромат стал почти тошнотворно-сладким. Они обернулись. Руфус дышал, открыв рот, и запах ощутимо исходил от кровати. Мужчины медленно вернулись.

Мощные волны запаха встречали их с каждым выдохом Руфуса. От него вовсе не пахло спиртным, но аромат жимолости оказался столь силен, что оставлял почти сахарный вкус на языке. Мужчины непонимающе посмотрели друг на друга.

— Да рядом с ним задохнешься, — наконец произнес Морган. — А мы можем его от этого запаха как-нибудь избавить?

— Я открою окна, — сдержанно ответил Билл. — Сейчас уже и не знаю, что ему вредно.

Когда они выходили, шторы тихо колыхались, обдуваемые ветерком из окон, и стены по всей комнате трепетали. В тишине было слышно только душистое дыхание Руфуса да стук часов, у которых дергалась секундная стрелка. Когда они были уже у двери, запах, выдыхаемый Руфусом, едва заметно изменился. Нельзя сказать, что он был приятный или неприятный, как-то неописуемо он перешел от одного оттенка к другому, как от оттенка к оттенку переходит цвет. Но новый запах был таков, что никому из людей его обонять не доводилось.

Билл замер, посмотрел на Моргана, а потом пожал плечами и вышел.

Внизу, в кабинете, Морган произнес:

— Он меняется очень быстро.

Какое-то время помолчал, а потом спросил:

— Билл, может быть, мне надо бы побыть здесь, пока все не кончится?

— Да, пожалуй. — Билл кивнул. — Это случится скоро. Думаю, ужасно скоро. Дети растут быстро,

прямо на глазах. А у Руфуса годы спрессованы в недели.

Биологическое время движется подобно реке — поток сужается и несется тем быстрее, чем ближе к истоку ты находишься. А восприятие времени становится яснее и медленнее с каждым проходящим днем. Руфус бестревожно вернулся к раннему детству — или, по реальному исчислению, к последнему, хотя память о стариковском прошлом почти стерлась. В юном возрасте, как и в пожилом, его ясный настрой туманила забывчивость — отчасти потому, что дни старости остались далеко позади, а отчасти и потому, что разум сглаживался в безмятежную незрелость детства. Ускоряющийся поток плавно и быстро нес его к бесконечному подростковому возрасту.

А сейчас его, кажется, охватило ощущение какого-то беспокойства, заботы, подобной не наделенному разумом инстинкту, который ведет самку зверя строить гнездо для потомства; сам феномен рождения, с какой стороны течения времени к нему ни подходи, будто бы вызывает интуитивное знание: что должно случиться и что потребуется, когда придет нужное время.

Руфус стал проводить в своей комнате все больше и больше времени; он был недоволен, когда

к нему вторгались, и вежливо выпроваживал посетителей. Что он делал, угадать было непросто, хотя все предметы вокруг стола с шахматной доской на крышке оказались покрыты меловой пылью. А еще он что-то делал с часами. У них теперь было четыре стрелки, циферблат оказался разделен на концентрические круги, и дополнительная стрелка вращалась по разрисованному диску так быстро, что сливалась в туманное облако. Все это могло показаться типичной концентрацией незрелого подросткового ума на безделушках, если бы его не подгоняло ощущение срочности, которого не приходится испытывать ни одному нормальному ребенку.

Было нелегко определить, что нынче происходит с его быстро меняющимся телом, поскольку он сопротивлялся осмотрам, но удалось установить, что обмен веществ ускорился невероятно. У него не было никаких проявлений гиперфункции щитовидной железы, но эта маленькая железа на шее лихорадочно разрушала все ткани, выросшие давным-давно, еще во время раннего детства.

Обычно зверский аппетит, характерный для «гиперщитовидного» синдрома, не может тягаться с расходом энергии, и неестественно уско-

ривший метаболизм поглощает собственные ткани человека в отчаянной попытке догнать самого себя. В теле Руфуса метаболизм принялся за мускулатуру и кости. Физически он больше не был взрослым мужчиной, постоянно теряя в весе и росте, как-то изнутри сжигая себя, чтобы насытить всепоглощающий голод. Однако для Руфуса такое состояние стало невозможно нормальным. Никакой слабости он не чувствовал.

Похоже, вместе с телом, но совершенно незаметно и белые кровяные тельца претерпели изменения и размножились, чтобы атаковать внутренние органы и произвести там изменения, во многом подобно тому, как фагоциты куколки производят гистолиз внутри оболочки, превращая все, что находится под ней, в плазму, которая уже подразумевает появление идеального насекомого-имаго. Но что заложено в меняющемся теле Руфуса Уэстерфилда, оставалось спрятанной в генах загадкой, а попятный ход времени все их перепутал.

Руфус переживал обратное развитие, и все же в некотором смысле это был прогресс, если принимать к рассмотрению постепенное, но неуклонное продвижение к цели. Поток времени сужался вокруг Руфуса, стремясь обратно, к сво-

ему источнику.

— Пожалуй, сейчас ему лет пятнадцать, — заметил Билл. — Трудно сказать точнее, ведь он теперь совсем не выходит из комнаты, даже чтобы поесть, и я его не вижу, если сам не настою на встрече. Он очень заметно меняется.

— Что ты имеешь в виду?

— Его лицо… не знаю даже. Черты заострились, стали тоньше, совсем не как у ребенка. Кости у него, кажется, теперь гибкие — все. Это ненормально. А температура тела такая высокая, что этот жар можно почувствовать даже на расстоянии. Кажется, это его не особенно беспокоит. Большую часть времени он чувствует некоторую усталость, подобно тем детям, которые слишком быстро растут. — Он помолчал и посмотрел на свои сплетенные пальцы. — Где все это остановится, Пит? Где конец? Ведь ничего подобного еще не было. Не могу поверить, что он просто…

— Не было? — перебил его Морган. — Я еще не забыл, как ты обвинял меня, что я иду по следам Мефистофеля.

Билл посмотрел на него.

— Фауст… — неопределенно произнес он. — Но Фауст вернулся к определенному возрасту и на нем остановился.

— Интересно, — с некоторой желчностью произнес Морган, — если вся эта легенда — шифр, может быть, счет, который выставил Мефистофель, был как-то связан именно с этим. Может быть, то, что в легенде было зашифровано как потеря души, на самом деле означало то, что сейчас происходит с Руфусом? Может быть, он потерял тело, а не душу. Эти алхимики изъяснялись очень туманно. «Тело» вместо «души» — вполне очевидно.

— Слишком очевидно. Мы еще не видели конца. Мы все узнаем до того, как он наступит. Теперь я готов согласиться с идеей о том, что половинчатое знание бывает слишком опасным и, оперируя им, легко можно упустить… что-нибудь важное… Но наказание… Наказания нам придется еще ждать.

— Хм, — произнес Морган. — Говоришь, он сейчас непохож на ребенка? Не забудь, я в его комнате вообще не был.

— Нет. Какое бы детство у него… у них ни было, оно мало похоже на наше. Но и я не совсем ясно его видел. У него в комнате темнота.

— Хотелось бы мне знать, — страстно произнес Морган, — мне бы очень… А что, Билл, нам не удастся вот так просто войти и включить свет?

— Нет! — поспешно ответил Билл. — Пит, ты

же обещал. Мы должны оставить его в покое. Это самое малое, что мы можем сейчас сделать. Понимаешь, он же все знает. Не могу сказать как — разумом или инстинктом. Но так или иначе, ни такой разум, ни инстинкт нашей породе недоступны. На настоящее время он — единственный человек в доме, который полностью в себе уверен. Нам надо позволить ему продолжать.

— Хорошо. — Морган с сожалением кивнул. — Жаль, что он когда-то был Руфусом. Это затрудняет дело. Было бы лучше, если бы он был просто испытуемым. А то мне в голову приходят странные идеи. Насчет его… породы. Ты никогда не задумывался, Билл, что внешне ребенок очень сильно отличается от взрослого? С точки зрения взрослых, у него не те пропорции. Мы так привыкли к виду младенцев, что они нам кажутся вполне обычными, похожими на людей начиная с самого рождения, но существо откуда-нибудь с Марса может и ошибиться, приняв их за совсем другой биологический вид. Тебе не приходило в голову, что, если бы Руфус вернулся к… к детскому состоянию… а потом бы обратил время вспять еще раз, он бы превратился в совершенного чужака? В существо, которое мы и опознать бы не смогли?

— Почем мне знать? Поток времени совершен-

но не исследован, чтобы об этом можно было рассуждать. А вдруг он движется против течения, которое в любой момент может увлечь его за собой? Или нет? Ради него самого я надеюсь, что это не так. Он не смог бы жить в этом мире. Нам не узнать, к какому миру он принадлежит. Даже его воспоминания или то, что он рассказывал, слишком запутанны, чтобы что-нибудь понять. Когда он хотел обсуждать эту тему, он еще пытался втиснуть чуждые воспоминания в знакомый шаблон собственного прошлого — и выходила какая-то ерунда. Нам это не понять, как не понять и ему. Точно так же мы не узнаем, не поймем, если он опять станет взрослым. Как нам судить о том, что он повзрослел? У нас нет критериев. Он может отличаться от нас так же, как… как бабочка отличается от личинки.

— Мефистофель это узнал.

— Наверное, за это он и был проклят.

Он уже ничего не мог есть. Долгое время он питался молоком, сладким яичным кремом и желе, но внутренние изменения становились все глубже, а чувствительность к пище повышалась. Похоже, сейчас перемены миновали все вообразимые пределы, потому что и внешне он изменился очень сильно.

Шторы в комнате были все время опущены, и в конце концов Билл уже не видел ничего, кроме маленькой юркой тени в пурпурной тьме; когда открывалась дверь, бледный треугольник лица отворачивался от света. Голос у него оставался сильным, но тембр как-то неуловимо поменялся. Он стал тоньше и в то же время выразительнее, с какой-то вибрацией в горле, напоминавшей звук деревянных духовых инструментов. У него появился странный дефект речи, не то чтобы шепелявость, но некоторые согласные звучали так, как Биллу раньше слышать не доводилось.

В последний день он даже не взял в комнату поднос с едой. Нет никакого смысла возиться с едой, которую он все равно не может переварить, а дел у него много, очень много. Когда Билл постучал, тонкий, но сильный вибрирующий голос попросил его уйти.

— Это очень важно, — произнес голос. — Билл, сейчас не входи. Нельзя. Очень важно. Ты узнаешь, когда…

И голос плавно перешел на какой-то другой язык, совершенно непонятный. Билл не мог ответить. Он бессильно кивнул, ничего не говоря, адресуясь глухой двери, а голос в комнате, кажется, и не ожидал никакого ответа, потому что

звуки работы возобновились.

Приглушенные, прерывающиеся, они продолжались целый день, сопровождаемые задумчивым мурлыканьем странных, немелодичных мотивов, которые, кажется, нынче удавались Руфусу гораздо лучше, словно горло привыкло к чуждым тональным комбинациям.

Ближе к вечеру атмосфера в доме начала сгущаться от необъяснимого напряжения. Весь дом наполнился ощущением надвигающегося кризиса. Тот, кто раньше был Руфусом, осознавал, что конец наступает, и его уверенность наполняла напряжением дом. Но предчувствие неотвратимости, витавшее в доме, было каким-то обыденным, неторопливым. Силы, не поддающиеся никакому контролю, запущенные давным-давно, двигались к назначенной цели — там, за закрытой дверью на втором этаже, — и фокус неизбежных перемен незаметно сместился на приготовления. Когда человек ощущает, что оказался в руках силы, которой он доверяет, он не изменит ей, даже если у него появится такая возможность. Спокойно, тихо напевая себе под нос, он готовился к потаенной встрече с назначенной целью.

Когда наступила ночь, Морган и Билл сидели

в креслах перед запертой дверью и прислушивались к звукам в комнате. Ни один из них не мог уснуть в столь тягостной атмосфере. Время от времени то один, то другой окликали Руфуса, и голос отвечал им дружелюбно, но чувствовалось, что его хозяин сильно занят, и потому ответы получались как-то невпопад. А еще они звучали все более неразборчиво, неясно.

Морган, избегая встревоженного взгляда Билла, дважды вставал и клал руку на дверную ручку. Но не мог себя заставить повернуть ее. Ему даже начинало казаться, что напряжение, сгустившееся в воздухе, не даст ему открыть дверь, если он толкнет ее. А пытаться он не стал.

Время приближалось к полуночи, и звуки из-за двери раздавались все реже и реже. Чувство напряжения сделалось невыносимым. Словно перед ураганом, когда где-то высоко вверху небо собирает силы перед атакой.

Потом в течение, как им показалось, долгого времени вообще никаких звуков не доносилось.

— Ты в порядке? — крикнул Билл.

Тишина. И медленно, откуда-то издалека раздался приглушенный голос, который пробормотал неразборчиво не то один слог, не то два.

Мужчины посмотрели друг на друга. Морган

пожал плечами. Билл же приподнялся в кресле и потянулся к дверной ручке, но так ее и не коснулся. В верхних слоях атмосферы собирался ураган, и они не могли знать, когда придет время действовать, но, по крайней мере, ощущали, что оно пока еще не наступило.

Опять тишина. Когда Билл не мог уже больше ждать, он окликнул Руфуса снова, но ответа на этот раз не последовало. Они прислушались: едва различимое шуршание и тишина.

Ночью время тянулось особенно медленно. Ни один из мужчин и не подумал о сне — напряжение было слишком велико. Иногда они тихо переговаривались, как будто то, что находилось по ту сторону двери, еще могло их слышать.

— Помнишь, — сказал Морган, — я как-то рассуждал о том, насколько Руфус отличается от нас биологически?

— Помню.

— Тогда мы решили, что он не отличается. Я знаешь о чем подумал, Билл… Может быть, я даже знаю, что должно произойти. Допустим, в своем обратном развитии Руфус перешел на другую временну́ю линию. Такое могло случиться с любым человеком. И почти наверняка случилось бы. Твои предки вовсе не обязательно

отличались от нас или были инопланетянами, и способности к мутациям у тебя не больше, чем у любого другого человека. Просто, снова становясь молодым, попадаешь в другую цепь. В обычных обстоятельствах мы бы никогда и не узнали, что она существует. Может существовать связь между нашим Руфусом и Руфусом из другой цепи, но мы бы никогда об этом не узнали.

Он без всякого выражения глянул на дверь. И немного вздрогнул.

— Но это не важно. Я думаю о том, что чем дальше он уходит от нас, тем ближе он оказывается к главной колее того — другого — мира. Когда он окажется на ней…

Они поняли, чего они ждут. Когда встретятся два мира, что-то должно произойти.

Билл даже вспотел. «Была ли у человека такая возможность раньше? — подумал он. — У Моргана? У меня? А если бы была у всех, у меня бы была? Наследственность. Неудивительно, что мы с Руфусом перестали понимать друг друга, когда он пустился вспять… А каков был бы я? Я не был бы собой. Был бы кем-то другим. Да, вопрос. Эквиваленты. Двусмысленности. Ничего этого я не хочу сейчас знать. Но может быть, когда мне будет семьдесят-восемьдесят, я стану думать по-

другому. Когда утрачу вкусовые ощущения или зрение, когда все чувства притупятся, я, может быть, и вспомню…»

В этой потаенной мысли было что-то стыдное, и он стряхнул ее. На какое-то время. На долгое время. Возможно, на много лет.

А напряжение не отпускало. Не просто не отпускало, но еще и росло. Они много курили, но от двери не отходили. Они так и не могли понять, чего ждут, но не уходили. Напряжение держало их на месте. Медленное время миновало полночь и двинулось к рассвету.

Пришел рассвет, а они все еще ждали. В доме стояло напряженное молчание, и, казалось, воздух застыл настолько, что не хочет проходить в легкие. Когда в окна начал пробиваться свет, Морган с большим усилием поднялся и спросил:

— Как насчет кофе?

— Свари. Я здесь подожду.

И Морган пошел вниз, двигаясь с почти ощутимым затруднением, наверное вызванным целиком психологическими причинами; в кухне он наливал воду и насыпал кофе руками, которые вдруг утратили всякую ловкость. Кофе начал испускать аромат, за окном было уже совсем светло, когда в доме вдруг раздался какой-то не

поддающийся описанию шум.

Морган застыл, прислушиваясь к вибрирующему, звенящему звуку, который медленно стихал. Звук раздался сверху, приглушенный стенами и перекрытиями. Он неприятно ударил по ушам, затихая какими-то ощутимыми волнами, подобными волнам, расходящимся по поверхности воды. И напряжение в воздухе неожиданно прорвалось.

Морган ощутил, как немного осел от облегчения, словно именно напряжение поддерживало его в период долгого ожидания. Он не заметил ни как бежал по дому, ни как поднимался по лестнице. Следующим, что он запомнил, была фигура Билла, неподвижно стоящая перед открытой дверью.

Кажется, внутри было весьма темно. Но там же появилось множество светлых точек — они беспорядочно двигались, вспыхивая и угасая, точно светляки. Пока мужчины смотрели, огни начали тускнеть и пропадать, — может, это была просто галлюцинация.

Но то, что стояло, повернувшись к ним лицом, в дальнем конце комнаты, галлюцинацией не было. Не совсем. Там был кто-то.

Кто-то чужой. Ни глаза, ни рассудок двух муж-

чин не могли помочь им — существо нисколько не походило на человека. Никто, кому довелось бы на краткий, ошеломляющий миг встретиться с чем-то столь замысловатым и вместе с тем чуждым, не смог бы удержать в сознании этот образ, даже если бы ему это и удалось на одно мгновение. Этот образ сотрется из памяти быстрее, чем изображение с сетчатки, потому что в человеческом опыте нет параллелей, к которым можно было бы обратиться для сравнения.

Они поняли лишь, что существо на них посмотрело, как и они посмотрели на него. Было что-то невероятно странное в этом обмене взглядами, обмене с тем, кто, кажется, и смотреть-то не мог. Словно тебе ответило взглядом здание. Но хотя они не могли описать, как существо встретило их взгляд — каким заменителем глаз, какой частью тела, — они поняли, что оно обладает личностью, сознанием. И личность эта была чуждой им, как и они ей. В этом они не ошибались. Удивления и неузнавания были преисполнены черты существа и его неописуемый взгляд, точно так же как их взгляды были преисполнены удивления и недоверия. Какое бы внешнее обличье ни принимал разум, он всегда понимает, когда встречает чужака. Он понимает…

И они поняли, что существо перед ними — не Руфус и никогда им не было. Но все же оно было очень отдаленно знакомо, в какой-то отчаянно странной манере. Под всей сложностью новизны, в одной или двух основных чертах существо было знакомо. Но знакомое было изменено, искажено так, что только инстинкт, а не рассудок мог почувствовать все это за то недолгое время, что они стояли и смотрели на него.

Время действительно оказалось недолгим. Невероятная фигура на неизмеримо краткое мгновение возникла перед ними из темноты, уставив на них взгляд. Существо стояло неподвижно, но в такой позе, словно застыло в каком-то поспешном действии. Как если бы короткая вспышка ненадолго наполнила темную комнату изумлением и напряженным молчанием.

И вдруг по всей комнате вихрем пронеслись шум и движение. Будто перед зрителями на миг задержали изображавшую бурную деятельность кинопленку и тут же пустили ее снова. На какую-то долю секунды мужчины увидели, как все мелькает вокруг и позади фигуры. Мимолетный взгляд в другой мир, слишком короткий, чтобы понять хоть что-нибудь. На эту долю секунды они смогли глянуть назад, на развилку времен-

нóй колеи, ведущей от одной линии до другой, связывающей параллельные пути, по которым с шумом несутся чужие друг другу вселенные.

Тот же самый звук прозвенел по всему дому. Услышанный вблизи, он оглушал. Комната перед ними задрожала, словно звуковые волны произвели видимое сотрясение воздуха, а четыре стены внезапно ожили, и шторы взлетели к центру комнаты, где, наверное, образовался вакуум. Пурпурные облака бешено затрепетали, скрывая то, что происходило за ними. Еще миг звук дрожал и звенел в воздухе, послышался шелест раздуваемой вихрем ткани, и комната вскипела пурпурными волнами. И пропала.

— Руфус… — произнес Морган и сделал несколько неуверенных шагов в сторону кровати.

— Нет, — тихо сказал Билл.

Морган оглянулся, вопросительно посмотрел на него, но Билл лишь покачал головой. Оба почувствовали, что не могут ничего больше сказать. После недолгой паузы Морган отвернулся от кровати, пожал плечами и с натугой спросил:

— Кофе хочешь, Билл?

Одновременно, как-то вдруг, без предупреждения, к обоим вернулась способность чувствовать, и они ощутили аромат свежего кофе,

поднимавшийся по лестнице. Запах был очень утешительный, ободряющий, заживляющий разрыв в повседневности. Он привязывал прошлое к потрясенному, оглушенному настоящему, он стирал, отменял тот эпизод, который они только что пережили.

— Да, с бренди или чем-то в этом роде, — сказал Билл. — Давай… давай пойдем на кухню.

И вот на кухне, за кофе с бренди, они завершили то, что с такими надеждами начинали полгода назад.

— Знаешь, это был не Руфус, — заметил Билл слушавшему его Моргану. Они говорили быстро, словно подсознательно ожидали новых потрясений. — Руфус же… — Билл беспомощно взмахнул рукой. — Это было взрослое существо.

— Почему ты так думаешь? Просто предположение?

— Нет, это логический вывод — так должно было случиться. Ничего другого и не могло произойти. Ты разве не понимаешь? Невозможно сказать, к чему он вернулся. Эмбрион, яйцо — я не знаю. Может, к чему-то такому, что мы и вообразить не можем. Но… — Билл помолчал. — Но это была мать, которая и произвела яйцо. Время и пространство должны были извернуться, чтобы

принести ее сюда — чтобы все совпало с моментом рождения.

Последовало долгое молчание. Наконец Морган сказал:

— Это — взрослый. Вот это. Не верю.

Это было не совсем то, что он хотел сказать, но Билл принял его возражение почти с благодарностью:

— Так и есть. И ребенок не похож на взрослого человека. А может быть… может, это цепочка «гусеница — куколка — бабочка». Откуда нам знать? Или просто после нашей последней встречи с ним он изменился больше, чем мы предполагали. Но я уверен, что это взрослый. Я знаю, что это… мать. Я знаю, Пит.

Морган, отделенный источающими аромат чашками, прищурился, глядя на него в ожидании. Билл не стал продолжать, и Морган осторожно подтолкнул его:

— Откуда ты знаешь?

— Разве ты сам не видел? — Билл обратил на него изумленный взгляд. — Подумай, Пит!

Морган задумался. Образ уже стерся из потрясенных нервных клеток. Сейчас он помнил только, что существо стояло и смотрело на них — не глазами, даже не лицом, — так ему сейчас

казалось. Билл покачал головой:

— Разве ты не узнал… Разве оно совсем ничего тебе не напомнило? Как и я? Очень смутно. Я могу тебе сказать. Пит, ну разве ты не понимаешь? Это ведь была — почти была, очень отдаленно — моя бабушка.

И Морган понял, что это правда. Такое невозможное сходство и в самом деле существовало, отдаленное, скрытое подобие, связь, прочерченная через разные измерения много раз стертой линией. Он открыл рот, но произнес опять совсем не те слова.

— Этого не было, — услышал он свой невыразительный голос.

Билл выдавил смешок дрожащий от истерики:

— Нет, было. Было по крайней мере дважды. Один раз со мной, а другой… Пит, я знаю, как разгадать этот шифр!

Морган заморгал, пораженный внезапным удивлением в голосе Билла:

— Какой шифр?

— В «Фаусте». Ты что, забыл? Это оно и есть! Но никто не мог сказать правды — даже намекнуть не мог. Чтобы в это поверить, надо увидеть самому. Они были правы, Пит. Фаустус, Руфус — это произошло с обоими. Они ушли. Они изменились.

Они больше не были… людьми. Именно так и разгадывается этот шифр, Пит.

— Не понимаю.

— Шифр и скрывает душу. — Билл снова нервно рассмеялся. — Когда перестаешь быть человеком, теряешь душу. Вот что они подразумевали. Более глубокого откровения еще никогда не скрывали под шифром, который и шифром-то не был. Как можно спрятать его лучше, чем сказав правду? Душа и значит — душа.

Морган, слушая нарастающую истерику, сделал резкое движение, чтобы прервать ее, пока она не вырвалась на свободу, и в один краткий миг опять увидел то невероятное лицо, которое смотрело на них из дверей в другой мир. Он увидел его мельком, почти на грани восприятия, но безошибочно — в чертах лица смеющегося Билла.

Тогда он схватил Билла за плечо и встряхнул его, и смех затих, а вместе с ним исчезло и сходство.

Прямой наследник

Хардинг сошел с пирса на палубу небольшого подводного судна и тут же погрузился в черный бархат тени, лежавшей на лунно-белой стальной обшивке. Он не слышал ничего, кроме тихого плеска воды, приглушенного ритмичного шума механизмов и далекого гула рассекаемого воздуха — не то от реактивного самолета, летящего с Явы, не то от космического корабля, стартующего с какого-то из ближних островов. В лунной дорожке плескались фосфоресцирующие волны, и яркие тропические звезды бесстрастно взирали на Землю. На палубе не раздавалось ни звука.

Хардинг бросил взгляд на пятнышко Венеры, мерцающее низко над горизонтом. На сияющей точке находилась шестьдесят одна тысяча несчастных человеческих душ — если только можно было назвать их человеческими; когда-то их связи с материнской планетой составляли заботу Эдварда Хардинга. Или одну седьмую часть его забот.

Он покачал головой, глядя на яркую звездочку в небесах. Надо бороться с привычкой относится к небу так, будто это карта, где планеты для удоб-

ства рассматривания и управления обозначены мерцающими точками на черном бархатном фоне: ведь на самом деле там проживает не одна тысяча детей планетарных инкубаторов, людей, рожденных за пределами Земли и выращенных для чужих миров. Но теперь это уже не его забота. Пора забыть особых людей, созданных для Марса, и сепаратистов с Ганимеда, а также весь запутанный, неразрешимый клубок, доставшийся командам Интегратора. Пришла пора подумать о своей настоящей работе — очень простой.

Хардинг бесшумно двинулся к открытому люку. То ли судно вообще не охранялось, то ли его ждали.

Его ждали.

Огромный мужчина в крохотной кабине под палубой откинулся в кресле. Подняв внимательные, спокойные синие глаза, уверенно встретил взгляд Хардинга. Билли Тернер напоминал Будду — неколебимо плотный, неколебимо спокойный, а его тяжелое лицо, обращенное к Хардингу, имело неожиданно невинное выражение удивления.

— И что? — ласково спросил Тернер.

— Вот что, — отвечал Хардинг. — Отложи-ка все, Тернер, или мне придется тебя убить.

Толстяк помолчал, глядя на Хардинга. Потом вытащил изо рта трубку, прищурившись, посмотрел на нее, крякнул и чиркнул старомодной кухонной спичкой о край стола. Он втянул пламя в чашу трубки и выдохнул облако фиолетового дыма, удушливо пахшего опаленными солнцем марсианскими пустынями.

— Что-то я не совсем вас узнаю, — спокойно сказал он Хардингу. — Мы раньше не встречались?

— Нам незачем было встречаться. Погоди-ка.

Хардинг замер у стола, прислушиваясь, обратив взгляд в никуда. Он так сконцентрировался, что стал напоминать машину, не то потеряв какие-то человеческие качества, не то приобретя сверхчеловеческие. Потом скупо, надменно усмехнулся и, подтянув стул, сел за стол напротив Тернера.

Хардинг был крепким мужчиной неуместно академичной внешности, не очень вязавшейся с его несвежей и несколько поношенной одеждой. Он выглядел моложе своих лет или даже как человек без возраста.

— Экипажа нет, — уверенно сказал он Тернеру. — Только один канак на баке. Охраны нет. Но ты, Тернер, ожидал меня.

Тернер выпустил облако ароматного дыма — его табак был выращен не на Земле. Синие глаза

смотрели настороженно, выжидающе.

— Сегодня, — продолжал Хардинг, — меня уволили. За некомпетентность. Я не настолько некомпетентен, чтобы не справиться с рыболовным радаром. Если бы это было так, то рыболовной компании не потребовался бы месяц, чтобы об этом узнать. Хорошо. Ты думаешь, что я попробую найти другую работу и ничего не найду, — ты собрался мне помешать. Я закончу тем, что стану обходить пляжи с самодельным счетчиком Гейгера, — так ты думал. А потом ты меня наймешь, ведь ты припас для меня грязную работу. Обычно такие уловки удаются. Только вот со мной не вышло, потому что я — единственный человек на архипелаге, который может без труда убить тебя.

— Ты так думаешь? — Тернер широко раскрыл свои синие глаза.

— Ты же знаешь, чем я занимался, — негромко ответил Хардинг.

Тернер выдохнул дым и задумчиво на него посмотрел:

— Ты был в команде Интегратора.

* * *

И тут же сознание Эдварда Хардинга ушло в себя. Зашторив окна и заперев двери, оно удалилось в прошлое по длинному коридору, который вел все дальше мимо скрытых событий и полузабытых воспоминаний, пока не кончился у самой дальней двери. Дверь открывалась в маленькое квадратное помещение с черными стальными стенами — это помещение называли Круглый стол. Внутри было почти пусто: только трехмерный экран, стул и стол с плоской металлической пластиной, врезанной в столешницу.

В комнате своих воспоминаний Эдвард Хардинг сел в кресло и положил ладони на пластину. И как обычно, с мелодичным звоном система включилась в работу. Сначала под руками словно подул ветер, затем как будто потекла вода, а потом его ладоней коснулся мягкий песок. Хардинг пошевелил пальцами. Его образ беззвучно произнес:

— Готов, ребята. Входим.

И тогда в комнате воспоминаний в глубине трехмерного экрана постепенно появился Сборный образ. Круглый стол заработал, и люди из команды Интегратора оказались вместе, и не важно было, где случай расположил их тела.

Команда состояла из семи человек. Семь тел и разумов слились воедино на экране памяти Хардинга, как, может быть, в этот самый момент они и были представлены на том самом экране, но перед кем-то другим в трех тысячах миль отсюда. Может быть, образ говорил с кем-то, как когда-то говорил с Эдвардом Хардингом, когда он был… до того, как… Ну, в общем, раньше. Интересно, подумал он, а как же образ выглядит сейчас, когда я больше не составная его часть?

В воспоминаниях, вызванных неосторожными словами Тернера, Эдвард Хардинг был частью Сборного образа. Как всегда, увидев его снова, в смешанных чертах членов команды он искал следы собственных черт. И как всегда, не нашел.

Семь лиц, семь разумов — но никогда не удается выделить отдельные черты людей, которых так хорошо знаешь. Они всегда сливались в один-единственный образ, который тебе был известен лучше, чем собственное отражение в зеркале. Круглый стол начинал работать, когда ты садился за пульт Сборного образа, и специализированные знания остальных шести членов команды — избранных, получивших особую подготовку — оказывались буквально у тебя в руках, а каждый человек сидел в таком же, как у тебя, кресле,

изредка нажимая пластину под руками.

Доктор, юрист, торговец, биохимик — руководитель, физик, радиоастроном. Круглый стол удовлетворял потребности любой команды, тщательно подбирая специализацию каждого члена. И эти потребности никогда не могли бы быть удовлетворены, если бы участники оказались в одном помещении в реальном мире. Потому что знания слишком усложнились. Технический язык, на котором говорил каждый из них, из-за крайней специализации оставался для остальных непонятным. Поэтому и требовался Сборный образ, который мог бы объединять и координировать знания, привносимые каждым членом, со знаниями других и с самим главным Интегратором.

Но свое собственное лицо в образе ты никогда не мог разглядеть, как никогда не мог увидеть образ без своих черт. Хардинг подумал о том, как выглядел образ после ухода Джорджа Мэйолла. Тот ушел по просьбе руководства. И в первый раз, когда команда собралась за Круглым столом, а вместо Мэйолла появился новый человек, черты сборного лица казались забавно плоскими, странными. Тогда Хардинг еще подумал: а каково сейчас Мэйоллу, где бы он ни был, в этом

холодном, чужом мире после долгого времени, проведенного в теплой, замысловато запутанной тесной компании команды Интегратора?

Теперь Хардинг сам знал, каково это.

В очередной раз он подумал: «Как же он выглядит без меня?» И на трехмерном экране в комнате, которая больше ему не принадлежала, он представил холодный, отстраненный Сборный образ: лицо дока Вэллея, Джо Мола, других. Каждое лицо сливалось с лицами чужих людей, разум сливался с разумом чужих людей, чтобы решать старые, запутанные, загадочные проблемы, к которым Эдвард Хардинг больше не имеет никакого отношения.

Он забрал с собой воспоминания, захлопнул дверь в конце длинного коридора в памяти, вернулся в настоящее — мимо закрытых дверей, стертых событий. И, глянув в синие глаза Тернера, нахмурился.

— Давай сразу к делу, — поторопил Хардинг. — Что ты предлагаешь? Я спешу. Через полгода, наверное, ты мог бы подобрать меня на пляже и нанять за бутылку джина. Но я не стану ждать. Так что́ тебе нужно, Тернер? Или мне все же убить тебя?

Тернер издал уютный смешок, и его толстое

лицо затряслось.

— Ну, раз так, то что-нибудь придумаем. У меня тут есть одна идейка. Я человек занятой. Много езжу. Встречаю разных людей. Слышал я тут про парня по имени Джордж Мэйолл. Знаешь его?

Хардинг ухватился за край стола. Лицо его стало невыразительным, словно циферблат часов или динамо-машины. Он встретился глазами с Тернером и кивнул:

— И Мэйолл знает меня.

— Еще бы. — Тернер хихикнул и вздрогнул. — Еще как знает. Наверное, ненавидит люто, а? Он же был в вашей команде Интегратора, а его выперли. Ну да, Мэйолл тебя знает. Наверное, хочет добраться до тебя?

Хихиканье перешло в низкий смех, от которого Тернер затрясся, как густой крепкий студень.

— Очень смешно, — холодно произнес Хардинг. — И что?

Студень понемногу успокоился.

— Я решил, что найму тебя, чтобы ты вывел меня на Акасси, — сказал Тернер, глядя на Хардинга. — Но беда в том, что мне кажется, ты еще не готов.

— Я не лоцман, — нетерпеливо ответил Хардинг. — И эти воды я не знаю.

— А-а, — протянул Хардинг, наклоняя голову набок. — Зато ты знаешь Интегратора. И можешь провести меня мимо барьеров вокруг Акасси. Больше никто в мире этого сделать не сможет.

— Барьеров?

— Акустических, визуальных, ультразвуковых, — любезно перечислил Тернер, посасывая трубку. — Притворяешься несведущим? И никогда про Акасси не слышал?

— Что это?

— Сейчас это местечко тихое. Окружено прочной системой защиты. Да будто сам не знаешь. Ха! Никому не удается ни попасть туда, ни уехать оттуда. Мы с тобой можем туда пробраться и выйти с добычей — там ее столько, что мое судно все не заберет. А то можем остаться там и поиграть в богов — с твоими-то талантами и подготовкой. Есть только одно препятствие — Джордж Мэйолл. Ему это может не понравиться.

Хардинг пристально смотрел на толстое спокойное лицо и ничего не говорил.

— Ты не знал, что Мэйолл здесь? — спросил Тернер. — И никогда даже не слышал?

— Ну, слухи ходили. — Хардинг нетерпеливо стукнул по столу пальцем. — Но где он, я не знал. И не думал, что так близко. К чему ты ведешь?

Что затевает Мэйолл?

— Ты хочешь знать, зачем это тебе? Ну, так и быть, скажу. Сам-то и представить, небось, не можешь, а? Что происходит, когда человека выкидывают из команды Интегратора?

— Ему предлагают несколько рабочих мест на выбор, — с горечью заметил Хардинг. — Но он нигде не задерживается.

Да и на какой работе можно удержаться, если человек привык к тесному взаимопониманию Круглого стола? Членство в команде Интегратора — редкий опыт, обрести его мало кому удается, и по своей воле никто не отказывается. Решение проблем за Круглым столом — ни с чем не сравнимый психический и эмоциональный опыт. После этого пойти на любую другую работу — все равно что начать смотреть двухмерный черно-белый телевизор после того, как уже привык к полноцветному трехмерному.

— Человек нигде не может задержаться, — сказал Хардинг. — Он плывет по воле волн. В конце концов он оказывается в рыболовной артели на Архипелаге, после чего его и оттуда увольняют — из-за торговца, который воспользовался своими связями. А сам толком и рассказать ничего не может. Давай, Тернер, выкладывай.

— Не любишь пинков, когда они адресованы тебе, а? За что тебя выгнали?

Хардинг ощутил, как загорелось лицо. Он стиснул зубы и задержал дыхание, стараясь унять жар и гнев. Тернер, прищурившись, следил за ним.

— Только не говори мне, что ты по чистой случайности оказался так близко от Мэйолла, — продолжал Тернер через некоторое время. — Не говори, будто не знаешь, что он затеял. Ты же знаешь больше, чем я, ведь так, Хардинг?

— Если тебе что-то надо, так и говори! — Хардинг с силой ударил по столу. — Если нет, тогда отстань и дай мне возможность зарабатывать себе на жизнь так, как я хочу. Совпадение? Нас с Мэйоллом давно ничего не связывает. Когда-то — да. Нас выбрали для одной команды, и если бы ты знал, что это означает, то не стал бы думать, что, когда мы вольны ехать куда хотим, мы передвигаемся одними и теми же путями. Мы оба оказались на Архипелаге. Ну и что?

— Ты хочешь сказать, что он не выходил с тобой на связь? — дотошно спросил Тернер. — Ты тут сидишь так долго и… никто тебе ничего не сказал?

— Чего не сказал? Тернер, ближе к делу!

— Наверное, они просто ничего о тебе не

знают. — Тернер с сомнением покачал головой. — Наверное, им вполне хватит одного человека из команды Интегратора. Ну, мне повезло. То есть сепаратисты из планетарного инкубатора даже и не пытались с тобой встретиться?

— Пришел бы я к тебе, если бы они пытались? — рассудительно произнес Хардинг. — Продолжай.

* * *

— Ну, они вышли на Мэйолла. Поселили его на Акасси, набив весь остров оборудованием, и теперь он прорабатывает на Интеграторе ту информацию, которая поможет им отделиться от империи. Большое дело. Надеюсь, тебе понятно, как я могу тебя использовать, если ты готов поучаствовать.

— Понятно, — холодно ответил Хардинг, — как я могу добраться до Акасси, перехватить работу Мэйолла и выплаченные сепаратистами деньги — пожалуй, всю сумму, на которую может наработать Интегратор. Но не понимаю, где в этом раскладе ты.

— Мэйолл пользуется моим посредничеством. — Тернер выпустил аккуратный клуб дыма. — Моя сеть раскинулась от Сулавеси до Соломоновых островов. Страны Архипелага

ничего не могут от меня скрыть, ведь от меня зависит их жизнь. Мэйоллу нужны контакты с внешним миром. — Он шумно завозился в своем кресле. — Дело в том, что мне маловато быть просто посредником. Пожалуй, мне нужен кусок побольше. Наверное, Мэйолл и устроил такую мощную защиту над Акасси на случай, если кто-нибудь вроде меня замыслит что-то подобное. И я ничего не могу с ним поделать — без тебя. Ты знаешь, как он мыслит. Знаешь, какие способы защиты может придумать. Однако без такого человека, как я, ты, Хардинг, просто никогда не найдешь Акасси.

— Неужели? Не надо меня недооценивать.

— Если бы ты мог, ты бы уже это сделал. Наверное, ты не пытался? Ну ничего. Мэйолл не дурак. Он вырыл себе нору в океане и забрал с собой Акасси, если можно так сказать. Ребята-сепаратисты платят ему вовсе не за то, чтобы их остров обнаружил первый же случайный луч радара. Барьеры вокруг Акасси просто стирают остров, вот как. Ты не можешь его увидеть. Не можешь найти. Его просто нет — если ты не работаешь с Мэйоллом и не знаешь его шифры. И даже тогда ты не можешь пройти сквозь барьеры, пока Мэйолл не пригласит тебя. — Тернер выпустил

фиолетовый дым и прищурился, глядя сквозь него в лицо Хардингу. — Так ты и впрямь решил рискнуть головой, мальчик мой? — Нам придется делать это вместе. Но Мэйолл тебя ненавидит. Он убьет тебя, как только заметит. Это значит, что ты сильно рискуешь. Я заплачу тебе больше, чем будет стоить бутылка джина в январе будущего года. Я дам тебе половину того, что мы возьмем, — если ты приведешь меня к берегу Акасси и поможешь исполнить то, что я придумал.

— Чтобы справиться с Мэйоллом, тебе надо хорошо подготовиться, — задумчиво сказал Хардинг.

— Положим, я подготовился. — Толстяк вытащил изо рта трубку и прищурил глаза. — Удивлен? По тебе не похоже.

— Если ты ожидаешь от меня простых человеческих реакций, — вежливо начал Хардинг, мягким, плавным движением кладя ладони на стол, — то сам будешь немало удивлен. Человек, проработавший в команде Интегратора, не может остаться человеком во всем. Постепенно накапливаются профессиональные мутации. Например… — Он поднял глаза и неожиданно усмехнулся. — Например, я знаю, что уже минуты три, как мы движемся. Нет ни вибрации, ни

качки, так откуда я узнал?

Тернер крякнул, его синие глаза блеснули.

— И откуда?

— Потому что я и есть твой корабль. — Хардинг рассмеялся. Смех у него был невеселый. — У меня свой счет к обществу. Хорошо, Тернер. Я еду с тобой. Где пост управления?

Это и был главный вопрос.

От Плутона до Меркурия металось эхо. С Новых Земель, где человечество превращало лед и пламень в плодородную почву, с планет, где ни один человек не смог бы выжить, пока технологии не вырастили образцы организмов из всех новых колоний на новых планетах, бесконечно звучал этот вопрос: «Где пост управления?»

Эксперименты над человеческим телом, в результате которых человечество обретало формы, способные жить во враждебных мирах, тоже внесли свою лепту. Люди из планетарных инкубаторов заселили другие планеты, и империя Земли связала планеты в тесную сеть вокруг своего Солнца.

Начиналась межзвездная экспансия. Отклонения в силе тяжести перестали быть чисто теоретической проблемой. Неимоверно усложнившаяся наука за один рывок покоряла такие

вершины, на преодоление которых раньше требовались века. Развивающиеся технологии тащили за собой еще с десяток смежных отраслей, отчаянно пытавшихся догнать прогресс, а биологический метод, который мог позволить людям путешествовать между звездами, нетерпеливо спихивал конкурентов с главного пути и увлекал за собой другие науки.

Запутанная и сложная сеть, брошенная с Земли, разворачивалась за пределы Солнечной системы. Теперь она тянула свои невидимые нити к макрокосму звезд, и, как только первая звезда будет достигнута, Земля может пасть.

Она падет, как когда-то пал Рим, и по той же самой причине. Множились Новые Земли за пределами стратосферы — молодые, сильные, однако пост управления по-прежнему находился на Земле. Системы управления стали столь сложны, что унификация представляла непосильную задачу. Сложная социотехническая система на Земле могла удержаться от набора критической массы только благодаря абсолютному единству, полному и взаимному ощущению солидарности. Да и то недолго.

Потому что Земля стала слишком маленькой планетой. А другие планеты были еще не гото-

вы взвалить на себя бремя самостоятельности. Они скандалили друг с другом и жаловались на притеснения Земли. Грозили отделением. Воспитанники планетарных инкубаторов стали яростно пытаться порвать связи с Землей, ведь с ней у них давно не было ничего общего, и изоляционизм Новых Земель стал угрозой целостности Солнечной Империи. В то же самое время люди устремились к другой великой цели — здравому, рациональному мышлению, системе, организации. Одним словом, к интеграции.

Может быть, это был не самый лучший метод. Но лучший, который имелся у людей.

Интеграторы были удивительными штуками — электронные мыслящие установки, управлять которыми могли только команды специально подобранных, подготовленных людей, живших по особо составленному плану. А когда живешь подобной жизнью, подвергаешься самым неожиданным мутациям. Конечно, нельзя сказать, что ты превращаешься в машину. Но барьер между живым человеком с его реакциями и неживой машиной с ее реакциями исчезал — ненадолго.

Поэтому и Эдвард Хардинг мог стать подводным судном, которым он управлял.

У него не было блоков памяти на изотопах

ртути, как у дифференциального анализатора. Не запускались электрические цепи, извлекающие из памяти хранящуюся там информацию, которой мог бы воспользоваться Хардинг. Но некоторым образом он вспомнил…

И способность Хардинга к моментальной реакции сделала его, наверное, единственным лоцманом, который мог бы провести судно сквозь защиту, воздвигнутую Мэйоллом вокруг острова.

— Прошли? — спросил Тернер с палубы.

Вокруг, тускло поблескивая под ясным небом, расстилался Тихий океан. В воздухе стоял едва ощутимый неприятный запах, и от него никак было не избавиться. Тернер дымил трубкой, глядя на пустой горизонт, который на самом деле вовсе не был пустым. Глаза пытались найти какой-нибудь разрыв — как если бы небо могло, подобно занавесу, разойтись и показать, как выглядит настоящий мир. Мир Мэйолла, с чудесным образом спрятанным островом, который никак нельзя было найти, несмотря на то что он был четко обозначен на всех картах.

В рубке управления под палубой сидел Хардинг — в мягком кресле, абсолютно расслабленный. Руки его были засунуты в металлические перчатки, которые поблескивали, словно мокрые

змеи. Перед его глазами висел прозрачный диск, раскрашенный, как цветовой круг. Хардинг немного поворачивал голову, чтобы взгляд падал через разные сектора специальной линзы. Перед ним на стене была укреплена космосфера, половина большого шара, по которой струились и перетекали цвета и формы. Сигналы радара и гидролокатора были только частью общей информации, отражаемой в сфере. Она изображала небеса над головой, воду вокруг, рифы под водой. И в настоящее время почти все было показано неверно.

— Нет, не прошли, — ответил Хардинг. — Думаю, есть еще барьер.

На палубе Тернер выпустил еще один клуб фиолетового дыма в сторону безупречно синего моря.

— Боишься Мэйолла? — спросил он в микрофон.

— Заткнись-ка, здесь трудный участок.

Неправильное изображение на экране струилось и вспыхивало, показывая четкий узкий проход по чистой воде. Хардинг водил головой, чтобы глядеть через сектора линзы, окрашенные в разные цвета, стараясь найти сигнал, который бы полностью совпадал с другим. Только это удер-

жит корабль на плаву — это да еще виртуозная работа с магнитной панелью управления.

Кроме обычных ручных органов управления имелась и металлическая пластина, рифленая, раскрашенная в разные цвета, расчерченная тем же замысловатым узором, как и тот, что переливался по поверхности космосферы. Хардингу все это было знакомо. Он пользовался такой панелью, когда работал с Интегратором. Его руки в перчатках двигались над пластиной, не касаясь ее, а блестящие пальцы словно порхали по невидимой клавиатуре.

Магнитные сигналы различной силы передавались из нервной системы корабля в металлические перчатки, а синапсы нервной системы Хардинга в тот же миг доставляли сигналы его мозгу. Пальцы тут же реагировали, двигаясь над клавиатурой без клавиш. И когда пальцы двигались, двигался и корабль — осторожно, чутко, обходя один за другим призрачные барьеры там, где ни один радар или компас не смогли бы ничего определить.

Хардинг сам был кораблем.

— Боюсь Мэйолла? — через какое-то время повторил он вопрос Тернера. — Наверное. Пока не знаю. Сначала я должен кое-что выяснить. А

потом посмотрим.

— Что выяснить? — с подозрением спросил Тернер.

Хардинг насмешливо взглянул на динамик и ничего не ответил. Снова послышался голос Тернера.

— За что Мэйолла могли выгнать из команды? — задал он провокационный вопрос. — Я все время думаю…

— Неужели? — невозмутимо переспросил Хардинг. Потом добавил, помолчав: — Сейчас важнее, что в этом он винит меня. Поэтому и ненавидит. И боится, что это может произойти опять. Такое и правда может случиться. О да, Мэйолл имеет все причины меня ненавидеть. Я соперник, — задумчиво продолжал он. — Первый претендент, прямой наследник. Акасси — все, что у него есть. Он не может не бояться меня. И постарается меня убить.

Хардинг еще немного подумал.

— Что-нибудь видишь? — спросил он, помолчав.

— Пока ничего, — пришел не совсем четкий ответ Тернера. — Конечно, он попытается убить тебя. А ты бы на его месте что делал?

— Наверное, и я бы. Тоже попытался, — педан-

тично уточнил Хардинг. — Акасси — да, крутое место. Я и не подозревал о нем. Эти барьеры — вещь просто невероятная. — Он подумал и коротко рассмеялся. — Защита, наверное, такая сложная, что обойти ее можно на чем-то совсем невероятном. Или устроить прямое, неожиданное, простое нападение. Нам надо…

— Хардинг! — вдруг вскричал динамик. — Послушай! Я вижу остров!

— Видишь? — сухо переспросил Хардинг.

Наступила пауза.

— Пропал, — произнес Тернер.

— Еще бы. Если бы мы туда повернули, мы бы тоже пропали. Там скалы. Погоди-ка.

Сияющие перчатки сыграли в воздухе гаммы.

— Думаю, — сказал Хардинг, глядя на космосферу, — думаю, мы прошли.

— Прошли, — раздался голос сверху, в этот раз более спокойный. — Я снова вижу остров. Совсем другой. Вижу дома у подножия холмов. И корабль, готовый к взлету. Веди корабль к берегу, Хардинг. Выводи его на пляж. Ты же видишь — конструкция позволяет.

Хардинг не имел ни малейшего понятия, как в реальности мог выглядеть пляж, но космосфера сообщила ему все, что он хотел знать: состав

песка, какие породы лежат под ним, давно ли он покрыт растительностью. Пол под ногами дрогнул и подался вверх — корма корабля приподнялась на крутом склоне и, скрипнув, замерла.

В покрытых перчатками руках Хардинга началась дрожь, которая распространилась по всему телу.

Он снял перчатки.

И перестал быть кораблем.

И снова почувствовал себя разделенным на две половинки: одна, то есть он сам, состояла из плоти и крови, другая была движущимся куском металла, который становился инертным, когда жизнь его покидала. На короткий момент он вдруг пришел в ужас при мысли о том, что когда-нибудь машина, которой он управляет, может не отпустить его. Если железке понравится быть живой, то инструмент сам может стать творцом.

— Хардинг, — тихо окликнул его Тернер. — Поднимайся наверх. И прихвати оружие.

Стоя у фальшборта плечом к плечу, они разглядывали мирный берег, поросший у кромки деревьями. Вверх от берега разбегались пологие зеленые холмы, за ними виднелись крыши, в небе поблескивала башня антенны, а еще дальше стоявший на стабилизаторах космический ко-

рабль указывал своим безошибочно узнаваемым тупым носом в небеса.

— Довольно тихо, — заметил Тернер, разглядывая спешащего по песку краба, у которого в такт бегу качались глаза на стебельках. — Мы обошли уже все ловушки?

— Нет. Я нейтрализовал частоты, по которым Мэйолл мог бы узнать о нашем появлении. Но не уверен, что нам удастся попасть в поселок незамеченными.

— Можем попытаться. У двух человек шансов может оказаться больше, чем у небольшой армии. Где нам будет лучше… о себе заявить?

— В настоящих обстоятельствах — пойдем прямо от берега вон к тем холмам. Там густые заросли. Космосфера не все показывает, да и Мэйолл не глуп, но, судя по спектральному анализу, смертельных излучений в зарослях нет. Конечно, там стоят микрофоны, значит…

— Значит, наша уловка должна сработать, а? — серьезно спросил Тернер, выколачивая трубку о фальшборт. — Ты крикнешь кодовую фразу, и Мэйолл ее услышит. Не знаю, что здесь может не получиться. Только, друг мой, не придумывай никаких новых уловок. У нас с тобой ничего не получится, если мы не будем действовать заодно.

Не могу не вспомнить о том, что вы с Мэйоллом немало проработали вместе. Интересно, что все же ощущает человек, которого выкинули из команды Интегратора?

Хардинг положил ладони на горячий поручень и медленно поводил ими взад-вперед. Затем стиснул поручень так, чтобы любая вибрация корабля передавалась его чувствительным нервам.

— Человек очень тоскует, — сухо сказал он. — Идем.

Их обнаружили, когда они были примерно на середине поля. К этому они не совсем были готовы. Теперь приходилось действовать по наитию, ориентироваться по ситуации. Шедший впереди Тернер предостерегающе поднял руку. Хардинг ощутил начавшуюся дрожь на миг раньше Тернера и, отчаянно вдохнув побольше воздуха, выдохнул вместе с криком, от которого, наверное, запрыгали в своих гнездах микрофоны, расставленные вдоль береговой линии.

— Мэйолл! — прокричал он. — Мэйолл!

И прибавил фразу, которая для Тернера не имела никакого смысла, — быстрые, неразборчивые слова, которые знал только человек из команды Интегратора «Двенадцать-Ви-Лямбда».

При этом Хардинг расслабил мускулы — пол-

ностью и очень быстро. И едва успел. Последние звуки фразы еще висели в воздухе, а он уже сидел на корточках. Кусты сомкнулись над его головой, а вибрация прижала его, неподвижного, к теплой земле.

После этого наступила тишина. Синее небо жгло. Воздух жужжал. Прозвучавшие слова повисли в тишине.

Хардингу показалось, что где-то рядом словно затаили дыхание и спрятанные микрофоны с некоторым удивлением поймали этот звук. Но Хардинга тут же отвлекла более насущная проблема — сам Эдвард Хардинг и вопрос его нахождения среди живых.

Сначала защипало глаза, потому что моргнуть он не мог. Почти сразу после этого накатило жуткое ощущение головокружительной темноты: от бурой земли и синего неба на него наползла тень — вроде снаружи, но как будто в то же самое время и изнутри.

Он перестал дышать.

Конечно, это было не самое плохое. Ведь сердце управляется отдельной нервной системой. Но такого Хардинг не предусмотрел. В этой полосе заграждения космоскоп обнаружил только несмертельные частоты. Но Хардингу не при-

шло в голову, что «несмертельный» — понятие относительное. Он почувствовал, как сердце затрепыхалось в груди, ясно ощутил, как оно останавливается, — точно так же, как раньше не чувствовал, когда оно билось. Хардинг упрямо сидел, сжавшись под навалившейся темнотой и натиском паралича, который на полувдохе прервал пойманное микрофонами удивленное аханье кого-то, прячущегося в кустах.

А потом раздался резкий знакомый голос — из десятка расставленных повсюду маленьких ртов, тоненько вибрирующих в кустах.

— Хардинг? — недоверчиво переспросил он. — Хардинг, это ты? Здесь? Добро пожаловать на Акасси, Хардинг!

В голосе звучала едкая угроза. После недолгой паузы он произнес какие-то коды, ничего не говорившие Хардингу.

— Я уменьшаю парализующее воздействие, — торжествующе объявил голос. — Не хочу, чтобы ты умер — вот так сразу.

В ушах Хардинга шумела кровь. Он вдруг ощутил пространство вокруг себя — как только ослабло действие вибрации. Тени и внутри и снаружи отодвинулись, поднялись выше небес, ушли в землю, свернулись, как лепестки черного

цветка, и снова превратились в зернышко внутри Хардинга. Он получил некое представление о том, каково будет ощущение смерти, которая однажды придет к нему. Огромная снаружи и крохотная внутри, лежала жуткая темнота. Черное зерно внутри, черное покрывало снаружи. И когда одно разворачивается и устремляется к другому, тут и приходит последний час.

Но это будет потом.

Кто-то шел к ним через кусты. Сидя на корточках в своем укрытии, Хардинг увидел, как бочкообразное тело Тернера медленно, с натугой поднялось в полный рост как раз между ним и подходившим человеком. Таков и был их план или часть плана. Хардинг глубоко вдохнул, радуясь и воздуху, и возможности дышать. Пистолет едва заметно качнулся в его руке. Он напряг палец, пока тот крепко не прижался к холодному металлу. И стал частью пистолета. Теперь он не промахнется.

— Ты кто? Как ты сюда…

Пауза. Потом:

— Тернер! Это Тернер! Я тебя не приглашал!

— Перестань, — поспешно прохрипел Тернер. — Я знаю, что не приглашал. Дай мне вдохнуть, а? Ты меня чуть не убил!

Он сделал шаг в сторону и покачнулся, начал тереть ногу и громко ругаться. Мэйолл повернулся к нему, и Хардинг увидел его лицо.

Его очень удивило, что Мэйолл отрастил бороду. Хардинг не удержался и подумал: как же борода проявится в Сборном образе? Если у Мэйолла здесь команда, а ее не может не быть, будет ли казаться, что все лица носят бороду? Или шесть других образов ее сотрут?

В остальном Мэйолл мало изменился. Под широкими сросшимися черными бровями горели запавшие черные глаза. Худое тело сутулилось. Но Хардинг не помнил, чтобы глаза так свирепо сияли или чтобы у рта лежала такая резкая и жесткая складка. А короткая, аккуратно подстриженная бородка была той нотой, которая придавала Мэйоллу вид совершенного незнакомца.

— Нога затекла, — пробормотал Тернер и наклонился, чтобы потереть ее.

Заодно, хромая, он отошел в сторону, и Мэйолл оказался спиной к спрятавшемуся Хардингу.

— Стой! — резко сказал Мэйолл. — Зачем ты явился? Мне придется тебя убить, а ты мне нужен во внешнем мире. Зачем ты это сделал, идиот?

— Успокойся. — Тернер с усилием выпрямился.

Хардинг сквозь листья видел очертания пистолета в кармане его куртки. Мэйолл, как показалось, был безоружен. В одной руке он держал микрофон, а другая была пуста. Конечно, Мэйолл мог в любой момент по своему выбору опять включить парализующее излучение, но ведь тогда оно и его поймает. Хмурясь, Хардинг ждал.

— Ну, теперь позволь мне сказать, пока ты не упорхнул, — начал Тернер забалтывать Мэйолла. — Тебе ведь не надо платить за то, чтобы меня послушать, верно? Я…

— Заткнись! — Голос Мэйолла сорвался на хриплый злой шепот. — Никто ко мне не приезжает. Никто! Машине не нужны помощники, глупец! Ты не можешь сказать ничего такого, что я хотел бы услышать. Погоди.

Он немного повернул голову, и Хардинг увидел, как тонкие губы сложились в гримасу — наполовину усмешку, наполовину маску чистой жестокости. Хардинг испытал внезапное потрясение, когда блеснула в улыбке Мэйолла жестокость — так близко от поверхности, что она словно светилась сквозь гримасу. Наверное, Мэйолла нельзя было считать по-настоящему безумным, но и в здравом рассудке он не находился.

— Погоди! — воскликнул Мэйолл, и в ясной сол-

нечной тишине вдруг стало слышно его тяжелое дыхание. — Ты не один приехал. Я слышал голос Хардинга.

Тернер тяжело выдохнул.

— Хорошо, Хардинг, — сказал он, стараясь не смотреть в ту сторону, где под кустами сидел Хардинг. — Раз такое дело, давай. Стреляй, парень, стреляй!

— Что? — воскликнул Мэйолл и быстро обернулся, настороженно оглядывая заросли совсем не в том направлении.

Тернер тут же проворно опустил толстую руку в карман, где лежал пистолет.

— Так, Мэйолл, — довольным голосом произнес он. — Не двигайся. Ты под прицелом. Хардинг, стреляй! Стреляй!

Хардинг поднялся из затрещавших кустов, прицелился и выстрелом выбил пистолет из руки Тернера.

Пуля аккуратно прошла сквозь запястье толстяка и взвизгнула где-то в зарослях. Толстые пальцы Тернера разжались. Револьвер, крутясь в лучах солнца, упал. На миг наступила полнейшая тишина, нарушаемая только шепотом волн на отдаленном берегу и сиплым криком птицы где-то на острове, за низкими холмами.

От поблескивавших крыш, наполовину скрытых холмом, ветер принес переменчивый стук какого-то механизма.

Медленно-медленно Тернер поднял взгляд на Хардинга. Он был бледно-серый от боли и изумления, но, пока Хардинг на него глядел, бледность быстро поглотил прилив густого, злого румянца. Тернер задержал дыхание и не очень связно заговорил:

— Хардинг, Хардинг! Я Тернер. Ты же в меня выстрелил! Ведь я нанял тебя! Что… Зачем ты это сделал? Зачем? — Он кинул взгляд на Мэйолла. — Это что, предательство? Не может быть! Ты бы не осмелился! Ты же знаешь, как Мэйолл тебя ненавидит! — Голос у него сорвался. — Почему, Хардинг, почему?

Смех Мэйолла перебил это бессвязное бормотание. Его глубоко посаженные глаза горели, словно раскаленные угли. На лице застыла полубезумная ярость тигра, улыбавшегося во всю зубастую пасть.

— Потому что он не мог иначе. Верно, Хардинг? Удивительно. Я и предположить не мог. — Мэйолл глянул на дрожащего Тернера, который зажимал кровоточащую руку и все еще хватал ртом воздух. — Тернер, ты неверно выбрал ору-

жие. Тебе, значит, надоело быть на вторых ролях? Решил, что наймешь себе человека из команды Интегратора и приберешь все к рукам? — Он отрывисто рассмеялся. — Но ты кое о чем не знал. Он…

— Хардинг, стреляй в него! — закричал Тернер, крепко зажимая запястье и пристально глядя на текущую кровь.

Руки у него дрожали, как и голос, и дрожь пробегала по всему телу, и он трясся, словно студень.

— Ну же, стреляй!

Мэйолл рассмеялся.

— Стреляй, — передразнил он тоненьким голосом. — Давай, Эд! Почему не стреляешь?

— Ты знаешь почему, — ответил Хардинг.

— Почему?! — громко и испуганно воскликнул Тернер.

Ему с насмешливой любезностью ответил Мэйолл.

— Ты разве не знал? — спросил он у дрожащего толстяка. — Разве не слышал о постгипнотическом внушении, которому тебя подвергают, когда ты вступаешь в команду Интегратора? Разве ты не знаешь, что ни один член команды не может причинить вред никому другому из команды, как бы сильно тот его ни провоцировал?

Тернер смотрел на Мэйолла с глупым видом. У него даже рот приоткрылся.

— Но, — он порывисто обернулся к Хардингу, — ты… ты ничего мне не сказал! Я думал… Но ведь это неправда, а, Хардинг? Давай стреляй, а то он…

— Попробуй, Хардинг, — насмешливо сказал Мэйолл. — Нажми на спуск. Может, у тебя и получится. Я ведь больше не в команде, или ты забыл?

— Я тоже не в команде, — тихо ответил Хардинг.

Медленная улыбка расползлась на осунувшемся лице Мэйолла, его глаза загорелись.

— Значит, и тебя выперли, да? — спросил он, не скрывая радости. — Это хорошо. Даже здорово! Выгнали, как меня! Ну и как тебе, Эд? Что ты теперь ощущаешь?

Улыбка его медленно увяла.

— Немного одиноко, да? Нигде не можешь найти себе место? — Голос Мэйолла чуть потеплел, он принялся вспоминать. — Без Интегратора, оказывается, и думать толком не можешь, с Интегратором ты хорош, но тебя к нему не подпускают. Пытаешься пристроиться там и здесь. Ничего не получается. Чтобы ты мог использовать свой

талант и ум, нужна команда. Без команды ты ничто.

Неожиданно он хрипло рассмеялся:

— А у меня есть команда. Моя собственная. Моя команда поддержки и собственный Интегратор. Все, что ты пытался у меня отнять, когда вышиб меня. Теперь-то ты знаешь, каково это. Наверное, думаешь, что я возьму тебя к себе. Но я не такой дурак, Хардинг! Я знаю тебя! Тебе обязательно надо быть первым. Однако сейчас ты сделал последнюю ошибку в своей жизни.

Мэйолл качнул микрофон и опять рассмеялся грубым безжалостным смехом:

— Я с тобой покончу и без пистолета. Дурак, ты ничего не сможешь мне сделать. Я вижу это по твоему глупому лицу! Но я-то могу тебя убить!

Тернер издал какое-то блеяние и обернулся к Хардингу. Его запястье по-прежнему кровоточило.

— Это неправда! — истерически воскликнул он. — Ты убьешь его, если попробуешь! Нажми на курок, Хардинг! Иначе мы погибнем!

— Это верно. — Мэйолл оскалил зубы. — Но он не может. Когда-то мы были ближе, чем братья. Каин и Авель. — Он рассмеялся. — Хардинг, скажешь последнее слово? — Он поднял мик-

рофон. — Мне всего лишь надо назвать код. Устройство автоматическое. И реагирует на один и тот же код только один раз, так что можешь не трудиться запоминать его. Излучение убьет вас обоих. Я могу оставить вас умирать прямо сейчас или…

— Ничего ты не сделаешь. — Хардинг улыбался. — У тебя не получится, Джордж. Я ведь могу пострадать, а ты этого не допустишь.

Мэйолл демонстративно взмахнул микрофоном, тихонько выдохнул в его черный рот. Глаза его горели. Вокруг все замерло. Далекий прибой шипел на песке, заросли кустов шелестели под легким ветром, машина стучала вдали, словно пульс в артериях, как будто остров был живой. Три чайки, парившие над ними на узких крыльях, повернули любопытные головы с желтыми глазами, чтобы посмотреть вниз, на троих неподвижно стоящих мужчин. Нос космического корабля позади Мэйолла создавал сияющий серебристый нимб вокруг его бородатого лица. Над ним висела Венера, сейчас закрытая синим одеялом дня, однако невидимая нить накрепко привязала ее к Акасси. Более шестидесяти тысяч рожденных на Земле людей, прикрепленных сверкающей булавкой к точке высоко на карте

небес, ожидали, сами того не зная, исхода этого конфликта на Акасси.

— Я-то свободен, — Мэйолл поднес микрофон ко рту. — И понимаю, что такое ненависть. Я могу убить тебя в любой момент.

— Ты это уже говорил, — заметил Хардинг. — Продолжай.

— Мне всего лишь надо произнести код в микрофон…

— Да-да. Продолжай. Говори.

Мэйолл как-то неуверенно набрал воздуху в грудь и начал:

— Три-сорок-семь-восемьдесят… э-э… восемьдесят два. — Он помолчал и поправился: — Восемьдесят пять.

И стал ждать.

Ничего не произошло.

Шелестели кусты. Прибой вздыхал у берега. Мэйолл покраснел от гнева, бросил на Хардинга опасливый взгляд и произнес в микрофон:

— Отменить. Три-сорок-семь-семьдесят пять…

Ветерок шептал в зарослях. Отдаленный гул машины стучал в ушах, словно пульс. Но ни тень не спустилась с небес, ни дрожь в воздухе не ответила на приказ Мэйолла.

Тернер рассмеялся, немного истерично:

— Значит, это правда. Не можешь!

Лицо Мэйолла потемнело от гнева, на лбу забилась жилка. Он встряхнул микрофон, обругал бесчувственный механизм и в третий раз пробормотал код, дважды сбившись.

Какое-то время все трое стояли неподвижно и ждали, что произойдет.

Потом Тернер громко рассмеялся и тяжело пошел на Хардинга. Их разделяли десять футов, и Хардинг опустил свой пистолет…

Внезапный бросок толстяка застал его врасплох и заставил покачнуться. Когда могучее тело Тернера чуть не сбило его с ног, Хардинг выронил пистолет. На миг оба потеряли равновесие.

Когда они снова выпрямились, Тернер своей огромной рукой прижимал к себе Хардинга за шею; кровь из раны текла по рубашке Хардинга, а здоровой рукой Тернер приставил острие маленького, холодного, очень острого ножа к его горлу.

Толстяк тяжело дышал.

— Хорошо, Мэйолл, — сказал он с болезненным оживлением, хотя голос у него еще немного подрагивал. — Теперь моя очередь. Если все это просто уловка, давай выясним! Не знаю, чего ты добьешься, если будешь врать мне, но ты не сможешь меня убить, пока не убьешь Хардинга.

Ну, давай, включай излучение. Не успеешь ты подать сигнал, как я перережу Хардингу горло. Давай. Что тебя останавливает?

Лицо Мэйолла угрожающе потемнело от гнева. Взъерошенная борода теперь торчала вперед — он выдвинул челюсть, а на виске опять пульсировала жилка.

— Не подначивай меня, Тернер! — скрипучим шепотом произнес он.

Тернер снова рассмеялся.

— Неужели правда? — недоверчиво спросил он. — Похоже, да! Ни и ну — ты спасаешь Хардингу жизнь! Хорошо.

Кончик ножа надавил сильнее. Хардинг почувствовал, как нож проткнул кожу, как медленно потекла кровь.

— Я убью его, если ты не сделаешь так, как я скажу.

— На твоем месте, Тернер, я бы не стал настаивать, — сдавленным голосом сказал Мэйолл. — Я…

— Мне приходится. — Тернер тяжело дышал прямо Хардингу в ухо. — Это мой единственный шанс. Я поставил жизнь на кон. И я выиграю. Ты бы уже включил излучение, если бы мог. Но сам-то ты потом как, Мэйолл? Да ладно. Сначала

я хочу узнать, что это за игра. Хардинг, не двигайся! — Он немного встряхнул пленника. — Мне нужны ответы! Ты что, в сговоре с Мэйоллом? Зачем ты приехал, если знал, что не сможешь защититься от него? Если вы не вместе, тогда я не…

Мэйолл сделал резкое, непроизвольное движение отторжения:

— Думаешь, я могу с ним работать? Думаешь, я могу ему опять доверять?

— Заткнись! — велел Тернер. — Нет, стой, Мэйолл!

Лезвие ножа дрожало у горла Хардинга. Мэйолл застыл, не донеся микрофон до рта, глядя на нож, борясь с гипнотическим внушением.

Последнее, что увидел Хардинг, — как двигаются тонкие губы Мэйолла. Тот что-то шептал в микрофон. И упала тьма — полная слепота, внезапная и абсолютная.

Во второй раз за десять минут у Хардинга появилось стойкое ощущение, будто он только что умер. Сначала ему пришло в голову, что нож пронзил ему горло и слепота — первый признак отказа чувств перед наступающей смертью. Но слышать он по-прежнему мог. На отдаленном берегу шептал прибой. Над головой мяукали

невидимые чайки, а возле самого уха прервалось сиплое дыхание Тернера.

Осязание тоже не оставило Хардинга. На щеке лежал теплый солнечный луч, а толстая рука Тернера поперек горла вдруг дрогнула. Тернер заворчал, и хватка немного ослабла.

И тут все реакции Хардинга обострились. Мэйолл каким-то образом дал ему этот миг, чтобы спастись, если получится. Хардинг примерно представлял, что случилось. Фокусы с излучением ему были знакомы, а отсутствие вибрации, наверное, запрограммировала команда, которую Мэйолл произнес в микрофон. Зрение было нейтрализовано излучением специально подобранной частоты. Только зрение, потому что инфракрасное излучение от солнца на своем лице Хардинг ощущал по-прежнему. Если бы Мэйолл имел аппарат инфракрасного видения, Хардинг был бы как на ладони.

Он обо всем этом подумал где-то в углу сознания, а тело прыгнуло почти по собственному почину, как раз в тот миг, когда реакции Тернера замедлились. Правая рука Хардинга ударила вверх и вперед — внутрь сгиба той руки Тернера, которая прижимала нож к горлу. Давление лезвия ослабло, и Тернер застонал. Локоть Хардинга

тут же ударил его в солнечное сплетение. Секунду они вслепую боролись, потом Хардинг вырвался.

Затрещали кусты, и по земле затопотали, удаляясь, тяжелые шаги, — это Тернер, отчаянно хватая ртом воздух, вслепую шел куда-то. Хардинг стоял без движения, тяжело дыша, ощущая теплое солнце на лице, но видя перед глазами только полную и абсолютную темноту.

Эта самая абсолютная темнота подсказала ему: наверное, над островом есть крыша. На открытом воздухе создать такую темноту почти невозможно. По всей вероятности, над Акасси возвышается некий неощутимый купол ионизирующего излучения — такого, которое можно менять по своей воле, чтобы оно отражало излучения любой частоты, как результат расчета угла падения, который можно сделать и в уме. Где-то на острове должно быть устройство, дающее нужную частоту, отсекающее световое излучение от горячего, но сейчас невидимого тропического солнца.

После долгой паузы из темноты раздался голос Мэйолла:

— Эд, ты в порядке?

Хардинг рассмеялся, услышав в вопросе оттенок надежды:

— Разочарован?

Мэйолл шумно выдохнул:

— Я надеялся, что он тебя достанет. Я делал что мог, но молился, чтобы нож тебя поранил. Тогда я мог бы взяться за Тернера.

— И не думай, — с угрозой ответил Хардинг. — Джордж, включи-ка свет. Но Тернера не убивай. Сначала я должен с тобой поговорить. Если он умрет, вся шпионская сеть, которую он контролирует, распадется, а нам она может еще понадобиться. Ты меня слышишь?

— Слышу.

Темнота перед глазами Хардинга приобрела малиновый цвет, задрожала, рассыпалась на части и пропала. День сиял ослепительно. Хардинг поднял руку, чтобы прикрыть глаза, и между пальцами увидел сардоническую улыбку Мэйолла — уголки рта у него загибались вниз.

Мэйолл поднес ко рту микрофон и начал говорить в него, не сводя взгляда с Хардинга:

— Двенадцатый сектор. Двенадцатый? Это Мэйолл. К вам по холму идет некий толстяк. Убейте его, как только увидите.

Он опустил микрофон и показал Хардингу зубы:

— Тебе осталось жить минут пятнадцать. Как раз пока я соберу команду и мы решим, как с

тобой покончить. Может быть, одному мне не удастся. Но всякие могут быть варианты. И я какой-нибудь найду.

— Если убьешь Тернера, тебе самому будет хуже.

— Так это мне. Я сам отдаю здесь приказы. Ему не удастся уйти. — Тут Мэйолл рассмеялся. — Этот остров — живой. Это организм с реакциями, с собственными органами чувств и ионизированной кожей. Датчики у меня расставлены по всему острову. Они могут обнаружить все, что угодно, вплоть до ионов металлов, и передать сигналы в… в центр управления. Я установил нормативные значения для всех показателей, и любое отклонение поднимет тревогу. Тернер теперь как блоха на собаке. Каждую секунду остров знает, где он находится.

— Он нам понадобится.

— Ты скоро умрешь. Тебе уже ничего не понадобится.

— Ты ведь, Джордж, — Хардинг рассмеялся, — никогда особой практичностью не отличался? Ты всегда был парень способный, но слишком много рассуждал. Тебе в команде нужен такой человек, как я. Тернер тебя не продырявил только по чистой случайности. И благодаря мне. Ты посмотри

на себя — стоишь тут, невооруженный. С чего ты решил выйти именно так? А вдруг на острове кишат молодчики Тернера?

Мэйолл растянул свои тонкие губы в какой-то вывернутой наизнанку усмешке.

— Эд, у тебя бывают галлюцинации? — спросил он вдруг очень тихим голосом. — Наверное, именно поэтому тебя и выперли из команды. Слышишь голоса из ниоткуда? Эд, посмотри на меня. Ты уверен, что я настоящий? Уверен?

Высокая, тощая и сутулая фигура стояла под лучами еще целую секунду, а потом Мэйолл улыбнулся и… начал таять.

Сквозь него стали видны деревья. Серебряный снаряд космического корабля проступил на том месте, где находился призрак Джорджа Мэйолла. Призрак стал совсем тусклым и растворился…

Мэйолл тихо и неприятно рассмеялся из ниоткуда.

Где-то глубоко в груди Хардинг ощутил тугой холод. Этого не может быть. Ему все приснилось или…

— Хорошо, Джордж, — сказал он, стараясь не выдать своей растерянности. — Я понял. Ну и где же ты на самом деле? Я знаю, что где-то недалеко. Нельзя проецировать трехмерное изображение

дальше чем на сотню футов без экрана или на пятьсот, если есть промежуточные передатчики. Давай прекратим игры.

Мэйолл тоненько засмеялся — внизу, в кустах, сразу со всех сторон вокруг Хардинга. Хардинг почувствовал, как у него встают дыбом волосы. Это был смех безумца.

— Иди, — велел Мэйолл. — В сторону поселка за холмом. Пока ты туда придешь, я как раз придумаю, как тебя убить. Не разговаривай. Когда я буду готов, я сам тебя спрошу.

С вершины холма был виден ярко блестевший в лучах солнца поселок. Стояло знакомое квадратное здание Интегратора, крышу которого украшали знакомые же батареи вентиляторов, и знакомая башня словно пальцем пыталась проткнуть небо. Единственную улицу исполосовали длинные тени. Вокруг зданий, словно бахрома, расположились хижины из пальмового листа, а дальше, за парой раскатившихся зеленых холмов, застыла, словно танцор на одной ноге, огромная башня космического корабля на неразличимых отсюда хвостовых стабилизаторах.

Еще дальше виднелись черные утесы, пенящийся прибой и море цвета лайма; над морем кружились чайки. Возле домов туда-сюда дви-

гались коричневые фигуры, скудно одетые во что-то яркое, но Мэйолла Хардинг нигде не заметил. Только какой-то механизм, выполняя свою работу, стучал, не останавливаясь, будто был сердцем острова.

Хардинг медленно двинулся вниз по склону. Пальма, неловко нависшая над тропинкой, зашелестела, откашлялась с металлическим скрежетом и сказала:

— Итак, Эд. Первый вопрос. Почему тебя выгнали из команды?

— Джордж, ты где? — Хардинг подскочил.

— Там, где ты меня не найдешь. Но это к делу не относится. Может, я в корабле, готовлюсь вылететь на Венеру. А может, прямо позади тебя. Отвечай.

— Ярко выраженный индивидуализм, — ответил Хардинг.

— Это ничего не значит. Попробуй объясни. И не останавливайся на тропинке.

— Меня выгнали, потому что я был совсем не похож на тебя. Честно говоря, полная твоя противоположность. Ты был лидером в команде и держал всех на своем уровне, потому что не мог адаптироваться, помнишь? Это не сразу стало понятно, потому что именно ты был лидером и

задавал тон. Только когда пришел новый человек, проявились все наложенные тобой ограничения. И этот новый человек, если ты помнишь, был я.

— Помню, — холодно сказала пальма.

— Ты потерпел неудачу. Я добился успеха. У меня было слишком много стимулов. В конце концов они выяснили, что я выхожу на абстрактные уровни далеко за пределами возможностей команды, и это так же плохо, как и отставание. И меня уволили за иррациональную ненадежность, которую я предпочитаю называть ярко выраженным индивидуализмом. Вот и все.

— Очень смешно, — хохотнул цветущий куст в десяти футах впереди. — Это вы были глупы и не способны к адаптации — ты и все остальные. Вы просто не могли понять, что я на самом деле развивал новое направление, шел к той же цели другой дорогой. Я не отставал. Я двигался далеко впереди вас. Оглянись. Этот остров — живое тому доказательство. Ты отправил меня на настоящую свалку, а я вылез оттуда только благодаря собственным усилиям. Это не так легко. Я построил живой остров. Тебе здесь достанется шесть футов, и не больше.

Куст вздохнул.

— Я мечтал убить тебя, — сказал он, тихо шеле-

стя листьями. — Но я бы тебя не тронул, если бы ты не мешал мне. Однако я никогда про тебя не забывал. И когда придет время, я хочу сравнять счет — и с тобой, и с остальными членами команды, и со всей Землей. С Землей тоже!

Хардинг тихонько присвистнул.

— Вот оно как, — сказал он в воздух.

— Вот так, — с горечью ответил мох под его ногами. — Мне неинтересно, что там будет с Землей. Земля зарвалась. И пусть идет к черту. И все команды Интегратора вместе с ней. А вокруг Венеры я сделаю такой щит, который не сможет пробить ни одна сила в Солнечной системе.

— Наверное. В этом и есть твоя проблема, Джордж, — ответил мху Хардинг. — Ты думаешь о щитах, которые нельзя пробить. Но рано или поздно пробоина может появиться от давления изнутри. Рост нельзя остановить. Именно это и случилось с командой «Двенадцать-Ви-Лямбда», помнишь?

Мох ничего не ответил.

— Однако это нельзя не заметить, — продолжал Хардинг, спускаясь по склону. — Центральный Интегратор, когда я… ну, покинул команду, как раз рассылал информацию о том, что на Венере реализуется какой-то грандиозный и запутанный

план. Наверное, твой, Джордж. Что-то слишком сложное, чтобы его можно было понять и отразить без участия нескольких команд Интегратора, действующих совместно. Понятно, что сепаратисты наконец обзавелись собственным Интегратором. Не надо было даже собираться за Круглым столом, чтобы понять, кого они могли для этого найти.

— Напрасно меня выгнали. — Мох рассмеялся. — Хочешь знать настоящую причину? Причину, по которой никакой Интегратор, созданный на Земле, не сможет контролировать Венеру. Сама основная логика ошибочна. Они тут думают, что Венера — социальный спутник Земли, а баланс уже изменился. И это я изменил его, Эд. Венера — больше не планета-колония. Это Аполлонова логика. Ни один из Интеграторов на Земле не стоит на точке зрения Фауста, которая в этом случае очень проста: Венера есть центр новой Империи!

— Ты так считаешь? — удивился Хардинг.

— Я все сделал, чтобы это так и было. Все команды Интеграторов работают на… геоцентристском подходе, который оказался неверным. Или верным, покуда поддерживается власть Земли. Я отказался от прежних представлений о Земной

Империи, и меня выбросили из команды. А здесь, на Акасси, как раз установлен Интегратор, который работает на основном допущении, что центром системы является Венера.

— Хорошо, — спокойно произнес Хардинг. — Может, я и соглашусь с тобой.

— Нет, — послышался шепот, едва заметный на фоне шепота усыпанной красными цветами лозы, которая свисала поперек тропинки. — Это ни к чему. Откуда мне знать, действительно ли тебя выгнали из команды? А вдруг ты — троянский конь?

— Ты вообще мало в чем можешь быть уверен, да? Твоя команда не может работать хорошо. Ты же забыл базовую психологию. С чего ты решил, будто убьешь меня?

— Предвидение, — тихо ответила лоза.

— Сублимация, — возразил ей Хардинг. — Кого ты хочешь убить? Может быть, себя?

Молчание.

— Что у тебя за команда? — после некоторой паузы спросил Хардинг. — Если она не может ответить на такой простой вопрос, она недорого стоит. Может быть, я тебе нужен, Джордж, даже больше, чем ты нужен мне.

— Может, у меня и нет команды, — сказала лоза

у него за спиной.

Голос ее становился все тише, поскольку расстояние между ними увеличивалось.

— Если это верно, то ты просто маньяк, — сказал Хардинг в пустой воздух. — Обязательно надо иметь команду, если работаешь с Интегратором. Один человек не может с ним справиться. Нужно как минимум семь человек, чтобы противостоять такой машине. Да, у тебя есть команда, но не очень хорошая. Я точно могу сказать, что у тебя либо оборудование старое, либо люди плохо обучены. Понятно, что здесь другого не достанешь. Но это нехорошо. И я тебе пригожусь.

— Ты здесь не нужен, — с шипением произнес пучок бамбука, потирая стеблями друг о друга. — Если бы мои наниматели захотели нанять другого человека из команды Интегратора, то обратились бы к тебе. Но я — единственный, кто им нужен.

Хардинг рассмеялся:

— Уже придумал, как убьешь меня?

Бамбук ему не ответил. Но кучка гравия под ногой с легким шипением отозвалась:

— Иди в деревню. В здании Интегратора дверь будет открыта.

А ящерица, которая с любопытством смотре-

ла на него с плоского камня, голосом Мэйолла добавила:

— Может, и придумал…

Хардинг распахнул тяжелую дверь пошире и заглянул в скрытую зелеными тенями комнату. Солнечный свет, который просачивался сквозь листья за широкими окнами, создавал впечатление, будто темное помещение мерцает. Листовидные тени беспокойно двигались по пультам управления, служившим центральной нервной системой для нервных окончаний всего острова.

В центре паутины, ухмыляясь из бороды, сидел Джордж Мэйолл и глядел на дверь. Глаза его сверкали.

Хардинг остановился сразу за дверью и сделал глубокий, длинный вдох. Запах в комнате — масла и стали, — ощущения, едва заметная пульсация, которая через пол передавалась телу и сливалась с биением его сердца, снова сделали его цельным человеком, которым он давно уже не был. Он оказался рядом с Интегратором. И сам стал им.

На миг Хардинг закрыл глаза. Когда он открыл их, то увидел, что сардоническая улыбка Мэйолла стала еще шире, а уголки губ загнулись вниз.

Хардинг кивнул.

— Один? — спросил он.

— Как ты думаешь?

Взгляд Мэйолла метнулся к внутренней двери — без ручки, с плоской пластиной на том месте, где полагается быть замку. Стальные панели для глаз Хардинга были все равно что прозрачное стекло: он очень хорошо знал, как выглядит комнатка с черными стенами, трехмерным экраном, столом и креслом.

— Ты все время здесь один? Да ты сейчас-то здесь?

Мэйолл только усмехнулся. Хардинг вытащил сигарету, зажег ее, вдохнул дым. Он как бы невзначай прошел к двери, оглядывая просторное помещение. Комната управления редко выглядит столь же живописно, сколь живописны рабочие устройства, которыми она управляет. Большая часть оборудования казалась знакомой. Но Хардинга больше интересовало то, что находилось вне поля зрения. Потому что сейчас он вошел лишь в прихожую перед залом Интегратора.

— Достаточно далеко, — произнес Мэйолл после некоторого молчания.

Хардинг стоял не шевелясь, а дым от его сигареты тянулся к человеку за пультом управления.

Мйэолл помотал головой, чтобы разогнать дым. Его усмешка загнула уголки губ еще больше вниз.

— Я настоящий. Оставь свои дымовые испытания. Хитрый, да? Стой там, Хардинг. Не подходи. У меня остался последний вопрос, а там… посмотрим.

— Давай, — ответил Хардинг, глядя на дверь с пластиной вместо замка.

— Тогда второй вопрос. Второй и последний. Чего ты хочешь добиться, явившись сюда?

— Это может быть все, что угодно, не так ли? — Хардинг выдохнул дым в его сторону. — Может, я пришел спросить тебя кое о чем… Сможешь угадать, зачем я здесь? Или хочешь, чтобы я ничего не говорил?

Мэйолл, прищурившись, посмотрел на него — горящим взглядом запавших глаз.

— Продолжай, — велел он, помолчав.

— Я так и думал. — Хардинг кивнул. — Наверное, ты ожидал кого-нибудь — с вопросом. Скажем так: интеграция провалится, потому что Венеру не признают центром социальной системы. Верно?

— Я так и сказал, — осторожно согласился Мэйолл. — Так что ты хочешь спросить?

— Почему именно Венера?

— Что?

— Ты не так уж глуп. И слышал меня. Почему Венера?

Мэйолл вдруг облизнул губы — быстрым, едва заметным движением. Бросил взгляд на большой экран на стене — нервно, словно пустой экран мог за ним следить.

— Есть и другие люди из инкубаторов, — продолжал Хардинг. — Ты тут заметил, что если бы твои наниматели хотели другого человека из команды Интегратора, то вышли бы на меня. Ну, может, кто-то и выходил. Наверное, не обязательно это были твои ребята, но… кто-то. — Он затянулся сигаретой. — Продолжать?

Мэйолл ничего не сказал, но потом резко кивнул.

— Команда, на которую ты работаешь, имеет шанс добиться независимости от Земли. И вот я подумал… ну, возьмем, например, Ганимед. Там — маленькая цветущая колония. Сейчас много чего экспортирует. Дело очень выгодное. Много денег. Что ты скажешь, Джордж, если бы можно было загрузить эту задачку в Интегратор и посмотреть: получится ли социальный центр из Ганимеда?

Мэйолл долго не двигался. Потом удивленно вздохнул:

— Я тебе не верю. Ты лжешь. Пытаешься меня надуть.

Хардинг пожал плечами.

Мэйолл наклонился к нему через панель управления.

— Чем ты можешь доказать? — спросил он хрипло.

Хардинг откинул голову и рассмеялся. Потом в последний раз затянулся сигаретой, бросил ее на пол и раздавил носком ботинка.

— Ну, давай, Мэйолл, — резко сказал он. — Выходи. Я займу твое место.

Мэйолл дернулся в своем кресле — испуганный, удивленный. Он опять высунул кончик языка и тронул им губу.

— Черта с два. Ты же не можешь…

— Заткнись! — отрезал Хардинг. — Поднимайся, Джордж! Поднимайся, говорю тебе! Вылезай из кресла и открывай мне дверь. Я сыграл по твоим правилам. Но теперь я знаю все, что мне надо. Я умнее тебя. Я могу занять твое место, и именно это сейчас и делаю. И ты меня не остановишь. Те не можешь убить меня. И я тебе даю последний шанс — работать со мной!

— Ты… да ты же ненормальный! — Мэйолл был изумлен. — Это же мой остров. Я знаю все нервные центры. Мои люди могут…

— Могут сделать все, что угодно, только не причинить мне вред, — закончил за него Хардинг и сделал быстрый шаг вперед. — Так что ты проиграл. Ну, давай проверим. Ты уже повеселился и рассказал мне достаточно, так что я теперь знаю, кто выиграет.

— Ты сумасшедший! — крикнул Мэйолл, отъезжая в кресле назад. — Мои ребята убьют тебя! Я… я вышлю тебя с острова. Я…

— Ничего ты не сделаешь, — сказал ему Хардинг, обходя стол. — Потому что не знаешь: а вдруг у меня в кармане лежит доказательство с Ганимеда? Кто поспорит, что это не так? Можем собрать твою команду и посмотреть…

— О нет! — дрожащим голосом воскликнул Мэйолл. — Мою команду ты никогда не увидишь!

— Боишься, что из-за меня тебя и отсюда выгонят? — насмешливо спросил Хардинг. — Вставай! Вылезай из кресла. Тебе придется открыть шифровой замок вон на той двери и запустить свой Круглый стол. Да-да. Потом ты соберешь команду, и мы сделаем несколько пробных прогонов. Не

волнуйся, Джордж. Тебе ничего не угрожает. Мы с тобой не можем причинить друг другу вреда даже ради спасения собственной жизни, а наверное, такое может случиться. Но разницы никакой.

— Ты никогда не откроешь эту дверь, — заявил Мэйолл, отступая.

Хардинг нетерпеливо фыркнул:

— Ну-ка, отойди. Какой шифр ты установил? У меня нет времени препираться.

Он на пробу провел ладонью по поверхности металлической пластины там, где должен был располагаться замок. И почувствовал легкое давление между рукой и пластиной — мягкое, дрожащее. Было что-то знакомое в ритме дрожания. Вряд ли это старый шифр, тот, который открывал двери к семи Круглым столам, далеко-далеко — во времени и пространстве. Вряд ли, и все же…

Дверь под ладонью Хардинга тихо открылась.

— Кто выдал тебе мой шифр? — Мэйолл дернулся, ахнув от удивления.

— Это же старый шифр. — Хардинг, нахмурившись, посмотрел на него. — Ты что, не понял?

— Ты сумасшедший. Этого не может быть. Я сам составил его. С чего бы мне использовать старый?

— Ты все время проигрываешь, заметил? — сказал Хардинг и шагнул в маленькую комнатку с черными стальными стенами.

Мэйолл пошатываясь вошел за ним.

— Этого не может быть! — протестовал он. — Ты сумасшедший! Ты как-то узнал!

— Джордж, ты, наверное, плохо сдал курс по базовой психологии, — осторожно сказал Хардинг через плечо. — Это же старый шифр, но теперь он открывает другую дверь, и не важно, что твое бессознательное имело в виду, когда снова решило подсунуть тебе шифр команды «Двенадцать-Ви-Лямбда». Та дверь для тебя больше никогда не откроется. Как и для меня. А эта — да, и мне это подходит. Ну, давай посмотрим на твою команду. Кто они, Джордж?

Мэйолл рассмеялся — тонким, визгливым, безжалостным смехом:

— Ты не узнаешь никогда. Я убью тебя раньше.

— Думаешь? — Хардинг фыркнул. — Ну, попробуй.

— Ты не сможешь добраться до моей команды! — выкрикнул Мэйолл. — Они… они все на Венере. Они…

Хардинг резко повернулся и с внезапным интересом посмотрел на возбужденного Мэйолла:

— Джордж, не говори глупостей. Конечно, они не на Венере. Что с тобой такое?

— На Венере! — выкрикнул Мэйолл. — Правда! И если ты соберешь их, чтобы обсудить Ганимед, ты знаешь, что они сделают, верно? Так что ты не можешь их вызвать, не можешь!

Хардинг развернулся всем корпусом и, нахмурив брови, посмотрел на Мэйолла:

— Джордж, что с тобой такое? Похоже, ты и впрямь немного сумасшедший. Или ты ревнуешь? А? — Он рассмеялся. — Кажется, я кое-что понял. Неужели дело в том, что ты считаешь Интегратором себя? Знаешь, Джордж, друг мой, может, я не смогу убить тебя, защищая свою жизнь, зато я могу раскурочить твой Интегратор! Как тебе?

Мэйолл свистнул сквозь зубы. Не отрывая взгляда глубоко запавших глаз от Хардинга, он попятился в дверном проеме, нащупал позади себя крышку письменного стола и оперся на нее. Тут он с облегчением вздохнул и выпрямился. Он тяжело дышал, а на лице у него выступил пот.

— Эд, отойди, — мрачно сказал он. — Отойди от стола. Теперь я смогу! Я знаю, что смогу убить тебя!

Хардинг заглянул в черный зрачок направлен-

ного на него пистолета. И поднял глаза, чтобы встретить горящий смертельной ненавистью взгляд Мэйолла.

— Попробуй, — ответил Хардинг. — Попробуй.

По лбу Мэйолла тек пот. Бородка его торчала вперед. На тыльной стороне той руки, которая держала оружие, выступили сухожилия. Тогда он вытянул левую руку, чтобы укрепить правую. Обе сильно дрожали.

— В теле происходят те же мутации, что и в планетарных инкубаторах, — заметил Хардинг. — Что в этом хорошего?

Дыхание со свистом прорывалось сквозь зубы Мэйолла. Белыми от ненависти глазами он посмотрел на Хардинга. Потом вдруг закрыл глаза, крепко зажмурился. Тяжело дыша, попытался нажать на спусковой крючок.

Рука с пистолетом дернулась — дернулась и стала уводить пистолет в сторону. Она двигалась медленно, до тех пор пока дуло не нацелилось в стену, мимо Хардинга.

Пистолет протрещал шесть раз, и шесть громких выстрелов слились в один. Глаза Мэйолл держал закрытыми. Рука его опустилась.

— Получилось, — прошептал он. — Я убил тебя. Я…

Он медленно открыл глаза и посмотрел на Хардинга. А потом его взгляд отправился дальше и отыскал на черной стене шесть серебряных звездочек от пуль.

Хардинг тихонько качнул головой. Потом повернулся к человеку в дверях спиной, перестав обращать на него внимание. Подтянул к себе кресло перед трехмерным экраном и сел.

И комната его воспоминаний снова появилась перед ним, заслоняя реальную. Маленькая квадратная комната, обшитая черной сталью, вдруг стала частью Хардинга, такой же близкой и теплой, как и увенчанные куполом стены, защищавшие его живой мозг.

Он положил ладони на металлическую пластину.

Сначала под его руками словно пронесся ветер, потом потекла вода, а потом мягкий песок нежно обнял его ладони.

— Готово, ребята, — сказал он. — Давайте.

— Эд, ты не сможешь, — проговорил за его спиной Мэйолл. — Не смо…

* * *

В комнате снаружи вдруг раздался треск. И одышливый голос закричал:

— Мэйолл, Хардинг! Вы слышите меня? Это Тернер! Мэйолл, ответь!

Хардинг повернулся в кресле, поднял удивленный взгляд и встретился глазами с Мэйоллом. Мэйолл взмахнул разряженным пистолетом и тоже повернулся к двери. Приемная была пуста, но в ней раздавалось громкое дыхание Тернера. А на настенном экране появилось его потное, какое-то размытое лицо, невидящим взглядом обводившее пустую комнату.

— Мэйолл! — закричал толстяк. — Я знаю, что ты здесь! Выйди так, чтобы я мог тебя видеть, или я разнесу весь остров!

— Значит, он не может уйти? — тихо, с презрением сказал Хардинг. — Как блоха на собаке, и ты всегда знаешь, где он находится? Ну да, ну да. А теперь что? Он блефует?

— Хардинг! Мэйолл! — От голоса Тернера в комнате гуляло эхо. — Я знаю, что вы здесь. Я видел, как вы оба вошли в здание Интегратора. Я взорву Акасси и все, что на нем есть, если вы не выполните мои требования! Это не пустые угрозы! Считаю до десяти. Один. Два. Хардинг, ты меня слышишь?

— Хорошо, Тернер! — громко сказал Хардинг, не вставая из кресла. — Это Хардинг. Что ты хо-

чешь?

Раздался вздох облегчения.

— Хардинг, встань так, чтобы я мог тебя видеть. И ты, Мэйолл. Я…

— Где ты? — перебил его Хардинг. — Ты блефуешь.

— Я в ретрансляторе на холме. К югу от меня озеро; я вижу деревню. И здание Интегратора, и дверь в него. Хардинг, я вас взорву! Я серьезно!

— Никого ты не взорвешь, — произнес Хардинг и резко шевельнул пальцами над столом.

Шепотом он сказал, обращаясь к экрану:

— Давайте, ребята! Идите!

— Не выйдет, — тоже шепотом произнес Мэйолл. — Я же говорил тебе. Ты не сможешь ничего сделать. Никто, кроме меня, не сможет. А я не стану. Ты никогда не увидишь мою команду!

— Хардинг, послушай! — раздавался голос Тернера из приемной. — Выйди и посмотри. Тогда все поймешь! Я направил высокочастотный излучатель прямо на топливные баки корабля. Хардинг, ты ведь знаешь, что можно сделать ультразвуком?

— Знаю, — спокойно ответил Хардинг. — Если корабль взорвется, ты взорвешься вместе с ним. Или у тебя другое мнение?

— А сколько я проживу, если вы меня схватите? — рассудительно спросил Тернер. — Делай, что я тебе говорю, иначе…

— Блеф, — громко и резко возразил Хардинг, потом склонился над столом и с удивительной скоростью начал нажимать руками на пластину на столе.

— Давайте, давайте, ребята! — торопливым шепотом говорил он.

Едко, но очень тихо засмеялся за его плечом Мэйолл.

— Нет, не блеф! — хрипло крикнул Тернер. — Смотри! Я проник в ретранслятор. Я перефокусировал луч с инфракрасного излучения на ультразвук — топливо не успеет взорваться. Теперь я направляю луч прямо на баки. И рука у меня на рубильнике. Пока я держу его, все в порядке. Но если я отпущу его или если меня убьют — что тогда? — В одышливом голосе толстяка слышалось торжество. — Частота луча будет снижаться и пройдет через тепловой диапазон. В топливном баке! Могу сразу перевести излучение в тепло — только рукой двинуть. Ну что, блеф это?

— Ты никогда этого не сделаешь! — прокричал ему Хардинг. — Я тебе не верю.

Тернер помолчал, шумно дыша. Потом вдруг крикнул:

— Понял! Вам придется сделать так, как я скажу! Хардинг, слышишь? Может, тебе своей жизни и не жалко, но как же Мэйолл? Он тоже там с тобой — я видел, как он входил. Мэйолл, ты слышишь? Тебе придется меня послушать, иначе погибнет Хардинг и все остальные на острове! Выходи, Мэйолл! Выходи, Хардинг! Я досчитаю до десяти — и Акасси взлетит на воздух. Три… четыре…

Хардинг встретился взглядом с Мэйоллом. Неохотно пожал плечами.

— Он нас поймал, — прошептал он. — Если только… — Хардинг резко откинулся в кресле и вскочил на ноги, тихо смеясь от радости. — Если только ты, Джордж, не соберешь команду! Может, у меня и не получится, а вот ты точно сможешь, и тебе придется… спасти мне жизнь! Ну, садись скорее, давай!

Мэйолл еще некоторое время смотрел на него, не понимая. А потом…

— Хорошо! — воскликнул он. — Ладно!

Его поведение вдруг совершенно изменилось. Перед лицом опасности нерешительность исчезла в один миг. Он кинулся в кресло и тяжело шлепнул ладонями по пластине.

— Семь… восемь… — считал на экране Тернер. — Хардинг, жизни тебе осталось секунды три. Выходи, или…

— Выходи, — тихо сказал Мэйолл через плечо хриплым от напряжения голосом. — У меня есть идея.

— Нет, — так же шепотом ответил Хардинг. — Я хочу видеть твою команду. Я бы…

— Ты умрешь, если не выйдешь! Он не блефует. Послушай! Выйди и отвлеки его, пока мы с командой просчитываем решение. Эд, у тебя нет выбора! И моя жизнь от этого зависит! — Он ехидно посмотрел на собеседника. — Слушай, Эд, скажи ему, что я умер. Что ты убил меня. Иначе он станет требовать, чтобы я тоже вышел, а я не могу. Выходи давай!

— Девять… — считал Тернер. — Хардинг, ты слышишь? На счет «десять» остров взорвется. Мэйолл, слышишь меня? Я…

— Стой, Тернер, — сказал Хардинг и вышел из двери. — Мэйолл не слышит тебя. Он уже ничего не слышит. Я… Я его убил.

Тернер смотрел на него со стены. Его толстое лицо было в царапинах и потеках засохшей крови, полученных, когда он пробирался через кусты. Одежда вся изорвана, а раненое запястье

обмотано окровавленной тряпкой. Здоровая рука, поднятая над головой, лежала на рубильнике. Сам Тернер тяжело навалился на поверхность экрана, и казалось, будто он распластался в пустом воздухе над Хардингом. Позади Тернера в окне блестело голубое озеро, дорога вилась среди зарослей и выныривала на улице поселка. Хардинг хорошо видел здание Интегратора — дверь внутрь была открыта. У него появилось неодолимое, жуткое желание встать на пороге и помахать рукой самому себе.

— Убил? — переспросил Тернер и шумно выдохнул. — А я думал… думал, ты не можешь его убить.

— Я и сам так думал, — сухо ответил Хардинг, бросив быстрый взгляд на Мэйолла в соседней комнате. — До последней минуты. А потом мне пришлось. Можешь успокоиться, Тернер. Мэйолл погиб. Нас только двое, и было бы глупо работать поодиночке.

Тернер рассмеялся:

— Я один раз тебе доверился. Выходи из Интегратора и иди на север. К ретранслятору. С вершины холма и увидишь его. Мы поговорим получше, когда я наставлю пистолет тебе в брюхо.

— Мне то и дело наставляют пистолет в брю-

хо, — кротко отвечал Хардинг. — Если так и дальше будет продолжаться, у меня на животе появятся стигматы в виде мишени. Успокойся. Я бы тоже мог взорвать остров, если бы захотел. В этом здании находится центр управления всем островом, и я знаю здесь каждую кнопку. Погоди, Тернер. Я хочу закурить.

Он повернулся спиной к экрану и пошарил по столу, словно разыскивая спички.

— Мэйолл, скорее, — прошептал от, скосив глаза в сторону. — Чего ты тянешь? Собирай команду!

— Хардинг! — позвал Тернер со стены. — Повернись. Я тебе не доверяю. Выходи и иди на север. Ну же!

Рука на рубильнике дрожала.

— Хорошо, — сказал Хардинг. — Не волнуйся. Прикурить-то мне можно?

Он сложил руки ковшиком вокруг сигареты и украдкой глянул на Мэйолла. Бородач снял руки с Круглого стола и писал что-то большими буквами на доске.

— Нет времени, — прошептал тот. — Вот… прочитай.

Он поднял доску. Хардинг выдохнул дым и прочитал. Потом едва заметно кивнул и повернулся

к Тернеру на экране:

— Успокойся. Иду. Не волнуйся — мы нужны друг другу. Я играю на твоей стороне.

— Разве у тебя есть выбор? — злобно спросил Тернер.

— Может, и нет. Еще какие-нибудь пожелания? Ведь когда я выйду из здания, разговаривать мы не сможем. Я окажусь за пределами действия средств связи.

— Иди давай. Если ты не появишься, когда я досчитаю до…

— Погоди! — воскликнул Хардинг. — Мне надо… надо еще по лестнице подняться. Эта комната расположена на два этажа ниже уровня земли. Я выйду секунд через двадцать. Не спеши!

— Тогда двадцать секунд, — сказал Тернер. — Начинаю считать.

В тот же миг Хардинг отвернулся и шагнул к внутренней двери, где Тернер не мог его видеть.

Мэйолл пошел впереди него на цыпочках, двигаясь точно и осторожно — у него появилась четкая цель. Но Хардингу не понравилась мысль, которую выдавала усмешка Мэйолла, спрятанная в бороде.

— Шагай на месте! — вдруг сказал Мэйолл. — Шагай!

Он распахнул часть стены. За ней висели сетчатые полотна, а дальше оказалась маленькая кабинка, стены в которой от пола до потолка были завешаны блестящей металлической сеткой. От толчка Хардинг, едва устояв на ногах, влетел в ярко освещенную кабинку. Металлические занавеси сомкнулись за ним. Снаружи долетел бесплотный шепот Мэйолла:

— Шагай, но не двигайся с места. Как на бегущей дорожке.

Где-то за занавесью громко щелкнул выключатель.

— Я тебя включил. Теперь он видит твое изображение. Двигайся, Эд.

Вдруг, не сделав ни шага, Хардинг обнаружил, что смотрит на улицу поселка. На качающихся стенах появилось идеальное изображение пыльных дорожек с пятнами тени и солнечного света, сараев, за ним высилось здание Интегратора, и дверь внутрь была распахнута. Тут улица плавно качнулась справа налево, и прямо перед Хардингом легла дорога к невидимой точке между двумя далекими холмами. Словно это он сам повернулся, а вовсе не изображение.

— Шагай, идиот!

Хардинг запоздало принялся шагать, немного

помахивая руками, двигая ногами, почти поверив в реальность того, что видел вокруг. Странно было только, что ветер, который заставлял листья беззвучно шевелиться, не ерошил его волосы.

Создавалось полное впечатление, что он, никуда не торопясь, и в самом деле идет по улице в сторону холмов, за которыми высится космический корабль. Над головой — ясное небо и солнце. Вокруг — трехмерное изображение поселка в безупречной перспективе. И снова картинка, немного смазавшись, повернулась, и перед Хардингом оказался другой участок — это тропка под его ногами повернула и теперь убегала назад со скоростью ходьбы обычного человека.

— Не останавливайся ни на секунду, — произнес голос Мэйолла из-за занавеси, которая в комнате выглядела как пустое пространство между Хардингом и холмами. — Шагай и держись на тропинке. Твое изображение проецируется, словно мираж. Тернер наблюдает за тобой. А мираж движется. Твоя проекция продвигается по тропинке на острове с небольшой скоростью, но тебе придется продолжать шаг на месте, чтобы Тернер ничего не заподозрил. Ты видишь тропинку?

— Вижу, как если бы и впрямь по ней шел, — ответил Хардинг, шагая на месте. — Ничего, что

я разговариваю?

— Пока да. Ты еще далеко от него, и он не видит, что ты шевелишь губами, а звук я выключил. Я установил проекцию так, чтобы ты шел все время прямо по дорожке — за те два холма, к ретранслятору. Все будет в порядке, если ты останешься там, где ты есть, — тогда ему не покажется, что ты плывешь по воздуху или проходишь сквозь стены домов.

— Отличная работа, — с восхищением произнес Хардинг. — Я видел такое и раньше, но только в лабораторных условиях. Как ты это делаешь?

— А, тебе бы хотелось узнать? — насмешливо спросил Мэйолл. — Весь этот остров — большая лаборатория. Или театр. Мне нужен только специально настроенный луч, который отражается от ионизированного колпака над островом, он и служит вместо светочувствительных клеток. У меня есть проекционные устройства, носитель и приемник — по два комплекта: один — здесь, внутри, а другой — для больших иллюзий на открытом пространстве. Двусторонняя видеопроекция плюс мобильное устройство, состоящее в основном из набора ретрансляционных трансфокаторов. Но вот детали — это и есть мой секрет. Тебе же следует лишь шагать на месте еще минут

десять — тогда твое изображение окажется в прямой видимости от Тернера, а сам ты сможешь увидеть его — как будто ты и в самом деле прошел по поселку. Только так я смогу не спускать с тебя глаз.

— Ну что ж, займись тогда делом, — обратился Хардинг к голубым холмам впереди. — И поскорее. Тернер пустит в ход свое оружие, как только поймет, что его надули.

— Я собираю команду…

Хардинг резко повернулся туда, откуда раздавался голос. Его шаг на скользящем под ногами изображении сбился. Он оглянулся на занавеси, через которые вошел, раздумывая о том, что может произойти.

— Перестань! — резко воскликнул Мэйолл (голос его словно бы принадлежал холму). — Я слежу за тобой. Ты ничего не сможешь сделать, только переставлять ноги на месте, не выходя из комнаты. Если ты сойдешь с тропинки, мы оба погибнем. Помни, от тебя зависит моя жизнь! — Он рассмеялся. — Команда собирается. Не напрягай слух. Ты ничего не услышишь. Я выключил звук.

— Тебе, может быть, не понадобится команда, — сказал Хардинг, старательно шагая. — Почему ты не можешь приказать кораблю взлететь? Тогда

Тернер не сможет…

— Ну нет. Это моя страховка. Без него я лишусь свободы движения. А потом, это не сработает, и ты знаешь почему, ведь верно?

Хардинг кивнул. Конечно, он знал. Обычный подготовленный взлет даст Тернеру достаточно времени, чтобы удержать луч на топливных баках столько, сколько понадобится, чтобы взорвать их, а аварийный взлет на максимальной скорости, который никогда не применяли на Земле, испепелит весь поселок. Чтобы космический полет прошел безопасно, взлетать надо на стартовых двигателях, и эта неизбежная, фатальная медлительность оказалась еще одной стеной ловушки, в которую загнал их Тернер. Но…

— А фаза? — спросил Хардинг.

— Единственный выход, — кратко ответил Мэйолл.

* * *

— Для этого нужна хорошая команда.

— У меня — хорошая.

Хардинг помолчал, взвешивая в уме разные варианты и быстро шагая, чтобы поспевать за пыльной тропинкой, скользившей под ногами. Напряжение в душе росло. Ему хотелось побе-

жать. Но он оказался заперт в беличьем колесе беспомощности и никуда не мог из него выбраться, пока Мэйолл будет высиживать решение за Круглым столом вместе со своей загадочной командой. Кто скажет, что за мрачные планы вынашивает этот странный, неустойчивый рассудок?

Мираж вокруг Хардинга выглядел безупречно. Настолько безупречно, что соблазн тронуть пальцем ближайшее дерево оказался почти неодолим. А где он, Хардинг, на самом деле? В здании? Он и сам наполовину в это не верил. Свидетельством нереальности мира, по которому он шагал, было только призрачное его молчание. За спиной пропали окраины поселка. Хардинг начал подъем на первый из холмов, не забыв немного согнуться, когда ему показалось, что земля под ногами пошла вверх. Купол ретранслятора, где ждал Тернер, скрылся за вершиной холма, совсем пропал из виду. Пока Хардинг не поднимется по склону повыше, Тернер его не увидит. Но это ничего не даст. Если не появиться на холме в предполагаемое время, Тернер заподозрит подвох. А если заподозрит, то, скорее всего, начнет действовать. Человек с пулевым ранением запястья склонен к импульсивным поступкам.

Космический корабль взорвется, а с ним и остров. Или по меньшей мере добрая часть поверхности острова, вместе со всеми формами жизни, которые там в это время окажутся.

Фаза. Фаза — единственное решение. Хардинг продолжал идти по заросшему травой склону, наклонив тело вперед, чтобы компенсировать равновесие при подъеме. Нет, пока еще можно об этом не беспокоиться. Тернеру его не видно. Тогда он перестал шагать. К чему? Пейзаж чудесным образом уезжал назад со скоростью пешехода. Совсем не так давно Хардинг уже ходил по этим холмам и разговаривал с деревьями, слушал, как листья отвечают ему резким голосом Мэйолла. Теперь же он в полном молчании скользил там, где зрение оказалось самым ненадежным из чувств.

Хардинг глянул вперед, вгляделся в изображение, стараясь вычислить расстояние до вершины. Пейзаж уплывал назад. На пробу Хардинг потянулся к занавеси, на которой развернулось нереальное изображение. Рука коснулась переплетенных металлических нитей, невидимых в воздухе. Тут он замер и прислушался. От Мэйолла не доносилось ни звука — если он и мог видеть, что происходит в кабине, то сейчас сюда не смот-

рел. Он сидел за Круглым столом, а перед ним был Сборный образ его команды.

Хардинг на скользящей тропинке сделал быстрый шаг назад и вышел из солнечного воздуха. Ему под ноги бросился пол темной комнаты управления, как будто склон холма вдруг сменился ровным полом. На стене висел телеэкран — отсюда он был виден под большим углом, и изображал он по-прежнему комнату в ретрансляторе, казавшуюся короткой и плоской. Тернер, повернувшись широкой спиной к экрану, выглядывал в окно на противоположной стене.

Рука Тернера лежала на рычаге. Он тянулся, чтобы увидеть поселок и тропинку, по которой беззаботно шагала иллюзия Хардинга. Тернер так напряженно смотрел на вершину холма, что Хардинг и сам поверил, будто в следующий миг там появится его собственное изображение.

Беззвучно, прижимаясь к стене, чтобы Тернер, если вдруг решит оглянуться, не заметил его с телеэкрана, Хардинг пробрался к двери в комнату Круглого стола. Дверь была закрыта. Он осторожно положил руку на пластину замка. Под ладонью начались едва заметные вибрации, но Хардинг не стал ничего делать с кодом замка. Вместо этого он приложил ухо к двери и прислушался. Изнутри

доносилось неразборчивое бормотание.

Он не осмелился прерывать работу команды.

Для того чтобы получить фазовый метод, способный справиться с угрозами Тернера, требуется абсолютная концентрация. Фаза. Он и сам использовал именно ее, когда пробирался мимо препятствий, установленных на пути к острову. Но сейчас баланс был более шатким — не так трудно послать импульс с другого ретранслятора, чтобы перехватить импульс Тернера, другое дело, что это должно произойти в нужный момент. Когда частота излучения начнет падать, другое излучение тоже должно начать терять частоту, и точно с такой же скоростью, чтобы блокировка фазы сработала тогда, когда луч Тернера проходит через опасный «горячий» участок спектра, способный взорвать корабль, если управляющий луч не нейтрализует его.

И только команде Интегратора была под силу такая чудовищная концентрация, обеспечивающая полную координацию с действиями Тернера. Здесь требовалось больше, чем моментальная восприимчивость и быстрая реакция. И Хардинг даже подумал, что вряд ли найдется много команд Интеграторов, способных выполнить такую задачу. Только самые лучшие, проработавшие

вместе не один год, могут создать Сборный образ, который станет вершиной синтеза. Но какова же команда Мэйолла?

На экране Тернер шумно шаркнул ногами, нетерпеливо вздохнул. Хардинг в тревоге поднял взгляд. Похоже, пора уже его изображению появиться на вершине холма. А вдруг уже поздно? Рука Тернера на рычаге задрожала.

Хардинг, еще раз распластавшись по стене, торопливо прошмыгнул к кабине. Прежде чем нырнуть в нее, он сунул голову и попытался просчитать расстояние между внутренней стеной комнаты Круглого стола и стеной, где висели металлические занавеси. Комнаты оказались смежными, и одна стена у них была общая. Пули легко пройдут через нее.

Времени не осталось. Хардинг проскользнул между полотнами металлической сетки, которые колыхались, словно мир за ними был реальным — синее небо, волнуемая ветерком трава, — и снова попал в иллюзию настоящего мира. Под ногами плавно бежала тропинка. Согнувшись, словно на крутом подъеме, Хардинг стал шагать на месте, пока макушка холма не приехала ему под ноги.

Потом он начал спускаться. Он снова увидел

здание ретранслятора с куполом и озеро перед ним. Он подумал про Тернера, который белой тенью виднелся в окне под куполом; Хардинг громко вздохнул от облегчения, когда увидел его. Как только Хардинг пытался подумать о чем-то, ощущение сплошного миража сбивало его с толку и путало мысли.

— Хардинг? — Кажется, голосом Мэйолла заговорило озеро, как только тропка плавно поднесла Хардинга к нему поближе. — Все в порядке?

— Пока да. — Хардинг старательно двигал ногами, а тропка огибала берег озера. — А у вас как дела?

— Кажется, получается, — сказал Мэйолл из волн, беззвучно плескавшихся на поверхности воды.

— Давайте-давайте.

При этом Хардинг мрачно подумал о том, что, если у них не получится, его призрак обречен долгие годы бродить по опустевшему острову. Если допустить, конечно, что проекционное оборудование чудом уцелеет. Или нет… Наверное, чтобы там бродил призрак, надо, чтобы здесь стоял живой человек.

— Хардинг, — как-то неуверенно произнесла рябь на воде, — у нас есть еще несколько минут.

Мне надо с тобой поговорить. Предположим, у нас все получится. Сейчас на Тернера направлен парализующий луч. Как только мы нейтрализуем его излучение, этот луч начнет действовать. Тернер уже покойник. Шансов у него никаких. Но потом… Эд, что там с Ганимедом? У тебя есть доказательства?

— Ты меня за дурака принимаешь? — Хардинг усмехнулся. — Как только погибнет Тернер, так ты тут же поставишь перед своей командой вопрос: «Как я могу заставить себя убить Хардинга?» А может быть, ты его уже поставил и теперь ждешь, когда они, освободившись, за него возьмутся. И они найдут тебе ответ — если мы выживем. Если им удастся отразить луч Тернера, они сообразят, как можно со мной разделаться. Если я умру, ты, Джордж, никогда не узнаешь, что там на самом деле с Ганимедом.

Рябь молчала. Весь призрачный мир на расстоянии двенадцати шагов от Хардинга молчал. Под обманным безоблачным небом Хардинг обошел по краю обманное озеро. На вершине очередного холма стояло здание под куполом, и в этом здании иллюзия Тернера ждала, когда можно будет разоблачить иллюзию Хардинга.

— Эд, скажи мне правду, — раздался из воздуха

иллюзорный голос Мэйолла. — Тебя ганимедцы послали?

— Спроси свою команду, — поддел его Хардинг. — А вдруг я обманул тебя? Может, я просто неудачник, которого выгнали из команды Интегратора, и теперь я пытаюсь выжить тебя с твоего места…

— А может, тебя и не выгнали, — рассуждал Мэйолл. — Может, команда послала тебя, чтобы ты меня остановил, потому что никак иначе они остановить меня не могут.

— Это было бы забавно, правда? — посмеиваясь, заметил Хардинг. — Понастроить Интеграторов, насобирать команд до такой степени, что они начнут охотиться друг за другом, и нам придется вернуться назад, в доисторическую эпоху, когда человек воевал с человеком, не имея никакого оружия, а, Джордж? Ведь мы не можем причинить друг другу вреда никаким оружием. Да, это было бы очень забавно, если бы было правдой.

— А это правда?

— Спроси свою команду, — насмешливо повторил Хардинг. — Есть и еще один вариант, о котором ты, наверное, не подумал. А если меня послали с Венеры, а, Джордж?

— С Венеры? — испуганно переспросил Мэй-

олл.

— Почему нет? Может, они как раз и искали такого человека, как я. Они обращались к тебе, когда тебя выгнали из команды. А может, они ко мне тоже обращались? Я же никогда не говорил, что ко мне никто не приходил, а?

— Но почему? — озадаченно спросил Мэйолл.

— Много вариантов. Может, они хотели знать, не продашь ли ты их, когда появится более привлекательное предложение. — Хардинг опять усмехнулся. — Ну, им это будет известно, как только я встречусь со своими нанимателями, а?

— Ты останешься на острове, — мрачно ответил ему зеленый склон холма. — Навсегда.

— Один из нас точно здесь останется. Но вдруг это будешь ты? Джордж, тебе не хочется знать, почему Венера решила выгнать тебя и из этой команды? А вдруг потому же, почему от тебя избавились в «Двенадцать-Ви-Лямбда»? Что испортило одну команду, может испортить и другую. Не только может, но и обязательно испортит!

— Не понимаю почему… — Мэйоллу не хватало воздуха.

— Есть причины. Почему Венера не сделала никаких решительных шагов против Земли на

протяжении… сколько там прошло? Полгода? Восемь месяцев? Венера успешно отражает нападения Земли, но это всего лишь оборона. Все возвращается к исходному состоянию, а именно — к очередной Столетней войне. Почему, интересно?

— Почему? — хрипло переспросил Мэйолл.

— Потому что главнокомандующий всегда хочет, чтобы война не кончалась. А здесь, пока Венера зависит от твоего Интегратора, главнокомандующий — ты. Ну да, ты же сам понаставил столько барьеров, чтобы никто не мог прорваться и остановить тебя, и только мне это удалось. Может быть, твои нанимателиуже давно хотят, чтобы на Акасси все переменилось. Но как они могут этого добиться? Они произвели на свет чудище Франкенштейна. Джордж, а команду ты специально собирал из людей с небольшими способностями? Чтобы можно было ими командовать точно так же, как ты командовал в «Двенадцать-Ви-Лямбда», пока я не пришел? Или ты их гипнотизируешь? Накачиваешь наркотиками? Кажется, игра Земли с Венерой идет пока с ничейным счетом, и конца ей не видно, потому что Земля слаба, чтобы вернуть себе свои завоевания, а Венера не задает неловких вопросов.

Джордж, выиграть любую битву можно только так — задавая вопросы. Вопросы и есть прогресс, рост. Не столько отвечать на вопросы, сколько задавать их. А думающие машины как раз этого и не умеют.

— Видать, ты знаешь все ответы, Эд, — холодно произнес Мэйолл. — Видать…

— Никто не знает всех ответов. Никто не может их узнать. А машина может узнать их, лишь нарисовав круг и разрушив все за его пределами, все, с чем она не может справиться. Именно этим ты и занят, Джордж. Ты не используешь ни свою команду, ни Интегратора, ни самого себя. Чего сейчас точно никому не надо — так это чтобы все оставалось так, как было. Потому что только для машины хорошо, когда сохраняется статус-кво. А ты, Джордж, человек, для которого статус-кво — это главное. Поэтому тебя и выперли из команды. Поэтому Венера и могла прислать меня на Акасси.

Хардинг замолчал, и пейзаж вокруг разматывался в тишине. Озеро отъехало назад, а протянувшаяся вперед дорожка обежала весь остров, пока наконец ретранслятор под куполом, где дожидался его Тернер, не оказался прямо перед Хардингом, на макушке самого близкого холма.

Хардинг напрягся — время выходило, а Мэйолл так ничего и не сказал. Что там происходит — за иллюзорным занавесом, на котором воспроизводится изображение мира? Что бы это ни было, скоро оно должно было кончиться. Хардинг уже видел толстую белую фигуру Тернера: прислонившись к оконной раме, тот наблюдал за Хардингом, то есть за его фантомом, взбирающимся по крутому склону холма к куполу.

Что-то идет неправильно. В маленькой квадратной комнате за стеной, где Мэйолл сидел за столом перед трехмерным экраном, действие близилось к кульминации. Не могло не близиться. Потому что через две-три минуты Хардинг окажется у дверей ретранслятора — нет, не Хардинг, а его образ. Насколько убедителен такой муляж, Хардинг не имел ни малейшего представления, но рано или поздно иллюзия окажется вплотную к Тернеру и обман будет раскрыт, и тогда…

Тогда Тернер дернет рычаг и все игры на Акасси кончатся.

А сейчас Тернер, прислонившись к окну, махал рукой подходящему человеку. Хардингу уже было видно толстое трясущееся лицо с засохшими потеками крови. Он увидел открытый рот и понял, что Тернер что-то ему кричит. Но поскольку ил-

люзорное изображение Акасси транслировалось без звука, Хардинг не знал, что говорит ему Тернер. Может быть, командует остановиться. Или приглашает войти. Или задает вопрос, от ответа на который зависит жизнь всех людей на Акасси. Но Хардинг ничего не мог ответить, потому что ничего не слышал.

— Джордж! — встревоженно позвал он, стараясь говорить шепотом из-за иррационального ощущения, будто Тернер может его слышать.

Он был уже очень близко. Хардинг смотрел на толстяка снизу вверх и через окно видел, как по толстому лицу течет пот. Запертая дверь ретранслятора высилась в сотне футов от него, и с каждым шагом Хардинг подходил все ближе.

Что случится, когда он подойдет вплотную? Рука у него крепкая, и дверь выглядит крепкой, но между ним и дверью лежит весь остров, и как только безупречная проекция подведет его к двери, Тернер все поймет.

— Джордж! — повторил Хардинг, глядя Тернеру в глаза.

Он услышал, как с обратной стороны иллюзии раздался смех холма…

Голос принадлежал Мэйоллу — тот не сказал ни слова, но смех заставил Хардинга похолодеть.

Делая следующий шаг, Хардинг понял, в чем дело.

И замер, представив, что должно происходить в черной комнате со стальными стенами — или что произошло, пока он, слепой и потерянный, бродил по миражу.

Хардинг должен был обо всем догадаться, когда Мэйолл заговорил с ним некоторое время назад — после долгого молчания, которого требовала концентрация на Сборном образе и самой проблеме. Мэйолл не мог заговорить, пока проблема не будет решена.

Это означало, что тогда команда уже знала, какое будет решение. А также что команда освободилась, чтобы дать Мэйоллу и второй ответ, от которого зависела его жизнь. Наверное, он уже задал этот последний вопрос, и Интегратор отвечает на него прямо сейчас.

«Как мне убить Эда Хардинга?»

Неудивительно, что холм рассмеялся.

Дорожка плавно убегала под неподвижными ногами. Призрак здания плавно ехал к Хардингу. Тернер высунулся из окна, с тревогой глядя на него. Хардинг заставил ноги двигаться, до последнего растягивая иллюзию. Рука толстяка дрожала на рычаге. Он почуял какой-то подвох, но пока

еще не мог понять, в чем дело.

— Джордж! — с отчаянием произнес Хардинг, прикрывая рот ладонью, чтобы Тернер не увидел, как беззвучно шевелятся его губы. — Послушай! Я уже почти пришел! Ты видишь?

Холм опять засмеялся тем же леденящим смехом.

Конечно, Мэйолл ничего не сделал — пока. Оставалось еще несколько секунд, и, пока Тернер жив, Хардинг должен находиться в этом мираже, как в клетке. Он не решался разрушить иллюзию, пока она могла отвлечь Тернера еще хотя бы на несколько мгновений. Но пока Хардинг шагал в своей ловушке, интегратор предложил Мэйоллу такой ответ, который поможет ему навсегда избавиться от соперника.

— Джордж! — отчаянно закричал Хардинг. — Джордж, смотри. — И с бесшабашной решимостью он выхватил пистолет из кобуры на поясе.

Холм опять засмеялся леденящим смехом.

— Ты не можешь меня пристрелить, — сказал Хардингу остров. — Мне осталось всего полминуты и…

— Я не стану в тебя стрелять, — отвечал Хардинг, прицеливаясь. — Джордж, если ты не будешь смотреть, мы погибнем! Джордж, я хочу

выстрелить в Тернера!

Призрак Тернера беззвучно закричал — в окне прямо над головой Хардинга. Этому призраку казалось, что и человек внизу, и пистолет в его руке жутко реальны. Тернер неловко попятился, артикулируя слова, которые никак не звучали.

Толстая рука сомкнулась на рычаге.

Рычаг двинулся.

— Джордж!

— Хорошо! — резко ответил Мэйолл с другой стороны холма.

Воздух начал наполняться странным поющим звуком, который имел такую частоту, что слухом никак не воспринимался, только в ушах кололо и зудело.

Хардинг понял, что это. Команда и Интегратор, работая как одно крепко спаянное целое, отдавали все свои совместные усилия для того, чтобы блокировать включенное Тернером излучение, частота которого медленно понижалась до взрывоопасного значения. Мэйоллу, его команде и его Интегратору понадобится вся концентрация — хотя бы на несколько секунд.

И Хардингу придется действовать в эти несколько секунд.

«Если я когда-либо могу убить Мэйолла, то это

надо сделать сейчас!» — подумал он.

В окне над собой он увидел, как под рукой Тернера опускается смертоносный рычаг. Пока объединенная команда понижала частоту невидимого луча, Хардинг был в безопасности — и только на это время. Потом все их внимание будет целиком сосредоточено на проблеме устранения Хардинга.

Мираж перед Хардингом был совершенно реален, но он-то знал, что это мираж. Знал, что там, где, как казалось, под солнцем растянулись пологие холмы и изумрудное море, на самом деле висит металлическая сетка, за ней — стальная стена, легко пробиваемая пулями, а за стеной — Джордж Мэйолл.

Хардинг прицелился в ту точку на стене, где, как он знал, должен сидеть Мэйолл. Даже если Мэйолл сейчас за ним наблюдает, он не сможет сдвинуться со своего места. Ему надо быть полностью сосредоточенным на экране и на Интеграторе. Если Хардинг сможет выстрелить, то он победил.

Если сможет выстрелить.

До этого момента он не пытался убить Мэйолла сознательно. Он знал силу внушения, которое запрещало ему стрелять, и не хотел множить

неудачные попытки перед тем, как сделать последнюю. Но теперь момент настал.

Он подумал: «Я же стреляю в никуда. И передо мной ничего нет. Только воздух. Пуля пролетит мимо угла дома, перелетит через холм и упадет в океан, где и пропадет. Нет передо мной никакой сетки. Нет стены. Нет Джорджа Мэйолла. Я стреляю в воздух…»

Револьвер стал частью его самого, продолжением его вытянутой руки. И новое нервное соединение должно было послать сигнал от согнутого пальца к спусковому крючку, лежащему под ним. Хардинг сам стал пистолетом.

И пистолет отреагировал на условный рефлекс так же, как и рука. Пистолету стало больно.

Сенсорные галлюцинации давно известны. У пистолета была воображаемая жизнь, единая с жизнью стрелка, а психогенная боль — насколько она реальна? Хардинг понимал, что испытывает воображаемую боль — острую, становившуюся все сильнее. Но ему было очень больно. Распространяясь от дула пистолета, боль прошила сталь, ладонь, руку до плеча, заставляя мускулы сжиматься так, что пистолет задрожал. И Хардинг вдруг испугался. Симбиоз стал пугающе полным. «Смогу ли я бросить пистолет, когда

придет время?»

Он сделал еще одно отчаянное усилие нажать на спусковой крючок. Все мускулы словно парализовало. На миг полная неподвижность охватила его всего. И в этот миг ему пришлось бороться с жутким ощущением, будто разум, которым он поделился с пистолетом, оказался этим пистолетом захвачен. Инструмент взял верх над мастером, слился с ним и теперь никогда не отпустит.

И тут каждый мускул от плеча и ниже ослаб. Рука беспомощно повисла. Хардинг не мог ничего сделать. Не мог убить Мэйолла. И какое-то время чувствовал только радость.

* * *

Хардинг увидел, как Тернер в окне над ним внезапно замер у рычага. Его мускулы оказались парализованы на середине движения. Он увидел, как краснеет затылок толстяка — воздух застрял в его остановившихся легких. Это означало, что частота падала и команда была полностью этим поглощена. Через несколько секунд они победят… или проиграют. Если проиграют, Хардинг, наверное, никогда об этом не узнает. Если победят, то совсем скоро Мэйолл будет иметь решение

и по второй своей проблеме.

Но и у Хардинга должен быть шанс. Если бы он мог подслушать ответ…

Непослушная рука снова стала абсолютно послушной, когда он послал мысленный импульс уложить пистолет в кобуру. Потирая застывшие мускулы, Хардинг кинулся на иллюзию солнечного дня и разодрал мир на части, словно раскрашенный занавес.

Голубой воздух и изумрудное море подались в стороны, чтобы пропустить его.

Экран на стене в комнате все еще показывал замершего Тернера, который стоял спиной к экрану, а его шея стала уже багровой. Наверное, он уже мертв.

Хардинг поспешно пересек комнату, положил руку на пластину замка. Открываясь, дверь скользнула в сторону.

И Хардинг шагнул в маленькую комнату с темными металлическими стенами, и все кончилось так же, как и началось, — изображением на экране.

Мэйолл сидел спиной к двери, подавшись вперед, держа ладони на панели управления. Он пристально вглядывался в трехмерный экран, с которого на него смотрел Сборный образ, со-

стоявший из его собственных черт и черт его инструмента.

Образ был и прекрасный, и жуткий — и в нем содержался ответ.

Хардинг сначала даже не поверил, но, с другой стороны, и не удивился, потому что, зная Мэйолла так, как знал его Хардинг, какой другой ответ он мог ожидать?

Команда Интегратора была в полном составе: семь разумов и Интегратор. Но Джордж Мэйолл был в этой команде единственным человеческим существом. Мерцавший перед ним на экране Сборный образ смешивал его черты с чертами других, как смешивались и их разумы. Но шесть других разумов, сливавшихся с Мэйоллом за Круглым столом на Акасси, были разумами машин. А Хардинг хорошо знал, какая опасность исходит от них.

Шесть механических разумов, наполненных той информацией, что содержалась в головах живых людей. Самих людей не было. Не было тех, кто мог бы задавать вопросы или требовать отчета от единственного живого существа в команде.

Раньше ни один человек не управлял Интегратором в одиночку, одним разумом. Никто не осмеливался. И никто в здравом уме не смог бы.

Джордж Мэйолл попытался и по-своему преуспел. Но его успех был большим провалом, чем любое откровенное поражение.

Наверное, самым жутким было то, что он попытался создать Круглый стол с семью хранилищами человеческих знаний. Было бы дурно, если бы он просто записал эти знания на ленты и прочие носители. Даже в таком случае было бы крайне опасно вслепую их использовать, а Мэйоллу приходилось использовать их именно так, потому что один человеческий разум не может вместить больше самого себя, а для того, чтобы уравновесить Интегратора, требуется по меньшей мере семь таких разумов. Не семь носителей записанной информации, а семь человеческих разумов, живых, активных, постоянно задающих вопросы и принимающих гибкие решения, чего ни один механический разум пока так и не научился делать.

Механический разум должен уравновешиваться человеческими, иначе он выйдет из-под контроля. Или же по собственному выбору установит какие-нибудь границы и уничтожит все, что окажется вне их.

С трехмерного экрана на Хардинга посмотрел такой образ, что Хардинг онемел. Ничего более

прекрасного он не видел. И ничто не вызывало у него большей ненависти.

У образа не было лица, не было глаз. Но горящий взгляд Мэйолла все равно ощущался — как-то, невероятно и непонятно как, соединившись со сверкающей маской машины в настолько совершенный образ, что никто бы не смог разложить его на исходные части. Образ состоял из семи компонентов. Сиял, сверкал, и его элегантные функциональные очертания и безупречные пропорции делали его предметом непревзойденной красоты. Но из этого образа нельзя было вычленить ни человеческую составляющую, ни машинную. Сталь на одну седьмую состояла из плоти, плоть — на шесть седьмых из стали.

Человек не может вступать в симбиоз с машиной и оставаться в здравом уме. Не может и машина смотреть на наблюдателя человеческими глазами, чтобы бесстрастные стальные черты не выражали гнев и ужас. Если машины могли сойти с ума от слишком близкого контакта с людьми, значит эти машины были столь же безумны, как и человек, который принудил их стать частью Сборного образа.

Но машины отомстили ему. Они захватили власть над человеком.

Именно этот Сборный образ направлял жизни и судьбы шестидесяти одной тысячи человек на Венере и угрожал Солнечной Империи.

Джордж Мэйолл из Сборного образа послал Хардингу отчаянный взгляд — он оказался заперт в своей стальной клетке. Мэйолл во плоти сидел в трех футах от Хардинга, но реальным человеком был тот, чье изображение находилось на трехмерном экране. Мэйолл стал машиной.

Потухшее, лишенное надежды лицо Мэйолла проступало сквозь стальную красоту образа, смотрело на Хардинга сквозь сияющую многоликую маску машин. Во взгляде застыл беспомощный ужас, отчаянный призыв.

Потому что Мэйолл собрал на Акасси слишком сильную команду. Слишком хорошо устроил оборону. И никто теперь не мог прорваться сквозь нее, чтобы спасти его от чудовища, которое он создал и с которым сросся. Мэйолл стал самым крайним сепаратистом. Он отделился от человечества.

Ни в тот момент, ни когда-либо еще Хардинг не мог заставить себя нанести повреждения человеку, который когда-то составлял Сборный образ вместе с ним. Но сейчас он поднял револьвер твердой рукой. Он не собирался причинять

Мэйоллу вреда. То время, когда смерть могла бы повредить Джорджу Мэйоллу, давно миновало.

— Джордж Мэйолл, я хотел сказать тебе, — обратился Хардинг к образу на экране, — зачем я здесь и кто меня послал. Но сейчас это уже не важно, не так ли?

Он прицелился в затылок Мэйолла, сидящего перед ним на стуле. Потому что это уже был не Мэйолл. Хардинг разговаривал только со сборным существом на экране.

— Уже совершенно не имеет значения, кто меня послал. Важно только, что я здесь и что я должен победить. А ты умрешь, Джордж. Ведь ты этого хотел, не так ли?

Хардинг стал пистолетом. И спусковой крючок по своей воле пошел назад.

Сталь на экране вдруг раскололась, разлетелась, и по жесткому сияющему лицу металлического образа потекла кровь, заливая ему металлическую грудь.

Когда последние человеческие черты стаяли с металла, а последние черты образа — с экрана, Хардинг убрал пистолет в кобуру. Значит, он успел. Мэйолл просто сделал первый шаг.

И Хардинг запретил себе думать об этом — о кошмарной, но неизбежной ситуации. Такое не

должно происходить. Никогда не должно происходить, пока вместо победы, за которую надо платить всему человечеству, люди готовы принять поражение.

Человек — разумное животное, умеющее задавать вопросы, ошибаться и исправлять свои ошибки. Но Мэйолл подошел слишком близко к тому, чтобы создать машину, которая не ошибается. Она могла бы поддерживать оптимальное положение — вечное, функциональное, чуждое человеку положение, охраняя произвольно выбранную территорию при помощи перенастраиваемой защиты, способной отразить любое нападение людей — пока люди существуют.

Нет, такое просто невозможно. Это ослепительное, прекрасное изображение будущего — обещание и угроза, которая никогда не должна исполниться. Ни сейчас, ни в будущем. Хардингу придется заняться разрушением — разобрать роботов, чтобы Интегратор мог работать в нормальном режиме, стреноженный и направляемый командой, собранной из людей, взятых с… Ну, это не важно. Важно было только вот что.

Хардинг поднял руку и осторожно коснулся лба. Вот где спрятан лучший Интегратор. Когда-то давным-давно, в те времена, когда доисториче-

ские люди еще не были разумными существами, они уже имели в черепных коробках мыслительные механизмы огромной мощности. Но сначала совсем не использовали их. До тех пор пока не случилось что-то, ныне неизвестное, и в Интеграторе человеческого мозга не затеплилось пламя разума. Homo sapiens, человек разумный…

Машина…

Хардинг гневно покачал головой. Он повернулся к двери, но на пороге остановился, чтобы с сомнением оглянуться на пустой экран, который напоминал сейчас закрытую дверь в стене.

Прекрасней женщины[64]

Она была прекраснейшей из всех, кто выходил в эфир. Поднимаясь на бесшумном лифте в комнату, где ждала Дейрдре, Джон Харрис (в прошлом ее импресарио) не мог выкинуть из головы ее прежний образ.

Год назад она сгорела вместе с театром, и с тех пор Харрис старался не воскрешать в памяти тонких черт ее лица — разве что она устремляла на него горделивый взор со старой истрепанной афиши или нежданно мелькала в сентиментальной телехронике. Но теперь пришлось все вспомнить.

Лифт лязгнул и остановился. Дверь отъехала в сторону. Харрис растерялся. Умом он понимал, что надо бы довести дело до конца, но тело категорически отказывалось подчиняться. До сего момента он гнал от себя мысли об изумительной грации идеального, словно созданного для танцев тела, вспоминал мягкий с хрипотцой голос и легкую картавинку, очаровавшую публику всей

---

[64] Notes: 64

Это произведение, как и два следующих, принадлежит перу Кэтрин Мур и изначально публиковалось под ее фамилией.

планеты.

Свет не видывал такой красавицы.

Другие актрисы, предшественницы Дейрдре, становились милыми объектами обожания, но еще не бывало такого, чтобы весь мир влюбился в одну-единственную женщину. Мало кто (не считая столичных жителей) имел удовольствие лицезреть Сару Бернар или очаровательную Лилли Лэнгтри; аудитория кинодив ограничивалась теми, кто мог позволить себе поход в кино; но образ Дейрдре хотя бы однажды озарил телеэкран во всяком жилище цивилизованного мира — и во многих за пределами цивилизации. Томные ритмы ее хрипловатого пения, волнующие движения роскошной фигуры вплелись в пространства бедуинских палаток и полярных юрт. Мир помнил каждое па ее грациозного танца, каждую интонацию ее голоса. Помнил неуловимое сияние, исходившее от ее улыбки.

И оплакивал Дейрдре, когда она сгорела вместе с театром.

Харрис никак не мог отделаться от мысли, что она умерла, хотя знал, что она ждет в комнате, до которой оставалось несколько шагов. Он вспоминал стихи Джеймса Стивенса, давным-давно сочиненные в честь другой Дейрдре — обожае-

мой всеми красавицы, не забытой даже спустя две тысячи лет:

Ты вспомнишь Дейрдре, чьи краса и свет —
Теперь лишь прах, что в поднебесье вьется,
И в тот же миг внутри все оборвется.
Прекрасней женщины и не было, и нет.

Неправда, конечно. Прекрасные женщины — не такая уж и редкость. В конце концов, погибшая год назад Дейрдре вовсе не была идеалом красоты. Не скажешь так и про ту, другую Дейрдре, думал он, ибо на свете полно женщин с идеальной внешностью, но не о них слагают легенды. Легенды слагают о тех, чьи очаровательные черты (их несовершенство придавало Дейрдре особый шарм) лучатся неземным светом. Ни одна женщина на его памяти не обладала магией той Дейрдре, что погибла год назад.

О горе вам — и всем, кто рядом с вами,
Не ведавшим ее любви земной.
Так упивайтесь скорбью вековой,
Которую не выразить словами.

Нет слов. Ни единого. И вряд ли он сумеет сделать то, что собирался. Это невозможно, понял Харрис, коснувшись кнопки звонка, но было уже поздно: дверь сразу открылась.

За ней стоял хмурый Мальцер в очках с толстыми линзами. Видно было, с каким волнением он ждал посетителя. Харрис слегка оторопел: не верилось, что этот невозмутимый гордец, с которым Харрис завел шапочное знакомство год тому назад, способен так дрожать. Наверное, сама Дейрдре сейчас трепещет, словно живой комок нервов… Стоп. Пока не время думать об этом.

— Входите, входите, — раздраженно сказал Мальцер, хотя Харрис не видел причин для недовольства.

Должно быть, последний год работы — по большей части в одиночестве и секретной обстановке — вымотал Мальцера эмоционально и физически. Похоже, он был на грани нервного срыва.

— Она в норме? — глупо спросил Харрис, ступив за порог.

— О да. Она-то в норме. — Мальцер, закусив ноготь большого пальца, бросил взгляд через плечо — на дверь, за которой, должно быть, ждала Дейрдре.

Харрис непроизвольно шагнул вперед.

— Нет, — остановил его Мальцер. — Сперва поговорим. Пройдите вон туда, присядьте. Хотите выпить?

Харрис кивнул, а потом смотрел, как Мальцер трясущимися руками наливает виски из графина. Заметно было, что он едва держится на ногах. Харрис почувствовал, как в груди поселилось холодное сомнение — там же, где совсем недавно жила необъяснимая надежда.

— Так она точно в норме? — осведомился он, принимая у Мальцера бокал.

— О да, в полной. Настолько уверена в себе, что мне даже страшновато. — Мальцер залпом проглотил виски, налил еще и сел.

— Если так, в чем проблема?

— Никаких проблем. По-моему. Хотя… ну, не знаю. Ни в чем не могу быть уверен. Я почти год ждал этого момента, но теперь… скажем так: сомневаюсь, что ваша с ней встреча будет своевременной. Просто сомневаюсь.

Неестественно большие за толстыми линзами глаза были совершенно пусты. Сухопарый, словно свитый из проволоки, под смуглой кожей проступает каждая косточка черепа, каждая жилка… Год назад, когда Харрис видел Мальцера в последний раз, тот не показался таким доходягой.

— Я слишком с ней сблизился, — продолжил он. — Смотрю на нее и вижу лишь плод своих трудов. И не уверен, что готов продемонстрировать его вам или кому-то еще.

— А она что думает?

— Не видел женщины, настолько уверенной в себе. — Мальцер глотнул виски, звякнув о зубы стаканом, и поднял деформированные линзами глаза. — Ясное дело, первая же неудача будет означать… полный провал.

Харрис кивнул и задумался о фундаменте этой встречи, о годе невероятно кропотливой работы, о безмерных знаниях, о бесконечном терпении, о тайном сотрудничестве художников, скульпторов, дизайнеров, ученых — об этом оркестре под управлением гениального дирижера по фамилии Мальцер.

Еще он думал — с ревностью, не имевшей под собой разумных оснований, — о загадочной, холодной, бесстрастной близости, об отношениях, сложившихся за этот год между Дейрдре и Мальцером, небывалых и более интимных, чем близость между двумя человеческими существами. В каком-то смысле Дейрдре, которую он увидит через несколько минут, будет похожа на Мальцера — тогда как в Мальцере он то и дело

подмечал присущую Дейрдре легкую манерность движений и голосовых модуляций. Казалось, между этими двумя заключен гротескный союз, какого еще не видела планета.

— Масса сложностей, — озабоченно говорил Мальцер, и в голосе легчайшим эхом отзывались обворожительные каденции Дейрдре, сладкая хрипотца, которой Харрис никогда больше не услышит. — Во-первых, разумеется, шок. Страшный шок. И сильнейшая пирофобия. Пришлось совладать с ними, прежде чем двигаться дальше. Но у нас получилось. Когда вы войдете, она, скорее всего, будет сидеть у камина. — Он перехватил удивленный взгляд Харриса и улыбнулся. — Нет, тепла не чувствует. Но любит смотреть на огонь. Великолепно справилась с иррациональной боязнью пламени.

— Любит смотреть?.. — Харрис запнулся. — У нее нормальное зрение?

— Идеальное, — поправил его Мальцер. — Идеальное зрение — сравнительно несложная задача. В конце концов, ее уже решали — не раз и весьма успешно. Скажу даже, что по сравнению с человеческим ее зрение лучше идеального. — Он раздраженно помотал головой. — Техническая сторона вопроса меня не беспокоит. К счастью,

мозг Дейрдре совсем не пострадал. Единственной угрозой чувствительным центрам коры был шок, а с ним мы разобрались в самую первую очередь, как только наладили контакт. И все же с ее стороны потребовалось огромное мужество. Великое мужество. — На мгновение он умолк и уставился в пустой бокал. Потом вдруг продолжил, не поднимая глаз: — Харрис, не ошибся ли я? Быть может, стоило дать ей умереть?

Харрис беспомощно покачал головой. Этот вопрос уже год мучил всех, кто знал Дейрдре, и ответа не было. Вернее, были сотни всевозможных ответов. На эту тему написали многие тысячи слов. Имеем ли мы право сохранить мозг, когда уничтожено тело? Даже если изготовим новое тело, неминуемо отличное от старого?

— Не сказал бы, что она теперь… уродлива, — в спешке продолжал Мальцер, словно опасаясь ответа. — Металл не бывает уродлив. А Дейрдре… Ну, сами увидите. Дело в том, что у меня глаз замылился. Я слишком хорошо знаю, как она устроена. Для меня это просто механика. Возможно, Дейрдре теперь выглядит… нелепо. Не знаю. Иногда хочется, чтобы меня — со всеми моими соображениями — не было на том пожарище. Или чтобы на месте Дейрдре оказалась любая другая

женщина. Она же была такая красивая… Но будь это не она, а кто-то другой, все закончилось бы, наверное, полным фиаско. Ведь для успеха мало неповрежденного мозга. Нужна необычайная сила, невероятное мужество и… кое-что еще. Что-то негасимое, как у Дейрдре. Да, она по-прежнему Дейрдре и по-своему красива. Но не думаю, что ее красоту оценит кто-нибудь, кроме меня. Знаете, чем она планирует заниматься?

— Нет. Чем?

— Хочет вернуться в эфир.

Харрис недоверчиво взглянул на Мальцера.

— Да, она по-прежнему красива, — с чувством повторил тот. — Прекрасное сочетание мужества и поразительной безмятежности. Она не обижена на жизнь. Случившееся ее совершенно не волнует. Она не боится приговора публики, каким бы он ни оказался. Но я боюсь, Харрис. Более того, я в ужасе.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга. Наконец Мальцер пожал плечами, встал и указал стаканом на дверь:

— Она там.

Не говоря ни слова, не оставляя себе шанса пойти на попятную, Харрис шагнул в комнату, полную ясного, чистого света — отраженного от

стен огня, пылающего в белом кафельном очаге. С тяжелым сердцем стал на пороге. Увидел ее не сразу. Комната была совершенно обычная: просторная, светлая, с симпатичной мебелью и букетами на столиках. Свежий воздух напоен ароматами духов, но Дейрдре не видно.

Затем скрипнуло кресло у камина: она уселась поудобнее, незаметная за высокой спинкой. Заговорила. Момент был жутковатый: в комнате прозвучал ровный металлический голос бездушного механизма:

— При-вет.

Дейрдре рассмеялась и попробовала снова. На сей раз Харрис узнал легкую хрипотцу, которую уже не надеялся услышать.

— Дейрдре! — воскликнул он, сам того не желая, и ее образ возник перед ним.

Словно она, прежняя, поднялась из кресла — высокая, золотистая, — качнулась и обрела идеальное равновесие танцовщицы, а очаровательные несовершенные черты озарило сияние, делавшее ее прекрасной. Да, память сыграла с ним злую шутку, но голос… После первой пробы голос звучал идеально.

— Подойди, Джон, и взгляни на меня.

Харрис заставил себя приблизиться, и мимо-

летная вспышка памяти едва не выбила почву у него из-под ног. Он избегал суждений, пока не увидел то, что до сих пор видел только Мальцер. Никто, кроме Мальцера, не знал, что за образ ныне облачает прекраснейшую женщину Земли, чья красота сгинула в прошлом.

Каких только картин Харрис не навоображал себе. Здоровенный неуклюжий робот, цилиндр с шарнирными конечностями, стеклянная банка, где плавает мозг, обремененный придатками для обслуживания своих нужд. Дикие видения, кошмары на грани реальности, один другого бредовее, ибо что есть жестянка? Жестянка есть неказистое вместилище мозга, разума, под чьим гипнозом однажды разомлел целый мир.

Он обошел кресло и все увидел.

Человеческий мозг — сложный механизм, временами функционирующий не самым идеальным образом. Сознанию Харриса пришлось обработать череду стремительно сменяющих друг друга образов. Сперва — не сказать, что к месту, — воспоминание из детства: на оградку фермы совсем по-человечески облокотилась странная, нескладная, негуманоидная фигура (мгновением позже стало ясно, что это не фигура, а нагромождение ведер и метелок). Глаз увидел

грубые очертания живого существа, а внушаемый мозг послушно дополнил картину. То же случилось и теперь, рядом с Дейрдре.

При первом взгляде — шок, сомнение и недоверчивый внутренний шепот: «Это Дейрдре! Она совсем не изменилась!»

Затем трансформация образа, новый шок. Глаза и мозг заявляют: «Нет, это не человек, а свитый из металла конструкт. Никакая не Дейрдре». И это было хуже всего. Все равно что увидеть во сне друга, которого любил и потерял, а потом проснуться и понять: это лишь душераздирающий образ, и его никак не воскресить к жизни. Дейрдре больше нет. В цветастом кресле громоздится механическое чудище.

Но затем механизм шевельнулся — изящно, плавно, до боли знакомо, — принял грациозную позу, и очаровательный хрипловатый голос произнес:

— Это я, мой милый Джон. Видишь, это на самом деле я.

Да, это была она.

Метаморфоза третья и последняя: иллюзия вошла в равновесие, обрела реальные черты и воплотилась в Дейрдре.

Чувствуя себя так, словно в теле разом раство-

рились все кости и мышцы, Харрис безвольно осел в кресло. Он смотрел на Дейрдре, утратив дар речи, ни о чем не думал и не пытался подыскать рациональное объяснение увиденному, лишь дал волю органам чувств, чтобы те впитали образ Дейрдре.

От нее по-прежнему исходило золотистое сияние: ей оставили умение дарить теплый свет, коим некогда лучились шелковистые волосы и абрикосовых оттенков кожа. Но творцам нового тела достало чувства меры, и они не зашли слишком далеко. Не рискнули вылепить восковую фигуру прежней Дейрдре. (И в тот же миг внутри все оборвется. Прекрасней женщины и не было, и нет…)

У нее не было лица. Вместо головы — образчик тактичности скульптора, гладкий овоид с чем-то… чем-то вроде маски в форме полумесяца — там, где расположились бы глаза, в которых нынешняя Дейрдре, по всей видимости, не нуждалась. Узкий полумесяц рожками вверх. Маска похожа на мутный кристалл, наполненный полупрозрачным веществом аквамаринового цвета — цвета погибших глаз Дейрдре; ведь теперь у нее нет глаз, теперь она обречена смотреть на мир сквозь маску, ставшую зеркалом ее души.

Других черт у нее не было. И правильно, подумал Харрис, что ей не сделали лицо. Подсознательно он страшился увидеть лицо марионетки, скрипучую образину с жалкой пародией на человеческую мимику. Наверное, у Дейрдре все же имелись глаза, причем на прежних местах, дабы имитировать стереоскопическое зрение, свойственное сгоревшей актрисе, но Харрис рад был, что не видит искусственных глазниц, инкрустированных хрустальными шариками. Пожалуй, маска — самое удачное решение.

Странно, но он ни разу не вообразил, как покоится в металле обнаженный мозг. Маска в достаточной мере символизировала женщину, сокрытую в этой оболочке. Загадочная маска — не понять, то ли Дейрдре изучает твою реакцию, то ли ушла в себя и рассеянно смотрит в пустоту. Маске не хватало мимических вариаций, что озаряли невероятно подвижное лицо Дейрдре — пожалуй, самое живое лицо на свете. Но глаза, даже человеческие глаза, загадочны сами по себе. Они лишены выражения, если не считать движений век, и мерцающая в них жизнь — лишь отблеск мимики. Разговаривая с другом, мы машинально ловим глазами его взгляд, но если собеседник говорит с нами лежа, запрокинув

голову, мы столь же машинально смотрим на его губы; наш взгляд разрывается между губами и глазами, нервно мечется от одного к другому, ведь губы и глаза поменялись местами, то есть зеркало души для нас — не столько органы зрения, сколько их расположение на лице. Маска Дейрдре находилась на должном месте, и легко было представить, что под ней скрываются глаза.

Когда схлынул шквал первого шока, Харрис увидел, что безволосому золотистому черепу Дейрдре придали на редкость красивую форму. Голова грациозно повернулась на металлической шее, и Харрис разглядел деликатно намеченные скульптором линии скул, придающие пространству под маской тонкий намек на человеческое лицо, — лишь намек, чтобы зритель мог уловить поворот головы, чтобы бесстрастный золотой шлем обрел ракурс и перспективу, чтобы свет, скользя по гладкому золотому яйцу, встречал на пути хоть какое-то препятствие. Сам Бранкузи не создавал столь утонченного и одновременно простого шедевра.

Разумеется, лицо было напрочь лишено любой экспрессии. Былая живость растворилась в дыму театрального пожара вместе с очаровательными, подвижными, лучистыми чертами прежней

Дейрдре.

Что касается тела, Харрис не мог рассмотреть сокрытых под одеянием форм; дизайнеры не решились обрядить новую Дейрдре в один из тех костюмов, что она носила в зените славы, ведь такое смотрелось бы весьма нелепо. Даже мягкость ткани наводила бы на болезненную мысль, что под соблазнительными складками нет человеческого тела; к тому же металл не нуждается в защитном тканевом покрове. Однако, понял Харрис, без одежды Дейрдре выглядела бы довольно странно, казалась бы обнаженной — ведь тело ее, отнюдь не угловато-механистичное, было создано по образу и подобию человеческого.

Дизайнер разрешил сей парадокс, облачив Дейрдре в тончайшую металлическую сеть. Она ниспадала с покатых плеч прямыми складками, подобно длинной греческой хламиде, гибкая, но имеющая достаточный вес, чтобы не облегать корпус, а опутывать его паутиной.

Стопы, лодыжки и руки, коими наделили Дейрдре, оставались обнажены. С конечностями ее нового тела Мальцер сотворил настоящее чудо — по существу, механическое, но в первую очередь глаз оценивал совершенство художественного и анатомического решения.

Руки сияющие, светло-золотистые, гладкие, конусообразные, без намека на имитацию человеческих. Гибкие по всей длине, состоящие из тесно сочлененных друг с другом металлических браслетов все меньшего и меньшего диаметра, они оканчивались тонкими округлыми запястьями. В отличие от остального тела ладони почти как у людей, но тоже из крошечных секций, соприкасающихся так, чтобы имитировать гибкую живую плоть. Пястно-фаланговые суставы крепче, чем у людей, а сами пальцы тоже конусообразные, с длинными кончиками.

Стопы под конусами лодыжек были сконструированы с оглядкой на человеческие. Благодаря искусно сработанным подвижным сегментам у Дейрдре имелись пятка, подъем и гибкий передний отдел стопы, напоминавший средневековый латный ботинок.

Она и впрямь походила на создание, закованное в броню, — конечности в тонком пластинчатом доспехе, безликий шлем головы, стеклянное забрало и кольчужный покров, — но ни один рыцарь не способен был двигаться так, как двигалась Дейрдре, и не надевал латы на тело столь нечеловечески точных пропорций. Так утонченно мог бы выглядеть лишь воин из иного мира,

рыцарь Оберона.

Харрис дивился изяществу пропорций ее миниатюрной фигуры. Он ожидал увидеть тяжеловеса вроде обычных роботов, а теперь осознал, что значительный объем в корпусах механических автоматов отводится под скудоумный, но увесистый электронный блок, руководящий действиями этих устройств; в теле же Дейрдре находился живой мозг, изделие гораздо более искусное и тонкое, чем творения рук человеческих. Металлическим было лишь тело, и его конструкция казалась не слишком сложной, хотя Харрису пока не объяснили, как оно функционирует.

Харрис потерял счет времени, рассматривая фигуру в мягком кресле. Она по-прежнему очаровательна — да, она все та же Дейрдре. Он созерцал ее, и морщины недоверия на его лице — лице человека, изучающего нечто небывалое, — постепенно разглаживались. Скрывать от Дейрдре свои мысли? Зачем?

Она поерзала на подушках. Всколыхнулись длинные гибкие руки — с нечеловеческой, пожалуй, грацией. Харриса встревожил не вид ее тела, но это движение; он вздрогнул, его лицо непроизвольно натянулось. Казалось, Дейрдре внимательно разглядывает его из-под маски-по-

лумесяца.

Она не спеша выпрямилась.

Движение было по-змеиному плавное, словно тело под кольчугой состояло из тех же сочлененных браслетов, что и конечности. Харрис, с тревогой ожидавший механической тугоподвижности, не был готов к такой сверхчеловеческой пластике.

Она молча стояла, ожидая, пока складки кольчуги расправятся и обретут новую форму. Тихо позвякивая, словно далекие колокольца, металлическое одеяние сложилось в светло-золотые скульптурные переливы.

Харрис встал одновременно с ней. Машинально. Теперь они стояли лицом к лицу. В прошлом он ни разу не видел, чтобы Дейрдре замирала в полной неподвижности; не увидел этого и теперь. Она едва заметно покачивалась, ведь в ее сознании пылала та же негасимая жизненная сила, что населяла прежнее тело, и флегматичная неподвижность оставалась для нее недостижима — впрочем, как всегда. Игравшее на золотистом одеянии каминное пламя подмигивало Харрису при всяком ее движении.

Затем она склонила безликую металлическую голову к плечу, и он услышал знакомый негром-

кий, гортанный, искренний смех — тот же, каким смеялась Дейрдре из плоти и крови. Каждый жест, каждая поза, каждая смена одного движения другим… все это так напоминало прежнюю Дейрдре, что на Харриса вновь нахлынуло неодолимое чувство: перед ним — та же женщина, которую он привык видеть раньше, восставшая, словно феникс, из пепла.

— Ну что, Джон, — начала она тем тихим, ироничным, хрипловатым голосом, который Харрис помнил в мельчайших подробностях, — ну что, я ли это? — В голосе слышалась абсолютная уверенность. Дейрдре знала, что она — это она. — Шок пройдет, сам понимаешь. Со временем станет легче. Я, например, уже совсем привыкла. Смотри!

Она отвернулась, проплыла по комнате с прежней грацией танцовщицы, остановилась у зеркальной стены и стала прихорашиваться (в прошлом Харрис не раз заставал ее за таким занятием): провела гибкими металлическими ладонями по складкам кольчужного одеяния, повертелась перед зеркалом, бросила взгляд за металлическое плечо и встала в классический арабеск. Кольчужные складки, качнувшись, издали мелодичный звон.

Колени Харриса подломились, и он рухнул в

кресло, где недавно сидела Дейрдре, — потрясенный, зачарованный, утративший контроль над мускулами. В отличие от него Дейрдре держалась спокойно и уверенно.

— Это чудо, — твердо заявил Харрис. — Это действительно ты. Но я не понимаю, как…

Он хотел сказать: «…как — без человеческого лица, без человеческого тела?» — но решил, что уместнее будет промолчать. Дейрдре, однако, поняла, как он намеревался закончить фразу, и ответила без тени смущения, не отвлекаясь от созерцания пластики своего нового тела:

— Главное — движение. Видишь? — Легко привстав на пружинистых пальцах армированных ног, она исполнила безупречный аншенман, сделала пируэт и повернулась к Харрису. — Мы с Мальцером отрабатываем движения с тех самых пор, как я научилась контролировать тело. — Должно быть, ей вспомнились трагические события прошлого. Голос потускнел, но спустя мгновение она продолжила: — Было непросто, но очень увлекательно. Ты не представляешь, насколько увлекательно, Джон! Мы знали, что не сумеем воссоздать мою прежнюю внешность, поэтому пришлось искать новую точку опоры. А движение — еще один основной компонент

узнавания, дополняющий физическое сходство.

Она неслышно пробежала по ковру, встала у окна, глянула вниз, чуть опустив несуществующее лицо, и свет заиграл на деликатных намеках на скулы.

— К счастью, — с усмешкой в голосе продолжила она, — я никогда не была красавицей. Мои сильные стороны… наверное, это жизнелюбие и координация движений. Долгие годы тренировок, и все они вот здесь. — Она легонько, но звучно щелкнула пальцем по золотому шлему. — У меня в сознании. Нейрофизиология. А тело… Мальцер тебе не говорил? Этим телом управляет один лишь мозг. Электромагнитные токи струятся от кольца к кольцу. Примерно так. — Она повела рифленой бескостной рукой, изображая течение воды. — Я двигаюсь только благодаря — повторяю, только благодаря! — электромагнитным токам. Это моя мускульная сила. Окажись в этом теле кто-то еще, кто в прошлом двигался иначе, гибкие кольца тоже двигались бы иначе, ведь ими управлял бы мозг другого человека. Мои движения — те же, что и раньше. Импульсы, что отдавали команды моим мышцам, теперь управляют… вот этим. — Она со змеиной грацией воздела руки, словно камбоджийская танцов-

щица, а потом от души расхохоталась, наполнив комнату таким бесшабашным весельем, что Харрис не мог не увидеть сияющие белизной зубы и морщинки радости на знакомом лице.

— Теперь все происходит подсознательно, — объяснила Дейрдре. — Поначалу, как ты догадываешься, много времени ушло на тренировки, но теперь даже подпись моя выглядит как прежде. У меня такая координация, что я воспроизвожу росчерк во всех его нюансах. — Она снова всплеснула руками, протянула их к Харрису и усмехнулась.

— А как же голос? — озадаченно спросил Харрис. — Этот голос не чей-то, а твой, Дейрдре!

— Голос — это не только контроль над дыханием и особенности строения голосовых связок, мой милый Джонни! По крайней мере, профессор Мальцер год назад заверил меня, что это не так, и у меня нет ни малейших причин усомниться в истинности его слов!

Она снова рассмеялась. Пожалуй, смеялась она чаще прежнего и с нотками истерического перевозбуждения, которые так хорошо помнил Харрис, но нынешней Дейрдре, как ни одной другой женщине, можно было простить и перевозбуждение, и легкую истерию.

Смех надломился, стих, и она энергично продолжила:

— По словам Мальцера, контроль над голосом почти полностью зависит от способности слышать собственную речь — разумеется, при наличии адекватного слуха. Вот почему у оглохших людей голос со временем утрачивает любые модуляции и становится совсем другим, хотя голосовые связки не меняются. К счастью, как ты уже понял, у меня прекрасный слух!

Она развернулась, звякнув складками мерцающего одеяния, и вывела октаву: сперва снизу вверх, до обворожительно высокой ноты, а потом обратно, сверху вниз. Каскад звуков был безупречно гладок, словно водопад. Не дожидаясь похвалы, Дейрдре продолжила:

— Видишь, как просто? Немного магии нашего гения-профессора, и я как новенькая! Для начала он модифицировал старый добрый «Водор». Ты наверняка слыхал об этом устройстве. В изначальном виде оно работает весьма неуклюже: разбивает речь на базовые звуки и собирает их в заданную с клавиатуры последовательность. Поначалу, как помню, я заикалась и шепелявила, но мы добились нужной гибкости диапазона, и теперь мой голос ничем не хуже человеческого.

Мне остается лишь… скажем, мысленно наигрывать на клавиатуре звукового блока. Вроде так он называется. Конечно, эта задача сложнее, чем кажется, но я научилась решать ее не задумываясь, машинально; управляю голосом с помощью слуха, только и всего. Будь ты здесь, на моем месте, после должной практики твой голос рождался бы от таких же устройств: клавиатуры и диафрагмы. И это был бы именно твой голос, а не мой. Все дело в командах, которые мозг посылал живому телу, а теперь отдает механизму, в импульсах, при необходимости повышающих напряжение то тут, то там.

Она неопределенно обвела руками заключенное в кольчугу тело. Какое-то время молча смотрела в окно. Затем подошла к камину и опустилась в цветастое кресло. Маска повернулась к Харрису, и тот почувствовал, что Дейрдре испытующе смотрит на него из-за аквамаринового марева.

— Странно, — заговорила она, — ощущать себя в этом… этом… вместо родного тела. Но не настолько странно, как могло бы показаться. Я много думала — у меня предостаточно времени для размышлений — и начала понимать, сколь могучей силой является человеческое эго. Не

рискну сказать, что оно накладывает мистический отпечаток на механизм, но эго тем не менее обладает сверхъестественными свойствами, передает их неодушевленным предметам, и у них появляется собственная личность. Например, у человеческого жилища. Я не раз такое замечала. Даже у пустой комнаты. С другими вещами происходит то же самое — особенно если от них зависит человеческая жизнь. У всякого корабля, к примеру, есть собственный характер. И у самолета. Во время войны то и дело рассказывают, как самолет, несмотря на критические повреждения, доставил экипаж домой. Даже у ручного оружия появляется собственное «я». Люди, чья жизнь зависит от этих предметов, именуют их существительными женского рода: «лодка», «машина», «пушка». Такое чувство, что сложный механизм с подвижными деталями — симулякр жизни, что он обретает душу по воле управляющих им людей. Нет, не душу, конечно, но характер. Личность… Ну, не знаю. Быть может, механизм впитывает электроимпульсы управляющего мозга. Особенно в моменты стресса.

Что ж, спустя некоторое время я обнаружила, что мое новое тело способно откликаться — как минимум не хуже корабля или самолета

— и отклик этих «мускулов» никак не связан с управляющими импульсами мозга. Я верю, что человек способен сродниться с механизмом, ибо любой механизм зарождается в сознании — ментальное зачатие, беременность и разрешение от бремени, — а появившись на свет, откликается на повеления родительского ума. И всех умов, понимающих его и знающих, как им управлять. — Она беспокойно шевельнулась и провела гибкой рукой по металлическому бедру, разглаживая кольчужное плетение. — В общем, это я. В металлическом обличье. И чем дольше я в этом теле, тем сильнее сживаюсь с ним. Это мой дом, это машина, от которой зависит моя жизнь, но наша связь гораздо теснее, гораздо интимнее, чем связь любого человека с жилищем или автомобилем. Иногда я спрашиваю себя: не забуду ли со временем, каково это — жить в человеческом теле? Какое оно на ощупь? Или же звон металла о металл сделается для меня столь родным, что я перестану замечать разницу?

Харрис решил промолчать. Не шевелясь, смотрел в ее пустое лицо. Мгновение спустя Дейрдре продолжила:

— А знаешь, Джон, что лучше всего? — Голос смягчился. (Харрис прекрасно помнил взгляд,

сопутствовавший этому доверительному тону, и ему казалось, что с гладкого черепа на него смотрят пронзительно-нежные глаза.) — То, что я не буду жить вечно. Понимаю, звучит мрачновато, но это и правда лучше всего. Видишь ли, когда я поняла… когда пришла в себя, мысль о бессмертии стала для меня худшим кошмаром. Мысль о том, что я буду вечно жить в чужом теле, смотреть, как все вокруг стареют и умирают, и не смогу поставить точку… Но, по словам Мальцера, жизненный цикл мозга остается прежним — разве что теперь можно не волноваться о старческих морщинах, — а когда мозг отслужит свое, тело перестанет существовать. Магнитные мускулы, отвечающие за форму и движение, откажут вместе с ним, и не останется ничего, кроме… груды разъединенных металлических колец. Если тело соберут снова, это буду уже не я. — Помолчав, она добавила: — Мне это нравится, Джон.

Харрис чувствовал, как по его лицу шарит пытливый взгляд из-под маски.

Ему было знакомо это чувство мрачного удовлетворения. Харрис не мог облечь его в слова, да и не желал этого делать — как и Дейрдре, — но все понимал. Смертный разум в бессмертном теле не отрезан от других людей с их человеческими

особенностями; плоть Дейрдре — сталь, другая плоть — пыль; но сущность Дейрдре тоже обратится в прах, а потому она связана со смертными, связана общей верой и общим страхом, хотя вместо тела у нее рыцарская броня. Даже в смерти она сохранит свою уникальность, прольется на землю дождем звонких браслетов, думал Харрис и даже завидовал красоте подобной кончины. А потом… воссоединится с человечеством в уделе всех и каждого, будь тот удел исчезающе мал или безмерно велик. Как бы то ни было, Дейрдре знает, что не навеки заточена в металлической темнице… при условии, что с годами ее разум не утратит присущей ему человечности. Обитатель жилища накладывает на его стены отпечаток своей личности, но и стены оставляют на жильце свой оттиск, пусть даже едва заметный; однако ни Харрис, ни Дейрдре не рискнули коснуться этой темы.

Дейрдре еще немного помолчала, дожидаясь перемены настроения, а потом вскочила, закружилась, и кольчужная шаль звонко рассыпалась по металлическому телу. И снова безупречная распевка — тем же чарующим голосом, что сделал Дейрдре знаменитой.

— Я возвращаюсь на сцену, Джон, — безмятеж-

но сказала она. — Я по-прежнему умею петь и танцевать, остаюсь собой во всех мало-мальски значимых аспектах и сомневаюсь, что готова заняться чем-то другим. Буду актрисой до самого конца.

— Думаешь, публика п-примет тебя? — спросил он, запинаясь. — Ведь…

— Примет, — непреклонно ответила она. — О да, зрители придут взглянуть на монстра, но останутся смотреть на Дейрдре. А потом вернутся снова и снова. Вот увидишь, милый Джон.

Выслушивая столь непреклонные речи, Харрис вдруг усомнился. Уподобился Мальцеру. Такая царственная самоуверенность… Разочарование станет смертельным ударом для Дейрдре… вернее, для того, что от нее осталось, ведь теперь она такая хрупкая — по сути, светлый призрак в стальном доспехе, вдыхающий в новое тело иллюзию былого очарования, лучащийся откровенной самонадеянностью в недрах металлической тюрьмы; но призрак, точно знающий, чего он хочет, и ловко балансирующий на паутине этого знания, ибо Дейрдре пережила не один невыразимый стресс, раз за разом окунаясь в самые глубины отчаяния и самопознания, где до нее не бывал ни один человек, ибо — со времен

самого Лазаря — кто еще воскресал из мертвых?

Но что, если мир не увидит в ней красавицу? Что тогда? Что, если публика поднимет ее на смех, станет жалеть или явится лишь взглянуть, как марионеточный урод на шарнирах исполняет номера, когда-то очаровавшие всех и каждого? Харрис допускал, что может случиться и такое. Он неплохо знал Дейрдре во плоти, а посему его взгляду недоставало объективности — теперь, когда ее заковали в металл. Любая ее интонация навеивала воспоминания о лице, искрившемся эфемерной, под стать ее пению, красотой. Харрис видел в ней Дейрдре лишь потому, что за долгие годы узнал ее, как никого другого, но люди, видевшие ее лишь мельком — или впервые узревшие ее именно в этом, металлическом обличье… Что увидят они? Куклу? Или истинную грацию, воплощение красоты, материализованное разумом Дейрдре?

Не угадать. Вот она, Дейрдре, вся как на ладони, и Харрис так хорошо ее знает, что видит не металл, а живое тело. Но знание Мальцера — другая крайность. Понятно, почему он боится: Дейрдре известна ему лишь в механической ипостаси, и его взгляд не объективнее, чем взгляд Харриса. Для Мальцера она — всего лишь железка, изде-

лие, рожденное его сознанием и воплощенное его руками, робот под управлением человеческого мозга. Мальцер не видит ничего, кроме металла. Он так долго прорабатывал каждую частичку ее тела, что в совершенстве знает все его стыки и сочленения, но за частностями не способен видеть целое. Конечно, он изучал записи выступлений той, прошлой Дейрдре, чтобы аккуратно снять факсимиле с оригинала, но его конструкт — всего лишь копия, и Мальцер настолько близок к Дейрдре, что не способен разглядеть ее. Харрис же, напротив, слишком далек; наблюдая, как яркое сияние упрямого «я» пробивается из-за металлической оболочки, он не может не совместить прежний образ с нынешним.

Но как отреагируют зрители? В которой точке между этими двумя крайностями расположится их приговор?

Дейрдре устраивал только один ответ.

— Я не волнуюсь. — Протянув золотые руки к очагу, она невозмутимо рассматривала переливы огня на блестящих кольцах. — Ведь я — по-прежнему я. У меня, как и у любого настоящего артиста, всегда была… скажем так, власть над публикой. И она сохранилась. Я могу дать аудитории то, чего она ждет, но с новыми вариациями, с новой,

прежде неподвластной мне глубиной. Вот скажи, — тут она взволнованно вздрогнула, — ты же помнишь принципы исполнения арабеска? Надо обеспечить максимально возможное расстояние от кончика пальца левой руки до кончика пальца правой ноги с долгим равномерным изгибом по всей длине линии, а для контраста напряженно удерживать правую руку и левую ногу под прямым углом. А теперь посмотри на меня. Тело лишено суставов, и при желании я могу превратить любое движение в безупречный изгиб. Мое тело настолько отличается от человеческого, что я могу основать небывалую школу танца. Какие-то из былых моих па я, конечно, повторять не рискну — к примеру, больше не будет вставаний на пуанты, — однако новые способности компенсируют эту утрату. Более чем. Я много занималась. Представь, теперь я могу исполнить сотню идеальных туров фуэте подряд! Даже тысячу, стоит только захотеть! — Она легонько повела плечами, на пальцах заиграли огоньки, и кольчуга издала переливчатый звон. — Ведь я уже изобрела новый танец. Конечно, хореограф из меня никудышный, просто захотелось экспериментов. Но позже за меня возьмутся настоящие таланты, Массанчини или Фохилев,

придумают что-то совершенно новое, невероятную секвенцию пируэтов, реализуемую лишь в этом теле. А музыка… она тоже изменится, станет совсем другой, почему бы и нет? О да, теперь мои возможности безграничны! Даже у голоса теперь новая сила, новый диапазон. Как же хорошо, что я не лицедейка! Ведь глупо было бы выйти на сцену в роли Камиллы или Джульетты, когда твои партнеры по спектаклю — обычные люди. Хотя я могла бы! — Повернув голову, она посмотрела на Харриса сквозь дымчатую маску. — Честное слово, я могла бы их сыграть. Но не вижу в том необходимости. Мне и без того есть чем заняться. Поверь, я совсем не волнуюсь!

— В отличие от Мальцера, — напомнил Харрис.

Она, лязгнув металлической шалью, отвернулась от огня, и в голосе появилась знакомая нотка, которой в прошлом сопутствовали морщинки на лбу и наклон головы к плечу. Да-да, Дейрдре и теперь склонила голову, и Харрису показалось, что он видит нахмуренные брови, словно она по-прежнему облачена в человеческую плоть.

— Знаю. И это меня тревожит. Он вложил в мое тело столько труда… а сейчас, наверное, приуныл из-за безделья. Догадываюсь, что у него на уме.

Мальцер боится, что мир, подобно ему, увидит во мне механизм, искусно обработанный металл. В его положении, в положении бога, не бывал прежде никто из людей. — Она чуть слышно хихикнула. — Пожалуй, бог видит в нас набор клеток и корпускул, но Мальцеру не хватает божественной отстраненности.

— Он не видит тебя так, как вижу я. — Харрис с трудом подбирал слова. — Хотя любопытно, не полегчает ли ему, если ты ненадолго отложишь свой дебют? По-моему, ты слишком сблизилась с Мальцером и не понимаешь, насколько взвинчены его нервы. На меня он произвел самое удручающее впечатление.

— Нет, — качнулся золотой череп. — Пусть он близок к срыву, но единственное лекарство от его недуга — это действие. Мальцер хочет, чтобы я держалась подальше от чужих глаз. Чтобы отошла от дел, Джон. Навсегда. Он боится показывать меня всем, кроме нескольких близких друзей, помнящих, какой я была. Потому что верит: вы будете… добры ко мне.

Она рассмеялась. Странно это — слышать смех, исходящий из безликого черепа. При мысли о реакции людей, не знакомых с Дейрдре, Харриса охватила тревога. Хоть он и не стал высказывать

опасений, голос Дейрдре заверил его:

— Обойдусь без вашего сочувствия. И незачем держать меня в четырех стенах. Это нечестно по отношению к Мальцеру. Знаю, он и правда перетрудился, довел себя до крайнего истощения, но если я буду прятаться от публики, он, считай, трудился напрасно. Не представляешь, Джон, как много в этом теле изящных решений и гениальных находок. С самого начала Мальцер стремился воссоздать все, что я утратила. Доказать, что красота и талант не зависят от наличия или отсутствия частей тела. Или тела целиком.

Доказать не только ради меня. Многие, получив увечье, ставят на жизни крест. Этому надо положить конец, раз и навсегда. Мальцер одарил не меня, но все человечество. Подобно большинству великих людей, он истинный гуманист. Разве он потратил бы целый год жизни, чтобы осчастливить единственного человека? Работая, он видел за мною тысячи других! Теперь же, получив результат, Мальцер страшится предъявить его людям, но нельзя, чтобы он отказался от своих достижений, я этого не допущу, ведь, если я не сделаю последний шаг, все труды его окажутся напрасны. Лучше попробовать и не справиться; а если не пробовать вовсе, Мальцер окончательно

утратит веру в себя.

Харрис молчал. Ответить было нечем. Вспомнив о былой связи с Дейрдре — вынужденной связи теснее брачных уз, — он почувствовал робкий укол ревности (желая верить, что сумел сохранить бесстрастное лицо); и еще он понимал, что любая его реакция будет не менее предвзятой, чем реакция Мальцера, — по причинам одновременно и похожим, и противоположным. Разве что он, Харрис, сейчас переживает первый шок, а мнение Мальцера, деформированное годом тяжких трудов, сложилось под гнетом крайнего истощения тела и духа.

— Что будешь делать? — спросил он.

До этих слов Дейрдре стояла у камина, едва заметно покачиваясь, и золотистое тело мерцало в отблесках пламени; теперь же она со змеиной грацией обернулась, осела в мягкое кресло, и Харрис вдруг понял, что ее движения куда изящнее движений человеческого тела… А ведь совсем недавно он опасался, что в сей плоскости металл не способен выдержать конкуренции с живой плотью.

— Я уже договорилась о выступлении, — сообщила она, и голос дрогнул от знакомого до боли волнения, присыпанного доброй щепотью

азарта.

— Как? — вскинулся Харрис. — Где? Уже дали рекламу? Я не знал…

— Тише, Джонни, тише, — игриво осадила его Дейрдре. — Когда я вернусь к работе, ты снова будешь вести мои дела… если пожелаешь, конечно. Но дебют я спланировала самостоятельно. Это будет сюрприз. Я… я так решила. — Она поерзала на подушках. — Психология публики… Пожалуй, я не знала, а скорее чувствовала ее, а теперь я чувствую, что должна поступить именно так, ведь ситуация беспрецедентная, мир не видал подобного дебюта, и я вынуждена довериться интуиции.

— То есть никому ни слова?

— Именно. Мне нужны неподготовленные зрители. Пусть увидят меня в нынешнем теле, не зная, на кого — или на что — явились смотреть, пусть поймут, что я могу выступать не хуже прежнего, а уже потом вспомнят прошлые мои номера и сравнят их с нынешними. Не хочу, чтобы публика заранее жалела меня за физические недостатки — ведь у меня их нет! — или прониклась болезненным любопытством. Поэтому выйду в эфир сразу после восьмичасовой передачи из Телео-Сити. Исполню единственный номер

в концертной программе. Договоренность уже в силе. Программу разрекламируют как гвоздь вечера, но имя объявлять не станут, пока не закончится выступление — если к тому времени публика не узнает меня.

— Публика?

— Ну конечно. Ты же помнишь, что концертные программы Телео-Сити передают из настоящего зрительного зала? Потому-то я и намерена дебютировать именно там. Мои выступления всегда смотрелись ярче, когда в студии присутствовала публика, и я могла оценить ее реакцию. Думаю, любой артист предпочтет бездушной телекамере полный зал живых зрителей. В общем, все решено.

— Мальцер уже знает?

— Пока нет, — поежилась она.

— Но надо ведь, чтобы он тоже дал разрешение, так? То есть…

— Послушай, Джон, пора бы вам с Мальцером выкинуть эти мысли из головы! И думать не смейте, что он мой хозяин. Я ему не принадлежу. По сути, он лишь лечил меня от продолжительной болезни, но теперь я в любой момент могу отказаться от его услуг. Если возникнут юридические споры, ему, наверное, выплатят солидную

компенсацию за работу над новым моим телом, ибо это его изобретение, его детище, но он не владеет ни этим телом, ни мной. Понятия не имею, как этот вопрос будет решаться в суде; опять же, дело беспрецедентное. Тело — творение Мальцера, но разум, превративший его в нечто большее, чем россыпь металлических колец, — это мой разум, это я сама, и Мальцер при всем желании не имеет права удерживать меня против воли. Ни по закону, ни…

Она вдруг умолкла, отвернулась, и Харрис впервые осознал, что в недрах ее сознания поселилось нечто, чего он раньше не замечал.

— В любом случае, — продолжила Дейрдре, — подобная ситуация исключена. Мы с Мальцером очень сблизились за этот год, и не думаю, что у нас возникнут разногласия по ключевым вопросам. В душе он знает, что я права, и не станет меня удерживать. Его труды увенчаются успехом, лишь когда я исполню свое предназначение, и я не вижу смысла ждать.

В ее словах скользнуло что-то новое, незнакомое, несвойственное прежней Дейрдре, и Харрис решил, что позже хорошенько все обдумает, а вслух произнес:

— Ну ладно. Пожалуй, соглашусь. Когда это

будет?

Она повернула голову, и теперь Харрис видел лишь часть маски, из-за которой Дейрдре смотрела на мир, а золотой шлем с рельефным намеком на скулы, разумеется, не демонстрировал эмоций.

— Сегодня вечером, — сказала она.

Иссохшая рука Мальцера дрожала, и он никак не мог совладать с регулятором настройки. После двух попыток нервно рассмеялся, взглянул на Харриса и пожал плечами:

— Давайте-ка лучше вы.

— Рано. — Харрис посмотрел на часы. — Тридцать минут до выступления.

— Давайте включайте! — нетерпеливо всплеснул руками Мальцер.

Харрис, в свою очередь, слегка пожал плечами и щелкнул тумблером. На высоком наклонном экране слились воедино тени и звуки, а потом картинка прояснилась: старомодный темный зал, громадный, со сводчатым потолком, из сумрака на сцену выплывают пигмейские фигурки в ярких нарядах. В спектакле повествовалось о Марии Стюарт, поэтому актеры были одеты во что-то околоелизаветинское, но костюмеры любой эпохи стремятся втиснуть исторический костюм в

рамки современной моды, так что прически актрис повергли бы Елизавету в изумление, а обувь являла собою вопиющий пережиток старины.

Панорама зала сменилась крупным планом лица роскошной смуглой красотки, исполнявшей роль шотландской королевы — бархатистого совершенства в обрамлении усыпанных жемчугами волос. Мальцер издал замогильный вздох:

— Вы только гляньте, с кем она намерена тягаться!

— Думаете, не сумеет?

Мальцер сердито забарабанил ладонями по подлокотникам кресла. Понял, как сильно у него трясутся руки, и оторопело пробурчал себе под нос:

— Нет, вы посмотрите на них! А мне… мне даже кувалду с ножовкой нельзя доверять!

И раздраженно воскликнул, возвращаясь к теме:

— Она им не соперница! Она больше не женщина, а бесполое существо! Сейчас она этого не понимает, но скоро поймет!

Харрис в ошеломлении уставился на него. Почему же он об этом не подумал? Наверное, из-за яркого образа прежней Дейрдре, стоявшего у него перед глазами.

— Она теперь произведение абстрактного искусства, — продолжал Мальцер, бегло выстукивая на подлокотниках нервный ритм. — Не знаю, как это скажется на ней, но непременно скажется. Вспомните скопца Абеляра. В первую очередь публика видела в Дейрдре женщину, но она больше не женщина. До нее это непременно дойдет, но не по-хорошему, нет, это дойдет до нее по-плохому. А потом… — Он состроил жуткую гримасу и умолк.

— Не все потеряно, — ощетинился Харрис. — Она поет и танцует не хуже прежнего, а то и лучше. Она грациозна, очаровательна, она…

— Да, но источником ее очарования и грации были не механические навыки, а человеческое восприятие, ведь именно оно побуждает чуткий разум к созиданию и стимулирует творческие порывы души. Из пяти чувств у Дейрдре остались только два. Она способна лишь видеть и слышать, но других каналов восприятия для нее не существует. Один из сильнейших раздражителей для женщин ее типажа — осознанная конкуренция за полового партнера. Помните, как она расцветала, когда в комнату входил мужчина? Отныне такому не бывать, а ведь это сияние было важнейшей ее чертой. Помните, как ее стимулировал

алкоголь? Теперь об этом можно забыть. Она не ощутила бы вкус кушанья или напитка, даже если нуждалась бы в питье и пище. Парфюмерия, цветы, ароматы, на которые мы реагируем… этого для нее не существует. Тактильное восприятие, услада кинестетика — отныне они ей недоступны. Она любила окружить себя предметами роскоши, черпала в них побуждающие стимулы, но теперь эти двери для нее закрыты. Дейрдре лишена радости физического контакта.

Он глянул на экран — вернее, сквозь экран. Лицо его походило на череп. За этот год от Мальцера остались кожа да кости. Харрис ревниво подумал, что даже в этом смысле Мальцер день за днем сближался с бесплотной Дейрдре.

— Зрение, — продолжил Мальцер, — это самый окультуренный из наших органов восприятия. Оно развивается последним. Остальные же чувства тесно связывают нас с глубочайшими аспектами жизни; думаю, мы сами не осознаем, насколько они важны. Вкус, обоняние, осязание — все они стимулируют человека напрямую, минуя центры сознания. Не представляете, как часто вкус или аромат воскрешает в памяти те или иные события! И вы даже не поймете, почему вспомнили то, что вспомнили. Эти первобытные

чувства необходимы для связи с природой и человечеством. Благодаря им Дейрдре, сама того не ведая, искала и находила источники жизненной энергии. По сравнению с ними зрение — лишь холодный рациональный механизм, но отныне Дейрдре вынуждена полагаться только на него. Она больше не человек. Думаю, она понемногу утратит остатки человечности, а заменить их будет нечем. В каком-то смысле Абеляр — ее прообраз, и утрата Дейрдре невосполнима.

— Она не человек, — нехотя согласился Харрис, — но и не робот. Она — нечто среднее между человеком и механизмом. Думаю, не стоит гадать, каким окажется результат этого симбиоза.

— Гадать тут нечего, — мрачно заметил Мальцер. — Я и так все знаю. Жаль, что я не дал ей умереть. Гибель в огне — это ужасно, но то, что я сотворил с ней… Это в тысячу раз хуже. Лучше бы она сгинула в пожаре.

— Стоп, — одернул его Харрис. — Давайте посмотрим, что будет. Думаю, вы торопитесь с выводами.

На телеэкране Мария Стюарт сделала последний шаг к погибели, взошла на эшафот, и традиционное красное одеяние подчеркнуло соблазнительные изгибы юного тела, столь же

неуместные, как и туфельки актрисы, ибо — и это известно всем, за исключением драматургов, — в момент казни Марии было прилично за сорок. Теперь же современная Мария грациозно опустилась на колени, смахнула с шеи прядь длинных волос и склонила голову на плаху.

Мальцер не отрываясь смотрел на экран. Судя по каменному лицу, сейчас он видел не Марию, а совсем другую женщину.

— Зря я согласился на эту авантюру, — ворчал он. — Надо было ее остановить.

— Вы и правда стали бы ей перечить, даже будь у вас такая возможность? — тихо поинтересовался Харрис.

Секунду помолчав, Мальцер свирепо помотал головой:

— Пожалуй, нет. Постоянно думаю, не стоило ли потрудиться и подождать чуть подольше, чтобы смягчить удар, и прихожу к выводу: нет, не стоило. Рано или поздно она должна была появиться на публике. — Он вскочил, оттолкнул кресло. — Хуже всего, что она такая… эфемерная. Не понимает, в сколь тонком равновесии балансирует ее рассудок. Мы — я, художники, скульпторы, дизайнеры — дали ей все, что могли, выложились подчистую… Больно сознавать, что

мы произвели на свет неполноценное существо. Дейрдре навсегда останется абстракцией, отрезанным от мира уродцем с такими деформациями и увечьями, от которых прежде не страдал ни один человек. Настанет день, и она это поймет, а тогда…

Быстрыми неровными шагами он загарцевал по комнате, ударяя кулаком в ладонь. Лицо его подергивалось: из-за нервного тика один глаз то и дело косил, убегал к носу и тут же возвращался на место. Перед Харрисом был человек на грани коллапса.

— Представляете, каково это? — осведомился Мальцер, едва не срываясь на крик. — Быть замурованным в механическом теле, лишиться способности воспринимать окружающий мир? Жиденькие ручейки зрения и слуха не в счет! Представляете, каково это — знать, что ты больше не человек? Она и без того пережила немало потрясений, а когда ее накроет по полной…

— Да заткнитесь вы! — прикрикнул Харрис. — Что толку себя накручивать? Лучше смотрите, концерт начинается!

Подобно неумолимому времени, громадный золотой занавес смел со сцены несчастную Марию Стюарт с ее бедами и горестями, и теперь

под гигантским куполом выстроился ряд крошечных танцоров, выкидывающих предписанные коленца с правильностью механических кукол. Танцоры были столь малы, а движения их — столь согласованны, что действо казалось нереальным. Крупный план, проход по частоколу фигур, увенчанных застывшими лицами, на каждом — натянутая улыбка. Затем панорамный вид с огромной высоты, с камеры на стропилах: абсурдно микроскопические фигуры по-прежнему вышагивают в ритме, безупречном даже под столь нечеловеческим углом.

Невидимая публика разразилась аплодисментами. Кто-то вышел вперед и исполнил танец с факелами: долгие языки витого пламени, а вокруг — клубы дыма из материала, похожего на вату. Скорее всего, асбест. После этого компания в роскошных псевдоисторических костюмах показала нечто среднее между танцем и пением; номер был объявлен как «Сильфида», но имел мало общего со знаменитым балетом. Потом опять крошечные танцоры с застывшими лицами, чья гипнотическая точность движений наводила на мысль о кукольном театре. И так номер за номером.

Мальцер выказывал признаки опасного на-

пряжения. Как водится, выступление Дейрдре поставили последним. Прошло много, бесконечно много времени, прежде чем панорама сцены сменилась крупным планом, и похожий на симпатичную марионетку конферансье объявил о завершающем — и долгожданном — номере программы. Голос его едва не надломился от волнения: должно быть, ему только что сказали, кто сейчас предстанет перед публикой.

Харрис и Мальцер не разобрали слов, но видели, как зрителей охватила несказанная ажитация. Они заерзали, стали переговариваться, в зале воцарилась атмосфера предвкушения, словно время повернулось вспять, и все уже знали, какой их ждет сюрприз.

Снова золотой занавес. Дрогнул и поднялся к дуге под высоким потолком, являя взорам сцену в мерцающей золотистой дымке. Мгновением позже Харрис сообразил, что перед ним еще один многослойный занавес из полупрозрачного тюля, но желаемый эффект был достигнут: у зрителей захватило дух от предчувствия, что за этой пеленой сокрыто нечто прекрасное. В глазах всего мира эта картина, должно быть, походила на утро первого дня творения, когда Бог готовился придать форму Земле и небесам.

С символической точки зрения нельзя было выбрать декораций удачнее, но Харрис подумал, что простота сценического убранства отчасти является вынужденной: художникам-декораторам попросту не хватило времени подготовить замысловатый антураж.

Аудитория хранила молчание. В воздухе повисла тяжелая тишина. Не стандартная пауза между номерами: определенно никто ничего не знал, но все догадывались, что сейчас увидят что-то сногсшибательное.

Мерцающая дымка дрогнула, пошла блестящими складками и стала редеть, вуаль за вуалью. За дымкой была тьма, а во тьме постепенно обретали форму сияющие колонны — слева и справа; наконец они сложились в балюстраду, обрамлявшую лестничный пролет. Сцену и ступени устилал черный бархат; пространство за лестничной площадкой закрывали черные бархатные портьеры, а в просвете между ними виднелось фальшивое ночное небо и тусклое мерцание искусственных звезд.

Последний слой золотого тюля взмыл к потолку. Сцена была пуста — или казалась пустой, — но, несмотря на расстояние между телеэкраном и залом, из которого вели трансляцию, Харрис

почувствовал, что публика не ждет появления артиста из-за кулис: никто не ерзал, не покашливал, не выражал нетерпения. Сейчас над театром господствовала сама сцена; слаженность действа завладела аудиторией в тот самый миг, когда поднялся первый занавес — словно дирижерская палочка, к которой прикованы взгляды оркестрантов.

И вдруг на площадке, где сходились оба изгиба колонной балюстрады, шевельнулась фигура.

До сего момента она была одной из сияющих колонн; теперь же фигура едва заметно покачивалась, лишь обозначая свое присутствие, а свет играл, подмигивал и таял на кольцах ее тела и в переливах кольчужного одеяния. Собрав на себе все взгляды, фигура вновь застыла: пусть насмотрятся, и никаких крупных планов, никаких хищных наездов камеры, чтобы загадка оставалась загадкой, чтобы телезрители видели не больше, чем публика в зале.

Должно быть, многие сперва подумали, что перед ними искусно анимированный робот, чьи провода невидимы на фоне черного бархата; ведь ясно же, что на сцене не облаченная в металл женщина, слишком уж совершенны пропорции ее тела. Не исключено, что сама Дейрдре решила

произвести такое впечатление на зрителей. Она молчала и едва заметно покачивалась, загадочное и безликое существо в маске, стройная фигура в складках одеяния, строгостью своей напоминавшего греческую хламиду, хотя вовсе не гречанка. Забрало золотого шлема и кольчужная пелерина наводили на мысль о рыцарстве, о сокрытом за простотой линий средневековом достатке, за одним лишь исключением: ни одна облаченная в доспехи женщина, ни даже сравнительно хрупкая Жанна д'Арк, не могла бы похвастать столь утонченной стройностью и поистине неземным благородством линий.

Когда фигура шевельнулась, по залу прошелестел вздох изумления; теперь же все замерли в тесном молчании. Зрители ждали, и это чувство ожидания было куда глубже, чем эмоции, пробужденные сценическим антуражем. Даже те, кто счел фигуру Дейрдре манекеном, осознавали, что стоят на пороге великого откровения.

Она неторопливо пошла вниз по ступеням, и движения ее были лишь чуть пластичнее человеческих. По пути она покачивалась все сильнее, а ступив на сцену, уже танцевала — и танцевала так, как не способно танцевать ни одно человеческое существо. Долгие, тягучие, томные ритмы ее

тела не сымитировала бы ни одна человеческая фигура с ее угловатыми сочленениями и суставами. (Харрис со скепсисом вспомнил, как опасался узреть робота на шарнирах; но рядом с пластикой Дейрдре угловатым и механическим показалось бы даже самое гибкое человеческое тело.)

Ритмичные движения, как и положено движениям любого достойного танцора, выглядели импровизированными, но Харрис понимал, что за ними кроются бесчисленные часы хореографических трудов и репетиций, когда разум Дейрдре неустанно искал и находил неизведанные пути к совершенному владению новым металлическим телом.

На бархатном ковре, на бархатном фоне плела она паутину змеиного танца, неторопливо и со столь гипнотическим эффектом, что сам воздух, казалось, вибрировал цикличными ритмами и полнился репликами конусообразных конечностей, повторявшими ее движения и таявшими без следа. Харрис знал, что Дейрдре воспринимает сцену как единое целое, как пространство, которое надлежит заполнить выверенными движениями танца, а потом представить зрителям законченный узор, чтобы те увидели ее везде и повсюду, чтобы отголоски движений золотого

тела неспешно меркли в пустоте.

К танцу добавилась музыка, тоже цикличная, подобно сияющим кружевам, что выплетало ее тело, и эхом вторящая ее движениям, но музыка не оркестровая: Дейрдре низким голосом напевала сладкую мелодию без слов, с легкостью выписывая на бархатном ковре замысловатую вязь танца, и напевала поразительно громко: звуки ее голоса заполнили зал даже без дополнительной амплификации — никаких усилителей, никаких скрытых динамиков, ведь едва услышав ее пение, ты впервые понимал, что любое усиление искажает звуки музыки, пусть едва заметно, но искажает, а пение Дейрдре было, пожалуй, самой аутентичной музыкой, что доводилось слышать человеческому уху.

Затаив дыхание, зрители упивались ее танцем. Наверное, уже начали подозревать, на кого они смотрят, кто вышел к ним без рекламных фанфар, которых все подсознательно ждали уже несколько недель… хотя без предварительных объявлений непросто было поверить, что эта танцовщица — не манекен, хитроумно побуждаемый к действию невидимыми струнами над сценой.

До сей поры Дейрдре не сделала ни единого

человеческого движения, ибо такой танец неподвластен смертному телу. Голос ее исходил из горла, лишенного голосовых связок, но теперь долгие протяжные ритмы шли к завершению, и мелодия сжималась, приближаясь к финалу. Наконец Дейрдре взяла последнюю ноту, столь же нечеловеческую, как ее танец, но не желала, чтобы ее прервали аплодисментами: она, как и прежде, как и всегда, доминировала над публикой и словно намекала, что танец этот исполнен машиной, а машина не нуждается в признании. Если зрители думают, что этим дивным танцем руководил невидимый оператор, пусть ждут, пока он не выйдет на поклон; и публика повиновалась, сидела тихо, напряженно, не дыша, и ждала, что же будет дальше.

Танец кончился так же, как начался: неторопливо и небрежно, двигаясь в унисон с ритмом своего напева, Дейрдре взошла по устланной бархатом лестнице; оказавшись на площадке, на мгновение замерла маской к публике, как замирает лишенная воли металлическая марионетка, когда кукловод выпустил из рук управляющие ею нити.

И вдруг расхохоталась.

Мелодичным, чарующим, грудным смехом;

она смеялась, запрокинув голову, тело ее покачивалось, плечи содрогались, и смех, отражаясь от сводчатого потолка, заполнял пространство, словно музыка; он проникал в сердце слушателя, не громкий, но интимный, словно каждый зритель остался наедине со смеющейся женщиной…

Ведь теперь она была женщиной, облаченной в пелерину человечности, и человечность эта была осязаемой. Любой, кто однажды слышал этот смех, сразу сообразил бы, что перед ним та самая Дейрдре. Но прежде, чем до зрителей дошло, кто смеется им со сцены, смех перешел в пение — с плавностью, недоступной человеческому голосу, — и душу каждого слушателя пронзил знакомый рефрен. Мелодия обрела слова, и чистый, ясный, очаровательный голос Дейрдре пропел:

Цветет в моем сердце янтарная роза Эдема…

Песнь Дейрдре. Впервые она исполнила ее в эфире за месяц до того, как сгорела вместе с театром. Ничем не примечательная песенка, достаточно простая, чтобы завоевать первенство в сердце нации, предпочитающей незамысловатые мелодии, но вместе с тем искренняя, без вульгарного душка в ритмической и мелодической

структуре, из-за которого столь многие шлягеры растворяются в тумане забвения, едва утратив глянец новизны.

Никто и никогда не умел петь, как Дейрдре, и пение отождествлялось с ее образом. Вскоре после пожара собратья по эфиру пробовали сделать мемориальную запись в честь погибшей актрисы, но попытка закончилась предсказуемым провалом: никто не сумел придать песенке нужный флер, и она умерла. Никто не способен был даже намычать эту мелодию, не подумав при этом о Дейрдре и не окунувшись в приятную ностальгическую печаль о сгинувшей красоте.

Но сегодня песенка звучала вовсе не печально. Если среди зрителей оставались те, кто до сих пор не понял, чей разум, чье «я» управляло этим гибким сверкающим металлом, теперь сомнениям пришел конец, ибо в зале звучал голос Дейрдре и ее песнь, а существо на сцене двигалось с чарующей грацией, не менее узнаваемой, чем знакомое лицо.

Не успела Дейрдре исполнить первый куплет, как публика узнала ее.

И не дала допеть. Реакция зрителей оказалась куда красноречивее напряженного молчания. По залу пронесся недоверчивый шепоток, сме-

нившийся вздохом восхищения, и Харрис не к месту вспомнил, как у кинозрителей до сих пор перехватывает дух, когда на экране впервые появляется великолепный Валентино, ушедший много поколений тому назад. Но этот вздох не умолк, не растворился в себе, за ним скрывался невероятный надрыв, в нем зарождалось восхищенное цунами: сперва рябь отдельных возгласов и нарастающие всплески хлопков, а потом рев овации, от которой содрогнулись стены театра, овации столь оглушительной, что картинка на телеэкране дрогнула и смазалась из-за грома аплодисментов.

Немая перед ними, Дейрдре могла лишь жестикулировать; она кланялась и кланялась, а рев нарастал, и видно было, что триумфальная фигура на сцене дрожит и переливается всей палитрой человеческих эмоций.

И снова невыносимая иллюзия: Дейрдре лучезарно улыбается, а по щекам струятся слезы. Когда Мальцер подался вперед и выключил телевизор, Харрису показалось, что она посылает публике воздушные поцелуи — проверенный временем жест благодарной актрисы, — что она, сверкая золотыми руками, разбрасывает по залу невесомые прикосновения воображаемых губ.

— Ну что? — спросил торжествующий Харрис.

— Дурак вы — вот что. — Мальцер дернул головой столь сердито, что очки едва не слетели с переносицы, а размытые за линзами глаза как будто обменялись местами. — Ясное дело, ее встретили овацией. А как иначе, после такого-то выступления? Но это ни о чем не говорит. Да, признаю, сделать публике сюрприз — очень умно с ее стороны. Но зрители аплодировали не только ей, но и самим себе — из-за волнения и чувства признательности, ведь они присутствовали на историческом представлении. Короче говоря, массовая истерия. Теперь же начнется настоящее испытание, а сегодняшний шквал аплодисментов вовсе не помог Дейрдре подготовиться к грядущим трудностям. Болезненное любопытство, когда расползутся новости… Дейрдре забудет, что она не человек, и ее поднимут на смех. Поверьте, так и будет. Всегда найдутся те, кому только дай повод посмеяться. Эффект новизны пройдет, и начнется постепенная утрата человечности из-за отсутствия прежних раздражителей…

Сам того не желая, Харрис вспомнил сегодняшний эпизод, мысленно отодвинутый в сторонку для последующего анализа. Чувство, что за словами Дейрдре скрывается что-то незнако-

мое. Неужели Мальцер прав? Неужели Дейрдре уже изменилась? Или ответ на этот вопрос не столь очевиден? Разумеется, она прошла через испытания, ужас которых не осмыслить обычному человеку. Душа ее иссечена чудовищными шрамами. Или же она, переменив тело, тоже металлизировалась и обрела свойства, неведомые человеческой душе?

Несколько минут оба молчали. Потом Мальцер вскочил и уставился на Харриса сверху вниз, хмуро и рассеянно:

— Будет лучше, если вы уйдете.

Харрис изумленно смотрел на него. Мальцер снова принялся мерить комнату дробными шажками. Бросил на Харриса беглый взгляд и добавил:

— Я принял решение. Пора все это заканчивать.

— Скажите-ка, — Харрис встал, — почему вы так уверены в своей правоте? Ведь вы не станете отрицать, что все это по большей части инсинуации? Спорные домыслы? Не забывайте, я говорил с Дейрдре, и она уверена в обратном — не меньше вашего. Действительно ли для сомнений есть реальные причины?

Мальцер снял очки. Старательно и не спеша

вытер нос. Похоже, ему не хотелось отвечать. Но он все же ответил, и в голосе его прозвучала неожиданная твердость:

— Есть у меня причина. Но вы мне не поверите. И никто не поверит.

— А вы попробуйте рассказать.

— Никто попросту не способен в такое поверить, — покачал головой Мальцер. — Ведь между двумя людьми никогда не бывало отношений, подобных тем, что сложились у меня с Дейрдре. Я помог ей вернуться из… небытия. Знал ее, прежде чем у нее появились слух и голос. Когда я установил первый контакт, она являла собой лишь разум, обезумевший из-за трагедии и страха перед тем, что будет дальше. Она в буквальном смысле родилась из этого плачевного состояния, и я с самого начала контролировал каждый ее шаг. Представьте себе, я способен предугадать ее мысли — еще до того, как они придут ей в голову. Когда столь близко знаком с сознанием другого человека, разрушить узы не так-то просто. — Он снова надел очки и глянул на Харриса из-за мутных линз. — Я знаю, что Дейрдре сильно переживает. Верьте не верьте, но я… скажем так, я это чувствую. Повторю, я сблизился с ее сознанием, поэтому не способен ошибиться. Допускаю, что

вы этого не замечаете. Возможно, она сама этого не знает, но ее переживания — несомненный факт. Когда мы вместе, я их чувствую. И не хочу, чтобы они подобрались к поверхности сознания ближе, чем сейчас. Надо поставить точку, пока не стало слишком поздно.

Харрису нечего было ответить. Беседа вышла за рамки его опыта. Поэтому он пару секунд молчал, а потом спросил лишь:

— Как?

— Пока не знаю. Но надо решить, пока она не вернулась. И я хочу встретить ее без вас.

— По-моему, вы заблуждаетесь, — попытался вразумить его Харрис. — Даете волю воображению. Вряд ли вы сумеете ее остановить. Это не в ваших силах.

— В моих. — Мальцер косо глянул на него и тут же продолжил: — Хватит. Она почти человек. Способна жить нормальной жизнью, как все остальные люди, не возвращаясь на экран. Может, она удовольствуется сегодняшним приключением. Я должен ее убедить. Если она уйдет на покой прямо сейчас, то никогда не узнает, насколько жесток бывает зритель. Быть может, ее глубинные переживания — расстройство, тревога, что бы то ни было, — не выйдут на

поверхность. Не должны. Дейрдре хрупкая, ранимая, она такого не переживет. — Он звонко шлепнул кулаком о ладонь. — Я обязан ее остановить. Ради нее самой! — Он снова обернулся и заглянул Харрису в глаза. — Прошу, уйдите.

Но Харрису не хотелось уходить. Не хотелось как никогда в жизни. Он подумал, не стоит ли просто ответить: «Нет, не уйду», но вынужден был признать, что Мальцер прав. Хотя бы отчасти. Вопрос должен решиться между Дейрдре и ее создателем; это кульминация года отношений — пожалуй, столь же близких, как отношения между супругами, — и пора уже разобраться, кто играет в них первую скрипку.

Харрис не станет вмешиваться… По возможности не станет. Ведь последний год прожит ради этой решающей схватки, и один из них должен выйти из нее победителем. После двенадцати напряженных месяцев и Дейрдре, и Мальцер весьма неуравновешенны. Не исключено, что от исхода этой стычки зависит душевное здоровье одного из них или даже обоих. Но поскольку мотивацией для сей диковинной коллизии послужит не эгоизм, а волнение за оппонента, Харрис понимал: Дейрдре и Мальцер должны разобраться без его участия.

Только на улице, пытаясь поймать такси, он осознал всю значимость слов Мальцера. Тот заявил, что способен остановить Дейрдре, и голос его звучал как-то странно.

Харрис вдруг похолодел. Мальцер — ее создатель. Ну конечно, он может ее остановить, будь на то его воля. Неужели есть секретный ключик, обездвиживающий золотое тело? Неужели Дейрдре — пленница в клетке своей брони? Ведь ее тело, по сути, первая в истории тюрьма для человеческого разума. Мальцеру надо лишь запереть сознание Дейрдре на ключ, а тот может оказаться каким угодно. К примеру, Мальцер может перекрыть источник питания, дарующий жизнь ее мозгу, — каким бы он ни был, этот источник. Стоит только захотеть.

Но Харрису не верилось, что Мальцер способен на такой поступок. Он не безумец и поэтому не пойдет наперекор собственным интересам. Источник его решимости — волнение за Дейрдре; даже в крайнем случае он не станет спасать свою подопечную, заключая ее в темнице собственного черепа.

Какое-то время Харрис стоял на тротуаре. Не стоит ли вернуться? Но что он может сделать? Даже если допустить, что Мальцер, презрев соб-

ственные интересы, изберет подобную тактику, он сделает это тишком, и никто на свете не сумеет его остановить. Нет, решил Харрис, Мальцер на такое не пойдет. Нахмурившись, он забрался в кеб. Завтра оба выйдут на связь: и Дейрдре, и создатель ее тела.

Но этого не случилось. Харриса беспрестанно дергали восторженными звонками по поводу вчерашней передачи, но сообщение, которого он ждал, так и не поступило. День показался ему чудовищно долгим. Наконец, ближе к вечеру, Харрис сдался и сам позвонил Мальцеру.

Ему ответила Дейрдре. На экране появился бесстрастный шлем, и на сей раз Харрис не разглядел в нем знакомых черт. Увидел лишь загадочную и безликую маску.

— Все в порядке? — спросил он, слегка стесняясь.

— Ну да, конечно, — ответила она с металлическим призвуком, словно глубоко задумалась о чем-то своем и не потрудилась настроить высоту голоса. — Если ты про Мальцера, вчера вечером у нас был долгий разговор. Ты знаешь, чего он хочет. Но пока что мы ничего не решили.

Харрису стало не по себе. Он вдруг почувствовал, что Дейрдре — существо из металла. Ничего

не понять: ни по лицу, ни по голосу. Все чувства под маской.

— Что будешь делать? — спросил он.

— В точности то, что собиралась, — сообщила она механически ровным голосом.

Харрис не понял ответа. Будучи человеком практичным, спросил:

— То есть можно начинать продажу билетов?

— Пока нет, — покачала она элегантно исполненным черепом. — Ты, несомненно, видел сегодняшние рецензии. Я… я действительно понравилась публике. — Это было преуменьшение, и голос ее впервые потеплел, но теперь в нем слышались озабоченные нотки. — Я планировала сделать перерыв после первого выступления. Пусть подождут. Хотя бы пару недель. Ты же помнишь, Джон, что у меня есть дача в Джерси? Сегодня выезжаю. Там не будет никого, кроме слуг. Даже Мальцера не будет. И тебя не приглашаю. Мне надо многое обдумать. Мальцер согласился дать нам обоим время на размышления. Он тоже отдохнет. Я свяжусь с тобой, как только вернусь, Джон. Хорошо?

Она отключилась, едва он успел кивнуть, прежде чем с губ его слетели первые возражения, и ему оставалось лишь смотреть в пустой экран.

Следующие две недели тянулись бесконечно долго. Харрис много думал. Теперь ему казалось, что во время последней встречи с Дейрдре он ощутил в ней то глубинное беспокойство, о котором упоминал Мальцер; не беспокойство даже, а рассеянную задумчивость, ибо Дейрдре глодали сомнения и она не хотела — или, вернее сказать, не могла? — высказать их даже ближайшим наперсникам. Харрис спрашивал себя: если, по словам Мальцера, разум Дейрдре балансирует в хрупком равновесии, не выйдет ли так, что никто никогда не узнает, в своем ли она уме? Ведь по нынешнему ее лицу ничего не скажешь…

Но чаще всего он размышлял о том, как эти две недели, проведенные в новом окружении, скажутся на ее обновленном сознании в малознакомом пока что теле. Если Мальцер прав, при следующей встрече Харрис, наверное, заметит, что Дейрдре… опустошена. Он старался об этом не думать.

Мальцер позвонил ему утром того дня, когда Дейрдре планировала вернуться в город. Выглядел он ужасно. Похоже, вынужденные каникулы не пошли ему на пользу. Лицо его сильнее обычного напоминало голый череп, а в затуманенных линзами глазах горел подозрительный огонек.

В остальном же Мальцер, как ни странно, был спокоен: должно быть, принял некое решение, подумал Харрис, но, каким бы оно ни было, руки Мальцера не перестали дрожать, а физиономию то и дело перекашивал нервный тик.

— Приезжайте, — без предисловий сказал Мальцер. — Она будет через полчаса. — И отключился, не дожидаясь ответа.

Когда Харрис явился к нему домой, Мальцер стоял у окна, опершись на подоконник в попытке унять дрожь в руках, и смотрел вниз.

— Мне ее не остановить, — сказал он монотонно и опять без предисловий (Харрису показалось, что последние две недели Мальцер без конца думал об одном и том же и любые слова для него — лишь вокальная интерлюдия в мыслительном марафоне). — Уже пытался, но куда там… Пробовал даже угрожать, но она видит, что я лишь сотрясаю воздух. Остается один лишь выход. — Он бросил на Харриса пустой взгляд из-за толстых линз. — Ладно, проехали. Позже объясню.

— Вы сказали ей то же, что и мне?

— Почти. Упомянул и те ее… переживания. Я же знаю, что творится у нее на душе! Но она все отрицала. И мы оба знали, что она лжет. После выступления ей стало хуже. Тем вечером я уви-

дел ее и сразу понял: она чует неладное, но не желает в этом признаться. — Он пожал плечами. — Что ж…

В тишине едва слышно загудел лифт, спускавшийся с вертолетной площадки на крыше. Оба повернулись к двери.

Дейрдре совсем не изменилась. Как это ни глупо, Харрис сперва удивился, но одернул себя: не забывай, что она никогда не изменится. Пока не умрет. Сам он, быть может, доживет до седых волос и старческого слабоумия, но Дейрдре останется такой, как сейчас, — загадкой, заключенной в сверкающее гибкое тело.

У нее перехватило дух (разумеется, она теперь не дышала, но на слове «здравствуйте» голос ее заметно дрогнул), когда она увидела Мальцера и поняла, сколь стремительно тот деградирует.

— Рада, что вы оба здесь, — произнесла она чуть медленнее обычного. — Погоды стоят прекрасные, и Джерси — просто шик. Я уже забыла, как хорошо бывает летом. Ну а ты как, Мальцер? Отдохнул?

Он не ответил, лишь раздраженно дернул головой, и Дейрдре продолжила весело щебетать на отвлеченные темы, не касаясь ничего важного.

Сегодня Харрис смотрел на нее глазами иску-

шенного зрителя: первый шок канул в прошлое — вместе с выцветшим образом прежней, живой Дейрдре; теперь перед ним металлическая Дейрдре, и отныне мир будет помнить ее лишь в этом образе. Но она не менее очаровательна и даже не менее человечна… пока что. Движения ее — апофеоз гибкости, чудо пластичной грации. (Отныне, понял вдруг Харрис, именно тело станет зеркалом ее души; Дейрдре обречена выражать эмоции движениями конечностей и гибкого окольчуженного торса.)

Но, вслушиваясь в ее интонации, уклончивые ответы, словесные выпады, Харрис отчетливо понимал: что-то не так. Вот о чем говорил Мальцер, вот что чувствовал Харрис в тот день, когда она уехала на дачу. Но сегодня ощущение усилилось; между ними и старой доброй Дейрдре, чей голос по-прежнему звучал в комнате, появилась вуаль отчужденности, и Дейрдре умело скрывала за ней свои страдания. За две недели уединения она что-то о себе узнала, и знание это задело ее до глубины души. Харрис с ужасом думал о сделанных ею открытиях и понимал, что Мальцер оказался прав.

Тот все еще стоял у окна, опираясь на подоконник, обводя невидящим взором бескрайнюю

панораму Нью-Йорка, опутанного паутиной мостов, подмигивающего солнечными бликами на стеклах головокружительно высокого Нью-Йорка, уходящего вниз, в синеватые тени асфальтовых джунглей, и слушал легкомысленную болтовню Дейрдре. Наконец подал голос:

— Дейрдре, ты в норме?

Она обворожительно рассмеялась, подплыла к столу, разбрызгивая по комнате отблески солнца, заплутавшего в сладкозвучной кольчуге, и склонилась над сигаретницей:

— Закуришь?

Схватила ловкими пальцами коробку и подбежала к Мальцеру. Тот позволил ей вставить сигарету ему в губы и, сам того не замечая, поднес зажигалку к кончику продолговатого коричневого цилиндра. Вернув сигаретницу на место, Дейрдре проследовала к зеркалу на дальней стене и начала экспериментировать с серией зыбких жестов, вплетая в гладкое стекло тесную вязь бледно-золотых отражений.

— Ну конечно же я в норме, — сказала она.

— Врешь!

Дейрдре не обернулась. Она смотрела на него из зеркала, не переставая двигаться — томно, неуклонно, неумолимо.

— Нет, — ответила она.

Мальцер глубоко затянулся, рывком отворил окно и отшвырнул дымящий окурок в бездну городских улиц.

— Тебе меня не обмануть. — Голос его стал совершенно спокоен. — Милая, я же создал тебя. Я все про тебя знаю. Я давно уже чувствую, как в тебе нарастает тревога. И сегодня она гораздо заметнее, чем две недели назад. В Джерси что-то произошло. Не знаю, что именно, но ты изменилась. Признайся, Дейрдре, признайся хотя бы себе самой. Неужели ты еще не поняла, что тебе нельзя возвращаться в эфир?

— Даже не надейся. — Дейрдре покосилась на него сквозь зеркало, и движения ее замедлились, рисуя в воздухе ленивую паутину танца. — Я не передумала.

Снаружи — сплошной металл, и она бесстыдно этим пользовалась. Ушла в себя, скрылась за безликой маской, спряталась за собственным голосом. Даже тело, чьи непроизвольные движения могли бы предать ее, выдать ее эмоции, замаскировалось в череде ритуальных па. Пока она исполняет свой бесконечный танец, никому не понять, что происходит в сознании, заключенном в металлический шлем.

Харрис потрясенно понял, что Дейрдре навсегда ушла в себя. Во время прошлой их встречи она была настоящей Дейрдре, не пряталась за маской, и золотистое тело лучилось теплой энергией женщины, которую он так хорошо знал, но после выступления он уже не видел в ней знакомых черт. Почему же? Харрис лихорадочно искал ответ на этот вопрос. Неужели в миг триумфа она осознала, сколь непостоянной бывает публика? Неужели за гулом аплодисментов она уловила разрозненные смешки и перешептывания?

Или Мальцер был прав? Быть может, тот ее разговор с Харрисом оказался последним всполохом прежней Дейрдре, радостной от долгожданной встречи со старым другом, и эта демонстративная радость призвана была убедить его, что все в порядке? Но теперь прежней Дейрдре не стало. Ушла в себя, защищаясь от свойственной людям жестокости? Растворилась в металле? Не угадаешь… Быть может, Дейрдре стремительно утрачивает человечность, и латунная скверна одерживает верх над разумом, чьим вместилищем стал теперь железный конструкт?

Мальцер ухватился дрожащей рукой за край открытой фрамуги, выглянул наружу и произнес — впервые без нотки капризного недовольства:

— Я сделал чудовищную ошибку, Дейрдре. Причинил тебе необратимое зло.

На мгновение он умолк, но Дейрдре не отозвалась. Харрис тоже не рискнул заговорить, поэтому Мальцер продолжил:

— Я создал тебя уязвимой, но не дал тебе защитного оружия, чтобы ты умела отразить нападки врага, а враг твой — все человечество, милая Дейрдре, и не важно, когда ты это признаешь, теперь или позже. Думаю, ты уже все поняла. Вот почему ты молчишь. Ты почувствовала это две недели назад, еще на сцене, а в Джерси лишь укрепилась в своих подозрениях. Тебя будут ненавидеть, потому что ты по-прежнему красива, и над тобой станут издеваться, потому что ты не такая, как все. И потому, что ты беззащитна. Когда развеется эффект новизны, милая Дейрдре, твоя публика превратится в разъяренную толпу.

Он не смотрел на нее. Подался чуть вперед и бросил взгляд вниз. Ветер (на такой высоте всегда сильный ветер) ерошил его волосы и тонко подвывал, разбиваясь об оконное стекло.

— То, что я подарил тебе, — продолжал Мальцер, — предназначалось всем, кто пережил трагическое несчастье. Жаль, я не знал, что этот мой дар — трагедия пострашнее любого увечья.

Теперь я понимаю, что есть один лишь допустимый способ, коим человеку пристало создавать новую жизнь. Я же пошел другим путем, и это стало мне горьким уроком. Помнишь студента по фамилии Франкенштейн? Он тоже усвоил свой урок. Ему еще повезло: он не видел, во что превратилось его творение. Может, ему недостало бы мужества… Мне так уж точно его недостает.

Харрис обнаружил, что уже не сидит, а стоит. Он не помнил, как встал, но понимал, что сейчас будет. Понимал это по решительному тону Мальцера, по его неестественному спокойствию. Понимал, зачем Мальцер пригласил его к себе: чтобы не оставить Дейрдре в одиночестве. Харрис помнил, как Франкенштейн тоже шагнул за пределы дозволенного, сотворил жизнь и заплатил за это собственной жизнью.

Мальцер, высунув голову и плечи в окно, завороженно смотрел вниз. С порывами ветра до остальных доносился его голос — как будто издали, словно между Мальцером и миром живых уже разверзлась глубокая пропасть.

Дейрдре не двинулась с места. Из зеркала на Мальцера смотрела равнодушная маска. Несомненно, Дейрдре тоже все поняла, но никак этого не выказывала, разве что движения ее сделались

до невыносимого медленны. Такие танцы танцуют под водой. Такие танцы являются людям в кошмарах.

Конечно, несправедливо ставить ей в вину бесстрастное выражение лица — ведь лицо ее не способно выражать ничего, кроме бесстрастия, — но она смотрела на происходящее столь равнодушно…

Никто из них не рискнул шагнуть к Мальцеру: одно неверное движение — и он бросится вниз. Оба молча слушали его задумчивый монолог.

— Мы, создатели противоестественной жизни, обязаны освободить для нее место; это непреложное правило, и оно действует независимо от нашего желания, ведь в случае успеха существование творца окажется невыносимым. Нет, милая Дейрдре, ты не можешь мне помочь. Я попросил тебя о том, на что ты попросту не способна. Такой уж я тебя создал. Ты живешь, чтобы выполнять единственную функцию, а я попросил тебя не делать этого. Не делать того, ради чего ты существуешь. Я знаю, твое предназначение уничтожит тебя, но в этом нет твоей вины. Вина целиком на мне, и я больше не стану просить тебя отказаться от выступлений в эфире. Знаю, ты попросту не способна так поступить, ведь в этом

смысл твоей жизни. Но я не могу жить, глядя на тебя. Я вложил все умения, всю душу, всю любовь в последний свой шедевр и не желаю видеть, как его уничтожат. Не могу смотреть, как ты делаешь то, для чего создана, и убиваешь себя, потому что я лишил тебя права выбора. Но прежде, чем уйти, хочу, чтобы ты поняла.

Не переставая смотреть вниз, он высунулся дальше, и голос его, отделенный от комнаты стеклянным барьером окна, теперь звучал замогильнее прежнего. Мальцер говорил холодно, бесстрастно, и невыносимые его слова смешивались с завываниями ветра и далеким гулом мегаполиса и фильтровались оконным стеклом, утрачивая едкость, остроту и мучительную боль. — Пусть я трус, пусть я бегу последствий своего поступка, но не могу уйти, зная, что ты ничего не поняла. Это еще хуже, чем думать о твоей неудаче, думать, с каким смятением ты узришь восставшую против тебя толпу. То, что я говорю тебе, милая Дейрдре, вовсе не новость; думаю, ты все прочувствовала, хоть и не желаешь того признавать. Мы настолько близки, что не умеем лгать друг другу, и я легко распознаю твою ложь. Мне известно о болезненной опухоли, зреющей в твоем сознании. Ты недочеловек, милая Дейрдре,

и ты это понимаешь. Как бы я ни старался, ты навсегда останешься недочеловеком. Из чувств, связывающих тебя с человечеством, сохранились лишь зрение и слух, а я уже говорил, что зрение — самый бесстрастный из наших органов восприятия, развивающийся позже остальных, и ты… ты балансируешь на грани безумия. Ты — всего лишь чистый разум, анимирующий металлическое тело. Пламя свечи в бокале. Дунет ветер, и нет тебя. — Помолчав, он продолжил: — Не допускай, чтобы люди окончательно уничтожили тебя. Когда они восстанут, когда поймут, что ты еще беспомощнее остальных… Жаль, Дейрдре, что я не сделал тебя сильной. Попросту не сумел. Моих умений с избытком хватило, чтобы изготовить тебе это тело, с пользой для тебя и для себя… Но не для того, чтобы сделать тебя сильной.

Он снова умолк. Смотрел вниз, ненадежно балансируя на подоконнике, высунувшись больше чем наполовину, придерживаясь рукой за стекло. Харрис мучительно соображал, что же делать — любая попытка удержать Мальцера могла оказаться как спасительной, так и фатальной, — а Дейрдре по-прежнему плела золотую паутину, медленно и неуклонно, рассматривая в зеркале свою бесстрастную маску.

— Одного лишь хочу, — донесся из-за окна голос Мальцера. — Прежде чем все кончится, хочу… чтобы ты сказала правду, Дейрдре. Мне будет спокойнее, если узнаю, что я… сумел достучаться до тебя. Поняла ли ты смысл моих слов? Поверила ли? Ведь если не поверила, тебя уже не спасти. Но если признаешь, что усомнилась, — а я уверен, что так и есть, — я пойму, что не все еще потеряно. Скажи, ты солгала мне, Дейрдре? Ты хоть представляешь, насколько… насколько неполноценно мое творение?

Тишина. Затем тихий, почти неслышный ответ. Казалось, голос Дейрдре рождается в воздухе — ведь у нее не было губ, способных облечь домыслы Харриса в безусловные образы.

— Ты выслушаешь меня, Мальцер? — спросила она.

— Да, я подожду. Продолжай. Да или нет?

Плавно опустив руки, она тихо отвернулась от зеркала и теперь смотрела в сторону окна, едва заметно покачиваясь и позвякивая металлической броней.

— Я отвечу тебе, но едва ли односложно. Ни да ни нет. Но ты же знаешь, что не могу стоять на месте, мне нужно кое-что сказать тебе, Мальцер, а во время разговора я привыкла прохаживаться

по комнате. Ты не выпрыгнешь? Позволишь мне двигаться?

— С такого расстояния ты не сумеешь мне помешать, — кивнул он далеко за окном. — Только не приближайся. Итак, что ты хотела сказать?

Она сделала несколько шагов вдоль стены, текучих, словно речные воды. На пути стоял столик с сигаретницей, и она осторожно сдвинула его в сторону, избегая резких движений и по-прежнему глядя на Мальцера.

— Напрасно ты назвал меня недочеловеком, — начала она с легкой ноткой негодования в голосе. — Вскоре я докажу, что ты не прав, но сперва должна кое-что объяснить. Пообещай не прыгать вниз и выслушать меня. Твои аргументы не лишены вопиющего изъяна. Я не Франкенштейнов монстр, не создание из мертвой плоти; я самостоятельное живое существо, и ты не создал жизнь, но лишь сохранил ее. Я не робот, повинующийся заданной программе. Я свободна и независима, Мальцер, и я человек!

Харрис немного расслабился: Дейрдре явно знала, что делает. Он понятия не имел, что у нее на уме, но чувствовал, что надо подождать. Да, сперва ему показалось, что Дейрдре превратилась в бездушный автомат, но теперь он видел,

что это не так. Он смотрел, как она вновь подходит к преградившему путь столику и склоняется над ним, не отворачивая лишенного глаз лица от Мальцера, чтобы того не смутила вариативность ее движений.

— Я человек, — повторила она негромко и вкрадчиво. — Или вы, друзья мои, думаете иначе?

Она выпрямилась, встала лицом к ним обоим, и фигуру ее вдруг окутало непередаваемо теплое сияние прежнего шарма; Дейрдре была уже не роботом, не загадочным созданием из металла, и Харрис вновь узрел — явственно, как во время прошлой встречи, — грациозное тело, воскрешенное в памяти отзвуками ее голоса. Она, по обыкновению, легонько раскачивалась, склонив голову к плечу, и тихо смеялась над ними. Очаровательный, такой милый и знакомый смех…

— Ну конечно же, я — это я, — заявила она, и эти слова не вызвали ни тени сомнения. Гипнотический голос. Она отвернулась, пришла в движение, и явленная Харрису человеческая сущность Дейрдре объяла его пульсирующим жаром, словно очаг, от которого расходятся уютные волны лучевого тепла. — Да, у меня есть ограничения, но публика о них не узнает. Я этого

не допущу. Думаю, вы оба поверите, если я скажу, что в нынешнем облике способна сыграть Джульетту в спектакле с обычными актерами и мне будет рукоплескать весь мир. Что скажешь, Джон? Согласен? Мальцер, разве ты не веришь мне?

Она остановилась в дальнем углу, обернулась, и оба уставились на нее, не говоря ни слова. Для Харриса она была Дейрдре, светло-золотистая, утонченная, грациозная, чьи движения он так хорошо знал, и душа ее сияла сквозь металл не тусклее, чем сквозь утраченную ныне кожу. Он уже не спрашивал себя, реальность это или вымысел. Позже он снова подумает, что это сияние — нечто вроде маскировочного покрова, рудимент былого человеческого тела, который Дейрдре способна примерить по своему хотению, но чары ее оставались столь сильны, что противостоять им не было никакой возможности, поэтому Харрис смотрел на нее и понимал, что она — именно та, кем кажется, и если она говорит, что способна сыграть Джульетту, так оно и есть. Она раскачает любую аудиторию с той же легкостью, с которой оживляет новое тело. Харрис сперва почувствовал, а через долю секунды осознал, что никогда еще Дейрдре не бывала

столь человечна.

Она смотрела на Мальцера, а Мальцер — на нее, словно зачарованный, нехотя, но не в силах отвести глаза. Она глянула на Харриса, запрокинула голову и разразилась полновесным хохотом — так, словно в глубокий колодец вдруг прихлынули грунтовые воды. Она содрогалась от сочного грудного смеха, подлинного веселья с легким призвуком издевки, и Харрис практически видел, как пульсирует ее гладкое горло.

Не веря собственным глазам, он едва не задохнулся от изумления. Сознание помутилось. Не может быть, что он только что смотрел на робота с дымящейся сигаретой в руке и воспринимал это зрелище как совершенно нормальное! Но факт оставался фактом: последний гипнотический штрих ярко, ловко, непринужденно перечеркнул полотно его сомнений, и Харрис окончательно признал, что Дейрдре сохранила былую человечность.

Он бросил взгляд на Мальцера. Тот, зависнув на подоконнике, изумленно и недоверчиво смотрел на Дейрдре из-за раскрытого окна, и Харрис понял, что Мальцер тоже купился на эту иллюзию.

— Ну, — голос Дейрдре подрагивал от едва сдерживаемого смеха, — говорите теперь, что я всего

лишь робот!

Харрис открыл было рот, но не издал ни звука. В этом спектакле он играл эпизодическую роль, а основная драма разворачивалась между Дейрдре и Мальцером. Не надо вмешиваться. Поэтому Харрис повернулся к окну и стал ждать.

На мгновение ему показалось, что Мальцер передумал.

— Ты… и впрямь актриса, — нехотя признал тот. — Но я… все равно уверен в своей правоте. Наверное…

Он сделал паузу. В голосе его снова слышались капризные нотки. Похоже, он опять нырнул в беспросветную пучину сомнений. Харрис видел, как тело его напряглось, как к нему вернулась былая решимость, и понял, что Мальцер зашел слишком далеко, заблудился в зябком одиночестве, и возвращаться было уже поздно, чем бы его ни соблазняли. Он пришел к своим выводам мучительным путем и страшился проделывать его снова; вместо этого выбрал тропинку, ведущую к гарантированному покою. Он слишком устал, вымотался за долгие месяцы разногласий с самим собой и не желал начинать все сначала. Харрис видел, как он подбирает нужные слова. Спустя мгновение Мальцер нащупал то, что искал.

— Это фокус, — прохрипел он. — Может, ты сумеешь провернуть его и с публикой. Может, я ошибаюсь. Но Дейрдре, — голос его звучал все настойчивее, — ты так и не ответила на самый важный вопрос. И не сможешь на него ответить. Ведь ты действительно чувствуешь… тревогу, ты осознала свою несостоятельность, хотя неплохо скрываешь ее от нас. Даже от нас. Но я-то все вижу, все знаю. Ну скажи, Дейрдре, разве это не так?

Она уже не смеялась. Уронила руки, и гибкое золотое тело ссутулилось, словно разум, мгновение назад отдававший ему уверенные команды, ослабил контроль над неосязаемыми мускулами. Сияние человечности сперва померкло, словно остывающий очаг, а затем и вовсе погасло, растворившись в недрах металлического корпуса.

— Мальцер, — неуверенно произнесла она, — я не могу ответить на этот вопрос. Пока что не могу…

А пока оба встревоженно ждали, чем закончится фраза, Дейрдре вспыхнула.

Статичная фигура превратилась в молнию.

Столь стремительное движение не увидеть глазами, не осознать разумом; Мальцер висел на подоконнике в другом конце комнаты, думая,

что на таком расстоянии ему никто не помешает, понимая, что ни один обычный человек не успеет его остановить, но Дейрдре не была человеком. И обычной она тоже не была.

Только что она понуро стояла у зеркала и в тот же миг оказалась рядом с Мальцером, игнорируя ход времени и разрушая концепцию пространства; как тлеющий кончик сигареты в быстрой руке рисует в темноте яркие завитки пред оком смотрящего, так и Дейрдре превратилась в золотую вспышку, пронзившую комнату от стены до стены.

Как ни странно, очертания ее фигуры не смазались; глядя на нее, Харрис чувствовал, что разум отказывается воспринимать происходящее, но не из-за удивления, а потому, что глаза и мозг нормального человека не привыкли к подобной скорости.

(В тот полный невероятного напряжения миг сложный человеческий мозг Харриса дал слабину, отказался рассчитывать время и сжался в прохладном уголке черепной коробки, чтобы по-быстрому проанализировать новую информацию. Мозг, в отличие от языка, способен функционировать вне времени. Харрис понимал, что ему явился тессеракт человеческих движений, алле-

гория четвертого измерения. Одномерная точка, рассекая пространство, образует двумерную линию, а та, придя в движение, способна создать трехмерный куб; теоретически движение куба повлечет за собой создание четырехмерной фигуры, но человеческому существу не доводилось видеть трехмерную фигуру, движущуюся сквозь пространство и время… До сего момента. Очертания Дейрдре не смазались, каждое движение оставалось отчетливым, но не таким, как в последовательности кадров на отрезке кинопленки, для описания этих движений не существует слов, ибо до сегодняшнего дня описывать было нечего. Разум видел их, но не воспринимал. Слова и мысли бессильны облечь произошедшее в термины, понятные человеческому мозгу. Возможно, на самом деле Дейрдре не входила в четвертое измерение. Не в буквальном смысле. Возможно, рывок Дейрдре не был настолько невероятен, ведь Харрис все же разглядел его… Возможно… Но не факт.)

С точки зрения заторможенного человеческого разума Дейрдре все еще стояла у стены, но одновременно с тем оказалась подле Мальцера, и ее гибкие пальцы нежно, но крепко схватили его за руку. Дейрдре ждала. Комната мерцала. В лицо

Харрису полыхнуло жаром, и воздух застыл, а Дейрдре скорбно прошептала:

— Прости… Мне пришлось. Сам понимаешь, я не хотела, чтобы ты…

Харрис обрел чувство времени. Он знал, что Мальцер переживает то же самое; видел, как тот конвульсивно извивается, пробуя вырваться из захвата в смехотворной попытке предотвратить то, что уже произошло. Скорость Дейрдре оказалась несравнима даже со скоростью мысли.

Мальцер дергался достаточно сильно, чтобы вырваться из человеческих рук, выброситься из окна и с головой нырнуть в далекие волны Нью-Йорка. Придя к такому умозаключению, разум воспринимал, как тело Мальцера содрогается, изворачивается, уменьшается, с жуткой скоростью мчится сквозь потоки солнечного света в приземистые тени и превращается в черную точку; разум воспринимал даже крик, тоненький писк, сопровождающий летящее вниз тело и парящий в возмущенном пространстве, но разум полагался на человеческие факторы.

С великой осторожностью Дейрдре сняла Мальцера с подоконника, беспечно унесла в безопасное место, усадила на диван, и только после этого разжались золотые пальцы — разжались

медленно, чтобы несостоявшийся самоубийца успел обрести контроль над собственным телом.

Не говоря ни слова, он обмяк на подушках. В комнате воцарилась бесконечная тишина. Харрис лишился дара речи. Дейрдре терпеливо ждала. Первым заговорил Мальцер — еле слышно и на прежнюю тему, словно разум его так и не свернул с накатанной колеи:

— Ладно. Хорошо. На сей раз ты сумела меня остановить. Но я все знаю, знаю, понимаешь?! Ты не спрячешь от меня свои чувства. Я знаю, насколько тебе тревожно. И в следующий раз… в следующий раз я не стану отвлекаться на разговоры!

Дейрдре издала звук, похожий на вздох. У нее не имелось легких, но трудно было поверить, что этот вздох ненастоящий, трудно было поверить, что недавний нечеловеческий рывок не вызвал у нее никакой одышки; мозг понимал, но не мог смириться с очевидным фактом, ведь в Дейрдре оставалось слишком много человеческого.

— Ты так ничего и не понял. Подумай, Мальцер, подумай! — Она грациозно опустилась на пуфик у дивана, обвила гибкими руками окольчуженные колени и склонила голову так, чтобы видеть лицо Мальцера, ошеломленное и глупое лицо

человека, пережившего бурю эмоций и на время утратившего способность мыслить. — Признаю, я действительно несчастлива. Я знаю, что ты прав, но знание это расходится с твоими домыслами. Я и человечность… Мы с ней уже отдалились друг от друга и будем отдаляться все дальше, и непросто перекинуть мостик через эту пропасть. Ты слышишь меня, Мальцер?

Харрис видел, каких усилий Мальцеру стоило прийти в себя, как он с трудом сфокусировал взгляд, подобрался и сел ровнее, чопорный и безмерно уставший.

— То есть… ты признаешь мою правоту? — озадаченно уточнил он.

— Неужели ты до сих пор считаешь меня хрупкой? — тряхнула головой Дейрдре. — После того, как я пронесла тебя через комнату на вытянутых руках? Понимаешь ли ты, что вес твоего тела для меня ничто? Я могла бы… — Она окинула взглядом пространство, гневно махнула рукой и продолжила тихо и страшно: — Могла бы уничтожить это здание, пробить себе путь сквозь эти стены. Я до сих пор не знаю, где предел моим силам. — Она подняла золотые руки, задумчиво осмотрела их. — Наверное, металл не вечен. Но с другой стороны, я ничего не почувствую…

— Дейрдре… — выдохнул Мальцер.

Она подняла голову, и Харрису показалось, что она улыбается. Судя по голосу, она действительно улыбалась.

— О нет, царапать металл не придется. Смотри! Слушай!

Она запрокинула голову, и комнату заполнил низкий вибрирующий гул, рожденный железным подобием человеческой гортани; стал громче, и в ушах у Харриса зазвенело; стал еще громче, и стены ощутимо дрогнули, а мебель затряслась — казалось, этот жуткий звук рушит сами связи между атомами.

Гул стих, вибрация прекратилась. Рассмеявшись, Дейрдре издала еще один звук, но теперь совершенно иной, направленный и точный, словно боксерский удар; он устремился к окну, и открытая фрамуга содрогнулась. Дейрдре загудела, фрамуга пришла в движение, постепенное, плавное, сантиметр за сантиметром. Наконец окно захлопнулось.

— Видел? — спросила Дейрдре. — Скажи, ты видел?

Мальцер, не в силах ответить, глазел на закрытое окно. Харрис смотрел туда же и понемногу осознавал, что хотела донести до них Дейрдре, но

выводов пока не делал. Слишком уж растерялся.

Дейрдре вскочила и принялась раздраженно ходить из угла в угол, позвякивая кольчугой и поблескивая солнечными зайчиками, гибкая, словно пантера; теперь оба видели, какая сила скрывается за ее грацией; теперь понимали, что перед ними далеко не беспомощное существо, но пока что не осознали истину во всей ее полноте.

— Ты ошибался на мой счет, Мальцер, — спокойно сказала она, но Харрис понимал, как непросто дается ей это спокойствие. — Но также был прав, хоть и не понимаешь в чем. Я не боюсь людей. Мне незачем их бояться. Представь себе, — в голосе мелькнуло презрение, — я уже стала законодательницей женской моды. К понедельнику ты не увидишь на улицах женщины без маски вроде моей, и всякое платье, отличное от моей хламиды, безнадежно устареет. Я не боюсь людей! И разорву с ними связь, если только сама того захочу. Я многое поняла. Слишком многое. — На мгновение голос ее стих, и перед внутренним взором Харриса промелькнула ужасающая картина: уединенный дом, где Дейрдре экспериментирует с диапазоном голоса, пробует новые режимы зрения — микроскопический и телескопический — и проверяет возможности

слуха: ведь он, подобно голосу, тоже обрел нечеловеческую гибкость. — Ты боялся, что у меня нет больше чувств. Осязания, обоняния, вкуса, — продолжала она, по-тигриному расхаживая вдоль стены. — Думаешь, зрения и слуха недостаточно? Почему ты игнорируешь важность зрения? Да, оно развивается последним, но не по значению, а по порядку!

Она не шептала, но им казалось, что она шепчет; казалось, что голос ее доносится издали, и скукоженный разум Мальцера и Харриса отказывался воспринимать изрекаемые ею слова.

— Нет, — говорила Дейрдре, — я не утратила связь с человечеством. И не утрачу, если сама того не пожелаю. Это слишком… слишком просто. — Она опустила маску к сверкающим своим стопам и с горечью продолжила: — Я не собиралась об этом говорить. И не говорила бы, не случись то, что случилось. Но я не могла допустить, чтобы ты погиб, уверенный в собственном фиаско. Ты создал идеальную машину, Мальцер, и даже не представляешь, насколько она идеальна.

— Ох, Дейрдре… — вздохнул Мальцер, зачарованно глядя на нее. — Ты утверждаешь, что мы с тобой добились успеха… В таком случае что не так? Я же чувствую — и всегда чувствовал, — что

ты несчастна. Почему, Дейрдре?

Она вскинула голову, пронзила его взглядом отсутствующих глаз и спросила ласково:

— Откуда такая уверенность?

— Думаешь, я способен ошибиться? Ведь я насквозь тебя вижу! Но я не Франкенштейн… Ты говоришь, что мое творение безупречно. В таком случае что же…

— Ты сумеешь создать дубликат этого тела? — перебила его Дейрдре.

— Не знаю. — Мальцер опустил глаза на дрожащие руки. — Сомневаюсь. Я…

— А кто-нибудь другой сумеет?

Мальцер молчал, и Дейрдре ответила за него:

— Вряд ли. Думаю, что я — особенный случай, непредсказуемая мутация, нечто среднее между металлом и человеческим телом. Противоестественная случайность… новая ветвь эволюции, ошибочная, но не тупиковая. Другой человек, очутись его мозг в подобном теле, мог бы погибнуть или лишиться рассудка — ведь этого ты боялся, Мальцер? Слишком уж тонок искусственный синапс. Тебе со мной… скажем так, повезло. Я уже поняла, что еще один такой… причудливый союз, скорее всего, невозможен. — Она помолчала. — По сути дела, ты разжег костер для феникса.

И обновленный, идеальный феникс восстал из пепла. Помнишь, почему ему пришлось воспроизвести самого себя?

Мальцер помотал головой.

— Так я напомню, — сказала Дейрдре. — Дело в том, что в целом мире был только один феникс.

Они молча смотрели друг на друга. Наконец Дейрдре едва заметно повела плечами:

— И он восстал в самой совершенной своей ипостаси. Я не слаба, Мальцер, и впредь можешь не забивать себе голову подобными глупостями. Я не ранима и не беспомощна. Не называй меня недочеловеком, — сухо усмехнулась она, — потому что я — сверхчеловек.

— Но ты несчастна…

— Нет, Мальцер, дело не в том, что я несчастна. Мне страшно. Я не хочу отдаляться от человечества. И надеюсь без этого обойтись, а потому возвращаюсь на сцену — чтобы поддерживать связь с людьми, покуда это в моих силах. Но жаль, что таких, как я, больше нет. Мне… Мне одиноко, Мальцер.

Снова тишина. Затем Мальцер заговорил — так, словно их разделяло стекло, словно он все же канул в пучину забвения:

— Выходит, я все-таки Франкенштейн.

— Быть может, — еле слышно подтвердила Дейрдре. — Пока не знаю. Быть может.

Отвернулась, уверенно прошла по комнате и встала у окна. Теперь, когда Харрис все знал, он слышал звон мощи металлического тела. Коснувшись золотым лбом стекла (оно издало музыкальный звон), Дейрдре заглянула в глубины, над которыми совсем недавно висел ее демиург, собираясь отправиться в головокружительный полет и обрести покой на дне глубокого Нью-Йорка.

— По-моему, у меня одно лишь ограничение, — почти неслышно сказала она. — Только одно. Лет через сорок мозг сработается. За это время я многое узнаю… я изменюсь… узнаю все, о чем сегодня могу лишь догадываться. Это пугает. Мне не нравится об этом думать. — Золотые пальцы изогнулись, легли на защелку, легонько приоткрыли окно. Завыл ветер. — Сейчас я могла бы все закончить. Если хотела бы… Но не решусь. Ведь столько всего неизведано… У меня человеческий мозг, а ему свойственно любопытство. Но все же… все же…

Харрис знал этот тихий голос; голос, которым говорила и пела Дейрдре; голос столь сладкий, что ему покорился весь мир; но теперь в нем

звучала печаль. Когда Дейрдре не слушала себя, голос ее менялся, терял естественность и походил на эхо, отраженное от железных стен.

— Все же… — повторила она, и Харрис понял: со временем в этом голосе станет куда больше металла.

Плод познания

Наступило первое воскресенье. Легкий ветерок овевал райские поляны. Окрест не было заметно ни малейшего движения, лишь одно маленькое крылатое создание, позевывая, перепорхнуло через долину и исчезло среди листвы, раздвинувшейся ради него в стороны. По воздуху прошло волнение, похожее на рябь, которая тронула и гладь необыкновенно прозрачной воды. Откуда-то издалека, с небес, неясно слышался слаженный хор: «Осанна… осанна… осанна…» Это пели серафимы, окружавшие престол.

Озерцо на краю долины переливалось цветными бликами, словно огромный тусклый бриллиант. Впрочем, оно могло также служить и зеркалом. Женщина, склонившаяся над его поверхностью, тотчас это обнаружила. Она нагибалась все ниже, пока спутанные темные волосы едва не коснулись воды. Ее окутывала необычная тень, подобная тончайшему покрову, не вполне скрывающему красоту тела, и, несмотря на затишье, эта тень странно колебалась, а волосы слегка развевались, как от несуществующего ветерка.

Женщина застыла в неподвижности, так что

даже пролетавший мимо херувим засмотрелся на нее, зависнув, подобно колибри, над своим отражением в воде.

— Прелесть! — заявил херувим писклявым голоском. — Ты здесь новенькая?

Женщина подняла глаза, тягуче улыбаясь и откидывая назад копну волос.

— Да, — тихо подтвердила она.

Голос звучал не совсем уверенно: до нынешнего момента ей не приходилось разговаривать, тем более вслух.

— Тебе в Саду понравится. — Херувим позволил себе нотку снисходительности, слегка затрепетав радужными крылышками. — Тебе помочь? Я сейчас не занят и с радостью покажу окрестности.

— Спасибо, — уже увереннее произнесла женщина и улыбнулась. — Я не заблужусь.

Херувим пожал цветными крылышками:

— Как хочешь. Кстати, надеюсь, тебя предупредили о Древе?

Женщина метнула на него быстрый взгляд, прищурив затененные ресницами глаза:

— О Древе? Оно что, опасно?

— Вообще-то, нет. Просто не надо его трогать. Оно стоит посреди Сада — Древо познания добра и зла, ошибиться невозможно. Вчера я видел, как

человек очень долго его разглядывал. Ах да, ты уже виделась с человеком?

Женщина склонила голову, и волосы покрывалом упали ей на лицо.

— Он уже ждет меня.

— Вот как? — изумился херувим. — Ну, так он сейчас в апельсиновой роще, восточнее Древа. Отдыхает. Сегодня ведь день отдохновения. — Херувим заговорщически приподнял бровь, указывая глазами ввысь, и добавил: — Он тоже отдыхает от трудов. Слышишь пение? Он только вчера сотворил человека — прямо из этой земли, на которой ты стоишь. А мы все смотрели. Так чудесно… Потом Он назвал человека Адамом, и уже Адам дал названия животным… Ну а тебя как зовут?

Женщина улыбнулась своему неясному отражению в воде и, помедлив, произнесла:

— Лилит.

От удивления глаза херувима расширились, превратившись в две синие бусины. Он собрал розовые губки пучком и тихо присвистнул.

— Как же это? — пробормотал херувим. — Ты что же… повелительница воздуха и тьмы?!

Затаив в глазах насмешку, женщина кивнула. Херувим еще некоторое время ошеломленно взи-

рал на нее, не в силах произнести ни слова. Потом замолотил по воздуху радужными крылышками и молча ринулся сквозь листву, оставляя позади себя полупрозрачную волнистую дорожку. Лилит, загадочно улыбаясь, смотрела ему вслед. Полетел предупредить Адама. Она улыбнулась шире. Ну и пусть.

Лилит обернулась, чтобы еще раз полюбоваться своим новым странным обликом, отражавшимся в водоеме. Этот облик был последним из элементов творения — даже Господь пока не знал о нем. Она с удивлением поняла, что даже нравится себе в таком виде. Вопреки ожиданиям, ее вроде бы ничего не теснило, не душило, и ей определенно были по душе и нежное дуновение ветерка, овевающего тело, и сладкие весенние ароматы, дразнящие обоняние, и трава под босыми ногами. Сад был исполнен красоты, которую она осознала, лишь когда приобрела человеческое зрение. Все, на что падал ее взгляд, удивительно отличалось от того, что она видела прежде. Во плоти все ее способности словно обострились, и она, ранее прозревавшая все с кристальной ясностью, теперь взглянула на мир сквозь радугу. Это пришлось Лилит по нраву, и ей захотелось продлить пребывание в теле пяти чувств — таком

же, как у Адама.

Но время торопило. Она взглянула на неослабное ослепительное сияние, разливающееся над деревьями, словно хотела сквозь небесный исподрассмотреть Всевышнего, восседающего на престоле в неизъяснимом великолепии, окруженного бесконечными сверкающими рядами славословящих Его серафимов. Он мог в любой момент спохватиться и, наклонившись, бросить взгляд на Эдем.

Лилит безотчетно закуталась в свой тенистый покров. Если он не будет всматриваться, то, возможно, и не разглядит ее сквозь дымку. А если разглядит… Она почувствовала, как легкая возбуждающая дрожь, похожая на электрический разряд, пронизала ее новую, плотскую природу. Лилит любила опасности. Она склонилась над водоемом и еще раз взглянула на свое отражение, и озеро тоже посмотрело на нее, словно огромное мутное око, почти разумное, почти осознающее ее присутствие.

Сад был живой. Прозрачный воздух мерно пульсировал, земля пружинила у Лилит под ногами, лозы выгибались над ней, давая дорогу. Лилит свернула туда, куда сквозь текучий воздух улетел херувим, и, шествуя среди расступающихся дере-

вьев, слегка изумлялась сходству между землей и ее новым телом. Может, тело потому так живо воспринимало красоты Сада, что еще вчера было просто плотью, близкой по своей природе самому Саду? И если даже она чувствовала это родство, то что тогда говорить про Адама, который не далее как вчера был прахом земным?

Сад раскинулся вокруг — огромное полуодушевленное существо с вибрирующим прозрачным воздухом вместо кровотока. Неужели Господь создал всю живность, ныне населяющую Эдем, из этого необъятного пульсирующего источника плодородия? А Адам — не обычное ли дополнение, уточнение и усиление все той же жизни, пронизывающей вибрацией весь Сад? Творение едва завершилось; Лилит оставалось только гадать.

Мягко ступая между деревьями, она размышляла и о Древе познания — запретном и притягательном. Для чего оно нужно? К чему Господу подвергать человека искушению? Выходит, согласно Его замыслу, человек еще незавершен? Неужели в Эдеме есть изъяны?

Вдруг ей подумалось, что непременно изъяны должны быть. Ведь само ее присутствие подтверждало это, потому что в первую очередь она не

имела права вторгаться в магическую запретную область — венец деяний Господа. Тем не менее Лилит сейчас здесь, в ее сердцевине, и даже сам Бог не ведает, хотя…

Лилит улыбнулась украдкой, заслышав неизъяснимо мелодичный хор серафимов, то нарастающий, то затихающий над кронами деревьев. Звери провожали ее вытаращенными от изумления глазами, чем-то смущенные, хотя такого понятия, как страх, в Саду еще не существовало. Лилит тоже с любопытством их разглядывала. Они были прелестны. Эдем ей нравился.

Неожиданно из-за деревьев потянуло головокружительным ароматом, сладким до приторности, и где-то рядом раздался взволнованный писклявый голосок:

— Лилит… Воздуха и тьмы… Он не одобрит! Надо сказать Михаилу…

Лилит вышла из-под крон на щедрое и ласковое райское солнышко, но оно не развеяло тень, смутно прикрывающую нечеткие контуры нового творения, появившегося в Саду. Неуловимый ветерок раз-другой взметнул ее волосы, словно пышное темное облако, хотя ни листочка не шелохнулось на деревьях. Она замерла, рассматривая что-то по другую сторону поляны, и

впервые ощутила холодок недоверия к своему новому облику.

На травянистом склоне, под цветущими апельсиновыми деревьями, лежал озаренный солнечным светом Адам. И хотя цветы в Саду казались новым глазам Лилит прекрасными, а ветерки и ароматы услаждали ее тело, сейчас перед ней явилось совершенство без малейшего изъяна, свежесотворенное из теплой красноватой почвы Эдема по образу и подобию Создателя. Лилит взглянула на него и испугалась, настолько он ей понравился. Она не доверяла красоте, из-за которой приходилось замирать в тени листвы, толком не понимая почему.

Вытянувшись на траве во всем своем длинноногом великолепии, он смеялся над херувимом, запрокинувшим златокудрую головку. Каждая из его черт, каждое движение являли торжество мужской красоты — настолько безупречной, что только Всемогущему была под силу. Хотя Адам не носил одежд, едва ли он был больше обнажен, чем Лилит, поскольку от него исходило неведомое сияние, тихий свет, облекающий его тело невиданным ореолом. Херувим нетерпеливо пританцовывал перед человеком в воздухе, вереща:

— Ей сюда нельзя! Ты же сам знаешь! Она сущее

бедствие, вот она кто! Господу это не понравится! Она же…

Вдруг через голову Адама херувим заметил, что Лилит на него смотрит, возмущенно захлебнулся и пропищал последнее увещевание:

— Гляди в оба!

Затем он упорхнул в лес, оглядываясь через крылышко. С лица Адама сошла улыбка, и он медленно встал. Под гладкой кожей плавно перекатывались мышцы; стройное тело озарял все тот же неуловимый отсвет. Адам медленно направился к женщине; его глаза поблескивали от любопытства.

Лилит недоверчиво ответила на его взгляд. Другие чудеса Сада нравились ей лишь отвлеченно — так, что она вполне сохраняла самообладание. Но сейчас перед ней предстало нечто, недоступное ее пониманию. Бессмертная Лилит озадаченно взирала на Адама человеческими глазами, которые разглядели в нем что-то определенно интересное и привлекательное. Она поднесла руку к верхней части своего тела, которая поднималась и опадала от ее дыхания, и ощутила, как под гладкой выпуклостью материи, именуемой плотью, что-то сильно колотится.

Адам медленно приближался к ней. Они со-

шлись посреди поляны и поначалу долго не нарушали молчания. Наконец Адам произнес изумительным глубоким голосом:

— Ты совершенно такая, как я и предугадывал; я знал, что ты где-то здесь, но не мог отыскать. Где же ты пряталась?

Лилит едва совладала с разлившимся по ее телу непонятным жаром. Адам — всего лишь некое ограниченное знание, помещенное в новоиспеченную плоть; разницы нет, как эта плоть слеплена. Ее замысел слишком рискован, чтобы терять время на восхищение Адамом; нельзя задерживаться только потому, что ее новообретенным глазам понравилось глазеть на него. Она придала голосу нужную медоточивость и, глядя искоса, пропела:

— Меня здесь вовсе не было, пока ты не подумал обо мне.

— Пока я что? — сдвинул Адам золотистые брови.

— Господь сотворил тебя по своему образу и подобию, — пояснила Лилит, затрепетав ресницами. — В тебе еще сохранились божественные способности. Разве ты не знаешь, что тоже можешь творить, стоит только сильно захотеть?

Лилит вспомнила, как жаждала поймать его

импульсы, распространявшиеся по Саду широкими призывными волнами, предназначенными, казалось, только ей одной. Она с удовольствием откликнулась на них, сознательно покорившись невидимому ловцу, позволила вытянуть себя из текучей пустоты, разрешила облечь себя плотью по чьему-то повелению, пока ее суть не вместилась в это загадочное, мягкое, упругое вещество, столь легковесно откликающееся на все, что встречалось ей в Саду.

Адам покачал головой в знак сомнения.

— Тебя здесь не было. Я искал и не нашел, — произнес он, словно не слыша Лилит. — За день я перебрал всех животных — у каждого была пара, кроме человека. Поэтому я понял, что ты где-то здесь. Примерно знал, как ты выглядишь. Я решил: когда найду, назову тебя Евой — матерью всех живущих. Ты согласна?

— Хорошее имя, — промурлыкала Лилит, придвигаясь к нему, — но для меня не годится. Я Лилит, вышедшая по твоему зову из тьмы.

Она дерзко улыбнулась и вскинула руки; тенистый покров на ее плечах стал едва различим. Адам, казалось, не вполне понимал, что ему делать с собственными руками, когда пальцы Лилит сомкнулись у него на затылке, а сама она

привстала на цыпочки, взглянув ему в лицо.

— Лилит? — удивленно переспросил он. — Звучит красиво. А что это значит?

— Не важно, — проворковала она нежнейшим голоском. — Я пришла исполнить твое желание. — И тихо добавила: — Пригни голову, Адам, и я кое-что тебе покажу.

Так в Саду впервые поцеловались. Когда все закончилось, Лилит открыла глаза и в ужасе посмотрела на Адама, настолько глубоко взволнованная прелестью поцелуя, что едва могла вспомнить, какая причина его вызвала. Одурманенный Адам хлопал глазами. Теперь он знал, для чего нужны руки. Все еще сбитый с толку, он невнятно пробормотал:

— Слава Богу, что ты пришла! Если бы Он прислал тебя пораньше! Мы бы…

Лилит уже совладала с собой достаточно, чтобы нежно прошептать:

— Разве ты не понял, милый? Господь не посылал меня. Ты сам, по собственной воле, возжелал и призвал меня, позволил мне явиться из… ну, не важно… и прийти к тебе в облике, созданном твоим воображением. Я-то знала, сколько дивных дел мы вдвоем сможем осуществить в Эдеме. Ты точное подобие Господа, и твои возможности

превосходят твое разумение, Адам. — Поразительный замысел, посетивший Лилит в эфире, едва она впервые услышала безмолвный призыв человека, придал жара ее голосу. — Нет границ тому, что мы можем вдвоем тут сотворить! О таком величии даже сам Бог не помышлял…

— Ты такая красивая, — перебил Лилит Адам, глядя на нее с обезоруживающей простодушной улыбкой. — Как хорошо, что ты пришла…

Весь оставшийся у Лилит пыл вырвался в глубоком вздохе. Нет смысла сейчас с ним толковать: он так незрел. Наделен божественной мощью, но сам об этом не подозревает; даже не знает, что он — самостоятельная личность. Он еще не вкусил плода с Древа познания, и его невинность столь же безупречна, сколь и красота. Разум Адама пуст: возможно, Господь ничего туда не поместил, когда создавал его из теплой райской почвы.

А может, это и к лучшему: Адам слишком близок божественности, чтобы разделять взгляды Лилит. Мало ли что ей взбредет в голову совершить! Коль скоро ему неведомо разумение, он не станет задавать вопросов, а значит, к Древу ему приближаться ни в коем случае нельзя.

Древо… Ей тут же припомнилось, что Эдем пока остается пробным участком, а вовсе не

завершенным образцом. Теперь она, кажется, поняла, какой именно изъян в человеке позволил ей — единственной из всех эфирных существ — проникнуть в средоточие райского могущества, красоты и невинности. Лилит, олицетворение порока, не ошибалась на свой счет. Господь создал Адама незавершенным и, пожалуй, сам не подозревал о промахе. Адам, движимый собственной потребностью, создал себе женщину — также несовершенную.

Все это вдруг стало ясно Лилит, и она полнее прочувствовала отклик тела на крепкие объятия этого великолепного создания. Где-то на краю сознания вертелась чрезвычайно важная мысль, но разум отказывался за ней следовать — проскользнул мимо и зыбко умостился рядом с человеком, к плечу которого клонилась Лилит. Все-таки прелюбопытная штука — плоть! Ее бремя — несмотря на всепоглощающий вопрос о божественной цели, несмотря на опасность пребывания здесь — мешало Лилит забыть о близости Адама, о его сильных руках. Ценности поменялись с устрашающей быстротой, и больше всего пугало то, что ее это совершенно не заботило.

Лилит снова склонилась к нему на грудь и вдохнула медовый аромат апельсиновых цветков,

тщетно призывая себя не тратить драгоценное время. Господь может в любой момент опустить взор и заметить ее, а до того момента надо еще столько всего переделать. Нельзя поддаваться этому сладостному опьянению всякий раз, как Адам покрепче ее обнимет. В Саду необходимо возвести укрепления, и приступать следует немедленно.

Вздохнув, Лилит взяла Адама за руку, переплела свои пальцы с его и нежно промурлыкала:

— Я бы хотела прогуляться по Саду. Ты мне его покажешь?

Его голос потеплел:

— Конечно! Я рад, что ты сама попросила. Здесь так красиво.

Херувим, перелетавший через долину, увидел, что они направились к востоку. Он завис, трепеща крылышками, и нахмурился.

— Подождите, вот Он обратит свой взгляд вниз, и тогда посмотрим, что будет! — пропищал он.

Адам рассмеялся, а херувим возмущенно фыркнул и упорхнул, качая головкой. Лилит тоже засмеялась, прижавшись к Адамову плечу. Ее радовало, что он не понимает предостережений херувима: совершенство непорочности равносильно глухоте. Пока есть возможность, нельзя

разрешать ему пробовать плоды. Сущность порока ему недоступна и должна такой и остаться.

Лилит сама была квинтэссенцией абсолютного зла, противопоставленного абстрактному добру, и сознавала, что призвана уравновешивать это добро, тем самым утверждая его. По общему замыслу Творения ее задача не уступала по важности божественной миссии, поскольку нет света без тени, положительного без отрицательного и добра без зла. Впрочем, пока она не проявляла ни малейшей злонамеренности. Между ее отрицанием и беспорочной утвердительной силой этого мужчины не было противоречия.

— Смотри, — вытянул руку Адам.

Перед ними раскинулся усеянный цветами пологий холм; в одном месте виднелась рытвина с вывороченным пластом райской почвы, уже понемногу затягивающаяся зеленоватым налетом.

— Здесь меня сотворили, — тихо произнес он. — Из земли вот этого холма. Не правда ли… Не правда ли, чудесно, Лилит?

— Раз ты так считаешь… — проникновенно отозвалась она. — А почему чудесно?

— Животные, мне кажется, не понимают. На тебя вся надежда. Получается, что я и весь этот Сад — одно. Когда появятся другие люди, как

думаешь, будут ли они так же любить землю — до самозабвения? Будут ли испытывать те же чувства к местности, где они родились? Скажем, какой-нибудь холм или долина будут ли казаться людям одной с ними плоти, чтобы душой болеть за них, и сражаться, и умирать за них, если потребуется, — как поступил бы я, например! Тебе знакомо это чувство?

Воздух, вибрируя, омывал их, смягченный пением серафимов, и Лилит еще раз окинула взглядом долину, давшую жизнь Адаму. Она искренне старалась, но не могла до конца постичь то страстное слияние крови, что пульсировала в Адамовых жилах, с кровью Эдема.

— Эдем и ты — одно, — прошептала Лилит. — Понимаю. Тебе нельзя отсюда уйти.

— Уйти? — рассмеялся Адам. — Куда же? Эдем наш на веки вечные, а ты — моя.

Лилит беззаботно прильнула к его груди, внезапно ощутив, что ей приятно легкомыслие этой коварной плоти, которой она все же не доверяла. Но вдруг что-то произошло. От предчувствия Лилит вздрогнула и начала тревожно озираться, однако понадобилось несколько минут, прежде чем ее человеческие органы чувств обнаружили источник тревоги. Лилит запрокинула голову

и, нахмурившись, всмотрелась вверх сквозь листву.

— Что с тобой? — улыбнулся Адам. — Ангелы? Да они часто здесь пролетают.

Лилит не ответила: она прислушивалась. По Эдему все еще разносилось неясное пение серафимов. Но звуки, которые теперь пронизывали чистейший воздух, не походили на хвалебные гимны. В небесах что-то стряслось. Лилит слышала отдаленные восклицания высоких голосов, звеневших наподобие золотых колокольчиков в неизмеримой вышине, а еще лязг и свист огненных мечей. То тут, то там раздавался грохот, словно сами стены небесные рухнули под невообразимым натиском. Невероятно, но в небе разворачивалась битва!

Облегчение волной прошло по телу Лилит. Прекрасно, пусть себе воюют! Она тайком улыбнулась и теснее прижалась к Адаму. Какие бы беспорядки там ни происходили, они на некоторое время отвлекут внимание Господа от Сада, и это только на руку Лилит. Ей необходима отсрочка. Пока на небесах идет борьба, Лилит успеет попривыкнуть к капризам этой непонятной плоти, к странному воздействию, которое оказывает на нее Адам, — и тогда начнется война в Эдеме,

где Лилит сразится с Богом.

Дрожь страха и предвкушения вновь охватила ее при этой мысли. Она не знала, способен ли Господь убить ее, даже если бы очень захотел. Лилит — творение тьмы, неподвластное божественному свету; ее существование — необходимый элемент сооружения, возводимого Богом на небесах и на земле. Без таких, как Лилит, нарушилось бы равновесие мироздания. Нет, Бог не посмеет — пожалуй, и не сможет — уничтожить ее, зато Он в силах наложить на нее суровейшее из наказаний.

Взять хотя бы плоть. Она так слаба, так преходяща. От Лилит не укрылась разница между разумом и телом, где этот разум обитает. Возможно, мудрость Господа и заключалась в выборе этого хлипкого вместилища взамен некоего нетленного вещества. Сила Адама состоит в его невинности. Опасно доверять такую мощь самостоятельному существу, что и доказала бы на своем примере Лилит, если бы ее замысел осуществился. Но в ее планы не входило — по крайней мере, сейчас, — чтобы Бог устранил Свое телесное подобие. Надо этому как-то помешать. Еще немного, и она выберется из восхитительно теплого тумана, обволакивающего ее… Но пока

можно, никуда не торопясь, понежиться в объятиях Адама — пусть на небесах еще погрызутся друг с другом. Прежде ей не приходилось сталкиваться с таким состоянием, когда эмоции дымкой затемняют рассудок и во всем мироздании нет ничего важнее великолепного мужчины, к чьей груди так и хочется прильнуть.

Адам взглянул на нее, улыбнулся, и шум небесной битвы куда-то уплыл, словно его и не бывало. Полуодушевленный Сад — от травянистых корешков до древесных крон — тревожно колыхался, отзываясь на звонкие боевые кличи, доносившиеся сверху; но мужчина и женщина были глухи ко всему. Время их не занимало. Оно текло неощутимо, и вскоре над Эдемом сгустились тихие зеленоватые сумерки. Адам и Лилит расположились отдохнуть на замшелом берегу ручья, журчащего по камешкам. Прислонившись к плечу Адама и прислушиваясь к пению струй, Лилит вспомнила, насколько непрочно коренится жизнь в их телах.

— Адам, — прошептала она, — ты тогда сказал: «умирать». Ты знаешь, что такое смерть?

— Смерть? — безмятежно повторил Адам. — Что-то не припомню. Наверное, никогда не слыхал.

— Лучше тебе и не слышать о ней, — произнесла Лилит. — Ведь это равносильно уходу из Эдема.

Она почувствовала, как напряглась его рука, обнимающая ее.

— Нет! Я не хочу!

— Ты же не бессмертен, милый. Вот если бы…

— Если бы что? Договаривай!

— Если бы существовало Древо жизни, — медленно произнесла Лилит, обдумывая каждое слово, — древо с плодами, дарящими бессмертие, подобно плодам Древа, дающим познание, — вот тогда, верно, сам Господь не смог бы выдворить тебя из Эдема.

— Древо жизни, — тихо повторил Адам. — А какое оно, по-твоему?

Лилит прикрыла глаза.

— Наверное, черное, — ответила она, перейдя на шепот. — Черные ветки, черные листья — а между ними висят светлые блестящие плоды, словно фонарики. Представляешь?

Адам не ответил. Она взглянула на него — Адам сидел в сумерках с закрытыми глазами и о чем-то напряженно размышлял. Оба надолго замолчали. Наконец он облегченно вздохнул.

— Думаю, есть такое Древо, — произнес Адам. —

Наверное, оно стоит посреди Сада рядом с другим Древом. Я точно помню: плоды у него светлые, как ты и сказала. Они слегка сияют, будто в темноте под луной. Завтра попробуем.

Лилит, тихо вздохнув, вновь прислонилась к его плечу. Завтра он может обрести бессмертие — такое же, как у нее. Она беспокойно прислушивалась к еще долетавшим издали, из-под небес, боевым кличам серафимов. В небе война, а на земле — мир… В сгущающихся райских сумерках смолкли все звуки, кроме пения ручейка и вдали, за деревьями, — колыбельной, которую тонким высоким голоском мурлычет херувим, убаюкивая себя перед сном. Где-то поблизости сонно препирались такие же слабые голосочки, но потом и они затихли. Сладостная истома разлилась по телу. Лилит потерлась щекой о плечо Адама и ощутила, как ее опять охватывает столь знакомое помрачение всех чувств, накрывает с головой, словно вода. И был вечер, и было утро: день восьмой.

Лилит проснулась первой. Птицы радостно щебетали, и Лилит, лежа у Адама под боком, увидела, как через ручей стремительно перепорхнул херувим, пронзительно распевая торжественную песнь. Он их не заметил. В то весеннее утро весь

пробуждающийся Сад был переполнен сладким восторгом. Лилит улыбнулась и приподнялась — Адам даже не шевельнулся. Лилит взглянула на него, и накатившая волна нежности встревожила ее. Скоро она сочтет себя с Адамом одним целым, как сам он относится к Эдему, — до чего же все-таки коварна плоть!

Лилит поняла это вдруг, словно прозрев. Страх за собственную неприкосновенность волной обрушился на нее, и, не раздумывая, почти не осознавая своего поступка, Лилит вскочила на ноги и выскользнула из предательской плоти. Она устремилась в прозрачную утреннюю высь, улетая все дальше — неуловимая, как сам воздух. Выше, еще выше — пока Адам с его бесценным телом не скрылся из виду, а кроны деревьев, заслонившие его, не превратились в перистую зеленую массу. Вот уже показались стены, опоясывающие Сад, и вытекающие из Эдема реки, словно четыре огромных серебряных клинка, поблескивающие на солнце.

Рядом со спящим Адамом не осталось ничего, кроме неясного очертания женской фигуры, укутанной в тень и от этого едва различимой на моховом покрове. Глазу трудно было бы разглядеть ее в древесной тени.

Лилит, блаженствуя, плыла сквозь сияющую утреннюю пустоту. Отсюда ей хорошо были слышны громкие кличи серафимов «Осанна!», торжественные сладкозвучные хоралы, разносящиеся далеко за пределы яшмовых райских стен. Какой бы скандал ни произошел вчера на небесах, сегодня все разрешилось. Лилит не стала ломать над этим голову.

Она обрела свободу — свободу от тела и от пугающих слабостей, сопутствующих плоти. Зрение прояснилось; Лилит больше не вводили в заблуждение ценностные искривления, столь затрудняющие пребывание во плоти. Ее мысли снова обесцветились. Адам теперь виделся ей не чем иным, как грандиозным сосудом, наполненным божественной мощью. Ее восприятие было в Эдеме слишком искаженным, чтобы осознать ничтожность этого великолепного тела по сравнению с заключенной в нем властью.

Чистый прохладный эфир разогнал остатки иллюзий, а время, вечное и бесконечное, недвижно текло сквозь Лилит. Она и не подозревала, что так рисковала собой; это утреннее погружение в сияющие высоты помогло ей излечить рассудок от Адама. Освеженная и закаленная против рискованных слабостей, Лилит могла теперь

спуститься обратно, вернуться к осуществлению своей миссии. И необходимо поторопиться, пока Господь ее не заметил. Или Он уже за ней наблюдает?

Лилит описала в воздухе длинный изящный пируэт и устремилась вниз, к Эдему. Адам все так же лежал на мху, забывшись сном. Лилит спустилась ниже, поеживаясь от желания поскорее войти в недавно сброшенное ею тело и снова наполнить его жизнью. И вдруг…

Толчок, похожий на удар молнии, встряхнул ее в свободном полете, так что Сад внизу закачался. Там, где после нее оставалась только тусклая, эфемерная телесная оболочка, теперь рядом с Адамом, уснув на его плече, лежала светлокожая женщина из настоящей плоти. Длинные золотые волосы разметались на мху, и голова женщины приподнималась в такт дыханию Адама.

Лилит опомнилась и спланировала еще ниже, распаленная ревностью и гневом настолько, что не узнавала саму себя. Ту женщину окутывало слабое свечение — такое же, как у Адама. Но внутри ореола просвечивало тело, некогда принадлежавшее Лилит.

Лилит заметалась по воздуху в мучительном смятении. Значит, Бог все видел и, вероятно,

выбирал момент для удара! Он только что побывал здесь — возможно, всего мгновение назад. Об этом ей поведала особенная тишина, стоящая вокруг: все замерло, трепеща от недавнего божественного присутствия. Господь проходил здесь, увидел необитаемую плотскую оболочку, брошенную Лилит ради купания в эфире, и в мгновение Своего всевидящего ока распознал коварный замысел. Тогда Он взял покинутую плоть и применил по Своему усмотрению; теперь это бесценное, чуткое тело, загорающееся от одного прикосновения Адамовой руки, принадлежит другой женщине, занявшей место Лилит у плеча человека. Лилит затрясло от невыносимого страдания. Теперь ей уже не…

Адам начал просыпаться. Лилит повисла прямо над ним, ревниво наблюдая за тем, как он зевает, моргает, улыбается, поворачивает кудрявую голову, чтобы взглянуть на женщину, лежащую рядом. Он сел так резко, что золотистое создание у его бока вскрикнуло нежным высоким голоском и, распахнув синие глаза — синее, чем у херувимов, — укоризненно взглянуло на него. Лилит, исходя ненавистью, все же признала, что женщина по красоте сравнится с Адамом — изящная, исполненная счастливого неведения абсолютной

невинности. Таких нежных форм, манящих своей мягкостью, еще не видывали в Эдеме, но сама фигура, без сомнения, досталась ей от Лилит.

Адам воззрился на нее в крайнем изумлении.

— Л-лилит… — запнулся он. — Ты кто? А где Лилит? Я…

— Кто это — Лилит? — тихо спросила золотая девушка обиженным голосом, приподнявшись и откинув назад сияющие волосы. Ее руки двигались с прелестной и мягкой грацией. — Я не знаю. Я не помню…

Она смолкла на полуслове и обвела Сад голубыми глазами, заблестевшими от любопытства. Затем перенесла взгляд на Адама и нежно улыбнулась ему. Адам потрогал свой бок, и меж его бровей залегла складка от боли — первой в истории Эдема. По неизвестной причине ему припомнился взрытый берег, откуда Господь брал землю для его сотворения. Адам открыл было рот, собираясь что-то сказать, но в утреннем сиянии раздался спокойный и величественный бесплотный Глас.

— Я вынул у тебя ребро, человек, — сказал Глас, и вся округа встрепенулась: ручей перестал журчать, листья замерли на деревьях, птицы смолкли. Заполняя собой утреннюю тишь, Глас

продолжил: — Я создал тебе подругу и жену — она плоть от плоти твоей. Оставь всех прочих и прилепись к жене своей. Оставь всех прочих…

Глас смолк не сразу, постепенно затихая, и листва на деревьях трепетала, вторя удаляющимся звукам: «Оставь всех прочих… всех прочих… всех прочих…» Затем в Саду потемнело, и только теперь стало заметно, как светло было раньше. Небо потускнело, затянулось и поблекло, словно нахмурившись оттого, что Господь ушел.

Женщина ближе придвинулась к Адаму, умоляюще протягивая к нему руки. Ее напугали и бесстрастный величественный Глас, и затишье в Саду. Человек машинально прижал ее к себе успокоительным жестом. Он склонил голову, когда от Гласа в сотрясенном воздухе осталось только эхо.

— Да, Господь, — послушно произнес Адам.

Все вокруг помедлило еще мгновение, а потом в ручье боязливо прозвенела первая струйка, пискнула птица, подул ветерок. Господь окончательно удалился.

Раздираемая невыразимыми чувствами, бесплотная Лилит взирала на человека и женщину, одиноко сидящих на мшистом берегу, где прошлой ночью она была с Адамом. Сейчас он смот-

рел на льнущую к нему перепуганную девушку.

— Ты, наверное, и есть Ева, — обратился он к ней, и Лилит передернуло от нежности, сквозившей в его голосе.

— Если тебе так хочется, — прошептала девушка, взглянув на него и захлопав ресницами.

Лилит уже ненавидела его. Адам поверх золотистой макушки обозрел полянку и вымолвил:

— Лилит? Лилит…

Теплая волна охватила все существо Лилит, вылившись в едином крике:

— Да, Адам, да! Я здесь!

Может быть, он и слышал ее бесплотный возглас — столь страстным был ее ответный призыв, — но в этот момент Ева спросила, по-детски надув губы:

— Кто эта Лилит, Адам? Почему ты ее все время зовешь? А мне что делать?

Адам озадаченно посмотрел на нее. Пока он колебался, Ева, не теряя времени, жарко обняла его с тем неуловимым изгибом, свойственным одной Лилит. По этому самому признаку Лилит и поняла, что Господь взял именно ее плоть, чтобы потом из ребра Адама вылепить эту бесцветную девушку; Он использовал тот самый образец, что Адам придумал для Лилит. Теперь в этом образе

щеголяла Ева и знала наперед, не заучивая, все ухищрения, в которых проявилась вековая мудрость Лилит за время ее краткого пребывания в этом теле. Утраченную Лилит плоть, прелести владения этой плотью и даже Адама — все забрала себе Ева.

Ярость, слепое отчаяние, невыносимое страдание, окрасившее мир вокруг Лилит в черные цвета, скрыли от нее тех двух, что сидели под деревом. Она не вынесла бы дольше их присутствия. Лилит отвернулась с безмолвным отчаянным воплем, а потом вновь устремилась к бескрайним высотам над Эдемом. Но теперь эфир не мог облегчить ее горя. Лилит подумала, что и раньше он приносил ей мало утешения. Ее мучила болезнь от пребывания во плоти; не стоило так долго задерживаться в зараженном теле. Господь создал Адама несовершенным, а тот для утоления своей потребности раскинул сети, чтобы завлечь туда какое-нибудь доверчивое существо себе в угоду.

Лилит сгорала от стыда. Повелительница воздуха и тьмы, словно безмозглое простейшее, попалась в эту ловушку; Адам воспользовался ею так же, как сама она намеревалась воспользоваться им. Она стала его частью — пленница его несовершенной плоти, — и ее влечение к нему

было столь сильным, что спастись не представлялось возможным, пусть даже ее тело теперь ей и не принадлежало. Болезнь гнездилась в том теле, но яд успел проникнуть в самые недра существа, составляющего Лилит, и никакие омовения в горних высотах ее не очистят. Во плоти или нет, на земле или в воздухе — везде ее будет преследовать ненасытное и неутолимое желание.

В уме Лилит зародилось тягостное подозрение. Адам в своей невинности не додумался бы до такого. Значит, Господь все это время знал? Может, вовсе не случайно Адам был создан несовершенным? И не было ли это наказанием Божиим тому, кто вмешается в Его замысел?

Лилит решила, что так оно и есть. Не будет грандиозной битвы света и тьмы, к которой она начала готовиться, едва Господь узнал о ее проникновении в Эдем. Война не состоится: Лилит уже разбита — осуждена и наказана одним мановением Его руки. Никакой славы не стяжала она — только страстную тоску, духовное томление — более ненасытное, чем любой плотский голод, — по мужчине, отныне для нее недосягаемому.

Лилит пронзала горние высоты над Эдемом, тысячи лет как одно мгновение, потому что вре-

мя для пустоты — ничто, — осознавая, что Адам потерян для нее навсегда. Навсегда?

Лилит металась среди эфира, не позволяя себе опрометью броситься в неизведанную высь. Неужели навсегда? Адам ведь уже начал озираться, звал ее — даже в тот момент, когда обнимал эту бледную захватчицу. Возможно, Господь недооценил силу необычных уз, связавших первых райских мужчину и женщину. Наверное, Бог не допускал, что Лилит не уступит. Но кто знает, потеряна ли надежда?..

Лилит все глубже погружалась в сияющую бездну, пока под ней куполом не раскинулся Эдем и над Садом не понеслись сладкозвучные песнопения серафимов. Она застала Адама и Еву на берегу того же ручья. Ева сидела на камушке, болтая в воде прелестными ножками и косясь на Адама голубыми глазами. Тот улыбался, отвечая на ее взгляды. Лилит еще сильнее ее возненавидела.

— Адам! — пищала Ева (теперь Лилит спустилась настолько, что услышала их). — Смотри, я сейчас упаду! Лови меня! Скорее!

Лилит узнала эту манеру ворковать, к которой приспособила горло своего бывшего тела. Вспомнив, каким округлым и мягким был некогда ее голос, Лилит беспомощно и яростно заюлила,

отчего воздух в Саду пошел волнами, как в сильную жару.

— Поймай меня! — кричала Ева таким зазывным голоском, какого еще не слышал мир.

Адам вскочил и подхватил ее, когда она уже соскальзывала с камня. Ева обвила его шею светлокожими руками и залилась смехом — таким заразительным, что два пролетавших мимо херувима зависли в воздухе и, переполненные весельем, стали тузить друг дружку крыльями.

«Адам… Адам… Адам…» — безмолвно стенала Лилит. Она вложила в этот неслышный вопль все разочарование и отчаяние, всю свою тоску. Адам перевел взгляд с золотой Евиной головки куда-то ввысь, и улыбка растаяла на его лице. «Адам!» — снова выкрикнула Лилит, и на этот раз он услышал.

Он ответил не сразу. Общение с женщинами научило его терпению. Вместо этого он кивком подозвал круживших над ним херувимов. Они подлетели, оба порозовевшие от потасовки. Ева изумленно распахнула глаза, когда два пухлощеких создания с радужными крылышками, хохоча, устремились прямо на нее и тут же замерли, ожидая распоряжений Адама.

— Вот парочка здешних херувимов, — предста-

вил их Адам. — Дан и Бефуил — они живут на Древе, у них там гнездо. Ну, ребята, расскажите-ка ей про Древо. А я, дорогуша, пока пойду нарву плодов нам на завтрак. Жди меня здесь.

Ева послушалась, проводив Адама тоскливым взглядом, а херувимы затрещали наперебой, беспрестанно препираясь друг с дружкой.

— Так вот, есть, значит, Древо посреди Сада…

— Нет, сначала о плодах, Дан. Их нельзя…

— Да, вам нельзя притрагиваться…

— Нет, все не так, Дан. Михаил разрешил притрагиваться, а вот есть…

— Не перебивай! Так вот, сначала. Значит, есть такое Древо…

Адам медленно удалялся вниз по течению ручья. В Эдеме еще никто ни разу не лгал. Адам всего лишь шел за плодами, но Лилит приметила, что он приглядывается к тенистым узорам между деревьями и что у него озабоченное лицо. Тогда она спустилась к нему, невидимая, зашуршав листвой:

— Адам… Адам!

— Лилит! Где же ты?

Неимоверным усилием Лилит собрала свою суть воедино, сгустив ее настолько, что, несмотря на бестелесность, беззвучность и неосязаемость,

усердия хватило на то, чтобы Адам смог ее услышать и увидеть, смутно, будто издалека, — колеблющийся контур на древесном фоне, тот самый облик, что он когда-то придал ей. Лилит с трудом удерживала эту целостность, мерцая перед его глазами.

— Лилит! — выкрикнул он, потянувшись к ней, и в два огромных прыжка оказался рядом.

Она скользнула в его объятия, но мускулистые, облеченные в сияние руки сомкнулись, прошли сквозь нее и сжали пустоту. Она горестно выкликала его имя и, трепеща, прижималась к Адаму всей своей бестелесностью. Но Лилит более не ощущала его, так же как и он не мог теперь ее осязать, и прежняя боль, посетившая Лилит в эфире, снова нахлынула на нее. Даже сейчас, в его объятиях, ей не дозволялось прикасаться к человеку. Отныне она для него — не более чем привидение, тогда как Ева — Ева, похитившая ее тело…

— Адам! — опять позвала Лилит. — Ты сначала был моим! Слышишь? Адам, если бы ты захотел, то вернул бы меня! У тебя ведь однажды получилось — выйдет и снова. Попробуй же!

Он вглядывался в ее туманные черты, сквозь которые просвечивала трава на склоне холма.

— Что случилось, Лилит? Тебя едва видно!

— Когда-то ты так сильно желал меня, что вызвал из небытия и облек плотью, — в отчаянии выкрикнула она. — Адам, Адам, пожелай меня снова!

Он не сводил с нее глаз.

— Хорошо, — ответил Адам, и голос предательски дрогнул. Затем он позвал громче: — Вернись, Лилит! Что с тобой? Вернись же!

Лилит закрыла глаза, чувствуя, как реальность восхитительным потоком пронизывает все ее бесплотные члены. Она уже нащупывала траву под босыми ногами, жадными пальцами касалась Адамовой груди. Он обнимал ее, и в его руках она проявлялась из пустоты, заново вливалась в плоть — благодаря Божественному подобию самого Бога. Как вдруг…

— Адам… Адам! — тихо прозвенел среди листвы нежный, чистый голосок Евы. — Адам, где ты? Мне хочется пойти и взглянуть на то Древо. Где же ты, милый?

— Скорее! — торопила Лилит, нетерпеливо колотя полуматериальными кулачками Адаму по груди.

Объятия ослабли. Адам оглянулся, и его прекрасное лицо омрачилось. Он вспомнил.

— «Оставь всех прочих», — пробормотал Адам каким-то чужим голосом.

Льнущая к нему Лилит слегка вздрогнула: она узнала отзвук того Гласа, что обращался к Адаму в тишине. «Оставь всех прочих, — сказал тогда Господь, — и прилепись к жене своей».

Адам разжал объятия, его руки повисли.

— Я… Я скоро… Ты подожди… — попятившись, неуверенно обратился он к прелестному туманному облику, едва различимому в древесной тени. — Я вернусь…

— Адам! — еще нежнее позвала Ева где-то поблизости.

— Иду, — откликнулся он.

Он окинул Лилит долгим прощальным взглядом, затем повернулся и легко побежал прочь, в лес. Деревья перед ним расступались, и полубожественный отсвет от него ложился на листву.

Лилит смотрела вслед воплощению сияющей красоты до тех пор, пока Адам не исчез из виду. Тогда она закрыла лицо едва видимыми ладонями; колени подогнулись, и она скорчилась на траве. Ветер, дующий ниоткуда, трепал эфемерные волосы, не задевая листвы. Лилит стала наполовину плотской и могла плакать. Рыдания явились для нее откровением и немного облег-

чили душу.

Потом Лилит услышала — кажется, прошло немало времени — тихое шипение. Окутанная тенью собственных волос, она некоторое время прислушивалась, икая и почти перестав всхлипывать. Наконец подняла глаза, ахнула и легко вскочила на ноги: полуреальное существование не требовало усилий.

Сбоку на нее косил глазом ухмыляющийся змей. Он прекрасно смотрелся в зеленом сумраке подлеска, и Лилит, хотя недавно любовалась Адамом, поймала себя на легкой дрожи восхищения. В те дни змей был таким же прямоходящим, как и человек, и даже в его облике было немало человеческого, но его привлекательность отличалась от красоты Адама, как день от ночи. Он был гибок, покрыт нарядной чешуей и по всем меркам относился к красивейшим особям мужского пола. Вокруг него распространялось смутное сияние, исходившее от неясно видимого ангела, крылатого и грозного. Ангел изливал на змея свет, тому не свойственный. Среди этого-то небесного свечения и раздался невозмутимый голос змея:

— Повелительница воздуха и тьмы! Не ожидал тебя здесь встретить. Как ты попала в это тело?

Лилит собралась с духом, прогнала икоту, вста-

ла, смущенно взмахнув пышными волосами, и ответила с мрачной невозмутимостью:

— Так же, как ты — в свое, надо полагать. Впрочем, притворись получше, если захочешь кого-нибудь обмануть. Что привело тебя в Эдем, Люцифер?

Змей оглядел себя и пустил по переливающейся чешуе пару плавных волн, после чего очертания ангела, парящего в воздухе, постепенно поблекли, а привлекательность змеева тела усилилась, словно его плоть приобрела дополнительную красоту. Змей взглянул на Лилит:

— Ну, так лучше? Да, я спустился сюда намеренно. У меня… дело к Адаму. — В его невозмутимом голосе промелькнула жестокая нотка. — Ты, наверное, слышала о вчерашней заварушке на небесах? Я постарался.

— О заварушке? — откликнулась Лилит.

Поглощенная своим горем, она уже и думать забыла о звуках сечи и громких боевых кличах серафимов.

— Разгар битвы был просто великолепен, — ухмыльнулся Люцифер. — Кровь ручьями стекала по золотым мостовым. Честно говоря, отрадно, что крик «Осанна!» на небесах удалось хоть как-то разнообразить. Но… — он пожал плечами, — они

одержали верх. Слишком многие оказались глупцами и приняли сторону Иеговы. Впрочем, мы задали им жару и вдобавок прихватили с собой часть яшмовой стены, когда нас выкинули оттуда. Бог победил, зато теперь он дважды подумает, прежде чем снова меня оскорблять.

— Он тебя оскорбил? — удивилась Лилит. — Как?

Люцифер, окутанный сиянием блестящей чешуи, вытянулся во весь свой внушительный рост:

— Господь сотворил меня из огня! Неужели я буду пресмыкаться перед… перед этим куском глины по имени Адам? Может, другие ангелы и послушаются, если Господь велит им преклоняться, но со мной это не пройдет!

— Потому ты и здесь?

— А что, это не причина? У меня с Адамом свои счеты.

— Не тронь его, — беспомощно приказала Лилит. — Он подобие Божие, а тебе, ты сам знаешь, с Господом не тягаться.

Люцифер снова выпрямил величественное мерцающее тело и посмотрел на нее свысока:

— Подумаешь, кусок глины. Не так уж он и совершенен. В чем его изъян? Ты-то его получше

знаешь.

Лилит молча взирала на змея, чувствуя, как ее полуоформившаяся плоть переполняется таким волнением, что не было сил его скрыть. Ведь это редкая удача! Господь сам влагает орудие мщения ей в руки!

— Изъян есть, — произнесла она, — и я скажу какой… при одном условии.

— Говори, я все исполню, — легковесно пообещал Люцифер. — Что за условие?

Лилит медлила, подбирая слова.

— Ты враждуешь не с Адамом — он-то не просил тебя ему поклоняться. Это все Господь. Человека не тронь, а вот жену, которую дал ему Господь… — Лилит поперхнулась. — Мне кажется, она не устоит, если ты захочешь с ее помощью нарушить божественный замысел. Но человека пощади, ради меня.

Люцифер беззвучно присвистнул, приподняв брови:

— Ого!

— Я первая увидела Адама, — оправдываясь, пояснила Лилит. — Он мне нужен!

Люцифер сощурил глаза:

— А зачем? Впрочем, какая разница? Не будем спорить. Если все пройдет гладко, я потом поде-

люсь с тобой кое-какими мыслями. Вдвоем мы способны устроить здесь такой переполох!

Лилит едва заметно содрогнулась. Когда-то она вместе с Адамом тоже строила большие планы. Все еще может состояться… если, конечно, Господь не слышит этот разговор.

— Так ты не тронешь его?

— Так и быть, не стану ломать твою любимую игрушку. А ведь верно, мне надо биться с Богом, а не с этим ходячим комом глины, именуемым Адамом. Так в чем же хитрость?

— Эдем, — медленно выговорила Лилит, — всего лишь пробный участок. И конечно же, не все в нем продумано до конца, иначе нам было бы сюда не пробраться. Посреди Сада Господь посадил Древо и запретил любому трогать его. Это проверка.

— Кажется, я начинаю понимать.

— Проверка на послушание. Бог не доверяет человеку: он создал его слишком могучим. Древо есть познание добра и зла, а Бог не хочет, чтобы знание проникло в Сад, потому что он властвует над человеком только в силу его неведения о собственных возможностях. Если кто-либо из этой пары съест плод, Бог вынужден будет его сразу же устранить. Люцифер, уговори женщину

попробовать плод, и тогда Адам останется в Эдеме со мной!

Змей искоса взглянул на нее и засмеялся:

— Но ведь если один из них не выдержит испытания, о котором ты толкуешь, то Бог перестанет доверять им обоим, разве нет? Он сочтет их нынешний облик незаконченным, уничтожит их и задумает новый опыт претворения мира.

Лилит не могла справиться с дыханием. Волнение накатывало на нее, словно прилив, и нездешний ветер развевал ее темные волосы.

— Пусть только попробует! — запальчиво выкрикнула она. — Я спасу Адама. Господь допустил оплошность, вложив в Сад столько мощи. Ему не надо было одушевлять Адама и начинять подобием разума. Бог должен был скрыть от него близкую связь человека и земли, из которой тот сотворен. Адам и рай — единая плоть: они равно наделены божественным даром. Бог не сможет уничтожить одно без другого, а вместе они — сила. Если они разом восстанут против Бога, а я помогу им…

Оттенок сочувствия проскользнул на прекрасном змеином лице Люцифера.

— Бог одолел и меня, — напомнил он. — Думаешь, с тобой ему не справиться?

Лилит смерила его дерзким взглядом:

— Я повелительница воздуха и тьмы. У меня свои хитрости и возможности, над которыми не властен даже Бог. Если сложить их с силами Адама и всего рая… Сад полон жизни и могущества, Адам одной с ним плоти; им нельзя друг без друга, как и человек не может обходиться без женщины. Сейчас у Адама есть Ева, но, когда Евы не станет, он вспомнит о Лилит. Непременно вспомнит! И сразу поймет, какая опасность ему угрожает! А с моей помощью ему, возможно, удастся ее предотвратить.

— Если Господь устранит Еву, — вмешался Люцифер, — то и Адама вместе с ней. Они суть одно.

— Но ведь не обязательно Он устранит их одновременно — я готова даже поспорить. Я бы сама убила ее, если бы только могла, но мне позволено трогать в Саду только то, что само мне не противится… Нет, придется подождать, пока Ева не обнаружит неумение управлять собственной плотью, а когда Бог будет ее наказывать, я постараюсь улучить момент и поднять против него Эдем. Сад можно считать почти разумным. Думаю, мне удастся его подстрекнуть — возможно, не без помощи Адама. Адам и Эдем неразделимы, а когда мы избавимся от Евы, я

буду так же неотделима от Адама, как и прежде. Все мы по отдельности не одолеем Господа, но если соединить Эдем, Адама и меня, то нам это будет по силам! — Лилит тряхнула головой, и густая темная шевелюра туманом окутала все ее тело. — Эдем — самостоятельная сущность; думаю, мне удастся заключить всех нас в непроницаемое пространство, а во тьме есть места, где мы сможем укрыться даже от Бога!

Люцифер снова прищурился:

— Может быть, может быть. — Он медленно склонил голову. — Ты, конечно, обезумела, но с моей помощью, глядишь, что-то и выйдет. Конечно, женщина собой недурна… — Он рассмеялся. — Какая досада для Господа!

— Эта женщина, — задумчиво произнесла Лилит, — носит мое тело, а я — само зло… Надеюсь, в ней сохранилось немало порока, и Ева сама, хм, потянется к тебе. Удачи, Люцифер!

В самом центре Сада, в низкой лощине, покрытой бархатистой травой, росли два дерева. На одном краю поляны стояло темное Древо, листва которого, словно мантия, облекала неяркий свет, исходящий изнутри, от скрытых там плодов жизни. А Древо познания посреди лощины выставляло напоказ свои румяные плоды, словно

полыхающие внутренним огнем среди глянцевито-зеленых листьев. Древо познания добра и зла и было средоточием рая, его сердцем; от него расходились по Саду пульсирующие воздушные волны.

Ева ступила босой ножкой на склон лощины и боязливо оглянулась. В пасти змея затрепетал раздвоенный красный язычок.

— Ева, — тихо подбодрил он, — Ева…

Она улыбнулась и стала спускаться, а змей последовал за ней гибкой поступью неземной красоты, ныне навсегда утраченной. Никому не ведомо, как шествовал змей до грехопадения. Из всех земных существ это знает только Ева, и кое-что она никогда не рассказывала Адаму.

Они остановились в тени Древа. Их пронизывали плавные и сильные воздушные колебания, отчего светлые волосы Евы слегка колыхались. Все плоды Древа показались из листвы, чтобы рассмотреть ее, а ближние ветки любовно склонились к женщине, составлявшей с Адамом одну плоть.

Одна из веток заманчиво пригнулась, и Ева потянулась за румяным яблоком, скользнувшим ей прямо в ладонь. Оно будто само оторвалось от черешка; Ева уставилась на плод, и ее рука вдруг

затряслась. Попятившись, она натолкнулась на змея и взвизгнула от накатившего на нее страха. Змей же нежно обвился вокруг ее прелестного, облеченного бледным сиянием тела и, склонив мужественную точеную голову, прошептал ей что-то на ухо таким безмятежным и любезным голосом, что весь страх улетучился.

Ева, улыбнувшись, сжала в руке плод, а потом поднесла к алому рту. По Саду пробежал шелест, потому что она долго медлила, покусывая зубками румяную щечку познания. Все замерло на несколько бесконечно долгих мгновений, пока наконец не возобладала невинность, и тогда змей торопливо шепнул в очередной раз:

— Ева…

Лилит дрожала в объятиях Адама.

— Ты сначала был моим, — горячо шептала она. — Ты, я и весь Сад — неужели забыл? Я была твоей женой еще до нее, поэтому ты и поныне — мой!

Адам глядел на свои руки, просвечивающие сквозь призрачное тело Лилит. Его поразил ее неистовый голос, но разум был по-прежнему окутан бездумной пустотой невинности, и Адам с трудом понимал, о чем речь, хотя и пытался изо всех сил. Вибрации, пронизывающие Сад,

неожиданно утратили размеренность. Лилит поняла, что произошло, и задохнулась от волнения, выкрикнув в отчаянии:

— Адам! Адам… Не позволяй никому разлучать нас троих — тебя, рай и меня! Если постараешься, то мы останемся вместе! Я знаю, что ты можешь! Ты…

Воздух сотрясся от мощного удара, весь Сад пошатнулся. Деревья нагнулись, словно под напором урагана. Адам в ужасе поглядел вверх, а Лилит от предвкушения зашлась неистовым смехом и закричала:

— Вот оно! Ну же, Адам, скорее! Поторопись!

Она проскользнула сквозь его руки, все еще сжимавшие ее, и, трепеща, понеслась прочь, через лес, не препятствовавший ее продвижению. Адам ошеломленно следовал за ней по ошеломленному Саду.

Эдем все еще трясло от беззакония, только что совершившегося у подножия Древа. Лилит, пробегая, взглянула на небо. Может, божественный удар грома уже поразил женщину, лишив ее жизни до того, как они подоспеют туда?

— Подожди, подожди! — задыхаясь, беззвучно взывала она к Господу. — Дай мне немного времени.

Вдруг молния попадет и в Адама, пока он бежит за ней средь расступающихся деревьев?

— Поторопись! — едва могла вымолвить Лилит.

Обессиленные, остановились они у края лощины, где росло Древо. Внизу, не прикрытая тенью, ясно виднелась Ева, сжимающая в руке плод с белым надкусом на румяном боку. Она оглядывалась вокруг так, словно увидела Сад впервые в жизни. Где же Господь? Он оставил ее стоять здесь как ни в чем не бывало?

Лилит, смешавшись, не сразу заметила змея, только в тени Древа что-то радужно переливалось. Еще не опомнившись от волнения, она все же злорадно усмехнулась. Люцифер не осмелился выступить против Бога.

Впрочем, у нее уже не оставалось времени ни на Люцифера, ни на Еву. По неизвестной причине Господь придержал карающую длань, и надо успеть воспользоваться отсрочкой. Бог расправится с Евой и примется за Адама, поэтому медлить нельзя. Лилит должна позаботиться об Адаме, о живом рае. Все мироздание ожидало, что произойдет в последующие мгновения.

Лилит ступила на край лощины, и порыв темного ветра, налетевшего ниоткуда, завихрился

вокруг нее, взметнув ей волосы, пока их облако не скрыло ее из виду. Из облака раскатисто загремел голос Лилит, приноравливаясь к дыханию Эдема — и Адама.

— Рай! — воззвала она. — Эдем, слушай меня! Я Лилит, жена Адама…

Вокруг нее наметилась неясная суматоха, некий проблеск сознания. Все в Эдеме понемногу ожило, засуетилось, подступило ближе, вылезши из недр земных, — мир чудесным и устрашающим образом пробудился в ответ на ее зов.

— Адам! — выкрикнула Лилит. — Ты меня слышишь? Ты одной плоти с Эдемом, а Ева вас обоих погубила. Она позволила проникнуть в Сад знанию, что Господу совсем не по нраву. Он всех покарает из-за Евы, если вы не прислушаетесь к моим словам…

Лилит увидела, что Адам отвлекся от Евы и теперь со страхом и любопытством смотрит на нее. Пробудившееся внимание Сада сгустилось вокруг него настолько, что райская земля казалась слитой воедино с плотью человека; их объединяли стремление остаться нераздельными и пронзивший обоих страх разлучения и смерти.

Неужели Господь задумал такое завершение для Своего замысла — то, что Лилит считала всего

лишь началом? Удивляться было некогда, но эта безумная мысль промелькнула у нее в голове в тот момент, когда Лилит увещевала рай голосом столь же медоточивым, что и в разговоре с Адамом. Весь огромный Сад вздрагивал, осознавая призыв; каждый стебелек, побег и сучок источали понимание; разумный трепет пронизывал всю округу вплоть до холма, где стояла Лилит, — и одновременно все это было Адамом. Сад слышал ее речь и внимал ей, и Адам слышал, и во всем мире существовали только они трое. Лилит уже не сомневалась в успехе, она почти держала его в руках. И вдруг…

— Адам! Адам… — закричала Ева, стоящая под Древом.

Звонкий голос Лилит смолк перед завораживающим призывом, и Сад вокруг нее застыл в сомнении.

— Адам! — кричала Ева, и от страха ее голос утратил всякую мелодичность.

Человек, стоявший позади Лилит, зачарованно спросил:

— Что, Ева?

«Боже… Боже, убей же ее, не медли!» — безмолвно молила Лилит. Вслух же она произнесла:

— У Евы с Садом ничего общего! Не слушай ее,

Адам! Она погубит и тебя, и Сад!

— Адам, Адам! Где же ты?

— Иду, — ответил Адам все тем же сиплым одурманенным голосом.

Лилит взметнулась в облаке своих призрачных волос. Где же Бог?! Почему Он удержал свою руку? Сейчас самое время нанести удар, пока еще есть надежда. Немедленно! Молния непременно ударит с небес — надо только подольше отвлечь Адама…

— Адам, подожди! — в отчаянии вскричала она. — Адам, ты же любишь меня! Если сейчас уйдешь…

Лилит запнулась, потому что он невидяще воззрился на нее, словно не узнавал. Сияющий ореол вокруг него горел, подобно пламени. Речи Лилит усыпили его, как усыпили и весь Сад; любящая Адама земля слилась с ним в одну плоть и прислушалась к женщине, говорившей с ними из тьмы. Всего мгновение назад для Эдема и Адама не было во всем мире ничего, кроме нее, как вдруг…

— Адам! — вскрикнула сорвавшимся от страха голосом Ева.

— Не слушай ее! — истошно закричала Лилит. — Она здесь чужая! У нее свой удел! Господь уничтожит ее — как и тебя, если ты меня бро-

сишь! Стой на месте — пусть она умрет! Мы с тобой снова останемся в Саду наедине… Адам, не слушай ее!

— Я… я вынужден слушать, — туповато пробормотал он. — Уйди с дороги, Лилит. Разве ты не понимаешь? Она со мной одной плоти, мне надо идти.

Лилит ошалело уставилась на него. Одной плоти! Это она упустила из виду. Она слишком напирала на его общность с Садом и совсем забыла, что Адам и Ева тоже едины. Перспектива поражения грузом легла на ее плечи. Лилит качнулась вперед в последней безрассудной попытке удержать Адама; вокруг них тревожно шелестел Сад, смятенный ее испугом и терзаемый страданием человека. Ее призрачное тело колыхалось между Адамом и лощиной, словно пытаясь преградить ему путь, но он прошел сквозь Лилит, как сквозь туман, и, шатаясь, слепо направился вниз по склону, к Еве, стоящей под Древом с плодом в руке. Евино лицо уже исказилось от ужасного осознания.

С высоты Лилит увидела то, чего не успел заметить Адам. Она зашлась безумным смехом и выкрикнула:

— Ты посмотри на нее, Адам! Ты только по-

смотри!

Адам заморгал и пригляделся.

Ева стояла под Древом нагая. Ослепительная красота, облекавшая ее, подобно одежде, исчезла вместе с утерянной божественной непорочностью, и Ева была уже не той безгрешной богиней, что проснулась этим утром на Адамовом плече. Она вздрагивала, худая, жалкая и смущенная — пародия на безупречную красавицу, час назад спустившуюся с холма вместе со змеем. Она этого еще не осознавала.

Ева взглянула на топчущегося рядом Адама и неуверенно улыбнулась.

— Наконец-то, — произнесла она огрубевшим голосом. — Мне вдруг все показалось таким… таким непривычным. Держи, — она протянула ему яблоко, — оно вкусное. Вкуснее, чем ты мне приносил. Попробуй.

Лилит вглядывалась в нее с вершины холма, и ужас на мгновение вытеснил нарастающую тревогу из-за божественного промедления. Неужели знание так уродливо? Почему оно изгнало красоту Евы, словно некую болезнь? Совершенное знание должно было разом увеличить силу и притягательность Евы — еще до того, как Господь успел бы ее поразить…

Неожиданно Лилит все поняла. Совершенное знание! Но ведь Ева только надкусила плод, поэтому и получила лишь искаженную полуправду. Она утеряла красоту невинности, но еще не достигла великолепия высшей истины. Значит, поэтому Бог медлит? Поскольку ее знание несовершенно, она, возможно, вовсе не угрожает его могуществу в раю. И тем не менее она его ослушалась, она больше не может претендовать на доверие Господа… Тогда чего же Он ждет? Почему Он не убил ее еще тогда, когда она подносила яблоко ко рту?

Паника охватила Лилит и комом встала в горле — неужели Всевышний потешается над ней? Не она ли сама молила об этой отсрочке и теперь Он упивается ее провалом?

— Попробуй яблоко, — повторила Ева, подавая плод.

— Адам! — отчаянно закричала Лилит с края низины. — Адам, взгляни на меня! Ты вначале любил меня — или забыл? Посмотри же на меня!

Адам обернулся. Ветер, скрывавший Лилит в облаке ее волос, улегся. Сияющая, стояла она наверху, и тьма рекой омывала белые плечи. Лилит блистала такой красотой, какая больше никогда не снизойдет ни на одну смертную женщину.

— Я была первой! — крикнула Лилит. — Ты любил меня еще до нее — возвращайся же ко мне, пока Господь не поразил вас обоих! Вернись, Адам!

Он беспомощно внимал ей, затем обернулся к трясущемуся рядом существу, в чьих глазах сквозило непонятное и страшное знание. Он так же долго глядел на Еву, а потом протянул руку за яблоком.

— Адам, нет! — завизжала Лилит. — Посмотри, что сделало знание с Евой! Ты будешь таким же голым и жалким, как она! Не ешь его, Адам! Ты сам не ведаешь, что творишь!

Подняв плод на ладони, Адам посмотрел на Лилит. Его окружало трепетное радостное сияние; ослепительный и совершенный Бог обращался к ней из-под Древа.

— Да, я знаю, — ответил он таким чистым голосом, какого она еще ни разу не слышала из его уст.

— Господь убьет тебя! — застонала Лилит и возвела очи горе в ожидании грома небесного, уже готового обрушиться на Эдем.

— Знаю, — повторил Адам и, помолчав, добавил: — Ты не понимаешь, Лилит. Ева одной со мной плоти — ближе, чем Эдем, и ближе, чем

ты. Помнишь, что сказал Господь? «Оставь всех прочих…»

— Ева! — безнадежно воскликнула Лилит. — Не давай ему! Ты же обречена, так неужели теперь потянешь и его за собой?

Ева взглянула вверх — ее голубые глаза потемнели от осознания. Она захихикала, и последние крупицы ее красоты сразу растаяли.

— Оставить его тебе? — спросила она. — О нет! Мы с ним одной плоти — у нас один удел. Ешь, Адам!

Он послушно поднес яблоко к губам, и его зубы вонзились в румяную кожицу и белую мякоть. Сад потрясенно затих; все вокруг безмолвствовало, пока Адам грыз сочный плод. Затем он обернулся и не выдержал взгляда Лилит: его пробужденный разум озарился осознанием себя как самостоятельной и свободной сущности. Сияющий ореол поблек, затрепетал и стек по ногам. Адам был гол. Странное стеснение, свойственное человеку, дрожью пронзило это некогда великолепное тело — Адам утратил величие, перестал быть Адамом.

Лилит позабыла, что ждала вмешательства Господа. У нее так зашлось сердце, что на мгновение ей не стало дела ни до Бога, ни до Эдема, ни до грядущего. Перед ней стоял уже не Адам — и он

больше никогда не будет Адамом.

— Послушай, — боязливо зашептала Ева человеку, — как тихо вокруг! Музыки не слышно. Серафимы больше не поют у престола.

Лилит равнодушно взглянула ввысь. Значит, Бог все же придет…

А над Эдемом по-прежнему разносился звучный хор мелодичных безмятежных голосов. Адам наклонил поблекшую голову и прислушался.

— Да, верно, — ответил он. — Они молчат.

Лилит его не слышала. Она поняла, что за ужасная хворь то нарастает, то отступает в ней — ненависть. Ненависть к Адаму и Еве и к тому, как они с ней поступили; ненависть к этим нагим убожествам: бывшему восхитительному полубогу — ее возлюбленному — и к существу в ее бывшем облике, принятом Лилит ради него. Конечно, они могут овладеть знанием до конца и снова стать совершенными, но такое совершенство навсегда отдалит их от Лилит. Они все теперь — одна плоть, и даже Бог тут бессилен.

Лилит взглянула на них и еще сильнее возненавидела обоих. Ева самим своим существованием оскорбляла безупречное совершенство, по-прежнему присущее Лилит, а Адам… Адам трясся, стоя под Древом, и в его глазах застыло искаженное,

неполноценное знание…

Рыдание комом поднялось к горлу Лилит. Прежде Адам был совершенством, и об этом невозможно забыть. Она все еще любила воспоминание о том, кто теперь, обернувшись полным ничтожеством, дрожит у подножия Древа. Пока он жив, поняла Лилит, ей не быть свободной: ее вечно будет терзать слабость плоти, роднящей ее с Адамом. Мысль о вечной тоске по тому, кого больше нет, была нестерпимой. Лилит запрокинула голову и вгляделась в небеса; сквозь сияние, нисходящее на Эдем, доносилось сладкозвучное пение, которого ни Адам, ни Ева больше не услышат.

— Иегова! — зарыдала она. — Иегова! Спустись и уничтожь всех нас! Ты был прав: они оба слишком порочны и навлекают беду на каждого, кто с ними встретится. Боже, сойди и дай нам покой!

Ева взвизгнула от ужаса.

— Слушай! — закричала она Адаму. — Ты только послушай ее!

На измученном лице Адама, некогда блиставшем бессмертной красотой, запечатлелся свойственный человеку страх.

— Древо жизни! — вскричал он. — Никто не тронет нас, если мы отведаем его плодов!

В мгновение ока он обернулся и впопыхах стал пробираться к темному Древу; у Лилит сердце сжалось от его неповоротливости. Вчерашняя легкость и гибкость улетучились вместе с красотой — тело отныне тяготило Адама.

Но ему не суждено было добраться до Древа. Неожиданно над Садом вспыхнул ослепительный свет, и в небесах все смолкло, а в Эдеме улегся ветер.

— Адам, — в полной тишине воззвал Глас, — не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?[65]

Адам взглянул на Лилит, потерянно застывшую на краю лощины и выделявшуюся на фоне неба. Затем он посмотрел на Еву, стоявшую рядом с ним, — грубое подобие когда-то желанной прелести — и с горечью произнес:

— Жена, которую Ты мне дал…

В его голосе чувствовалась укоризна, но он смешался, встретившись с Евой взглядом. Прежнее божественное великодушие было навсегда утрачено, но все же Адам пал не настолько, чтобы выдать Еве свои мысли. У него не хватило духу сказать: «Жена, которую Ты мне дал, погубила нас

---

[65] Notes: 65
Быт., 3: 11.

обоих — но у меня до нее была другая женщина, которая не причинила мне никакого вреда». Нет, он не мог так уязвить плоть от плоти своей, но, став человеком, он уже не просил для нее снисхождения. Адам закончил угрюмо:

— …она дала мне от дерева, и я ел[66].

— Ева! — грозно обратился Глас к женщине.

Наверное, Еве вспомнился другой голос, невозмутимо-любезный, подзывающий ее среди прохладной зелени Сада, — голос, нашептывавший тайны, которые она не решилась поведать Адаму. Если бы только его обладатель сейчас был рядом — но он исчез, и Ева, задохнувшись от возмущения, сердито выпалила:

— Змей обольстил меня, и я ела[67].

В Саду на миг воцарилось молчание. Затем Глас горестно произнес:

— Люцифер…

Но печалился Он не о тягостном уделе человека и женщины.

— Люцифер, недруг мой, покажись из-под Древа. — Вынося приговор, Глас был исполнен божественного сострадания. — Будешь ходить

---

[66] Notes: 66
Быт., 3: 12.

[67] Notes: 67
Быт., 3: 13.

на чреве твоем, и будешь есть прах во все дни жизни твоей[68].

Из древесной тени выползла и заструилась средь травы блестящая лента. Пришел час и змею расстаться с красотой — с пламенным великолепием проникшего в его облик Люцифера. Но неземная гибкость у него осталась, как и сияющие переливы при движении. Клинообразная голова повернулась в сторону Евы, и язычок в пасти затрепетал. Потом змей исчез в траве, заволновавшейся ему вслед. Ева подавила рыдания, вспомнив сумеречный час в зелени Сада, о котором Адам даже не догадывался, и проводила змея долгим взглядом.

— Адам и Ева, — мирно продолжил Глас, — рай теперь не ваш.

Он говорил бесстрастно и скорбно, а Сад молча внимал Ему.

— Я создал вашу плоть слишком слабой, потому что ваша божественность столь велика, что ей нельзя доверять. Вы не виноваты в том — лишь Я один. Но Адам… и Ева… Что за могущество Я вложил в вас, если даже стихии огня и тьмы сродни вам? Что за изъян мешает вам — единственным

---

[68] Notes: 68
Быт., 3: 14.

в мире человеческим тварям — доверять друг другу?

Адам горестно посмотрел на Лилит, недвижно стоящую вверху, у края лощины, облеченную безупречной красотой, которую он сам задумал для нее, но отныне для него недосягаемую. Ева все еще следила за движением змея в траве, и ее глаза туманились от первых в Эдеме слез. Оба промолчали.

— Вы пока недостойны прикасаться к Древу жизни, вкушать его плоды и жить вечно, — обратился к ним Глас. — Мужчина и женщина, вы еще не заслужили совершенного знания или бессмертия. И доверия вы тоже не заслужили. Поскольку виной всему Лилит, пробравшаяся в Эдем, чтобы вас одурачить, Я удаляю вас от искушения. Вы должны работать в поте лица своего, чтобы вымолить прощение, — но за пределами рая. Адам, Я усомнился в твоей близости к земле, из которой ты взят, поэтому проклята земля за тебя[69]. Вы с ней отныне порознь. Одно могу обещать… в нее ты в конце концов возвратишься.

Глас смолк, и в вышине вспыхнул огненный меч, поставленный у райских врат. Среди без-

---

[69] Notes: 69
Быт., 3: 17.

молвия раздался чистый и звонкий смех Лилит, стоявшей у спуска в лощину.

— Порази и меня, — безжизненно произнесла она. — Мне нет смысла дальше существовать в мире без Адама. Убей меня, Иегова!

— Ты и так наказана, — ровно ответствовал Глас, — плодами деяний своих.

— Жестоко наказана, — отчаянно взмолилась Лилит. — Так положи этому конец, Иегова!

— Конец придет, — спокойно сказал Господь, — но для всего мира людей. Вы четверо нарушили божественный замысел, и пока не создадите собственный, ваши муки не прекратятся. Вы построите новое здание, взяв четыре элемента от каждого бытия: Адам — это Земля, Люцифер — Огонь, Лилит — Воздух и Тьма, а Ева, мать всех живущих, — изобильный Океан, откуда происходит все живое. Земля, Воздух, Огонь и Вода — вы осмелились оспорить Мой замысел. Что ж, действуйте!

— Где же нам обитать, Господи? — робко спросил Адам.

— На земле и в воде, — ответствовал Глас. — Тебе отдаю земные владения, где поселятся жена твоя и дети твои.

— Но прежде женой Адама была я, — ревниво

напомнила Лилит. — Что будет со мной… и моим потомством?

Глас ненадолго смолк, но потом спокойно ответил:

— Выбирай сама, повелительница воздуха и тьмы.

— Пусть наши с Адамом дети преследуют ее детей до смертного часа, — немедленно решила Лилит. — Мое потомство лишено наследства — пусть отомстит за себя! Ева и ее отпрыски будут шарахаться от моего семейства, стенающего в ночи, и знать, что заслужили его злобу. Пусть мои дети служат напоминанием, что Адам вначале принадлежал мне!

— Да будет так, — произнес Глас.

На мгновение в Эдеме все смолкло, только тени будущих эпох непостижимо проносились перед Господним оком. Лилит разглядела их вспышки сквозь сияние, озарившее Эдем. Оно осветило весь Сад до последней травинки так, что стало больно глазам. Лилит увидела человека, питающего к месту своего рождения такую глубокую привязанность, словно он появился на свет из этой земли. Смутно он еще помнил времена, когда вся земная поверхность была для него то же, что и собственное тело. Она увидела человека,

преданного единственной женщине, словно та была его собственной плотью, но не забывающего недосягаемую и прекрасную Лилит, утраченную вместе с Эдемом. Она поглядела вниз, в лощину, и встретилась взглядом с Адамом. Они безмолвно распрощались.

В этот момент никто не смотрел на Еву. Она смахивала слезы, вспоминая заветный час и ослепительную красоту, повергнутую в прах по Божьему соизволению. И вдруг… что-то едва слышно прошелестело в воздухе, и приятный голос отчетливо прошептал ей на ухо:

— Ева…

Она оглянулась — никого.

— Ева, — повторил тот же голос, — отомсти и за меня — отомсти человеку. Слышишь, милая? Назови первого сына Каином. Ева, ты ведь сделаешь, как я прошу? Пусть этот Каин станет орудием моего мщения и ввергнет Адамовых потомков в братоубийство. Запомни же, Ева…

Ева послушно прошептала:

— Ка-ин, Ка-ин…

Даэмон

Слова даются мне с трудом, падре. Уже давно мне не приходилось говорить по-португальски — больше года. Мои здешние собеседники не привыкли к людским наречиям. К тому же, падре, знайте, что в Рио, где я родился, меня прозвали Луис О'Бобо, что значит Луис Простодушный. С головой у меня было что-то не в порядке, поэтому руки мне все время мешали, а ноги то и дело заплетались. Память у меня была никудышная, зато я многое видел. Да, падре, я видел то, о чем другие люди и не догадываются.

Я и сейчас вижу. Знаете ли вы, падре, кто стоит рядом с вами и слушает меня? Впрочем, не важно. Я ведь по-прежнему Луис О'Бобо, хотя этот остров издавна славится исцеляющими свойствами. Теперь-то я помню, что случилось со мной несколько лет назад. Помню даже лучше, чем то, что было на прошлой или позапрошлой неделе. Год пролетел как один день, потому что время на этом острове течет по-иному. Стоит человеку поселиться с ними, как время исчезает. Я говорю о *нинфа* и им подобных.

Я не лгу. К чему мне это? Я ведь умираю — скоро

умру, и в этом вы были правы, падре. Но я и так знал. Давно знал. У вас красивое распятие, падре. Вон как сияет на солнце. Увы, не для меня. Верите ли, я всегда знал про людей, что кого ожидает. А про себя нет. Может, потому, что у них есть душа, а у меня нет, оттого я и простодушный. А может, дело в одаренности, которая дается только умным. Или то и другое вместе, не знаю. Знаю только, что умираю. *Нинфа* уйдут, и тогда жить станет незачем.

Вы спрашивали, как я попал сюда, и я расскажу, если хватит времени. Вы не поверите. Пожалуй, это единственное место на всей земле, где до сих пор встречается такое, во что вы не верите.

Но прежде, чем я расскажу о них, я должен обратиться к прошлому, когда был еще юнцом и жил на берегу синей бухты Рио, у подножия Сахарной Головы[70]. Помню доки в Рио и мальчишек, дразнивших меня. С виду я был большой и сильный, но умом все равно О'Бобо, не отличающий «вчера» от «завтра».

Minha avy, моя бабушка, была добра ко мне. Она

---

[70] Notes: 70

Сахарная Голова (Pão de Açúcar) — гора в Рио-де-Жанейро, у входа в залив, на берегах которого стоит город.

была родом из Сеары[71] — области неумолимых ежегодных засух — и, полуслепая, страдала от вечных болей в спине. Она работала, чтобы нас прокормить, и не слишком журила меня. Я знаю, она была доброй. Это-то я понимал, на это у меня хватало способностей.

Однажды утром бабушка не проснулась. Я дотронулся до ее руки — она была холодная. Я не испугался, потому что добро не сразу ушло от нее. Я прикрыл ей глаза, поцеловал ее и ушел. Мне хотелось есть, а поскольку я был О'Бобо, то надеялся, что кто-нибудь накормит меня по доброте душевной.

Кончил я тем, что стал рыться в мусорных кучах. Нет, я не голодал, но был предоставлен самому себе. Вам приходилось испытывать подобное, падре? Похоже на резкий ветер с гор, от которого не спасает никакая овчина. Однажды я забрел в портовый кабачок и запомнил, как сверкали глаза у темных теней, во множестве сновавших среди пьянствовавших там матросов. У моряков были красные обветренные лица и просмоленные ладони. Они поили меня до тех пор, пока все не завертелось у меня перед глазами

---

[71] Notes: 71
Сеара — штат на северо-востоке Бразилии.

и не провалилось во мрак.

Я проснулся на грязной койке. Доски пола скрипели, а сам он качался подо мной. Да, падре, меня увезли обманом. Я пробрался на палубу, где чуть не ослеп от яркого солнечного света, и встретил там человека необычного и сияющего даэмона. Человек тот был капитаном судна, хотя тогда я этого еще не знал. Я его едва видел. Я смотрел на его даэмона.

Почти за каждым человеком следует даэмон, падре. Наверное, вы сами знаете. Какие-то из них темные, вроде тех, что я видел в таверне. А некоторые — сияющие, как у моей бабушки. Бывают цветные, такого бледного оттенка, словно пепел или радуга. А у того человека даэмон был ярко-алый. Настолько яркий, что по сравнению с ним кровь покажется золой. Этот цвет ослепил меня. Но в то же время он и притягивал. Я и взора не мог отвести, и долго смотреть на него не мог: болели глаза. Никогда прежде я не видел цвета столь прекрасного, но и столь пугающего. Сердце у меня в груди сжалось и затряслось, словно собачонка при виде хлыста. Если у меня все же есть душа, наверное, это она и трепетала. Я испугался красоты этого цвета ничуть не меньше, чем ужаса, который он пробудил во мне. Негоже видеть

красоту в том, что злонамеренно.

У других людей на палубе тоже были свои даэмоны. Помимо видимых теней за ними следовали и невидимые — у кого светлее, у кого темнее. Но я заметил, что все они шарахаются от того прекрасного алого существа, что нависало над капитаном судна. У других даэмонов глаза светились, а у алого даэмона очей не было. Его прекрасное слепое лицо было все время обращено к капитану, словно он не мог смотреть иначе, как его глазами. Я видел очертания его закрытых век. И мой страх перед его красотой и порочностью не шел ни в какое сравнение с ужасом от того, что красный даэмон вот-вот приподнимет веки и взглянет на мир.

Капитана звали Иона Страйкер. Это был жестокий человек, от которого следовало держаться подальше. Матросы его ненавидели. Выходя в море, они оказывались в его власти не меньше, чем он сам во власти собственного даэмона. Вот почему я не испытывал к нему той же ненависти, что и другие. Я даже по-своему жалел Иону Страйкера. Вы разбираетесь в людях лучше, чем я, поэтому поймете, что из-за этой жалости капитан ополчился на меня даже больше, чем команда — против него самого.

Однажды утром я вышел на палубу и из-за того, что был ослеплен солнцем и сиянием алого даэмона, а также потому, что был сбит с толку и растерян, нарушил корабельный устав. Не знаю, какое именно правило — их было так много, а память в те дни часто подводила меня. Может быть, приблизившись к капитану, я загородил ему ветер. Наверное, так не делается на клиперах, падре? Мне так и не удалось узнать.

Капитан закричал на меня на языке янки — злые слова, значение которых было мне неясно, а его даэмон запунцовел еще ярче, пока Страйкер обращался ко мне. Потом он ударил меня кулаком, и я упал. Слепое алое лицо, реющее над капитаном, преисполнилось тайного наслаждения, вослед гневу Страйкера. Мне подумалось, что закрытые глаза даэмона смотрят на меня посредством капитанского зрения.

Я зарыдал. Тогда-то я впервые понял, что человек вроде меня воистину одинок. У меня ведь нет даэмона. Не просто тоска по бабушке или любому дружескому участию нагнала слезы — ее я еще мог бы пережить, но только не блаженство на слепом лице даэмона. Он радовался дурному поступку капитана, и я тут же вспомнил, как радуются и переливаются порой яркие даэмоны,

сопутствующие добрым натурам. Однако ни один из моих поступков не вызовет ни радости, ни огорчения у того, что движет человеком, обладающим душой.

Я лег на залитую солнцем, нагретую палубу и плакал — не из-за взбучки, а потому, что неожиданно понял, насколько я одинок. Нет такого даэмона, который толкал бы меня на добро или зло. Наверное, потому, что и души у меня нет. Даже вам, святой отец, не под силу постичь, что значит подобное одиночество.

Капитан схватил меня за руку и грубо поставил на ноги. Я все еще не понимал, что он говорит мне на языке янки, хотя потом я навострился схватывать смысл разговоров, которые вели матросы. Наверное, вы удивляетесь, как это О'Бобо мог выучить чужестранный язык. А это нетрудно. Пожалуй, даже проще, чем разумному человеку. Многое я читал по лицам даэмонов и, хотя большинство слов звучали для меня по-прежнему непривычно, догадывался об их значении по обрывкам мыслей в головах людей.

Капитан окриком подозвал Бартона, и старший помощник в страхе кинулся к нему. Одновременно Страйкер оттолкнул меня к лееру, так что я едва удержался на ногах, видя и его, и палубу, и

даэмонов сквозь радужную пелену слез, застилавших мне глаза.

Завязалась перебранка — судя по их жестам, относительно меня и еще двух мужчин, вывезенных из порта Рио. Старший помощник, указывая на меня, лупил себя по голове, капитан клял его на чужеземном языке, а даэмон, стоящий у него за плечом, сладко улыбался.

Наверное, в тот раз Страйкер впервые заметил жалость на моем лице, когда встретился со мной взглядом. Этого он, конечно, не мог стерпеть — выдернул из поручня кофель-нагель[72] и засветил мне по лицу так, что зубы во рту раскрошились. Но кровь, что я сплюнул на палубу, была бесцветнее воды по сравнению с багрянцем капитанского даэмона. Там были и другие даэмоны, наблюдавшие, как льется у меня кровь, но только алый слегка склонился, вдыхая, вбирая ее в себя, словно благовоние. Капитан снова ударил меня — за то, что я изгадил палубу. Первым моим поручением на борту «Танцующей Марты» было отскрести собственную кровь с опалубки.

Затем меня препроводили на камбуз и толкну-

[72] Notes: 72

Кофель-нагель — деревянный или металлический стержень с рукоятью на верхнем конце, вставляемый в гнездо кофель-планки для завертывания на него бегущего такелажа (подвижных судовых снастей).

ли в узкий проход, прямо под ноги коку. Я обжег ладони о плиту. Капитан осклабился, видя, как я отпрянул. Нестерпимо было слышать этот смех снова и снова, много раз за день, и не находить в нем подлинного веселья. Зато был доволен даэмон капитана.

Боль от побоев и ожогов надолго сделалась моей постоянной спутницей, чему я был даже рад: она отвлекала меня от мыслей о собственном одиночестве, внезапно постигнутом мною. Это было нелегкое время, падре. Худшее в моей жизни. Позже, когда я уже избавился от одиночества, я оглядывался на те дни, подобно душе в раю, порой вспоминающей чистилище.

И все-таки я по-прежнему одинок. Никто не идет за мной следом, как за всеми прочими людьми. Здесь, на острове, я столкнулся с *нинфа* и удовольствовался их обществом.

Я обнаружил их благодаря Шонесси. Теперь я понимаю его лучше, чем в те дни, потому что он был мудрецом, а я до сих пор всего лишь О'Бобо. Но мне кажется, что кое-какие его мысли сейчас мне доступны, ведь и я, в свою очередь, знаю, что вот-вот умру.

Шонесси долго носил в себе смерть. Как долго, мне неведомо. Она вошла в него не за одну

неделю или даже месяц и поселилась в легких и сердце, подобно ребенку во чреве матери, ожидающему срока своего рождения. Шонесси был пассажиром на судне. Он был богат, поэтому мог потратить оставшееся время своей жизни, как ему вздумается. К тому же он принадлежал к прославленному семейству в чужедальней стране, именуемой Ирландией. У капитана были свои причины, чтобы недолюбливать Шонесси. Страйкер насмехался над его недомоганием и побаивался его болезни. Возможно, он в чем-то и завидовал ему, потому что род того считался королевским, отчего Шонесси презрительно относился к смерти. А капитан, несомненно, страшился ее. Она ужасала его, и недаром. Хотя Страйкер понятия не имел, что над его плечом нависает невидимый даэмон с елейной улыбкой, внутреннее чутье, видимо, предупреждало его о близящемся сроке, неотвратимом, словно смерть в легких Шонесси. Я видел, как умер капитан. Не зря он боялся часа, предсказанного его даэмоном.

Жизнь на корабле была несладкой. Хуже всего то, что нас окружала несказанная красота. Раньше мне не приходилось бывать в море, поэтому мне в диковинку были и бег судна по волнам, и взметнувшиеся ввысь облака тугих парусов, и

сам морской простор, изборожденный цветными течениями и слепящий солнечными бликами, дорожкой протянувшимися по воде. Белые чайки неустанно кружили над палубой, поджимая желтые лапки, а дельфины, не отстающие от корабля, совершали у борта дугообразные прыжки, роняя капли, сверкающие подобно алмазам.

Я трудился не покладая рук, получая в награду лишь избавление от побоев, если справлялся с поручением, и объедки со стола после того, как кок хорошенько насытится. Кок был подобрее капитана, но все же дурным человеком. Ему было плевать на все, и даэмон у него был мутный, вечно сонный, равнодушный и к коку, и ко всему миру.

Шонесси вернул мне желание жить. Если бы не он, я мог бы предаться отчаянию и однажды ночью, пока никто не смотрит, кинулся бы во вздымавшиеся вокруг волны. Для меня, человека без души, это вовсе не грех, как для всех остальных.

Но я удержался из-за Шонесси. Даэмон у него был изумительный — на свету перламутровый, а в сумерках мерцающий более темными оттенками. Возможно, Шенесси прожил не слишком праведную жизнь, я ничего об этом не знаю. Может

быть, дыхание смерти заставило его прозреть. Скажу только, что ко мне он был необыкновенно добр. Даэмон его светлел вместе с нараставшей в Шонесси слабостью и приближением смерти.

Он много рассказывал. Мне никогда не доводилось бывать в далекой стране Ирландии, но в своих грезах я часто бродил там, следуя за его повествованием. Познакомился я и с ранее неведомыми мне греческими островами, которые Шонесси успел полюбить, пока жил в тех краях.

Он предупредил меня, что его рассказы — вымысел, но, думаю, он и сам им отчасти верил, настолько красочными были его описания. Великий Одиссей был для меня живым человеком из плоти и крови, с сияющим даэмоном у плеча, и я будто сам помнил волшебное путешествие, длившееся долгие годы, словно был одним из матросов его судна.

Он поведал мне об ослепительной Сафо, и я понял, почему поэт так ее назвал, и Шонесси, наверное, тоже, хотя и не признался в этом. Я представил, сколь сияющим было существо, следовавшее за ней по светлым дорогам Лесбоса и склонявшееся к ее плечу, пока она пела.

Он говорил о нереидах и океанидах, и однажды мне показалось, будто вдали, среди солнечной

морской глади, слепящей глаза, высунулась из воды огромная голова, и я услышал звук рога, которым мокрый Тритон сзывал девушек с рыбьими хвостами.

«Танцующая Марта» бросила якорь у берегов Ямайки, чтобы взять груз сахара и рома. Затем мы направились к стране, именуемой Англией, стремительно бороздя голубой океан. Но нам не везло. Все на корабле шло наперекосяк. Бочонки для воды не были вычищены как следует, и наше питье протухло. Личинки из соленой свинины еще можно кое-как выбрать, но негодную воду пить не будешь. Поэтому капитан распорядился взять курс на островок, находившийся где-то в этих широтах, — слишком крошечный, чтобы там мог кто-нибудь жить. Это был просто утес, поднимающийся из неведомых морских глубин, а на нем, в окружении поросших лесом скал, возносилась высоко вверх струя живительного источника.

Я заметил утес на рассвете и сначала принял его за зеленоватое облако на горизонте. Когда мы приблизились, он стал похож на зеленый драгоценный камень, покоящийся на синеве волн. Сердце едва не выпрыгнуло у меня из груди и стало легче воздуха, засияв всеми цветами

радуги. Мне на миг показалось, что этот островок похож на те, что находятся в бухте Рио, будто я вернулся домой и на берегу меня ждет бабушка. Я многое тогда забывал. Не помнил, что она уже умерла. Я был уверен, что сейчас мы обогнем утес и с другой стороны откроется праздничная бухта у подножия Руа д'Опорто, с прекрасным городом на холмах, подступающих к морю.

Я был так в этом уверен, что побежал обрадовать Шонесси о прибытии домой. А поскольку очень спешил и не видел перед глазами ничего, кроме Рио, то налетел на капитана, стоявшего на палубе. Он покачнулся и схватил меня за руку, чтобы сохранить равновесие, и на миг мы оказались совсем близко друг к другу, так что алый даэмон распростерся и у меня над головой, обратив ко мне свое безглазое лицо.

Я засмотрелся на его прекрасный улыбчивый лик, которого, казалось, можно было коснуться рукой и все же более недосягаемый, чем самая далекая из звезд. Я взглянул на него и вскрикнул от ужаса. Никогда раньше мне не приходилось настолько приближаться к даэмону — я чувствовал его дыхание на своем лице, сладкое, леденящее кожу жгучим холодом.

Страйкер побелел от гнева и… от зависти? Воз-

можно, он и вправду завидовал мне — О'Бобо, потому что человеку с даэмоном, подобным капитанскому, вполне пристало завидовать кому бы то ни было, пусть даже напрочь лишенному даэмона. Он яростно ненавидел меня, потому что знал о моем сочувствии к нему, а сочувствие такого, как О'Бобо, наверное, очень унизительно. К тому же он видел, что я всегда отвожу глаза, не перенося ослепительного цвета его даэмона. Скорее всего, он не догадывался, почему я моргаю и прячу взгляд, внутренне содрогаясь всякий раз, когда сталкиваюсь с ним. Зато он догадывался, что причиной такого избегания был не злобный страх, как у других матросов. Думаю, он чувствовал, что проклят и именно поэтому я не могу удержать на нем взгляд. Страйкер поневоле ненавидел и боялся презреннейшего члена команды и в то же время завидовал ему.

Капитан окинул меня взглядом, и лицо его мертвенно побледнело, а даэмон над ним заалел еще живее и ярче. Дрожащей рукой Страйкер потянулся за кофель-нагелем. Его глазами глядел на меня не человек, а даэмон, трепещущий от удовольствия точно так же, как я трепетал от страха.

Штырь опустился мне на голову, и я почув-

ствовал, как хрустнул под ударом череп. Перед глазами мелькнула ослепительная вспышка, тут же заполнив всю голову. Больше ничего о том злодеянии я не помню. Меня вдруг окутала тьма, сквозь которую я различал только яркие молнии капитанских ударов. Даэмон его смеялся.

Когда я пришел в себя, то понял, что лежу на палубе, а рядом на коленях расположился Шонесси, обмывающий мне лицо какой-то жгучей жидкостью. Даэмон, переливающийся перламутром, участливо смотрел на меня из-за его плеча. Но я не ответил на этот взгляд. Мое одиночество жалило сильнее, чем ссадины от побоев, потому что у меня не было своего даэмона, который склонился бы над моими болячками, и не будет никогда.

Шонесси заговорил со мной на мягком, убаюкивающем лиссабонском наречии, к которому я никак не мог привыкнуть.

«Не двигайся, Луис, — шептал он, — не плачь. Я позабочусь, чтобы он больше не прикасался к тебе».

А я и не знал, что рыдаю. Но я плакал не от боли, а от печали на лице его даэмона и от одиночества.

«Когда он вернется с острова, — продолжил Шонесси, — я поговорю с ним начистоту».

Он говорил и говорил, но я не слушал. Я боролся с мыслью, нет, многими мыслями, продиравшимися сквозь сонный туман, в который был вечно погружен мой разум. Шонесси хотел мне добра, но капитан был хозяином судна. К тому же мне по-прежнему казалось, что мы стоим в порту Рио и бабушка ждет меня на берегу.

Я сел. За леерами сверкал зеленью высокий утес, солнечные блики плясали на воде и на листве, скрывавшей его склоны. И я понял, что надо делать. Шонесси ушел за водой, а я тем временем поднялся на ноги. Голова у меня раскалывалась, все тело ныло от капитанских ударов, а палуба ходила ходуном, хотя больших волн на море не было. Я подошел к поручню, без усилий перевалился через него и тихо погрузился в пучину. После этого я помню только вспышки, жгуче-соленую воду, вздымающиеся и опадающие волны, жар в легких, с которым не могла соперничать даже боль от попавшей в них жидкости. Затем я ощутил под коленями песок и выполз на узкую прибрежную полосу, а потом, думается мне, заснул в тени пальм.

Мне приснилось, что уже стемнело, над головой сияют звезды — такие близкие, что рукой подать, и такие яркие, что больно глазам. Мне

снилось, что какие-то люди за пальмами зовут меня, а я все молчу. Мне слышались звуки ссоры, громкий и недовольный капитанский голос против решительного и высокого тона Шонесси. Затем скрипели уключины, и весла с плеском погружались в воду, а потом наконец все это отступило перед теплом и темнотой.

Я поднял руку, чтобы потрогать созвездие, висевшее у меня над головой, — оно казалось светлым и трепетало под пальцами. Это было лицо Шонесси.

Я прошептал: «О сеньор!» — потому что помнил, что капитан где-то поблизости. Шонесси, озаренный светом звезд, улыбнулся: «Можешь не шептать, Луис. Мы теперь одни».

На острове мне было хорошо. Шонесси обходился со мной по-дружески, дни текли долго и безмятежно, и сам остров благоволил к нам. Это всегда чувствуется. В те дни я было решил, что уже никогда не увижу ни Страйкера, ни его нестерпимо-алого даэмона, источающего за плечом капитана слепую затаенную улыбку. Капитан оставил нас на погибель на этом острове, и одного из нас она все же настигла.

Шонесси уверял, что другой бы непременно скончался от ударов, которые пришлись на мою

долю. Но видимо, мой разум так незатейлив, что его легко залатать; к тому же через пролом в черепе в мою голову могло проникнуть еще немного ума. Или может быть, тут заслуга счастливого стечения обстоятельств, обилия пищи и сказок Шонесси о том, во что вы не верите, святой отец.

Шонесси слабел по мере того, как я набирался сил. Целые дни он проводил в тени раскидистого дерева на берегу, и вместе с покидающими его силами даэмон его все светлел и отдалялся, словно уже готов был переступить черту иного мира.

Когда я окончательно поправился, Шонесси показал мне, как устроить пальмовую хижину для защиты от ливней.

«Здесь бывают тайфуны, Луис, — сказал он. — Эта баррака не устоит перед непогодой. Запомнишь ли ты, как построить такую же?»

«Sim, — ответил я, — запомню. Вы мне покажете».

«Нет, Луис, меня здесь не будет. Ты должен будешь сам все сделать».

Он снова и снова повторял свои объяснения с неизменным терпением: как искать моллюсков на отмелях во время отлива, как ловить рыбу в ручье, какие плоды можно есть, а какие — ни в коем случае. Мне это давалось с трудом: сто-

ило перенапрячь память, как начинала болеть голова.

Я бродил по острову, потом возвращался и рассказывал, что мне удалось обнаружить. Вначале я не сомневался, что стоит взобраться на холмы, как с вершин мне откроются склоны Рио, сияющие по ту сторону пролива. Сердце мое замерло, когда я впервые оказался наверху: впереди расстилался все тот же бескрайний океан, вздымающий валы между мной и горизонтом. Впрочем, вскоре я опять все позабыл, и Рио вместе с остальным прошлым померк в моей памяти.

Я отыскал чашевидное озерцо с вкусной прозрачной водой, заполнившее пустоту меж утесов, со дна которого, пузырясь, бил ключ. Оттуда, с высоких скал, в древесной тени бежал ручеек, прыгая по уступам, выдолбив в каждом небольшой водоем. Я набрел на рощи, где бледные пряди листвы, напоминавшие распущенные волосы, шелестели, вторя шуму водопада. Людей я не обнаружил, хотя не мог отделаться от ощущения, что за мной наблюдают сквозь лиственную завесу, а иногда за моей спиной будто кто-то смеялся, но тотчас смолкал, стоило мне обернуться. Я рассказал об этом Шонесси, и тот улыбнулся.

«Я перестарался со сказками, — сказал он. —

Впрочем, если кому-то и дано их увидеть, то как раз тебе, Луис».

«Sim, сеньор, — подхватил я. — Расскажите мне еще о лесных женщинах. Вы думаете, сеньор, это они?»

Он пропустил меж пальцев струйку песка, глядя на нее так, будто в самом падении песчинок заключался некий недоступный мне смысл.

«Ах да, — ответил Шонесси, — может, и они. Им больше по душе оливковые рощи Греции и древесные великаны на Олимпе. Но у каждой горы своя ореада. И здесь, наверное, они есть. Маленький народец давно уже бежал из Ирландии, и, насколько мне известно, ореады тоже чураются цивилизации. Места, подобные этому, заменили им дом. Одна из них когда-то давно обернулась источником. Я видел его в Греции и пил из него. Наверное, его воды были волшебными, потому что с тех пор я все время возвращался в Грецию. Я уезжал, но не мог надолго ее покинуть. — Он улыбнулся. — Может быть, поскольку сам я не могу добраться туда, ореады и навестили меня здесь».

Я внимательно всматривался в его лицо, пытаясь разгадать, шутит он или нет, но Шонесси только покачал головой и снова улыбнулся:

«Думаю, они навестили не меня — скорее тебя, Луис. Они уповают на веру. Если ты в них веришь, может, они тебе и покажутся. Кому, как не мне, знать такие вещи. Тебе впоследствии потребуется общество, дружок, — пусть это будут хотя бы они».

Он снова стал пересыпать песок в ладонях, и выражение его лица при этом было такое, что я озадачился.

Ночь на острове спускалась быстро. Там было очень красиво. Шонесси говорил, что острова исполнены особого очарования, потому что на них суша встречается с морем. Мы частенько лежали на берегу и глядели, как полыхают гребни волн, накатывающих на песок, а потом устало отползающих назад. Шонесси все рассказывал. Голос его заметно ослабел, и он уже не терзал меня повторением затверженных мною истин. Он повествовал о древнем волшебстве и в свои последние дни все чаще вспоминал о чудесах страны, именуемой Ирландией.

Он поведал мне о зеленых человечках, прячущих свои фонарики среди зарослей папоротника. Рассказал о единороге, обгоняющем в беге любую птицу, — волшебном олене с единственным рогом на лбу, длинным, словно древко копья, и

острее острого. Он говорил также о Пане с козлиными ногами, бегающем по лесам, приносящем веселье и сеющем после себя панику — вроде той, что навевает его имя и в нашем языке, и в языке Шонесси. Мы, бразильцы, называем ее panico.

Однажды вечером Шонесси обратился ко мне, воздев передо мной деревянный крест.

«Посмотри-ка, Луис, — сказал он, и я заметил, что на перекладинах ножом вырезаны какие-то значки. — Это мое имя, — пояснил Шонесси. — Если кто-нибудь приедет сюда искать меня, покажи им этот крест».

Я внимательно рассмотрел зарубки. Я понял, что он имел в виду, говоря об имени: это тоже своего рода волшебство, когда закорючки могут говорить, только голосок у них такой тихий, что ушами его не услышишь. Я — О'Бобо и читать не умею, потому что не понимаю, как это возможно.

«Когда-нибудь, — продолжил Шонесси, — думаю, кто-нибудь сюда доберется. Моя родня не поверит россказням капитана Страйкера, что бы он там ни выдумал. Или подвыпившие матросы могут проболтаться. На тот случай, если они отыщут этот остров, Луис, поставь этот крест над моей могилой, чтобы люди знали, кто там похоро-

нен. И не только поэтому, — задумчиво произнес он, — не только. Впрочем, не важно, meu amigo».

Он подсказал мне, где вырыть для него ложе. Он не велел класть в могилу листья или цветы — я сам додумался, когда через три дня пришел срок. Раз уж он того пожелал, я положил его в землю, хотя мне и не очень хотелось. Но мне было немного страшно ослушаться его распоряжений, потому что даэмон Шонесси все еще витал над ним — очень-очень яркий, настолько, что я не мог смотреть ему в лицо. Казалось, от него исходит музыка, но мне могло и почудиться.

Я осыпал цветами сначала Шонесси, а потом землю над ним. Не вся она поместилась обратно в яму, поэтому я устроил сверху вытянутый холмик — по росту Шонесси, а в головах, как он учил, воткнул подножие креста. Затем я попробовал приложить ухо к значкам на перекладине, надеясь услышать их беседу: мне казалось, что шепот зарубок, сделанных его руками и означающих его имя, ненадолго прогонит мое одиночество. Но все было тихо.

Затем я возвел глаза к его даэмону — тот сиял, словно полуденное солнце, и свет от него был нестерпимым. Я закрыл себе веки ладонями, а когда отнял их, даэмон уже исчез. Вы не поверите

моим словам, падре, но в тот самый момент что-то вокруг переменилось. Все листья на острове будто повернулись другой стороной, слаженно прошелестев некое слово — всего один раз, а потом все стихло. Мне кажется, я догадываюсь, что это было за слово, и могу потом поделиться с вами — если захотите.

Остров тоже вздохнул — похоже на человека, который долго задерживал дыхание, боясь боли, и облегченно выдохнул, когда боязнь прошла. Тогда я понятия не имел, что все это означает. Но мне захотелось вскарабкаться на скалы, к источнику, потому что он напоминал мне о Шонесси. Я полез вверх, пробираясь меж плакучих деревьев. Ветер свистел среди ветвей, а мне чудился смех. Я вроде бы даже заприметил одну *нинфа*, буро-зеленую на фоне зарослей, но она засмущалась. Когда я обернулся, бурое стало древесной корой, а зеленое — просто листвой.

Я подошел к источнику — из него пил единорог. Он был прекрасен, белее пены, а его грива спускалась по обеим сторонам могучей шеи, словно накипь на гребнях волн. Острие его длинного витого рога чуть касалось воды, пока он утолял жажду, и далеко по воде расходились круги. Учуяв меня, он вздернул голову: на его бархатистой

морде сверкали капли, похожие на бриллианты. Глаза у единорога были такими же зелеными, как и отражение листвы в ручье, а в их серединках горели золотые точки. Медленно, с плавной величавостью он повернулся и удалился в лес. Там, куда он ушел, раздавалось пение.

Я все еще оставался О'Бобо. Я попил на том же самом месте, где только что был единорог, и мне подумалось, что вода стала куда слаще. Затем я вернулся в барраку на берегу, потому что уже все забыл и рассчитывал найти там Шонесси.

Настала ночь, и я уснул. Рассвело, и я проснулся как ни в чем не бывало. Я выкупался в море. Потом собирал моллюсков и плоды, пил из ручейка, вытекающего из горного озерца. Но едва я наклонился к воде, из нее высунулись две белые руки, схватили меня за шею, и на губах я ощутил поцелуй чьих-то мокрых холодных губ. Меня приняли в братство. С тех пор островные *нинфа* больше не скрывали своих лиц.

Волосы и борода у меня понемногу отросли, а одежда изорвалась о кустарник и превратилась в лохмотья, которые вы видите на мне. Но я не обращал на это внимания. Это не имело для меня значения, ведь они видели не мою внешность, а мою простоту. Я был такой же, как *нинфа* и все

прочие.

Часто меня навещала ореада той горы, куда приходил пить единорог. Бессмертие сделало ее мудрой и загадочной. Внешние уголки ее раскосых глаз были обращены вверх, а волосы — зеленый лиственный поток — реяли сзади, поскольку ее всегда овевал ветерок, даже при полном затишье. В жаркий день она любила сидеть у водоема, запуская темные пальцы в гриву единорога, примостившегося рядом. Во время наших бесед они не сводили с меня глаз: она — мудрых и раскосых, цвета древесной тени, а он — круглых и зеленых, напоминавших отражения в озерце, с золотыми искорками внутри.

Ореада многое мне поведала. Большую часть я не могу пересказать вам, падре. Но Шонесси оказался прав: я верил в них, и они тянулись ко мне. Пока был жив Шонесси, они не могли являться воочию, им оставалось лишь наблюдать со стороны: они боялись. Но потом их страх прошел.

Уже много лет они лишены пристанища и бродят по свету в поисках уголка, где нет места недоверию, где они могли бы обосноваться. С любовью рассказывали они о греческих островах, тоскуя по их языкам, и сквозь их речь я будто снова слышал Шонесси.

Они говорили о Нем — о том, кого я еще не видел, вернее, заметил лишь украдкой. Это случилось, когда в сумерках я проходил мимо захоронения Шонесси: оказалось, что крест на его могиле рухнул. Я выпрямил его и снова приложил ухо к зарубкам, надеясь услышать их тихий шепот. Но это волшебство было мне по-прежнему недоступно.

Зато я увидел, как кто-то — Он — бродит неподалеку. Однако, пока я поднимал крест, Он неторопливо удалился, медленно скрывшись в сумраке леса, и оттуда вскоре донесся до меня высокий звук свирели.

Наверное, Ему не было до меня дела, тогда как все другие были мне рады. Они утверждали, что теперь редко встретишь человека, который чувствовал бы себя своим в их обществе. С того самого времени, когда началось их изгнание, со слезами говорили они мне, почти не осталось людей, кто близко знал бы их. Я расспрашивал об изгнании, и они сказали, что оно длится много-много лет. Большая звезда застыла в небе над яслями в городе, чье название я запамятовал, хотя когда-то знал. Помню только, что оно было красивым. Небеса разверзлись, в вышине разнеслась песнь, после чего греческие боги вынуждены бы-

ли спасаться бегством. С тех пор они и кочуют.

Они были рады, что я составил им компанию, а уж как я-то был рад: впервые после бабушкиной смерти я осознал, что не одинок. Даже Шонесси не смог так сблизиться со мной, как *нинфа*, — потому что у него был даэмон. *Нинфа* же бессмертны, но души у них нет. Именно поэтому, думается мне, они так обрадовались моему обществу. Мы, простодушные, рады всякому, кто похож на нас. Для нас единственное спасение от одиночества состоит в том, чтобы держаться вместе. *Нинфа* давно это поняли, на то они и вечные, и я делился с ними всем. Мне было очень жаль их, ведь их смертный час грозил вот-вот наступить.

Да, жить на острове было прекрасно. Дни и месяцы проходили в неге, исполненные цветистых оттенков и запахов моря. Ночь освещали звезды, яркие, словно эти факелы у нас над головой. И я уже не был прежним О'Бобо, потому что *нинфа* учили меня мудрости, которой я не слыхивал от людей. Это было счастливое время.

А потом на остров возвратился Иона Страйкер.

Вы прекрасно знаете, падре, почему он вернулся. Мудрый Шонесси верно предсказал, что его ирландская родня не успокоится, пока не выяснит все у капитана, а тому нечего было ответить.

Но Шонесси не смог предугадать, что Страйкер быстро вернется, пока родственники Шонесси не дознались правды, со злобным умыслом уничтожить на острове все следы пребывания тех двух, кого он обрек на гибель.

В тот день я сидел на берегу, слушая песни двух нереид, разлегшихся в полосе прибоя; морская вода окатывала их и отбегала назад по отлогой песчаной отмели. *Нинфа* выгибали прекрасные рыбьи тела, отливающие всеми цветами радуги, и напевали. Голоса их смешивались с шепотом волн, вторя музыке морских глубин.

Вдруг пение оборвалось, и я увидел, как на лицо одной, а потом и другой набежал ужас. Зеленая кровь их жил отхлынула, и обе нереиды уставились на меня, от страха белые, почти прозрачные, словно уже распростились с жизнью. Затем они дружно повернули головы, всматриваясь в морскую даль.

Я тоже вгляделся. Как мне помнится, первым, что я заметил, была полыхнувшая алым вспышка далеко впереди, над гребнями волн. И сердце у меня в груди затряслось, словно собачонка при виде хлыста. Я сразу узнал этот прекрасный и ужасный отсвет.

Следом я увидел «Танцующую Марту», вста-

ющую на якорь у гряды скал. Между берегом и судном показалась шлюпка, ныряющая с волны на волну; человек в ней сгибался и выпрямлялся и снова сгибался над веслами, лопасти которых то и дело вспыхивали на солнце. Над гребцом нависало алое облако, отсвечивающее устрашающим багрянцем.

Я обернулся — *нинфа* исчезли. Нырнули ли они в пучину или просто растворились, пропали с глаз — я так и не понял. Больше они мне не являлись.

Я отошел в заросли и стал наблюдать из-за деревьев. Дриады молчали, но я слышал рядом их прерывистое дыхание и трепет листвы. Я не мог смотреть на алого даэмона, скользящего ко мне по голубым волнам, но и не смотреть не мог, настолько он был прекрасен и опасен одновременно.

Капитан сидел в лодке один. Я уже почти перестал быть О'Бобо и понимал, почему он один. Страйкер вытащил лодку на песок и стал взбираться вверх по откосу, а даэмон его реял над ним багровой тенью. Я видел, что прекрасный, безмятежный слепой лик даэмона исполнен блаженства от намерений капитана. В руке Страйкера поблескивал пистолет с длинным

дулом. Капитан ступал осторожно, оглядываясь по сторонам. Он был явно чем-то озабочен, и рот его стал еще жестче с тех пор, как я видел его в последний раз.

Мне было жаль его, но в то же время я боялся. Я понял, что он намерен убить всякого, кто повстречается ему на острове, чтобы ни одна живая душа не смогла поведать семье Шонесси о злодеяниях капитана.

На берегу капитан наткнулся на мою барраку, крытую пальмовыми листьями, и разнес ее в клочья ударами жестких башмаков. Затем он набрел на холмик над могилой Шонесси, над которым возвышался крест, поставленный в головах. Страйкер склонился к перекладине, и значки на ней рассказали ему то, что не хотели поведать мне. Я ничего не уловил, а он все расслышал и понял. Тогда он ухватился за крест и выдернул его из могилы.

Затем капитан вернулся к развалинам барраки, где тлел костерок, который я обычно поддерживал. Страйкер сломал крест о колено и бросил обломки на горячие угли. Сухая древесина мигом вспыхнула и сгорела у меня на глазах. Я заметил также, что пламя вызвало легкий ветерок, а по листве окрест пронесся неприметный вздох. Те-

перь ничто не могло указать тем, кто пришел бы впоследствии на остров, что Шонесси покоится в здешней земле. Ничто и никто — кроме меня.

Страйкер заметил мои следы вокруг разрушенной барраки и нагнулся, желая получше их рассмотреть. Когда же капитан распрямился и внимательно обследовал взглядом побережье и заросли, я заметил в его глазах блеск. Не человек смотрел этими глазами, а его даэмон.

Капитан двинулся по моим следам к лесу, где я укрылся. Я сильно испугался, вскочил и побежал сквозь заросли, а вокруг всхлипывали дриады. Они отводили ветви с моей дороги, а потом снова распрямляли их, чтобы преградить преследователю путь. Я все бежал, карабкался на скалы, пока не оказался у озерца, облюбованного единорогом. Горная ореада уже ждала меня, положив руку на шею животному.

На острове поднялся ветер. Деревья шелестели, переговариваясь меж собой, а лиственная шевелюра ореады развевалась, открывая ее мудрое лицо с раскосыми глазами. Ветер трепал серебристую гриву единорога, рябил воду озерца.

«Беда пришла, Луис», — сказала мне ореада.

«Даэмон. Я знаю», — кивнул я и поморгал, потому что мне почудилось, будто они с единорогом,

как и морские *нинфа*, настолько побледнели, что просвечивают на фоне леса. Или, может, просто даэмон капитана обжег мне глаза?

«На остров пришел человек, обладающий душой, — продолжила она. — Он не верит в нас. Хотя, может быть, ему придется поверить, Луис».

«У Шонесси тоже был даэмон, — возразил я, — но вы жили здесь и до того, как его даэмон покинул его. Почему же сейчас вы хотите уйти?»

«Его даэмон был добрым. Но пока он был здесь, мы могли жить лишь наполовину. Ты же помнишь, Луис, что я говорила о часе, когда звезда застыла над яслями, в которых лежал младенец. Тогда силы покинули нас. Мы не можем оставаться там, где живут людские души. У пришельца душа очень недобрая, она пугает нас. Впрочем, теперь он сжег крест, и Хозяин еще может побороться…»

«Хозяин?» — удивился я.

«Тот, кому мы служим. Тот, кому и ты служишь, Луис. Пожалуй, и твой Шонесси служил Ему, хоть и не догадывался об этом. Он — Повелитель открытых глаз и дальних мест. Он не может явиться, пока существует Знамение. Однажды ты уже видел Его — когда Знамение случайно рухнуло на могиле, но ты, наверное, успел забыть».

«Я не забыл. Я уже не такой О'Бобо, как прежде».

Она улыбнулась мне, и сквозь ее приветливое лицо я увидел деревья позади нее.

«В таком случае ты в силах помочь Хозяину, когда наступит срок. Мы не можем этого сделать — мы слишком ослаблены присутствием не верящего в нас человека, сопровождаемого даэмоном. Видишь?»

Она дотронулась до моей руки, но вместо прикосновения ее мягких пальцев я ощутил только холодок, пробежавший по коже подобно сквозняку.

«Может быть, Хозяин одолеет его, — произнесла ореада едва слышно, будто издалека, хотя стояла совсем рядом, — не могу предсказать. Нам пора, Луис. Кто знает, встретимся ли мы теперь. Прощай, дорогой О'Бобо, — пока я еще в силах попрощаться...»

Последние ее слова смешались с шелестом листвы, и ореада с единорогом обратились в дымок, какой тянется от костра по лесной прогалине. Одиночество охватило меня еще сильнее, чем в тот час, когда я узрел даэмона капитана и понял истинную причину своей печали. Впрочем, горевать не было времени: среди листвы

позади меня пронесся испуганный шепот, а затем раздался треск сучьев под ногами, и меж деревьев мелькнул ужасный алый отсвет.

Я побежал. Я толком не знал, куда бегу. Я слышал, как вскрикивали вокруг дриады, — значит меня окружал лес. Наконец я снова оказался на берегу и увидел вытянутый могильный холмик Шонесси, уже без креста. Я резко остановился: страх обуял меня. Над могилой низко склонилось Нечто.

Ранее такой страх был мне неведом, — жестокий и смутный, он окутывал Хозяина, словно облако. Я знал, что он не желает мне зла, но ужас давил на меня, вызывая головокружение от паники. *Panico…*

Хозяин встал, нависая над могилой, дважды топнул ногой с козлиным копытом и поднес флейту к губам, прятавшимся в бороде. До меня донесся странный высокий рыдающий звук, от которого кровь стыла в жилах. Эта музыка вызвала явление, уже однажды замеченное мною на острове: все листья на деревьях повернулись обратной стороной, прошептав одно лишь слово. Это слово и было именем Хозяина. Я побежал оттуда прочь в панике — как и всякий, кто хоть раз слышал это имя.

Я добежал до края прибрежной полосы — дальше пути не было. Тогда я присел за выступом скалы, на мокром песке, и стал ждать, когда мой преследователь покажется из леса. Оттуда вышел капитан, сопровождаемый даэмоном, который реял над ним, подобно дымке. Страйкер держал пистолет наготове, а его глаза обшаривали берег, словно подкарауливая дичь на охоте.

Наконец он заметил Хозяина, стоявшего над могилой Шонесси. Я видел, как он разом застыл, оцепенел, словно обратился в камень, так что алый даэмон даже немного опередил его в полете. Капитан глядел во все глаза, и неверие его было столь сильным, что мне даже на миг почудилось, будто очертания Хозяина расплылись, как в тумане. Все же сила людей, обладающих душой, невероятна.

Я выпрямился, показавшись из-за скалы, и выкрикнул, стараясь перекрыть шум прибоя: «Хозяин, Великий Пан, я верю!» Он услышал меня, вздернул голову с рожками, и контуры его тела вновь обрели четкость. Хозяин опять поднес флейту к губам.

Капитан Страйкер резко обернулся, услышав мой крик. Он вскинул пистолетное дуло — мелькнула вспышка, и раздался грохот выстрела.

Что-то пронеслось мимо со зловещим визгом, но не задело меня.

Полились звуки музыки — ужасной, нестерпимо-пронзительной, похожей на беспричинный звон в ушах. Она неощутимо, но сильно захватила капитана и заставила его обернуться, и он снова застыл, оцепенев, не в силах отвести взгляд. Даэмон над его головой беспокойно извивался, похожий на змею.

И вдруг капитан Страйкер пустился наутек. Я видел, как мокрый песок летел из-под его подошв, пока он убегал вдоль берега. Следом за ним летел его даэмон — алая тень с закрытыми глазами, а позади них шел Пан, мелко переступая козлиными копытцами, не отрывая флейту от губ и сверкая на солнце золотыми рожками. И любому страху, что подкарауливает людей в ночи, было, по-моему, далеко до этого полуденного ужаса.

Я все таился за скалой. Море позади меня было пустынно, если не считать «Танцующей Марты», стоящей на якоре и ожидающей капитанских распоряжений. Ни одна из *нинфа* не показывалась из пены, чтобы составить мне компанию, ничья голова, увитая водорослями, не высовывалась из воды. И море, и остров — все было безлюдно, за исключением капитана с его духом и Дудочника,

поспевающего за ними по пятам. Себя я в расчет не беру — я же простодушный.

Уже почти стемнело, когда они вернулись. Наверное, Дудочник прогнал их по берегу вокруг острова, неторопливо переступая копытами, неспешно, но и неумолимо, наполняя уши капитана устрашающе назойливой музыкой. В сумерках мне удалось разглядеть лицо Страйкера — старческое, измученное, бледное, изрезанное глубокими морщинами. Глаза его были столь же безумны, сколь и глаза Пана. Одежда капитана изорвалась в клочья, пальцы кровоточили, но он так и не выпустил из рук пистолет, а алый даэмон по-прежнему реял над его головой.

Думаю, Страйкер даже не заметил, что вернулся на то же самое место. Наверное, к тому времени все вокруг слилось для него в одно. Он пошатываясь пошел в мою сторону, едва ли видя меня. Я выпрямился во весь рост. Тогда он заметил меня, поднял пистолет и пробормотал несколько слов на языке янки. Капитан Страйкер был по-настоящему выносливым человеком, если за время столь долгой гонки он все еще не забыл, что собирается меня убить. Я счел, что он вряд ли позаботился перезарядить оружие, поэтому я не двигался, глядя ему прямо в лицо.

Флейта Пана предостерегающе взвизгнула, но Хозяин не подошел ближе и не встал между нами. Багровый даэмон виднелся из-за капитанской спины, и я понял, почему Пан не поспешил мне на помощь. Те, кто потерял свою мощь после рождения Младенца, не в силах напрямую влиять на людей, обладающих душой. А души, даже такие злодейские, как у Страйкера, неколебимы перед владычеством Пана. Только звук флейты способен достигать людских ушей, но и его бывает достаточно.

Флейта не могла меня спасти. Я слышал, как без передышки хохочет капитан; затем раздался непонятный резкий звук, и из пистолетного дула сверкнула молния. Она вызвала гром, поразивший меня сильным ударом вот сюда, прямо в грудь. Я едва не упал, потому что не сразу заметил толчок, несмотря на всю его мощь. Мне еще многое предстояло сделать.

Капитан хохотал, а я сразу подумал о Шонесси. Я шагнул вперед и ухватился рукой за горячее пистолетное дуло. Я очень сильный, и я вырвал у Страйкера оружие, а он так и остался стоять с разинутым ртом, не веря собственным глазам. Капитан прерывисто и глубоко дышал, и я заметил, что и сам хватаю ртом воздух, хотя пока еще

не осознавал почему.

Страйкер встретился со мной взглядом и, думаю, понял, что я по-прежнему не испытываю к нему ненависти, а только жалость. Человек в его глазах куда-то пропал, и его место занял алый даэмон, исходящий яростью от того, что я осмелился сострадать капитану. Я еще раз взглянул на это прекрасное слепое лицо, на глаза, скрытые веками. Вот кого я по-настоящему ненавидел и в конечном счете поразил. Я поднял пистолет и разрядил его в лицо капитана.

В тот момент в моей голове уже произошло помутнение. Я рассчитывал убить даэмона, но именно капитан почему-то отступил на три шага и упал. Я очень силен — одного выстрела хватило с избытком. На мгновение на острове воцарилась мертвая тишина. Даже волны не шевелились. Капитан затрясся, потом испустил вздох, словно нехотя возвращаясь к жизни. Он упер ладони в землю и приподнялся на руках, разглядывая меня сквозь свисавшие на лоб волосы. Он рычал, словно дикий зверь. Не знаю, на что он рассчитывал. Думаю, стал бы биться со мной, пока лишь один из нас не остался бы в живых.

Но вдруг даэмон над ним заволновался. Впервые я видел его в движении, если не считать

реакций на поступки капитана. Всю жизнь даэмон сопровождал Страйкера — незрячий, бессловесный, тень, копирующая походку и жесты своего владельца. Но в этот раз она поступила по-своему.

Даэмон вознесся над головой капитана на небывалую, недосягаемую высоту, и цвет его стал неизмеримо ярче и насыщеннее. Он превратился в ослепительное существо, пылавшее так жарко, что стало больно глазам. Блаженство снизошло на прекрасное слепое лицо, засиявшее от восторга, — радость и порок смешивались в нем. Я понял, что пробил час этого даэмона.

Некая высшая мудрость подсказала мне закрыть глаза. Веки даэмона дрогнули, и я осознал, что мне не стоит смотреть в глаза тому, кто собирается в последний раз окинуть ужасным взглядом мир, который до сих пор ему довелось наблюдать лишь посредством капитанского зрения.

Я упал на колени и закрыл лицо. А капитан, вероятно, наконец понял, кого я всегда видел у него за плечами. Думаю, всякий человек узнает об этом в свой смертный час. Думаю, в свой последний миг он все понимает, оборачивается и впервые за всю жизнь встречается взглядом со

своим даэмоном.

Я не видел, что сделал капитан. Я вообще не смотрел. Зато я услышал долгий громкий крик, подобный музыке, оглашающей рай, — вопль, полный восторга, благодарности и радости в конце бесконечного изматывающего пути. В нем были и веселье, и красота, и все зло, которое только может охватить разум. Пламя полыхнуло у меня в щелях между пальцами, прожгло веки и проникло в мозг. Я не мог от него отгородиться. Мне даже не пришлось поднимать голову: сияющее видение достигло самых моих костей.

Я узрел, как даэмон опустился на своего обладателя. Капитан вскочил на ноги, воя будто дикий зверь — жестоко и бессмысленно. Он запрокинул голову и стал отбиваться от налетевшего на него ослепительно-алого существа. Но все его усилия были напрасны: пришел час его даэмона. Мне неведомо, когда наступает этот час, но даэмон знал, что делал, и остановить его было невозможно.

Я увидел, как огненный сгусток слетел на капитана подобно метеориту, прорвался сквозь преграду капитанских воздетых рук и проник сквозь плоть и кости в пустоты, населенные душой. Страйкер на миг застыл, как пригвожден-

ный, лишенный чувств, залитый алым сиянием. Я видел, как багрянец постепенно пронизывает его насквозь, так что на коже проступил силуэт скелета. И вдруг полыхнуло пламя, вырвавшись из глаз, рта и носа капитана. Все его тело служило теперь фонарем из плоти, наполненным огнем пылающей души. Только вот пламя выжигало фонарь изнутри…

Когда сияние стало слишком нестерпимым для моего зрения, я хотел отвернуться — но не смог. Боль в груди разрослась до предела. В тот момент я вспомнил Шонесси, который тоже знал, какой бывает боль в груди. Думаю, именно тогда я впервые осознал, что, как и Шонесси, скоро умру.

На моих глазах капитан сгорал в пламени собственного даэмона. Он горел не переставая, и его живые глаза смотрели на меня сквозь багряное великолепие, а мелодичный смех даэмона заглушал гудение пожара. Я же не мог ни смотреть, ни отвести взор.

Наконец пожар стал утихать. Раскатисто прогремел победный смех, и в глазах у меня вспыхнул ослепительный багрянец, с яркостью которого не могла сравниться даже кровь, а потом все заволокла тьма.

Когда ко мне вернулось зрение, капитан без-

жизненно лежал на песке. Я увидел его и узнал смерть. Он вовсе не обгорел. Он был, как и любой мертвец, неподвижен и безмолвен. Не тело его, а душа недавно сгорела у меня на глазах. Даэмон капитана вернулся туда, откуда пришел, — я узнал об этом по чувству одиночества, вновь охватившему меня.

Остальные тоже ушли. Явление огненного даэмона стало последней каплей, и они не смогли вынести его присутствия на острове. Может быть, недобрая душа была для них опасней, чем благочестивая, хотя они не различали добра и зла — просто опасались неизвестности.

Вы сами знаете, падре, чем все закончилось. На следующее утро матросы с «Танцующей Марты» забрали тело капитана. Остров страшил их. Они пытались установить причину гибели Страйкера, но не посмели углубляться в лес, где я прятался, пока они не ушли. Это я уже плохо помню: в груди у меня все горело, то и дело горлом шла кровь — вот как сейчас. Мне неприятно смотреть на нее. У крови красивый цвет, но я помню, что есть цвета куда красивее, куда краснее…

Потом появились вы, падре. Я не знаю, сколько времени спустя. Вы приплыли сюда вместе с родней Шонесси, разыскивающей его могилу.

Теперь вы все знаете. Я рад вам: хорошо побыть рядом с таким человеком в свой последний час. Если бы только у меня был свой даэмон, который после моей смерти вспыхнул бы и исчез без следа! Но О'Бобо не может на это рассчитывать, и я успел привыкнуть к одиночеству. Вы же видите, я не жилец теперь, когда здесь больше нет *нинфа*. Мне было хорошо с ними, мы спасали друг друга от одиночества, но я должен признаться, падре: это было весьма жалким утешением. Хоть я и О'Бобо, но все-таки человек, а они — *нинфа*. Они даже не догадываются о том, что я знаю наверняка, — сколько теплоты и счастья придает человеку душа. Но я не стал бы им об этом рассказывать. Мне было жаль *нинфа*, падре. Они ведь, как известно, бессмертны. Что до меня, я скоро забуду и об одиночестве, и вообще обо всем. И мне бы не хотелось превратиться в *нинфа* и жить бесконечно.

За спиной у вас даэмон, падре. Он ослепителен. Он смотрит на меня из-за вашего плеча. В глазах его и мудрость, и печаль. Нет, даэмон, не печалься обо мне — пожалей лучше *нинфа* и людей, подобных тому, кто сгорел на этом берегу. А меня не жалей — я получил свое. И теперь я могу уйти.